

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1878

[девятый годъ].

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ТОМЪ XXIII.

1878.

ЗИМНІЙ ДВОРЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ девятый.

СЕНТЯБРЬ.

1878 годъ

СОДЕРЖАНИЕ:

I.	Походження із истории життя ка- зака Іллі Мирнина, 1770— 1850 гг. Глави I—V. Собоц. Г. І. Мирнинъ	1	насторожкій судъ въ 1610 г. (119). 2. Москва въ 1687— 1688 гг., переводъ съ нѣмец- каго. Собоц. К. А. Висковато- въ (121). 3. Евангелие, пи- санное Царевной Софіей Алек- сѣвной. Замѣтка. Собоц. С. Миропольскій (130). 4. Им- ператрица Екатерина II: соб- ственноручными ея замѣтки, указы, повелѣнія (131). 5. Гр. Н. П. Румянцевъ (134). 6. На- родные толки о цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ въ 1836 г. Собоц. Г. К. Рѣпнин- скій (135). 7. Русские люди и дѣла въ 1845—1849 гг., выдержки изъ дневникій Вари- гагена фонъ-Энзе. Перев. и состоц. А. А. Чулковъ (142). 8. Замѣтка ин. В. И. Василь- чкова къ рассказу: «А. Н. Ка- раимъ» (155). 9. Тропарь соч. Митр. Филарета, 1866 г. 10. Волшебныя письма. Собоц. Г. К. Рѣпнинскій (157). 11. Роди- новы (157). 12. Замѣтки, по- правки, опечатки (159).
II.	Записки Ильи Степановича Мир- нина, 1789—1848 гг. Глава XXIV. Пріѣздъ на губернатор- ство въ Симбирскъ.—Передача каленныхъ крестьянъ въ удѣль. —Мѣстныя цартиги.—Крестьян- ская бунтъ за межъ.—Ревизо- ры губерніи	33	VII.
III.	Іоахимъ Лелезевъ, какъ критикъ «Історіи Государства Россій- скаго» соч. Каразина. Пере- писка съ Ф. В. Булгариномъ. Собоц. Т. А. Сосновскій. Примѣтія и послѣдователіе со- ставъ С. А. Пташицкія (Окончаніе).	75	Библиографический листочекъ исто- рическихъ книгъ. Собоц. профес. В. С. И—въ (на оберткѣ).
IV.	Очерки, рассказы и воспоминанія Э.....на. III. Бунтъ архіепи- скопа Ернеста въ Иркутскѣ въ 1832 г. и высылка его изъ Сибири.	99	
V.	Іванъ Константинофельдъ Аль- азовский и его сорока двухъ- лѣтняя художественная дѣя- тельность. Главы VI—X.	59	
VI.	Історические материалы, днев- ники, воспоминания, замѣтки: 1. Мо-		

ПРИЛОЖЕНИЯ. При этой книжѣ прилагается портрет оберъ-камергера князя Ивана Алексеевича Долгорукаго, казненнаго 26-го октября 1739 г., бывшаго Новгородца. Рисунокъ И. О. Брамы съ весьма рѣдкой гравюры, сообщенной П. А. Ефремовыиъ. Гравировалъ гравираторъ Парижскаго Академика Л. А. Струинскаго.

Продолжается подписка на „Русскую Старину“ 1878 г.
Цѣна 8 руб. съ пересылькою.

-Русская Старина- 1879 г. (третье изд.), 1879 г. (второе изд.) и 1877 г.— по 8 руб. съ перес.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛАШЕВА.

Екатеринскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ постами, № 90—1.

1878.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября.

Библиотека "Руниверс"

Труды III-го Археологического съезда въ Россіи, бывшаго въ Киевѣ въ августѣ 1874 года. Съ рисунками въ текстѣ и съ отдельными атласомъ, заключающимъ въ себѣ 25 таблицъ. Т. I, LXXXV+352; т. II, 330+361. Ц. 25 руб. сер.

Въ началѣ первого тома (I—LXXXV) помещены общія свѣдѣнія, касающіяся съезда, и протоколы послѣдняго; вторую половину его составляютъ рефераты, чи-сломъ 30. Второй томъ состоитъ изъ 28 рефератовъ, читанныхъ на съездѣ, и 17 рефератовъ, присланныхъ къ съезду, но не подвергавшихся обсужденію и потому помѣщенныхъ въ приложеніяхъ, занимающихъ, впрочемъ, около трети всего изданія.

Труды Киевскаго археол. съезда распадаются, по своему содержанию, на три категории: А) Сообщенія, имѣвшія цѣлью опредѣлить общее значеніе археологіи въ ряду другихъ наукъ, способы археологическихъ занятій и средства къ расширению археологическихъ изслѣдований въ Россіи. Сюда относятся слѣдующія статьи: въ чёмъ заключаются основные задачи археологии, какъ самостоятельной науки, И. Е. Забѣліна; что должна обнимать программа для преподаванія русской археологии, гр. А. С. Уварова; какія могутъ и должны быть устраиваемы при университетскомъ преподаваніи практическія занятія и упражненія, проф. А. Г. Брикнера; некоторые соображенія о лучшей организаціи дѣятельности археологическихъ комиссій, М. В. Юзefовича.

Б) Сообщенія, имѣющія мѣстный интересъ; сюда относятся рефераты: о св. Софії кievской, прот. Лебединцева; слѣды древнейшей эпохи каменного века по р. Суль и ея притокамъ, г. Каминского; о мѣстонахожденіи кремневыхъ орудій въ Дубенскомъ уѣздѣ Полтавской губ., проф. Феофилактова; матеріалы для археологіи Волыни, г. Рогге; о находкахъ каменного века въ Волынской губ., г. Оссовскаго; о курганахъ Черниговскаго уѣзда, г. Константиновича; сѣверянские курганы и ихъ значение для исторіи, г. Самоквасова; о трехъ городищахъ въ Козелецкомъ уѣздѣ, г. Мисевскаго; кievская архитектура X—XII вѣковъ, проф. Лашкарева; о значеніи некоторыхъ фресокъ кіево-соф. собора, проф. Павлова; о разныхъ названіяхъ

Киева въ прежнее время, проф. Бруна; объ уничтоженіи памятниковъ старины въ южной Россіи, г. Ленченка; древнійшее арабское свидѣтельство о Киевѣ, проф. Гаркави; гдѣ нужно искать рѣку, называемую Балкой, г. Ваденюка; о происхождении названія Лядскихъ воротъ въ Киевѣ, г. Юрченка; преданія и суевѣрія скандинавіи о кладахъ—къ вопросу объ археологической топографіи Гадячскаго уѣзда, г. Иващенко; Болоховская земля и ее значеніе въ русской исторіи, г. Дацкевича; о ново найденныхъ серебряныхъ монетахъ съ именемъ Владимира (Ольгердовича), проф. Автоновича; откуда привозился красный шиферъ, встрѣчающийся какъ въ древнихъ храмахъ, такъ и въ другихъ памятникахъ Киева, г. Оссовскаго; о Константинѣ Ив., князѣ Острожскомъ, г. Романовскаго; подложное письмо половца Сияры къ кievскому князю Владимиру, проф. Малышевскаго; отличительные черты южно-русской народной орнаментики, г. Волкова; кіево-кирилловская Троицкая церковь; въ какихъ мѣстахъ Киевской и смежныхъ губерніяхъ находимы были каменные орудія, г. Волошинскаго; роскопки кургановъ и археологическая находки въ Васильковскомъ уѣзде, г. Витковскаго; замѣчанія о курганахъ Киевской губерніи г. Люценка; нѣсколько словъ о новѣйшихъ археологическихъ находкахъ въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ, проф. Борисяка; о Золотыхъ воротахъ въ Киевѣ, г. В. А. Толстаго. Кроме того, къ сообщеніямъ мѣстного характера слѣдуетъ отнести рядъ рефератовъ, посвященныхъ описанію древнихъ письменныхъ памятниковъ, стариныхъ библіотекъ (напр., библіотеки Петра Могилы, славяно-русскихъ памятниковъ, находящихся въ Львовскихъ архивахъ и библіотекахъ); изслѣдованія о малорусскихъ думахъ въ связи съ великорусскими былинами; о народныхъ преданіяхъ и суевѣріяхъ и т. п. (рефераты проф. Срезневскаго, Миллера, гг. Житецкаго, Голубева, Калужницкаго, Иващенка, Люценка и др.).

Въ третьей категории слѣдуетъ отнести рядъ рефератовъ, посвященныхъ объясненію извѣстій древнихъ писателей о мѣстностяхъ, входящихъ теперь въ составъ Россіи, описанію древностей, найденныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи,

КНЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ,
ОБЕРЪ-КАМЕРГЕРЪ И СВ. АНДРЕЯ КАВ., РОД. 1708 Г., КАЗНЕЦЪ 26 ОКТ. 1739 Г.

ПРИДОЖЕНИЕ ВЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» под. 1878 г.
изданоо въ 1878 г. въ 1878 г. въ 1878 г.

Библиотека "Руниверс"

ПОХОЖДЕНИЯ ИЛИ ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ИВАНА МИГРИНА

ЧЕРНОМОРСКАГО КАЗАКА.

1770—1850 гг.¹⁾.

I.

Я родился Полтавской губерніи Золотоношского уѣзда, въ мѣстечкѣ Ирклѣевѣ, 1770 года въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ домѣ дѣда моего, поручика Василия Мигрина. Отецъ мой былъ поручикъ Иванъ Васильевичъ Мигринъ, мать Анна Дмитріевна, урожденная Фурмей. Вскорѣ послѣ рожденія моего, родители мои переселились, того же уѣзда, въ казенное селеніе Васютинцы, гдѣ достался отцу моему, по женѣ, хуторъ съ мельницею и садомъ; къ этому хутору отецъ мой прикупилъ земли, а въ послѣдствіи приписались къ нему изъ вольныхъ крестьянъ душъ двадцать, и такимъ образомъ жилъ безъ нужды. Въ Васютинцахъ, при родителяхъ прожилъ я до 15-ти лѣтъ, гдѣ обучился и грамотѣ при помощи приходскаго дьячка. Потомъ поступилъ на практикулярно въ золотоношской земскій судъ, гдѣ научился писать; а чрезъ нѣсколько лѣтъ опредѣленъ уже былъ въ тамошній земскій судъ и исполнялъ должность секретаря.

Всѣ родные мои, упомянутый дѣдъ Василий и бабка, дѣти его, а мои дяди, и братья матери моей, тоже дяди мои, любили и ласкали меня; особенно же любилъ и благотѣтельствовалъ инѣй дядя по отцу—поручикъ Иванъ Васильевичъ Мигринъ, который благотѣтельствовалъ и родителямъ моимъ; онъ былъ добрый и умный человѣкъ. Послѣ него остались и находятся нынѣ въ живыхъ дѣти его: поручикъ Николай и бывшій учителемъ Пантелеимонъ.

¹⁾ Писано, какъ видно изъ помѣты, въ 1850 году.

Во время служения моего въ земскомъ судѣ, проѣзжалъ чрезъ Золотоношу знакомый мнѣ лекарь Евтушевскій, имѣвши въ Золотоношскомъ уѣздѣ небольшое имѣннице и опредѣленный въ армію, въ Молдавіи расположеннюю. Съ Евтушевскимъ сблизилъ меня слѣдующій случай: онъ поссорился съ казенными крестьянами и за буйство былъ представленъ ими въ земской судъ, связанными; онъ просилъ помощи и защиты моей, и я, по званію секретаря, имѣя влияніе на дѣла по суду, освободилъ его отъ всѣхъ хлопотъ и непріятностей. Съ этого времени возродилась между нами особенная пріязнь, и какъ онъ вскорости долженъ былъ отправиться въ армію къ своей должности, то началъ уговаривать меня ѻхать вмѣстѣ съ нимъ, обнадѣживая опредѣлить меня въ полкъ, гдѣ, прослуживши годъ, могу получить чинъ прапорщика и возвратиться домой военнымъ офицеромъ. Я представлялъ ему, что родители мои не согласятся отпустить меня, что родные мои всѣ любятъ меня, и я, по молодымъ лѣтамъ моимъ, занимаю уже хорошую должность; онъ не переставалъ убѣждать меня, говоря, что если родители не согласятся отпустить меня, то можно уѣхать не сказавши имъ, а послѣ, по приѣздѣ на мѣсто, извѣстить о себѣ. Пылкость молодости и убѣжденія Евтушевскаго склонили наконецъ меня послѣдовать его совѣту, и я, не сказавши никому и не взявъ даже увольненія отъ должности,—отправился тайнымъ образомъ вмѣстѣ съ нимъ, весною, а какого именно года—того не помню.

Начальство и сослуживцы мои, не подозрѣвая ничего, были въ недоумѣніи: какъ и куда пропалъ безъ вѣсти секретарь! Родители мои, и особенно бѣдная мать, горько оплакивали меня. И теперь (1850 г.) жалѣю я, что причинилъ много скорби родителямъ моимъ необдуманнымъ поступкомъ.

О неизвѣстной отлучкѣ моей отъ должности, по прошествіи нѣкотораго времени, земской судъ дѣлали публикацію; но какъ на рукахъ у меня не было ни казенной суммы, ни дѣлъ, и все было въ порядкѣ, то я и оставался спокойнымъ.

У меня былъ видъ на званіе значковаго товарища войска мало-россійскаго, выданный мнѣ прежде еще отъ полковника Зенченко, и съ нимъ я отправился.

Евтушевскій отправился на своихъ лошадяхъ; мы заѣхали къ моему дѣду, переночевали у него; я сказалъ, что отправляюсь въ уѣздъ по дѣламъ суда, и не открылъ о своемъ намѣреніи. Отсюда отправились мы въ Крюковъ-посадъ, близъ Кременчуга, гдѣ была комиссаріатская комиссія, изъ коей лекарь долженъ былъ получить прогоны до мѣста расположенія полка, въ который былъ опредѣленъ. Здѣсь прожили мы недѣли двѣ въ ожиданіи прогонныхъ денегъ.

Евтушевскій представилъ свою бумаги, въ комиссіи представили ему разныя затрудненія въ полученіи денегъ; это сконфузило его, онъ былъ чалогікъ весьма рабскій и несмѣшный, таинъ что и, называвшись его именемъ, ходатайствовалъ вместо него и получалъ уже деньги.

Получивши деньги изъ комиссіи, отправились мы въ Молдавію, где квартировали пѣхотный полкъ, въ который опредѣленъ быть Евтушевскій,—въ крѣпость Бендера, а оттуда въ деревню Васлуй. Оказалось, что въ тотъ полкъ, въ который назначенъ быть Евтушевскому, опредѣленъ уже другой лейваръ, и онъ остался за штагомъ. Тутъ прожили мы дней десять; денегъ ни у Евтушевскаго, ни у меня никакъ не было; въ дорогу взято было въ запасъ два круга сала и сухари: этимъ продовольствовались мы и человѣкъ Евтушевскаго, въ пути и на мѣстѣ; наконецъ, запасы были сѣдены, мы находились въ самомъ затруднительномъ положеніи и Евтушевскій выговаривалъ мнѣ, что я поѣхъ его запасъ.

Въ Бендерахъ встрѣтилъ я земляка моего Невѣровскаго—отецъ его служилъ городничимъ въ Золотонішѣ. Онъ служилъ въ какомъ-то пѣхотномъ полку поручикомъ; увидясь со мною, Невѣровскій приглашалъ меня поступить въ тотъ полкъ, въ которому онъ служилъ; но мнѣ хотѣлось поступить въ кавалерію и потому я отказался отъ его предложенія. Въ послѣдствіи Невѣровскій былъ генераль-лейтенантомъ, известнымъ по своей храбрости.

Изъ Васлуй посовѣтовали Евтушевскому отправиться въ главную квартиру арміи—въ Яссы, где должны дать ему новое назначеніе. Мы отправились въ Яссы, но главная квартира выѣхала въ мѣстечко Галацъ, при Дунайѣ. Мы поѣхали туда.

Въ Галацѣ указали мнѣ на дежуръ-маюра Панкратьевъ (отца корпуснаго командира, генерала Панкратьева, дѣйствовавшаго въ Венгрии въ 1849 году). Я явился къ нему, объяснилъ о желаніи моемъ вступить въ службу; онъ, разспросивши о званіи моемъ, сказалъ, что напишетъ рекомендательное письмо къ пріятелю своему, донскому полковнику Кульбакову, и написавши письмо, отдалъ мнѣ. Между тѣмъ поразспросивши о казачьей службѣ, я узналъ, что всякий казакъ долженъ имѣть собственную лошадь и оружіе, а я не въ состояніи былъ имѣть этого.

Положеніе мое было самое тяжелое и, можно сказать, отчаянное. Вдали отъ родины, безъ всякаго знакомства, безъ денегъ и даже безъ хлѣба, я не зналъ куда и къ кому обратиться. Въ мрачномъ расположеніи духа и иногда съ тощимъ желудкомъ, бродилъ я по улицамъ Галаца, раздумывая о своемъ горестномъ положеніи. Жалѣль о необдуманномъ поступкѣ своемъ. Будучи окруженнъ любовью род-

ныхъ и сторонникъ, которые знали меня, не имѣя ни въ чёмъ недостатка,— я добровольно бросился въ немощность и нищету; благоразуміе заставляло меня возвращаться домой; но юный стыдъ удерживалъ: съ чѣмъ явлюсь я и какъ будуть смотрѣть на меня прежние товарищи мои? Видно, такъ судьбѣ было угодно! Положившись во всемъ на Бога, я безъ всякаго плана и намѣренія ожидалъ, что будетъ со мною.

Девять ли у Естущевскаго, ли у меня, какъ сказано уже, не было; изконецъ, не стало совершенно и хлѣба. Я отправился на рынокъ; заходить въ нѣсколько лавокъ хлѣбниковъ-молдаванъ; торгую хлѣбомъ, но за него требуютъ деньги, а гдѣ ихъ взять? Иду по фруктовому ряду; фрукты множество и дешевы,— но все же надобны деньги! Я поднялся на хитрость: у каждой изъ торговокъ бралъ будто на пробу нѣсколько ягодъ; такимъ образомъ, пройдя весь рядъ и ничего не купивши, я утолилъ нѣсколько свой голодъ. На другой день маневръ этотъ также удался мнѣ; но, на третій, меня уже замѣтили, что я люблю лакомиться даромъ, и не подпускали уже къ фруктамъ.

Къ счастью моему, разъ пребывала чрезъ рынокъ коласка; одна торговка съ булками, поспѣшая перейти съ лоткомъ чрезъ дорогу, опрокинула лотокъ и, пока она подбирала булки,— я подѣлилъ двѣ булки, спряталъ ихъ подъ полу, да и былъ таковъ! Какая роскошь была тогда для меня!—Что дѣлать: нужда многое извиняетъ!

Въ такомъ безнадежномъ положеніи проходя разъ, днемъ, по берегу Дуная, я замѣтилъ, что къ нему подъѣзжала лодка съ черноморскими казаками. Я остановился и боязъ всякихъ мыслей поджидалъ пока лодка пристанеть къ берегу. Лодка пристала; изъ нея вышелъ офицеръ съ георгиевскимъ крестомъ на груди; это былъ полковникъ Головатый—начальникъ пѣхоты черноморскихъ казаковъ. Въ немъ-то судьба указала мнѣ въ послѣдствіи начальника моего, руководителя моей службы и всѣхъ послѣдствій, отъ нея происшедшій.

Головатый, поровнявшись со мною, спросилъ что я за человѣкъ и что мнѣ надобно? Я объяснилъ ему, что дворянинъ, заѣхавъ въ чужую сторону, не имѣю ни денегъ, ни хлѣба, едва не умираю съ голода, и желалъ бы поступить въ службу. Онъ осмотрѣлъ меня—я былъ видный молодой человѣкъ, одѣтъ пристойно; спросилъ, откуда родомъ? Я отвѣчалъ: изъ мѣстечка Ирклѣева. «А, вражій сынъ,— сказалъ онъ,—ще и землякъ!»

Потомъ, поразспросивши меня и узнавши, что я человѣкъ письменный, былъ секретаремъ въ земскомъ судѣ,—сказалъ:

— «Такихъ хлопцовъ намъ треба! Обожди меня трохи, мнѣ треба повидѣться съ панами».

Чрезъ два—три часа, Головатый возвратился и взялъ меня съ собою на лодку. Мы отправились къ острову близъ Брандова, гдѣ стояла черноморская флотилия изъ 50-ти или болѣе ладокъ черноморскихъ казаковъ. Тогда была война съ Турцией и въ отсутствіе Потемкина командовалъ арміею князь Репинъ. Это было въ 17... году.

На-утро Головатый приказалъ мнѣ явиться въ канцелярию его. Я пришелъ въ канцелярию, предсталъ управляющему канцелярию; онъ велѣлъ мнѣ сѣсть и писать. Въ канцелярии увидѣлъ нѣсколько человѣкъ—казаковъ; они были въ изорванномъ, грязномъ, простомъ плащѣ. Это озадачило меня; я говорилъ, что я благородный человѣкъ—какъ мнѣ сидѣть и заниматься съ простыми людьми. Правитель канцелярии, услыхавъ это, сдѣлалъ мнѣ на первый разъ замѣчаніе, и сказалъ, что адѣсь все благородные люди:

— «Сей хорунжій, сей сотникъ», и т. д.

Въ послѣдствіе времени, когда ближе узналь черноморцевъ и силь сдѣлался казакомъ, я увидѣлъ, что они не охотники щеголять и живутъ по-просту.

Объ этомъ моею довесли Головатому, что я еще кобяюсь.

— «А, бисовы сны!—сказалъ онъ,—обрить ему пышнѣе голову неказачьи; тогда онъ будеть уже націимъ».

Такимъ-образомъ мнѣ отстригли волосы, отрѣзали длинную мою косу (тогда носили еще косы) и оставили только одну косичку на переди, называемую «чурпина»,—и я сталъ черноморцемъ, и зачи-слѣнъ казакомъ въ Васютинскій куренъ.

Плащъ мое собственное было: кафтанъ—по нынѣшнему фракъ, и плащъ. Изъ плаща велѣли мнѣ снять казачій кафтанъ; но пока шили его, я гулялъ во фракѣ—съ чурпиною. Казаки, смотря на меня въ тамошнѣмъ костюмѣ, говорили:

— «Се швединъ!»

— «Ни,—говорили другіе,—се прусинъ!»

Для меня все равно какъ бы ни называли, лишь бы хлѣбомъ кормили; а хлѣбъ, благодареніе Богу, у меня уже былъ.

На островѣ близъ Галада простошли мы до осени, а на осень вышли на твердую землю при рѣкѣ Серетѣ. Здѣсь вмѣстроили землянки. Осення почва была и сыра и холодна, при томъ же были и лихорадки на людяхъ. По молодости и по непривычкѣ къ бивачной жизни, проводить такія ночи въ землянкѣ мнѣ было трудно: ни ностишки, ни укрыться было нечѣмъ; но, къ счастію моему, меня зналъ провіантскій чиновникъ, завѣдывающій хлѣбными магазинами; онъ позволилъ мнѣ помѣщаться на ночь въ провіантскомъ магазинѣ и я,

подоставили одинъ куль и укрывшись другимъ, проводили ночи не страдая отъ стужи, а сила юности придавала самыи походный сонъ?

Когда стояли мы еще на островѣ близь Галата,—въ это время пріѣхала для смотра черноморскихъ лодокъ свѣтлыйшій князь Потемкинъ, на яхтѣ, и я видѣлъ его. Съ нимъ пріѣхала какая-то дама, которую называли онъ Катериной,—кажется, племянница его.

Командѣ велико было отправиться на зиму на островъ Бересану, близь Очакова, гдѣ былъ и кошъ. Я отправился виѣстъ съ командою и весь на себѣ, какъ и прочие казаки, сухари; въ то время была еще у меня микорадка, я отсталъ отъ команды и пошелъ боковой дорогою, надѣясь, если не дотону команды, ночевать гдѣ-нибудь по дорогѣ въ землянкѣ. Долго шелъ утомленный, съя солице, наконецъ, и ночь; жилья никакого не было, а степь необытная. Я остановился, помолился Богу, легъ на травѣ и укутался шинелью. Кроме палки, никакого другаго оружія при мнѣ не было. Проснулся, солице уже взошло; пустился сматъ въ путь, не зная далеко ли еще осталось идти, и куда идти.

Вдругъ увидѣлъ юнавшаго по дорогѣ человѣка; спросилъ у него: далеко ли до команды конныхъ казаковъ, которые, какъ известно мнѣ было, стояли недалеко, близь Измаила. Онъ сказалъ, что будетъ верстъ 30, и указалъ мнѣ путь. Къ вечеру дошелъ я до куреня конной команды, явился къ куренному атаману, объяснилъ, что я казакъ Васютинскаго куреня—писарь изъ каштеляріи полковника Головатаго. Меня приняли, накормили и на другой день отправили, вмѣсть съ казаками, на побоище, доселенія Слободзеи, гдѣ явился къ начальнику—черноморскому полковнику Мокіо, объяснилъ ему, что отсталъ отъ команды по болѣзни, что едва не умеръ было въ дорогѣ, совершенно ничего не помню и не знаю какъ дойти до Бересани; этимъ думалъ я подвигнуть его къ состраданию и помочи мнѣ;—въ отвѣтъ получилъ, что и не такие люди какъ я, но и получше, пропадаютъ въ степи! Между тѣмъ меня оставили въ Слободзее въ ожиданіи оказіи, когда будетъ въ Бересанѣ, и помѣстили въ одномъ куренѣ.

Слободзее—общирное селеніе на Днѣстрѣ. Тамъ жили черноморцы, молдаваны, малороссияне и поляки. У полковника Головатаго былъ здѣсь домъ и семейство его; казаки, не имѣющіе здѣсь собственныхъ домовъ, жили бѣдно и во всемъ нуждались; провизіантъ отпускали имъ не такой какъ для армейскихъ полковъ, а пополамъ съ пескомъ. Изъ такой муки можно было еще ють хлѣбъ тогда, когда онъ горячій, только что испечень; а какъ застынетъ, то и не угрывешь. Иногда ночью, когда уже спали, вдругъ слышишь зовъ: «вставайте, казаки! хлѣбы изъ печи вынули», и я вставалъ вмѣсть съ другими

и привыкаю Ѣсть горячій хлѣбъ. «Голодъ не тетка!»—говорить пословица. Хлѣбъ по начинкѣ съ пшеницемъ бытъ мнѣ не по вкусу; не-рѣдко я ходилъ по селенію и вымѣнивалъ у добрыхъ людей для себя бѣлаго хлѣба; заходя въ дома молдаванъ, я замѣтилъ, что они маманили—родъ марки, кидать подъ носъ подушкі. Случалось, что иногда, заѣдя въ домъ молдаваншина и не заставая въ немъ никого, го-лодъ подвергалъ менѣ искушенію и я похищалъ маманигу. Такимъ образомъ, проживши въ Слободзей мѣсяцъ, я испытывалъ крайнюю нужду и голодъ.

Разъ, одинъ старый казакъ сказалъ мнѣ:

— «А хочешь ли я накормлю тебя пшеничными галушками?»

Галушки! национальная моя пища и въ моемъ тогдашнемъ по-ложенії?... Да это такая роскошь, о которой я и думать не смѣль!

— Да гдѣ же ты возьмешь муки для галушекъ? возврашивъ я ка-заку.

— «Не твое дѣло гдѣ и какъ я добуду муки, а добуду, и га-лушкі будуть».

Я опять сталъ допытывать его. Тогда онъ отвѣчалъ: «Вонъ, бачь, мельница (въ виду была вѣтряная мельница), скажу слово—она бу-детъ молоть, а мука сыпаться въ мурень».

И точно, казакъ сварилъ галушкѣ и пригласилъ меня на вели-колѣпную тралезу, за которой мнѣ давно уже не случалось быть.—Славны были галушки; а добыть муку старый казакъ, вѣроятно, тѣмъ же средствомъ, какъ добывалъ я маманиги!

Въ это время жена Головатаго давала обѣдъ для всѣхъ казаковъ; на дворѣ устроены были вмѣсто столовъ доски; жена его и дочь—дѣвица лѣтъ 18-ти, сами хлопотали около стола и укладывали ложки деревянными. При столѣ поставленъ бытъ чанъ съ терновымъ квасомъ; я былъ, въ числѣ прочихъ, на обѣдѣ. Выпивъ послѣ обѣда кружку терноваго квасу и чувствуя жажду, я черезъ нѣсколько вре-мени подошелъ къ чану, чтобы еще выпить.—Казакъ, который раз-давалъ квасъ, замѣтилъ меня и сказалъ:

— Э, братъ, да ты въ другой разъ пьешь!

Изъ Слободзей отправлялся на Березань одинъ еврей-шникарь съ бочкою водки; онъ пригласилъ меня отправиться вмѣстѣ съ нимъ, и я ради этого слушаю, чтобы не идти одному; а между тѣмъ еврей и продовольствовалъ меня въ пути, что было мнѣ весьма кстати. Въ дорогѣ пробили около мѣсяца и бѣхали все пустою степью, версты 400. Пробѣжалъ мимо Гаджи-Бея—нынѣшней Одессы; тамъ было только два—три десятка простыхъ избъ и съ полсотни землянокъ. Это было въ 1792 году. Чѣмъ нынѣ Одесса и что ожидаетъ еще ее впереди!

Въ Березанк явился я къ полковнику Мокрому, начальствовавшему находящимся здѣсь каземѣтъ, и сказалъ, что я опредѣленъ къ нему писаремъ. Званіе это не то что простой писарь, а было довольно почетное, замѣняющее секретаря.

Полковникъ Мокрый былъ человѣкъ негравїй жизніи и бѣзпрѣстно бывалъ пьянъ. Онъ обращался со мною какъ съ простымъ казакомъ и употреблялъ во всѣ черные работы. Въ косовицу, когда денщикъ его былъ на покосѣ, онъ заставлялъ меня готовить для него обѣдъ и ужинъ, носить воду большими ушатами—ведоры въ шесть (воду носилъ съ другимъ казакомъ), ходить за лошадью, петь ее, чистить конюшню, и проч. На возраженіе мое, что я никогда не готовилъ кушанья и не умею, онъ говорилъ мнѣ:

— Ведоры! ты казакъ, а казакъ долженъ все знать!

Правду сказать, блюда были не мудренны—борщъ да капса, но не вдругъ привыкъ готовить ихъ. Иногда такой борщъ варили, что только казачий желудокъ могъ переварить его; но полковникъ былъ снискодителенъ, замѣчая только иногда, что борщъ или прѣсень, или слишкомъ уже кисель, или недоваренъ, однако купали его съ аппетитомъ.

Приближенные къ полковнику офицеры и дѣльщики его, будучи недовольны вообще поведеніемъ его и обхожденіемъ съ ними, подстрекали и меня къ неудовольствію на него, говоря, что я кошевой писарь и въ отношеніи ко мнѣ полковникъ во зло употребляетъ власть свою; но я, по кратости характера своего, молчалъ и сносилъ все терпѣливо, безъ малѣйшаго ослушанія начальнику.

Отсюда написалъ я къ роднымъ своимъ въ Малороссію и извѣстилъ осѣбѣ, и получилъ письмо отъ благодѣтеля, дяди моего—Ивана Васильевича Мигрина. Онъ писалъ, что родные мои, считая меня погибшимъ, очень обрадовались, что я живъ; увѣщевали меня возвратиться домой, представляя, что, будучи обольщенъ и увлеченъ такою сквальною—казаками, не могу научиться отъ нихъ ничему добруму, кроме воровства и разбоя, и что, заразившись ихъ прымѣромъ, и самъ могу сдѣлаться такимъ же. Писалъ, что мнѣ можетъ представиться случай отправиться въ Петербургъ, гдѣ живетъ дядя мой Михаилъ Петровичъ Чернавскій, который поможетъ въ этомъ, и что ожидаются прѣѣзда изъ Петербурга въ Иркутскъ сестра нашего Грушко, который служилъ при дворѣ берейторомъ, и съ нимъ могъ бы я отправиться въ Петербургъ.

Но стыдъ, что я явился на родину простымъ казакомъ, оборванцемъ,—удержалъ меня и я положился во всѣмъ на волю Божію, въ надеждѣ, что вѣриная, усердная служба моя когданибудь вознаградится.

На Березань привезли для съездания со мною отец мой, не нарочно для съездания, а будучи въ Херсонѣ, куда привезли для преддаки лѣсъ изъ Днѣпру и изъ Волгоградскаго.

Неприятное поведеніе полковника Мокрага восстановлено противъ него всѣхъ куренныхъ атамановъ; имъ было до сорока атамановъ; они соѣтывались со мною и поломали наизнѣкъ жалобу Головатому. Составленіе жалобы поручено мнѣ, такъ какъ безпорядокъ по управлению плавѣстнѣ были мнѣ болѣе другихъ. Жалобу подписали однако же болѣе двадцати атамановъ. По ней Головатый вы требовалъ изъ себѣ для объясненія Мокрага; онъ явился къ начальнику въ пыльномъ видѣ и нагрубилъ, за что и былъ отстраненъ отъ командования Березанскимъ полкомъ.

На мѣсто Мокрага назначены были на Березань кошевымъ атаманомъ подполковникъ Сутника—человѣкъ дѣятельный, строгий, но престой.

По распоряженію правительства, предложено было снять съ Бересаны конь и перенести его на островъ Тамань. Отъ Головатаго предписано было мнѣ сдѣлать подробнѣйшую опись строеній кошевика и казеннаго имущества: снарядовъ, провинта и проч. Все это было мною исполнено и Головатый остался доволенъ.

Междудѣй послѣдовало отъ Головатаго предписаніе, чтобы меня чинить по списку корунжикъ. Это—офицерское званіе; должно бы получить утвержденіе въ чинѣ отъ высочайшей власти, но тогда было какъ-то просто: по одному предписанію Головатаго я сдѣлался корунжикомъ.

Проживть и нѣкоторыя непогоды весною было предѣтъ и это поручено мнѣ вѣстѣ съ провинтскимъ чиновникомъ. Ионунщикъ провинта изъ благодарности сдѣлалъ мнѣ пару штукъ хорошаго сукна, и я, во крайней изѣрѣ, былъ одѣтъ прілично. Орудія артиллерійскія и порохъ перенесли въ Еніколъ и на зиму конь отправленъ на островъ Тамань.

II.

Переѣздъ изъ Енікола въ Тамань—чрезъ Корченекій проливъ, шириной до 30-ти verstъ; было глубокое осеннеѣ время, въ ноябрѣ или декабрѣ мѣсяцѣ, такъ что по проливу образовывался и шелъ уже сильно ледъ. Была изготовлена лодка съ мачтой; подполковникъ Сутника отправился вмѣстѣ со мною и еще восемью или десятю человѣками. Вѣтеръ съ моря былъ очень сильный; приближался вечеръ, и лодка оказалась ненадежною; пробѣхавъ немногого, вѣтеръ сломилъ мачту; должно бы было воротиться назадъ, но подполковникъ былъ человѣкъ рѣшительный: вѣзъ кое-какъ исправить и поставить вновь мачту. Пустились дальше, а льдины все болѣе и болѣе собирались въ огром-

ны массом и затрудняли путь, грея силою течения опрокинуть лодку; наконецъ, за версту или два отъ берега Тамани, льдини сдѣвались совершенно сплошными, только кое-гдѣ оставались между ними маленькия дорожки и ими-то мы съ величайшимъ трудомъ добрались до берега. Опасность въ плаваніи была большая: каждую минуту лодку нашу могло затерять льдомъ и опрокинуть ее; но милосердій Господь сохранилъ жизнь мою!

По приѣздѣ въ Тамань (въ 1794 году), явился Сутыка и я къ начальнику—полковнику Головатому; онъ принялъ насъ ласково, и велѣлъ мнѣ явиться къ нему на другой день. Когда я явился къ нему, онъ разспрашивалъ меня о житѣи нашемъ изъ Бересани и между тѣмъ спросилъ объ Очаковскомъ городничемъ Зоринѣ и о томъ—какъ отзывался онъ о куреняхъ, подаренныхъ Головатому графу Салтыкову?

Надобно сказать, что курени, построенные казаками на Бересани, собственными средствами, безъ пособія казни, были ихъ собственностю; они были ни что иное какъ землянки, въ которыхъ очень мало употреблено лѣсу, и потому они стоили весьма малой цѣнности. У графа Салтыкова, близъ Очакова, было имѣніе. Курени эти Головатый подарилъ Салтыкову, для чего пренесли къ нему въ С.-Петербургъ составленную мною опись куреній; но, не видавши ихъ въ натурѣ, по описи нельзя было судить о достоинствѣ ихъ, и какъ окрестъ Очакова мѣста белѣсныя, то 40 куреней въ такой сторонѣ могли представляться пріятію находкою; но курени, въ которыхъ въ каждомъ было только по 8-ми небольшихъ бревенъ, сами по себѣ стоили незначительной цѣнѣи. Графъ Салтыковъ переславъ опись къ городничему Зорину, чтобы онъ принялъ по ней курени и отправилъ ихъ въ имѣніе его. По этому-то случаю и спросилъ меня Головатый о Зоринѣ.

У Головатаго были въ это время гости—свои подчиненные, и нѣ-которые съ женами. На вопросъ его о Зоринѣ и о томъ—какъ отзывался онъ о подаренныхъ графу Салтыкову куреняхъ, я затруднился отвѣтить ему, сказавши, что Зоринъ отзывался очень нехорошо, такъ что совсѣмъ и неистойно даже и повторить слова его, особенно при дамахъ. Онь приказалъ мнѣ сказать прямо, и я, исполняя волю начальника, сказали, что Зоринъ отзывался такъ:

— «Соломонъ этотъ Головатый!»

И прямѣ наѣло повторить тѣ, чѣмъ заключилъ Зоринъ эту фразу—изъ русскаго народнаго словаря... Это заставило расхотаться Головатаго; онъ велѣлъ мнѣ еще повторить отвѣтъ городничаго, и я повторилъ его въ присутствіи дамъ... Патріархальная простота нравовъ! Давно было это и притомъ въ Черноморіи; а черно-

морцы тогдашнего времени, составляющие сборище людей со всіх сторонъ—всёе не отличались деликатностью, свойственную позднейшему времени и образованію.

Подполковникъ Сутыка быть въ немилости у главнаго кошеваго атамана всѣхъ черноморскихъ казаковъ—Чепиги. По сдачѣ команды въ Березань, онъ остался безъ мѣста и назначенія. Головатый принялъ участіе въ его бѣдномъ положеніи и велѣлъ мнѣ изготавить на высочайшее имъ прошеніе отъ Сутыки объ опредѣленіи его членомъ во вновь учреждаемую войсковую канцелярію войска черноморскаго; я написалъ прошѣбу, но она не имѣла успѣха, и при жизни Чепиги Сутыка не могъ получить никакого мѣста, а получилъ уже по смерти его.

Атаманъ Чепига съ кавалерію воротился изъ похода въ 1798 г., за годъ до прихода пѣхоты черноморскихъ казаковъ, и основалъ кошь свой, то-есть построилъ землянки, въ 200 верстахъ отъ острова Тамани, на Кубани. Мѣсто это было изобильно лѣсомъ и водой; оно показалось выгоднымъ для устройства постепеннаго города, и приступили къ устройству: возвели церкви, выстроили дома для канцеляріи и начали строить частные дома. Затѣмъ послѣдовало и разрѣшеніе правительства: быть вѣдь городу, который и названъ Екатеринодаромъ.

Избраніемъ мѣста для города на Кубани Головатый сдѣлалъ большую, невознаградимую ошибку: мѣсто это окружено болотами; въ весеннеѣ время спирѣствуютъ тамъ лихорадки и производятъ въ народѣ сильную смертность. Замѣтилъ это и атаманъ, но уже поздно, когда существованіе города было утверждено, начаты и окончены нѣкоторыя капитальная постройки. Вотъ какимъ образомъ образовался Екатеринодаръ. Со стороны правительства не было прислано опытныхъ и свѣдущихъ людей для осмотра удобности мѣста для поселенія. Съ того времени донынѣ Екатеринодаръ все такъ же мѣсто самое нездровое и особенно весною много умираетъ людей. Самое лучшее мѣсто для основанія города было бы островъ Тамань—въ отношеніи здоровья людей; но въ отношеніи военному—охраненія границы отъ набѣговъ закубанцевъ, Екатеринодаръ предстаиваетъ преимущество.

Головатый, при новомъ образованіи войскового управлениія, назначенъ быть войсковымъ консультантомъ судью и хотѣлъ опредѣлить меня въ войсковую канцелярію секретаремъ; но войсковой писарь Котляревскій имѣть уже въ виду человѣка, для помѣщенія на вакансію секретаря; и такъ, меня помѣстили въ войсковую канцелярію, давъ въ управлениѣ мнѣ двѣ экспедиціи.

Для всѣхъ канцелярскихъ выстроена была близъ канцеляріи боль-

шал землянка, въ которой и помѣщался я вмѣстѣ съ другими. Продовольствіе было войсковое и весьма достаточное. Жалованья никто изъ канцелярскихъ не получалъ. Между тѣмъ меня зачислили въ списки подковыныхъ старшинъ.

Я по природѣ своей былъ лѣтникъ, любилъ поспать дольше другихъ, а потому и къ службѣ былъ не весьма ретинъ. Рань какъ-то ночью, часу въ 1-мъ, я проснулся въ своей землянкѣ и мнѣ пришла мысль отправиться въ канцелярію, чтобы приготовить бумаги къ завтрашней почтѣ. Нужникъ бумагъ вовсе не было, следственно, не было и особенной надобности быть мнѣ въ канцеляріи; то была какая-то безотчетная мысль!—Пришадъ въ канцелярію и разбудивъ сторожа, велѣлъ ему засвѣтить свѣчку и началъ заниматься.

Полковникъ Головатый былъ человѣкъ весьма умный: на немъ лежали всѣ заботы объ устройствѣ и благосостояніи войска. Кошевою же атаманъ, бригадиръ Чепига, былъ добрый человѣкъ и—только; дѣлами мало занимался и былъ даже вовсе неграмотны, а потому всѣми дѣлами и управлениемъ по войску занималъ Головатый. День его былъ близъ канцеляріи. Особоченный думою, Головатый прохаживался около своего дома; ночь была осенняя, темная. Увидѣвъ огонь въ канцеляріи въ такое необыкновенное время, онъ замѣтилъ туда и спросилъ: кто здѣсь и что дѣлаетъ?

— «Я, батыку, Мигринъ, занимаюсь здѣсь».

— А, добрѣ!—сказалъ онъ и съ тѣмъ вышелъ.

Этотъ нечаянный случай поселилъ въ немъ выгодное мнѣніе обо мнѣ.

Чресть нѣсколько времени, мнѣ опять какъ-то вздумалось отправиться въ канцелярію ночью для занятій, и снять Головатый, увидѣвъ огонь, запечь въ канцелярію; тотъ же вопросъ его и тѣть же мой отвѣтъ.

— «Добрый ты человѣкъ, что такъ занимаешься»,—сказалъ Головатый.

Я продолжалъ службу въ канцеляріи, по обыкновенію своему.—коекакъ, и такимъ образомъ прошло около году. Между тѣмъ, послѣдовало повелѣніе обѣ отправленіи въ Польшу двухъ конныхъ полковъ, съ которыми отправлялся атаманъ Чепига. Ему нуженъ былъ письмоводитель и Головатый рекомендовалъ ему меня, какъ самаго достойнаго къ занятію этой должности, и этому помогло именно то, что Головатый засталъ меня, какъ сказано выше, два раза во время поездки ночи въ канцеляріи!

Должность письмоводителя при кошевомъ атаманѣ, особенно безграмотномъ, каковъ былъ Чепига,—конечно, была значительна: прія-

таки мои, которыи я успѣхъ уже пріобрѣсти, радовались моему назначению; другіе завидовали мнѣ; но вообще я былъ всѣми любить за мирный и кроткій характеръ мои.

Шалки отправились прямо изъ Иольту, а атаману Чепигѣ вѣдько было явиться въ Петербургъ. Отъ взяли съ собою меня, одного офицера и одного казака, и мы отправились въ столицу.

III.

По приѣздѣ въ Петербургъ, явились мы къ тогдашнему вельможѣ — временщику графу Платону Александровичу Зубову, примиравшему участіе въ дѣлахъ войны черноморскаго. Потомкинъ тогда уже умеръ. Тогда было лѣтнее время, государыня и дворъ были въ Царскомъ Селѣ; тамъ же былъ и графъ Зубовъ, и мы отправились въ Царское Село.

Графъ Зубовъ поручилъ правителю каменецярии его, полковнику Грибовскому, отвести намъ квартиру и доставить всѣ удобства жизни.

Намъ отвели квартиру недалеко отъ дворца, столь давали отъ двора; въ распоряженіе наше представлена была карета и опредѣленъ офицеръ, которому вѣдько было показывать, по желанію нашему, все любопытное.

Мы нѣсколько разъ ѿдили въ Петербургъ, были въ Кронштадтѣ, въ Петергофѣ, осматривали кунсткамеру, арсеналъ, были въ Невскомъ монастырѣ и разъ обѣдали у митрополита Гавріила.

Въ Невскомъ монастырѣ поразили меня картины, изображающія блуднаго сына. Я пріимѣнялъ себя къ положенію блуднаго сына, и я, такъ же какъ и онъ, будучи къ довольствію на своей родинѣ, оставилъ отца и мать и пустился въ неизвѣстный путь жизни... Съ чувствомъ молился я тогда и прибѣгалъ къ милосердію Божію...

Дни черезъ два по приѣздѣ въ Царское Село, намъ вѣдько было явиться во дворецъ для представленія государыни императрицы, и мы явились; но насть никто не предварилъ о придворномъ этикетѣ: какъ должны были мы представиться. Быть можетъ, это было и напомѣнѣе государыни, чтобы видѣть какъ черноморцы, сыны баянискусственной природы, представляются ей.

По выходѣ государыни, атаманъ, я и бывшій съ нами черноморскій офицеръ, всѣ прямо подошли къ рукѣ государыни. Она говорила съ Чепигою не много; помню — она сказала:

— Хорошо сдѣлали, что заняли по Кубани мѣсто нуваное.

Въ квартирѣ нашей посѣщалъ насть иногда Левъ Александровичъ

Нарманинъ и преторій при государынѣ, Самборскій. Ноєм'дній при салютнической расѣ брить бороду и усы.

Бритая борода при расѣ, натурально, сначала удивила нась и протягнуть объяснилъ намъ это. Онъ былъ при посольствѣ нашесть въ Вѣнѣ и носилъ, по обыкновенію, бороду; но какъ въ Германии бородъ не носить, то каждый разъ, при появлении его на улицѣ, мальчишки бѣгали за нимъ толпами какъ за чудомъ, и онъ, съ высочайшаго разрѣшенія, сбривъ бороду.

По возвращеніи въ Петербургъ, императрица оставила его при себѣ и не приказала уже отпускать бороды, для убѣжденія существовавшихъ еще тогда во множествѣ раскольниковъ въ Петербургѣ, что святость заключается не въ бородѣ и что сама императрица, блестительница правовѣрія, держитъ при своей особѣ священника безъ бороды.

Самборскій рассказывалъ, что онъ постыдалъ богатое купечество изъ раскольниковъ и что они, упрекая его въ обратки бороды, говорили, что случившіеся предъ тѣмъ неурожайные годы были въ наказаніе за грѣхи язаки и развращеніе, когда ирвославные священники—неслыханное противузаконіе!—начали уже брить бороды!!!—На это Самборскій возражалъ имъ, что у его отца, священника, борода была до пояса, однако неурожай бывали еще сильнѣе.

При правительѣ канцелярии графа Зубова, полковникъ Грибовскому, быть чиновникъ—фамилии его нынѣ не припомню; онъ быть близайший членъ къ Грибовскому, а Грибовскій могъ дѣлать тогда все. Съ этимъ чиновникомъ познакомился я еще прежде, когда пріѣзжалъ онъ въ Очаковъ по дѣламъ Грибовскаго, у коего было тамъ имѣніе.

Я встрѣтился вдѣсь съ нимъ, какъ съ знакомымъ уже, и еще болѣе сблизился съ нимъ. Онъ постыдалъ нась въ квартире, и разъ въ откровенной бесѣдѣ сказалъ мнѣ, что атаманъ можетъ получить значительную сумму изъ казны, слѣдующую за минувшую турецкую кампанію войску за провіантъ и фуражъ, на получение коихъ войско вовсе не надѣялось. Я доложилъ атаману; онъ быть очень радъ, и по совѣту этого чиновника, составлено было отъ атамана представление. По расчету оказалось, что въ выдачу войску причиталось суммы до 80,000 руб. асс. Это была—просто находка и мы удивлялись добродушию и расположению къ намъ чиновника, который безъ всякихъ видовъ оказалъ такую важную услугу. Но когда послѣдовала ассигновка изъ казны суммы, то оказалось, что пріятель мой не такъ безъинтересенъ, какъ мы полагали. Онъ объявилъ, что хотя по совѣту и наставленію его и ассигнована намъ въ выдачу сумма, но, чтобы за разъ получить ее, надою пожертвовать на канцелярію по 15-ти процентовъ съ рубля, иначе въ нѣсколько лѣтъ не получимъ

ея. Обстоятельство это довело я до съѣдѣнія атамана, и онъ, надумавши, согласился. Такимъ образомъ мы получили войсковую сумму и отослали ее по принадлежности сполна. При этомъ слушать не могъ бы ничего замечательной изъ себя, но во хотѣлъ воспользоваться, считая это предосудительнымъ.

Атаманъ Чепига сдалъ представление о награжденіи никаковыхъ чинъ черноморскихъ офицеровъ чинами и званиями менѣ. Тутъ я за отличную службу произвелъ, но высочайшему ненадѣю, въ капитаны и получилъ на чинъ штабсъ-капитанъ.

Пожертвование процентовъ изъ полученной суммы усилило пріязнь ко мнѣ помощника Грибовскаго; онъ выразился мнѣ на все услуги и долженія, пользуясь расположениемъ Грибовскаго. Говорилъ, что, по представлению атамана, мнѣ могутъ дать чрезъ недѣлю маюрокій чинъ; тогда было это возможно! но я ни при этомъ случай, ни несль не воспользовался его предложеніемъ, что было весьма легко, особенно въ послѣдствіи времени, когда я пользовался неограниченной довѣренностью Чепиги, за котораго, по безграмотству его, подписьвать его именемъ вся бумаги—что было не тайно, а всѣмъ известно.

Въ Царскомъ Селѣ прожили мы мѣсяцъ. Въ продолженіе этого времени разъ были приглашены мы къ столу императрицы. Атаманъ обѣдалъ за однимъ столомъ съ государыней, но я, какъ не штабс-офицеръ, не могъ быть удостоенъ этого счастія. Атаманъ же разозывалъ, что государыня во время стола была милостива къ нему и когда подали десертъ, то она сама изволила положить винограду на тарелку и послала къ нему. Въ избыткѣ чувствъ благодарности, онъ не могъ произнести ни одного слова и только слезы полились изъ глазъ его...

На прогоны отпустили намъ 2,000 руб. серебромъ, снабдили на дорогу провизію и, между прочимъ, огромнымъ пирогомъ съ рыбой, въ аршинъ длины.

Мы отправились въ Брестъ-Литовскій—это было въ августѣ 1794 года. Въ Брестѣ нѣсколько времени ожидали своихъ двухъ конныхъ черноморскихъ полковъ и, когда они пришли, двинулись въ походъ къ Прагѣ. Не доходя верстъ 200 до Праги, встрѣтили мы главно-командующаго Суворова; начальники и офицеры—въ числѣ ихъ и я—явились къ Суворову, и потомъ отправились далѣ.

Отойдя немного отъ лагеря, встрѣтили мы отрядъ поляковъ, человѣкъ 400; разбили его и побрали плѣнныхъ: это первое дѣло, въ которомъ я былъ. Потомъ встрѣтили мы нашъ аріергардъ, которымъ командовалъ графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ; начальники и

офицеры явились къ нему, и отъ логчишль несть подково. Мы примкнули къ артегарду и слѣдовали далѣе.

Предстояла переправа черезъ Бугъ. На той оторонѣ поляки устроили береговыя батареи; съ нашей стороны тоже устроены были батареи. Графъ Зубовъ выѣхалъ съ своимъ штабомъ, и тутъ оторвало ему ногу, вслѣдствіе отпала ему — и онъ остался живъ. Наші войска построили чрезъ рѣку мостъ, перешли чрезъ него и прогнали поляковъ.

Послѣ того было еще сраженіе подъ мѣстечкомъ Кобилово, где также прогнали поляковъ, но черкесорцы въ этомъ дѣлѣ не участвовали.

Наконецъ, подступило войско наше къ Прагѣ. Простояли адѣль днія три, нашацаній былъ штурмъ крѣпости. На зарѣ пущена была ракета: знать, чтобы всѣ были готовы; по второй ракетѣ — пошли на штурмъ.

Описывать прагскаго штурма не буду,—это извѣстно по истории; скажу только, что это была ужасная рѣзня! Солдаты были озлоблены противъ поляковъ за истребленіе ими не задолго предъ тѣмъ, измѣнически, русскаго отряда въ Варшавѣ. Солдаты рѣзали кого ни понадо и грабили весь день и ночь. Тогда существовала еще такая варварская система войны и это же считалось преступлениемъ.

При вступленіи въ Прагу, я отбылся какъ-то отъ своей команды казаковъ, а быть можетъ, и струсилъ—не помню, забыть уже... и присталъ къ артиллеріи, думая, что, во всякомъ случаѣ, при пушкахъ безопаснѣе... Саблю однако-же имѣть обнаженную, какъ герой штурма...

На другой день явилась къ Суворову депутація изъ Варшавы съ нокорностю безусловною. Тутъ отданъ уже былъ строгій приказъ войскамъ—вести себя мирно, хотя бы даже и были выстрѣлены изъ домовъ.

За прагскій штурмъ атаманъ Чепига произведенъ въ генералы.

Въ Варшавѣ простояли мы около года, и потомъ возвратились въ Россію; квартиры назначены были намъ за Брестъ-Литовскому, въ мѣстечкѣ Череповѣ, принадлежащемъ князю Чарторижскому.

Чрезъ нѣсколько времени по размѣщеніи нашемъ въ мѣстечкѣ, пришелъ туда какой-то драгунскій полкъ и командиръ объявилъ, что эти квартиры назначены для его полка. Атаманъ, какъ человѣкъ смиренный и несмѣлый,—не спорилъ, уступилъ даже собственную свою квартиру и помѣстился самъ въ конюшнѣ; а меня между тѣмъ отправили съ донесеніемъ къ главнокомандующему, испрашивая разрѣшенія: куда ему дѣваться съ своими полками?—Я хотѣлъ явиться прямо къ главнокомандующему, но мнѣ сказали, что Суворовъ съ бумагами никого не принимаетъ, и отослали меня къ правителью канцеляріи его Курису; но отъ него едва въ три дня добился разрѣшенія, ко-

торое, впрочемъ, было благопріятно: квартиры въ Череповѣ остались за нами.

Атаманъ велѣлъ мнѣ написать представление къ главнокомандующему—о награжденіи чинами иныхъ которыхъ черноморскихъ офицеровъ и меня о производствѣ въ маиоры; но съ тѣмъ замѣстѣ велѣлъ поимѣтить и своихъ повара и конюха—о производствѣ ихъ въ офицеры. Представление было написано, и я отправился съ нимъ въ Варшаву; но подать его не рѣшился и посовѣтился, чтобы послѣ въ Черноморіи не смыялись и не упрекнули бы насъ, что это сдѣлалъ именно я, а не атаманъ, зная о вліяніи моемъ на него и непосредственномъ управлѣніи всѣми дѣлами. Случай былъ весьма благопріятный къ моему повышенію, но я не хотѣлъ воспользоваться имъ!

Изъ Черепова выступили мы въ лагерь верстъ за двѣсти, въ мѣстечко Бѣльскъ, на лѣтнее время. На продовольствие войскъ слѣдовало получить намъ изъ казны деньги. Послали въ Варшаву офицера съ требованіемъ. Надѣя нимъ въ комиссіи смыялись какъ вадъ чудакомъ и онъ возвратился ни съ чѣмъ. Послали еще другаго, пора-стороннѣе; но и этотъ былъ не болѣе счастливъ, и возвратился безъ успѣха. Тогда приступили ко мнѣ войсковые старшины и офицеры, да и самъ атаманъ, чтобы я принялъ за это дѣло и уладилъ его. А какъ известно было, что при отпускѣ изъ комиссіи денегъ, осо-бенно отъ кавалерийскихъ полковъ, требовали значительныхъ пожер-твованій, то и предоставлено было мнѣ ничего не пожалѣть, лишьбы что-нибудь получить.

Прѣѣхавъ въ Варшаву, я явился въ комиссію съ своимъ требо-ваніемъ; меня также начали проводить и оказывать тѣ же продѣлки, какъ и двумъ прежнимъ офицерамъ; я терпѣлъ это искромѣнько дней и наконецъ сказалъ, что явлюсь съ жалобою прямо къ Суворову. Это подействовало: ко мнѣ сдѣлялись ласковѣе и снисходительнѣе.

Одинъ изъ чиновниковъ комиссіи, или секретарь ея, вошелъ, на-конецъ, въ ближайшія сношенія со мною и сказалъ, что требованіе атамана написано недостаточно и что слѣдуетъ гораздо болѣе къ получению суммы, и давалъ наставленіе какъ должно написать тре-бованіе. Чтобы не сдѣлать еще промаха, я просилъ его самого за-ваться этимъ дѣломъ, обѣщая уступить въ пользу чиновниковъ ком-иссіи значительную сумму за то, что полки получать гораздо болѣе, нежели ожидали. Требованіе составлено по всѣмъ правиламъ и вышло къ получению болѣе 100 т. руб. асс.—Я отдалъ на комиссію 16 т. руб. и 10 т. руб. осталось въ собственную мою пользу. На-личныхъ денегъ для полковъ осталось 80 т. руб.—сумма, которой ни-

какъ не надѣались они получить, а оставленная мною для себя сумма не превышала назначенныхъ мнѣ издержекъ на коммисію.

Такимъ образомъ пріобрѣть я и свой собственный капиталъ. Собѣсть, кажется, не упрекаетъ меня за это: ибо, бесь моего ходатайства и настоянія, полки, быть можетъ, и вовсе ничего не получили бы.

На обратномъ пути, я получила въ Брестѣ-Литовскомъ жалованья на полки 20 т. руб. асс.—Междудѣй, полки выступили уже изъ Бѣлиць во свояси, въ Черноморію, и я нагналъ ихъ въ Елисаветградѣ.—Въ пути со мною былъ одинъ только казакъ. Атаманъ и офицера встрѣтили меня радостно—съ такожку чею денегъ, и всѣ остались мною очень довольны; доволенъ остался и я.

Изъ Елисаветграда отправился я, вмѣстѣ уже съ атаманомъ и съ полками, въ Екатеринодаръ, куда и прибыли предъ праздникомъ Рождества Христова. Проходя чрезъ Екатеринославъ, по случаю тезоименитства императрицы, губернаторъ Миклашевскій пригласилъ къ себѣ старшихъ офицеровъ на балъ, на которомъ, въ числѣ прочихъ, былъ и я.

По прибытіи въ Екатеринодаръ, Чепига оставилъ меня при себѣ въ качествѣ дежурнаго капитана и я управлялъ собственною его канцеляріе; быть у него всегдашимъ домашнимъ человѣкомъ, имѣть у него столъ и иногда распоряжаться по его хозяйству. Обхожденіе его со мною было самое отеческое.

Таковое благосклонное расположение ко мнѣ кошеваго атамана доставило мнѣ общее уваженіе по войску, и, въ молодыхъ лѣтахъ моихъ—не болѣе 25-ти, было очень лестно. Главное управление по войску сосредоточивалось въ моихъ рукахъ; по безграмотности атамана, я могъ бы многое сдѣлать и составить себѣ хорошее состояніе; но я дорожилъ добродушнымъ и милостивымъ довѣріемъ ко мнѣ начальника и не употреблялъ его во зло.

Всѣ интересовались знакомствомъ со мною и старались пріобрѣсти дружбу мою.

Въ Екатеринодарѣ содержали питейные сборы откупщикъ Яншинъ; сборами этими управлялъ Данило Гавриловичъ Похитоновъ. Онъ весьма желалъ познакомиться со мною и наскъ свели съ нимъ. Въ послѣдствіи времени я сдѣлался съ нимъ большими пріятелемъ.

Разъ проходилъ я мимо тюрьмы, гдѣ содержались арестанты, и слышу голосъ:

— «Иванъ Ивановичъ! спаси меня! Заковали меня и вкинули въ тюрьму невиннаго!»

Это заставило меня остановиться, и я узналъ, что то былъ дворянинъ Кованъко, который посаженъ въ тюрьму по домогательству

откупщика Яншина. Я успокоилъ его, и сказалъ, что узнаю въ войсковой канцелярии о его дѣлѣ, и, если можно, буду стараться помочь ему.

Дѣйствительно, я узналъ въ войсковой канцелярии, что Кованько подвергнутъ тюремному содержанию безъ особенно важной причины, за ссору съ Покитоновымъ. Но все это было придумано заблаговременно, съ умысломъ. Кованько состоялъ помѣрнѣмъ при откупщикѣ Яншинѣ, и когда сей послѣдній началъ обижать его и хотѣлъ отрѣшиться отъ должности, то Кованько грезилъ сдѣлать доносъ на существование по откупамъ большихъ злоупотребленій.

Большія дѣла творили тогдашніе откупщики, и при богатствѣ своемъ были всесильны!

Яншинъ уладилъ съ Кованько, и послалъ его обревизовать екатеринодарскіе сборы, — предписавъ между тѣмъ секретно Покитонову ввести Кованько въ ссору съ нимъ, чтобы имѣть предлогъ задавить его, чтѣ вѣсма легко казалось ему сдѣлать въ такомъ отдаленномъ краю отъ высшаго начальства, гдѣ трудно было достигнуть правосудія, и при особенной дружбѣ его съ полковникомъ Головатымъ, которыи отдавалъ свой значительный капиталъ въ оборотъ Яншину. — Я ничего этого не зналъ и принялъ участіе въ положеніи Кованько изъ единого христіанскаго состраданія.

Покитоновъ предостерегалъ меня, чтобы я отказался отъ помощи въ дѣлѣ Кованьки, говоря, что я возвратился этимъ противъ себя Головатаго; но это не удержало меня, и, не ходатайству моему, Кованько освободіенъ изъ тюремъ и оставленъ подъ домашнімъ надзоромъ откупа. Онъ писалъ и жаловался Яншину; тогдѣ ничему не внималъ. Но когда вступилъ на престолъ Павель — императоръ строгій и справедливый, тогдѣ Кованько писалъ къ Яншину, что онъ дойдетъ до правосудія, наря и ему, за преступленія дѣянія, будеть же стокая награда... Это образумило Яншина: Кованько былъ освобожденъ; онъ воѣвалъ къ Яншину въ Кременчугъ, помиралъ съ нимъ, и Покитоновъ говорилъ мнѣ послѣ, что Яншинъ дорого купилъ ми-ровую съ Кованькой: обошлось тысячу двадцать. — Такимъ образомъ, я имѣлъ удовольствіе облегчить начально участіе бѣдника, котораго состояніе въ послѣдствіи было достаточно обеспечено.

Головатый, по этому случаю, сдѣлался ко мнѣ холоденъ, и я не пользовался уже прежнимъ добрымъ расположениемъ его; но я не жалѣлъ о томъ — ради добра дѣла.

IV.

Проживши около года въ Екатеринодарѣ, отпросился я изъ отпуска на родину и отправился вмѣстѣ съ землякомъ и приятелемъ моимъ сотникомъ Порокхею. Всѣ родные мои были чрезвычайно обрадованы пріѣздомъ монимъ; я всѣхъ икъ посѣщалъ.

Въ Малороссіи прожилъ я мѣсяцемъ пять и проживалъ болѣшую часть времени въ м. Иркутскѣ, въ домѣ богатаго помѣщика Угричча-Требинскаго, сынъ коего, Александръ Максимовичъ, былъ долгое время управляющимъ таганрогской таможнею, съ которыми, въ послѣдствіи времени, и здѣсь видался я. Нынѣ (1850 г.?) онъ статскій совѣтникъ и управляетъ петербургскою таможнею. Въ домѣ Требинскаго время проводилъ я весьма пріятно.

Въ это время пріѣжалъ въ Малороссію дядя мой по матери—губернскій секретарь Михаилъ Петровичъ Чернавскій. Онъ управлялъ всѣми имѣніями графа Разумовскаго и имѣлъ значительное состояніе.

По пріѣздѣ его, я сдѣлалъ ему визитъ, утромъ. Онъ, быть можетъ, занимался въ это время дѣлами, и потому принялъ меня—но то чтобы сухо, но я ожидалъ отъ него гораздо болѣе родственнаго пріема. Потомъ я еще разъ посѣтилъ его и ожидалъ отъ него подобной вѣжливости; но онъ, видно, не призналъ этого нужнымъ. Таковое холодное обхожденіе его со мною не произвело между нами симпатіи. Нѣсколько разъ послѣ того встрѣчался я съ нимъ въ домѣ Требинскаго, и когда онъ заводилъ разговоръ о Петербургѣ, я, бывши тамъ два года и считая себя знающимъ не менѣе его не рѣдко спорилъ съ нимъ и противорѣчилъ ему. Таковое поведеніе мое съ дядею было новодомъ рѣшительнаго равнодушія и отсутствія всякаго сочувствія ко мнѣ. Нынѣ жалѣю я о томъ, потому что послѣдующія обстоятельства жизни моей заставили меня искаль помочи его—но ничего не могъ получить!

Пріобрѣтенными мною въ Польшѣ деньгами я не умѣлъ распорядиться благоразумно и не наблюдалъ въ нихъ строгой бережливости: часть изъ нихъ прожилъ; часть раздавалъ приятелямъ въ долгъ, и не получилъ. У меня оставалось еще не болѣе половины—5,000 руб. асс. Тогда пришла мнѣ благая мысль: чтобы не растратить остатънаго, пріобрѣсти, въ запасъ для будущности, какое-нибудь имѣніе. Отъ одного сосѣда узнаю, что продается небольшое имѣніе въ Херсонской губерніи, и когда собрался возвратиться въ Черноморію,—добрый дядя мой Иванъ Васильевичъ Мигринъ

согласился отправиться въѣхѣть со мною въ Херсонскую губернію, для осмотра продаваемаго имѣнія, и мы поѣхали.

Имѣніе это было въ Ольвіопольскомъ уѣздѣ, деревня Маріановка: крестьянъ 24 души; земли три тысячи десятинъ; господскій домикъ, садъ, скотъ, хороший прудъ съ рыбой; оно принадлежало дворянкѣ, вдовѣ—фамилію теперь не припомню, и за все это заплатили пять тысячъ рублей ассигнаціями. Въ нынѣшнее время (1850 г.) една земля эта стоитъ сто тысячъ рублей!

Оставилъ въ купленной деревнѣ человѣка для управления, я возвратился въ Екатеринодаръ.

Атаманъ Чепига встрѣтилъ меня съ радостю; онъ скучалъ за мною, и, при первой встрѣчѣ со мною, сказалъ мнѣ, между прочими слова, изъ малороссійской пѣсни:

«Ждала, ждала, да и плакати стала!»

Онъ, точно, любилъ меня какъ сына.

Открылась война съ Персіею; полковника Головатаго командировали въ Астрахань съ двумя пѣшими полками казаковъ и съ флотиліею. Около Астрахани, гдѣ расположены были казаки, мѣста, какъ известно, болотистыя и неадоровныя. Болѣзни и смертность истребляли людей, такъ что полки, простоявши въ этихъ мѣстахъ годъ, дипшились въ это время изъ тысячи человѣкъ—400. Наконецъ, и Головатый умеръ тамъ-же.

По замиреніи съ Персіею, полки возвратились въ Черноморію въ самомъ жалкѣй видѣ: люди изнуренные, больные, оборванные—все пятьтыя износили.

До возвращенія еще полкъ изъ Астрахани, скончался благодѣтель мой атаманъ Чепига, расположеніе моего ко мнѣ съ каждымъ днемъ увеличивалось и влияніе мое на войсковыя дѣла, за отсутствіемъ Головатаго, еще болѣе распространилось, а съ тѣмъ имѣстѣ увеличивалось общее расположеніе и уваженіе ко мнѣ войска.

По смерти Чепиги, должность кошеваго атамана исправлялъ временно войсковой кошевой писарь, подполковникъ Котляревскій. По донесеніи начальству въ Петербургъ о смерти Чепиги, назначенъ быть на мѣсто его кошевымъ атаманомъ Головатый; но повелѣніе объ этомъ получено по смерти уже его, и потому Котляревскій утвержденъ настоящимъ кошевымъ атаманомъ.

Возвратившіяся изъ Астрахани полки, не имѣя одежды и обуви, не имѣли и хлѣба для продовольствія. Они просили атамана оставить ихъ въ Екатеринодарѣ на нѣкоторое время, чтобы оправиться отъ труднаго похода, одѣть ихъ и пока продовольствовать ихъ на войсковой счетъ. Атаманъ Котляревскій дозволилъ имъ остаться въ

Екатеринодаръ однѣ недѣли—въ это время продовольствовалъ иль отъ войска; и по окончаніи недѣли, залѣво было имъ отправиться на заработки—кто куда хочетъ.

Казаки просили продолжать продовольствие имъ хотя въ теченіе одного мѣсяца. Атаманъ, человѣкъ твердаго и жесткаго характера—отказалъ.

Люди дѣйствительно были въ самомъ крайнемъ положеніи: они остались вовсе безъ хлѣба и безъ всякихъ средствъ къ продолженію существованія своего. Оказался между ними ропотъ, наконецъ, са-мый бунтъ и неповиновеніе властямъ. Для усмиренія ихъ атаманъ послалъ команду; нѣкоторыхъ казаковъ схватили и посадили въ яму. Товарищи освободили ихъ и продолжали буйство. Другая послан-ная команда не могла ничего уже сдѣлать съ ними.

На кавказской линіи былъ инспекторъ, генераль, командующій тамъ отрядомъ. Атаманъ извѣстилъ его о происшедшемъ въ Екатеринодарѣ. Онъ прибылъ туда съ однимъ армейскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Въ это время была въ Екатеринодарѣ ярмарка и къ не-довольнымъ казакамъ пристало еще нѣсколько тысячъ. Посыпали нѣсколько командъ казаковъ для усмирения ихъ, но и тѣ къ нимъ приставали. Такимъ образомъ, ни армейскій полкъ, ни черномор-скія команды ничего не могли сдѣлать съ возмутившимися. Впро-чемъ, драки и кровопролитія не было.

Атаманъ Котляревскій не упалъ духомъ и говорилъ, хотя самъ погибнетъ, но поставить на своеимъ и что воля его должна быть исполнена. Таковъ и долженъ быть начальникъ въ трудныхъ об-стоятельствахъ!

Атаманъ и инспекторъ уговаривали ненокорныхъ и спрашивали: чего они хотятъ? Они отвѣчали: чтобы отправили ихъ къ государю и ему принесутъ они жалобы свои. Начальники сказали, что нельзя же всѣхъ отправить къ государю: пусть они изберутъ отъ себя де-путатовъ и пошлютъ въ Петербургъ. Казаки согласились на эту мѣру и успокоились.

Они сдѣлали между собою совѣщеніе: кого бы изъ офицеровъ отправить съ избранными изъ среды ихъ депутатами? и рѣшили единогласно: избрать Мигрина, какъ человѣка, пользующагося об-щею доброю славою, въ полной увѣренности, что я буду защищать ихъ интересы и, по мнѣнію ихъ, правое ихъ дѣло.

Понимая всю важность и ответственность такого порученія, я спра-шивавъ атамана, какъ поступить мнѣ въ этомъ случаѣ: исполнить-ли желаніе казаковъ, или отказаться отъ него? Атаманъ совѣтовалъ мнѣ не отказываться отъ этого порученія; что онъ снабдить меня

письмами къ начальству въ Петербургъ, и я могу оказать услугу правильству, способствуя къ наказанию виновныхъ—какъ того заслуживаютъ они, и успокоению остальныхъ. Я согласился и объявить о томъ казакамъ. Они, для охраненія моего, поставили около квартиры моей караулъ.

Казаки избрали изъ себя 16 человѣкъ, мнѣ отпустили изъ войсковой суммы 4,000 руб. асс.; атаманъ и инспекторъ написали письма къ состоящему при императорѣ генерал-адъютанту Ростопчину и мнѣ, весною 1797 года, на восьми тѣрькахъ отправились въ Петербургъ.

V.

Письма, врученныя мнѣ отъ атамана и инспектора, въ которыхъ описаны были противозаконныя дѣйствія бунтовщиковъ, хранилъ я въ великой тайнѣ; иначе, если бы они узнали объ нихъ, могли бы лишить меня жизни.

Пройдомъ въ Москвѣ, быть я въ театрѣ, и два казака были со мною нераалучно. Дорогою я старался угощать казакамъ и проводольствовала имъ изобильно.

По прїездѣ въ Петербургъ, отправились мы въ г. Гатчину, гдѣ былъ тогда императоръ. Я явился во дворецъ къ генералу Ростопчину и представилъ ему письма атамана и инспектора. Казаки были все со мною. Онъ сказалъ, что государь пойхалъ прогуливаться и приказалъ мнѣ дожидаться его. Мы ожидали часу до втораго по полудни. Между тѣмъ, мнѣ подали закусить. Къ государю допущены мы не были, а вошелъ адъютантъ Ростопчинъ, съ карауломъ, и объявилъ высочайшую волю, что казаковъ велѣно препроводить подъ арестъ въ Петропавловскую крѣпость, а мнѣ велѣно отправиться въ Петербургъ и жить тамъ на квартирѣ. Мнѣ объявилъ адъютантъ особенно, что если бы кто изъ казаковъ вздумалъ сопротивляться, то велѣно приколоть такового.

Въ Петербургъ нашелъ я квартиру на Адмиралтейской плопцади, въ гостинице «Лондонъ». Надъ казаками учреждена была въ крѣпости слѣдственная комиссія. На спросы казаковъ о происшествіяхъ въ Екатеринодарѣ, они сослались на меня, говоря, что Мигринъ все знаетъ, онъ все объяснить и дастъ отвѣтъ за нихъ.

Потребовали меня въ комиссію; я явился въ присутствіе и объяснилъ по сущей истинѣ какъ было дѣло: какъ казаки бунтовали, какъ они отбивались отъ посланныхъ командъ, какъ отбили задер-

жанныхъ подъ арестомъ товарищѣ своихъ. Какъ ни жаль было мнѣ казаковъ—зналъ, что за поступки ихъ ожидаю справедливое возмездіе,—но, какъ вѣрный подданный царя, не могъ сказать иначе. Тогда казаки образумились и поняли, что я имъ не защитникъ и ходатаемъ ихъ, а обвинителемъ предъ правительствомъ за противозаконныя дѣйствія ихъ. Они сказали:

— «Видно остается намъ надежда на одного Бога, а не на тебя!»

Упрека этого я не могъ принять на свой счетъ. Предложеніе ихъ отправиться съ ними въ Петербургъ согласился я принять съ воли атамана, въ видахъ пользы службы (?).

Одинъ изъ членовъ комиссіи, обратившись ко мнѣ, сказалъ, что и я прикосновененъ къ этому дѣлу. Таковая рѣчь сильно огорчила и поразила меня, и я выразился, что меня не только не должно считать прикосновеннымъ къ бунту—и следствію виновнымъ,—напротивъ, по моему мнѣнію, заслуживаю признательности отъ правительства за то, что, воспользовавшись довѣренностью и уважениемъ ко мнѣ казаковъ, согласился отправиться во главѣ депутациіи ихъ и тѣмъ способствовалъ не только къ усмирению непокорныхъ, но и къ спокойствію всего края. Рѣчь эта подействовала и меня отпустили изъ комиссіи.

Вскорѣ вытребованъ былъ въ Петербургъ атаманъ Котляревскій; онъ принялъ быть милостиво и ходатайствовалъ за меня, представивъ, что я приѣзжомъ съ казачьими депутатами оказалъ услугу войску, передавъ въ руки правительства непокорныхъ; и до меня следственная комиссія болѣе уже не касалась.

По возвращеніи моемъ въ Екатеринодаръ, вскорѣ собралось около квартиры моей, утромъ, человѣкъ пятьдесятъ казаковъ. Я вышелъ къ нимъ и спросилъ: что имъ нужно? Они спрашивали меня: куда дѣвали я казаковъ, которые поѣхали со мною въ Петербургъ?—Я сначала оробѣлъ-было, думая, что они пришли раздѣлаться со мною за своихъ товарищѣй, о задержаніи коихъ слухи дошли уже до нихъ; но потомъ ободрился и отвѣчалъ, что представилъ ихъ къ государю, но поступокъ ихъ былъ не одобренъ, ихъ сочли ослушниками противу начальства и велими судить, а меня, какъ невиннаго, отпустили. По принятіемъ мѣрамъ въ войскѣ все уже успокоилось и явившееся ко мнѣ казаки, видя, что противъ высшей власти и силы спорить нельзя—разошлись.

Изъ задержанныхъ въ Петербургѣ казаковъ, двухъ главныхъ виновниковъ осудили и, по наказаніи, сослали въ Сибирь; остальныхъ 14 человѣкъ препроводили для сужденія въ Усть-Лабинскую крѣпость; но судъ сдѣлалъ съ нихъ самое легкое взысканіе.

VI.

Въ это время случилось происшествіе, воспоминаніе о коемъ донъ (1850 г.), по прошествіи болѣе 50-ти лѣтъ,—когда, доживши до глубокой старости, готовлюсь каждый часъ разстаться съ жизнью и предстать предъ судомъ Бога, чтобы дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ,—повѣряя минувшую жизнь свою, въ тихія минуты бесѣды съ самимъ собою,—тревожить совѣсть мою и нарушаетъ спокойствіе. Не хочу утаивать объ этомъ происшествіи, чтобы оно послужило примѣромъ и наставленіемъ дѣтямъ моимъ и вообще молодымъ людямъ: что дурное дѣло, какая бы ни была побудительная причина его—легкомыслѣ ли, вѣтренность ли, порывъ страсти, или просто необдуманность,—не можетъ остататься безъ наказанія, которое рано или поздно постигнетъ виновнаго!

Атаманъ Котляревскій поѣхалъ изъ Екатеринодара для осмотра станицъ по войску. За отсутствіемъ исправлялъ должность его подполковникъ Чепига—племянникъ бывшаго атамана. Разъ былъ я у него въ домѣ; тутъ было онъ, жена его и еще одна подполковница, пріятельница ея. Между разговоромъ о разныхъ предметахъ зашла рѣчь объ одной извѣстной развратноймъ поведеніемъ своимъ вдовѣ простаго казака. Жена Чепиги сказала, что она видѣла бы женщину эту распять на крестѣ, обрѣзать ей до пояса платье и потомъ выгнать ее съ бечестіемъ за городъ. Бывшій тутъ же въ компаніи городничій сказалъ, что если бы ему дали такое предписаніе, онъ исполнилъ бы его въ точности.

Пріятельницы, изрекшія такой ужасный приговоръ, выдавая себя за строгихъ блестительницъ чистоты нравовъ, были сами точно такого же поведенія, что въ особенности въ отношеніи жены Чепиги было мнѣ совершенно извѣстно...

Въ угожденіе невинной женѣ Чепиги, я (какъ секретарь въ войсковой канцелярії) сказалъ въ канцеляріи повытчику, чтобы онъ написалъ предписаніе городничему о поступленіи съ сказанною вдовѣ, за развратное поведеніе ея, по вышеупомянутому, и несчастную подвергли этому истязанію и посрамленію, и выгнали изъ города.

Я хотя и не подписывалъ этой бумаги, но она составлена была съ моихъ словъ; слѣдственно, вину этого безчеловѣчнаго поступка приписываю я собственно себѣ. Въ этомъ необдуманномъ поступкѣ

я цѣлый вѣкъ свой каялся и теперь съ душевнымъ прискорбiemъ и сожалѣніемъ вспоминаю о немъ!

Во времена тогдашняго нѣвѣжественнаго понятія черноморцевъ, поступокъ этотъ не казался преступленіемъ, ни даже жестокимъ, а былъ принять какъ смѣшное позорище... Не такъ думаю я объ немъ нынѣ! Приношу чистосердечное раскаяніе...

Атаманъ Котляревскій сдѣлался болѣнъ, безъ надежды къ выздоровленію. Заботясь о благосостояніи войска, онъ затруднялся въ выборѣ преемника по себѣ: въ войску было восемь подполковниковъ; должно было избрать изъ нихъ, но кого? Пренімущественно достойнаго онъ не находилъ и, какъ онъ былъ хороший христіанинъ, то положился въ этомъ на волю Божію: на восьми билетикахъ написалъ имена всѣхъ подполковниковъ, свернуль и положилъ ихъ на образъ; потомъ положилъ три земныхъ поклона и взялъ одинъ билетъ: жребій палъ на младшаго изъ подполковниковъ—Бурсака.

Котляревскій послалъ прошеніе къ государю оувольненіи его по тяжкой болѣзни отъ службы и рекомендовалъ на свое мѣсто Бурсака. Императоръ благоволилъ къ Котляревскому за прямоту характера его и откровенность въ его донесеніяхъ. Было нѣсколько случаевъ, гдѣ закубанцы прорывались чрезъ наши кордоны и дѣлали грабежи. Котляревскій, донося объ этомъ государю, сознавался, что это послѣдовало отъ недосмотрѣнія команды или отъ недостаточности его распоряженій—и просилъ помилованія; это нравилось справедливому императору, и атаманъ оставался безъ замѣчаній и взысканій.

Бурсакъ былъ утвержденъ кошевымъ атаманомъ, а Котляревскій уволенъ съ пенсіею 1,000 руб. асс.

По смерти войскового судьи Головатаго, званіе это было упразднено и назначенъ въ войковую канцелярію первоприсутствующій членъ; въ должность эту опредѣленъ присланный изъ Петербурга, изъ армейскихъ, генераль-лейтенантъ Кирѣевъ; прокуроромъ присланъ, также изъ Петербурга, Овцынъ. Въ продолженіе этого времени вступили въ черноморскую службу управлявшій прежде екатеринодарскимъ питейнымъ сборомъ—пріятель мой Похитоновъ, зачисленъ прямо сотникомъ и помѣщенъ секретаремъ въ войковую канцелярію. Это былъ человѣкъ дѣятельный и весьма способный къ дѣламъ. Съ нимъ я совершенно сдружился.

Прокуроръ Овцынъ былъ человѣкъ беспокойнаго характера; онъ не сошелся съ генераломъ Кирѣевымъ и дѣлалъ препятствія и придики по дѣламъ. Генералъ послалъ на него нѣсколько донесеній въ сенатъ; прокуроръ не унимался и позволялъ себѣ многое говорить въ присутствіи; генералъ приказалъ все это записывать въ журналъ.

Разъ, прокуроръ до того забылся, въ присутствіи генерала въ канцеляріи, что говорилъ, если ему дадутъ деньги, то онъ уладитъ всѣ дѣла и будетъ жить мирно. Генераль, выведенный изъ терпѣнія такимъ вахальствомъ прокурора, тутъ же въ присутствіи арестовалъ его и сдалъ подъ арестъ приказаннымъ солдатамъ. Когда донесено было о семъ высшему начальству, то генераль и прокуроръ оба отрѣзаны были отъ должностей: первый за превышеніе власти своей, послѣдній за бѣбѣордки по должності.

По смерти полковника Головатаго, оставшееся значительное имѣніе и капиталъ его, во распоряженію таврическаго генерала-губернатора, въ вѣденіи коего находилась и Черноморія,—вѣлько было сдать въ распоряженіе таврической дворянской опеки. Назначенные отъ опеки опекуны прибыли въ Екатеринодарь, для приема имѣнія. Дѣло это было у меня по экспедиціи и я окказалъ по немъ безкорыстныя услуги опекунамъ. Похитоновъ также познакомился съ опекунами и съ прѣзвѣніемъ вмѣстѣ съ ними секретаремъ уѣздного суда Лыковымъ.

Похитонову нужны были для оборота деньги; онъ отправился въ Таганрогъ, чтобы достать ихъ отъ знакомыхъ опекуновъ Головатаго. Въ Таганрогѣ остановился онъ въ домѣ секретаря Лыкова, противъ коего былъ домъ уѣзданого казначея Капельки. Жена Капельки содержала маленький домашній дѣвичій пансіонъ. Похитоновъ, проживъ не сколько дней въ Таганрогѣ, познакомился съ казначеемъ; видѣть воспитывавшихся тамъ дѣвицъ и замѣтилъ одну изъ нихъ—свѣженькую, полненньюю, черноглазую брюнетку, сироту, дочь артиллерійскаго капитана, служившаго и умершаго въ Тобольскѣ—Евдокію Григорьевну Иванову. Разспросивши о ней, узналъ, что сирота эта прѣѣхала изъ Сибири съ матерью своею, вдовою, по полученіи извѣстія о смерти роднаго дяди ея, артиллеріи полковника Федора Ивановича Иванова, послѣ коего осталось порядочное имѣніе въ Таганрогскомъ уѣздѣ, которое и передено во владѣніе ея; но имѣніе и сама она, по несовершеннолѣтію, были въ опекѣ; опекуномъ былъ соѣдь-помѣщикъ, титуллярный совѣтникъ Павелъ Семеновичъ Осинскій, а попечителемъ таганрогскій предводитель дворянства, помѣщикъ, надворный совѣтникъ Григорій Ивановичъ Коваленскій.

Возвратившись въ Екатеринодарь, Похитоновъ, любившій меня искренно и преданный мнѣ, началъ совѣтывать мнѣ жениться и указать на дѣвицу Иванову, рассказалъ все подробно, что было извѣстно ему объ ней, что она дѣвочка умная и добродушная и проч. Я на отрѣзъ отказалъ ему, говоря, что, пользуясь общимъ уваженіемъ, ведя жизнь привольную и ни въ чёмъ не нуждалась,—не думалъ еще жениться. Такъ это дѣло и осталось.

У Покитонова былъ еще въ Таганрогскомъ уѣздѣ старій пріятель его, Федоровичъ (коллежскій реческтраторъ); онъ жилъ за Дономъ, на Кагальникѣ, и управилъ имѣніемъ.

Опекунъ Осинскій, управляя сиротскимъ имѣніемъ, — да иrostитъ ему Богъ! — вѣль дѣла не совсѣмъ добросовѣстно: отрѣсалъ себѣ участокъ сиротской земли и захватилъ нѣкоторыя вещи изъ движимости; поэтому онъ желалъ самъ пріескатъ для Евдокіи Григорьевны женіха, который былъ бы обязанъ имъ за то собственно ему. Выборъ его остановился на Федоровичѣ, какъ человѣкъ смиренный и безъ претензій, который не требовалъ бы всего, а остался доволенъ тѣмъ, что получить. Онъ предложилъ Федоровичу, тотъ согласился, оставалось только привести планъ этотъ въ исполненіе — женить Федоровича.

Федоровичъ обѣщалъ Покитонову пріѣхать къ нему въ Екатеринодаръ на Пасху погостить. Онъ ожидалъ; но вдругъ Федоровичъ пишетъ письмо къ Покитонову, что онъ не можетъ пріѣхать къ нему, потому что ему на праздникъ надобно быть въ Таганрогѣ, гдѣ ссыкали ему невѣstu, дѣвицу Е. Г. Иванову, и онъ намѣренъ отправиться туда и жениться.

Покитоновъ, получивъ это письмо, пришелъ ко мнѣ, показалъ его мнѣ и сказалъ: «вѣжай ты теленокъ! не умѣешь пользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ; упустившіи его, ты не будешь уже, быть можетъ, имѣть другаго подобнаго. Федоровичъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже тебя и онъ воспользуется этимъ счастіемъ». — Я и на этотъ разъ остался при прежнемъ намѣреніи своемъ.

Послѣ сего разговора, я два—три дня раздумывалъ о немъ, и наконецъ мнѣ пришла мысль: «женюсь!» Прихожу къ Покитонову и говорю ему: «ѣдемъ. — Куда? — Въ Таганрогъ. — Зачѣмъ? — Жениться. Извѣстіе это, по дружбѣ его ко мнѣ, очень обрадовало его. Я началъ было говорить о сборахъ; онъ возразилъ, что собираясь и откладывать некогда, иначе будетъ поздно. И дѣйствительно, на другой же день, взявши подорожную, отправился я вмѣстѣ съ Покитоновымъ въ Таганрогъ и пріѣхалъ туда за три дня до Пасхи 1800 года.

Остановились у секретаря Лыкова. Были въ домѣ казначея Капельки и тамъ увидѣлъ я въ первый разъ невѣstu мою, Евдокію Григорьевну: она была очень молода — ей не было еще и полныхъ 15-ти лѣтъ, но сложена довольно уже хорошо. Я бесѣдовалъ съ ней, но особыхъ изысканій не было.

Покитоновъ познакомилъ меня съ предводителемъ Коваленскимъ. Онъ встрѣтилъ меня радушно, и сказалъ, что знакомъ уже со мною чрезъ опекуновъ Головатаго, бывшихъ въ Черноморіи, которые отзывались съ благодарностью объ оказанныхъ имъ со мною по канцелярии

одолженіягъ; а потому онъ предупрежденъ уже къ мою пользу и уважаетъ меня.

Хорошо всегда оказывать услуги людямъ: воображаешь, что никогда уже не встрѣтишься съ ними и не будешь имѣть въ нихъ надобности; но иногда обстоятельства наставляютъ съ такими людьми къ непредвидѣнія близкія отношенія и тогда они бываютъ полезны. Равно не должно дѣлать и огорченій людямъ, по видимому, самыи ничтожныи и бессильныи: можно ли предвидѣть будущее? Иногда эти люди возвышаются, или по другому какимъ либо обстоятельствамъ могутъ имѣть влияніе на судьбу нашу.—Вѣкъ пережить—не паде перейти!—все можетъ случиться, чего вовсе и не воображаешь.

Когда Покитоновъ объявилъ предводителю о моемъ намѣреніи жениться, Коваленскій одобрилъ, отмѣталъ съ покваломъ о качествахъ невѣсты и обѣщалъ ближайшее содѣйствіе свое, такъ какъ она зависитъ отъ него непосредственно.

Спросили невѣstu о ея желаніи; она, какъ молодая девушка, замялась; но Коваленскій уразумѣлъ ее: выкалять меня, и говорилъ, что она будетъ со мною въ супружествѣ счастлива, и дѣло улажено.

Покитоновъ, во всемъ касающемся до меня, принималъ самое искреннее дружеское участіе. Разъ, бесѣдуя со мною, сказалъ, что онъ, обсуживая о моемъ намѣреніи жениться, думаетъ—не лучше ли будеть, если я откажусь отъ него; ибо онъ по разспросамъ узналъ, что мать Евдокіи Григорьевны подвержена слабости—запоя; а съ такою тещею семейное счастіе и спокойствіе не могутъ быть прочными.—Я отвѣчалъ, что не могу отстать.—«Да развѣ ти влюбился?»—спросилъ онъ.—Совсѣмъ нѣтъ,—отвѣчалъ я,—но отстать не могу. Тогда Покитоновъ сказалъ: «Видно судьба хочетъ этого; съ Богомъ!»

15-го апреля 1850 года исполнится 50-ти лѣтній юбилей моего супружества: золотая свадьба! и я благодарю Бога за счастіе, которыи онъ благословилъ наше супружество—такъ рѣдко и не многими достигаемое! Въ этомъ признаю особенное милосердіе и благость Божію...

Въ такомъ важномъ обстоятельствѣ жизни нашей, какъ супружество, нельзя не допустить предопредѣленія. Я родился въ Малороссіи, Евдокія Григорьевна—въ Сибири: два противоположные полюса—и судьба соединила ихъ! Еслибъ Покитоновъ не получилъ письма Федоровича о намѣреніи его отправиться въ Таганрогъ, для женитьбы,—тогда и мнѣ не пришла бы мысль жениться. Чудны судьбы Твои, Господи!

Въ это время прѣѣхалъ изъ Кагальника въ Таганрогъ и избранный опакуномъ Осинскимъ женихъ Евдокіи Григорьевны—Федо-

ровичъ, чтобы окончить дѣло; но уже опоздалъ. Онь, какъ добрый христіанинъ, принялъ это совершение равнодушно; познакомился со мною и говорилъ мнѣ, что ни онь не въ претензіи, что Евдокія Григорьевна выходитъ за меня замужъ, ни я не долженъ бы быть сѣтовать, еслибы она вышла за него: въ такомъ важномъ случаѣ жизни непремѣнно существуетъ предопредѣленіе судьбы, и я вѣрю этому.

Матери Евдокіи Григорьевны—Татьяны Петровны, не было тогда въ Таганрогѣ: она жила въ деревнѣ. Говорили, что надобно выпи-сать ее и спросить ея согласія; но Коваленскій отсовѣтовалъ, ска-залъ, что это излишнее: достаточно одного его согласія. И такъ, на Фоминой недѣлѣ, 15-го апраля 1800 г., я повѣчался на Евдокіи Гри-горьевнѣ; Г. И. Коваленскій былъ посаженнымъ отцомъ, а жена его, Елена Григорьевна—посаженою матерью.

Повѣчавшись, отправился я въ Черноморію и чрезъ два мѣсяца прїѣхалъ въ Таганрогъ, сдѣлали свадьбу и пиръ, и проживши нѣсколько дней въ городѣ, прїѣхали въ деревню Евдокіи Григорьевны—Совѣтъ (нынѣ село), гдѣ проживши короткое время, возвѣ-сь себою молодую жену и тещу, отправился въ Екатеринодаръ.

VII.

По восшествіи на престолъ императора Александра, войско черноморское назначило отправить въ Петербургъ депутатовъ съ по-здравленіемъ. Избрали подполковника Бурноса, меня и поручика Бѣлаго, и мы отправились, лѣтомъ 1801 г., въ Петербургъ; я—въ третій уже разъ.

По прїѣздѣ въ Петербургъ, явились мы къ генераль-прокурору что нынѣ министръ юстиціи; онъ назначилъ намъ день, когда должны были мы явиться ко двору.—Въ назначенный день явились мы во дворецъ и генераль-прокуроръ представилъ насъ къ императору. Государь говорилъ съ нами очень мало. Насъ наградили подарками и мнѣ достались золотые часы съ цѣпочкой, которые и донынѣ хранятся въ семействѣ моемъ.

Въ Петербургѣ прожили мы съ мѣсяцъ.—Замѣчательно, что въ то время ходило свободно по рукамъ въ публикѣ множество стиховъ и сочиненій, въ которыхъ охуждали дѣйствія покойнаго императора и превозносили похвалами вновь вступившаго на престолъ. Сочиненія дерзакія оставались безъ преслѣдованія.

Бурсакъ избранъ въ атаманы Котляревскімъ,—какъ сказано выше,—будучи самымъ младшимъ изъ восьми подполковниковъ въ войскѣ. Всѣмъ прочимъ, имѣвшимъ по старшинству службы болѣе

его право на начальствование,—это очень не нравилось; они были недовольны распоряжениями его и враждовали противъ него. Всѣ штабъ-офицеры были хорошо знакомы со мною; они привлекли и меня на свою сторону, и какъ дѣла по управлению войскомъ были мнѣ совершенно извѣстны, то склонили меня сдѣлать доносеніе высшему начальству на разныя злоупотребленія по управлению и растрату войсковыхъ суммъ.—Пріятель мой Покитоновъ также поддерживалъ эту мысль и совѣтами своими способствовалъ приведенію ея въ исполненіе.

При моемъ мирномъ и кроткомъ характерѣ, не могу объяснить себѣ: какъ родилась во мнѣ такая мысль, которой одобрить, конечно, не могу.

Бумаги со всѣми доказательствами были изготовлены; но отправить ихъ по почтѣ изъ Екатеринодара я не могъ рѣшиться, потому что это было бы тотчасъ обнаружено и меня придали бы.—Бумаги оставались у меня и, быть можетъ, да же я одумался бы и уничтожить ихъ, но, видно, такъ должно было быть, чтобы намѣреніе мое приведено было въ дѣйствіе.

Ко мнѣ пріѣхалъ знакомый повѣренный откупщика Яншина, по дѣламъ откуна. Онъ останавливался у меня на квартирѣ, и, при отѣзгѣ его, я вручилъ ему запечатанные бумаги, чтобы онъ отдалъ ихъ на почтѣ проѣздомъ чрезъ Азовъ. Онъ отдалъ бумаги,—и дѣло загорѣлось...

По высочайшему повелѣнію назначенъ былъ для производства слѣдствія севастопольскій военный губернаторъ, извѣстный генералъ Иванъ Ивановичъ Михельсонъ.

Атаманъ, весьма натурально, вознегодовалъ на меня и старался всѣми силами повредить мнѣ; его сторону принялъ и первоприсутствующій генералъ Кирѣевъ. Положеніе мое было весьма затруднительное и опасное и я боялся, что, при всей справедливости извѣта моего, меня же обвинять и засудять.

Мнѣ давали самые строгіе запросы и требовали немедленно отвѣтить, стараясь запутать меня и сдѣлать самого прикосновеннымъ къ беспорядкамъ и злоупотребленіямъ. Я упаль духомъ и трусила ужасно; но Покитоновъ ободрялъ и поддерживалъ меня совѣтами и наставленіями.

Съ Михельсономъ пріѣзжалъ чиновникъ Михаилъ Степановичъ Жуковскій—(въ послѣдствіи генералъ-интенданть арміи¹). Я познакомился съ нимъ, открылъ ему опасенія свои и совершенную невинность свою. Онъ посовѣтовалъ мнѣ явиться къ Михельсону, да же наставление какъ объясняться съ нимъ и просить его защиты и покровительства. Я явился къ генералу; онъ выслушалъ меня благосклонно; сказалъ, что не хорошо доносить на свое начальство, впрочемъ, объ-

¹) Отецъ статьи-секретаря тайного совѣтника Степана Михайловича Жуковскаго († 1877 г.). Ред.

щагъ обратить на дѣло особенное вниманіе и событія строгую справедливость.

Въ послѣдствіи, къ совершенному удовольствію моему, сенатъ кончилъ дѣло ничѣмъ: никто не пострадалъ, ни я, и никто не были обвинены. Рѣшеніе состояло въ томъ, что: какъ Черноморія край новый, положительныхъ и точныхъ правилъ и закона на управлѣніе ея еще не утверждено—она управлялась болѣе по произволу и мѣстному соображенію атамана; распоряженіе войсковыми суммами зависѣло также отъ распоряженія и произвола атамана,—то и велѣно: прекративъ дѣло это, оставить его безъ всякихъ послѣдствій.

Я ожиль тогда!...

Происшествіе это было чрезвычайнымъ урокомъ для меня!—Не должно никому увлекаться недобрымъ совѣтомъ, а помнить святое правило: «чего себѣ не желаешь, того и другому не желай!» Конечно, нѣтъ правила безъ исключенія: бываютъ случаи, когда молчаніе о известномъ злѣ или преступленіи—можетъ быть предосудительно; но эти случаи такъ рѣдки! Добрые люди думаютъ такъ: пусть погибнетъ виновный, если того заслуживаетъ,—да не отъ моихъ рукъ!—Преступление или худое дѣло, какъ бы ни было скрытно,—рано или поздно получаетъ должное возмездіе: это непреложный законъ истины и небеснаго правосудія.

Мудрая законодательница наша Екатерина II изрекла: «доносы полезны, но доносчики нетерпимы!»

Въ то время я не зналъ этого мудраго изрѣченія, иронизнутаго духомъ кротости, великодушія и христіанскаго человѣкодобія.

Хотя дѣло, по донесенію моему начавшись, конечно и благополучно и никто не пострадалъ, но атаманъ, весьма естественно, не имѣлъ уже ко мнѣ благосклонности. Какъ ни сроднился я съ Черноморіемъ и какъ ни пріятно было мнѣ жить тамъ, пользуясь общимъ уваженіемъ,—я рѣшился разстаться съ ней и вышелъ въ отставку, тѣмъ же капитанскимъ чиномъ. По тогдашнему положенію, офицерамъ иррегулярныхъ войскъ не давали при отставкѣ чиновъ, какъ армейскимъ.

Рассуждая теперь объ оставленіи мною Черноморія, я признаю явный перстъ Божій, указавшій мнѣ путь. Климатъ черноморскій не только въ тогдашнее время, но и донынѣ, при усилившемся тамъ народонаселеніи и гражданственности—гигантъ для людей: изнурительная лихорадки и прочія болѣзни ежегодно похищаютъ много жертвъ. Не только изъ сверстниковъ, но изъ людей гораздо моложе меня—всѣ до одного давно уже померли, я еще живу: велико, неизреченно милосердіе Божіе ко мнѣ!

Иванъ Мигринъ.

15-го марта 1850 г.

Сообщ. въ 1876 г. Григ. Ив. Мигринъ, изъ Таганрога.

ЗАПИСКИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРКЕВИЧА.

1789—1848.

XXIV ¹⁾).

Выездъ губернатора въ Симбирскую губернію. — Симбирскъ. — Выездъ на ревизію въ губернію. — Крестьянскій бунтъ на межѣ. — Маіоръ Э. И. Столговъ. — Жандармы и отношенія къ нимъ губернатора. — Секретная инструкція. — Гр. Строгановъ. — Бенардаки. — Основаніе его богатства. — Бурлаки и вопросъ о паспортахъ.

1834 г.

Въ Симбирскую губернію я вѣхалъ 29-го марта. Вода ливнемъ стекала съ горъ, земля во многихъ мѣстахъ обнажилась, а по дорогѣ черноземная грязь такъ затягивала полозья, что я на первой станціи Симбирской губерніи, не смотря, что въ экипажѣ мой впряженіи восемь лошадей, принужденъ былъ его оставить, приказавъ его поставить опять на лѣтній ходъ, а самъ, пересѣвъ въ розвальни съ слугою, въ одномъ тепломъ сюртукѣ и вицѣ-мундирѣ потащился далѣе, а чрезъ двѣ станціи прибылъ въ первый городъ Симбирской губерніи—Ардатовъ.

Тутъ и слуха не было еще о смѣнѣ прежняго губернатора и о моемъ назначеніи. Остановясь на постояломъ дворѣ, я послалъ просить къ себѣ городничаго, который, явясь ко мнѣ, самымъ подозрительнымъ образомъ на меня поглядывалъ и казалось, что онъ подозрѣвалъ во мнѣ самозванца! Какъ скоро это недоразумѣніе объяснилось, онъ тотчасъ предложилъ мнѣ, для отдыха, перебраться на его квартиру,—ибо дѣйствительно та, которую мнѣ предоставила судьба на первыхъ порахъ въ моей гу-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 627—648; т. XVII, стр. 127—144; 251—266; 771—786. Изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 401—423. Нынѣ помѣщаемые главы написаны И. С. Жиркевичемъ, какъ видно изъ его помѣти: «въ Витебскѣ, въ 1841 г. марта 31-го».

берні, была очень неудобна, а въ особенности грязна,—на что я съ благодарностью изъявилъ свое согласіе, тѣмъ болѣе, что кромѣ отдыха я хотѣлъ пробыть въ этомъ городѣ одинъ день для осмотра казенныхъ заведеній, а болѣе всего разспросить кое-что касательно начатаго уже обращенія казенныхъ крестьянъ въ удѣль. Попросивъ городничаго, прежде чѣмъѣхать къ нему на квартиру, свезти меня въ городскую больницу и тюрьму, мы вышли на крыльцо и, когда подъѣхалъ его экипажъ, я подумалъ, что онъ надо мной смѣется, или долженъ быть весьма странный въ своемъ образѣ жизни: я увидѣлъ въ первый разъ таранта съ,—экипажъ, о которомъ и понятія не имѣлъ!..

Признаюсь, первая встрѣча съ общественными заведеніями, тюрьмою и больницею не совсѣмъ меня порадовала, а разспросы о средствахъ къ улучшенію этихъ заведеній меня еще болѣе огорчили. Но за то другой предметъ, именно переходъ крестьянъ въ удѣль, меня успокоилъ.

Въ самомъ Ардатовѣ цѣлая слобода населена бывшими казенными, а теперь удѣльными крестьянами и они не только не огорчились перемѣной своей участіи и названія, но, казалось, еще болѣе были довольны онимъ, ибо съ самой первой минуты перехода они заавили свои претензіи насосѣдніе участки какъ въ городу, такъ и къ мѣстнымъ помѣщикамъ, и новое ихъ начальство крѣпко обнадежило и уже принялось за нихъ хлопотать... На другой день явился ко мнѣ исправникъ и подтвердилъ тѣ же свѣдѣнія касательно уѣзда, съ оговоркой, что тамъ крестьяне болѣе толкуютъ о своемъ переворотѣ и что по сіе времена находятся въ чаду своего превращенія...

Не дойзжая 12-ти верстъ до Симбирска, совершенно на ровномъ мѣстѣ, часу въ первомъ ночи, наѣхали на экипажъ, въ половину опрокинутый въ воду, которая потокомъ стремилась черезъ дорогу и черезъ мостъ. На послѣднемъ стоялъ человѣкъ, по колѣна въ водѣ и держа лошадь подъ уздцы, кричалъ намъ, чтобы мы держались другой стороны дороги, ибо собственный экипажъ свидѣтельствуетъ, что здѣсь рытвина, и что онъ едва-едва не утонулъ, а теперь ждетъ помоши изъ дер. Варатаевки, куда онъ послалъ верхомъ своего ямщика. Возница мой, слѣдя совѣту, взялъ влѣво и мой тарантасъ немедленно сталъ въ pendant другому экипажу, т. е. на бокъ въ рытвину, зачерпнувшіи кузовомъ воду.

Чиновникъ мой Брянцевъ, Ѳхавшій со мной, еще наканунѣ жаловавшійся на большую головную боль, спалъ. До моста осталось саженей пять, но вода въ этомъ мѣстѣ съ такой силой неслась, что я не рѣшился перейти, а, боясь быть спесеннымъ и какъ я ни желалъ сохранить свое инкогнито до самаго города, принужденъ былъ приказать своему ямщику, чтобы онъ, отпрыгнувъ съ лошади, скакалъ бы въ деревню и собралъ тамъ мужиковъ, чтобы шли скорѣе вытаскивать губернатора. Тутъ проснулся и Брянцевъ мой, у которого отъ холода и, вѣроятно, отъ усилившейся болѣзни, открылся бредъ, и, не постигая гдѣ мы и чтѣ съ нами, началъ вертѣться съ боку на бокъ, нести всякую ахинею и непремѣнно требовалъ, чтобы его выпустили вонъ. Какъ ни убѣждалъ его оставаться въ покой, принужденъ былъ вступить въ единоборство и еле-еле удержалъ его въ экипажѣ. Такимъ образомъ болѣе часу проваландались мы, рискуя ежеминутно выкупаться: стоило коренной лошади дернуть и нашъ тарантасъ тотчасъ бы опрокинулся въ воду. Наконецъ, показались, верховыхъ и на санахъ, человѣкъ 30 крестьянъ, и начались нескончаемые крики, толки, кончившіеся тѣмъ, что отъ тарантаса до моста установили до шести саней безъ лошадей и я по импровизированному мосту, перескакивая съ однихъ саней на другія, добрался до посѣдныхъ—запряженныхъ, гдѣ усѣвшись на днищѣ торжественно былъ ввезенъ на клячѣ въ Баратаевку. Товарища моего вынесли на рукахъ и потомъ точно такъ же привезли въ деревню. На другой день въ городѣ происшествіе это разгласилось и князь Баратаевъ, владѣлецъ этой деревни, привѣтствовалъ меня русскимъ вѣламбуромъ:

— «Ваше пр—ство не можете жаловаться, чтобы васъ въ Баратаевкѣ сухо встрѣтили!»

Въ Симбирскѣ я приѣхалъ ночью съ 30-го на 31-е марта.

Вѣхавши въ городѣ, я велѣлъ ямщику везти себя въ лучшую гостиницу, строго запретивъ объявлять, что я губернаторъ. Подѣхавши къ какимъ-то воротамъ, принялись стучать, чтобы вызвать дворника, который, послѣ долгихъ ожиданій, наконецъ явился и повелъ насъ въ номеръ, въ которомъ не было даже зимнихъ рамъ, а стояли одиночныя съ разбитыми стеклами, заклеенными большою частью бумагою, да и та мѣстами порванная. Холодъ и сырость въ комнатѣ были невыносимые. Все убранство ея

состояло изъ трехъ или четырехъ просиженныхъ соломенныхъ стульевъ, изъ неокрашенной, загаженной мухами и клопами кровати съ соломеннымъ тюфякомъ, желѣзного сломанного ночника и ствѣнъ, унизанныхъ прусаками. Наконецъ пришелъ хозяинъ, мѣщанинъ въ грязномъ сюртуке и растрепанный до-нельзя, объявившій съ самодовольствомъ, что это лучшій № въ его гостиницѣ и что «самые хорошие господа завсегда у него притуляются». Дѣлать было нечего, безропотно покорился своей участіи, и, чтобы какъ нибудь скротать до разсвѣта, я приказалъ согрѣть самоваръ и пустился разспрашивать хозяина о городскихъ новостяхъ. Хозяинъ оказался очень глупымъ мужикомъ и вдобавокъ совсѣмъ неразговорчивымъ, такъ что я его тотчасъ отпустилъ, а самъ, сидя на стулѣ, не рѣщаюсь лечь на кровать, продремалъ до свѣта.

Въ 6 часовъ утра послалъ человѣка съ подорожною оповѣстить полиціймейстера, что новый губернаторъ ночевалъ уже въ городѣ. Сей немедленно явился и я присилъ его дать мнѣ болѣе приличную квартиру. Онъ мнѣ объявилъ, что весь губернаторскій домъ къ моимъ услугамъ и что тамъ я могу остановиться хоть сейчасъ; тогда я повторилъ вновь свое требованіе—квартиру. Черезъ полчаса я уже перешелъ на нее и, очистившись отъ дорожной грязи, приказалъ себя везти къ бывшему губернатору Z*....., котораго встрѣтилъ уже на дорогѣ,ѣхавшаго ко мнѣ. Пересѣвъ къ нему въ сани, я отправился къ нему въ домъ. Z*..... я нашелъ въ совершенномъ отчаяніи; указъ о смѣнѣ его былъ полученъ въ Симбирскѣ 25-го числа, а до того времени онъ и не думалъ о томъ. Первое, что онъ мнѣ предложилъ—это очистить для меня домъ, но я ему объявилъ, что если онъ изъ Симбирска уѣдетъ прямо не изъ губернаторскаго дома, то моя нога въ ономъ не будетъ, со дня его отѣзда, ровно шесть мѣсяцевъ, чтобъ меня сильно разстроить, но, не смотря на все, неизменно поступлю такимъ образомъ. Затѣмъ старался успокоить его и, какъ замѣтно, не безъ успѣха, передавъ ему мнѣніе и отзывъ о немъ государя и нѣкоторыхъ министровъ, такъ что когда вошла въ кабинетъ его жена, съ которой онъ меня познакомилъ, то онъ весело передалъ ей все мною сказанное, говоря, что положеніе его не такъ худо, какъ онъ себѣ воображалъ. Оба разсыпались въ благодарностяхъ за мою деликатность, что я не пользуюсь своимъ правомъ и не выживаю ихъ съ занимаемой ими квартиры,

просили домъ ихъ считать своимъ и, пока не обзаведусь своимъ хозяйствомъ, сдѣлалъ бы имъ честь обѣдать у нихъ. Поблагодаривъ за предложеніе, я далъ слово обѣдать у нихъ этотъ день, не ручаясь за будущее, и, пробывъ у нихъ около часу, вернулся домой, а между тѣмъ въ городѣ уже прошла вѣсть о моемъ внезапномъ прибытіи.

Я объявилъ полиціймейстеру, ожидающему меня на квартире, что я въ этотъ день никого принимать не могу, но желалъ бы лишь видѣть у себя вице-губернатора, управлявшаго губерніемъ, также управляющаго удѣльною конторою NN. и обоихъ жандармскихъ штабъ-офицеровъ: губернского—маиора Стогова, и командированного по удѣльной части—подполковника Ф...., которыхъ просилъ непремѣнно пожаловать ко мнѣ. Вице-губернаторъ пріѣхалъ чрезъ $\frac{1}{4}$ часа, а Ф.... черезъ часъ. О Стоговѣ и о NN. полиціймейстеръ доложилъ мнѣ, что первый отозвался усталостью, такъ какъ онъ только что вернулся въ городъ, а послѣдній отвѣчалъ ему на приглашеніе «хорошо». Прождавши сихъ двухъ господъ до 3-хъ часовъ, я поѣхалъ обѣдать къ Загряжскому, гдѣ, кроме хозяевъ, обѣдалъ еще съ нами Ф....

Послѣ обѣда, возвратившись домой, часовъ около 6-ти вечера, пріѣхалъ ко мнѣ старый мой знакомый, бывшій губернскій предводитель, вн. Баратаевъ, и едва мы перекинулись нѣсколькими привѣтствіями, какъ доложили о пріѣздѣ NN. Баратаевъ тотчасъ всталъ и, простившись со мной, вышелъ (Баратаевъ былъ въ мундирѣ). Вошелъ NN., въ черномъ фракѣ съ вытертыми и облѣзлыми пуговицами. Если бы я и не былъ предупрежденъ на счетъ NN., то и тогда такое неприличіе его костюма при первомъ свиданіи со мною, какъ съ начальникомъ губерніи, могло бы меня удивить, но тутъ я тотчасъ понялъ и цѣль и дерзость сего чиновника. Со всѣмъ тѣмъ, заботясь объ исполненіи лишь священнаго слова государя и о настоящемъ дѣлѣ, а не о формахъ одѣжды—я съ привѣтливостью пригласилъ г. NN. садиться; рекомендуясь ему какъ новопріѣзжій, просилъ о знакомствѣ, извиняясь, что не предупредилъ его моимъ визитомъ, и просилъ его вразумленія и свѣдѣній по общему нашему дѣлу. Съ первыхъ словъ онъ началъ бранить Z*....., казенную палату и прежнее управление казенныхъ врестьянъ. Въ самыkh рѣзкихъ и неприличныхъ словахъ отзывался онъ о сдѣланныхъ, до

моего прибытия, распоряженияхъ и съ нахальствомъ объявилъ, «что онъ скрмъеться справиться», хотя видимо бунтуетъ крестьянъ ихъ прежнее начальство. Потомъ, все болѣе и болѣе удаляясь отъ дѣла, началь разсказывать мнѣ городскіе анекдоты, распри Z*..... съ нимъ и съ другими и, наконецъ, свелъ свою рѣчь къ наставлениямъ меня какъ управлять губернію. Раза три или четыре я пробовалъ прерывать его разсказы и сводилъ рѣчь на настоящее дѣло, но онъ какъ будто бы все увертывался отъ моихъ разспросовъ и еще съ большимъ увлечениемъ продолжать свои рассказы. Въ такой бесѣдѣ мы провели съ часъ времени и когда онъ всталъ и сталъ прощаться со мной, я ему сказалъ:

— Милостивый государь! Я знаю, что вы не подчинены моему начальству. Но въ настоящемъ дѣлѣ у насъ цѣль общая—ибо Государь повелѣть соизволилъ мнѣ въ особенности озабочтиться, чтобы переходъ казенныхъ крестьянъ въ удѣль с совершился мирно и покойно; а такъ какъ я долженъ признаться вамъ, что, служа постоянно по военной части и не бывъ помѣщикомъ, не знаю всѣхъ подробностей крестьянского быта, а между тѣмъ, по насторожнѣямъ и моего и вашего начальства, долженъ предполагать, что существуетъ разница между бытомъ казенного и удѣльного крестьянина, а потому прошу васъ, ради пользы службы, если бы вамъ пришлось дѣлать какія либо распоряженія, разорительно перемѣняющія привычки крестьянъ,—приступая къ онимъ, не откажите мнѣ—не письменно, но хоть словесно, предварить меня, чтобы я, во всякое время, былъ готовъ, если надобность потребуется, вамъ содѣйствовать...

— «Вижу, ваше пр—во,—отвѣчалъ онъ мнѣ,—цѣль вашу: вамъ очень хочется взять удѣльныхъ крестьянъ подъ вашу руку. Это очень легко сдѣлать. Я завтра же рапортуюсь больнымъ и вы можете распоряжаться какъ вамъ будетъ угодно»...

— Г. NN!—вскричалъ я, весь вспыхнувъ отъ такой наглости, — я виновать, что поводъ къ такой дерзости вашей подалъ я самъ, тѣмъ, что съ первого раза не осадилъ васъ, когда вы позволили себѣ явиться ко мнѣ, начальнiku губерніи, въ этомъ фракѣ! Знайте, что я не унижу себя принятіемъ вашихъ на себя обязанностей, но сейчасъ же васъ отрѣшу и съ жандармомъ прямо отправлю въ Петербургъ при донесеніи моемъ Государю, а васъ замѣню другимъ чиновникомъ.

Онъ затрясся отъ испуга и, перемѣня тонъ, тотчасъ сталъ извиняться, говоря, что, точно, былъ неостороженъ, что отъ усиленныхъ занятій голова его въ напряженномъ состояніи, часто не помнить что говорить и что онъ просить великодушно простить его и что цѣль у него точно та же, какъ и у меня—исполнить волю и повелѣніе государя. Въ доказательство того, что онъ смотритъ и почитаетъ меня какъ хозяина здѣшней губерніи, глѣдовательно, отчасти и своимъ начальникомъ — это то, что, когда завтра будуть представляться мнѣ чиновники, онъ прибудетъ тоже со всѣми своими служащими и съ рапортомъ—однимъ словомъ, видимо перепугался и образумился.

Какъ много я ни былъ предупрежденъ въ Петербургѣ, но я не думалъ, чтобы NN. былъ таковъ, и, предвида въ будущемъ общее съ нимъ служеніе, я взялъ на себя—опять пригласить его сѣсть съ собою, сталъ говорить о дѣлѣ. Отвѣты получалъ пристойные и удовлетворительные, а чрезъ полчаса, отпуская его, я же извинился въ своей горячности. Просилъ его не только извинить меня, но не перепускать черезъ порогъ этого происшествія и размолвки между нами. Просилъ отнюдь не являться ко мнѣ съ рапортомъ, повторяя, что не признаю себя его начальникомъ въ частности, но на случай затрудненій при переходѣ крестьянъ, по волѣ его же начальства, обязанъ съ нимъ участвовать вмѣстѣ, и получилъ отъ него слово, что все останется между нами, какъ будто не было размолвки, и никому ни слова не скажеть обѣ этомъ. На другой день онъ прїхалъ, вмѣстѣ съ прочими чиновниками, въ мундирѣ, и я, въ тотъ же день, въ числѣ значительнѣйшихъ лицъ, заплатилъ ему мой визитъ. На Святой недѣлѣ обѣдалъ у него публично—а онъ, между тѣмъ, исказивъ нашъ разговоръ, съ жалобой на меня, въ тотъ же день, отнесся къ Перовскому и тѣмъ положилъ основу непріязни сего послѣдняго ко мнѣ и настоящему (писано въ 1841 г.) непріятному для меня положенію.

На другой день чиновники и жительствующіе въ городѣ дворянѣ удостоили меня своимъ посѣщеніемъ, и послѣ нихъ явился и г-нъ маіоръ Э. И. Стоговъ. Сей послѣдній доставилъ мнѣ въ разговорѣ по крайней мѣрѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, которыхъ указали мнѣ путь къ моимъ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ.

Ровно чрезъ двѣ недѣли послѣ вторичнаго посѣщенія NN,

я получилъ официальное письмо отъ Перовскаго, въ которомъ онъ пишетъ мнѣ, «что, при отѣздаѣ моемъ изъ Петербурга, онъ просилъ меня покровительствовать и содѣйствовать удѣльнымъ распоряженіямъ, но онъ опасается, чтобы не произошло тутъ какого либо недоразумѣнія. Удѣльное начальство и управление имѣютъ особыя правила и учрежденія, состоя въ непосредственномъ вѣденіи удѣльного департамента, а потому, и теперь повторяя свою покорную просьбу о томъ же предметѣ, долгомъ считаетъ присовокупить, что эта просьба именно относится къ тѣмъ случаямъ, когда мѣстное удѣльное начальство само будетъ обращаться за содѣйствіемъ», — однимъ словомъ, я понялъ, что NN. жаловался на то, что произошло между нами при первомъ нашемъ свиданіи, представивъ Перовскому весь разговоръ въ превратномъ видѣ.

Я отвѣчалъ Перовскому, что помню въ буквальномъ смыслѣ всѣ сдѣланныя имъ въ Петербургѣ мнѣ наставленія и порученія; что вовсе не думалъ ни на волосъ отступать отъ нихъ. Съ юности моей поставилъ себѣ за самое строгое правило — не вмѣшиваться никогда въ чужія дѣла, и я свято, по сie время, слѣдую оному. Не нарушая его, не нарушу и въ отношеніи удѣльного вѣдомства. Чрезъ двѣ почты я получилъ указъ сената, что сенатору Перовскому высочайше повелѣно отправиться въ Симбирскъ, для удобнѣйшаго устройства удѣльного управления и для соглашенія дѣйствій онаго съ мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ, предоставляемъ ему дѣйствовать въ семъ случаѣ на правахъ ревизующаго губернію сенатора. Перовскій прибылъ въ Симбирскъ около половины мая.

На первый день св. Пасхи я обѣдалъ у кн. Баратаяева, уже не губернскаго предводителя, но, за неутвержденіемъ таковаго, исправляющаго эту должность. Кромѣ этого званія онъ исполнялъ обязанности попечителя губернской гимназіи и секретаря «Общества христіанскаго милосердія», существовавшаго въ Симбирскѣ уже 15 лѣтъ. Первымъ учредителемъ онаго былъ кн. Баратаяевъ, а предсѣдательница — суируга ген.-маиора Ивашева, и все общество состояло подъ непосредственнымъ покровительствомъ императрицы, сперва Елизаветы Алексѣевны, а потомъ Александры Федоровны. Цѣль онаго была — пособіе нуждающимся, стыдящимся просить милостынью, воспитаніе и покровительство дѣвицамъ, дочерямъ бѣдныхъ чиновниковъ и разночин-

цевъ, служащихъ въ губерніи. Первоначально число воспитанницъ назначено было 10, а затѣмъ, когда средства общества усилились, численность оныхъ прибавилась до 20-ти и потомъ до 30-ти, далѣе же не шла. Заведеніе это помѣщалось въ небольшомъ каменномъ двухъэтажномъ домѣ съ садомъ, пожертвованномъ однимъ изъ членовъ, и какъ внутреннее управлѣніе, такъ равно и воспитаніе, получаемое дѣвицами, признано было пріемѣрнымъ не только всѣми, но и самимъ Государемъ, удостоившимъ, въ пребываніи своемъ въ Симбирскѣ, обозрѣть это заведеніе во всей подробности. Такъ какъ воспитанницы, поступивши туда, исключительно принадлежали къ бѣдному сословію и по выходѣ оттуда, по необходимости, встрѣчались въ семье съ нуждой, то вся роскошная обстановка, какую встрѣтишь въ подобныхъ заведеніяхъ, была устранена, и только самая строгая чистота, поддерживаемая самими воспитанницами, по очереди, царствовала повсюду. Мебель, кровати, постельное белье, были самые простыя, юда тоже, но сътная, и все вниманіе начальницы обращено было на то, чтобы дѣвицы, относительно всего обыденнаго и необходимаго, работы исполняли бы собственноручно, ничего не поручая служанкамъ, кромѣ, конечно, самыхъ черныхъ работъ. Занятія ихъ заключались преимущественно въ руководліяхъ и въ преподаваніи иѣкоторыхъ новѣйшихъ языковъ и другихъ предметовъ, необходимыхъ чтобы быть порядочной гувернанткой, музыки и танцевъ—послѣднее скорѣе какъ гигіеническое средство, въ видѣ усиленного мопіона. За все время своего существованія, заведеніе ни разу не испросило пособія ни копѣйки отъ казны, а постоянно поддерживалось одною частною благотворительностью, и во время пребыванія моего въ Симбирскѣ, благодаря разумной и честной распорядительности управлѣнія этого заведенія, оно насчитывало у себя уже капиталу до 70 т. р. асс. Въ Симбирскѣ находилось еще и другое заведеніе, содержимое также на частные благотворительныя средства,—дворянскій пансионъ съ 20-ю воспитанниками, коимъ завѣдывалъ тотъ же кн. Баратайевъ.

Желая какъ можно скорѣе и ближе ознакомиться съ губерніемъ, и въ особенности съ положеніемъ бывшихъ казенныхъ, а нынѣ удѣльныхъ крестьянъ, я отправился, недѣли чрезъ три по-

съ своего пріѣзда, на ревизію въ г. Бунискъ, верстахъ въ 50-ти отъ Симбирска. Но не успѣлъ я пріѣхать туда, какъ получиль съ нарочнымъ донесеніе отъ вице-губернатора, что въ Сызранскомъ уѣздѣ между Лашманами возникло беспокойство, по поводу отчужденія сенатомъ участка земли отъ одной казенной волости къ помѣщичьему владѣнію. Это волненіе началось еще въ прошломъ году въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда былъ объявленъ имъ сенатскій указъ на мѣстѣ, и Лашмане оказали сопротивленіе, прогнавъ съ межи землемѣра съ земскою полиціей, не давъ первому приступить даже къ межеванью,—но, за позднимъ временемъ года, дѣло это было оставлено безъ разслѣдованія и отложено до весны. Теперь же, когда исправникъ и землемѣръ, взявши съ собой 12 человѣкъ инвалидовъ, прибыли на мѣсто для объявленія и исполненія сенатскаго указа, то Лашмане, огульно, и небольшое число удѣльныхъ крестьянъ, всѣхъ до 4 т. душъ, собравши съ толпой, оказали сопротивленіе и чиновники выѣхали съ командой вынуждены были удалиться. При семъ вице-губернаторъ Огневъ доносилъ мнѣ, что губернское правленіе сдѣлало уже распоряженіе о командированіи на мѣсто, на подводахъ, двухъ ротъ гарнизоннаго баталіона, но что онъ, въ ожиданіи моего согласія или разрѣшенія, пріостановился отправленіемъ этой команды.

Постигая вполнѣ, что первыя мои распоряженія по столь важному предмету короче ознакомить меня и съ губерніей и съ правительствомъ, я поѣхалъ обратно въ Симбирскъ, и, по пріѣздѣ, отношениями пригласилъ къ себѣ на совѣщеніе NN., также гг. Ф.... и Э. И. Стогова. Первые два не явились и даже не дали отзыва, а когда послѣдній прибыль и объяснилъ мнѣ все происшествіе отъ начала, какъ оно было, то я упросилъ его лично мнѣ содѣйствовать, отправиться тотчасъ на мѣсто—за 280 верстъ, объяснить дѣло, убѣдить словами неновинующихся, предваря ихъ о крутости моего нрава и рѣшимости въ строгимъ мѣрамъ, если буду вынужденъ къ тому. А между прочимъ просилъ его, чтобы онъ по тракту приказалъ бы заготовить 200 подводъ и если онъ не увидитъ успѣха въ своемъ предпріятіи, то чтобы уведомилъ меня чрезъ нарочного и я, конечно, на другой день лично явлюсь для дальнѣйшихъ распоряженій. Извѣстя о семъ вторичными отношениями гг. Ф.... и NN., я рѣшительно требовалъ отъ нихъ, чтобы, въ случаѣ моего выѣзда изъ города,

они оба маѣ туда сопутствовали. Но какъ сіе подѣйствовало на ихъ мнѣнія—я не знаю, ибо дошло до моего свѣдѣнія, что оба они въ тотъ же день куда-то изъ Симбирска выѣхали. Послѣдствіе открыло мнѣ общую имъ обоимъ тревогу действовать тамъ, гдѣ есть рискъ жертвовать собою лично.

На пятый день послѣ того, Э. И. Стоговъ возвратился ко мнѣ и передалъ на словахъ, а потомъ извѣстилъ меня письмомъ, что когда онъ прибылъ на мѣсто, то дѣйствительно нашелъ тамъ въ полѣ, на бивуакахъ, толпу народа болѣе чѣмъ въ 2,000 человѣкъ, которые, безъ малѣйшаго волненія, избрали изъ среды своей выборныхъ, прислали ихъ къ Стогову, прося, чтобы онъ объяснилъ имъ въ чёмъ именно заключается дѣло и какъ рѣшилъ сенатъ ихъ тяжбу съ помѣщикомъ? Стоговъ удовлетворилъ ихъ просьбѣ, весьма толково разъяснилъ все дѣло; оказалось изъ ихъ разсказовъ и разспросовъ, что волостной писарь ихъ, своими кривыми толкованіями, ввелъ крестьянъ въ сомнѣніе, утверждая, что дѣло еще не совсѣмъ рѣшено и что можно опять просить сенатъ о перерѣщеніи дѣла. Когда-же онъ объявилъ имъ о послѣдствіяхъ ихъ неповиновенія и какую бѣду они накликуютъ на свои головы, то они слезно начали просить его заступничества за нихъ предъ правительствомъ, изъявляя готовность свою тотчасъ доказать на дѣлѣ, что они и въ мысляхъ не имѣли сопротивляться указу, и тутъ-же начали помогать землемѣру въ его работахъ отрѣзки отъ нихъ земли въ пользу помѣщика, чтѣ было исполнено при всемъ собравшемся народѣ. Стоговъ привезъ ко мнѣ трехъ выборныхъ, которые на колѣнахъ просили пощады и помилованія ихъ глупости и недоразумѣнія, на что, конечно, я съ радостію согласился, прочитавъ имъ приличное наставленіе, и весь этотъ бунтъ, для усмиренія которого собирали такую грозную военную силу, кончился тихо и мирно, съ отдачею подъ судъ лишь одного только писаря.

Признательность моя по сему дѣлу вполнѣ принадлежитъ Э. И. Стогову и въ томъ-же духѣ донесъ я моему начальству о семъ происшествіи, а между тѣмъ другіе два героя, Ф.... и NN., съ общаго согласія, представили сіе дѣло удѣльному начальству какъ весьма важное и влекущее за собою медленную еще развязку, при чёмъ NN просилъ удѣльный департаментъ, что какъ по смыслу указа о переходѣ казенныхъ крестьянъ въ удѣль, въ

которомъ-о Лашманахъ включенъ особый параграфъ, сіи по-
следніе поступаютъ въ удѣльное вѣдомство не вполнѣ, а только
подчиняются завѣдыванію онаго, и Лашмане имѣютъ всѣ земли
въ собственности у себя, а не въ общинномъ владѣніи дерев-
нями или селеніями, и, при прежнемъ еще управлениі, у нихъ
были непрестанныя тѣжбы или между собою или съ соседними
помѣщиками, которая и по сіе время разбираются судомъ,—то
нельзя-ли, хотя на первый разъ, устранить удѣльныхъ чиновни-
ковъ отъ присутствія при подобныхъ разборахъ, ибо и въ настоя-
щемъ случаѣ, который можетъ продлиться весьма долго, губерна-
торъ требуетъ присутствія даже самого управляющаго удѣльною
конторою, не взирая на то, что онъ въ настоящее время занятъ
важнѣйшимъ дѣломъ переустройства удѣльного управлениія, рас-
пространяющагося слишкомъ на 240,000 душъ. Послѣдствіемъ
сего было, что департаментъ удѣловъ, разъяснивъ смыслъ па-
раграфа о Лашманахъ, разрѣшилъ удѣльной конторѣ, согласно съ
представленіемъ: «при разборѣ споровъ о лашманскихъ земляхъ,
не отряжать вовсе своихъ депутатовъ и не только не защищать
ихъ дѣлъ по спорамъ, но даже не вмѣшиваться въ нихъ», до-
полнивъ заключеніе, «чтобы управляющій резолюцію сю со-
общилъ губернскому начальству, для будущихъ его, по подобнымъ
дѣламъ, соображеній»—однимъ словомъ, испугъ NN. и Ф.... явиться
на мѣсто, тамъ, где былъ личный рискъ ихъ, положилъ основа-
ніе той ошибки, которая въ послѣдствіи надѣлала большія затруд-
ненія и непрѣятности!

Само по себѣ разумѣется, что предметъ сей привлекъ на
себя все мое вниманіе и я сталъ подъ рукою всячески стараться
слѣдить за распоряженіями новаго надъ крестьянами началь-
ства (прибавлю отъ себя — не изъ тайного желанія найти
чтонибудь дурное, для своихъ личныхъ цѣлей, а единствен-
но изъ избѣжаніе новыхъ столкновеній, и, всетаки для общаго
дѣла, знать что дѣлается). Гг. NN. и Ф.... безпрестанно выѣз-
жали изъ города въ удѣльные имѣнія и большую частью вмѣстѣ.
Ф...., какъ жандармскій уполномоченный, каждый разъ запискою
давалъ знать губернатору о своемъ выѣздѣ въ такой-то уѣздѣ,
требовалъ, чтобы давалось исправнику строгое предписаніе исполн-
ять всѣ его требования—и каждый разъ онъ былъ удовлетво-
ряемъ вполнѣ. Въ числѣ записокъ его къ моему предмѣст-

нику, я нашелъ нѣсколько наполненныхъ не только явительными указаніями о томъ, что ему, Ф...., не было сдѣлано встрѣчи, не исполнено въ точности или замедлено его предписаніе (такъ называлъ онъ сношенія свои съ земскою полиціей), но даже иногда относился съ упреками къ самому начальнику губерніи, и въ одной запискѣ онъ рѣшился даже требовать, чтобы исправление Ставропольского уѣзда немедленно былъ-бы смѣненъ и отданъ подъ судъ, чтѣ Z*..... и выполненъ, къ сожалѣнію. Это уже такъ возвысило Ф.... въ своемъ собственномъ мнѣніи, что и ко мнѣв онъ началь безпрестанно присыпать записи съ извѣщеніемъ о своихъ поѣздахъ, о неисправности мостовъ, дорогъ, по которымъ онъ єхалъ, о нескорой явкѣ чиновниковъ и разномъ подобномъ вздорѣ. Но я съ первого начала, въ приличныхъ выраженіяхъ, въ моемъ отзывѣ указалъ ему, что онъ не можетъ писать того, что не входитъ никакъ въ его инструкцію, но что всякое дѣльное указаніе, сдѣланное имъ, всегда уважится вполнѣ и съ благодарностью, но что чиновники земской полиції, кроме провожанія г. Ф...., имѣютъ другія, важнѣйшія занятія.

Межу прочимъ доходили до меня слухи, что въ уѣздахъ, куда отправляется г. Ф...., все занятіе сопровождающихъ его членовъ земской полиції заключается въ томъ, что отводятъ и устраиваютъ ему квартиру, доставляютъ ему разныя житейскія выгоды,

Почитая унизительнымъ входить въ подробныя по сей части изслѣдованія, не могу однако же не дать сему вѣры, ибо въ послѣдствіи изъ десяти исправниковъ въ губерніи, четверо, по особому, мимо прямаго начальства, ходатайству, чрезъ удѣльный департаментъ получили подарки, перстнами изъ Кабинета. Всѣ четверо были самые неисправные и слабые по первой своей обязанности и кроме того весьма предосудительной нравственности. Одинъ изъ нихъ, а именно, Корсунскаго уѣзда, К..... (я нарочно здѣсь выставляю его имя), въ первый приѣздъ мой въ его уѣздъ, когда я, по обыкновенію своему, при встрѣчѣ меня на границѣ уѣзда, взялъ съ собою въ экипажъ и сталъ разспрашивать о дѣлахъ, меня интересующихъ, то онъ сталъ жаловаться на распоряженія NN. и Ф...., охуждая ихъ на каждомъ шагу. Но на строгое замѣчаніе мое, что на все, что удѣльное управление дѣлаетъ, онъ долженъ взирать какъ на высшее распоряженіе и, безъ всякой

критики о важнейших дѣлахъ, непремѣнно доводить до моего свѣдѣнія,—оно видимо сконфузилъ и тотчасъ перемѣнилъ разговоръ. Чрезъ мѣсяцъ онъ получилъ бриллиантовый перстень и перешелъ на службу въ удѣльную контору. Замѣтно было, что онъ былъ направленъ NN. или Ф.... къ возбужденію моего противодѣйствія, дабы имѣть поводъ къ будущей клеветѣ на меня Перовскому.

Подполковникъ Ф...., въ числѣ прочихъ ко мнѣ своихъ записокъ, при самомъ началѣ доставилъ одну, гдѣ говорить, что онъ два раза писалъ уже къ Загряжскому обѣ одномъ удѣльномъ крестьянинѣ, съ котораго какой-то чиновникъ взялъ 1,200 р., чтобы нанять ему подставщика въ рекрута, но обманулъ его. Отыскавъ сіе дѣло, я нашелъ, что Загряжскимъ сдѣлано было уже должное распоряженіе къ производству слѣдствія, два раза уже онъ дѣлалъ по сему предмету понужденія; со всѣмъ тѣмъ рѣшился и я оное имѣть въ ближайшемъ виду и настаивать къ скорому его окончанію. Извѣстивъ о семъ вѣжливо Ф...., я даль кому должно предписаніе. Дня черезъ два я получилъ еще о семъ записку, что дѣло это идетъ очень медленно (!). Я и на это ему отвѣтилъ, и еще даль понужденіе. Наконецъ, еще чрезъ два дня, получаю опять записку отъ Ф...., настоятельно отъ меня требующаго, чтобы я извѣстилъ его, когда это дѣло кончится, ибо онъ полагаетъ, что крестьянинъ оттого лишь не получаетъ удовлетворенія, что онъ—удѣльный.

Надо сказать, что я замѣтилъ предъ этимъ, что Ф.... сдѣлалъ привычку, или умыселъ, навѣщать меня по дѣламъ службы въ сюртукѣ, что мнѣ вовсе не нравилось, что я старался отстранить, не приглашая даже тогда садиться у себя въ кабинетѣ, когда въ другое время всегда принималъ его привѣтливо, и это онъ, должно быть, замѣтилъ, вслѣдствіе чего стала забрасывать меня пустыми своими записками, такъ что иной день я получалъ отъ него штукъ до десяти.

Выведенный послѣднею запискою Ф.... изъ терпѣнія, я отвѣчалъ ему, что я искалъ въ законахъ формы переписки съ жандармскими штабъ-офицерами, но ближайшаго примѣненія не нашелъ, какъ ту, которая указана для командировъ баталіоновъ внутренней стражи (тѣ губернатору доносятъ, а губернаторъ къ нимъ пишетъ отношеніями), что отчетомъ въ моихъ дѣйствіяхъ я обязанъ только Государю и сенату. Но привыкнувъ все дѣлать гласно и изъ личнаго моего къ нему, Ф....,уваженія, на

этот разъ—въ послѣдній—я и ему даю отчетъ... и тутъ про-
писалъ все, что онъ самъ писалъ къ Загряжскому и ко мнѣ, что
мы оба уже сдѣлали, что отвѣчали ему, Ф...., и заключилъ тѣмъ:
«что, сдѣлавши свое дѣло, окончаніе предоставляемъ обыкновен-
нымъ формамъ судопроизводства и что, кромѣ понужденія, я не
имѣю власти опредѣлить когда и какъ дѣло кончится».

Разумѣется, отвѣтъ мой ему не понравился. Онъ возразилъ
мнѣ, что я его обидѣлъ, примиѳнивъ его къ офицеру внутренней
стражи; что онъ имѣть счастіе носить одинъ мундиръ съ гра-
фомъ Бенкендорфомъ, и это мнѣ должно быть извѣстно, ибо я
недавно самъ оставилъ военную службу. Отвѣтъ мой нынѣ вы-
нуждаетъ его пріостановить всякую переписку со мной и впредь
все, что дойдетъ до его свѣдѣнія, на основаніи «секретной ин-
струкціи», будетъ прямо доносить своему графу.

Я благодарилъ Ф.... за первое, со временемъ нашего зна-
комства, пріятное для меня извѣщеніе, ибо окончаніе этой кор-
респонденціи много убавитъ у меня дѣла—и затѣмъ я рѣшился
всѣ записи Ф...., отъ прибытія моего въ губернію, вклю-
читель но съ послѣднимъ отзывомъ, а также и копіи съ мо-
ихъ отношеній, представить министру, съ просьбой устраниТЬ
отъ меня назойливую и бесполезную переписку жандармскаго
штабъ-офицера, а равно и фамильярные, въ сюртукахъ, визиты.

Всльдъ за тѣмъ гр. Бенкендорфъ, при особомъ письмѣ, вы-
слалъ мнѣ секретную инструкцію, на которую ссылался Ф....

* * * * *

выставлена вполнѣ цѣль учрежденія жандармовъ, коихъ обя-
занность заключается прямо въ томъ, чтобы все, что ча-
стно дойдетъ до ихъ слуха, сообщать словесно, въ родѣ пре-
достереженія, начальникамъ губерніи для ихъ прямыхъ дѣйствій,
и только въ случаѣ требованія самого начальника давать запи-
ски—но вовсе не въ обремененіи ихъ или не въ надзорѣ за
ними и наставлениемъ; и въ письмѣ ко мнѣ гр. Бенкендорфъ по-
ручаетъ особому моему покровительству обоихъ своихъ штабъ-
офицеровъ, «изъ коихъ,—пишетъ онъ,—на Ф.... возложена обя-
занность лишь по дѣламъ, относящимся до удѣльныхъ крестьянъ»,
съдовательно, вовсе не до дорогъ или до земской полиціи,
какъ тотъ мечталъ и бляживъ при Загряжскомъ и со мною.

Очень скоро по приездѣ моемъ въ Симбирскъ, проѣзжая чрезъ оній гр. Строгановъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, который пробылъ тутъ нѣсколько дней. Посѣтивъ присутственныя мѣста, зависающія отъ министерства, обозрѣлъ поверхность архивъ губернскаго правленія, повѣрилъ возможность и скорость выправокъ и, кажется, остался вообще доволенъ. Изъ разговоровъ его со мной, болѣе замѣчательные приведу здѣсь.

— О жандармахъ. «Какъ вы съ ними въ сношеніяхъ? Откровены или нетъ? Ладите ли съ ними?» (это было еще до послѣдней записки Ф....), — спросилъ графъ.

— Не знаю, можно ли и должно ли быть откровеннымъ съ жандармами, — отвѣчалъ я. — Они приставлены наблюдать за нами, пускай доносятъ что хотятъ обо мнѣ, я обѣ этомъ не забочусь, ибо на совѣсти ничего не имѣю. Отношений ихъ къ предметнику моему одобрить я не могу, ибо имѣю у себя образчики, не имѣть въ пользу служащіе, — гр. Строгановъ взялъ два дѣла изъ канцеляріи, заключающія въ себѣ переписку губернатора Загражского съ Ф.... о ставропольскомъ исправникѣ и о проч. дѣлахъ. — «Это правда, — замѣтилъ Строгановъ по прочтѣніи дѣлъ, — записи Ф.... писаны не совсѣмъ въ приличныхъ выраженіяхъ; но, повѣрьте мнѣ, что къ вамъ никто такъ писать не осмѣится, а Загражскій самъ подалъ поводъ».

— О городской тюрьмѣ. «Врядъ-ли все это хорошо и практически, что такъ хорошо содержатся! Тепло, опрятно, сыто — много найдется охотниковъ для такой удобной жизни!»

— О домѣ трудолюбія, воспитательного заведенія Общества христіанскаго милосердія. «Это такъ хорошо, что я въ Петербургѣ ничего лучшаго не видывалъ. Но знаете ли, что именно необыкновенно? Во всемъ видѣнъ практическій смыслъ, которымъ здѣсь руководятся, начиная съ воспитанія и кончая самыми помѣщеніемъ. Воспитанницъ здѣсь не готовятъ для блестящихъ пріемовъ въ салонахъ, где бы они принимали гостей и болтали бы *«des jolis riens»* по французски, а выдуть хорошія помощницы для своихъ неимущихъ родителей, могутшія сами зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба и, возвратясь отсюда въ свою семью, не будуть тяготиться той бѣдной обстановкой, въ которой, быть можетъ, имъ во всю жизнь придется жить, такъ какъ глазъ ихъ съ малолѣтства привыкъ къ тому, что ихъ теперь окружаетъ. А гдѣ

онъ въ настоящее время живутъ—это кітка, въ которой порожняго угла нѣть. Но все такъ чисто, опрятно, уютно. Непостижимо—кѣмъ все это держится и кто этимъ руководить?!

На замѣчаніе мое, что душа всего этого учрежденія кн. Баратаевъ—онъ замѣтилъ: «необыкновенный человѣкъ. Но вредный для себя: языку даетъ большую свободу».

— Тѣмъ не менѣе, в. с.,—сказалъ я,—онъ могъ быть употребленъ съ большою пользой на службѣ, какъ, напримѣръ, губернаторомъ, чего, какъ я слышалъ, онъ самъ желаетъ.

— «Никогда!»—вразбрѣль графъ.

Благородный пансіонъ гр. Строгановъ нашелъ для Симбирска недостаточнымъ. О заведеніи приказа общественнаго призрѣнія замѣтилъ мнѣ, что «много-много будетъ мнѣ трудовъ и заботъ».

Наканунѣ отѣзда своего графъ просидѣлъ у меня утромъ часа полтора, и въ разговорѣ спросилъ у меня: «кто здѣсь содержитъ откупъ?»

— Кузинъ, Позенъ и К°,—отвѣчалъ я,—а представитель этой фирмы Бенардаки.

— «Это что за человѣкъ? Знакомы ли вы съ нимъ?»

— Сомнѣнія нѣть. Какъ не быть знакому съ откупщикомъ? Весьма умный и замѣчательно способный человѣкъ.

— «А знаете ли вы что даетъ откупъ полиції?»

— Нѣть; меня это мало интересовало, ибо я знаю, что всѣ чины отъ мала до велика находятся у нихъ на жалованье.

— «Я могу вамъ кое-что сообщить по этому предмету,—сказалъ графъ.—У меня есть привычка исправниковъ возить съ собою и разспрашивать ихъ о всѣхъ дѣлахъ въ ихъ уѣздахъ и, между прочимъ, чѣмъ и какъ содержать они себя. Многіе указывали на получаемое жалованье, на свои собственные имѣнія, но никто не заскучалъ о какихъ либо косвенныхъ доходахъ. Только два исправника вашей губерніи, бунинскій и симбирскій, на мои разспросы прямо мнѣ сказали, что главная поддержка ихъ благосостоянія находится въ зависимости отъ откупщика, отъ котораго опредѣлено имъ въ годъ: первому 2,500 р., а послѣднему 3,000 р., и что всего оригиналнѣе—это замѣчаніе, которое мнѣ сдѣлалъ бунинскій исправникъ: «смѣю доложить в. с.—ву, что только въ одномъ мѣстѣ начальство и чиновники не берутъ съ откупа, а то везде!» Гдѣ же,—спросилъ я? «Тамъ—гдѣ его нѣть!» отвѣчалъ онъ... Но мы

отдалились отъ нашего разговора о Бенардаки; скажу вамъ, что, слыша отъ васъ такой обѣ немъ отзывъ, мнѣ бы очень хотѣлось съ нимъ познакомиться»...

— Это вѣсѣмъ легко сдѣлать,—сказалъ я.—Но предваряю васъ, что съ крупными спросами не приступайте. Онъ застѣнчивъ и упрашь. Въ общемъ разговорѣ онъ разговарится и вы убѣдитесь въ познаніяхъ его и въ краснорѣчіи; но на рѣзкій тонъ отвѣтъ не станетъ.

— «Я много говорилъ съ помѣщиками о хлѣбной торговлѣ здѣшняго края и много слышалъ новаго и хорошаго; хотѣлось бы поговорить и съ Бенардаки».

— Отъ него услышите и болѣе и дѣльнѣе, чѣмъ отъ кого либо: экономическое знакомство съ краемъ большое, сношенія у него обширныя, и я увѣренъ, что бесѣдой его останетесь довольны...»

Вечеромъ я заѣжалъ къ графу и, выходя отъ него часу въ восьмомъ, встрѣтилъ на крыльцѣ Бенардаки и Стогова, шедшихъ наверхъ къ графу. На другой день поутру, въ 5 часовъ, пришедшія проводить его въ дорогу, такъ какъ онъ собирался выѣхать въ 6 часовъ, я услыхалъ отъ камердинера, что графъ только съ часъ тому назадъ какъ уснулъ: просидѣлъ все время съ господиномъ, котораго я встрѣтилъ вчера уходя. Проснувшись, Строгановъ принялъ меня въ ту же минуту и первое его слово было: «правда ваша! Я познакомился съ откупщикомъ и его знакомство что нибудь да стоять».

Кстати здѣсь и я прибавлю отъ себя на счетъ Бенардаки, котораго мнѣ рекомендовалъ Жмакинъ, предъ моимъ отѣзломъ изъ Петербурга, имѣвшій въ этомъ откупѣ нѣсколько паевъ, и сверхъ того по прибытии моемъ въ Симбирскъ я получилъ письмо отъ фонъ-Дервиза, въ которомъ онъ, по порученію Позена, правителя дѣлъ военно-походной государя канцеляріи, просилъ меня принять Бенардаки подъ мое особое покровительство. Самъ же явился ко мнѣ послѣ письма недѣли чрезъ двѣ и рекомендовался съ величайшей скромностью. Потомъ, спустя нѣсколько времени прїѣхавъ ко мнѣ, просилъ позволенія поговорить со мной откровенно наединѣ. Догадываясь нѣкоторымъ образомъ о поводѣ такого предложенія, я съ улыбкою согласился на это; тогда онъ сказалъ мнѣ:

— «Я знаю, что въ прѣво теперь не при деньгахъ и на-днахъ занили у Огнева (вице-губернатора) 2,000 р. для отсылки къ женѣ вашей. Позвольте мнѣ предложить вамъ свои услуги. Мы, откупщики, имѣемъ коренное правило—ежемѣсячно часть нашей

прибыли уделять начальству, и я смѣю просить васъ оказать мнѣ такую же благосклонность, какъ и предмѣстники ваши допускали: дозволять, въ случаѣ нужды, предлагать отъ души пособіе».

— Г. Бенардаки,—сказалъ я,—вы видите, что я нисколько не оскорбляюсь вашимъ предложеніемъ, ибо то, что уже вошло въ правило, не смѣю называть умысломъ къ обидѣ. Но позвольте же и мнѣ быть съ вами откровеннымъ. Мнѣ рекомендовали васъ какъ самаго честнаго и благороднаго человѣка; многія дѣйствія ваши ѿ пособію нуждающимся и вообще всѣмъ, которые участвуютъ съ вами въ дѣлахъ, мнѣ очень извѣстны, и Жмакинъ тоже предварилъ меня, что вы всегда готовы будете ссужать меня, когда я буду нуждаться; но я отъ васъ прошу не денегъ, иѣтъ! но гораздо важнѣйшаго—вашего личнаго ко мнѣ уваженія и содѣйствія мнѣ въ такихъ дѣлахъ, гдѣ ваше участіе можетъ не только сохранить, но даже поддержать мою репутацію.

Онъ началъ было опять настаивать на своихъ предложеніяхъ, но когда я, перемѣнивъ тонъ, сказалъ, что неужели онъ не вѣрить, что есть на свѣтѣ люди, искренно желающіе сохранить къ себѣ уваженіе, тогда уже онъ сталъ извиняться передъ мной и просить, чтобы я не обвинилъ его въ дурныхъ замыслахъ противъ меня. На этой попыткѣ и кончился соблазнъ и болѣе не повторился. Затѣмъ, завязался между нами разговоръ самый интересный, касательно торговли, помѣщиковъ, удѣльныхъ крестьянъ, чиновниковъ—и здѣсь онъ выказалъ мнѣ свои чувства и дарованія въ самомъ блестящемъ и благородномъ видѣ, такъ что два часа, проведенные въ его обществѣ, незамѣтно для меня какъ прошли, и съ этого дня, признаюсь, считалъ его лучшимъ для себя собесѣдникомъ и наставникомъ, особенно въ торговомъ отношеніи.

Не болѣе какъ чрезъ мѣсяцъ, представился мнѣ случай пропроверить его благонамѣренность на самомъ дѣлѣ... Въ Ставропольскомъ уѣзде въ семъ году оканчивался устройствомъ казенный Меленевский винокуренный заводъ, долженствовавшій ежегодно выкуривать до 800 т. ведеръ водки для Симбирской губерніи. Бенардаки указалъ мнѣ всю важность этой операциіи и предварилъ меня извѣстіемъ, что, еще за нѣсколько лѣтъ, зная расположение правительства обѣ устройства этого завода, всѣ ближайшія къ оному мельницы, числомъ болѣе 20-ти, онъ постепенно бралъ въ аренду. Весь помоль за нѣсколько лѣтъ на сихъ

мельницахъ сохраняется у него, собственно для неизбѣжной первоначальной поставки муки на заводъ, и теперь уже имѣется у него на лицо до 30 т. четвертей; что теперь цѣна (въ маѣ) на муку очень высоки, т. е. по 10 р. и 10 р. 50 к. за четверть, и цѣна сія всегда держится до запорядка на заводъ, а потомъ вдругъ упадаетъ; торопиться вовсе не слѣдуетъ, ибо если Богъ дастъ урожай, то цѣна навѣрное понизится до 5-ти и даже до 4 р. 50 к. за четверть, а между тѣмъ онъ знаетъ, что министерство финансовъ дѣлаетъ уже распоряженіе для закупки 180 т. четвертей хлѣба, и, возлагая это на казенную палату, вмѣстѣ съ тѣмъ привлекаетъ къ тому губернатора лишь для вида и для отвѣтственности. Дѣйствительно, черезъ недѣлю я получилъ предписаніе министра финансовъ — оказать мое содѣйствіе палатѣ, указать средства заготовленія хлѣба выгоднѣйшія, подрядомъ или покупкою и проч.

Въ это время на базарахъ мука и рожь продавалась 70, 65 и 60 к. пудъ, понижаясь въ самомъ маломъ размѣрѣ — все зависѣло отъ урожая. Торги назначались въ августѣ. Лѣто все было дождливое и только въ августѣ едва окончили жать хлѣбъ, но свезти съ поля не было возможности отъ непрестававшихъ дождей, и рожь въ кошнахъ начала проростать. Къ торгамъ никто не явился. Желая лучше удостовѣриться въ средствахъ снабженія завода хлѣбомъ, я въ августѣ лично отправился въ заложскіе уѣзды. Заѣзжалъ на некоторые частные заводы и отъ хозяевъ оныхъ, такъ равно отъ поселянъ и помѣщиковъ, дознавалъ — что въ этомъ мѣсяцѣ всѣ частные заводы составили условіе на доставку туда хлѣба по 70 к., безъ залоговъ, но и не дѣлая контрактовъ; а если на Мелекесскій заводъ казна утвердить цѣну выше этой, то хозяева за поставленное количество обязаны цѣну уравнять съ казенною, но на дальнѣйшій запорядъ оставляли за собою свободу дѣйствій. Казенная же палата ежедневно два раза бомбардировала меня разрѣшить ей положительно — какъ она должна поступить: купить ли хлѣбъ, или подрядить, и по какой цѣнѣ? При этомъ всякий разъ доносили, что мелочною покупкою, на базарахъ, по утвержденной мною цѣнѣ 70 к. за пудъ, едва ли можно купить болѣе 10 четвертей въ день; выклянчили наконецъ отъ меня цѣну 80 к. за пудъ. Торги перенесли на сентябрь, и за тѣмъ, въ третій разъ, — на половину октября. Справочная цѣна въ смежности съ Симбирскою губерніей стояла на рожь по 11 р. 50 к. за четверть. Въ октябрѣ мѣсяцѣ

явился наконецъ одинъ поставщикъ съ предложеніемъ по 12 р. 75 к. отъ четверти, оговорившись краткостью времени: бездорожье было совершенное и, по свѣдѣніямъ, молотой муки въ окрестностяхъ завода, кромѣ какъ у Бенардаки, вовсе не было. Бенардаки мѣсяца два какъ уѣхалъ въ Оренбургскую губернію, гдѣ онъ купилъ огромное имѣніе; не съѣхъ было посовѣтоваться, каждый наровилъ что нибудь и какъ нибудь сорвать; мнѣ приходила рѣшительно бѣда. Тутъ еще, подъ рукою, дошло до моего свѣдѣнія, что одинъ изъ чиновниковъ, состоявшихъ при мнѣ, находится въ близкихъ связяхъ съ явившимся поставщикомъ, хвастается своимъ влияніемъ на меня, чрезъ что могла пострадать еще моя репутація, а казенная палата не переставала дѣлать мнѣ представленія о послѣднихъ торгахъ, настоятельно требуя разрѣшить и указывая, что дѣйствія завода непремѣнно должны открыться 16-го ноября, а на заводѣ имѣется только 2 т. пудовъ муки. Въ такихъ тяжелыхъ и непріятныхъ для меня минутахъ, узналъ я, что пріѣхалъ Бенардаки, бросился къ нему за совѣтомъ и онъ меня тотчасъ же успокоилъ, сказавъ, что на заводѣ у чиновниковъ скуплено для оборота 15 т. четвертей (а мнѣ доносили—2 т. четвертей), да у него готово болѣе 30 т. четвертей, слѣдовательно, симъ количествомъ первоначальное дѣйствіе завода совершенно обеспечено, и что онъ охотно готовъ самъ приступить къ подряду, но въ настоящее время не имѣть у себя залога, ибо всѣ деньги и билеты употребилъ на покупку имѣнія, но для пріиска-нія залоговъ ему нужно не болѣе десяти дней. По настоящей распутицѣ и поздней уборкѣ хлѣба, онъ не можетъ объявить цѣны ниже 9 р. 50 к. за четверть, ибо все зависитъ отъ зимы, которая можетъ установиться еще въ ноябрѣ или декабрѣ и даже январѣ мѣсяцахъ. Хлѣба же вездѣ много и въ особенности въ Оренбургской губерніи, и если бы стала зима, то хлѣбъ можно было бы купить по 5 руб. четверть и, конечно, соразмѣрно съ этимъ, и понизить объявленную цѣну—слѣдовательно, операция можетъ дать большую выгоду или однѣ хлопоты—все зависитъ отъ погоды. Къ счастію моему, въ числѣ залоговъ, представленныхъ къ торгамъ явившимся купцомъ, я призналъ нѣкоторые неудовлетворительно ясными; запрашивши о нихъ переписка, что дало мнѣ потребное время, а чрезъ недѣлю я далъ предложеніе казенной палатѣ, указавъ на Бенардаки, что онъ изъявляетъ желаніе вступить въ подрядъ, цѣну мнѣ открылъ 9 р. 50 к. за четверть, а потому, исполняя букваль-

но предписаніе министра финансовъ, я утверждаю сю цѣну какъ высшую, а заготовленіе разрѣшаю произвести подрядомъ. Между тѣмъ, за неокончаніемъ завода, министерство уменьшило предполагаемое заготовленіе до 500 т. ведеръ и закупку хлѣба до 115 т. четвертей. Казенная палата, исполнивъ формы новыхъ вызововъ къ торгамъ, окончательно представила мнѣ Бенардаки съ цѣною по 9 р. 25 к., которую я уговорилъ его спустить до 8 р. 90 к., и 28-го октября я утвердилъ эту цѣну. Въ тотъ же день пошелъ снѣгъ хлопьями, 1-го ноября установился великолѣпный санный путь, и Бенардаки, явясь ко мнѣ, въ послѣдствіи сознался, что ему поставка хлѣба въ сложности обошлась съ небольшимъ 5 руб. за четверть. Можно судить какой страшный барышъ онъ получилъ въ такое короткое время въ одну операцию. Весь хлѣбъ онъ доставлялъ изъ Оренбургской губерніи, по причинѣ дурнаго урожая въ Симбирской губерніи въ этомъ году. Все сie съ строжайшею точностью я довелъ до свѣдѣнія гр. Канкрина, который поставилъ на видъ мое распоряженіе казенной палатѣ, упрекнувъ ее въ слабость мнѣ пособій съ ея стороны, и вызвалъ Бенардаки въ Петербургъ въ январѣ мѣсяцѣ, т. е. когда цѣна уже стояла по 5 р. за четверть, на поставку для будущаго года на полное количество хлѣба для 800 т. ведеръ вина 180 т. четвертей, каковую онъ и принялъ по 6 руб. 50 к. за четверть. И тутъ громадный барышъ, такъ что эти два подряда, какъ мнѣ говорилъ самъ Бенардаки въ послѣдствіи, положили главное основаніе всему его богатству.

Главное и особенное вниманіе гр. Строганова, во времія пребыванія его въ Симбирскѣ, обращено было на торговлю хлѣбомъ, на рыболовные промыслы и на участъ бурлаковъ-работниковъ, нанимающихся для сплава судовъ по Волгѣ. Судохозяева, не смотря на всѣ узаконенія и правила правительства, изъ своеюристія забираютъ на суда чернорабочихъ, часто безъ всякихъ видовъ, и тѣмъ даютъ поводъ въ укрывательству и къ переходамъ бѣглыхъ и дезертировъ; выдаютъ таковыми для приманки задатки, и по прибытии на мѣста—угрозами, что они объявлять о ихъ виновности и неимѣніи вида, задерживаютъ условленную плату; во времія пути не имѣютъ о нихъ вовсе никакого поченія и случись кому нибудь изъ бурлаковъ заболѣть, такъ что онъ не въ силахъ быть бы работать, хозяева безжалостно высаживали его на берегъ и кидали тамъ какъ собаку, а въ случаѣ смерти—такъ въ воду, безъ погребенія.

Не знаю какія потомъ послѣдовали мѣры къ отстраненію и къ прекращенію сего зла, но онѣ были необходимы, въ виду той безчеловѣчности и въ особенности той безнравственности, въ которой были поставлены рабочие въ отношеніи соблюденія условій и договоровъ хозяевами.

Сообщ. В. И. Жирковичъ и С. Д. Карповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИВАНЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ АЙВАЗОВСКІЙ

и его XLII-го лѣтнія художественная дѣятельность

1836—1878.

VIII¹⁾.

Графъ В. Н. Панинъ.—Рецензія Кукольника.—Плаваніе по Архипелагу.—Картини Айвазовскаго въ Берлинѣ.—Праздникъ въ Феодосії.—Перечень картинъ за первое десятилѣтіе.

1845—1847.

Высокое вниманіе къ художнику Государя и членовъ авгу-
стейшаго его семейства побудило наше высшій кругъ съ живѣй-
шимъ сочувствіемъ и уваженіемъ относиться къ Айвазовскому.
Не говоря уже о меценатахъ царствованія Николая Павловича,
каковы были, напримѣръ, графы братья Віельгорскіе, графы
Строгановы, князья Гагарины и др., должно замѣтить, что
33 года тому назадъ большинство нашихъ вѣльмож отличалось
особенною любовью къ изящнымъ художествамъ; Айвазовскому
же оказывали сочувствіе даже тѣ изъ нихъ, въ которыхъ, по ви-
димому, трудно было и допустить любовь къ изящному. Такъ,
напримѣръ, тогдашній министръ юстицііи графъ Викторъ Ники-
тичъ Панинъ, всегда отличавшійся, при совершенной вѣжливости,
холодностью и какъ бы черствостью обхожденія, былъ въ такомъ
восторгѣ отъ картинъ Айвазовскаго, что выразилъ художнику
желаніе украсить комнаты свои произведеніями его кисти. Для
графа Панина, художнику написалъ двѣ большия картины: «видъ
Неаполя, съ группою рыбаковъ, слушающихъ импровизатора», и

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 649—674; томъ
XXII, стр. 423—445.

— лунную ночь въ Амальфи, съ группою бандитовъ, среди которыхъ Сальваторъ Роза пишеть съ натуры окрестный пейзажъ». До отсылки этихъ картинъ къ графу Панину, Айвазовскій препроводилъ ихъ въ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, которая, во дворцѣ своемъ, представила ихъ Государю. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, художникъ случайно встрѣтилъ императора Николая Павловича, на Большой Морской, по которой онъ пѣшкомъ возвращался изъ Мариинскаго дворца въ Зимній.

— «Я любовался твоими картинами,—сказалъ Государь, поздоровавшись съ Айвазовскимъ,—онъ прелестны! Если бы можно, то, право, я отнялъ бы ихъ у Панина... Напиши ему другія!»

Художникъ передалъ слова августѣйшаго своего покровителя графу Матвѣю Юрьевичу Віельгорскому, но не могъ дозволить себѣ (чего не одобрилъ бы и Государь) несправедливаго поступка, тѣмъ болѣе въ отношеніи министра юстиціи, и доставилъ князю Панину свои картины, получивъ за нихъ опредѣленное вознагражденіе. Это было на Страстной недѣльѣ 1845 года (8-го—14-го апрѣля). Въ первый день св. Пасхи, раннимъ утромъ, выйдя въ столовую къ чаю, Айвазовскій съ удивленіемъ увидѣлъ на столѣ великолѣпную чайную чашку северскаго фарфора, куличъ, красные яйца и нѣсколько кустовъ цвѣтушихъ розановъ. На вопросъ, откуда все это? слуга отвѣчалъ, что раннимъ утромъ вещи эти привезены были дворецкимъ графа В. Н. Панина. Подобная внимательность со стороны человѣка угрюмаго, дѣловаго и мало общительнаго, тронула художника; чашку—подарокъ графа онъ хранить донынѣ, какъ воспоминаніе о нѣсколькихъ пріятнѣйшихъ минутахъ художественной своей дѣятельности.

Въ исходѣ апрѣля того же 1845 года, Иванъ Константиновичъ уѣхалъ въ Крымъ. Пребываніе его въ родномъ краю нельзя было (какъ полагали нѣкоторые) назвать отдыхомъ; напротивъ: южная природа была неистощимымъ источникомъ вдохновенія для трудолюбиваго художника, и въ Крыму все лѣто до поздней осени онъ работалъ гораздо болѣе, нежели зимою, въ Петербургѣ. Погруженный въ свои художественные занятія, Айвазовскій не имѣлъ ни времени, ни желанія писать въ столицу къ своимъ знакомымъ отчеты о своей дѣятельности. Между тѣмъ въ Петербургѣ готовилась академическая выставка, на которую Иваномъ Константиновичемъ не было доставлено ни одной картины изъ

написанныхъ имъ въ Крыму, а написано ихъ было не мало. Къ слову сказать — при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ и при тогдашнихъ путахъ сообщенія, доставка картинъ съ отдаленнаго юга въ Петербургъ была сопряжена со множествомъ затрудненій. Картины даже небольшихъ размѣровъ приходилось накатывать на деревянные вальки съ стержнями на концахъ; затѣмъ вальки вкладывались въ деревянные цилиндры, на-глухо запаковывася. Подобная отправка, безъ личнаго надзора самого художника, была дѣломъ болѣе нежели рискованнымъ.

Выставка въ академіи художествъ 1846 года обиловала пейзажами; многочисленная публика не безъ похвалъ отзывалась картинахъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ: А. М. Дорогова, И. Иванова, С. М. Воробьевъ, братьевъ Чернецовыхъ, Шульмана, Лагоріо, Кокука и Майера. Въ обзорѣ выставки, Кукольникъ, по поводу морскихъ видовъ Лагоріо, упомянувъ въ своей «Иллюстраціи»¹⁾ объ отсутствовавшемъ Айвазовскомъ:

— «Айвазовскій не явился въ настоящую выставку съ многочисленной семьёю своихъ произведеній, которыхъ бы не мало ее оживили. Не можетъ быть, чтобы въ это время онъ не написалъ ничего; до отѣзда его мы уже видѣли несколько большихъ картинъ, написанныхъ послѣ годичной выставки 1844 года; вѣроятно, по случаю отѣзда художникъ не успѣлъ распорядиться доставленіемъ написанныхъ имъ картинъ въ академію, и выставка потеряла много».

Пятнадцати-мѣсячный періодъ отсутствія Айвазовскаго изъ С.-Петербургa (съ апрѣля 1845 по юль 1846 года) былъ до-стопамятнымъ въ его художественной дѣятельности. Въ этотъ періодъ, независимо отъ замѣчательныхъ своихъ работъ во время пребыванія его въ Крыму, Иванъ Константиновичъ имѣлъ честь, по волѣ Государя, сопровождать Его Императорское Высочество Великаго Князя Константина Николаевича въ его плаваніи къ берегамъ Европейской Турціи, Малой Азіи и по Архипелагу. Кромѣ Константинополя, высокій путешесственникъ посѣтилъ Хіосъ, Патмосъ, Самосъ, Мителене, Родосъ, Смирну, развалины древней Трои, Синопъ и многіе другіе острова Архипелага и мѣстности Леванта и береговъ Анатоліи. Это путешествіе доставило Айвазовскому обширный запасъ эски-

¹⁾ «Иллюстрація». 1846 года 4-го мая, № 52, стр. 245.

зовь и обогатило его счастливую художественную память множествомъ новыхъ впечатлѣній. Донынѣ онъ ознакомился съ морями—Балтійскимъ, Чернымъ, Атлантическимъ и Средиземнымъ; теперь наглядное изученіе гидрографіи Европы было дополнено плаваніемъ по Архипелагу и Мраморному морю, по рубежу Европы и Азіи. По собственному отзыву нашего художника, только покровительство русскаго цара могло дать ему столько средствъ къ ознакомленію съ водною стихіею и разнообразнѣшими ея типами въ двухъ частяхъ свѣта: милости и щедроты покойнаго Императора дали возможность Айвазовскому видѣть лазурныя воды и небеса Неаполя, прибрежья Адріатики, посѣтить двѣ колыбели древнихъ искусствъ, Римъ и Византію, берега Леванта, острова Архипелага, скалы Аеона—мѣстности, съ которыми такъ неразрывны воспоминанія о первыхъ вѣкахъ христіянства. Нельзя обойти молчаниемъ и того обстоятельства, что вторичное морское путешествіе Айвазовскаго было имъ совершено въ свитѣ августѣйшаго генераль-адмирала, сына императора всероссійскаго. Государь, въ милостивомъ вниманіи своемъ къ талантливому художнику, желалъ доставить ему всѣ тѣ удобства, которыми онъ могъ пользоваться лишь сопутствуя царскому сыну, которая для простаго путешественника, даже и при значительныхъ средствахъ, немыслимы. За десять лѣтъ передъ тѣмъ Айвазовскій сопровождалъ Великаго Князя Константина Николаевича въ плаваніи Его Высочества по Балтійскому морю; теперь удостоился той же чести при посыщеніи Великимъ Княземъ береговъ далекаго юго-востока. Художественное свое поприще Айвазовскій началъ морскимъ путешествіемъ и имъ же было означеновано первое десятилѣтіе его художественной дѣятельности. Въ теченіе этихъ десяти лѣтъ безвѣстный юноша сдѣлался европейскою знаменитостью; Италія, Франція, Англія, Нидерланды восхищались его произведеніями, съ уваженіемъ произносили его имя; на родинѣ монаршее благоволеніе доставило Айвазовскому почетное положеніе въ обществѣ, и восторгъ, возбуждаемый его произведеніями во всѣхъ классахъ общества, былъ надежнымъ залогомъ за упроченіе его славы и за обеспеченіе его материальнаго благосостоянія.

Лѣтомъ 1846 года, по возвращеніи изъ своего путешествія, Айвазовскій, со свойственною ему быстротою, воспроизвелъ и выставилъ въ Одессѣ и Феодосії двѣнадцать картинъ, о которыхъ

одинъ изъ посѣтителей этой превосходной выставки написалъ къ Кукольнику слѣдующее письмо, тѣмъ болѣе любопытное, что оно проникнуто искреннимъ восторгомъ, который овладѣвалъ зрителями картинъ Айвазовскаго еще въ первые же годы его художественной дѣятельности.

— «Онъ написалъ здѣсь (въ Крыму) въ короткое время двѣнадцать картинъ, изъ коихъ семь—превосходны, но ииѣнѣю моему, до высокой степени. Онъ, при первомъ взглядѣ, показалъся мнѣ какимъ-то явлѣніемъ чуда, видѣніемъ, призракомъ. Онъ выражены не земною рукой, а какъ будто огнемъ Прометеевымъ; не красками, а иными элементами, лучами, выдернутыми изъ солнца и луны. Едва-ли онъ производилъ доселѣ что либо совершеніе! Не имѣю претензій на званіе знатока, а сужу по впечатлѣніямъ и ощущеніямъ, которые переданы вѣрно, и не боюсь упрека въ пристрастіи—потому, что произведенія Айвазовскаго, о нихъ же говорю выше всякаго пристрастія».

Печатая это письмо въ своемъ изданіи¹⁾, Кукольникъ присоединилъ къ нему такого рода замѣту:

— «Признаемся, что, не выдавъ картинъ, о которыхъ здѣсь сказано, мы вѣримъ и убѣждены, что такъ есть, такъ быть должно, потому что предѣлы развитія таланта такого, какъ талантъ Айвазовскаго, безисечны и безбрежны, какъ стихія, ить любимая, ить изображеная. Неужели художники лишить Петербургъ удовольствія, которымъ воспользовались Одесса и Феодосія? Пусть послѣдня—его родина, но Петербургъ—его училище. Заплатите же, дорогой художникъ, каждому свое!»

Но опасенія Кукольника были напрасны: черезъ мѣсяцъ Иванъ Константиновичъ, со своими картинами, прибылъ въ Петербургъ, и тотъ же рецензентъ былъ однимъ изъ первыхъ, которымъ удалось полюбоваться новыми произведеніями Айвазовскаго:

— «Двѣ новые картины И. Б. Айвазовскаго,—писалъ Кукольникъ²⁾,—«видъ Принцевыхъ острововъ съ высоты птичьего полета, на Мраморномъ морѣ» и «видъ Константина-полі». Въ первой Айвазовскій для настѣ явился въ полной зрѣлости обширнаго своего таланта. Особицкое дерево, но исполнено удачно; зной разливъ въ картинѣ такъ осозательне, что, кажется, опущаешь свое вліяніе. Великолѣпенъ и видъ великоглѣднаго Константина-полі; это какое-то очаровательное сліяніе красокъ и лунного свѣта, это картина высшаго эффекта. Къ сожалѣнію, феодосійскія его картины не дома и мы должны были отложить удовольствіе видѣть ихъ до другаго времени, когда художникъ откроестъ свою мастерскую для публики, какъ онъ предполагаетъ, и представить, такъ сказать, отчетъ въ своемъ изумительномъ трудолюбіи».

¹⁾ «Иллюстрація» 1846 г. 6-го июля, № 61, стр. 393.

²⁾ «Иллюстрація» 1846 г. 3-го августа, № 64, стр. 445.

По волѣ Государя, картины: «Аеонская гора», «Принцессы острова», «Константинополь» и «Аю-Дагъ вочью» посланы были на художественную выставку въ Берлинъ. Тогдашній король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ IV¹⁾ и все его семейство отнеслись къ произведеніямъ русскаго художника съ живѣйшимъ сочувствіемъ; но кончавъ немецкихъ живописцевъ и газетныхъ рецензентовъ распался на два лагера: одинъ—отрицалъ дарованіе въ Айвазовскомъ вопреки очевидности (зачѣмъ-де не учился у насъ, въ Дюссельдорфѣ); другой, признавая въ немъ громадный талантъ, приписывалъ его развитіе пребыванію художника въ Помераніи и его (мнимому) физическому недостатку—глухонѣмотѣ²⁾... Во всякомъ случаѣ появленіе картинъ Айвазовскаго на берлинской выставкѣ надѣжало много шума въ художественномъ мірѣ Германіи.

Осенью 1846 года въ № 34 «Іллюстрації» (14-го сентября) Кукольникъ напечаталъ небольшой біографический очеркъ Ив. К. Айвазовскаго съ приложеніемъ его портрета и политипажныхъ снимковъ съ его двухъ картинъ. Въ этой статьѣ находимъ слѣдующія весьма любопытныя подробности о пребываніи Ивана Константиновича въ Крыму, весною того же 1846 года:

— «Не вѣримъ намѣреніямъ художника, но, какъ бы то ни было, овъ строится въ Феодосіи; хорошенькая вилла, по его собственному рисунку, возникаетъ въ этомъ прекрасномъ по мѣстоположенію городѣ. Айвазовскій надѣется переселиться туда на постоянное жительство, завести обширную мастерскую, которая въ то же время послужила бы и школою живописи для того края. Эта мысль весьма основательна. Край, гдѣ природа тепла и роскошна; гдѣ живописѣйшая мѣстность, такъ сказать, на одномъ бассейнѣ расположены въ безпрерывной последовательности; гдѣ, наконецъ, волнуется одно изъ самыхъ картиныхъ морей,—такой край, безъ сомнѣнія, можетъ служить лучшей академіей для художниковъ по части морской и пейзажной живописи. Мы увѣрены, что тамъ могла бы, и съ большимъ успѣхомъ, развиться и академія исторической живописи. Напѣ разсказывали люди достойные вѣры, что нерѣдко въ греческихъ матросахъ имѣло случалось встрѣтить оригиналы знаменитыхъ античныхъ статуй. Мысль усвоенія живопи-

¹⁾ Родился 15-го октября 1795 года; наслѣдовалъ отцу своему, Фридриху Вильгельму III, 7-го июня 1840 г.; царствовалъ до 9-го октября 1868 г., назначивъ регентомъ брата своего, нынѣшняго императора германскаго; умеръ 2-го января 1861 года.

²⁾ См. выше «Русскую Старину», томъ XXI, стр. 651.

своей школы южной России стала же основательна, какъ и мысль Потемкина уредить музыкальное училище въ Малороссіи¹). Айвазовскій хотѣлъ ознакомить свое пребываніе на родинѣ какимъ нибудь пріятнымъ и прочнымъ воспоминаніемъ и сдѣлать выставку картинъ и празднікъ. Для того избралъ онъ 21-е число мая, день тезоименитства Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича. Гости съѣхались изъ Севастополя, Симферополя и другихъ городовъ; было не мало и дамъ. Въ числѣ гостей назовемъ таврическаго губернатора В. И. Пестеля, керченского градоначальника князя З. С. Херхеуладзе, А. И. Казначеева и командира корабля «Двѣнадцать Апостоловъ» В. А. Корнилова. Отслушавъ божественную літургію съ молебномъ, гости посѣтили выставку, а на празднікъ стали собираться въ шестомъ часу вечера, на дачу знаменитаго кавказскаго героя Петра Степановича Котляревскаго. Въ шесть часовъ началась конская скачка. Потомъ «дигитъ»—особаго рода ристаніе, на которомъ соперники на лошадяхъ, на всѣмъ скаку, должны отнимать другъ у другихъ шатки; дамы раздавали призы. Въ девять часовъ начался балъ; танцы были прерваны во время фейерверкомъ, потомъ ужиномъ на 300 персонъ, въ палатѣ иллюминированного сада; балъ кончился въ четвѣртомъ часу утра. Однимъ изъ главнѣйшихъ поводовъ было желаніе художника, предъ лицомъ согражданъ и почетныхъ гостей, а слѣдственно, и предъ всѣми, выразить чувства глубокой, искренней благодарности Александру Ивановичу Казначееву, который отеческимъ попеченіемъ въ судьбѣ молодаго таланта облегчилъ ему путь къ блестательной ѳѣ, путь—столь трудный въ начаѣ.

Этотъ разсказъ о праздніяхъ въ Феодосії мы можемъ дополнить по воспоминаніямъ самого Ивана Константиновича. Изъ Севастополя, кромѣ линейнаго корабля «Двѣнадцать Апостоловъ», прибыло тогда еще до пяти военныхъ судовъ. Музыка гремѣла на нихъ неумолкаемо; съ сумерекъ реи и снасти были унизаны разноцвѣтными фонарями и переливчатые ихъ огни по временамъ блѣднѣли предъ зажигаемыми по бортамъ фальшфейерами. Можно сказать, что воинственный Севастополь посѣтилъ мирную Феодосію... И черезъ девять лѣтъ, корабли, сослуживъ свою долгую и славную службу, погрузились во влажную могилу Корабельной бухты; изъ моряковъ—Корниловъ, сотни офицеровъ и тысячи матросовъ легли костями на окровавленныхъ развалинахъ Севастополя.

Осеню того же 1846 года исполнилось, какъ мы говорили

¹) Именно въ Кременчугѣ. Но эта благая мысль такъ же быстро погасла, какъ и вспыхла. Ея неосуществленіе довело до самоубийства талантливаго нашего композитора М. С. Березовскаго (См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVII, стр. 42).

выше, первое десятилѣтіе художественной дѣятельности Айвазовскаго. Кукольникъ къ статьѣ своей приложилъ списокъ картинъ Ивана Константиновича, далеко не полный, такъ какъ въ него вошли картины лишь большихъ размѣровъ, написанныя съ 1839 года. Представляемъ его дополненнымъ самимъ художникомъ:

1836—1838 гг. въ Петербургѣ и въ Крыму: 1—8) Морскіе виды, бывшіе на академической выставкѣ. 9—13) Лунная ночь, восходъ солнца, бура на Черномъ морѣ, видъ на южномъ берегу Крыма.

1839 г.: 14) Видъ Севастополя (въ Кронштадтскомъ дворцѣ). 15) Десантъ у Субаша (у В. К. Константина Николаевича). 16—17) Два морскіе виды (у г. Томилова). 18) Юрсуфъ ночью и нѣсколько малыхъ пейзажей (у г. Тарновского)

1840 г. въ Венеціи: 19) Бура въ морѣ. 20) Монастырь Санть-Даццаро. 21) Лунная ночь. Въ Неаполѣ: 22) Севастопольская эскадра въ неаполитанскомъ рейдѣ (у брата короля неаполитанскаго). 23—24) Амальфи и Сорренто. 25) Неаполитанский флотъ (у короля неаполитанскаго). 26) Бура ночью (результатъ лотереи и выиграна г. Дауріо). 27) Бура (у короля неаполитанскаго). 28) Шквалъ на морѣ (у графа Гурьевы). 29) Морскій видъ (у герцога Монтебелло). 30) Бура близъ Балри (у г. Галахева). 31) Неаполитанская ночь (у князя А. М. Горчакова). Послѣднія четыре картины были на выставкѣ въ Римѣ.

1841 г.: 32—83) Два виды Неаполя (у графа Зубова). 34—35) Сцены на неаполитанскомъ рейдѣ (у г. Финграфштейна), были на выставкѣ въ Римѣ. Нѣсколько малыхъ картинъ.

Въ Римѣ: 36—37) Виды Неаполя (у генерала Бартона). 38—39) То же (у лорда Молле). Нѣсколько малыхъ картинъ.

Въ Неаполѣ: 40—41) Амальфи и Сорренто (во дворцѣ въ Александріи). 42—43) Капри при лунѣ и Веккія (тамъ же).

1842 г. въ Римѣ: 44) Ночь въ Неаполѣ (у князя Витгенштейна). 45) Утро въ Неаполѣ (у графа Тышкевича). 46) Неаполитанская ночь (у И. М. Томстаго), была на выставкѣ въ Петербургѣ. 47—48) Виды Неаполя (куплены въ Вѣну). 49—50) Окрестности Неаполя (у г. Васильчикова). 51) Неаполитанский видъ (у княгини Долгоруковой, рожд. Давыдовой). 52) Хаосъ (у папы Григорія XVI). 53—54) Морскіе виды (у княгини Гагариной). 55) Лазурный гротъ (у великой княгини Маріи Николаевны). 56) То же (купленъ въ Англію). 57) Морскій видъ (у профессора Бруни). 58) То же (у г. Григоровича). Въ Лондонѣ: 59—60) Неаполитанскіе виды (куплены тамъ же). Въ Венеціи: 61) Лунная ночь (у в. княгини Маріи Николаевны). 62) Монахи ладзариты (у г. Давыдова). 63) Видъ Венеціи (во дворцѣ въ Александріи); была на выставкѣ въ Парижѣ и въ Петербургѣ. 64) Видъ

Венециі съ Лідо (во дворцѣ въ Александрии). 65) Бура. 66) Тишь (у бандіто Тревизо). 67) Венеціанскій видъ (купленъ въ Тріестѣ). Въ Парижѣ: 68) Бура (у князя Бѣлосельского-Бѣлозерскаго). 69) То же (у Государя Императора). 70) Даго Маджіоре (у князя Витгенштейна).

1843 г.: 71) Утро. 72) Ночь (у Диранъ-Рюэля; отъ него перешли къ г. Годшарлю, у послѣдняго куплены адъютантомъ короля нидерландскаго и посланы въ Батавію). 73—74) Бура и Тишь (куплены въ Америку). Въ Кадиксѣ: 75) Бура (у русскаго генерального консула г. Кесслера). 76) То же (куплены въ Англіи).

1844 г. въ Парижѣ: 77) Женщины на морскомъ берегу. 78) Рыбаки (въ Знаменскомъ дворцѣ). 79) Абхазскій берегъ (у Его Высочества В. Б. Константина Николаевича). 80—81) Морскія сцены (у князя Трубецкаго). 82) То же (у князя Барятинскаго). 83) То же (у графа Протасова). 84—87) Виды моря (у князя Кочубея). 88) Испанская сцена (у графа М. Ю. Вельзорскаго). 89) Мальта (у Его Высочества В. Б. Николая Николаевича). 90—91) Венеціанская ночь и морская сцена (у князя Бѣлосельского-Бѣлозерскаго). 92) Бура ночью (у г. Томилова). 93—94) Морскіе виды (у г. Шишмарева). Много картинъ малыхъ разибровъ. Въ Гагѣ: 95) Гибралтаръ ночью. 96) Венеціанскій видъ (осталась тамъ). Въ Петербургѣ: 97) Петергофскій фонтанъ. 98) Ревель. 99) Свеборгъ. 100) Кронштадтъ. 101) Гельсингфорсъ (у Государя Императора). 102) Кронштадтскій рейдъ съ парохода «Богатырь».

1845: г. 103) Ночь въ Венециі (у графа Зубова). 104—105) Неаполитанскій импровизаторъ и Сальваторъ Роза у бандитовъ (у графа В. Н. Чанина). 106) Аликанте (у г. Чашкова). 107) Мацага. 108) Даго Маджіоре (у И. М. Толстаго). 109—110) Испанская и венеціанская сцены (у великой княгини Маріи Николаевны). 111) Неаполь (у А. И. Казначеева). 112) Ночь въ Неаполѣ (во дворцѣ въ Александрии). 113) Видъ Салерно. 114) Бура (у наследника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора). 115) Клодъ Лорренъ (у графа Зубова). 116) Итальянскій видъ (у графа Мордвинова). 117) То же (у князя Гагарина).

1846 г. въ Крыму: 118—121) Виды Севастополя, Феодосіи, Керчи и Одессы (у Государя Императора). 122) Константинополь (у Государыни Императрицы). 123—124) Турецкая кофейня и канкъ съ турчанками (у Государыни Цесаревны, нынѣ Императрицы Маріи Александровны). 125) Монастырь св. Георгія въ Крыму (у Его Высочества В. Б. Константина Николаевича). 126) Троя. 127) Бура (у наследниковъ Т. Б. Потемкиной, въ пользу бѣдныхъ). 128) Феодосія (у А. И. Казначеева). 129) Морскія сцены. Въ Петербургѣ: 130) Принцевы острова на Мраморномъ порѣ, 131) Константинополь, 132) Аeonская гора и 133) Аю-Дагъ ночью,—посланы въ Берлинъ. 134—135) Морскіе виды. 136) Венеция. 137) Монастырь св. Георгія (у Ея

Имп. Высочества Великой Княгини Ольги Николаевны, королевы виртембергской). Въ исходѣ того же 1846 года, по желанію Государя Императора, были написаны: 138—144) Морскія битвы при Ревельѣ, Выборгѣ, Чесмѣ и Красной Горкѣ; два момента Чесменской битвы и «Петръ I при Красной Горкѣ, зажигающій костеръ на берегу для подачи сигнала гибнущимъ своимъ судамъ». 145) Гибель фрегата «Ингерманландъ»¹⁾, для Его Высочества Великаго Князя Константина Николаевича.

IX.

Картина для графини Бобрицкой.—Посѣщеніе Государя Николая Павловича.—Москва и А. П. Ермоловъ.—Графъ Чернышевъ.—Выставка новыхъ картинъ въ Одессѣ.—Празднество въ честь художника.—Картина Сверчкова.—Морскіе маневры.—Гоголь.—Жуковский.—Брюлловъ.

1847—1852.

Быстрота, неутомимость и разнообразіе—таковъ былъ, тако-ымъ и донынѣ остался художественный девизъ Айвазовскаго. Судя по вышеприведенному каталогу его картинъ, можно подумать, что онъ повторялся, изображая почти неизмѣнно одни и тѣ же сюжеты; но подобная мысль была бы совершенно несправедлива. Въ картинахъ этого художника утро, ночь, буря, тишина, восходъ и закатъ луны или солнца—точно такъ же разнообразны, какъ и въ самой природѣ. Какъ небо и море ежечасно измѣняютъ свой блескъ и колоритъ, такъ и на картинахъ Айвазовскаго одинъ и тотъ же сюжетъ измѣняется до бесконечности. Въ теченіе 1847 г. имъ написано было свыше двадцати морскихъ видовъ и пейзажей; кроме того: «корабль «Императрица Марія», застигнутый ураганомъ на Черномъ морѣ во время плаванія Государя Николая Павловича изъ Варны въ Одессу, въ октябрѣ 1828 года» (для И. А. Яковлева), «вилла г' Перовского на южномъ берегу Крыма», «монастырь св. Георгія» (для Ф. И. Прянишникова), «видъ Аeonской горы и острововъ Архипелага» (для графини Бобрицкой, рожд. Самойловой). За картины, бывшія на академической выставкѣ въ 1847 году, Айвазовскій былъ удостоенъ званія профессора.

Во время работы художника надъ картиною для графини

¹⁾ Этотъ 74-хъ пушечный корабль погибъ въ Каттегатѣ 1-го сентября 1841 года. Въ распоряженіи редакціи «Русской Старины» находится рукопись очевидца этого страшного события, которая будетъ напечатана на страницахъ этого издавленія.

Бобринской, быть съ нимъ слѣдующій случай. По желанію графини, Иванъ Константиновичъ задумалъ, на берегу изображаемой имъ мѣстности, написать группу грека и гречанки, безпечно любующихся закатомъ солнца. Гречанку, въ небрежной позѣ, съ роскошными, распущенными волосами, художникъ намѣревался скопировать съ находившейся тогда въ Петербургѣ женѣ брюс-сельского адвоката Дю—тье, съ которымъ онъ познакомился въ чужихъ краяхъ. Красавица охотно согласилась посѣтить мастерскую Ивана Константиновича (онъ жилъ тогда подлѣ Ордонансъ-Гауза, въ домѣ Яковлевой) и позировала въ восточномъ костюмѣ, состоявшемъ изъ шелковой сорочки, опоясанной шарфомъ. Предложивъ посѣтительницѣ отличный завтракъ съ бутылкою шампанскаго, художникъ занялся списываніемъ фигуры съ добровольной натурщицы, приказавъ слугѣ отказывать посѣтителямъ. Углубленный въ живопись, Айвазовскій вдругъ услышалъ въ коридорѣ голосъ посѣтителя, предъ которымъ отверзаются не только всѣ двери дворцовъ и чертоговъ вельможъ, но и самыя царскія врата храмовъ божіихъ—короче сказать, посѣтителемъ художника былъ государь Николай Павловичъ, третій разъ удостоившій Айвазовскаго своимъ посѣщеніемъ. Съ палитрою въ рукахъ, въ рабочей своей курткѣ, художникъ поспѣшилъ встрѣтить августейшаго своего гостя. Государь, обращаясь къ Айвазовскому, упомянувъ о заказѣ морскаго вида для дворца; затѣмъ, быстро проходя въ мастерскую, спросилъ: «что пишешь новаго?» Иванъ Константиновичъ не успѣлъ отвѣтить, какъ государь уже переступилъ порогъ мастерской. Г-жа Дю—тье, вскочивъ съ мѣста, краснѣя за свой костюмъ, сдѣлала глубочайшій реверансъ, пугаясь въ шарфѣ, упавшемъ съ ея талии. Государь съ любезною улыбкою поклонился растерявшейся француженкѣ, шепнувъ Айвазовскому: «Очень не дурна; кто такая?»

Назвавъ свою «гречанку», Айвазовскій поспѣшилъ объяснить сюжетъ картины и для кого она пишется. «Этотъ костюмъ нуженъ былъ для картины»,—пояснилъ онъ.

— «Да, да... нуженъ, очень нуженъ!»—сказалъ государь улыбаясь и, отходя къ картинѣ, опять произнесъ вполголоса: «Барыня очень недурна... для картины. А кому ты ее пишешь?»

— Графинѣ Бобринской, ваше величество.

— «Такъ, такъ; хорошо...»...

Откланявшись француженкѣ, государь вышелъ смѣясь въ дру-

гую комнату, опять напомнил художнику о заказе и, прощаясь съ нимъ, сказалъ:

— «Смотри, моря-то мнѣ не забывай!»

Въ 1848 году, проведя, по обыкновенію, весну и лѣто въ Крыму, Иванъ Константиновичъ (въ тотъ годъ — новобрачный) осенью прибылъ въ Москву, гдѣ выставилъ до десяти большихъ картинъ, изъ которыхъ шесть были куплены императоромъ. Въ числѣ ихъ находился нынѣ хранящійся въ Эрмитажѣ: «Девятый вальс» — одно изъ поразительнѣйшихъ произведеній кисти Айвазовскаго. Въ Москвѣ же художникъ нашъ имѣлъ честь познакомиться съ незабвеннымъ героемъ, мастеромъ «проконсуломъ» Кавказа — Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ.

Глубоко врѣзались въ память Ивана Константиновича черты лица, осанка, голосъ и очаровательное вѣжливостю своею обхожденіе Ермолова. Когда его посѣтилъ Айвазовскій, то Алексѣй Петровичъ выразилъ желаніе видѣть, какъ пишетъ художникъ. Съ удовольствіемъ исполнилъ желаніе старца, Иванъ Константиновичъ просилъ его пожаловать къ нему въ ближайшій день къ десяти часамъ утра. Ермоловъ пріѣхалъ въ дому, въ которомъ жилъ Айвазовскій, минутами двадцатью ранѣе, и до назначенаго часа пробылъ въ сосѣднемъ книжномъ магазинѣ. Съ послѣднимъ ударомъ десяти часовъ, Алексѣй Петровичъ былъ въ мастерской Айвазовскаго. Тогда Иванъ Константиновичъ, взявъ небольшую раму съ полотномъ, въ теченіе двухъ часовъ, на глазахъ своего почетнаго гостя, написалъ видъ кавказскихъ скалъ у береговъ Чернаго моря, на нихъ группы черкесовъ, смотрящихъ на кочерму, разбивающуюся о прибрежные камни. Ермоловъ все время не сводилъ глазъ съ картины, такъ быстро возникавшей подъ кистью Ивана Константиновича. Сюжетъ ея пробудилъ въ сердцѣ престарѣлаго льва воспоминанія о быломъ и предметомъ его разговоровъ съ художникомъ былъ, разумѣется, Кавказъ — несокрушимый пьедесталъ, на которомъ Россія вѣчно будетъ видѣть Ермолова. Съ послѣднимъ взмахомъ кисти художника, въ прихожей раздался звонокъ и черезъ нѣсколько минутъ въ зало вошелъ пожилыхъ лѣтъ человѣкъ съ сѣдою бородой. «Если позволите, — сказалъ онъ вышедшему къ нему Ивану Константиновичу, — я зайду къ вамъ въ другое время; теперь у васъ А. П. Ермоловъ, а я не знаю — пріятно ли ему будетъ увидѣть меня..».

- Но съ кѣмъ-же имѣю удовольствіе говорить?
- «Я Чернышевъ—бывшій членъ общества «союза благо-дѣлнствія».

Иванъ Константиновичъ передалъ Ермолову сомнѣніе пре-старѣлого декабриста и тогда Алексѣй Петровичъ быстро всталъ съ кресель, вышелъ самъ въ графу Чернышеву, назвалъ его по имени и отчеству, горячо обнялъ и вообще обошелся какъ съ давнимъ и дорогимъ другомъ. Много было трогательнаго, по сло-вамъ Ивана Константиновича, въ бесѣдѣ двухъ старцевъ—такъ различно окончившихъ ихъ служебное поприще....

На слѣдующій день Айвазовскій послалъ Ермолову въ пода-рокъ картину, при немъ написанную. За нее Алексѣй Петровичъ отблагодарилъ художника весьма любезнымъ письмомъ, проникну-тымъ искреннимъ восторгомъ и какъ-бы поэтическимъ вдохнове-ніемъ. Это письмо, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ, полученныхъ отъ Ермолова, донынѣ сохраняется у Ивана Константиновича¹⁾.

Въ теченіе 1849 — 1850 гг. Айвазовскимъ было написано свыше тридцати картинъ, большихъ и малыхъ. Изъ картинъ большаго размѣра назовемъ: «Наваринскій бой», «занеженіе Пе-тербурга въ 1703 году», «видъ Петербурга въ 1850 г.» (для императора Николая Павловича), «пожаръ Москвы въ 1812 г.», «видъ Москвы, съ храмомъ Христа Спасителя на первомъ планѣ» (двѣ послѣднія картины писаны для Москвы, по случаю 25-ти-лѣтія царствованія императора Николая Павловича), «затмѣніе солнца» (подарена художникомъ Императорскому географаче-скому обществу) и мн. др. Въ Одессѣ Айвазовскій сдѣлалъ вы-ставку своихъ картинъ въ пользу бѣдныхъ и сборъ былъ весьма значителенъ. Приятельные жители Одессы поднесли художнику адресъ и превосходной работы серебряную вазу съ награвирован-ными на ней снимками картинъ, гербами: городскими и Айва-зовскаго. На обѣдѣ, данномъ въ его честь въ клубѣ, присутство-вало свыше двухсотъ гостей и въ числѣ ихъ Иннокентій, епископъ херсонскій и тавріческій. Много было говорено рѣчей и читано стиховъ. Глубоко тронутый вниманіемъ одесситовъ, Иванъ Константиновичъ, въ память этого дня, написалъ въ по-

¹⁾ Полагалась на любезное обѣщаніе нашего уважаемаго художника, на-дѣлся помѣстить въ «Русской Старинѣ» находящіяся у него письма Ермолова, а равно и другихъ замѣчательныхъ лицъ Россіи и чужихъ краевъ. Ред.

дарокъ клубу и одесской биржѣ двѣ картины: «туманное утро» и «итальянскую ночь».

Недостаточные любители картинъ Айвазовскаго довольствовались копіями, изъ которыхъ особенно удачныя, часто пройденныя кистью самого художника, писалъ иѣзюто О—скій, учитель живописи въ нѣсколькоихъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ былъ знакомъ Ивану Константиновичу еще со времени посѣщенія Крыма художникомъ, года за три передъ симъ. Работалъ онъ усердно и прилежно и до нѣкоторой степени обладалъ дарованіемъ хорошаго копировальщика, но безъ особыхъ задатковъ быть художникомъ самостоятельнымъ. Продажа кошѣй съ картинъ Ивана Константиновича доставляла О—скому весьма порядочный доходъ. Отношенія Айвазовскаго къ этому молодому человѣку были самы пріязненные; лишь одинъ его недостатокъ не могъ нравиться Ивану Константиновичу: это была чрезмѣрная щепетильность и неумѣстная щекотливость вслѣдствіе излишняго самолюбія. Нашъ художникъ, можетъ быть, и не обратилъ бы на это особеннаго вниманія, еслибы это самолюбіе не увлекло однажды О—скаго за предѣлы уваженія—не къ Айвазовскому лично, но къ уважаемому имъ искусству. Этотъ, въ сущности, простой случай служить, между многими другими, доказательствомъ пламенной любви Ивана Константина къ искусству.

Готовясь писать какую-то картину, Айвазовскій отправился въ магазинъ Риппа (*«A la palette de Raphael»*—въ Большой Морской) купить небольшое полотно. Здѣсь встрѣтилъ онъ О—скаго и, узнавъ, что тотъ идетъ домой, попросилъ его захватить съ собою купленную рамку съ полотномъ. О—скій согласился и, выйдя изъ магазина, сталъ рѣдить извоща къ квартирѣ Ивана Константиновича, на Михайловскую улицу. Ясная погода, близость разстоянія и небольшой объемъ полотна не могли до такой степени затруднить молодаго человѣка, чтобы необходимо былоѣхать, а не идти пѣшкомъ. Заботливость, съ которой онъ пряталъ рамку подъ шинель, объяснила Айвазовскому причину: юноша стыдился идти по Невскому съ ношкою, да еще, вдобавокъ, такою, по его мнѣнію, прозаическою. Айвазовскій, выйдя изъ магазина, остановилъ его. На вопросъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, О—скій сконфузился и не нашелся, чѣдъ сказать...

— Или вы нездоровы, устали, спѣшили куда нибудь? разспрашивалъ Иванъ Константиновичъ.

То же молчаніе и смущеніе.

— Ну, хорошо,—сказалъ художникъ съ улыбкою,—дайте же мнѣ рамку, я понесу ее самъ, а мы, если хотите, идите со мною.

И ваявъ подъ мышку рамку съ полотномъ, Иванъ Константиновичъ пошелъ съ О—скимъ по солнечной сторонѣ Невскаго проспекта. Гуляющихъ было множество; между ними встрѣчались часто знакомые Айвазовскаго, и, какъ нарочно, лица знаменитыя или заслуженные. Дорогою, нѣсколько разъ, О—скій пытался вытащить рамку изъ-подъ мышки Ивана Константиновича—напрасно: тогъ не выпускалъ ее изъ рукъ. По приходѣ домой онъ сказалъ О—кому:

— Вы стыдились нести по Невскому полотно для картины? Тѣмъ-же эта ноша казалась вамъ неприличною? Стыдно-ли военному идти съ оружиемъ, а литератору съ книгой? Можно-ли художнику стыдиться принадлежностей его искусства? Этой странной стыдливости я не понимаю... Еслибы я былъ ваятелемъ и купилъ глыбу мрамора, то, повѣрте, не постыдился-бы бѣхать вмѣстѣ съ нею на ломовомъ извозчикѣ!

— «Не знаю,—замѣтилъ Иванъ Константиновичъ, рассказывая намъ этотъ случай,—послужило-ли въ прокъ мое нравоученіе, но подобную щепетильность и какъ-бы пренебреженіе къ орудіямъ своего искусства мнѣ случалось встрѣчать во многихъ художникахъ. Боясь показаться ремесленниками, они тѣмъ самымъ низводятъ художество на степень ремесла».

Въ ноябрѣ того-же 1850 года Иванъ Константиновичъ былъ приглашенъ въ Зимній дворецъ къ императору Николаю Павловичу, желавшему показать ему нѣсколько картинъ иностранныхъ художниковъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и увидѣть тѣ изъ картинъ, которые окончены Айвазовскимъ. Особенное вниманіе Ивана Константиновича государь обратилъ на концо съ «Мадонны».

— «Какъ ты ее находишь?—спросилъ Николай Павловичъ. Она писана русскимъ любителемъ живописц. Эта работа Сверчкова¹⁾. Онъ служилъ въ военной службѣ, имѣлъ страсть къ живописи, но родные его никакъ не хотѣли, чтобы онъ былъ художникомъ. Чѣмъ же ты думаешь? Сверчковъ отправился пѣшкомъ въ Италию и теперь занимается живописью въ чужихъ краяхъ, и,

¹⁾ Однофамилецъ нашего извѣстнаго художника-гиппографа Н. Сверчкова. По слухамъ, въ бытность его въ Мюнхенѣ, онъ вызвалъ на дуэль барскаго офицера, рѣзко отозвавшагося объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ.

какъ видишь, успѣшио. Кроме того, въ Мюнхенѣ, Сверчковъ выказалъ себя истинно русскимъ!»

Проведя, по обыкновенію, весну и лѣто въ Крыму, Айазовскій въ 1851 году провелъ вѣсколько времени въ Николаевѣ, откуда на пароходѣ «Владимиръ» сопутствовалъ государю императору въ плаваніи въ Севастополь и присутствовалъ при морскихъ маневрахъ. Государя сопровождали Наслѣдникъ-Цесаревичъ (нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ), князь А. С. Меншиковъ, большая свита и, между прочими, австрійскій посолъ. Во время плаванія, государь Николай Павловичъ нерѣдко удостоивалъ Айазовскаго милостивымъ разговоромъ, обращая его вниманіе на эффектное освѣщеніе моря, или на живописную группировку маневрировавшихъ судовъ. Совершенно довольный маневрами, императоръ, готовясь подать сигналъ къ ихъ окончанію, долго любовался пловучимъ городомъ, состоявшимъ изъ кораблей и пароходовъ Черноморскаго флота.

Вспоминая о морскихъ маневрахъ 1851 года, Иванъ Константиновичъ съ увлечениемъ говорить, какъ любовался онъ кораблями Черноморскаго флота, этой семьюю богатыреи, повиновавшихся державной волѣ государя, бывшаго тогда во прѣть лѣть и мужественной красоты... И черезъ четыре года не существовало этого флота, опочилъ и государь вѣчнымъ сномъ. Видь маневровъ послужилъ художнику какъ-бы подготовкою для будущихъ его картинъ, изображающихъ нѣкоторые эпизоды севастопольского разгрома. Въ 1851 году Айазовскимъ было написано значительное число небольшихъ картинъ, преимущественно видовъ Чернаго моря и береговъ Крыма.

Въ началѣ 1852 года художникъ былъ въ Москвѣ, гдѣ мелькомъ видѣлъ Н. В. Гоголя. Ивана Константиновича поразила страшная худоба, блѣдность и страдальческое выраженіе лица великаго нашего писателя. Тогдашній Гоголь былъ тѣнью того веселаго, милаго собесѣдника, котораго Айазовскій видѣлъ въ Римѣ и во Флоренціи двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Мрачный мистицизмъ и религіозная восторженность, граничившая съ помѣшательствомъ, рѣзко измѣнили Гоголя и нравственно и тѣлесно. Немногими словами размѣнялся онъ съ Иваномъ Константиновичемъ, но отъ нихъ вѣяло мертвящею апатією, холодомъ кельи или могилы... Въ томъ-же 1852 году, подъ гнетомъ того-же ми-

стициама, скончался В. А. Жуковский, таъ сочувственно относившися къ первымъ успѣхамъ Ивана Константиновича; наконецъ, въ Петербургъ пришла вѣсть о кончинѣ К. П. Брюллова, совѣтамъ котораго Айвазовскій, по собственному его сознанію, весьма многимъ обязанъ.

X.

Картины изъ эпохи Крымской войны.—Новый родъ живописи.—Выставка въ Парижѣ.—Россия.—Пелліссе.—Представление Наполеону III и императорцу Евгениѣ.—Возвращеніе изъ чужихъ краевъ въ Россію.

1853—1859.

Настала кровавая эпоха Крымской войны, давшая новое направление отечественной литературы и художествамъ. Всеобщее внимание поглощено было войною, начало которой было такъ блестяще и нашему оружію. Айвазовскій не могъ безучастно относиться къ великимъ событиямъ—какъ русскій и какъ художникъ, которому война послужила богатымъ источникомъ для новыхъ превосходныхъ картинъ. Такимъ образомъ, онъ написалъ «Синопский бой» (въ двухъ видахъ), «бомбардирование Севастополя»—для этой картины онъ пріѣжалъ изъ Харькова на Сѣверную сторону, где и провелъ два дня; затѣмъ слѣдовали картины: «В. А. Корниловъ на бастіонѣ», «буря подъ Евпаторіей», «буря подъ Балаклавой»; какъ бы для отдыха отъ сюжетовъ мрачныхъ и кровавыхъ, въ то же время Айвазовскій написалъ «малороссійскую степь съ обозомъ чумаковъ». Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи, проѣздомъ чрезъ Харьковъ изъ Севастополя въ Петербургъ, милостиво приняли отъ Айвазовскаго, для представления государю императору, нѣсколько рисунковъ съ изображеніемъ разныхъ эпизодовъ войны. На возвратномъ пути изъ Петербурга въ Севастополь, Ихъ Высочества передали художнику благодарность ихъ августейшаго родителя и слова его: «что бы ни написалъ Айвазовскій—будетъ куплено мною»... Поощренный одобрениемъ государя, тѣмъ болѣе драгоценнымъ, что въ это печальное время все монаршее вниманіе было обращено на события и бѣдствія войны, Айвазовскій съ жаромъ принялъ за писаніе нѣсколькихъ новыхъ картинъ и прибылъ съ ними въ Петербургъ, но уже не засталъ въ живыkhъ державного своего покровителя.

Въ числѣ картинъ, привезенныхъ Иваномъ Константинови-

чемъ въ Петербургъ, были: «чумаки» и «бура подъ Евпаторіей». Первая изъ нихъ была приобрѣтена нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ; двѣ картины куплены были Кокоревымъ и графомъ В. А. Черновскимъ; обѣ нынѣ находятся у Государя Наслѣдника Цесаревича. Къ крайнему сожалѣнію почтенный художникъ не могъ нынѣ припомнить сколько именно картинъ и на какіе сюжеты было написано имъ въ теченіе 1855 года; но, во всякомъ случаѣ, общій каталогъ его картинъ (съ исчисленными выше) въ 1855 году простирался уже до 400 номеровъ.

Въ 1856 году Айвазовскому было написано нѣсколько картинъ, сюжеты которыхъ были заимствованы изъ эпохи недавней войны, а также и много пейзажей разныхъ мѣстностей Малороссіи и Крыма. Нельзя не упомянуть и о превосходно выполненныхъ Иваномъ Константиновичемъ небольшихъ картинахъ—по заказу бывшихъ сотоварищей по Пажескому корпусу князя Виктора Илларіоновича Васильчикова, для поднесенія ему на память.

Съ этого времени, даровитый нашъ художникъ, талантъ которого въ теченіе двадцати лѣтъ его дѣятельности достигъ высшей степени развитія и силы,—началь писать картины не исключительно моря, съ его бурными волнами или легкими зыбями, озаренными луною или солнечными лучами, онъ сталъ заимствовать сюжеты для картинъ изъ явлений живой природы на суши, и въ этомъ, какъ бы новомъ родѣ пейзажной живописи, обнаружилъ тотъ же могучій талантъ, каковыми отличались его произведения какъ мариниста. Завистливая посредственность видѣла въ этомъ вторженіе въ чужія области; въ обществѣ и въ печати стали проявляться намеки на то, что Айвазовскій берется не за свой родъ живописи; что кисть его, такъ чудно воспроизводящая море, не въ силахъ уловить эффекты свѣта и тѣни на широкомъ раздолѣ степей или на снѣговыхъ равнинахъ... Но это шипѣніе завистниковъ вскорѣ умолкло предъ восторженными о картинахъ Айвазовскаго отзывами всей Россіи и Европы.

Въ 1857 году, Иванъ Константиновичъ отправился въ Парижъ и выставилъ здѣсь «четыре богатства Россіи», представленные въ пейзажахъ четырехъ временъ года. За нихъ Айвазовскій получилъ орденъ почетнаго легіона; все иностранные газеты единогласно признали, что картины русскаго художника—совершенство своего рода. Въ томъ же 1857 году, Айвазовскому были написаны: «туманъ», «южный берегъ Крыма», «гибель ко-

рабла «Лефортъ»¹⁾). Въ слѣдующемъ 1858 году, на нашей академической выставкѣ находились десять картинъ Ивана Константиновича, изъ которыхъ особенно громкихъ похвалъ удостоились: «зима съ видомъ постоялого двора въ Тульской губерніи», «пастбище овецъ близъ Феодосіи» и «камыши на Днѣпрѣ близъ м. Алешки».

Изъ личныхъ воспоминаній Ивана Константиновича о пребыва-
ніи его въ Парижѣ въ 1857—1858 гг. въ разсказахъ его сохранились
немногіе эпизоды, относящіеся преимущественно къ его встрѣчамъ
съ разными замѣчательными личностями того времени, каковы: До-
ницетти, Россини, маршалъ Пелліссье и Наполеонъ III.
Упомянутые лица оказали Айвазовскому самую любезную вни-
мательность. Россини, во время выставки, не было въ Парижѣ; о
томъ, что на ней были картины Айвазовскаго, онъ узналъ изъ га-
зетъ, и посѣтилъ мастерскую художника. Въ это время творецъ
«Вильгельма Телля», окончательно излѣнившійся, оставилъ музыку,
предался душою и тѣломъ гастрономіи. Картины Айвазовскаго
затронули въ немъ, однако, струнку любви къ изящному. Иванъ
Константиновичъ написалъ ему небольшую картину, даря кото-
рую на память, выразилъ композитору желаніе получить отъ него
на память листокъ нотной бумаги, его руково написанный; но
композиторъ-гастрономъ не удовлетворилъ скромной просьбы ху-
дожника, отѣльваясь обѣщаніями, въ сущности же, обуянный
лѣнью, Россини тяготился взять неро въ руки.

Маршалъ Пелліссье, неоднократно любовавшійся картинами
Айвазовскаго, написалъ ему очень любезное письмо, въ кото-
ромъ выразилъ надежду—посѣтить Крымъ, «но не въ качествѣ
недавняго врага, а въ качествѣ гостя и друга». Письмо это въ
подлинникѣ донынѣ сохраняется у Ивана Константиновича.

Наполеону III и его супругѣ художникъ нашъ представлялся,
по совѣту тогдашнаго нашего посланника въ Парижѣ, графа
Киселева. Это представленіе происходило въ Тюиллеріи. Всѣхъ
лицъ обоего пола и разныхъ націй, представлявшихся императору
и императрицѣ, было до тридцати человѣкъ, группировавшихся
имѣя во главѣ посланниковъ. Въ русской группѣ Иванъ Кон-
стантиновичъ замѣтилъ какого-то господина съ еврейскимъ ти-

¹⁾ Корабль «Лефортъ» — по неизвѣстнымъ причинамъ, погибъ въ Бал-
тийскомъ морѣ, въ октябрѣ 1857 года. Гибель его, подобно гибели «Ингерман-
ланда», произвела глубокое печальное впечатлѣніе въ обѣихъ столицахъ и по-
всемѣстно въ Россіи.

помъ лица, въ мундирѣ коммерціи совѣтника (можетъ быть даже, и члена человѣколюбиваго общества), со множествомъ орденовъ на груди и съ золотою, осыпанною крупными бриллиантами, медалью на шеѣ. Стоя подъ Ивана Константиновича, господинъ этотъ старался придать себѣ видъ сановитости и вмѣстѣ съ тѣмъ развязности, постукивалъ ногою о паркетъ. Такъ продолжалъ онъ, когда въ залъ вошелъ Наполеонъ III и императрица Евгения. Они останавливались предъ каждой группой и каждый посланникъ представлялъ своихъ соотечественниковъ и соотечественницъ—сперва ей, потомъ ему. Иванъ Константиновичъ былъ пораженъ величавою красотой императрицы и особенною женственностью граціею, разлитою во всей ея фигурѣ. Совершенно чистое впечатлѣніе произвела на художника наружность Наполеона III: тусклый взглядъ его ирищуренныхъ сѣрыхъ глазъ, некрасивая фигура съ длинною талией и короткими ногами, наконецъ—тихій голосъ, отличавшійся какою-то вялостью, утомленіемъ. Нашему художнику Наполеонъ III сказалъ нѣсколько любезностей по поводу его картинъ; похвалилъ живописныя мѣстности Крыма; затѣмъ обратился къ сосѣду Ивана Константиновича, продолжавшему все время выстукивать ногою о паркетъ какую-то пѣсеньку. Наполеонъ III сказалъ ему что-то, какъ и всѣмъ предыдущимъ, по французски; но еврей, не понимавшій этого языка, отвѣчалъ по нѣмецки—вопреки требованіямъ этикета.... Окружающіе съ трудомъ удержались отъ улыбки; но разговоръ Наполеона III съ этимъ неловкимъ господиномъ продолжался на нѣмецкомъ языкѣ, которымъ императоръ владѣлъ въ совершенствѣ.

О времени пребыванія своего въ Парижѣ художникъ нашъ сохранилъ еще и то воспоминаніе, что въ 1857—1858 гг. въ столицѣ Франціи былъ необычайный наплывъ иностранцевъ вообще, русскихъ въ особенности. Къ послѣднимъ недавніе наши враги, французы, относились съ особенною внимательностью и любезностью. Иванъ Константиновичъ, какъ мы уже говорили выше, возвратился въ Россію съ старшимъ своимъ братомъ Гаврииломъ. Прѣѣздъ чрезъ Константинополь далъ Айвазовскому возможность пополнить богатое собраніе своихъ эскизовъ нѣсколькими набросками, для памяти. Одинъ изъ нихъ, въ 1859 году, послужилъ Ивану Константиновичу сюжетомъ для великолѣпнаго «вида Константинополя», нынѣ находящагося въ Царскосельскомъ дворцѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЮАХИМЪ ЛЕЛЕВЕЛЬ

КАКЪ КРИТИКЪ «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО». СОЧ. КАРАМЗИНА.

Переписка съ Ф. В. Булгариномъ.

1822—1830 гг.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ¹⁾.

Еще въ январѣ 1823 г. Лелевель послалъ продолженіе критики; между тѣмъ получаетъ письмо Булгарина, неторопливо ожидавшаго продолженія критики и умолявшаго выслать какъ можно скорѣе эту статью. Въ этомъ письмѣ Булгаринъ восклицаетъ:

«Не могу показаться ни въ домахъ, ни на улицѣ, первый вопросъ: что же вать Лелевель? Что умолкъ? Извините, милостивые государи, мой Лелевель не можетъ, но сенять связы ми руки. Вчера получилъ съ почты 63-е письмо отъ подписчиковъ, упрекающихъ меня, что я не держу обѣщанія, письма эти я пришлю вамъ, чтобы вы ихъ сохранили на память. Говорить, что и августейшему монарху понравилось ваше вступленіе... Я долженъ нѣсколько отступить отъ научныхъ предметовъ, чтобы вамъ высказать мои мысли, опасенія и надежды. Я на седьмомъ году жизни былъ привезенъ въ Россію. Любовь къ старой Польшѣ и надежда, что край этотъ возстановится; заведи меня во Францію, любя всетаки Польшу comme une *metaphysique* qui n'existe que dans l'*histoire*. Я никогда не полагался на моихъ земляковъ, такъ какъ никто изъ свѣтѣ не измѣняетъ такъ скоро своихъ убѣждений какъ поляки, никто такъ скоро не разрывается связей, не отказывается отъ начатаго труда, какъ наши любезныя земляки. Поэтому, при глубочайшемъ къ вамъ уваженіи, при сильнѣйшемъ энтузіазмѣ, возбуждаемомъ вашими литературными трудами, я все былъ въ тревожномъ состояніи духа со времени обѣщанія вашего прислать мнѣ критику на Карамзина, т. е. съ ноября 1821 г., до настоящаго времени... Получивъ письмо ваше, въ которомъ вы требуете возвращенія вашего оригинала, я до смерти испугался, не какие ли nibудь подковы моихъ враговъ и завистниковъ побудили васъ къ этому шагу. Издатель «Инвалида», мой главный врагъ, могъ побудить креатуру свою Лобойко, чтобы тотъ что-либо вамъ можно сообщить»...

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 633—656.

Коснувшись редактора «Литературного курьера», выбравшего его за то, что онъ не выписывает «Сѣверного Архива», тогда какъ иностранные журналы обѣ вѣмъ хорошо отзываются, Ф. В. прибавляетъ: «а Польша не хочетъ упомянуть: стыдъ и срамъ. Поэтому и пала Польша, что чувства зависти и непріязни вѣчно управляли дѣлами работниковъ на одномъ поприщѣ».

Отвѣтомъ на эти вопли и сѣтованія служить слѣдующее письмо Лелевеля:

V.

Вильно.—19-го апрѣля 1823 года.

Два ваши письма отъ 4-го и 11-го апрѣля я получилъ: изъ нихъ, изъ вашей откровенности и угрозъ честностью, что не переживете, чтобы васъ назвали обманщикомъ, я могъ понять, что меня самого заподозрѣваютъ въ обманѣ и обвиняютъ въ коварствѣ и обманѣ¹⁾). Какъ странны подобны ваши измышенія и для васъ самихъ неприличны—не трудно было это выяснить. Но будь, сударь, увѣренъ, что ни излишнія напоминанія, ни подозрительность, оскорбляющая честность, не могутъ ни поощрять писать, ни возбудить во мнѣ какого-то чувства чести (*jakiego punktu honoru*). Впрочемъ, можете себѣ и дальше меня обижать, если вамъ угодно, но не пеняйте на меня за то, что я обѣ этомъ писать болѣе не буду—ни въ шутку, ни серьезно.

Переходя къ дѣлу. Пожалуйста, обратите вниманіе на слѣдующія мѣста: въ нихъ надо то прибавить, то поубавить, то измѣнить такъ:

Въ отдѣлѣ о критикѣ. Во первыхъ: Такова судьба историческихъ писателей, что, при величайшемъ ихъ критическомъ усердіи и усиленномъ трудолюбіи, они не въ силахъ избѣгнуть недосмотровъ и неточностей. Въ изслѣдованіяхъ Карамзина, когда вникнемъ въ подробности, намъ не всегда покажется вѣрнымъ то, что вѣроятно. Изъ числа историческихъ источниковъ мы рѣдко осмѣлились бы предположить лѣтописи актамъ и грамотамъ, такъ какъ намъ кажется, что лѣтописные повторенія не могутъ оправдывать явнаго беспорядка. Нѣкоторыя возникающія отъ этого затрудненія намъ придется разсмотрѣть, когда перейдемъ къ подробнотямъ²⁾.

Въ отдѣлѣ о разсказѣ и изложеніи. Во вторыхъ: Так же и польскій писатель (Нарушевичъ), де изображая ясно (*bez dobitnego kreslenia*) отдельныя картины, постоянно обращаетъ вниманіе на внѣшнее

¹⁾ Въ письмѣ отъ 11-го апрѣля 1823 г. Бугариинъ говорить: «я не думаю, чтобы вы желали скомпрометировать меня передъ публикой, которой я обѣщаю, по вашему слову, въ Святой выпустить критику. Клянусь честью, что я не переживу, чтобы меня называли мошенникомъ».

²⁾ Ср. «Сѣверный Архивъ», ч. 8, стр. 67.

политическое положение, ясно рассматривается на сколько оно находится въ связи съ внутреннимъ политическимъ положениемъ и не забываетъ внутренней политики, особенно изъясня усиление аристократіи. Русскій писатель, полагая, что читатели знакомы съ вышеупомянутой политикою, изображаетъ только одну внутреннюю и излагаетъ ее только въ исключительныхъ случаяхъ и описываетъ безъ изслѣдованія, не придавая ея перемѣнамъ характера постоянности. Политику сосѣдей затрагиваетъ не во всей цѣлости, но на сколько она въ связи съ внутренней, etc. ¹⁾.

Въ третьихъ: Также и Нарушевичъ не избѣгаетъ приводить противоположныя мнѣнія и слова, хотя онъ при этомъ болѣе бережливъ (*oszczedniejszy*) и въ всякомъ случаѣ придаетъ цитатамъ свойственный имъ характеръ. При изложеніи подробностей, однимъ изъ главныхъ затрудненій является описание характеровъ. Искренно сознаюсь, что въ этомъ отношеніи меня не удовлетворяетъ талантъ исторіографа, достойный удивленія во многихъ случаяхъ. Предлагающіе правила писать исторію совѣтуютъ избѣгать подобныхъ картинъ, такъ какъ есть средство ознакомить съ личностью посредствомъ описанія ея дѣйствій. Даже, по большей части, историкъ знакомится съ характеромъ и наклонностями лицъ по ихъ дѣламъ. Чѣмъ же, если описание характера станетъ въ разрѣзъ съ дѣйствіями? Является тогда неразгаданная загадка, или нестройное сочиненіе, которому недостаетъ ясности и правды. Когда на одной страницѣ восхваляется добродушіе, а на другой мелькнетъ строгость, тогда надо чего нибудь болѣе, чѣмъ восхваленіе добродушія, чтобы это добродушіе не подверглось сомнѣнію. Когда на одномъ листѣ описываются дипломатические происки съ цѣлью обмануть трактатомъ и объясняются цѣли, по которымъ трактаты были заключены, чтобы ихъ не сдержать и нарушить,—то ничего не поможетъ при описаніи характера увѣреніе, что это лицо вѣрою соблюдало трактаты. Различныхъ подобныхъ несообразностей не избѣжалъ исторіографъ. Если къ общимъ замѣчаніямъ (*zagruzut*) нужно прибавить примѣръ (то прошу обратить вниманіе на слѣдующее ²⁾): въ характеристикахъ и описаніяхъ дѣлъ Андрея Боголюбскаго и Даниила Романовича Галицкаго нахожу не совсѣмъ стройное (*szykowdy*) изложеніе и неясное пониманіе ихъ великихъ подвиговъ. Но среди огромной массы разнообразныхъ происшествій не легко впутаться въ про-

¹⁾ Ср. тамъ же, стр. 70—71.

²⁾ Слова въ скобкахъ прибавляетъ Булгаринъ отъ себя, да и все иѣсто передаетъ довольно свободно. Сравненіе буквального перевода съ переводомъ Булгарина показываетъ, какъ была переведена вся критика. Ср. «Сѣверный Архивъ», ч. 8, стр. 78—80.

тиворѣчія. Случается, что писатель забываетъ о томъ, что сказалъ, и не вполнѣ предвидѣть (*przewidzieć*) то, о чёмъ будетъ говорить. Оживить цѣлое и вездѣ быть господиномъ его—не малое искусство. (Наші историки, такъ разнообразные въ рассказѣ и изложеніи и столь замѣчательные въ этомъ отношеніи, въ цѣлости изложенія и т. д. ¹⁾).

Въ четвертыхъ ²⁾: «...и присоединеніями увеличилась Польша. Какъ она была ослаблена и поколеблена въ домашнихъ раздорахъ, какъ начинаетъ новыи ростъ новымъ соединеніемъ. Но вся нить (*węzeł*) исторического единства у Карамзина является идеальною, у Нарушевича прямо очертаною (*prosto kolejny*).»

Любовь къ истинѣ несомнѣнно обоими и т. д. (управляла).

Въ отдѣль сохраненіи истины. Въ пятыхъ: Россійскій исторіографъ не заботился о сильномъ безпристрасіи, и потому изображаетъ дѣйствительность не въ наготѣ, а въ иѣкоторомъ убранствѣ. Несомнѣнно, что въ нравственномъ отношеніи она всякому понравится, но, по другимъ причинамъ, необходимо должна произвести различныя впечатлѣнія. Случается, что этой покровъ сохраняетъ въ цѣлости выраженіе и силу правды, не смотря на яркость красокъ, какими иногда прикрываются событія ³⁾.

Въ шестыхъ:.... рыцарская честь не безъизвѣстна Рюрикамъ. Отъ сихъ поръ слѣдующія слова (здесь обращая рѣчь къ тому, какъ они разукрашены понятіями времени) выбросить и сейчасъ перейти къ слѣдующему параграфу, начиная отъ 2. Чувства народности ⁴⁾.

На этотъ разъ пусть этого будетъ довольно, только еще поручай вашей благосклонной памяти то прибавленіе съ замѣткой и цитатами изъ Шлецера и кого-то еще, чтѣ въ прежнемъ въ письмѣ послалъ. Этой замѣтки на-скоро не могу найти у себя, но надѣюсь, что вы ея не забросили.

Промедленіемъ напечатанія второй статьи моей рецензіи я весьма доволенъ, такъ какъ я до сихъ поръ не могъ приготовить третьей. Помимо многихъ мыслей, приведенныхъ въ порядокъ понятій, я

¹⁾ Словъ въ скобкахъ не находится въ «Сѣв. Архивѣ».

²⁾ Въ «Сѣв. Архивѣ» ч. 8, стр. 150, находимъ начало этихъ словъ, которое для большей ясности приводимъ: «Нарушевичъ въ сильныхъ выраженіяхъ изображаетъ какимъ образомъ Польша увеличивалась и усиливалась посредствомъ присоединеній» и т. д. Подчеркнутыхъ словъ, которыхъ Лелевель просилъ прибавить, не находимъ.

³⁾ Ср. тамъ же, стр. 159.

⁴⁾ Булгаринъ придалъ другой порядокъ изложенію и не вполнѣ исполнилъ требование Лелевеля. При томъ у него сказано «рыцарская честь была извѣстна русскимъ» вместо Рюрикамъ. «Сѣв. Архивъ», ч. 8, стр. 288. II.

едва написалъ одинъ листъ; столько явилось затрудненій въ пропрѣкѣ, розысканіяхъ, что никакимъ образомъ я не могъ поспѣть—такъ я занять работами по службѣ. Уже мнѣ хотѣлось оставить эту рецензію, какъ явились непредвидѣнныя затрудненія и опять побуждаютъ меня къ болѣе медленному и старательному продолженію. Приходится затрогивать щекотливые вопросы: обращать (*walić*) мнѣнія Карамзина. Но угрязнувши—надо бродить дальше (*ugrząznawszy trzeba biegać dalej*).

Вѣроятно, г. Сенковскій ожидаетъ отвѣта на свое длинное письмо и еще большую книгу, но, однако, не скоро дождется. Пока же объявляю, что я никогда не слыхалъ, чтобы Хвалынское море было Азовское; я всегда зналъ, что это Каспійское; во вторыхъ, никогда я не писалъ, что славяне пришли изъ Азіи, развѣ тогда, когда вышли изъ Ноеваго ковчега, что меня не касается. Я знаю славянъ осѣдлыхъ на одномъ мѣстѣ, носящихъ шаравары такъ, какъ носили въ Персіи и Ассиріи подъ названіемъ сарабари, и играющихъ на бандурѣ, похожей на ту, какую подъ именемъ бандуры употребляли въ Ассиріи. Объ этихъ любопытныхъ вещахъ не нахожу у г. Сенковскаго. Но теперь не такъ дѣлаются изслѣдованія о началѣ народовъ, есть совсѣмъ другіе приемы, не тѣ снацобы (*accessorya*), которыми полна книга г. Сенковскаго и которая иначе должны быть понимаемы и ничего не могутъ свидѣтельствовать противъ истины и существованія (*bytu*) народа. Постараюсь сообщить г. Сенковскому мое изслѣдованіе о началѣ славянъ; не найдеть онъ въ немъ никакого хвастовства, но искреннее розысканіе истины. Взаимной меня памяти доброжелательный слуга Лелевель Іоахимъ».

Въ этомъ длинномъ письмѣ, отъ 2-го апрѣля 1823 г., Сенковскій затрагиваетъ вопросъ о происхожденіи леховъ и славянъ; при этомъ онъ просить Лелевеля прочесть письмо до конца съ такимъ же хладнокровіемъ, съ какимъ онъ разбираетъ Карамзина. Вотъ нѣкоторая любопытная мѣста:

Въ твоемъ прошломъ письмѣ ты говоришь, что лехи славяне пришли отъ Хвалынского озера. Не знаю, что ты подразумѣваешь подъ Хвалынскимъ озеромъ, а же подъ этимъ не могу ничего иного подразумѣвать какъ Каспійское море... знаю, однако, что нѣкоторые наши писатели, на половину разслыша это названіе, относили его совершенно неправильно къ Азовскому морю... Вѣроятно, не зная этого, ты употребилъ Хвалынское озеро въ значеніи Азовскаго моря, такъ какъ я предпочитаю полагать, что ты хочешь вывести Славянъ съ береговъ Азовскаго моря, а не Каспійскаго...

«Но всѣ факты опровергаютъ мнѣніе будто славяне жили вблизи Чернаго моря... Скиѳы никогда не были славянами, сарматы тоже... Все сѣверное прибрежье Чернаго и Азовскаго морей, равно какъ Волгу и Каспійское море

заселили изъ-поконъ вѣковъ народы угрского, турецкаго и курдскаго племени и никогда среди нихъ не было никакого славянина. Какимъ же образомъ могли оттуда явиться лехи славянѣ? А если лехи пришли съ Азовскаго моря, то они никогда не были славянами.—Впрочемъ, излишни длинныя доказательства, слѣдуетъ только оставить иѣкоторое предубѣжденіе, чтобы уѣдѣться, что польское дворянство и крестьяне принадлежатъ къ двумъ различнымъ племенамъ.

«Очень жалѣю, что я не знакомъ съ твоими изслѣдованіями о славянахъ и вовсе не знаю твоего обѣ этомъ вопросѣ мнѣнія. Одно меня беспокоитъ, что, пожалуй, мы слишкомъ разошлись и впаля въ двѣ крайности».

Удовлетворяя желанію Сенковскаго, Лелевель послалъ ему чрезъ Булгарина два свои разсужденія о славянахъ, прося его выскажать свое мнѣніе. Но Сенковскій отказался быть судью въ этомъ вопросѣ, ссылаясь, въ письмѣ отъ 5-го января 1824 г., на то, что онъ славянствомъ не занимался специальнѣ и что самъ Лелевель, посыпая ему свои статьи, заранѣе зналъ, что онъ съ его стороны вызовутъ «невольное восхваленіе его изслѣдованій и серьезной критики».

Въ ноябрѣ 1823 г. Булгаринъ помѣстилъ въ «Сѣв. Архивѣ» вторую статью критики исторіи Карамзина и сдѣлалъ при этомъ замѣчаніе, въ которомъ такъ извивается въ промедленії: «Представляя читателямъ моимъ продолженіе сей критики гораздо позже, нежели было обѣщано, я долженъ объяснить тому причины и объявить, что я виноватъ въ промедленіи безъ всяаго умысла. Основываясь на письмахъ почтенаго г. Лелевеля и на его обѣщаніяхъ, извѣстій я своимъ читателямъ о продолженіи сей статьи, не предвидѣвъ, что разныя занятія по службѣ и путешествію¹⁾ отвлекутъ почтенаго сочинителя рецензіи отъ скораго окончанія предпринятаго имъ труда. Нынѣ получилъ я отъ него обѣщаніе въ томъ, что онъ непремѣнно кончить оный, и твердо уѣренъ, что почтенный Лелевель, столько же извѣстный въ Польши своимъ дѣяніямъ, какъ и нравственностью, не измѣнитъ своему слову и не подвергнетъ нареканію себя, издателя «Сѣвер. Архива» и своихъ соотчичей: ибо поступокъ гражданина всегда отсвѣчивается на его соотечественникахъ». («Сѣв. Архивъ», ч. 8, стр. 52).

По выходѣ въ свѣтъ этого выпуска, онъ писалъ къ Лелевелю по поводу своего примѣчанія и иѣкоторыхъ подробностей, касающихся критики. Но въ числѣ изданыхъ писемъ Булгарина мы не находимъ подобного письма за свое мѣсто. Оно несомнѣнно означено невѣрно польскимъ издателемъ—1825 годомъ: вѣдѣто 1825 года, слѣдуетъ читать 1823 г.; это будетъ очевидно, когда мы сопоставимъ его съ письмомъ Лелевеля отъ 25-го ноября 1823 года. Оно и есть прямой отвѣтъ на письмо, невѣрою помѣченное 1825 годомъ.

Русскій переводчикъ сдѣлалъ еще одну ошибку, поставивъ, вѣдѣто ноября—апрѣль. По нашимъ соображеніямъ письмо относится къ 15-му ноября 1823 г. Вотъ чѣмъ въ немъ Булгаринъ пишетъ:

«Имею честь увѣдомить, что продолженіе критики вашей принято съ большими энтузіазмомъ, какъ и первая часть. Философскія и научныя замѣчанія ваши и глубокое изученіе труда Карамзина доставили вамъ всеобщую

¹⁾ Обѣ этомъ путешествіяхъ Лелевеля ничего не известно.

извѣстность. Не знаю, понравилось ли вамъ мое раздѣленіе критики: я дѣлалъ такъ, какъ нужно для публики, которую я хорошо знаю. Я не измѣнилъ ни одной вашей мысли, не прибавилъ ни одной своей. Изъ писемъ я включилъ прибавленія, какъ могъ ихъ понять,—это былъ ужасный трудъ и мы съ Сенковскимъ едва могли отыскать надлежащія мѣста. Цензура вычеркнула только «не стало Польши и Нарушевича» и еще пару фразъ объ участіи Польши. Вы, вѣроятно, прочитали мои извиненія передъ публикой; польская честь и ваша личность (*osobistosc*) позволяютъ надѣяться, что вы будете продолжать критику, которую, согласно желанію вашему, обѣщали я дать читателямъ. Послѣ всего того, что я писалъ въ свою журналь о вашихъ трудахъ и направлениіи, надѣюсь, что вы не захотите моей погибели, такъ какъ, въ случаѣ недоставленія критики, я прекращаю изданіе журнала, но слава ваша, честность и любовь къ наукаѣ утверждаютъ меня въ надеждѣ скоро увидѣть продолженіе, котораго ожидаю какъ жды Мессія».

Весьма характерно коротенькое письмо Булгарина отъ 21-го апреля 1823 г. «Фадей Булгаринъ поздравляетъ васъ съ праздникомъ и осмѣливается напомнить обѣщаніе, что на Святой критикѣ на Карамзина будеть окончена. Какъ трава дождя, какъ жды Мессіи, такъ Булгаринъ ожидаетъ критики. Этотъ же Фадей Булгаринъ посыпаетъ тысячи просьбъ, падаетъ на колѣни и, возводя руки къ небу, молится и просить о критикѣ. Сжалтесь надо мною».

На эти два письма Лелевель отвѣчалъ:

VI.

25-го ноября 1823.—Вильно.

М. Г. Когда я уже собирался отправить мои дальнѣйшіе отрывки (*ramoty*), я получилъ ваше письмо, которымъ меня извѣщаете о благосклонномъ принятіи моихъ замѣтокъ единственно съ цѣлью побудить (*zachęcić*) меня продолжать критику.

Пропущенные мѣста я замѣтилъ и не надѣялся, чтобы ихъ пришлось выбросить. Но что-жъ дѣлать, когда иначе быть не можетъ. Этимъ моя мысль нѣсколько поддернута (*podkasana*). Прибавленія, посланныя послѣ, вошли въ свои мѣста. Чтѣ я читалъ до сихъ поръ вполнѣ отвѣчаетъ моимъ мыслямъ, по крайней мѣрѣ не могу оцѣнить на сколько переводъ могъ удалиться. Жалѣю только одного слова—когда я говорилъ о слогѣ Нарушевича, сначала сказалъ о сихъ (*tosz*) слога, а затѣмъ о мужественномъ языкѣ, имъ употребляемомъ, а это слово мужественный исчезло въ переводѣ и замѣнено также силою. Но и это ничего не значитъ.

Раздѣленія и заглавія, которыхъ вы подѣлали, не вполнѣ меня удовлетворяютъ. Но и это ничего не значитъ. Я всетаки (*zawsze*) взамъ благодаренъ за благосклонное принятіе моихъ статеекъ (*ramot*) и столь серьезное къ нимъ отношеніе.

Теперь вамъ посылаю, какъ недавно изъ Волыни, два сочиненія о сарматахъ и аланахъ — не для васъ, но для г. Осипа (Сенковскаго), автора Леховъ-Лезгинъ. О сарматахъ не кончено: я потерялъ послѣднюю статью. Ожидая мнѣнія г. Осипа объ этихъ двухъ маленькихъ изъ моихъ обширнѣйшихъ и несравненно обширнѣйшихъ изслѣдованій. Но только не такого аргумента, какое я получиль о славянахъ, а по прочтениіи и при болѣе свободномъ для этого времени.

Третій отрывокъ о Карамзинѣ озаглавите какъ вамъ угодно, такъ какъ я не умѣю хорошо озаглавить. Послѣдующія мои статьи будуть озаглавлены, какъ это видно изъ окончанія этого третьяго отрывка. Видишь, мой сударь, что я думаю продолжать и что это затягивается (*zanoszi*) на что-то весьма большое, пожалуй, и безконечное. Если для васъ не удобна слишкомъ обширная рецензія, то напишите мнѣ о вашемъ неудовольствіи и я, согласно вашему желанію, сожму (*zwinge*) въ болѣе тѣсныя рамки.

Примѣчаніе, о которомъ вы говорите въ своемъ письмѣ, я читаль и не понялъ. Читали и другіе и хорошо мнѣ не объяснили. Такое или иное объясненіе будетъ въ примѣчаніяхъ — это пустяки (*ta-la to gresz*). Скажите мнѣ только, сударь, не надобѣсть ли «Сѣверному Архиву» слишкомъ обширная рецензія, или скажите мнѣ, когда надобѣсть.

Лобойко много трудаился для г. Осипа, чтобы ему собрать полный комплектъ. Хорошо бы однако было, еслибы объ институтѣ и дальнѣйшихъ обязанностяхъ и судьбахъ были сообщены болѣе вѣрныя свѣдѣнія. Много самыхъ даровитыхъ устрашаются поспѣшностью и неясностью условій службы. Хорошо бы знать будуть ли вакансіи на будущій годъ послѣ замѣщенія ихъ въ нынѣшнемъ году? Сообщите это г. Осипу и соблаговолите извѣстить въ письмѣ ко мнѣ.

И то замѣтилъ, что Нарушевичъ ославленъ¹⁾ (*usłowieiãszczony*).

Мое почтеніе и поклонъ, благосклонному мнѣ сердцу покорнѣйшій слуга Лелевель.

Окончивъ это письмо, я дочиталъ отрывокъ, помѣщенный въ 20 №, и не могу промолчать, что я былъ озадаченъ переводомъ, на стр. 160, словъ — отъ ослѣпленія политическими мнѣніями. Я раздѣляю на три пункта и въ заглавіи не хотѣль быть критикомъ. Такой переводъ можетъ причинить мнѣ непрѣятности.

Примѣчанія. Въ критикѣ, въ томъ видѣ какъ она помѣщена въ «Архивѣ», сказано. «Истина искается по слѣдующимъ причинамъ: 1) чрезъ сообщеніе прошедшему времени характера временъ настоящихъ; 2) когда писатель уве-

¹⁾ Въ этой части критики Нарушевичъ и Карамзинъ называются славянскими писателями.

кается чувствомъ народности; 3) отъ привязанности къ своей религіи; 4) отъ осложненія политическими инѣніями».

Лелевель въ письмѣ № VI, говорить объ институтѣ восточныхъ языковъ, какъ это оказывается изъ письма Сенковскаго отъ 6-го января 1824 г., где онъ говоритъ:

«Когда-то ты упомянулъ объ ученикахъ восточныхъ языковъ. Это было бы весьма хорошо, но съ тѣхъ поръ, какъ оклеветали вашу молодежь, что она заражена опаснымъ духомъ, нечего объ этомъ и думать. Можно еще самимъ быть заподозрѣнными. Надо это предоставить времени».

VII.

22-го декабря 1823.—Вильно.

№ 22 изд. 1823 г. «Сѣвернаго Архива» получилъ, повторяю мою благодарность за переводъ, и за прибавленіе цитатъ (много) обязанъ. Нѣсколько мнѣ жалко выпущенныхъ въ переводѣ мѣстъ, особенно (miałowicie) тѣхъ, которыхъ опущеніе причинило то, что высказанные не все характеристики Карамзина, которая я могъ подмѣтить.

Хотя я и читаю, что это окончаніе, но надѣюсь, что это касается окончанія обширныхъ замѣчаній, и полагаю, что вы получили присланный, мѣсяцъ тому назадъ, отрывокъ, въ которомъ я такъ широко распространился о Ладогѣ и Новгородѣ.

Теперь посылаю четвертый отрывокъ¹⁾, прося: 1) мои рукописи (raptularze), какъ третью, такъ и четвертую, вернуть мнѣ назадъ²⁾; 2) увѣдомить меня—хорошо ли я дѣлаю, что такъ широко распространяюсь? Можетъ быть, вы желали бы, чтобы я окончилъ короче. Прошу откровенно сообщить мнѣ ваше желаніе.

Нѣсколько лицъ, занимающихся древнею исторіей, какъ здѣсь въ Вильнѣ, такъ и въ Варшавѣ, обрушились на Карамзина за времена короля Даниила. Объ этихъ временахъ уже и я хотѣлъ много писать. Пожалуй, они доставлять (dostarcza) мнѣ больше материаловъ. Это наши священники.

По поводу нового года посылаю мои пожеланія всякаго благополучія вамъ и дорогому г. Осипу, которому кланяюсь.

¹⁾ Помѣщены въ «Сѣверномъ Архивѣ» за 1824 г., ч. 9, стр. 163; ч. 11, стр. 132—143, 187—195; ч. 12, стр. 47.

²⁾ Булгаринъ, по миновавшіи необходимости, вернулъ рукописи Лелевелю и въ одномъ изъ писемъ писалъ: «Оригиналь вашъ отсылаю съ первою почтою». Это подало поводъ русскому переводчику писемъ Булгарина предположить, что Лелевель потребовалъ рукописи обратно, вслѣдствіе возникшихъ разногласій, и отказывался печатать. Такое мнѣніе опровергается письмами Лелевеля.

Жалѣю, что тамъ, гдѣ различаю *civitates* отъ *castra*¹⁾, не привелъ: 1) заглавія Софійскаго Временника, недавно изданнаго канцлеромъ²⁾, стр.... 2) мѣста, котораго теперь найти не могу, въ которомъ говорится, что въ городѣ Великаго Новгорода есть два дворца³⁾. Эти мѣста доказываютъ, что у славянъ городъ есть *castron*, и мѣсто употребляется не въ наиѣшнемъ русскомъ значеніи, но въ старинномъ, которое сохранилось донынѣ и въ польскомъ. Если найду пітаты, то, можетъ быть, пришлю вѣ-время, но ихъ ожидать нечего.

Г. Онацевичъ припоминаетъ вамъ о Волынскомъ лѣтописце. Какъ бы онъ мнѣ былъ необходимъ для рецензіи. Уговариваетъ (*podbechtjuje*) меня Онацевичъ не писать дальше, пока не исполните своего обѣщанія. Не знаю какое тамъ у васъ заключено условіе (*jaka umowa stanęła*). Если бъ, однако, оно могло быть исполнено, я бы очень этимъ воспользовался. Много ли стоило бы труда получить копію Волынского лѣтописца? Лелевель.

На это Булгаринъ между прочими отвѣчалъ, 15-го іюня 1824 г.: «Честь имѣю увѣдомить, чѣмъ больше—тѣмъ лучше, такъ какъ каждое ваше слово имѣть цѣну и вѣсъ... Онацевичъ—чудакъ: вобьетъ себѣ что либо въ голову и не позволяетъ себя разубѣдить. Я рѣшительно никогда не видѣлъ Волынского лѣтописца, а онъ осаждаетъ меня требованіемъ выслать его... Я весьма люблю и уважаю честнаго и доброго Онацевича и радъ получать его письма, но очень прошу, чтобы онъ не вкладывалъ въ свои письма стиховъ Кохановскаго и чтобы не разогрѣвалъ ихъ патріотизмомъ, такъ какъ это вовсе не согласуется съ моимъ образомъ жизни и моей судьбой. Я смотрю только въ книги, а чтѣ дѣлается въ свѣтѣ—не хочу знать. Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего продолженія и прошу также разрѣшепія: кое что, важное для края и обычаевъ, передлагать въ иную форму...

«...Прошу увѣдомить Контирима, Онацевича, Шидловскаго, чтобы они мнѣ не рекомендовали виленской молодежи, потому что съ виленской молодежью больше бѣды, чѣмъ толку. Я рѣшительно ни одного изъ студентовъ принимать у себя не буду: Богъ съ ними, а намъ, спокойнымъ литераторамъ, слѣдуетъ отъ нихъ сторониться».

• 1) «Сѣв. Архивъ», ч. 9, стр. 92.

2) Рѣчь объ изданіи, вышедшемъ на издѣвиеніи гр. Н. П. Румянцева, подъ ред. П. М. Строева, 1820—1821 гг.

3) Даже въ Софійскомъ часто говорится о городѣ, построенному у мѣста. Прим. Лелевеля.

VIII.

8-го июня 1824.— Вильно.

«М. Г. Слишкомъ уже давно я къ вамъ не обращался. Не знаю сердитесь ли на меня за это или иѣть, но такъ какъ не получаю обратно моихъ посланныхъ вамъ отрывковъ, да притомъ послѣдняго отрывка не нахожу въ «Сѣверномъ Архивѣ»¹), то думаю, что иѣть ничего такого, чѣ-бы побуждало писать скорѣе. Вы мнѣ обѣщали (можетъ быть, въ шутку) 60 писемъ (о нихъ напоминаю здѣсь въ шутку²). Но, пожалуй, дальнѣйшій мой трудъ надъ Карамзиномъ сдѣлался не нужнымъ. Во время приближающихся вакацій я могъ бы вамъ прислать большую часть (заспра partyjkę). Можетъ быть, вы сердитесь на меня, но если бы меня ближе видѣли, то простили бы. О томъ, что Погодинъ написалъ и меня хотѣлъ поймать, въ свое время на своемъ мѣстѣ скажется. Г. Сенковскому я долженъ отвѣтъ и различныя благодарности, но потому, что мнѣ надо къ нему писать много, то едва соберусь во время вакацій; пока посыпаю подѣлкой. Это короткое письмо пишу на-скоро, чтобы припомнить себя вашему вниманию.

Всегда съ истиннымъ почтенiemъ искренно доброжелательнїй и преданный покорнѣйшій слуга Лелевель».

На послѣднее письмо Булгаринъ не отвѣтилъ, и конца критики не помѣстилъ, хотя прежде такъ настойчиво ее требовалъ: «какъ трава дождя, какъ жды Мессии, такъ Булгаринъ ожидаетъ критики». Какая была причина такому вдругъ появившемуся нежеланію, пока еще невозможно решить, за недостаткомъ къ тому данныхъ.

Напечатавъ въ октябрьской книжкѣ «Сѣвернаго Архива» за 1824 г. послѣднюю часть критики, Булгаринъ отмѣтилъ, что «будетъ продолженіе» и прибавилъ: «я не имѣю болѣе подлинника критики г. Лелевеля. Но онъ обѣщалъ мнѣ доставить продолженіе».—Изъ письма Сенковскаго отъ 18-го (30-го) июня 1825 г. видно, что Лелевель прислалъ продолженіе критики вмѣстѣ съ письмомъ къ Булгарину. Это письмо Сенковскаго любопытно еще и въ томъ отношеніи, что содержитъ въ себѣ характеристику Булгарина. Поэтому мы сдѣлаемъ изъ него большія выдержки. Вотъ важнѣйшія мѣста:

¹⁾ Продолженіе напечатано въ августовской и ноябрьской книжкахъ.

²⁾ См. письмо Булгарина отъ 4-го апреля 1823 года. Мы его привели выше. II.

«Твою статью о Карамзинѣ я давно отдаю Булгарину; но твое второе письмо еще лежит у меня... Онъ теперь живетъ гдѣ-то въ деревнѣ, а въ городѣ у него нѣтъ квартиръ; въ типографію Греча отдавать не хочу, такъ какъ тамъ все теряютъ. Что же касается самого Булгарина, то онъ какъ бы сошелъ съ ума; ихъ дѣло съ Тышкевичевою проиграно въ государственномъ совѣтѣ; онъ, какъ трусы и часто теряющій голову, мечется въ разныя стороны, какъ подстрѣленный. Онь, какъ и всѣ мы, твой почитатель и никогда не перестанетъ быть имъ. Вотъ его характеристика, по которой можно судить объ этомъ выдающемся индивидуумѣ.

«Хотя у меня есть разныя причины быть недовольнымъ его поступками и характеромъ, однако я никогда не переставалъ думать, что онъ весьма честный человѣкъ; онъ всегда остается полякомъ и такимъ хочетъ показаться среди русскихъ, чтобъ дѣлаетъ ему честь, въ чемъ отдаются ему справедливость и русские. Однимъ изъ главныхъ его недостатковъ—порокъ, свойственный почти всѣмъ тучнымъ—это несносный эгоизмъ, съдѣствие тучности. Это скрага (*Nargadou*), который является самымъ равнодушнымъ во всѣмъ несчастіемъ другихъ; во когда украдутъ у него шкатулку, тогда съ яростью кричать: *qu'il n'y a point de suplice, de peine, de potence au monde, pour ripier convenablement une cage aussi affreux, que celui de m'avoir volé ma chère cassette.* — Таковъ нашъ Фадж и я часто ему повторяю, что онъ отвратительный эгоистъ; въ сколько дней тому назадъ я сказалъ ему то же и онъ это благосклонно выслушиваетъ отъ меня, разъ, потому что ему пріятѣе всего его отажелѣсть (*oscijalosc*) во вторыхъ, потому, что знаетъ, что такое замѣчаніе съ моей стороны не можетъ имѣть личнаго характера. Такъ какъ онъ самъ безъ характера, то имъ управляютъ обстоятельства и люди, среди которыхъ онъ вращается... Мнѣ кажется, что онъ постоянно расположены ко мнѣ дружелюбно, хотя наши характеры диаметрально противоположны; онъ даже довольно часто слушается меня, такъ какъ знаетъ, что въ томъ, о чёмъ я говорю, у меня нѣтъ никакихъ интересовъ; но у насъ случаются частныя столкновенія, какъ дѣло задѣять о томъ, чтобы сдѣлать что нибудь. Я могу сказать про себя, что во мнѣ есть та часть нашего народнаго характера, что я не имѣю понятія объ эгоизмѣ и меня возмущаетъ этотъ порокъ у другихъ. Поэтому, когда надо кому-нибудь помочь, я берусь горячо, а Булгарина нахожу въ этомъ слушать точно выдѣланнаго изо льда. Часто (такъ какъ только у насъ такія отношенія, а не личные) происходить между нами горячій споръ, среди которого я ему выскажу всю правду, какую чувствую. Я полагаю, что это самое лучшее средство противъ эгоизма отъ тучности. У него, въ сущности, добре сердце. Онь, чтобы спорить со мною, разгорачится, разсердится, встаетъ со своей подушки, взволнуется и такимъ образомъ разшевелится, врожденная доброта сердца береть верхъ надъ лѣнистю и тогда самъ сознается, что потому не соглашался со мною, что лѣнился, и такъ всегда помиримся.

«Пишу объ этомъ къ тебѣ, чтобы ты зналъ его по этимъ чертамъ характера. Когда ты долго не присыпалъ ему начатой рецензіи, онъ часто приходилъ въ отчаяніе, прибѣгалъ ко мнѣ, говорилъ, что ты лишилъ его чести, сердился, врѣзиналь поляковъ, но я смылся... И дѣйствительно, когда я теперь дамъ ему твою статью, то нѣтъ уже другого человѣка, болѣе ученаго, болѣе честнаго болѣе хорошаго, чѣмъ ты, и еслибы я теперь въ шутку сказалъ бы, что противъ тебя, то выцарапалъ бы мнѣ глаза... И такъ, будь твердо увѣренъ, что Булга-

рить не остынетъ къ тебѣ, за это могу ручаться, но придется въ отчаяніе всякий разъ какъ только опоздаешь со своею статью».

3-го марта 1826 года Сенковскій тоже упоминаетъ о критикѣ:

«Рецензію Карамзина я самъ теперь перевожу на русскій языкъ, ты долженъ извинить, что такъ опоздали, этому ни я, ни издатель не виноваты, а обстоятельства. Грѣхъ опасно заболѣть и Булгаринъ остался самъ писателемъ, издателемъ и корректоромъ въ трехъ журналахъ и никакимъ образомъ не могъ заняться твоими статьями».

Не смотря, однако, на все эти уверенія Сенковскаго, критика больше не появилась и она прекратилась на статьѣ, помѣщенной въ ноябрѣ 1824 г. Точно также прекратилась и переписка по этому вопросу и письма—Лалевеля отъ 8-го июня 1824 г. и Булгарина отъ 15-го июня—послѣднія, если только не затеряны послѣдующія. Теперь насталъ новый періодъ въ жизни Лалевеля. Наступило 14-го августа 1824 года. Но припомнить нѣкоторые факты, предшествовавшіе этому дню.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

По уставу Виленскаго университета, студентамъ дозволилось обращаться общества и кружки съ научно-образовательной целью. Въ Вильне до 1823 г. совершенно открыто существовало общество луцесарныхъ, основанное Заномъ, а затѣмъ его отдѣленія—общество філаротовъ и филоматовъ. Прибывшій въ этомъ году изъ Варшавы, Новосильцевъ призналъ ихъ противозаконными и назначилъ слѣдствіе, въ которомъ ревностно ему помогъ исправлявшій должность ректора, Неликанъ, въ послѣдствіи занявшій видное мѣсто въ Петербургѣ по медицинской части. Начались аресты студентовъ, наблюденія за профессорами, особенно любимыми студентами. На первомъ планѣ очутился Лалевель и профессоръ философіи Голуховскій, которому Новосильцевъ велѣлъ даже представить программу чтеній и воспринять ее, сдѣлавъ нѣкоторыя исправленія и дополненія. Такъ какъ курсъ Голуховскаго былъ публичный, то для надзора за выполнениемъ программы былъ назначенъ виленскій капитанъ-исправникъ. По окончаніи годичнаго курса онъ представилъ отчетъ, въ которомъ просилъ освободить его отъ этой обязанности, въ виду его незнакомства съ философской терминологіей. Всегда детство такого рапорта исправника, Голуховскому приказано выражаться понятнымъ языкомъ. Все это продолжалось недолго и на представление Новосильцева послѣдовала указъ 14-го августа 1824 года, по которому закрывались

студенческія общество, члены ихъ развозились по разнымъ мѣстамъ имперіи, а молодые профессора Лелевель, Даниловичъ, Голуховскій и Боровскій получили приказаніе удалиться изъ Вильны. Даниловичъ получилъ мѣсто профессора въ Харьковѣ, а Лелевель уѣхалъ въ Варшаву, на родину.

Въ Варшавѣ онъ уже не хлопоталъ о какомъ нибудь постоянномъ занятіи, сталъ обдумывать средства для изданія своихъ сочиненій и поступить въ члены общества любителей наукъ. При изданіи приходилось постоянно бороться съ цензурой или какъ нибудь обходить ее: все подписанное Лелевелемъ не пропускала варшавская цензура. Лелевель послалъ одно сочиненіе въ Краковъ, но ему вернули съ надписью: не дозволяется печатать; тогда онъ переписывалъ и посыпалъ въ Петербургъ, гдѣ дозволено. «Съ такимъ разрѣшеніемъ послалъ,—рассказываетъ Лелевель,—къ варшавскому цензору Лубковскому, уведомляя, что, оставивъ намѣреніе печатать въ Петербургѣ, хочетъ издать въ Варшавѣ. Отчаяніе! печаль! Лубковскій проситъ автора кое-что измѣнить; авторъ говоритъ, что не можетъ, такъ какъ придется бы оскорбить императорскую цензуру, самъ королевскій цензоръ въ не состояніи помочь бѣдѣ. Ну, за совѣтъмъ къ совѣтнику Шанявскому. Продержавъ порядкомъ, поподчеркивалъ красными чернилами нѣсколько фразъ и, разрѣшивая печатать, надписалъ, что «обращается вниманіе автора на подчеркнутыя выраженія». Полагая, что цензоръ не въ состояніи будетъ допустить, чтобы явилось другое сочиненіе Лелевеля, когда одно печатается, Лелевель посыпалъ ему, чрезъ своего пріятеля Адріана Кржижановскаго, «Исторію Польши», безъ подписи. Разрѣшеніе обѣщано, печатаніе, по мѣрѣ ценсорскаго дозвolenія, подвигается впередъ; вдругъ къ цензору явится Михаилевскій, авторъ учебника «Польской Исторіи», который, увидя рукопись, скажетъ: «а, это почеркъ Лелевеля!» Лубковскій побѣднѣлъ, не даетъ дальнѣйшаго разрѣшенія, совѣтуется съ Шанявскимъ и только по настоянию Кржижановскаго, весьма вліятельного въ Варшавѣ, разрѣшеніе получено. Несмотря на постоянныя ценсурныя затрудненія, Лелевель издалъ въ Варшавѣ нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій.

Кромѣ занятія своими учеными трудами, онъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ общества любителей наукъ, работая въ отдѣльныхъ его комиссіяхъ. Его старанію слѣдуетъ приписать изображеніе въ предсѣдатели Немцевича на мѣсто умершаго Стапіца. Въ это время Булгаринъ, вѣроятно, вспомнилъ о старомъ знакомомъ, посыпая къ нему свое сочиненіе для передачи обществу и предсѣдателю. Письмо, которымъ сопровождались книги, не находится между издаными, но можно допустить, что въ немъ Булгаринъ самъ просилъ

Лелевеля о предложении его въ члены общества. Это ясно изъ отвѣтного письма Булгарина, написанного по получениіи извѣстія объ избраниіи.

«12-го февраля 1829 г. Первое извѣстіе о моемъ избраніи въ члены общества получилъ въ вашемъ письмѣ. Безъ лести, ваше стараніе не мало содѣствовало и самому выбору. Посылаю вамъ искреннюю благодарность за это доказательство дружескаго расположения, удержать которое дадѣе будетъ для меня приятнымъ стараніемъ. Почти единогласный выборъ общества превзошелъ всѣ мои ожиданія; безъ лести, на мнѣ вы (т. е. общество) представили доказательство, что стараетесь поощрить и заокончить къ труду и даеко живущихъ, и пишущихъ на другихъ языкахъ земляковъ своихъ. Сегодня же нашу въ обществѣ и къ достопочтенному президенту, но кромѣ того прошу васъ вто-рично выразить мою благодарность и увѣрить, что я не упущу ни малѣйшей возможности заслужить благосклонность моихъ новыхъ товарищѣй и доказать имъ, какъ я высоко цѣную оказанную мнѣ честь».

Это письмо было отвѣтомъ на письмо Лелевеля, въ которомъ онъ извѣщаєтъ Булгарина объ избраниіи его въ члены общества.

IX.

6-го января 1829.—Варшава.

Письмо и два экземпляра вашего сочиненія передала обществу и президенту общества. Очень мнѣ хотѣлось не давать президенту экземпляра прекрасныхъ вашихъ сочиненій и задержать себѣ, такъ какъ старый нашъ президентъ едва просмотрѣлъ въ нихъ гравюры. Дать отчетъ о вашихъ сочиненіяхъ назначенъ Лука Голембевскій¹⁾. Онъ высказалъ свое мнѣніе съ обыкновенною сладостью, радуясь тому, что въ нихъ напечатанъ польского или славянскаго. Когда наступило время подачи кандидатовъ, я, согласно правиламъ, написалъ мотивы и вмѣстѣ съ другими товарищами предложилъ васъ въ число кандидатовъ. 4-го января, въ воскресенье, происходило избраніе и я спѣшилъ васъ извѣстить, что громаднымъ большинствомъ (*zupełna większości*), почти единогласно, въ число членовъ-корреспондентовъ принялъ Фадей Булгаринъ. Примите это извѣстіе отъ своего товарища, помнящаго о вашемъ благосклонномъ вниманіи. Если есть у васъ время, то напишите въ общество или къ президенту, что объ этомъ узнали отъ меня, и присо-вокупите какой-нибудь комплиментъ обществу. Скорѣе обратишься — скорѣе выплюнешь тебѣ дипломъ. Благосклонный товарищъ и слуга Лелевель.

¹⁾ Извѣстный изслѣдователь древняго польскаго быта.

Х.

Варшава.—22-го апрѣля 1830 г.

Любезный товарищъ. Дорогой твой подарокъ я получилъ¹⁾). Поздравляю и безконечно радуюсь, что читатели въ Россіи умѣютъ оцѣнить твой талантъ. Пользуйся имъ, товарищъ, на славу себѣ, своему народу и землякамъ, которые гордятся тобою. Наші переводчики начинаютъ твое сочиненіе расхватывать межъ собою, жаль, что ты еще не попалъ на достойнаго себя—и Радецкій и Микульскій не передали «Выжигина» какъ слѣдуетъ, а отъ Бучинскаго невозможно тебѣ и ожидать, чтобы хорошо исполнилъ (*sprawił się*). Впрочемъ, я увѣренъ, что у насъ «Димитрія» будутъ расхватывать. Но зачѣмъ ты, сударь, сдѣлалъ его такимъ мошенникомъ (*łotr*). Благодаренъ тебѣ, товарищъ, за память, сохранилъ меня въ своеъ сердцѣ и будь увѣренъ въ постоянномъ моемъ почтеніи и доброжелательности, покорнѣйший слуга Лелевель.

Однако не только Булгаринъ скоро забылъ объ Лелевелѣ, но даже и Сенковскій, котораго переписка прекращается письмомъ отъ 18-го апрѣля 1828 г., оконченнымъ турецкимъ *Selam alekgium*. Скорѣ Сенковскій успѣлъ порвать всякія связи съ Лелевелемъ, упомянувъ о немъ въ своемъ сочиненіи «Большой выходъ у Сатана», гдѣ сатана говоритъ своему верховному визирю, Вельзевулу: «я намѣренъ сдѣлать, современемъ, моимъ книгохранителемъ того великаго библіотекаря и профессора, который недавно произвелъ на сѣверъ такую ужасную супатоху. Когда онъ къ намъ пожалуетъ, ты немедленно введи его въ должность: только не забудь приковать его крѣпко цѣпью къ полу библіотеки, не то онъ готовъ и у меня, въ аду, выкинуть революцію и учредить конституціонные бюджеты²⁾). Этотъ великий библіотекарь не названъ по имени, но кто же его не угадаетъ?

¹⁾ Романъ Булгарина «Димитрій Самозванецъ». Посылая его Лелевелю, онъ писалъ: «Примите благословленіе мое новое сочиненіе! Въ цитатахъ найдете свое имя. Это вѣрная картина духа и характера того вѣка, по преимуществу по отношенію къ Россіи. Историческая часть обработана какъ исторія. Романъ этотъ принять съ восторгомъ, въ недѣлю разошлось 2,500 экземпляровъ и печатается второе изданіе. Русскіе писатели за это на меня сердятся,—не моя вина». 28-го февраля 1830 г.

²⁾ Сенковскій. Собраніе сочиненій, томъ I, стр. 391.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Въ 1829 году Лелевель былъ избранъ депутатомъ отъ Желеховскаго уѣзда въ сеймъ. Вскорѣ настали событія, которыя, по его выражению, заставили прекратить ученыя занятія. Въ событіяхъ 29-го (17-го) ноября 1830 года Лелевель не принималъ никакого участія—онъ не отходилъ отъ одра умирающаго отца, который скончался въ день, когда вспыхнуло восстание¹⁾.

Событія выдвинули Лелевеля на политическую арену и не дали ему заниматься въ тиши своими научными изслѣдованіями. Насталъ періодъ его дѣятельности, который для насъ чрезвычайно неясенъ и различнымъ образомъ объясняется. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе его дѣятельности за это время, интересуясь главнымъ образомъ его учеными трудами. О его политическихъ идеяхъ можно сказать положительно одно—Лелевель былъ отличный теоретикъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ самый плохой практикъ. Теоретикъ — демократъ, крайній республиканецъ, не признававшій неравенства по происхожденію, горячо отстаивавшій уравненіе сословій и освобожденіе крестьянъ, которые составляютъ дѣйствительную народную силу. Видя всю опору и силу въ народѣ, онъ былъ врагомъ партіи, искашшей опоры у иностранныхъ дворовъ, представители которыхъ, по выражению Лелевеля, предпочли бы скорѣе утопить Польшу въ ложкѣ воды, чѣмъ сдѣлать ей что-нибудь хорошее. Но партія эта была сильна и она оставила много воспоминаній, въ которыхъ пытается представить историка въ худомъ свѣтѣ. Оставимъ эти сказанія въ сторонѣ и остановимся на взгляดѣ самого Лелевеля на крестьянъ, проводимомъ имъ въ то время.

Вотъ, что онъ тогда писалъ: «Деревенскій рабочій классъ составляетъ половину населенія старой Польши; гдѣ же искать опоры, какъ не въ немъ? кто составляетъ народъ, если не онъ? Возможно ли, чтобы народъ постоянно боролся или за королевское или за панское владычество, и никогда—за свою собственную свободу и независимость! Поймите, что этимъ вашимъ ближнимъ, вашимъ землякамъ, обижаемымъ въ продолженіи столькихъ вѣковъ, настало время исправить обиды. Этого можно достигнуть освобожденіемъ ихъ изъ-подъ ига, уничтоженіемъ барщины, надѣленіемъ землею, расширеніемъ просвѣщенія,

¹⁾ Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Лелевель въ своемъ воспоминаніи о переговорахъ съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ. См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., т. XXII, стр. 317—324.

равнымъ и полнымъ ихъ участіемъ въ общественныхъ дѣлахъ. Давно уже говорять, что безъ этого Польша не поднимется, и постоянныя неудачи достаточно это доказываютъ. Такого общественного измѣненія требуетъ просвѣщеніе, справедливость, гуманность, благо самихъ помѣщиковъ-дворянъ».

Барщину Лелевель совершенно порицаетъ. Въ Польшѣ подъ конецъ XVIII вѣка весьма много помѣщиковъ освободило крестьянъ, оставивъ за ними землю съ обязанностью платить оброкъ. «Оброкъ,—говоритъ Лелевель,—та же баршина, только въ видѣ денегъ, пожалуй безъ столькихъ злоупотребленій, но подчасъ еще тяжелѣе. Долой барщину, долой оброкъ».—Но какъ же рѣшить?—Можно ли допустить, чтобы какое-нибудь правительство имѣло право «отнимать землю у однихъ и отдавать ее другимъ». Здѣсь должно дѣйствовать добровольное соглашеніе. «Благоденствіе и сила польского народа, хорошо понятый интересъ дворянства—заставляютъ сдѣлать земельный надѣль».—Затѣмъ советуетъ Лелевель отдать землю крестьянамъ на выкупъ; для этого должно быть организовано земское кредитное общество, пѣль котораго облегчить болѣе скорый выкупъ. При этомъ нельзя говорить объ освобожденіи, такъ какъ человѣкъ никогда не былъ ни чьему собственностью. Нельзя говорить и о земельномъ надѣль, такъ какъ ничего не надѣляется, когда крестьянинъ ею владѣеть. Слѣдуетъ только сдѣлать честный расчетъ и развязать узелъ, связующій владѣніе помѣщика съ крестьянскимъ. Послѣ слѣдуетъ совершенно устранить ту разницу сословій. «Сядь на скамью вмѣстѣ съ крестьяниномъ, побесѣдуй съ нимъ; когда придетъ къ тебѣ, подай ему стулъ, поговори съ братскою любезностью и откровенностью, подѣлись съ нимъ хлѣбомъ, обмѣняйся рюмкой братскаго напитка; вникай въ его общественную жизнь, задержи его въ своеемъ кругу; уважай въ братѣ добродѣтель, честность и человѣка».—Такимъ образомъ видимъ, что теоретикъ Лелевель хорошо понималъ сущность крестьянского вопроса, но осуществленія своихъ идей онъ не дождался: онъ умеръ когда еще не взошла заря нового порядка, осуществлявшаго его завѣтныя мысли. Тогда же многое и многое мѣшало проведению этой мысли въ дѣйствительность.

Въ сентябрѣ 1831 г. оставилъ Лелевель Варшаву, простившись навсегда съ своею матерью (умерла 26-го сентября 1837 г.). Мѣсто, куда онъ стремился, былъ Парижъ, но французское правительство не позволило ему долго жить въ оставленіи и онъ удалился въ Туръ. Тамъ онъ нашелъ любителей нумизматики, которые облегчили ему доступъ въ мѣстную городскую библіотеку. Нумизматика сдѣлалась главнымъ занятіемъ Лелевеля и уже здѣсь онъ задумалъ издать свои

исследований о монетахъ, найденныхъ Тржебуни, недалеко отъ Плоцка. Казалось, что скоро найдется издатель и любознательные покупатели книги. Несколько его разочаровалъ старый библиографъ Ренуаръ, доказавший Лелевелью, своимъ примѣромъ, что сочиненіе по нумизматикѣ не можетъ разойтись и въ 150 экземплярахъ. Недолго Лелевель жилъ и въ Турѣ, пришлось уходить изъ Франціи. Осенью 1832 г. съ сумой на плечахъ прибылъ Лелевель въ Брюссель, где остановился въ маленькой комнатѣ постоянаго двора подъ названіемъ *Estaminet de Varsovie*. Изъ этой комнаты онъ уже никогда не перѣѣжалъ почти до конца своей жизни. Здѣсь прожилъ почти тридцать лѣтъ въ большой нуждѣ, навѣщаляемый величайшими знаменитостями и принцами крови; здѣсь онъ приводилъ въ исполненіе свои мысли о всеобщемъ равенствѣ, усаживая на своей кровати принца Наполеона рядомъ съ старымъ солдатомъ. Въ Брюсселе хотѣлъ Лелевель заняться изданіемъ нумизматическихъ трудовъ. Одинъ бельгійскій сановникъ обѣщалъ его познакомить съ извѣстнымъ въ то время издателемъ Гауманомъ. Рукопись была послана ему; нѣсколько дней спустя, идутъ они оба къ издателю, который соглашается печатать лишь бы доски остались его собственностью. Гауманъ думалъ воспользоваться ими для другихъ изданій, переводовъ, — и за все это предлагалъ автору 200 франковъ, наконецъ 1,000, лишь бы доски остались въ его рукахъ и авторъ собралъ 100 подписчиковъ. *C'est à vous de chercher les souscripteurs, les planches restent à moi, salut!* отвѣчалъ Лелевель, а бельгійскій сановникъ прибавилъ: *il faut être un juif pour agir de cette façon.* Этимъ кончилась первая попытка найти издателя. Между тѣмъ приѣхалъ въ Брюссельпольскій издатель Страшевичъ, который задался мыслью помочь своимъ соотечественникамъ. Онъ взялся за изданіе *"Numismatique du moyen âge"*. Но изданіе затянулось. Лелевель получилъ въ Брюсселе приказъ оставить Бельгію (*mandat d'expulsion*), который, впрочемъ, скоро былъ взятъ назадъ. По расчету Лелевель могъ бы получить до 12,000 франковъ за свою книгу, но здѣсь сбылось то, что предсказывалъ Ренуаръ. Подписчиковъ набралось 120 и собранныя деньги едва покрыли издержки по изданію. Остальное количество раздѣлили между собою издатель и авторъ. При этомъ Лелевель получилъ 310 экземпляровъ, стоимостью по 40 франковъ каждый. Отсюда разошлась молва, что Страшевичъ доставилъ Лелевелю капиталъ въ 12,000 франковъ. Однако, за всѣ эти книги никто не давалъ и тысячи, поэтому авторъ отдалъ свою часть издателю за 75 франковъ. Объ этомъ сочиненіи довольно много писали въ Германіи и во Франціи, но это мало способствовало распродажѣ книги. Тогда Лелевель задумалъ перевести на французскій языкъ свои изслѣдованія по древней

исторії и, въ видѣ пробнаго шара, выпустилъ въ свѣтъ «*Pytheas de Marseille et la géographie de son temps*». И это не попло удачно, такъ какъ нѣмцы сейчась перевели, и не нуждались въ подлинникѣ. Пока Лелевель пробивался изданіями своихъ сочиненій, къ нему приходили съ разныхъ сторонъ всевозможныя предложения. Поляки допытывались исторіи Польши, бельгійцы предлагали написать исторію Нидерландовъ: «подучись, говорили, мѣстныхъ нарѣчій, архивы будуть тебѣ открыты». «Пишите сами себѣ», — отвѣчалъ Лелевель. Но эти предложения менѣе казались историку странници, чѣмъ требованія соотечественниковъ написать исторію Польши. «Я думаю, — говорить онъ, — что нѣть нужды доказывать странность этихъ требованій, когда я ходилъ съ сумою». Появлялись со стороны бельгійцевъ проекты и другаго рода, которые казались Лелевелю нелѣпными, но всетаки происходившими отъ доброго сердца. Предлагали мѣсто консерватора numизматического кабинета, который не существовалъ. Даже предлагали профессорскую каѳедру, которую онъ не могъ принять, «не отрекшись отъ обязанностей эмигранта(?)». Случайные доходы были весьма рѣдки и мало прибыльны. Такъ, за описание монетъ, принадлежащихъ Леклерку и выставленныхъ на продажу, получилъ 250 франковъ, трудясь въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ. Когда, три года спустя, брюссельскій муниципалитетъ продавалъ правительству свое собраніе монетъ, то Лелевель приглашенъ былъ оцѣнить его и за это получилъ 500 франковъ. Говорить, что онъ самъ потребовалъ столько за продолжительную и тяжелую работу, но, кажется, всѣ рассказы о томъ, что Лелевель весьма мало оцѣнивалъ свой трудъ, опровергаются его собственными словами: «говорю объ этомъ для тѣхъ, которые выдумали сказку, что я въ моей нуждѣ требовалъ отъ издателей менѣе, чѣмъ они давали, какъ будто издатели въ состояніи разсыпать деньги полною рукой, когда нѣть покупателей». Самымъ крупнымъ гонораромъ, какой получилъ Лелевель, было 1,400 франковъ, за право перевода на англійскій языкъ его „*Considerations sur l'état politique de l'ancienne Pologne et sur l'histoire de son peuple*“.

На этомъ сочиненіи мы сейчась остановимся, такъ какъ въ немъ проведенъ цѣлый взглядъ польского историка на исторію польского народа.

Мы слишкомъ долго говорили о различныхъ неудачахъ Лелевеля по изданію сочиненій, но мы этимъ не исчерпали и малѣйшей частички всѣхъ его хлопотъ въ борбѣ за существованіе и труда, которымъ ему хотѣлось принести пользу своему отечеству.

Мы не станемъ разъяснять о всевозможныхъ затрудненіяхъ, сопровождавшихъ выходъ того или другаго сочиненія, не будемъ останавливаться на каждомъ изъ нихъ отдельно; теперь ихъ не трудно

вайти въ общемъ собраниі сочиненій, изданіе которыхъ предпринялъ еще при жизни Лелевеля извѣсный познанскій книгопродавецъ-издатель И. К. Жушанскій.

Двадцать томовъ сочиненій Лелевеля не представляютъ ничего цѣльнаго. Польскій историкъ не написалъ подробной исторіи Польши, поэтому онъ не сдѣлался ни Нарушевичемъ, ни Паладкіемъ, ни Соловьевымъ Польши. Его сочиненія—это скорѣѣ энциклопедія исторіи. Вспомогательныя историческія науки имъ обслѣдованы и представлены результатъ изслѣдованій. Историческая географія, археологія, драмы права, мифология, налеографія, нумизматика, геральдика, хронологія, краткая всеобщая, польская и русская исторія и т. д.—вотъ содержаніе сочиненій Лелевеля. Цѣлый рядъ критическихъ статей, критический методъ въ изслѣдованіяхъ составляютъ драгоценную его заслугу для польской исторіи: онъ первый открылъ вѣрный путь для поэдѣйшихъ. Взглядъ на цѣльность польской исторіи онъ высказалъ въ упомянутомъ выше трудѣ «Замѣчанія на исторію Польши и ея народа».—Здѣсь онъ впервые задается мыслью изслѣдовать исторію не политическую, а исторію народа. Задача его—познакомить читателя «съ общественнымъ положеніемъ народа, его понятіями и настроеніями, которыя не всегда одинаковы, такъ какъ народъ—это тихая, но жизненная сила, отъ которой зависитъ во всѣ времена судьба общества и государства». Полагая, что основу славянскаго быта составляетъ общинное начало, онъ следить за его развитиемъ въ государственномъ устройствѣ Польши.

Всю исторію Польши, рассматриваемую съ этой точки зрѣнія, онъ раздѣляетъ на четыре періода. Въ началѣ земля, народъ и все, что ему принадлежало, составляло общественное достояніе. Личной собственности не было, владѣтели земель, волостей и полей держали у себя общественное имущество; владѣніе было условнымъ, вытекающимъ изъ общей собственности. Пока не образовались государства, всѣ славянскіе народы сходились на общія вѣча, для рѣшенія общественныхъ вопросовъ. Съ принятиемъ христианства въ Польшѣ общинное начало въ управлѣніи слабѣетъ, выдвигаются отдѣльныя личности и образуется самодержавіе. Этому образованію единодержавія въ Польшѣ способствовало соединеніе общинъ, образованіе государства, завоеванія, стремленіе леховъ возвыситься надъ простымъ народомъ. Но ослабленіе общинъ влекло за собою уничтоженіе самодержавія и господство аристократіи, которая усиливается окончательно со смертью Болеслава Кривоустаго (1139), и это усиленіе продолжается чрезъ весь удѣльный періодъ (до 1374). Аристократія, взявъ въ свои руки власть, вол-

иуетъ и разрываетъ на части страну, и ея дѣятельность удержана только тогда, когда гражданскій духъ лучшей части народа окрѣпъ и усилился. Окончательно ослабилъ вліяніе аристократіи Владиславъ Локотокъ, созывъ сеймъ, открыть народу доступъ къ управлению, и этимъ уничтожилъ наслѣдственность верховной власти. Власть изъ рукъ немногочисленной аристократіи переходитъ къ шляхтѣ, составлявшей громадное число населения. Преобладаетъ шляхетское общинное начало. Всѣ должности сдѣлались народными, земскими. Но шляхта скоро забываетъ, что не она одна составляетъ народъ и что есть еще классъ, который сильно увеличился. Подъ вліяніемъ иностраннымъ развивается неестественное отношеніе большинства народа къ меньшинству, которое захватываетъ власть въ своихъ рукахъ. Начинается съ XVI вѣка періодъ замѣшательства въ шляхетскомъ общинномъ устройствѣ. Аристократія опять усиливается, беретъ перевѣсь, шляхетская община ослабѣваетъ. Причиною этому была сильная пріимкъ чуждаго элемента, какой вошелъ въ составъ Польши послѣ лублинской унії,—элемента чуждаго польскому общественному строю или затерившаго общинное начало и развившаго сильную аристократію. Римъ поблекъ отъ присоединенія къ себѣ сотни народовъ, которые получили права гражданства. Польская республика, присоединяя «обширныя земли, пріученные прежде къ иному порядку, должна были испытать судьбу, общую всѣмъ поворотамъ человѣчества». Не пришло къ тому, что было въ Римѣ, но «связи и сила должны были ослабнуть въ пространствѣ, какъ твердое тѣло въ жидкости и, ослабѣвъ, образовать цѣльность болѣе мягкую, болѣе податливую на враждебный пожаръ. Смягченный польский духъ замѣнилъ однородность и сплошность въ смѣсь».

Такова въ общихъ чертахъ главная мысль этого обширного труда. Не останавливаясь на отдѣльныхъ ученыхъ трудахъ Лелевеля, мы скажемъ нѣсколько словъ о послѣднихъ дняхъ его жизни. При этомъ руководствуемся воспоминаніями современниковъ и лицъ хорошо знавшихъ историка. Почти до конца своей жизни, какъ мы уже замѣтили, Лелевель жилъ въ маленькой комнатѣ Estaminet de Varssove. Для своего существованія требовалъ немногаго—куска сухаго хлѣба и свѣчу, даже не заботился объ отопленіи комнаты. Друзья позаботились, безъ вѣдома Лелевеля, устроить въ его комнатѣ калориферы. Не зная объ этомъ, онъ удивлялся, какъ это стала легкой зима въ Бельгіи. Квартира его представлялась въ слѣдующемъ видѣ: небольшая комната, въ одномъ углу кровать, у оконечкъ два стола, заваленные книгами, у дверей шкаль и столикъ со

щеткою для шата, да еще немножко старыхъ стульевъ. Таково было его жилище, въ которомъ онъ принималъ не одну званичность.

Въ концѣ мая 1861 года въ Парижѣ узнали объ опасномъ состоянии здоровья Лелевеля. Друзья носились въ Брюссель съ намѣреніемъ перевезти его въ Парижъ. Лелевель нашли сидящимъ на кровати, а подъ него чашка молока и остатки морской рыбы. Постель, въ чрезвычайномъ беспорядкѣ, показывала, что никто не занимался больнымъ. Одинъ изъ прибывшихъ, докторъ Галензовскій, взялъ его за пульсъ, и попотомъ сказалъ: «мы прѣѣхали на похороны». Его товарищъ Янушкевичъ сталъ рассказывать о старыхъ временахъ, вспомнивъ про виленскую жизнь. Лелевель ожила, почти выздоровѣлъ. Приглашенный друзьями, самъ взвошелъ на третій этажъ, каша, пила, разговаривая, шутить какъ въ добрыя старыя времена. Едва удалось уговорить его выѣхать изъ Брюсселя, гдѣ прожилъ почти тридцать лѣтъ. Когда уже сидѣлъ въ вагонѣ, пришли съ нимъ проститься земляки и депутаты отъ университетовъ—Брюссельскаго, Генскаго, Левенскаго. Это было 26-го мая 1861 г. Когда поѣзда выѣхалъ въ зеленый лѣсъ, воздухъ оживилъ Лелевеля и онъ сказалъ: «тридцать лѣтъ не видалъ я лѣса». Въ Парижѣ помѣстили его въ домъ Дюбуа. Когда ввели его въ роскошно меблированную комнату и онъ увидѣлъ мебель изъ краснаго дерева, ковры, роскошную кровать, сталъ кричать и стучать палкою, говоря, что выбрасываютъ деньги за окно. Янушкевичъ, чтобы успокоить старика, представилъ ему фиктивный счетъ и доказалъ, что за получаемый имъ отъ издателя деньги онъ можетъ здѣсь жить въ продолженіе десяти лѣтъ. Мысль, что живеть на свой счетъ, успокоила его, и онъ спокойно уснула въ удобной кровати. 27-го мая здоровье ухудшилось. Янушкевичъ, по порученію Галензовскаго, разспросилъ о его послѣдней волѣ и вотъ каково было завѣщаніе. Шлемянникамъ Фадею и Густаву велѣлъ отдать часы, Гуго получилъ кольцо, которое Лелевель постоянно носилъ на пальцѣ. Брату Проту—шубу, которая у него была отъ брата Яна, и одну палку. Сестрѣ Маевской черепаховый ящикъ, подарокъ какой-то сановной испанки; сестрѣ Носаржевской бархатную подушечку для булавокъ. Другую палку, которую всегда носилъ, отдалъ доктору Галензовскому; табакерку изъ коры, присланную какимъ-то познанскимъ священникомъ, жертвовалъ Янушкевичу. Рукописи и книги предназначилъ Вильнѣ, выраживъ желаніе, чтобы они были отданы на общественное употребленіе. Въ душевшихъ до насъ двухъ письменныхъ завѣщаніяхъ, составленныхъ еще въ Брюсселѣ, Лелевель назначаетъ на похороны въ одномъ 10,

а въ другомъ 25 франковъ, требуя, чтобы его похоронили какъ можно скромнѣе. Эти завѣщанія найдены послѣ.

Въ 1861 г. 29-го мая утромъ, Лелевель скончался на 76-мъ году жизни. Тѣло его, набальзамированное, было похоронено въ гробахъ польсковъ на кладбищѣ Монмартръ. Похороны его обратили внимание всего Парижа; у гроба говорили рѣчи—членъ института Людовикъ Воловскій, еврейскій раввинъ Астрюкъ и французскій рабочій Шабо. Евреи и французскій рабочій въ своихъ рѣчахъ благодарили покойнаго за защиту и голосъ, требовавшій справедливости для крестьянъ и польскихъ евреевъ.

С. Л. Пташинскій.

ОЧЕРКИ, РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНИЯ

Э....ВА.

III ¹⁾.

Быть архиепископа Ирина.

Окончивъ долгую службу въ Охотскѣ и Камчаткѣ,—называю долгою службой, потому что всякий, Ѳхавшій въ тотъ край на службу, обязанъ прослужить тамъ пять лѣтъ; изъ всѣхъ флотскихъ офицеровъ, одинъ я прослужилъ болѣе двухъ сроковъ.—Возвращаясь въ Балтійскій флотъ, проѣздомъ прибыль въ Иркутскъ, 1830-го года въ ноябрѣ.—По заведенному обычаю, всѣ флотскіе офицеры, проѣзжавшиѣ черезъ Иркутскъ, останавливались въ адмиралтействѣ, но, въ этотъ разъ, я не могъ воспользоваться этимъ удобствомъ и вотъ почему: начальникомъ адмиралтейства былъ лейтенантъ Ивановъ, въ Кронштадтѣ его звали—французъ Ивановъ.—Передъ моимъ прїѣздомъ онъ женился на удивительной красавицѣ.—Скорѣ послѣ свадьбы, онъ съ прелестной женой Ѳхалъ на дрожжахъ; лошади понесли, Ивановъ рѣшился соскочить и переломилъ себѣ ногу; красавица ограничила отчаяннымъ крикомъ, усидѣла, отдавалась только обморокомъ.—Когда я прїѣхалъ въ Иркутскъ, то уже было известно, что Ивановъ безнадеженъ—переломленная кость не могла срастись почему-то. Быть я въ адмиралтействѣ, но Ивановъ былъ уже въ агоніи ²⁾. *

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 301—316 и 616.

²⁾ Докторъ говорилъ, что большаго не могли размучить съ женой. Э.

Пробывая Иркутскъ въ 1818-мъ году, въ почтенномъ семействѣ полковника Нараевскаго я забавлялся съ дѣвочкою-замарашкой лѣтъ 4-хъ, а теперь встрѣтилъ такую красавицу, что ни въ сказкѣ сказать, ни первомъ написать! Мать ея тоже была красавица, встрѣтила меня какъ старого знакомаго; она была вдова, обѣ были спокойны и не сознавали, что и дочь—почти дѣвочка—уже вдова.

Весьма ласково принятый генераль-губернаторомъ Лавинскимъ, который, между прочимъ, сказалъ мнѣ: «въ адмиралтействѣ я начальникъ поверхностный, въ хозяйство не вхожу, но полагаю, тамъ найдутся каціе ныбудь безпорядки: любовь, сватовство и свадьба—худые помощники службѣ. Петербургъ—далеко, переписка, назначеніе нового начальника, протянутся долго; я долженъ назначить кого ныбудь изъ классныхъ чиновниковъ при адмиралтействѣ, но я ничего хорошаго о нихъ не знаю; если окажутся безпорядки, то это падеть на уважаемый всѣми морской мундир; вы явились кстати, я просилъ бы васъ временно занять должность начальника адмиралтейства—сохранить честь товарища и поддержать уваженіе къ почтенному мундиру».

Это такъ неожиданно ошеломило меня, что я нашелся только сказать: я не видался съ отцомъ и родными 22 года.

— «Я прошу васъ оставаться не надолго, пока назначать другаго».—Я попросилъ позволенія подумать.

Просьбы матери, красавицы вдовы покойнаго, старыхъ знакомыхъ Иркутска, а главное—я принадлежалъ къ старому флоту, когда флотъ былъ особой кастой: единодушіе, почти единомысліе, завѣтное товарищество, честь флотскаго мундира была принадлежностью всего флота—святыня! Не долго думалъ—согласился.

Прилично похоронивъ товарища, я въ адмиралтействѣ вотъ что нашелъ: много книгъ приходо-расходныхъ за цѣлый годъ—всѣ бѣлны, а уже декабрь. Магазины на половину пусты. Недоставало казенныхъ денегъ немного. Требованіе для Охотскаго порта не вачато исполнять. Все это надѣлала любовь! По русской пословицѣ: взялся за гужъ—не говори, что не дюжъ. Генераль-губернаторъ обѣщалъ мнѣ всякую помощь, но чтобъ онъ могъ помочь мнѣ? Выучился я подписывать подъ руку покойнаго, засадилъ все грамотное, писались требованія, отпуски, я подписывалъ бумаги и книги за Иванова. Къ сроку книги были кончены и

отосланы. Прожалъ содержателей магазиновъ, и весною съ благородною экономіею пополнились магазины; ваказы для Охотова исполнены, а подрядчики пополнили недостатокъ денегъ.

Вместо присылки другого начальника, утвердилъ меня; тутъ покривилъ душою Лавинскій: онъ представилъ утвердить меня. Старикъ отецъ мой написалъ мнѣ: «ты кроешь чужую крышу, когда своя течеть!» Чтобы кончить съ красавицей вдовою, скажу, что, года черезъ полтора, я имѣлъ возможность содѣствовать и видѣть ее супругою превосходнаго человѣка. Я считалъ исполненнымъ мой долгъ окончательно къ умершему товарищу и къ чести мундира.

Иркутскъ былъ хорошо мнѣ знакомъ еще въ 1818-мъ году; много нашлось старыхъ знакомыхъ; вообще, я не былъ чужимъ въ го-родѣ, а, по роду службы, поверхности подчинился только гене-рал-губернатору, особенно добромъ во мнѣ.

Управлѣніе адмиралтейства, гдѣ жилъ начальникъ, была пре-лестная дача, въ красивой долинѣ, версты полторы отъ крайнихъ домовъ города: большой домъ со всѣми службами и удобствами, какъ отдельное помѣстье; домъ прилично меблированъ, большой садъ, который омывала рѣчка Ида—въ просторѣчии Ушаковка; вода рѣчки считалась минеральною—быстро заживляющею раны; на рѣчкѣ, почти въ саду, была устроена ванна, куда прѣѣзжалъ съ дочерью Лавинскій. Экипажи, лошади—все казенное. Команда, магазины, здѣсь—на Ангарѣ верстахъ въ трехъ.

Иркутскъ—городъ очень богатый и имѣлъ средства разбога-тать: востокъ и съверо-востокъ свозили всѣхъ родовъ дорогое изѣха,—юго-востокъ доставлялъ чай и шелкъ Китая. Отпускалъ Иркутскъ въ тѣ же страны произведенія фабрикъ и товаровъ Москвы и заграничныхъ, и не имѣлъ конкурента. Но за то въ Иркутскѣ считалось много миллионеровъ: Медведниковъ, Трапез-никовъ, Басинны, Сибиряковы и проч.—Послѣ 1818-го года, въ 12 лѣтъ не обошлось безъ перемѣны; тогдашній комендантъ, молодецъ, кавалерійский подковникъ Цейдаеръ, теперь губер-наторъ и вовсе не молодецъ—сгорбился, старикъ-стариковъ.—Какъ кавалерійскій мундиръ дѣкалъ его красивымъ и смѣлымъ воиномъ, такъ фракъ и бумаги—согнули и сморщили его, но благородный, добрый и честный человѣкъ въ немъ не измѣнился. Купцы еще болѣе разбогатѣли, стариковъ — замѣнили молодые.

Иркутское адмиралтейство было счастливо начальниками: в 1818-мъ году былъ Кутыгинъ—мобимецъ Иркутска. Петръ Степановичъ Лугковскій, теперь вице-адмиралъ, оставилъ по себѣ прекрасную память. Впрочемъ, кораки счастливы, ихъ вездѣ ласкаютъ. Мнѣ не было труда въ короткое время сдѣлаться старожиломъ.

Въ 1818-мъ году, въ Иркутскѣ былъ архіепископомъ Михаилъ; это былъ истый монахъ, смиренный, кроткій и—говорили—весьма ученый; онъ долго управлялъ обширнѣшюю иркутской епархиєю, но говорили, что по добротѣ и смиренію своему, какъ выражались—распустилъ духовенство. Иркутскъ очень религіозъ, владыку Михаила чтили какъ святиню.—Церквей много въ Иркутскѣ. Обычай старый—въ престольный праздникъ служить владыко, а богатѣйший прихожанинъ удостоивался угостить владыку обѣдомъ. Вотъ разсказъ о покойномъ Михаилѣ. Праздникъ въ приходѣ богача Трапезникова; владыко милостивъ и ласковъ какъ всегда. У Трапезниковыхъ, какъ у всѣхъ богачей, держались на дворѣ монгольскія собаки—мохнатыя, сильныя и, по природѣ, алые до дивости; эти собаки не покорялись человѣку, который кормилъ ихъ: на день, собаку съ побоями запирали въ конуру, а на ночь, собака бѣгала по блоку. За обѣдомъ зашелъ разговоръ о породѣ этихъ алыхъ собакъ. Владыко скромно утверждалъ, что человѣку съ твердою волею и упованіемъ всѣ твари должны покоряться; зашелъ споръ, и отирались на извѣстную собаку Трапезникова. По окончаніи обѣда, владыко пожелалъ видѣть собаку. Вышли на крыльцо и собака, выпущенная изъ темной конуры на свѣтъ, побѣжала по блоку съ рыканіемъ, какъ дикий звѣрь. Владыко молча пошелъ къ собакѣ; бросились удержать архіепископа, онъ кротко рукою отстранилъ всѣхъ и тихошелъ къ собакѣ. У всѣхъ на глазахъ совершилось чудо: собака пятилась отъ владыки, поджала хвостъ и спряталась въ конуру, зажмурилась и дрожала! Владыко скромно вернулся къ гостямъ. Меня—молодаго—сильно заинтересовалъ этотъ разсказъ. Къ добруму владыкѣ не трудно было пристасаться: онъ любилъ играть въ шашки, а я былъ игрокъ. Поклонами, просьбою упросилъ владыку объяснить мнѣ этотъ фокусъ; это было уже передъ моимъ отъездомъ въ 1818 г. Владыко взялъ съ меня слово молчанія и сказалъ,

что въ полѣ его рисы зашить незыдѣланный кусокъ кожи льва и буде это такъ сильно дѣйствовать на инстинктъ собаки, что къ нему не приблизится ни одна собака на улицѣ. Другой разсказъ: владыко, утромъ послѣ сна, выходилъ на галлерею, на плечо его садилась сорока и носъ свой прятала въ ухо владыки. Послѣ того, архіепископъ объяснялъ о вчерашніхъ упущеніяхъ въ семинаріи—все рассказывала ему сорока! Скончался архіепископъ Михаилъ, заповѣдалъ похоронить себя подъ памертью близъ дверей, чтобы всѣ помирали грѣшный прахъ его. Въ Петербургѣ звали о распущенности иркутской епархіи, но, должно быть, по уваженію къ Михаилу —терпѣлось. Скоро послѣдовало высочайшее повелѣніе въ святѣйшій синодъ: избрать и назначить въ Иркутскъ строгаго и надежнаго. Синодъ назначилъ пензенскаго архіепископа Іеринея¹⁾, съ прописаніемъ въ указѣ, какъ строгаго и надежнаго. Говорятъ, все духовенство Пензенской губерніи много молебновъ за избавленіе отъ Іеринея.

По приѣздѣ новаго владыки, скоро Иркутскъ наполнился разсказами о строгости и странностяхъ архіепископа Іеринея; всякий день новость за новостью: то священникъ—на обязанности дѣячка, то въ монастырь на три мѣсяца теплить печи; не было дома безъ разсказовъ о владыкѣ. Иркутскъ былъ пораженъ дѣйствіями Іеринея тѣмъ сильнѣе, что въ сравненіи съ кроткимъ пономаремъ—былъ слизивомъ великъ и страшень контрастъ. Захотѣлось и мнѣ посмотреть на владыку. Въ какой-то праздникъ, узнать, что будетъ служить архіепископъ въ соборѣ, явился я передъ. «Ключарь, перевѣжь галстукъ архидіакону—уalomъ на задъ!»—«Священнику не подобаетъ носить смазные салоги со скрипомъ—20 поклоновъ!». Чигающему дѣячку: «Стой! пропустилъ точку съ золотой, читай снова—на колѣнахъ». Священнику: «засмолять, не винятно, читай снова, да не кобянися». Пѣвчимъ—всѣмъ доставалось! Настоящее ротное ученье!

Самъ архіепископъ дѣлалъ болыное впечатлѣніе. Ему было около 45-ти лѣтъ,—средняго роста, сложенъ очень правильно, не сухощавъ и не расположено къ толстотѣ; движения очень граціозны и выра-

¹⁾ Кажется, такого имени нѣть: есть Іриней—но таъ тогда звали. Э.

жалаютъ физическую силу и энергию; лицо мужественно, привлекающее въ типу южныхъ славянъ: густой брюнетъ, глаза черные, большие, полные блеску, взглядъ быстрый, проницательный; волосы черные безъ сѣдаго волоса, густые, длинные, но крупно волнистые, чѣмъ скрдывали большую длину; волоса казались тонкими и блестящими, борода черная, небольшая; голосъ самый чистый—грудной мягкий теплоръ. Владыль интонацией голоса такъ гибко, легко, такъ вѣрно и такъ хорошо, что я другаго такого послушанія голоса не слыхалъ!—Обыкновенную молитву, сказанную имъ въ алтарѣ: во имя Отца и Сына и Святаго Духа и нынѣ и присно и вѣки вѣковъ—я и теперь, по прошествіи 46-ти лѣтъ, живо слышу! Слова: и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ—какою-то магической волею голоса уходили въ вѣки вѣковъ! Подражать владыкѣ Ермаку—невозможно! Вообще, что касалось до служенія его особы—было превосходно! Всякое служеніе, онъ говорилъ поученія экспромтомъ, поученія всегда строгія въ слабостяхъ безъ снискожденія, пророки громилъ и предавалъ анаемъ, говорилъ просто, понятно, но рѣлся въ слабостяхъ мужчинъ и женщинъ безъ милосердія, какъ химикъ доискивался начала всѣхъ началь. Разъ, въ женскомъ монастырѣ, говорилъ поученіе, такъ глубоко объяснялъ имъ принятый имъ обѣтъ и закончилъ такимъ грознымъ эпилогомъ—поразилъ ихъ смертю безъ прощенія за нарушение обѣта въ нихъ самѣ, казнь по смерти сторицю, неизбѣжность адъ; послѣдній періодъ проповѣди былъ: смерть, адъ, власть діавола, геенна, жупель, вѣчное терзаніе—смерть здѣсь, смерть тамъ, смерть, смерть! Всѣ монахини рыдали истерически, нѣкоторыхъ вынесли въ обморокъ. Объ этомъ долго говорили въ городѣ. Знакомая мѣ купчиха рассказывала, что, слушая, она была не своя: и холодно, и жарко, и земля не чувствовала подъ себою, а ужъ какъ жалостно было смотрѣть на матушекъ-монахинь!

Обычай—въ церковные праздники просить владыку на обѣдъ—не измѣнился, но и тутъ рѣдко проходилъ обѣдъ безъ критическаго взгляда на нравы хозяина и гостей и часто владыка уходилъ гневенъ. Не рады были тавому гостю, но обычай пересиливалъ.

Однъ разъ, знакомый купецъ (не важный, но не помню фамилии) пріѣхалъ и присталъ съ просьбою—у него обѣдать и что будетъ владыко. Какъ я ни отговаривался — пойхалъ. Владыко из-

бралъ себѣ място за столомъ по лѣвой сторону козыни, меня посадили по правую хозяина. Владыко прямо обратился ко мнѣ:

— «Вы морикъ, астрономъ?»

— Точно такъ, владыко, безъ астрономіи не найдешь дороги въ морѣ!

— «Ну, а какъ по вашему: земля вертится, или солнце ходитъ?»

— Для астрономическихъ вычислений есть никакой разницы, и мы говоримъ—восходить и заходить солнце.

— «Ну, а какъ ваша наука учитъ?»

— Привыкаютъ говорить, что земля вертится.

— «А Иисусъ Навинъ сказалъ: стой солнце!»

— Я глубоко вѣрю въ писаніе и сдѣлалъ моему профессору это возраженіе; съ мною отвѣчали: это святая истина, но, послѣ словъ Навиня, солнце остановилось и стала вертѣться земля.

Владыко непрітворно смылся. Перешелъ разговоръ, поднялъ огромнаго осетра. Владыко, смотря на меня, сказалъ:

— «Господь сотворилъ все на службу человѣка».

Я съ покорностью наклонилъ голову и сказалъ: Аминь! Но чрезъ минуту рассказалъ, что, собираясь въ далекій морской походъ, я нагружалъ рѣшную провизію, и видѣлъ суету мышей, какъ они хлопотали и пробовали все съѣстное: всякий бы подумалъ, что мыши вѣрили—провизія грунтится собственно для нихъ.

Владыко хохоталъ: ему нравилось, что я, не противорѣча ему, соглашалась съ нимъ, но скоро и разбивалъ его.

— «Вы видали въ океанахъ левіааана?»

— Китовъ видать сотни.

— «Очень большая это рыба?»

— Да, владыко, больше этого дома; бываютъ до 15-ти сажень.

— «Какъ же по вашему, можетъ человѣкъ жить въ утробѣ этой рыбы?»

— Это, владыко, сказано въ библіи объ Йонѣ?

— «Да».

— Еслибы въ святой книжѣ было сказано, что Йона проглотилъ левіааана и тотъ жилъ въ утробѣ Йоны три дня, то увидало, я также же несомнѣнно вѣрилъ бы. Для Бога все возможно: я вѣрю, не испытуя.

Владыко опять смылся усердно и даже благословилъ меня черезъ столъ. Въ подобныхъ разговорахъ прошло нѣсколько объ-

доль. Хозяинъ и гости увѣряли, что владыко никогда не былъ такъ веселъ и милостивъ. Этотъ обѣдъ сдѣлалъ то, что всѣ упрашивали меня на обѣдъ съ владыкой—хорошо, что было рѣдко. Послѣ иѣзушскихъ обѣдовъ, владыко прикасалъ мнѣ быть у него на чашку чаю. У него, безъ свидѣтелей, я, все съ той же малерой почитательности и почвности, разыгралъ роль умѣреннаго вѣльнодумца, чтѣ, кажется, очень забавляло его: можетъ, новость идей, можетъ — и то, что онъ не могъ говорить тѣль по своей обязанности. Когда я сказалъ ему о странности видѣть такого пылкаго, энергического характера такихъ полныхъ силъ мужа,—въ монашеской рясѣ и смиренномъ санѣ, архиепископъ Епеней сверкнулъ глазами и сказалъ:

— «Я давно нощу фонтанели на рукахъ».

Владыко затѣмъ продолжалъ: «ты разуменъ, что при иѣзушникахъ не споришь со мною».

Обѣдненіе мон разговоры я для шутки разсказывалъ генераль-губернатору.

Въ день Александра Невскаго, генераль-губернаторъ и всѣ чины были въ соборѣ, наполненномъ до тѣсноты народомъ; служилъ архиепископъ. Послѣ службы, владыко съ посохомъ вышелъ на амвонъ; обмынівъ кратко жиць Александра Невскаго, сказалъ, что всѣ побѣды дали ему Богъ за твердую его вѣру, онъ ловко перешелъ изъ наставленію удалиться отъ людей, имѣющихъ видъ доброты, кротости; эти люди, часто имѣя значеніе, пользуются любовію общества, обладая способностью сладкой рѣчи; эти люди никогда не спорятъ, но, подъ видомъ согласія и изворотливости, наводятъ на мысли невѣria, ведутъ къ соблазну; рѣчи ихъ подобны меду, но съ ними сердце поглощаетъ ядъ сомній, и проч. и проч.—чуть не нарисовалъ моего портрета. Во время поученія, владыко съ довольной миной посматривалъ на меня. Закончилъ наставленіемъ —убѣгать такихъ людей, какъ заразы, гибельной для души. Неожиданно черной краски для меня владыко!—помню, я очень покраснѣлъ. Лавинскій обернулся ко мнѣ и тихо сказалъ: «въ твой огородъ камни летятъ». Подходя къ кресту, я сказалъ: Благодарю владыко!—«Извини, вакъ печка печеть!»—Послѣ службы, вся интеллигенція—къ владыко на пирогъ.—Завтракъ всегда роскошный отъ булковъ—это тоже обычай. Владыко, благословляя, сминался и шутя спросилъ: «Коль

ты узнаешь себя?»—Хорошо вамъ, владыко, бранить меня, когда я не могъ возврашать вамъ.—«Это мое право!»

На берегу Ангары стояла церковь; большое, сухое, ровное мѣсто на обрывистомъ берегу величественной Ангары, съ хорошимъ видомъ къ устью реки Иркута—было любимымъ мѣстомъ для прогулокъ. Ведумали насадить тутъ кустарниковъ и сдѣлать дорожки. Владыкѣ Иринею это показалось святотатствомъ, онъ потребовалъ уничтоженія кустарниковъ; его не послушали; онъ, чтобы поддержать свое требование—написалъ, что, служа, изъ алтаря видѣлъ творящійся блудъ подъ кустомъ—и на это не обратили вниманія.

У генераль-губернатора была любимиа близкая церковь. Лавинскій до страсти любилъ музыку и быть знатокомъ.—Въ этой церкви, кроме украшеній современного вкуса, былъ превосходный хоръ пѣвчихъ изъ казаковъ; отличные голоса и вѣрность исполненія самыхъ трудныхъ концертовъ были неукоризненны. Протоіерей съ причтомъ—во всемъ была гармонія. Владыко началь нападать на прічастъ этой церкви.

Во всемъ городѣ только и слышались жалобы на владыку. Духовенство, духовные правленія, приносили жалобы и просили защиты у генераль-губернатора. Строгость владыки доходила до неприличія; я теперь не помню многаго, но, по разсказамъ, иногда доходило до скандала во время служенія. Владыко любилъ повторять: «я власть, я намѣстникъ Христа, другой власти нѣть!» и тому подобное. Много было мелочей, но имъ былъ полонъ городъ. Генераль-губернаторъ написалъ въ оберь-прокурору синода. Иринею пришло замѣчаніе—это разсердило владыку...

Не помню въ какой праздникъ, мы всѣ были парадно въ соборѣ; генераль-губернаторъ въ мундирѣ, залитомъ шитьемъ. Безъ ротнаго ученыя не обошлось. Послѣ совершенія таинствъ, священники, выходя изъ царскихъ дверей съ книжкою для прочтенія молитвы: «Благословляю» и проч., по принятому обычаю, дѣлали легкій поклонъ старшему въ церкви. Только поклонился священникъ Лавинскому, какъ владыко изъ алтаря вернуль священника.

— «Кому ты кланялся? ты—настырь, кланялся овцѣ твоего стада? ты молишься златому тельцу!»

Распуштилъ священника голосомъ на весь соборъ. Лавинскій не показалъ и вида, что замѣтилъ непристойность.. Миѣ очень

хотьось сказать, что это не въ мой огородъ камень — да не посмѣль.

Бумаги лежали въ Петербургъ. Въ подробности духовенство сообщало синоду. Материала было много!

Осенью пришелъ указъ (вотъ измѣнила память) о вызовѣ или удаленіи архіепископа—по разстройству умственныхъ способностей. Генераль-губернатору поставлено въ обязанность озабочиться и оказать возможное содѣйствие къ спасительному путешествію владыки. Архіепископъ, получивъ указъ, нашелъ его поддѣльнымъ, такъ какъ на указѣ не было сургучной печати, а просто: М. П., т. е. мѣсто печати. Опираясь на какой-то законъ Екатерины, что если указъ покажется сомнительнымъ, то сомнѣвающійся имѣть право—потребовать указъ съ печатью сургуча,—Іериней заявилъ свое сомнѣніе въ подлинности указа официально.

На сомнѣніе Іеринея не обратили вниманія, удобная варта была готова.

Не помню какой былъ праздникъ—не болѣй. Коллежскій совѣтникъ, чиновникъ особыхъ порученій при генераль-губернаторѣ—Александръ Ивановичъ Голубевъ, еще до обѣдни, явился къ владыкѣ и доложилъ, что онъ присланъ для услугъ его высокопреосвященства во время пути и ожидаетъ приказаний. Я долженъ замѣтить, что Голубевъ былъ вершковъ 10-ти ростомъ, брюнетъ, сильнаго сложенія. Владыка саркастически улыбнулся и сказалъ: «Экого славнаго выбрали молодца! Довно распорядились ты повезешь меня; такому великану-богатырю не трудно будетъ задушить меня и потомъ сказать, что я—какъ сумасшедший—задушилъ самъ себя не дурно придумано!»

Владыко крѣпко взялъ за руку Голубева и сказалъ: «пойдемъ!». Іериней привелъ Голубева къ перевозу черезъ Ангару; тамъ стоялъ унтеръ-офицерскій караулъ; владыко приказывалъ взять Голубева подъ караулъ, но унтеръ отказался—безъ дежурнаго офицера не караулямъ. Іериней, не выпуская руки Голубева, повелъ его на главную гауптвахту, гдѣ, по приказанію владыки, караульный офицеръ посадилъ Голубева подъ арестъ.

Мимо гауптвахты проходилъ правитель канцелярии генераль-губернатора Кибритъ и, видя караулъ въ ружье и владыку на плацѣ, подошелъ, чтобы узнать въ чёмъ дѣло. Владыко, зная Кибрита, и его посадилъ на гауптвахту. Въ это время, я бѣжалъ

иъ адмиралтейства поздравить съ праздникомъ Лавинскаго; дорогое узанье историю же гауптвахты, проѣхать прямѣ къ Лавинскому и доказывать чѣдѣ узнать.

Большая площадь: на южной сторонѣ домъ генераль-губернатора, на сѣверной главная гауптвахта, въ западу гостинный дворъ, къ востоку—улицы и частные дома. Лавинский въ это время сильно страдалъ геморроемъ. Служащія и морщился и сказать: «еще гаупности, пусть постоитъ и уйдетъ».

Я былъ тога ишани, чтобы не вышло чѣго серьезнаго, вѣдь это владыко!

Лавинскій краинулъ, надѣлъ фракъ со звѣздой и вошелъ немедля со ишою на площадь.

Подходя, видимъ Іеринея расхаживающиъ большими шагами передъ фронтомъ солдатъ; исколесо народа отъ гостинаго двора; слышимъ, Іериней громко говорить, что онъ знать не хочетъ гражданскаго начальства, съ которымъ онъ стоять передъ государемъ на одной доскѣ; судъ государя рѣшить его правъ. Лавинскій что-то тихо, почти шепотомъ, сказалъ Іеринею, а тотъ еще громче доказывать, благословляя подходящій народъ, что онъ донесь государю о всёмъ и что солдатъ кормить мухой съ пескомъ. Говорилъ громко, скоро и благословлялъ. Лавинскій приказалъ караулу идти въ караульный домъ. Молодой офицеръ не повиновался. Я громко скандовалъ: напра-во! скорымъ шагомъ, лѣвое плечо впередь—маршъ!! Хотя я и морякъ, но штабъ-офицеръ, а главное русскому солдату—команда! Карауль, какъ машина, покинулъся. Іериней, на разныя манеры твердить одно, что онъ знать не хочетъ гражданскаго начальства, которому не вѣрить, а отдать себѣ подъ охрану военному начальству и народу! Не помню, кто подъѣхалъ и докладывалъ Лавинскому, что вомендантъ болѣнь.

Кашъ теперь гляжу на Іеринея: онъ сознавалъ, что переступилъ черезъ Рубиконъ! День былъ прохладный, но Іериней весь горѣль, сказъ имобуть; по прекраснымъ его волосамъ струились капли пота, онъ быть прекрасенъ, это быть азартный игрокъ и играль—быть или не быть! Народъ подходилъ болже и болже. Іериней, благословляя народъ, рѣшился говорить, что онъ съ крестомъ въ одной рукѣ и съ мечомъ въ другой готовъ защищать и стать въ головѣ народа, который страдаетъ отъ гражданской власти.

Надобно замѣтить, что еще шла обѣдня, на базарѣ еще не сѣялись и народъ еще былъ тракѣтъ, и еще замѣтка изъ Сибири лаптей не носить¹⁾). Дѣло становилось слишкомъ серьезно! Но сда должны были Лавинскому, что комендантъ болѣйш, онъ обернулся ко мнѣ и сказалъ: «привези».

Необходимо ознакомить съ комендантомъ; это былъ генераль-майоръ по кавалеріи, дослужился изъ кантонистовъ и былъ простакъ; имѣлъ много ранъ, а дынгомъ на ордена — дѣлую стопу: кажется, вся Европа давала ему ордена, начиная съ низшихъ степеней и до высшихъ. Фамилия его была Покровскій, а имени его, кажется, никто не зналъ.

По приказанію Лавинскаго, я бросился на дрожки и марши-маршъ! Нахожу коменданта — здоровешенекъ! уже начернѣнъ, набѣленъ и юнѣлъ румянитъся—безъ этого онъ не выходилъ изъ дома. Оказалось, что комендантъ имѣніище и подагра, что я пріѣхалъ поздравить его. Я передалъ ему приказаніе генераль-губернатора; комендантъ отвѣчалъ, что ему нездоровится, да и что онъ будетъ тамъ дѣлать? Комендантъ видимо трусилъ, хотя и былъ храбрецъ на войнѣ. «Надѣвайте мундиръ, ваше превосходительство; хотя мертваго, но отвезу въсѧ, въ томъ даю вамъ честное слово! а что вамъ дѣлать—разскажу на дрожкахъ». Минуты были слишкомъ дороги и серьезны, я самъ подалъ ему мундиръ и почти силой увелъ и усадилъ въ дрожки. Дорогой научилъ его подойти къ Іеринею и сказать ему, что, въсѧ главная военная власть, берете охраненіе его подъ свое покровительство и честію ручаетесь за его спокойствіе, возьмите подъ руку и уведите домой. Подъѣзжая, я махалъ караулу, барабанилъ чуть не походъ пробилъ, караулъ, честь—все исполнено важно! Іериней продолжалъ возмутительно говорить въ народу. Къ счастію, не было семинаристовъ, которые очень были преданы владыкѣ. Мнѣ кажется, недоставало начального голоса въ пользу Іеринея. Румяный комендантъ подошелъ молодцомъ и, какъ по писаному, объявилъ Іеринею. Тотъ сталъ—было говорить о своихъ правахъ; комендантъ взялъ Іеринея подъ руку и далъ ему слово выслушать его дома. Іериней сверкнулъ глазами на народъ и, не видя

¹⁾ Въ Россіи сапоги носить: кулачи, міроѣды, подрядчики—народъ болѣе разнѣтой. Въ Сибири всѣ въ сапогахъ, простака-лапотника—нѣть. Э.

и въ конѣ участія въ себѣ, поспѣхъ съ комендантомъ. Генералъ-губернаторъ и всѣ мы молча пошли за ними. Въ это время изъ всѣхъ церквей выходили народъ и частію склонялись за нами. Всю дорогу Іериней говорилъ съ жаромъ, изумлялъ коменданту, почему овъ не можетъ вѣрить гражданскому начальству, и проч. Комендантъ, можетъ, и не понималъ, молчалъ и прибавлялъ шагу.

Довели архієпископа до его келіи и всѣ мы вошли за ними. Лавинский заглянулъ въ другую комнату, Іериней громко сказалъ: «тамъ у меня деньги, могутъ пронасти!». Обернулся ко мнѣ: «вы обезпечили свой мундиръ золотой, тѣмъ, что стали противъ меня». Я отвѣчалъ: монаху принадлежитъ смиреніе, вы учите насть покорности и повиновенію; смиритесь, владыко!—Онъ зло взглянулъ на меня и быстро повернулся. Была въ коміческой сценѣ: явился прокуроръ—презабавный человѣчекъ, небольшаго роста, съ очень большими бровями, на коротенькихъ и, какъ флейты, тонкихъ ножкахъ. Раздраженный и красивый архієпископъ началъ налегать прокурору всѣ свои неудовольствія и права отъ A до Z, говорить около часу. Забавная фигура прокурора точно окаменѣла, ни одна фибра въ лицѣ не дрогнула; прокуроръ не произведѣлъ звука и не мигнулъ глазомъ. Іериней кончилъ, прокуроръ повернулся. Я послѣ спросилъ его, чѣмъ говорилъ ему владыко? «Не знаю, не слышать и не слыхать», отвѣчалъ мнѣ прокуроръ. Я покраснѣло погрѣбъ ему.

На дворъ архієпископа привели роту солдатъ съ ружьями и боевыми штанами.

Мы всѣ пошли въ домъ генераль-губернатора, составили подробный актъ происшествію и подписались болѣе 100 человѣкъ свидѣтелей. Казацкій офицеръ, въ тотъ же день, полегъ съ донесеніемъ къ государю.

День былъ праздничный, много сѣхалось на базарь; послѣ полдня пьяные и грязевые толпами толкали обѣ юроды. Ошибка была въ томъ, что не заперли семинаристовъ: они шатались между народомъ и волновали. Я вооружилъ своихъ сотню матросъ, были у меня 3-хъ фунтовыя пушки; моя армія ночью охраняла домъ генераль-губернатора. Чрезъ двое сутокъ, говорѣлъ и шумѣлъ въ народѣ успокоился.

Кстати разскажу. Тогда въ Иркутскѣ былъ поліціймайстремъ Александръ Николаевичъ Муравьевъ; онъ былъ полковни-

всю молоножатыхъ; известно, что онъ былъ организаторомъ общества 14-го декабря, не послѣ отставы, когда общество измѣнило цѣль, духъ и направлениѣ. Онъ былъ сосланъ въ Якутскъ, не дѣхалъ—назначили въ Верхнеудинскъ; я ушёлъ засталь его отличнымъ коллежскимъ старостомъ въ Иркутскъ—хорошо учёный, вполнѣ честный человѣкъ; мы были очень дружны. Онъ хорошо фехтовалъ на рапирахъ, а я былъ ученикъ Северброка—первый по кирпичу. На гауптвахтѣ былъ и Муравьевъ; смотрю—глаза горятъ у моего друга и весь какъ-то возбуждены! Я говорю ему тихонько: чтобы не дошло до катастрофы? Онъ быстро мнѣ сказалъ: «ничего, вы возьмите ружье, я возьму другое, станемъ спинами, часъ скоро не одолѣютъ; а потомъ, мы станемъ въ головы, можетъ, выйдеть къ лучшему». Я тогда подумалъ: каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилѣ.

Шумъ архиепископской катастрофы улегся; сначала интересовались, какъ живаетъ и что говоритъ Іериней, но скоро и забыли о немъ. Духовенство радовалось. Шаловливость моя тянула меня повидаться съ пѣненнымъ архиепископомъ и поди-спутнировать по знакомству, но запретилъ Лавинскій.

Наступила зима. Иркутскъ веселился. Кажется, не ошибаюсь, въ Николинъ день—балъ у генераль-губернатора; и отличный танцоръ, изъ лучшихъ учениковъ Да-Росси и единственный въ Иркутскѣ съ густыми эполетами; только кончилъ французскую картиль съ дочерью Лавинскаго, какъ онъ подозвалъ и быстро сказалъ: «иди внизъ, распорядись, да ни гу-гу!» Сѣживъ во флигель, находжу—тroe въ шубахъ, еще въ снѣгу—это были: жандармскій полковникъ Брянчаниновъ, флигель-адъютантъ Гогель и фельдъегерь капитанъ Иностранцевъ. Они пріѣхали весьма секретно. Я распорядился напоить и накормить ихъ. Они хотѣли знать обѣ Іеринея, но зачѣмъ пріѣхали—молчали. Балъ продолжался своимъ чередомъ; для приличія, я явился на балъ; тамъ никто и не подозрѣвалъ, что есть секретные гости. Лавинскій украдкой сходилъ въ нихъ. Въ концѣ бала приказано всѣмъ подпишавшимъ актъ явиться утромъ.

Утромъ, всѣ собрались къ генераль-губернатору и отправились къ Іеринею. Много пришло въ комнаты архиепископа; онъ сидѣлъ въ креслѣ и не всталъ при входѣ генераль-губернатора, который представилъ пріѣзжихъ. Флигель-адъютантъ подалъ за-

печатанный рескрипты государя, который былъ показанъ Иеринею и въ которомъ повелѣвалось генералъ-губернатору: архіепископа Иеринея, по разстройству умственныхъ способностей, передать жандармскому полковнику Бранчанинову, для дальнѣйшихъ распоряженій. Привезли и указъ съ сургучною печатью. Иериней слушалъ и смотрѣлъ съ улыбкою, какъ будто видѣлъ забаву. Трудно было догадаться, что думалъ Иериней. Фельдъегерь Иностранцевъ стоялъ у дверей; архіепископъ вдругъ спросилъ: «а ты кто такой?» — обращаясь къ Иностранцеву; тотъ назвалъ себя фельдъегеремъ. Иериней непріяторно разсмѣялся: «а почему у тебя черное перо?». Обращаясь ко всѣмъ, сказалъ строго: «убирайтесь всѣ вонъ! я комедій не люблю, да и не умеете наряжаться». Тогда Бранчаниновъ, громаднаго роста (вершковъ 11-ти), подошелъ къ Иеринею и что-то шепнулъ ему на ухо. Вдругъ перемѣнилась сцена: Иериней всталъ со смиреннымъ видомъ, сложилъ руки на груди, поцѣловалъ подпись государя на рескрипты и покорился безусловно.

Исторія съ султаномъ Иностранцева такая: дорогой, на перекладной, заготовляя лошадей, онъ потерялъ свой бѣлый султанъ; въ Иркутской кавалеріи нѣть, онъ взялъ у армейскаго офицера черный султанъ.—Мы никто не замѣтили и были крайне удивлены, какъ обратилъ внимание Иериней на цвѣтъ султана.

Тѣмъ и кончилась исторія, въ свое время надѣлавшая таѣтъ много шума—надобно принять въ соображеніе, въ какомъ отдаленномъ краѣ и какимъ элементомъ населенномъ краѣ, по русской пословицѣ: отъ копѣчной свѣчки Москва сгорѣла.

Экипажъ и всѣ удобства для путешествія Иеринея были готовы, Бранчаниновъ не медлилъ, Иностранцевъ полетѣлъ заготовлять лошадей. Рассказывали, что у кареты Бранчаниновъ самъ запиралъ дверцы на ключь; на станціяхъ не позволялось подходить къ каретѣ. Чѣмъ же кончилъ Иериней? Я слышалъ, что онъ былъ помѣщенъ въ Прилуцкомъ монастырѣ (Вологодской губерніи) на обязанность дьячка, хотя не былъ лишенъ ни сана, ни орденовъ. Далѣе ничего не слышалъ.

Иностранцевъ, гости въ меня, много рассказывалъ исторій—странныя и трудныя иногда бываютъ порученія фельдъегерямъ! Да и молодчина же былъ Иностранцевъ.

Въ 1854 г. я держаль въ южной Россіи почтовую станцію; тогда не было телеграфовъ. Фельдъегеръ капитанъ—все таки капитанъ Иностраницъ—ичался изъ Питера подъ Симеизомъ съ по-вѣльніемъ ретироваться наимѣнъ войскамъ—тогда удивила своею неблагодарностью Австрія цѣлый міръ! Австрія вѣрна себѣ и до сего часа! За 1854 годъ сколько потеряла Австрія! Что-то будетъ теперь?

Въ 1854 году, встрѣтившись съ Иностраницымъ, мы узнали другъ друга. Я удивился неустанный его фельдъегерской физикѣ, а онъ, глядя на меня, подивился—какъ швыраетъ судьба людей.

А вотъ одинъ изъ многихъ анекдотовъ, по поводу Иностраница.

Императоръ Николай собирался выѣхать изъ Тулы; недавно выпалъ снѣгъ. Государь, незамѣтно для свиты, вышелъ по черной лѣстницѣ и крикнулъ: «№ 1-й, фельдъегерская!» Подкатилъ на санкахъ тройкою парень лѣтъ 20-ти. Государь сѣлъ въ сани и сказалъ: «пошелъ!»—Промчалась тройка верстъ пять, ямщики лихой, править стойма.—Сначала ямщикъ робко оглядывался, а потомъ сказалъ про себя: «вишь, ты не дерешься, добрый».—Погода опять оглянулся: «ребята говорили, что ты сильно дерешься, ань ты смиренный». Всю дорогу дивился ямщикъ, что государь не бѣть его. Тройка была—Иностраница. Свита сбилась съ ногъ—гдѣ государь? догадались и рѣшилисьѣхать.

Государь говорилъ: «хорошо прокатиться подъ именемъ Иностраница: я никогда такъ отлично не ѻзилъ». Это рассказывалъ мнѣ одинъ флигель-адъютантъ въ Кіевѣ.... .

Въ настоящемъ очеркѣ я довольно много говорилъ обѣ Александре Степановичѣ Лавинскомъ; хочу нѣсколько съ нимъ познакомить моихъ читателей.—Послѣ Сперанского, сдѣланъ Лавинскій генераль-губернаторомъ иркутскимъ, енисейскимъ (красноярскимъ) и якутскимъ и пробылъ, помнится, 14 лѣтъ.—Лавинскій былъ очень добрый человѣкъ, съ большими таактомъ главнаго администратора. Лавинскій все зналъ что дѣлается, на маленькия злоупотребленія онъ смотрѣлъ снисходительно, а большія останавливалъ тѣмъ, что давалъ знать стороною, что это дѣло ему извѣстно—и этого было довольно.—Какъ генераль-губернаторъ, можетъ быть, онъ высказается въ моихъ разсказахъ. Но кто же онъ?—Я вотъ что знаю: онъ незаконно-рожденный сынъ Головина и Ланской; откинувъ отъ фамиліи отца слогъ Го и прибавивъ конецъ фамиліи матери—составилась

фамилия сына. Богатые родители дали ему состояніе. Лавинский былъ неудачно женатъ—если не забыть—на Закревской; и наль одну дочь Елизавету, которую надо было лечить въ Парижѣ; съ дочерью уѣхала и мать, тамъ перешла въ католицизмъ и дочь сдѣлала католичкой.—Императоръ Николай пожелалъ, чтобы Лавинскій жилъ съ женой. При мнѣ пріѣхали жена и дочь Лавинскаго; жена была нафанатизирована до крайности, она не могла видѣть православнаго безъ отвращенія!—Ей было устроено особое отдѣленіе въ домѣ, особая прислуга и экипажъ, была кашлица и всенда. Дочь, гдѣтъ 20-ти, почти не говорила по русски; отецъ очень любилъ ее и скоро сдѣлала православной.

Лавинскій не жилъ въ большомъ домѣ, тамъ давались только балы, а жилъ во флигелѣ при домѣ, въ три окна; въ нижнемъ этажѣ жилъ отецъ, а въ верхнемъ дочь. Бывало у генераль-губернатора балъ, весь городъ веселится; среди бала, присыпаетъ жена и требуетъ прекращенія бала—шумъ-де мѣшаѣтъ ей молиться. Александръ Степановичъ выслушаетъ, загнитъ русское непечатное слово—и продолжаютъ танцевать. Дочь сдѣлана фрейлинной. Лавинскій богатъ и въ милости... О службѣ своей онъ говорилъ мало.—Онъ былъ губернскимъ почтмейстеромъ въ Вильнѣ и это я знаю потому, что, когда онъ получилъ списокъ—чи письма должны подпечатываться и прочитываться, Лавинскій мнѣ сказалъ: «я всегда разрѣзывалъ конвертъ и не читая посыпалъ по адресу; скоро сдѣлялись осторожны и «запретныхъ» писемъ не посыпали».—Въ 1810 и 1811 годахъ, Лавинскій, если не ошибаюсь, былъ губернаторомъ въ Вильнѣ.—Поляки были преданы Наполеону и льстили Государю.—Устроили за городомъ балъ для раздеву съ красавицей Тизенгаузенъ¹⁾). Балъ, таѣтъ потомъ болты, былъ средствомъ предать Государа Наполеону.—Балъ въ разгарѣ. Государь одѣть во баллоному—въ чулкахъ и башмакахъ—прекрасенъ и веселъ. «Мнѣ докладываютъ,—разсказывалъ Лавинскій,—что приближаются французы. Я доложилъ генераль-губернатору, книзу полуглухому (боюсь перевратъ фамилію—забылъ), онъ замоталъ головою и руками—нельзя, не смѣю. Докладываютъ другой, третій разъ, что французы близко. Я рѣшился прямо доложить государю. Вывелъ незамѣтно государя по черной лѣстницѣ.—Экипажей нѣть

¹⁾ См. «Записки Шуазель-Гуфье, рожденной Тизенгаузенъ», напечатанныя въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г., томъ XX, стр. 579—632.

ни одного; я предложилъ государю мою английскую верховую кобылу, накинуть на государя свою бурку, провожать его одинъ казакъ». Бурку эту я видѣлъ въ 1822 году. Министръ двора кн. Волконский, по приказанию государя, при отъношении, съ благодарностию возвратилъ бурку; зеленої тафты подкладка изношена въ полосахъ. Лавинскій хранилъ и очень дорожилъ этой буркой.

Наполеонъ очень милостивъ былъ къ Лавинскому; если не ошибаюсь, А. С. оставался губернаторомъ при входѣ и выходѣ изъ Россіи французовъ; меня увѣрали, будто благодарные виленцы поставили столбъ съ надписью въ память Лавинскому.— Но все это передаю какъ слухи и рассказы, ходившіе въ мое время, отнюдь не ручаясь за достовѣрность.

Въ 1832 году Лавинскій просилъ изъ Сибири, во получить рескрипты, въ которомъ государь просилъ оставаться и выразился такъ: «Если я и найду вамъ равнаго по достоинству, то гдѣ найду вамъ равнаго по опытности».— При этомъ табакерка съ портретомъ и брилліантами, тысячу въ пятнадцать рублей. Александръ Степановичъ, показывая мнѣ рескрипты и табакерку, съ неудовольствіемъ сказалъ: «вотъ такъ и держать въ ссылкѣ».— Ему хотѣлось въ Питеръ, для дочери.

Узнавъ изъ словъ Лавинскаго, что онъ бросить должность, я, оставленный противъ воли и не желая быть въ Иркутскѣ безъ Лавинскаго, тихонько перепросился въ Кронштадтъ.— Мѣсяца черезъ четыре пріѣхалъ Лавинскій въ отпускъ; у него было свой домъ въ Коломнѣ. Я встрѣтилъ его и провожалъ во дворецъ; меня удивило, что онъ былъ въ вицъ-мундирѣ, безъ орденовъ, въ узкихъ панталонахъ, въ башмакахъ и безъ шпаги. Государь представилъ Лавинскаго государыне и при этомъ сказалъ: «вотъ кто охраняетъ насть на востокѣ», а Лавинскому: «ну, что же ты не поцѣлуешь мою хозяйку?» государыня подала ему руку.

Возвратился Лавинскій не въ духѣ и сказалъ: «я объяснялъ Бенкендорфу, что въ Сибирь не пойду,— иѣменъ страшаетъ гнѣвомъ Государя—пусть какъ хотятъ!»

Бенкендорфъ, пріѣзжая, долго уговаривалъ, но Лавинскій решительно отказался.— Государь гнѣвался: Лавинскаго— въ сенатъ, но не надолго; скоро, а именно 1-го января 1836 г.— членомъ въ государственный совѣтъ; умеръ онъ въ 1844-мъ году— въ чинѣ дѣйствительного тайного советника.

Лавинскій, оставшись въ Питерѣ, попалъ опять въ милость; однажды Государь говорить ему: «а, кажется, мы погорячились съ твоимъ архіереемъ (Иринеемъ): оказывается, что онъ не столько виноватъ. Я хотѣлъ поговорить съ тобою подробнѣ». Лавинскій былъ крайне удивленъ и нашелся только сказать: «Государь, объ этомъ происшествіи я представилъ актъ за подписью болѣе 100 чиновниковъ-свидѣтелей». — «Ахъ, правда, объ актѣ я и забылъ, то и говорить нечего, а мы представляемъ это дѣло въ другомъ свѣтѣ». Вотъ какую силу имѣли представители чернаго духовенства.

Выше упомянуто, что къ Иринею явился Голубевъ. Съ Лавинскимъ выѣхалъ и онъ съ женой. Лавинскій, желая определить Голубева въ Питерѣ, обращался во всѣ министерства; какъ только упоминалась фамилія Голубева—рѣшительный отказъ! Даже Канкрий откровенно сказалъ: «батуска, Голубеву дать мѣсто не могу!» Такъ Голубевъ мѣста въ Питерѣ и не получилъ. Лавинскій вымогилъ у Канкрина для Голубева частное мѣсто, управляющимъ сувонною фабрикою, кажется, въ Курской губерніи. Вотъ сила сторонниковъ смѣщенаго Иринея! Я слышалъ отъ Лавинскаго, что митрополитъ Филаретъ писалъ къ Иринею: «Дай намъ средство смыть пятно съ имени святителей, помоги намъ своими объясненіями и указаніями; а врагамъ твоимъ мы сами найдемъ орудіе отмстить». Ириней отвѣчалъ: «Безумные вы! вы въ слабоуміи своемъ признали меня лишеннымъ умственныхъ способностей, чего же вы можете требовать отъ безумнаго? Безсильны вы».

Прочитавши объ Иринеѣ, многие подумають, что онъ былъ сумасшедшій. Я, какъ личный и близкій свидѣтель, могу увѣрить своихъ читателей, что онъ дѣйствовалъ въ совершенно здравомъ умѣ. Честолюбіе и привычка властвовать осилили его, энергія и самонадѣянность тянули его къ полному господству въ край; видя препятствіе въ гражданской власти, надѣясь на вліяніе своего сана, онъ задумалъ взволновать такой отдаленный край—а нравы ссыльныхъ, людей порочныхъ, давали ему надежду легко взволновать—потомъ, ставши въ головѣ волненія, усмирить и повергнуть покорныхъ государю. Вотъ его затѣя—не удалась, сорвалось! да мало ли сколько затѣй не удастся.

э.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Причи́нение. Въ слѣдующемъ очеркѣ разсказу о пребываніи Сперанского въ Иркутскѣ въ 1818 году. Впослѣдствіи, если никто не помѣшаетъ, познакомлю читателей «Русской Старинѣ» съ Дмитриемъ Гавриловичемъ Бибиковымъ. Былъ Бибиковъ и умеръ Бибиковъ—только! Бибиковъ былъ лѣтъ 16 генераль-губернаторомъ юго-западнаго края, былъ, можно сказать, владѣтельный герцогъ края, полный генералъ, генералъ-адъютантъ, членъ государственного совѣта, наконецъ, министръ внутреннихъ дѣлъ. Умеръ въ Дрезденѣ, безъ висельбанта, безъ мундира, безъ пенсіи. Умеръ, какъ я слышалъ, на каменномъ полу, въ одиночествѣ! Кромѣ меня, едава ли кто его знаѣть и никто не узнаетъ, потому что послѣ него не осталось и не могло остаться ни одной строчки.

Не забуду, такъ разсказу о Бенкендорфѣ, о Паскевичѣ, о кн. Мениковѣ—какіе это все гиганты издали, то, увы, только издали, а по-дойди близенько.... Вотъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, тутъ и близко не теряеть....

Не знаю я, какъ понимаютъ теперь Сенковскаго? а я и теперь его почитываю. Я былъ лично знакомъ съ нимъ и содѣйствовалъ къ напечатанію разсказа: «Большой выходъ у сатаны». Мой двоюродный братъ, Василій Семеновъ, тогда былъ цензоромъ и мы вмѣстѣ надули Бенкендорфа.

Я племянникъ Анны Петровны Буниной—десятая муга, и бывалъ на бѣсѣдахъ русскаго слова у Державина, помню его экспромтъ. Въ залѣ, въ два сѣста, неширокое мѣсто отдѣлено колоннами; въ этомъ отдѣленіи длинный столъ, иѣсколько литераторовъ за столомъ съ тетрадками; большое зѣло унизано около стѣнъ дамами. Вышелъ Державинъ чрезъ маленьющую дверь прямо къ предсѣдательскому креслу, въ собольемъ опашкѣ, въ собольей высокой татарской шапкѣ; по лѣвой его сторонѣ сидѣлъ гр. Д. Хвостовъ. Говорить, тогда Державинъ переводилъ Пиндара. Хвостовъ, скрипнувшій голосомъ къ Державину, который сѣмъ полуоборотомъ къ нему:

— Пиндаръ Романовичъ!

Державинъ не обернулся.

Хвостовъ повторилъ: «Пиндаръ Романовичъ!»

Державинъ, не оборачиваясь, на-распѣвъ сказалъ: «Хвости есть у лѣсицъ, хвости есть у волковъ, хвости есть у киотовъ—такъ берегись, Хвостовъ!» По большой залѣ прошелъ шопотъ и одна изъ присутствовавшихъ записала изреченіе мастилтаго поэта.

Э.....въ.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Монастырский судъ XVII-го вѣка.

[1610 г.].

Одною изъ отличительныхъ привилегій, данныхъ древнимъ монастырямъ съвернаго края, поморья—это жалованная грамота великаго государя царя и великаго князя Иоанна Васильевича, въ 7055 году, предоставлениія собственной монастырской расправы дѣль судныхъ надъ половниками, поселенными на земляныхъ ихъ владѣніяхъ, «опричь,—какъ говорится въ грамотѣ,—татьбныхъ, убійственныхъ и волшебныхъ дѣль». Такая особенность права, замѣчательная какъ своеобразностью формы суда, такъ и юрисдикціей давно-прошлаго времени, дошедшая до насъ въ уцѣльшихъ монастырскихъ документахъ, составляетъ не безъинтересный памятникъ старины. Такъ, въ силу той грамоты, въ началѣ XVII-го вѣка, передъ монастырскій судъ Николая Коряжемскаго монастыря¹⁾, сталъ истецъ Петрунька Юрьевъ сынъ Калугинъ и, какъ выражается монастырская запись, «въ лѣто 7118-е, сентября въ 3-й день, бывъ челомъ царю-государю, великому князю Василию Ивановичу всеси Россіи, Коряжемскаго монастыря, крестьянина Шалимовской волости половника Осипка Антипова. И подалъ челобитную въ Коряжемскій монастырь игумену Исидору еже о Христѣ съ братію, Коряжемскаго монастыря, Шалимовской слободки, крестьянина Якова Антипова на жену Анницу Андрѣеву дочерь. И игуменъ велѣлъ монастырскому розсыльщику Осипу Феодорову сыну, Якова Антипова жену Анницу въ монастырь предъ собою поставити того же мѣсяца въ 5-й день. Розсыльщикъ Осипко Феодоровъ Якова Антипова передъ игуменомъ постави. А истецъ Петрунька Калугинъ передъ игуменомъ ставъ же. И игуменъ велѣлъ келарю старцу Родіону съ соборными старцами ихъ судити. И келарь велѣлъ Петруньки Калугина челобитную чести. И челобитная чтена. И истецъ и отвѣтчикъ туто же стояли. А въ челобитной пишеть:

¹⁾ Сольвычегодскаго уѣзда, Вологодской губерніи.

— «Царю-государю и великому князю Василию Ивановичу¹⁾ всея Руси бывать челомъ и плачетца сирота твоя, государь, Петрунька Юрьевъ сынъ Калугинъ на Яковлеву семью Антипова на Анну Андрѣеву дочь въ такове дѣль, а діало, государь, нынѣшниго лѣта канунъ свят. мученикъ Флора и Лавра, въ вечеріе, въ четвергъ, приходила, государь, та Анна Яковleva семья своей начучи въ мое дворишко и лѣзла, государь, въ мое избенце и робишио мое дѣвицу по спинцѣ едва не перебила на смерть, покинула; а взала, государь, двѣ рубашки тонкихъ мужскихъ, да женскую съ оборомъ: рубахамъ цѣна восемь алтынъ, да въ рубахахъ, государь, въ рукахахъ были заверчены рубли серебряные: цѣна двѣ гривны; да сорвала, государь, съ ворота крестъ серебряный—шести денегъ; да взяла, государь, изъ-подъ шестка и выняла изъ лукопечка восемь гривенъ, а меня, государь, въ те поры и съ семьицкой дома не было; а робишио, государь, съ се побоинъ стало не уможна. И всѣго того, государь, моего живота взяла та Анна, съ женщинна учки Яковлевы, на сорокъ алтынъ, на два алтына и на двѣ деньги. Милостивый государь царь и великий князь Василий Ивановичъ всея Руси, смилосердуйся, дай, государь, судную управу на ту женщину сильную, чтобы, государь, сирота твоя въ конецъ не загибла, животца своего не застала хуже отъ робишина. Что ты, милостивый царь, укажешь. Царь государь, смилосердуйся пожалуй».

И послушавъ келарь Родионъ члобитную и спрошаль отвѣтчика Якунька Антипова: слышить ли члобитную и, вмѣсто жены своей Анницы, отвѣтаетъ ли противъ истца Петруньки Калугина, а та члобитная говорить на жену твою Анницу?—И отвѣтчикъ Якунька Антиповъ тако рече: господине келарю, слышать ту члобитную,—и виѣсто жены своей Анницы отвѣчаль, а въ отвѣтѣ сказалъ:

— Члобитная на жену мою Анницу покленаѧ. Брать мой Осипъ того Петруньку Калугина научаетъ на меня и на жену мою Анницу, потому хотять меня изъ моей деревни вонъ выжити и въ обчимъ животъ жеребью дать не хотять, а тотъ Петрунька Калугинъ живеть у него въ половинѣ, тѣмъ онъ, Петрунька, меня Якуньку и жену мою клеплетъ.

И келарь спрошаль истца Петруньку, чѣмъ онъ, истецъ Петрунька, въ тое въ свое мѣсто иску уличаетъ?

И истецъ Петрунька въ томъ своемъ иску Якуньку уличалъ крестомъ животворящимъ. А сказалъ—самъ крестъ цѣлую и ему вѣрю. И келарь спрошаль отвѣтчика Якуньку: самъ ли крестъ цѣловашъ или истцу Петруньку крестъ цѣловать вѣришъ?

И отвѣтчикъ Якунька вѣрилъ крестъ цѣловать истцу Петруньку. А сказалъ: умѣль онъ насть покленаѧ и онъ умѣй и крестъ цѣловать. И келарь спросилъ истца Петруньку: сверхъ крестнаго цѣлованія иная уличка

¹⁾ Василию Ивановичу Шуйскому.

у него въ томъ своемъ иску есть? И истрець Петрунья большии того рѣчи
ни чего не оказать. И келарь сиропашъ отвѣтчика Якуньки: есть у него
какіе рѣчи? И отвѣтчикъ Якунька токо рѣкъ: гостинице келарю, у меня иѣть
никакихъ рѣчей.

А у суда съ келаремъ были: казначай старець Иовъ, да соборной ста-
рель Феогностъ, да старець Серафимъ. И келарь всѣхъ розомыщику Осипу
истца Петрунью и отвѣтчика Якуньку дать на поруки доказасть дѣло вер-
шится. Записку писалъ въ монастырѣ монастырской діачень Иванець Ива-
новъ сына Устюжанинъ.

Дѣта въ 7118, октября 2-го дни, у креста стоя истрець Петруника Калу-
гинъ, да отвѣтчикъ Якунка Антиповъ въ своемъ дѣле помирилис предъ стар-
цемъ Дионисомъ і жена Якова подала въ чалобитную Петруника Калугина вину
въ сороки.... въ двое алтынъхъ и въ двое денгахъ. И отвѣтчикъ Якунинъ
стого иску пошлины и пересудные и діаче писчее внесъ въ монастырь,
снего все сполна взята. А на ишуры были Шалимовы слободки крестьяне
Петра Шавкуновъ, Андрей Дерягинъ, Феодор Старцевъ, Самал Маловъ, Пётръ
Дарюновъ, Харитонъ Тулчевъ, Жданъ Жужчинъ, Яковъ Теребихинъ, Таска Тереби-
хинъ. Записку писалъ Шалимовы слободки земской діаченъ Петрунинца
Леонасасъ сына Ярошуревъ.

Сообщ. А. Слатинъ.

МОСКВА ВЪ 1687—1688 ГГ.

[ПЕРЕВОДЪ СЪ Нѣмецкаго].

Его и—ству г. Якову Гастферу, королевскому сенатору,
генераль-лейтенанту и ливонскому генераль-губернатору, въ Ригѣ.

I.

23-го сентября 1687 г.

Высокоблагородный баронъ, королевский совѣтникъ, генераль-губерна-
торъ, милостивый государь. Милюстивое письмо вашего высокоблагороднаго
и—ства, отъ 8-го сего мѣсяца, я получиль 19-го числа сего же мѣсяца по
почтѣ, и узналъ изъ него, что в. и—ство его королевскимъ величествомъ,
нанимъ всемилостивѣйшимъ королемъ и государемъ, назначены генераль-
губернаторомъ Лифляндіи и смежныхъ провинцій, съ порученіемъ принять
отъ тамошнихъ жителей, именемъ его королевскаго величества, присягу на
верность. Затѣль в. и—ство милостиво изволили предложить мнѣ сообщать
вамъ обо всемъ здѣсь происходящемъ. Я не только желалъ поздравить
в. и—ство съ изъявленiemъ живѣйшей моей радости, но и илю Всевышняго,
чтобы онъ по благости своей преумножилъ свѣтлый разумъ в. и—ства, об-

легчиль вамъ перенести тяжкое бремя возможной на васъ обязанности и направилъ ваше издачение къ прославлению Бога, на отраду его королевскому величеству, на пользу отечству и къ вечной славѣ в. п—ству, а также къ приобрѣтенію милостей вашими ближними и родственниками. Что же касается до извѣщенія васъ о дѣяніяхъ событій, то я постараюсь одѣлать это по обязанности службы моей его королевскому величеству и въ угоду в. п—ству, по мѣрѣ возможности высыплю вамъ извѣстія обо всемъ здѣсь происходящемъ. Пребывая въ твердой уверенности, что это мій откроеть путь къ милостямъ, я довѣряю личныя мои выгоды помечено в. п—ству. Такъ какъ русскіе зорко сѣдѣть за корреспонденцію и письмами и самое завѣданіе почтою поручено русскому, то я буду отправлять письма къ в. п—ству въ конвертѣ на имя частнаго лица, въ Ригѣ, которое будетъ каждый разъ доставлять ихъ в. п—ству.

Послѣдняя новость та, что бывшій генералиссимусъ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, 4-го сего числа, незадо вечеромъ, прѣѣхалъ въ городъ, а на слѣдующій день цѣловать руки у обоихъ царей и царевны. Онъ все еще въ прежней части и стоитъ у корнила правленія; и въ тому же царевна Софья Алексѣевна, почти совсѣмъ завладѣвшая управлениемъ царства, сильно поддерживаетъ его. Всѣ того мнѣнія, что въ послѣдній походѣ погибло отъ 40 до 50 тысячъ человѣкъ. Всѣмъ офицерамъ и дворянамъ за ихъ службу роздали медали въ сомѣ въ $\frac{1}{2}$, $\frac{3}{4}$ и даже къ пѣый червонецъ. Послѣднія были розданы высшимъ чинамъ (образецъ такой медали вамъ посыпаю); другіе офицеры, смотря по заслугамъ, получили медали менѣшаго вѣса. На медаляхъ находится изображеніе двухъ царей и правительницы, и также начальные буквы ихъ имёнъ. Генераль-лейтенантъ Петру Гордону на сихъ дняхъ произведенъ въ генералы. Здѣсь всѣ озабочены изданіемъ за границею, на вѣмецкомъ и голландскомъ языкахъ, хвалебного описанія похода, въ которомъ будутъ изложены подробно причины безуспѣшнаго возврашенія многочисленнаго царскаго войска. Уже поговариваются о новыхъ налогахъ съ крестьянъ и изѣщанъ и о намѣреніи будущему раннею весною предпринять походъ въ Крымъ, при чемъ будетъ избранъ новый путь. Пѣхота отправится по Днѣпру на судахъ, а конница сузимъ путемъ. Князь Голицынъ, поговариваетъ, будто снять примѣтъ участіе въ этомъ походѣ. Третьего дня царь Иоаннъ и царевна-правительница, по ежегодному обыкновенію, отправились на богомоліе въ Троицкій монастырь, находящійся приблизительно въ 12-ти миляхъ разстоянія отсюда. Дней чрезъ десять ихъ ожидаютъ обратно. Царь, уже Петръ остался дома.

II.

18-го ноября 1687 г.

28-го минувшаго мѣсяца я адресовалъ къ в. п.—ству послѣднее письмо моє¹).

Здѣсь за вѣрное передаютъ, что старшій сынъ бывшаго гетмана, Ивана Самойловича, въ Сѣвскѣ пытанъ и затѣмъ казненъ за распространеніе не-умѣстныхъ рѣчей. Скоро ожидають польскаго резидента, который будетъ имѣть постоянное мѣстоопребываніе въ Москвѣ, а со стороны ихъ царскихъ величествъ будетъ отправленъ резидентъ къ польскому двору. Здѣсь говорять о постройкѣ на рѣкѣ Самарѣ крѣпости, въ которой будутъ расположены царскія войска, подъ предлогомъ препятствовать крымскимъ татарамъ производить набѣги на Україну. Большинство того мнѣнія, что сооруженіе крѣпости имѣть цѣлью держать въ повиновеніи казаковъ и отрѣзать вся-кія сношенія ихъ съ татарами. Говорять, что эта мѣра указана новымъ гетманомъ Мазепою и что казакамъ понравилась мирная жизнь, которую они испытывали, живя въ теченіи 20-ти лѣтъ по сю сторону Днѣпра; многіе изъ нихъ имели богатства, которыми желаютъ мирно пользоваться. Отно-сительно будущаго шохода пока еще не смысли ничего достовѣрнаго. Недѣли двѣ тому назадъ, вода въ Москвѣ рѣкѣ, вслѣдствіе большихъ снѣговъ и наступившей всѣдѣ затѣмъ оттепели съ дождями, такъ поднялась, что снесла четыре моста какъ въ самонѣ городѣ, такъ и въ его окрестностяхъ, черезъ что дворянѣ и мѣщане, торгующіе лѣсомъ, понесли вновь большой убытокъ, такъ какъ въ нынѣшнемъ году внезапнымъ повышеніемъ уровня воды въ Москвѣ рѣкѣ уже четвертый разъ сносились мосты. Здѣшніе старожилы не запоминаютъ, чтобы подобное несчастье повторялось несколько разъ сряду въ одиномъ и томъ же году.

III.

16-го декабря 1687 г.

18-го истекшаго мѣсяца я отправилъ къ в. п.—ству мое послѣднее письмо. Слухъ, будто старшій сынъ бывшаго гетмана Ивана Самойловича былъ пытанъ въ Сѣвскѣ и затѣмъ 1-го ноября казненъ — подтверждается. Рассказываютъ, что отецъ и младший братъ его будуть сосланы въ Пусто-озерскъ. Изъ оставшагося послѣ ихъ имущества одна половина отбирается въ царскую казну, а другая половина будетъ отдана новому гетману, о чёмъ уже сдѣлано распоряженіе.

Недѣли двѣ тому назадъ, казаки опять прислали сюда двухъ пѣшихъ татаръ, которые будто бы заявили, что татары намѣреваются еще нынѣшнюю зимою сдѣлать набѣгъ на русскую границу, и здѣсь одни уже поговариваютъ, что татары подошли къ городу Торь и оттуда сдѣлали на-

¹) Этого письма нѣть.

бѣгъ, а другіе утверждаютъ, будто городъ этотъ или вырѣзанъ, причемъ погибло 17 тысячъ человѣкъ убитыми и пленными. Дальнѣйшихъ объ этомъ свѣдѣній надо обождать. Для три тому назадъ, семи пѣхотнымъ полковникамъ приказано отправиться въ Украину и оставаться съ ихъ полками на крымскихъ границахъ русскихъ владѣній. Бѣлгородскому и Сѣвскому ополченію также приказано быть готовыми къ походу. Боярину Борису Петровичу Шереметеву, бывшему посланнику при римскомъ императорѣ, приказано отправиться въ Сѣвскъ и принять начальство какъ надъ тамошнимъ войскомъ, такъ и надъ всею мѣстностью; завтра онъ отправляется къ мѣсту своего назначенія.

Князь Петръ Семеновичъ Прозоровскій на прошедшой недѣлѣ отправился воеводою въ Новгородъ, на смѣну Петра Васильевича Шереметева; 10-го этого мѣсяца польскій резидентъ былъ встрѣченъ здѣсь въ качествѣ посланника; сегодня или завтра онъ будетъ допущенъ къ аудиенціи, послѣ чего уже сдѣлается извѣстнымъ—будетъ ли онъ имѣть здѣсь постоянное мѣсто пребываніе. Теперь царя Петра стали ближе знать, такъ какъ первый министръ, князь Голицынъ, обязанъ нынѣ докладывать его царскому величеству о всѣхъ важныхъ дѣлахъ, что прежде не дѣгалось; говорятъ, что въ теченіе наступающаго января мѣсяца его царское величество вступить въ бракъ.

IV.

2-го февраля 1688 г.

5-го истекшаго мѣсяца послано было мною письмо къ вашему сіятельству¹⁾. Послѣ того не происходило ничего замѣчательнаго; теперь же могу сообщить слѣдующее: 28-го прошедшаго мѣсяца здѣсь официально объявлено генералитету о предстоящемъ походѣ въ Крымъ, и указаны тѣ, которые на будущее ѹто поведутъ войска. На первомъ мѣстѣ бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ и съ нимъ товарищъ его бояринъ Иванъ Федоровичъ Волынскій, также окольничій Бенедиктъ Андреевичъ Зимѣевъ и думный дьякъ Емельянъ; они поведутъ главную, или такъ называемую, Московскую рать; за ними слѣдуетъ бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ, съ товарищемъ княземъ Федоромъ Юрьевичемъ Барятинскимъ; они поведутъ Новгородскую рать. Рязанскую рать поведеть князь Владиimirъ Дмитріевичъ Долгорукій; Сѣвскую рать—окольничій Леонтій Романовичъ Неплюевъ и думный дворянинъ Григорій Ивановичъ Косаговъ. Рать изъ казакцевъ и астраханцевъ поведеть окольничій Иванъ Юрьевичъ Леонтьевъ. Всѣмъ назначеннымъ войскомъ будетъ начальствовать князь Василій Васильевичъ Голицынъ, въ качествѣ генералиссимуса; при этомъ дано приказаніе,

¹⁾ Письмо это утеряно.

подъ страхомъ смертной казни, чтобы вся казенная войска въ начаѣ и половицѣ, а послѣдняя рать въ концѣ февраля, собрались къ сборному пункту въ Украинѣ, въ Сумахъ, Обоянѣ и Рыльскѣ. На этой недѣлѣ приказано было главамъ начальниковъѣхать впередь, чтобы собрать своеенное въ прошедшемъ году въ украинскихъ городахъ оружіе, привезти его тѣмъ иерархѣ и раздать войскамъ. Патріархъ, приглашенній для совѣщанія по поводу предстоящаго похода, предложилъ прежде всего попытаться завладѣть Азовомъ и уволить всѣхъ иностранныхъ офицеровъ, не принадлежащихъ къ греческой церкви, и чтобы народу и войску имѣть единую церковь и единую вѣру. На это ему отвѣчали, что большая часть военныхъ сѣдѣній приобрѣтается отъ иностранцевъ, что и прежніе цари находили необходиимъ нанять ихъ на службу, и потому вѣрь въ впередѣ оставаться на службѣ. Третьаго дня, въ ясную лунную ночь, здѣсь было замѣчено на небѣ явленіе: пять огненныхъ столбовъ, изъ коихъ четыре иѣхали направлениe къ сѣверу, а одинъ къ югу, подвигались другъ къ другу и сталкивались съ такою силой, что видны были искры. Три изъ сѣверныхъ столбовъ, казалось, были сдвинуты южнымъ столбомъ; наконецъ, оставшійся послѣдній сѣверный столбъ одолѣлъ большой южный; а черезъ два часа все явленіе исчезло.

V.

10-го февраля 1688 г. ¹⁾).

27-го истекшаго мѣсяца было послано въ прѣстѣву мое послѣднєе письмо ²⁾). Съ сегодняшнею почтою должно отправиться въ Новгородъ въ тамошнему воеводѣ царское посланіе, адресованное его королевскому величеству; содержаніе этого посланія состоитъ въ томъ, чтобы его королевское величество въ письмахъ и сношеніяхъ съ его царскими величествами впереди употреблять титулъ: пресвѣтѣйшаго и вседержавнѣйшаго, и чтобы обѣ этомъ было дано знать всѣмъ начальствующимъ на границѣ линіи. Это прибавленіе къ царскому титулу стали употреблять со временемъ заключенія послѣдн资料 вѣчнаго мира съ Польшию, и такъ какъ кордийскимъ иронію положено какъ каждому государю титуловаться, то здѣсь предполагаютъ, что титулъ этотъ не будетъ оспариваться... Сегодня или завтра отправится, по приказанію царя, въ воеводѣ Псковскому дьякъ посольского приказа Алексѣй Васильевъ (тотъ самый, который два года передѣ снѣзъ прѣизмѣлъ къ его королевскому величеству въ качествѣ чрезвычайного посла). Изъ Пскова онъ съ письмомъ отправится къ ревельскому начальству по поводу нового освященія русской церкви въ Ревель; съ этою цѣлью

¹⁾ Получено въ Перновѣ, 25-го февраля 1688 г.²⁾ Письма этого нѣть.

и вѣсть съ нимъ отпрыгнется священникъ съ иконами и, сколько мнѣ извѣстно, онь между прочими будеть жаловаться на постройку близъ церкви конюшни и потребуетъ списсения ея. Его царское величество царь Петръ приложно несѣщаетъ думу и, какъ говорять, недавно ночью секретно разсматривалъ всѣ приказы. Дней восемь тому назадъ ночью были найдены наклеенными къ воротамъ записки съ угрозовою противъ лицъ, стоящихъ у корнила правления. Дай-то Богъ, чтобы все сошло благополучно.

Казаки приехали сего дня пленного изъ крѣпости Кизинкермена, который рассказываютъ, будто новый турецкій султанъ послалъ изъ крымскому хану, чтобы ень поддерживался отъ всякихъ непріязненныхъ противъ русского царя дѣйствий, за исключеніемъ того случая, если на него самого будеть произведено нападеніе, и чтобы по возможности защищался. Виромѣнь, здѣсь все пока тихо и о вторженіи татаръ ничего не слышно. Р. С. Голландскій резидентъ баронъ фонъ-Беллеръ получила отъ своего правительства письмо съ жалобою на посланика его царскаго величества въ Гаагѣ.

VI.

6-го апрѣля 1688 г.¹⁾.

Письмо вашего сіятельства отъ 15-го прошедшаго мѣсяца я получилъ 27-го числа того же мѣсяца, и узналъ изъ него между прочими весьма радостную вѣсть, что его королевское величество, нашъ всемилостивѣшій король и государь, возвѣль вѣсль, по великимъ заслугамъ и способностямъ вашимъ, въ графское достоинство; спѣшу принести вашему графскому п—ству никакое и должное поздравление; мою Всевышнюю, чтобы такое заслуженное возвышеніе послужило къ благу и процвѣтанію вашего дома; присовокупляю при этомъ просьбу, чтобы ваше сіятельство какъ до сихъ поръ были, такъ и впредь остались бы моимъ милостивымъ нопровителемъ. При семъ донопшу, что, по полученіи вашего письма, я содер-жашуюся въ оконъ принеску тотчасъ сообщиль первому министру, кнзю Голлину, который видно было обрадованъ и хотѣть оставить его у себѣ; но какъ я неохотно разставался съ нимъ, то вѣльше перевести его и вчера возвратилъ мнѣ его обратно, причемъ вновь повторилъ, что все обстоитъ хорошо и чтобы ваше сіятельство продолжали радѣть о дѣлахъ. Виромѣнь, до сихъ поръ въ общественныхъ дѣлахъ все тихо и не замѣтно ни малѣшаго движенія, исключая развѣ того, что русскіе, какъ и уже упомянуло въ моемъ послѣднемъ письмѣ²⁾, намѣреваются выстроить двѣ крѣпости на Самарѣ (кѣкоторые упоминаютъ лишь объ одной крѣпости).

¹⁾ Получено въ Ригѣ, 19-го апрѣля 1688 г.²⁾ Письмо это утрачено.

Самое правительство находится *in statu quo ante*, и потому известие изъ Польши о произошедшей переворотѣ правительства есть пустой вымыселъ. Если бы что произошло, то я по обязанности не преминулъ бы тотчасъ уведомить о томъ въ п—ствѣ. Тамже покорнейше благодарю за новости, которые вы удостоили мнѣ сообщить касательно Швеціи и другихъ замѣлъ. Весьма благородушие, что ваше графское п—ство ничего не предпринимаете относительно царскаго титула, не испросивъ икто разрѣшенія его королевскаго величества, и я, до полученія икою особаго приказанія по саму предмету, придерживаться буду того же самаго; мене уже здѣсь разспрашивали по этому поводу; вѣрою, не шегну не упомянуть, что нѣсколько дней тому назадъ приходили ко мнѣ три брата князя Якова Долгорукова, что лыжъ посланикомъ во Франціи и Испаніи, и говорили мнѣ, что братъ ихъ на возвращеніи пути, вѣрою, направится черезъ Ригу, Ревель и Нарву. При этомъ они обратились ко мнѣ съ просьбою написать къ вашему графскому п—ству и покорнейше просить васъ отъ изъ и моего имени, чтобы вы, если братъ ихъ прѣдѣтъ въ означенные вѣста, оказали имъ высокочтимыи или дружбу и одолженіе, сдѣлавъ распоряженіе иь безпрепятственному продолженію его пути. Въ этомъ прому васъ не отказать мнѣ, какъ благовоспитаннымъ и однѣмъ изъ лучшихъ здѣсь людей и оказавшимъ дружбу г. Спарвенфельду и другимъ шведскимъ подданнымъ, здѣсь проживавшимъ.

Прому ваше сіятельное п—ство о благосклонномъ исполненіи моей просьбы относительно оказанія посланику князю Долгорукову всякихъ рода содѣйствія и вниманія по прѣѣздѣ его въ означенные города; онъ и братья его съ призательностью примутъ подобную услугу и всѣ будуть разглашать обѣ оказаніемъ ему шведами вниманія.

VII.

11-го мая 1688 г. ^{1).}

Послѣднее всеніжайшее письмо было отправлено мною къ вашей свѣтлости, высокографскому п—ству 4-го сего иѣсяца ²⁾). Сего дняшнімъ же письмомъ я почтительнѣше доношу, что въ началѣ будущей недѣли выѣзжасть упомянутый мною въ предыдущемъ письмѣ фонъ-Беллерманъ, нарочно отправленный къ его королевскому величеству; какъ слышно, онъ везетъ два письма къ его королевскому величеству; въ однѣмъ письмѣ испрашивается согласіе его королевскаго величества на испрашиваемый его царскимъ величествомъ титулъ преевѣтѣйшаго; другимъ письмомъ Беллерманъ уполномоченъ получить помалованный покойному Бюхлингу послѣ послѣдней войны деньги.

¹⁾ Получено въ Ригѣ, 30-го мая 1688 г.²⁾ Письмо это утрачено.

Относительно донскихъ казаковъ, поговариваютъ, будто они восстали. Причиною этого бунта жестокое и несправедливое обращеніе съ некоторыми казаками, прѣѣзжими сюда съ Дона съ цѣлью выпросить у правительства некоторое пособіе по случаю ихъ крайнаго разоренія отъ сильныхъ помѣръ; но, вместо выдачи пособія, первый министръ и другіе сановники обеспѣлись съ ними сурево, обозвали ихъ измѣниками, и тогда же некоторые казаки были пытаны; это заѣбило донцовъ. Другое находить истинную причину возмущенія въ томъ обстоятельствѣ, что донцы не соглашаются на новомѣднія въ первомъ службѣ, и пророчать изъ этой мокры велическое покараше. Вчера пятро изъ пытанныхъ по настоящее время казаковъ казнены. Вырочемъ сильно поговариваютъ, что его царское величество думаетъ заломъ собрать большее войско, чтобы будущую весною, съ первою тревою, прѣѣсти ешо въ Крымъ къ Переялову. Въ этихъ видахъ счищать востройкою крѣпости на Самарѣ, чтобы ее сдѣлать складочнымъ мѣстомъ для войска на время этого похода.

На дняхъ я бывъ у первого министра, князя Голицына, и читалъ ему, по желанію графа Шереметя, записку относительно бревенъ; онъ былъ очень вѣдимъ и ласковъ и обѣщалъ дать благонрѣпный отвѣтъ; онъ отзывался также хорошо о правлѣніи его Переяловскаго величества. При этомъ слушая я узрѣлъ, что онъ весьма доволенъ хорошими пріемомъ, сдѣланными его Переяловскими величествомъ Борису Михайлову, и вездѣ относится съ похвалою обѣ очищеніи мѣстности вокругъ русской церкви въ Ревельѣ; затѣмъ онъ изъявилъ готовность оказывать самое дружеское вниманіе шведской коронѣ, и что онъ всегда все касающееся до Швеціи представляется къ царскому величеству съ самой хорошей стороны. Кажется, что любимицы и сторонники царя Петра отынѣ тоже примутъ участіе въ управлѣніи государствомъ; нѣсколько дней тому назадъ, братъ матери его, Левъ Бирюзовъ Нарышкинъ, пожалованъ въ бояре. Въ дѣлахъ правительственныхъ все пока тихо. Оба царя проводятъ большую часть времени за го-
родомъ, въ нотѣахъ, въ своихъ лѣтнихъ дворцахъ.

VIII.

1-го іюня 1688 г.¹⁾.

Милостивое письмо вашего высокоблагороднаго прѣства отъ 16-го прошлого мѣсяца я получилъ 28-го того же мѣсяца и все, что въ немъ относилось до отправленнаго отсюда къ шведскому правительству Іоанна фонъ-Келлермана, я докладывалъ первому министру Голицыну, который былъ очень доволенъ, что ясно выражалось какъ на его лицѣ, такъ и въ словахъ его, при чёмъ онъ еще разъ повторилъ обѣщаніе оказывать полное расположение шведскому правительству и его подданнымъ. Помянутый фонъ-

¹⁾ Получено въ Ригѣ, 20-го іюня 1688 г.

Баллерманъ отправился отсюда 18-го мая утромъ и надо полагать, что путешествие его, выѣхъ со свитою, начинавъ отъ Пскова, будетъ своевременно сообщено земскому начальнику Таубену, который долженъ его встрѣтить и направить въ дальнѣйшій путь. 27-го апрѣля и выслалъ просимыи ванн 24 жемчуга на имя Иоанна Магнуса Гольста.

Такъ какъ въ послѣднемъ письмѣ вашемъ вы ничего не упоминаете о нихъ, то я начинаю беспокойиться относительно полученія вашимъ сіятельствомъ посылки, и желалъ бы очень быть на этотъ счетъ поставленъ въ извѣстность. Новаго здѣсь ничего нѣть, развѣ только, что польскій резидентъ имѣеть отъ своего короля порученіе протестовать противъ здѣшняго бездѣйствія относительно Крыма, вопреки послѣдняго мирнаго трактата, отчего поляки терпятъ много отъ татаръ, и дать замѣтить, что татары стараются склонить польское правительство къ тому, чтобы соединенными силами напасть на Россію. Относительно сообщеннаго мною въ послѣднемъ письмѣ мятежа донскихъ казаковъ, изъ коихъ иѣкоторые казнены, а другіе находятся въ опалѣ, здѣсь говорять, что они ничего не предпримутъ, потому что имъ выданы тѣ, которыхъ у нихъ требовали цари. На-днѣхъ распространился здѣсь слухъ, будто ханъ лично поднялся со всемъ ордомъ, чтобы преиятствовать постройкѣ крѣпости на Самарѣ; однако этотъ слухъ опять умолкъ. Здѣсь въ короткое время въ разныхъ мѣстахъ были сильные пожары: разъ, около Покровскихъ воротъ, въ Басманной, въ про-долженіе двухъ часовъ горѣло 280 домовъ; другой разъ—въ Срѣтенской улицѣ, при чемъ сгорѣло 20 домовъ.

Пребываю на вѣки вашего высокоблагороднаго п—ства покорный слуга

Христофъ фонъ-Бохенъ.

Примѣчаніе. Христофоръ Кохенъ былъ шведскимъ посланникомъ при московскомъ дворѣ. Въ апрѣлѣ 1686 г. онъ присланъ въ государственный по-сольскій приказъ, на имя Иоанна и Петра Алексѣевичей, просительное письмо, съ приложеніемъ долговой расписи, въ коемъ онъ объясняетъ, что король швед-скій присланъ его въ Россію для ходатайствованія за шведскихъ подданныхъ во вскихъ случаяхъ; на сѣмъ основаніи онъ просить, «дабы для взаимной про-должающейся между царскими и королевскими величествами дружбы указали доправить долги по кабаламъ, и по письменнымъ крѣпостямъ, и по суднымъ вѣршеннымъ дѣламъ московского государства разныхъ чиновъ на людахъ». Свѣ-дѣнія эти взяты изъ приказныхъ дѣлъ 1686 г.

Сообщ. Е. А. Висковатовъ.

Царевна Софія Алексеевна.

ЗАМѢТКА. 1

Въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ г. Еаргополя (Олон. губ.) хранится замѣчательная рѣдкость—евангеліе, написанное рукою царевны Софіи. Письмо необыкновенно четко и изящно; изображенія евангелистовъ сдѣланы отъ руки съ изумительнымъ искусствомъ, равно какъ и виньетки, и заглавные буквы. Въ концѣ подпись рукою царевны, прописью; евангеліе же писано уставомъ. Подпись царевны:

The handwritten signature is written in a fluid, cursive script. It consists of several large, flowing letters: 'Софія' (Sofiya) on the top left, 'Преображенська' (Preobrazhenskaya) in the center, and 'Царевна' (Tsarevna) on the bottom right. The signature is written in black ink on a white background.

Въ началѣ евангелія идетъ нѣсколько предварительныхъ свѣдѣній о евангеліяхъ: «1. Вѣдомо буди, яко четыре суть евангелія, и ниже множе сихъ, ниже умаленіе»; здѣсь же изложено и значеніе символическихъ изображеній при апостолахъ. 2. «Сказаніе пріемлющее всего лѣта число евангельское, и евангelistомъ пріятіе, откуда начинаютъ и додѣ стають. 3. Обращеніе къ Спасителю: «Господи Іисусе Христе, Сыне единородный безизачальна Ти Отца, рекій пречистыми Ти усти, яко безъ мене не можете творити ничтоже. Господи мой Господи, вѣрою обоемъ, въ души мої и сердцы тобою, реченая. Припадай твоей благости. Помози ми грѣшному. Сіе желанное мною наченіе о Тебѣ Самомъ и наверстати» и пр. 4. Оглавленіе. 5. «Фесецилакта архіепископа болгарскаго предисловіе, еже отъ Матея св.-го евангелія». Предисловіе есть къ каждому евангелію, а въ концѣ указаніе зачаль и времени чтенія евангелій.

Вся книга сохранилась очень хорошо, но при мнѣ уже не было

(въ 1872 г.) изображения еванг. Иоанна, что весьма жаль, такъ какъ эти изображения составляютъ замѣчательные памятники старого искусства чертить отъ руки. Въ начертаніи буквы письма *у* чисто латинское (U), а въ сокращеніи имѣть такой видъ V; и пишется II; есть пропуски въ текстѣ, они выписаны на поляхъ. Переплетъ евангелія бархатный консервир., а серебряная наличія на передней доскѣ, подложенныя деревомъ, стали прорываться.

Сообщ. С. Мироновъ-Свѣтловъ.

I.

Императрица Екатерина II.

1763 г.

Городу Кіеву быть по силѣ имъ даннымъ грамматамъ съ тѣмъ прибавлениемъ, чтобъ имъ вольно было производить аппеляціи къ генералъ-губернатору или въ Сенатъ, а оному Генералъ-губернатору смотрѣть и пресечь всѣ непорядки, какъ неуказанныя поселенія казаковъ, такъ и неизысканныя всякия продажи, а естыли доходы съ того города Гетманъ по сю пору имѣть, то тѣ ему на его персонѣ по смерть оставляются, и въ такой силѣ Сенатъ имѣть заготовить къ нашему подписанию какъ къ нимъ, такъ и къ Гетману грамоты и указы.

II.

Собственноручная записка Императрицы Екатерины II о проектѣ шести крѣпостей.

Выѣсто четырехъ въ проjemкѣ представленныхъ крѣпостей отдается на разсмотрѣніе генерала-фельдцейхмейстера: не лучше ли будетъ построить шесть, а именно, при устьѣ Самары одну, при устьѣ реки Нижней Ямы другую, въ вершинахъ реки Торы третью, въ Бахмутѣ четвертую, въ устьѣ реки Нижнаго Клини пятую, въ устьѣ реки Лугани шестую, съ водяными, гдѣ можно рвами и передъ ними волчьими ямами?

Помѣта. Эта записка получена 11-го июня 1764 года обще съ конфиrmованнѣемъ докладомъ о Новой Россіи.

III.

Собственноручная замѣтка Екатерины II о расходахъ по Коллегіи иностранныхъ Дѣлъ и о чиновникахъ, служащихъ въ ней.

1) Мое мнѣніе есть, чтобы иностранной коллегіи опредѣлить сумму такъ, какъ и другимъ двумъ государственнымъ коллегіямъ дано, въ коей они по своимъ особеннымъ штатамъ и оборачиваются, а именно, дать ей ежегодно девять сотъ тысяч рублей, по триста тысячъ въ третью, и послѣ того уже штатъ конторъ до той коллегіи, а коллегіи до штатъ-конторы дѣла нѣть.

2) Коллегіи сказать, чтобы она изъ оныхъ на коллегію и ея членовъ и служителей употребила ежегодно не выше какъ теперь она полагаетъ, не полагая числа людей, ибо иногда изъ десяти наслуу одного къ тѣмъ дѣламъ способного найти можно.

3) Изъ за симъ остаточной суммы надлежитъ коллегіи сдѣлать двѣ части: изъ одной имѣеть содержать министровъ и канцелярійскихъ служителей при дворахъ, смотря на состоянія дѣла, а что за симъ останется, то будеть называться на экстраординарные расходы, какъ то: подарки, перѣѣзды, экипажи и пр. и пр. и пр.

4) Почтовые доходы и расходы, также субсидійные, когда есть, или будуть, коллегіи оставить; на сіи послѣдніе окромъ именныхъ указовъ не издержать.

IV.

Замѣтка Екатерины II по поводу іезуитовъ.

Что представление іезуитовъ пріемляется за благо и что пока по желанію ихъ совершился, о чемъ мало вѣдется сумнительства, повелѣваю имъ начать строеніе новиціата.

Примѣчаніе. Собственноручная черновая записка императрицы Екатерины II о строеніи для іезуитовъ въ Бѣлоруссіи новиціата. Приказъ императрицы графу Захару Григорьевичу Чернышеву данъ 16-го февраля 1777 г. Сиб. Записка императрицы дана всгѣдстїе письма Полоцкаго іезуитскаго провинціала Черневича объ учрежденіи въ Бѣлоруссіи ихъ ордена новиціата.

V.

Донесение графа Петра Румянцева съ собственноручною припискою Екатерины II о движениихъ Оттоманской Порты.

17-го октября 1768 г.

Всемилостивѣйшая Государыня! Отъ дня въ день получаемыя извѣстія о движенихъ Оттоманской Порты примицанію моему не оставляютъ сомнія, чтобы омы не въ тому приготовлялись, дабы въ Польшѣ воспрепятствовать успѣхамъ оружія В. Имп. Велич., или сдѣлать каковы покушенія на здѣшнія границы державы вашего величества.

Послѣднее увѣдомленіе, что ишь сообщено отъ Киевскаго генералъ-губернатора Воейкова изъ письма къ нему пребывающаго въ Константинополѣ Вашего Имп. Велич. тайного советника Обрѣскова, прямо уже гласить, что собраніе на границахъ многочисленныхъ татарскихъ и другихъ войскъ, запасеніе магазейновъ и распоряженія при самомъ султанскомъ дворѣ являются видъ намѣреваемой противъ областей Вашего Имп. Велич. непремѣнной войны.

Обстоятельства сіи, понудивъ меня къ восприятію мѣръ предосторожности, въ сихъ случаяхъ потребной въ соотвѣтствіе званію, которое ношу въ пограничной сторонѣ ввѣренной своею безопасностію моему предохраненію по волѣ вашего Имп. Велич., заставили потому иѣсколько теперь въ сихъ мѣстахъ прибавить магазейновъ, надѣя штатное провіантскаго департамента положеніе; въ разсужденіи что ежели бы высочайшее созволеніе Вашего Импер. Велич. воспослѣдовало противный намѣренія, о коихъ совершиеніе, конечно, созволите знать, опровергнуть силу оружія, то бы посредствомъ сего тогда можно было вездѣ одержать верхъ, не имѣши нигдѣ нужды въ содержаніи войскъ.

Всемилостивѣйшая Государыня! Я послѣдняго сего учрежденія не могъ не доложить Вашему Импер. Велич., которое осмыслился собою учинить по одному моему ревностному усердію, пожертвованному навсегда службѣ и соблюденію высочайшихъ интересовъ Вашего Император. Велич., съ коимъ и при всеглубочайшемъ благоговії именемъ счастіе повергнуть себя къ освященнымъ стопамъ. Всеподданѣйший рабъ графъ Румянцовъ

Г. Глуховъ.

Резолюція Екатерины II: Написать письмо въ отвѣтъ, что я апроверю его распоряженія о заготовленіи, въ сей письмѣ означенномъ, провіанта и что, впрочемъ, ссылаясь на новыя распоряженія военной коллегіи. А сие письмо отправить съ завтрашникомъ курьеромъ военной коллегіи.

Посвящение графу Николаю Петровичу Румянцеву.

Среди твоихъ трудовъ отечеству полезныхъ,
Румянцевъ, часто ты, отдохновенъ въ часъ,
Склоняся подъ сѣнѣ Россіи музъ любезныхъ,
Внимаешь и моей усердной музы гласъ,
Которая, съ трубой исась на полѣ боевъ,
Гремитъ хвалу дѣламъ полночныхъ странъ героевъ;
Или являетъ вдругъ въ присутствіи судей,
Смѣясь буйства и доброты и гибель злыхъ царей!

Смягча грубость чувствъ и дѣйствия сердцами,
Всѣхъ учить бѣгать зла и брань вести съ страстями.
Блаженъ, когда бы я, стремясь по сямъ путамъ,
Могъ пользу принести отечества сынаамъ!
Пріими сей слабый трудъ, гдѣ имя Ираклида
Напоминаетъ намъ Россійскаго Алкіда,
Что къ пагубѣ враговъ, ко славѣ нашихъ странъ,
Въ единый день рѣшилъ судьбину оттоманъ!

Всѣмъ памятенъ Кагулъ, съ восторгомъ воспѣваемъ,
Бесмертье нашего Алкіда за Дунаемъ.
При звучности побѣдъ внималъ онъ пѣснямъ музъ,
И тѣсный самъ имѣлъ съ науками союзъ.
Науки любишь ты, твоя къ Россіи ревность,
Чтобъ лучше знать Славянъ, въ глубоку смотрить древность,

И то, что отъ очей скрыто тьмой вѣковъ,
Въ сіянья показать вселенной ты готовъ!
Люби науки, Графъ, до дней твоихъ заката,
Благословить всегда потомство Мецената.

А. Г.

Примѣчаніе. Стихотвореніе, посвященное графу Николаю Петровичу Румянцеву, сыну знаменитаго побѣдителя турокъ при Кагулѣ, фельдмаршала гр. П. А. Румянцева, случайно попалось мнѣ между бумагами гр. Румянцева; авторъ посланія мнѣ неизвѣстенъ.

Сообщ. И. Андреевскій.

Народные толки о Цесаревиче Константине Павловиче

1836 г.

I.

Въ іюнѣ 1836 г. на Аккерманскомъ базарѣ встрѣтились фельдшеръ Волынского пѣхотнаго полка Матвѣй Ивановичъ Сидниковъ, священникъ селенія Ремяники Константина Вронскаго и пономарь церкви того же селенія Опецкаго, на сестрѣ котораго была женатъ Сидниковъ.

Завязавъ шурина и Вронского къ себѣ, Сидниковъ угостилъ ихъ обѣдомъ, во время котораго, между прочими новостями, сообщилъ, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ не умеръ, а находится въ живыхъ. Послѣ обѣда, пригласивъ осмотрѣть лазаретъ, гостепріимный хозяинъ продолжалъ свой разсказъ и объяснилъ, что цесаревичъ живеть во Франціи, откуда придется войною на Россію съ французами и другими войсками, сухимъ путемъ и моремъ, и будетъ требовать царства отъ императора Николая Павловича, потому что войска и народъ прежде присягали ему на вѣрность. «Мы для нихъ трудились, а здѣшнія войска согласны, въ случаѣ, перейти къ противной армії. Каждому солдату цесаревичъ обѣщалъ дать по два рубля въ день залованья, а народу даровать вольность и освобожденіе отъ податей. Поляки тоже согласны восстать съ французами, для востановленія Царства Польскаго, и изъ нихъ много находится войскъ во Франціи. Поэтому русские приготовляются къ защитѣ и вооружаютъ крѣпости».

Возвратясь домой подъ впечатлѣніемъ этого разсказа, священникъ Вронскій обратился къ управляющему арендатора имѣній графа Каширина, губернскому секретарю Попову, съ вопросомъ: не слыхалъ ли онъ, что покойный цесаревичъ живъ? Поповъ отвѣчалъ отрицательно, но, по всей вѣроятности, вопросъ этотъ возвбудилъ его любопытство и, по пріѣздѣ въ Аккерманъ, онъ или сталъ спрашивать на сколько справедливы слова священника, или же просто повторять ихъ безъ всякой повѣрии. Какъ бы то ни было, слухи обѣ этихъ разговорахъ дошли до бессарабскаго губернатора Павла Ивановича Федорова и, какъ водится, дошли въ преувеличенномъ видѣ.

«Въ Аккерманѣ,—писалъ Федоровъ назначеннай имъ сѣдѣственной по этому дѣлу комиссіи,—съ некотораго времени пронеслись слухи, заслуживающіе вниманія правительства; они заключаются въ томъ: 1) что будто бы на Россію нападутъ войска французскія сухимъ путемъ и англійскія—моремъ, для востановленія Царства Польскаго; 2) что въ составѣ сихъ войскъ находится 60,000 поляковъ; 3) что въ ожиданіи нашествія непріятеля, приверженцы Польши заключали пушки въ Измаилѣ и Байлѣ; 4) что фельдмаршаль князь

Варшавскій выѣхалъ за границу; 5) что поляки на Волыни и Подолії, дѣйствуя черезъ жидовъ, приготовили до 50,000 ведеръ водки, растрѣленной ядомъ, для отравленія русской арміи, и 6) что покойный цесаревичъ Константинъ Павловичъ не умеръ, но находится за границею; что онъ скоро появится и обѣщалъ пижнимъ воинскимъ чинамъ по два рубля въ день жалованья, а народу—освобожденіе отъ податныхъ сборовъ. Нелѣпые толки должны быть разглашаемы нижѣмъ другимъ, какъ злонамѣренными людьми, съ преступною цѣлью поселять мысли сіи въ людяхъ низшаго класса, всегда способныхъ вѣрить всему несбыточному.

«Какъ таковая разгласка вредныхъ вымысловъ влечеть за собою не- приятныя послѣдствія и вообще противна общему порядку, который обязываетъ преслѣдовывать злонамѣренныхъ людей и предавать ихъ суду, то, признавая необходимымъ дать дѣлу сему законный ходъ, предлагаю вами произвести о семъ строжайшее, безъ огласки, изслѣдованіе, не упуская ничего и никого изъ вида, словомъ—дѣйствуя неусыпно, открыть источники, изъ коего происходили эти толки, а вмѣстѣ съ тѣмъ внимательно наблюдать не существуетъ ли въ Аккерманѣ какого либо общества поляковъ, обративъ въ особенности вниманіе на поляковъ, постоянно тамъ живущихъ и временно пребывающихъ, какъ гражданскаго, равно и воинскаго вѣдомствъ, и, во всякомъ случаѣ, дѣйствовать секретно».

II.

Злонамѣренный человѣкъ М. И. Сидниковъ происходилъ,—какъ онъ выразился,—отъ родителя малороссійской націи. Съ 1822 по 1828 г. онъ воспитывался въ херсонскомъ сиротскомъ отдѣленіи военныхъ кантонистовъ, гдѣ «изученъ» только россійской грамотѣ, а потомъ былъ избранъ въ фельдшеры и отправленъ въ киевскій госпиталь, гдѣ обучался латинскому языку. Въ 1829 году произведенъ въ младшіе фельдшеры и отправленъ въ одесскій госпиталь, а потомъ въ Турцію. По окончаніи войны определенъ въ канцелярію дивизіоннаго штабъ-доктора и ѻздилъ съ послѣднимъ въ Каменецъ-Подольскъ и въ Царство Польское. Въ 1833 году отправленъ былъ съ полкомъ въ Константинополь и затѣмъ квартировалъ въ Валахіи и Бессарабіи. Въ штрафахъ и «наказаніяхъ» ни за что не былъ.

Призванный въ слѣдственную комиссию, онъ рассказалъ, что, въ бытность его въ Бендерахъ, слыхалъ отъ фельдшера Руденко, что будто бы покойный цесаревичъ Константинъ Павловичъ не умеръ, а находится въ живыхъ, но словамъ этимъ онъ никогда не вѣрилъ. О томъ же, что цесаревичъ живеть во Франціи и вскорѣ придетъ войною на Россію съ французскими и другими войсками, слыхалъ въ Бендерахъ же отъ лежавшаго въ

лазереть писаря Спириданова, который говорилъ еще, что будто бы приготовлять уже на цесарскихъ границахъ двадцать подвижныхъ госпиталей и требовать для нихъ инвалидныхъ подвижныхъ роты. Сверхъ того, Спиридановъ уверялъ, что война непремѣнно будетъ съ французами. О пребываніи цесаревича во Франції говорила въ аккерманской лазереть рядовой Боровѣцкій и другие, толковавшіе и про то, что будто бы главнокомандующаго князя Варшавскаго не вѣрно упоминать въ памятныхъ пунктикахъ и что лагерей не будетъ, потому что войска собираются въ походъ для войны. Всѣ эти слухи, сколько онь могъ запѣтить, преимущественно разглашались между нижними чинами изъ уроженцевъ польскихъ губерній, служившими въ бывшей польской арміи подъ командою покойнаго цесаревича. Съ мѣсяца не тому назадъ, слыхалъ на базарѣ, какъ одинъ неизвѣстный ему болгаринъ говорилъ о томъ же женщинѣ, торгующей мелочными вещами, добавляя, что въ недальнемъ разстояніи отъ Измаильской крѣпости воспрещено жителемъ пахать землю и сѣять хлѣбъ, по случаю ожиданія туда войскъ для лагерного расположенія.

Обязавъ Сидникова сохранять въ строжайшей тайнѣ все то, о чёмъ его спрашивали, комиссія обратилась къ допросу указанныхъ имъ лицъ.

Первымъ былъ спрошенъ Боровѣцкій, уроженецъ Царства Польскаго, плохо объяснявшийся по русски. Въ 1831 г. онъ былъ сданъ своимъ помощникомъ въ математическую армію, участвовалъ въ походѣ по Литвѣ, а по окончаніи кампаніи былъ взятъ на службу въ Невскій морской полкъ, до поступленія въ который три мѣсяца былъ въ Костромскомъ гарнизонномъ баталіонѣ, причемъ въ свободные часы случалось бывать ему въ Костромѣ на базарѣ, где неизвѣстные ему простолюдины, въ разное время, три раза спрашивали его о смерти цесаревича Константина Павловича, и когда онъ отвѣчалъ, что не знаетъ, то они говорили, что о смерти цесаревича въ церквяхъ была отслужена обѣдня¹⁾) только однажды и что поэтому онъ, можетъ быть, и живъ. По приходѣ же въ Аккерманъ весною 1835 г., слыхалъ онъ отъ солдатъ Волынскаго полка и преимущественно отъ служившихъ въ польской арміи и литовской корпуսѣ, подъ начальствомъ воинского цесаревича, что великий князь живъ и находится во Франції, а весною 1836 г. говорѣ о находкѣ его въ живыхъ возникъ снова между нижними чинами, не смотря на то, что некоторые изъ нихъ отвергли этотъ слухъ, при чёмъ тѣ изъ солдатъ, которые служили въ польской арміи и литовскомъ корпусе, наиболѣе говорили о существованіи въ живыхъ цесаревича, сказывая, что у него было хорошо служить; что онъ придетъ

¹⁾ Примѣчаніе слѣдователей. Обѣдня должна быть—панихида; по неизвѣстію обрядовъ греческой церкви, Боровѣцкій не могъ объяснить это обстоятельство съ точностью.

войною на Россію; что въ числѣ французскихъ войскъ находится многое поляковъ и что здѣшніе солдаты изъ польской арміи и литовскаго корпуса желали бы опять служить подъ командою Константина Павловича колѣ скоро онъ появится, потому что онъ платить имъ достаточное жалованье. Такіе разговоры проходили между нижними чинами какъ при частныхъ свиданіяхъ, такъ и во время собранія ихъ для учений или содержанія при городовомъ острогѣ караула, и, слѣдовательно, вѣсть о пребываніи цесаревича во Франціи, можетъ быть, была известна всѣмъ рядовымъ его роты. Отъ офицеровъ же и унтеръ-офицеровъ онъ ничего не слыхалъ.

Рядовой Карповъ¹⁾, на кетораго, между прочимъ, сослался Боровѣцкій, объяснилъ, что, еще во время бытности его полка въ Молдавіи, онъ отъ многихъ солдатъ слышалъ, что цесаревичъ не умеръ, а отправился во Францію. Наиболѣе обѣ этомъ говорили служившіе подъ командою великаго князя. Въ концѣ 1835 г., въ городѣ Кишинѣ онъ слышалъ разговоръ о томъ же между хозяиномъ его квартиры, до такой степени старымъ, что онъ ничего не видѣлъ, и сыномъ его, отставнымъ солдатомъ. Хозяинъ говорилъ, что, можетъ быть, цесаревичъ и не умеръ, потому что онъ слышалъ отъ какого-то мужика, что такого вида человѣка, каковъ цесаревичъ Константинъ, недавно видѣли гдѣ-то въ корчѣ, во время борьбы его съ другимъ человѣкомъ. Зимою же 1836 г., при сборѣ роты для караула, некоторые солдаты сказывали, что вместо цесаревича похоронена въ С.-Петербургѣ восковая фигура и что его видѣли въ Кишиневѣ. Была еще молва, что когда вступить на престолъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, то будетъ прибавка жалованья и уменьшится срокъ службы. Внушенній со стороны унтеръ-офицеровъ и офицеровъ къ распространенію такихъ толковъ не было и ничего подобнаго онъ не заіѣтилъ.

Фельдшеръ Руденко, оговоренный Сидниевымъ, удостовѣрилъ только, что онъ слыхалъ и въ Подольской губерніи о томъ, что цесаревичъ живъ. Слухъ этотъ ходилъ между жителями и солдатами на рынкѣ.

Писарь Спиридоновъ, поступившій на службу еще въ 1819 г. и во время производства настоящаго слѣдствія бывшій подъ судомъ за первую стѣ команды отлучку, съ полнымъ сознаніемъ своего писарского достоинства заявилъ, что ходили разные слухи, но онъ никогда никому ихъ не пересказывалъ, да и говорить не могъ, потому что самъ болѣе о томъ знаетъ, нежели кто другой изъ нижнихъ чиновъ, такъ какъ все получаемые изъ Петербурга указы «и прочие» имъ были читаны и, слѣдовательно, слушали онъ не вѣрилъ, а приписывалъ ихъ всегда глупости неграмотныхъ людей, которые ничего не понимаютъ. Разговоры о томъ, что Константина

¹⁾ По удостовѣренію военнаго начальства, Карповъ пользовался репутацией дурнаго солдата.

Проводить живь, происходили и между арестантами въ разныхъ мѣстахъ Подольской губерніи и въ Бендерской крѣпости. Одни утверждали, другіе опровергали, но все это можно назвать пустыми рѣчами, либо изъ числа людей, о семъ говорившихъ, либо одинъ не утверждалъ, а только баснословилъ, и въ особенности изъ числа великовъ, притомъ же вовсе не грамотныхъ.

Спустя одною три дни посѣтъ допроса, Спиридоньевъ, по долгу присяги, счѣль необходимымъ довести до свѣдѣнія депутата съ воинной стороны, что, въ іюнѣ 1836 г., во время нахожденія его подъ арестомъ въ Бендерской крѣпости, прибыли туда бывшіе изъ военно-работной роты рядовые Берлинскій и Бернацкій и рассказывали, что, при пересыпалъ ихъ черезъ Банецъ-Подольскъ, узнали они есть бывшии въ темошнай тюрьмѣ полковъ, будто изъ Левицкій, находившійся въ той же тюрьмѣ, быть высланъ великими изъ-за границы и разызывалъ около четырехъ лѣтъ по Россіи, подъ именемъ какого-то генерала; быть въ Сибири и въ другихъ мѣстахъ, для списанія цѣлъ, и составлялъ вѣдомости о числѣ сосланныхъ подданныхъ, а когда узнали, что правительство стало его просыпѣвать, то отправилъ весь свой экипажъ и всѣ находившіеся при немъ бумаги и людей во Францію, а самъ переодѣлся въ простую одежду и пробрался въ Подольскую губернію, где, по какимъ-то обстоятельствамъ, взять подъ арестъ. Скрывая свое настоящее званіе, онъ показалъ себя родомъ изъ Пруссіи, где будто бы служилъ въ какомъ-то полку, и, по полученіи оттуда справокъ, надѣется быть освобожденнымъ иѣхать во Францію. «Изъ каковыхъ обстоятельствъ,— объяснялъ Спиридоновъ,— высшее начальство можетъ усмотреть, ежели сіе дѣйствительно правда, какъ разговаривали Берлинскій и Бернацкій, то легко можетъ быть и то, что Левицкій распространялъ въ западныхъ губерніяхъ тѣ вѣсти, о коихъ спрашивали свѣдователи».

Не ограничиваясь этимъ заявленіемъ, Спиридоновъ доказывалъ свѣдователямъ, что вечеромъ 30-го іюля Бернацкій завелъ съ арестантомъ Нѣгінскимъ разговоръ о цесаревичѣ, говоря, что онъ слышалъ отъ какихъ-то солдатъ, что будто бы великий князь прѣѣхалъ на судѣ въ Одессу и, выйдя на берегъ въ партикулярномъ платьѣ, прошелъ мимо часоваго, потомъ вернулся назадъ по той же дорогѣ въ около того же часового, который, будто бы узнавъ въ немъ особу цесаревича, сталъ во фронтъ и отдать ему честь, одѣвшись на караулъ. «Бому ты отдаешь честь?» спросилъ Константинъ Павловичъ.— Вашему императорскому высочеству.—«Я, братецъ, купецъ»,— сказалъ на это великий князь и, давъ часовому 25 рублей ассигнаціями, пошелъ по дорогѣ. Бернацкій говорилъ также, что онъ слышалъ отъ какого-то еврея, что цесаревичъ былъ въ Минскѣ и оттуда отправился въ купеческое имъ въ тѣхъ мѣстахъ помѣстье.

Бернацкій, служившій прежде въ мятежнической арміи и сосланный по-томъ въ арестантскія роты, очень удивился когда его спросили про раз-

сказъ о пребываніи цесаревича въ Одессѣ. «Карь таїя басни дошли до свѣдѣнія?» — замѣтилъ онъ и объяснилъ, что еще въ 1832 или 1833 г., когда онъ былъ въ Севастополѣ, одинъ солдатъ изъ полевыхъ войскъ бывшаго ливовскаго корпуса, между разными пустословными баснями, передавалъ и означеній разсказъ. О пребываніи цесаревича вовсе не было разговора, а сказывалъ только, что некоторые изъ военнопрабочихъ въ Севастополѣ сообщали ему, что, при взятіи ихъ въ пленъ, при живыи цесаревича, они видѣли его въ Минскѣ и онъ далъ имъ по червонцу.

Арестантъ Гальчевской, привлеченный къ слѣдствію по указанию Смирнова, какъ разсказчикъ обѣ учрежденія на австрійской границѣ подвигиныхъ госпиталей, не только не подтвердилъ этого указанія, но сговаривалъ самого Смирнова въ томъ, что, по его собственному разсказу, когда, находясь въ бѣгахъ, онъ разыскивалъ подъ именемъ офицера Закревского, то слыхалъ гдѣ-то въ Подольской губерніи, что будто бы Франція и Англія, вступаясь за Польшу, приготовляются къ войнѣ съ Россіею; что изъ Франціи идетъ на Россію корпусъ поляковъ подъ начальствомъ Ромарико, и что русскія войска двинулись форсированнымъ маршемъ къ австрійской и прусской границѣ.

Наконецъ, по показанію Берлинскаго, въ каменець-Подольскомъ острогѣ, подъ секретными караулами, содержался не Левицкій, а Зелинскій, который разсказывалъ другимъ арестантамъ, что онъ жилъ, въ видѣ флагель-адъютанта, по Сибири, быть и въ Севастополѣ, смотрѣть полки и арестантовъ; прибыть же въ Россію изъ Австріи, гдѣ служилъ солдатомъ, и взять въ Подольской губерніи за неизѣнѣніе письменного вида.

На этомъ заключилось слѣдствіе о ходившихъ между солдатами слухахъ и хотя, по ссылкѣ некоторыхъ изъ нихъ, были допрошены еще некоторыхъ лица, какъ, напримѣръ, полусѣйной старинѣ и торговка, но разовѣры эти не къ чому не привели.

III.

Въ самомъ еще началѣ слѣдствія, переданаго выше, аккерманскій земскій начальникъ уведомилъ слѣдователей, что, будучи, по дѣламъ службы, въ селеніи Тузы, онъ узналъ, что уволенный отъ службы чиновникъ Яшинскій, зайдя въ трактиръ, рассказывалъ, что въ Царствѣ Польскомъ было заготовлено у евреевъ значительное количество горячаго вина съ принѣсью яда, для истребленія русскихъ, и что такое приготовленіе одѣлано не евреями, а самими поляками, врагами русскому правительству. За такой замыселъ Яшинскій называлъ поляковъ молодцами.

Не смотря на то, что, по удостовѣренію свидѣтелей этого происшествія, Яшинскій, передавая свой разсказъ, былъ довольно хмѣлень, онъ заперся только

въ томъ, что называлъ иоляковъ молодцами, и объяснялъ, что инициаторъ заговора уже ядѣ, но лишь то, что бытъ заговоръ евреевъ, предполагавшійся къ исполненію послѣ излечатанія книгъ на еврейскомъ языкѣ, изъ которыхъ одинъ экземпляръ еврей, «ученый по медицинѣ», передадъ какому-то протопопу, дочь которого онъ лечилъ, для пересылки въ синодъ, въ томъ предположеніи, что, по выкращенію его, отдать протопопъ дочь свою за него замужъ. По этому поводу было нарижено слѣдствіе, но не открыло ничего, а когда назначили другое разслѣдованіе, то виновные были арестованы. Разсказывалъ онъ это съ цѣлью «привести въ осторожность прочихъ на счетъ евреевъ».

Титуларный советникъ Смолодовичъ, сообщившій будто бы Ящинскому ссыпію о заговорѣ евреевъ, на допросѣ совершенно добродушно показалъ, что слышалъ въ Кишиневѣ о заговорѣ евреевъ на истребленіе не однихъ русскихъ, но всѣхъ вообще христіанъ. «Исторія эта» была рассказана ему секретаремъ уголовнаго суда Антоновскимъ и «почтеннымъ» докторомъ Донскими, котораго удостовѣрилъ въ томъ ректоръ кіевской академіи, прѣѣхавшій для «ревизаціи» кишиневской семинаріи. По ихъ объясненію, у одного протопопа Волынской губерніи заболѣла дочь, единственная наслѣдница всего его имѣнія. Протопопъ употреблялъ всѣ способы и издержки для русскихъ докторовъ и, не видя никакой пользы, рѣшился, вопреки духовному регламенту, призвать какого-то еврейского доктора, молодаго, веселитнаго, достаточнаго и довольно пригожаго собою. Докторъ этотъ, распознавъ болѣзнь дочери протопопа, далъ слово вылечить ее, но съ такимъ уговоромъ, чтобы протопопъ, по выздоровленію дочери, отдалъ ее за него замужъ, а онъ принять христіанскую религию. Дочь, выздоравливая, обратила вниманіе на излечившаго ее доктора и, узнавши предположеніе родителя своего и желаніе доктора принять христіанскую вѣру, дала ему слово, по выздоровленію и по исполненію инициаторомъ его обѣщанія, совокупиться съ инициаторомъ бракомъ. Еврей, восхищенный такимъ лестнымъ обѣщаніемъ, упалъ въ ноги протопопу, просилъ его благословенія на бракъ и съ тѣмъ вмѣстѣ открылъ, что евреи, составивъ соѣтъ, заключили истребить всѣхъ христіанъ и для этого приготовили ужасный присяжный листъ, а также и наставление къ истребленію христіанъ такими ядами, которые бы не были замѣты ни въ какихъ жизненныхъ и питейныхъ припасахъ. Въ подкрепленіе разсказанного имъ, докторъ представилъ клятвенный листъ и письменное наставление о ядахъ, уже отпечатанные, а протопопъ послалъ ихъ въ синодъ и, въ послѣдствіи, донесъ своему архієрею и губернатору. Послѣдній назначилъ слѣдствіе, но евреи были оправданы. Другое потомъ слѣдствіе, произведенное будто бы генераль-адъютантомъ Васильчиковымъ, открыло справедливость обвиненія.

По рѣшенію уголовнаго суда, Смолодовичу, священнику Вроньскому

и Ящинскому было сдѣлано виновное воздерживаться отъ «лис-разглашений» и сверхъ того Ящинскій выдержанъ три дня при полиціи за то, что при такомъ разглашении называлъ поляковъ молодцами. О военныхъ же чинахъ, конечно, позабылось военное вѣдомство.

Приимѣчаніе. Настоящій разсказъ составленъ по одному изъ дѣлъ архива Кипревского окружного суда.

Сообщ. Г. Е. Рѣпинскій.

ЗАМѢТКИ ИЗЪ ДНЕВНИКОВЪ ВАРНГАГЕНА ФОНЪ-ЭНЗЕ.

РУССКИЕ ЛЮДИ И ДѢЛЯ ВЪ 1845—1849 ГГ. ¹⁾.

1845 г.

Берлинъ 13-го ноября. Бюкъ ²⁾ пишетъ ко мнѣ о нехорошемъ положеніи дѣлъ въ русско-нѣмецкихъ провинціяхъ. Вопросъ довольно запутанный: нѣмецкій элементъ стокъ за себя—это похвально; но этому элементу присущъ аристократический характеръ—вотъ это ужъ не похвально. Русскій элементъ всюду проникаетъ—это не хорошо, но онъ же борется тамъ съ католической іерархіей (!) и феодальными порядками—и тому мы можемъ только радоваться.

26-го декабря. Императоръ Николай, будучи въ Римѣ, обнялъ папу: «l'Empereur russe a embrassé la religion catholique», острять здѣсь ³⁾.

¹⁾ Воспитаникъ берлинскаго университета, офицеръ австрійской службы, съ 1818-го года капитанъ русской службы и участникъ въ побѣдоносныхъ войнахъ того времени, Варнагенъ фонъ-Энзѣ окончилъ свою службу всѣмъ тремъ державамъ—Австріи, Россіи и Турціи—уже на посту дипломатическомъ, а именно, въ 1819 г. онъ занималъ постъ посланника прусского при баденскомъ дворѣ;—съ этого времени онъ посвятилъ себя исключительно литературѣ, въ области которой оставилъ по себѣ довольно много историческихъ, историко-біографическихъ и критическихъ монографій и газетныхъ статей. «Дневники» изданы уже послѣ его кончины. Начало извлечений изъ Дневниковъ напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» 1875 года, № 7. Здѣсь кстати указать на одно искаженіе, которое позволила себѣ сдѣлать редакція упомянутаго изданія въ замѣткѣ автора отъ 8-го октября 1840 г.—искаженіе, бросающее невыгодный свѣтъ на сословіе русскихъ офицеровъ. У Варнагенса называется себя *животнымъ* (иц *animal comme moi*) не «Русскій Н.», а личность, принадлежащая къ той вѣденіи нѣмецкаго рода Н (Ностицъ), которая принадила русское подданство.

▲. Ч.

²⁾ Дерптскій профессоръ и авторъ сочиненія: «Яковъ Сиверсъ и его время».

³⁾ Острота, основанная на игрѣ словъ: embrasser—обнимать и признавать.

▲. Ч.

1846 г.

Берлинъ, 11-го января. Опасенія касательно польскихъ волненій оказываются ложными всякаго основанія.

30-го марта. По видимому, въ Вѣнѣ сильно раздражены противъ русскихъ; ихъ упрекаютъ въ вѣроломствѣ и невыносимомъ высокомѣрии, съ которыми слабое австрійское правительство не въ состояніи совладать. Русские же упрекаютъ австрійцевъ за ихъ покровительство католическимъ про-дѣлкамъ и что они透过那te оказываютъ предательское сочувствіе замы-сланью поляковъ.

2-го апрѣля. Сюда (т. е. въ Берлинѣ) прѣѣхали по польскимъ дѣламъ генераль Бергъ изъ Петербурга, и министръ графъ Фикельманъ изъ Вѣны. Замѣтили, что съ ихъ прїездомъ стали здѣсь принимать болѣе строгія мѣры (противъ поляковъ?).

1-го мая. Рассказываютъ про графа В. фонъ-Р., что онъ (въ одномъ обществѣ, гдѣ, чтобы подстѣтить Аксильону¹), дурно отзывались о Гум-бальдѣтѣ) сказали: «знаете, какую глупость, какую малкую лесть недавно сочинилъ Гумбальдѣтѣ? Онъ отозвался о русскомъ императорѣ, что это самый пріятный изъ государей—le meilleur écouteur qui existe»²).

3-го мая. Припоминаю по поводу королевской браны, относившійся къ умершему отъ пьянства шаftору, что и Лютера упрекали за его преданность къ чувственнымъ наслажденіямъ. Однажды ин. Бозловскій позволилъ себѣ такъ выразиться о немъ: «ce cochon Luther».

11-го мая. Засѣдавшая здѣсь по польскимъ дѣламъ комисія (изъ Капица, Фикельмана и Берга) кончилась учрежденіемъ особой польской полиціи, общаго поліцейскаго управлія, стоящаго надъ обыкновенной администраціей; теперь русскіе и австрійцы постоянно будуть вмѣшиваться (mantchen) въ наши дѣла!

8-го іюня. Русскій императоръ былъ въ Варшавѣ особенно нѣмнъ и дружелюбенъ съ принцемъ прусскимъ (наследникомъ престола, нынѣшній германскій императоръ³), что возбудило здѣсь удивленіе и недовѣрчивость. Изѣстно, что императоръ очень недоволенъ королемъ.

11-го іюля. Докладываютъ о приходѣ графа Кайзерлинга⁴), русскаго придворнаго: молодой образованный человѣкъ, геогностъ, объѣздившій съ

¹⁾ Воспитатель наследнаго принца, прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, историкъ. Умеръ въ 1837 г.

²⁾ Найлучшій изъ слушателей.

³⁾ У насъ многіе не знаютъ, что принцъ прусскій не то же самое, что прусскій принцъ: принцемъ прусскимъ, Prinz von Preussen, называется только наследникъ прусского престола.

⁴⁾ Въ послѣдствіи попечитель Дерптскаго учебнаго округа. А. Ч.

Мурчисонъ большую часть Россіи; онъ сообщилъ мнѣ, что в. к. Елена Павловна желаетъ меня видѣть и приглашаетъ въ себѣ сегодня въ 3-мъ часамъ. Невозможно отвѣтить отказомъ!

24-го июля. Смит¹⁾ еще рассказал слѣдующій любопытный анекдотъ. Въ 1813 г. прошелъ во Франкфуртъ-на-Майнѣ слухъ, что по прибытіи туда австрійскаго императора граждане желаютъ его провозгласить къ Ремерѣ императоромъ германскимъ. Узнавъ объ этомъ, императоръ Александръ пришелъ въ негодованіе и рѣшился воспрепятствовать такому соopr d'état. Онъ спросилъ своего генераль-адъютанта Вольцогена, есть ли возможность въ самый краткій срокъ привести войска во Франкфуртъ? Подумавъ неимо-го, Вольцогенъ отвѣчалъ: пѣхоту — изтѣь возможности, но и конницу не иначе какъ съ большими затрудненіями, такъ что, можетъ быть, не болѣе ся половины дойдетъ до мѣста и наѣрное падутъ несолько тысячъ лоша-дей. На это императоръ будто бы отвѣчалъ: «Ничего, только бы прибыла остальная половина». Смиту рассказывали это самъ Вольцогенъ²⁾.

14-го августа. Уже давно толкуют о томъ, что если-бъ Пруссія окназала наѣйшее покровительство полякамъ, то они могли послужить полезнымъ средствомъ для противодѣйствія русскому могуществу. Наше правительство этого не понимало. Теперь же неожиданно оказывается, что Россія имѣть полную возможность не только привлечь на свою сторону поляковъ, но и вооружить ихъ противъ насъ.

28-го августа. Визить графини Кенигсмаркъ. Сообщила, что скоро ожидаетъ пріѣзда мужа изъ Петербурга. При ея рассказахъ о тамошнихъ празднествахъ, на которыхъ иллюминація и эффектные сюрпризы возбуждали принцъ прусскомъ и его адъютантахъ необыкновенное удивленіе ³), не могъ я удержаться отъ замѣчанія, что, вѣроятно, празднства Людовика XIV обходились не дешевые, но навѣрное были устраиваемы съ болѣшимъ вкусомъ, были пріятель и веселѣе русскихъ...

3-го сентябрь. Такъ какъ кельнскія событія⁴⁾ сильно возмущили
принца прусскаго, то и русскій император счелъ себя въ правѣ возвысить
свой голосъ. По поводу этихъ событій онъ надѣялъ нашему правительству
столько упрековъ, будто они произволили въ его собственномъ государствѣ.

4-го октября. Было упомянуто объ унизительныхъ письмахъ Фридриха Вильгельма III къ Наполеону (выкупленныхъ королемъ у Иосифа Бонапарте за 26 тыс. тац.).

¹⁾ Бургомистръ города Бремена.

²⁾ Затѣмъ франкфуртцевъ не имѣла послѣдствій по другимъ причинамъ.

³⁾ Вероятно, разумеются здесь петергофские празднества 1-го июня.

*) Во время народных демонстраций в Кельнѣ, войска и полиція были вынуждены отступить.

四

22-го ноября. Много толковъ о Краковѣ: говорять, что Россія принудила двѣ остальныя державы уничтожить вольный городъ. Плохое извѣніе! не есть ли это сознаніе въ своей слабости и невозможности не сдѣлать за Россіей даже въ исхоренемъ дѣлъ.

1847 г.

Берлинъ, 12-го января. Вчера разговаривалъ и съ однімъ отставнымъ солдатомъ о занятіи пруссаками въ 1831 г. польской границы. «Стояло время очень холодное и служба была тягостная и утомительная; но,—продолжалъ онъ,—мы также пользовались хорошей прибавкой: намъ, гусарамъ, шло отъ короля по $1\frac{1}{2}$ зильбергроша въ день, да отъ русскаго императора по два зильбергроша». Отъ русскаго императора,—веселились они—не ошибаетесь ли вы? «Нѣть, у насъ обѣ этомъ даже читали пріказъ. По окончаніи же похода каждому нашему офицеру императоромъ подарена была лошадь, а ротмистрамъ даже и по двѣ».

19-го февраля. Рассказывали, что русскій императоръ будто бы сказалъ: «Если вслѣдствіе созванія прусскихъ представителей сословій возникнуть беззаконость, то его вмѣшательство въ дѣла сдѣлается необходимымъ, ибо пожаръ въ сосѣднемъ домѣ угрожаетъ его собственному дому».

16-го марта. Жена посланника Рауха пишетъ изъ Петербурга, что императоръ Николай крайне возмущенъ созваніемъ сейма, и проч.

19-го марта. Посѣщеніе Ивана Тургенева. Онъ посвятилъ мій (an mich gerichtet) одно изъ своихъ стихотвореній¹⁾ и принесъ нѣсколько русскихъ книгъ.

25-го марта. Удивляются тому, что русскій императоръ пріобрѣлъ на 50 міл. французской ренты. Я въ этомъ вижу только.... спекуляцію²⁾: половина суммы будетъ тотчасъ же выплачена хлѣбомъ, что, очевидно, весьма выгодно, а другая—золотыми и серебряными слитками, которые бесполезно лежать въ казнѣ императора.

11-го августа. Нашелъ у себя карточку графа Александра Кейзерлинга и приглашеніе на слѣдующій вечеръ къ в. и. Еленѣ Павловнѣ.

12-го августа. Отправился въ исходѣ 8-го часа въ Бельви. Всѣ княгини приняла меня на террасѣ, но вскорѣ нашла, что тамъ слишкомъ сѣжко, и удалилась въ гостиную, гдѣ мы вдвоемъ провели болѣе часа въ оживленномъ разговорѣ. Она почти совершенно оправилась послѣ своей прежней болѣзы.

¹⁾ Интересно знать, было ли это стихотвореніе напечатано, и гдѣ.

²⁾ Это была спекуляція министра финансовъ (преемника Канкрина). Русское правительство, вообще не довѣрвшее прочности правительства Людовика Филиппа, рѣшилось на эту операцию какъ бы наканунѣ февральской революціи и паденія ренты.

А. Ч.

ни, и иметь здоровый видъ и все еще красавица. Сначала разговоръ касался только нашихъ личныхъ интересовъ: спрашивала меня про мое житье-бытье и рассказывала о своемъ.... Рассказывала о своемъ послѣднемъ пребываніи въ Австріи, въ Штиріи, какъ она безмятежно и полезно для здоровья проводила время тамъ; хотя тамошнее общество доставило ей мало духовной пищи, но самыи народъ хвалила; она волнуется въ настоящее время и можетъ по этому пути далеко уйти. Спрашивала о настроении умовъ въ Германіи, руководимая болѣе любопытствомъ, чѣмъ опасеніемъ,— о прусскомъ сеймѣ; она смотрѣть на него съ нашей (т. е. либеральной) точки зрѣнія; сѣялась надъ средневѣковыми экспериментами короля; выразила убѣжденіе, что всякое (успѣхъ всякаго) дѣло подчиняется собственному закону и законъ этотъ, во всякомъ случаѣ, долженъ совершиться. Удивлялась моимъ опасеніямъ, похвалила за то, что я заботусь не только о благодеятствіи Пруссіи и народѣ, но также о славѣ и чести короля, и проч., и проч. Великая княгиня вспоминала также о г-же Теттенборнѣ¹⁾, ея сынѣ, о неблагодарности дворовъ и проч. По видимому, она не хлопотѣть о приобрѣтеніи вліянія и всѣ ея желанія ограничиваются самостоятельностью въ собственномъ кружкѣ.—Куда-то дѣвались ея письма къ Козловскому и его «Записки»? Я едва удержался отъ просьбы сообщить ей письма Козловскаго къ ней. Къ сожалѣнію, наша бесѣда была менѣе сердечна и откровенна чѣмъ въ первый разъ, въ Биссингенѣ²⁾, можетъ быть, отчасти и по моей винѣ: я въ моихъ сужденіяхъ бытъ безпощаденъ—и не безъ намѣренія. Если такая особа желаетъ меня видѣть, то необходимо отблагодарить ее за то чѣмънибудь, себѣ же—вознаградить за то, что явился на ея зовъ³⁾). Вскорѣ вышла къ намъ ея сестра, вдовствующая герцогиня нассавская, которой я бытъ представленъ. Въ полови-и 10-го бытъ я уже дома.

20-го октября. Черезъ жалу Гервега⁴⁾ получилъ письмо отъ Бакунина, изъ Парижа. Вечеромъ, съ часомъ времени просидѣть у меня графъ Блудовъ. Онъ ѣдетъ изъ Рима, гдѣ не успѣлъ совершенно окончить данное ему порученіе, но довелъ его одинакожъ до такой точки, что переговоры могутъ и безъ него продолжаться. Рассказы объ Италии. Папа (Пії IX): человѣкъ добрый, но не гениальный, непрактичный; его болѣе тягнуть, чѣмъ онъ самъ идти;

¹⁾ Вѣроятно, о супругѣ того генерала Теттенборна, у которого въ 1813—1814 гг. Варнгагенъ былъ адъютантомъ.

²⁾ 11-го июня 1846 г., см. «Русскій Архивъ», июнь 1875 г.

³⁾ Въ человѣкѣ, за которымъ ухаживало все, что выдавалось въ политическомъ и литературномъ мірѣ, было весьма натурально такое самомнѣніе.

⁴⁾ Замѣчательный немецкій стихотворецъ новѣйшаго времени; былъ изгнанъ изъ Пруссіи въ 1842 г. и жилъ въ Парижѣ.

А. Ч.

уже начинаетъ пугаться возбужденного имъ энтузиазма. Блудовъ сильно порицаетъ политику Меттерниха, ненавидитъ Австрію.

12-го декабря. Раннимъ утромъ—баронъ фонъ-Лютцероде¹⁾, отличный знатокъ русского языка.

1848 г. ²⁾.

21-го марта. Послѣдняя надежда нашихъ реакціонеровъ—на русскихъ. Я замѣтилъ: если императоръ Николай выѣзжается въ наши дѣла, то ясно, что Провидѣніе избрало его орудіемъ для укрѣпленія Германіи и возстановленія Польши, причемъ, конечно, можетъ изломаться и самое орудіе... (По поводу желаній слытія Пруссіи съ Германіей) можетъ случиться и то, что мы потребуемъ Эльзасъ и Лотарингію отъ Франціи и Балтійскія провинціи отъ Россіи³⁾.

27-го марта. Прибыль сюда генералъ Бергъ, изъ Варшавы; отъ сего господина нельзя ожидать ничего хорошаго; вліяніе его нехорошо отзовется на королѣ и министрахъ! Мой боевой товарищъ 1813 года, но обязанъ своимъ возвышениемъ дурной политической школѣ!

28-го марта. На вечерѣ у русскаго посланника. Разговоръ точно между эмигрантами⁴⁾. Х. разсказывалъ, что Мейendorфъ назвалъ короля по-просту *poltron* (трусь), а Пруссію страною погибшою. «Бранить русскихъ,—продолжалъ онъ,—требуютъ войны съ ними; Россія не будетъ начинать, но если возмутить у ней поляковъ, то она съ 200 тыс. войска сперва уничтожить Польшу, а тамъ накажетъ и нѣмцевъ. Даѣте: нѣмцы много болтаютъ о своемъ единстве и силѣ, но между ними много розни и они слабѣе, чѣмъ были прежде; у нихъ есть войска: прусская армія выродилась, и едва ли не приметъ стороны русскихъ. Россія заключить договоръ съ Франціей, въ силу которого не будетъ ей мѣшать на Западѣ, за то возьметъ себѣ чѣмъ пожелаетъ на Востокѣ; тогда не много останется и отъ Германіи». Вотъ какъ!

2-го апреля. Рано утромъ забѣгалъ ко мнѣ генералъ Виллисень. Его

¹⁾ Саксонскій генералъ и многогѣтній посланникъ въ Петербургѣ.

²⁾ Съ 1848 г. стало являться къ Варнгагену все менѣе и менѣе русскихъ,—можетъ быть, по причинѣ затрудненій получить заграничный паспортъ,—и потому и самые отзывы автора о русскихъ дѣлахъ принимаютъ все болѣе и болѣе пристрастный характеръ. Приводимъ самые сплетни и невѣрные слухи изъ «Дневниковъ» какъ доказательство, что революціонная эпидемія того времени была такъ сильна, что помутила понятія даже въ такой ясной головѣ какъ Варнгагенъ.

³⁾ Первая часть этого зловѣщаго пророчества сбылась!

⁴⁾ Намеки на то, что прусскіе консерваторы помышляли о своемъ спасеніи посредствомъ бѣгства.

А. Ч.

отправляемъ въ Познань съ большими полномочіями—предложить полякамъ условные пункты, необходимые для ихъ существованія: фактическое признаніе ихъ національности, въ перспективѣ восстановленіе свободной Польши. Разсуждали о переговорахъ, относительно послѣдней статьи, съ Россіей и Австріей; о соглашениі съ Франціей; о приготовленіяхъ на случай войны съ Россіей; о укрѣпленіи Бреславля — политика совершенно противная существовавшей доселѣ. Возвратясь домой, узнать, что приходилъ ко мнѣ русскій посланикъ, и что имѣть сообщить мнѣ что-то очень важное. Пошелъ къ Мейендорфу въ 6 часовъ, гдѣ увидѣлся вторично съ графомъ Клейстомъ. Мейендорфъ желалъ мнѣ показать русскій манифестъ и посовѣтоваться со мною о его переводѣ. Его понятіе о нашей революції узкое и тѣсное: во всемъ движеніи подозрѣваетъ интригу немногихъ иностранцевъ—французскихъ эмиссаровъ и французское золото... Право, эти дипломаты одержимы слѣпотой и ничего не знаютъ о томъ, что происходит на свѣтѣ; имъ мерещутся только предметы собственной фантазіи и одни и тѣ же у всѣхъ¹⁾.

13-го апрѣля. Рано утромъ пришелъ ко мнѣ *** и изложилъ свой взглядъ на политику. Онъ уже былъ у короля въ Потсдамѣ, и опять пойдетъ туда, говорилъ съ министрами и проч. Онъ бѣть на восстановленіе Польши, войну съ Россіей, союзъ съ Франціей. Полагаетъ, что необходимо отказаться отъ польской части Познаніи, предоставить ее Польшѣ и позволить ей вооружиться. Весьма справедливо замѣтилъ, что «чего мы не сдѣлаемъ для поляковъ—сдѣлается, наконецъ, Россія, и тогда противъ насъ будутъ Польша, Россія, западная Германія и Франція, и наши восточные провинціи отойдутъ къ Польшѣ».

23-го апрѣля. Сего дня министръ Арнімъ предложилъ Виллесену переговорить на счетъ Польши съ Мейендорфомъ... Мейендорфу этотъ разговоръ можетъ только послужить материаломъ для обвиненія Виллесена въ Петербургѣ. Арнімъ сказалъ ему: «только не поссорьте насъ съ Россіей».

30-го апрѣля. Изъ Варшавы прибылъ русскій курьеръ и донесъ, что въ Познаніи все спокойно: министры, не вѣрившіе Виллесену, повѣрили курьеру! Но въ то же время прибылъ курьеръ англійского консула въ Варшавѣ и въ привезенномъ къ одной польскоймагнаткѣ письмѣ найдены единственно вѣрныя извѣстія о передвиженіяхъ русскаго войска: три корпуса стоять въ Польшѣ, другіе медленно подвигаются отъ Днѣпра въ Двины. Такимъ образомъ стягиваются грозныя силы и уже въ юлѣ могутъ быть во Эльбѣ.—Но нашъ дворъ смотритъ на опасность съ Востока какъ на спасеніе. Ультры всю надежду полагаютъ на русскаго императора; уверяютъ въ своихъ мирныхъ намѣреніяхъ, но возможно ли имъ вѣрить?

¹⁾ Нельзя не вспомнить странного бездѣйствія передъ Восточною войной того же самого Мейендорфа, въ бытность его посланникомъ въ Вѣнѣ. А. Ч.

2-го мая.... Полковник Виллесенъ сообщилъ мнѣ новѣйшія извѣстія о вооруженіи и движеніяхъ русскихъ. Конечно, не мало пруссаковъ,—въ томъ числѣ, можетъ быть, и самъ король,—смотретьъ на русскихъ какъ на своихъ спасителей. Но и въ такомъ случаѣ, если бы русскіе здѣсь забрали все въ свои руки, королю не было бы спасенія; напротивъ, согласившись съ нѣсколькоими прусскими офицерами, русскіе тотчасъ предложили бы ему отречься отъ престола въ пользу пріяда прусскаго.

8-го мая. «Il faut avoir le diable au corps pour être un bon diplomate», говоривъ старикъ Нессельроде¹⁾, я же скажу:—«pourr être un révolutionnaire».

20-го мая.

.... Между тѣмъ, положеніе Россіи относительно насы становится все болѣе угрожающимъ, а положеніе Германіи сомнительнымъ, съ тѣхъ поръ какъ мы стали пренебрегать симпатіями поляковъ и не имѣть на чтѣ опереться.

13-го іюня. Наше политическое положеніе ужасно! Если война съ Россіей сдѣлается неизбѣжною, то теперь она будетъ въ 1,000 разъ невыгоднѣе. Поляки не за, а противъ насъ! Вся надежда на французовъ. Назадъ три мѣсяца могли бы мы помѣриться и съ тѣми и съ другими.

15-го іюня. (Встрѣтившись Мейendorфа на площади посреди народной толпы), я не могъ удержаться отъ улыбки, вспомнивъ, что говорить про него въ народѣ: «его всегда встрѣтишь тамъ, гдѣ бушуетъ народъ»...

16-го іюня. Наконецъ, начинаютъ опасаться найѣреній русскихъ. Крѣпости Познань и Торнъ приводятся на военное положеніе.... но правая рука министра, Грисгейнъ,—господинъ неиздѣжный и ждетъ помощи отъ русскихъ.

18-го іюня. Россія прибѣгаєтъ къ угрозамъ за нашу датскую политику; угрозы адресуются не непосредственно къ нашему кабинету, а произносятся въ Копенгагенѣ и Лондонѣ. Война, по видимому, неизбѣжна.... Но можетъ все измѣниться.

19-го іюня. По требованію русскаго правительства, выдадутъ Бакунина какъ только онъ появится въ Пруссіи. Президентъ полиції предложилъ д-ру Мюллеру предостеречь своего друга. Не поздно ли? Бывшій министръ Арнінъ публично называлъ Ламартина своимъ другомъ, а въ тайне держался русскаго посланника; но въ то же время онъ говорилъ и такія рѣчи: «по крайней мѣрѣ, мы отдѣлились отъ Людовика-Филиппа, освободились отъ Меттерніха».

21-го іюня. Рассказываютъ, что, вслѣдствіе одного письма отъ русскаго императора, король что-то поручилъ министру Кампенгаузену, но самого письма не желалъ показать, и что это обстоятельство заставило послѣдняго просить отставки.

¹⁾ Отецъ русскаго канцлера.

23-го іюня. Если Врангель займетъ Ютландію, то война съ Россіею не подлежитъ сомнѣнію.

24-го іюня. Между уличными объявленіями есть одно, гласящее: смерть русскимъ!

1-го іюля. (По словамъ графа фонъ **, пришедшаго отъ Мейендорфа) всѣ надежды правительства основаны на разрушенияхъ, кровавой борьбѣ съ рабочими классомъ, на помощи русскихъ.

11-го іюля. Русский императоръ присыпалъ кн. Виндишгрену ¹⁾ поздравительный и хвалебный рескрипты, который былъ препровожденъ ему Мейендорфомъ съ его 12-ти лѣтнимъ сыномъ. Какъ императору, такъ и кназю, хорошо известно, что чехи лишь случайно сдѣлались жертвою рѣзни.

24-го іюля. Около вечера пришелъ Б***, полный энергии, силы и радостныхъ надеждъ. Его жеѣзвное здоровье въ состояніи вынести всякий трудъ. Рассказывалъ о своихъ приключеніяхъ въ Парижѣ, Прагѣ и Бреславль. Здѣсь ему угрожаетъ меньшая опасность; да и нельзя обойтись безъ риска, замѣтить онъ; притомъ-же у него есть здѣсь кое-какія дѣла. По видимому, у него обширныя связи, хвалятся множествомъ друзей въ Россіи, особенно съ тѣхъ порь какъ его стали преслѣдоватъ. У него несолько десятковъ тысячи прокламаций на русскомъ языке, въ которыхъ объявляется свобода всѣмъ славянамъ: полякамъ, чехамъ, иллирійцамъ и пр. Духовенство помогаетъ. Онъ живеть здѣсь подъ именемъ Жюля; министры Бульветтеръ и Мильде про это знаютъ, а графъ Рейхенбахъ ²⁾—его приятель. Онъ занятъ изданіемъ одного сочиненія и нигдѣ не показывается. Отъ меня онъ отправился къ своему парижскому знакомому Араго ³⁾.

31-го іюля. Русский циркуляръ Нессельроде: Россія продолжаетъ держаться миролюбивой политики; для нея весьма непріятно враждебное настроеніе Германіи; не одобряетъ войну съ Даніей и честолюбивые морскіе замыслы (сооруженіе германского флота); Германскій союзъ долженъ оставаться въ прежнихъ границахъ и не помышлять о новыхъ завоеваніяхъ; европейское равновѣсіе не должно быть нарушено.

3-го сентября. Императоръ Николай послалъ Радецкому орденъ св. Георгія (1-й ст.).

7-го октября. Бакунина высыпаютъ изъ Бреславля и изъ Пруссіи, ему угрожаетъ выдача Россіи.

¹⁾ Австрійскій фельдмаршаль, подавившій возмущеніе въ Прагѣ, причемъ была убита его жена и раненъ сынъ († въ іюнѣ 1848 г.).

²⁾ Извѣстный революціонеръ и авантюристъ.

³⁾ Эмануэль Араго, драматический писатель и посланикъ французской республики въ Берлинѣ.

22-го ноября. Слухи о русскомъ вылѣніи, о томъ, что къ королю, въ Потсдамъ, прѣѣзжалъ гр. Толстой, о русскихъ субсидіяхъ. Ну, авось обойдемся и безъ нихъ; хватить и прусскихъ денегъ.

11-го декабря. Русскій императоръ не одобряетъ разграниченія польской части Познанскаго великаго герцогства; говорить, что это противно Вѣнскому трактату, вирочить, что не жалеастъ подымать этого вопроса. Желаютъ, по видимому, пріобрѣсть Познань и Галицію какъ оны есть, неурѣзанными.

1849 ¹⁾.

10-го января. Возмущеніе крестьянъ около Казани и т. д.

12-го января. Важныя сообщенія о соглашеніяхъ прусскаго двора съ русскимъ. Еще лѣтомъ было готово русское реакціонное войско для помощи Австріи и Пруссіи. Если бы въ Берлинѣ не было войска и Врангеля ²⁾, мы бы непремѣнно узрѣли вдѣсь русскихъ; точно то же случилось бы и съ Вѣнною

2-го мая. Австрія призываетъ русскихъ, событие—важное по послѣдствіямъ: моментальный успѣхъ деспотизма будетъ искупленъ тяжелыми жертвами.

3-го мая. Писаль ³⁾ о вмѣшательствѣ русскихъ въ наши дѣла, числѣ ихъ войска и средствахъ. Для русскаго вторженія, положеніе дѣль прошлымъ лѣтомъ было гораздо благопріятнѣе; дѣйствія можно было направить на одной пѣни: на Берлинъ и Эльбу; теперь же русскимъ нужно будетъ занять огромное пространство, начиная съ Трансильваніи, вплоть до Моравы, притомъ, стеречь Молдавію, Валахію, Галицію и Царство Польское. Русскимъ прежде всего придется сразиться съ славянами, а эти для нихъ опаснѣе нѣмцевъ... Россія не въ состояніи выставить въ Германіи болѣе 100,000 войска.

9-го мая. Не жалая уступать начальство надъ своимъ войскомъ какому нибудь русскому генералу и ради успокоенія австрійскаго самолюбія, австрійскій императоръ объявилъ себя главнокомандующимъ. Русскіе заняли Браковъ ⁴⁾.

12-го мая. Русскія войска прослѣдовали, по желѣзной дорогѣ, прусскими владѣніями (Силезіей). Сначала министры отрицали этотъ фактъ.

15-го мая. Думалъ о судьбѣ Бакунина ⁵⁾.

22-го мая. Русскій императоръ отправляется въ Ольмюцъ.

¹⁾ VI-й томъ «Дневникъ Варнагена фонъ-Энзе».

²⁾ Главнокомандующій прусскими и союзными войсками въ войнѣ съ Данцигомъ, въ послѣдствіи фельдмаршаль.

³⁾ Вѣроятно, для газеты. Варнагенъ былъ тогда сотрудникомъ «Аугсбургской всеобщей газеты».

⁴⁾ Дивизія ген. Панютина—проходя въ Венгрию.

⁵⁾ Былъ схваченъ австрійцами въ Хемницѣ, 9-го мая 1849 г. А. Ч.

24-го мая. Новые угрозы Россіи: требуется очищенія Ютландіи¹⁾). Говоритьъ, что императоръ желаетъ помочь своему шурину выйти изъ двуличнаго положенія — разстрѣляніе бунтовщиковъ въ Саксоніи и ихъ покровительство въ Гольштайніи²⁾). Работа не легкая уладить всѣ противорѣчія въ дѣйствіяхъ Фридриха Вильгельма IV!

26-го мая. Вмѣсто того, чтобы ожидать русскаго императора въ Вѣнѣ, Францъ-Іосифъ ѿдѣть къ нему въ Варшаву.

28-го мая. Недавно король сказалъ: «Я покажу русскому императору, что въ состояніи сдѣлать прусскій король»—что онъ приведетъ въ порядокъ всю Германію, и это поважнѣе ея завоеванія. Угрозы на словахъ, на самомъ же дѣлѣ онъ вполнѣ подчиняется Россіи.

29-го мая. Русскій императоръ призналъ французскую республику, а она, можетъ быть, вскорѣ объявитъ ему войну.

1-го іюня. Говоритьъ, что русскій и австрійскій кабинеты объявили королю, что откажутся признать его императоромъ и, будто, это послужило главною причиной отказа...³⁾.

3-го іюня. Во Львовѣ—руssкіе взяли въ свои руки полицію и почту, точно они въ непріятельской землѣ!

4-го іюня. Генералъ Раухъ⁴⁾, въ Варшавѣ, долженъ былъ разсказывать императору всѣ подробности революціи (въ Берлинѣ), начиная съ марта-юніихъ дней. Императоръ необыкновенно ухаживаетъ за генераломъ, но о королѣ судить строго и жестко и даже его настоящее положеніе находить фальшивымъ⁵⁾.....

29-го іюня. Русскіе въ Венгрии потерпѣли нѣсколько неудачъ; но огромная масса силь все преодолѣваетъ и прѣть впередъ.

2-го іюля. Недавно русскій императоръ передъ генераломъ Линдгеймомъ выражался о королѣ въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ: «Я, вы и Раухъ,—сказалъ онъ,—единственные (друзья Пруссіи), всѣ другіе—сумасброды и злосты».

3-го августа. Извѣстіе изъ Варшавы: всѣ взбѣшены на Паскевича; если онъ въ скоромъ времени не одержитъ побѣды, то императоръ намѣренъ его смѣнить. Паскевичъ же жалуется, что нигдѣ не можетъ встрѣтить

¹⁾ Отъ германскаго союзного войска.

²⁾ Какъ известно, Пруссія, подавляя возмущеніе въ Саксоніи, поощряла его въ Гольштайніи противъ датскаго короля.

³⁾ Императорская корона была предложена франкфуртскимъ национальнымъ собраниемъ.

⁴⁾ Прускій посолъ при русскомъ дворѣ.

А. Ч.

⁵⁾ См. собственноручныя Записки императора Николая Павловича о прусскихъ дѣлахъ и о королѣ прусскомъ въ 1848—1849 гг., напечатанные въ «Русской Старинѣ» 1870 г., изданіе третье, томъ I, стр. 295—303. Ред.

непріателя и заставить его принять сражение; что онъ не имѣть никакихъ извѣстій, и пр.

9-го августа. Есть люди, которые восторгаются каждой побѣдою мадьяровъ, какъ будто эти побѣды нанесутъ смертоносный ударъ Австріи и Россіи, а Пруссіи окоротить рога; мнѣ же кажется, въ разыгрывающейся драмѣ для союзниковъ болѣе важно пораженіе мадьяровъ, чѣмъ торжество славянскаго дѣла, безъ разрѣшенія котораго не движется впередъ и нѣмецкое.

10-го августа. Князь Шварценбергъ ¹⁾, въ отчаяніи, поѣхалъ умолять императора Николая.

13-го августа. Нашъ народъ принимаетъ живѣйшее участіе въ судьбѣ мадьяровъ; весело смотрѣть на портреты Гергеля, Дембинскаго, Бема и Чернеля.

18-го августа. Конфиденціальный сообщенія изъ Россіи—отъ Рауха ²⁾.

18-го августа. По видимому, разладъ между Россіею и Австріею очень великъ.

21-го августа. Обращеніе Гергеля къ русскому императору, во всякомъ случаѣ—обстоятельство весьма важное по послѣдствіямъ.

31-го августа. У в. к. Михаила Павловича параличъ. В. к. Елена Павловна пріѣхала сюда. Во время венгерской кампаніи императоромъ Николаемъ получались иногда такія безотрадныя извѣстія, что ему уже видѣлось уничтоженіе всего войска, восстаніе въ Польшѣ.... Когда сынъ Паскевича привезъ ему извѣстіе о сдачѣ Гергеля, то, слушая его, онъ стоялъ (удивленный) и, казалось, не ощущалъ никакой радости (?!), и первыми произнесенными въ словами были: «какое счастіе Паскевичу!»—конечно, незаслуженное,—думалъ онъ про себя (?!), ибо не могли же отъ него скрыться значительные промахи главнокомандующаго. Были случаи, когда можно было заподозрить Паскевича въ симпатіяхъ къ венгерцамъ: онъ забывалъ принимать самыя необходимыя мѣры, даже тогда, когда ему о томъ напоминали. Трудно рѣшить, происходило ли это отъ неспособности или измѣны. Послѣ одной важной неудачи Паскевичъ сталъ удрекать ген. Аирепа и обвинять его въ невыполненіи данного приказанія. «Вы прислали инѣ,—вразумилъ Аирепъ не то приказаніе, на которое теперь ссылается, а совершенно противное ему», и, вынувъ листъ бумаги, исписанный карандашомъ, прибавилъ: «надѣюсь, что вы не отречетесь отъ того—хотя вы и способны на это—что это писано вашею рукой». Тогда Паскевичъ схватилъ Аирепа за грудь, но тотъ, будучи сильнѣе и моложе, толкнулъ его, отбросилъ къ стѣнѣ и, уходя,

¹⁾ Австрійскій первый министръ.

²⁾ Выше, о назначеніи Рауха посломъ въ Петербургъ выразился авторъ такъ: «на важнѣйшей постѣ—глупѣйшаго человѣка».

сказать: «вотъ, что вы заслужили». Этотъ скандалъ не имѣть дальнѣйшихъ послѣдствій.

Въ концѣ августа. Не будь предательства Гергеля, можетъ быть, европейскія дѣла приняли бы совершенно иной оборотъ. Австрійскіе и русскіе генералы враждовали другъ къ другу.

3-го сентября. Постыденіе коллеж. сов. Дипломата¹), изъ Веймара. Зло шутить о тамошнемъ дворѣ и обществѣ.... Умный и тонкій медантъ.... Онъ уѣхалъ меня, что Россія не потребуетъ выдачи Бакунина. Жуковскій поѣхалъ въ Варшаву, къ императору, чтобы просить о продолженіи заграничнаго отпуска.

7-го сентября. Генералъ-адъютантъ (prusскій) Нейманъ привезъ изъ Варшавы королю не совсѣмъ пріятныя наставленія. Русскій императоръ говорилъ: «тѣмъ не уничтожаешь революціи, если ее подавлишь только у другихъ²), а у себя дома, посредствомъ конституціонныхъ фарсовъ, готовишь ей свѣжую почву». Ему не нравится обнаруживающіяся стремленія къ объединенію Германіи.

13-го сентября. Циркулярнаяnota Нессельроде: достигши желанныхъ результатовъ, русскіе удаляются (изъ Венгрии); императоръ оказалъ помощь Австріи, руководствуясь единственно великодушіемъ.—Смерть Михаила Павловича въ Варшавѣ и немедленный отъездъ императора въ Петербургъ.

8-го октября. Послѣ обѣда быть у меня молодой русской, г. К., съ карточкой отъ кн. Вяземскаго. Странныя извѣстія изъ Петербурга.

Я не могу узнать отъ г. К. живъ ли Невѣровъ³), что дѣлаетъ Грановскій и др. Венгерская война очень не нравилась русскимъ либераламъ.

Г. К. отправляется въ Англію.

19-го октября. Говори о своемъ шуринѣ—королѣ прусскомъ, русскій императоръ всегда (отзываются жестко).

28-го октября. Писаль о турецкомъ вопросѣ. Война съ Турциею противна политики Россіи, такъ какъ эта война повлечетъ за собою другую—съ Англіей. Россія предпочла бы имѣть Англію союзницею для реакціонной войны съ Франціей, такъ какъ къ тому рѣшительно стремятся всѣ кабинеты.

15-го ноября. Писаль объ отношеніяхъ Пруссіи къ Россіи. Императоръ Николай чувствуетъ состраданіе къ Пруссіи и щадить государство, надѣясь,

¹⁾ Должно полагать, состоять при русскомъ посольствѣ.

²⁾ Прусскія войска сражались противъ революціи въ Саксоніи и в. г. Баденскомъ.

³⁾ Бывшій (до 1878 г.) попечитель Кавказскаго учебнаго округа. А. Ч.

что въ немъ снять възаряется абсолютизмъ; но обѣ особы короля выражаются всегда (крайне неодобрительно)....

15-го декабря. Генералъ Раухъ присыпаетъ изъ Петербурга, что называется, хорошія извѣстія, но императоръ выражается (жестко) о (королѣ).

Ревель, 1875 г.

Перев. и соообщ. А. А. Чумиковъ.

Замѣтка по поводу рассказа: «А. Н. Карамзинъ».

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXII, на стр. 193—216, помещена статья подъ заглавиемъ: «Андрей Николаевичъ Карамзинъ», сообщенная г. Вистенгофомъ. Статья эта, по тону своему и тѣмъ подробностимъ, съ какими повѣствуется событіе подъ Капакуломъ, имѣть претензію на авторитетность, какая подобаетъ только личному свидѣтелю происшествія и лицу, посвященному во всѣ подробности распоряженій начальства. Между тѣмъ, г. Вистенгофъ свидѣтелемъ дѣла не быть и не знать не только распоряженій начальства, но и много таихъ вещей, какія онъ долженъ бы быть знать. Если бы онъ былъ знакомъ съ военнымъ дѣломъ, онъ, напримѣръ, не написалъ бы словъ: *ударилъ сигналъ*, такъ какъ у гусаръ барабановъ не имѣется и ударять имъ не во что. Если бы онъ былъ немногого повнимательнѣе, то зналъ бы, что Павелъ Петровичъ Липранди командовалъ Малорахаскій отрядомъ, въ составъ котораго входить и Александрийскій полкъ, и что я въ теченіе цѣлаго года исполнялъ должностіи начальника штаба его. Этого всего г. Вистенгофъ не знаетъ, но говорить въ статьѣ своей о таихъ предметахъ, которыхъ онъ знать не могъ.

Не стану опровергать одну за другой всѣ ошибки г. Вистенгофа и ограничусь однимъ лишь обстоятельствомъ, лично меня касающимся.

Знай, что Андрей Николаевичъ не долго служилъ субалтери-офицеромъ въ гвардейской конной артиллеріи и, побывавъ на Кавказѣ, гдѣ участвовалъ въ экспедиції, вскорѣ затѣмъ вышелъ въ отставку; зная, что о кавалерійской строевой службѣ онъ никакого понятія не имѣлъ, я, какъ начальникъ штаба отряда, вовсе не желалъ, чтобы Карамзинъ командовалъ предстоящимъ лѣтучимъ отрядомъ, котораго генералъ Липранди рѣшительно не хотѣлъ ему довѣрить. Но имѣя въ виду, что Карамзинъ рапортуетъ болѣымъ, я собразилъ и доложилъ о томъ начальнику отряда, что старшимъ въ полку остается подполковникъ Дикъ, старый и опытный кавалерійскій офицеръ, который и будетъ командовать отрядомъ. Генералъ Липранди никогда никакого порученія къ полковнику Карамзину миѣ не давалъ. Велико же было мое удивленіе, когда Карамзинъ объявилъ миѣ, что онъ выздоровѣлъ и, какъ старший, желаетъ идти въ головѣ отряда. За это я его не только не хвалилъ тѣми словами, какія приводить г. Вистенгофъ, а, напротивъ того, уго-

веривалъ его по болѣзни оставаться дома. Я даже поторопился вернуться къ себѣ въ штабъ, чтобы задержать приготовленное уже предписание и передѣлать его сообразно съ измѣнившимся обстоятельствомъ, но оно уже было отправлено въ полкъ. Затѣмъ Карамзинъ упросилъ начальника отряда посыпать его въ командировку и не подвергать его, конечно, тѣжкой обидѣ.

Вотъ какъ было дѣло, и если г. Вистенгофъ могъ такимъ образомъ извратить этотъ фактъ, то какой же вѣры могутъ заслуживать остальные его рассказы? Такъ, напримѣръ, вѣроюдно ли то, чтобы вънѣшность о сорваніи медальона съ груди пѣненнаго Карамзина была подсмотрѣна струившимъ гусаромъ, притаившимъ подъ мостомъ? Несомнѣнно только то, что въ этомъ приспорбномъ дѣлѣ, виновникомъ котораго былъ, конечно, Карамзинъ, полагаю не отыскалъ себѣ новой славы и никто изъ подчиненныхъ Карамзина не исполнилъ своей обязанности какъ бы слѣдовало.

Князь Викт. Илл. Васильчиковъ.

С. Трубетчино, 15-го июня 1878 г.

Тропарь соч. митрополита Филарета

1866 г.

— одно изъ предпослѣднихъ упражненій духа его ¹⁾), выразившееся въ переложеніи въ стихъ тропаря на день Преображенія Господня, учиненное митрополитомъ Филаретомъ на академическомъ актѣ духовной академіи въ 1866 году и списанное для меня собственно рукою покойнаго же ректоромъ академіи отцомъ А. В. Горскимъ, пояснившимъ и самое событие. Митрополиту было представлено стихотворное переложеніе сего тропаря, сдѣланное однимъ изъ экзаменованныхъ молодыхъ людей. Старецъ, взявъ бумагу и перо, тутъ же написалъ свое переложеніе и, передавая сюе ректору, молвилъ: «не будетъ ли такъ ближе къ подлиннику?»

ТРОПАРЬ НА ДЕНЬ ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ.

Преобразился днесъ Ты на горѣ, Христе,
И славу тамъ Твою ученики узрѣли,
Дабы, когда Тебѣ увидать на крестѣ,
Страданье вольное Твое уразумѣли,
И проповѣдали вселенной до конца,
Что Ты—Слава Отца.

Ф. М. М.

Въ августѣ 1866 г.

Сообщ. Павл. Семёновъ.

9-го июня 1877 г.
Сергиевъ посадъ.

¹⁾ Извѣстно, что къ этому времени относится переведенная имъ съ греческаго Увѣщательная пѣснь св. Григорія Богослова: «Близокъ послѣдній трудъ жизни: плывущее въсе кончало» и пр.

Волшебные письма.

1.

Молитва—тоску отнять.

«Господи Боже, благослови, Отче. Лягу азъ, рабъ Божій (имярекъ), благословясь, стану перекрестись и выйду на бывшій свѣтъ, облакомъ облекуся и свѣтомъ препояшуся, государыня вечерия зара, морю я мна (sic), утренняя заря маѣ (sic) и вы, двѣнадесятъ буйные вѣты, двѣнадесятъ святые апостолы, соймите вы у сей рабы Божіей (имя реки) тоску и печаль и воздыханіе, что есть у сей рабы (имя реки) по семь рабъ Божіемъ (имя река), ве отпустите той тоски, печали и воздыханія ни на землѣ, ни на водѣ, ни на какой камене (sic), ни на лежащую колоду, ни на стоячее дерево, отпустите вы тоску и тую печаль и воздыханіе щукою въ море отъ бѣле (sic) камень; отъ нынѣ и до вѣку и во вѣки вѣковъ аминь».

Говорить сіи слова на воду и послѣ паренъя мыться и взять въ банѣ камень, воды въ сосудъ, и говорить сіи слова: «студене камень, студи воду, такъ бы студило сердце у сей рабы Божіей (имя реки) по рабѣ Божіемъ (имя реки) отъ нынѣ и до вѣку», и тонко обверни камень кругъ ей противъ солнца и вмокни камень въ воду, что въ сосудѣ стоять, и говори по три раза сіи слова и камень кругъ головы обверни, тоже противъ солнца, и въ третій разъ обверни камень кругъ головы его и пусти камень въ воду, пускай тамъ постоитъ и вынь камень изъ воды и закажи, чтобы ничего не говорить, дай пить молча и остатки па ней нахни и проговори: «какъ сошлися, такъ и разошлися».

2.

Стану я, рабъ (имярекъ), не благословясь, пойду не перекрестясь, не изъ дверей въ двери, не изъ воротъ въ ворота, выйду изъ верхнаго окна дымомъ и во далече въ чистое поле, по чернымъ тропамъ, въ сухой боръ идутъ тридцать три діавола, у трехъ діаволовъ три старости, у трехъ старостъ бывшій сатана. Куда-же вы пошли? пошли уголья жечь, не поте (sic) уголья жечь вотъ (sic) къ сей рабы (имярекъ) обжигайте сердце ретиво и присушайте ко мнѣ, къ рабу (имярекъ), и я, рабъ (имярекъ), отрицаюсь отъ отца и матери, отъ роду-клемена и отъ Божіей церкви, и отъ Пресвятой Матери Божіей Богородицы, чтобы она, раба (имярекъ), не могла ни крестомъ, ни молитвою оборониться, ни въ парной банѣ отмыться, я присушайте кость въ кость и суставъ въ суставъ и сохла бы день и ночь по мнѣ, по рабѣ (имярекъ)».

Сообщ. Г. Е. Рѣпниковъ.

Замѣтка о Родионовѣ.

По поводу запечатанного въ «Русской Старинѣ» пзд. 1878 г., томъ ХХII, на стр. 479—481, письма Павла Черкесова къ И. А. Родионову 1813 г.,—дозволю себѣ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о лицахъ, упоминаемыхъ въ письмѣ; можетъ быть, они будутъ не лишними въ видѣ примѣчанія къ нему.

Иванъ Александровичъ былъ сынъ Александра Ивановича Родионова (артиллеріи капитанъ), убитаго 12-го июня 1774 года при защитѣ крѣпости Казани отъ нашествія полчищъ Пугачева.—Престарѣлый Александръ Ивановичъ въ то время скрывался въ алтарѣ Воскресенского собора въ Казани, найденъ тамъ и, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими дворянами, мучени-

чески кончилъ свою жизнь на паперти церковной.—Александръ Ив. былъ женатъ на Наталии Ивановнѣ Осокиной. Вторая же его жена, Анна Николаевна, была основательницей Казанскаго Родионовскаго института, главнымъ фондомъ которого послужило родовое великолѣпное имѣніе, село Масловка, Казанской губерніи, на рекѣ Камѣ.—Сынъ убитаго Александра Ивановича, Иванъ Александровичъ (дѣдъ мой, къ которому писано письмо), во время народного волненія на приволжѣ по случаю успѣховъ Пугачева, 14-ти лѣтъ былъувезенъ изъ гор. Казани крестьяниномъ села Винкаймы, Корсунскаго уѣзда Симбирской губ., Степаномъ Семеновымъ, выѣхавшимъ съ братомъ, 4-хъ лѣтнимъ Николаемъ Александровичемъ.—Дѣти въ крестьянскомъ платьѣ переданы были въ селѣ Винкаймы господскому ключнику, крестьянину того же села Потапову. За Потаповымъ зорко следили другое крестьяне,—онъ привилъ однакоже господскихъ дѣтей и высыпалъ ихъ съ своими домочадцами на полевые работы, на полотье и друг. Крестьяне стали говорить, что онъ укрываетъ господскихъ дѣтей, что у ребятишекъ (такъ какъ крестьяне знаютъ дѣтей своихъ односельцевъ) что-то больно руки болѣютъ!—Потаповъ, опасаясь за барчать, уговорилъ Степана Семенова тайкомъ перевезти ихъ на пчельникъ. —Здѣсь, на Оболлюномъ пчельникѣ, близъ Безводенской дачи, скрывались дѣти до усмирѣнія края отъ волненій и прїезда въ село Винкаймы опекуна спрѣть, дяди ихъ, Дмитрия Ивановича Родионова.

Иванъ Александровичъ былъ женатъ на упоминаемой въ письмѣ Черкесова Даріѣ Никифоровнѣ, рожденной Ивашевой.—Родной братъ ея, Петръ Никифоровичъ Ивашевъ, имѣлъ сына Василия Петровича, известнаго декабриста.—Старикъ Петръ Никифоровичъ, —иѣкогда адъютантъ Суворова, —при арестѣ сына, молодаго кавалергарда, отправился хлопотать о его участіи въ Петербургѣ.—Здѣсь подалъ онъ государю Николаю Павловичу прошеніе, въ кото-ромъ ручался въ неучастіи сына въ заговорѣ,—и закончилъ письмо просвѣбою: что ежели бы дѣйствительно сынъ его оказался виновнымъ, то сугубою строгостью подвергнуть его наказанію!—Сокранилось семейное преданіе, что это виновательство отца было пагубою молодаго декабриста, —что письмо это заставило обратить вниманіе слѣдственной комиссии на человѣка, котораго вся вина заключалась въ томъ, что быть богатъ и открыто жить. Въ домѣ его томилась молодежь высшаго круга,—а въ числѣ ихъ были люди, задумавши переворотъ. Вообще можно сказать, что заговоръ не былъ тайною современному высшему петербургскому обществу; можетъ быть, цѣль конечная не всѣмъ была ясна, какъ не ясна она была и для большинства главныхъ дѣятелей тайного общества.—Старикъ всю жизнь мучался, обвиняя себя въ невольной причинѣ несчастія сына; жена его, Вѣра Александровна (рожденная Толстая), женщина непреклоннаго нрава,—всю жизнь корила мужа въ томъ же. Камиль Ле-Дантю, дочь гувернантки сестеръ Василия Петровича, рѣшилась—по неотступной просьбѣ старухи Ивашевой и своей матери,—ѣхать въ Сибирь и выйти тамъ замужъ за ссыльно-каторжнаго.—Въ Сибири (близъ Нерчинска) Ивашевы были счастливы въ своемъ семействѣ; у нихъ родились дѣти,—возвратившись въ Россію по смерти родителей, а потомъ и восстановлены въ своихъ дворянскихъ правахъ: 1) сынъ Петръ, воспитывался въ С.-Петербургѣ, въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, женился на Екатеринѣ Александровнѣ Лебедевой.—2) дочь Марія, замужемъ за Константиномъ Васильевичемъ Трубниковымъ, и 3) Вѣра—за Черкесовымъ, тѣмъ самымъ, который имѣлъ книжный магазинъ въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ.

Сообщ. Дм. П. Родионовъ.

А. В. БЕСТУЖЕВЪ

[По поводу Записокъ Жиркевича].

Въ журналѣ «Русская Старина» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 401—422, помещена XXII-я глава изъ «Записокъ И. С. Жиркевича, 1835 г.», въ которой, между прочимъ, попирается честное имя покойного Андрея Васильевича Бестужева, бывшаго управляющаго симбирской удѣльной конторой.

Говоря устами Жмакина объ Андреѣ Васильевичѣ, авторъ «Записокъ» забываетъ, что грязный и пошлый отзывъ такого человѣка, какъ Жмакинъ, который былъ хорошо известенъ министру внутреннихъ дѣлъ Блудову («Рус. Стар.», юль, стр. 413), не только не въ состояніи замарать имя честнаго человѣка, но даже служить подтверждениемъ его благородныхъ стремленій.

Личная вражда Жмакина къ Андрею Васильевичу Бестужеву, проглядывающая въ каждомъ его словѣ, и его нравственные качества, о которыхъ свидѣтельствуетъ Блудовъ, доказываютъ, что все высказанное Жмакинымъ объ Андреѣ Васильевичѣ есть ничто иное, какъ выраженіе безсильной злобы противъ человѣка, честность которого всегда была противна убѣжденіямъ Жмакина и единомыслящихъ съ нимъ людей.

Наконецъ, графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій, при своей известности и высокомъ положеніи въ государственной жизни, не могъ-бы положиться въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ введеніе въ Россіи удѣла, на Андрея Васильевича, если-бы это былъ человѣкъ «незнающій и неблагонадежный», какъ высказывается желчная и лживая статья г. Жиркевича, и не рекомендовалъ-бы А. В. Бестужева, какъ отличнаго и усерднаго чиновника, благородно мыслящаго человѣка, на котораго онъ совершенно полагается.

Это противорѣчие фактовъ, приведенныхъ Жиркевичемъ, ясно указываетъ читателю, что вся статья его есть плодъ личнаго чувства непріязни и озабоченія противъ А. В. Бестужева, а известно—гдѣ нѣтъ безпристрастнаго отношенія къ людямъ, тамъ не можетъ быть и правды; но, во всякомъ случаѣ, низко прибѣгать къ такому средству удовлетворенія личныхъ чувствъ, какое избралъ г. Жиркевичъ—къ клеветѣ.

А. В. Бестужевъ.

ЗАМЕТКИ, ПОПРАВКИ, ОПЕЧАТКИ.

М. Н. Жемчужниковъ.

Въ Запискахъ Жиркевича, въ ХХII томѣ «Русской Старины» изд. 1878 г., на стр. 414, вкаилась ошибка относительно службы Михаила Николаевича Жемчужникова, именно: тамъ сказано, будто онъ до 1834 г. бытъ уже губернаторомъ «въ Рязани». Вместо въ «Рязани», слѣдуетъ поставить—въ Костромѣ.—М. Н. Жемчужниковъ оставался въ Костромѣ не долго, бывъ вынужденъ семейными обстоятельствами оставить службу и возвратиться къ семье, въ деревню (Орловской губерніи, Елецкаго уѣзда); но затѣмъ, по желанію императора Николая Павловича, онъ вновь вступилъ въ службу, назначень с.-петербургскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а потомъ сенаторомъ (въ I-й департаментъ), и въ этомъ званіи скончался.

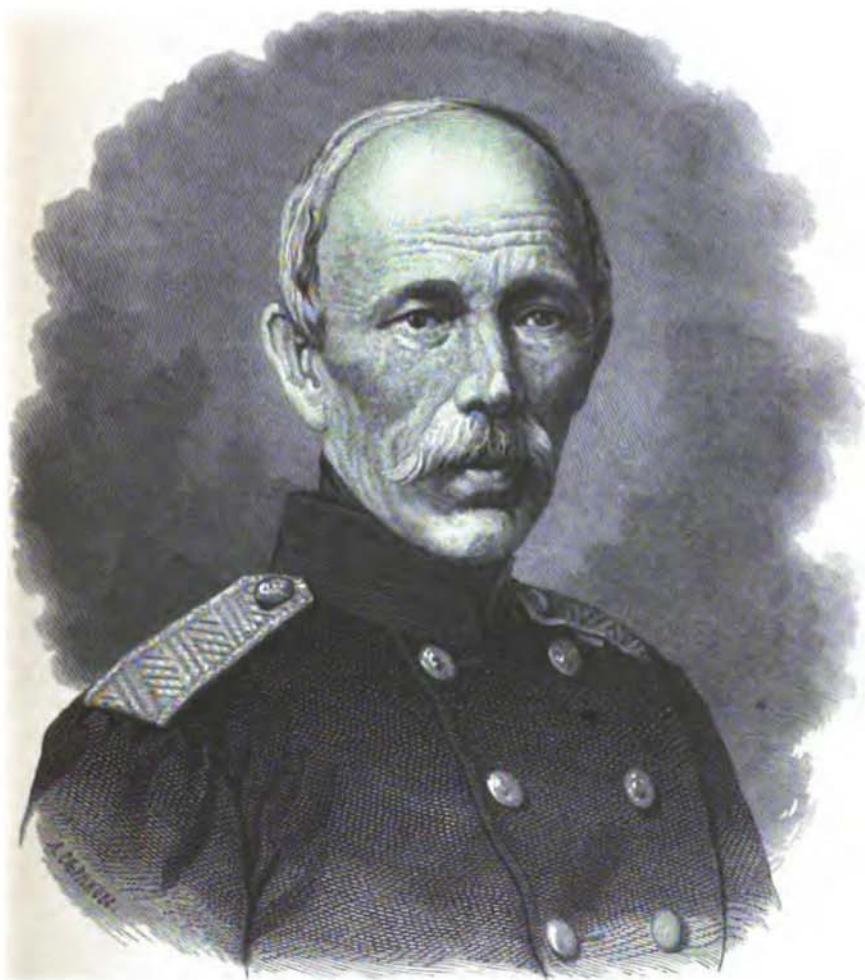
В. М. Жемчужниковъ.

Объ Андреѣ Николаевичѣ Карагаинѣ, на стр. 196 въ ХХII-мъ томѣ «Русской Старины», сказано, что жена его Аврора Карловна—рожденная графиня Шеривальдъ.

Это ошибка: она рожденная Валленъ. Валлены принадлежать по происхождению къ шведской знати, но не графы. Въ шведской знати нѣть даже фамилии Шеривальдъ, а есть Шериваль, изъ которыхъ два пожалованы въ бароны: статсь-секретарь Великаго Княжества Финляндскаго и инженеръ путей сообщенія тайный советникъ. Первый называется Шериваль-Валленъ, потому что женатъ на послѣдней отрасли старшей линіи Валленовъ.

Г. Борачевскій дѣлаетъ запросъ: кому принадлежитъ статья «Цесаревичъ Константина Павловича въ Верхбѣ», и самъ высказываетъ предположеніе, что статья эта заимствована изъ исторіи восстания, написанной Мокнацкимъ на польскомъ языкѣ.

Предположеніе это ошибочно. Рассказъ цѣлкомъ принадлежитъ одному изъ участниковъ свиданія—Лелевелю и въ подлинникѣ помѣщены, на польскомъ языкѣ, въ полномъ собраніи его сочиненій. Само собою разумѣется, что рассказъ наложенъ въ высшей степени пристрастно къ полякамъ и къ нему надо относиться критически. Ред. «Русской Старины» дала мѣсто этому рассказу только какъ материалу для всесторонняго ознакомленія съ однимъ изъ знаменательнѣйшихъ эпизодовъ польского восстания 1830—1831 гг.

Г. В. НОВИЦКІЙ.

ГЕНЕРАЛЪ ОТЪ АРТИЛЛЕРИИ.

1800—1877.

Издано Ижидиевицемъ М. Д. Новицкой.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1878 Г.

Доволено цензурою. с.-петербургъ, 19 августа 1878 г.

Экспедиция заготовления государственныхъ бумагъ.

Digitized by Google

Библиотека "Руниверс"

Къ числу указанныхъ П. А. Ефремовымъ рисунковъ къ сочиненіямъ Н. В. Гоголя (тому ХХII-й «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., стр. 166—167) онъ просить присоединить указаніе на два рисунка къ повѣсти «Вій», помѣщенные въ недавно вышедшемъ «Художественномъ альбомѣ Пчелы», и на карикатуру Неваховича въ его Ералашѣ (1846, л. 24): «Шествіе въ храмъ славы», где Гоголь изображенъ заснувшимъ на 2-мъ томѣ «Мертвыхъ Душъ».

Въ ХХII-мъ томѣ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., стр. 190—191, напечатанъ «Акаѳистъ Мировому Посреднику», сообщенный Л. Мацѣевичемъ. Г. Мацѣевичъ сообщаетъ, что акаѳистъ этотъ записанъ имъ въ Полтавской губ. не въ 1873 году, какъ то можно подумать изъ ошибочно-скѣланной помѣты года подъ заглавиемъ, но въ 1866-мъ году; въ Сибирской же губерніи «Акаѳистъ Мировому Посреднику», какъ говорили г. Мацѣевичу, былъ извѣстенъ еще въ 1863-мъ году и притомъ въ значительно большемъ объемѣ. Изъ этого можно думать, что напечатанное нынѣ обращеніе къ Мировому институту было пасквилемъ, вышедшемъ изъ среды озлобленныхъ крѣпостниковъ задолго до упраздненія Мироваго института, что видно, между прочимъ, изъ бранихъ и глупыхъ выходокъ, нами опущенныхъ въ печати, напр.:

«Радуйся, коммунизма знамя развивающій... и т. п.

Въ юньской книжѣ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., тому ХХII-й, стр. 347—368, напечатанъ: «Подарокъ ученымъ: О Царѣ Городѣ—шутка, написанная въ 1834 году Касторомъ Никифоровичемъ Лебедевымъ, известнымъ въ послѣдствіи сенаторомъ. Одинъ изъ ораторовъ, трактующихъ въ этой шуткѣ подъ букво Е—Михаилъ Григорьевичъ Павловъ, знаменитый въ свое время ученый и профессоръ Московскаго университета. Подъ букво И—выведенъ Василий Аполлоновичъ Ушаковъ, авторъ книги: «Досуги инвалида» (М. 1832 г.), въ которой, между прочимъ, помѣщена повѣсть «Матушка мадамъ», на что есть намекъ и въ его рѣчи, воспроизведенной К. Н. Лебедевымъ. »

На стр. 354-й того же тома напечатано: «Историковъ Естетиковъ» читай: «Историковъ и Естетиковъ».

На стр. 351-й въ ХХII-мъ томѣ упоминается о библиотекѣ Николая Павловича Дурова. Это, безспорно, одна изъ замѣчательнѣйшихъ частныхъ библиотекъ въ С.-Петербургѣ по отношенію къ тѣмъ драгоцѣннымъ, крайне рѣдкимъ изданіямъ, каки въ ней собраны по отношенію къ русской исторіи, исторіи отечественной словесности, русской журналистики.... Собранию ея Н. П. Дуровъ, профессоръ математическихъ наукъ въ Технологическомъ институтѣ, Институтѣ путей сообщенія и Строительномъ училищѣ, посвятилъ двадцать лѣтъ (1868—1877 гг.). Это обширное и превосходное книгохранилище заслуживаетъ подробнаго описанія.

Родословная Слюбовевыхъ, напечатанная въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., тому ХХII, стр. 527—528, должна быть дополнена въ IV-мъ колѣнѣ: Зинаида Дмитріевна, род. 17-го января 1857 г., въ С.-Петербургѣ, въ замужествѣ съ 2-го июля 1878 г. за Его Высочествомъ Евгениемъ Максимилиановичемъ, княземъ Романовскимъ, герцогомъ Лейхтенбергскимъ. [Бракосочетаніе совершено въ Петергофѣ, въ Троицкой церкви, что при собственной датѣ Ея Величества].

Къ списку восьми «декабристов», остающихся къ 1-му сентябрю 1878 г. въ живыхъ (см. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 526), должно привлечь еще одного: Владимира Сергеевича Толстого, 74-хъ лѣтъ, живущій въ Московской губерніи, въ семье имѣнія сельцѣ Барановъ-Лапшинскѣ, Подольского уѣзда.

Въ «Русской Старинѣ», томъ XXII, стр. 511—520, вместо напечатанного: «Шлезвигъ», читай: Силезія.

Тамъ же, стр. 519, напечатано: «Веймаръ», читай: «Висмаръ».

Въ биографическомъ очеркѣ «Г. В. Новицкій», напечатанномъ въ XXII-мъ томѣ «Русской Старины» изд. 1878 г., вкрались слѣдующія опечатки:

<i>Стран.:</i>	<i>Строка сверху:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Читай:</i>
274	18	Полякъ	Полякъ.
*	3 примѣч.	Двѣстрѣ	Двѣстрѣ.
276	28	А. Х. Бенкендороръ.	К. О. Бенкендорфъ.
278	10	Двѣнадцати.	Одиннадцати.
*	11	Анны 2-й ст.	Анны 3-й ст.
292	28	Меснала.	Мескала.
*	24	Атакогну	Атавогау.
*	25	Чухсинъ	Чухсинъ.
		Пикупсу	Псекупсу.

и вопросы, имѣющие обще-археологический интерес: мѣстные древности Кубанской и Терской областей, проф. Кондакова; историческое значение городищъ, проф. Сапонгасова; языческое кладбище въ Дорогицахъ, проф. Павлисаго; объ обычаяхъ языческихъ одеждъ въ храмахъ, проф. Терновского; Соэз цареградская по списку русского паломника XII в., проф. Срезневского; пещера Бычачьи скалы въ Моравіи, Ванкса; дохристіанские могильники въ Моравіи, д-ра Дудика; о резиденции хановъ Золотой орды до временъ Джалабека I, проф. Бруна; русскія народныя преданія объ историческихъ лицахъ въ событіяхъ, проф. Аристова; какіе могутъ быть сдѣланы выводы изъ названий населенныхъ мѣстностей, г. Износкова; что значитъ Россовлахія въ греческихъ документахъ, проф. Григоровича; опытъ объясненія одного темного мѣста въ скандинавской Геродота о Сківін, г. Бурачкова; о топографическомъ словарѣ всѣхъ славянскихъ земель, г. Колара; Янь Ласецкій и его соч. «Dediis Samogitarum», г. Мэрлинского; не было ли въ Москвѣ опыта яиопечатанія до первопечатнаго Апостола, г. Викторова; о памятникахъ, прославившихъ Куликовскую битву, г. Хрушова; древне-переяславская епархія и опыты изслѣдованія новомакетуры мѣстностей Переяславскаго уѣзда Владимирской губ., свящ. Смирнина; по вопросу о регалияхъ, приписываемыхъ Владимиру Мономаху, прот. Прозоровскаго; о древней вислой свинцовѣй печати съ надписью отъ Ратибора, найденной около Еникале, г. Люценка; сообщенія о нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ письменности и между прочими г. Леже объ отрывкахъ славянскаго письма, хранившихся въ Турской библиотекѣ; двѣ три реферата, относящихся къ вопросамъ классической археологии.

Таково содержаніе вышедшихъ двухъ томовъ «Трудовъ». Атласъ, приложенный къ этому изданию, составленъ изъ плановъ мѣстностей, снимковъ съ предметовъ древностей и образцовъ южно-русского орнамента (узоръ, табл. XVI—XXV). Рисунки выполнены фото-литографическимъ способомъ проф. университета св. Владимира В. А. Бедомъ, имѣющимъ собственную мастерскую для снимковъ анатомическихъ предметовъ. Атласъ выполненъ чисто и

изящно; издание текста, печатавшагося въ университетской типографіи, также сдѣлано вполнѣ удовлетворительно, что не всегда можно сказать о киевскихъ изданияхъ, вообще не отличающихся въ типографическомъ отношеніи. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ сдѣлать поблагодарить издателей, употребившихъ значительныхъ усилий для преодолѣнія вскихъ препятствій.

Труды Киевскаго съѣзда поклонились въ свѣтъ благодаря средствамъ, назначеннымъ на издание г. министромъ народнаго просвѣщенія, по ходатайству гр. А. С. Уварова, а также предоставленнымъ самимъ гр. Уваровымъ, «неутомимымъ двигателемъ археологическихъ занятій въ нашемъ отчествѣ».

Древности. Труды Московскаго археологического общества, изданные подъ редакцію В. Е. Румянцева. Т. VII, выпускъ I. Съ 14 политипами въ текстѣ и 10 хромолитографическими рисунками въ приложеніи.

Настоящее изданіе, служащее органомъ Московскаго археологического общества, обязано своимъ возникновеніемъ и существованіемъ тому-же неутомимому двигателю на поприщѣ археологіи въ Россіи—гр. А. С. Уварову. Въ послѣднее время оно выходитъ подъ ближайшимъ завѣданіемъ секретаря общества, В. Е. Румянцева. Въ составъ настоящаго выпуска вошли слѣдующія статьи: I. Издѣданія: о лютомъ завѣрѣ народныхъ пѣсень, В. Ф. Миллера; оріандовская пещера, гр. А. С. Уварова; описание тверскаго музея, А. К. Жизневскаго, съ примѣч. гр. Уварова; описание евангелія 1092 г., архим. Амфилохія. II. Археологическая извѣстія и заметки: по поводу возстановленія древнихъ библіотечныхъ палатъ московского печатнаго двора, В. Е. Румянцева; надгробныя надписи въ московской церкви св. Николая въ-Башмачахъ, В. Е. Румянцева. III. Библіографія: объ античныхъ русской церкви, св. Ки. Никольскаго; археологическое общество при чешскомъ музѣ и его журналъ, Н. А. Попова; нѣкоторые указанія и соображенія относительно движенія археологическихъ занятій и литературы у словенцевъ, чеховъ, лужичанъ и полаковъ, А. А. Котляревскаго. IV. Протоколы засѣданій Московскаго археологического общества. В. И.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1878 г.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большия тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересыпкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старинѣ“ на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиного двора, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова**, д. № 46. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьевъ**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близь Екатерининского канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событияхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—III. Историческіе материалы изъ архивовъ и частныхъ собраний.—IV. Жизнеописанія и новые материалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и материалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведения извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—VI. Бібліографическія замѣтки о рус.-исторической литературѣ.—VII. Историческіе разсказы, преданія и анекдоты.—Характерныя человѣческія, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени.—VIII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII-го и XVIII-го вѣк.—Стихи и пѣсни духовные и сектантскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить третье изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 года, цѣна **ВОСЕМЬ** р. за 12 кн. безъ переплета и 11 р. въ переплѣтѣ, съ перес.

„Русская Старина“ 1876 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ девятый.

ОКТЯБРЬ.

1878 годъ

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, генераль-аншефъ, 1661—1788 гг. Биографический очеркъ и письма къ дочери. Сообщ. П. В. Алабинъ	161	VI. Иванъ Константиновичъ Абазовский и его XII-хъ лѣтняя художественная дѣятельность, 1836—1878 гг. Главы XI—XV. 281
II. Русский дворъ въ 1761 г. Переводъ съ французской рукописи Лафермиера, хранящейся въ дворцовой библиотекѣ г. Павловска. Напечатано съ благо- склошнаго разрѣшенія Его Им- ператорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича	187	VII. Исторические материалы, очерки и замѣтки: 1. Челобитная на заводчика Акинои Никитича Демидова, въ 1721 г. Сообщ. Н. К. Чупинъ (307). 2. Сож- жение на кострѣ, въ 1738 г. Сообщ. Н. К. Чупинъ (309). 3. Довесение о поджогахъ лѣ- совъ башкирами, въ 1757 г. Сообщ. Н. К. Чупинъ (313). 4. Извѣстіе о Смолинскомъ мо- настырѣ, 1783 г. Сообщ. П. Ф. Горбуновъ (316). 5. А. О. Корниловичъ, издатель «Рус- ской Старины» въ 1824 г. Сообщ. А. А. Карасевъ (319). 6. Герой нашего времени, соч. М. Ю. Лермонтова. Варианты первой рукописи автора. Сообщ. Пав. Висковатый (321).
III. Журналъ путешествія В. И. Зи- мовцева по Германіи и Италии въ 1784—1785 гг. Сообщ. Н. П. Варышниковъ. Примѣчанія князя А. Б. Лобанова-Рос- товскаго	207	VIII. Митюха Балдашской. Зрѣлицѣ въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Соч. Н. П. Семенова. Сообщ. П. А. Ефремовъ 321
IV. Евграфъ и Петъръ Осиповичи Грудинины. Военно-судное дѣло въ Черкассѣ въ 1800 г. Сообщ. А. А. Карасевъ	211	IX. Библиографический листокъ исто- рическихъ книгъ. Сообщ. профес. В. С. И—въ (на оберткѣ).
V. Алексѣй Гавриловичъ Венециа- новъ, первый, по времени, рус- скій бытовой живописецъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности, 1780 —1846 гг. Составилъ П. Н. Петровъ. Главы I—II	265	

ПРИЛОЖЕНІЕ. Портретъ генерала-отъ-артиллериіи Георгія Васильевича Новицкаго.
Рисовалъ Н. О. Бромъ, гравировалъ въ Парижѣ Академикъ Л. А. Сѣряковъ [къ биогра-
фическому очерку въ XXII-мъ томѣ «Русской Старины»].

Принимается подписка на „Русскую Старину“ 1879 г.
Цѣна 8 руб. съ пересыпкою.

•Русская Старина• 1870 г. (третье изд.), 1876 г. (второе изд.) и 1877 г. — по 8 руб. съ перес.

•Русская Старина• 1878 г., двадцать книгъ, 8 руб. съ пересыпкою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БЛАШЕВА

Екатерининский каналъ, между Вознесенскимъ и Марфинскимъ мостами, № 90—1.

1878.

Х-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го октября.

Извѣстія о занятіяхъ IV Археологическаго съѣзда въ Казани. Казань, 1877. 192 стр.

Казанскій археологический съездъ имѣлъ свою показательную особенность—это изданіе ежедневныхъ бюллетеней своихъ засѣданій, полное собраніе которыхъ представляетъ сборникъ, заглавіе котораго мы выписали выше. Извѣстно, какую важность можетъ имѣть своевременное опубликованіе свѣдѣній о длительности ученаго съѣзда, многие вопросы которого часто имѣютъ временный интересъ. Знакомство съ обсужденными вопросами посредствомъ корреспонденцій въ газетахъ и периодическихъ изданіяхъ не всегда отличается въ точности, и необходимою полнотою. Всѣ подобныя неудобства значительно устраняются тѣмъ способомъ, какой былъ принятъ и такъ прекрасно выполненъ казанскимъ съездомъ, кажется, по примѣру съѣзда ориенталистовъ. Означенное изданіе даетъ возможность пользоваться сдѣлаными сообщеніями, пока не появятся самые труды IV съезда, которые, какъ можно судить по бывшимъ до сихъ поръ примѣрамъ (такъ труды петербургскаго съезда изданы только отчасти—вып. 1-и, а киевскаго выпущены недавно), не всегда появляются своевременно. Извѣстія IV археологического съезда, кроме перечня засѣданій съ изложеніемъ ихъ занятій, сообщаютъ списки лицъ, принимавшихъ участіе въ съездахъ, указатель историческихъ достопримѣчательностей Казани проф. Шипилевскаго (это 2-е изданіе той же записки), каталогъ казанскихъ изданій и т. п.

Въ видѣ особаго приложения къ «Извѣстіямъ» вышелъ «Указатель выставки при IV археологическомъ съезда» (94 стр.), въ который вошли древности первобытныя; памятники языка, письма и искусства; монеты и древности восточные; предметы, относящіеся къ современной этнографіи.

Материалы для исторіи и статистики Орловской губерніи, собран. секретаремъ Орловск. губернскаго статистического комитета А. Пупаревымъ. Орелъ, 1877. 120+64, съ таблицами и чертежомъ города Орла, составленнымъ въ 1741 г. Ц. 1 р. 50 к.

Изданія нашихъ провинциальныхъ статистическихъ комитетовъ и земствъ мало

известны и съ трудомъ попадаются въ руки исследователей, не говорить уже любителей отечественной старинъ. А между тѣмъ въ ряду ихъ можно указать не мало весьма ценныхъ и заслуживающихъ вниманія трудовъ. Таковы, напримѣръ, Воронежскіе петровскіе акты (Ворон. 1872). Воронежъ въ историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ, г. Веселовскаго (1868). Обозр. румянцевской описи Малороссіи (Вып. I—III, Черниговъ. 1866—1877 гг.). Историческое описание земли войска Донского, поизданнымъ материаламъ (т. I. 1869 г., II. 1872 г.), Географ. и статистич. словарь Пермской губерніи, составленный знающимъ этого края Н. К. Чупинымъ (т. I. 577 стр.), съ подробными библиографическими указаніями, Источники и пособія для изученія Пермского края, указатель книгъ и статей, относящихся къ послѣднему, Д. Смышляева (подобный указатель былъ помѣщенъ уже по 1859 г.—въ Перискомъ сборнике)—послѣдніе два изданія составляютъ приложенія къ Сборнику Пермского Земства, въ которомъ также встречаются статьи по этнографіи края. Не перечисляемъ другихъ местныхъ изданій подобного рода, имѣющихъ несомнѣтельный научный интересъ, иногда неизвѣстныхъ даже по своимъ названіямъ и не показавшихъ вовсе въ указателѣ. Въ такомъ положеніи находится наша провинциальная печать; некоторые статистические комитеты и земства—дѣлаютъ свое дѣло, но остаются въ тени; труды ихъ часто остаются заброшенными въ подвалахъ, а потому попадаются какъ библиографическая радость. Поэтому должно желать, чтобы наши центральные вѣдомства обратили внимание на подобное положеніе местной литературы, которая нерѣдко и возникаетъ благодаря ихъ же запросамъ и требованіямъ, а потому бываетъ обречена на безвѣтность. Такъ минист. внутр. дѣлъ могъ бы учредить какой либо центральный складъ для подобныхъ изданій, печатать ихъ списки и выпускать въ продажу черезъ своихъ комиссаровъ—книгопродавцевъ. Мы говоримъ это по собственному опыту. Многие изъ известныхъ книгопродавцев удивлялись даже заглавіямъ этихъ книгъ и добывать ихъ намъ приходилось послѣ долгой переписки или скользкими путями

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ БУТУРЛИНЪ

ГЕНЕРАЛЬ-АНИШЕФЪ.

род. 1661 † 1738 г.

Самарскій землевладѣлецъ Н. В. Потуловъ передалъ намъ 86 писемъ предка своего, по женской линіи, И. И. Бутурлина, къ женѣ и дочери, писанныя въ періодъ времени съ 1711-го по 1719 годъ.

Печатая эти письма не потому только, что они принадлежать перу одного изъ главныхъ дѣятелей той эпохи, каждая современная строка о которой драгоцѣнна для отечественнаго историка, но и потому, что письма эти прибавляютъ еще нѣсколько штриховъ къ картинѣ нравовъ и семейныхъ отношеній того времени, мы считаемъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о ихъ авторѣ.

Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей царствованія Петра Великаго и Екатерины I-й, происходилъ отъ древней и почетной русской фамиліи. Отецъ его былъ близкимъ стольникомъ царскимъ, а дѣдъ, Андрей Васильевичъ Кривой, окольничимъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Бутурлины ведутъ свой родъ отъ трансильванскаго выходца Ратши, вступившаго, въ 6743 году, въ службу Александра Ярославича Невскаго, съ дворомъ своимъ, состоявшимъ изъ 1,000 человѣкъ и шести храбрыхъ мужей, въ числѣ которыхъ былъ сынъ Ратши Якубъ и п...ть Гаврило.

одящаяся въ нашихъ рукахъ родословная Бутурлиныхъ до царствованія Елизаветы Петровны и писана полу...ть, съ различными каллиграфическими украшеніями кин...и золотомъ, на пергаменномъ свиткѣ, оправленномъ въ крас...нннй золотомъ сафьянъ, съ красными же шелковыми шнур...и

ками. Свитокъ этотъ лежитъ въ деревянномъ кругломъ футляреъ, внутри отдѣланномъ пунцовыемъ бархатомъ и снаружи черною тисненою кожею, съ мѣдными застежками; футляръ этотъ перевязанъ красными шелковыми шнурками, съ кистями.

Изъ этой родословной усматривается, что въ ней есть разногласія съ родословною дворянъ и графовъ Бутурлиныхъ, помѣщенной въ «Россійской Родословной книгѣ» князя П. В. Долгорукова, ч. II. Спб. 1855, стр. 151 и далѣе,—и что въ этой послѣдней есть нѣкоторые пропуски. Укажемъ на нихъ:

У Долгорука, стр. 151.	
колъно 1.	Въ Родословной, у насть имѣющейся.
Радша	Государичъ Седмаградскаго государства—Радша.
колъно 2.	Якубъ.
Иванъ Гавриловичъ Морхиня . . .	Иванъ Гавриловичъ Морхиня, а отъ него пошли: Товарковы, Пушкины, Рожновы, Замытскіе.
Акинфій Гавриловичъ Великій . . .	Акинфъ Великій, а отъ него пошли: Свистовы, Каменскіе, Затолпскіе, Бутурлины, Челынны и Жулеины.
Стр. 152.	
№ 18. Михайло Ивановичъ . . .	Убить на Дону.
№ 27. Иванъ Андреевичъ Хромой, бездѣтный	У него было два сына: Давидъ и Романъ.
Стр. 153.	
№ 51. Семенъ Федоровичъ Свибловъ.	Убить на Бѣлевскомъ бою.
Стр. 155.	
№ 5. Григорій Ивановичъ	Отъ него пошли Бутурлины-Ширшики, а не Ширшины, какъ въ другомъ мѣстѣ говорить кн. Долгоруковъ.
№ 12. Константинъ Григорьевичъ, бездѣтный	Такого нѣть, а есть не показанный у кн. Долгорукова—Поташъ Григорьевичъ, у которого было 3 сына: Федоръ, другой Федоръ и Третьякъ.
№ 19. Иванъ Никитичъ.	Иванъ Никитичъ Всачина.

Стр. 156.

№ 31. Матвей Ивановичъ.
№ 34. Потапъ Ивановичъ.

Убиты подъ Казанью, бездѣтными.
Междѣ тѣмъ у Долгорукова значится
будто бы у Матвея Ивановича было
три сына: Иванъ, Василій и Федоръ;
затѣмъ онь показывается у Василія
4-хъ сыновей: Юрия, Федора, Андрея
и Ивана; далѣе у Федора сынъ Иванъ,
у Ивана Васильевича сыновья: Петръ
и Борисъ (отецъ фельдмаршала); у
Андрея Васильевича сыновья: Ефимъ
и Иванъ (отецъ Ив. Ив. Бутурлина, ге-
нералъ-аишѣфа). По родословной Бу-
турлиныхъ родь Ивана Ивановича и
Александра Борисовича (фельдмар-
шала) выводится иначе, а именно:

У Ивана Полуэктовича Большаго Бу-
турлина (поставленного у кн. Долго-
рукова подъ № 13, на стр. 156) было
4 сына: Матвей, Потапъ (убитые, какъ
выше значится, бездѣтными), Данило
и Андрей.

У послѣдняго было 3 сына: Федоръ
Лобачъ, убитый подъ Псковомъ, Иванъ
Горѣлый, убитый подъ Колыванью, и
Федоръ, убитый подъ Дерптомъ.

У этого послѣдняго, Федора Андреев-
ича, былъ сынъ Василій Клепакъ, въ
него 3 сына: Федоръ, окольничій дара
Алексѣя, Андрей Кривой, окольничій
при немъ же, и Иванъ.

У Андрея было 2 сына: Лукьянъ,
по прозвищу Афимъ, и Иванъ; у по-
слѣдняго было одинъ сынъ Иванъ
Ивановичъ—генералъ-аишѣфъ.

У Ивана Васильевича было также 2
сына: Петръ, имѣвшій сына Петра,
умершаго бездѣтнымъ, и Бориса, уби-
таго подъ Лѣснымъ, отца Александра
Борисовича, генералъ-фельдмар-
шала.

Кстати укажемъ на ошибку, вправ-
шуюся въ статью: «Шутки и шотѣя
Петра Великаго» (*«Русская Старина»*,
июнь 1872, стр. 862), гдѣ говорится, что
родные племянники Петра Бутурли-
на—«Петербургскаго владыки»—были
любимцами Петра Великаго, а именно:
Иванъ Ивановичъ, генералъ-аишѣфъ, и

Александър Борисовичъ, въ послѣдствіи генералъ-фельдмаршаль.

Послѣдній дѣйствительно былъ роднымъ племянникомъ «Петербургскаго владыки», но Иванъ Ивановичъ, какъ мы сейчасъ показали, былъ его двоюроднымъ племянникомъ.

Стр. 156.

№ 32. Андрей Ивановичъ, бездѣтный.

№ 35. Петръ { Григорьевичъ . . .
№ 36. Федоръ { Григорьевичъ . . .

№ 39. Вареоломей Михайловичъ,
бездѣтный

№ 50. Василій Андреевичъ

№ 65. Богданъ Григорьевичъ

Стр. 157.

№ 97. Иванъ Большой Матвеевичъ.

№ 77. Иванъ Дмитріевичъ, бездѣтн.

№ 78. Романъ Дмитріевичъ

№ 68. Василій { Матвеевичъ . . .

№ 69. Иванъ { Матвеевичъ . . .

№ 70. Федоръ { Матвеевичъ . . .

№ 91. Григорій Федоровичъ

№ 92. Иванъ Федоровичъ

№ 100. Петръ Ивановичъ

№ 101. Федоръ Ивановичъ

№ 102. Василій Ивановичъ

Стр. 158.

№ 132. Иванъ Ивановичъ

№ 133. Василій Ивановичъ

Стр. 159.

№ 162. Иванъ Григорьевичъ, бездѣтнъ

№ 164. Константина Григорьевичъ.

№ 144. Иванъ Семеновичъ

№ 148. Афанасій Ивановичъ

Какъ выше значится, у него было 3 сына: Федоръ Лобачъ, Иванъ Горбунъ и другой Федоръ.

Не существуютъ; отецъ ихъ показанъ бездѣтными.

По прозванию Варгасъ. У него было три сына: Степанъ, Андрей и Ефимъ, окольничій, убитый въ Путинѣ, отъ вора.

По прозванию Шестакъ.

Такого не показано, а у Григорія Неклюда значится одинъ сынъ Федоръ.

Иванъ Матвеевичъ Опора.

У него былъ сынъ Федоръ.

Убить подъ Шкловомъ.

Мы выше сказали, что отецъ Илья Матвѣй убитъ бездѣтнымъ; такимъ образомъ, весь дальнѣйшій выводъ рода ошибоченъ.

Григорій Федоровичъ Усачъ.

Иванъ Федоровичъ Сухорука.

Быть въ полону, въ Калмыкахъ.

Убить въ Туркахъ.

У цара Василія Ивановича сидѣть за кушаньемъ.

Иванъ Ивановичъ Медвѣдъ Голова.

Василій Ив. убить подъ Москвою,
за Арбатскими воротами.

У него былъ сынъ Иванъ.

Убить подъ Полтавой.

Убить въ Турціи.

Не показанъ вовсе.

Когда у великаго князя Александра былъ бой съ Магнусомъ, королемъ римскимъ¹⁾, на рекѣ Невѣ, то правнукъ Ратши, Гаврило Алексеевичъ, былъ съ великими княземъ «въ числѣ мужей храбрыхъ и мужество свое храброе предъ великими князями, въ полку, показалъ и бися иного и уби воеводу ихъ Спиридона и двухъ еписко-новъ римскихъ»²⁾.

У Гаврилы Алексеевича былъ второй сынъ Акинфій, по прозванию Великий, замѣтный военачальникъ, при основаніи Московскаго княжества бывшій первымъ бояриномъ на Москвѣ, передний, въ послѣдствіи, на службу великаго князя Михаила тверскаго (въ 1681 году) и убитый подъ Переяславомъ.

Отъ этого-то Акинфа Великаго и пошли, въ числѣ другихъ родовъ, Бутурлины. Иванъ Бутурла, собственно родоначальникъ названной фамиліи, былъ правнукомъ Акинфа Великаго.

Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, которому посвящена наша статья, родился 24-го июня 1661 года и впервые выступаетъ на сцену офиціальной служебной, намъ извѣстной, дѣятельности въ 1687 году, т. е. 26-ти лѣтъ отъ роду, будучи пожалованъ въ премьеръ-маиоры армии сформированнаго тогда Преображенскаго полка³⁾. Замѣтимъ, что самъ государь, подъ именемъ полковника Михайлова, былъ оберъ-офицеромъ этого же полка только съ 1700 года, слѣдовательно, Бутурлинъ былъ однимъ изъ первыхъ штабъ-офицеровъ Преображенскаго полка, съ которымъ онъ участвовалъ въ несчастномъ для

¹⁾ «Король части Римскія отъ полуночныхъ странъ, иже первые Варяги и Готы, именъ Свія именовахуса». Лѣтопись.

Въ Швеціи, въ это время, царствовалъ Эрикъ Леспе. Войну съ Александромъ Ярославичемъ вѣль шведскій военачальникъ Биргеръ. Королемъ шведскими лѣтописцы ошибочно называли Магнуса. Примѣчанія къ «Ист. Гос. Рос.», Карамзина. Изд. Эйнерлинга. Т. IV, глава I, пр. 24 и 25.

²⁾ Главный воевода шведскій Спиридонъ и епископъ, по разсказу пѣнныхъ шведовъ, были убиты въ битвѣ Александра Ярославича, на берегахъ Невы. Карамзинъ, «Ист. Гос. Рос.», т. IV, гл. I, стр. 19. Изд. Эйнери. Новгородская лѣтопись. Самъ Александръ разсказывалъ о подвигахъ шестерыхъ мужей изъ его дружины. Одинъ изъ нихъ, Гаврило Алексичъ, прорвался вслѣдъ за бѣгущимъ Биргеромъ (военачальникъ шведовъ, предпринявший крестовый походъ противъ Руси, по наущенію римскаго папы; Биргеръ—представитель могущественнаго въ то время, въ Швеціи, рода Фолькунговъ) до самаго корабля его, былъ низвергнутъ въ воду и съ конемъ, но вышелъ невредимъ и, опять побѣживъ биться съ шведскимъ воеводою Спиридономъ—убилъ его. «Исторія Россіи съ др. вр.», С. Соловьевъ, т. III, стр. 189, изд. 1857 г.

³⁾ Кабинет. дѣла, отд. II, кн. 54. Сочинка Устрялова, «Исторія царств. Петра Великаго», т. II, црнм. стр. 330.

нась первомъ Азовскомъ походѣ 1695 года и при взятіи Азова въ 1696 году. Очевидно, Бутурлинъ въ это уже время былъ въ числѣ лицъ приближенныхъ къ государю, чѣму служить доказательствомъ подпись его «Ивашка Меньшой Бутурлинъ» подъ письмомъ го-сударевымъ, съ похода, изъ Панышина, 19-го іюня 1695 года, къ генералиссимусу князю Федору Юрьевичу Ромодановскому, выше под-писи самого царя¹⁾.

Мы не знаемъ, какими именно заслугами, въ такіе, относительно, молодые еще годы свои, но видимъ, что Бутурлинъ обратилъ на себя вниманіе государя въ первые же годы своей служебной, извѣст-ной намъ, дѣятельности его. Доказательствомъ—что, при сформирова-ніи войскъ для втораго похода подъ Азовъ, Бутурлинъ, въ чинѣ ка-питана, былъ назначенъ командиромъ 17-й гвардейской роты²⁾, и, судя по письму государя къ генералу Кравчу, 14-го іюня 1696 года, онъ уже командовалъ полкомъ въ отрядѣ Гордона³⁾.

Затѣмъ мы встрѣчаемъ Бутурлина въ несчастной для насъ Нарв-ской битвѣ, гдѣ ему было суждено надолго сойти съ поприща слу-жебной дѣятельности.

Къ Нарвѣ Бутурлинъ, уже генералъ, привезъ изъ Москвы, на подводахъ, отрядъ войскъ, состоявшій изъ полковъ: Преображенскаго, Семеновскаго и четырехъ пѣхотныхъ, всего въ числѣ 8,000 человѣкъ. При этомъ отрядъ слѣдовалъ самъ государь⁴⁾.

На другой день послѣ Нарвской битвы, Бутурлинъ, вмѣстѣ съ прочими военачальниками, повѣривъ обѣщанію Карла XII — остав-ить свободу русскимъ войскамъ, сдался на капитуляцію, для за-ключенія которой Бутурлинъ былъ посланъ въ шведскій лагерь. Но, какъ извѣстно, Карлъ не сдержалъ своего обѣщанія, будто бы за то, что русскіе, вопреки условію, увезли свою казну, и отправилъ Бу-турлина, вмѣстѣ съ другими генералами, всего въ числѣ десяти человѣкъ, пленниками въ Стокгольмъ.

Три года уже Бутурлинъ томился въ шведскомъ пѣнѣ, но на-конецъ не выдержалъ этой пытки и въ 1703 году, вмѣстѣ съ гене-раломъ Вейде и княземъ Трубецкимъ, бѣжалъ; но вскорѣ былъ пой-манъ въ лѣсу, приведенъ въ Стокгольмъ, «зѣло обруганъ, безче-щенъ градодержавцемъ» и заключенъ въ тюрьму, подъ ратушей, гдѣ всегда надо было сидѣть съ огнемъ и гдѣ было только одно от-

¹⁾ «Історія царств. Петра Вел.», Устрикова. Т. II, приложеніе 2-е.

²⁾ Голиковъ, «Дѣянія Петра Вел.», т. I, прим., стр. 259.

³⁾ Голиковъ, Idem, т. XIV, стр. 315.

⁴⁾ Голиковъ, Idem, т. XIV, стр. 18. Письмо Петра къ Ф. М. Апраксину, отъ 22-го августа 1700 г.

верстіе изерху, черезъ которое и подавали ему пищу. Въ этой тюрьмѣ Бутурлинъ томился два года и только въ 1705 году былъ перевезенъ въ какой-то дальний шведскій городъ. Но Петръ не забывалъ страдальца. Когда въ битвѣ подъ Калишемъ было взять въ пленъ шведскій генералъ-маіоръ Мейерфельдъ, Петръ далъ ему свободу съ тѣмъ, чтобы вмѣсто него быть освобожденъ Бутурлинъ, но шведы и тутъ обманули—Бутурлинъ не быть освобожденъ. Когда же, послѣ Шолтавской битвы, въ нашъ станъ прибылъ тотъ же генералъ Мейерфельдъ, будто бы съ привѣтствіемъ отъ Карла XII, то онъ былъ задержанъ какъ пленникъ, по приказанію царя, за несдержаніе слова относительно освобожденія нашего генерала. Но когда Мейерфельдъ заявилъ, что онъ имѣть порученіе отъ своего короля—говорить о мирѣ, и когда далъ слово дѣйствовать въ этомъ смыслѣ въ стокгольмскомъ сенатѣ, то Петръ приказалъ его отпустить, но съ непремѣннымъ условіемъ освобожденія за него одного изъ нашихъ пленныхъ генераловъ. Тогда только, т. е. въ 1710 году, Бутурлинъ былъ освобожденъ изъ пленя. Сомнѣваемся, чтобы Бутурлинъ участвовалъ въ несчастной прусской кампаниѣ, но видимъ, что въ 1711 году онъ командуетъ войсками, оберегавшими Україну отъ крымскихъ татаръ, и, какъ видно изъ письма его отъ 9-го июля, собирался разбить ихъ, или, какъ онъ выразился въ этомъ письмѣ, «справить съ ними (татарами) замѣцъ». Но, изъ этого разъ, до битвы не дошло и Бутурлинъ до сентября стоялъ въ крѣпости Новобогородской, на р. Самарѣ, которую, по окончательному миру съ турками, надлежало уничтожить, выѣхать съ Азовомъ, Таганрогомъ и другими, вновь возведенными, на южныхъ нашихъ рубежахъ, крѣпостями.

Съ юга Россіи, въ 1712 году, Бутурлинъ передвинулся на сѣверъ и командовалъ войсками около Митавы, а въ 1713 году, когда Петръ, видя бездѣятіе своихъ союзниковъ въ войнѣ со шведами, курфирста ганноверскаго и короля прусскаго, рѣшился самостоятельно дѣйствовать противъ шведовъ въ Финляндіи, то Бутурлинъ участвовалъ въ этой войнѣ, подъ начальствомъ генералъ-адмирала графа Апраксина. Наши войска выступили на галерахъ, 26-го апрѣля, изъ Петербурга и въ началѣ мая высадились у Гельсингфорса, въ которомъ, послѣ занятія его безъ боя, Бутурлинъ и былъ оставленъ съ 3,000 человѣкъ, тогда какъ остальные войска двинулись въ глубь Финляндіи¹⁾). Русское оружіе торжествовало. Або намъ досталось тоже безъ боя²⁾). Послѣ того, 6-го октября, Бутурлинъ, уже въ чинѣ

¹⁾ Голиковъ, Idem, т. V, стр. 187.

²⁾ Письмо Бутурлина, 12-го августа 1712 г.

генераль-лейтенанта, подъ главнымъ начальствомъ генераль-лейтенанта князя Голицына, участвовалъ въ нанесеніи пораженія шведамъ на р. Пелкунъ, причемъ нашими войсками была совершена крайне отважная переправа, посредствомъ наскою сколоченныхъ плотовъ, че-резъ озеро, прикрывавшее укрѣпленную непріятельскую позицію, взя-тую нами послѣ упорного боя. Въ память этой битвы, Петръ вы-билъ медаль, съ своимъ портретомъ¹⁾). Но этой битвой кампанія не кончилась. Въ январѣ 1714 года, подъ начальствомъ того же князя М. М. Голицына, русскія войска, съ которыми былъ и Бутурлинъ²⁾), пошли къ г. Васѣ и разбили подъ нею шведскаго генерала Ари-фельда, у д. Лаполя³⁾). Въ память этой битвы, Петромъ также вы-бита медаль, съ его портретомъ и надписью, на оборотѣ: «Pugna ad Vasam».

Въ мартѣ Бутурлинъ перешелъ въ Або, гдѣ и простоялъ до юля, въ ожиданіи прибытія государя, и только 6-го юля сѣлъ на суда, чтобы идти къ Федору Апраксину, стоявшему верстахъ въ 20-ти отъ морскаго берега. Это усиленіе нашего галернаго флота вой-сками было предпринято въ намѣреніи атаковать шведскій флотъ. И дѣйствительно, 27-го юля⁴⁾), нашъ флотъ, подъ начальствомъ Апраксина, прошелъ⁵⁾ подъ выстрелами шведскихъ кораблей, по-терявъ одну галеру, ставшую на мель, и соединившись съ эскадрою, на которой былъ государь, того-же числа⁶⁾), на голову разбила шве-довъ, у Гангута (Тангута, какъ пишетъ Бутурлинъ), причемъ взята въ пленъ контр-адмиралъ Ереншильдъ, шведскій фрегатъ, 6 галеръ, 8 шхербота, на нихъ 116 пушекъ, 17 офицеровъ и 918 нижнихъ чиновъ.

Этю первою морскою побѣдою нашимъ, имѣвшую послѣдствіемъ отступленіе остального шведскаго флота и занятіе нами Аландскихъ острововъ, заключилась кампанія 1714 года, и 28-го ноября Бутур-линъ возвратился въ Петербургъ, жалуясь, въ письмѣ отъ 30-го ноября, на свои немощи, конечно, вызванныя тяжкими боевыми тру-дами предшествовавшихъ лѣтъ и настоящей кампаніи, а можетъ быть, особенно многолѣтними страданіями шѣна.

¹⁾ Голиковъ, Idem, т. V, стр. 184—185.

²⁾ Письмо Бутурлина, 27-го января 1714 г.

³⁾ Бутурлинъ пишетъ на другой день послѣ этой битвы, 20-го февраля, 1714 г. называетъ эту деревню Наполякуль.

⁴⁾ На то же число указывается Голиковъ (Idem, т. V, стр. 248—249), ссы-лаясь на журналь Петра Великаго, редакцію 29-го юля.

⁵⁾ Какъ описываетъ Бутурлинъ въ письмѣ отъ 29-го юля 1714 г.

⁶⁾ А не 23-го юля, какъ говорить Соловьевъ въ своей «Исторіи Россіи съ древа. временъ».

Между тѣмъ, наши побѣдносныя войска, съ вѣнценоснымъ своимъ сотоварищемъ, имѣли торжественное вѣштвіе въ Петербургѣ, 9-го сентября, причемъ государь былъ пожалованъ, отъ князя кесаря, въ вице-адмиралы, генералу Бейде данъ орденъ Андрея Первозваннаго, прочие участники награждены медалями; что же касается до Бутурлина, не участвовавшаго въ этомъ вступленіи войскъ, то мы не видимъ его въ числѣ награжденныхъ. Не это ли обстоятельство было также одною изъ причинъ тѣхъ немощей, на которыхъ онъ жалуется, какъ выше значится, въ своемъ письмѣ изъ дочери¹⁾). Впрочемъ въ эту войну Бутурлинъ былъ уже произведенъ въ генераль-лейтенанты, и, вообще, получение награды Бутурлинымъ, при этомъ случаѣ, не есть доказательство немилости къ нему государя, а только указываетъ на то обстоятельство, что въ эту войну Бутурлинъ не командовалъ самостоятельнымъ отрядомъ и не имѣлъ случаяказать какого либо особо выдающагося отличія; милость же царскую онъ сохранилъ къ себѣ — доказательствомъ, что въ концѣ того же года мы встрѣчаемъ его въ числѣ первыхъ лишь за штурмской свадѣбѣ князь-папы Зотова, съ барабаномъ, т. е. съ такимъ же инструментомъ и въ такомъ же костюмѣ, что и самъ государь, привезший на этой свадѣбѣ.

1715-й годъ Бутурлинъ пребѣгъ въ Петербургѣ и въ крейсерствѣ съ войскомъ на галерѣ изъ Ревелью и Гансалло, для осмотра заливной гавани, подъ начальствомъ самого государя. Въ томъ же году, нѣроятно, за труды похода, Петръ пожаловалъ Бутурлину 1,000 рублей, изъ рекрутскихъ денегъ. Затѣмъ, 11-го февраля 1716 года, Бутурлинъ былъ назначенъ командиромъ галерной эскадры, состоящей изъ 45-ти галеръ, десантъ которой составили Гвардейскій и Астраханскій полки, при чёмъ онъ, какъ значится въ письмѣ его отъ 15-го февраля, долженъ быть выступить на галерахъ, изъ Транзунда, въ мартѣ, такъ какъ Петръ лучшимъ средствомъ для окончанія Сѣверной войны признавалъ высадку, со своими союзниками, на прѣдѣлѣ берегъ. Для лучшаго и скорѣйшаго направленія этого дѣла, Петръ съ царицею и цемягиницею своею, Екатериной Ивановной, выѣхалъ за границу, 27-го января, и прибылъ къ главной квартирѣ Шереметева, въ Данцигъ, 18-го февраля. Предположеніе Бутурлина о выходѣ въ море въ половинѣ марта (12-го числа) не состоялось, скорѣе за неочищеніемъ порта отъ

¹⁾ Что были въ это время какія-то неудоволістія у Бутурлина, можно заключить изъ его письма, гдѣ онъ говоритъ, что прѣѣхалъ въ Петербургъ «на прибавочную себѣ скорбь и печаль».

льдовъ, чѣмъ за неуспѣшность снаряженія войскъ къ походу и сбора ихъ, такъ какъ Петръ самимъ рѣшительнымъ образомъ наставлялъ на возможно раннешемъ выступленіи флота, чтобы предупредить выходъ въ море шведской эскадры. Бутурлинъ, какъ значится въ письмѣ его отъ 9-го апрѣля 1716 г., могъ выйти въ море изъ Либавы только 7-го апрѣля и, пройдя въ Мемель 8-го, не смотря на приказаніе идти къ Кенигсбергу, за льдами долженъ быть остановиться и пришелъ къ этому городу только 18-го апрѣля, по дорогѣ захвативъ шведскій корабль съ жалѣзомъ, сукномъ и другими товарами¹⁾). Эскадра Бутурлина была встрѣчена въ Кенигсбергѣ нарочно для того пріѣхавшимъ государемъ. Въ маѣ, услышавъ о прибытии шведскихъ кораблей къ Копенгагену, государь приказалъ Бутурлину послѣдить, съ эскадрой, къ городу Ростоку.

Междѣ тѣмъ, Петръ вступилъ въ тѣсный союзъ съ герцогомъ мекленбургскимъ и лично условился съ королями датскимъ и прусскимъ сдѣлать высадку въ Шонию, при чѣмъ Бутурлинъ надѣялся (какъ пишетъ 12-го и 24-го іюля, изъ Копенгагена) въ августѣ начать то движеніе, и съ этой цѣлью эскадра, 29-го іюня, вышла въ море и 6-го іюля стала передъ Копенгагеномъ. Но, какъ известно, вслѣдствіе нерѣшительности союзниковъ Петра, высадка въ Шонию не состоялась и наши войска, какъ бывшія на галеряхъ, такъ и армія Шереметева, расположились въ княжествѣ Стрелицкомъ и въ Мекленбургѣ, у города Ростока, куда Бутурлинъ примирился съ эскадрою около половины октября и где онъ занимался постройкою новыхъ галеръ.

Степень значенія Бутурлина въ глазахъ Петра и довѣренности къ нему монарха выражалась въ новомъ возложеніи на него порученія. 4-го декабря 1716 года, Бутурлинъ, по уласу парскому, выѣхалъ изъ гор. Ростока и 5-го декабря пріѣхалъ въ Шверинъ, съ тѣмъ, чтобы сопровождать царицу Екатерину Алексѣевну въ Амстердамъ, куда, 6-го декабря, прибылъ государь, и куда на другой день прибыла его свита. Въ этой свитѣ Бутурлина не было²⁾, такъ какъ онъ оставался съ царицею въ Везельѣ, гдѣ, 2-го января 1717 года, она и родила сына Павла, умершаго на другой же день.

Доказательствомъ нахожденія Бутурлина при царицѣ—письмо его изъ Везелья, отъ 14-го января 1717 года, и послѣдующія³⁾. Въ Ам-

¹⁾ Азанчевскій, «Исторія Преображенского полка», стр. 179. Москва 1859 г.

²⁾ Вoucheri показанію С. М. Соловьева, «Ист. Россіи съ др. врем.», вѣроятно, основанному на ошибочномъ показаніи Голиковъ Idem, т. V, стр. 169.

³⁾ Письма Бутурлина 1717-го года, см. ниже.

стердамъ Бутурлинъ пріѣхалъ съ государиней только 4-го февраля¹⁾ и затѣмъ, изъ Ротердама, уже въ свитѣ Петра, 24-го марта, отправился во Францію и 24-го апрѣля пріѣхалъ въ Парижъ. 29-го апрѣля Бутурлинъ находился при посыпеніи французскимъ королемъ царя Петра и 30-го апрѣля — при отпѣлѣ визита государемъ, причемъ Бутурлинъ приходитъ въ восторгъ отъ красоты и ума, не по ятамъ, ребенка-короля. Петръ со свитою, 9-го іюня, выѣхалъ изъ Парижа и 17-го прибылъ въ Спа, для пользованія минеральными водами, откуда, 14-го іюля, выѣхалъ сухимъ путемъ черезъ Ахенъ, гдѣ провелъ три дня. Изъ Маастрихта Петръ отправился водою и прибылъ 22-го іюля въ Амстердамъ, гдѣ заключилъ съ Франціей и Пруссіей общий договоръ. Оттуда Петръ выѣхалъ въ Берлинъ, водою, только 22-го августа, но долго боролся съ противными вѣтрами, отчего лишь 31-го августа прибылъ, сухимъ путемъ, отъ Нимегена, въ Везель. Отсль 1-го сентября отправился сухимъ же путемъ въ Берлинъ, куда и прибылъ 8-го сентября. Затѣмъ Бутурлинъ, въ свитѣ царя, выѣхалъ изъ Берлина 14-го сентября и прибылъ въ Данцигъ 18-го сентября, съ государемъ и государынею; 21-го выѣхалъ въ Мемель, откуда долженъ былъѣхать сухимъ путемъ въ Ревель и далѣе, водою, въ Петербургъ. Тутъ, Бутурлинъ, въ числѣ немногихъ, находился въ свитѣ царя, при торжественной ему сдѣланной встречѣ у Кронштадта, князь Меншиковъ, съ флотомъ, войскомъ и народомъ. Послѣ того, 19-го октября, въ Петербургѣ, Бутурлинъ удостоился чести быть при государѣ у обѣдни, въ Троицкомъ соборѣ, и потомъ на обѣдѣ у государя и при спускѣ вновь построенного корабля «Александръ Невскій», на которомъ было устроено вечерній пиръ.

Въ слѣдующемъ за симъ году, когда происходилъ розыскъ по дѣлу царевича Алексія Петровича, Бутурлинъ участвовалъ въ производствѣ этого дѣла и въ числѣ другихъ подписалъ смертный приговоръ царевичу и вслѣдъ затѣмъ, а именно 26-го іюня 1718 года, отъ 8-ми до 11-ти часовъ пополуночи, присутствовалъ вмѣстѣ съ геѣсколькими другими вельможами при томъ какъ Петръ лично учинилъ сыну застѣнокъ, послѣдствіемъ котораго, какъ известно, была смерть царевича, послѣдовавшая того же числа, въ 6-мъ часу²⁾.

¹⁾ А не 2-го февраля, какъ говорить Голиковъ, Idem, т. VI, стр. 196.

²⁾ Въ свое время ходило по рукамъ, въ многочисленныхъ спискахъ, письмо Александра Ивановича Румянцева *) къ Дмитрію Ивановичу Титову, отъ

^{*)} Первый любезный деньщникъ Петра Великаго, въ послѣдствіи гравѣ и генераль-апишевъ; онъ, какъ известно, былъ употребленъ съ Толстымъ для покинки царевича за границу.

Въ дѣлѣ царевича былъ замѣшанъ князь Василий Владимировичъ Долгоруковъ, гвардій подполковникъ и командиръ Преображенскаго полка. По дѣлу этому Долгоруковъ лишенъ должностіи, чиновъ, орденовъ и сосланъ въ свои казанскія деревни, а командиромъ Преображенскаго полка быть назначеиъ Бутурлини.

Не легкая досталась служба Ивану Ивановичу съ этимъ назначеніемъ. Преображенскій полкъ, въ то время, былъ крайне растроено продолжительными военными походами, какъ въ хозяйственномъ отношеніи, такъ и во фрунтовомъ; полковой обозъ и вообще хозяйство было въ самомъ жалкомъ положеніи, а роты въ половинной составѣ. Три роты полка, стоявшаго въ Новгородѣ, были отправлены въ Петербургъ для содержанія карауловъ и множество нижнихъ чиновъ было уволено въ отпускъ. Полкомъ завѣдывалъ старшій изъ капитановъ, потому что всѣ штабъ-офицеры проживали въ Петербургѣ и Москвѣ, по следственному дѣлу царевича, а многие изъ оберъ-офицеровъ находились въ отпуску. Но Бутурлинъ дѣятельно занялся устройствомъ полка и къ маю привелъ его въ нѣкоторый порядокъ¹).

Въ томъ же 1718 году, Бутурлинъ, въ юнѣ, пріѣдя съ полкомъ въ Петербургъ, находился, въ качествѣ ассесора, въ составѣ военнаго суда, учрежденнаго, подъ именемъ иригъ-реахта, подъ предсѣдательствомъ генерала Вейде, надъ княземъ А. Д. Меншиковымъ, за разныя его злоупотребленія, а также надъ генераль-адмираломъ Апраксинымъ и княземъ Яковомъ Федоровичемъ Долгоруковымъ, а равно надъ соучастниками ихъ, обвинявшимися въ разныхъ взяткахъ и другихъ злоупотребленіяхъ. Этимъ судомъ быть оправданъ только

24-го іюля 1718 года, которое Устраловъ, приводящій его въ приложеніи (стр. 619) къ «Ист. царств. Петра Вел.» (т. VI), считаетъ подложнымъ, хотя мы должны замѣтить, что подложности этой Устраловъ приводить весьма слабы доказательства.

Въ этомъ письмѣ Румянцевъ, рассказывая процессъ царевича Алексѣя, говоритъ, что, по личному повѣдѣнію государя, царевичъ, послѣ пронзенія надъ намъ смертного приговора, задушенъ подушками въ его темницѣ, имъ, Румянцевымъ, тайнымъ советникомъ Петромъ Андреевичемъ Толстымъ, лейбъ-гвардій маюромъ Ушаковымъ и Иваномъ Ивановичемъ Бутурлинымъ.

Отсылая читателя къ этому разсказу и не возражая противъ его апокрифичности, мы считаемъ не лишнимъ замѣтить, что по разсказу Румянцева, или точнѣе,—приписываемаго ему письма, царевича повалили на кровать, для преданія смерти, при словахъ Бутурлина: «Господи! упокой душу раба Твоего Алексѣя въ селеніи праведныхъ, пресвѣтая прегрѣщенія его, яко человѣкоубѣдъ!»; а послѣ смерти царевича Бутурлинъ съ Толстымъ поѣхали къ царю съ донесеніемъ о его кончинѣ.

¹) М. П. Азанчевскій, «Исторія Преображенскаго полка», Idem, стр. 194—195.

Долгоруковъ, а Меншиковъ и Апраксинъ приговорены къ лишенію чиновъ и отлучкѣ¹⁾.

Не этотъ ли приговоръ кригсъ-рехта, въ которомъ участвовалъ и Бутурлинъ, бытъ началомъ той ненависти къ нему Меншикова, которая имѣла такія печальные послѣдствія для Бутурлина?

Какъ назначеніе Бутурлина для участія въ дѣлахъ особой важности, не входившихъ въ кругъ его прямыхъ служебныхъ обязанностей, такъ и многія другія обстоятельства указываютъ на вниманіе къ нему государя. Такъ, напримѣръ, когда, въ томъ же 1718 году, умеръ князь-кесарь Ромодановскій и Петръ пожаловалъ на его мѣсто сына его Ивана Федоровича, то при вступленіи его въ Петербургъ сдѣлана была ему торжественная встрѣча, при пушечной пальбѣ и проч. При этомъ, новый князь-кесарьѣхалъ въ каретѣ, на передней скамейкѣ которой сидѣли только двое: государь и И. И. Бутурлинъ. Затѣмъ, 3-го января 1719 года, государь удостоилъ Бутурлина своимъ посыщеніемъ, вѣроятно, для поздравленія съ новымъ годомъ, и въ томъ же году, 19-го ноября, назначилъ его членомъ, вновь учрежденной тогда, военной коллегіи (оставивъ его, по прежнему, командромъ Преображенского полка). Новую должность эту Бутурлинъ сохранилъ до 1722 года, когда вышелъ изъ нея, какъ надо думать, вслѣдствіе имѣвшихся у него непріятностей съ предсѣдателемъ коллегіи, фельдмаршаломъ Репнінымъ. Затѣмъ, въ томъ же году, Бутурлинъ находился при государѣ въ Петрозаводскѣ, на вновь открытыхъ тогда олонецкихъ минеральныхъ водахъ, и послѣ того ходилъ съ полкомъ, на судахъ, къ Аландскимъ островамъ и къ берегамъ Швеціи, подъ начальствомъ графа Апраксина, тогда какъ генералъ Ласси, съ другимъ нашимъ отрядомъ, опустошалъ окрестности Стокгольма. Эта рѣшительная мѣра была предпринята Петромъ съ тѣмъ, чтобы подмотнуть къ скорѣйшему решенію переговоры о мирѣ, происходившіе въ конгрессѣ, на Аландскихъ островахъ, подѣкрѣшивъ силу оружія нашихъ требованій,—мѣра, впрочемъ, не достигнувшая главной своей цѣли, такъ какъ аландскій конгрессъ, тянувшійся съ ноября 1717 года, въ этомъ году разъѣхался.

Между тѣмъ въ 1720 году противъ Петра стала формироваться коалиція между Швеціей, Даніей, Франціей, Пруссіей и Ганноверомъ, что вынудило Петра готовиться къ новой жесточайшей борьбѣ. Съ наступленіемъ весны 1720 года, начались въ войскахъ приготовле-

¹⁾ Кстати замѣтимъ, что, не задолго передъ этимъ, Меншиковъ, за наказаніе батогами секретаря синода Корнишева, бытъ присужденъ просить у него прощеніе и дать ему удовлетвореніе, какое тотъ потребуетъ.

нія къ новому морскому походу противъ шведовъ, подъ начальствомъ князя Петра Михайловича Голицына. Извѣстно, что кампанія эта кончилась пораженiemъ шведского флота, 27-го іюля, при Гренгамъ, гдѣ взято нами 104 непріятельскія пушки, 510 пленныхъ, въ томъ числѣ 37 офицеровъ, и четыре фрегата. Надо полагать, что Бутурлинъ не принималъ участія въ этой битвѣ, иначе онъ не былъ бы забытъ при собственноручномъ расписаніи щедрыхъ наградъ за эту битву, сдѣланномъ самимъ Петромъ, причемъ, напримѣръ, всѣ офицеры, участвовавшіе въ битвѣ Преображенского полка, особенно отличившагося въ неї, какъ находившагося впереди атакующихъ, были награждены золотыми медалями на цѣпяхъ. Не былъ ли въ этомъ году Бутурлинъ специально занятъ работами особы учрежденной комиссіи, которой онъ состоялъ членомъ, занимавшейся, подъ непосредственнымъ руководствомъ самого государя, составленіемъ генеральной табели «о непремѣнномъ числѣ генералитету и всѣхъ вообще полковъ, о потребномъ для ихъ содержанія прокантѣ, рапонахъ и амуниції», т. е.. составленіемъ штатовъ для войскъ, правильная организація которыхъ являлась очевидно необходимостью именно тогда, когда имѣлась въ виду рѣшительная борьба съ грозной коалиціей,— а потому и не могъ отлучиться изъ Петербурга, какъ и самъ государь. Къ сожалѣнію, имѣющіяся въ нашихъ рукахъ письма Бутурлина кончаются 1719 годомъ и мы не можемъ посредствомъ ихъ съ точностью опредѣлить мѣсто нахожденія Бутурлина во время этой кампаніи, хотя самъ перерывъ писемъ на 1719 году нѣкоторымъ образомъ показываетъ, что въ слѣдующемъ онъ жилъ въ Петербургѣ, съ семействомъ. Впрочемъ, мы знаемъ, что и послѣ гренгамской битвы Бутурлинъ продолжалъ командовать Преображенскимъ полкомъ и завѣдывать Семеновскимъ. Такъ, занимаясь постройкою галеръ въ Петербургѣ, въ маѣ 1721 года, онъ вдругъ получилъ указъ царя—быть со вѣрными ему полками въ готовности къ выходу въ море, но вскорѣ заключеніе Нейштадтскаго мира съ Швеціей, 22-го октября 1721 года, положило предѣль изнурительной Сѣверной войны, а съ тѣмъ и всякихъ военныхъ тревогамъ, давъ мѣсто мирнымъ торжествамъ и покою. Въ день празднованія извѣннаго мира въ Петербургѣ, при чёмъ Петръ принялъ титулъ императора, государь, лично, въ сенатѣ, объявилъ щедрыя награды главнѣйшимъ сподвижникамъ своимъ въ этой многолѣтней, столь счастливо для Россіи оконченной борьбѣ, при чёмъ Бутурлинъ былъ произведенъ въ генералъ-аншефы и, вмѣстѣ съ другими генералами, получилъ золотую, нарочно по случаю этого торжества выбитую, медаль. Затѣмъ, когда Петръ пожелалъ, чтобы и

первопрестольная столица его сдѣлалась соучастницею въ торжествѣ
дало желанного мира, а для того имѣть парадное вступление въ
Москву, то Бутурлинъ шелъ въ строю, непосредственно за госуда-
ремъ, рядомъ съ княземъ Меншиковымъ, другимъ подполковникомъ
Преображенского полка, ири чмъ за ними, впереди полка, несли 16
знаменъ.

Бутурлинъ, всю свою службу находясь при Петре, командуя лю-
бимышиими его полками, пользуясь постояннымъ его расположениемъ,
довѣренностью и уважениемъ¹⁾, могъ ли не быть приказаннымъ всю
душою къ этому великому государю и съ тѣмъ имѣсть могъ ли не

¹⁾ Что Бутурлинъ пользовался особымъ уважениемъ Петра, доказывается, между прочимъ, сдѣдующимъ рассказомъ о смѣлости, съ какою Бутурлинъ обращался съ Петромъ—рассказомъ, записаннымъ Голиковымъ (Idem. Анекдоты № 78, стр. 177 и далѣе) со словъ адмирала Нагаева и комиссара Крекшина.

По возвращеніи государя въ Москву изъ путешествія, дошли до него же-
лобы на взятки судей. Когда государь сталъ выражать свой крайний гнѣвъ
на эти безчинства, Бутурлинъ сказалъ ему:

— «Пока ты самъ не перестанешь брать взятокъ, не отучишь отъ нихъ и
своихъ подданныхъ. Твой примѣръ дѣйствуетъ на ихъ сердца сильнѣе всякихъ
указовъ».

Государь еще болѣе прогибился на такое дерзкое замѣчаніе и воскликнулъ:

— «Какъ ты осмѣялся спѣсть на меня такую ложь!»

— «Не ложь,—перебилъ его Бутурлинъ,—а сущую правду». И тутъ же объя-
снилъ. Въ проѣздъ государя черезъ Тверь, Бутурлинъ квартировалъ у тамош-
наго купца, бывшаго въ отлучкѣ,—въ домѣ оставались только жена его съ
дѣтьми. Въ этотъ день хозяйка праздновала свои плющины и потому давала
обѣдъ, на который, иль числа другихъ гостей, былъ приглашенъ и Бутурлинъ.
Но лишь сѣли за столъ, пріемъ изъ магистрата городской старосты и потреб-
овалъ, чтобы хозяйка тотчасъ же представила 100 рублей, для поднесенія го-
сударю цѣннаго подарка, для собранія денегъ на приобрѣтеніе котораго была
сдѣлана магистратомъ между горожанами разверстка. У хозяинки не было де-
негъ, а староста и слушать не хотѣлъ объ отсрочкѣ взноса, объявивъ, что ему
безъ денегъ не вѣрно уходить, и гроза въ случаѣ невыноса денегъ тотчасъ
же немедленно арестовать хозяйку. Ни просьбы, ни слезы, ни предложеніе
взять немедленно меньшую сумму, въ счетъ назначенной, не вмѣши устыда;
староста былъ непреклоненъ, а купчихѣ негдѣ было взять денегъ, такъ какъ
всѣ ея гости поспѣшили убраться по домамъ. Нечего было дѣлать, Бутурлинъ
сказалъ надѣй бѣдной женщинѣ и внесъ за нее требуемую сумму. «Вотъ,—
заключилъ Бутурлинъ,—каковы добровольные-то, какъ увѣряютъ, подарки тебѣ!
А ты, чадо, принимаешь ихъ, не представляешь таковыхъ печальныхъ слѣдствій? Такъ
разсуди же: можно ли требовать отъ подданныхъ, чтобы они не брали взятокъ,
когда они видятъ какъ самъ государь берегъ онъя!»

Петръ, поблагодаривъ Бутурлина за разсказъ, при первомъ же случаѣ не
принялъ поднесенного ему городомъ подарка и повелѣлъ возвратить другимъ
городамъ цѣнныя подарки, ему доселѣ поднесенные, воспретивъ дѣлать впредь
таковыхъ поднесеній.

быть преданъ той, которую такъ долго и искренно любилъ этотъ государь,—императрицѣ Екатеринѣ? Что Бутурлинъ былъ къ Екатеринѣ ближе другихъ царедворцевъ—доказательствомъ, что онъ, а не кто другой, былъ оставленъ при ней Петромъ во время ея болѣани, въ Везель. Эта преданность Бутурлина Петру и супругѣ его сказалась въ день смерти Петра Великаго.

Извѣстно, что воспѣтію на престолъ Екатерины I болѣе всего способствовало то, что гвардейскіе полки стали на ея сторону въ минуту приближавшейся кончины государя, когда между сенаторами и вельможами шелъ споръ: кого провозгласить государемъ Россіи, на мѣсто умиравшаго Петра?—а командиромъ гвардейскихъ полковъ былъ Бутурлинъ.

Изъ исторіи дня кончины Петра Великаго мы знаемъ, что въ самый рѣшительный моментъ борьбы партій, выразившейся въ спорѣ вельмож у комнаты умирающаго государя: кѣмъ замѣнить его?—раздался громъ барабановъ, подъ окнами Зим资料 дворца, приближавшихся къ нему двухъ гвардейскихъ полковъ, Преображенскаго и Семеновскаго. Эти неожиданные звуки потрясли спорящихъ и президентъ военной коллегіи, князь Репнинъ, воскликнулъ:

— «Кто осмѣялся привезти сюда солдатъ безъ моего вѣдома? Развѣ я не фельдмаршалъ?»

— «Я,—отвѣчалъ ему Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ,—я вѣльзъ приди имъ сюда, по волѣ императрицы, которой долженъ повиноваться каждый подданный, не исключая и тебя!»

Извѣстно, что это категорическое заявленіе Бутурлина, подкрепленное такою силой, какъ стоявшіе за нимъ, ему подначальнице, полки, рѣшило дѣло 28-го января 1725 года, и Екатерина тутъ же была провозглашена императрицей и самодержицей Всероссійской.

Такая услуга Бутурлина не могла быть забыта Екатериной. Но на долго ли? Въ началѣ новаго царствованія мы видимъ Бутурлина въ чести: при погребеніи императора Петра онъ несетъ за гробомъ корону имперіи всероссійской; по случаю бракосочетанія цесаревны Анны Петровны съ герцогомъ Голштинскимъ Карломъ Фридрихомъ, 21-го мая 1725 года, Бутурлинъ награжденъ орденомъ Андрея Первозванного и, 30-го августа того же года—вновь учрежденнымъ въ тотъ день, орденомъ Александра Невскаго. Но затѣмъ, въ новоучрежденный, въ началѣ 1726 года, верховный тайный соѣтъ, составленный изъ шести сановниковъ, Бутурлинъ назначенъ не былъ. Вѣроятно, не дано этого важнаго назначенія Бутурлину,—имѣвшему нѣкоторое право на таковое, независимо отъ личныхъ заслугъ государыни, какъ одинъ изъ старѣйшихъ въ то время генераловъ,—

всѣдствіе его недружелюбныхъ отношеній къ князю Меншикову, который съ первыхъ моментовъ царствованія Екатерины сталаъ во главѣ правленія, или же не дано—потому, что онъ былъ уже старъ и недуженъ, и вообще болѣе годился къ военному, чѣмъ къ гражданскому дѣлу, которымъ онъ дѣйствительно, надо полагать, занимался не съ большой любовью, если вѣрить, напримѣрь, указанію подметнаго письма 1724 года¹⁾, въ которомъ обвиняютъ Бутурлина въ томъ, что онъ, состоя членомъ Вышнаго суда²⁾, только тогда прѣбѣжалъ въ васѣданіе, когда его позвонутъ, и тамъ подписывалъ все, что ему подадутъ.

Впрочемъ, Бутурлину не долго уже было суждено пользоваться своимъ блестательнымъ положеніемъ при дворѣ. Во всемогущемъ тогда Меншиковѣ онъ имѣлъ, у престола, человѣка, непрощающаго и не забывающаго зла, ему сдѣланнаго,—вольнаго или невольнаго. Едва Меншиковъ былъ назначенъ президентомъ военной коллегіи, какъ Бутурлинъ потерялъ свое мѣсто командаира гвардейскихъ полковъ³⁾.

Естественно, что враждебныя отношенія всемогущаго временщика побудили Бутурлина примкнуть къ партіи его враговъ: къ Петру Андреевичу Толстому, Девьеру и другимъ, ратовавшимъ противъ назначенія великаго князя Петра Алексѣевича наслѣдникомъ престола и противъ его супружества съ дочерью Меншикова. Быть можетъ также, что нежеланіе видѣть на престолѣ Петра Алексѣевича вызывалось у Бутурлина опасеніемъ, что онъ найдетъ въ этомъ государѣ истріителя за участіе въ осужденіи его погибшаго отца. Но какъ бы то ни было, а названная партія рѣшилась сдѣлать представление государынѣ о неудобствѣ предпринятаго ею намѣренія и хотѣла просить о назначеніи наслѣдницей престола одной изъ дочерей государыни, Анны Петровны или Елизаветы Петровны. Однако, пока мысль партіи Толстаго и Девьера успѣла осуществиться, Екатерина, 10-го апрѣля 1727 года, впала въ болѣзнь и 6-го мая скончалась.

Вскорѣ послѣ начала болѣзни государыни, Меншиковъ объявилъ, отъ имени императрицы, "указъ, которымъ наряжалось слѣдствіе надъ генералъ-лейтенантомъ Девьеромъ, обвинявшемся въ не-

¹⁾ Соловьевъ, «Ист. Россіи съ дрек. вр.», т. XVIII, стр. 356.

²⁾ Судъ подъ этимъ наименованіемъ учрежденъ Петромъ въ 1723 году, по дѣлу Шафирова съ Скорняковымъ-Писаревымъ.

³⁾ Утрата этой должности была очень прискорбна Бутурлину и вооружила его противъ Меншикова. Бутурлинъ, негодя на Меншикова, говорилъ: «Онъ что хочетъ—то и дѣлаетъ, и меня, мужика старого, обидѣлъ, команду отдать м' и мои м'ялодшему, къ тому-жъ и адъютанта отнялъ, и откуда онъ такую власть взялъ?» Соловьевъ. Idem, т. XIX, стр. 89.

приличномъ, 16-го апрѣля, поведеніи, во время тяжкой болѣзни го- сударыни, во дворцѣ, и въ «великомъ возмущеніи», какъ выразилась, будто бы, сама императрица.

Подвергнутый пыткѣ, Девьеръ, послѣ 25-ти ударовъ, оговорилъ въ со участіи съ собою: П. А. Толстаго, Ушакова, Григорія Скорняко-ва-Писарева, Александра Нарышкина, князя Ивана Алексѣевича Долгорукова и Ивана Ивановича Бутурлина.

Результатомъ слѣдствія было, что 6-го мая того же года, въ день смерти Екатерины, состоялся указъ, по которому Девьеръ бить кну- томъ и сосланъ въ Сибирь; прочія выше названныя лица подвергну- ты ссылкѣ, лишенію чести или другимъ наказаніямъ, а И. И. Бу- турлинъ лишены чиновъ и сосланъ въ свои дальняя деревни.

Въ слѣдующемъ за симъ царствованіе, не смотря на то, что одинъ изъ товарищей Бутурлина по несчастію, князь Иванъ Долгоруковъ, сдѣлался близайшимъ человѣкомъ къ императору Петру II, участіе Бутурлина не только не облегчена, но еще отягчилась, вѣроятно, отчасти вслѣдствіе его противодѣйствія вступленію на престолъ Петра II или вслѣдствіе сбывающихся его опасеній относительно воспоминанія о нахожденіи его въ числѣ судей царевича Алексѣя и даже, можетъ быть, вслѣдствіе подозрѣнія, на него заведенного, въ прямомъ участіи въ самой смерти несчастнаго царевича.

Но какъ бы то ни было, а въ царствованіе Петра II у Бутур- лина отобраны всѣ жалованія ему Петромъ I деревни и онъ, послѣ того, жилъ, до самой смерти, въ наследственной своей деревнѣ Крут- цы, нынѣ Александровскаго уѣзда Владимірской губерніи, не воз- вративъ къ себѣ милости и императрицы Анны.

Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ умеръ на 77-мъ году жизни, 31-го декабря 1738 г., и погребенъ въ Александровскомъ дѣвичьемъ мо- настырѣ города Александровска.

Вотъ все, что мы знаемъ объ Иванѣ Ивановичѣ Бутурлинѣ. Онъ не былъ великимъ человѣкомъ. Онъ не обладалъ ни геніемъ, ни осо- быми талантами; онъ былъ однимъ изъ надежнѣйшихъ орудій въ ру- кахъ Великаго Строителя земли Русской.

Бутурлинъ, всю жизнь свою будучи точнымъ исполнителемъ велѣній Петра, былъ честнымъ человѣкомъ и въ то время, когда любимѣшіе птенцы государя, какъ Меншиковъ, Шафировъ, даже Апраксинъ, даже Яковъ Долгоруковъ, впадали въ различные пргрѣщенія и поддава- лись искушеніямъ—одинъ Бутурлинъ, во все царствованіе Петра, ни- когда ни въ чемъ не измѣнилъ своему долгу и остался, въ полномъ

значеніи мысли поэта: «усердень, неподкупенъ, царю наперсникъ, а не рабъ!»

Вотъ заслуга И. И. Бутурлина, вотъ его право на посвященное ему воспоминаніе объ его посильной многолѣтней служебной дѣятельности, въ великую эпоху Петровскихъ преобразованій.

Послѣ И. И. Бутурлина остались сыновья: Николай, служившій маюромъ, Аркадій, бывшій камергеромъ при Елизавѣтѣ Петровнѣ, Сергій¹⁾ и дочь Анна, въ замужствѣ за Сергіемъ Автомоновичемъ Головинымъ²⁾. Въ настоящее время потомство Ивана Ивановича, по мужской линіи, угасло.

Село Крутцы, въ которомъ скончалъ жизнь свою И. И. Бутурлинъ, досталось бабкѣ Н. В. Потулова, Софѣ Владиміровнѣ (бывшей замужемъ за генераль-маюромъ Потуловымъ), правнукѣ Ивана Ивановича Бутурлина, а послѣ ея смерти, въ 1836 году, по раздѣльному акту между отцомъ Николая Владиміровича съ его сестрами и братьями, перешло къ теткѣ Николая Владиміровича, дѣвицѣ Антонинѣ Михайловнѣ Потуловой; по кончинѣ же ея, досталось брату ея, статскому советнику Николаю Михайловичу Потулову, который кому-то продалъ это село.

Послѣ И. И. Бутурлина матери Н. В. Потулова достались письма Бутурлина къ его женѣ и дочери и фамильная святыня рода Бутурлиныхъ: крестъ съ мощами и образъ Божіей Матери, который хранится въ томъ семействѣ болѣе 500 лѣтъ.

Что образъ этой представляеть собою замѣчательную древность, служить доказательствомъ, что за одинъ его ликъ, безъ ризы, старообрядцы давали матери Н. В. Потулова 10,000 р. ассигнаціями. Этотъ образъ въ родѣ Бутурлиныхъ всегда переходилъ къ младшему, вѣроятно, вслѣдствіе старинного русскаго обычая: оставлять младшаго сына неотдѣленнымъ—на хозяйствѣ отца.. Такимъ образомъ шла передача этого образа до Владимира Сергіевича Бутурлина, у котораго не было сыновей, а потому образъ этой перешасть къ младшей его дочери—Софѣ Владиміровнѣ, бабкѣ Н. В. Потулова; но въ родѣ Потуловыхъ онъ сталъходить къ старшему въ семействѣ. Такъ, имъ былъ благословленъ отецъ Николая Владиміровича,

¹⁾ Долгоруковъ въ «Рос. родословной книгѣ» показалъ у Бутурлина еще сына Юрия, въ родословной Бутурлиныхъ, имѣющейся въ нашихъ рукахъ, неозначенаго.

²⁾ Отецъ котораго отчего-то названъ бездѣтнымъ въ статьѣ Языкова: «Головинъ», Энциклопедій Лекціковъ, под. Плюшара.

при помолвкѣ на его матери, и имъ же благословленъ Николай Владимировичъ, при его женитьбѣ.

Въ с. Крутцахъ находились портреты И. И. Бутурлина и его жены Марфы Тимофеевны. Неизвѣстно, гдѣ теперь эти портреты, но копіи съ нихъ хранятся у Н. В. Потулова.

П. В. Алабинъ.

10-го ноября 1875 г.—Самара:

Отъ редакціи. Помѣщая вслѣдъ за этой статьею восемьдесят шесть и-
семь Ивана Ивановича Бутурлина, весьма обязательно сообщенныхъ—въ концѣ,
тщательно снятой съ подлинниковъ,—П. В. Алабинъ, долгомъ считаемъ
замѣтить, что все примѣчанія къ этимъ документамъ принадлежать также
Петру Владимировичу Алабину.

Ред.

Письма генералъ-аншефа И. И. Бутурлина

1711 г.

Отъ Самары (1) и отъ Ново-Богородскаго (2). 9-го дня июня 1711 году.

Аннаушка, дружокъ мой, здравствуй съ матерью; буди на тебѣ мое благословеніе. Письмо твое братъ твой мнѣ подаль. Не печалься, дружокъ,—увидишься со мною, а я ѿду къ Каменному Затону (3) и скоро стану видѣться съ непріятелемъ, съ Крымскою ордою, и надобно мнѣ съ ними танецъ справить (4). Только ты надѣйся: со мною увидишься. Писала ты ко мнѣ, чтобы ты пѣша ко мнѣ пошла—истинно тому вѣрю. Отецъ твой Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ.

1. По Прутскому договору: рѣки Самара и Орель (обѣ впадающія въ Даѣпуръ съ лѣвой стороны и до впаденія текущія почти параллельно между собою) были назначены южною границею Россіи съ Турцией.

2. Ново-Богородскъ, на устьѣ р. Самары, такая же крѣпостда, какъ и Каменный Затонъ. Разореніе этого города было также однимъ изъ условій Прутскаго мира.

3. Каменный Затонъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, напротивъ Сѣчи Запорожской, одна изъ новосооруженныхъ Петромъ, на южной нашей границѣ, крѣпостей, которая, по Прутскому миру съ Турцией, установлено было отдать туркамъ и съ пушками, одновременно съ возвращеніемъ туркамъ Азова.

4. Петръ указалъ генералу Бутурлину, вмѣстѣ съ гетманомъ Скоропадскимъ, следовать, съ восемью полками, къ Каменному Затону и наблюдать за турками и татарами, въ выдахъ прикрытия отъ нихъ Малороссіи; въ случаѣ же нападенія съ ихъ стороны, обороняться до крайности. (Голиковъ, «Дѣяния Петра Великаго», т. IV, стр. 220—236). На этотъ разъ до битвы съ турками не дошло.

Отъ Даѣпра и отъ Воронова перебору (1). 24-го дnia іюна 1711 году.

Дружокъ мой Аиютушка, здравствуй съ матерью на вѣки. Отпустилъ я брата твоего за болѣзнью; а я, слава Богу, ей, здоровъ, хотя бы у матери и у вѣсъ у всѣхъ столько было здоровья. Да слышалъ я, что ты немогла. И ты, дружокъ, вѣдай, что я тебя люблю и жалѣю. А я въ непрестан-ныхъ суетахъ и трудахъ живу. Писалъ я къ тебѣ много, сего іюня дnia 9-го, да проялтые конюхи наши потеряли. Будь здорова и буди мое благословеніе на тебѣ. Писалъ отецъ твой И. И. Б. (2).

1. Перебору, вѣрятно, отъ слова перебираться, т. е. переходу, броду.
2. Для сокращенія, мы впредь будемъ ставить только заглавныя буквы подпись.

Отъ Ново-Богородскаго. 3-го дnia августа 1711 года.

Аиютушка, дружокъ мой, буди мое благословеніе на тебѣ. Здравствуй, сѣть, съ матерью и съ братцами, на вѣки; а я, слава Богу, живъ и, ей, здоровъ; истину пишу, только съ великой суеты худъ и большую половину съ сердца. Только, слава Богу, кажется, все у меня исправно и солдаты го-лоду не терпять, хотя въ неволю хлѣбъ берутъ, и для тово съ княземъ Дмитриемъ Голицынымъ (1) въ ссорѣ, только на то не смотрю.

Ожидай меня, дружокъ, въ сентябрѣ, для тово, что государь съ турскими салтаномъ изволилъ помириться вѣчнымъ миромъ. При семъ будь здорова со мною и съ матерью. Отецъ твой Иванъ Ивановичъ.

А. Бабинъ (2) ни къ чему не годенъ: пьяница и дуракъ, и ни въ какой чинъ отнюдь не хочетъ, только жить бы такъ.

1. Ближній стольникъ, первый кіевскій губернаторъ, которому въ команду отданы были всѣ войска, охранявши южные наши предѣлы отъ татаръ и за-порожцевъ.

2. Въ азовскомъ походѣ 1696 года войска были раздѣлены на 29 ротъ, изъ которыхъ 28-ю командовалъ капитанъ Опочининъ и у него въ ротѣ поручи-комъ былъ Дмитрій Бабинъ—не про него ли рѣчь?

Отъ Ново-Богородскаго, изъ обозу. Августа дnia 14-го 1711 года.

Аиютушка, дружокъ мой, здравствуй съ матерью. Буди мое благословеніе на тебѣ. А о мнѣ вѣдай, что я, милостію Божію, здоровъ. Подано мнѣ отъ тебя письмо прошедшаго іюля дnia 7-го, да сего августа дnia 3-го—два письма.. Спасибо, что не лѣнишься, пишешь. Да писала мнѣ, что ты съ женой своимъ, съ молодымъ Андреемъ (1), предъ тѣмъ пила медъ про мое здо-ровье, и то добро, только, пожалуй, свадьбою умѣди до моего прїѣза и жену о томъ скажи, а я надѣюсь, дружокъ, быть къ вами въ сентябрѣ.

По семъ будь здорова, а я писалъ къ государю и послалъ поручика и надѣюсь скоро къ себѣ отпovѣди: гдѣ мнѣ быть? Писалъ я къ матери обѣ Елагинѣ Навадарацкомъ (2), и ты ни съ кѣмъ не говори и братъ имъ за-
кажи. Писалъ я, отецъ твой И. И. Б.

Съ боку приписка, тою же рукою: «Здравствуй, Анютушка, въ девы праздника Успенія Пресвятых Богородицы».

1. Супружество съ этимъ женихомъ, какъ видно, не состоялось, такъ какъ Анна Ивановна Бутурлина была замужемъ за Сергеемъ Автомоновичемъ Головинымъ.

2. Не Новгородскомъ ли? и не тотъ ли это морской офицеръ Елагинъ, что былъ преданъ царемъ военному суду за грабежъ?

Отъ Ново-Богородскаго, изъ обозу. Августа 16-го дня 1711 года.

Анютушка, дружокъ мой, здравствуй съ матерью на многія лѣта.

А о мнѣ вѣдай, что я еще живъ и, Божію милостію, здоровъ,—ей, то
правда.

Былъ мое благословение къ тебѣ. Отецъ твой И. И. Б.

Отъ Ново-Богородского. Сентября 8-го дня 1711 года.

Анютушка, дружокъ мой, здравствуй, съ матерью, о Христѣ, на многія
дѣла. А я, милостію Божію, еще живъ. Я былъ боленъ десять дней, а нынче,
слава Богу, здоровъ. Чаю, на сей недѣль перейду къ новымъ Сань-Жарамъ (?),
къ рѣкѣ Ворсклѣ. И вы ожидайте отъ меня вскорѣ указу: либо къ вамъ
буду или къ себѣ возмущу васъ. Отецъ твой И. И. Б.

Изъ Ново-Богородского. Сентября 23-го дня 1711 года.

Анютушка дружокъ, здравствуй съ матерью на многія лѣта, о Христѣ. А я еще живъ и, слава Богу, здоровъ. Концъ сего мѣсяца я пойду къ новымъ Санть-Жарамъ, къ рѣкѣ Ворсклѣ, и къ вамъ пришлю нарочного человека, съ вѣдомостью. Буди мое благословеніе на тебѣ. Отець твой И. И.

На оборотѣ, тою же рукою, адресъ въ три строки: «Женѣ моей Марѣ Тимофеевнѣ Бутурлиной (1) изъ Москви».

1. Рожденная Савельева.

Изъ Гадяча. Ноября 21-го дня 1711 года

Анютушка, дружокъ мой, здравствуй. Буди мое благословеніе на тебѣ. Будь здорова въ сей день Введенія Пресвятой Богородицы,—со мною, и съ матерью, и съ братцами. Да поклонися отъ меня теткѣ своей, а моей племянкѣ, государынѣ моей Акулиной Петровнѣ (1). Писалъ отецъ твой И. И. Б.

1. Жена Дмитрия Ивановича Бутурлина, двоюродного брата Ивана Ивановича.

1713 г.

Отъ Гельзингфорса, изъ обозу. Августа въ 12-й день 1713 года.

Анна (Аннъя), будь здорова съ матерью и съ братцами на вѣки. А я, Божію милостію, здоровъ. Подано миѣ твоє письмо сего мѣсяца въ 9-й день, которое писано іюля въ 6-й день.

И впредь ко мнѣ пиши про материно здоровье и про свое. А я надѣюсь съ вами видѣться, сего года, въ декабрѣ. Буди мое благословеніе на тебѣ. Писалъ я, отецъ твой, И. И.

А что къ вамъ въ семъ мѣсяцѣ не писалъ: быть въ походѣ и не дошель до Або девяти миль, а походу было 12 миль и полъ. Только непріятель, не давъ бою, бѣжалъ (1).

На обратѣ, тѣмъ же почеркомъ, въ четыре строки: «Отдать ихъ милости, на дворѣ Ивана Бутурлина».

Другимъ почеркомъ: «Подана сентябрь въ 1-й день, отъ Ивана Алексѣевича Мусина» (2).

1. Не успѣвъ склонить ни курфистра ганноверскаго, ни короля прусскаго къ немедленному дѣйствію противъ шведовъ, Петръ возвамѣнился нанести имъ рѣшительный ударъ со стороны Финляндіи, и для того самъ пошелъ съ флотомъ и высадилъ, въ началѣ мал., у Гельзингфорса свои войска, которымъ безъ боя сдался главный городъ Финляндіи—Або.

2. Графъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ, дѣйств. тайный совѣтникъ, одинъ изъ тѣхъ 28-хъ бояръ, что были при Петре Великомъ послѣдними носявшими это званіе.

1714 г.

Изъ двора Люстель (?) полковника и Невсклюид (?) 1714 года января въ 19-й день.

Анютушка, буди мое благословеніе на тебѣ нынѣ и впредь. Будь здорова съ матерью и съ братцами. Два письма твоихъ поданы, которые писаны прошлаго ноября въ 7-е и 19-е числа. Спасибо тебѣ, что ты ко мнѣ умно и чинно пишешь, какъ достоинъ къ отцу писать. Для чего ты, сучка, ко мнѣ о материиной болѣзни не отписала? Молись Богу, чтобы я скорѣе вѣсь уви-

дѣль: напытаешь ты у меня дѣла. Доложась матери, поищи письма Гаврила Головкина (1), которое онъ по мнѣ писать, указомъ государевымъ, что мнѣ быть на Украинѣ съ полками. А ты мнѣ сказывала прошлого году у Ругодева (2).

(Приписка между строкъ: что ты его—не знаю гдѣ—видѣла).

И буде сышешь, отдай матери, чтобы его прислала ко мнѣ.

Буди въ сохраненіи Божіемъ и въ моемъ благословеніи. Отецъ твой И. И.

На оборотѣ, другимъ почеркомъ: «1714 г. февраля въ 3-й день подано отъ Мусина».

1. Гаврила Ивановичъ Головкинъ—первый графъ Россійской имперіи, государственный канцлеръ Петра Великаго, сопровождавшій его во всѣхъ походахъ и заграничныхъ путешествіяхъ.

2. Городъ Нарва.

Изъ Дво. Люстель полковника Инскюрдъ. 1714 января въ 27-й день.

Аннушка, буди мое благословеніе на тебѣ. Будь здорова съ матерью и съ братьями. Сего числа пошли мы къ Вазѣ-городку и князь Михаилъ (1), и я, и генераль-маіоръ Чернышевъ (2), а идти намъ въ даль земли 28 миль. А Брюсь, генераль-поручикъ (3), пошелъ въ Або.

Отпили же мнѣ живы-ль Аліныны дѣти и каковы велики?

Да будетъ наша ты Гаврила Головкина письмо—пришли ко мнѣ (4).

Буди мое благословеніе на тебѣ ныне и впредь. Отецъ твой И. И.

Приписка, другимъ почеркомъ: «Подана отъ Ивана Алексѣевича февраля въ 11-й день».

1. Князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, въ послѣдствіи фельдмаршалъ. Въ это время командовалъ нашими войсками въ Финляндіи.

2. Григорій Петровичъ, въ послѣдствіи графъ и генераль-аншефъ.

3. Яковъ Вильямовічъ, въ послѣдствіи генераль-фельдмаршалъ.

4. По видимому, Бутурлина очень интересуетъ письмо Гаврила Головкина, упомянутое въ предыдущемъ письмѣ. Не вышло ли какого недоразумѣнія, по возвращеніи Бутурлина изъ лѣна, при чёмъ онъ явился въ южную армію, когда онъ назначался въ полкъ, стоявшій на сѣверѣ. Бутурлинъ выражаетъ въ письмѣ отъ 27-го марта 1714 г., изъ Або, радость при отысканіи этого письма.

Изъ Финской деревни Венклиянуль, изъ Попова двора.

Гексюсъ 1714 г. февраля въ 20-й день

Аннушка, будь здорова о Христѣ и въ моемъ благословеніи, съ матерью и съ братьями. А я, Божію милостію, еще живъ. Вчерашняго числа у Финской деревни Напоявкула (1) съ шведами былъ бой до города Вазы, за сорокъ пять верстъ русскихъ. И, милостію Божію, у нихъ многихъ побили и въ полонъ побрали, а достальныхъ обратили въ бѣгство (2). Пиши ко мнѣ,

будеть есть съ кѣмъ отсыпать письма, чаще, а коли не съ кѣмъ—быть такъ. По семъ буди мое благословеніе на тебѣ. Отецъ твой И. И.

Ниже приписка, другимъ почеркомъ: «1714 года въ 23-й день. Подана отъ Мусина».

1. Мѣсто этой битвы Голиковъ называется д. Лачола («Дѣянія Петра Вел.», т. V, стр. 218), близъ гор. Вазы. Князь Голицынъ разбилъ, при этой деревнѣ, 19-го февраля, шведского генерала Арифельда.

2. По реляціи 3-го марта объ этой победѣ: изъ 8,000 бывшихъ въ бою шведовъ убито 5,153 человѣка и взято въ пленъ 534 челов., въ томъ числѣ 24 штабъ и оберъ-офицеровъ, гаубица, 7 пушекъ и 20 знаменъ и штандартовъ.

Изъ Або. Марта 27-го дня 1714 года.

Аннушка, буди мое благословеніе на тебѣ. Будь здорова съ матерью и братцами. Повторяю тебѣ отъ меня спасибо, что ты сыскала и прислала Гаврила Головкина письмо. Въ навечеріе будь здорова съ свѣтыми и живоносными Христовыми воскресеніемъ, съ матерью, съ братцами и со мною. А я въ великой моей скучѣ и хотѣ не въ великихъ суетахъ живу. Какъ Богъ изволить впередъ. По семъ буди на тебѣ милость Божія и мое благословеніе. Писалъ отецъ твой И. И.

Внизу приписка, другою рукою: «1714 году апрѣля въ 24-й день подана отъ Мусина».

Изъ Або. 1714 года апрѣля въ 1-й день.

[На лоскутѣ бумаги]. Аннушка, будь здорова съ матерью и съ братьями. Буди на тебѣ милость Божія и мое благословеніе. Утѣшай мать и сама не печалься. Пишите ко мнѣ, чтобы я про васъ вѣдалъ изъ писемъ вашихъ. По семъ, миленькая, будь здорова. Писалъ я, отецъ твой, И. И.

На оборотѣ помѣтка, другимъ почеркомъ: «1714 года апрѣля въ 24-й день. Подана отъ Мусина».

Изъ Або. 1714 года апрѣля въ 15-й день.

Аннушка, будь здорова и благословеніе мое на тебѣ буди. Отпиши ко мнѣ для чего ты ко мнѣ не писала, а я чаю, что ты больна. Утѣшай мать и сама не печалься. Будетъ живъ буду, надѣюсь конечно видѣть васъ сего года сентября въ послѣднемъ числѣ. А по старому счищенію 7223 году. Стану проситься прилежно.

При семъ Божія милость буди съ тобою и мое благословеніе. Отецъ твой И. И.

Внизу другимъ почеркомъ: «1714 году мая въ 3-й день подана отъ Мусина».

Изъ Або. 1714 апрѣля въ 21-й день.

Аннушка сердитая, будь здорова и будь на тебѣ милость Божія и мое благословеніе вовѣки. Спасибо, что писала ко мнѣ, которое письмо подано мнѣ сего апрѣля въ 19-й день, а писано марта въ 27-й день. А что ты писала черезъ великую мочь отъ печали своей и тому я причина, что писалъ къ матери о твоемъ замужествѣ. Ты же писала, что будто мнѣ негодна: вѣрь мнѣ, что, ей, годна. А мнѣ таково весело, что въ кое время чути ли не радъ ли смерти. По сему, миленькая, здравствуй съ матерью и съ братомъ. Писалъ я, отецъ твой, И. И.

И сего числа годъ какъ съ вами разстался.

Винагруз другимъ почеркомъ: «1714 года мая въ 10-й день подалъ человѣкъ Петра Тимофеевича Савелова (1) Путинъ».

1. Этотъ Савеловъ—вѣроятно, братъ жены Бутурлина—былъ адъютантомъ фельдмаршала Шереметева во время нашествія Карла XII на Россію, гдѣ отличался при с. Роздищевѣ, въ 1709 году, а уже подъ приговоромъ царевича Алексѣя подписался полковникомъ; въ послѣднее время онъ былъbrigadierомъ и служилъ въ дворцовомъ приказѣ.

1714 г. мая въ 20-й день.

Аннушка, будь здорова, съ матерью; буди мое благословеніе на тебѣ. О мнѣ, миленькая, вѣдай, что я еще живъ, Божію милостію. Писемъ отъ вѣсны ко мнѣ давно нѣть, послѣднее подано мнѣ, которое писано марта въ 27-й день и противъ того я отписалъ апрѣля въ 21-й день. А я въ здоровъ моемъ худъ сталъ и что далѣ—то хуже. Какъ государь къ намъ пріѣдетъ, чаю, поплынемъ судами подъ городъ єинской или шведской. При семъ, миленькая, буди на тебѣ милость всѣхъ Творца Бога и мое благословеніе. Отецъ твой И. И.

Писалъ въ день съ великимъ трудомъ: рѣбить въ глазахъ и застилаетъ. Можно тебѣ по письму знать: такъ ли я прежде сего писывалъ?

На оборотѣ поясна, другою рукою: «1714 году июня въ 26-й день подано отъ Голицына».

Изъ Або. 1714 г. июня въ 12-й день.

Аннушка миленькая, будь здорова, съ матерью и съ братомъ, и буди на тебѣ милость Божія и мое благословеніе. А я, Божію милостію, еще живъ. О житѣ и своемъ писать не знаю какъ; увѣдавъ—писать въ іюль стану. При семъ паки буди милость Божія на тебѣ. Отецъ твой И. И.

На оборотѣ другимъ, почеркомъ: «1714 года июля въ 10-й день привято отъ Голицына».

Сообщ. П. В. Алабинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

РУССКІЙ ДВОРЪ ВЪ 1761 ГОДУ.

Переводъ съ французской рукописи Лаферміера, хранящейся въ библіотекѣ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича въ городѣ Павловскѣ.

Въ «Русской Старинѣ», изд. 1878 года, томъ XXI, стр. 325—346, съ благосклоннаго разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича, напечатанъ довольно важный памятникъ по отношенію къ исторіи первой половины XVIII-го вѣка, именно: примѣчанія одного лица—какъ есть основаніе полагать, исторіографа Герарда Миллера—на письма леди Рондо о Россіи въ царствованіе Анны Іоанновны, переводъ нѣмецкой рукописи, принадлежащей Павловской дворцовой библіотекѣ Его Высочества. Въ той же библіотекѣ находится, между многими другими историческими материалами, замѣтки на французскомъ языке о Русскомъ дворѣ и русской политикѣ въ концѣ царствованія императрицы Елизаветы Петровны. Намъ неизвѣстно, кому принадлежать эти замѣтки, но писаны онѣ рукою Лаферміера, бывшаго въ послѣдствіи, въ 1770—1780-хъ годахъ, секретаремъ великаго князя Павла Петровича, и хотя онѣ передаютъ событія и характеристики, уже извѣстныя изъ многихъ нынѣ обнародованныхъ документовъ, какъ-то изъ депешъ иностраннныхъ при Русскомъ дворѣ пословъ, изъ отдельныхъ монографій, мемуаровъ и цѣлыхъ историческихъ сочиненій, тѣмъ не менѣе, какъ замѣтки очевидца-современника, не могутъ не быть интересны, и должны быть сохранины на страницахъ исторического изданія, посвященнаго изученію преимущественно новѣйшей отечественной исторіи. Въ этихъ видахъ, замѣтки о Русскомъ дворѣ 1761 года, съ благосклоннаго разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича,

помышаются нынѣ въ «Русской Старинѣ». Читатели нашего изданія припомнить при этомъ случаѣ, что дворцовая библіотека въ г. Павловскѣ сохранила такимъ образомъ довольно много вполнѣ драгоцѣнныхъ памятниковъ для отечественной исторіи XVIII вѣка, которые послѣдовательно и явились въ «Русской Старинѣ»—изъ нихъ особенно замѣчательны Записки Манштейна (при «Русской Старинѣ» изд. 1875 г.).

Ред.

I.

Императрица Елизавета Петровна.

Девятнадцатилѣтнее царствованіе этой государыни¹⁾ дало всей Европѣ возможность ознакомиться съ ея характеромъ. Въ ней привыкли видѣть государыню, исполненную доброты и гуманности, великолюбивую, либеральную и щедрую, но легкомысленную, беспечную, питающую отвращеніе къ дѣламъ, любящую сверхъ всего удовольствія и развлечения, вѣрную скорѣй своимъ вкусамъ и привычкамъ, чѣмъ страстямъ и дружбѣ, до крайности довѣрчивую и всегда находящуюся подъ чьимъ нибудь вліяніемъ.

Все это и теперь еще вѣрно до нѣкоторой степени, но года и разстроенное здоровье, произведя постепенные измѣненія въ ея организмѣ, отразились также и на ея нравственномъ состояніи.

Такъ, напримѣрь, любовь къ удовольствіямъ и шумнымъ празднествамъ уступила въ ней мѣсто расположению къ тишинѣ и даже уединенію, но не къ труду. Къ этому послѣднему императрица Елизавета Петровна чувствуетъ болѣшее нежели когда либо отвращеніе. Для нея ненавистно всякое напоминаніе о дѣлахъ, и приближенными нерѣдко случается выжидать по полугоду удобной минуты, чтобы склонить ее подписать указъ или письмо.

Въ теченіе настоящей длинной зимы (1760—1761 гг.), императрица всего только разъ показывалась въ публикѣ (въ праздникъ св. Андрея), а съ тѣхъ поръ по самую Пасху (греческаго стиля и по 15-е апрѣля нашего) она не выходила изъ своихъ покоеvъ, куда запиралась совершенно одна въ частыхъ припадкахъ меланхоліи или гдѣ забавлялась съ дѣтьми и маленькими калмыцкими дѣ-

¹⁾ Писано въ маѣ мѣсяца 1761 года.

вочеками¹). Принимая же у себя общество, она выносила присутствие только самого ограниченного числа придворных²).

Кромѣ истерическихъ припадковъ, симптомовъ потери (крови), совершающейся у нея постепенно, и другой мѣстной болѣзни, императрица Елизавета въ теченіе всей настоящей зимы страдала еще отъ раны на ногѣ, но ни за что не хотѣла ни лечиться, ни слѣдовать какому бы то ни было режиму. Она ни съѣсть не желаетъ совѣтоваться, кромѣ одного лекаря по имени Фуасавье (?), но онъ не иное чѣмъ цирюльникъ и ниже всякой посредственности.

Въ этомъ состояніи она еще сохраняетъ страсть къ нарядамъ и съ каждымъ днемъ становится въ отношеніи ихъ все требовательнѣе и прихотливѣе. Никогда женщина не примиралась труднѣе съ потерей молодости и красоты. Нерѣдко, потративъ много времени на туалетъ, она начинаетъ сердиться на зеркало, приказываетъ снова снять съ себя головной и другіе уборы, отмѣняетъ предстоявшее театральное зрѣлище или ужинъ, и запирается у себя, гдѣ отказывается кого бы то ни было видѣть.

Въ общество она является не иначе какъ въ придворномъ востомъ изъ рѣдкой и дорогой ткани самаго нѣжнаго цвѣта, иногда бѣлой съ серебромъ. Голова ея всегда обременена бриллиантами, а волосы обыкновенно зачесаны назадъ и собраны на верху, гдѣ связаны розовой лентой съ длинными, развѣвающимися концами. Она, вѣроятно, придаетъ этому головному убору значеніе діадемы, потому что присвойиваетъ себѣ исключительное право его носить. Ни одна другая женщина въ имперіи не смѣеть причесываться такъ, какъ она.

¹) Различныя черты этого характера и другихъ, съ какими намъ придется иметь дѣло, заставляютъ насъ прибѣгать къ подробностямъ, которыхъ на первый взглядъ могутъ показаться мелочными.

Примѣч. автора.

²) Ее успѣшно развлекаетъ и забавляетъ одинъ теноръ изъ ея хора, буффонъ и мимикъ, по имени Компани. Онъ имѣть свободный къ ней доступъ и даже допускается къ ея столу во время маленькихъ, интимныхъ ужиновъ, что даетъ ему известнаго рода положеніе. Графъ Эстергази часто съ нимъ вѣдѣлся и приглашалъ его къ себѣ обѣдать. Личность эта дѣйствительно забавна, вовсе не глупа и была ему не безполезна.

Примѣч. автора.

Удовольствия стола наполняли прежде значительную часть ея времени. Съ цѣлью внести въ нихъ по возможности болѣе свободы и безцеремонности, она часто заставляла давать себѣ ужинъ придворныхъ и посланниковъ, къ которымъ нерѣдко даже являлась неожиданно. Ужинъ эти, всегда продолжительные и веселые, обыкновенно оканчивались импровизированнымъ баломъ. Теперь обо всемъ этомъ нѣть болѣе и рѣчи. Императрица, правда, никогда не обѣдаетъ одна, но весьма рѣдко не у себя дома. Ужинъ ея становится все короче и скучнѣе. Она за ними ничего не пьетъ, кромѣ воды или, вѣрнѣе, квасу¹⁾ и венгерскаго вина, но вѣдь стола сильно возбуждается въ себѣ кровь сластями и ликерами.

Особенно печально проводить государыня Великій постъ. Она не терпить рыбы, но не смытъ вѣсть не только мяса, но и яицъ, масла и молока: все это одинаково воспрещается суровыми правилами этого поста. Благочестіе послѣдователей греческаго вѣроисповѣданія главнымъ образомъ заключается въ строгомъ держаніи постовъ, и императрица Елизавета, которая съ каждымъ днемъ становится все набожнѣе, предпочитаетъ (скорѣе) разстранять себѣ здоровье, чѣмъ подавать подданнымъ примѣръ нарушенія поста. Примѣру же своего воздержанія она требуетъ, чтобы всѣ слѣдовали. Никто при ея дворѣ, ни первый министръ, ни даже самый фаворитъ, не осмѣливаются нарушать постъ иначе, какъ самыемъ секретнымъ образомъ.

Но, ни эта крайняя точность въ исполненіи обрядовъ, ни суевѣрное (?) поклоненіе святымъ и иконамъ, ни страсть къ построенію церквей и монастырей²⁾, что все составляетъ отличительныя черты греческой набожности,—николько не препят-

¹⁾ Квасъ—это приведенное въ броженіе тѣсто, разведенное водой, что составляетъ весьма прохладительный напитокъ. Примѣч. автора.

²⁾ Императрица воздвигла много громадныхъ зданій въ этомъ родѣ. Въ бытность мою въ Петербургѣ, она вспомнила, что св. Иоаннъ Дамаскинъ, одинъ изъ всѣхъ святыхъ греческаго календаря, не имѣть въ имперіи церкви, и немедленно ассигновала на постройку ея 100 тысячъ рублей, поручивъ наблюденіе за этимъ дѣломъ графу Чернышеву, единствено по той причинѣ, что онъ носилъ имя вышеупомянутаго святаго. Примѣч. автора.

стуютъ наслаждаться жизнью. Эти подвиги, напротивъ, какъ бы служать противодѣйствіемъ грѣху и содѣйствуютъ тому, чтобы поддерживать душу въ равновѣсіи между добромъ и зломъ. Таково ученіе монаховъ и поповъ, и императрица Елизавета съ нимъ сообразуется

Обстоятельства, столь сильно разстроившія здоровье императрицы Елизаветы Петровны, имѣли также большое влияніе и на ея нравъ. Съвозь всю ея доброту и гуманность, доведенную до крайности безразсуднымъ (?!). обѣтомъ¹⁾, въ ней нерѣдко просвѣчиваются гордость, высокомѣrie, иногда даже жестокость, но болѣе всего—подозрительность. Въ высшей степени ревнивая къ своему величию и верховной власти, она легко пугается всего, что можетъ ей угрожать уменьшеніемъ или раздѣломъ этой власти. Она не разъ выказывала по этому случаю чрезмѣрную щекотливость²⁾. За то императрица Елизавета вполнѣ владѣеть искусствомъ притворяться. Тайные изгибы ея сердца часто остаются недоступными даже для самыхъ старыхъ и опытныхъ придворныхъ, съ которыми она никогда не бываетъ такъ милостива, какъ въ минуту, когда рѣшаешьъ ихъ опалу. Она ни подъ какимъ видомъ не позволяетъ управлять собой одному кому либо лицу, министру или фавориту, но всегда показываетъ, будто дѣлить между ними свои милости и свое мнимое довѣріе.

¹⁾ Обѣтъ этотъ, данный ею въ ночь своего заговора и вступленія на престолъ, заключается въ томъ, что она въ теченіе всего своего царствованія никого не лишитъ жизни. Ова до сихъ поръ вѣрою это выполняетъ: 70,000 преступниковъ (?) заслужившихъ смертную казнь и теперь живутъ на ея иждивеніи; за ihnen присматриваютъ 20,000 человѣкъ, и хотя они приговорены къ каторжной работѣ, тѣмъ не менѣе, въ теченіи, по крайней мѣрѣ, шести мѣсяцевъ въ году,ничего не дѣлаютъ вслѣдствіе климатическихъ условій страны, гдѣ снѣга часто не позволяютъ работать ни надъ дорогами, ни надъ возводевіемъ укрѣплений.

Примѣч. а в т о р а.

²⁾ Она не терпитъ титула великихъ въ приложеніи къ придворнымъ чинамъ въ особенности къ званію великаго канцлера, хотя обычаемъ принято такъ называть первого ministra. Однажды Бестужевъ такъ называлъ себя въ ея присутствіи.—«Знайте,—сказала она ему,—что въ моей имперіи только и есть великаго, что я, да великій князь, но и то величие послѣднаго не болѣе, какъ призракъ».

Примѣч. а в т о р а.

Бестужевъ думалъ систематически управлять ею посредствомъ страха, и съ этой цѣлью постоянно возбуждалъ въ ней недовѣріе къ великому князю Петру Федоровичу—и обратно. Это ему удавалось въ теченіи двѣнадцати лѣтъ. Раскрытие его хитростей было чуть ли ни единственной причиной паденія этого министра. Съ той поры императрица Елизавета стала еще гораздо сдержаннѣе и щекотливѣе во всемъ, что касается ея вниманія на дѣла. Досада по поводу того, что она въ теченіи столькихъ лѣтъ давала себя обманывать и позволяла собой управлять человѣку, которого ненавидѣла, и по сю пору отражается на ея приближенныхъ, когда тѣ съ жаромъ ее о чемъ нибудь просятъ или настойчиво побуждаютъ ее принять какую либо мѣру.

Трудно рѣшить, какую изъ иностранныхъ націй она предпочитаетъ прочимъ. По видимому, она исключительно, почти до фанатизма, любить одинъ только свой народъ, о которомъ имѣть самое высокое мнѣніе, находя его въ связи съ своимъ собственнымъ величиемъ. Въ дѣствѣ она учились языкамъ нѣмецкому и французскому. Вслѣдствіе ли частыхъ сношеній съ нѣмцами или увлекаясь примѣромъ матери, императрицы Екатерины¹⁾, глубоко преданной этой націи, которую она считала своею собственною, только императрица Елизавета въ ранней молодости тоже ихъ очень любила. Но поддержка, которую нѣмцы оказывали императрицѣ Аниѣ и принцессѣ Мекленбургской (Аннѣ Леопольдовнѣ), а также все, что ей самой пришлось вынести въ періодъ ихъ управления имперіей, съ теченіемъ времени превратили ея любовь къ нимъ въ ненависть. Если же допустить, что она предпочитаетъ которую нибудь изъ иностранныхъ націй, то это развѣ нашу (т. е. французскую). По крайней мѣрѣ, ей очень нравятся нашъ театръ, наши моды и наши пѣсни.

Въ заключеніе, императрицѣ Елизаветѣ нельзя отказать въ качествахъ сердца, но имъ недостаетъ устойчивости и выдержанности.

¹⁾ Она была лифляндка, а всѣ лифляндцы считаютъ себя нѣмцами.
Примѣч. автора.

Судьба несчастнаго Лестока и некоторыхъ другихъ служить доказательствомъ того, что она умѣла быть неблагодарной—изъ труслисти и несправедливой—по слабости; не мудрено, если она еще сдѣлается жестокой—изъ суевѣрія.

Что касается до качествъ ума, то ей тоже нельзя въ нихъ виноватъ отказать, но своего рода безпечность или умственная лѣтность, отъ которой въ ея годы уже не излечиваются, препятствуетъ ей исполнить многія изъ обязанностей, неразлучныхъ съ ея высокимъ саномъ. Изъ великаго искусства управлять народомъ, она усвоила себѣ только два качества: умѣнье держать себя съ достоинствомъ и скрытность.

Впрочемъ, ея съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разстраивающеся здоровье не позволяетъ надѣяться, чтобы она еще долго прожила. Но это тщательно отъ нея скрывается и ею самой—богѣе всѣхъ. Никто никогда не страшился смерти болѣе чѣмъ она. Это слово никогда не произносится въ ея присутствіи. Ей незыносима самая мысль о смерти. Отъ нея усердно удаляютъ все, что можетъ служить напоминаніемъ о концѣ. Въ случаяхъ придворного траура, она никуда не показывается, чтобы не надѣвать чернаго и не видѣть его. Въ городѣ не бываетъ ни погребального звона, ни похоронныхъ процессій. Слабость эта, простительная ея полу, не находить себѣ извиненія въ особѣ, облеченней ея саномъ, такъ какъ заставляетъ ее пренебрегать обязанностью, въ силу которой ей надлежало бы заранѣе сдѣлать необходимыя распоряженія на случай своей смерти. Это можетъ новести въ послѣдствія, которыхъ нельзя ни достаточно предвидѣть, ни достаточно предупредить.

II.

Великий князь Петръ Бедровичъ.

Великий князь представляетъ поразительный приимѣръ силы природы или, вѣрнѣе, первыхъ впечатлѣній дѣтства. Привезенный изъ Германіи тринадцати лѣтъ, нѣмѣдленно отданный въ руки русскихъ, воспитанный ими въ религіи и въ нравахъ имперіи, онъ и теперь еще остается истымъ нѣмцемъ и никогда не будетъничѣмъ другимъ.

Въ немъ, дѣйствительно, есть доля сходства съ его дядей, Карломъ XII, и есть его дѣдомъ, Петромъ Великимъ, но, къ сожалѣнію, сходство это чисто вицѣшнее. Онъ подражаетъ обоимъ въ простотѣ своихъ вкусовъ и въ одѣждѣ. Видъ у него вполнѣ военнаго человѣка. Онъ постоянно затянутъ въ мундиръ, такого узкаго и короткаго покроя, который слѣдуетъ прусской модѣ еще въ преувеличениемъ видѣ. Кроме того, онъ очень гордится тѣмъ, что легко переносить холода, жаръ и усталость. Врагъ всякой представительности и утонченности, онъ занимается исключительно смотрами, разводами и обученіемъ воспитанниковъ вѣреннаго его попеченія Кадетскаго корпуса¹⁾. Лѣто онъ проводить въ Ораніенбаумѣ, въ тѣсномъ кругу оставленныхъ ему нѣмцевъ, которыхъ онъ называетъ своими министрами и генералами²⁾. Отъ Петра Великаго онъ главнымъ образомъ наслѣдовалъ страсть къ горячительнымъ напиткамъ и въ высшей степени безразборчивую фамильярность въ обращеніи, за которую ему мало кто благородить. Народъ опасается въ немъ проявленія современемъ непреклонности дяди и жестокости дѣда, но приближенные считаютъ его легкомысленнымъ и непостояннымъ, и тѣмъ успокаиваютъ себя.

Какъ бы то ни было, однако существуютъ факты, доказываю-

¹⁾ Ихъ отъ 1,500 до 1,800. Междуд ними весьма мало его подданныхъ (?) и ни одного русскаго. Это смѣсь всевозможныхъ національностей, преимущественно нѣмцевъ, подъ командой иностраннѣыхъ же офицеровъ.

²⁾ Одинъ изъ нихъ соединяетъ въ себѣ оба титула и пользуется безграничными довѣріемъ великаго князя. Это баронъ Брокдорфъ, который современемъ можетъ сдѣлаться важнымъ лицомъ. Онъ сильно ухаживаетъ за нашими посланниками и министрами, въ надеждѣ, что покровительство короля доставить ему орденъ Бѣлого Орла, довольно распространенный въ Петербургѣ. Пока онъ нимѣть только орденъ св. Анны, который мало цѣнится.

Приим. автора.

щіе, что онъ, по крайней мѣрѣ, способенъ къ упрашству. Такъ, напримѣръ, онъ выказываетъ рѣдкую стойкость въ мнѣніи, касательно вопроса о дѣлахъ Курляндіи и объ обмѣнѣ Шлезвига. Распоряженіе императрицы на счетъ Курляндіи, которую она какъ бы до извѣстной степени принесла въ даръ саксонскому принцу Карлу, не перестаетъ возбуждать въ немъ протестъ. Выраженіе своей ненависти къ этому принцу великий князь довѣль до того, что даже намѣревался вызвать его на дуэль. Кроме того, всей Европѣ извѣстно, какъ онъ до сихъ поръ постоянно отказывается отъ всячаго соглашенія относительно своихъ правъ на Шлезвигъ.

Никогда нареченный наследникъ престола не пользовался менею народною любовью. Иностранецъ по рожденію, онъ своимъ слишкомъ явнымъ предпочтеніемъ къ нѣцамъ то и дѣло оскорбляетъ самолюбіе народа, и безъ того въ высшей степени исключительного и ревниваго къ своей національности. Мало набожный въ своихъ приемахъ, онъ не сумѣлъ пріобрѣсти довѣрія духовенства. Если подозрительный нравъ императрицы Елизаветы, а также интриги министровъ и фаворитовъ, отчасти и держать его вдали отъ государственныхъ дѣлъ, то этому, утверждаютъ многие, еще болѣе содѣйствуетъ его собственная беспечность и даже неспособность. Вслѣдствіе этого онъ не пользуется почти никакимъ значеніемъ ни въ сенатѣ, ни въ другихъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Погруженные въ роскошь и бездѣйствіе, придворные страшатся времени, когда ими будетъ управлять государь, одинаково суровый къ самому себѣ и къ другимъ. Казалось бы, что военные должны его любить, но на дѣлѣ не такъ. Они видятъ въ немъ череачуръ строгаго начальника, который стремится ихъ подчинить дисциплинѣ иностранныхъ генераловъ. Въ особенности дурно расположенье къ нему многочисленный и въ высшей степени безполезный (?) корпусъ гвардейцевъ, этихъ янычаръ Россійской имперіи(!!), гарнизонъ которыхъ находится въ столицѣ, гдѣ они какъ бы держать въ заточеніи дворъ (?). Сама императрица нашла въ ихъ средѣ безопасность только благодаря тому, что, оставивъ ихъ безъ начальника, объявила сама себя командиромъ ихъ трехъ полковъ.

У Воронцовой двѣ сестры красавицы¹), но онъ предпочелъ ее, безобразіе которой невыразимо и не искупается ни хорошимъ сложеніемъ, ни бѣлизной кожи. Даже великая княгиня и та весьма довольна этой (дружбою), въ упроченію которой сама не мало содѣствовала, такъ какъ не придается ей никакого значенія. Дѣвица эта, впрочемъ, не лишена ума, и при случаѣ, конечно, съѣзжала бы воспользоваться своимъ положеніемъ, еслибы на то представлялась хоть малѣйшая возможность.

Казалось бы, что разъясненіе недоразумѣній, причинившее паденіе Бестужева, должно бы было произвести сближеніе между императрицей и великимъ княземъ и, породивъ между ними довѣріе, предостеречь ихъ въ будущемъ отъ дальнѣйшихъ интригъ министровъ и фаворитовъ. Но этого не случилось. Тетка остается по прежнему холодна и неприступна, можетъ быть, вслѣдствіе своей слабости, племянникъ почтителенъ, но безъ малѣйшей нѣжности и, можетъ быть, изъ робости, никогда у нея ничего не просить. Они видятся только ради приличія и между ними нѣть ни дружбы, ни довѣрія.

Говорятъ, великий князь не любить насъ, французовъ. Я думаю, что это правда. Послѣ нѣмцевъ первое мѣсто въ его сердцѣ занимаютъ англичане, нравы и обычаи которыхъ ему сродни нашихъ. Къ тому же лондонскій кабинетъ всегда относился къ нему чрезвычайно мягко и осторожно, а кружокъ поселившихся въ Петербургѣ и пользующихся большимъ почетомъ англійскихъ негоціантовъ выказываетъ много въ нему уваженія. Самъ онъ со многими изъ нихъ обращается скрѣбъ какъ съ друзьями, чѣмъ какъ съ кредиторами. Его считаютъ вполнѣ преданнымъ интересамъ Пруссіи и я этому вѣрю. Склонность великаго князя въ этомъ отношеніи объясняется еще его пристрастіемъ къ мельчайшимъ подробностямъ военной дисциплины. Очевидно, онъ избралъ прусскаго короля себѣ въ образцы и герои, но въ этомъ отношеніи съ нимъ за одно вѣдь другіе государи, раздѣляющіе его вкусы, хотя бы даже они были въ числѣ враговъ этого короля.

Что касается вѣнскаго двора, то онъ вообще никогда ни-

¹⁾ Графиня Бутурлина и княгиня Дашкова, дочери сенатора Романа Ларіоновича, брата великаго канцлера.

Примѣч. автора.

мало не заботился о томъ, чтобы щадить великаго князя, который считаетъ его сторонникомъ Иоанна Антоновича. Однимъ словомъ, онъ не любить Австрію, а та, въ свою очередь, не любить его.

Расходы на содержание великаго князя и великой княгини распредѣляются императрицей. Они вмѣстѣ съ дѣтьми живутъ подъ одной кровлей съ ея величествомъ¹⁾), исключая лѣтнаго времени, которое проводятъ въ Ораніенбаумѣ. Содержание ихъ роскошно, но они терпятъ недостатокъ въ наличныхъ деньгахъ и потому имѣютъ много долговъ, которые, по всѣмъ вѣроятностямъ, не будутъ уплачены ими при жизни императрицы.

III.

О системѣ въ настоящей войнѣ съ Пруссіей.

Достовѣрно, что императрица Елизавета первоначально вмѣшилась въ эту войну по двумъ причинамъ. Одна изъ нихъ заключалась въ чувствѣ справедливости и великодушія, которой побудило ее оказать помощь своимъ союзникамъ. Другая—въ личной злобѣ и досадѣ на короля прусскаго.

¹⁾ Это тѣмъ для нихъ неудобнѣе, что Зимній дворецъ, въ которомъ они живутъ восемь мѣсяцевъ въ году, имѣть видъ огромной деревянной клѣтки. Онь весь сквозной, такъ что ни войти въ него, ни выйти изъ него нельзя нече какъ чтобы совсѣмъ видѣли. Этотъ дворецъ *) (императрица въ немъ живеть пока отстраивается по ея приказанію другой, новый) имѣть еще то неудобство, что въ немъ чрезвычайно тѣсно для всей семьи, исключая самой императрицы. Въ теченіе цѣлой зимы онъ не иное чѣ, какъ прыличная тюрьма. Великій князь забавляется тамъ стрѣльбой въ цѣль, чemu предается, можетъ быть, съ излишнею страстью, но это не безполезно для его здоровья въ климатѣ, где господствуетъ скорбуть. Вечера свои онъ, за исключеніемъ Великаго поста, обыкновенно проводить въ театрѣ. Ужинъ его всегда продолжительны и онъ иногда ихъ устраиваетъ въ дома, въ обществѣ, которое, по крайней мѣрѣ въ глазахъ императрицы, слыть предосудительны. Кромѣ того, онъ курить табакъ, пить пиво и водку, что совсѣмъ не совпадаетъ съ изящными и утонченными пріемами двора, которые тотъ заимствовалъ у нашего. За то это вполнѣ согласно съ нравами не только массы народа, но и русскаго дворянства, духовенства и военного класса. Удивительно, что нація осмысливается порицать въ одномъ только великому князю образъ жизни, который такъ свойственъ сѣверному климату и такъ согласенъ не только съ примѣромъ Петра Великаго и вообще съ незапамятныхъ временъ установленвшимися въ Россіи обычаями.

Примѣч. автора.

^{*)} На Невскомъ проспектѣ, близъ нынѣшняго Полицейскаго моста. Ред.

Первая изъ этихъ причинъ, похвальная въ принципѣ и уважительная въ примѣненіи, нетерпима въ здравой политикѣ, потому что злоупотребленія, какія всегда въ подобномъ случаѣ совершаются, на свой собственный счетъ превращаютъ въ донъ-
кихотство.

Вторая причина, гораздо болѣе дѣйствительная въ мезочахъ, потому что вытекаетъ изъ самолюбія, въ важныхъ случаяхъ пріобрѣтаетъ силу только вслѣдствіе интригъ и внушеній лицъ, заинтересованныхъ въ возбужденіи этого самолюбія.

Въ императрицѣ Елизаветѣ то было плодомъ продолжительныхъ происковъ Бестужева, дѣйствовавшаго за одно съ вѣнскими и дрезденскими дворами. Онъ въ этомъ случаѣ довѣръ ея раздраженіе до такой степени, что уже въ послѣдствіи самъ не могъ его болѣе сдерживать.

Но одобряя идею славы и мести, которая составляла единственную цѣль государыни, люди, пользовавшіеся ея довѣріемъ, что касается ихъ самихъ, не ограничивали своихъ видовъ однимъ только должнымъ воздаяніемъ за обиды и наказаніемъ (Фридриха II) за эпиграммы. Личный интересъ прежде всего указывалъ имъ на обильную жатву трактатовъ и договоровъ. Я говорю—жатву, потому что за все это дорого платится наличными деньгами, изъ чего слѣдуетъ, что русскій кабинетъ всегда любилъ сочинять трактаты и писать договоры. Однако, выигрывая съ одной стороны, они, казалось бы, должны были терять съ другой, потому что имъ, по видимому, предстояло лишиться частыхъ усъщеній, къ которымъ они привыкли со стороны Англіи. Но эта потеря была только кажущаяся. Чѣмъ болѣе британскій кабинетъ будетъ заинтересованъ въ томъ, чтобы поддерживать въ Петербургѣ равновѣсіе между своимъ вліяніемъ и нашимъ,—тѣмъ болѣе слѣдовало надѣяться на усиленную дозу противоядія. Такъ, каждый, слѣдя обычаю заботиться прежде о себѣ, находилъ свою выгоду въ томъ, чтобы Россія приняла участіе въ союзѣ противъ короля прусскаго.

Къ этимъ частнымъ и личнымъ причинамъ впрочемъ присоединялись также и весьма уважительные государственные интересы.

Новая держава, увеличенная остатками Швеціи съ помощью Петра Великаго, видѣвшаго отъ нея одну только неблагодарность, еще расширила свои предѣлы на счетъ Австріи, благодаря слишкомъ долгой терпимости со стороны Россіи. Со временемъ униженія

Швеції, эта держава была одна въ состояніи противодѣйствовать безграничной власти, какую Россія себѣ присвоила на сѣверѣ. Честолюбивый и предпріимчивый государь могъ бы даже воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы помочь Польшѣ свергнуть съ себя иго, или Швеціи—возвратить себѣ по крайней мѣрѣ независимость. Такимъ образомъ, дѣлу Петра Великаго, которое настоящее царствование Елизаветы еще увѣличало, угрожала гибель, если будетъ упущенъ этотъ случай унизить короля прусскаго и привести наконецъ въ исполненіе давно проектированный планъ раздѣла его владѣній, что поставило бы его самого и преемниковъ его въ невозможность что либо предпринять въ будущемъ.

Что касается до военныхъ издержекъ, то, благодаря субсидіямъ, контрибуціямъ и хорошимъ зимнимъ квартирамъ, вся тяжесть ихъ должна была пасть на союзниковъ и враговъ. Здѣсь, какъ и повсюду, предполагалось, что дѣло шло только объ одному единственному походѣ и всему надлежало въ самомъ скоромъ времени окончиться миромъ, условія которого предвидѣть Россія.

Съ этой точки зреянія вопросъ и былъ первоначально представленъ императрицѣ. Въ тотъ моментъ никто не говорилъ ей ни о завоеваніяхъ, ни о вознагражденіяхъ. Она, въ свою очередь, умалчивала о нихъ въ манифестахъ. Но когда война затянулась, а выѣхать съ тѣмъ увеличился издержки, субсидіи уменьшились, о контрибуціяхъ и зимнихъ квартирахъ не было и рѣчи, тогда оказалось, что всѣ обманулись въ своихъ расчетахъ и для продолженія войны пришлось искать болѣе основательныхъ поводовъ, чѣмъ тѣ, которыми руководились при началѣ ея. Было предложено овладѣть Пруссией.

Сначала предложеніе имѣло мало успѣха. Императрицѣ и въ голову не приходила подобная мысль, а канцлеръ тоже не осмѣлился бы явиться ея авторомъ. Онъ совершенно естественно долженъ былъ осторегаться мѣръ и обязательствъ, которыхъ могли продлить существующія затрудненія или создать новые. Между извѣстно, что самые первые толки объ этомъ пришлись ему не по вкусу, но во время дальнѣйшихъ преній были выдвинуты впередъ такие убѣдительные и блестящіе доводы, въ пользу которыхъ уже успѣли расположить и императрицу, такъ что Воронцовъ не могъ болѣе противиться общему потоку.

Камергеръ Шуваловъ взялъ на себя сдѣлать первый приступъ по этому вопросу къ императрицѣ, постоянно занятой мыслью о славѣ своего царствованія. Напомнивъ ей, что приобрѣтеніе нѣкоторыхъ частей Финляндіи было цѣной ея побѣды надъ Швецией, онъ представилъ ей, что цѣлое королевство, присоединенное къ ея обширнымъ владѣніямъ, увѣковѣчить ея славу гораздо прочнѣе всѣхъ подвиговъ ея войскъ въ настоящей войнѣ и что, наконецъ, она обязана предъ имперіей и предъ самой собой получить вознагражденіе за кровь, до сихъ поръ напрасно пролитую, и за потраченныя сокровища.

Къ этимъ, столь соблазнительнымъ, для личаго честолюбія, доводамъ, братья Шуваловы и сенаторъ Неплюевъ присоединили еще другіе, касавшіеся политическихъ интересовъ Россіи.

Первые два доказывали, что покореніе Пруссіи дасть возможность окончательно поработить Польшу; что городъ Данцигъ тогда будетъ существовать только по милости Россіи. Запертый, таѣ сказать, со всѣхъ сторонъ близкимъ сосѣдствомъ русскихъ войскъ, онъ подъ самыемъ ничтожнымъ предлогомъ можетъ сдѣлаться ихъ добычей. Или же, если его оставить существовать, его легко можно будетъ обложить контрибуціей подъ страхомъ постоянныхъ притѣсненій, которыхъ онъ не будетъ въ состояніи избѣгать. Такимъ образомъ быль бы приведенъ въ исполненіе любимый планъ Петра Великаго, заключавшійся все въ большемъ и большемъ приближеніи къ границамъ Германіи и въ занятіи позиціи, которая поставила бы Россію въ возможность управлять ея судьбами. Наконецъ, раскидываясь все дальше и дальше вдоль берега Балтійскаго моря, была-бы достигнута еще другая великая цѣль этого императора—касательно флота и торговли.

Неплюевъ, вполнѣ соглашаясь съ братьями Шуваловыми на счетъ вопроса о покореніи Пруссіи, однако расходился съ ними, что касалось употребленія, какое слѣдовало изъ нея сдѣлать. Онъ предлагалъ ее нѣкоторымъ образомъ отдать Польшѣ, получивъ взамѣнъ отъ послѣдней польскую Россію. Польша тѣмъ самымъ была-бы совсѣмъ заперта со стороны Украины и это сильно затруднило бы ея сношенія съ Турцией. Вслѣдствіе этого у нея была бы отнята послѣдняя опора, на какую она могла расчитывать послѣ паденія короля прусскаго. Къ русской державѣ такимъ образомъ было бы присоединено нѣсколько отрѣ-

занныхъ оть нея провинцій, что придало бы особенный блескъ и значение титулу Самодержицы Всероссійской.

Эта послѣдняя мысль чрезвычайно какъ понравилась императрицѣ и на ней, по видимому, остановились, по крайней мѣрѣ на нее ссылались въ объясненіяхъ, съ какими въ теченіе прошлой (1760 г.) зимы обращались къ намъ; да вѣроятно, и къ остальнымъ союзнымъ дворамъ. Я сомнѣваюсь однако, чтобы петербургскій кабинетъ искренно намѣревался сообразоваться съ этимъ планомъ, такъ какъ сдѣлалъ оговорку на счетъ вышеупомянутаго обмѣна, замѣчая, что онъ можетъ состояться въ послѣдствіи. Къ тому-же тутъ бы еще представилось важное затрудненіе, проистекающее изъ самой сущности дѣла, а именно: подобный обмѣнъ могъ бы состояться не иначе какъ съ разрешеніемъ сейма, то-есть съ его единодушнаго согласія, что, какъ известно, физически невозможно.

Должно полагать, что мысль объ этомъ обмѣнѣ была пущена въ ходъ единственno съ цѣлью успокоить Европу, союзниковъ и даже самую Россію и разсѣять совершенно основательныя опасенія, какія должно было вызвать намѣреніе овладѣть Пруссіей.

Мы прежде всего имѣли въ виду указать на причины, которыя побудили петербургскій дворъ начать и продолжать войну съ прусскимъ королемъ. Намъ остается еще разобрать тѣ причины, какими онъ станетъ руководиться въ переговорахъ о мирѣ¹⁾.

¹⁾ Какъ на документъ, разъясняющій настоящія замѣтки, можно указать на проектъ присоединенія покоренного королевства Пруссіаго, къ Россіи, составленный русскимъ кабинетомъ и утвержденный императрицею Елизаветою Петровною 30-го апраля 1760 г. См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., томъ VII, стр. 705—713.

Ред.

IV.

О настоящей системѣ относительно предстоящаго мира.

Цѣли Россіи въ предстоящихъ переговорахъ о мирѣ заключаются въ трехъ главныхъ пунктахъ:

1-й—имѣющій въ виду покореніе Пруссіи, быть объявленъ и разъясненъ.

2-й—обѣщающій союзникамъ удовлетвореніе и вознагражденіе, быть слегка, хотя и съ болѣшимъ паѳосомъ, упомянуть.

3-й—еще не провозглашается открыто, но онъ тѣмъ не менѣе существуетъ и близокъ сердцу русскаго министерства. Россія намѣрена явиться въ предстоящихъ переговорахъ не только участницей, но распорядительницей и поручительницей въ томъ, что все, что порѣшать на счетъ Германской имперіи, непремѣнно будетъ исполнено. Такимъ образомъ она будетъ допущена до со участія съ Франціей и Швеціей въ гарантированіи новой германской системы, или старой, если та въ предстоящихъ переговорахъ не подвергнется радикальнымъ измѣненіямъ. Вестфальскій миръ по прежнему останется основаніемъ этой системы, но Россія съ той минуты, за одно съ Франціей и Швеціей, сдѣлается охранительницей его.

Хотя она уже давно стремилась вмѣшаться въ домашнія дѣла Германскаго союза, вѣнскій кабинетъ, однако, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда призывалъ ее на помощь во время войны, при заключеніи мирныхъ договоровъ всегда старался отстранять ее отъ участія въ нихъ и всегда этого достигалъ. До сихъ поръ Россія не участвовала ни въ одномъ изъ общихъ конгрессовъ, которыми оканчивались большія европейскія войны. Нынѣ же русскій дворъ поставилъ для себя вопросомъ чести достигнуть того, чтобы играть одну изъ первыхъ ролей въ предстоящемъ конгрессѣ, а главное—пріобрѣсти въ Германскомъ союзѣ столь желанное право покровительства и власти подъ именемъ гарантіи.

Изъ этихъ трехъ пунктовъ послѣдній такъ тѣсно связанъ съ первымъ, то есть съ тѣмъ, который касается покоренія Пруссіи, и такъ необходимъ для Россіи, чтобы дать ей возможность управлять Германіей, смыслъ его такъ осознатель и обусловленъ мѣстностью, что безполезно долго на немъ останавливаться.

Замѣчу только, что разумное существо не можетъ желать дѣлъ, не желая средствъ, и прибавлю этотъ доводъ ко всѣмъ тѣмъ, которые уже привелъ выше въ объясненіи, почему Россія упорствуетъ въ своемъ требованіи на счетъ покоренія Пруссіи.

Кромѣ того, доходы этой послѣдней, хотя и умѣренны, однако же кажутся вполнѣ безразличными въ глазахъ петербургскаго кабинета. Оцѣнивая ихъ самымъ скромнымъ образомъ и предполагая, что Россія отнесется къ своему новому пріобрѣтенію съ той же политической умѣренностью, какую Петръ Великій выказалъ въ отношеніи Лифляндіи и другихъ завоеванныхъ странъ,—всегдали тутъ слѣдовало расчитывать на 6 или 7 сотъ тысяч золотыхъ монетъ чистой прибыли, такъ какъ для охраненія Пруссіи не потребовалось бы ни однимъ человѣкомъ и ни однимъ рублемъ больше чѣмъ въ настоящее время. То былъ бы передовой постъ, который служилъ бы прикрытиемъ для Лифляндіи. Въ мирное время въ этой провинціи обыкновенно бываетъ расположень шестидесяти и семидесяти-тысячный корпусъ. Стоило-бы только часть этой арміи выдвинуть авангардомъ въ Пруссію. Вслѣдствіе этого раздѣла содержаніе всей арміи облегчилось бы и удешевилось.

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, а еще болѣе того, чтѣ я могъ наблюсти и проникнуть самъ, я признаюсь, что въ эпоху своего отѣзда считалъ весьма не легкимъ побудить русскій дворъ отказаться отъ столькихъ существенныхъ выгодъ, ради бесплодной и романнической славы, какую онъ пріобрѣтъ-бы, да-ромъ раззоряя чужія владѣнія и въ то же время свои собственные.

Тѣмъ не менѣе я былъ далекъ отъ того, чтобы не видѣть или не вполнѣ давать себѣ отчетъ въ возраженіяхъ, какія могли бы быть подняты противъ этой системы. Напротивъ, я даже и къ себѣ весьма отчетливо представлялъ. Вотъ они все (какъ мнѣ кажется) и съ отвѣтами.

Возраженіе 1-е. Польша станетъ-ли спокойно смотрѣть на то, какъ Россія, посредствомъ пріобрѣтенія Пруссіи, окончательно запрѣтъ ее со стороны Балтійскаго моря и даже получить возможность по произволу воспретить ей навигацію по Вислѣ и прервать всякия сношенія между Варшавой и Данцигомъ?

Отвѣтъ: Польша, конечно, будетъ роптать, но она, по обыкновенію, подчинится тому, чего не въ состояніи избѣжать. Мы въ другомъ мѣстѣ будемъ говорить о ея положеніи въ отношеніи къ Россіи и о системѣ этой послѣдней въ отношеніи къ ней, но и теперь уже достаточно доказано, что страхъ возбудить неудовольствіе этой сарматской анархіи еще никогда никого не останавливалъ въ исполненіи своихъ плановъ. Въ настоящемъ случаѣ слабая оппозиція, какую она могла бы противопоставить, только послужила бы новымъ поводомъ къ осуществленію задуманнаго плана. Это будетъ вполнѣ выяснено въ указанной статьѣ.

Возраженіе 2-е. Допустить-ли это Порта, покровительница и охранительница польской независимости? Отнесется-ли она спокойно къ этому новому требованію Россіи? Прусскій король уже давно вступилъ въ сношеніе съ Константинополемъ; тамъ даже начались переговоры. Не могутъ-ли они имѣть въ виду поддержку для Пруссіи со стороны Порты? Захочеть-ли Россія подвергнуться новой, отдаленной и раззорительной войнѣ?

Отвѣтъ: Турки съ давнихъ поръ слывутъ покровителями Польши и съ давнихъ поръ никому не препятствуютъ ее притеснить. Прусскій король дѣйствительно ведетъ переговоры съ Портой, но къ чему привели они до сихъ поръ? Диванъ такъ мало знакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ и такъ мало заботится объ интересахъ, не касающихся его непосредственно, что ему не легко объяснить далекую связь, существующую между Пруссіей и Турціей. Онъ могъ-бы по той же самой причинѣ гораздо болѣе встревожиться обмѣномъ Пруссіи на польскую Россію. Но какія бы заявленія петербургскій кабинетъ уже не дѣлалъ по этому вопросу, ему нетрудно будетъ успокоить Порту, доказавъ ей, что намѣреніе это не болѣе какъ мечта и осуществленіе его несбыточно. Допустимъ однако, что Порта примѣтъ къ сердцу положеніе короля прусскаго и на столько пойметъ свои собственные интересы, что не захочетъ его гибели; допустимъ, что она объявитъ себя его защитницей,—у Россіи найдется еще не мало средствъ отвратить грозу. Ей не впервые придется затыкать глаза и ротъ вичливымъ оттоманамъ и осуществлять у нихъ подъ носомъ такие планы, которые даже прямо

нарушаютъ только что составленные съ ними договоры. Въ другомъ мѣстѣ я буду говорить о системѣ и объ усилкахъ Россіи въ этомъ отношеніи, причемъ приведу нѣсколько изъ новѣйшихъ примѣровъ (въ статьѣ о системѣ Россіи въ отношеніи къ Портѣ). Замѣчу только, что петербургскій кабинетъ нынѣшней зимой нѣсколько не тревожился вмѣшательствомъ Порты въ настоящую войну. Онъ твердо вѣрить, что прусскій король погибнетъ или будетъ спасенъ гораздо прежде чѣмъ турки успѣютъ двинуться. Однимъ словомъ, онъ смотрѣть на переговоры короля прусскаго съ Константинополемъ какъ на пугало.

Возраженіе 3-е. Самые союзники Россіи, не въстанутъ-ли они противъ ея намѣренія овладѣть Пруссіей и можетъ-ли она надѣяться на успѣхъ, вопреки ихъ сопротивленію? Швеція, уже и безъ того находящаяся въ зависимости отъ русскаго двора и существующая отчасти только по его доброй волѣ, потому что снабжается хлѣбомъ изъ ліфляндскихъ портовъ, можетъ ли она безъ опасеній видѣть, какъ Россія займетъ позицію, въ которой будетъ въ состояніи по произволу лишать ее съѣстныхъ припасовъ, перерѣзываю имъ путь изъ Польши черезъ Нѣманъ и Вислу? Вѣнскій дворъ, столь-же заботливо удаляющій отъ себя русскихъ, сколько усердно призывающій ихъ на помощь въ минуты опасности, неужели онъ безъ зависти станетъ смотрѣть, какъ тѣ овладеютъ пунетомъ, откуда имъ такъ легко будетъ, даже незваннѣмъ, проникнуть въ Германію? А Франція, наконецъ, не рискуетъ-ли она утратить все свое значеніе и вліяніе на сѣверѣ, если Россія, покоривъ Пруссію, успѣеть водворить въ этой части Европы свой деспотизмъ?

Отвѣтъ: Швеція, конечно, не безъ зависти увидитъ это новое распространеніе русскихъ владѣній вдоль Балтійскаго моря, но ей придется уступить, потому что она не можетъ иначе какъ подъ этимъ условиемъ получить то, чего сама желаетъ въ Помераніи. Къ тому же, ея положеніе въ отношеніи Россіи таково, что если петербургскій дворъ и обратится къ ней за согласiemъ, то единственно для проформы. Пусть она откажется въ этомъ согласіи—и безъ него съумѣютъ обойтись. До сихъ поръ Швеція играла самую незначительную роль, какъ въ союзѣ, такъ и

въ войнѣ. Съ ней вообще не много совѣтуются, а Россія—меньше прочихъ державъ. Эта мысль будетъ мнюо подробно развита въ статьѣ: о системѣ Россіи въ отношеніи къ Шведіи.

Допустимъ даже, что Шведія при заключеніи мира будетъ лишена обѣщанныхъ ей выгода, что она разсердится и сдѣлаетъ видъ, будто противится покоренію Пруссіи,—на ея оппозицію будетъ обращено такъ же мало вниманія, какъ на протестъ Тевтонскаго ордена.

Причины. Здѣсь оканчивается рукопись, написанная рукою Лагермѣра и сохранившаяся въ его бумагахъ, принадлежащихъ Павловской дворцовой библиотекѣ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича.

Ред.

ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЯ В. Н. ЗИНОВЬЕВА

ПО ГЕРМАНИИ, ИТАЛИИ, ФРАНЦІИ И АНГЛІИ

въ 1784—1788 гг.

Василій Николаевич Зиновьевъ (род. 1754 г. † 1816 (?)) былъ това-
рищель, по воспитанію въ Лейпцигѣ, Радищева, Бутузова и Козадавлева,
т. е. входилъ въ составъ той фаланги передовыхъ людей въ Россіи второй
половины прошлаго столѣтія, о которой память сохранилась и до сего вре-
мени, какъ о людяхъ, стоявшихъ во главѣ мыслящаго меньшинства того вре-
мени и заявившихъ о себѣ и въ литературѣ, и на гражданскомъ поприщѣ.
Упомянемъ также о родственныхъ, весьма близкихъ и даже дружескихъ от-
ношеніяхъ В. Н. Зиновьева къ графу Семену Романовичу Воронцову. Огра-
ничусь этими двумя напоминаніями, на нашъ взглядъ, достаточными, чтобы
читатель «Журнала» самъ могъ судить объ умственныхъ уровняхъ его автора и о
его относительномъ нравственномъ превосходствѣ надъ лицами того времени.

Журналъ В. Н. Зиновьева начинается обращеніемъ къ «кому-то», почему
и считаемъ необходимымъ выяснить, что лицо, къ которому относится это
обращеніе, есть графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ (⁽¹⁾). Мы въ этомъ
вполнѣ убѣдились изъ дальнѣйшаго веденія журнала изъ Италии, въ формѣ
письмъ, адресованныхъ къ гр. С. Р. Воронцову сначала въ Венецію и Пизу,
а потомъ въ Лондонъ; въ нихъ авторъ прямо высказываетъ мысль, что

(¹) Графъ С. Р. Воронцовъ былъ женатъ на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Сеня-
виной, двоюродной сестрѣ В. Н. Зиновьевса, такъ какъ Алексѣй Наумовичъ
Сенявинъ (отецъ гр. Воронцовой) и Евдокія Наумовна Зиновьевса (мать Василія
Николаевича) были родные братъ и сестра.

Кн. А. Л. Р.

онъ будеть продолжать вести свой журналъ и посыпать его къ гр. С. Р. Воронцову, чтобы избѣжать двойнаго труда и по его веденію, и по отирѣлению, кромѣ того, къ нему писемъ о своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ. Затѣмъ авторъ журнала прибавляетъ, что онъ желаетъ самъ перечесть свой журналъ и просить графа сохранить его въ цѣлости, чтобы дать ему возможность получить его обратно; вотъ чѣмъ и объясняется нахожденіе писемъ или журнала В. И. Зиновьевыя не въ архивѣ князя Воронцова, но въ архивѣ с. Вышебеси г-дь Зиновьевыхъ.

Не можемъ пройти молчаниемъ той любезной и обязательной готовности, съ которой покойный владѣлецъ Вышебескаго архива, Степанъ Васильевичъ Зиновьевъ (сынъ автора настоящаго журнала), далъ намъ позволеніе и возможность осмотрѣть и, по нашему выбору, сдѣлать общедоступными бумаги архива. Мы исключили изъ рукописи все, что не имѣетъ прямаго историческаго значенія, оставивъ однако же и такія мѣста, которыя даютъ возможность судить о понятіяхъ, убѣжденіяхъ и кругозорѣ автора «Журнала».

Всѣдѣ за окончаніемъ «Журнала» В. И. Зиновьевыя мы помѣщаемъ возможно подробныя біографическія свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ представитѣль образованнаго русскаго общества второй половины Екатерининской эпохи.

Н. П. Варышниковъ.

1-го ноября 1876-го года.

Г. Орелъ.

При чтеніи Зиновьевской рукописи и при подготовкѣ ея, согласно желанію редакціи «Русской Старины», въ помѣщенію на страницахъ этого изданія, я зачеркнулъ весьма не многія мѣста, именно то, что, по моему мнѣнію, можетъ быть опущено въ печати, — но вѣкоторыя мистическія мѣста оставилъ, потому что они, вмѣстѣ съ «Журналомъ», отлично характеризуютъ психическое настроеніе высшаго общества того времени: рядомъ съ такъ называемыми «esprits forts» и волтеріянцами, сколько людей, при неразвитости и безжизненности нашего духовенства, искали удовлетвореній своей душевной жаждѣ, то въ масонствѣ, то въ мартинизмѣ, то, наконецъ, въ католицизмѣ! «Журналъ» Зиновьевыя самымъ животрепещущимъ образомъ рисуетъ это настроеніе. Оно существуетъ отчасти и въ нашемъ современномъ обществѣ и ищетъ себѣ пищи то въ спиритизмѣ, то въ томъ обожаніи, которое возбуждаютъ къ себѣ вѣкоторые заморскіе проповѣдники-дилетанты, въ родѣ лорда Редстока.

Я удалялъ интересные письма В. Н. Баковцева своимъ примѣчаніемъ; все они помѣщены вънизу каждого письма, подъ чертой. Примѣчанія, принадлежащія Н. П. Барышникову, отмѣчены начальною буквою его фамиліи и напечатаны также внизу страницъ подъ чертой.

Кн. А. В. Л.-Р.

I.

Наконецъ рѣшился вести журналъ, и причинилъ сіе Шенбергъ, французскій генералъ, урожденный саксонецъ; а такъ какъ онъ въ одномъ со мной трактирѣ жилъ, то, бывъ у него, увидѣлъ писанную бумагу и узналъ отъ него, что это журналъ и что онъ только примѣчанія достойныя вещи тутъ вписываетъ и что не всякий день сіе дѣлаетъ, но по прошествіи времени. Сіе мнѣ весьма понравилось, и взять съ него примѣръ, и самъ сіе дѣлать вздумалъ. И такъ, любезный мой¹⁾, чрезъ непредвидѣнныи случай будемъ имѣть я и ты большое удовольствіе, когда мы увидимся и вмѣстѣ сіе читать будемъ.

Лейпцигъ.—23-го февраля 1784 года.

Въ исходѣ сентября мѣсяца выѣхалъ изъ Петербурга и, какъ ты самъ помнишь, проводилъ ты меня до Нарвы. Подъѣзжая къ Ригѣ, сдѣлалось затрудненіе и остановка въ лошадяхъ, ибо въ самое то время открылось рижское намѣстничество и все лифляндское дво-рянство сбиралось. По счастію моему, одинъ почтмейстеръ, у котораго обѣдалъ, велѣлъ почтальону, чтобы онъ, пріѣхавъ на станцію, сказалъ, что я курьеръ. И такъ, подъ симъ именемъ я станціи четыре сдѣлалъ, обѣзжая многихъ помѣщиковъ, но наконецъ зачалъ бояться, чтобы сіе не вышло, и вѣсколько станцій отъ Риги зачалъ молчать, что я курьеръ. Слѣдствіемъ сего было, что меня на предпослѣдней перемѣнѣ, за неимѣніемъ лошадей, остановили. Въ Ригѣ пробылъ два дня. Меня тутъ осмотрѣли. Учивостію тамошняго надзирателя не могу довольно нахвалиться и желаю, чтобы меня такъ хорошо въ Россію впустили, какъ выпустили. Всвязь подорожную отъ генераль-губернатора Броуна, пустился опять въ путь. До Мемеля счастливо и безъ всякихъ приключений, примѣчанія достойныхъ, дорогу окончилъ. Тутъ отдалъ письмо графа Герда²⁾ почтъ

¹⁾ То есть гр. С. Р. Воронцовъ.

²⁾ Графъ Йоганнъ-Евстаѳій фонъ-Шлицъ-Гердъ (von Schlitz-Goertz), р. 1737 † 1821,—прусскій чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ въ

„РУССКАЯ СТАРИНА“, томъ XXIII, 1878 г., октябрь.

директору, который мнѣ родъ недорожной, до Кенигсберга, даѣ, съ письмомъ къ тамошнему почтъ-директору. Его подорожная мнѣ чрезвычайную пользу сдѣлала, ибо нигдѣ такъ хорошо услуженіе не было, какъ отъ Мемеля до Кенигсберга. Надѣялся получить такую-же подорожную отъ кенигсбергскаго почтъ-директора, но втунѣ мое членіе было, ибо, пославъ къ нему мемельское письмо, надѣялся, что онъ ко мнѣ пріѣдетъ, но видя, что сіе не сбылось,—принужденъ былъ самъ къ нему идти. И сіе ничего не произвело: откотчиваля меня тѣмъ, что моя подорожная отъ мемельского почтмейстера довольно служить будетъ. Переочевавъ, отправился утромъ въ Берлинъ.

По сей дорогѣ терпѣнію моему весьма великий опытъ былъ: не-описательная медленность, какъ въ юздѣ, такъ и въ отправкѣ, въ лошадяхъ. Между Кенигсбергомъ и Берлиномъ встрѣтился мнѣ генуэзскій посланникъ, который къ намъѣхалъ; да еще забылъ сказать, что не добажая Риги встрѣтилъ венеційскаго посланника г-на Фоскарини, а пріѣхавъ въ Ригу—англійскаго посланника именемъ Филь-Гербертъ¹⁾.

Берлинъ—городъ прекрасный; можно его назвать чудомъ. Окружено со всѣхъ сторонъ невообразимыми пѣсками, слѣдовательно народъ, окружающій его,—не въ изобиліи состояніи, а городъ самъ собою чрезвычайно хороши; строеніе каменное, многіе прекрасныя дома въ немъ находятся; гульбище посреди города, называемое *«Die Linden»*, отмѣнно хорошо. Я здѣсь пробылъ три недѣли, былъ часто званъ къ разнымъ лицамъ. У королевы былъ раза три, у принцессы разъ былъ званъ на ужинъ, а придворные веселья довольно смѣшны. Что же касается до партикулярныхъ, то здѣсь на весьма хорошей ногѣ: все по французски говорятъ и чрезвычайно хорошо; обхожденіе безъ всякаго принужденія и безъ наглости. Примѣчанія достойное болѣе всего, мнѣ кажется, здѣшняя фарфоровая фабрика, которая, когда не лучше, то по крайней мѣрѣ не хуже саксонской. Познакомился здѣсь съ

Петербургѣ, назначенный вскорѣ послѣ первого раздѣла Польши. Онъ известенъ, какъ лицо, наиболѣе хлопотавшее о томъ, чтобы убѣдить общественное мнѣніе, что мысль о раздѣлѣ Польши не принадлежала Фридриху Великому (*«XVIII-й вѣкъ»*, кн. 1-я, статья кн. Вилемского: Политика Фридриха Великаго). При отправленіи его въ Петербургъ, Фридрихъ Великій сказалъ ему: *«Comme archevêque de Magdebourg, je vous donne l'absolution de tous les mensonges que vous direz en mon nom. Adieu»*.

¹⁾) Сэръ Алленъ Филь-Гербертъ (Sir Alleyne Fitzherbert), р. 1753 † 1839, холостыи, — великобританскій чрезвычайный посланникъ при русскомъ дворѣ. Въ 1791 году получилъ титулъ лорда Сентъ-Геленса (Saint-Helens) и подъ этимъ именемъ посланъ былъ второй разъ въ Россію при вступленіи императора Александра I на престолъ (1801).

англійскимъ министромъ Шевалье (въ рукописи пробѣль)¹⁾ и съ его секретаремъ Эдуардомъ, которые меня чрезвычайно обласкали, и такъ я съ ними подружился, что какъ будто года два вмѣстѣ были, и послѣдній мнѣ обѣщалъ письма въ Англію. Еще знакомство здѣсь сдѣлалъ съ двумя шведами—Сельдингъ и Цибетъ. Первый полковникъ французской службы, а другой въ шведской, но какое особое мѣсто занимаетъ—того не знаю. Но, что мнѣ чрезвычайно симѣю въ ихъ обхожденіи показалось, такъ—что они, ходя вмѣстѣ, у всякихъ дверей другъ друга потчиваются. И до сихъ поръ вижу я, что только нашъ народъ такимъ дурачествамъ не подверженъ, а дѣйствительно приятное обхожденіе съ чистосердечіемъ соединить умѣть, что я также изъ упомянутомъ англійскомъ посланникѣ и его секретарѣ вижу. Живутъ здѣсь такъ же, какъ и у насъ, и какъ я себѣ воображаю, и вездѣ. Франція, какъ флагманъ, начинается, а мы, то есть европейскіе народы вообще, какъ рядовые, все скрѣпо и съ крайнимъ подобострастіемъ перенимаемъ. Еще долженъ я примѣтить, что науки здѣсь въ весьма цѣнѣущемъ состояніи. Объ военномъ искусствѣ—ничего говорить, ибо сіе всему свѣту известно каково оно. Но скажу только, что состояніе солдатъ самое несчастливѣшее: и въ Берлинѣ, и въ Потсдамѣ нарочно стѣны возведены, чтобы бѣглыхъ чрезъ оныи удерживать, часовые такъ бѣзако разставлены около оныхъ, что, кажется, возможности нѣтъ бѣжать, а совсѣмъ тѣмъ сіи несчастные находять средства избавиться отъ ига своего. Осмотрѣ, которыми здѣсь такъ пугаютъ, ничуть не таковы, какъ сказываются. Я пломбировалъ свои венцы въ Мемелѣ, а подѣлка къ Берлину, научилъ меня почтальонъ пломбы срывать, чтобы осмотрѣли тотчасъ у воротъ и не повезали бы въ такъ называемый «Zoll-Haus», по нашему—таможню. Сдѣлавъ сіе, остановили меня у воротъ, открыли и закрыли сундукъ:—тѣмъ осмотръ и кончился.

Потсдамъ четыре мили отъ Берлина. Сюда я пріѣхалъ ночью. Поутру отвезть письмо къ гр. Герцу²⁾, брату посланника, который у насъ, и мнѣ назначено было тотъ же день быть представлену королю. Забыть при этомъ этикетъ обыкновенный: пріѣхавъ въ Берлинъ, из-

¹⁾ Сэръ Джонъ Дальримпль (Dalrymple), привившій по смерти отца (1789) титулъ лорда Стеръ (Stair), «der Lord mit dem sonderbaren Namen, aber liebenswürdigen Geiste», говорить объ немъ Фезе (Vehze, «Gesch. des Preuss. Hofs.», IV, 310). Умеръ холостымъ въ 1821 году.

²⁾ Графъ Карлъ-Фридрихъ-Адамъ фонъ-Шлицъ-Герцъ, р. 1738 † 1797, старшій братъ предыдущаго, сопровождавшій племянника Фридриха Великаго, кроуприцца (въ послѣдствіи короля) Фридриха Вильгельма, въ путешествіи его въ С.-Петербургъ.

Кн. А. В. Л.-Р.

добно было объявить г-ну Финкенштейну¹), министру иностранныхъ дѣлъ, который королю обѣ оному дастъ знать, а они назначасть ему—въ который день чужестранный прѣѣхать можетъ. Нѣть ничего смѣшнѣе, какъ здѣшніе министры! Надобно неотмѣнно знать, что они таковы, а то примутъ и за мастеровыхъ,—да король иль за таковыхъ и примимасть, ибо они имъ только министровъ носить, бывъ его же созволенія ничего дѣлать не смѣютъ, что ему справедливо и попрекаютъ, что они все самъ дѣлать хотеть. Король²) вышелъ въ 11 часовъ поутру и я одинъ съ гр. Герцомъ у него былъ. Тебѣ известно, что я весьма робокъ, но самъ удивился, что, бывъ представленъ ему, никакъ не оробъгъ. Причиной сему считалъ я, что мы одни были. Разговоръ его былъ о смерти покойного князя. Король шутливо говорилъ, что примиромъ симъ могутъ женщины гордиться, въ разсужденіи привлѣчности его къ покойной моей сестрѣ и несчастнаго слѣдствія по смерти ея³). Еще вздумалъ онъ, что при бергѣ-коллегіи былъ директоръ, вместо Соймонова⁴). Зиновьевъ. Тутъ я оторопѣлъ нѣсколько и забылъ совсѣмъ, что этотъ департаментъ у насъ есть, и никакъ не могъ Соймонова вспомнить.

Король еще довольно свѣжъ и бодръ, голову держитъ болѣе на правую сторону; вышелъ съ шляпой, съ костылемъ, въ синемъ мундирѣ, закиданномъ табакомъ, и сапоги весьма красноваты. Трудно живо вообразить, что сей—тотъ, который противъ всей Европы оборонылся въ одно время и всѣхъ, такъ сказать, разщелкалъ; но сие есть дѣстство привыкшихъ глазъ къ роскоши. На вечеръ былъ я приглашенъ къ принцу⁵). Какъ я былъ принять и какъ отъ жить—обѣ оному я тебѣ писалъ. Его величество не много на него тратить, такъ какъ

¹) Графъ Карлъ-Вильгельмъ Финкъ-фонъ-Финкенштейнъ, р. 1714†1800, прусскій министръ и весьма приближенное лицо ко двору. Онъ выказалъ особенную дѣятельность въ веденіи переговоровъ виѣтъ съ Тугутомъ, 15-го августа 1778 г. въ Бранау (*«Histoire de mon temps»*).

²) Фридрихъ Великій.

³) Григорій Григорьевичъ Орловъ, по смерти своей супруги († 1781), жилъ весьма недолго, умеръ 13-го апрѣля 1783 г., и передъ смертю лишился умственныхъ способностей.

⁴) Вѣроѣтно, король имѣлъ въ виду Михаила Федоровича Соймонова (р. 1753 † 1804), въ послѣдствіи д. т. с. члена государственного совѣта и горныхъ и монетныхъ дѣлъ главнаго директора. А. В. Л.-Р.

⁵) Царствовавшій подъ именемъ Фридриха-Вильгельма II-го. Онъ былъ женатъ два раза: первый—на принцессѣ Брауншвейгской, но развелся съ нею, и второй разъ—на принцессѣ Гессенъ-Дармштадтской, Фредерикѣ. Отъ этого втораго брака родился Фридрихъ Вильгельмъ III-й, отецъ покойной русской императрицы Александры Федоровны. Н. В.

и из прочихъ своихъ принцесъ, да сверхъ того склоняютъ, что онъ наследника не любить.

Я нахожу, что весьма дурная политика приуждаетъ правящихъ государей малую сумму опредѣлять [своимъ наследникамъ, ибо чрезъ то они не только менѣе, но, я скажу, болѣе проживаютъ, нежели бы они прожили, когда бы размѣрно ихъ состоянию доходъ имѣли. Для удовольствія своего занимаютъ потихоньку; дѣлаютъ чрезъ то знакомство съ людьми, которые имъ вредятъ; занимая деньги—платить великие проценты. Когда сами на престолъ вѣйдутъ, то сумма сія чрезвычайно умножилась, да, сверхъ того, обявляются многое сдѣлать людямъ, которыхъ иногда къ дѣламъ должны употребить и которые рѣдко хорошо оними управляютъ. Voilà de la philosophie politique, chez ami, je me propose de faire de cela un ouvrage raisonné¹⁾).

Несказанно доволенъ, что журналъ вести наконецъ рѣшился и тому причиной французскій генералъ. Окончу Берлинъ и Потсдамъ тѣмъ, что быть принять съ произвожденіемъ въ мастера въ ложу New-York²⁾), чрезъ посольство секретари нашего Мальцева³⁾, но который обѣщанія своего не сдержалъ, ибо обѣщалъ мнѣ катехизистъ пріличный,—котораго, за отъѣзdomъ моимъ, не успѣлъ получить,—въ Дреаденъ прислать, но сего не исполнилъ. Посланникъ нашъ кн. Долгорукій⁴⁾ человѣкъ, кажется, весьма изрядный, въ наукѣ весьма знающій, и уже такъ давно въ Берлинѣ, что его принимать должно за адѣшнаго жителя!.

На другой день благополучно прибыль въ Дреаденъ, 4-го ноября. Городъ довольно хороший и положеніе его чрезвычайно пріятное; окружено со всѣхъ сторонъ горами; имѣть реку чрезвычайно быструю и довольно широкую, которая раздѣляетъ новый городъ съ старымъ, имѣя сообщеніе чрезъ прекрасный мостъ, который отмѣнно длиненъ и еще длинѣе быъ бы, но церковь, которую возлѣ дворца построили, принудила его окоротить и засыпать то мѣсто, гдѣ онъ былъ. Строенія, примѣчанія достойныя—католическая церковь, лю-

¹⁾) Переводъ: Вотъ и политическая философія! Я предполагаю изъ этого, любезный другъ, сдѣлать умозрительное сочиненіе.

²⁾) Ложа New-York въамъ неизвѣстна, но въ изслѣдованіи М. Н. Лонгинова: «Новиковъ и московскіе мартинисты» упоминается о ложѣ «Royal-York», находившейся въ Берлинѣ, въ споменяхъ которой, еще въ 1772 г., было много русскихъ.

³⁾) Вѣроятно, Петръ Семеновичъ Мальцевъ, находившійся въ 1792 году въ Берлинѣ, при нашемъ чрезвычайномъ и полномочномъ министрѣ, Колычевѣ.

⁴⁾) Князь Владимиръ Сергеевичъ (умеръ въ 1803 г.) занималъ постъ русскаго посланника въ Берлинѣ 24 года и извѣстенъ какъ человѣкъ весьма уважаемый и большой приверженецъ Фридриха Великаго («Записки» кн. Дашковой).

теранская, называемая Франсъ-кирха, которой только колокольни недостает и то чрезъ странное приключение: архитекторъ искусствій, который ее строилъ, былъ разсерженъ, что ему не заплатили обѣщанныхъ, за построение оной, денегъ,—подъ видомъ, что она непрочно построена,—съ досады планъ разорвалъ и съ печали умеръ; и такъ, принуждены были, уже по смерти его, колокольню пристроить, которая такъ скверна, что, при такомъ хороненіи строенія, болѣе смѣхъ, нежели украшеніе дѣлаетъ.

Дворецъ—строеніе весьма беспорядочное, ибо состоитъ въ соединеніи шести или семи домовъ, которые не весьма хороши видъ дѣлаютъ. Еще находится здѣсь великолѣпное строеніе для сбора такъ называемыхъ «Landes-Städte» (земскіе чины), что всякие шесть г҃ть дѣлается. Они сперва весьма много значили; но теперь здѣшній курфирст дѣлаетъ, чтобъ изволить, и, не нося имени самодержавнаго, онымъ пользуется.

Утѣшеніе нашему брату видѣть, что и другое подъ неограниченною властію самодержавства находятся! Сие, можетъ казаться, уже судьба просвѣщенныхъ людей.

Курфирстъ¹⁾—государь весьма хороши и Саксонія весьма счастлива имѣть такого и давно не имѣла ему подобнаго, да сверхъ того и великая нужда состоитъ, чтобы онъ таковъ бытъ: земля еще не могла такъ скоро оправиться, послѣ правленія двухъ королей²⁾, которые роскошью и глупою пышностью все, кажется, употребили, чтобы землю свою истощить; къ сему-жъ его величество король прусскій воевозможные способы употребилъ въ Семилѣтнюю войну, чтобы сію несчастную землю изнурить. Но при правленіи сего хорошаго курфирста, земля начинаетъ оправляться и онъ уже иѣсколько милионовъ долгу заплатилъ. При послѣдней войнѣ имѣть онъ случай оказать великодушіе свое: упомянутые Landes-Städte назначили два миллиона на содержаніе войскъ, которые онъ на первый годъ и употребилъ во время войны; на другой годъ они паки согласились такое же число денегъ дать и дѣйствительно оныя собрали и курфирсту оныя доставили; но такъ какъ, сверхъ чаянія, миръ сдѣлся и, следовательно, ему оныя на содержаніе войскъ сихъ не надобны были и, хотя онъ ихъ безъ всякаго попрека своихъ подданныхъ могъ себѣ оставить и ему министры сіе сдѣлать совѣтовали,—но онъ не только осталыя деньги отдалъ, но и запретилъ собирать недопомочная къ назначенней суммѣ.

¹⁾ Фридрихъ-Августъ III (I), р. 1760 † 1827, курфирстъ съ 1763, король саксонскій съ 1806 года, одинъ изъ послѣднихъ приверженцевъ Наполеона.

²⁾ Курфирсты Августъ I и Августъ II, бывшіе въ то же время королями польскими.

Цѣ обѣженію, на другой день прѣѣзда послать сказать о себѣ нашему посланнику князю Александру Бѣлосельскому¹⁾), который живъ послѣ обѣда же себѣ пріѣхавъ вѣдѣть, что я и сѣѣхалъ. Человѣкъ молодой, во всѣхъ разумѣ, довольно знающій, а особенно, что до художествъ и bellissimissimъ касается, изъ обжѣданій прѣѣзжъ, иными съ красными склонами. Характеръ багъ же женскій, нежныи же мужской похожъ, т.е., что никакого юности не имѣтъ. Имѣя тогда интригу съ самой избалованной женщиною, Фелькеразиной. Не приступимъ къ дѣлу: въ воскресеніе было я представить кур-фирту и его брачныи, которые однажды ни въ чёмъ изъ него же позори,—за то сеєгра иихъ²⁾ украшеніе: ишь дѣлается. Жаль, что иницио владѣющаго брата, и сїи испортила, чтобы себѣ иль въсѣмъ знатныхъ владѣльцевъ въ землихъ выбрать; ибо кажется, что долгое гдѣство ее скѣдается; но я рѣдко видѣлъ женщину, которая, бывъ такъ мало герояна, стала прѣѣзжъ, быва бы. Не мало изъ оному прев-ѣзжайше ей ласковое обращеніе способствуетъ. Дворцовыхъ, какъ и вѣ премія собранія, довольно скучны и съ берлинскими сравненіями не имѣютъ, ибо я себѣ сперва воображалъ, что совсѣмъ противное сему умѣю, и для того такъ скоро съ Берлиномъ, гдѣ миѣ зачали: довольно весело житъся, разстадеся. Представить себѣ не могъ, судя по великолѣпію двора, который подъ царствомъ двухъ императоръ такъ отличался, и не великому просвѣщенію простаго саксонскаго народа,—но, къ сожалѣнію, премалѣпшее (?) разстояніе между народомъ и дворянствомъ нашасть. Я бы своему разсужденію въ семъ, межеть быть, и не очень довѣрился, ибо, мнѣ кажется, долго надобно въ городѣ жить и устремлять примѣченіе въ частномъ обращеніи съ жителями, чтобы можно было справедливо о немъ судить; но не только сіе отъ иностраннныхъ слышать, даже и некоторые тамошніе, которые болѣе скита имѣютъ въ ономъ, признаются. Остатки великолѣпія сего двора еще во многомъ числѣ здесь находятся, а именно: удивительно найти въ толь маломъ городѣ такое число хорошихъ искусствниковъ и ремесленниковъ! Для ремесленниковъ, правда, что земля сама способствуетъ, ибо она наполнена всякаго рода сокровищами. И такъ, не диво, что иѣкоторый скавный золотарь, Нейбертъ, саксонецъ, здесь находится, получая великие способы свой вкусъ совершать. Надобно тебѣ сказать, что, изъ дрезденскихъ, никто почти ничего

¹⁾ Ка. Александръ Михайловичъ Бѣлосельскій (р. 1752 † 1809), посланникъ въ Дрезденъ, потомъ въ Туринъ, национецъ, по возвращеніи въ Россію—ober-шенкъ.

²⁾ Марія-Даніа, р. 1761 † 1820, дѣвицею.

Кн. А. В. Л.-Р.

у него не покупаетъ и онъ только кормится чрезъ промежукихъ иностранныхъ и чрезъ продажу на Лейпцигской ярмаркѣ. Но удивительно видѣть искусствовъ не только очень хорошихъ, а много посредственныхъ; напримѣрь, Граффъ¹⁾ портреты рисуетъ въ маслѣ, какъ ты самъ изъ моего видения, отмѣнно хорошо, и считается изъ первыхъ въ свѣтѣ. Нѣкто Цейдельманъ рисуетъ такъ хорошо, что его переманили изъ Англіи, гдѣ сіе искусство въ великому совершенствѣ. Тейгельбахъ, рѣзальщикъ камней, также изрядный искусствникъ и невѣро举动, какъ делико работаетъ. Множество другихъ искусствниковъ здѣсь находятся, которыхъ, къ стыду моему, долженъ иризантиться, быть толь долгое время, не исѣты; но сіе будетъ мнѣ хорошій урокъ впередъ. Двѣ вещи здѣсь, великаго примѣчанія достойныя, находятся: 1) собранія картинъ нѣть въ свѣтѣ подобнаго, гдѣ бы въ одномъ мѣстѣ всѣхъ разныхъ школъ мастеровъ такое множество хорошихъ картинъ находилось, и 2) трезоръ, называемый «Громъ-Гевельъ», также въ своемъ родѣ одинъ, гдѣ всѣ драгоценныя камни, всякаго рода въ большомъ изобилии и въ совершенствѣ, находятся.

Въ Лейпцигѣ я заболѣлъ; «пить однако же,—какъ пословица говорить,—худа безъ добра». Такъ какъ предложеніе сей болѣзни меня наки въ Лейпцигѣ остановило, то, 1-е, задумалъ я свой журналъ вести, что теперь за весьма полезное считаю, и 2-е, и весьма важное, что тамъ нѣжль случай утвердить себя въ правилахъ своихъ, которыя, чрезъ разныи мысли, зачали было колебаться. Надобно подробнѣе тебѣ о семъ разсказать, какъ я почувствовалъ болѣзнь свою, какъ рѣшился остатся все время болѣзни дома, чтобы скорѣе и лучше вылечиться. Я вѣжль для этого лекаря Іегера, рекомендованного мнѣ Смирновымъ, при посольствѣ соѣтникомъ. По вечерамъ собирались ко мнѣ нѣжльторые и дѣлали партію въ висть. Однимъ вечеромъ вдругъ влетѣлъ здѣшній камергеръ графъ Шенбургъ и предложилъ играть въ маке. Ты самъ знаешь, что я хотя не игрокъ, но игри не ненавижу; я принялъ его предложеніе и мы всѣ зачали играть. Я сначала проигралъ болѣе 500 талеровъ и мнѣ оставалось не болѣе 100 талеровъ проигрывать и, и проигравъ сіе, я бы пересталъ всеконечно, но счастье иначе располагаетъ,—оно поворотилось; я не только свои всѣ деньги отыгралъ, но выигралъ нѣсколько. Упомянутый молодой графъ хотѣлъ меня испугать, вынуль горсть золота, спрашивая,

¹⁾ Аントъ Граффъ (Graff), саксонскій придворный живописецъ, р. 1730 † въ Дрезденѣ 1813. За портреты масляными красками онъ бралъ отъ 30-ти до 50-ти талеровъ.

дерху-ли я сіе съ пресогъ? на чо я согласиися; сіе наприль сік
деньги коробочкой; счастіе мое тутъ истаги подѣбовало и я по-
лучилъ десять;—сачали считать и нашлось 22 червонца; ему надобно
было идти и онъ покинулъ игру, а мы трое продолжали ее, и тутъ
маленький обрадникъ моего счастія явился, ибо я часа съ три съ
безпрерывнімъ счастіемъ игралъ, такъ что, по окончаніи игры, я
выигралъ 1,000 талеровъ 150 червонцемъ. На другой день поутру
всѣ ко мнѣ явились и мы занять начали играть, но тутъ ничего при-
нѣтатальнаго не случилось. Чрезъ нѣсколько времени, зачаль я балансъ
метать, но сіе съ вѣроятніемъ несчастіемъ, такъ что весь свой
выигрышъ назадъ проигралъ. Согласиися наконецъ съ однимъ маю-
ромъ Груомъ выѣтъ балансъ дерхать и тутъ опять зачаль выигры-
вать, но однимъ днемъ мы разошлись съ нимъ, ибо графъ ему не
заплатилъ, и я взялъ въ половину графа Коленберга, человѣка, ко-
торый, выключая своей чревычайной горячности, весьма любезенъ,
чрезвычайно честенъ, благороденъ, такъ что ему подобнаго во всемъ
Дрезденѣ нѣть,—и мы съ нимъ 300 талеровъ выиграли, послѣ чего
верстали. Досадно мнѣ стало, что я его въ половину взялъ и что
лишился чрезъ то цѣлаго выигрыша. И такъ, сказавъ шведу, что
неотмѣнно надобно мнѣ отнять у него этотъ выигрышъ, сдѣлалъ
банкъ изъ 150 талеровъ золотомъ, и подлинно удалось мнѣ отнять у
него его половину. Съ этихъ порь зачаль опять съ отмѣннымъ сча-
стіемъ играть. Намѣтилъ на славнаго здѣшняго игрока, который
въ нашемъ обществѣ 1,500 талеровъ выигралъ однимъ вечеромъ,
2,000 талеровъ у него выпонтировалъ и до того его довелъ, что онъ,
какъ нищій, зачаль просить, чтобы ему 600 талеровъ, которые сверхъ
у него выигралъ, назадъ проигралъ. При продолжительной сей игрѣ,
я имѣлъ случай разныя примѣчанія сдѣлать. Что касается до игры,
то весьма странно въ метаніи банка, что, когда однажды несчастливо
мечешь, то уже ничто не въ состояніи счастія перемѣнить; сколько
карты ни бери, сколько ни мечи,—ничего не поможетъ. Нѣть упраж-
ненія сквернѣе, какъ игра! Самаго честнаго человѣка видаль въ
игрѣ безчестнымъ; беспокойство при проигрышѣ ни съ чѣмъ не срав-
нится! Какая на себя досада!—время уже неотмѣнно теряешь и не
только то, въ которое играешь, но и передъ и послѣ игры, ибо
только ею и занять; сверхъ того, разстройку въ дѣлахъ весьма скоро
можетъ также сдѣлать, что тяжело вырваться иногда бываетъ. Дрез-
дену конецъ.

Еще долженъ прибавить къ сему, что былъ въ Кенигштайнѣ—
крепость три мили отъ Дрездена, которой природа такъ спо-
собствовала, что ни подъ какимъ видомъ взять ее не можно и въ

Семиградью зейну курфюрстъ, — на нѣкоторое время, вѣроятно, а не
навсегда, — нѣкоторыя славныя картины и всѣ сокровища Гранъ-
Гевельба сюда перенесъ. Король прусскій чрезвычайно желалъ сю-
мѣность взять и нѣкоторое время въ осадѣ держать, но, увидя не-
возможность ею завладѣть, послѣ тщетнаго спыте, отступили.

Наинеңъ рѣшился, боясь все проиграть, что выиграть, изъ
Дрездена отбыть. Въ Лейпцигъ прибылъ; но болѣнь моя еще не ком-
чилась и наинеңъ рѣшился сашь нѣсколькоъ полежаться. О Боже!
кошки я обѣ семь уже началися, но отъ сего не выдорожилъ! Мой
бывшій гувернеръ Киндъ, которого я сдѣльше нашелъ въ весьма хе-
роюнемъ положеніи, мнѣ очень обрадовался. Перемѣну чрезвычайную
нашелъ въ Лейпцигѣ. Роскошь чрезвычайно умножилась. Утка
грѣшнику себѣ подобныхъ видѣть!

Брауншвейгъ.—28-го (17-го) августа.

И такъ, опять принимаюсь за свой журналъ; лѣнивъ, правда, но,
можеть быть, исправлюсь. Въ Лейпцигѣ пробылъ четыре недѣли,
какъ вдругъ получилъ письмо отъ Оберта¹⁾, гдѣ онъ мнѣ пишетъ,
что племянникъ такъ дурно себя ведеть, что его силь недостаетъ
болѣе съ нимъ бытъ, и что если я не скоро прїду, то онъ его
оставить. Легко ты можешь себѣ представить, какъ меня сіе встре-
вожило и я, не взирая на продолженіе моей болѣзни, рѣшился благо-
гимъ матомъ ъхать, и такую нужду въ дорогѣ претерпѣль, какъ со
мной никогда еще не случалось, ибо—представь себѣ, что не только
прекрайняя распутица была, ибо сіе было 4-го марта, но вдругъ
завезъ меня почтальонъ въ яму, гдѣ я долженъ былъ часа съ три си-
дѣть, пока приведенная лошади изъ ближайшей деревни могли вы-
таскить коляску; съ болѣзнюю надобно было мнѣ все сіе время на-
сиѣгу и дворѣ стоять. Чтобы усугубить дѣйствія сего дня, пріѣхалъ
на скверную станцію и въ стужѣ, почти въ нетопленой горницѣ,
препроводѣлъ прескверную ночь. На другой день выѣхалъ. Ты легко
себѣ представить можешь, какъ скверна была дорога, что легкая
моя коляска принуждена была быть тапцами шестью конями! Такимъ
образомъ, на третій день сюда прибылъ и нашелъ сдѣльше племя-
нико, меня переросшаго, но блѣднаго и худаго, отъ беспорядочной
жизни; съ тѣмъ вмѣстѣ узналъ, что онъ во всѣ возможныя безуп-

¹⁾ Гувернеръ племянника автора, Николая Александровича Зиновьевъ, который въ то время обучался въ Лейпцигскомъ университетѣ. Н. В.

стя идти, т. е. не только въ сорты играль, но икото задыхатъ, икои изъ своихъ замокъ сеять подкинуть образъ икотъ дыги надѣять: жирамъ, саможижу: своему и т. п. За то сіе я ему же стоки выговоры дѣлать и не пренесть съ икою помириться; пока онъ макъ чистосердечный обѣщанія не сдѣлать, что съ него вѣрится. Образъ жизни совершенно перемѣнить, гдѣ что Обертъ, который совсѣмъ отсталъ, не могъ довольно тому надѣваться. Иной день онъ часами по 12-ти занять бѣль; вражде же моего приѣза, ни половины не занималъ; да что болѣе всего, что онъ не все сѣ такими послушаніемъ дѣлать, и моя певельня, какъ они противъ его желаній и ни были, не только хорошо проинсистъ; но ясно макъ показывать свое стареніе икъ исполнить. И такъ, отъ сего въ воскресеніи, брату одмо письмо за другимъ писать, гдѣ ему самую лучшую надежду о его поправленіи дѣлать. Передъ отѣждомъ моимъ на ярмарку въ Лейпцигъ, онъ засногъ ликорадкой; но таинъ какъ сія болѣзнь не опасна била, да, сверхъ того, ему и лучше сдѣлалось, то перѣѣхалъ я, въ началѣ мая, туда. Въ Лейпцигѣ жилъ у Кніда въ домѣ. Тутъ примѣчанія достойнаго со. мнѣ ничего не случилось; выключаю, что тутъ увидѣть кн. Бѣлосельскаго и Смирнова. Денегъ на покупки много промоталъ. И такъ, послѣ трехъ недѣль опять сюда возвращаться; вѣдѣсь напечать своего племянника выздоровѣвшимъ, но уже не такъ послушавшимъ, какъ сперва быть; что я однако же остаткамъ ликорадки приспѣвать. Около конца мая повесъ я его въ Магдебургъ иль ревюзъ (réve), чтобъ ему обѣщать; но онъ жаловался, что нездоровъ; но докторъ нашъ ему бѣль дозволилъ и мы въ одинъ день въ Магдебургъ приѣхали. На другой день пошли въ коменданту Риволю, адѣшниго города, чтобы просить дозволенія присутствовать при ревю и онъ, записавъ имена, общалъ объ ономъ королю сказать и вамъ объ ономъ отвѣтъ дать. На другой день отвѣтъ и дозволеніе получили, и такъ, въ первый разъ отъ роду столько войскъ, а именно 24,000, видѣль. Жалѣю очень, что сѣ военнымъ глазомъ на нихъ смотрѣть не умѣль; напротивъ, въ мысляхъ все бѣдственное и вредное для человѣчества въ ономъ видѣть, что неизчислимые тысячи людей мучать,—да и къ чему? Чтобы лучше другихъ умѣть убить, наконецъ, и самимъ убитыми быть. Къ несчастію, сіе уже необходимо стало; да когда бы и не было, то, по моему, всеконечно первый, который бы сіе засвѣть, наихосточайшей казни достоинъ былъ. Но сія философія для тебя, военнаго человѣка, не годится, и такъ, обѣ семъ полно.

Въ Магдебургѣ, я былъ вторично, при племянникѣ, королю представленъ и весьма странно, что онъ у меня почти то же спросилъ, что

въ Берлинѣ, сесь мѣсяцъ тому назадъ, спрашивалъ. Тутъ оправлю тебѣ о томъ судить. Здѣсь долженъ еще о племяннике прибывать, что онъ весьма жаловался на болѣ, которая очень—какъ онъ говорилъ—умножилась, и онъ такъ изъ эти днѣ опустился, что я при-
нужденъ быть его ко всему принуждать и онъ меня часто серни-
валъ. Забыть тебѣ сказать, что принцъ прусскій¹⁾ въ Магде-
бургѣ былъ и не только меня чрезвычайно хорошо—въ разсужденіи,
какъ я думалъ, старей моей службы (?)—но и племянника очень хо-
рошо принялъ, такъ что многие капитаны и пѣтѣзъ-офицеры къ его
столу ужинать не бывали, когда мой племянникъ явилъ бытъ. Въ
Магдебургѣ множество французскихъ и англійскихъ офицеровъ; бытъ
и я все эти три днѣ съ французами, между которыми, какъ мнѣ
помнится, мѣкши бригадиръ не было. У принца ужиналь. Въ по-
следній вечеръ довольно смѣшное случилось, а именно: одинъ насто-
ящій французъ, бригадиръ, разговаривъ про морскую баталію, гдѣ,
какъ мнѣ помнится, его братъ убитъ былъ, и залаялъ сію баталію
на пескѣ рисовать,—да представь себѣ гдѣ?—между ногъ принце-
выхъ. Надобно знать, что это было послѣ ужина, въ маленькомъ
саду, и мы все стояли; принцъ находился у дерева и ему отъ него
никакъ, не испорти французскаго международнаго плана, не можно
было уйтить. Въ этой позиціи онъ минутъ съ семь пробылъ, смотря
ему съ кѣйторымъ нетодованиемъ въ глаза; но бригадиръ не прѣде-
какъ по окончаніи своего плана пересталь. Обѣдалъ я здѣсь, въ
Магдебургѣ, за называемымъ маршальскимъ столомъ, и его вели-
чество не разшибся въ великолѣпіи сихъ обѣдовъ, ибо больше четы-
рехъ блюдъ не бывало, а десертъ былъ пирожки. Къ сому же столу
были всегда приглашаемы всѣ чужестранные, представление королю,
и ниже полковничаго чина; имѣющіе же онъ—обѣдали съ королемъ;
но я, какъ не военнослужащий, по зведеніюному положенію короля,
за маршальскимъ столомъ обѣдалъ и, быть голоденъ, находилъ ку-
шанье чрезвычайно хороше, хотя приборы и не весьма чистоплотны
были; *mais c'était à la militaire*²⁾. И здѣсь примѣчаніе свое, ко-
торое уже много разъ мнѣ дѣлать случалось, опять повторю, что
весьма странное понятіе о нашей землѣ имѣютъ, а паче о немѣчер-
паемомъ нашемъ богатствѣ. Но что меня болѣе всего удивило, что
одинъ адъютантъ короля, бывъ много разъ въ Россіи, для покупки
лошадей, такъ объ ней несправедливо разсуждалъ, что иногда я

¹⁾ Фридрихъ-Вильгельмъ, въ послѣдствіи король прусскій Фридрихъ-Виль-
гельмъ II (р. 1744 † 1797).

Кн. А. В. Л.-Р.

²⁾ Переводъ: но это было на военную ногу.

принужденъ бытъ ему противорѣчить. Однимъ словомъ: славны бубны за горами. По окончаніи трехдневныхъ ревюевъ, поѣхалъ я обратно въ Брауншвейгъ, и сей путь веркомъ сдѣлалъ; но племянникъ, который началъ разнemогаться, оный въ коляскѣ окончилъ. Отъ сего времени до начала юла, ничего важнаго со мной не произошло.

Брауншвейгъ.—29-го (18-го) августа.

Три дня тому назадъ, какъ изъ Гамбурга возвратился, гдѣ по причинѣ странной былъ: Эшенбургъ, мой любимый учитель въ английскомъ языкѣ (тебя удивляешь, что я его «любимымъ» называю; но у меня здѣсь три ежедневно было), собрался ѻхать въ Гамбургъ, а я передъ тѣмъ прескучнаго, но умнаго и знающаго учителя, который въ Дреаденѣ отѣхалъ, лишился и остался мнѣ одинъ суперинтенданть Бюстеръ; вотъ почему я рѣшился съ Эшенбургомъ въ его родимый городъ ѻхать. Городъ сей довольно обширенъ, одинъ изъ главно-торгующихъ въ Германіи и чрезвычайно многолюденъ. Ни съ кѣмъ, кроме русскаго посланника, г. Гросса¹), тамъ знакомства не имѣлъ, чтобы не помышшать упражненію своему въ английскому языкѣ. Онаго нравъ описать тебѣ не берусь подробнѣ и вѣрно, во сколько узанъ—столько и скажу: человѣкъ честный, нѣсколько скучъ и смѣшино скучъ, весьма чистосердечецъ, и мы другъ друга полюбили. Не попрекни, что я такъ нехорошо о человѣкѣ пишу, который беъ письма меня отлично хорошо принялъ; но однажды не-всегда я долженъ то писать, что думаю, но не то, что бы постороннему сказали. Послѣднее воскресеніе представленъ былъ герцогинѣ Мекленбургской, которая здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ лѣтомъ проводить. Не весьма лестно для тѣхъ, которые ея дворъ составляютъ. Всякий день обѣдали у Гросса, прочее же время почти все было употреблено на английскій языкъ. Быть въ театрѣ одинъ разъ и смышалъ вѣнскую пѣвицу Лангеръ, въ нѣмецкой Земирѣ, и съ нѣкоторыми удовольствиемъ по валу гулять. Здѣсь прекрасная гульбища, въ честь сей городъ изобилуетъ, и они тѣмъ пріятнѣе дѣлаются, что всякий, даже до самыхъ низкихъ людей, оними пользуется. Послѣ двухдневной беспокойной дороги, находясь теперь опять здѣсь. Описаніе сего города и двора оставляю до Франкфурта, куда недѣли чрезъ три прибыть думаю.

¹⁾ Федоръ Ивановичъ фонъ-Гроссъ (род. 1729 года, умер. въ 1797 году) тайн. сов., бывшій тогда русскимъ посланникомъ при Гамбургѣ и при князьяхъ Нижне-Саксонского округа (Болѣе подробнѣ въ статьѣ барона Бюллера: «Два эпизода изъ царствованія Екатерины II-й», «Русск. Вѣстникъ» 1870-го г.).

Н. В.

Брауншвейгъ.—31-го августа.

Вчера съ обѣда и ужиналь во дворцѣ и теперь зачали принимать меня какъ должно и у правящаго дворомъ, а то очень смѣшино было, что здѣсь меня сажали ниже тѣхъ людей, передъ которыми я у вдовствующей герцогини преимущество имѣлъ; но съ иѣкоторыхъ поръ преимущество передъ всѣми зачаль получать, такъ что вчера выше оберъ-шталмейстера герцога Веймарскаго сидѣлъ. Здѣшній герцогъ, говоря со мною про многое, хотѣлъ меня увѣрить, что онъ не политикъ. Что-то изъ этого выйдетъ? Посмотримъ и впишемъ. Одну непростительную слабость сдѣлалъ, говоря слишкомъ чистосердечно. Часто себя за лишнее чистосердечіе браню, а все еще отъ этого отвадиться не могу, но и въ этомъ поправиться стараться буду, а то еще сія добродѣтель, которая, по несчастію, почти порокомъ сдѣлалась, до бѣды меня довести можетъ. Нынче получиль отъ тебя, позѣсы, письмо, но я тебя въ пятницу отхлопаю. Увѣдомилъ меня братъ, что Гурьевъ на Салтыковой¹⁾ женится, а я, къ несчастію, имѣлъ ее въ мысляхъ какъ свою невѣstu, разумѣется, когда столько англичанокъ меня не захотѣли. Вѣдь это вздоръ, во, къ стыду моему, долженъ признаться, что все извѣстіемъ симъ довольно тронуть быль и мнѣ вдругъ она, какъ послѣдняя невѣста во всей обширной Россіи, показалась. Нарочно сіе пишу, чтобы себя отъ слабостей такихъ поправить и всѣ свои такія важныя чувства вписывать буду.

6-го сентябрь.

Нынче обѣдаю во дворцѣ и видѣлъ тутъ пріѣзжаго аббата Gatti, корсиканца, и видѣлъ съ какимъ жаромъ онъ противъ французовъ говорилъ. Намъ бѣднѣмъ, монархическимъ подданнымъ, страсть неизвѣстная. При семъ случаѣ я сдѣлалъ безпримѣрную дистракцію, отвѣчая на вопросъ: откуда я?—что я французъ,—какой дистракціи со мной отъ роду не было. Оно тѣмъ смѣшилъ, что онъ противъ французовъ все говорилъ, что только можно.

¹⁾ Димитрій Александрович Гурьевъ (умер. 30-го сентября 1825 г.), въ послѣдствії дѣйств. тайн. сов., графъ и министръ финансовъ съ 1802-го по 15-е августа 1807-го года; имѣлъ въ супружествѣ графиню Прасковью Николаевну Салтыкову (умерла въ 1830 году).

Н. В.

Франкфуртъ.—17-го септември.

Такъ какъ сказано, такъ и сбылось, и не помню, чтобы мнѣ выѣздъ когда нибудь такъ пріятенъ быль какъ сей. Теперь дамъ тебѣ нѣкоторое извѣстіе о герцоговой фамиліи, и начну имъ¹⁾.

Онъ человѣкъ весьма умный, знающій и, какъ извѣстно, великий полководецъ и таковыемъ отъ извѣстнаго считается (въ послѣднюю войну онъ былъ назначенъ принять корпусъ принца Генриха²⁾), который несказанные поступки дѣлалъ, но, къ счастію сего послѣдняго, война окончилась), горячъ, такъ что забывается, ибо, представь себѣ, что онъ одного солдата, на улицѣ, самъ палкой билъ, за то, что онъ въ новомъ мундирѣ кушанье къ офицеру несъ, а въ новыхъ мундирахъ запрещено строго казаться было. И такихъ примѣровъ премножество: дочь³⁾ свою, которая премиленъкая дѣвочка, чрезвычайно жива и можетъ посему иногда и проступать,—часто, публично почти, ругаетъ, чemu и я иногда свидѣтель былъ; сыну наслѣдника при многихъ пощечину, за неосторожное описание, при столѣ, о болѣзни моего племянника, далъ и т. п. Со всѣмъ умомъ своимъ, великія ошибки дѣлаетъ: 1) что не умѣлъ выиграть любовь своихъ подданныхъ; 2) казалъ великую привязанность къ королю прусскому, оказывая большое пренебреженіе къ своимъ малочисленнымъ войскамъ; 3) и главное, что, получа одолженное (т. е. обремененное долгами) правленіе, поставилъ себѣ предметомъ заплатить долгъ, но сіе съ такимъ жаромъ дѣлаетъ, что на сторону никакъ не взираеть, а все на свой предметъ глядитъ и, правда, много съ костей спибъ. Но сіе бы можно, мнѣ кажется, дѣлать, не забывая всего, такъ какъ онъ дѣлаетъ; напримѣръ, принимая англичанъ, дѣлаетъ имъ чрезвычайную потачу; несправедливо разсуждаетъ, бывъ до крайности скучъ и собирая деньги на свой полкъ въ Гальберштадтѣ, что всѣмъ извѣстно и на что мой бывшій учитель, суперъ-интенданть Кюстеръ,

¹⁾ Герцогъ Карлъ-Вильгельмъ Люнебургъ-Брауншвейгскій (р. 1735 † 1806) извѣстенъ, какъ полководецъ и какъ глава германскихъ масоновъ; имѣлъ репутацію умнаго и образованнаго человѣка. Мирабо и Сіезъ, знавши его—высокаго о немъ мнѣнія. Свою военную карьеру началъ въ войнахъ Фридриха Великаго, своего дяди.

Н. В.

²⁾ Принцъ Генрихъ прусскій, родной братъ Фридриха Великаго. Онъ два раза, въ царствованіе Екатерины, былъ въ Петербургѣ. Въ свой первый прѣѣздъ въ Россію, онъ сдѣлалъ первый намекъ императрицѣ о раздѣлѣ Польши.

³⁾ Принцесса Каролина (р. 1768 † 1821), вышедшая въ 1795 г. за принца Уэльского Георга (въ наслѣдствіи король англійскій Георгъ IV). Бракъ, какъ извѣстно, былъ самый несчастливый.

Кн. А. В. Л.-Р.

весьма жаловался. Еще нашел я въ немъ порокъ, который въ другомъ весьма умомъ человѣкѣ вижу: 1-о, что очень на свой умъ заѣдется и думаетъ, что всячаго уѣбрить во всемъ можетъ; 2-о, что иногда лукавство пересаливаетъ такъ, какъ и со мной сдѣлала (?).

Жена его ¹⁾ меня во всемъ плѣнила и—неудивительно: она на половину англичанка; но чистосердечіе ея меня просто восхитило. Ты не удивишься сему, зная какъ я самъ очень часто слишкомъ чистосердеченъ. Однажды она мнѣ сказала, что запорами мучится, и сколько фруктовъ при водахъ ни есть—все безъ дѣйствія бываетъ. Шутки въ сторону,—ея добродѣтель безпримѣрна, паче для своей семьи, ибо, не взирая на то, что герцогъ съ одной изъ Берлиннаг-жей Гартенфельдъ ²⁾ живетъ, которая, какъ сказываются, хороша была и часто надѣ герцогиней ругается, она не только любовь и должное почтеніе къ нему, но и ко всѣмъ своимъ дѣтямъ материню привязанность сохранила. Она всячески старается герцогу угодить и сказали мнѣ, что большое ея желаніе въ этомъ—его сердить. Я съ ней такъ познакомился, какъ нельзѣ болѣе, даже сказаль ей, что на англичанкѣ жениться собираюсь, разумѣется, шутя и оставивъ себѣ вѣ поля, чтобы когда серьезно допрашивать будуть, чтобы вывернуться можно было, и обѣщала ей, когда сіе сдѣлается, въ Брауншвейгъ возвратиться съ своей англичанкой. Однимъ словомъ, я ее очень почитаю и люблю, выключая болтливости.

Мать герцогова ³⁾ уже очень стара и рассказывала мнѣ, съ за-
вистью, о нашей государынѣ (Екатеринѣ II), что она ее однажды отъ пощечины ея матери избавила, когда она съ ней въ Брауншвейгѣ была, и, не хотяѣ ходить въ саняхъ съ однимъ старымъ нѣмецкимъ кавалеромъ, перемѣнила свой нумеръ и такую чрезъ то конфузію сдѣлала, что никто не зналъ—кому съ нимъ ходить. Правда, что прискорбно должно быть нѣмецкимъ княгиниушкамъ, которыхъ государыню какъ принцессу Цербстскую знали, и теперь видятъ, что она судьбу Европы рѣшаетъ.

Принцъ Фердинандъ ⁴⁾—извѣстный полководецъ въ Семилѣтнюю

¹⁾ Августа, принадесса англійская (р. 1737 † 1813), старшая сестра короля Георга III.

²⁾ Дѣвица фонъ-Гартенфельдъ (von Hartenfeld). См. обѣ ней Vehse, «Gesch. der Hѣfe des Hauses Braunschweig», V, 273 и слѣд.

³⁾ Фелиппина-Шарлотта (р. 1716 † 1801), принцесса прусская, родная сестра Фридриха Великаго.

⁴⁾ Принцъ Фердинандъ Брауншвейгскій (р. 1721 † 1792, холостыиъ), дядя владѣтельнаго герцога. Былъ онъ, также и отецъ владѣтельнаго герцога, бывшими родными братьями принца Антона-Ульриха Брауншвейгскаго, отца императора Иоанна Антоновича.

Кн. А. В. Л.-Р.

войну, но многіе болышую часть его славы одному г. Вестфалю приписываютъ, который теперь въ отставкѣ. Многіе славные люди, по моему мнѣнію, выключая тьму приключеній счастія, въ этомъ положеніи находятся, когда порядочно ихъ исторію разобрать. Онъ чоловѣкъ весьма добродѣтельный, великій $\Delta^1)$ и неизчтимый благо-дѣлія дѣлаетъ, во всемъ своемъ поведеніи весьма щедръ.

Наслѣдный принцъ $^2)$ —не много надежды подаетъ и многіе приписываютъ сіе чисто воспитанію, которое онъ отъ отца получилъ, ибо сказываютъ, что онъ здравый разсудокъ имѣть. Сіе опять въ противорѣчіе разуму герцога служить можетъ. Два послѣ его стар-ше принца $^3)$ —еще глупѣе кажутся; за то самый младшій $^4)$ —мальчикъ преумный и преострый.

Примѣчательные люди при мнѣ здѣсь были: г. Минихсгаузенъ $^5)$, который мѣсто и нравъ, какъ мнѣ кажется, Г. К. Орлова $^6)$ имѣть: такъ же упрямъ, какъ онъ, и чтѣмъ сказали, того уже никто ему изъ головы не выбѣть. Изъ женщинъ: г-жа Гартенбергша, которая живеть съ сыномъ сего страннаго гоф-маршала, и мало сказать, когда ее кокеткою называть.

Но ты скоро обо мнѣ дурное подумаешь, что я всѣхъ такъ ругаю; но я тебѣ на это двѣ причины скажу: первая—что въ чоловѣкѣ доброе всегда позже увидишь, нежели худое и смѣшиное, слѣдовательно, надобно и съ добрыми чоловѣкомъ долго жить, чтобы его слабости и пороки за добродѣтями забыть; вторая—что большая часть людей болѣе дурины, нежели хороши.

О городѣ тебѣ скажу, что онъ довольно скучный; но я время свое довольно весело и хорошо препроводилъ, удалившись отъ малыхъ веселій, которыхъ въ ономъ находились. Дорогу свою съ довольными не-удовольствіями кончалъ.

$^1)$ Δ —массонъ.

$^2)$ Принцъ Карль-Георгъ-Августъ (р. 1766 † бездѣтнымъ 1806, двумя мѣсяцами раньше отца).

$^3)$ Принцы Георгъ-Вильгельмъ - Христіанъ (р. 1769 † 1811) и Августъ (р. 1770 † 1820). Оба они были сыны и, послѣ кончины старшаго брата и за двѣ недѣли до кончины отца, отказались отъ правъ своихъ на престолъ.

$^4)$ Принцъ Фридрихъ - Вильгельмъ (р. 1771 † 1815), младшій изъ всѣхъ братьевъ, наслѣдовалъ отцу. Отличился, какъ полководецъ, своею неустрашимостью во времена Наполеоновскихъ войнъ и убитъ былъ при Ватерлоо.

$^5)$ Оберъ - гофмаршалъ Альбрехтъ - Эдмундъ - Георгъ фонъ - Минхгаузенъ (Münchhausen), тайный советникъ.

Кн. А. В. Л.-Р.

$^6)$ Григорій Никитьевич Орловъ (умер. 22-го марта 1803-го года), оберъ-гофмаршалъ; находясь уже въ отставкѣ, получилъ отъ императора Павла, въ 1797-мъ году, орденъ св. Андрея.

Н. В.

Въ Кесслѣ музей смотрѣлъ. Строеніе само собою очень хорошо и, для такого маленькаго князя, собраніе довольно изрядно, а паче въ великому порядке находится. Новый городъ весьма хорошо выстроенъ и съ великимъ вкусомъ, а паче площадь овальная мнѣ отменно понравилась.

30-го октября.

Прибылъ наконецъ въ Франкфуртъ, гдѣ, къ крайнему неудовольствію, г. Румянцева¹⁾ не нашелъ и принужденъ былъ его двѣ недѣли ждать, пока отвѣтъ получилъ; наконецъ, уведомилъ онъ меня, что въ Шпайерѣ, маленькомъ имперскомъ городкѣ, меня ожидаетъ, куда я въ полтора дня прѣѣхалъ и пробывъ съ нимъ день; онъ поѣхалъ въ Карльсруэ, а я—въ Мангеймъ. Городъ новый, совсѣмъ регулярный, гдѣ я менѣе сутокъ остался. Осмотрѣлъ картинную галерею, которая изрядна, и натуральный кабинетъ, который весьма посредствененъ. Послѣ обѣда, отѣхалъ къ г. Румянцеву въ Карльсруэ и прибылъ туда вечеромъ. Пробылъ бы здѣсь цѣлую недѣлю съ графомъ довольно весело, когда бы здѣшніе господа, чтобы утѣшать, не такъ надоѣдали. Графъ своимъ состояніемъ весьма скучаетъ и на всѣхъ жалуется: всѣ не такъ себя ведутъ. Это, можетъ быть, и справедливо, но, чувствуя свои достоинства, не надобно другихъ унижать. Мудреное твореніе человѣкъ! И такъ, или я сперва не такъ гр. Румянцева зналъ, или онъ всегда такъ мудренъ былъ и самодобіе чрезвычайное имѣлъ, которое я изъ его попрековъ противъ другихъ замѣтилъ?—но, правду сказать, что сіе отъ большаго благородства, которое онъ имѣть и которое у насъ мало знать, происходитъ можетъ. Одно предвидѣть изъ праву его думаю—что мнѣ много новостей ожидать должны и, когда онъ съ другими объ ономъ совѣтоваться не будетъ, то не знаю—будутъ ли онъ въ пользу государства?

Разстался поздно вечеромъ съ графомъ, послѣ ужина одного чиновнаго карльсруйскаго господина, и поѣхалъ въ Мюнхѣнъ, гдѣ видѣлъ галлерею картинную, которая изъ всѣхъ вещей тамъ примѣчательнѣе и особенно то собраніе, которое во дворцѣ курфирста находится. На другой день поѣхалъ въ Зальцбургъ и весьма радъ, что сей путь сдѣлалъ, ибо сей одинъ изъ самыхъ страннѣйшихъ городовъ. Видъ его и строеніе въ ономъ—весьма хорошиe. Двѣ мили от-

¹⁾ Графъ Николай Петров. Румянцевъ (р. 1754 † 1826, холостымъ), въ послѣдствіи государственный канцлеръ.

Кн. А. Л.-Р.

сюда соляные заводы, въ которыхъ я былъ и даже до 250 сажень подъ землю опускался. Могу сказать, что воспоминаніе сего путешестія мнѣ весьма большое удовольствіе дѣлаетъ. Вотъ все, что примѣчанія достойно о Зальцбургѣ сказать имѣль. Здѣсь пробылъ почти два дня, поѣхалъ въ Вѣну, куда имѣль между прочимъ письмо къ барону Бюллера¹⁾ — весьма странной особѣ. Здѣсь получилъ весьма точныя свѣдѣнія о смерти Екатерины Алексѣевны²⁾ и рѣшилсяѣхать въ Пизу къ гр. С. Р.³⁾; пробылъ здѣсь недѣлю, желая найти человѣка, вместо Лемса, но въ одомъ не успѣлъ. И такъ, пустился въ путь въ Тріестъ, гдѣ тешеръ и нахожусь, и собираюсь чрезъ нѣсколько часовъ пуститься моремъ на баркѣ, гдѣ уже моя карета стоитъ, — въ Венецію, съ датскимъ теологомъ, именемъ Минтеръ.

Дай Богъ хорошаго пути.

Венеція.—5-го ноября.

Свой путь благополучно водою съ датчаниномъ кончили, хотя два дня въ дорогѣ пробылъ; сей путь съ изряднымъ вѣтромъ въ день сдѣлать можно. Поутру выѣхалъ въ Венецію; привезли меня въ таможню. Я думаю, что на свѣтѣ такой странной нѣть, ибо не только, что публично деньги берутъ, чтобы не смотрѣть, но еще публично и торгуются. Такъ, давая $\frac{3}{4}$ рубля, я принужденъ былъ цѣлый дать,—но за то и не открывали сундука. Пріѣхалъ на квартиру, послать за своимъ корбелиномъ, который сперва и заспѣшился, а потомъ уже моимъ работѣ сдѣлался. Но можно сказать, что онъ человѣкъ умный и хотя онъ мнѣ около червонца сталь, но я онаго не жалѣю.

Третьяго дня видѣлъ здѣсь оперу-буффу, а вечеромъ—италіанскую комедію. Первая чрезвычайно представлена, а вторая изрядно, но на италіанскій вкусъ. Актеры въ самыхъ чувствительныхъ и нѣжныхъ разговорахъ, говоря между собою, оборачиваются на партеръ, безъ нужды кричать, шутки себѣ большія дозволяютъ и одного бѣд-

¹⁾ Баронъ Карлъ Яковлевичъ Бюллеръ (р. 1749 † 1811, бездѣтныи).

²⁾ Графиня Екатерина Алексѣевна Воронцова, рожд. Сенявиниа (\dagger 25-го августа (5-го сентября) 1784), жена графа Семена Романовича и двоюродная сестра автора этого журнала. **Кн. А. Е. Л.-Р.**

³⁾ То есть: къ гр. Семену Романовичу Воронцову (р. 1744 † въ Лондонѣ 1831). Онъ назначенъ быть въ 1783-мъ году полномочнымъ министромъ въ Венецію, а въ послѣдствіи, въ качествѣ чрезвычайного посланника—къ великобританскому двору, въ каковой должностіи и скончался. **Н. В.**

наго актера публично разругали, ибо ему на театрѣ, въ самомъ серьезномъ разговорѣ, директорша этой труппы, которая въ этой комедіи его жену представляла, сказала, что онъ изъ кабака не выходитъ, чтò великій смѣхъ въ партерѣ произвело и на счетъ бѣднаго этого минуты съ двѣ смѣялись. Городъ престранный! Я былъ въ разныхъ церквяхъ, но такъ какъ я намѣренъ нонче къ нимъ возвращаться, то, можетъ быть, тебѣ объ ономъ въ другой разъ что-нибудь скажу. Нонче также видѣлъ я одинъ конецъ города, противъ хрустальныхъ заводовъ, гдѣ, сказывалъ мнѣ корбелинъ, ночью нѣсколько опасно ходить, прибавляя, что въ томъ переулкѣ, гдѣ и я живу, также не очень надежно. Но, что всего страннѣе, что маска безъ всякой опасности вездѣ ходить можетъ, и примѣра еще не случалось, чтобы маска какое-нибудь несчастіе имѣла, и сіе оттого происходитъ, что всѣ маски подъ трибуналомъ инквизиторскимъ состоять предъ именемъ котораго всякий дрожитъ. Маска безъ всякой опасности оружіе носить, когда другіе за оное строго наказываются. Кой часъ маску надѣлъ,—то имя уничтожилось и кто бы ты ни былъ—то ты: Signora Maschera. Обыкновеніе сіе для облегченія Nobilem дѣлается, ибо имъ неудобно съ другими смѣшиваться: надѣвъ же маску,—они со всѣми равны. Нонче еще иду въ комедію. По обыкновенію, здѣсь она состоить въ томъ, что все играютъ изъ головы, и сіе весьма страшно бываетъ. 11-го ночью пріѣхалъ въ Болонію и, зная, что отсюда до Флоренціи дорога хороша, рѣшился ночь проѣхать, чтобы поскорѣе къ своему другу въ Пизу поспѣть.

13-го поутру пріѣхалъ въ Пизу, нашелъ Семена Романовича въ жалчайшемъ положеніи и печали неутѣшительной о потерѣ покойной сестры¹⁾, Екатерины Алексѣевны. Здѣсь увидѣлъ я на опытѣ, какъ самый честиѣшій человѣкъ, каковъ мой другъ, безъ настоящей вѣры недостаточенъ. Онъ, какъ хорошо состроенный корабль, не имѣвшій руля: благополучный вѣтеръ доводить его до настоящей гавани, бурей отъ оной отводить, а часто и разбивается. И такъ, любезный другъ, не копи богатства для дѣтей своихъ, не беспокойся украшать ихъ умъ познаніями, но прежде всего старайся дать имъ настоящее и твердое понятіе о вѣрѣ: утвердивъ ихъ въ семъ, уже тогда прочія выгоды имъ пріобрѣтать старайся. Безъ вѣры нѣть настоящаго и твердаго благополучія на семъ свѣтѣ, а кто ону имѣеть—въ добродѣтели навсегда непоколебимъ. Никакое несчастіе никакая страшная угроза его въ хорошихъ правилахъ поколебать не можетъ. Онъ можетъ иногда отдаваться чувствамъ тѣлеснымъ, но когда

¹⁾ Т. е. двоюродной сестры автора журнала.

душа его опять надъ нимъ верхъ возьметъ, то онъ ясно свои прегрешенія и преступленія видѣть, объ оныхъ соболѣзнуеть, прибѣгасть къ Творцу, прося Его со смиреніемъ и кротостю о прощении своемъ, и испрашиваетъ Его помощи въ утвержденіи на пути истины. Еще имѣть случай утвердиться въ извѣстномъ правилѣ, видя и бывъ почти неразлучно съ дѣтьми Семена Романовича, какъ нужно и полезно, чтобы матери сами вскармливали дѣтей своихъ. Сверхъ несказанной пользы, о которой почтенѣйшій Руссо пишеть, надобно еще прибавить, что кормилица—какой-бы добрый человѣкъ она ни была—того врожденного жара любви къ ребенку, какъ мать, имѣть не можетъ; не бывъ довольно просвѣщена, часто не знаетъ, какъ взяться, чтобы ребенокъ дѣлаль то, что необходимо надобно. У насъ другое еще неудобство: выборъ сихъ женщинъ дѣлается изъ рабынь! Но близокъ-ли сей родъ людей къ благородству—ты самъ знаешь. Онѣ боятся дитятю прогнѣвать, изъ рабскаго усердія ему потакаютъ, многое непростительное—спускаютъ, пріучаютъ ребенка непрекословно волю свою исполнять: онъ къ сему привыкаетъ, въ взрослыхъ лѣтахъ сія страсть возрастаетъ, и дѣлаютъ часто то, что, выросши, ихъ пигиомецъ часто тѣмъ рабски повинуется, безъ покровительства которыхъ онъ не могъ бы такъ выгодно свои страсти исполнять. Сверхъ всего этого, любовь, которую ребенокъ къ кормилицѣ питаетъ, отдаляетъ мать, любовь которой она во всей цѣлости отдавала бы своему дѣтишцу, если бы его своимъ молокомъ вскармливала. Онъ былъ бы тогда всѣмъ привязанъ къ своей матери, и, съ помощью врожденного почтенія, съ привычкой соединялъ бы въ ней то, чего онъ въ кормилицѣ найти не можетъ. Какъ бы тогда легче было такого ребенка вести, который къ своей матери непреоборимую любовь съ крайнимъ почтеніемъ соединялъ. Я въ семъ такъ увѣренъ, что одна изъ первыхъ моихъ молитвъ къ Всевышнему—имѣть такую жену, которая бы пріятный трудъ сей на себя взяла.

Здѣсь я пробылъ до 20-го января. Хотѣлъ было прежде выѣхать, но рѣшился пробыть до сего времени, чтобы исполнить лучше предпринятое намѣреніе—разбивая своимъ присутствіемъ печаль друга своего. Два дня передъ отѣздомъ моимъ, прїѣхалъ сюда гр. Иларіонъ Ивановичъ¹⁾, и сколько я его въ это время короткое узнать могъ, нашелъ его человѣкомъ весьма любезнымъ.

¹⁾ Графъ Иларіонъ Ивановичъ Воронцовъ (р. 1760 † 1791). Ен. А. Л.-Р.

Ліонъ.—19-го (8-го) декабря 1784 года.

Сюда прѣхалъ, чтобы просвѣтить себя. Послѣ разныхъ разгово-
ровъ съ членами, какъ, напримѣръ, съ Виллермозомъ¹⁾, съ Са-
вареномъ и Вернаномъ, такъ вображеніе мое воспалено было,
что сей вечеръ принявши читать библію (правда, что не вели-
кую на то склонность имѣлъ), вмѣсто хорошаго, дурное дѣйствіе
произвѣль, а сіе меня въ такое беспокойство привело, что, ложась
спать, мнѣ послышалось, что меня зовутъ именемъ, и сіе меня такъ
испугало, что я зачалъ очень молиться и наконецъ покойно уснуль.
Не нужно долгое разсужденіе дѣлать, какъ полезно познаніе самого
себя!

Въ настоящее время мы переходимъ къ журналу Василия Николаевича
Зиновьева, веденному имъ въ формѣ писемъ къ гр. Семену Романовичу
Воронцову, изъ Италии. Эти поденныя записки составляютъ, по времени ихъ
введенія, продолженіе предыдущаго журнала изъ Германіи и частью изъ
Италии. Такъ какъ авторъ весьма подробно отдаетъ въ нихъ отчетъ своему
другу о всемъ, что онъ осматривалъ въ Италии, и съ тѣмъ вмѣстѣ вра-
щается въ сферахъ изящнаго, т. е. музыки, живописи, ваянія и проч., то
мы не сочли уместнымъ передавать въ печати эти впечатлѣнія художника
и артиста, а ограничились лишь избранными мѣстами изъ писемъ, неизы-
тыхъ исторического значенія, почему нижепечатаемы письма наши сокра-
щены, въ тѣхъ размѣрахъ, о которыхъ мы упомянули.

Н. П. Варышниковъ.

¹⁾ Виллермозъ (Willermoz), ліонскій купецъ, былъ предсѣдателемъ кон-
вента въ Ліонѣ въ 1778-мъ году, собранного французскими и нѣмецкими ма-
сонами «строгаго наблюденія», съ цѣлью сближенія между собою и съ намѣ-
реніемъ признать герцога Фердинанда Брауншвейгскаго Гроссмайстеромъ всѣхъ
Тамплеровъ Франціи и Германіи. На конвентѣ успѣха достигнуто не было,
по причинѣ разныхъ интригъ. Виллермозъ и послѣ конвента продолжалъ быть
дѣятельнымъ членомъ французскихъ масонскихъ ложъ. См. Лонгинова «Нови-
ковъ и москов. мартинисты», стр. 76, Рукописи Вишебешского архива, въ
Thory «Acta Latomogum», II, 395.

Н. В.

II.

Письма В. Н. Зиновьевца къ графу С. Р. Воронцову изъ Италіи, сначала въ Пизу, а потомъ въ Лондонъ.

Римъ.—23-го (12-го) января 1785 года.

Намѣренъ я журналъ довольно подробный своему отсутствію отъ тебя вести, а такъ какъ тебѣ досугу теперь довольно въ Пизѣ, то, любезнѣйшій мой, чтобы мнѣ пріятіе его было читать, я къ тебѣ его адресовать буду, а ты на сіи вздорныя письма сдѣлай особливый ящикъ, чтобы я потомъ у тебя ихъ отыскать и отобрать могъ¹⁾. Тысему можешь удивиться,—«какъ можно этакое маданье собирать?»—вѣдь однажды не я первый буду, который свои вздоры за безпри-иѣрныя сочиненія считаетъ. Безъ шутокъ сказать, чтобы вдвойне не писать, поведу свой журналъ писать къ тебѣ. Вотъ и предисловіе. Ты знаешь, что я никакого сочиненія безъ онаго изъ рукъ не выпускаю; даже, помнишь, когда дѣлая переводъ о употребленіи мыла,—онаго не избавился.

Вечеромъ, въ семь часовъ, пріѣхалъ за двѣ почты отъ Рима, гдѣ я вочеводилъ, чтобы вѣхать въ Римъ днемъ, куда въ 9 часовъ полуночи прибылъ. Немалое удовольствіе мнѣ было подѣлжать къ городу, но я еще не разобралъ: точно-ли сіе—дѣйствіе воспоминанія тѣхъ славныхъ людей, которые сю землю топтали, или подражательное чувство, которое отъ наслышки происходитъ? Первое мое попеченіе, пріѣхавъ сюда, было исправить твои комиссіи. Нечати твои, по рисункамъ Лебрехта²⁾, отданы рѣзать, и я надѣюсь, что ты доволенъ оними будешь, и уповаю, что ты на меня не прогибаешься, что я другой крестъ тебѣ прибавилъ—но ужъ такова судьба! Великая государыня тебѣ ихъ даетъ, а великие проказники—въ гербъ твой ихъ ставятъ. По твоему приказанію, прежде всего, Ѣздила Ротонду смотрѣть и потомъ церковь св. Петра, и при послѣдней, особенно подходя къ оной поближе, несказанныя чувства имѣть и когда можно ихъ уподобить, то я бы сказалъ, что они таковыя, какъ когда бы мнѣ случилось славнѣйшаго, почтеннаго человѣка увидѣть, съ которымъ знакомиться съ нѣкоторымъ смиреніемъ и удовольствіемъ идешъ.

¹⁾ Чѣд, вѣроятно, авторъ писемъ и исполнилъ, такъ какъ они находятся въ Вашебашскомъ архивѣ, г-дь Зиновьевыхъ.

²⁾ Баръ Александровичъ Леберехъ, состоявшій оберъ-медаліеромъ при замѣтѣ дворѣ въ 1783-мъ году и устроившій медаліерный классъ при академіи. Храповицкій неоднократно упоминаетъ о немъ въ своихъ Запискахъ. Н. В.

Нашель нашихъ двухъ министровъ здѣсь: Юсупова¹⁾ и Разумовскаго²⁾. Первый все таковъ же: покупаетъ здѣсь картины весьма дурнага, какъ мнѣ кажется, разныя инвеціи шандаловъ дѣлаетъ (?), которые совсѣмъ татарскаго вкуса, занять маханьемъ³⁾ здѣсь, какъ и въ Туринѣ, однимъ словомъ — все тотъ же, какъ и бывъ. У послѣдняго я часа два назадъ былъ и въ первый разъ его дома засталъ. Въ полтора часа, которые мы съ нимъ были, довольно познакомились и, по возвращенію моемъ сюда, я его еще здѣсь найду и думаю болѣе его узнать. Онъ мнѣ не только рассказалъ исторію его съ лекаремъ, но и разныя, которыхъ онъ здѣсь дѣлалъ, подъ именемъ, которое ему здѣшній народъ давалъ: «il matto moscovito»⁴⁾. Съ лекаремъ его приключение слѣдующее было: по пріѣздѣ его въ Неаполь, занемогъ его слуга и онъ самъ; для сего онъ послалъ за очень хорошимъ и славнымъ докторомъ, поутру; но его карета его до вечера дожидалась, ибо тотъ не прежде домой, отъ многихъ своихъ больныхъ, возвратился и, узнавъ, что за нимъ прислали, тотчасъ туда пріѣхалъ; но только что явился, — нашъ Сципионъ на него кинулся, разругалъ его по итальянски, да перевѣзъ съ русскаго, что онъ велить ему бока переломать. Неаполитанецъ, изъ дверей, не дожидался обѣщаннаго, благимъ матомъ кинулся, прибѣжалъ съ полушай домой и, чтобы другую опять къ себѣ приманить,бросилъ кровь. Сie его принудило день дома остатся; о семъ всѣ его больные, не могши его видѣть, весьма досадовали и причину его непосѣщенія узнали, а чрезъ иѣсколько дней быль знаменитый сей врачъ призванъ на совѣтъ въ Козерту, по болѣзни королевскаго сына, и отецъ велѣлъ себѣ сю исторію пересказать. Вотъ тебѣ, любезный другъ, Тадитова исторія, передѣланная Скарономъ! Жаль только, что ее безтолковый читать будеть.

Зная, что ты охотникъ до театровъ, скажу тебѣ, что я вчераюсь въ двухъ разныхъ быль. Въ одномъ, видѣлъ весьма хорошаго пѣвца,

¹⁾ Кн. Николай Борисовичъ Юсуповъ (р. 1750-го, умер. 1831-го г.), действительный камергеръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ въ Турнї съ 1782 по 1788-й годъ; въ послѣдствіи, съ 1800 по 1802 г.—министръ удѣловъ.

²⁾ Графъ (въ послѣдствіи князь) Андрей Кириловичъ Разумовскій. Онъ былъ посланникомъ въ Неаполѣ до 24-го ноября 1783-го года; въ этотъ день онъ имѣлъ отпускную аудіенцію у короля и его мѣсто заступилъ гр. Скавронскій.

³⁾ Т. е. ухаживаніемъ, волокитствомъ за женщинами. См. сочиненія фонъ-Визина, издан. П. А. Ефремова, «Пояснительные примѣчанія къ тексту», стр. 651-я, примѣч. 3-е.

Н. В.

⁴⁾ Переводъ: «московскій чудакъ, сумасшедшій».

одного кastrата, и со сцены онъ мнѣ показался совершеннымъ красавцемъ, соединяя при семъ прекрасную фигуру, и ты не повѣришь, какъ я на это скверное обыкновеніе злился—лишать людей такихъ нужныхъ частей!... Видѣлъ я также въ одномъ театрѣ хорошаго танцовщика, сына кн. Андрея Михайловича Бѣлосельскаго¹⁾). Въ послѣднемъ, въ которомъ я только одинъ актъ пробылъ, находится очень хороший теноръ, а прыгуны—ужъ не мнѣ чета. Чудно видѣть мужчинъ въ женскихъ платьяхъ на сихъ театрахъ. Послѣднее сіе описание, надѣюсь, увѣритъ тебя, что я не праздно время свое адѣсь провелъ. Я ѿду завтра отсюда. Отпиши, что мои маленькие крошечки дѣлаютъ, и хватился ли меня Мишенъка? О Катенькѣ²⁾ я не спрашиваю, мы въ ссорѣ съ ней разстались и, между нами сказать (ты, надѣюсь, этого ея женихамъ не скажешь)—она очень не-постоянна и не подумай, что я это rag boudoirie говорю. Прости, будь здоровъ и старайся всячески таковыми быть, уѣгая всѣ слушачи, которые сему вредны быть могутъ; ты въ этомъ всѣмъ, которыхъ любишь и любиль, своимъ маленьkimъ чадамъ и Творителю всего отвѣтствовать современемъ долженъ. Вотъ желанія и просьба того, который никогда тебя любить не перестанетъ.

Ларивону Ивановичу и гр. Модениго³⁾ сказать, что я ихъ servo umilissimo (т. е. покорнѣйший слуга).

¹⁾ Кн. Андрей Михайловичъ Бѣлосельскій († 1779-го), старшій братъ кн. Александра Михайловича. Онъ долгое время находился посланникомъ въ Дрезденѣ, гдѣ и скончался.

²⁾ Говорится о дѣтяхъ гр. С. Р. Воронцова: о графѣ (въ послѣдствіи князѣ и фельдмаршалѣ) Михаилѣ Семеновичѣ (род. 18-го мая 1782-го, умеръ 7-го ноября 1856-го г.) и о графинѣ Екатеринѣ Семеновнѣ Воронцовой, вышедшей въ послѣдствіи замужъ за лорда Пембрука.

³⁾ Можно полагать, что это гр. Дмитрій Модениго, который занималъ въ послѣдствіи въ Россіи мѣсто флотретинскаго (а не венеціанскаго, какъ говорить Державинъ) посланника и получившій извѣстность по возникшему дѣлу съ банкиромъ Сутерландомъ, которое, при посредствѣ Державина, окончено миромъ, въ маѣ 1792-го г. (Записки Державина, изд. Грота). Въ послѣдствіи, можетъ быть, то же лицо, а можетъ—и сынъ его графъ Георгій (Дополненія къ примѣц. къ VI-му тому сочиненій Державина, изд. Грота), состоя на русской службѣ, въ чинѣ статского советника, нашимъ министромъ при тосканскомъ дворѣ, отставивъ отъ службы импер. Павломъ, «за невниманіе къ поведенію бывшаго при немъ коллежскаго ассесора Дрозда-Боначевскаго», «который передался французамъ», что и выражено въ Высочайшемъ указѣ, данномъ сенату въ 13-й день іюня 1799-го года. (См. Высочайшіе указы 1799 года).

Неаколь.—6-го февраля 1785 года.

Нынче видѣлъ короля ¹⁾, во всей своей славѣ, и онъ, кажется, дѣллый день занять былъ, чтобы дурачества дѣлать: 1-е, по утру экзерцировалъ самъ своихъ липоротовъ ²⁾, которые у него все, что ты можешь вдуматъ: они пѣхотные и морскіе, употребляются на охотѣ, безъ нихъ рыбу король не ловить, при торжественныхъ столахъ они вмѣсто лакея служатъ, что однако же, какъ мнѣ кажется, не дурно, ибо сіе избавляетъ отъ издергекъ, да, сверхъ того, уменьшаетъ число тунеядцевъ, въ которое почти всѣ придворные включены быть должны: разумѣется, выключить надобно такого камерь-юнкера, каковъ я есмь. Экзерциція сего странного войска довольно странна была, а паче—родъ марша, который они имѣютъ, мнѣ очень смѣшнымъ показался и нигдѣ, какъ на такомъ гладкомъ мѣстѣ, каково было, гдѣ они экзерцировали, въ дѣйствіе произведенъ быть не можетъ. Странное дѣйствіе сдѣлало во мнѣ сравненіе, которое мнѣ въ голову пришло, съ разными маневрами здѣшняго короля и Федора Федоровича ³⁾ и оно нападеніемъ и жданьемъ его на лошади умножено было. Да чего-жъ онъ слишкомъ часть верхомъ ждалъ?—королевы, которая, по пріѣздѣ, отъ него рапортъ получила. Ты легко изъ сего увидишь, что все сіе—ребячество, и Левъ Александровичъ, мнѣ кажется, такъ бы долго Маринѣ Осиповны ⁴⁾ не ждалъ. Не взирая однако же на все сіе, всѣ первые изъ дворянства рвутся, чтобы быть принятими въ сей корпусъ липоротскихъ волонтеровъ и большая часть офицеровъ имѣютъ ключи. Сіе, коротко и ясно сказать, должно рабствомъ называть. 2-е. На курсъ явился онъ маскированный, въ коляскѣ, и долгое побоище съ другими въ оной держалъ. Достойное упражненіе короля! 3-е. Чтобы совершить всевозможное... (вотъ тебѣ бѣлое мѣсто и ты ужъ вставь туда, чтѣ заблагоразсудишъ), явился

¹⁾ Фердинандъ VI (род. 1753, умеръ 1826 г.), получившій престолъ въ 1759 году и умершій съ именемъ Фердинанда I-го, «короля Обѣихъ Сицилій». Онъ имѣлъ въ супружествѣ дочь Марію Терезію, Марію Кароліну, сестру Іосифа II-го и Марію Антуанетту, королевы французской.

²⁾ Дворцовай гвардія.

³⁾ Намекъ на прусского короля Фридриха Великаго.

⁴⁾ Левъ Александровичъ Нарышкинъ (род. 1739, умеръ 1799 г.), дѣйствительный камергеръ и д. т. советникъ, оберъ-шенкъ и оберъ-шталмейстеръ, пользовался особыніемъ расположениемъ двора и извѣстенъ своимъ веселымъ нравомъ и беззаботностію, чтѣ слыло въ современномъ обществѣ ребачествомъ. Онъ былъ женатъ на Маринѣ Осиповнѣ Закревской, родной племянницѣ графовъ Разумовскихъ.

Н. В.

оффъ въ маскарадъ въ кадриль съ липоротскими офицерами, гдѣ они, въ предличинномъ балетѣ, представляли «походъ Аргонавтовъ», и послѣ завоеванія «Золотаго Руна», поднесли оное чрезъ лѣстницу, сдѣланную изъ щитовъ, королевѣ въ ложу; по окончаніи сего промаршировали они по всему театру, дабы, паче чаянія, если ктонибудь просмотрѣлъ своего государя, тутъ бы могъ его увидѣть. Я очень радъ, что сіе позорище видѣлъ, ибо мнѣ вѣроятнѣе стихи о Нероновыхъ дурачествахъ и всѣмъ, мнѣ кажется, здѣшній король очень къ нему подходитъ. Надобно тебѣ однѣнъ тре (т. е. trait) разсказать здѣшняго владыки: дnia четыре тому назадъ, послѣ маскарада, на другой день, въ 6 часовъ, велиль онъ всѣмъ липоротскимъ офицерамъ, сверхъ чаянія, къ ученью явиться, гдѣ онъ ихъ въ ономъ нѣсколько часовъ въ прескверное время продержалъ, а они, послѣ маскарада и ученья, подъ градомъ, чаяли домой отдохнуть возвратиться; но, къ великому удивленію, получили приказъ—тотчасъ идти дѣлать репетицію балета, гдѣ и король самъ былъ. «Pourquoи m'ont ils prié d'être des Liporotes¹)—вотъ, что онъ сказалъ на изъясненія, которыя ему о тягости того дnia сдѣлали. Всякій россіянинъ долженъ при этомъ подумать, что «богиня» имъ и его земляками править.

8-го. Нынче должна была королева явиться съ своей кадрилью въ маскарадъ, которая бы за третьягоднишнія королевскія учтивости отплатить должна была; но, видно, она постыдилася при всей публикѣ дурачиться и для того маскироваться въ положенномъ порядке,—все въ комнатахъ, при королѣ, исполнила.

Вечеромъ видѣлъ я то, что мнѣ уже болѣе не удастся видѣть—что мой хозяинъ²) депеши въ ложѣ подписывалъ. Я тебѣ его портретъ при семъ прилагаю, который съ натуры писанъ, изъ чего ты можешь заключить: могутъ ли люди, которые около него, счастливы быть? Сверхъ того, соединяетъ онъ съ крайнею неосторожностю въ разговорахъ высокомѣріе о своемъ мѣстѣ и для того слово «депеши» въ разговорѣ употребляется; вездѣ и во всякой тѣснотѣ кричитъ самъ или людямъ своимъ приказываетъ, что онъ «il ministre di Moscovia». Я надѣюсь многія исторіи о немъ услышать и мнѣ при всемъ этомъ

¹) Переводъ: «Зачѣмъ просили они зачислить ихъ въ липоротскій корпусъ?»

²) Графъ Павелъ Мартыновичъ Скавронскій (р. 1757 † 1793 г.). Послѣ гр. А. К. Разумовскаго, онъ долгое время (1786—1793 г.), былъ полномочнымъ министромъ въ Неаполѣ. Женатъ былъ на Екатеринѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ, племянницѣ кн. Потемкина. Въ послѣдствіи (1798), она вышла вторично замужъ за гр. Литту и 1-го января 1824 г. пожалована гофмейстериной двора. Она умерла 7-го февраля 1829 года. Болѣе подробныя свѣдѣнія о графѣ и графинѣ Скавронскихъ находятся въ «Souvenirs de M-me Vigie Le Brun».

никто такъ не жалокъ, какъ его жена, которая въ этихъ случаяхъ, по своему малому знанію свѣта, въ весьма жалкомъ положеніи находится и, не находя въ себѣ средствъ избѣгнуть непріятности, не можетъ ни къ кому прибѣгнуть, а она, по своимъ добрымъ качествамъ, иной судьбы достойна. Но когда ужъ рокъ его велитъ ему министромъ быть, то мнѣ кажется, что лучшаго мѣста, какъ здѣшнее, не можетъ для него быть, гдѣ онъ безъ большаго стыда цѣлые дни на скрипкѣ проиграть можетъ, чтò онъ и дѣлаетъ, да я и желаю, чтобы дѣлать продолжаль, ибо въ публикѣ онъ болѣе случаевъ имѣеть проказы дѣлать, изъ которыхъ одна уже, по его ревности, не премѣнина, ибо онъ жену свою подъ руку водить ¹⁾), выключая, что я, 16-го, удостоенъ быть соучаствовать въ пріятномъ семъ трудѣ. Вотъ тебѣ, милый мой, еще извѣстіе; я все боюсь, чтобы я тебѣ онимъ не наскучилъ. Мишуточку и Катеньку въ мысляхъ цѣлую и тебя съ теплѣйшимъ чувствомъ дружества обнимаю.

Неаполь.—8-го февраля 1785 г.

Я думаю, что ты меня несказанно бранишь, что мои письма или, лучше сказать, дневная записка такъ беспорядочна; но я думаю, что, смотря на мои молодыя лѣта (ты этому смѣешься), ты меня извинишь, что я иногда отведенъ отъ порядка капищемъ весельевъ, которыя здѣсь находятся и которыми я пользоваться хочу. Ты самъ знаешь, какая скверная у меня память на это: писавъ примѣчанія свои, забываю имя тѣхъ, о которыхъ пишу, оставляю для сего бѣлое мѣсто, чтобы объ нихъ спросить, и, получа повтореніе,—вторично забываю. Но отъ нынѣшняго дня стараться стану порядочнѣе и въ этомъ быть. Напередъ тебя просиль о терпѣніи и надѣюсь, что ты мою просьбу помнишь. Продолжать стану.

....ѣздила на курсъ вмѣстѣ съ кн. Голицынымъ и г. Гекель—его водителемъ, гдѣ, выключая чрезвычайного множества каретъ и лучшаго порядка, какъ третьяго дня,—ничего примѣчанія достойнаго не было. Герцогиня ²⁾ была на курсѣ маскирована, въ коля-

¹⁾) Въ этомъ случаѣ авторъ, кажется, увлекается капризами обычаемъ высшаго итальянскаго общества, который требовалъ, чтобы замужняя женщина не показывалась въ свѣтѣ подъ руку съ своимъ мужемъ. (Срав. письма Д. И. фонъ-Визинга, изд. П. А. Ефремова, стр. 497).

²⁾) Герцогиня Тосканская Марія Луиза, рожденная принцесса Испанской, вышедшая замужъ за Леопольда Тосканскаго, сына Маріи Терезіи. Съ 1790 года онъ сдѣлся императоромъ.

Кн. А. В. Л.-Р.

скѣ Бель-Монтши, которая отъ нея не отходитъ. По возвращеніи, поѣхалъ я въ флорентинскій театръ, чтобы видѣть въ послѣдній разъ Колтетиньшу¹⁾, которая ёдетъ на годъ въ Вѣну, а по томъ на два опять здѣсь законтрактована; тутъ и король находился. Судя по твоей любви ко мнѣ, заключаю, что тебѣ буффони не противны; здѣсь славный находится, хотя Колтетиньша мнѣ про него очень наивно сказала: *commeant peut on s'imaginer que je suis amoureuse de lui?*²⁾, ибо бѣзмѣрно толстъ. (Слыши, что говоришь, что и я таковъ же). Имя его Couvacelli; играетъ весьма натурально. По окончаніи пьесы были брошены кометы, по обыкновенію итальянскому. Отсюда поѣхалъ я уже съ моимъ хозяиномъ и хояйкой въ маскарадъ, гдѣ ожидалъ видѣть, какъ въ городѣ говорили, королеву маскированную въ кадриль; но сей слухъ не исполнился.

9-го. Бѣдилъ въ Портичи. Ты хвалишь прославленнаго «Сатира», но я его не разматривалъ, ибо сюжетъ премеракій, а я до всего этого—злодѣй. Можетъ быть, для искусства и не хорошо сужу, опровергая всякия нагія фигуры и думая, что немало сіе къ развращенію нравовъ соучаствуетъ, и не принимаю на сіе никакаго возраженія, что, напримѣръ, искусства отъ того потерять могутъ. Я скорѣе соглашусь, чтобы зачаль бывшій мнѣ несносный готическій вкусъ царствовать, нежели чтобы чрезъ искусства нравы молодыхъ людей, а паче молодыхъ дѣвицъ, портились, которыхъ, прежде замужства, всѣ физическія удовольствія узнаютъ. Но какъ сему иначе быть? Дать имъ понятіе, какое ни есть, о вѣрѣ какой нибудь,—мы не печемся, беспокоясь очень въ самое то время, чтобы онѣ французскіе контредансы знали. Я тебѣ скажу, что, когда у меня дѣти будутъ,—у меня въ домѣ ничего такого не будетъ, чтобы что нибудь могло неблагопристойнымъ казаться. Правда, что я, можетъ, своего предмета и не достигну, ибо въ другихъ домахъ сіе находится будеть. Ужиналь у Голицына съ Италинскимъ³⁾ и Зентеномъ, проводникомъ г-жи Скавронской.

¹⁾ Не о женѣ ли Марка Колтетини здѣсь говорится, который извѣстенъ какъ шітъ, находившійся въ 1774 году въ русской службѣ; онъ сочинилъ нѣсколько оперъ, представленныхъ на петербургской сценѣ (См. Драматический Словарь, изданный въ Москвѣ въ 1787 году).

²⁾ Переводъ: «Возможно ли воображать, что я въ него влюблена?»

³⁾ Андрей Яковлевичъ Италинскій († 1828), уроженецъ Малороссіи, былъ губернаторомъ В. И. Кочубея, потомъ поступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ; два раза былъ посланникомъ въ Константинополь (1802—1808 и 1812—1816), наконецъ въ Римѣ, гдѣ и скончался. Похороненъ въ Ливорно, въ греческой церкви. Авторъ встрѣтилъ его въ Италии, въ то время, когда онъ находился тамъ при нашемъ посольствѣ.

11-го. Іздилъ въ компанії Андрея Яковлевича¹⁾, Голицина и его губернера на островъ Нисапса, моремъ. Я въ восхищениі бытъ! Это путешествіе я бы всякаго человѣка заставилъ сдѣлать, который имѣеть развратненный умъ, отрицающій существо Бога: онъ бы здѣсь всему доказательство неоспоримое ощутилъ,—не такъ изъ того, чтѣ онъ бы видѣлъ, какъ болѣе изъ тѣхъ чувствъ, которыя видимы проізведены. Завтра ѿду на кратеръ. Когда меня Везунъ убьетъ *avec ses pierres de couleur*²⁾, то по крайней мѣрѣ я островъ сей прекраснѣйшій увижу. Здѣсь говорять: «Видѣвшій Неаполь—можетъ умереть; если-жъ не видѣлъ—пусть отправится въ него».

12-го. Дивился суевѣрію: что поставленная статуя св. Генуарія лаву рукой удерживаетъ.

13-го. Іздилъ съ Андреемъ Яковлевичемъ и съ пріѣхавшими недавно русскими кн. Несвицкимъ и Закревскимъ въ Пузаллу и въ кругъ лежація мѣста. Если сказать тебѣ вообще мое мнѣніе объ ономъ, то мнѣ сіе не такъ чрезвычайно показалось, какъ многіе о семъ говорятъ, и я никакъ не былъ въ томъ восхищениі, въ которомъ обыкновенно другіе бывають, посѣщаю сіи мѣста. Можетъ, сему причиной то, что, 1-е, я ужъ не такъ подробно древнюю исторію помню; 2-е, что мало древнихъ авторовъ читаль; 3-е, что воображеніе мое не довольно живо. Еще къ сему присоединяется, что я ужъ ничуть не слѣпой обожатель древности и желалъ бы, чтобы и другіе почаще о великихъ людяхъ своего времени помнили, которыхъ дѣянія намъ понятіе и менѣе сомнѣнію подвержены, нежели древнія; да сверхъ того, по перемѣнѣ обычая, правиль и съ нашими чувствами сходныхъ дѣяній, напримѣръ, Питтовъ, отца и сына, кардинала Хименеса,—дѣянія оныхъ несравненно болѣе трогательны, нежели многихъ прославленныхъ древнихъ людей, и мнѣ кажется, никакъ съ отцомъ Питтовымъ сравняться не могутъ, а о семъ почтенномъ человѣкѣ, который въ нашихъ глазахъ жилъ, никто еще писать не вздумалъ. Жизнь Питтова, которую ты читалъ, не есть ли доказательство, что все славные ученые только древними героями занимаются, не удостоивая своихъ современниковъ своего зрѣнія? Я буду стараться достать изображеніе всѣхъ славныхъ людей и для того тебя прошу, любезный другъ, такъ какъ память моя весьма дурна, прислать мнѣ маленький реестръ подобнымъ людямъ, каковы вышеупомянутые были. Объ этой матеріи надобно намъ поговорить, когда мы вмѣстѣ будемъ, чтѣ, какъ я думаю, скоро должно быть, ибо я тебѣ прошу мнѣ время

¹⁾ Андрей Яковлевичъ, т. е. Италинскій.

Н. В.

²⁾ Переводъ: «Своими цвѣтными камнями».

назначить, когда къ тебѣ пріѣхать въ Пизу, чтобы съ тобой во Флоренцію поѣхать, тамъ вмѣстѣ прожить—по нашему условію—съ не-дѣло и потомъ до Англіи проститься.

По возвращеніи изъ Пузаллы, былъ въ концертѣ, гдѣ видѣлъ короля и королеву, какъ и герцога съ женой, которые вдѣсь чрезвычайно какъ принты, не взирая на то, что Бурбонскій дворъ ихъ не признаетъ.

Неаполь.—16-го февраля.

Былъ нынче вечеромъ на балѣ у герцога, къ которому будто жена его невзначай балъ созвала. Герцогиня во всѣхъ танцахъ старалась себя показать, но смѣшилъ всего, что послѣ ужина пошла она, съ братомъ своимъ, альманду танцевать и герцогъ такъ восхищеннъ былъ ея пляской, что, по окончаніи оной, ее при всей публикѣ поцѣлуемъ наградилъ. Она самъ не преминулъ себя показать передъ ужиномъ, танцевавъ контредансъ съ одной англичанкой, со всѣми вѣмецкими граціями, и сей контредансъ, бывъ весьма смѣшонъ, веселость и смѣхъ, не только на танцующихъ, но и на кругстоящихъ извѣль. Послѣ ужина танцевала дочь Castelpagano, которая уже теперь съ третьимъ женихомъ таскается (ибо первые отъ отважнаго предпріятія быть ея мужьями отказались), съ однимъ неаполитанцемъ, Tagauel очень хорошо. Пляска сія очень на нашу походитъ, особенно когда пыгане пляшутъ.

17-го. Нынче узналъ, что послѣ меня герцогъ съ герцогиней при большей части гостей, которые послѣ меня остались, «казачокъ» танцевалъ(?). Оставляю тебѣ самому обѣ сѣмъ смѣшномъ позорищъ судить и простительно ли сіе человѣку сорока лѣтъ.

19-го выѣхали отсюда. Къ обѣду пріѣхали въ Козерту, пошли во дворецъ, который такъ славится. Изъ плана, который я видѣлъ, кажется мнѣ, что покойный князь ¹⁾ занялъ мысль своихъ Гатчинскихъ флигелей отсюда.

21-го Наконецъ прибыли въ Римъ, въ 5 часовъ.

28-го. Получилъ твоё письмо отъ 11-го, что мой журналъ тебѣ нравится; сіе мнѣ несказанное удовольствіе дѣлаетъ, но я такъ пространенъ становлюсь, что, по чести, боюсь, чтобы я тебѣ не скученъ былъ.

Попрекъ твой, что я забылъ тебѣ сказать о Корреджѣ и (Скидано?) Сіедонѣ, я не принимаю, ибо о картинѣ первого, представляемой Ринальда и Армиду, я тебѣ уже упомянулъ; а послѣдній

¹⁾ Гатчина принадлежала кн. Григорію Григорьевичу Орлову и дворецъ въ ней построенъ, въ 1770 г., по плану итальянского архитектора Ринальди.

Н. В.

живописецъ мнѣ совсѣмъ не нравится, какъ онъ ни славенъ и ни рѣдокъ. Большая часть его сюжетовъ представляетъ нищихъ, оборванныхъ людей, а какъ бы хорошо ни были представлены такія изображенія, они мнѣ понравиться не могутъ. Можетъ, я, въ разсужденіи этого, какъ плохой знатокъ сужу, но отъ картины, которая мнѣ нравится должна, требую я, чтобы и сюжетъ ея мнѣ миль бытъ. Подѣзжая къ Риму, попался мнѣ Паэзіелло¹⁾, выехавшій въ Неаполь; я ему о твоей комиссіи сказывалъ и онъ отдастъ иоти г. Италийскому, который ихъ тебѣ въ Англію перешлетъ. Я тебѣ сказать не могу, какое удовольствіе мнѣ воспоминаніе Мишинки дѣлаетъ! Дай Богъ, чтобы онъ меня такъ любилъ, какъ я его отца люблю. Если онъ половину достоинствъ во мнѣ найдетъ, которая я въ ономъ вижу, то я увѣренъ, что онъ меня довольно любить будетъ.

Былъ нынче послѣ обѣда у Разумовскаго, который меня учтивостями и ласками осипалъ, повезъ и представилъ племянницѣ Поповой, мужъ которой, два года тому назадъ, одну только лошадь имѣлъ, а теперь собраніе держитъ, куда весь городъ съѣзжается. Онъ поѣдетъ въ концѣ будущей недѣли во Флоренцію, но, такъ какъ онъ ёдетъ черезъ Перуджіо, то я надѣюсь тебя прежде его обнять. Юсупова видѣлъ, который смертельно здѣсь влюбленъ и съ своей дражайшей, во время карнавала, какой-то здѣшний контредансъ «avec des pantomimes» танцевалъ. Сдѣлай милость, спрявься у Моцениго о тѣхъ рудахъ, которая я хотѣла для Николая Петровича²⁾ купить.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Джованни Паэзіелло или, вѣрѣ же, Паизіелло (Paisiello) р. 1741†1816. Композиторъ-музыкантъ и капельмейстеръ; прибылъ въ Петербургъ по приглашенію импер. Екатерины въ 1776-мъ г. Онъ преподавалъ уроки музыки на фортепіано великой княгинѣ (въ посольствѣ императрицы) Маріи Феодоровны и сочинилъ многія оперы. Послѣ 8-ми лѣтнаго пребыванія въ Россіи, онъ уѣхалъ въ Вѣну, но кончилъ жизнь въ Неаполѣ въ 1816-мъ году, 76-ти лѣтъ.

²⁾ Рѣчь идеть о гр. Николаѣ Петровичѣ Румянцевѣ. Извѣстно, насколько онъ былъ ревнителемъ просвѣщенія и вѣщадилъ ничего для собранія всевозможныхъ кабинетовъ рѣдкостей, антиковъ, медалей, минераловъ и проч.

Кк. А. В. Л.-Р.

ЕВГРАФЪ И ПЕТРЪ ОСИПОВИЧИ ГРУЗИНОВЫ.

Военно-судное дело, въ Черкасскѣ,

1800 г.

Съдѣйнія о братьяхъ Грузиновыхъ крайне ограничены. Въ реєстри-
такъ великаго князя Павла Петровича къ Аракчееву, напечатанныхъ
въ VII-мъ томѣ «Русской Старины», изд. 1873 года, стр. 484, упоминается
объ одномъ изъ братьевъ въ такихъ выраженіяхъ: «Я весьма доволенъ
точностю и расторопностю его и его донесеніями», писалъ великий князь.
«Пожалите сю записку къ нему въ оригиналѣ, чтобы онъ ее прочелъ и
вѣдѣлъ мое удовольствіе». Слова эти показываютъ, что если упоминаемый
здесь Грузиновъ и не былъ такъ близокъ къ великому князю, какъ Арак-
чеевъ, то былъ ему очень хорошо известенъ.

Черезъ 10 мѣсяцевъ послѣ того, великий князь дѣлается императоромъ.
Съ этого перемѣнно измѣнилась и судьба ему близкихъ лицъ. Извѣстно,
что Аракчеевъ и другіе быстро повышаются въ чинахъ, получаютъ ордена
и достоинства, жалуются землями и крестьянами. Вѣроятно, въ это время
не были забыты и Грузиновы.

Младшій изъ братьевъ—Петръ Осиповичъ—въ 1798 году былъ подпол-
ковникомъ, кавалеромъ ордена св. Георгія 4-й степени ¹⁾ и имѣлъ два по-
жалованные ему монархомъ золотые знака. Не можемъ сказать, чѣмъ былъ
старшій Грузиновъ при вступленіи на престолъ Павла Петровича; но въ
1798 году онъ полковникъ гвардіи, находится,—по свидѣтельству его дяди,
войскового старшины Асанасьевы, и учрежденной въ послѣдствіи надъ
нимъ, Грузиновыми, военно-судной комиссіи,—«въ знатѣйшемъ мѣстѣ, на-

¹⁾ Но въ пзд. спискѣ кавалеровъ св. Георгія его нѣтъ.

граждены отличными знаками и крестьянами». Евграфъ Осиповичъ Грузиновъ былъ изъ самыхъ довѣренныхъ и любимѣшихъ приближенныхъ императора; сопровождалъ его во всѣхъ прогулкахъ, исполнялъ всѣ секретныя порученія и даже спалъ въ его кабинетѣ. Такая близость старшаго Грузинова къ государю не нравилась многимъ. У Грузинова явились тайные враги, которые такъ или иначе хотѣли удалить его отъ государя и даже совсѣмъ избавиться отъ него.

Но прежде, чѣмъ покончить съ старшимъ братомъ, они начали съ младшаго, какъ менѣе опаснаго. Воспользовавшись удобною минутою, они заставили за что-то арестовать Петра Грузинова, привезти его въ Павловскъ, нарядить надъ нимъ военный судъ, исключить изъ службы и лишить его чиновъ, ордена и золотыхъ знаковъ. Этотъ неожиданный переворотъ въ судьбѣ Петра Грузинова нужно отнести къ 1798 году, такъ какъ самъ онъ въ августѣ 1800 говорилъ въ одномъ изъ своихъ показаний, «что случай этотъ былъ съ нимъ назадъ тому третій годъ». Ему даже не объясняютъ, за что онъ судится. Вѣроятно, вина его была или очень незначительна или выдумана, если послѣ разжалованія ему возвращаютъ чины, но безъ ордена, знаковъ и службы. Тѣмъ не менѣе, тотчасъ же послѣ того, его отправляютъ съ фельдѣгеремъ на жительство въ Черкасскъ.

Евграфъ Осиповичъ пробылъ не долго послѣ удаленія брата въ числѣ приближенныхъ императора. Когда разные наговоры и распускаемыя сплетни не дѣйствовали, придумали, чтобы государь испытать его и для этого отпустили бы на Донъ, подъ предлогомъ повидаться съ родными; увидѣвъ себя на свободѣ,—говорили враги Грузинова,—онъ будетъ-де имѣть возможность обнаружить дерзкіе свои замыслы противъ своего благодѣтеля. Павелъ Петровичъ, будучи вообще подозрителенъ, склонился на эту хитрость и въ дружелюбномъ тонѣ предложилъ Грузинову сѣзжать домой и даже дать ему денегъ. Грузиновъ хотя отказывался тѣмъ, что у него на родинѣ нѣть семейства, кроме старика отца, разбитаго параличомъ, однако принялъ деньги и побѣхъ. Отпускъ этотъ нужно отнести тоже къ 1798 году, потому что некоторые изъ свидѣтелей по дѣлу Грузиновыхъ, въ августѣ 1800 года, утверждали, что посыщеніе ими дома Грузиновыхъ было почти два года тому назадъ, когда оба брата были уже въ Черкасскѣ, откуда потомъ въ столицу не возвращались.

Всѣдѣ за прібытиемъ Грузиновыхъ въ Черкасскъ, надъ ними нази-

чень бытъ войсковымъ атаманомъ генераломъ-отъ-кавалеріи Иловайскимъ особый надзоръ. Они не имѣли права выходить изъ дома, и чтобы прѣѣхать, ради скуки, въ Ростовъ и Нахичевань, Петру Грузинову нужно было испросить позволеніе приставника.

Въ августѣ 1800 года Грузиновы отданы подъ судъ: младшій—неизвѣстно за что, но дѣло его не имѣть никакой связи съ дѣломъ старшаго брата. Евграфъ же Грузиновъ—за непочтительные отзывы о государѣ императорѣ и за найденные у него двѣ бумаги съ продерзостными его замыслами противъ государя и отечества. Генералы Кожинъ и Рѣпинъ присланы изъ Петербурга слѣдить за ходомъ дѣла и торопить его окончаніемъ; въ этомъ послѣднемъ имъ помогаетъ и войсковой атаманъ Орловъ.

Ред.

I.

Ордеромъ атамана войска донскаго генералъ-отъ-кавалеріи Василия Петровича Орлова, въ августѣ мѣсяцѣ 1800 года, открыта въ Черкасскѣ комиссія военнаго суда надъ обвиняемымъ въ оскорблениі величества и другихъ преступленіяхъ гвардіи полковникомъ Евграфомъ Осиповичемъ Грузиновымъ. Коммісія состояла: изъ презуза генераль-маиора Родіонова 1-го и ассесоровъ: войсковыхъ старшинъ: Чикилева 1-го и Щедрова 2-го подполковниковъ: Леонова и Иловайскаго 7-го и полковниковъ: Слюсарева 1-го и Агѣева 1-го; за аудитора есаулъ Единъ 3-й.

Основанія къ обвиненію Грузинова заключались, прежде всего, въ томъ, что онъ произносилъ «дерзновенные и ругательныя противъ государя императора изреченія», и затѣмъ въ томъ, что написалъ двѣ бумаги, въ коихъ изложены политическія соображенія, клонящіяся къ ниспроверженію существующаго государственного устройства. Бумагъ этихъ при дѣлѣ нѣтъ, хотя онъ и взяты были у Грузинова при его арестѣ.

13-го августа, т. е. въ самый день открытія комиссіи о Грузиновѣ, послѣдній былъ допрошеннъ относительно первого обвиненія.

Грузиновъ показалъ, что однажды пришли къ нему казаки Поповъ и Касмынинъ, для получения долга, но онъ отказалъ имъ въ этомъ; когда же Касмынинъ сталъ угрожать, что они

будутъ жаловаться на него самому государю императору, то и тогда онъ, Грузиновъ, будучи въ горячности, сругаль скверно..... самого государя съ изречениемъ: «пожажайте куда хотите и просите на меня».

Затѣмъ по обвиненіямъ, заключающимся въ двухъ найденныхъ у Грузинова бумагахъ, комиссія изготовила вопросные пункты: «1) Въ сысканныхъ у тебя въ домѣ, при взятьѣ тебя подъ караулъ, бумагахъ написано: въ первой: «увсеусилить и всеумножить счастіе, по которому наименоваться атаманомъ, набрать ратмену (?) не менѣе 200 тысячъ, противъ воевъ всѣхъ, кто-бы ни вступилъ въ войну, разбить; выгнать изъ Стамбула турковъ. а также шпіоновъ подъ какимъ бы они видомъ ни были, отъ каковаго-бы народа они ни были, да и такъ, чтобы и послѣ меня оные у сената ничего бы не получили; утвердить тамъ свою столицу, учредить сенатъ счастіемъ и возможущими всѣми подъ солнцемъ на островахъ живущими людьми; покоря, принести великую жертву; а потомъ чтобы тотъ сенатъ составилъ законъ для всѣхъ подъ солнцемъ живущихъ народовъ, такъ чтобы оны были всѣми принять и содержимъ, и чтобы всѣ оному обучались и его знали наизусть и по оному поступали-бы; премудростю сочинить законъ, который бы подъ солнцемъ для всѣхъ живущихъ людей былъ полезенъ такъ, чтобы никто изъ настоящихъ и будущихъ людей на земляхъ его бы не отторгнулъ». Во второй: «Населить городъ разныхъ вѣръ людьми и именно: казаками, татарами, грузинами, греками, калмыками, небольшимъ числомъ израильянами, черкесами, небольшимъ числомъ турками, между которыми чтобы въ разсужденіи ихъ вѣръ не было вражды, а чтобы согласie во всѣхъ ихъ единодушное; внушить войску казацкому, татарамъ, грекамъ, черкесамъ, чтобы они возвели меня себѣ въ начальники, но чтобы во всемъ томъ не обмануться». Обо всѣхъ тѣхъ изреченіяхъ покажи ты явственно и обстоятельно. Чѣд значать слова: «увсеусилить и увсеумножить счастіе», гдѣ замышлялъ наименоваться атаманомъ и набрать «ратмену» до 200 тысячъ, почему имѣль надежду все сіе основать и чѣд значитъ слово: «ратмена»? на кого помышлялъ зачать войну и разбить? по какому руководству или замыслу располагалъ выгнать изъ Стамбула турокъ, и какихъ шпіоновъ? утвердить тамъ столицу и какой учредить сенатъ? какие покорить

острова и какую великую жертву и чрезъ сенатъ для всѣхъ неизмѣняемый, и какой именно премудрый и полезный законъ со-ставить, чтобы оный прославлялся? гдѣ замыслы имѣть населить городъ разныхъ вѣръ вышесказанными людьми? откуда надѣялся ихъ собрать и установить между ними согласіе въ вѣрахъ и единодушіе? также какому войску казацкому, татарамъ, грекамъ и черкесамъ внушить возвести себя и въ какомъ мѣстѣ въ начальники? и какъ думалъ во всемъ томъ не обмануться, и во всемъ оному кто съ тобою былъ въ согласіи и не отрывался ли ты кому другому о прописанныхъ зловредныхъ твоихъ намѣреніяхъ, и въ какое время, и какимъ средствомъ думалъ сие все произвѣсть въ дѣйство?

«2) Въ семь вышесказанномъ показать ты долженъ сущую правду, ничего не утаивая, въ чёмъ и подпишишь».

Коммисія призвала Грузинова въ свое присутствіе и подвергла его «довольному увѣщанію» черкасской Воскресенской церкви протоіерея Петра Федорова Волошеневскаго. Но Грузиновъ не далъ никакого отвѣта на поставленные коммисіей вопросы.

Послѣ этого коммисія стала убѣждать подсудимаго, «чтобы онъ открылъ все подробно и обстоятельно о явствующихъ изъ бумагъ его дерзкихъ и возмутительныхъ предпріятіяхъ». Тогда Грузиновъ «пренебрѣгъ судомъ и началъ говорить рѣшительно и дерзко. «Велите меня вывестъ и задушить, а говорить не хочу, и хотя я обѣщалъ сказать, но, несчастія ради другаго, истину не скажу, и не могу быть судимъ воинскими и гражданскими судами».

Черезъ день Грузиновъ опять былъ призванъ въ судъ и, послѣ увѣщанія протоіерея Волошеневскаго, спрошены противъ сдѣланыхъ 13-го августа вопросныхъ пунктовъ: «отчего онъ распространяетъ такія дерзостныя намѣренія, какую надежду имѣть и когда располагался привести все сие въ дѣйство и кто съ нимъ были въ томъ согласователи и участники?».

Подсудимый отвѣчалъ на это «дерзко, что ни на что никакого отвѣта не дастъ ни по какому принужденію и, не внимая увѣщанію членовъ слѣдственной комиссіи, остался въ закоснѣломъ своемъ непокореніи и упорствѣ, сказывая, что воля духа требуетъ того, что никто не можетъ постановить границъ». Члены комиссіи опять задали ему вопросъ о значеніи этихъ словъ, но

Грузиновъ, по словамъ протокола, «и на то произносить съ гру-
бостю, чтобъ растолковали ему: почему онъ россійскаго им-
ператора подданный, что въ законѣ есть много лишняго, и что
если его и брата раскуютъ и отпустятъ въ домъ, тогда онъ пере-
скажеть все». Коммісія начала доказывать ему, что онъ, «какъ
здѣшній урожденецъ, природный русскій подданный, продолжать
службу, награжденъ знатными чинами и отличными знаками, и
пожалованъ крестьянами, слѣдственно и не должно ему забы-
ваться о своей вѣрноподданнической обязанности, а тѣмъ паче о
законахъ размышлять, но долженъ исполнять ихъ по ихъ силѣ,
безъ всякаго обѣ нихъ умствованія». Не смотря ни на что, Гру-
зиновъ «остался въ своемъ закоснѣломъ упорствѣ» и отказался
отъ всякаго отвѣта.

Тогда, по предложенію войскового атамана Орлова, послѣдо-
вали два слѣдующія распоряженія: поручено протоіерею Воло-
шеневскому сдѣлать подсудимому убѣдительное увѣщаніе вѣ-
 суда, предъ крестомъ и евангелемъ; при чемъ самъ Орловъ съ
генераль-адьютантомъ Кожанымъ и генераль-отъ-кавалеріи Рѣ-
пинскимъ должны были стоять у дверей, «для примѣчанія су-
щества словъ»; затѣмъ упомянутый Кожинъ наряженъ былъ къ
Грузинову съ цѣллю вывѣдать отъ послѣдняго о его злоумыш-
леніяхъ и сообщникахъ.

Волошеневскій приступилъ къ увѣщанію подсудимаго. Но такъ
какъ лица, стоящія у дверей, могли кое-что и не досышать, то
Волошеневскій счѣль своимъ долгомъ подать Орлову особое до-
несеніе о результатахъ увѣщаній.

Прописавъ обѣ этомъ въ началѣ своего донесенія, Волоше-
невскій продолжалъ: «По довольною и многомъ мною изъ священ-
наго писанія отъ событія по временамъ въ свѣтѣ происшествій, отъ
самыхъ вообще житія опытовъ ему, Грузинову, внушеніемъ до-
казывалъ я важность его преступленій, а паче къ таковому
благодѣтельнѣйшему во всѣмъ, особенно же ему, Грузинову, го-
сударю императору великому Павлу,—оказался онъ, Евграфъ, за
всѣ изліянныя высокомонаршія къ нему милости не чувствителъ
и не благодаренъ; но онъ, Евграфъ, не признавая себя въ за-
висимости подданного и будто высокомонаршія благодѣянія при-
надлежали ему по его заслугамъ, произносить при томъ слова
нимало не сходствующія съ его состояніемъ, и между тѣмъ

представляя донского казака Ермака Тимофеевича, упоминая и о всѣхъ донскихъ казакахъ, что они отъ высокомонаршаго престола состоять независимыми и будто къ тому вѣчною присягою не обязавшимся, а только къ службѣ—временною; будто онъ, какъ и всѣ казаки, нимало не подвластны, а потому и не подданные, отъ каковаго въ немъ коренного заблужденія отводилъ я многими въ возраженіе доказательствами, по всѣмъ наиубѣдительнѣйшимъ изысканіямъ чрезъ продолженіе времени болѣе часа; но онъ, Евграфъ, все то опровергаетъ и ни малѣйшей перемѣны въ его ожесточеніи не оказывается, лаская себя нѣкою непонятною надеждою, что онъ ни мало не грызенъ, а потому и показанія ему приносить не о чемъ. По всѣмъ его словамъ выходитъ одинъ ужасъ по его замысламъ къ уничтоженію верховной власти; себѣ же къ оказанию возвышенности достойнаго на открытие. По таковымъ его съ дерзкими выраженіями отвратительнымъ словамъ, старался я всѣми способами привести его въ признанію, кто съ нимъ есть по симъ замысламъ сообщники; но онъ, по неоднократнымъ о томъ моимъ съ наикротчайшимъ расположениемъ домогательствамъ отвѣтствовалъ съ подобо-вѣроятностю, что онъ никогда къ тому сообщниковъ не имѣлъ, и самые въ домѣ, гдѣ онъ жительство имѣлъ, съ нимъ находящіеся люди, о томъ никто не зналъ. Уповаю я, что ваше высокопре восходительство съ вышепоименованными особами, господами генералами Кожинымъ и Рѣпиннымъ, хотя нѣсколько его, Евграфа, неистовыхъ словъ на слышались, потому что онъ о всемъ говорилъ громко и дерзко, не имѣя ни въ очахъ, ни въ лицѣ资料的, по крайней мѣрѣ, зазрѣнія себѣ или стыдѣнія не оказывается, во всей ожесточенности, свойственной однимъ злобнымъ, съ гордынею соединеннымъ тварямъ».

Передавъ коммисіи это донесеніе Волошеневскаго, Орловъ писалъ, что Грузиновъ, «вместо должностного признанія и раскаянія, усугубляя болѣе неистовыя дерзости, остался закоснѣлымъ въ своихъ злорѣчіяхъ, клонящихся, по смыслу найденныхъ у него бумагъ, къ непризнанію себя въ зависимости всепресвѣтѣйшаго государя императора, съ присовокупленіемъ къ тому нелѣпыхъ соображеній».

Скоро поступило въ коммисію донесеніе и отъ Кожина. Въ донесеніи этомъ говорится, что, имѣя въ виду вызнать что нибудь

отъ подсудимаго, онъ, Кожинъ, «рѣшился вступить съ Грузиновымъ въ фамильярные разговоры»; началъ съ милостей, излиянныхъ на подсудимаго государемъ императоромъ, и добивался узнать, «за что онъ, Грузиновъ, забылся до такого градуса злобы, что осмѣился произнесть таковыя гнусныя и мерзкія браны, отъ одной мысли о которыхъ содрогается сердце каждого вѣрноподданного». Онъ же, Грузиновъ, во все двухчасовое мое съ нимъ пребываніе, не полагая своего преступленія важнымъ, настоѧль во всемъ томъ, чтѣ уже написано; раздѣлялъ потомъ донскихъ подданныхъ съ великороссийскими, прибавляя къ сему, по какимъ-то стариннымъ и нехѣтнымъ происхожденіямъ, темными и пустому его и озлобленному воображенію свойственными доказательствами. Потомъ разгорячившись отъ моихъ умыщленныхъ похвалъ, сказалъ, что къ нему многие ходили, коихъ онъ однакоже не помнитъ, кромѣ названнаго имъ дяди Катламина, коему онъ, Грузиновъ, много несъ и потчиваля водкою; а потомъ, поелику онъ, Катламинъ, замедлилъ къ нему ходить, то по спросу его, Грузинова, зачѣмъ онъ къ нему въ гости не ходить, онъ, Катламинъ, ему, Грузинову, отвѣчалъ, что-де обѣ тебѣ меня спрашиваютъ, и я, боясь хлопотъ, къ тебѣ не хожу..

II.

Комиссія начала допросъ съ Бориса Андреевича Катламина. Это былъ престарѣлый воинъ, многократно участвовавшій въ походахъ и битвахъ; отъ многихъ своихъ начальниковъ, а въ томъ числѣ и отъ Потемкина, имѣлъ одобрительные аттестаты. Оставилъ военную службу съ чиномъ маиора и проживалъ на своеемъ хуторѣ. Человѣкъ онъ былъ грамотный, могъ объясняться по турецки, по гречески и по калмыцки, поведенія безукоризненнаго.

На допросъ Катламинъ показалъ: «къ полковнику Грузинову, исключенному изъ службы и жительствовавшему съ отцомъ его въ одномъ домѣ, городѣ Черкасскѣ, въ Черкасской станицѣ, приходилъ я, помню, два раза. Во 1-хъ, по присылкѣ его изъ С.-Петербурга, за исключеніемъ изъ службы, въ Черкасскѣ, назадъ тому года два; во 2-хъ, назадъ тому близко уже года, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, не по другой какой причинѣ, а единственно по родству,

поелику отецъ его, старшина Осипъ Грузиновъ, по матерямъ моей и его, кои были родныя сестры, доводится мнѣ двоюродный братъ, а онъ, полковникъ Грузиновъ—племянникъ, ради навѣщанія болѣе реченнаго отца его, старшины Грузинова, находящагося въ болѣзни.

«Въ первой разъ находился у него пришедшій, а для чего—не знаю, родственникъ его старшина Асанасьевъ, да сидѣлъ обще съ нами вышесказанный родной отецъ его, старшина Грузиновъ, но тогда какъ былъ праздничный день и еще поутру рано, ни чѣмъ потчиванъ я не былъ и вышелъ скоро; а въ другой разъ выпилъ съ отцомъ его поднесенную водку; самъ же онъ, полковникъ Грузиновъ, объясняясь, что ее не употребляетъ, не пилъ; при чемъ въ послѣдній разъ былъ и пилъ съ нами водку, имѣвшій по-часту въ нимъ, Грузиновымъ, входъ, сродникъ же ихъ, Дурновской станицы хорунжій Иванъ Кондратьевичъ Шапошниковъ, а другіе были-ль кто—не припомню». Болѣе же этихъ двухъ разъ онъ никогда къ нему, Грузинову, не приходилъ и свиданія съ нимъ не имѣлъ, такъ какъ проживалъ или въ своемъ хуторѣ, отстоящемъ отъ Черкасска въ 150 верстахъ, или же находился изъ дома въ отлучкѣ. «И въ два показанные мои въ нему, Грузинову, прихода ничего мнѣ онъ не несъ, и никакихъ зловредныхъ и въ понашеніе государю императору относящихся словъ не говорилъ, и ни въ какихъ зломусліяхъ и прожектахъ къ нарушенію общаго спокойствія и тишинѣ мнѣ не открывался, и я отъ него и отъ отца его ни о какихъ худыхъ предприятияхъ не слышалъ, не разговаривалъ и участникомъ въ томъ съ ними не былъ; брата-жъ его, исключеннаго изъ службы подполковника Грузинова, въ оба прихода мои въ домѣ ихъ не видѣлъ, а также въ показанную мою у него бытность онъ, Грузиновъ, меня—зачѣмъ я не хожу къ нему въ гости—не спрашивалъ, и я ему такимъ образомъ, что обѣ немъ, Грузиновъ, меня спрашиваютъ и я, боясь хлопотъ, къ нему не хожу, не отвѣчалъ, и, однимъ словомъ, ничего о замыслахъ его, въ чёмъ оные состояли, и обѣ участникахъ его въ томъ—не знаю, окромя того, что разговаривалъ съ нимъ въ свиданіе обѣ однихъ только домашнихъ обыкновенныхъ обстоятельствахъ».

По донесенію Кожина и показанію Катламина, подсудимый былъ подвергнутъ допросу; но онъ «отвѣчалъ въ судѣ съ грубостью, что никакого отвѣта не дастъ ни по какому принужденію; а ежели его и брата раскуютъ и отпустятъ въ домъ, тогда онъ

перескажеть все; затѣмъ подтверждалъ всѣ тѣ дерзкія слова, которые въ первомъ засѣданіи записаны, оставаясь во своемъ закоснѣломъ упорствѣ».

Показаніе Катламина вызвало на сцену новыхъ свидѣтелей—Аеанасьева и Шапошникова. Коммисія испрашивала разрѣшенія Орлова привлечь ихъ къ допросу. Орловъ не только разрѣшилъ это ходатайство, но обязалъ «стараться употребить всѣ мѣры и средства къ открытию преступленія, спрашивать всѣхъ, коихъ нужными къ сему коммисія находитъ». При этомъ Орловъ извѣщалъ, что такъ какъ братъ полковника Грузинова, «исключенный изъ службы подполковникъ Грузиновъ 2-й, по особому преступленію, отданъ тоже подъ судъ особо учрежденной коммисіи, то первая имѣетъ право спрашивать и Грузинова 2-го, по особымъ вопроснымъ пунктамъ, посылая ихъ въ образованную надъ нимъ коммисію».

Хорунжій Иванъ Шапошниковъ, участвовавшій нѣсколько разъ въ военныхъ походахъ и имѣвшій «о добродорядочній службѣ отъ разныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ аттестаты», грамотный и хорошаго поведенія, показалъ, что онъ былъ вхожъ къ отцу подсудимаго, старику Осипу Грузинову, и не рѣдко проживалъ у него въ домѣ. При этомъ «замѣтилъ, что старшій изъ сыновей Грузинова, полковникъ, имѣвшій прежде жительство въ особомъ отъ отца и брата покой, съ начала весны 1800 г., не знаю почему, перебрался на полати и жилъ тамъ уединенно. Мнѣ два раза или три приходилось, ради взятъя отъ него къ сваренію отцу и брату его пищи огнива, которое имѣлъ онъ при себѣ для раскуренія табачной трубки, къ нему туда всходить, и видѣлъ, что упражнялся онъ въ чтеніи какихъ-то книжекъ, а какихъ—я не знаю; и ни о какихъ его зловредныхъ замыслахъ и изреченіяхъ въ оскорблениі императорскаго величества и поврежденію общаго спокойствія и тишины никогда не слышалъ, разговоровъ съ нимъ о томъ не имѣлъ и что онъ во вредъ предпринималъ или писалъ—не видѣлъ и не знаю».

«Въ первый же разъ, когда приходили къ нему Луганской станицы казаки Зиновій Касмынинъ и Василій Поповъ, въ праздничный день, поутру, и требовали отъ него состоящія на немъ, Грузиновъ, деньги, то онъ, Грузиновъ, говорилъ имъ, что ему дать имъ нечего; а когда изъ нихъ Касмынинъ сказалъ,

что у него есть пожалованные государемъ крестьяне и можно-
де ему расплатиться, разгорячась, онъ бранить ихъ жестоко и
высылать вонъ; а далѣе что съ ними говорилъ, того я, отшедъ
въ особую комнату, не слышалъ. И по выходѣ изъ дома, я въ
нему, Грузинову, восшедъ, слышалъ произносимыи имъ, съ разго-
роченiemъ, такія слова: «что земля воинская Ростовомъ, армянами
и греками заселена, а нась-де утѣняютъ и жить негдѣ». Но
въ какомъ смыслѣ онъ сіе произносилъ, о томъ я у него не
спрашивалъ и не знаю».

«Въ другой же разъ, послѣ того, когда пришли тѣ-жъ ка-
заки и, обошедшъ вокругъ крыльца, вошли въ сѣни задними дверьми,
то тогда я, по случившейся мнѣ надобности, вышелъ изъ дому вонъ,
и какой между ними разговоръ происходилъ и произносиль ли онъ,
Грузиновъ, тутъ ругательная на высочайшую Его И. В.—ва
особу изреченія, я не слышалъ и не знаю. Впрочемъ знаю я,
что вхаживали въ домъ ихъ сродники старшина Асанасьевъ и
есауль Рубашкинъ, изъ коихъ первый, пришедши къ нему въ
послѣдній разъ сначала весны, а какого мѣсяца и числа — не
упомню, предъ обѣдомъ, и стоя съ нимъ на крыльцѣ, выговариваль
ему: для чего онъ крестьянамъ своимъ, изъ помѣстья къ нему
прѣхавшимъ, билетовъ не даетъ, но на то, что онъ, Грузиновъ,
ему говорилъ и имѣль ли съ нимъ какое другое совѣтываніе—не
слышалъ и не знаю. А другой—есауль Рубашкинъ прихаживаль
при мнѣ только навѣстить отца его, больнаго старшину Грузи-
нова, и поздравлять съ праздникомъ; но и съ нимъ имѣль ли
онъ какія важныя противъ государя императора совѣщанія, не
слышалъ и не знаю».

Казакъ Луганской станицы Василій Поповъ говорилъ, что
онъ дѣйствительно былъ у Грузинова и требовалъ отъ него за-
нятыхъ имъ въ Петербургѣ, въ бытность его, Попова, у подсу-
димаго подъ командою въ лейбъ-казачьемъ полку, 145 рублей,
въ которыхъ Грузиновъ отказалъ, выбанилъ материю и выгналъ
вонъ. «Но при этомъ случай никакихъ ругательныхъ словъ о
государѣ императорѣ имъ, Грузиновымъ, упоминаемо и произно-
сено при немъ, Поповѣ, не было».

Казакъ Зиновій Касмынинъ объяснилъ, что когда онъ съ
товарищами своими Поповымъ и Колесниковымъ требовали отъ
Грузинова уплаты денегъ и тотъ отказалъ, то Касмынинъ на

это замѣтилъ: «стыдно о томъ говорить, ибо его пожаловалъ го-
сударь полковничимъ чиномъ и крестьянами, и ему ничего не
стоитъ собрать съ крестьянъ деньги и расплатиться». На это
Грузиновъ началъ азартно выговаривать такія слова: «Пущай го-
сударь крестьянъ отберетъ отъ меня. Знаете ли, кто Донъ заслу-
жилъ?—Ермакъ, а теперь отымаютъ и поселили грековъ, армянъ.
Вступился, было, за отечество Пугачъ, но его спалили; вступи-
лись было также Фока и Рубцовъ, но ихъ высѣкли».

«Я, слыша такія неистовыя слова, сталъ ему напоминать, что
этого неудобно говорить, но онъ съ запальчивостью продолжалъ ска-
зывать: «что я не такъ какъ Пугачъ, но еще лучше сдѣлаю: какъ
возьмусь за мечъ, то вся Россія затрясетъся. Про меня-де говорятъ,
будто я полоумный; нѣтъ я не полоумный!» Мы, слыша такія
дерзкія слова, вышли отъ него вонъ.

А на третій день, когда онъ, Касмынинъ, пришелъ съ Попо-
вымъ опять за деньгами къ Грузинову, то послѣдній, «подскоча
къ нему, выговаривая зачѣмъ я пришелъ?» И на высказанные
отъ меня слова, что для получения отъ него собственныхъ денегъ,
которые и прежде того много разъ отъ него требовалъ и не по-
лучалъ, онъ съ азартомъ закричалъ: «ты-де хотѣть бѣхать и про-
сить на меня государя, поди прочь и бѣжай!»

«И тутъ употребилъ онъ съ крайнею запальчивостію ругатель-
ныя на высочайшую Его И. В.—ва особу и на государыню импе-
ратрицу изреченія, каковыя могъ, уловательно, слышать тогда
и казакъ Поповъ, ибо онъ разговаривалъ съ братомъ его, Гру-
зинова, о своихъ деньгахъ непоодаль стоя, въ ближнемъ покоѣ;
да и по выходѣ нашемъ изъ дома, когда напомянулъ я ему, По-
пову: «слышалъ про писанныя его дерзкія рѣчи?,—сказалъ онъ,
что слышалъ».

«И всѣ высказанные слова хотя и считалъ я важными, но
замолчалъ, нигдѣ обѣ онъ по командѣ не доносилъ; а того-жъ
дня, по отѣздѣ изъ Черкасска, увидясь въ Оксинской станицѣ
съ сродственникомъ его, есауломъ Рубашкинымъ, пересказывалъ
только ему одному, но онъ мнѣ говорилъ, чтобъ я о томъ мол-
чалъ и никому не говорилъ, ибо-де онъ, Грузиновъ, отъ того мо-
жетъ опосля отпереться, а вы-де сопрѣете въ тюрьмѣ».

Станицы Черкасской есауль Николай Рубашкинъ, зять ста-

рика Грузинова, ничего противъ обоихъ братьевъ не показалъ и не подтвердилъ послѣднихъ словъ Касмынива.

Происходящій изъ служилыхъ дѣтей грузинской націи, дядя братьевъ Грузиновыхъ, сотникъ Илья Грузиновъ, объяснилъ, что по слухамъ параличной болѣзни брата его, Осипа Грузинова, онъ бывалъ у послѣдняго нѣсколько разъ. «Съ братомъ своимъ, по его отъ паралича нѣмотѣ, не могъ я никакихъ имѣть разговоры; а племянникъ мой, исключенный изъ службы полковникъ Грузиновъ, видывался со мною коротко, ибо жилъ онъ одинъ на полатахъ, куда я къ нему не ходилъ и чтѣ онъ тамъ дѣлалъ, не знаю; но при моемъ короткомъ съ братомъ свиданіи, сходилъ онъ оттуда въ горницу къ отцу и, поздоровясь со мною, разговаривалъ о домашніхъ обстоятельствахъ, и временемъ шуточно напоминалъ мнѣ о женитьбѣ. Болѣе-жъ того никакихъ я ругательныхъ и продержкихъ словъ на высочайшую Его И. В.—ва особу отъ него не слышалъ, ни о какихъ зловредныхъ его предпріятіяхъ къ поколебанію общаго спокойствія и тишины и кто были ему въ томъ сообщники—не зналъ и не знаю».

Казакъ Луганской станицы Илья Колесниковъ показалъ, что однажды съ Поповымъ и Касмынинымъ приходилъ онъ къ полковнику Грузинову для получения денегъ. «Въ сіе время сидѣлъ онъ, Грузиновъ, одинъ въ покое и когда начали просить у него деньги, то онъ, Грузиновъ, выговаривалъ, что денегъ у себя не имѣть и расплатиться ему нечѣмъ; а на высказанное ему Касмынинымъ, что его государь пожаловалъ крестьянами и ему можно съ ними расплатиться, говорилъ онъ: «я не желаю его крестьянъ; пущай возьметъ ихъ назадъ, а наше отдастъ; земля казачья, заселена слободами, а мы ничего не имѣмъ, а только на одинъ домъ земли»; причемъ, будучи въ горячности, сругалъ самого государя; упоминалъ о Пугачѣ, «что-де онъ вступилъ было за землю, но пропалъ; я бы сдѣлалъ такъ же какъ Пугачъ, но не желаю, имѣю у себя сродниковъ»; да и другія изречения о Пугачѣ напоминалъ, коихъ я не припомню каковыми порядкомъ и какое за какимъ произносилъ слово; а сверхъ того и другія слова выпущалъ—всего этого я, по слабой памяти моей, не припомню-жъ. И потомъ какъ онъ рѣшительно намъ отказалъ, что идите куда хотите и на меня прошите, то вышли отъ него вонъ».

Колесникову, Касмынину и Попову даны были очные ставки; но при этомъ никто изъ нихъ ничего нового не сказалъ.

15-ти-лѣтній мальчикъ, прислуживающій въ домѣ Грузиновыхъ, Федотъ Даниловъ показалъ: «Когда присланы изъ С.-Петербурга въ Черкассы, по исключенію изъ службы, полковникъ Грузиновъ 1-й и подполковникъ Грузиновъ 2-й, то жили въ одномъ съ отцомъ домѣ, въ разныхъ покояхъ; имѣли между собою прежде пищу общую и сходились для разговоровъ, но что во все прошедшее время разговаривали и писали, а того, хоти и былъ въ услугахъ ихъ, не видѣлъ и не знаю, ибо что спросить у меня изъ домашнихъ потребностей, оное имъ подавши, выхаживалъ вонъ, и при разговорахъ и упражненіяхъ ихъ не бывалъ; окромѣ-жъ меня изъ домашнихъ никого у нихъ не было. Сначала, когда пріѣхалъ изъ С.-Петербурга, назадъ тому года два, полковникъ Грузиновъ, то, помнится мнѣ, недѣли три, по вечерамъ, выхаживалъ изъ дома и прохаживался по городу, а послѣ того никуда уже изъ дома не выходилъ. А о Святой недѣльѣ сего 1800 года перебрался онъ на полати жить тамъ особо, уединенно,—и никого, да и меня туда къ себѣ не допускалъ, и что тамъ дѣлалъ, я не видѣлъ и не знаю. Временемъ-же сходилъ на низъ, въ покой къ отцу и брату, и свиданіе имѣть съ приходившими къ нему родственниками, и опять отходилъ на полати, гдѣ и пищу употреблялъ, отъ меня ему подаваемую, которая состояла въ одномъ хлѣбѣ и водѣ.

«А братъ его, подполковникъ Грузиновъ 2-й, живя въ особомъ отъ отца покой, употреблялъ съ нимъ пищу простую, мною заготовляемую. Назадъ-же тому недѣли двѣ, но точно не упомню, изъ нихъ подполковникъ Ѵздила верхомъ на лошади два раза въ Ростовъ и одинъ разъ въ Нахичевань, при коемъ и я, на другой лошади, Ѵздила же. И тамъ, не входя ни къ кому въ гости, расхаживалъ по рынку, лавкамъ и трактирамъ, и оттуда ежедневно въ Черкассы со мной возвращался, а съ кѣмъ и для чего имѣть онъ тамъ свиданіе, того я не знаю, ибо оставался въ смотрѣніи лошадей.

«Сначала-жъ прибытія ихъ въ домъ, видывалъ я нѣсколько разъ входящихъ къ нимъ родственниковъ, дядей ихъ, полковника и подполковника Грузиновыхъ, Черкасской станицы есаула Николая Рубашкина и сотника Илью Грузинова, да старшину

Ивана Асанасьева, которые, навѣщаю больного отца ихъ, имѣли и съ ними, въ покояхъ ихъ сидя, между собою разговоры, въ которые я не вникалъ и ничего не знаю. Вхаживалъ еще хорунжий Шапошниковъ, сверхъ того, который почти всегда по родству находился при больномъ старшинѣ Грузиновѣ, и имѣть также съ ними обхожденіе и разговоры, мнѣ не известные-жъ. А маюра Катламина въ домѣ ихъ я никогда не видѣлъ».

О всѣхъ произведенныхъ допросахъ комиссія немедленно сообщила войсковому атаману Орлову. Послѣдній, усматривая изъ дѣла, что Катламинъ, Илья Грузиновъ и Шапошниковъ, по родству, ни въ чёмъ не сознаются, предписалъ особымъ ордеромъ о преданіи ихъ суду, но предварительно сего—подвергнуть ихъ очистительной присягѣ по слѣдующей формѣ: «я нижепоименованній клянусь всемогущимъ въ Троицѣ славимомъ Богомъ предъ святымъ Его евангеліемъ и животворящимъ крестомъ Христовымъ въ томъ-то.....; если же я о семъ клянусь должно, то да буду отлученъ отъ святыхъ единосущныхъ и нераздѣлимыхъ Троицы и въ семъ вѣцѣ и будущемъ не иму прощенія, да трясусь яко древній Кайнъ и развернувшись земля да пожреть мя, яко Дофона и Авиона, и да воспріму провалу Гіезіеву, удавленіе Іудино и смерть Ананіи и жены его Сапфирѣ, и часть моя будетъ съ проклятыми діаволы. Въ заключеніе сей моей клятвы цѣлую святыя слова и крестъ Спасителя моего. Аминъ».

Однако-же и этой грозно-очистительной присягой были подтверждены только прежнія показанія.

III.

Мы видѣли, что слѣдственной комиссіи о полковнике Грузиновѣ предоставлено было право, въ случаѣ надобности, сносяться съ комиссіей, особо учрежденной для разслѣдованія преступлений брата его, подполковника Грузинова 2-го. Такъ какъ въ изложенныхъ показаніяхъ неоднократно упоминалось имя послѣдняго, то 1-я комиссія не упускала случая посыпать вопросы пункты младшему брату подсудимаго. 2-я комиссія, по отбораніи отвѣтовъ отъ подполковника Грузинова, препровождала ихъ по назначенію, т. е. въ судъ по дѣлу о старшемъ Грузиновѣ.

Въ отобранныхъ такимъ образомъ разновременно показаніяхъ¹⁾ младшаго Грузинова первая коммісія, какъ о его личности, такъ и по дѣлу о полковникѣ Грузиновѣ, нашла слѣдующія свѣдѣнія:

«Въ службѣ Его И. В—ва,—чистосердечно признавался младшій Грузиновъ, послѣ «довольнаго» увѣщанія священника Волошевскаго,—состоялъ съ 1781 года, а какого мѣсяца и числа, не упомню,—и изъ оной за что исключенъ и когда, не знаю. Въ продолженіе же службы происходилъ чинами: полковымъ писаремъ, заурядъ сотниковъ, есауломъ, войсковымъ старшиною, маюромъ, подполковникомъ, но когда—не имѣя у себя формуллярнаго списка, на память припомнить не могу и патентовъ на оные не имѣю,—а имѣль пожалованіе отъ высочайшаго монарха два золотыя знака и орденъ св. Георгія 4-й ст., которые отобраны отъ меня.

«Назадъ тому третій годъ, по откомандированію, находясь я между Павловскомъ и Гатчино во дворѣ, а какъ называется оный, запомнилъ, отъ Его И. В—ва присланъ быть ко мнѣ офицеръ, котораго имени и прозванія не знаю, арестовалъ меня и подъ онымъ доставилъ меня начально въ Павловскъ къ рогаткѣ, а послѣ въ крѣпостцу, тамъ устроеннуу, гдѣ судимъ быть также воинскимъ судомъ, а за что не знаю,—отъ котораго чрезъ генераль-лейтенанта, а какъ звать и прозывается не упомню, объявлено мнѣ было, что государь императоръ высочайше указать соизволилъ: лишить меня всѣхъ чиновъ и отобрать орденъ и знаки—и сіе заразъ чрезъ офицера исполнено; а послѣ, содѣржась тамъ подъ карауломъ мѣсяца съ три или болѣе, точно не упомню, чрезъ офицера-же объявлено высочайшее Его И. В—ва прощеніе безъ возвращенія знаковъ, и отправленъ сюда, въ Черкассы, съ фельдъегеремъ; и болѣе сего въ фергерахъ, кригсрехтахъ, штрафахъ и наказаніяхъ ни за что не бывалъ.

«Съ роднымъ братомъ моимъ, исключеннымъ изъ службы полковникомъ Грузиновымъ, хотя жительствовалъ въ одномъ домѣ,

¹⁾ Показанія или отвѣты присыпались за подпісомъ слѣдующихъ лицъ, составлявшихъ 2-ю коммісію: презуза генераль-маюра Поздѣева 1-го, ассесоровъ: полковника Иловайскаго 6-го и Мѣшкова 1-го, подполковниковъ Чернозубова 2-го и Ребрикова 1-го и войсковыхъ старшинъ: Гниловурова и Персіанова.

но отдельно: онъ на полатѣ, а я въ залѣ, и не безпрерывно видывался съ нимъ, но временно; и посему, когда онъ въ настоящемъ 1800 году, въ Великій пость, писалъ своею рукою двѣ зловредныи бумаги и какое въ нихъ содержаніе было—не знаю, и какъ совѣтникомъ, таѣ и участникомъ въ злодѣяніяхъ не былъ, и откуда замышляя онъ собрать большія силы, противъ кого воевать и разбить, завладѣть Стамбуломъ и еще какими именно островами, какой учредить сенатъ и законъ премудрый и неизмѣнляемый для всѣхъ, подъ солнцемъ живущихъ, какую великую жертву, въ чёмъ заключаемую и где принести, где населить городъ разныхъ вѣръ и разной націи людьми, и откуль ихъ собрать и какимъ образомъ установить между ими согласіе въ вѣрахъ и единодушіе, какому войску казацкому и какимъ татарамъ, грекамъ и черкесамъ внушить возвести себя въ начальники, въ какие именно, и где именно, и какъ думано было, чтобы во всемъ томъ не обмануться, и обо всѣхъ тѣхъ зловреднѣнникахъ, кто еще былъ участникъ или вѣдалъ о такомъ зловредномъ, нарушающемъ общее спокойствіе предпріятіи,—не зналъ ничего и ничего по тому злонамѣренному покушенію обнаружить не могу.

«До взяты меня подъ караулъ за недѣлю времени, живучи я въ домѣ свое, не ошаго въ три раза, не для чего другаго, а отъ скучи проѣздиться, подинно, я съ крѣпостными отца моего, старшины Осипа Грузинова, малычикомъ Федотомъ верхомъ на лошадяхъ ѻздили, яко то, во 1-хъ, въ городъ Нахичевань, и тамо не имѣлъ никакого себѣ знакомаго, а въ кофейномъ домѣ выпилъ кофеи двѣ чашки и выкурилъ трубку табаку, возвратился въ домъ; а во 2-хъ и въ 3-хъ, крѣпость св. Димитрия мимо проѣзжая, бывалъ въ форштадтѣ, и также, за неимѣніемъ мнѣ тамъ никого знакомыхъ, въ двухъ трактирахъ купленного мною пива закупоренного одну бутылку и пива на 15 коп. выпилъ,—тѣни-же днами поворотился въ домъ; а чьи именно кофейня и трактиры, я не знаю. Щедиль-же туда съ позволенія, даваемаго мнѣ отъ отца моего, живущаго со мною вмѣстѣ, старшини Грузинова (который хотя языкомъ нѣмъ), но по однѣмъ догадкамъ мнѣ о томъ позволеніи, отцомъ моимъ издаваемомъ и мнѣ привыкли—особливо когда бывшій при замѣчаніи за мною и за братомъ моимъ опредѣленный сотникъ Степанъ Чеботаревъ

сего года, назадъ тому три мѣсяца, да и послѣ того,—не однократно въ разговорахъ (какъ я у него спрашивалъ) совѣтывалъ, ради скуки, и позволялъ мнѣ, куда только мнѣ угодно будетъ, пройзжаться и пѣшимъ ходить невозбранно.

«Сего 1800 г., за одну недѣлю до праздника сопственія св. Духа, въ воскресный день, то есть 20-го или другаго какого числа мая мѣсяца, подлинно приходили не въ одинъ разъ, а въ разные случаи, къ моему брату, исключенному изъ службы полковнику Грузинову 1-му, и ко мнѣ Луганской станицы казаку Зиновію Касмынину и Василію Попову, ради требованія отъ обоихъ, меня и отъ того брата моего, принадлежащихъ, за продолжаемую ими въ лейбъ-казачьемъ полку службу и особо замѣтныхъ у нихъ денегъ,—и входъ имѣли въ заднія и переднія двери. И изъ нихъ Поповъ, моему я долженъ состояю до 70 р., и только что требовалъ съ меня заплаты тѣго долга, а другихъ никакихъ и ни о чёмъ разговаровъ у меня съ нимъ, Поповымъ, не происходило; а братъ мой, исключенный изъ службы полковникъ Грузиновъ—также точно-ли того 20-го дня мая—не припомню, но въ разныя числа съ казакомъ Касмыниномъ случайно дому нашего въ горницѣ—дѣтской малой, въ сѣняхъ и на бѣсѣдкѣ вмѣстѣ ставали; но при томъ приходилось мнѣ слышать и узнавать, что тотъ казакъ отъ брата моего требовалъ только ему слѣдующія деньги, а другихъ никакихъ разговаровъ ихъ слышать я не могъ. А особливо реченный братъ мой произвѣсилъ-ли ругательный на государя и на государыню императрицу изреченія, и почему дерзнулъ онъ такія важныя ругательства противъ высочайшихъ и священнѣйшихъ особъ изрыгать, всего того, явно важнаго въ основаніи, я, хотя въ одномъ домѣ съ братомъ живучи, никогда не слышалъ и не знаю».

Затѣмъ, относительно посыщенія полковника Грузинова родственниками Катламинъми, Шапошниковымъ и Ильею Грузиновымъ младшій Грузиновъ отозвался вообще незнаніемъ,—и бывали-ли когданибудь между ними разговоры, ему неизвѣстно.

Допросили хорунжаго Прибыланскої станицы Степана Чеботарева, который присматривалъ за братьями Грузиновыми во время проживанія въ Черкасскѣ до преданія ихъ суду.

Чеботаревъ положительно заявилъ, что во все времена своего надсматриванія «за поведеніемъ» подсудимыхъ онъ «не примѣтилъ

за ними никакого вреднаго поступка». Подполковникъ Грузиновъ 2-й позволенія у него на прогулки—пробѣжаться и прогуливаться—не просилъ и онъ ему на то ни советовъ, ни позволенія не давалъ; «и о ъездѣ его, Грузинова, до ванты подъ караулъ, въ Ростовъ и Нахичевань созвѣсть не вѣдѣтъ».

Призванъ былъ въ комиссію отецъ подсудимыхъ, старшина Осипъ Грузиновъ; «но онъ не могъ ни одного слова вымолвить и отвѣтить, по причинѣ имѣющейся въ немъ параличной болѣзни, отъ которой языкомъ не говорить, правую рукою и ногою мало дѣствуетъ, да и въ судъ приведенъ съ нуждою, при поддержкѣ тѣлѣстѣ человѣка». Коммісія справилась у врачей: не притворяли болѣзнь у старика; оказалось, что болѣзнь дѣйствительна.

IV.

Полковника Грузинова еще разъ потребовали въ засѣданіе суда; еще разъ подвергли увѣщаніямъ протоіерея Велошеневскаго и убѣждали признаться въ его виновности. Подсудимый заявилъ: «я вамъ сказываю, что пока свободенъ не буду, ничего не скажу; такъ велите меня повѣстъ вонъ. Я всегда видѣлъ себя хорошо, и теперь выижу, слава Богу, не въ безуміи. Я не виноватъ ни предъ кѣмъ. Я говорилъ, что императора бралиль; а что онъ изволить почесть—воля его. Я скажу на это, но все, когда свободенъ буду. Не упорствую въ отвѣтѣ, а не отвѣчамо и отвѣтывать не буду по причинѣ той, что не свободенъ».

Слѣдствіе надъ старшимъ подсудимымъ, полковникомъ Грузиновымъ, уже близилось къ концу; оставалось только допросить старшину Асанасьеву, о которомъ упоминали многіе изъ свидѣтелей. Когда разыскали Асанасьеву, то она оказалася не въ здравомъ умѣ. Поручивъ его наблюденію докторовъ, комиссія довела о всемъ этомъ до слѣдѣнія Орлова. Послѣдній, ордеромъ отъ 27-го августа, поручилъ комиссіи «приступить къ рѣшенію и заключить сентенцію». Черезъ день, однакоже, врачи донесли, что Асанасьевъ «началъ приходить въ прежнее ума состояніе».

Поэтому 31-го числа она былъ допрошена и показала, что замышдалъ Грузиновыхъ по родству съ ними, таѣвъ какъ мать ихъ родная ему сестра, и чтобы ировѣдать больнаго старика Гру-

зинова. Прійдя однажды къ подсудимому Грузинову и разговорясь, напомнилъ ему съ сошалѣніемъ—для чего онъ, будучи въ знатнѣишиемъ мѣстѣ, донель до такого случая, что лишенъ высочайшихъ милостей и удалены; онъ же, Грузиновъ, относя это къ винѣ государя, сказалъ съ сердцемъ: «онъ, послушался генерала Ливена».

Асанасьевъ никому не говорилъ и не доносилъ объ этомъ, считая племянника за сумасшедшаго. «Прежде того, на сойти, чтобы подсудимый имѣть хорошее обхожденіе съ гражданами, замѣтилъ въ отвѣтѣхъ его замѣщательство». Подсудимый отвѣтилъ ему на это, «что ни съ кѣмъ обхожденія имѣть онъ не хочетъ». За тѣмъ, когда пріѣхавшие изъ пожалованнаго ему помѣстья крестьяне требовали видовъ на обратный путь, и онъ, по своему разстройству, отказалъ имъ въ томъ, то Асанасьевъ, у коего крестьяне просили помощи, уговаривалъ его дать имъ виды; «но Грузиновъ съ грубостю отозвался, что не хочетъ ничего для нихъ дѣлать и грозилъ прибить ихъ, если они еще къ нему придутъ».

Это показаніе Асанасьева было предъявлено подсудимому и тотъ же день, т. е. 31-го августа, въ присутствіи слѣдственной комиссіи, въ которой находился и Колчинъ. Въ послѣдній разъ Волошиневскій увѣщевалъ Грузинова раскаяться и показать вѣтину во всѣхъ на него обвиненіяхъ. «Старшина Асанасьевъ,—по словамъ протокола,—въ лицо ему, извергу, доказывалъ, что действительно при немъ такія злорѣчивыя слова на высочайшую Его И. В.—ва особу, какія въ допросѣ его значатся, произносили; однако онъ, извергъ Грузиновъ, слѣдя прежнему своему во злоупорствѣ ожесточенію, не показалъ ни малѣйшаго о преступленіяхъ своихъ раскаянія и рѣшительно и дерзко отказался отъ всякаго отвѣта тѣмъ, что: «онъ не можетъ быть судимъ воинскимъ судомъ, никому ничего по сему дѣлу не покажетъ, ежели не будетъ онъ и братъ его раскованы и съ родниками на свободу отпущенны, чтобы все говорить въ войсковой канцеляріи, и въ полномъ собраніи, и вездѣ, гдѣ будетъ возможно».

Послѣ этого комиссія приступила къ составленію экстрактовъ изъ дѣла о каждомъ подсудимомъ отдельно. Экстракти были имъ читаны; при чёмъ Катламинъ, Илья Грузиновъ, Рубашкинъ и Шапошниковъ, подписывая ихъ, виновными ни въ чёмъ себѣ не

приняли; Асанасьевъ же, Касыминъ, Колесниковъ и Поповъ подтвердили сознаніе каждый въ томъ, что показали на допросахъ.

Междуда экстрактами приведены слѣдующіе законы:

«Уложение царя Алексія Михайловича, главы 2-й пунктъ 12-й. А буде кто на кого учнетъ извѣщати великое государево дѣло, а свидѣтелей на таковой извѣсть никого не поставить и никѣмъ не уличить, и сыскати про такое государево великое дѣло будеть нечѣмъ, и про такое великое дѣло указъ учinitи по разсмотрѣнію, какъ государь укажетъ.

«Пунктъ 18-й. А кто московского государства всякихъ чиновъ люди свѣдаются, или услышать на царское величество въ какихъ людяхъ скопъ и заговоръ или иной какой злой умысель, и чимъ про то извѣщати государю царю и великому князю Алексію Михайловичу всеса Руссіи или его государевымъ боярамъ и близкими людямъ, или въ городахъ воеводамъ и приказнымъ людямъ.

«Пунктъ 19-й. А буде кто свѣдасть или услыша на царское величество въ какихъ людяхъ скопъ и заговоръ, или иной какой злой умысель, а государю и его государевымъ боярамъ и близкими людямъ и въ городахъ воеводамъ и приказнымъ людямъ про то не извѣстить, а государю про то будетъ вѣдомо, что онъ про такое дѣло вѣдалъ, и его за то казнити смертію безъ всякия пощады».

«Воинскаго сухопутнаго устава въ 129-мъ артикулѣ написано: Если кто увѣдастъ, что единъ или многіе иначе вредительное учинить намѣрены, или имѣть вѣдомость о шпионахъ, или иныхъ подозрительныхъ людяхъ, въ обозѣ или гарнизонахъ обрѣтающихся, и о томъ въ удобное время не объяснить, тотъ имѣть, по состоянію дѣла, на тѣлѣ или животомъ наказанъ быть».

«Морскаго уст., книги V-й, въ пункте 1-мъ. Если кто противъ персоны его величества какое зло умышлять будетъ, тотъ и все онъ, которые въ томъ вспомогали, или совѣтъ свой подавали или, вѣдая, не извѣстили, яко измѣнники четвертованы будутъ и ихъ пожитки движимые и недвижимые взяты будутъ».

«Указъ 1780 г. апрѣля 10-го дня. Когда такія великия дѣла самъ свѣдасть или отъ кого услышать и доказать могъ, а нигдѣ не донесеть, а потомъ отъ кого обличенъ будетъ, что онъ про такое великое дѣло вѣдалъ и доказательство имѣль, а нигдѣ не донесъ, а хотя и доносить будетъ, но поздно, и тѣмъ время упу-

стить, а същется про то допряма, и тѣмъ людямъ за то чинить смертную казнь безо всякия понады».

Вслѣдъ за выпискою законовъ, комиссія составила нѣсколько дополнительныхъ экстрактовъ; половиною одного изъ нихъ прерывается дѣло, на 316 страницѣ. Дѣло это дошло до насъ не въ полномъ видѣ, въ копіи того времени.

V.

Такимъ образомъ, изъ слѣдственного дѣла не видно ни приговора военно-судной комиссіи, ни мотивовъ къ нему; признаній подсудимаго въ приписанныхъ ему преступленіяхъ тоже не было, за исключеніемъ того, что онъ бранилъ императора. Между тѣмъ еще до спроса Асанасьевъ, т. е. до окончанія слѣдствія, участъ полковника Грузинова уже была рѣшена. 26-го августа сенатъ получилъ слѣдующій именной указъ, данный канцеляріи войска Донскаго: «Изключеннаго изъ службы полковника Грузинова за измѣну противъ настъ и государства, наказать нещадно кнутомъ и отправить его къ нашему генерал-прокурору, а имѣніе его отписать въ казну»¹). О конфirmaції этой было дано знать всѣмъ губернскимъ правленіямъ указами сената отъ 29-го августа.

5-го сентября 1800 г. Евграфъ Грузиновъ, вопреки конфirmaціи и не смотря на табельный день—тезоименитства супруги наследника престола, великой княгини Елизаветы Алексѣевны, былъ засужденъ кнутомъ до смерти въ Черкасскѣ²). Рѣшили и Кожинъ, торопившіе осужденіе, приняли его послѣдній вздохъ. Одно изъ имѣній казненнаго—село Воздвиженское, Московской губерніи, перешло во владѣніе къ князю Курашину З-му³).

Сентября 27-го войсковой старшина Асанасьевъ, дядя Грузинова, и казаки Луганской станицы Касымнинъ, Поповъ и Колесниковъ, не донесши о ругательныхъ Грузинова на государя изреченіяхъ и о прочихъ его словахъ, сложили свои головы на плахѣ подъ топоромъ палача.

Интересно бы знать, за что судился и наказанъ Грузиновъ 2-й. Черезъ мѣсяцъ послѣ смерти несчастнаго Евграфа Грузинова,

¹) См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., т. VII, стр. 629.

²) О подробностяхъ казни см. тамъ же, стр. 573—575.

³) Тамъ же, стр. 663.

13-го октября, послѣдовалъ слѣдующій именной указъ сенату: «Генераль-отъ-кавалеріи Рѣпинъ исключается изъ службы съ отобраниемъ патентовъ, за приведеніе въ исполненіе сентенціи смертной казни на Дону, вмѣсто замѣняющаго оную наказанія, положеннаго мою конфirmaцію»¹⁾.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ прибавить, что, по сохранившимся разсказамъ современниковъ, въ эту тяжелую для Дона эпоху, процессъ надъ братьями Грузиновыми распространилъ въ мѣстномъ обществѣ страшную панику, тѣмъ болѣе, что не только Грузиновы, но и всѣ прикованные къ ихъ дѣлу лица содержались подъ строжайшимъ карауломъ въ подвалахъ колокольни соборнаго храма, что къ нимъ никто не допускался, даже ближайшіе родные, и, поэтому, въ городѣ ходили одинъ другого страшнѣе и нелѣпѣ слухи о размѣбрахъ преступленія и кары за него не только виновныхъ, но и всего Донскаго войска, изъ среды которого послѣдніе происходятъ. Казнь совершина на площади Черкасска (нынѣ Старочеркасской станицы), на мѣстѣ, носившемъ название «пороховой казны». Когда, въ послѣствіи, получено было извѣстіе, что казнь эта совершена вопреки воли государя, то, въ понятіяхъ народа, казненные выросли до названія «мучениковъ» и, поэтому, стали распространяться среди него различные суевѣрные разсказы о стонѣ изъ ихъ могиль, о показывающемся на нихъ, каждую полночь, огонькомъ, въ видѣ зажженой свѣчи и т. п.

Примѣчаніе Кн. А. Б. Л.-Р.—го. Вотъ нѣкоторыя данные, извлечены изъ военныхъ приказовъ о Грузиновыхъ:

1797 г. января 25-го. Лейбъ-казачьяго полка маіоръ Грузиновъ 2-й (1-й?) произведенъ въ полковники.

1798 г. июня 29-го. Лейбъ-казачьяго полка полковникъ Грузиновъ 1-й опредѣленъ въ свиту Его И. В.—ва, а бывшій лейбъ-казачьяго полка подполковникъ Грузиновъ 2-й всемилостивѣйше прощается, равно какъ и бывшій войска Донскаго подполковникъ Грековъ.

1799 г. октября 6-го. Войска Донскаго полка полковника Карпова сотникъ (?) Грузиновъ, по прошенію, отставленъ отъ службы.

1800 г. февраля 10-го. Высочайше повелѣно, чрезъ графа Ростопчина: «письмо изъ Черкасска сжечь чрезъ палача».

Бромѣ того, помѣщаю нижеиздѣйшую роспись для уясненія родственныхъ отнosiеній Грузиновыхъ на Дону; она составлена на основаніи допросовъ и указаний, имѣющихся въ дѣлѣ.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., т. VII, стр. 630.

L

1. Романъ Грузиновъ,—изъ служилыхъ дѣтей грузинской націи. Его жена была родная сестра матери отставнаго маюра Бориса Андреевича Катламина, родившагося въ 1739 году и произведенаго въ маюра при отставкѣ въ 1800 году.

II.

2. Осипъ Романовичъ, старшина. Въ 1800 г., бывши еще до того разбить параличомъ, не владѣлъ языкомъ. Ж. Асанасьевъ (родная сестра войскового старшины Ивана Асанасьевича Асанасьевъ, род. 1758 † 27-го сентября 1800 г., казненнаго въ Старочеркассѣ). 1.
 3. Илья Романовичъ, сотникъ, 1759 г. N. N. Романовна, за есауломъ Николаемъ Борисовичемъ Рубашкинымъ.

III.

4. Евграфъ Осиповичъ, полковникъ, 5-го сентября 1800 г., въ Старочеркассѣ наказанъ кнутомъ, отчего и умеръ. 2.
 5. Пётръ Осиповичъ, подполковникъ (называлъ себя кавалеромъ св. Георгія 4-й ст., но въ санскѣ Георгіевскихъ кавалеровъ его несть). 26-го апреля 1800 г., въ Старочеркассѣ, наказанъ кнутомъ. . . .

Въ родствѣ съ Грузиновыми были также полковой хорунжій Дурновской станицы Иванъ Кондратьевичъ Шапошниковъ, р. 1759 г.

АЛЕКСЕЙ ГАВРИЛОВИЧ ВЕНЕЦІАНОВЪ,

ОТЕЦЪ РУССКОЙ ВЫТОВОЙ ЖИВОПИСИ,

1780—1846.

Скоро минетъ столѣтіе какъ явился для благородной дѣятельности тотъ художникъ, которому наше отечественное искусство обязано національнымъ направлениемъ. Подвигъ его совершился такъ незамѣтно на глазахъ современниковъ, что они, то расточая искреннія похвалы, то относясь враждебно къ совершенному Венеціанову, не признавали за нимъ даже заслуги: пробужденія мысли русскихъ живописцевъ съ направлениемъ ея исключительно на изображенія родной обстановки. Она у него поражаетъ вѣрностью передачи живыхъ сценъ быта, но безъ желанія избѣгать шероковатостей, въ противоположность художникамъ историческаго рода, ради предразсудка жертвовавшимъ характерностью и правдою. Направленіе Венеціанова эти умники считали не серьезнымъ, чутъ не кукольною игрою, а свое, дѣйствіе въ самой основѣ,—строгимъ и единственно вѣрнымъ. Ошибались, безъ сомнѣнія, корифеи академического направлениія, минувшую строгость рисунка,—доведенную до сухости,—ставя на первое мѣсто и риторическую возвышенность условного чувства замѣненія подлинное проявленіе игры страстей, въ живописной драмѣ. Но эта ошибка была наслѣдіемъ вѣковъ прошедшіхъ; она была неотвратима при тогдашнемъ взглядѣ на вещи. Поэтому, виноваты не послѣдніе представители отжившаго направлениія, а оно самое, всосанное художниками въ академіяхъ и сдѣлавшее ихъ мастерами техники. Академіи художественные, явившись къ концу вѣка возрожденія, внесли единство и систему въ подготовительное изученіе искусства, пріучая вѣрю смотрѣть на натуру. Но касаясь искусства только съ вѣшней стороны

(одной техники), онъ не могли сдѣлать ничего болѣе въ интересѣ развитія ума и воображенія. Геній великихъ мастеровъ бездарными преемниками ихъ школы остался не разгаданнымъ, а нить направленія жизненности и правды, какъ бы затерявшаяся въ мелочныхъ условіяхъ рутинѣ, не сильной надъ талантомъ, но всемогущей передъ взглядомъ бездарности. Отъ этого и вышло, что въ академіяхъ (по крайней мѣрѣ съ конца XVII вѣка, когда число ихъ въ Европѣ удвоилось) условные пріемы, не ограничиваясь классными упражненіями подготовляемыхъ въ художники, коснулись и области творчества, связывая путами мнимыхъ приличій полетъ фантазіи артистовъ. Эти пути—называемые условно стилемъ,—не допускали свободнаго размаха движенія. Замѣчай менѣшую красивость въ немъ и не думай относить ее къ недостаткамъ изученія момента на живой натурѣ, академики находили спокойствіе для себя менѣе рискованнымъ и внесли его въ свой кодексъ правилъ какъ неизменное условіе граціи. Оно и понятно: бездвижности легче придать условно красивую форму. Но, разъ допуская подобный совѣтъ, можно, слѣдя ему, уничтожить и всякое проявленіе жизненной правды,—что и сдѣлалось удачомъ академическихъ композицій.

Такъ и должно было оказываться при бездарности, и такъ по-длинно выходило въ скучныхъ твореніяхъ по правиламъ сть изысканными линіями формъ. Все, казалось, было тутъ на мѣстѣ; ничто не рѣзalo глаза, а онъ, при однообразіи, оставался вполнѣ неудовлетвореннымъ. Нужно ли оговаривать, что условность, слаживая характеръ, обходится безо всего, что въ природѣ и жизни отличаетъ живыхъ существъ, проявляющихъ самостоятельную дѣятельность словами и дѣйствіями,—у каждого сть особымъ индивидуальнымъ оттенкомъ. Индивидуальность же людей даже одного общества носить на себѣ отпечатокъ и климатическихъ особенностей, и всѣхъ другихъ условій, въ которыхъ развивается бытовая жизнь. Этотъ-то отпечатокъ и даетъ характерныи отличія одной народности отъ другой, установляя разность признаковъ расы. Въ ту пору, когда наука, въ наше время ратующая за народность, находила величайшимъ удобствомъ введеніе общаго научнаго языка—латинскаго, въ западной Европѣ, разумѣется, не поднимался и вопросъ о племенномъ различіи, по характернымъ особенностямъ. Ихъ обходило и академическое искусство, внося въ историческія изображенія курьезный маскарадъ фантастическихъ одеждъ, сть невозможной обстановкою и для самыхъ сценъ. Еще это положеніе воспринято было и нашою академіею, заведеною при Елизавѣтѣ Петровнѣ французами. Они для русскихъ людей, очень естественно, не нарушали своихъ привычекъ: поклоненія наготѣ формъ, непониманія идеальныхъ стремленій художниковъ классического міра,—создавав-

шихъ чудеса красоты, ища ее въ живой натурѣ,—и неслѣдованія иль теоріи, что «жизнь—въ правдѣ!» Ученики французовъ, основателей академіи нашей, сами развивавшіеся въ Парижѣ, могли только смотрѣть глазами учителей своихъ на задачи искусства. Оттого три четверти столѣтія оно у насъ и не желало видѣть своего, роднаго,—по французски трактуя даже русскіе сюжеты, подъ кистью и рѣзцомъ первыхъ профессоровъ не переносящіе зрителя на родину. Пріученіе къ своему родному, жизненному и характерно-правдивому поэтому и выпало, въ дни Александра I, на долю человѣка, не получившаго академическаго образованія, но сильнаго природною наблюдательностью. И самъ онъ пошелъ этимъ путемъ, еще не давая себѣ отчета: что оно дѣлаетъ? Но, послѣ первыхъ шаговъ, для него уже не была тайною самая цѣль и ея конечный результатъ! Одного личнаго труда его было бы, однако, недостаточно, если бы обстоятельства не дали ему возможности образовать свою школу учениковъ, которыхъ думалъ онъ только вести къ развитію тѣмъ же путемъ, какъ и самъ шелъ. Но, ведя этимъ путемъ, Венеціановъ, самъ того не думая, вывелъ учениковъ своихъ на національно-русскую дорогу.—выборомъ для живописи сценъ прямо изъ жизни простаго народа. Для рѣдкости вещей, публика съ жаромъ аплодировала первымъ попыткамъ живописи роднаго быта. Къ ней пристрастились мало по малу и сами художники, и... академическое направление брошено.

Но отъ того, что первый вожакъ натолкнуть былъ на это направление почти невольно, не слѣдуетъ намъ однако уменьшать его заслугу. Она гораздо выше даже дѣлается оттого, что, всепѣло отдавшись душевному влечению, Венеціановъ самъ и не думалъ приписывать себѣ какую либо честь или право на почетъ. Онъ вмѣнялъ въ заслугу себѣ одну заботу объ образованіи природныхъ талантовъ, безъ него бы заглохшихъ. Оставимъ же за нимъ бесспорное право: руководства талантовъ и веденіе ихъ новою дорогою, до него никѣй не пробито! Этую его заслугу мы выяснимъ и выдѣлимъ, прежде всего и виднѣе всего; а по ней, сама собою признается плодотворность дѣятельности Венеціанова, въ послѣднее десятилѣтіе совсѣмъ почти забытаго.

Своимъ разсказомъ мы постараемся выяснить все, что осталось темнымъ и необследованнымъ изъ обстоятельствъ жизни отца русской бытовой живописи. Это тѣмъ необходимѣе, что написанного о Венеціановѣ не мало, но все, что было о немъ напечатано, меньше всего разъясняло: его личность, его происхожденіе и его дѣйствительную дѣятельность. Картины, набросокъ, фразы, восклицанія, заявленій сочувствія—много; дѣла же,—почти нѣтъ. И самая обстоятельная статья, сочувственно написанная ученикомъ его А. Н. Мокриц-

кимъ, — «Воспоминаніе объ А. Г. Венеціановѣ и ученикахъ его», — не даетъ ничего обстоятельного и связнаго, хотя авторъ и заявилъ желаніе «опредѣлить его дѣятельность».

I.

Пользуясь новыми, открытыми лично нами, извѣстіями о родѣ Венеціановыхъ, его собственными отрывочными указаніями въ разныи бумагахъ, да воспоминаніями дочери, подвергнувъ ихъ пропѣрѣ (со стороны фактова и обстоятельствъ), — мы позволимъ себѣ считать свою попытку ближе достигающею цѣли жизнеописанія. Указанія объ ученикахъ тоже надѣемся мы сдѣлать точнѣе, ограничиваясь впрочемъ только самыми необходимыми для связи съ цѣлью. Мы ставимъ на первое мѣсто прямо труды А. Г. Венеціанова и взгляды его на свою задачу, почерпая это изъ написанныхъ имъ же самимъ Записокъ. Если, выполнивъ такъ свой трудъ, мы не удовлетворимъ своихъ читателей, то по крайней мѣрѣ и не введемъ ихъ въ ошибку самонравольными рѣшеніями, не подкрепленными фактическими свидѣтельствами. Въ подобномъ же вопросѣ, какъ трудъ, иами предпринятый, добросовѣтность самое главное. А если сумѣемъ мы дать больше данныхъ о художникѣ, — чѣмъ имѣлось до сихъ поръ въ распоряженіи интересовавшихся имъ, — то цѣль наша все же будетъ сколько-нибудь достигнута, не смотря на всѣ трудности, неразлучныя со сбираньемъ по крупицамъ извѣстій, записывать которыхъ предшественники наши скорѣе не хотѣли, чѣмъ не могли. Съ удаленiemъ отъ времени жизни и дѣятельности исследуемаго лица, всякое лишишее указаніе достается труднѣе, затѣмъ что и число лицъ, знаяшихъ хорошо А. Г. Венеціанова, съ каждымъ днемъ уменьшается. Хотя, съ другой стороны, память знакомыхъ, даже и близкихъ, далеко не лучшій источникъ для узнанія въ точности обстоятельствъ чьей либо трудовой жизни, скажемъ смыло — даже и случаетъ прямоине чуждыхъ имъ. Что же сказать о вопросахъ, въ первый разъ иами задаваемыхъ? А вопросовъ этихъ мы не можемъ обойти, не давая отвѣтovъ. Не отвѣчая на вопросы, выдвигаемые нашею разработкою, мы рискуемъ ни до чего не дойти и ничего не добиться; а двинувшись — не останавливаются. Чего ближе, казалось бы, слова дочери? Между тѣмъ, намъ не приходится и имъ давать полную вѣру, и вотъ почему. Младшая дочь отца русской живописи быта, Фелицата Алексѣевна Венеціанова, написала слѣдующее: «Алексѣй Гавриловичъ Венеціановъ родился въ Черниговѣ. Отецъ его, Гаврій Юрьевичъ, былъ грекъ, природный дворянинъ, изъ фа-

илии Венеціановихъ Фарнаки (?). Въ Черниговской губерніи у него было помѣстье. Официальная, несомнѣнная свидѣтельства говорятъ другое.

Въ архивѣ департамента герольдія есть дѣла (по Черниговской и С.-Петербургской губерніямъ) о дворянствѣ рода Венеціановыхъ, и изъ дѣлъ этихъ происхожденіе фамиліи не даетъ ни математическаго основанія прибавлять проізваніе Фарнаки, прежде всего. Изъ дѣлъ видно только, что предкомъ фамиліи слѣдуетъ считать Ивана Проко, жившаго въ началѣ XVIII вѣка, въ Эпирскомъ хѣстечкѣ Богдаріи. Сынъ Ивана Проко, Федоръ Венеціано, переселился въ Россію, съ женою своею гречанкою, же Еленой,—въ 1730-хъ или 1740-хъ годахъ,—и поселился въ Нѣжинѣ. У Федора и Елены (по смерти мужа, постригшися въ кіевскомъ Свято-Флоровскомъ монастырѣ въ 1781 г., имѣя болѣе 60-ти лѣтъ отъ роду) были дѣти (Андрей, какъ кажется, да) Георгій, въ 1759 году давно женатый на Екатеринѣ Марковичѣ. Она получила отъ брата, значковаго товарища Михаила Марковича (по записи 9-го января 1759 г.), хуторъ Веприкъ, въ Монастырской сотнѣ Прилуцкаго полка (Нѣжинскаго уѣзда). Андрея Федоровича сынъ Семенъ Андреевичъ Венеціановъ родился въ 1773 г. и былъ въ царствованіе Александра I надворнымъ советникомъ. Онъ жилъ въ Петербургѣ, въ собственномъ домѣ на Васильевскомъ островѣ, въ Благовѣщенскомъ приходѣ, и служилъ въ Межевої канцелярії. Въ бракѣ съ Александрою Сидоровной имѣлъ Семенъ Андреевичъ дочь Александру (род. 1803 г.) и сына Андрея (род. 1813 г.); что съ ними слѣдалось, найти намъ покуда не удавалось. Георгій Федоровичъ отъ Екатерини Марковичѣ имѣлъ дочь Анну за маюромъ Алексѣемъ Клобуковимъ, да сыновей Михаила и Гавриила. Михаилъ, старшій, женатый на Екатеринѣ Антоновичѣ владѣлъ родительскимъ хуторомъ въ Нѣжинскомъ уѣзда. На хуторѣ Куриковскомъ у него было 37 душъ женскаго пола и 38 душъ мужскаго пола и, по населенному имѣнію, Михаилъ Венеціановъ (умершій ранѣе 1808 г.) считался дворяниномъ между греками, заявившими даже, что родъ Прока въ Эпирѣ бытъ владѣтельный и очень почтенный. Такое заявленіе прямо написано было нѣжинскимъ греческимъ магистратомъ и по этому заявлению черниговское дворянское депутатское собраніе включило Венеціановыхъ въ родословную дворянскую книгу свою, въ 1794 г. Между тѣмъ, младшій сынъ Георгія Федоровича Венеціанова, Гаврилъ Юрьевичъ, род. въ 1752 г., переселился въ Москву; пріобрѣсалъ въ купля 2-й гильдіи; женился, не позже 1778 года, на Анне Лукинишѣ, десятью годами моложе его и стала жить въ своеемъ домѣ въ Воронцовской улицѣ, въ приходѣ Воскресенска на Таганкѣ (тогда въ 3-мъ кварталѣ XVII

части, а теперь въ 4-мъ кварталѣ Рогожской ч.). Жилъ здѣсь, онъ былъ обрадованъ рожденіемъ первого сына 12-го февраля 1780 года, по имени празднуемаго святаго, названнаго Алексѣемъ. Черезъ пять лѣтъ родился третій сынъ (27-го дек. 1785 г.) Иванъ Гавриловичъ; какъ и отецъ, московскій же купецъ 2-й гильдіи. Иванъ Гавриловичъ Венеціановъ отъ брака съ Аниою Степановною имѣлъ трехъ сыновей: Аркадія (родивш. въ 1816 г. и умершаго ранѣе 1850 г., холостымъ), медика, воспитывавшагося въ Московскомъ университѣтѣ и служившаго въ городской больницѣ; Клавдія (р. 1819 г.) служившаго въ гражданской службѣ, безъ чина, въ Москвѣ; Сергія (род. 1826 г.) и дочь Софію (р. 1821 г.). Иванъ Гавриловичъ умеръ 50-ти лѣтъ отъ рода (23-го апрѣля 1835 года), раньше отца. Вмѣстѣ съ Иваномъ въ Москвѣ торговалъ и записанный въ дворянское родословіе Черниговской губ. Юрій Михайловичъ (род. 1778 г. и жившій еще въ 1842 г.), считаясь въ столицѣ купцомъ 3-й гильдіи¹⁾), имѣя двоихъ дѣтей: дочь Екатерину и сына Владимира, въ военной службѣ. Московскимъ Венеціановимъ сенатъ въ 1844 г. отказалъ въ дворянствѣ, по неимѣнію доказательствъ на это достоинство. Тогда какъ неклонившій о дворянствѣ, Алексѣй Гавриловичъ Венеціановъ,—опредѣленный въ гражданскую службу, впрочемъ, какъ дворянинъ—имѣлъ дворянство по ордену Владимира 4-й степени, но же просилъ о присвоеніи его потомству. Онъ былъ рожденъ съ художественными наклонностями. Призваніе сказалось въ немъ непреодолимою страстью къ живописи, о которой и не помышлялъ онъ вступить въ службу и сдѣлавшись землемѣромъ. Дочь А. Г. Венеціанова о дѣтствѣ, юности и началѣ карьеры своего родителя сказала слѣдующее: «изъ трехъ сыновей, которыхъ Гавриль Юрьевичъ далъ прекрасное образованіе—имѣя хорошее состояніе,—Алексѣй Гавриловичъ исключительно любилъ науки и искусства, въ особенности живопись; по окончаніи воспитанія въ Москвѣ въ пансіонѣ, онъ поступилъ на службу въ Петербургъ по почтовому вѣдомству. Служба сначала не мѣшила ему заниматься живописью, но потомъ, когда, питая къ ней страсть, онъ познакомился съ Эрмитажемъ, то страсть усилилась до такой степени, что онъ оставилъ службу и посвятилъ себя исключительно живописи».

Въ этихъ указаніяхъ, на наши глаза, встрѣчается явное противорѣчіе и съ извѣстными всѣмы условиями, и съ фактами службы А. Г. Венеціанова, по его собственному свидѣтельству. Его свидѣтельствомъ считаемъ мы прошеніе, поданное въ Императорскую академію

¹⁾ См. Адресъ-Календарь Москвы 1842 г., стр. 15 и 137, часть 3-я.

художествъ обѣ удостоеніи академического званія, въ 1811 году. Хотя прошеніе не дошло до нась, но содержаніе его проникано въ журналь и ишущій званія Венеціановъ называнъ «землемѣромъ, служащимъ при Лѣсномъ департаментѣ», а не при Почтовомъ. Почтовая служба, особенно для начинаяющихъ, не могла давать досуга заниматься живописью, при срочной явѣ на службу и хлопотливыхъ ея обязанностяхъ въ почтамтѣ, какъ прежде, такъ и теперь. Кроме того, убивающая умственную дѣятельность почтовая ежеденка, разыгравшая только рутину, ни въ какомъ случаѣ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы, не привела бы Венеціанова къ художественному развитію, скорѣе уничтоживъ его начала, а никакъ уже не способствуя порывамъ любознательности. Она была бы ирритулемъ; да и усиlena была бы и наблюдательность, запасъ которой необходимъ для живописца бытowychъ сценъ, начавшаго съ портрета. Всѣ эти явныя противорѣчія съ ходомъ послѣдующей дѣятельности Венеціанова заставляютъ нась видѣть въ указаніи почтовой службы скорѣе обмolvку. Что касается до указаній средствъ отца, дачѣ сыновьямъ хорошаго образованія, обучения въ пансіонѣ, наклонности къ искусству, замѣченной въ Алексѣѣ Гавриловичѣ Венеціановѣ—по нашему мнѣнію, несомнѣнно вѣроятной и на избрание имъ первоначальной служебной карьеры,—мы, соглашаясь съ воспоминаніями дочери художника, должны войти въ обыкненія, для подтвержденія своихъ взглядовъ и предположеній.

Начнемъ съ самаго положенія, занимаемаго въ Москвѣ родитеlemъ А. Г. Венеціанова.

Грековъ въ Россію издавна привлекали торговыя выгоды. Гегманы малороссійскіе поселившимся въ Нѣжинѣ грекамъ дали очень важныя преимущества. Привилегіи, даннныя предпримчивымъ негоплантамъ, и Петръ I подтвердилъ свою грамотою 1710 года. Ею даровано было грекамъ национальное городское управление и свобода торговли въ россійскихъ городахъ. Въ Москвѣ, куда привлекала грековъ користь,—при живомъ сбыте вина, сластей, шелковыхъ тканей, шалей, благовоній, турецкаго табака и пріянностей,—капиталы росли, въ греческихъ рукахъ сосредоточивая запасы золотой монеты, пускаемой въ рость. Приобрѣтеніе земельныхъ участковъ и построекъ по демповой ценѣ тоже входило въ кругъ расчетовъ оборотливыхъ потомковъ Фемистокла и Фотія, въ бѣлокаменной занимавшихся всякаго рода прибыльными промыслами, не въ ущербъ главному торговому занятію. Поселившись въ Таганской части древней столицы, близъ Коломенского тракта, Гавріиль Юрьевичъ Венеціановъ торговалъ плодовыми деревьями и ягодными кустами, пріобрѣтая ихъ въ подмосковныхъ и надѣляя ими плодовые сады и огороды, которыхъ въ Москвѣ

и теперь очень много, а за сто лѣтъ назадъ было еще больше. На эту сторону дѣятельности родителя будущаго художника навела письмомъ публикація въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1795 года (№ 56, стр. 1155). Она гласила, что «въ 17-й части 3-го квартала въ д. № 262, въ приходѣ Воскресенія-на-Таганкѣ, въ Воронцовской улицѣ, у московскаго купца Гаврилы Юрьевы Венеціанова, продаются кусты самой крупной и въ варку весьма годной бѣлой смородинѣ: большия кусты по 3 р., поменьше по 1 р., а трехлѣтніе по 50 к., на которыхъ ягоды бывають отъ 10 до 12 фунтовъ, которая же ягодъ продається по 10 копѣекъ фунтъ. Тутъ же продаются весьма хорошия тюльпаны луковицы, разныхъ колоровъ, цѣною смотря по величинѣ луковицъ. Въ семъ же дому продаются хорошия картины, написанныя еп pastel, за весьма сходную цѣну». Публикація въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1794 г. (11-го ноября), № 90 (стр. 1732), тоже рекомендовала продажу картинъ. Предлагались желающимъ «очень хорошия разныя картины, дѣланыя сухими красками, въ золотыхъ рамахъ, за стеклами, за весьма умѣренную цѣну». Пекуны не скоро тогда находились на этотъ товаръ, предпринимчивому негощанту, при скучѣ на свою чьего-либо вельможескаго сада въ окрестностяхъ столицы, вѣроятно, доставшійся за безцѣнокъ. Отъ того и немногого заботились они о случайному приобрѣтеніи, если и сходило оно съ рукъ. Главныя дѣла—растенія,—шли хорошо и извали вѣрный доходъ до самого Наполеоновскаго погрома, послѣ котораго, по словамъ внучки, Гавриилъ Юрьевичъ «лишился большої части имущества». Въ общемъ пожарѣ столицы, окраинѣ ся,—въ томъ числѣ и Таганка,—были почти совсѣмъ уничтожены, и отъ юрьевичеваго дома Венеціанова не осталось слѣдовъ. Ехъ довершено бѣдствія, домохозяева, воротясь на старую пивоварницу, не скоро принялись за разведеніе садовъ, которыхъ вообще въ Москвѣ итогъ сократился если не на половину, то на дѣлѣ трети, а мѣста бывшихъ садовъ занялись постройками жилыми и фабрічными. Вотъ чѣмъ должно было нанести непоправимый ударъ торговаго Гавриила Юрьевича, пережившаго удары судьбы. Отъ еще крестить внучать—дѣти младшаго своего сына, Ивана Гавриловича, жившагося въ 1811 г.

Торговля картинами давала возможность старшему сыну Гавриилу Юрьевичу удовлетворять эстетическими стремленіями врожденнаго призванія, которое хотя до времени и можетъ считаться какъ бы не существующимъ, но на самомъ дѣлѣ оно только не имѣло повода заявить себя чѣмъ либо прямѣтнымъ. Замѣтіе землемѣрными планами,—въ ту пору украшавшимися виньетками на заголовкахъ,—въ своемъ родѣ было тоже удовлетвореніемъ художественныхъ стремленій, за-

окончавъ къ дальнѣйшему развитію навыкомъ рисовать красками. Для того же, чтобы сдѣлаться землемѣромъ, необходима начальная подготовка научная по части геометріи. Курсъ той науки былъ по времени достаточенъ и въ пансионскомъ обученіи, тогда особенно распространенному въ Москвѣ, — хотя городъ, имѣвшемъ университетъ и гимназіи, но крайне нуждавшемся въ начальныхъ училищахъ. Замѣтимъ, что въ то время, когда, по лѣтамъ, старшій сынъ Гавриила Юрьевича Венеціанова могъ нуждаться въ научномъ образованіи, чтобы подготовиться къ жизненной дѣятельности, въ окрестностяхъ Таганки, — на разныхъ, разумѣется, расстояніяхъ, ближе и дальше, — было шесть пансионовъ, если исключить Крейгера въ Большой Алексѣевской (гдѣ большии учили дѣвицы), а именно: Ааля (за Большой Ильинскѣй), Бартоли (за Покровскими воротами), Блескера (на Мясницкой), Борденова (за Серпуховскими воротами, въ Замоскворѣчье, не совсѣмъ далеко отъ Красно-Холмскаго моста), Борецуса (въ Лефортовѣ) и Дельсали (въ Нѣмецкой слободѣ). Трудно сказать, который изъ этихъ пансионовъ посѣщался отцомъ русской бытовой живописи, но можно одно принять за истину, что во всѣхъ нихъ, — вмѣстѣ съ русскимъ и однимъ изъ иностраннѣй языковъ, — могъ сѣть приобрѣсти знанія по ариѳметикѣ, геометріи, исторіи и географіи.

Въ одной изъ записокъ своихъ цитируетъ Венеціановъ французскія заглавія изданий довольно правильно, чѣмъ даетъ право заключать о знакомствѣ его съ французскимъ языкъ. Чѣмъ же касается основательного знанія геометріи, то оно у Венеціанова было несомнѣнно, такъ какъ его научные приемы рисованія были основаны на геометрическихъ положеніяхъ. Да и перспектива вообще, — на которую сильно налегалъ онъ какъ наставникъ, — безъ геометріи далеко не могла простираться, а тѣмъ болѣе приводить къ такимъ результатамъ. Поэтому допустить приобрѣтеніе А. Г. Венеціановымъ основательныхъ свѣдѣній хотя въ начальной геометріи въ пансионскихъ классахъ мы должны, нейдя противъ логики и допуская, что известныя причины производятъ соответственныя послѣдствія. Для Венеціанова естественными послѣдствіями, хотя сперва и не вполнаго, знакомства съ геометрію было принятіе въ лѣсные землемѣры, когда состоялся, положимъ, штатъ чиновниковъ «при подмосковной казенной рощѣ когониаго Лосинаго Острова»¹⁾. Островъ этотъ скоро переданъ былъ въ удѣльное вѣдомство, но, раньше чѣмъ это состоялось, началась усиленная конирковка плановъ казеннымъ лѣсамъ и для нея потребованы лѣсные землемѣры въ Петербургъ. Вѣроятно, въ это время и

¹⁾ П. С. З., т. XXVIII, № 21,494.

«РУССКАЯ СТАРЫНА», ТОМЪ ХХІІІ, 1878 Г., ОКТЯБРЬ

попасть въ сѣверную столицу будущій художникъ. Въ подтверждение своей догадки приведемъ на память, согласное въ двухъ запискахъ объ обстоятельствахъ жизни Венеціанова, указаніе на 1807 г. какъ на время пріѣзда его въ Петербургъ и начатія знакомства съ Эрмитажемъ¹). Въ 1806-мъ же г. 13-го сентября²) состоялось постановленіе копировкѣ лѣсныхъ плановъ землемѣрами при Лѣсномъ департаментѣ, которыхъ по штату 1798 г. положено имѣть 124 человѣка, и прикомандировать изъ одной губерніи въ другую. Записка объ обстоятельствахъ жизни Венеціанова говоритъ, что въ Эрмитажѣ началь онъ копировать пастельными красками. Пастель и акварель такъ близки. Акварелью выполнялись не безъ примѣси корпусныхъ красокъ, какъ мы замѣтили, заглавные виньетки на планахъ всякаго рода, и лѣсныхъ дачъ—тѣмъ болѣе. Научиться могъ А. Г. Венеціановъ рисовать сухими красками еще въ пансіонѣ; въ курсѣ пансіонскаго обученія входило рисование веадѣ. Въ Москвѣ, въ концѣ XVIII вѣка, сильно были въ модѣ живопись пастелью и водяными корпусными красками, продававшимися не дорого, въ разныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, въ родительскомъ домѣ еще, могъ упражняться въ рисованіи будущій художникъ, хотя, какъ самъ говоритъ въ одномъ письмѣ (къ инспектору псковской гимназіи, всего скорѣе) «не готовилъ себя быть художникомъ».

Всѣ люди талантливые, какъ известно, сохранили неизгаданными въ памяти первыя впечатлѣнія дѣтства, неразрывнія ихъ чуткое воображеніе. Въ домѣ отца—торговца садовыми растеніями, было много, разумѣется, рабочаго народа обоего пола въ своеобразномъ костюмѣ. Не удивительно, что вкусъ А. Г. Венеціанова преимущественно тянулся его къ воспроизведенію минутныхъ позъ и положеній простыхъ русскихъ людей, служившихъ для художника живыми оригиналами для изученія всевозможныхъ эффектовъ освѣщенія. Оно же тѣсно связано съ законами перспективы, тоже имѣть страстью любимой въ послѣдствіи и рекомендуюмой ученикамъ для первой пробы своей технической опытности, при произведеніи картины. Не вдругъ достигъ онъ до полнаго выясненія себѣ всего, къ чему влеклось его воображеніе, безспорно; и долго онъ не попадалъ на настоящую дорогу, но далеко отъ нея въ сторону онъ не сбивался даже въ то время, когда впервые силился передать красоты великихъ мастеровъ настолько недостаточными средствами какъ сухія краски,—единствен-

¹) Говоря о впечатлѣніяхъ отъ картинъ Гране (1820 г.), Венеціановъ въ самъ говоритъ, что разгадка ея эффекта перемѣнила его 12-ти лѣтнюю привычку писать.

²) П. С. З. т., XXIX, № 22,271.

но доступными ему. Въ головѣ рождались новые мысли и планы, но чувственное безсиліе, покуда, выполнить останавливало обидный отказъ слабыхъ попыткій превозмочь трудности. Колебанія въ прієсканіи болѣе надежныхъ средствъ не должно однако оказываться при сильномъ желаніи справиться со всѣми препятствіями. Не трудно было здесь, въ столицѣ, найти и руководителя, какъ только идея заняться масляными красками явилась предпримчивому уму начинающаго. Старая художественнаѧ жаждо развитія, трудолюбивый Венеціановъ могъ работать планы дома и устраивать дѣло такъ, чтобы въ долгіе лѣтніе дни, вставая рано, достаточно приготовить служебныхъ работы и урочные часы проводить въ Эрмитажѣ, гдѣ часто бывалъ жившій по сосѣдству, въ Большой Миллионной улицѣ, Владимиръ Лукичъ Боровиковскій. Этотъ прославленный портретистъ, по словамъ А. Н. Мокрицкаго, училъ Венеціанова живописи масляными красками. Самъ самоучка, Боровиковскій могъ легче другаго учителя распаковать, хорошо рисующему сухими красками, свойство масляныхъ. Но этимъ, по всей вѣроятности, и ограничились заботы его какъ руководителя. Просившій его помоши и совета быть самъ уже хорошо понимавшій и рисунокъ, и освѣщеніе, да и перспективныѧ проекціи, когда, правду сказать, Боровиковскій и братъ ихъ не умѣлъ, выказывая ощущительныѧ ошибки въ перспективѣ. Поэтому, говоримъ, дальнѣе обращеній съ красками онъ и не могъ ничего передать Венеціанову, имѣвшему въ живописи свою манеру. Мы вовсе не думаемъ опровергать слова А. Н. Мокрицкаго объ учительствѣ Боровиковскаго относительно Венеціанова, за недостаткомъ фактовъ, доказывающихъ противное, но недостаточность сходства въ манерѣ живописи Боровиковскаго съ колоритомъ Венеціанова заставляетъ насъ ограничиться только высказанною догадкою. Самъ Венеціановъ, можетъ быть, говорилъ своему ученику о влияніи Боровиковскаго—хотя это и не высказано въ статьѣ Мокрицкаго,—потому намъ, еще разъ повторимъ, приходится найденное указаніе принять, что мы и сдѣлали, оговорившись. Но важно тутъ то одно, что изъ рисовальщика пастелью скоро вышелъ живописецъ масляными красками, получившій возможность передавать точно кистью, что усмотрѣль онъ въ натурѣ. Собственный портретъ, выполненный Венеціановымъ въ 1810 году, показываетъ въ художникѣ прекрасное направление и полную свободу кисти, такъ что совѣтъ академіи художествъ нисколько не затруднился признать писавшаго назначеннѣмъ (т. е. кандидатомъ) въ академики, задавъ ему, для соисканія этого званія: написать съ натуры портретъ престарѣлого инспектора, въ свое время хорошаго портретнаго живописца, Кирила Ивановича Гловачевскаго

съ учениками двухъ низшихъ возрастовъ академического училища. Фигура Гловачевскаго, сѣдаго какъ лунь, но еще свѣжаго, румяного, съ привѣтливой улыбкою, служить контрастомъ съ бойкостью находящихся подъ него дѣтей, подъ кистью неутратившихъ нисколько жизненности и непринужденности. По тону колоровъ и гармоніи ихъ, эта картина, могшая сдѣлать честь любому художнику съ прочной репутациею, не могла опять не вызвать единогласнаго решения о признаніи академикомъ мастера, обладающаго, при полной свободѣ техники, еще ненайденою у другихъ собратій его по профессии свѣжестью общаго впечатлѣнія. Талантъ, достигшій такой степени развитія, какъ у Венеціанова, не могъ не производить впечатлѣнія, какъ тогда, такъ и теперь, съ тою развѣй разницею, что свѣжеписанные краски казались еще цвѣтистѣе и живѣе. Блистательно выполнивъ программу на академика передъ самой отечественной войной, въ тяжелую годину ея, Венеціановъ не могъ имѣть портретныхъ заказовъ; но онъ не оставался безъ дѣла. Вместѣ съ И. И. Теребеневымъ (отличнымъ рисовальщикомъ, рано унесеннымъ смертью), Венеціановъ кампановалъ, въ очеркахъ, каррикатуры на французовъ, выполнявшіяся на металлѣ и пускавшіяся въ продажу иллюминованными красками. Сколько именно выпущено было тогда каррикатуръ Венеціанова, ни онъ самъ, ни другіе, не приводили въ извѣстность; во всякомъ случаѣ, сравнительно съ Теребеневскими, ихъ было въ десять разъ меныше. Отличались онъ менышею остротою вымысла и уступали въ характерности рисунка композиціямъ Теребенева, составившаго себѣ или громкую извѣстность, вполнѣ заслуженную. Каррикатуры на французовъ находили живой запросъ у насы до самого Вѣнскаго конгресса, а начали выходить эти летучіе листки еще въ концѣ 1812 года, такъ что вкусъ изъ нихъ публики, а следовательно, и занятіе производствомъ ихъ со стороны художниковъ-композиторовъ, поддерживался больше двукъ лѣтъ.

О художественныхъ трудахъ по живописи, предпринимавшихся и исполнявшихся Венеціановымъ съ 1812 по 1821 годъ, мы не встрѣчали никакъ указаний. Въ запискѣ его дочери встрѣчается только указаніе на время женитьбы отца. Ф. А. Венеціанова пишетъ: «живъ 30-ти онъ женился по любви на одной бѣдной дѣвушкѣ, которой родители жили въ маленькомъ своемъ имѣніи, Тверской губерніи, Ржевскаго уѣзда, а она воспитывалась у родственниковъ въ Петербургѣ, гдѣ отецъ мой увидѣлъ ее, влюбился и женился».

Жена А. Г. Венеціанова была изъ рода дворянъ Тверской губерніи, Азарьевыхъ, какъ написала дочь; звали ее Марфа Аѳанасьевна. Она—судя по записямъ исповѣданнымъ церкви Император-

ской академії художествъ—была однихъ лѣтъ съ мужемъ и умерла отъ холеры 30-го июня 1831 года, на 51-мъ году отъ рожденія. Дочерей у Венеціановыхъ было только двѣ: Александра Алексѣвна (род. 1816 г.) и Фелицата Алексѣвна (р. 1818 г.); другихъ дать полу-
чить ни откуда намъ не удалось.

Далѣе пишетъ дочь: «У отца отъ дѣдушки Гаврилы Юрьевича былъ небольшой капиталъ, на который онъ, послѣ женитьбы, купилъ небольшое имѣніе въ Тверской губерніи, Вышневолоцкаго уѣзда, на имя жены своей».

Это сельцо Сафонково, въ 1-мъ станѣ Вышневолоцкаго уѣзда, въ 78-ми верстахъ отъ Вышняго-Волочка.

Въ это убѣжище удалился Венеціановъ съ весны, возвращаясь въ столицу осенью. Все лѣто употреблялъ онъ на занятія сельскимъ хозяйствомъ и этюды съ натуры, причемъ моделями служили ему крестьяне дворовые, присланные къ помѣщичьей усадьбѣ; деревни же было. Въ 1820 г., чтобы удобнѣе заняться искусствомъ, А. Г. Венеціановъ совсѣмъ вышелъ въ отставку и пробылъ болѣе двухъ лѣтъ въ своей усадьбѣ. Но, по временамъ оставлялъ онъ ее для разъѣздовъ по губерніи и, во время одной такой поездки, въ Теребен-скомъ монастырѣ увидѣлъ проявлявшаго талантъ молодаго человѣка, занятаго стѣнописью. Въ 1824 году, при вторичномъ свиданіи, Венеціановъ пригласилъ этого молодаго человѣка—Н. С. Крылова—въ Петербургъ, и съ этого времени образовалъ въ своеемъ домѣ школу. Потребность же учить, или, еще точнѣе выражаясь, передавать раз-гаданное имъ средство образовать глазъ рисующаго, чтобы полу-
чить онъ возможность вѣрно схватывать все что видеть,—яви-
лась у Венеціанова, когда онъ понялъ секретъ эффекта знаменитой картины Гране «обѣдня у капуциновъ».

II.

Вотъ собственный отзывъ почтенного художника о силѣ впечатлѣнія, произведенаго на него мастерскимъ произведеніемъ и результатами, получившихся не для одного Венеціанова, изъ послѣдовавшаго, какъ онъ выражается, открытія.

«Въ 1820 году,—говорить онъ,—явилась въ Императорскомъ Эр-китажѣ картина: внутренность храма костела ¹⁾), писанная Гране—

¹⁾ Церкви капуциновъ. У насъ и теперь католическія церкви называются вольскими словомъ костелъ.

тому (Granet). Сія картина произвела сильное движение въ понятіи нашемъ о живописи: мы въ ней увидѣли совершенно новую часть ея (техники), до того времени въ цѣломъ не являвшуюся. Увидѣли изображеніе предметовъ не подобное или точное только, а живое; не писанье съ натуры, а изобразившуюся самую натуру... Увидѣли въ ней то, чѣмъ наскъ очаровывалъ въ декорацияхъ великий художникъ Гонзаго. Нѣкоторые артисты увѣряли, что въ картинѣ Гранета изысканное освѣщеніе и фокусъ освѣщенія причиною сего очарованія... но что полныи свѣтомъ, прямо освѣщающими, никакъ невозможно произвести сего разительного оживотворенія предметовъ, ни одушевленныхъ, ни вещественныхъ. Я рѣшился побѣдить (кажущуюся) невозможность: уѣхалъ въ деревню и принялъся работать. Для успѣха въ этомъ, мнѣ надобно было совершенно оставить всѣ правила и манеры, двѣнадцатилѣтнимъ копированиемъ въ Эрмитажѣ приобрѣтенные, (и) приняться за средства, употребленны Гранетомъ. И они мнѣ открылись, въ самомъ простомъ видѣ. Дѣло состояло въ томъ, чтобы ничего не изображать иначе, какъ только въ натурѣ что является, и повиноваться ей одной, безъ примѣси манера какого-бы то ни было художника. То есть, не писать картинъ *à la Rembrandt, à la Rubens*; но просто, какъ бы сказать, *à la натура!*

Избравъ такую дорогу, принялъся я писать «Гумно».

Алексѣй Гавриловичъ Венеціановъ пожертвовалъ натуральнымъ гумномъ для произведенія картинааго эффекта. Чтобы спасти внутренность гумна, состорони противоположной входу въ него, художникъ-помѣщикъ приказалъ выпилить заднюю стѣну и выполнить сцену цѣлкомъ съ натуры, получивъ разлитіе свѣта на картину съ задняго плана. Успѣхъ достигнутъ былъ полный, подтвердившій разгадку эффекта картины Гране, во время революціи писавшаго церковь капуциновъ въ Римѣ съ пунктуальною точностью все съ натуры, до послѣднихъ мелочей. «Должно сознаться,—говорить Венеціановъ о своемъ труде списыванья гумна,—что 12-ти лѣтняя привычка къ манерамъ мнѣ мѣшала въ моемъ предпріятіи».

Написавъ картину совсѣмъ, Венеціановъ осенью привезъ ее въ Петербургъ и представилъ Александру I,—по всей вѣроятности, при посредствѣ государыни императрицы Елизаветы Алексѣевны, лично ему оказывавшей августейшее покровительство и принимавшей уже раньше подносимые художникомъ труды. «Гумно» велѣно государемъ помѣстить въ Эрмитажъ, въ русскую галлерею.

Въ запискѣ, поданной президенту Императорской академіи художествъ, Алексѣю Николаевичу Оленину, 30-го марта 1827 года, об-

стоятельство поднесенія императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и Александру I картинъ своихъ Венеціановъ излагаетъ такъ:

«Нѣсколько разъ посвящалъ я труды мои покойной императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и получалъ знаки ея милостиваго къ трудамъ моимъ благоволенія, которыми ободренный, въ 1823 году, въ первый разъ имѣлъ счастіе представить покойному государю императору Александру Павловичу картинку пастельными красками «отищеніе свеклы». Государь мнѣ пожаловалъ 1,000 рублей, а картинку приказалъ хранить въ Бриліантовой комнатѣ. Такое благоволеніе импера-
тора оживило меня и заставило посвятить себя совершенно живописи. Подражая Гранету, написалъ я съ натуры свое «гумно», и въ 1824 году, вторично, чрезъ статье-секретаря Кикина, имѣлъ счастіе пред-
ставить его государю. Государь столь милостиво принялъ его, что пожаловалъ мнѣ 3,000 рублей, сдѣлавъ свои замѣчанія. Эта милость родила во мнѣ желаніе не одному ею пользоваться, а посвятить ее (милость государеву, т. е. пожалованныя деньги), съ собою, на обуче-
ніе молодыхъ бѣдныхъ людей по методу моему. Мое желаніе скоро исполнілось: случай доставилъ мнѣ одного мальчика изъ бѣжен-
скихъ мѣщанъ (Тыранова), котораго въ 1824 году привезъ я въ Пе-
тербургъ съ собою, а другаго—калязинскаго мѣщанина (Крылова)
уговорилъ пріѣхать».

Съ этого времени Венеціановъ вошелъ въ ближайшія сношенія съ учрежденіями въ 1820 году нѣсколькими любителями искусства обществомъ поощренія художниковъ, имѣвшими цѣль ту же самую— давать средства развитія природнымъ талантамъ, въ какой-бы об-
становкѣ ни находились они.

Выставка 1824 года, на которой была картина Венеціанова «гумно», открылась 1-го сентября. Художникъ, имѣвшій обычай на зиму пріѣзжать въ Петербургъ, вѣроятно, не съ картиной прибылъ, а поздѣе, привезъ съ собою ученика и положивъ въ это время нача-
ло школѣ своей, развившей въ публикѣ и художникахъ любовь къ сценамъ и типамъ русскимъ. Заставилъ выполнить этюдъ съ натуры и рисунокъ на камнѣ съ одной изъ своихъ картинъ, эти первые опыты таланта своего ученика А. Г. Венеціановъ представилъ, 27-го января 1825 г., въ общество поощренія художниковъ, при слѣдую-
щей запискѣ: «Вниманіе, обращаемое обществомъ поощренія худож-
никовъ на молодыхъ людей, имѣющихъ способности, даетъ мнѣ смѣ-
лость представить въ покровительство общества бѣженскаго мѣщ-
анина Алексѣя Васильева сына Тыранова, который учится у меня
нѣсколько мѣсяцевъ художеству.

«Тырановъ человѣкъ бѣдный, получившій начальное образование

въ тверской губернскай гимназіи. Лишась со смертью директоромъ оной единственнаго человѣка, который ему благодѣтельствовалъ, долженъ онъ быть возвратиться изъ Твери въ Бѣлгородъ пѣнкомъ. Брать его занимается живописью и заставилъ его у себя тереть краски. Замѣтивъ въ Алексѣѣ Тырановѣ способности необыкновенныя, я рѣшился взять его къ себѣ. Опытъ трудовъ его послѣ двухмѣсячнаго занятія подъ моимъ руководствомъ и первый еще рисунокъ его на камнѣ при семъ представлю и покорнѣйше прошу общество, взять у него камень, сдѣлать ему какое-либо награжденіе для ободрѣнія и поощренія на будущее время. Онъ живетъ и учится у меня, нужды ни въ чемъ не имѣть, но у него есть мать, бѣдная женщина, о которой онъ много заботится. Получивъ возможность сдѣлать ей нѣкоторое пособіе, онъ, безъ сомнѣнія, приложитъ всѣ силы, дабы успѣвать болѣе и болѣе. По временамъ я буду доводить до свѣдѣнія общества о будущихъ его успѣхахъ.

Камень, нарисованный въ это время Тырановыимъ, былъ поясное изображеніе среднихъ лѣтъ крестьянки, облокотившейся на оброненные грабли, закинувъ за спину черезъ плечо косу, въ пейзажѣ,— съ картинки Венеціанова, названной по имени живой модели «Палагея». Общество дало рисовальщику пособіе и заняло другимъ рисункомъ.

На Тырановѣ оправдалась мѣткость выбора Венеціанова: изъ бѣднаго, заброшенаго сироты вышелъ величайшій колористъ въ портрѣтѣ, въ послѣдствіи посланный за границу на счетъ общества поощренія художниковъ. Его восхитительная «дѣвочка съ тамбуриномъ», бывшая на выставкѣ 1836 г., извѣстна по прекрасной гравюрѣ на стали въ альманахѣ «Утренняя заря». Въ Эрмитажѣ были его «виды Эрмитажной библіотеки» (1826 г.) и другая перспектива (1829 г.). Портреты, удивительно пріятно освѣщенныя, явились на выставкахъ академическихъ съ 1830 по 1852 г. Въ галлерѣ Прянишникова была историческая картина его «Мать, опускающая младенца Моисея въ рѣку Нилъ, въ корзинкѣ». А. В. Тырановъ (род. 1-го ноября 1808 г.) умеръ на 51-мъ году жизни отъ душевной болѣзни, 5-го августа 1859 года, въ Кашинѣ.

П. Н. Петровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИВАНЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ АЙВАЗОВСКІЙ

и его XLII-гъ ютная художественная дѣятельность

1836—1878.

XI¹).

Новые картины.—Возстаніе кандидотовъ.—Празднество въ Феодосії.

1850—1867.

Въ числѣ нѣсколькихъ картинъ, написанныхъ И. К. Айвазовскимъ въ 1860 году, — «міорозданіе» и «всемірный потопъ» (находящіяся въ Эрмитажѣ) снискали художнику самыя восторженныя похвали во всѣхъ классахъ общества. Картина «міорозданіе» была написана Айвазовскимъ въ теченіе девяти часовъ: въ восемь часовъ утра картина была начата и къ пять по полудни окончена. Исполненіе картины всегда тѣмъ быстрѣе у нашего художника, чѣмъ серьезнѣе ея сюжетъ; самые же сюжеты картинъ приходили ему на мысль совершенно внезапно. Такъ, напримѣръ, картина: «овцы, загоняемыя бурею въ море», написанная Айвазовскимъ въ 1861 году, изображаетъ одинъ эпизодъ въ его собственномъ сельскомъ хозяйствѣ, случившійся во время войны 1855 года, въ бытность художника въ Харьковѣ. Стадо изъ 3,000 овецъ, испуганное порывомъ урагана, въ Феодосії, на берегу моря, бросилось опрометью къ крутому обрыву въ до 1,800 овецъ погибло въ волнахъ. Сюжетомъ для картины

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 649—674; томъ XXII, стр. 423—444; томъ XXIII, стр. 55—74.

послужилъ Айвазовскому самый моментъ гибели бѣдныхъ животныхъ. Картина эта, написанная въ Петербургѣ и выставленная художникомъ у себя въ мастерской, была куплена г. Кокоревымъ. Пожелавъ отправить ее на всемирную выставку въ Лондонъ, художникъ не только получилъ на то согласіе владѣльца картины, но даже условился съ нимъ въ томъ, что г. Кокоревъ уступить ее другому покупателю, если тотъ дастъ за картину высшую цѣну. Картина была куплена какимъ-то лордомъ, давшимъ за нее вчетверо болѣе. Возвративъ г. Кокореву сумму, первоначально имѣя заплаченную, художникъ, на остальные деньги, купилъ въ Крыму новое стадо, и, такимъ образомъ, воротилъ убытокъ, понесенный имъ отъ гибели овецъ: онъ, такъ сказать, воскресилъ ихъ своею кистью.

Въ томъ же 1861 году Айвазовскимъ былъ написанъ прелестный видъ: «скалы у Судакской долины при лунномъ освѣщеніи». Эта мѣстность замѣчательна тѣмъ, что, любуясь ею, Пушкинъ написалъ свой «Талисманъ». Подобно предыдущей («стадо овецъ»), и эта картина была выставлена Айвазовскимъ у него на квартирѣ. Этого обычая художникъ придерживается и донынѣ, по причинамъ весьма уважительнымъ. Не далѣе какъ въ¹ 1866 году, онъ послалъ въ академію, на выставку, двѣ —три свои картины. По изобилію художественныхъ произведеній — для картинъ Айвазовскаго не нашлось иного, лучшаго мѣста, кроме стѣны надъ входными дверьми въ академическую библіотеку. Лица, распоряжавшіяся размѣщеніемъ картинъ на выставкѣ, придерживались, какъ надо, полагать, того правила, что тѣмъ выше талантъ, тѣмъ выше слѣдуетъ помѣщать и его картины... Это было, конечно, весьма любезно, однако же не совсѣмъ удобно для художника. Впрочемъ, отдельные выставки собственныхъ картинъ Ивана Константиновича еще съ 1850 года имѣли нерѣдко иную, именно — благотворительную цѣль: сборъ предназначался въ пособіе неимущимъ или пострадавшимъ отъ какого либо случайного бѣдствія. Сборы съ этихъ выставокъ бывали весьма значительны; такъ, напримѣръ, въ одинъ изъ воскресныхъ дней декабря 1877 года, на выставкѣ картинъ И. К. Айвазовскаго (въ Спб., въ домѣ Кононова, у Полицейского моста) было собрано въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ свыше 800 р. с.

Съ 1862 по 1867 годъ, въ теченіе пяти лѣтъ, Иваномъ Кон-

станиновичемъ написано свыше двухсотъ картинъ, изображавшихъ виды моря при дневномъ и лунномъ освѣщеніи, въ тихую и бурную погоду, пейзажи Крыма, Турціи, Итали; въ это число не входятъ картины малыхъ размѣровъ, изъ которыхъ многія, при ихъ неотъемлемыхъ достоинствахъ, написаны были художникомъ въ полчаса, много въ часъ времени. Лица, посѣщавшія Айвазовскаго въ его мастерской, конечно, бывали свидѣтелями начала и окончанія картинъ въ самый непродолжительный промежутокъ времени. Сидя передъ полотномъ съ палитрою и кистями въ рукахъ, разговаривая съ посѣтителями, Айвазовскій пишетъ задуманную имъ картину съ изумительною быстротой. Смотря на художника предъ его мольбертомъ и видя какъ на полотнѣ возникаетъ прелестная картина, оживающая съ каждымъ взмахомъ кисти, можно подумать, что это такъ легко, такъ просто... Но въ самой-то этой кажущейся легкости и простотѣ именно и заключается великая тайна художественнаго творчества.

Возстаніе кандіотовъ въ 1866 — 1867 гг., сопровождавшееся со стороны турокъ всякаго рода звѣрствами, подало Айвазовскому мысль написать нѣсколько картинъ, изображающихъ эпизоды не-посильной борьбы кандіотовъ съ турками на суши и на морѣ. Картины эти были выставлены въ Одессѣ и сборъ платы за входъ отсылался въ пособіе жителямъ Кандіи. Послѣ того онъ были выставлены и въ залахъ академіи художествъ въ Петербургѣ и производили на зрителей глубокое впечатлѣніе.

Лѣтомъ 1867 года, въ бытность Государыни Императрицы съ Ея августѣйшими дѣтьми въ Крыму, Айвазовскій имѣлъ честь находиться, по желанію Ея Величества, въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Великую Княжну Марию Александровну въ ея поѣздкѣ въ Константинополь. По возвращеніи, Ея Высочество и Великій Князь Сергій Александровичъ, съ соизволенія Государыни Императрицы, осчастливили нашего художника посѣщеніемъ его дома въ Феодосіи и его сада въ Судакской долинѣ. Въ день прїзыва Ихъ Высочествъ весь городъ былъ разукрашенъ флагами, предъ домомъ Айвазовскаго построена была изъ зелени триумфальная арка. Пароходъ, на которомъ плыли Ихъ Высочества, версты за двѣ до берега былъ встрѣченъ Айвазовскимъ, щавшимъ на катерѣ, за которымъ слѣдовали четыре красивыя гондолы, наполненные цветами: ими гребцы усыпали волны моря

предъ пароходомъ. Введя высокихъ гостей, сопровождаемыхъ именами лицами, въ свой домъ¹⁾), Айвазовскій имѣлъ честь представить Ихъ Высочествамъ свое семейство и затѣмъ просилъ въ столовую, къ обѣденному столу. Въ саду противъ дома устроены были три кюоска съ бьющими въ нихъ фонтанами и каменная ротонда; на берегу моря—театръ, а у самаго берега декоративное палашко въ венецианскомъ вкусѣ. Послѣ обѣденного стола на сценѣ театра поставлены были живая картина съ видомъ Константинополя (писанымъ Айвазовскимъ) и небольшой балетъ, исполненный въ греческихъ костюмахъ малолѣтними дѣтьми имѣвшихъ обывателей Феодосіи. Послѣ спектакля въ кюоскахъ былъ сервированъ чай, во время котораго садъ, окрестность, морской берегъ и близъ лежащей моль были иллюминованы и по временамъ озаряены бенгальскими огнями. На оконечности мола установленъ былъ вензель Государя Императора, сооруженный изъ деревесныхъ вѣтвей, между которыми группа изъ нѣсколькихъ дѣвицъ въ бѣлыхъ платьяхъ, стоя на высокихъ подмосткахъ, составляла очертаніе вензеля—въ исполинскихъ размѣрахъ. Праздникъ продолжался до часу ночи. На слѣдующій день Ихъ Высочества отправились въ Судакъ, гдѣ Айвазовскій въ павильонѣ своего сада предложилъ гостямъ своимъ завтракъ, сервированный, по обычая мѣстныхъ татаръ, на коврѣ, разстланномъ на полу. Стѣны столовой были драпированы пестрыми тканями, на которыхъ изящно обрисовывались пирамиды прекраснѣйшихъ фруктовъ, которыми обилуетъ нашъ Крымъ. При возвращеніи Ихъ Высочествъ на пароходъ для обратнаго скѣданія въ Ялту, стѣна каюты была украшена видомъ Судакской долины во время праздника—писанымъ Айвазовскимъ. Другая его картина съ изображеніемъ праздника въ Феодосіи была поднесена Ихъ Высочествамъ предъ отѣздомъ изъ Феодосіи въ Судакъ. Упреждая весьма естественный вопросъ: когда художникъ успѣлъ написать эти двѣ картины,—замѣтимъ, что онъ былъ написаны Айвазовскимъ заблаговременно, сообразно предначертанной имъ-же самимъ программѣ. Много оживленія и картинности празднству

¹⁾ Изъ особъ, сопровождавшихъ Ихъ Высочества, здѣсь были графина А. А. Толстая, г-жа Потапова, Д. С. Арсеньевъ, контр-адмиралъ Скокковъ, лейб-медикъ Ф. Ф. Каррель и иѣк. друг.

въ Судакской долинѣ придавали жилища тамошнихъ татаръ, красиво декорированные коврами и разноцвѣтными теканами, а равно и толпы туземцевъ въ ихъ праздничныхъ нарядахъ. Государыня Императрица, по возвращеніи августѣйшихъ Ея дѣтей въ Ялту, удостоила Айвазовскаго телеграммою съ выражениемъ Высочайшей благодарности Ея Величества за удовольствіе, Ихъ Высочествамъ доставленное.

XII.

Поѣзда на Кавказъ.—Новые картины.—Выставка въ Тифлисѣ.—Парадный обѣдь.—Воспоминаніе о П. С. Котляревскомъ.—Часовня въ Феодосії.—Поѣзда въ Египетъ на открытие Суэзскаго канала.

1868—1869.

Сюжеты для морскихъ видовъ неистощимы, вѣрнѣе сказать—неисчерпаемы, какъ и самое море; но Иванъ Константиновичъ, въ самую пору полнаго развитія своего таланта, какъ мы уже упоминали выше, писалъ пейзажи сухопутныхъ мѣстностей съ тѣмъ-же успѣхомъ, какъ и морскіе виды, съ которыми таѢъ неразлучны имъ Айвазовскаго. До 1868 года имъ было написано нѣсколько прекрасныхъ пейзажей, изображавшихъ степи, лѣса южной Россіи, но они не могли дать его кисти того простора, того величаваго взмаха, который даютъ громады горъ съ ихъ снѣговыми вершинами, ущельями и водопадами. Для пейзажей подобного рода, Кавказъ—едва почата и съ тѣмъ вмѣстѣ едва-ли истощимая сокровищница. Чудный край, дикія красоты котораго вдохновляли Пушкина и Лермонтова, всегда привлечетъ къ себѣ вниманіе живописца... И въ 1868 году Айвазовскій посѣтилъ Кавказъ—умиротворенный, лишенный его военныхъ бурь, но неизмѣнно прекрасный, грозно величественный съ его несокрушимыми горными громадами и нетающими ихъ снѣговыми вершинами. Иванъ Константиновичъ посѣтилъ Владикавказъ, Сѣверный Дагестанъ, Чечню, Карапайскія высоты, Гунибъ, Дарыяль, Шуру, Сухумъ и многія другія живописныя мѣстности Кавказа. На Гунибѣ художникъ былъ радушно принятъ начальникомъ тамошняго военнаго округа г. Кармалинымъ и его супругою, рожденною Бѣленициною, превосходною пѣвицею, развившею свое дарованіе

подъ руководствомъ М. И. Глинки и А. С. Даргомыжскаго¹⁾. Развительную противоположность недавнему послѣднему убѣжищу Шамии составляло мирное жилище Кармалиныхъ на едва приступныхъ высотахъ, будто укромное гнѣздышко, смѣнившее логовище хищнаго звѣра. Невыразимое впечатлѣніе производило на Айвазовскаго очаровательное пѣніе г-жи Кармалиной, звуки родныхъ русскихъ пѣсень и ихъ отголоски въ горныхъ ущельяхъ Кавказа, еще такъ недавно оглашавшихся кликами горцевъ и гуломъ выстрѣловъ....

По возвращеніи Ивана Константиновича съ поѣздки по Кавказу въ Тифлисъ, имъ было написано двѣнадцать видовъ разныхъ мѣстностей этого края. Картины эти были выставлены, съ платою за входъ въ пользу городскаго дѣтскаго приюта. Административны лица и жители Тифлиса, желая выразить художнику ихъ признательность, дали въ честь его обѣдъ, на которомъ присутствовало выше 200 человѣкъ. Ивану Константиновичу было поднесено оправленный въ золото заздравный турій рогъ (алаверди); онъ-же, съ своей стороны, подарилъ городу написанный имъ «видъ Петербурга». Много было говорено привѣтственныхъ рѣчей и собрано было съ благотворительной цѣлью до 5,000 р. Отвѣчая на обращенные къ нему привѣтствія, Айвазовскій выразилъ желаніе обратить эту сумму въ пользу кавказскихъ войскъ и, выѣхавъ съ тѣмъ, на воздаяніе почести покойному героя Кавказа Петру Семеновичу Котляревскому, скончавшемуся и похороненному въ Феодосіи.

Петръ Семеновичъ Котляревскій—по удачному проавинцу, данному ему Пушкинныи, «бичъ Кавказа»,—родился 12-го июня 1782 г. въ селѣ Ольховатѣ (Харьковской губерніи, Купянского уѣзда), где отецъ его былъ священникомъ. Подполковникъ Лазаревъ, случайно познакомясь съ семействомъ Котляревскихъ, записалъ молодаго Петра въ военную службу (1796 г.) и отрокъ Котляревскій, участвовавшій въ персидскомъ походѣ Зубкова, на 17-мъ году былъ произведенъ въ офицеры. Съ 1800 по 1813 годъ имя этого героя неразлучно связуется съ славѣйшими подвигами нашей кавказской арміи. Въ 1800 г. поручикъ Котляревскій, за отличие при пораженіи скопинъ дагестанскаго вѣдѣлы Омер-хана, былъ пожалованъ орденомъ св. Иоанна Иерусалимскаго и произведенъ въ штабсъ-капитаны 8-го декабря. Въ 1803 г. участвовалъ при взятіи Гянжинскаго форштадта: раненъ пулею въ правую ногу на вылетъ и

¹⁾ Воспоминанія Л. И. Кармалиной и письма къ ней А. С. Даргомыжскаго были напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1876 г., томъ XIII-й, стр. 268—271 и 416—495.

награждены орденом св. Анны 3-й степени. Въ 1804 году находился при взятіи штурмомъ Ганжи, а въ 1805—при пораженіи персидскаго сардара Шир-Кулихана, за что пожалованъ орденомъ св. Владимира 4-й ст. съ бантомъ. Затѣмъ участвовалъ: въ четырехдневномъ сраженіи при Аскаранѣ противъ персіянъ, предводимыхъ Аббас-мирзою (при чёмъ былъ раненъ въ лѣвую ногу на вылетѣ; при штурмѣ крѣпости Шах-Бузаха раненъ въ лѣвую руку картечью; при покореніи крѣпости Мухрати и въ сраженіяхъ по ту сторону реки Карабаха. Въ 1806 г. подполковникъ Котляревскій былъ въ сраженіяхъ близъ Аскаранѣ и при рѣчкѣ Хонанишѣ. 12-го декабря 1807 г. произведенъ въ полковники и въ 1808 году участвовалъ въ дѣлѣ на походѣ къ Нахичеваніи, въ совершенномъ пораженіи непріятеля при деревнѣ Карабабѣ и при окладѣніи съ боя Нахичеванью. Въ 1810 г. Котляревскій, начальникъ отдельнаго отряда на персидской границѣ, взялъ штурмомъ мѣстечко Мигри, при чёмъ раненъ въ ногу (награждены орденомъ св. Георгія 4-й ст. въ золотомъ шлагомъ съ надписью «за храбрость»). Въ декабрѣ 1811 г. послѣ перехода чрезъ сиѣговы горныя вершины, съ двумя баталіонами Грузинскаго grenадерскаго полка и съ сотней казаковъ, Котляревскій овладѣлъ крѣпостью Ахалкалаки, за что награждены чиномъ генераль-майора. Въ октябрѣ 1812 г. главнокомандовавшій на Кавказѣ генераль-лейтенантъ Ртищевъ поручилъ Котляревскому съ двухтысячнымъ отрядомъ удерживать на Араксѣ Аббас-Мирзу съ 30,000 войска; персидскіе войска съ самаго начала похода были разбиты, взято укрѣпленіе Каз-Кала и весь Карабагъ удержанъ за Россіею. За эти подвиги Котляревскій получилъ орденъ св. Анны 1-й степени и 1,200 р. асс. ежегодно. За разбитіе Аббас-Мирзы за Араксомъ и за овладѣніе его лагеремъ Котляревскій получилъ чинъ генераль-лейтенанта. 20-го октября 1812 г. разбить персіянъ при Асландузѣ: съ 1,500 лѣгкотѣ, 500 коннаги и 6-ю орудіями Котляревскій замѣстъ совершилъ пораженіе 30,000 непріятелей. Наши военные лѣтописи навѣки сохраняютъ слова героя, обращенные къ солдатамъ предъ началомъ битвы: «братьцы! намъ должно идти за Араксъ и разбить персіянъ. Ихъ—на одного десяти; но храбрый изъ васъ стонть десяти, а чѣмъ болѣе враговъ, тѣмъ славнѣе побѣда. Идемъ, братьцы, и разобьемъ!» За победу при Асландузѣ Котляревскому былъ пожалованъ орденъ св. Георгія 3-й степени. 1-го января 1813 г. герой, съ 1,400 отрядомъ, взялъ штурмомъ Ленкорань. Нашихъ было убито и ранено до 900 человѣкъ и самъ Котляревскій, пораженный одною пулею въ чѣсть и двумя въ ноги, закончилъ свое славное боевое поприще—будучи вынужденъ выйти въ отставку. За покореніе Ленкораніи онъ получилъ орденъ св. Георгія 2-го класса. Императоръ Николай Павловичъ, въ день своего коронаціи, 22-го августа 1826 года, пожаловалъ Котляревскому чинъ полного генерала.

Страдая отъ ранъ, герой прожилъ 38 лѣтъ безвыѣздно въ своемъ имѣніи близъ Феодосіи, довольствуясь пенсіею въ 15,000 р. асс. Лишенный употребленія ногъ, чудовищно обезображеный раною, полученною въ лицо, Котляревскій спасъ себѣ общія благословенія окрестныхъ жителей всѣхъ исповѣданій за гѣ благодѣнія, которымъ онъ посвятилъ половину страдальческой своей жизни. Петръ Семеновичъ скончался 20-го октября 1851 года. Достойно замѣчанія, что этотъ герой во всю свою жизнь не бывалъ въ нашихъ столицахъ; посвятивъ себя ратнымъ подвигамъ, онъ былъ чуждъ большого свѣта со всѣми его развлечениями.

На памятникъ герою Котляревскому собрано было до 3,000 р. Присоединивъ къ нимъ, съ своей стороны, болѣе 8,000 р., Айвазовскій начерталъ планъ часовни съ пристроеннымъ къ ней музеемъ древностей и иконъ произведеній. Это зданіе, отстроенное и торжественно открытое въ 1873 году, украшаетъ вершину горы, высящейся надъ Феодосією. Оно въ греческомъ стилѣ съ шестью колоннами, увѣнчанными фронтона. Внутренность часовни освѣщена окномъ въ видѣ орденского креста св. Георгія, окаймленного его лентою. Здѣсь икона св. апостола Петра и портретъ покойнаго Петра Семеновича Котляревскаго, писанные Айвазовскимъ. Рамка, на заказъ которой прислано было 180 р. офицерами и нижними чинами Грузинскаго гренадерскаго полка, котораго покойный Котляревскій былъ шефомъ (что и значится въ надписи, сдѣланной на рамкѣ), украшена писанными Айвазовскимъ медальонами, изображающими группы солдатъ упомянутаго полка въ разныя эпохи его существованія. Входъ въ музей украшенъ двумя мраморными гриффонами древней работы, поднятymi со дна моря. Во внутренности его, кроме шести картинъ, писанныхъ Иваномъ Константиновичемъ, хранятся и некоторые мѣстныя древности: мраморныи доски съ греческими, римскими и генуэзскими надписями, статуи изъ терра-котты, медали и монеты. Земля, на которой сооруженъ музей, въ количествѣ свыше десятины, безплатно отдана ему во владѣніе градской Феодосійской думою. Гора, на которой находится музей, обсажена деревьями и въ недалекомъ будущемъ, стараніями Айвазовскаго, здѣсь будетъ разведенъ ивиційный садъ.

Освященіе часовни и музея, какъ мы уже говорили выше, сопровождалось обѣдною, крестнымъ ходомъ и торжественнымъ обѣдомъ, на которомъ, кроме благодарственныхъ рѣчей Айвазовскому, ему поднесено было нѣсколько адресовъ и въ числѣ ихъ одинъ отъ жителей татарскаго селенія, сосѣдей покойнаго Котляревскаго. Въ этомъ адресѣ, написанномъ на турецкомъ языке съ переводомъ, татары, выражая сердечную признательность нашему художнику за его мысль почтить память ихъ благодѣтеля, трогательно излагали все, чѣмъ они были обязаны покойному Петру Семеновичу Котляревскому. Главнѣйшимъ благодѣяніемъ, которое было оказано татарамъ добродѣтельнымъ страдальцемъ, было предоставление на общее пользованіе принадлежавшаго его имѣнію

колодца превосходной ключевой воды: даръ особенно драгоценный въ краю скучающемся прѣсною водою. Адресъ этотъ глубоко тронулъ какъ самого Айвазовскаго, такъ равно и всѣхъ присутствовавшихъ при торжествѣ освященія часовни Котляревскаго и музея.

Въ ноябрѣ 1869 года Иванъ Константиновичъ, въ числѣ многихъ русскихъ, посѣтилъ Египетъ для присутствія при открытии Сuezского канала, 5-го (17-го) ноября. На этомъ торжествѣ, кроме нѣкоторыхъ именитыхъ лицъ разныхъ европейскихъ государствъ, находились, какъ известно, Евгентія, императрица французовъ, и Францъ-Іосифъ, императоръ австрійскій. На русскомъ пароходѣ, плывшемъ по каналу, спутниками Айвазовскаго были: соиздатель «Русскаго Вѣстника» профессоръ Леонтьевъ, гг. Сущевъ, Мордвиновъ, Кирѣевъ съ супругою и мн. др. Когда нашъ пароходъ входилъ въ Сuezский каналъ, шедшій впереди его пароходъ французскій сѣль на мель и пловцы принуждены были переждать покуда тотъ снимется. Эта остановка длилась часовъ пять. Была прекрасная лунная ночь, придававшая какую-то особенную, величавую красоту пустыннымъ берегамъ древней страны фараоновъ, отторгнутой каналомъ Лессепса отъ азіатскаго материка... Чтобы сократить время, пассажиры русскаго парохода устроили импровизированный вокальный концертъ: г-жа Кирѣева, обладая прекраснымъ голосомъ, приняла на себя обязанность запѣвали; стройный хоръ подхватывалъ.. И вотъ, на берегахъ Египта зазвучали пѣсни о «матушкѣ Волгѣ», о «темномъ лѣсѣ», о «чистомъ полѣ» и понеслись по волнамъ осребреннымъ луною, ярко свѣтившею на рубежѣ двухъ частей свѣта. Судя по разсказамъ Ивана Константиновича, проникнутымъ поэтическимъ восторгомъ, эту ночь можно назвать картиною Айвазовскаго, переложенною на музыку. Путешествіе въ Египетъ присоединило нѣсколько новыхъ данныхъ къ богатому запасу художественной памяти Ивана Константиновича. Пески Египта, купы финиковыхъ пальмъ, бѣлны стѣны зданій, отчетливо отдѣляющіяся отъ сафирнаго или рдѣющаго, какъ расплавленная хѣдь, африканскаго неба, глубоко врѣзались въ нее и, безъ сомнѣнія, будутъ имъ воспроизведены въ одной изъ будущихъ его картинъ.

ХІІІ.

Соборная церковь г. Феодосія.—Пребываніе въ Ниццѣ.—К. В. Чевкинъ.—Капитанъ Гарріль.—Графиня Дампіерръ.—Выставка въ Флоренції.—Портрет Айвазовскаго въ галлерей дворца Питти.—Жительницы Нью-Йорка, прибывши во Флоренцію, и ихъ овации художнику.

1870—1874.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ, съ 1870 по 1873, образъ жизни и художественная дѣятельность Айвазовскагошли обычнымъ путемъ: весну, лѣто и часть осени онъ проводилъ въ Крыму; вторую половину осени и зиму—въ Петербургѣ. Во избѣженіе сухаго перечня картинъ, за это время написанныхъ Иваномъ Константиновичемъ, указываемъ читателямъ на художественные периодическія изданія (въ особенности на «Всемірную Иллюстрацію»), въ которыхъ напечатаны отчеты объ академическихъ выставкахъ и обстоятельства свѣдѣнія о картинахъ Айвазовскаго. Вместо ихъ перечня занесемъ въ біографический его очеркъ замѣтку о его дѣятельности на поприщѣ гражданскомъ, какъ члена думы города Феодосіи. Соборный храмъ во имя св. Александра Невскаго, нынѣ украшающій родной городъ нашего художника, отстроенный на мѣстѣ упраздненной турецкой мечети, сооруженіемъ своимъ въ значительной степени обязанъ усерднымъ стараніямъ Айвазовскаго, напомнившаго согражданамъ, что построеніе собора было-бы осуществленіемъ мысли императора Александра I, выразившаго ее еще въ 1818 году. Въ царствованіе Николая Павловича исполненіе этой мысли, по многимъ весьма существеннымъ причинамъ, замедлялось, будучи отлагаемо съ году на годъ. Быть, между прочимъ, поднять вопросъ: есть ли настоятельная надобность въ соборномъ храмѣ для маловъ-селенаго города, въ которомъ число иновѣрцевъ превышаетъ число православныхъ? ¹⁾). Какъ бы то ни было, но нынѣ въ городѣ Феодосіи есть соборный храмъ изящной архитектуры; запрестольный образъ: «хожденіе Спасителя по водамъ»—произведеніе кисти Айвазовскаго, его приношеніе храму, о построеніи котораго такъ заботился почтенный художникъ.

¹⁾ Въ 1870 году въ Феодосіи числилось 9,865 жителей. Нынѣ (въ 1878 г.) оно еще не возросло до полныхъ 10,000.

Зимою 1873 года Иванъ Константиновичъ отправился въ Ниццу; отсюда—во Флоренцію, гдѣ Айвазовскаго ожидали торжества, напоминавшія ему первые годы бытности въ Италии. До перехода къ описанію пребыванія Ивана Константиновича во Флоренціи, приведемъ его собственные разсказы о выставкѣ его картинъ въ Ниццѣ и о встрѣчѣ съ нѣкоторыми замѣчательными личностями.

«Въ Ниццѣ я устроилъ выставку моихъ картинъ въ пользу тамошняго дѣтскаго приюта. Платонъ Чихачевъ познакомилъ меня тогда съ покойнымъ Константиномъ Владимировичемъ Чевкинымъ¹⁾), который видѣлъ картины мои еще до открытия выставки, и, весьма довольный ими, замѣтилъ Чихачеву, что скажетъ о нихъ г. N. N., владѣльцу одной изъ прекраснѣйшихъ въ Ниццы, русскому подданному,итающему, однако, исключительную нѣжность во всему иностранному. На сообщеніе К. В. Чевкина о моихъ картинахъ, г. N. N., всего прежде спросилъ о цѣнѣ, и узнавъ, что на выставкѣ нѣтъ картины дороже 10,000 франковъ, отозвался, что онъ не покупаетъ картины дешевле 30,000. Этотъ странный отзывъ о моихъ картинахъ до того смущилъ К. В. Чевкина, что онъ выразилъ Чихачеву готовность купить двѣ изъ нихъ, если не найдется другихъ покупателей. Однако-же нашлись покупатели, смотрѣвшіе на мои картины совсѣмъ иными глазами нежели г. N. N. Не успѣлъ я еще размѣстить моихъ картинъ, какъ въ залу выставки вошелъ нѣкто капитанъ Гаррль—чистѣйший типъ истаго англичанина: холодный, чопорный, сдержаный въ движенияхъ, скучой на слова. Быстро перенося тусклые свои глаза съ одной картины на другую, онъ указывалъ на нѣкоторыя пальцемъ, произнося на невозможномъ французскомъ языкѣ:

— Je achète ça, ça... et puis ça!²⁾.

«И купилъ онъ у меня пять картинъ на сумму 50,000 франковъ, и заключилъ торгъ чисто по англійски: записалъ мой адресъ, вручилъ 5,000 фр. задатка, обязуясь доставить остальные

¹⁾ Печатаніе біографії Константина Владимировича Чевкина начато въ «Русской Старинѣ», изд. 1877 г., томъ XIX, стр. 1—22. Продолженіе біографії этого достойнѣйшаго государственного дѣятеля помѣщено въ «Русской Старинѣ» 1878 г., томъ XXII, стр. 1—38.

²⁾ Я покупаю это, это... и еще это!

45,000 фр. черезъ десять дней. Эта послѣдняя статья была съблюдена оригинальнымъ покупателемъ съ самою безукоризненною точностью. Дешевыя мои картины пришлись, какъ видно, по вкусу англичанину...

«Другою, не менѣе оригинальною личностью, съ которой я познакомился въ Ницѣ, была очень добрая и любезная старушка графиня Дампьерръ (Dampièrre), страстная любительница живописи, въ бытые годы сама ею занимавшаяся. Она купила двѣ мои картины и пожелала лично со мною познакомиться. Французъ Кано, вызвавшійся представить меня ей, предупредилъ меня о странности организма почтенной старушки—всѣдѣствіе, какъ объясняли иѣкоторые, испуга ея матери въ бытность послѣдней въ интересномъ положеніи. Въ одной изъ дѣтскихъ сказокъ Перро выведены двѣ сестры, изъ которыхъ одна награждена, а другая наказана волшебницей: у первой, при каждомъ словѣ, изъ устъ вылетаютъ цвѣты и драгоцѣнныя камни, у второй—лягушки, жабы, ящерицы и змѣи. Послѣднимъ свойствомъ, въ переносномъ смыслѣ, разумѣется, обладала графиня Дампьерръ. При разговорѣ она содровождала почти каждое свое слово собачьимъ лаемъ, а желая сказать любезность—произносила сперва брань, дерзость или грубость... Затѣмъ, сдѣлавъ надъ собою видимое усиленіе, старушка говорила какъ слѣдуетъ, вѣжливо, любезно, плавно... Если по несчастію, прерывала свою рѣчь, то, приступая къ ней опять, снова лаяла, банилась, покуда не попадала въ прежній тонъ и складъ. О ней рассказывали, между прочимъ, какъ она представлялась императрицѣ Евгениѣ: въ отвѣтъ на какую-то любезность, сказала ей: *vous êtes une grosse vache!*¹⁾, полаяла—а потомъ разсыпалась въ извиненіяхъ и самыхъ изысканныхъ, любезныхъ фразахъ...

«То же самое повторилось, когда Кано представилъ меня графинѣ: «*Vos tableaux,—сказала она задыхаясь и лая,—sont exécrables, abominables... superbes, magnifiques!*²⁾.» Въ это время вошла въ зало какая-то знакомая ей дама и графиня съ любезною улыбкою произнесла: «*cochonne sotte!*» а тамъ спохватилась: «*ma belle amie, ma charmante!*³⁾.

¹⁾ Вы—толстая корова!

²⁾ Ваши картины отвратительны... ужасны!.. превосходны, великолѣпны!

³⁾ Свинья, дура!.... прелестный другъ мой, моя красавица!

«Мало по малу разговоръ установился на ровную колею; графиня бесѣдовала какъ истинно свѣтская, высокообразованная женщина. Говоря о живописи, она сказала, что особенную любовь къ этому художеству развили въ ней картины польского мариниста, бывшаго несолько лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ.

— «Un certain Iwakoffskey... Iwakoussky»¹), — припомнила она.

«Я отвѣчалъ, что подобной фамиліи, на сколько мнѣ известно, между польскими живописцами нѣть. Изъ русскихъ художниковъ, бывшихъ въ Парижѣ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, только я одинъ ишу фамилію похожую на эту, переименованную француженкою. По сюжету картинъ, видѣнныхъ ею, я убѣдился, что она говоритъ обо мнѣ и сказала ей, что ея «Иваковскій» и я — Айвазовскій — одно и тоже лицо. Тогда графиня въ восторгѣ обняла меня, начала цѣловать, лаять, осыпать меня поперемѣнно то самыми ласкательными, то бранными словами. Эта сцена произвела на меня тяжелое впечатлѣніе.

«Замѣчательно, что у этой графини Дампьерръ есть (или была — не знаю навѣрное) младшая сестра, точно такой же, какъ и она, патологический субъектъ: лаетъ и бранится, прежде не жели поведеть рѣчь какъ слѣдуетъ... Еще того замѣчательнѣе, что обѣ сестры были замужемъ».

Изъ Ницы Иванъ Константиновичъ отправился во Флоренцію. Здѣсь онъ выставилъ свои картины въ пользу пострадавшихъ отъ разлива реки Арно; картины было до двѣнадцати и онѣ привлекли на выставку многія тысячи посѣтителей; тѣснота и давка у входа были необычайны; сборъ простирался до 4,000 лиръ (свыше 800 р. сер.). Флорентинскія дамы поднесли художнику великолѣпный альбомъ со множествомъ подписей лицъ, принадлежавшихъ къ высшему и ученному сословію Тосканы. Профессора академіи заявили Ивану Константиновичу, что, по уставамъ академіи, онъ, какъ высокоталантливый иностранный художникъ, долженъ написать свой портретъ для помѣщенія въ галлерей дворца Питти. Эта почесть оказывается немногимъ: изъ русскихъ живописцевъ ея удостоились лишь Кипренскій и Айвазовскій.

Помимо этихъ лестныхъ извѣщеній сочувствія италіанцевъ

¹) Нѣкто Иваковскій... Ивакусскій.

его высокому дарованию, Иванъ Константиновичъ былъ порадованъ и глубоко тронутъ овациою, сдѣланною ему нѣсколькими юными любительницами художествъ, представительницами Нового Свѣта. Тогда изъ Нью-Йорка на флорентинскую выставку прибыли 15 дѣвицъ и обратили особенное вниманіе на картины Айвазовскаго; одна изъ нихъ, узнавъ адресъ Ивана Константиновича, посѣтивъ его, просила написать ей небольшую картину, цѣною въ 300 лиръ (около 70 р. сер.). Художникъ съ обычной скоростью исполнилъ ея желаніе и юная американка была въ восторгѣ. На слѣдующій день въ Айвазовскому является другая и, показывая довольно плохой пейзажъ, спрашивается—какъ онъ кажется художнику? Айвазовскій сказалъ откровенно, что живопись не важная. Тогда американка, сѣтуя на ограниченныи свои средства, замѣтила, что за пейзажъ такой-же величины заплатить Айвазовскому не можетъ, воспользоваться же бесплатно его произведеніемъ не желаетъ. «Это можно уладить,—отвѣчалъ ей Иванъ Константиновичъ,—я напишу вамъ пейзажъ за ту же цѣну, какую вы дали за эту картинку; но денегъ съ васъ не возьму, а попрошу купить мнѣ на нихъ какую нибудь мозаиковую вещицу». Заказчица съ удовольствіемъ согласилась и, пріѣхавъ за картиной, отдала за нее Ивана Константиновича очень красивымъ прессъ-паше. Это было въ пятницу. Въ воскресенье, возвращаясь изъ церкви, Айвазовскій услышалъ отъ привратника отеля, въ которомъ жилъ, что его «ожидаются американки».... Въ недоумѣніи художникъ всходитъ на лѣстницу и видитъ, что по обѣимъ ея сторонамъ стоять два строя американокъ, съ великолѣпными букетами камелій въ рукахъ. Старшая изъ нихъ, встрѣтивъ Ивана Константиновича на верхней площадкѣ лѣстницы, поднесла ему вѣнокъ и увѣнчала имъ художника, сказавъ очень милый, любезный «спичъ»... Затѣмъ дѣвицы, вручивъ Айвазовскому свои карточки, радушно приглашали его въ Нью-Йоркъ, обѣщая ему торжественную встречу и цѣлья тучи вѣнковъ и букетовъ, которыми онъ и ихъ сограждане готовы засыпать весь путь художника.

О картинахъ Ивана Константиновича, выставленныхъ въ 1874 году во Флоренціи, было напечатано множество статей въ итальянскихъ, французскихъ и англійскихъ газетахъ. По возвращеніи въ Крымъ, Айвазовскій, по приглашенію султана Абдуль-

Азиса (въ послѣдствіи зарѣзанаго въ константинопольскомъ дворцѣ Долма-Бахче), посыпалъ Константинополь. Рассказъ объ этой недавней поѣздкѣ въ столицу Оттоманской имперіи, равно и о картинахъ, написанныхъ Иваномъ Константиновичемъ для сultана Абдуль-Азиса, передаюсь со стенограммы, записанной по рассказамъ самого художника.

XIV.

Поѣздка въ Константинополь.—Султанъ Абдуль-Азисъ.—Картины, для него написанные.—Пожалованіе Айвазовскому ордена Османіз.—Художественная дѣятельность въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ.

1874—1878.

— «Въ бытность мою въ Константинополѣ, въ 1858 году, на обратномъ пути изъ Франціи въ Россію, я посыпалъ начальника константинопольскихъ пороховыхъ заводовъ, Серкиза-эфенди, очень любезнаго и образованнаго человѣка. Разъ, вечеромъ, сидя у него, я нарисовалъ небольшую картину на папіер pele (загрунтованный тонкій картонъ) и подарили ему на память. Этотъ рисунокъ Серкизъ-эфенди поднесъ сultану Абдуль-Меджиду¹⁾, который, въ свою очередь, подарили его брату своему Абдуль-Азису—страстному любителю живописи. Извѣстно, что коранъ возбраняетъ правовѣрнымъ изображать на картинахъ живыхъ существа и потому аравійскіе и турецкіе живописцы ограничиваются лишь пестрыми узорами и рисовкою цвѣтовъ. Но Абдуль-Азисъ, одаренный несомнѣннымъ талантомъ, занимался живописью съ изображеніемъ фигуръ, нисколько не стѣсняясь запрещеніями корана. Лѣтъ пять тому назадъ Серкизъ-эфенди поднесъ ему подаренную женѣ его мою картину: «восходъ солнца въ Константинополѣ» и султанъ съ первого же взгляда узналъ мою работу. Примѣру Серкиза-эфенди послѣдовала придворный архитекторъ Серкизъ-бей: картина, мною писанная, подаренная имъ сultану, также весьма понравилась Абдуль-Азису и онъ выразилъ желаніе пріобрѣсть нѣсколько моихъ картинъ. Серкизъ-

¹⁾ Султанъ Абдуль-Меджидъ родился 23-го апрѣля 1823 г., наслѣдовавъ отцу своему Махмуду II—2-го июля 1839 г., умеръ 26-го июня 1861 года. Прѣемникъ его Абдуль-Азисъ родился 9-го февраля 1830 года.

бей телеграфировалъ мнѣ обѣ этомъ въ Крымъ.. Я присыпалъ четыре картины, которыхъ всѣ были куплены султаномъ. Послѣ того черезъ Серкизъ-бая онъ самъ сообщалъ мнѣ сюжеты для заказываемыхъ картинъ. Воображеніе его, должно замѣтить, было самое поэтическое. Такъ, по его рисункамъ, сдѣланнымъ красными чернилами, я написалъ «бурю у скаль острова Хиоса» и «снѣговые горы». Вообще же для Абдулъ-Азиса я написалъ тогда до пятнадцати картинъ.

«Спустя нѣкоторое время, я получилъ изъ Константинополя формальное приглашеніе представиться султану. Готовясь къ отѣздѣ, я написалъ нѣсколько картинъ и между прочими «утѣхающую бурю съ яркою радугою надъ волнами». При отѣздѣ моемъ въ Константинополь, въ мѣстныхъ газетахъ было напечатано: *le général Aïwasoffsky venant de la Russie arrivera bientôt dans notre capitale* (Генералъ Айвазовскій, юдущій изъ Россіи, скоро прибудетъ въ нашу столицу). Гражданскій мой чинъ редакторы константинопольскихъ газетъ, невѣдомо съ какой стати, переиначили въ соотвѣтствующій военный, позабывъ прибавить къ тому слово «живописецъ». Это *qui-pro-quo* подало поводъ къ дипломатическому недоразумѣнію. Англійскій посланникъ въ Константинополѣ обратился къ нашему послу Николаю Павловичу (нынѣ графу) Игнатьеву съ вопросомъ: кто такой генераль Айвазовскій и съ какою цѣлію прибылъ онъ въ Константинополь? Во время остановки нашего парохода въ Буюкъ-дере, комѣ явился посланный отъ Н. П. Игнатьева съ приглашеніемъ къ нему. Когда я исполнилъ желаніе Николая Павловича, онъ весьма любезно предложилъ мнѣ, во избавленіе меня отъ объясненія съ таможенными, — довезти меня на своемъ пароходѣ до Константинополя. Я, разумѣется, съ удовольствиемъ принялъ это предложеніе: по прїездѣ туда, Н. П. Игнатьевъ отправился во дворецъ къ султану, а я въ Перу.

«Представленіе мое султану назначено было на слѣдующій день, въ 12 часовъ. Явясь къ назначенному времени, я, сопровождаемый первымъ драгоманомъ посольства г. Ону и Серкизъ-беемъ, былъ введенъ въ залу дворца, въ которую вскорѣ вышелъ султанъ Абдулъ-Азисъ. Мнѣ съ первого взгляда понравились добродушныя черты его лица, окаймленного небольшою бородкою, ласковый взглядъ и привѣтливая улыбка. Онъ говорилъ со мною

по турецки; но, хотя я и знаю этот языкъ, однако же посредничество г. Ону, какъ переводчика, оказалось необходимо: Абдуль-Азисъ примѣшивалъ къ турецкимъ фразамъ множество арабскихъ словъ. Очень лестно отзывался онъ о моихъ картинахъ; сказалъ, что во время путешествія своего по Европѣ пріобрѣлъ иѣкоторый изъ нихъ; что, въ молодости, онъ занимался копиро-ваніемъ моихъ картинъ, подаренныхъ ему его братомъ, Абдуль-Меджидомъ. Затѣмъ, ласково рас простясь со мною, султанъ удалился изъ залы.

«Тогда вошло нѣсколько при дворныхъ и намъ, съ г. Ону, поданъ былъ кофе. Минутъ черезъ пять, ихъ позвали къ султану; потомъ одинъ изъ камергеровъ вынесъ и подалъ мнѣ ящичекъ краснаго бархата, со словами:

— Его величество султанъ повелѣлъ передать лично вамъ!

«Въ ящичкѣ лежали брилліантовые знаки ордена Османія второй степени.

«Когда, по возвращенію моемъ изъ дворца, я явился къ Н. П. Игнатьеву, передалъ ему подробности моей аудіенціи и показалъ пожалованный мнѣ орденъ, Николай Павловичъ замѣтилъ, что орденъ Османія — орденъ царственныи и пожалованіе имъ есть знакъ величайшаго благоволенія сultана, весьма рѣдкаго, особенно къ иностранцу.

«Въ течеіе трехъ недѣль пребыванія моего въ Константино-полѣ, я написалъ шесть картинъ; изъ нихъ «пароходъ, идущій по волнамъ» и «базарный каикъ» исполнены были мною по ри-сункамъ сultана Абдуль-Азиса. По возвращенію въ Крымъ, я написалъ ему еще до 15-ти картинъ и, сверхъ того, двѣ — въ пода-рокъ: «видъ Петербурга съ Троицкаго моста» и «видъ Москвы зимою»; за эти двѣ картины султанъ пожаловалъ мнѣ драгоценную, брилліантами осыпанную табакерку. Общее число моихъ картинъ, находящихся въ сultанскихъ дворцахъ Константинополя, простирается до сорока».

Изъ недавнихъ газетныхъ извѣстій видимъ, что картинами Айвазовскаго украшены были стѣны того самаго дворцоваго зала, въ которомъ происходили переговоры о мирѣ между Его Импера-торскимъ Высочествомъ Государемъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ и турецкими властями, въ февралѣ нынѣшняго 1878 года. Здѣсь нельзя не обратить вниманія на судьбу кар-

тать Айвазовского и ея странную связь съ нашими военными и политическими отношениями къ Турци: три войны Россіи съ Турциею, въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, даютъ художнику сюжеты къ написанію картинъ, изображающихъ подвиги и щобы нашихъ войскъ; его-же картины, въ мирное время написанные для турецкаго султана—нѣмые свидѣтели торжества нашего оружія и окончанія послѣдней войны нашей съ царствомъ оттомановъ.

Перечисляя картины Айвазовского, написанныя имъ въ большихъ размѣрахъ въ теченіе сорока-двухъ лѣтъ, мы не упомянули о безчисленномъ множествѣ его миніатюрныхъ пейзажей на загрунтованной бумагѣ (*papier pelé*) и на тонкомъ картонѣ, произведеніяхъ, такъ сказать, «альбомныхъ», которая онъ писалъ и пишетъ въ нѣсколько минутъ для многочисленныхъ своихъ знакомыхъ. Даже эти, въ сущности, бездѣлицы—яркія искры его таланта и всѣ онѣ запечатлѣны тою прелестью, которая свойственна большими картинамъ Айвазовского. Между любителями живописи существуетъ особый терминъ: «волна Айвазовского», и эти два слова такъ же неразрывно связаны одно съ другимъ, какъ слово «Мадонна» съ именемъ Рафаэля, слова «божественный младенецъ» съ именами Перуджино или Сассо-Феррато.. И «волны Айвазовского», даже на небольшомъ кускѣ картона, написанный имъ съ быстротою минутнаго всплеска живой волны, неподражаемы и могутъ быть написаны съ такою правдивою прозрачностью и текучестью—только имъ однимъ.

5-го ноября минувшаго 1877 года Иванъ Константиновичъ прибылъ въ Петербургъ и, послѣ кратковременнаго отдыха, занялся устройствомъ выставки привезенныхъ имъ съ собою картинъ и писаніемъ новыхъ. Выставка картинъ Айвазовского, открытая имъ въ исходѣ ноября 1877 года, въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ, эта живописная хроника событий недавней войны, возбудила всеобщія похвалы въ зрителяхъ. Въ особенности привлекла всеобщее вниманіе символическая картина Ивана Константиновича, написанная имъ въ Москвѣ: «зnamенія времени». Содержаніе и значеніе картины тогда же были разсказаны почти во всѣхъ газетахъ и изложены въ особо отпечатанномъ листкѣ¹⁾.

¹⁾ Оттискъ изъ «Вѣстника Народной Помощи» 1877 г., № 27.

Послѣднее изложеніе (написанное женщиною) на столько вѣрно передаетъ сюжетъ картины и мысль художника, что мы приводимъ его въ извлечениі:

Художникъ! чѣтъ тебѣ открылось?
 Твой гений творческій проникъ
 Въ непроницаемый тайникъ,
 И—недовѣдомое вскрылось
 Въ недосыгаемой дали
 Пространства, времени, земли....
 Ты, вдохновенный раздѣлятель
 Сокровищъ свѣта и тѣней,
 Какъ благовѣстникъ нашихъ дней,
 Днесъ стать великой тайны зрителъ,
 И перевезь на похотно
 То, что Христомъ возвѣщено....

.....

«Содержаніе картины просто: внизу картины взору зрителя представляется часть земного шара, расположенного такимъ образомъ, что явственно различаются очертанія суши Балканскаго полуострова, пересыпаемаго теченіемъ главной рѣки, Дуная, съ его рукавами (Мачинскій и Сулинскій), получившими известность въ настоящую войну. За чертою славнаго въ пѣсняхъ румынъ и славянъ Дунай, въ пространствѣ, заселенномъ, преимущественно, славянскими народами, еще неосвободившимися отъ власти турокъ, въ нѣсколькоихъ мѣстахъ выдѣляются огненные точки посреди великаго пожарища, отъ котораго къ небесамъ поднимаются черные и густые клубы дыма... Темныя воды Чернаго моря съ Константинопольскимъ проливомъ и Мраморнаго,—съ Дарданельскимъ, соединяясь съ бурными волнами греческаго Ариппелага, отдѣляютъ рѣзко освѣщенную часть европейскаго материка отъ мрачнаго азиатскаго, и въ этомъ какъ-бы олицетворяютъ многовѣковое противоположеніе міра западнаго и восточнаго: христіанскаго и мусульманскаго, языческаго. До половины ся, отъ низу, изображено воздушное пространство, по которому текутъ густыя, полныя ирака, облака, клубясь въ тучи, надъ чутъ сквозящими подъ ними и закутанными ими очертаніями горъ. Огненно-кровавый отблескъ проходитъ полосами по ихъ изгибамъ—тамъ чутся гроза съ громами и гибелью... Мысль зрителя настоящей минуты сама угадываетъ въ этихъ тучевидныхъ горахъ отдаленные и, виѣстѣ—близкіе ему теперь, грозные Балканы... Справа отъ него, внизу, темно синѣть, подъ иглою вавишихъ облаковъ, Черное море, и при немъ, инитя, гдѣ-то очерчивается нѣй градъ, съ завѣтию, влекущею къ себѣ святини (храмомъ св. Софіи)... Глазъ его не видить, но чувство сильно говорить, что за этимъ загадочнымъ сумракомъ, подъ покровомъ полуночи, притаился этотъ градъ

царя великаго (Константинополь). Стѣна тучи особенно густы: это тучи съ сѣвера—суровыя, холодныя, градоносныя тучи! Онѣ находять, надвигаются медленно, тяжело, неотразимо; застилаютъ онѣ собою луну (символъ иусульманства); только ея косвенное отраженіе прорѣзывается изъ-за окраинъ и дрожитъ внизу, на освѣщенной имъ синевѣ пространства.

«Но картина чудно освѣщена сверху свѣтомъ необычайнымъ, невыразимымъ,—свѣтомъ, сияющимъ съ высоты до низу на все пространство до послѣдняго предѣла, тонкими, продолговатыми, прозрачными лучами, исходящими изъ крестовиднаго свѣтила, блестающаго свѣтло съ высоты небесной... Вправо подъ нимъ исчезаетъ въ его сияніи звѣзда восточная... Невиданное, солнцеобразное свѣтило! Чѣмъ болѣе устремляется на него зрѣніе, тѣмъ болѣе широкъ свѣтомъ оно разгорается, тѣмъ ярче свѣтить изъ него кресть!»

Вдохновенный картиною Айазовскаго, талантливый нашъ поэтъ А. Н. Майковъ посвятилъ ей слѣдующіе стихи:

Воздушный этотъ кресть—ты угадай—всегда
Сияль въ высі таинственной надъ нами!
Онъ шелъ предъ нашими полками
Какъ виолеемская звѣзда
Въ чудесную ту ночь, предъ тѣми пастухами,
Чтѣ первые привѣтствовать пошли
Благую вѣсть любви и мира на земли...
Онъ вѣль нась за Дунай, въ матели, въ дни и ночи,
На высотѣ Балканъ гоня предъ нами тьму,
И павшихъ въ полѣ битвъ тускнѣющія очи
Взвносили исповѣдь послѣднюю къ нему...
Сияль надъ полевыми, пустынными лазаретомъ
Въ сердца тѣхъ чудныхъ женъ, чтѣ, бросивъ дождь и кровь,
И вѣгу и покой, простилися со свѣтомъ
И погреблись въ трудѣ—святѣшемъ изъ трудовъ....
Онъ—вождь нашъ искони; лишь подъ его покровомъ
Мужала Русь въ пути своемъ суровомъ,
Куда-бѣ онъ нась ни вѣль,—мы вѣримъ только имъ
И сильны мы и имъ лишь побѣдимъ!

Самое точное понятіе о неослабной быстротѣ работы почтенного нашего художника можетъ дать перечень картинъ, написанныхъ имъ въ бытность въ Петербургѣ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ (съ 15-го ноября 1877 по 20-е марта 1878 г.):

Размѣрами въ три и четыре аршина длины:

- 1) Предъ стрижкой овецъ въ Крыму, на берегу Чернаго моря (для Парижской выставки).
- 2) Бурная лунная ночь въ Архипелагѣ (тоже).

- 3) Закатъ солнца и островъ Искія въ Неаполитанскомъ заливѣ. Картины среднаго размѣра въ полтора и два аршина:
- 4) Прибой волнъ въ Феодосійской бухтѣ.
- 5) Бой парохода «Веста» 11-го юля 1877 г. (принесена художникомъ въ даръ Морскому музею).
- 6) Взрывъ турецкаго монитора «Литфи-Джезиль» въ Мачинскомъ рукавѣ Дуная, 29-го апрѣля 1877 г. (тоже).
- 7) Тотъ же сюжетъ въ большемъ размѣрѣ (назначена художникомъ въ строющійся Московскій музей).
- 8—9) Взятіе турецкаго парохода «Мерсина» у Пендеракли пароходомъ «Россія»—и
- 10) Взрывъ турецкаго трехмачтоваго броненосца въ Сулинскомъ гирлѣ 27-го сентября 1877 г. (принесены художникомъ въ даръ Морскому музею).
- 11) Кавказскій берегъ на Черномъ морѣ.
- 12) Бура у Ялты (для барона Штиглица).
- 13) Видъ на южномъ берегу Крыма (для г. А. Полежаева).
- 14) Бомбардировка Феодосіи.
- 15—16) Переправа Государя Императора Александра Николаевича чрезъ Дунай (находятся у Его Императорскаго Величества).
- 17) Тотъ же сюжетъ (для Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Сергія Александровича).
- 18) Закатъ солнца у острова Капри въ Неаполитанскомъ заливѣ (для г. Терликова).
- 19) Султанскій кіоскъ на Босфорѣ (для него же).

Кромѣ упомянутыхъ картинъ большихъ размѣровъ, написано Иваномъ Константиновичемъ до десяти—малыхъ; въ общей сложности, въ четыре мѣсяца—до тридцати картинъ. Число это, поразительное для всякаго другаго художника, можно назвать умѣреннымъ относительно произведений Айвазовскаго, такъ какъ Иванъ Константиновичъ не можетъ провести ни одного дня не прикасаясь къ кисти и не удѣляя несколькихъ часовъ столь пленительно любимому искусству.

XV.

Заключение.

Талантомъ, точно такъ же какъ и умомъ, дѣлиться нельзя; но можно дѣлиться знаніемъ и умѣньемъ. Въ данномъ случаѣ мастерская Ивана Константиновича никогда не была святилищемъ недоступнымъ, какъ для молодыхъ художниковъ, такъ и для любителей живописи. Путемъ копирования его картинъ развили свои таланты и выработали живописную технику А. П. Боголюбовъ, Л. Ф. Лагоріо и Куинджи. Лагоріо ознакомился съ картинами Ивана Константиновича въ бытность его въ Крыму, въ 1839 году. Отецъ Лагоріо, замѣтивъ въ пятнадцатилѣтнемъ сыне страсть къ живописи, просилъ Айазовскаго содѣйствовать развитію юнаго дарованія. Иванъ Константиновичъ съ полной готовностью ввелъ молодаго Лагоріо въ свою мастерскую, гдѣ тотъ занялся копированиемъ картинъ Айазовскаго. Уѣзжая въ Петербургъ въ 1840 году для отбытія въ чужie краи, Иванъ Константиновичъ взялъ съ собою нѣсколько рисунковъ Лагоріо, представилъ ихъ Зауервейду, прося оказать юному художнику свое покровительство, и затѣмъ уѣхалъ въ Италию. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ г. Крамеръ, хороший знакомый Айазовскаго, при содѣйствіи покойнаго герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго, вызвалъ Лагоріо въ Петербургъ, опредѣлилъ его въ академію художествъ пенсионеромъ кабинета Его Императорскаго Величества. Въ академіи Л. Ф. Лагоріо обнаружилъ талантъ самостоятельный и черезъ пять — шесть лѣтъ пользовался уже значительной известностью.

О дарованіи г. Куинджи сообщили Айазовскому маріупольскій негоціантъ Аморетти, когда этому молодому художнику было лѣтъ четырнадцать. Иванъ Константиновичъ, уступая просьбамъ Аморетти, согласился взять Куинджи къ себѣ въ мастерскую, для нагляднаго ознакомленія съ основными правилами живописи. Живя въ имѣніи Айазовскаго, Куинджи копировалъ его картины, подъ руководствомъ Фестлера, работавшаго въ студіи Айазовскаго. По отѣзгадѣ Ивана Константиновича, Куинджи, пробывъ четыре мѣсяца въ его мастерской, уѣхалъ въ Маріуполь, оттуда въ Петербургъ, гдѣ и поступилъ въ академію. Кромѣ упомянутыхъ трехъ

художниковъ, картины Ивана Константиновича копировали еще многіе, болѣе или менѣе даровитые, любители живописи, но учениковъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, у него не бывало. По отзывамъ нашего почтенного художника, югъ Россіи и Крымъ обилуютъ самородными талантами по всемъ отраслямъ искусствъ; школа живописи въ Одессѣ могла бы служить богатымъ разсадникомъ отечественныхъ дарованій и еслибы эта мысль Айвазовскаго осуществилась тридцать лѣтъ тому назадъ, то нынѣ мы радовались бы благотворнымъ послѣдствіямъ подобного рода учрежденія. Почему эта простая мысль не осуществилась? Вопросъ этотъ остается открытымъ.....

По словамъ Ивана Константиновича, художникъ-учитель живописи долженъ знакомить ученика лишь съ техникою, такъ сказать, съ ручными приемами искусства; онъ можетъ научить «какъ писать»; но «что писать» и «съ чего писать»—это должно подсказать ученику уже его собственное дарование. Рабское копирование картинъ великихъ художниковъ и подражаніе имъ—два тяжкие тормоза, не только замедляющіе, но весьма часто и приставливавшіе развитіе таланта. Учитель можетъ задать ученику, какъ тему для сочиненія, сюжетъ для пейзажа; но для исполненія его, для разрѣшенія задачи, художникъ долженъ обратиться къ живой природѣ и по естественнымъ даннымъ выработать заданный ему сюжетъ. Картины великихъ мастеровъ слѣдуетъ изучать какъ бы произведенія великихъ композиторовъ, лишь съ точки зрѣнія техники, отнюдь же не въ отношеніи сюжетовъ картинъ. Одинъ и тотъ-же сюжетъ изъ живой природы, подобно музыкальной темѣ, можетъ варьироваться до безконечности. Задайте написать закатъ солнца двадцати ученикамъ и его изобразить, болѣе или менѣе близко къ природѣ, на двадцать различныхъ ладовъ; каждый ученикъ уловить черты особенно близкія его понятію, чувству, художественному инстинкту. Но если тотъ же ученикъ скопируетъ пейзажъ съ Рюисдаля, небо—съ Сальватора Розы, воду—съ Клодъ Лоррена—выйдетъ мертвенная пестрота, безтолковое пастиччіо, подобное стихотворенію, составленному изъ подобранныхъ подъ риѳмы строки, выхваченныхъ изъ Державина, Пушкина, Лермонтова, Некрасова—хотя бы онъ были подобрани и со смысломъ и съ единствомъ метрическаго размѣра.

Изъ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ, изу-

чение которыхъ имѣло важное вліяніе на развитіе дарованій Ивана Константиновича, онъ указываетъ на картины Семена Щедрина, Брюллова, Бруни; Гюдена, Схотля и Лудольфа Бакгюзена (1631 † 1709). Щедринъ—первый изъ русскихъ пейзажистовъ, давшій вѣрное направление взгляду на природу; онъ правдивъ и добросовѣстенъ при изображеніи неба, воды, воздуха; вода на его картинахъ—живая, текущая, а не сухая ткань муарѣ, сложенная волнистыми складками. Въ картинахъ Брюллова всегда осязаемо живое вдохновеніе; въ картинахъ Бруни безукоризненная правильность рисунка. Изъ иностранцевъ—Гюденъ замѣтелъ въ своихъ произведеніяхъ, написанныхъ имъ до 1848 года; фланандцы Схотль и Бакгюзенъ въ ихъ пейзажахъ чужды монотонности, присущей пейзажистамъ этой школы.

Возвращаясь къ сравненію живописи съ музыкой и поэзіею, нашъ художникъ въ откровенной бесѣдѣ высказалъ ту мысль, которой проникнуты все его произведенія.— „Идеализація живой природы (говорить онъ) есть крайность, которой я всегда избѣгалъ и избѣгаю въ моихъ картинахъ; но поэзію природы—всегда чувствовалъ, чувствую и стараюсь передать ее моимъ вистямъ. Обаиніе лунной южной ночи, нѣга яснаго заката, ужасъ, нагоняемый на душу бурею или ураганомъ—вотъ тѣ чувства, которыхъ вдохновляютъ меня, когда я пишу мои картины. Преклоняясь предъ великими мастерами фланандской школы, столь правдивыми въ ихъ прозѣ, но не слѣдоваль и не послѣдуя имъ. Высоко-талантливый художникъ можетъ безукоризненно вѣрно и близко къ действительной природѣ изобразить самыя обыденныя и неизящныя ея явленія; но подобного рода картины относятся къ художеству такъ же точно, какъ искусное звукоподражаніе къ музикѣ. Ловкій шуткарь можетъ превосходно свистать соловьями, щебетать канарейкой или звенѣть жаворонкомъ, но можно ли поставить его на одну доску съ виртуозомъ или пѣвцомъ? Формовщикъ можетъ снять гипсовый слѣпокъ съ живаго тѣла, но слѣпокъ этотъ нельзя поставить рядомъ съ мраморными изваяніями Караваджи или Торвальдсена. Реализмъ въ живописи вполнѣ умѣстенъ тамъ, гдѣ того требуетъ сюжетъ картины; мудрено художнику идеализировать корчму, ярмарочную сцену, кулачный бой или задний дворъ фермы.... но грустно видѣть когда художникъ идеальную красоту облекаетъ въ прозаическую форму, т. е., избирая сю-

жеть полный поэзіи, излагаетъ его чуть не плоскаднымъ образомъ. Рафаэль прозаическимъ чертамъ Форнарины придавалъ ту идеальную чистоту, святость и божественную кротость, которая должна приводить въ восторгъ каждого зрителя «Мадонны»... но если талантливый художникъ, задавшись мыслю извести божественную красоту до человѣка, а не красоту человѣческую возвысить до божества—напишетъ лицъ Спасителя съ первой ему попавшейся подъ руку физиономіи ломоваго извозчика или водяноса, едва-ли кто (и я всѣхъ менѣе) признается въ немъ лицъ Богочеловѣка. Никому не навязываю моего мнѣнія, но считаю себя въ правѣ высказать его....

«Мысленно оглядываясь на пройденное мною сорокадвухлѣтнее поприще, припоминая сюжеты двухъ тысячъ мною написанныхъ картинъ, позволю себѣ сознаться, что въ глубинѣ души моей издана зрееть нѣсколько сюжетовъ, которые желалъ-бы выполнить съ живѣшиимъ сочувствиемъ. Таковы, между прочими—«моментъ кораблекрушенія» и по неимѣнію иного, болѣе подходящаго наименования: «свѣть и тьма» или—«красота и безобразіе».

«Кораблекрушенія изображалъ я нѣрѣдко на монхъ картинахъ; но зрители видѣли ихъ лишь издалека, угадывая сердцемъ и воображеніемъ тѣ ужасы, которые свирѣпствуютъ въ хрупкихъ деревянныхъ стѣнахъ корабля, разрушаемыхъ волнами. На задуманной мною большой картинѣ я изобразилъ бы моментъ кораблекрушенія какъ бы въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ зрителя, и постарался бы уловить послѣднія мгновенія жизни пассажировъ и существованія самого корабля; группы людей обоего пола, всѣхъ возрастовъ, гибнуть, или готовятся погибнуть въ волнахъ, обуянныя ужасомъ и безнадежностью.... Нѣчто подобное уже было изображено мною на картинѣ «всемірный потопъ», но здѣсь я могъ бы еще осозаемѣе и общедоступнѣе выразить мою мысль. Самый эпизодъ великаго геологического переворота, отдѣленаго отъ насть безчисленными множествомъ вѣковъ, не можетъ дѣйствовать на воображеніе зрителя столь потрясающимъ образомъ, какъ изображеніе несчастнаго событія, такъ сказать, обыденаго, о которомъ можемъ прочитать въ сегодняшнихъ или завтрашнихъ газетахъ. Точно такъ же картина битвы при Гранікѣ или при Арбеллахъ никогда не произведетъ на зрителей такого впечатлѣнія, какое

произведеть на нихъ эпизодическая сцена изъ недавней войны съ турками—Шибка, Ловча, или Плевна.

«Другая мною задуманная картина должна быть—соответственно мысли — громадныхъ размѣровъ. Мысль моя та, чтобы выразить въ живыхъ образахъ красоту и безобразіе видимой природы. По уступамъ на поверхности земли живые представители всего прелестнаго и изящнаго, отъ растеній до человѣка, но и это еще не послѣдняя высшая ступень мірозданія: на свѣтломъ безоблачномъ небѣ, съ лучами свѣта, ниспадающими свыше, сливаются существа, или, вѣрнѣе, легкія очертанія существъ иного, высшаго міра, живыя звѣнья, соединяющія тѣлесный міръ съ міромъ нетѣлеснымъ... Отъ подножія прекраснѣйшихъ существъ природы подъ горизонтомъ начинается постепенный переходъ къ безобразнѣйшимъ. Тусклый свѣтъ, проникая въ разсыпину земли, слабо обрисовываетъ нестройныя геологическія наслоенія, обломки зданій, остатки безобразныхъ гномовъ, озаренныхъ снизу отблесками волчаническаго огня, вложечущаго глубоко въ земныхъ недрахъ...

«Эта мысль зреетъ въ моемъ воображеніи уже десять лѣтъ; не теряю надежды, что придетъ и минута вдохновенія, когда я воплощу эту мысль — выражу ее кистью и красками, со всемъ силомъ, которую еще сознаю въ себѣ, со всей энергией, которая, съ годами, кажется, еще не угасла»...

Этими словами нашего даровитаго художника и пожеланіемъ ему еще долгихъ лѣтъ неослабной дѣятельности, а съ нею и славы, заканчиваемъ его біографический очеркъ.

С.-Петербургъ, 6-го апрѣля 1878 г.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Челобитная на заводчика Акинея Никитича Демидова

въ 1721 г.

Благороднымъ господамъ артиллеріи капитану Василію Никитичу Татищеву да бергмейстеру Ивану Ивановичу Блюеру ¹⁾). Доношеніе.

Въ прошлыхъ годѣхъ, назадъ тому лѣтъ съ девятнадцать, обыскали мы, нижепоименованные, мѣдную руду, которую объявляли при семъ, Верхотурскаго уѣзду, вверхъ по Тагилу, по рѣчкѣ Вой ²⁾, въ горѣ, отъ деревни Тагильской въ дву верстахъ.. И оную руду объявили мы на Верхотурѣ управителю Алексѣю Калетину ³⁾). И оный Калетинъ тое руду промышлять не началь. И въ прошломъ 1714 году оную руду объявили мы Никитѣ Демидову. И оный Демидовъ до 720 году не промышлять; а въ 720 году промышлять началь и промышляетъ донынѣ. А нынѣ намъ, нижепоименованнымъ, руду искать запрещаетъ; а которую руду обыскали мы, нижепоименованные, въ другихъ мѣстахъ, и оный Демидовъ объявлять намъ не велить. И по всѣмъ дорогамъ учинилъ заставы, и говорить: «Ежели буде становете руды объявлять на Уктусскій заводъ, то-де мы вась быть станемъ кнутомъ и въ домы помечемъ».

¹⁾ Татищевъ и Блюеръ завѣдывали Уральскими заводами въ 1720 и 1721 годахъ. Просьба подана была имъ на Уктусскомъ казенномъ заводѣ (близъ нынѣшняго Екатеринбурга).

²⁾ Рѣчка эта называется иныѣ Выя; впадаетъ въ р. Тагилъ. Деревни Тагильской уже не существуетъ.

³⁾ Столпникъ Алексѣй Ивановичъ Калетинъ бывъ сначала воеводой Кунгурскимъ, а потомъ, въ 1703 и 1704 гг., Верхотурскимъ.

⁴⁾ Въ то время бобры водились даже на югѣ нынѣшней Пермской губерніи; теперь же они попадаются, и то чрезвычайно рѣдко, лишь въ самой сѣверной части Верхотурскаго уѣзда.

Н. Ч.

20*

А сего іюня въ 5-й день сосѣди наши уѣхали изъ домовъ своихъ для приску мѣдной руды; и, прѣѣхавши послѣ ихъ къ нимъ въ дома отъ Демидова, шуринъ его, Иванъ Ивановъ сынъ Малыхъ, дѣтей ихъ изъ дома выбросаль и говорилъ: «Ежели отцы ваши въ домы будутъ, то я ихъ кнутомъ застегаю».

А сего іюня въ 12-й день носили мы, нижепоименованные, сюда на Уктусть, для объявленія, мѣдныхъ рудъ. И оный Демидовъ посыпалъ за нами въ погоню и хотѣлъ нась взять и увезти къ себѣ на заводъ. И мы, нижепоименованные, ушли отъ нихъ лѣсомъ.

Да сего іюня въ 27-й день, какъ шли мы сюда на Уктусть съ мѣдной рудой, которую объявляемъ при семъ, и будучи въ Покровскомъ селѣ, и того села жители нась задержали, пропустить не хотѣли, говорили: «Не доносите-де на нашего хозяина и рудъ никакихъ не объявляйте».

Отъ него же, Демидова, учинены заставы, куда мы ходили промышлять бобровъ на ясакъ въ казну великаго государя, а именно по Тагилу и по Черной рѣчкамъ. И они нась бобровъ промышлять непускаютъ, и промышленничихъ собакъ прибили, и отъ того пришли мы въ конечную скудность и ясаку платить стало нечѣмъ.

А вышеписанную руду обыскали мы по той же Вой рѣчкѣ, отъ той руды, гдѣ Демидовъ промышляетъ, въ одной верстѣ, въ горѣ-жѣ. И послѣ нась, отъ него, Демидова, ту руду копать начали. А разстояніемъ отъ Демидовыхъ заводовъ оная руда въ шти (т. е. шести) верстахъ.

Того ради всепокорно просимъ вашего благородія, дабы указомъ царскаго величества повелѣно было у насъ вышеобъявленную руду принять и отъ онаго Демидова и отъ людей его указомъ царскаго величества нась оборонить, чтобы намъ въ конечную скудность отъ него не прийти. Такожъ просимъ, дабы повелѣно было дать намъ солдата для обороны.

О семъ доносятъ Верхотурскаго уѣзду Тагильской деревни ясашный новокрещенный вогулетинъ Яковъ Савинъ, да Ромашевской слободы крестьяне Иванъ Трифоновъ, Тихоѳь Троицынъ, Матвѣй Діевыхъ. Іюня въ 30-й день 1721 году.

Сообщ. въ 1872 г. Н. Е. Чуминъ.

Екатеринбургъ.

Сожжениe на костре въ Екатеринбургѣ

въ 1738 году.

(Изъ дѣлъ Екатеринбургскаго горнаго архива).

Въ концѣ 1735 года башкирцы дорогъ: Ногайской, Осинской и Казанской¹⁾), недовольные начатымъ тогда на южной окраинѣ ихъ земли построениемъ укрѣпленного города Оренбурга, въбунтовались. На слѣдующую весну и ближайшіе къ Екатеринбургу и къ зауральскимъ горнымъ заводамъ и слободамъ башкирцы Сибирской дороги, не смотря на свои неоднократныя завѣренія, что они остаются искорными правительству и не намѣрены участвовать въ бунтѣ башкирцевъ прочихъ дорогъ, начали нападать на русскія селенія, разорять ихъ, угонять скотъ, а жителей убивать и брать въ пленъ. Былъ тогда главнымъ командиромъ Уральскихъ, Сибирскихъ и Казанскихъ заводовъ дѣйств. стат. сов. Василий Никитичъ Тагищевъ, извѣстный нашъ историкъ, нашелъ нужнымъ, для прекращенія беспорядковъ, выступить изъ Екатеринбурга съ военнымъ отрядомъ въ походъ въ Башкирию; онъ остановился на озерѣ Кызылтапѣ (въ южной части нынѣшняго Екатеринбургскаго уѣзда), построилъ при этомъ озерѣ крѣпостцу и оттуда послалъ вооруженные партии въ мѣста мятежническихъ башкирскихъ сборищъ. Разнообразными и энергическими приобретыми имъ мѣрами, приспособленными къ духу азиатскихъ народовъ, скоро подавлено было спокойствіе между зауральскими башкирцами. Оставшихся вѣрными правительству они довольно щедро награждали деньгами, дарили имъ аloe и обыкновенное сукно на кафтаны; являвшихся добровольно съ повинною приводили къ присягѣ на вѣрность, по курану, и угощали мясомъ, водкой, виномъ и пивомъ; кроме того давали изъ нихъ разорившимся во время мятежа денегъ на пропитаніе себя и лошадей; наиболѣе благонадежныхъ башкирцевъ посыпалъ съ письменными и словесными увѣщаніями къ бунтующимъ; захваченныхъ же подстрекателей къ бунту и уличенныхъ въ убийствахъ подвергались

¹⁾ Башкирцы раздѣлялись тогда, по мѣсту жительства своего, на четыре дороги: Казансскую (западная часть Башкирии), Осинскую (сѣверо-западная часть), Ногайскую (южная часть) и Сибирскую (восточная часть). Впрочемъ, некоторые башкирскія волости, находившіяся по западную, европейскую, сторону Урала, причислялись однакожъ къ Сибирской дорогѣ, напр., Айланская волость.

Н. Ч.

смертной казни, а менѣе виновныхъ бунтовщиковъ однихъ наказывали кнутомъ и отсыпалъ въ каторжныя работы на заводы, другихъ отправляли семействами въ Екатеринбургъ для держанія подъ арестомъ, либо для раздачи въ крѣпостные разныя лицамъ; брали отъ смирившихся башкирцевъ аманатовъ или заложниковъ.

Впрочемъ, взятые въ пленъ башкиры могли освобождаться отъ ареста и отъ отдачи въ крѣпостное состояніе, если принимали христіанство. Въ числѣ такихъ обратившихся (искренно или неискрено—судить трудно) въ христіанскую вѣру былъ башкирецъ Айлинской волости Тойгильда Жуляковъ. Былъ-ли онъ присланъ въ Екатеринбургъ и тамъ-ли окрещенъ или въ другомъ мѣстѣ—по архивнымъ дѣламъ не видно. Надобно впрочемъ замѣтить, что пленныхъ башкирцевъ креститься никакъ не принуждали: на то была ихъ добрая воля (конечно, можетъ быть, руководимая расчетомъ облегчить свою участь).

Въ 1737 году, по смерти посланного строить Оренбургъ ст. сов. Кирилова, на его мѣсто определенъ Татищевъ¹⁾, съ оставленіемъ подъ его начальствомъ и горныхъ заводовъ. Поручивъ ближайшее завѣдываніе горными дѣлами въ Екатеринбургъ маюру Угримову, Татищевъ въ іюнѣ уѣхалъ изъ Екатеринбурга и принялъ подъ свою команду Оренбургскую экспедицію и находившіяся въ Оренбургскомъ краѣ войска. Тамъ онъ не имѣлъ постояннаго мѣстопребыва-
нія, и то быть въ походахъ, то жить въ Самарѣ, то въ Мензелинскѣ.

Между тѣмъ новокрещенный Тойгильда жилъ на свободѣ въ Башкирии и созвратился опять въ магометанство. Доведено было о томъ до свѣдѣнія Татищева. Онъ, вслѣдствіе этого, 11-го марта 1738 г. послалъ изъ Мензелинска предписаніе въ Теченскую слободу (въ нынѣшнемъ Шадринскомъ уѣздѣ) къ полковнику Арсеньеву, командиру Сибирского драгунскаго полка, расположеннаго въ то время въ Исетской провинціи²⁾, о томъ, чтобы Тойгильду со всѣмъ семействомъ его отправить въ Екатеринбургъ къ маюру Угримову (вѣроятно, Тойгильда уже былъ захваченъ Арсеньевымъ). Въ то же время Тати-

¹⁾ Оренбургъ Татищевъ началъ строить при впаденіи въ Ураль Ори, изъ мѣстѣ нынѣшняго города Орска; Татищевъ перенесъ его на 200 верстъ ниже по Уралу, туда, гдѣ теперь казачья станица Красногорская; а въ 1742 году новый начальникъ края Неплюевъ перенесъ его еще ниже, на нынѣшнее мѣсто, въ 265 verstахъ отъ Орска.

²⁾ Исетская провинція, учрежденная въ 1737 г. и находившаяся въ вѣдѣніи Оренбургской экспедиціи, заключала въ себѣ нынѣшній Шадринскій уѣздъ Пермской губерніи, сѣверо-восточную часть Оренбургской губ. и небольшую западную часть Тобольской губерніи.

щерь писалъ къ Угримову: «Татарина Тойгильду за то, что, крестясь, принялъ паки махометанскій законъ,—на страхъ другимъ, при собраниі всѣхъ крещеныхъ татаръ, сжечь; а женъ и дѣтей его, собравъ, выслать въ русскіе города, для раздачи; изъ оныхъ двухъ прислать ко мнѣ въ Самару».

На допросѣ Тойгильда показалъ Арсеньеву, что жена его Азакбика съ сыномъ Мухометемъ взяты бунтовщиками башкирцами въ полонъ осенью 1737 года, а два сына; Мергинъ—десяти и Алкей—восьми лѣтъ, отданы въ услуженіе воеводѣ Исетской провинціи Ивану Никитичу Татищеву¹⁾). Но при Тойгильдѣ оставались еще три сына: Якшигуль—16-ти, Кутлубай—14-ти и Якшимбай—12-ти лѣтъ. Арсеньевъ отправилъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ съ отцомъ 14-го апрѣля въ Екатеринбургъ, подъ карауломъ двухъ grenадеръ. Самъ Тойгильда и старшій сынъ его Якшигуль везены были скованные, въ колодкахъ, а двое младшихъ сыновей—просто, нескованные и несвязанные. На каждой изъ двухъ телѣгъ, на которыхъ помѣщались арестанты, сидѣло по одному проводнику изъ крестьянъ, а grenадеры щѣхали на верховыхъ лошадяхъ по обѣимъ сторонамъ телѣгъ. Не доѣзжая версты тридцати до Екатеринбурга, Тойгильда чуть было не убѣжалъ. Поѣздъ приближался къ селу Бобровскому; наступали сумерки. Тойгильда успѣлъ какъ-то незамѣтно достать топоръ изъ-за пояса своего возчика (который, вѣроятно, вздрѣнулъ) и ударили щѣхавшаго возѣ телѣги grenадера Трапезникова, но его не ранилъ, а разрубылъ только бывшую на немъ лядунку; grenадеръ однакожъ упалъ съ лошади. Тогда Тойгильда вскочилъ изъ телѣги и побѣжалъ. Но другой grenадеръ Казаковъ, спѣшившись, пастигъ его; Тойгильда стала защищаться топоромъ и сильно ранилъ Казакова въ руку; но тутъ подоспѣлъ оправившійся отъ паденія Трапезниковъ, и Тойгильда былъ схваченъ и обезоруженъ. Между тѣмъ, пока grenадеры хватали Тойгильду, дѣти его вскочили изъ телѣгъ и убѣжали въ лѣсъ. Снова посаженный въ телѣгу Тойгильда сталъ скликать сыновей. На зовъ подальше голость одинъ только младшій, котораго и схватили. Въ селѣ Бобровскомъ grenадеры съ арестантами остановились на ночь и вели крестьянамъ искать бѣглецовъ; утромъ жители близней Косудинской деревни привели одного изъ нихъ, старшаго; а другой не былъ найденъ.

Вскорѣ по привозѣ въ Екатеринбургъ, апрѣля 20-го, Тойгильда

¹⁾ И. Н. Татищевъ былъ, вѣроятно, родственникъ, если даже не родной братъ, Василія Никитича: когда послѣдній въ 1739 г. былъ отрѣшенъ отъ Оренбургской экспедиціи, Иванъ Никитичъ лишился воеводства. Н. Ч.

быть сожжень, въ присутствіи всѣхъ находившихся въ городѣ крещеныхъ башкирцевъ. Передъ казнью ему прочитали такой указ главной горной канцелярии:

«По указу ея императорскаго величества самодержицы всероссійской и по опредѣлению его превосходительства тайного советника Василия Никитича Татищева, велѣю тебе, татарина Тойгильду, за то, что ты, крестясь въ вѣру греческаго исповѣданія, принялъ паки махометанскій законъ, и тѣмъ не только что въ богомеракое преступленіе впалъ, но яко песть на свои блевотины возвратился, и клятвенное свое обѣщаніе, данное при крещеніи, презрѣль, чѣмъ Богу и закону Его праведному учинилъ великое противленіе и ругательство,— на страхъ другимъ таковымъ, кои изъ махометанства приведены въ христіанскую вѣру, при собраніи всѣхъ крещеныхъ татаръ велѣю казнить смертю—сжечь. Да ты же, Тойгильда, по аной измѣннической вашей совѣсти, видя себя уже и не на волѣ, а подъ карауломъ, какъ везли сюда, дорогую, вымысли коварствено, украль у извозчиковъ топоръ и тѣмъ незавидно посланныхъ за тобою конвойныхъ Сибирскаго драгунскаго полку дву человѣкъ гренадеровъ (рубиль?)¹⁾, и у одного перерубилъ ладунку, а другаго руку, и имъ имѣреніе къ побѣгу, чрезъ что и наявящѣе злодѣйство свое проклятое умножилъ, и не только за оное твое преступленіе, но и за сie сдѣянное зло, учинилъ себѣ достойна смерти».

Апрѣля 22-го отправлены были къ Татищеву два сына Тойгильды Якшигуль и Якшимбай, вмѣстѣ съ донесенiemъ о казни ихъ отца.

Чресть два дня привезенъ въ Екатеринбургъ изъ Арамильской слободы (въ 23-хъ верстахъ къ юго-востоку отъ города) пойманный у деревни Колюткиной въ лѣсу и третій 14-ти-лѣтній сынъ Тойгильды, Кутлумбай.

Въ канцелярии главнаго заведовъ правленія опредѣлено было: «Башкиренка, принять, за убѣгъ наказать розгами, и до отсылки, по силѣ ордера его превосходительства (т. е. Татищева), въ русскіе города отдать съ роспискою, кто взять пожелаетъ. Буде же ко взятию охотниковъ не будетъ, держать подъ карауломъ, а пропитаніе имѣть милостынею. И для отдачи въ Руси охотникамъ отослать его на судъ въ Казань, что въ Москву съ деньгами¹⁾ отправится».

Неизвѣстно, взялъ ли кто въ Екатеринбургъ на поруки этого мальчика. Видно только по дѣламъ, что онъ отправленъ въ Казань 20-го іюня 1738 г.

¹⁾ Т. е. съ выдаѣванною въ Екатеринбургъ мѣдною монетой

Замѣчательно, что въ томъ же самомъ 1738 году совершилась въ столицѣ такая же казнь, какая постигла и Тойгильду: сожженье за переходъ въ іудейскую вѣру флота капитань-лейтенантъ Вознинъ, вмѣстѣ съ соратителемъ своимъ живомъ Борохомъ Лейбовимъ (Полн. Собр. Зак. № 7,612).

А до того времени сожжены были въ срубахъ: извѣстный фанатический расколо-учитель протопопъ Аввакумъ съ тремя его товарищами, въ Пустозерскѣ, въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, да еретикъ (не напѣ, а нѣмецкій, заѣзжій въ Россію изъ-за границы и проповѣдывавшій, съ весьма малымъ успѣхомъ, свои мистическія бредни жителямъ московской Нѣмецкой слободы) Квирилль Кульманъ, въ Москвѣ, въ 1689 году.

Послѣ 1738 г., къ чести Россіи, не было въ ней, сколько мнѣ извѣстно, ни одного случая смертной казни сожженіемъ.

Сообщ. Н. Е. Чушкинъ.

Екатеринбургъ, 1874 г.

Донесеніе о поджогахъ лѣсовъ башкирами¹⁾.

1757 г.

Въ Оренбургское горное начальство. Всепокорѣйшее доношеніе.

Доносить его высокографскаго сіянельства превосходительнаго господина генерала-фельдцѣхмейстера, генераль-аншефа, сенатора, ея императорскаго величества генераль-адъютанта, дѣйствительнаго камергера, лейбъ-компании подпоручика, обоихъ россійскихъ орденовъ и святаго Анны кавалера графа Петра Ивановича Шувалова Аварно-Петровскаго желѣзного и прочихъ заводовъ управитель Петръ Мануйловъ.

1.

Хотя башкиры Уфимскаго уѣзда разныхъ волостей, въ томъ числѣ и Тамъянской волости, изъ Оренбургской губернскай канцеляріи издавна многими указами всѣмъ обще и подтверждены, дабы какъ въ степяхъ, а особенно близъ заводовъ, ѿзя по лѣсамъ, ни водъ какимъ видомъ огней не пускали и тѣмъ лѣсовъ не губили, — но оные башкиры, несмотря на тѣ указы, весьма самими злодѣй-

¹⁾ Иль лѣль Екатеринбургскаго горнаго архива.

Н. Ч.

скими вымыслы, не чувствуя государственной прибыли и всенародной отъ заводовъ пользы, съ начала весны и во все лѣто сего года нарядными случаями его высокографскаго сіятельства Авзяно-Петровскимъ желѣзнымъ заводамъ и при нихъ дроводѣламъ и цѣльмъ съ готовоприпасеннымъ углемъ куренямъ причиняютъ своимъ пущеннымъ огнемъ великие пожары, которые никакимъ образомъ и тушить невозможно, потому что отъ великой засухи самая натуральная съ тундрою и земля безмала на три четверти аршина горить, и отъ того сосновые главные, состоящіе въ надеждѣ заводамъ лѣса почесть поголовно погараютъ. А что же колодникъ и прочій лежащи здоровый лѣсъ весь безъ остатку выгораетъ, котораго мѣстами множество, не менѣе стоячаго лѣса.

2.

Отъ которыхъ огней не только какую оборону или защиту дроводѣламъ, также и на куреняхъ готовому углю имѣть, но и самихъ построенныхъ заводовъ и фабрикъ съ обывательскими домами еда возможно остерегать и отстаивать. Отчего и всѣ заводскіе мастеровые и работные люди отъ тѣхъ беспрестанныхъ пожаровъ, отъ всегдашихъ побѣговъ и карауловъ пришли въ изнеможеніе, потому что онѣ злодѣи башкирцы тѣми учиненными пожарами вымѣшанно на заводы и рудники и дроводѣлы видно наводятъ волшебные дымы, отъ коихъ безпресѣчно состоитъ самый смертельный воздухъ. Чего ради весьма при оныхъ Авзяно-Петровскихъ заводахъ почесть до одного человѣка находятся въ хворости, изъ коихъ немалое число людей померло; да и нынѣ весьма множество смертельно хвораютъ, а именно болѣзнь та: отъ того тяжкаго воздуха тяжкая одышка, которая задавливаетъ сердца, а особенно въ горлахъ у каждого болѣзнь главоболіе; и отъ того дневныя пищи лишаются и умираютъ. А нѣкоторые, обнесеніемъ отъ того воздуха головъ, вѣ ума падаютъ и долго безъ всякаго лежать чувства. Которое неблагополучіе наемные работные люди, видя эдѣсь въ народѣ великій смертельный ежедневный упадокъ, причитая за язву, бѣжало съ заводовъ и рудниковъ съ четыреста человѣкъ. О чёмъ не бѣвъизвѣстно чресть поданный отъ меня именованнаго извѣтнія доношенія какъ Уфимской провинціальной канцеляріи, такъ и Табынской канцеляріи. Которые люди на себѣ, по ихъ долговымъ изъ суммы его высокографскаго сіятельства заборамъ, и денежной суммы не малое число унесли. Тому же слѣдовательно и на умершихъ пропало не менѣе того; а колико именно, о томъ еще подлинныя выправки учиняются.

3.

Сверхъ же того оные башкирцы причиняютъ такіе около заводовъ вдругъ нечаянныя въ разныхъ мѣстахъ пожары, что безъ всякаго терпѣнія потребно множеству людемъ пѣшымъ и коннымъ для тушенія на тѣ мѣста поспѣшать. Но для же страха отъ нихъ злодѣевъ башкирцовъ съ заводовъ многому числу людей и отлучиться весьма опасно, дабы и всѣхъ заводовъ и своего живота не лишиться; потому что оные башкирцы, ъзда непрестанно около заводовъ ъздами съ обнаженными луками и стрѣлами, безпрестанно перебѣгаютъ, и тѣмъ заводскимъ обывателямъ наводятъ нестерпимые страхи; ибо видно изо всѣхъ ихъ башкирскихъ поступокъ, что они хотя по милостивымъ указамъ въ ихъ Киргизъ-Кайсаки злодѣйскихъ побѣгахъ и прощены; но однако оные того видно чинило не чувствуя, еще ненавидя здѣсь на новыхъ мѣстахъ поселенныхъ русскихъ христианъ, къ прежнему своему злодѣйству свѣжи.

4.

Оные-жъ башкирцы у находящихся при вышеозначенныхъ заводахъ приспѣхъ крестыть какъ съ куренныхъ работъ, такъ и съ сѣнокосовъ, со становъ изъ привязанныхъ въ ночные времена немалое число и лошадей отогнали, также и сѣнь прижгли; да и понынѣ горятъ. Ибо кругомъ оныхъ его высокографскаго сіятельства Азяино-Петровскихъ заводовъ со всѣхъ сторонъ злодѣйски иущенными отъ нихъ, башкирцовъ, огнями и по сіе число окружено; изъ чего самыми дѣломъ признается, что оные башкирцы, но иныѣиимъ настоящими засухами и великими вѣтрамъ, оные заводы жадны совсѣмъ раззорить. А по установленнымъ его высокографскаго сіятельства немалымъ коштомъ заводскимъ дорогамъ, кои немалыми-жъ вымощены мостами и удовольствованы для заводской необходимой надобности и народной пользы ъдуцимъ на заводы съ провыянтомъ и съ прочими приспособами великими казармами и при нихъ немалымъ же числомъ стоговъ приспособленыхъ сѣнъ; изъ коихъ казармы и сѣнь тѣми пущенными огнями иѣсколько погорѣло, а можетъ быть по сіе число и всѣ сгорѣли.

Того ради Оренбургскаго горнаго начальства всепокорнѣи прошу сіе мое прошеніе принять и записать. А объ ономъ же, для скорѣйшаго представлениія, въ государственную бергъ-коллегию, въ канцелярию главнаго управлениія сибирскихъ и казанскихъ заводовъ доношеніе послано-жъ. Сентября дни 1757 года.

Къ сому доношенню Петръ Мануйловъ руку приложилъ.

Екатеринбургъ, 1874 г.

Сообщ. Н. Е. Чумакъ.

СМОЛЯНЫЙ МОНАСТЫРЬ

ВЪ 1783 Г.

Въ комиссию о учреждении народныхъ училищъ, отъ находящагося при Обществѣ благородныхъ и Училищѣ мѣщанскихъ дѣвицъ надзирателя Матея Пахомова, съ 27-го ноября по 3-е декабря сего 1783 года, извѣстіе.

БЛАГОРОДНЫЯ.

I-й ВОЗРАСТЬ.

- А. Содержитъ въ себѣ 64 дѣвицы.
- Б. Изъ нихъ отсутствовали за болѣзни:

 1. Елеонора Фонь Плугъ. 2. Екатерина Ивановна Бѣшенцова.
 3. Амалія Дитмаръ. 4. Марья Николаевна Аксакова. 5. Настасы Алексѣевна (ва?).

- В. Успѣхи: 1. Читали, складывали и писали по франц., по россійски и по нѣм. 2. Продолжали III-ю часть табл. о чтеніи. 3. Переводили словесно съ россійск. языка на франц. малыя повѣсти. 4. Рисовали части головы.

II-й ВОЗРАСТЬ.

- А. Содержитъ въ себѣ 60 дѣвицъ.
- Б. Изъ нихъ отсутствовали за болѣзни:

 1. Настасья Яковлевна Подвисоцкая. 2. Варвара Васильевна Голицына. 3. Ольга Семеновна Набокова. 4. Варвара Александровна Черешникова. 5. Екатерина Александровна Салтыкова.

- В. Успѣхи: 1. Продолжали IV-ю главу 1-я части Книги о должн. чл. и гражданина. 2. Продолжали таблицу о правописаніи. 3. Читали и писали по россійски, по фр. и по нѣм. 4. Прошли отъ 3-го по § 6-му 11-го периода отъ Ноя до Моисея 1-я части Исторіи. 5. Слушали изъясненіе о вѣрахъ въ Европѣ. 6. Упражнялись въ вычитаніи цѣлыхъ чиселъ. 7. Переводили съ франц. на россійской языкѣ и обратно. 8. Слушали 10-й членъ Символа вѣры. 9. Рисовали части головы и цветы.

III-й ВОЗРАСТЬ.

- А. Содержитъ въ себѣ 63 дѣвицы.
- Б. Изъ нихъ отсутствовали за болѣзни: 1. Ольга Михайловна Лачинова. 2. Екатерина Ивановна Желѣзнова.
- В. Успѣхи: 1. Проходили IV-е склоненіе нѣм. именъ сущ. 2. Ри-

совали части головы и цветки. 3. Упражнялись въ умноженіи и дѣленіи имен. чиселъ. 4. Продолжали россійскіе глаголы. 5. Читали 11-ю главу 1-я части Книги о должн. чел. и гражданина. 6. Продолжали таблицу о правописаніи. 7. Прошли отъ 7-го до § 9-го 11-го періода 1-й части Исторіи. 8. Обучались изъясненіямъ круговъ на земномъ шарѣ.

IV-Й ВОЗРАСТЬ.

А. Содержить въ себѣ 87 дѣвицъ.

Б. Изъ нихъ отсутствовали за болѣзнию: 1. Елизавета Дмитріевна Балашева. 2. Екатерина Яковлевна Перфильева. 3. Екатерина Николаевна Абалаинская. 4. Анна Александровна Салтыкова. 5. Анна Алексѣевна Молчанова. 6. Екатерина Потаповна Далматова. 7. Анна Александровна Карапулова. 8. Олимпиада Васильевна Дьячкова. 9. Анна Андреевна Мишукова. 10. Анна Ивановна Богданова.

В. Успѣхи: 1. Продолжали о свойствахъ свѣта и о глазѣ. 2. Упражнялись въ 4-хъ правилахъ имен. чиселъ, а нѣкоторыя въ тройномъ правилѣ. 3. Переводили съ россійскаго на нѣм. и франц. языкъ и съ сего на россійской. 4. Рисовали цветки и ландшафты и продолжали перспективу. 5. Прошли отъ 20-го по § 22-й III-го періода отъ Моисея до Ромула 1-я части Исторіи. 6. Продолжали разшеніе проблемъ математической географіи. 7. Обучались правиламъ сданія Тосканническаго объ одномъ апартаментѣ. 8. Слушали начало III-ї главы II-й части Катехизиса.

МѢЩАНСКІЯ.

І-Й ВОЗРАСТЬ.

А. Содержить въ себѣ 74 дѣвицы.

Б. Изъ нихъ не были за болѣзнию:

1. Аграфена Яковлева. 2. Прасковья.

В. Успѣхи: 1. Читали, складывали и писали по Росс., по франц. и по нѣм. 2. Окончали таблицу о познаніи буквъ. 3. Рисовали части головы.

ІІ-Й ВОЗРАСТЬ.

А. Содержить въ себѣ 65 дѣвицъ.

Б. Изъ нихъ не были за болѣзнию: 1. Татьяна Першина. 2. Марья Иванова. 3. Аграфена Никифорова. 4. Анна Нелидова.

В. Успѣхи: 1. Слушали отъ 7-го члена Символа вѣры по 9-й членъ. 2. Продолжали таблицу о складахъ французскихъ. 3. Читали

и писали по россійски, по франц. и по нѣм. 4. Продолжали таблицу о чтеніи. 5. Прошли третій параграфъ 1-го периода 1-я части Исторіи. 6. Проходили термины географические. 7. Рисовали части головы.

III-Й ВОЗРАСТЬ.

А. Содержать въ себѣ 58 дѣвицъ.

Б. Изъ нихъ не была за болѣзни: Анна Яковлева.

В. Успѣхи: 1. Начали III-ю главу I-я части Книги о должн. член. и гр. 2. Писали по россійски, по франц. и по нѣмецки. 3. Продолжали табл. о чтеніи. 4. Упражнялись въ вычитаніи цѣлыхъ чиселъ. 5. Продолжали табл. о чтеніи франц. 6. Слушали отъ 5-го члена Символа вѣры по 8-й членъ. 7. Рисовали части головы. 8. Прошли § 8-й 1-го периода 1-я части Исторіи. 9. Продолжали всеобщій чертежъ земного шара.

IV-Й ВОЗРАСТЬ.

А. содержать въ себѣ 58 дѣвицъ.

Б. Изъ нихъ не была за болѣзни: Имфалія Сергѣева.

В. Успѣхи: 1. Продолжали россійскіе глаголы. 2. Понтирали IV-ю главу 1-я части Книги о должн. член. и граж. 3. Переводили съ россійскаго на франц. языкъ и обратно. 4. Упражнялись въ умноженіи и дѣленіи цѣлыхъ чиселъ. 5. Начали о свойствахъ свѣта. 6. Рисовали цветочки. 7. Слушали по 2, заповѣдь 11-я главы 11-я части Катех. 8. Прошли до § 6-го 11-го периода 1-я части Исторіи. 9. Проходили о числѣ и о свойствѣ жителей европейскихъ.

I. ПРИЛЕЖАНИЕ УЧИТЕЛЕЙ.

27-го ноября не были въ классахъ г-нъ Гаррохъ за нуждою и г-нъ Карапашевъ за болѣзни.

II. ОСОБЛИВЫЕ СЛУЧАИ.

30-го числа ноября ученія не было по причинѣ праздника.

Матеей Пахомовъ.

Декабря 2-го 1783 г.

Сообщ. И. Ф. Горбуновъ.

А. О. Корнилович,

издатель исторического сборника «Русская Старина», въ 1824 и 1825 г.

[Рассказъ генерала Шумкова].

Замѣчательна судьба А. О. Корниловича. Получивши образованіе, кажется, въ знаменитой Муравьевской школѣ колонновожатыхъ, онъ обладалъ обширными свѣдѣніями, чemu много помогло его знаніе почти всѣхъ европейскихъ языковъ, а потому онъ стоялъ на отличной службной дорогѣ, по генеральному штабу или, какъ тогда называли, свитскимъ гвардейскимъ офицеромъ. Сосланный потомъ за участіе въ событияхъ 14-го декабря 1825 г. въ каторжныя работы, онъ вскорѣ возвращенъ, секретно, въ Петербургскую крѣпость, въ казематахъ которой прожилъ около пяти лѣтъ, то есть до 1832 года, когда былъ привезенъ въ Грузію и зачисленъ на службу въ пѣхотный полкъ солдатомъ. Рассказъ его пишущему эти строки о своей жизни въ крѣпости чрезвычайно интересенъ. Здѣсь приводятся лишь главныя черты его. Изъ Сибири его взяли съ фельдѣгерьемъ со всѣми предосторожностями, вѣроятно, наблюдаемыми при такихъ случаяхъ. Ему неизвѣстно было—куда его везутъ въ закрытомъ экипажѣ. По приѣздѣ къ мѣсту назначенія, его ввели съ завязанными глазами и тутъ только сняли повязку съ его глазъ. Онъ увидѣлъ себя въ какомъ-то казематѣ со сводами. Его тутъ же предварили, чтобы онъ не пробовалъ говорить со сторожемъ, который приносилъ ему пищу. Спустя нѣсколько времени, вошелъ къ нему въ казематъ генералъ Бенкендорфъ, прежде весьма хорошо ему знакомый. Тутъ только для него стало ясно, что онъ въ Петербургѣ. Бенкендорфъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Любезный Корниловичъ! Государь императоръ, зная вашъ умъ, ваши обширные познанія и вашу горячую любовь къ общественному благу, пожелалъ предоставить вамъ возможность быть полезнымъ отечеству. Его величеству благоугодно, чтобы вы излагали на бумагѣ ваши иѣнія, по какимъ вы найдете нужнымъ предметамъ государственного благоустройства. Записки ваши вы будете передавать мнѣ для представленія его величеству». Потомъ просилъ его назначить, чтѣму нужно для исполненія воли государя. На него былъ тогда же наложенъ запрѣтъ—не пытаться даже входить съ кѣмъ бы то ни было въ какія либо сношенія, ни даже въ разговоры со сторожемъ, который назначенъ служить ему. Кромѣ того, вся домашняя обстановка его была сформирована по его указанію, но съ самою внимательною

предусмотрительности. У него современемъ составилась порядочная библиотека и все что нужно даже для прихотливаго человѣка, чего онъ, по своему ограниченному состоянію, не могъ имѣть на собственныя средства. Легко понять съ какимъ рвениемъ и съ какою горячностью принялъ онъ за любимыя свои занятія. Пишущему эти строки Корниловичъ показывалъ на Царскихъ Колодцахъ всѣ рукописныя копіи мнѣній, переданныхъ имъ Бенкендорфу. Многія изъ работъ Корниловича обращали особенное вниманіе государя императора, что видно изъ сохранившихся у него собственноручныхъ записокъ Бенкендорфа, которыми онъ объявляеть «каторжному Корниловичу благоволеніе его величества»—за какую нибудь работу.

Корниловичъ отзывался всегда съ особенною признательностью о вниманіи къ нему А. Х. Бенкендорфа.

По прошествіи почти пятилѣтней жизни въ казематахъ, Корниловичъ былъ доставленъ въ Тифлисъ и зачисленъ въ Ширванскій пѣхотный полкъ, расположенный на Царскихъ Колодцахъ, гдѣ тогда стояла Донская № 3-го батарея, въ которой служилъ пишущій эти строки. Въ это же время, при возобновленіи знакомства съ симъ послѣднимъ, также возобновились сношенія Корниловича и съ извѣстнымъ Донскимъ писателемъ — Сухоруковымъ, проживавшимъ тогда въ Новочеркасскѣ, по возвращеніи изъ Финляндіи (см. о немъ въ «Донской Газетѣ» 1877 г.).

Корниловича сначала поставили въ рядъ съ солдатами и помѣстили въ общую казарму, но когда вскорѣ было получено письмо на имя Корниловича отъ Бенкендорфа и за печатью Ш-го отдѣленія канцеляріи его величества, тогда уже дали ему свободу помѣститься на вольной квартирѣ, въ одномъ изъ домовъ поселенной женатой роты того же полка. Товарищемъ его по квартирѣ былъ, тоже декабристъ, князь Валеріанъ Мих. Голицынъ († въ Спб., 1859 г.).

Корниловичъ прожилъ не долго; онъ умеръ въ Грузіи, отъ горячки, въ сентябрѣ 1833 года.

Шумковъ.

12-го января 1877 г.

Сообщ. А. А. Карасевъ.

Причины. Штабсъ-капитанъ гвардейского генерального штаба Александръ Осиповичъ Корниловичъ былъ членомъ Южнаго тайного общества и делегатомъ этого общества къ Сѣверному. Изданный Корниловичемъ въ 1824 г. историческій сборникъ: «Русская Старина» посвященъ XVII и XVIII вв.; въ 1825-мъ году сборникъ этотъ (въ 16-ю д. листа) вышелъ вторымъ изданіемъ. См. «Русскую Старину» изд. 1870 г. (третье изданіе), т. I, стр. 271 и сличні замѣтки Д. И. Завахинна въ Др. и Нов. Россія, 1878 г. № 6.

МИТЮХА ВАЛДАЙСКОЙ.

ЗРѢЛИЩЕ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Сочинение П. Н. Семенова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1810.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Митюха, повѣренный при откупахъ Валдайскихъ и Крестцовскихъ.

Андрюшка }
Елисей } цѣловальники Валдайскіе.
Парамошка

Аксюта, дочь цѣловальника Крестцового.

Марфутка, ея работница.

Мишутка, батрачъ Митюхинъ.

Половой.

Присяжной, отставной капранъ безъ ноги.

Двое горожанъ.

Цѣловальники.

Половые.

Горожане Валдайскіе.

Яищники Зимогорьевскіе.

(дѣйствіе происходит въ полѣ между валдаемъ и зимогорьемъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Метюха, Андрюшка, Елисей, Парамошка, Мишутка, цвѣзальники, поломые,
горожане Валдайскіе. Главные сидать.

МЕТЮХА.

Родимые друзья! Андрюшка, Парамошка,
И ты, сватъ Елисей, и ты, мой кумъ Терёшка!
Собравшия сюда весь городъ нашъ Валдай,
Чтобъ Зимогорьевцамъ дать доброй потаскай;
Ужъ вотъ близъ недѣль, слышь, съ венчнаго Николы
Отъ нихъ всѣ кабаки и бочки наши полы,
И лѣзутъ въ нихъ они то жабой, то ужомъ;
Какъ алчны вбропы, глотаютъ все цѣлкомъ.
Приходитъ кончать намъ грабежъ ихъ беззаконный!
У Зимогорьевцевъ смотритель станціонный,
Дѣламъ всѣмъ голова, весь ямъ на насъ вздурилъ
И想要 попытать онъ, други, нашихъ силъ;
Архипычъ близко ужъ, и, можетъ, какъ трезвонить
Начнуть къ заутреніи, онъ все на насъ погонитъ!
Но силу нашу онъ лишь только что узналъ,
То, пріунывъ душой, въ тоску-кручину впалъ,
И чрезъ присяжнова онъ просить мировую.
Родимые мои, хотите-ль, въ круговую
Его чтобы позвалъ я, иль въ зашей выгналъ вонь?
Хотите-ль, ящникамъ чтобы задалъ я трезвонъ?

АНДРЮШКА.

Такъ, хорошенько ихъ!... Сейчасъ же дунемъ въ поле,
Чтобъ таску имъ задать.—Вздуришься поневолѣ,
Какъ все они вертятъ, тебѣ на перекорѣ.
Чѣй больше моего побоевъ принялъ дворъ?
И бачка мой и дѣдъ еще съ Страшной недѣли

Безъ зубъ и безъ бородъ лежать отъ никъ въ постели,
 И самъ я, какъ-тово, лишь въ Троицкыу ^всталъ.
 Иванычъ-дядюшка, ты насъ сюда призвалъ
 Не съ тѣмъ, чтобы точить баласы съ ямщиками,
 Но перевѣваться, ты знаешь, кулаками.
 Въ подмогу батюшка мнѣ даль семь батраковъ;
 Еще-жъ трехъ удалихъ привезъ я изъ Крестцовъ
 На тройкѣ ухорской отъ будущаго тестя;
 Коли Аксюта мнѣ суженая невѣста,
 Хоть въ омуть головой, приложу все къ концу:
 Я жду ее сюда, но ужъ пойду къ вѣнцу,
 Когда изъ ямщиковыхъ сгребу кого въ охапку,
 Да принесу домой съ него кушакъ иль шапку.
 Тово-вона-оно, каливать неча намъ:
 Иль насъ они побьютъ, иль мы побьемъ весь ямъ!

ЕЛИСЕЙ.

Митюха верхъ возьметъ, онъ удалий дѣтина.
 Хотъ знаю, что у насъ не будетъ комомъ блни,
 Однако мнѣ кажись, не худо бы позвать
 Присяжнова сюда, да мировую взять. (Митюхѣ)
 Ты вѣдашь: миръ худой прочнѣе доброй браны;
 Забудемъ обо всмъ.....

МИТЮХА.

Ты мелень пусторынъ.
 Чтобы стать мириться я, да что я за дуракъ?
 Пусть прежде мнѣ ови накостыняютъ шею,
 Чѣмъ всякому чтобъ я позволилъ дуралею
 Безъ платежа вино и полпиво глотать!
 Присяжнова-жъ сюда согласень я позвать,
 Да только не за тѣмъ, чтобы съ нимъ, смыши, помириться—
 Чтобъ настрашать его, въ плотину побраниться.
 Пускай себѣ смекнеть, что наши кулаки
 Радѣконъки стоять за наши кабаки.

ПАРАМОНЪ.

Мы разомъ стакались на твой изволъ отважной.

МИТЮХА (Мишутка).

Мишутка, смыши-ка ты, отвѣту ждеть присяжной;
 Поди-ка и его приволоки сюда. (Мишутка уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Прежние, кромѣ Мишутки.

ЕЛИСЕЙ.

Знать материа еще кипитъ въ тебѣ руда!
 Не худо бы, коли-бы долой бѣда страхнулась;

Боюсь лишь, чтобы намъ она не отрыгнулась.
 Я больше въсъ узналъ, все знаю по себѣ:
 Бывалъ я въ Питерѣ, въ Казани и въ Москвѣ;
 Я долго торговалъ, на дѣлѣ все извѣдалъ,
 И много кудаковъ ямщицкихъ я отвѣдалъ;
 Отъ нихъ-то и согнуть я въ экую дугу.
 Прислжной къ намъ идеть, молчите-жъ — ни туту!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Прежніе, Мишутка и присажной, которого Мишутка тащить за воротъ, и
 нѣсколько ямщиковъ.

ПРИСАЖНОЙ (въ роскошь).

Ребята, слушайте! Смотритель станционной,
 Всей слободы глава и командиръ законной,
 Сказать вамъ наказать, что долженъ бы просить
 На всѣхъ на васъ въ судъ, или путемъ побить
 За то, что вы вино въ томъ мѣстѣ продавали,
 Гдѣ сиду иѣть совѣтъ, и намъ пить не давали,
 То есть: ни самому ему, ни ямщикамъ,
 Ну, словомъ — никому; но онъ теперь, весь янь
 Собравъ, остановилъ вонъ тамъ за бугорками,
 И, спрѣчъ, дружески мириться хочетъ съ вами.
 Вы бойтесь его: съ нимъ семьдесятъ крестьянъ,
 Съ нимъ парень удалой извозчикъ Андреинъ,
 Что, помнится, валилъ прошедшаго васъ лѣта,
 Да онъ хоть лѣтаго — такъ выгонить изъ свѣта!
 Грудь каменна его, желѣзны кузаки,
 Плечища какъ стѣна, а зубы какъ клыки.
 Съ Архангельмъ скорѣй вы лучше замиритесь,
 И бочкою вина ему вы поклонитесь;
 За бочку, можетъ быть, что онъ васъ и простить.
 Мирись, повѣренной!.... или ты будешь бить!

МИТЮХА.

Вотъ сталь меня страшатъ! медвѣдь боится-ль зайцовъ?
 Ты видѣлъ, сколько здѣсь удалихъ есть Валдайцовъ;
 Да ты же и постыдъ еще гутарить мнѣ,
 Чтобы я съ вами стала мириться на винѣ,
 Вить чья у насть возьметъ, того еще не знаю,
 Да только, вѣдашь ты, за то я отвѣчаю:
 Производитель самъ, исправникъ, земской судъ
 Васъ всѣхъ до одного на сходкѣ задеруть;
 Отплатятъ вамъ они за чарки и за плошки,
 За вѣдры колоты, за битыя окошки:

Зачтутся вами тогда разбойничьи дѣла,
Которыми отъ васъ округа понесла.
И нашимъ же виномъ хотятъ вы быть пьяны!
Вы на изъятье пошли, и мы тоже на изъятье!
Мы все теперь на свой салтыкъ перевернемъ;
Мирнися съ вами мы не брагой, не виномъ,
Но приготовлены у насъ на ваши спины
Кнуты ременные, вязовые дубивы.
Кто хочетъ вхъ пытать, Валдайку перейди!

ПРИСЯЖНОЙ.

Эхъ раззадорился, ты въ оба погляди!

МИТЮХА.

Да ты тоже не хосись, поставь глаза-то къ носу;
Что ты заегозилъ, иль хочешь перечбсу?

ПРИСЯЖНОЙ.

Или ты позабылъ, что пиво и вино
Отъ насъ же было вамъ тайкомъ запрдано?

МИТЮХА.

Что жъ попрекаешь ты? Вы больше виноваты.
Молчи, иль убью.....

ПРИСЯЖНОЙ.

Прислушайте ребяты.

МИТЮХА.

Да слушать нечая тутъ!

ПРИСЯЖНОЙ.

Сейчасъ же я въ донось.

МИТЮХА.

Типунъ те на языки!... Вишь онъ куда занесъ

ПРИСЯЖНОЙ.

Узнаеть откупщикъ, что вы запродавали
Безъ табаки вино, которое скупали
У насъ за полцѣны себѣ изъ барыша,
И не дали ему изъ сбора ни гроша.

МИТЮХА.

Мы продали вино, дуракъ ты, воровское;
Хоть виноваты мы, вы виноваты вдвое:
Такъ будете и вы въ отвѣтѣ предъ судомъ.

ПРИСЯЖНОЙ.

Да знаешь-ли: какъ разъ тебя подъ кнутъ введенъ,
Коли мы захотимъ...

МИТЮХА.

Бто? Ты? Нѣть, повинчнешься!

ПРИСЯЖНОЙ.

Послушай, озарникъ, коли ты не умрешься,
То въ Питеръ мы пошлемъ трудить откупщика.

МИТЮХА.

Его я не боюсь!

ПРИСЯЖНОЙ.

Такъ струсишь кулака.

МИТЮХА.

Да мы въсъ въ прахъ прибьемъ, коли мы станемъ драться.

ПРИСЯЖНОЙ.

Кто? Вы? Нѣть, молоды!

МИТЮХА.

Отучимъ въсъ ругаться.

ПРИСЯЖНОЙ.

Вы вспомните, какъ въсъ Елески-го валылъ!

МИТЮХА.

Да, съ нами ссориться онъ въсъ ловадку далъ.

ПРИСЯЖНОЙ.

Не раздражите вы Архипыча упраиствомъ.

•

МИТЮХА.

Присяжной, я твоимъ скучаю ужъ чуханствомъ.
Не вѣда про твой капральской, слышь ты, чинъ,
Л-бъ рѣбра перломалъ тебѣ: не я одинъ
Повиненъ въ орчествѣ, мы только лишь купили,
А продали-то вы, или ужъ позабыли?
Поди-жъ къ Архипычу, скажи, воль хонь, ему,
Что буду бить челомъ патрону своему.

ПРИСЯЖНОЙ.

Не троны же. Ну, пойду; но знай, сверчокъ сварливой,
Что будешь человѣкъ ты самой несчастливой.
Теперь, какъ хочешь ты, побенясь или нѣть,
Смотритель нашъ тебѣ пощады не даетъ;
На всѣхъ Валдайцовъ онъ не станетъ хоть сердиться,
Съ тобою же ничѣмъ никакъ не примирится;
Архипычъ подарить тому хоть пять рублей,
Кто подъ глаза тебѣ наставитъ фонарей.

МИШУТКА (кидалась на присяжного).

Ахъ, хромоногой чортъ!...

МИТЮХА (удерживая его).

Не троны ты дурака!
Ты видишь: онъ сейчасъ лишь только съ кабака.
Готовъ на драку я, поди скажи своимъ;
Толкайте вонъ его; ужъ мы те зададимъ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Прежніе, кроме присяжного и ямщиковъ.

МИТЮХА.

Ребята, видѣли присяжного вы чванство,
Вы видѣли его нахальство и буйство;
Онъ хочетъ сдѣлать насъ безъ пива, безъ вина.

ЕЛИСІЙ.

Во всемъ, въ чемъ хонь, его задорливость видна.
Ты дѣло говорилъ—ты угадалъ снаровку,
Что больше неча намъ, какъ только въ потасовку.

АНДРЮШКА.

Но ждать ли, чтобы они Валдайку перешли?
Знать, надо, чтобы мы на встречу имъ пошли.

МИТЮХА.

Онъ дѣло говорить; ужъ солнце па закатѣ.
Ну! времечко пришло теперъ, слышь ты, къ расплатѣ.
Андрюшка, слушь-ка ты: съ своими батраками
Ты завтра справа стань, вонъ тамъ за бугорками,
А Парамошка пустъ лѣвѣй постойдеть,
А Елисей своихъ въ средину поведеть.
Мой братъ съ Терѣхомъ останьтесь за горою
И чесаните къ намъ удобною порою,
Но драку зачинять я завтра самъ пойду.

ЕЛИСЕЙ.

Какую баешь ты намъ страшную бѣду;
Въ опаску дать себя, какъ хочь, тебѣ не можно.

МИТЮХА.

Не бойся! дратъся, слыхь, я буду осторожно.
Идите же, друзья, и на нихъ дайте вѣсть,
Чтобъ постарались концы, какъ надо, свестъ;
А колъ удастся намъ, то водку и квасичку
Поставлю ведрами, дамъ хвацкую попойку.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Митюха и Машутка.

МИШУТКА.

Какъ на присажива я даве осерчаль—
Коли бѣ не ты, то-бъ онъ былугой замычаль.
Ужъ я-бъ ему бока и спину отлѣхъиль.
Какое хвацкое ты дѣло, братъ, затѣяль,
Что силу идемъ мы всѣ на забілъ.
Учтивость не береть, такъ вѣзьметь на кулакъ;
Куда бы хорошо, когда-бъ намъ сбить ихъ съ круга!
Ну, въ ту пору, пируй, Валдайская округа!
А мы, кажись, путемъ ихъ можемъ потаскать.

МИТЮХА.

Я-бы лучше землю стала, ты вѣдаешь, пахать,
Лишь только-бы ото всѣхъ хлопотъ мнѣ отвязаться,
Лишь только-бы никогда съ Аксютою не знаться.

МИШУТКА.

А кто-жъ тебѣ велитъ, ты неразсудливъ самъ.
Отецъ Аксютушкинъ ударилъ по рукамъ
О дочкѣ съ женехомъ; другова не похочеть;
А она обѣ свадьбѣ-то давнѣмъ давно хлопочеть.

МИТЮХА.

Смекаю это я, Мишутка, безъ тебя:
Я самъ себя стубиль, Аксюту полюбя;
А жить мнѣ безъ нея ни силъ нѣть, ни терпѣнья.
Да что и говорить, ты не былъ въ день Крещенья
На званомъ празднике въ монастырѣ у насъ,
Гдѣ я Аксютушку увидѣла въ первый разъ;
Туть все мое лицо какъ съ-пьяну загорѣло,
А сердце у меня заныло, засверѣло,
Во мнѣ до жилочки все ходить ходенѣмъ,
Всего меня палить, какъ будто бы огнемъ.
Туть взяль себя за грудь, захлошаль я глазами,
А сердце у меня пошло колоть иглами;
Ну, словно я его какъ ногу отмежала,
Ну, знаешь, будто бы, смыши ты, перечесала;
Схватило мнѣ животъ и росперло всю глотку.
Сѣмъ, думаль я, начну кропать себѣ работку,
И къ матери ея на-завтра свахъ послалъ.
Туть было чѣму-то я хвалкой вдроть дала.
Сысоевна была, смыши, баба не проруха,
Смекнула обо всемъ разумница-старуха;
Ударивъ по рукамъ, мы запили виномъ,
Туть и приданое составили съ отdomъ;
Купили подъ вѣнецъ на ярмоночкѣ и кичку.
Ну, думаль, подиѣши теперь я въ клѣтыѣ птичку,
И больше сталъ еще дѣлами мастерпты;
Вотъ передъ Масляной и свадьбѣ надо быть.
Но на бѣду мою Аксюта захворала
И, почитай, весь постѣ въ постегѣ пролежала,
А въ Свѣтлый день Христовъ Сысоевна скегла,
Да двѣй черезъ пятокъ родная умерла;
Хвативъ настоички, да творожку съ сметанкой,
Вдругъ сдѣлалась больна, охъ, какъ бишь—лихоманкой.
Она и на Страшной прахварывала, ей!

Вотъ тутъ-то и совсѣмъ надежды я моей
Лишился навсегда!—а батюшка Аксюша,
Которому надуло сумбуръ какой-то въ уши,
Меня изъ дома вонъ нарокомъ проводилъ,
Невѣсту же мою другому посыпалъ.

МИШУТКА.

Андрюшка-то ее сегодня поджидаетъ;
Кажися, что онъ ей дѣвишникъ затѣваетъ.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и горожанинъ.

ГОРОЖАНИНЪ.

Иванычъ-дядюшка, послушай-ка меня:
Аксинья Митревна пріѣхала твоа;
Подъ городомъ она у Марковны пристала
И о себѣ сказать меня къ тебѣ прислала.

МИШУТКА (по некоторымъ жалчаниемъ).

Ну, что задумался, удала голова?
Что хлопашь буркаламъ, какъ будто бы сова?
Экъ, онъ повѣсишь носъ и словно разгуживай;—
Андрюшка-то ему подъ глотку клыкъ поставилъ.
Послушай-ка меня и за мое примись:
Аксютушки вездѣ, какъ можно, коронись;
Лукавой ихъ пожри, иу много ли въ ней смаку!
Готовься лучше, братъ, съ Архипычемъ на драку.

МИТЮХА.

Во что ни станетъ мнѣ, вѣничаться имъ не дамъ,
И деньгами заткну я глотку всѣмъ попамъ;
А деньги, говорить, и камень продолжаютъ.
Божусь, что ни одинъ ихъ попъ не обвиначасть,
Лишь только захочу; иу, а теперь пока
Пойду Авдюшенки пощупаю бока;
Невѣстѣ же его я выщиплю всю косу;
Обонимъ имъ задамъ лихова перечесу.
Меня не проведеть такая сатана.
Пойдемъ скорѣй, пойдемъ, но вотъ она сама.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Прежние, Аксюта и Мареутка.

МИТЮХА (*въ сторону*).

Осмышился, пойду—мороз дергть по кожѣ.
Здорово ли живешь? И не воротить рожи! (къ Аксютѣ)
Аксютушка, скажи: серчаешь на меня?
Да что тебѣ, мой свѣтъ, потѣха что ли я?
Скажи-ка, почему меня ты за носъ водишь,
Зачѣмъ пріѣхала, какой подвохъ подводишь
Своимъ пріѣздомъ мнѣ?... Тебѣ Андрюшка мнѣ.
Да хуже ль я его, чѣмъ я тебѣ постыдъ?

АКСЮТА.

Пріѣхала сюда не по своей я волѣ:
Мнѣ батюшка велѣлъ.

МИТЮХА.

Чего мнѣ слушать болѣ.
Съ тобой не говориши: мнѣ батюшка велѣлъ!
Андрюшка бестія, каналья, воръ, пострыгы!
Да что жъ ты, дѣвушка, о чѣмъ ты вѣрѣмъ хлопочень?
Иль батюшкой своимъ ты отвертѣться хочешь?
Вить стонть чумакамъ подымаугъ только мнѣ,
То бачку твоего вколоватъ въ гробъ она.

АКСЮТА.

Вить батюшка съ тобой посуломъ не связался,
И выдать за тебя меня не обѣдался;
Такъ колотить его за что же чумакамъ?

МИТЮХА.

Молчи же, не серчай! бѣжитъ Андрюшка къ намъ.

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ.

Прежние и Андрюшка.

АНДРЮШКА.

Аксюта милая, невѣста дорогая,
Свѣтъ красно-солнушко, жемчужника златая!
Здорово, лапушки, какъ можешь, какъ живешь?

МИТЮХА. (съ стороны).

Андрюшка этотъ мнѣ вездѣ какъ вострый ножъ!

АНДРЮШКА.

Ну, что твой батюшка?

МИТЮХА (съ стороны).

Вездѣ мнѣ помышаешь.

АНДРЮШКА (съ сторону).

Да что-жъ она молчитъ и мнѣ не отвѣчаетъ?

(Аксюта)

Ну, знаешь, ягодка, что завтра къ ямщикамъ
На драку мы пойдемъ; и вотъ те по рукамъ,
Что шапку отниму тебѣ на подзатыльникъ,
Коль попадется мнѣ какой нарядной шильникъ.
А тамъ за свадебку веселенькихъ ширкомъ,
И заживемъ съ тобой, касаточка, домкомъ.

АКСЮТА.

Тому-то не бывать, вѣничаться я не стану;
Я лучше удавлюсь, зарѣжусь, въ воду спряну,
Я лучше въ монастырь въ монахини пойду.

АНДРЮШКА.

А какъ бы не бывать? Я силой поведу!

АКСЮТА.

О, нѣть, соколикъ мой! напрасно ты хлопочешь;
Я чаю, мало ли чего ты, вѣрно, хочешь,
Да, лихъ, я не хочу—разчукаль-ли, мой свѣтъ?

АНДРЮШКА.

Не хочешь?

АКСЮТА.

Не хочу!

АНДРЮШКА.

Не хочешь?

АКОУТА.

Таки вѣты!

Хошь тресни, а твоей не буду я женой;
Уйду отсель и быть я не хочу съ тобою! (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Митюха, Андрюшка и Мишутка.

АНДРЮШКА (*по какоторомъ молчаніи*).

Ну, нѣть, въ запрасную ломается она,
Я сдѣлаюсь хоть съ кѣмъ, хоть будь самъ сатана.

МИТЮХА.

А что бы сдѣлаль ты?

АНДРЮШКА.

То сдѣлаю, что нада.

Ну, дѣвушка ужъ хват! проклятая досада!
Молчи же, я ее какъ вора захвачу,
Женюсь силомъ, и все ей заплачу.
Ужъ обрѣнчуюся хоть волей, хоть неволей,
И хвостъ ей поприжму, тово-вона, побогъ.

МИТЮХА.

Не горячись, тебѣ здѣсь воли не дадуть.
Хоть лакомой ты котъ, да лапки отшибутъ.

АНДРЮШКА.

Кто лапки отшибеть?

МИТЮХА.

Хоть мы.

АНДРЮШКА.

Ты?

МИТЮХА.

Кулаками!
Я вижу, ты востёръ, да самк мы съ усами.

АНДРЮШКА.

Поташе, свѣтикъ мой; да, знать, ты хочешь самъ
Жениться, братъ, на ней; ну, ну, скажи-ка намъ!

МИТЮХА.

Чего жъ тутъ сирашивать, вить ты смекаешь дѣломъ;
Тошнеконько безъ ней мнѣ жить на свѣтѣ бѣломъ.

АНДРЮШКА.

Послушай же меня, мы завтра поутру
Пойдемъ на драку, и коль те не понутру,
Чтобъ я оставилъ васъ, то эдакъ не бѣсися
И свадьбѣ не мѣшать ты нашей побожися,
Коли не захотѣлъ раззору кабаковъ.
Сейчасъ же уведу домой всѣхъ батраковъ,
Которыхъ-было дать тебѣ я на подмогу,
Покѣрь мнѣ, я ве лгу, ну право, ну ей-богу!

МИТЮХА.

Помоги, братъ, твоей Аксютой не куплю,
Но кину, слыши ты, всѣмъ на брата по рублю,
Такъ я и безъ твоихъ управлюсь съ цѣльмъ имомъ;
Меня не проведешь никоимъ ты обманомъ.

АНДРЮШКА.

Коль такъ, не пособлю ужъ я тебѣ ни въ чемъ;
Пойду и все теперь поставлю кверху дномъ
И подыму противъ тебя всю братью нашу.
Покинемъ всѣ тебя... (Уходить).

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Митюха и Машутка.

МИШУТКА.

Ну, заварилъ ты кашу!
Что-бы намъ расхлебать!

МИТЮХА.

Сказаль: не допущу

Идти имъ подъ вѣнецъ—и будеть, чтò хочу!
А ужъ Аксютушку навѣрно уломаю;
Послушаетъ меня, за то я отвѣчаю.

(КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Андрюшка, Елисей, Парамошка и пѣловальники.

АНДРЮШКА.

Ну, дядя Елисей, соседъ мой дорогой!
Впослѣдній для тебя вступиль сюда ногой
И коль повѣренной еще не перестанеть
Со мною залиться, безъ драки не отстанеть,
То я ему задамъ, слышь ты, лихой трезвонъ.

ЕЛИСЕЙ.

На сходкѣ отвѣтъ предъ міромъ будетъ онъ
Козы Аксютушка въ твоей не будеть волѣ.

АНДРЮШКА.

И говорить, кажись, объ ней не надо болѣ;
Вѣдь не въ охоту я хочу вѣничаться съ ней;
Да я бы волю далъ хоть удавиться ей,
Коли бы не хотѣла Митюшкій надсады.
Такъ, други, не терплю я здакой досады;
Повѣренному я женюсь на ней на зло,
И завтра-жъ къ утрому поѣду на село.
Онъ хочетъ барствовать между нась, мои родные,
Онъ думаетъ, что мы его вѣкъ крѣпостные.

ПАРАМОШКА.

Онъ правду говорить, скажу, ребята, вамъ.
Не можетъ быть для нась Архипычъ даже самъ
Опасенъ такъ, какъ тотъ, кто здѣсь хвостомъ видаетъ,
А тамъ и силою, глядишь ты, напираетъ.

ЕЛИСЕЙ.

Да если за селѣ, гдѣ старости одни,
А работающихъ нѣть, такъ (думаю) они
Помѣщика и въ вѣкъ оброку не дадутъ;
Безъ матки дѣтушекъ всегда болячки жгутъ.

АНДРЮШКА.

Или, тово-вона, ты хочешь, братъ, сказать,
Чтобъ намъ бояриномъ Митюху признавать?

ЕЛИСЕЙ.

Не то смекаешь ты; я говорю: Митюха
 Къ намъ прежде самъ прильнуль, какъ будто къ меду муха.
 Теперь же хочется, ты вѣдаешь, ему,
 Чтобы въ чередь и мы лѣпились къ нему.
 Но ежели еще чуфариться онъ станетъ,
 То, вѣрь мнѣ, пропадеть, какъ словно въ воду канеть.
 Охуки эдакой, какъ кошь, не потерплю
 И первый отъ него съ своими отступлю.

АНДРЮШКА.

А я тоже потакать ему ни въ чёмъ не стану,
 И сквѣдомъ за тобой, тово-вона, отстану.

ПАРАМОШКА.

Ребятушки, наши: идетъ Митюха къ намъ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Прежніе и Митюха.

МИТЮХА (*не сидя Андрюшкамъ*).

Вы здѣсь все собрались; я вѣсточку подамъ
 Для насъ нерадоши; скажу я въ осторожку,
 Что нашей силушки сбываеть по немножку.
 Андрей....

АНДРЮШКА.

Ты хочешь, братъ, меня что-ль провѣсти?
 Ты хочешь на мевя бѣду свою внести.
 Да вѣтъ-лихъ, здѣсь давно про нашу схватку знаютъ.
 Дивлюся, что они тебя не покидаютъ.

ЕЛИСЕЙ.

Не кинемъ мы его, колъ онъ пособить намъ
 Безъ земскихъ усмирить грабежъ по кабакамъ,
 Когда онъ намъ еще разочикъ помиролить,
 А впрочемъ, что онъ самъ, какъ знаетъ, такъ изволить.

МИТЮХА.

Я вижу, пиль въ глаза ты хочешь мнѣ пустить.

ЕЛПСЕЙ.

Нѣтъ, я хочу тебѣ всѣмъ міромъ заявить,
Чтобы съ Андрюшкою, какъ хошь, ты замірился
И уступить ему невѣсту согласился.

МИТЮХА.

Напрасно силитесь вы устращать меня;
Ихъ свадѣбѣ не бывать, въ томъ побожуся я.

ПАРАМОШКА.

Эй, говорять тебѣ, держи вострѣе ухо,
И лучше замірился ты поскорѣй съ Андрюхой.
Вѣдь это для тебя-жъ, а намъ такъ все равно.

МИТЮХА.

Да, плутни-то твоя смекаю я давно;
Мнѣ вѣсъ не надобно, есть батраки со мною.

ЕЛПСЕЙ.

Митюха, смируйся хоть надъ самимъ собою,
Иль разойдемся всѣ отсюдова какъ разъ.
Ну, что ты сдѣлаешь тогда одинъ безъ насть:
Вить ямщики тебѣ и ребра поломаютъ.

МИТЮХА.

Да эти пустяки меня не испугаютъ!
Хотите, вижу я, вы на поцѣтной дворъ,
А виноватъ во всемъ Андрюшка—шельма, воръ.
Все это онъ, злодѣй, одинъ накуралесиль.
О! еслибы я могъ, то я-бъ его повѣсили!
.Оставьте насть однихъ, когда хотите вы,
Чтобъ старшей не было надъ вами головы.
Валите черезъ пень, безмозглы, колоду,
Побейте вы меня Архипычу въ угоду;
Коль хочется изъ вѣсъ кому пяти рублей,
Тотъ подойди ко мнѣ и скучы мнѣ разбей.
Женихъ Аксютушкінъ! ступай, дерись со мною,
Но коль я живъ—она не будетъ за тобою.

АНДРЮШКА.

Митюха! долго, братъ, я слушалъ и терпѣлъ
И долго на тебя сквозь мальчики смотрѣлъ.
Я время дахъ тебѣ и смалчивалъ нарочно,
Когда меня бралилъ ты, братъ, преузорочно.
Теперь моя, смышишь ты, настала череда.
Я вижу, ты привыкъ ругаться завсегда;
Спасибо, не хочу здѣсь оставаться долѣ.
Приходитъ не въ тернѣжъ, мнѣ моихъ нѣту болѣ.
Пойду отсель; но вѣрь, безъ помощи моей
Какъ разъ найдешь конецъ головушки своей...

(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Прежнѣе, кромѣ Андрюшки.

ПАРАМОШКА.

И намъ, родимые, здѣсь неча оставаться;
Намъ съ этимъ дуракомъ и въ вѣкъ не уломатся.
Онъ вѣрную бѣду ужъ самъ себѣ избралъ;
Уйдемте отъ него; чтобъ чортъ его побралъ!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Митюха и Мишутка.

МИШУТКА.

Ну, я не видывалъ еще такова вора,
Каковъ Андрей! и ты съ нимъ одного проворца;
Неужели тебя не можно упросить?

МИТЮХА.

Ну, что-жъ еще, болванъ, ты сталъ меня учить,
И можешь упрекать.—Андрюшки что-ль боишься?
Ну, такъ оставь меня и къ черту провалися.

МИШУТКА.

За что-жъ серчаешь ты, коль хошь—я замолчу.
Вить кажется, тебѣ-жъ я доброго хочу;
Тебѣ же сослужить хотѣлъ я, вѣдаши, службу,
И докажу тебѣ мою, коль хочешь, дружбу.
Идешь на драку ты, и я иду съ тобой;
И всюду я готовъ хоть въ омуть головой.

МИТЮХА (*обнимая его*).

Спасибо, братъ, тебѣ за это; обоймемся.
 О чёмъ намъ унывать, когда мы обойдемся
 Безъ цѣловальниковъ, безъ этихъ дураковъ;
 Да ни которого изъ нашихъ батраковъ
 Я и безъ нихъ не дамъ Архипычу въ обиду.
 Ужъ я его турну, лишь только въ драку выду.
 Вить не оставить насъ съ работниками, братъ,
 Терёшка-куманекъ, да дядюшка Панкрагъ;
 Еще-же дыачекъ Антропъ намъ также будетъ вѣрить,
 А этотъ-то одинъ везеть, какъ доброй меринъ,
 Да два племянника: Иванычъ да Фадей;
 А въ дракѣ-то Иванъ большой руки злодѣй!
 Еще-же всѣ, почитай, Валдайски горожане.
 Ну, а у этихъ, братъ, буяны на буяни,
 И гонятъ-то буяны; ужъ то-то удальцы,
 Кого ни поверни, всѣ выдуть молодцы!
 Вить мало ли начель; и такъ, когда сберемъ
 Всѣхъ нашихъ-то бойцовъ—да какъ имъ поднесемъ
 По доброй кружечкѣ хоть травинку, хоть водки,
 Такъ и останемся безъ всякой мы заботки.
 Миляга! слушай-ка, пожалуста сходи,
 Аксютушки моей вездѣ ты погляди;
 А ежели найдешь, ей въ ножки позвалися,
 Прощенія у ней проси мнѣ, и божися,
 Что я, диковать, ни въ чёмъ не виноватъ предъ ней,
 Что, диковать, виноватъ во всемъ пострѣль Андрей;
 Проси, чтобы на меня она не осерчала;
 Проси, чтобы со мной, какъ можно, повидалась;
 Скажи, что безъ нея на свѣтѣ тоско жить.
 Поди, меня-иль она захочетъ погубить?

МИШУТКА.

Изволь, все сдѣлаю; тебѣ то обѣщаю,
 И разомъ я ее, какъ надо, уломаю.....

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Митюха и горожанинъ.

ГОРОЖАНИНЪ.

Иванычъ дядюшка.

МИТЮХА.

Что надо? говори....

ГОРОЖАНИНЪ.

Достались въ руки намъ изрядны хобары.
 Мы Зимогорьевца сейчас заполонили,
 Котораго вонъ тамъ въ оржаны захватили.
 Онь-было на межѣ засѣль, сlyшь ты, въ кусты,
 Чтобъ насъ поосмотрѣть порядкомъ, вѣдашь ты;
 Да-лихъ, не удалось, оно не такъ-то было.
 Не знаю подъ животъ его знать подхватило,
 Да только громко онъ, ты вѣдашь, застоналъ,
 А дадя это твой тотчасъ и услыхалъ
 И притаился самъ; спустя минуту срокомъ,
 Онь какъ-то и опять, звяль, крикнула ненарокомъ,
 А дадя на голость и цаль-царапъ сго,
 И насъ подняли всехъ, ужъ тутъ-то мы его
 Приструнили путемъ; какъ надо доспросили;
 Мужикъ-то хворой былъ, а то-бъ мы пуще били.
 Вить хорошо, что онъ былъ, вѣдашь, нездоровъ.

МИТЮХА.

Ну, чтобъ-же онъ говорить?

ГОРОЖАНИНЪ.

Что онъ изъ ундеровъ,
 Еще на Масляной въ отставку отпросился,
 Да въ Зимогорьевъ у брата поселился;
 Отъ этого за нихъ теперя и стоять.
 Смекать было онъ то, что нашихъ оглядитъ.
 Вотъ все, что знаю я, но наши половые
 Узнали отъ него всѣ замыслы дурные,
 И чаю, что сюда его приволокутъ.

МИТЮХА.

Зови же всѣхъ сюда.

ГОРОЖАНИНЪ.

Да вотъ они идутъ.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Митюха и половые.

МИТЮХА.

Что вы, ребята, тамъ на скокъ присудили:
 Чтобы мы пошли впередъ, или чтобы отступили
 Назадъ отъ ямщиковъ?

ПОЛОВОЙ.

Гадали такъ и сякъ,
Хоть много думали, но вышло все пустякъ.
Гутарили, чтобы намъ, полunoчной порою
Плотину разломать, оостаться за рѣкою,
Что-бы должно ямщикамъ пуститься было вплавь;
Да ундеръ, обо всемъ какъ надо разсказать,
Другую думу даль; намъ стыдно ихъ бояться!
Не за рѣкой спѣть, а надобно подраться.

МПТЮХА.

А что такое онъ мудреное открылъ?

ПОЛОВОЙ.

Присяжнаго слова Архипычъ подтвердилъ,
Поставивши тебя всей сваѣки головою;
Весть ссору завсегда божился онъ съ тобою,
Доколъ твоихъ костей и ребръ не перечтешь,
Доколъ губъ, и зубъ, и скуль не разобьетъ,
А чтобы острастку дать, то не съ другаго слова
Калякалъ мало ли чтѣ про тебя дурнова.
Гулака-молодецъ, извощикъ Андреянъ,
Который въ ту пору какъ стелька, вишь, быль пинъ,
Даль слово, почитай предъ цѣмыль, вѣдашь, ямомъ,
Что притащить тебя къ Архипычу арканомъ.
Неужели терпѣть намъ, экой ихъ задоръ?

МПТЮХА.

Чего жъ и ждать отъ нихъ, гдѣ все на ворѣ воръ!
Но нѣть, братъ, на арканъ, небось, не попадуся.
Я земскому суду бумагой поклюю:я,
Такъ онъ и пришлетъ къ намъ десятка два солдатъ,
А мнѣ исправникъ-то, слышь ты, не супостать.

ПОЛОВОЙ.

Экъ хорохоришица на нихъ ты по пустому;
Въ Макарьѣ на торгу такова я содому
На рынкѣ не видаль; хоть плохо намъ во всемъ,
Да такъ уже и быть—на драку мы пойдемъ.
Съ тобою все тринь-трава, все пустаки, все врачи!

МПТЮХА.

Ай да ребятушки! готовьтесь вы къ дракѣ,
Сберитеся поскорѣй вонъ тамъ за бугоркомъ,
И какъ поправитесь, подайте знакъ свисткомъ.

(*Полоене уходливѣ.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Митюха и Мишутка.

Митюха.

Теперь пойду-ка я Аксюту пошунаю;
 Но воть она идеть, чтоб дѣлать—я не знаю.

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ.

Прежніе, Аксюта и Мареутка.

Аксюта.

Насилу я къ тебѣ, Митюха, добрела.
 Повѣршишь ли, какъ я испугана была;
 Лишь я пришла домой, а мнѣ вдругъ ваши бають,
 Что цѣловальники тебя всѣ покидаютъ,
 Что долженъ ты пдти одинъ на цѣлой ямѣ.
 Мнѣ вѣрить ли тому, скажи теперь ты самъ?

Митюха.

Да, эта вѣсточка, Аксюта, справедлива.
 Не ждалъ я никогда и самъ такого дива;
 Вдругъ цѣловальники всѣ сбились съ пахвей,
 А дѣлу голова—твой женщонокъ Андрей!
 Ужъ зкой есть ли гдѣ прятоманной дѣтина!
 Ну, то-то, слышь, буянъ, ужъ добрая скотина,
 И пьяница-то онъ, набойчатой дуракъ!
 Да что, и безъ него мнѣ все, слышь, пустарнакъ,
 И безъ него пойду на цѣло Зимогорье;
 Лишь то, Аксютушка, кажись, мнѣ только горе,
 Что ты, бѣлянушка, не любишь, знать, меня.
 Ахъ свѣтникъ ты мой, свѣтъ, касаточка моя!
 Когда ты на меня свои прищуриши глазки,
 Иль какъ-нибудь меня когда давнешь изъ ласки,
 По сердцу у меня мурашки и пойдутъ;
 Ну, словно кипаткомъ меня какъ обдадутъ.
 Какая-бы ни была, пройдетъ кручинка лютая.
 Да взглянь же на меня, голубушка Аксюта,
 Хоть глазикомъ однимъ, и горе все пройдетъ.
 Твой взглядъ мнѣ бодрости и смѣлости даетъ;
 Да за тебя, кажись, хоть съ кѣмъ я подеруса!

АКСЮТА.

Митюха, свѣтлицъ мой! ву, право, я боюся,
 Что ты учнешь одинъ противу ямщицоў.
 Навѣрно будешь ты безъ рёбъ и безъ зубовъ.
 Послушайся меня, не затѣвай содома,
 Мирись съ смотрителемъ, останься лучше дома.
 Да нѣть, колы ты уйдешь домой, такъ ямщики
 Всю брагу перепьютъ, разграбятъ кабаки,
 Да и того, кажись, еще имъ будетъ мало.
 Всѣхъ цѣловальниковъ сюда я созывала,
 Они придутъ...

МИТЮХА.

Отъ нихъ что-жъ хочень ты?

АКСЮТА.

Не знаю;

Но чтобы спасти тебя, завою, зарыдаю;
 Пусть виноватою предъ ними буду я...
 Но вотъ они идутъ.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Прежніе, Андрюшка, Елисей, Парамошка и цѣловальники.

АКСЮТА.

Родимые друзья!
 Послушайте меня; сказать по правдѣ-маткѣ,
 Одна виновна и въ случившейся здѣсь скваткѣ.
 Готова я за то побои при拿матъ.
 Вы дратъся станете, а я вѣсъ увѣрять,
 Что не хочу никакъ съ Андрюшкою вѣнчаться:
 Иль за Митюхой быть, иль дѣвкой оставаться!
 Божусь вамъ, что и я поставлю на своеи.

АНДРЮШКА.

Иль только ты сюда звала меня затѣмъ,
 Чтобы, тово-вона, ругаться надо мною?

АКСЮТА.

Не буду никогда, Андрей, я за тобою:
 Митюха мой женихъ, не то, такъ я божусь,
 Что въ монастырь пойду, не то такъ удавлюсь!

АНДРЮШКА.

Коль хочешь ты, чтобы я севодан же съ Митюхой
Мирися дружески, такъ ты меня послухай.
Въ послѣдній разъ тебѣ, Аксюта, говорю.

ЕПСЕЙ.

Послушай, можетъ быть, я въсъ и погибю.
Послушайте меня, сказать вамъ правду-матку,
Я знаю всѣ дѣла, какъ надо по порядку,
Я вамъ повѣрить мнѣ, кажися, что не грѣхъ.
Мнѣ жѣть за семьдесятъ, я старѣе въсъ всѣхъ,
И свѣту, и людей видѣлъ ужъ я довольно.
Бывало плохо мнѣ, бывало и привольно,
Я все отвѣдывалъ, и солено хлебалъ,
Глоталь и горькое, и сладкое ёдалъ.
Ну, съѣдѣственно моиъ словамъ повѣрить можно.
И такъ, послушайте, сперва сказать вамъ должно,
Что я, кажися мнѣ, хоть и не такъ смысленъ,
Однако знаю все и грамотъ учень,
Читалъ я и Бому, читалъ и Ерусала,
Читалъ исторію и Смураго Кафтана,
И Ваньку Кашна, Петра Златыхъ Ключей,
И мало ли еще, вить много драны сей.
Когда мы въ Петербургъ съ мукой прѣѣзжали,
Видаль въ театръ я, какъ и комезъ ломали
Какого-то царя, прозванье позабылъ;
Хоть много я читалъ, хоть и въ театрѣ былъ,
Но ни въ одной еще того не встрѣтилъ сказъ,
Чтобы ссорились свои за дѣвицкими глазки
Тогда, какъ надоно идти въ сраженіе имѣ.
Чтобы къ богатырямъ или царямъ какимъ
Возили на войну неѣсть чтобы вѣнчаться.
А дѣвкамъ не въ свое не надоно мѣшаться.
Вить какъ придется онѣ, завоють, заревутъ,
Такъ вотъ тебѣ и бинъ, и слезки потекутъ.
Чему быть добруму, коль на войнѣ неѣста?
Вить тамъ, гдѣ бывать людѣй, дѣвицникъ не у мѣста!
А ежели къ кому хоть и жена придется,
Чего и быть неѣза—такъ то произойдетъ:
Разрюмится, свой долгъ въ неволю позабудеть;
Кто съ бабой свяжется, тотъ бабою самъ будеть.
И чай, иной готовъ такую басню смѣсть,
Такія чудеса, гляди, и въ книгахъ есть!
И такъ, Аксютушка, то хоть тебѣ не нравъся,
Оглобли поверни, да и домой отправъся,
И этимъ откупъ весь ты отъ бѣды спасешь
И прибыли намъ всѣмъ не мало принесешь.

МИТЮХА (*въ сторону*).

Вишь что нагородилъ, поди ты, пхъ послушай!
Вѣдь вонъ чѣй говорятъ—разжуй ты пхъ, раскушай!

ПАРАМОШКА.

Ну, нѣть; намъ, видно, пхъ п въ годъ не уломать
Не лучше-ль къ ямщикамъ за мировой послать?

АНДРЮШКА.

Аксюта, я тебѣ вить кланяться не стану;
Не честію тебя, такъ силомъ достану,
И ежели неайдешь со мною ты къ вѣнцу,
То къ твоему сейчасъ поѣду я отпу.
Тово-вона оно, я на тебя пожалуюсь,
Ужъ больше надѣя тобой, негодная, не скажусь,
И съ батюшкой твоимъ, хоть завтрашній же днемъ,
Мы розгами тебѣ всю спину издеремъ;
Закатимъ съ нимъ тебѣ порядочную взварку;
Завоешь у меня ты матушку-сударку.
Я, знашь, тебѣ задамъ, запомнишь ты меня,
Не то—такъ и кнутомъ....

АКСЮТА (*въ сторону*).

Ахти, бѣда моя!

Вить батюшка сердитъ, тотчасъ мнѣ спустить шкуру!
Видаль-ли кто-нибудь подобную мнѣ дуру!
Ну, накачала я теперь себѣ бѣду;
Нѣть, лучше за него я, такъ и быть, пойду.
Чѣмъ оную терпѣть притоманную муку.
Согласна я на все; давай, Андрюшка, руку.

МИТЮХА (*остановила ее*).

Ахти! чѣй дѣлаешь—скажи?

АКСЮТА.

То, чѣй велать;
Спина-то вить моя, а кнутъ не свой мнѣ братъ!

АНДРЮШКА (*заявъ ей руку*).

Ну, ну, Аксютушка, теперь тебя прощаю;
Забудемъ обо всемъ; а я ужъ обѣщаю,

Коль поживешь со мной—полюбишь ты меня.
О дракѣ должно намъ потолковать, друзья!
Доселева я былъ какъ будто чѣмъ-то связанъ;
Теперь же я готовъ все сдѣлать, чтѣ обязанъ,
Вить съ нею подъ вѣнецъ пойду хоть завтра-жъ я.

Митюха (кидалась на Андрюшку).

Андрюшка бестія, мошенникъ, воръ, свинья!
Слыши, свадѣбѣ не бывать! Ты знаешь ли, что время?
Пойдешь къ вѣницу тогда, коли меня побѣшишь.

Изисей (удерживая ею).

Ты въ рукавицу, братъ, запрятай три алтына.

Митюха (смѣялась).

Хоть четверть опь положи!

Аксюта (кидалась между ними).

Не надо и полтины.
За мужа постою головушкой моей! (Митюхъ)
Коль хочешь бить его, меня сперва побей;
На, въ маковку стучи, коль есть въ тебѣ досуга.

АНДРЮШКА.

Сѣмъ, мы побережемъ, повѣренной, другъ друга.
Ты вспомни, должно намъ идти на ямщицковъ,
Коли не захотѣшь раззору кабаковъ;
Докажемъ мы, какжись, на дракѣ по неволѣ—
Заслужить кто изъ насть мою несвѣту болѣ.

(Уводыши Аксюту и вѣзъ за ними следуютъ).

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Митюха и Мешутка.

Митюха (смотря вслѣдъ за ними).

Аксютушку ему дозволилъ я отвѣсть;
Ну, эдакая мнѣ приходить нынѣ честь! (Мешутка)
За что-жъ мнѣ потакнуть Аксюту не хотѣла,
Скажи, за что она меня не пожалѣла?
Или какой, скажи, имѣю я порокъ?
Бѣда, безчестье мнѣ! Но слышу я свистокъ...

(Слышеніе за кулисами свистъ).

МИШУТКА.

Да, это поданъ знать, что все готово къ бою.
Митюха, побѣжимъ скорѣй туда съ тобою.

МИТЮХА.

Насилу-то пришелъ послѣдній къ дракѣ часть.
Вѣрь мнѣ, Архилла скручу и самъ какъ разъ;
Не побоюся я и даже Андреана,
Лишь только-бы удалось гдѣ встрѣтить мнѣ буяна.
Но въ дракѣ не могуничѣмъ располагать.
Мнѣ тошно, тошно такъ, что и нельзѧ сказать,
Какъ словно, слышь ты, я обожрался селедки.
Мишутка, встань-ка, братъ, ты за меня въ середкѣ,
Какъ въ драку мы пойдемъ, надѣнь ты мой армякъ.

МИШУТКА.

Зачѣмъ?

МИТЮХА.

Я знаю все; вотъ-на тебѣ кушакъ,
Вотъ пиджакъ, вотъ тебѣ мои и рукавицы;
Вить благо, что у насъ съ тобою сходны лица,
Не всякой можетъ насть на взглядъ вдругъ распознать,
И будеть трудно имъ тебя, слышь ты, узнать.

МИШУТКА.

А, а! таперича смекаю дѣломъ кроху:
Боишься ты—отъ нихъ чтобъ не было подвоху.

МИТЮХА.

Да, такъ, братъ, угадаешь; а то Андрюшка хватъ
Для удали такой! вотъ-на тебѣ и плать.
Ты отъ меня имъ, слышь, Аксютѣ поклонися,
Что я ее люблю, какъ можно—побожися.
(За кулисами сцены).
Впослѣдній голосъ намъ, слышь, подаютъ свистомъ;
Таперича скорѣй на драку мы пойдемъ.

(конецъ втораго дѣйствія).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Аксюта и Марфутка.

АКСЮТА.

Чтоб да-где бѣжать? Дай мнѣ собраться съ силой.
 И такъ ужъ поть съ меня течеть, какъ словно мыло.
 Или здѣсь станемъ ждать мы лучше ямщиковъ,
 Чтобъ не однѣ пришель Митюха безъ зубовъ,
 Чтобъ мнѣ досталось, чтобы меня побили,
 И чтобы мнѣ за все порядкомъ отплатили.

МАРФУТКА.

Ахъ, лебедь, иль спина и у тебя свербитъ,
 Иль наша не вала?....

АКСЮТА.

О томъ все говорить,
 Что намъ досталось; крикъ нашихъ раздается,
 И плохо, плохо намъ, мнѣ на сердцѣ сдается.

МАРФУТКА.

И мнѣ то-же чутся, ну право, ну ей-ей!

АКСЮТА.

Ахти! ужъ не видать мнѣ больше ясныхъ дней.

МАРФУТКА.

Ты подъ вѣнецъ пдти дала напрасно слово,
 Нельзя-ль его назадъ, Аксютушка, взять снова?

АКСЮТА.

Лукавой спуталь грѣхъ Митюху моего,
 И виновата и безчестію его.

МАРФУТКА.

И, дѣвка! можетъ ли вину то назваться,
 Когда боялась ты побоямъ подвергаться?

АКСЮТА.

Теперь я въ монастырь навѣрное пойду;
Знать, мнѣ написано то было на роду.

МАРФУТКА.

Я вижу горожанъ и половой нашъ съ ними.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Ты же, половой и горожане.

АКСЮТА.

Авось хоть крохотку порадуюсь съ своими.
Скажи, пожалуй, мнѣ, соколь мой ясной-свѣтъ!
Насъ Зимогорьевцы побили или нѣтъ?

ПОЛОВОЙ.

Не плачь, Аксютушка! Валдайцы, знай, пируютъ;
Архипычъ и весь ямъ во всѣ лошатки дуютъ.

АКСЮТА (съ восторгомъ).

О, нижній земскій судъ! ты насъ навѣрно спасъ!
Знать, надобно за что ты не оставилъ настъ,
Валдайцевъ сохранилъ командою свою,
Которую прислали; теперь я думать смѣю,
Что цѣль Митюшинъка соколь, голубчикъ мой,
Что онъ избавился изъвѣчичихъ побои;
Теперь и кабаки и все осталось цѣло.
Да разскажи, мой свѣтъ, какъ было это дѣло,
Какъ драка началась, и все что было тутъ.

ПОЛОВОЙ.

Отъ пагубы спасаль настъ нижній земскій судъ.
Что можетъ устоять противъ команды штатной,
И кто въ тюрьму попасть захочеть безвозвратно?
Исправникъ къ намъ прислали одиннадцать солдатъ,
А ундеръ съ ними былъ такой дородной хватъ!
Хотя съ нами обошлисъ они сперва спѣсиво,
Но какъ поставили мы имъ ушатикъ пива,
Вина, да пирожковъ, да водки сладкой штофъ,
То ундеръ-то и сталь не такъ уже суровъ;
А какъ они вѣдро вина поопростали,

Какъ накатилися, словоокотны стали.
 На драку Елисей икъ шуткой пригласилъ;
 Они кобенились; не долго онъ просидѣлъ;
 Ну, вскакой тутъ въ свои садилъ, вѣдашь, саны.
 Собравшись въ кучку тутъ, всѣ наши горожане
 Поплыли какъ разъ туда, гдѣ были ямщики,
 Точили зубы всѣ, вострили кулаки;
 Идемъ.... и вдругъ на насъ съ пескомъ каменьевъ куча.
 Ну, такъ вотъ и валить, какъ въ непогоду туча.
 Но мы же и тѣмъ шажкомъ идемъ себѣ впередъ,
 А вихоръ по горамъ такъ, слышь ты, и реветь.
 Вотъ мы и радушкомъ стѣснилися въ плотную
 И кто во что гораздъ запѣли плясовую,
 Идемъ.... и съ нами вдругъ тутъ куча ихъ сперлась,
 Раздался страшный крикъ и свалка началась.
 Удали ихъ бойцы къ намъ кинулись въ средину;
 Вотъ тутъ-то и пошло: кто въ носъ, кто въ бокъ, кто въ спину.
 Какъ будто коршуни злой на воробьевъ летить,
 Ну, словно такъ какъ вихоръ когда въ дунло свистить
 И съ дуба жалуди и листья обиваетъ
 И сучья книзу гнеть и вѣточки ломаеть,
 Такъ точно удальцы Ериль да Андреянъ
 Быдаются на насъ и дѣлаютъ изъянъ;
 И взадъ ихъ и впередъ валятся наши шапки,
 Какъ съ кону городен, иль какъ бы словно бабки.
 И много повалить имъ нашихъ удалось!
 Какъ съ граду иль съ дождя полежится овесь,
 Такъ наши удальцы, знашь, по травѣ лежали;
 Иные плакали, другие верещали,
 Которые подали на четверенькахъ прочь,
 А тѣ еще драились, въ комъ оставалась мочь,
 Покудова и ихъ не сѣздили подъ вздохи.
 Тамъ слышались вездѣ побранки лишь да охи;
 А цыганой Елисей, чтобы нашихъ удержать,
 Хотѣлъ было съ дѣтьми намъ удачу показать,
 И всѣ шесть сыновей въ глазахъ его свалились:
 Тутъ ноги у него едва не подкосились;
 Но онъ поправился, въ кулачной бой пошелъ,
 И вѣрно бы себѣ такой-же срамъ нашелъ,
 Колы не посыпъ-бы къ намъ два наши на подмогу,
 Которы нась смели на чистую дорогу:
 Одинъ изъ нихъ Антропъ, приходской нашъ дѣячокъ;
 Мужикъ онъ умница, мошенникъ и крючокъ,
 Онъ изъ бойцовъ боецъ, извѣстный запивоха;
 Да вить ему съ родин Митюха и Терѣха.
 Онъ страхъ плечистъ, здоровъ, высокъ, и толстъ и смѣль,
 Превзрачной молодецъ, красивъ собой, пострѣлъ!
 Ерилла онъ задраиль, и вышелъ съ нимъ на драку,
 И было хваленную ему дать перебаку.

Ермилъ-то, слышь, сперва качнуль его кнутомъ,
 А нашъ-то выреагъ кнутъ, да въ зубы кулакомъ;
 А тотъ ему какъ разъ и въ волосы свалился,
 Чихнуль его въ скулу, а онъ и съ ногъ свалился.
 Свернувъ лицомъ къ землѣ, его въ загривокъ дуль;
 Потомъ уставши, смолкъ, а нашъ поотдохнуль,
 И видеть, что ему приходитъ илохо дѣломъ,
 Лежаль, лежаль, да какъ вернется всѣмъ онъ тѣломъ,
 Какъ дастъ ему раза; тутъ на ноги вскочилъ,
 И чутъ-чуть подъ себя Ермила не свалилъ,
 Однакоже и тотъ попраздился какъ должно;
 И такъ они дрались, что и сказать не можно:
 То верхъ возьметъ Ермилъ, не то такъ наль Антропъ;
 Ермилъ колыпцы вверхъ, и нашъ уналь какъ спонъ,
 Какъ пласточки лежать; но дрались оба смыло,
 Изъ обоихъ руда такъ, слышь, и закипѣла.
 Но между тѣмъ идетъ вблизи кулашной бой:
 Гуляка Андреянь и удалецъ другой,
 Который будто бы какъ съ неба къ намъ свалился,
 Съ извоющеюмъ какъ разъ въ плотную спохватился.

АКСЮТА.

Но кто же онъ такой, зачѣмъ сюда попалъ,
 И какъ по сю пору народъ объ немъ не знать?

ПОЛОВОЙ.

Да нашпимъ незнакомъ онъ, слышь ты, былъ ребятамъ;
 Онъ все свое лицо укуталъ краснымъ платомъ,
 На немъ было старые рубаха и армякъ,
 И малой изъ себя не очень чтобы въ зракъ;
 Да только прытокъ онъ, плать, связанный на рожѣ,
 Ему отлижкой былъ; всѣхъ подраго по кожѣ,
 Лишь взвидѣли его; трухнуль самъ Андреянь,
 Хмѣль у него прошелъ, хоть онъ быть крѣпко пьянъ.
 Нашъ въ морду былъ его, валить и подъ мнѣтки.
 Ну, Андреянь, такой не видывалъ ты пинка!
 Дубину тотъ свою лишь хотеть приподнять,
 А нашъ-то и учнетъ его тутъ подѣлжать;
 Вздурнися Андреянь, поднялъ свою щетину,
 И шваркнуль далеко уѣсисту дубину;
 Шаговъ десятка два назадъ онъ отступилъ
 И въ варегу свою свинчатку запустилъ.
 Зубами скрипнулъ, какъ немазана телега;
 Онъ хочетъ нашего доѣхать, знашь, съ разбѣга,
 Кидается къ нему; нашъ видѣтъ то и ждетъ;
 Ужъ размахнулся онъ, ужъ въ ухо оплететь,
 Но нашъ тутъ отъ него вдругъ на бокъ отшатнулся.

И носомъ Андреянъ тамъ въ землю и уткнулся,
 А нашъ сѣль на него и въ прахъ его разбили!
 Кажись, что онъ руды корыто источилъ!
 Архиманть дрался ужъ въ то время съ чумаками:
 Давай себѣ гвоздить въ мордасы кулаками!
 Съ сердцомъ, не съ трусости свистить себѣ въ зубокъ.
 Тѣмъ самымъ временемъ, покинувши лѣсокъ,
 Митюхинъ братъ за нихъ пустился рѣсью сраду,
 И кинулись они назадъ подобно стаду
 Барановъ иль свиней, бѣгущихъ отъ волеювъ;
 Давай Богъ ноги! всѣ отъ нашихъ чумаковъ.
 И весь сѣвой покосъ—имъ узкал тронина!
 Вотъ, вѣдашь ты, была и вся тебѣ причина.

АКСЮТА.

Но о Митюхѣ-то ты мнѣ не говоришь;
 Скажи, я знать хочу, скажи, къ чему томишь

ПОЛОВОЙ.

Объ немъ еще никто изъ горожанъ не знаетъ,
 И это, вѣдашь ты, всѣхъ много сокрушаетъ.
 Ни онъ не сыщется, ни удалецъ другой,
 Что драку окончаль могучею рукой.
 Здѣсь цѣловальники хотѣли всѣ собраться;
 Они сюда придутъ, чтобы выѣсть постараться,
 Какъ имъ Иваныча и парни-то найти.
 Въ надеждѣ видѣть ихъ, спѣшилъ сюда прийти.

АКСЮТА.

Пошли всѣхъ горожанъ; пойдемъ съ тобою сами,
 И станемъ разными кричать мы голосами.
 Давай искать: авось его мы и найдемъ.

(Хочетъ идти).

Постой, сперва туда съ тобою мы пойдемъ!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

МИТЮХА.

(Одинъ, полный и разбитый, голова подвязана).

Никакъ я видѣть здѣсь голубушку Аксюту.

Да, такъ! она пошла туда сю мгнту.

Нѣть, можетъ отъ того казалась мнѣ она,

Что я отъ хѣлю такъ, какъ будто бы со сна.

(Садится за кустомъ).

Ну, здѣсь я отдохну, а то мнѣ не въ могути; заставилъ всѣхъ играть я на свою погодку, За то избить и самъ, въ костякѣ престранной ломъ; Здѣсь нѣту двухъ зубовъ, здѣсь стукнулся я лбомъ; Рука виситъ какъ плеть, и на ногу хромаю; Весь словно, какъ въ мѣшкѣ; да что-то, я не знаю, Гдѣ Мишка мой теперь, провалъ бы его взялъ! О сю пору нѣдѣть, знать—гдѣ онъ запропалъ.

(По некоторомъ молчаніи вынимаетъ изъ-за пазухи тюфоѣ съ водкомъ).

Дай тапну съ горя я оставшее хмѣльное; Теперь, сѣмъ, всхрапну; раздолѣе намъ въ цокой.

(Засыпаетъ).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Митюха спящій, Андрюшка, Елисей, цѣловальники, половые, горожане, Аистъ и Мареутка; всѣ, кроме женщинъ, пьяны и избиты.

АНДРЮШКА.

Мнѣ сердце говорить, всегдашній мой вѣщунъ, Что мы найдемъ того, кто задалъ карачунъ Съ размаху одного ерьгѣ Андреяну, И кто Архипычу надѣлагъ страсть изъяну. Я вамъ божусь бойца кулачного сего Принять и признавать за брата моего, Во всемъ къ себѣ приму его я въ половину Лишь только-бы эвтова найти мнѣ мужчину.

ЕЛИСЕЙ.

О, еслибы удалось увидѣть молодца, Во здравіе его хватить бы я винца.

АНДРЮШКА (горожанамъ).

Ребятушки! искать вездѣ его идите.

ЕЛИСЕЙ.

Но болѣе еще Иваныча ищите; Вы, други, вспомните, что онъ начальникъ ванть, Что добрый парень онъ, заступникъ первой напѣ, Онъ первой выдумашь, чтобы намъ идти на драку, И много чрезъ него досталося намъ смаку Но вижу я, несутъ армякъ его сюда.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тъ же и нѣсколько горожанъ (несутъ армакъ Митюхинъ).

АКСЮТА.

Ахъ! что съ нимъ сталяся, бѣда моя, бѣда!

АНДРЮШКА.

Аксютунка!

АКСЮТА.

Я слезъ моихъ таить не стану;
Такъ! онъ не сдоброяль, я вижу по кафтану.
Андрей! повинна я, побей моль хошь меня,
Но даже и тогда бояться буду я,
Что никогда тебя, какъ мужа, не любила,
Что за носъ я тебя, и слово давъ, воднила;
Митюху моего какъ сокола любя,
Обманывала всѣхъ и самой себя.
Гладѣла на него всегда какъ мышь изъ норки...
Ну, колоти меня, валай на обѣ корки!

АНДРЮШКА.

Пришибевъ плотно знать, какимъ онъ ямщикомъ;
Тенеръче я тебя обѣду ужъ конемъ,
И завтра же съ тобой поутру обвѣчаясь;
Ужъ будешь ты моя, за это я ручаюсь!

ЕЛИСЕЙ (горожанину).

Скажи-ка, братецъ, намъ, гдѣ ты его нашелъ?

ГОРОЖАНИНЪ.

Экъ не разчуваются: лежать другой соколь
Въ кафтаниѣ-то ево, который, знать, подтапяль.
Мишутка—это быль, Ермилъ его уляпаль,
Какъ драка началась; онъ весь какъ чортъ избить.
Нашъ Парамошка съ нимъ, какъ пласть, тоже лежать,
Безъ ногъ, безъ зубъ, безъ рукъ, съ разбитой головою.
Насилу вымолвить словечко могъ со мною,
Мишутка же и рта не можетъ растворить;
Обонихъ ихъ велѣль я въ городъ оттащить.

МИТЮХА (просыпается).

Какъ знатно я всхрапнула съ устата и съ похмѣлья...
Пойти бы поискать Мишутку отъ бездѣлья.
Охъ-ти! Зѣвается!

ВЛІСЕЙ (подходя къ Митюхѣ).

Зѣваетъ кто-то тамъ!

МИТЮХА (накрылася плакомъ).

Со мной тутъ кто-то есть!

ВЛІСЕЙ подходитъ ближе).

Такъ это онъ! онъ самъ,
Тотъ самый удалець, который Андреяна
Сломалъ, какъ лютый волкъ синью или барана.
Я узнаю его, сними же ты свой плащъ,
Дай на себя взглянуть, любезный другъ и братъ,
Открой намъ голову; ну, полно, не корачься;
Скажи: кто ты таковъ, скажи же, не ортачся!
Наплакаться хочу, соколь мой, на тебя.
Вить ты, сквальненка, буина погубя,
Какъ мы свалились въ плотную съ ящицами,
Мнѣ сыновей сберегъ своими кулаками.
Дай на себя взглянуть хотя однѣмъ глазкомъ,
Хотя попотчивать дозволь себѣ винцомъ. (Митюха открыгается лицо).
Иванычъ!

ПОЛОВОЙ.

Это онъ!

АНДРЮШКА.

Какъ зозы пынъ Митюхѣ?

АКСЮТА.

Такъ, точно это онъ! Митюша мой!

АНДРЮШКА (съ досадой).

Аксюта!

МИТЮХА.

Когда бы, братъ, винца ты мнѣ не посулить,
То рожи-бѣ я своей ни зашто не открылъ.

ЕЛИСЕЙ.

Ну, такъ и обдало меня, какъ словно варомъ;
Какъ я не могъ узнать тебя по тѣмъ ударамъ,
Которы задавалъ ты даже ямщикамъ;
Но твой армякъ въ крови, ты весь избитъ и самъ.

АКСЮТА (*Марфутка*).

Ахти, Марфутушка!

МИТЮХА (*Елисей*).

Ну, что же ты хлопочешь?
Вить за меня терпѣть ты вѣрно не захочешь.

ЕЛИСЕЙ.

Да мнѣ, Митюха, жаль здоровья твоего.

МИТЮХА.

Вить не твое оно, на кой мнѣ чортъ его,
Когда ужъ не женюсь я на Аксютѣ болѣ?
Я боленъ и здоровъ все по своей вить воївъ.
Да гдѣ Мишутка мой, что онѣ нейдетъ сюда?
Забудетъ про меня канала завсегда;
Скажите мнѣ обѣ немъ хотя одно словечко.
Такъ, знаю; говорить мнѣ мой вѣщунъ сердечко,
Что вѣрно въ дракѣ онъ не на животъ избить.
И вѣрно гдѣ-нибудь бѣзъ памяти лежать.

АКСЮТА.

Марфутка, онъ хиленъ, и право я не знаю,
Идти-ли мнѣ къ нему? Разсердится онъ, чаю.

АНДРЮШКА (*въ сморону*).

Ну, эдакой какой Митюха-то сиачь!
Теперь ужъ вижу я, что тертой онъ каначъ;
Казалось, я его что въ пятеро сильнѣе,

МИТЮХА ВАЛДАЙСКОЙ.

Ань—кѣть-лихъ, онъ менѣ гораздо повострѣе.
Миѣ Андреашку-то свернуть не удалось;
А онъ его какъ разъ на всѣ на три разнесъ.
И если захочу вѣнчаться я съ Аксютой,
То онъ меня вернѣтъ какъ надо болѣо круто.
А я вить-лихъ его побоевъ не стерплю;
Нѣть, лучше я ему нѣвѣсту уступлю.

(Подходитъ къ Митюхѣ).

Иванычъ! слушай-ка, тебя Андрюшка кличетъ.

МИТЮХА.

Иванычъ ужъ и такъ довольно горя мычеть,
А отъ кого и какъ? Все, дьяволъ, отъ тебя!

АНДРЮШКА.

Да не сердись же, братъ, и выслушай меня:
Аксюта, подь сюда, да будь повеселѣе.
О чѣмъ завила ты? Да будь же посмѣшѣе.
Мы хвацкой сдѣляемъ тотчасъ всему конецъ.
Вотъ-на тебѣ жена, ступай съ ней подь вѣнецъ,
А батюшка ея на это согласится,
Лиши надобно ему сотнягой поклониться.

МИТЮХА (обнимая Аксюту).

Спасибо, братъ, тебѣ; ты не такой свинья
Теперь, какъ прежде былъ!—Аксюта, ты моя!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Прежнѣе и горожанинъ.

ГОРОЖАНИНЪ.

Митюха! ямщики послѣднихъ доконали
Твой братъ съ Терѣхомъ, и мнѣ онъ наказалъ
Сказать, что ждуть тебя собравшись горожане;
Валдайскимъ назвали тебя сѣобща мірине.

МИТЮХА

(поддерживаемъ Аксютой и Елисеемъ).

Сбирайтесь поскорѣй, мы всѣ туда пойдемъ,
Смынь, выпить да и ихъ попотчивать виномъ.

(По кѣкоторому молчанію).

Но земскому суду намъ надо поклониться.

Ай, да исправникъ нашъ нельзя имъ нахвалиться:
Для чливыхъ онъ самъ чливъ, а для крутыхъ самъ круть.
Ребата, грянемте: величь нашъ земской судъ!

В С Т.

Величь нашъ земской судъ!

КОНЕЦЪ.

Примѣчаніе. Авторъ пародіи на трагедію Озерова «Димитрій Донской», Петръ Ницодаевичъ Семеновъ, принадлежитъ къ числу малоизвѣстныхъ писателей начала нынѣшняго столѣтія. Кромѣ «Митюхи», онъ написалъ только небольшую оперетку «Удача отъ неудачи или приключеніе въ жиловской корчмы» (1818), перевѣлъ три піесы («Амфітріонъ», «Иастуленный», «Федра») и набросалъ двѣ пародіи: на оду Державина и на «Демьяннову уху» Крылова. Изъ всего этого въ печати при жизни его явился только оперетка да переводы, безъ означенія однако его имени, которое названо было впервые въ газетномъ извѣстіи о его смерти, послѣдовавшей на 41-мъ году отъ рода (28-го мая 1832 г.), и затѣмъ не упоминалось до 1861 г., когда нами были напечатаны «Митюха Валдайской» въ «Бібліографическихъ Запискахъ». Эту пародію Семеновъ написалъ на 20-мъ году своей жизни, въ 1810 году, и затѣмъ нѣсколько разъ перерабатывалъ ее, а въ 1826 г. даже приготовилъ для печати и передалъ М. П. Погодину для его «Московскаго Вѣстника», но напечатаніе піесы не было разрѣшено цензоромъ. Въ 1859 г. намъ случайно попался списокъ ея, сохранившійся въ бумагахъ нѣкогда знаменитаго петербургскаго актера С. Н. Сандунова, съ которымъ Семеновъ былъ очень друженъ. Мы тогда же передали етотъ списокъ А. Н. Аѳанасьеву для его «Бібліографическихъ Записокъ», но онъ въ томъ же году и прекратились, такъ что ненапечатанная рукопись была передана Аѳанасьевымъ новому издателю возобновленныхъ чрезъ годъ «Записокъ», В. И. Касаткину, которымъ и была напечатана, но крайне небрежно, съ искаженіемъ словъ, съ пропускомъ цѣлыхъ стиховъ и даже конца одного и начала слѣдующаго явленія. Это вызвало, въ свое время, замѣчанія академика Я. Б. Грота, напечатанныя тоже въ «Бібліографическихъ Запискахъ» 1861 года (№ 15), и сообщившія біографическая свѣдѣнія объ авторѣ, такъ какъ Касаткинъ нашу помѣту на рукописи: «изъ бумагъ С. Н. Сандунова» принялъ за означеніе имени автора и приписалъ піесу Сандунову. Не очень давно, въ одномъ изъ пріобрѣтенныхъ нами рукописныхъ сборниковъ, мы нашли новый списокъ «Митюхи Валдайского»,

съ которыми и скѣрили прежній Сандуновскій списокъ, вироченъ весною вѣрный, но крайне нечетко писанный, чѣмъ и объясняются многочисленныя искаженія, допущенные при первомъ печатаніи въ 1861 г.

Не лишнимъ считаемъ привести здѣсь и указанное г. Гrotomъ «предувѣдомленіе» Семенова къ его штѣсѣ, котораго нѣть въ обоихъ изѣющихся у насъ спискахъ:

«Шутка была началомъ пародіи,—сказано въ предисловіи къ изѣстной пародіи Воало на трагедію Корнеля «Сидъ». Нѣсколько часовъ шутливаго расположенія духа, въ кругу пріятельскомъ, равно произвели сю бѣзѣлку, совсѣмъ не въ намѣреніи унизить превосходнаго «Димитрія Донскаго», произведеніе славайшаго нашего любимица Мельпомены (и она не явилась бы никогда въ свѣтъ при жизни знаменитаго трагика, къ сожалѣнію, поклоннаго уже отъ Музъ раннею кончиною). Самый Виргилъ имѣть и «Энейду» свою не одну пародію. Бѣзѣлка сія никогда бы не была напечатана, если бы разсѣявшиеся невѣрные списки съ оной, обезображеніе переписчиками, не подали поводъ предложить ее въ настоящемъ видѣ всѣмъ любителямъ забавнаго чтенія, ищающимъ однѣхъ веселыхъ минутъ въ минутахъ своего досуга.

«(Сверхъ того, долженъ замѣтить я, что пародія сія написана не для театра, хотя и расположена совершенно по правиламъ онаго; но какъ пародія можетъ иногда заставить смѣяться зрителей и въ самой трагедіи, то авторъ ея, вовсе не имѣя желанія вредить блестательному успѣху «Димитрія», никогда бы не хотѣлъ видѣть представленія «Матюхи»).

Это «предувѣдомленіе» написано П. Н. Семеновымъ въ 1826 г., и все поставленное нами въ скобкахъ было вычеркнуто имъ и, следовательно, въ печатномъ изданіи не должно бы было явиться.

Іюль. 1878 г.

П. А. Ефремовъ.

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

соч. М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

Варианты первой рукописи автора.

Между автографами М. Ю. Лермонтова, хранящимися въ Императорской публичной библиотекѣ, находится рукопись «Героя нашего времени»¹⁾, или, вѣрнѣ, изъ повѣстей, составляющихъ это произведение дорогаго поэта нашего. Рукопись эта состоитъ изъ довольно толстой тетради въ листъ, всей исписанной рукою Лермонтова, съ многочисленными исправками и передѣлками. На заглавномъ листѣ написано: «Одинъ изъ героевъ нашего вѣка». Это, очевидно, черновая тетрадь, съ коєй передѣленъ былъ тотъ экземпляръ, съ которого было сдѣлано первое печатное издание 1840 года. Уцѣльно не все. Мы имѣемъ передъ собою 2-ю повѣсть: «Максимъ Максимишъ», которая носить название «Изъ записокъ офицера». Тутъ же римскими цифрами поставлено II. Первой повѣсти «Бала» пѣть. Затѣмъ подъ № III «Фаталистъ» и подъ конецъ: «Князина Мери». Между листами этой тетради лежитъ полулистъ почтовой бумаги, на которомъ написано рукою Лермонтова предисловіе къ «Журналу Печорина». Печеркъ и чернила другіе. Листъ, очевидно, вырванъ изъ другой рукописи и попалъ сюда позднѣе. О томъ, чтобы описываемый экземпляръ составлять позднѣйшую передѣлку, и думать нельзя, потому что Лермонтовъ самъ руководилъ изданіемъ не только 1-мъ 1840 года, но и 2-мъ изданіемъ «Героя нашего времени» 1841 года. Оба эти изданія совершенно ровны между собою, число строкъ и страницъ то же, печать та же—буква въ букву. Разница составляетъ предисловіе Лермонтова ко 2-му изданію, накиданное лиъ, въ черновомъ видѣ, изъ своихъ альбомовъ, тоже хранящихся въ публичной библиотекѣ (сравни соч. Лермонтова, изд. 1873 г.).

¹⁾ Которую обязательно предоставилъ намъ разсмотрѣть А. Ф. Бычковъ. Рукопись состоитъ изъ 57 полулистовъ, всего 114 страницъ. П. В.

примѣч. 34, П. А. Ефремова, стр. 376). Лермонтовъ, конечно, самъ измѣнилъ въ прежніе заголовки другими. Вместо «Изъ записокъ офицера» онъ поставилъ «Максимъ Максимычъ», вместо «Одинъ изъ героевъ нашего вѣка» — «Герой нашего времени». Во всакомъ случаѣ, если и не имѣло измѣнено это заглавіе, онъ его призналъ, такъ какъ у П. А. Ефремова находится изданіе «Героя нашего времени» 1840 года, которое самъ авторъ прислалъ княгинѣ Ольгѣ Степановнѣ Одоевской (рожд. Ланской, женѣ известнаго писателя кн. Владимира Федоровича). На заглавномъ листѣ этого экземпляра, послѣ печатныхъ словъ «Герой нашего времени», Лермонтовъ поставилъ запятую и прибавилъ: «упадаетъ къ стопамъ ея прелестнаго сиятельства, умоляя позволить ему не обѣдать».

Приводить всѣхъ вариантовъ мы не станемъ по незначительности ихъ: замѣнена одного слова другимъ, одной фразы другою мало имѣть значенія. Но есть мѣста, которыя, для будущаго биографа Лермонтова, могутъ имѣть цѣну, и ихъ-то приводимъ мы послѣ сравненія, сделаннаго между рукописью и изданіемъ П. А. Ефремова 1873 года. Пагинацію мыставимъ соображеніемъ съ этимъ изданіемъ.

„Максимъ Максимычъ“ или „Изъ записокъ офицера“.

Т. I, на стр. 208. Описывается внѣшній видъ Печорина:

Его походка была небрежна и лѣнива, но я замѣтилъ, что онъ не размахивалъ руками — вѣрный признакъ рѣшительности въ характерѣ. Если вѣрить тому, что каждый человѣкъ имѣеть сходство съ какимъ нибудь животнымъ, то, конечно, Печорина можно было бы сравнить съ тигромъ. Сильный и гибкий, ласковый или мрачный, велиководный или жестокий, смотря по винушенію минуты; всегда готовый на долгую борьбу; иногда обращенный въ бѣгство, но неспособный покориться; нескучающій одинъ, въ пустынѣ съ самимъ собою, а въ обществѣ себѣ подобныхъ требующій безпрекословной покорности. По крайней мѣрѣ такимъ, казалось мнѣ, долженъ былъ быть его характеръ физическій, то есть тотъ, который зависитъ отъ нашихъ первовъ и отъ болѣе или менѣе скораго обращенія крови. Душа — другое дѣло! Душа или покоряется природнымъ склонностямъ, или борется съ ними, или побѣждаетъ ихъ. Отъ этого — злодѣи, толпа, и люди высокой добродѣтели. Въ этомъ отношеніи Печоринъ принадлежалъ къ толпѣ, и если онъ не сталъ ни зл-

дѣмъ, ни святымъ, то это, я увѣренъ, оть лѣни. Впрочемъ, это мои собственные замѣчанія, основанныя на моихъ же наблюденіяхъ, и я вовсе не хочу васъ заставить вѣровать въ нихъ слѣпо.

Въ концѣ разсказа Лермонтовъ говоритъ:

Я пересмотрѣлъ записки Печорина и замѣтилъ по нѣкоторымъ мѣстамъ, что онъ готовилъ ихъ къ печати, безъ чего, конечно, я не рѣшился бы употребить во зло довѣрность штабсъ-капитана. Въ самомъ дѣлѣ, Печоринъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обращается къ читателямъ; вы это сами увидите, если то, что вы обѣ немъ знаете, не отбило у васъ охоты узнать его короче. На тетрадяхъ не было выставлено чисель. Нѣкоторые, вѣроятно, потеряны, потому что между ними нѣть большой связи, а я, несмотря на дурной примѣръ, поданный намъ нѣкоторыми журналистами, никакъ не рѣшился поправлять или доканчивать чужое произведеніе, за что, конечно, онъ самъ на меня сердиться не будетъ.

„Фаталиотъ“ (стр. 297).

Господа! сказалъ онъ (Вуличъ) медленно, освобождая руку: кому угодно заплатить за меня двадцать червоноцѣвъ?

Всѣ замолчали и отошли.

Вуличъ продолжалъ: если я не долженъ умереть, то этотъ пистолетъ или не заряженъ, или осѣчетсѧ. Если сужено противное, то ничто не можетъ этому помѣшать, и такъ, тогда всѣ ваши опасенія напрасны. Онъ вышелъ въ другую комнату и сѣлъ у стола; всѣ послѣдовали за нимъ.

Стр. 303, 14-я строка снизу:

...Я люблю сомнѣваться во всемъ: это расположение не мѣшаетъ рѣшительности характера; напротивъ, что до меня касается, то я всегда смѣлѣе иду впередъ, когда не знаю, что меня ожидаетъ. Весело испытывать судьбу, когда знаешь, что она ничего не можетъ дать хуже смерти, и что смерть неизбѣжна, и что существованіе каждого изъ насъ, выполненное страданія или радости, темно, незамѣтно въ этомъ безбрежномъ котлѣ, называемомъ природой, гдѣ кипить, исчезаетъ и возрождается столь-

ко разнородныхъ жизней... Вѣдь хуже смерти ничего не случится, а смерти не минуешь.

Княжна Мери. Пятигорскъ, 12-го мая.

Тутъ въ числахъ вообще разница: вмѣсто іюня 13-го, 14-го, 18-го, 22-го, 24-го, 25-го, 26-го—стоять 5-го, 6-го, 10-го, 11-го, 12-го, 14-го, 15-го іюня.

[Стр. 231]. —И какъ, въ самомъ дѣлѣ, смыть кавказскій армеецъ наводить стеклышко на московскую княжну!.. Но я теперь увѣренъ, что, при первомъ случаѣ, она спросить кто я и почему я здѣсь, на Кавказѣ. Ей, вѣроятно, разскажутъ исторію дуэли, и особенно ея причину, которая здѣсь нѣкоторымъ известна, и тогда... Вотъ у меня будетъ удивительное средство бѣсить Грушницкаго.

[Стр. 280 — 4-я строка сверху]. Какъ орудіе казни, я упадалъ на голову обреченныхъ жертвъ, часто безъ алюбы, всегда безъ сожалѣнія. Какъ нарочно, я всегда являлся къ пятому акту ихъ драмы; невидимая сила кидала меня посреди ихъ надеждъ, намѣреній и связей, и все разрывалось, все погибало отъ моего прикосновенія... Моя любовь никому не принесла счастія...

[Стр. 280, строка 1-я снизу].открылъ романъ Вальтеръ Скотта, лежавшій у меня на столѣ; то были «Шотландскіе Пуритане»; я читалъ сначала съ усиліемъ, потомъ забылся, увлеченый волшебнымъ вымысломъ. Неужели шотландскому барду на томъ свѣтѣ платить за каждую минуту, которую дарить его книга....

[Стр. 289]. ...Вотъ оно, это письмо, котораго каждое слово неизгладимо врѣзалось въ моей памяти¹). Я его храню какъ сокровище. Стыдно признаться! Я нахожу утѣшеніе въ мысли, что былъ любимъ какъ немногіе на этомъ свѣтѣ.

[Стр. 290 (письмо Вѣры), строка 13-я сверху].и никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ.

(Вмѣсто напечатанного продолженія и конца письма стоять слѣдующее):

«Прощай, мой бѣдный другъ; я рада, что не увидимся передъ разставаньемъ. Я знаю, ты нынче долженъ драться съ

¹) Дѣло идеть о письмѣ, которое Вѣра написала Печорину, уѣзжая.

Грушницикъ, но увѣрена также, что ты останешься живъ. Мое сердце иначе бы мнѣ сказали противное. Прощай! Не все ли равно? Во всякомъ случаѣ, я тебя теряю на вѣки! Мери тебя любить..... Если что нибудь доброе проснется въ душѣ твоей, женись на ней, она тебя любить..... Ребенокъ! Вчера она мнѣ рассказала все. Мнѣ стало жаль ее. Она думаетъ, смотря на твое поведеніе, что ты ее любишь, потому что защитилъ такъ горячо ея честь. Она думаетъ, что ты хотѣлъ испытать ее... Я ей ничего не сказала, поцѣловала ее и благословила!... О, не погуби ее!... Одной довольно! Я не стану тебя увѣрять, что не переживу нашей разлуки... къ чему?... Одинъ лишній горький прощальный поцѣлуй не обогатить твоихъ воспоминаній, а мнѣ послѣ него труднѣе съ тобою разстаться....

Вѣра.

P. S. Одно меня мучаетъ: что если ты въ самомъ дѣлѣ любишь Мери? О, неправда ли, этого не можетъ быть!»...

[Стр. 291, внизу]. Когда ночная роса и горный вѣтеръ освѣжили мою горячую голову и мысли пришли въ обыкновенный (обычный) порядокъ...

(Съ этихъ словъ и до словъ: противъ дула пистолета, строка 3-я, на стр. 292, въ первоначальномъ видѣ написано слѣдующее):

....Я стала припоминать выраженія письма Вѣры, старалася объяснить себѣ причины, побудившія ее къ этой странной, трагической выходкѣ.

Вотъ послѣдовательный порядокъ моихъ размышленій:

1) Если она меня любить, то зачѣмъ же такъ скоро уѣхала и не простясь, не полюбопытствовавъ даже узнать, убить я или нетъ? Не вѣрю я этимъ предчувствіямъ сердца, да и ей бы не должно на нихъ такъ слѣпо полагаться.

2) Но вѣдь намъ надобно же было когда нибудь разстаться, и она хотѣла своимъ отѣздомъ произвести на меня, въ послѣдній разъ, глубокое, неизгладимое впечатлѣніе?... Эгоизмъ!...

3) Женщины вообще любятъ драматизировать свои чувства и поступки; сдѣлать сцену почитаютъ они обязанностью.

4) Но тутъ еще, можетъ быть, скрывается маленькая ревность. Вѣра думаетъ, что я влюблена въ княжну и хочуъ своимъ великодушiemъ привязать меня болѣе къ себѣ, или даже, зная мой характеръ, она думаетъ, что я княжну оставлю и погонюсь за нею, потому что блага, которыхъ мы теряемъ, полу-

чаютъ въ глазахъ нашихъ двойную цѣну.... Если такъ, то она ошиблась—я слишкомъ лѣнивъ.

5) Или она великодушно уступаетъ меня княжнѣ? Это отъ нея, пожалуй, станется! Но, въ такомъ случаѣ, она меня не любить.

6) И какое же право я имѣю требовать ея любви? Развѣ не я первый началь платить за ея ласки холодностью, за жертвы равнодушіемъ и насмѣшкой!

7) Теперь, когда я знаю, что все между нами кончено, мнѣ кажется, что я ее любилъ истинно. Одно меня печалитъ—это письмо. Неужели она не могла обойтись безъ пышныхъ фразъ и декламаций?

8) Я былъ дуракъ, что такъ мучился нѣсколько часовъ сра-ду: что значать разстроенные нервы, ночь безъ сна, двѣ минуты противъ дула пистолета.

(И т. д., какъ въ печатномъ изданіи).

Другихъ, болѣе значительныхъ, варіантовъ нѣть; мелкія передѣлки отдельныхъ словъ показываютъ известный уже способъ работы Лермонтова надъ его слогомъ. Приведенные нами варіанты важны въ смыслѣ уясненія отношенія Лермонтова къ своему герою. Они поясняютъ взглядъ автора, высказанный имъ въ предисловіи къ журналу «Печорина» (стр. 214): «Исторія души человѣческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнѣе и не полезнѣе исторіи цѣлаго народа, особенно когда она—слѣдствіе наблюденій ума зрѣлаго надъ самимъ собою, и когда она писана безъ тщеславнаго желанія возбудить участіе или удивленіе. Исповѣдь Руссо имѣть уже тотъ недостатокъ, что онъ читаль етъ своимъ друзьямъ».

Заставляя Печорина анализировать самого себя, Лермонтовъ самъ подвергаетъ анализу «Героя времени». Успѣхъ ли авторъ въ этомъ анализѣ, былъ ли самъ онъ тогда вполнѣ зрѣлаго развитія—это дѣло критики и биографа; здѣсь же, гдѣ мы даемъ материалъ, было бы неумѣстно вѣдѣть въ оцѣнку самого произведенія или личности автора.

Пав. Висковатый.

С.-Пб., 4-го юля 1878 г.

Подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ», изд. 1878 г. продолжается. 12 книгъ, съ портретами: Н. В. Гоголя (отпечатанъ красками въ Парижѣ, снимокъ съ портрета, писанаго А. А. Ивановыи въ Римѣ, въ 1841 г.), кн. В. Л. Долгорукаго въ кн. И. А. Долгорукаго (обезглавлены въ 1739 г.), Александра I-го (1802 г.) и проч. Цѣна восемь руб. съ пересылкою.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ
ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1879 г.

десятый годъ изданія.

«РУССКАЯ СТАРИНА» въ 1879 году будетъ выходить на тѣхъ же основаніяхъ; какъ въ первыя девять лѣтъ изданія (1870—1878 гг.), ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры, съ приложениемъ, время отъ времени, гравированныхъ портретовъ русскихъ достопамятныхъ дѣятелей.

Годовое изданіе изъ двѣнадцати книгъ составить **три тома**, каждый не менѣе 40 листовъ убористой, четкой печати, т. е. всего въ годъ не менѣе 2000 печатныхъ страницъ.

При книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» изд. 1879 г. будутъ прилагаться: портреты достопамятныхъ и замѣчательныхъ въ исторіи нашего отечества дѣятелей. Гравюры будутъ исполнены, какъ исполнялись въ теченіе девяти лѣтъ, лучшимъ отечественнымъ граверомъ: Академикомъ Л. А. Сѣряковыи и нѣкоторыми другими. Также время отъ времени будутъ помѣщаемы: снимки съ замѣчательныхъ документовъ, рисунки историческихъ памятниковъ и зданій, родословія замѣчательныхъ фамилій, снимки съ рѣдкихъ медалей.

Каждая книга «РУССКОЙ СТАРИНЫ» выходить ежемѣсячно 1-го числа, и одновременно разсыпается подписчикамъ.

Цѣна за 12 книгъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» **1879** г.:

Съ доставкою на домъ, въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, и съ пересылкою въ прочіе города имперіи:

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Лица, проживающія за границей, приплачиваютъ къ восьми рублямъ за доставку: въ Германію, Бельгію, Францію два рубля; въ Англію, Швейцарію и Италію—три рубля.

Подписка принимается для городскихъ подпischиковъ въ С.-Петербургѣ, въ Конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ», при книжномъ магазинѣ Николая Ивановича Мамонтова (Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора, № 46); въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ Ивана Григорьевича Соловьева (на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева) и Николая Ивановича Мамонтова (на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова).

~~Гр.~~ Иногородимъ обращаются исключительно въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ С.-Петербургѣ, Большая Подьяческая, д. № 7.

Примѣчаніе. Тѣ изъ подпischиковъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ», текущаго года, которые, при возобновленіи подписки на будущій годъ, пожелаютъ имѣть двѣ большія гравюры, отпечатанныя въ Парижѣ и исполненные за мѣди Академикомъ Н. П. Пежалестинскимъ: «Несеніе креста», картина Каракчи, и «Петровъ», картина Профессора Петрова,—могутъ получить ихъ за 5 рублей—обѣихъ, вмѣсто руб., прежней ихъ цѣни. (Гравюра этаѣ осталась немногой).

Третье изданіе «РУССКОЙ СТАРИНЫ» 1870 г. (годъ первый)—12 книгъ, въ трехъ большихъ томахъ, съ портретами, снимками и 65-ю рисунками—цѣна 8 руб. съ пересылкою.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1876 г., 12 книгъ, съ портретами: Лжедмитрія I, Екатерины II, Михельсона, Емельяна Пугачева, князя Платона Зубова, А. П. Ермолова, Клугенau, В. Г. Бѣлинскаго, со снимками и виньетами—8 руб. съ пересылкою.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1877 г., 12 книгъ, съ портретами: Княгини Дашковой, графа А. Мамонтова, кн. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, Московскаго митрополита Филарета, М. Ф. Орлова, княгини Жаннеты Ловичъ, кавказскаго имама Шамиля, Н. Н. Муравьева (Карского), К. В. Чевкина, И. А. Яковъ. Рисунки: Галера Екатерины II; памятникъ Архипу Осиг. Снимки съ рѣдкихъ медалей и подлиннаго письма Алекс.

Цѣна ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ съ пересылкою.

Есть подробный указатель къ трудамъ статистическихъ комитетовъ по 1873 г., г. Межова (Извѣстія Географич. общества 1873 г.) и въ него не вошли всѣ изданія, о чѣмъ заявляетъ и самъ составитель...

Собирание материаловъ, относящихся къ исторіи г. Орла и городовъ Орловской губерніи—не первый трудъ. Въ 1874 году тамъ же были изданы: «Историческіе очерки г. Орла въ связи съ судьбою про-чихъ городовъ Орловской губерніи», а въ 1875 г. «Исторія г. Болхова и его церковныхъ древности»—оба сочиненія принадле-жать г. Писецкому. Г. Пупареву принадле-житъ небольшой сборникъ, озаглавленный «Орловская Старина», въ который вошли материалы, печатавшіеся въ Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1872 г.—это мате-риалы, извлеченные изъ архивовъ Орлов-ской губерніи и касающіеся мѣстной ис-торіи и статистики за XVIII вѣкъ. Про-долженіемъ этого сборника можетъ слу-жить сборникъ материаловъ, заглавие ко-тораго мы выписали выше, составленный тѣмъ же авторомъ. Содержаніе его съ-дующее: «Орелъ до обращенія его въ губернскій городъ»; «Городъ Елецъ въ началѣ XVIII столѣтія»; «Древнія городища и курганы въ Орловской губерніи»; «Но-вые материалы для исторіи воспитанія въ Орловской губерніи»; «Указатель статей, помещенныхъ въ неофиціальной части Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1839—1875». Изданіе указателей къ мѣст-нымъ вѣдомостямъ желательно иметь и отъ другихъ мѣстныхъ комитетовъ, такъ какъ уже теперь, судя по заявлению издателя этого сборника, полного экзем-пира нѣкоторыхъ Губернскихъ Вѣдомо-стей нельзя найти и въ мѣстныхъ губернскихъ архивахъ и редакціяхъ. Не ме-нее настоятельна потребность описанія и приведенія въ порядокъ мѣстныхъ ар-хивовъ, которые, какъ мы видѣли изъ за-явленія г. Дитятиня относительно Ярослав-ля и какъ оказывается изъ замѣчанія г. Пупарева (отд. II, стр. 4), представляются въ значительной степени опустошенны-ми вслѣдствіе пожаровъ и небрежности. Статистическіе таблицы въ сборникѣ Пупарева сообщаютъ свѣдѣнія о движеніи на-селенія въ Орловск. губ. за 1872—1875 г., по сословіямъ и исповѣданіямъ; о числѣ

зданій въ городахъ и губерніяхъ; о дохо-дахъ и расходахъ городовъ; о числѣ ре-месленниковъ въ городахъ; о числѣ фаб-рикъ и заводовъ въ губерніи; о числѣ насильственныхъ и случайныхъ смертей въ губерніи; о числѣ учебныхъ заведеній въ губерніи; и проч. Трудъ г. Пупарева весьма обстоятельный и добросовѣстный.

Нижегородскій Сборникъ, изда-ваемый Нижегородскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, подъ ред-секретаря комитета А. С. Гапискаго. Т. VI, 1877 г. XIV+357, 241—480. Ц. 1 р. 50 к.

Самое видное мѣсто въ этомъ томѣ сборо-ника принадлежитъ статьѣ: «Историческое описание города Василія Нижегородской губерніи» (Васильсурска), В. Ф. Кудрявцева (1—100 стр.); далѣе следуютъ: Очеркъ го-рода Княгинина и его уѣзда, А. С. Ко-робкина; Статистическіе очерки нѣкото-рыхъ сель; Свадебные обычаи Ветлужского края Макарьевскаго уѣзда, М. М. Постѣ-лова; Ивановъ день въ селѣ Новомъ Ли-ховѣ, Нижегородскаго уѣзда, свящ. Бори-совскаго; О торговлѣ иконами въ Лукоянов-скомъ уѣзда, Л. Гуляева; Свѣданія о пче-ловодствѣ и климатѣ въ нѣкоторыхъ мѣ-стностяхъ Нижегородской губерніи, жур-налы статистич. комитета.

Труды Нижегородскаго статистического комитета, какъ и нѣкоторыхъ другихъ, впрочемъ весьма немногихъ (напримеръ, Владимирскаго, Новгородскаго и друг.), издаются систематически и съ знаніемъ дѣла. Редакторъ сътуетъ даже, что въ теченіе десяти лѣтъ ему удалось издать лишь шесть, а не десять томовъ. «Мог-ли бы издать,— говорить онъ,— не только X-й, но и XX-й, какъ по массѣ то-го материала, который имѣемъ въ своеѣ распоряженіи въ настоящую минуту, такъ и по той массѣ его, которой было бы на лицо въ десять, двадцать разъ больше тѣ-перешигло, если бы было достаточно де-нежныхъ средствъ на изданіе Сборника по два и по три тома въ годъ... Однажды, послѣ выхода изъ печати V-го тома, мы до-шли даже до такого отчаянія, что обрати-лись къ неизчезающимъ щедротамъ одного мецената, но чаша его миновала насъ, чѣмъ мы нисколько не смущались, ибо во-обще не привыкли смущаться»... В. И.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1879 г.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большиe тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересыпкою.

Подписка принимается для городскихъ подпischиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старинѣ“ на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиного двора, при книжномъ магазинѣ Николая Ив. Мамонтова, д. № 46. Г. Москва—въ отдѣленияхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: И. Г. Соловьевы, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и Ичк. Ив. Мамонтова, на Кузнецкомъ чугу, домъ Фирсанова.

Гр. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Польскую, близь Екатерининского канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ“ помѣщаются:

- I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдельныхъ эпохахъ и событияхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го цвѣковъ.—III. Историческіе материалы изъ архивовъ и частныхъ собраний.—IV. Жизнеописанія и новые материалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусства и материалы къ нимъ: выведения почему-либо въ свое время произведенія известныхъ общественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—VI. Бібліографическія замѣтки о рус.-исторической литературѣ.—VII. Историческіе разсказы, преданія и анекдоты.—Характерныя человѣческия, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русского общества прошлаго времени.—VIII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни.—Стихи и пѣсни духовные и сектантскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣряхъ и повѣряхъ русскаго народа.
- IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

„Русская Старина“ 1870 г., третіе изд., 12 кн. съ портретами, 8 руб.

„Русская Старина“ 1876 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.

„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.

„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ девятый.

НОЯВРЬ.

1878 годъ

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Митрополитъ, архієпископъ Хар- скій и Тавріческий, 1800— 1857 гг. Глава III: дѣятель- ности въ Вологодской и Харьков- ской епархіяхъ, 1841—1846 гг.	367	VI. Очевиди, разсказы, воспоминанія 3 въ. IV: Сперацкій и Трескинъ въ Иркутскѣ.—Гав- рила (Степановичъ) Ватенковъ.— «Король» И. Е. Кузнецова, 1819 г.	499
II. Журналъ путешествія В. Н. Зи- новьевъ по Италии, Франціи и Англіи, 1785—1786 гг. Сообщ. Н. П. Барышниковъ. Примѣ- чанія его и мн. А. Б. Лобанова- Ростовскаго	399	VII. Рассказы, заметки, материалы: 1. Марья Антоновна Вертгольдъ, 1816—1822 гг. Сообщ. А. Пет- ровъ (531). 2. Смоленская гу- бернія въ 1813—1816 гг. Сообщ. А. Г. Глинка (535). 3. На- родные слухи и толки въ 1827 г. (541). 4. Языкъ любви ста лѣтъ назадъ. Сообщ. И. А. (543). 5. Живописецъ Жанъ-Вуаль, 1812 г. Сообщ. А. А. Василь- чиковъ (544). 6. Тревога у Се- вастополя, 15-го октяб. 1854 г. Сообщ. Н. Леоновъ (544).	
III. Послѣдніе дни жизни Импе- ратрицы Маріи Федоровны. 1828 г. Рассказъ камерь-юнг- фера Н. Н. Чернышевой	441	VIII. Некрологъ: Ариадей Васильевичъ Кочубей, 1790—1878 гг. Сообщ. графъ Милорадовичъ	546
IV. Алексѣй Гавриловичъ Венециа- новъ, первый русскій бытовой живописецъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности, 1780—1846 гг. Составилъ П. Н. Петровъ. Главы II—III	457	IX. Судебное дѣйствіе въ 1809 г., зрѣлице, составленіе Горюшки- нымъ. Сообщ. А. С. Наставницъ	551
V. Записки Тьбо, берлинскаго про- фессора и академика, 1765— 1785 гг. Глава III. Перевѣль и собщ. съ примѣчаніями Д. Д. Рабининъ	477	X. Библиографический листокъ рус- ско-историческихъ книгъ. (Сообщ. профес. В. С. И.—въ (на оберткѣ).	

Открыта подписька на исторический журналъ: «Русская Старина»
1879-го года [десятый годъ изданія]. Цѣна за 12 книгъ съ
портретами и проч. приложеніями **восемь руб.**

Изъ прежніихъ лѣтъ изданія «Русской Старинѣ» можно получить: 1870 г.
(третье изд.), 1876 г. (второе изд.), 1877 г. и 1878 г. Цѣна каждого года въ
12-ти книгахъ съ гравированными па иѣди и па деревѣ портретами по 8 руб.
съ пересылкою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТАПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Марининскими мостами, № 99—1

1878.

Список населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи, составл. и издан. Центральн. статистич. ком. мин. внутр. дѣлъ. I. Костромская губернія, Спб. 1877, LXXIV+465. Ц. 2 р. II. Уфимская губернія, СXXXIX + 196. Ц. 1 р. 80 к. III. Вятская губернія, СXXIV + 994. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Въ теченіе 15-ти лѣтъ Центр. стат. ком. издавало до 40 описей населенныхъ мѣстъ разныхъ губерній Россіи, сопровождаемыя обыкновенно болѣе или менѣе обширными вводными статьями, касающимися географіи, исторіи, этнографіи и статистики каждой губерніи въ отдельности. Въ этихъ введеніяхъ особенное вниманіе историка обращаются на себя историко-этнографические очерки русской колонизации, материаломъ для которыхъ служили между прочими самые списки, почему означенныя описания часто представляютъ незавѣнчанный материалъ. Съ другой стороны, изданіе полныхъ списковъ населенныхъ мѣстъ даетъ возможность опредѣлить и такія мѣста, населенія которыхъ были известны еще по древнимъ памятникамъ, но не были опредѣлены въ точности. Многіе изъ списковъ населенныхъ мѣстъ были обработаны известнымъ знатокомъ исторической географіи и этнографіи Россіи, какимъ по справедливости считался покойный Артемьевъ (напр., губерніи: Саратовская, Самарская, Курская, Тамбовская, Ярославская, Бессарабская и др.). Названные выше списки обработаны гг. Раевскимъ, Звѣринскимъ и Огородниковымъ и принадлежать къ болѣе полнымъ по своимъ вводнымъ статьямъ. Каждая опись губерніи обыкновенно сопровождается географической картой; но нельзя не выразить сожалѣнія, что не все описания сопровождаются перечнемъ сочиненій и статей, относящихся къ рассматриваемой мѣстности, а между тѣмъ многія изъ нихъ находятся въ мѣстныхъ изданіяхъ, не всѣхъ доступныхъ (какъ губерн. и епарх. вѣдом. и т. п.). Если эта роскошь могла быть допущена въ некоторыхъ спискахъ, то желательно было бы видѣть ее и во всѣхъ другихъ.

Архивъ Юго-Западной Россіи, издаваемый Временною комиссию для разбора древнихъ актовъ. Ч. III. Акты о Гайдамакахъ. Томъ III. Киевъ. 1876. 128 + 897. Ц. 3 р. 25 к.

Хотя этотъ томъ появился 1876 году, но онъ появился въ свѣтъ только недавно и потому мы сочли возможнымъ упомянуть здесь за его выходъ. Въ немъ помѣщено 364 документа, относящихся непосредственно къ означеному вопросу или близко къ нему по содержанию. По времени же относятся къ 1700—1768 г., слухи которыхъ образомъ продолжаются двумъ первымъ томамъ той же части, посвященной второму казачеству (1500—1716 гг.), и вступлениемъ къ новой драмѣ, разыгрывавшейся въ томъ же краѣ, известной подъ именемъ козаковщины. Введение къ вѣдомству тому составляеть послѣдовател. В. В. Антоновича (1—128), посвященное исторіи гайдамачинъ, главнымъ заслугомъ для которого послужили самыя штыкъ, но при этомъ приведены во вниманіе вѣдомства, существующія въ русской и польской литературахъ. Комиссія издала акты къ тому вѣдѣ, и въ ваконъ они находятся въ архивѣ, не прилагаясь краткимъ изложениемъ его содержания. Кроме того въ концѣ тома приложены указы имѣмъличныхъ, географическихъ замѣтокъ и предметовъ.

О древней культурѣ западныхъ мѣстъ финновъ по даннымъ вѣдомства языка, по соч. д-ра Алексея, окс. Л. Майкова. Спб. 1877. стр. 107. Ц. 75.

Означенный очеркъ представляетъ "дальний оттискъ" статей г. Майкова, извѣщеній въ Журн. мин. нар. прос. въ 1877 г. Профессоръ Алексѣй бывшій мѣдаль съ финскими мѣроприятіями и измѣнами наблюденийъ, таѣтъ и по глубокому изученію некоторыхъ его народовъ. Приводимъ извлечеіе изъ поченного профессора, состоящее извлечеія счѣль необходимыхъ данныхъ изъ его наименѣйшихъ указаний этикетическаго характера, подтвержденныхъ записками автора, основанными на данныхъ самъ профессоръ, причемъ овъ воспользовался прямымъ и непосредственнымъ русскимъ источниками. Въ скобкахъ его очерка вояши: скотоводство, земледѣліе съ ихъ приспособленіями; золото-пропыслы, кузничное дѣло; камни съ талью; деревянные изглѣдія; текстильное окрашиваніе тканей; выѣзды изъ села; обувь; жилища; одежда; домашнее пропитаніе; торговля въ счетъ стокъ бытъ; бытъ общественный; военные дела

И Н Н О К Е Н Т И Й,

Архієпископъ Херсонскій и Таврическій.

1800—1857 гг.

III¹⁾.

Путешествіе преосвященнаго Иннокентія изъ Киева въ Вологду продолжалось не долго; но и въ этотъ короткій срокъ преосвященный, всегда дорожившій временемъ и умѣвшій цѣлесообразно пользоваться каждымъ случаемъ, нашелъ возможнымъ осмотрѣть, по пути, Московскую синодальную библіотеку. Въ рапортѣ св. синоду изъ Вологды, отъ 5-го іюня 1841 г., онъ доносилъ, что «по сдачѣ Киево-Михайловскаго монастыря со всѣмъ его имуществомъ и приходо-расходными книгами назначеннымъ отъ преосвященнаго митрополита лицамъ...», отправившись въ путь 4-го числа прошлаго мѣсяца и осмотрѣвъ на пути, въ Москвѣ, синодальную библіотеку, по предмету составленія «Догматическаго Сборника», прибыль того же мѣсяца 29-го числа въ Вологду, и, по принесеніи Господу Богу моленія, немедленно вступилъ въ отправленіе своей должности²⁾). Въ письмѣ, отъ 19-го іюня того же года, къ нѣкоему соборному старцу Киево-Печерской лавры, «почтеннѣйшему о. Д...», Иннокентій, между прочимъ, сообщилъ: «путь нашъ былъ очень хороши; насъ вездѣ чутъ : носили на рукахъ. Я удивился тому, какъ меня знаютъ безъ листать!..»³⁾.

1. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 193—204; 547—572.

2. «Письма о Киевѣ и воспоминаніе о Тавридѣ», М. Максимовича, стр. 20.

3. «Одесскія епарх. вѣдомости» за 1868 г., № 6.

Н. В.

«Честна», томъ XXII, 1878 г., ноябрь.

24

«На другой день по пріѣздѣ преосвященнаго Иннокентія въ Вологду,— рассказываетъ одинъ свидѣтель-очевидецъ,—директоръ гимназіи объявилъ воспитанникамъ, что новый епископъ—это знаменитый проповѣдникъ Россіи, подъ руководствомъ коего такъ блистательно издавалось «Воскресное Чтеніе». А съ «Воскреснымъ Чтеніемъ» воспитанники знакомы были потому, что въ праздничные и воскресные дни, за обѣдней, читались имъ краснорѣчивыя во-ученія изъ этого изданія. Вотъ какъ слава Иннокентія предшествовала ему»¹⁾.

Въ первое время своего пребыванія въ Вологдѣ, преосвященный Иннокентій не могъ забыть излюбленнаго имъ Киева, въ которомъ и для которого онъ столько потрудился, и не переставалъ интересоваться всѣмъ, что тамъ дѣлается. Въ вышеупомянутомъ письмѣ къ о. Д.... Иннокентій писалъ по этому поводу слѣдующее, сообщивъ предварительно о своемъ житьѣ-бытьѣ вологодскому: «Въ Вологдѣ намъ очень не худо; могло бы быть даже очень хорошо, еслибы предъ нами жили люди, дорожащіе хоть сколько нибудь человѣчествомъ, а то.... Пишу это къ вамъ въ надеждѣ, что это въ васъ останется.

«Чтѣ у васъ послѣ насы? Какъ мнѣ хочется забыть Киевъ, а все еще помнится; думаю, что и насы не вдругъ забудутъ—нѣ-которые, по крайней мѣрѣ. Я старался дѣлать все, что зависѣло отъ меня, чтобы Киевъ давалъ о себѣ знать Россіи! Опытъ теперь показалъ мнѣ, что трудъ былъ не напрасенъ. Въ церковномъ отношеніи о Киевѣ говорять теперь болѣе, чѣмъ о Москвѣ и даже о Петербургѣ. Это также только для васъ пишется. Если вздумаете писать ко мнѣ, то пишите, пожалуйста, также просто, какъ я къ вамъ. Пишите обо всемъ отъ души; вы знаете, что я не берегу писемъ,—то же совѣтую дѣлать и вамъ. Если дадите обѣщаніе, то я буду писать къ вамъ обо всемъ, въ противномъ случаѣ—замолчу.

«Знакомымъ по усерднѣйшему поклону; очень жалѣю, что я не успѣлъ проститься съ старухою Прасковьею,—благословеніе ей отъ угодниковъ вологодскихъ, коихъ у насы 70, въ томъ числѣ есть и кіевскіе. Что владыка? Что академія? Что вы и ваши отношенія? У преосвященнаго Іосифа²⁾ поцѣлуйте за меня руку и

¹⁾ См. «Памятная книжка Кіевской губерніи на 1858 г.», стр. 125.

²⁾ Преосвященный Іосифъ, бывшій Смоленскій, жилъ на покой въ Кіево-Печерской лаврѣ съ 1834 г. † въ 1861 г. Къ этому іерарху нашей церкви Иннокентій питалъ особое почтеніе и любовь.

поклонитесь ему до земли: незабвенный для меня пастырь. Чтите его какъ отца».

Вскорѣ послѣ прибытія въ Вологду, дѣятельный и неутомимый Иннокентій, посѣтивъ гимназію, гдѣ, по свидѣтельству очевидца, интересовался всѣмъ, а воспитанниковъ принималъ потомъ у себя «отечески», обозрѣвъ духовную семинарію и нѣкоторые храмы, вникнувъ въ дѣлопроизводство консисторіи, отправился, какъ онъ самъ выразился въ одномъ изъ своихъ писемъ къ петербургскому другу, «въ странствованіе на нѣсколько недѣль по своей епархіи, которая пространствомъ похожа на экзархію». Отъ пытливаго, проницательного взгляда Иннокентія мало что могло укрыться, особенно если предметъ заслуживалъ серіознаго вниманія въ томъ или другомъ отношеніи по мѣстнымъ, или по обще-церковнымъ интересамъ. Во время обозрѣнія своей епархіи Иннокентій, между прочимъ, писалъ своему петербургскому другу, отъ 23-го юля (1841 г.): «Я теперь нахожусь въ монастырѣ преподобнаго Феодосія Тотемскаго. Прекрасное мѣсто: истинная лавра! И этотъ монастырь — заштатный!... вслѣдствіе какихъ-то особыхъ обстоятельствъ во время открытія мощей преподобнаго въ царствованіе императора Павла I-го. Но неблагоразуміе одного человѣка, лѣтъ за 40 назадъ, должно ли вредить св. мѣсту? А вредить сильно. Обитель не можетъ, по недостатку людей, выдерживать честію своего званія. Стеченіе народа огромное, а служить почти некому. Мы посчастливилось обратить вниманіе здѣшнихъ гражданъ на сіе обстоятельство, и они возымѣли благую мысль: собрать нужную сумму, чтобы на проценты можно было производить жалованье по степени 2-го класса. Сдѣлавъ этотъ сборъ (безъ всякой огласки, ибо участвуютъ только нѣсколько богачей), они будутъ просить о возведеніи св. обители во 2-й классъ. Хорошо ли это? Скажите намъ заранѣе, чтобы мы напрасно не трудились. Обрѣтеніе св. мощей преподобнаго Феодосія было въ свое время эпохой, такъ же, какъ обрѣтеніе мощей святителя Митрополита. Посему, истинно жаль, что обитель его потомъ, такъ сказать, заброшена. А стеченіе народа и теперь огромное: содержаніе обители богатое; но царскій крестъ и прочая утварь остаются безъ употребленія, по неимѣнію архимандрита».

Мысль о возстановленіи Феодосіевскаго Тотемскаго монастыря

сообразно съ духовно-религиозными потребностями мѣстныхъ и окрестныхъ жителей, а также и съ назначениемъ самой обители, не покидала Иннокентія до самаго оставления имъ Вологодской епархіи. Равнымъ образомъ, онъ не переставалъ хлопотать, просить и писать—или о перемѣщении разныхъ духовныхъ лицъ на соответствующія имъ наклонностямъ и характеру должности, преимущественно по духовно-учебнымъ заведеніямъ, или заниматься обѣ усиленіемъ персонала духовныхъ мѣстныхъ учрежденій, или всѣми мѣрами старался возобновить и украсить храмы, особенно же почитаемые въ епархіи святыми, и проч.

За нѣсколько дней до выбытія своего изъ Вологды въ мѣсто нового служенія, именно 29-го декабря (1841 г.), преосвященный Иннокентій, между прочимъ, писалъ петербургскому пріятелю: «О Тотемскомъ монастырѣ я принялъ дерзновеніе сказать нѣчто въ годовомъ епархиальномъ отчетѣ св. синоду. Когда бы благосклонно взглянули на мое предположеніе и позволили начать дѣло по формѣ! Есть въ семъ отчетѣ нѣсколько и другихъ для насъ нужныхъ предположеній; но я боюсь, чтобы весь плодъ ихъ не составился изъ того, чтобы писавшему прослыть затѣянникомъ... По крайней мѣрѣ, я сдѣлалъ свой долгъ передъ своей епархіей.

«Въ отношеніи къ его сіятельству я домогаюсь перемѣны начальника въ здѣшнихъ училищахъ духовныхъ: вещь очень нужная. Прежній смотритель—человѣкъ очень изрядный, но крайне развлеченный должностями; а рекомендуемый мною и свободенъ, и опытенъ, и отлично дѣятеленъ. Назначеніе на это мѣсто какого-либо воспитанника академіи не помогло бы нашему недостатку; ибо, по новости и неопытности, онъ самъ долго будетъ учиться своей должности, а она такова, что на ней ему долго оставаться будетъ неудобно.

«Непріятное происшествіе съ смотрителемъ женскихъ училищъ, іеромонахомъ Іоною, также заставляетъ желать, чтобы участъ его была рѣшена скорѣе, чтобы училище не страдало отъ недостатка начальника. Всего бы желательнѣе, какъ я рапортовалъ и официально, чтобы сему іеромонаху дана была какая-либо должность въ другой епархіи; ибо вовсе бросить его—жаль, и по молодости, и по способности къ дѣлу.

«Еще слово за бѣдныхъ зырянъ. Сжалтесь надъ сими бѣд-

ними детьми природы и дайте имъ способъ сдѣлаться чадами благодати. Безъ пособія отъ правительства, тамошнему священству нѣть возможности снабдить ихъ достойными пастырями. Объ этомъ я также упоминаль въ своемъ отчетѣ св. синоду... ¹⁾.

«Сколько иныхъ новыхъ штатовъ, чиновниковъ, новыхъ назначеній! А бѣднымъ архіераямъ въ новомъ годѣ дали бы хотя по одному иноцѣ собственному! Все пиши своею руково, а новыхъ требований, формъ, отчетовъ, взысковъ — безъ числа. Пора подумать сверху о томъ, какъ живутъ внизу»...

Во все времена пребыванія въ Вологдѣ, въ каждое воскресенье и праздникъ, Иннокентій говорилъ проповѣди какъ въ соборѣ, такъ и въ церквяхъ, въ которыхъ служилъ. Онъ ввелъ одно нововведеніе, сколько оригинальное, столько же и полезное: это — литературные вечера, на которые сходились учителя семинаріи и нѣкоторыя другія лица, преимущественно изъ приходскихъ священниковъ; здесь читались учителями семинаріи свои лекціи или сочиненія, а священниками — свои проповѣди. Неизлишне упомянуть еще, что, почти при самомъ вступленіи въ управление епархію, Иннокентій былъ «высочайше утвержденъ вице-президентомъ Вологодского тюремнаго комитета, съ управлениемъ дѣлами онаго». Такимъ образомъ, можно сказать, что хотя преосвященный Иннокентій и не долго оставался въ Вологодской епархіи — всего девять мѣсяцевъ, — но и въ это короткое время, — говоря словами «Біографической записки о преосв. Иннокентіи», — онъ успѣлъ обратить заботливое вниманіе на дѣла мѣстной консисторіи, на улучшеніе духовныхъ училищъ, на обновленіе архіерейскаго дома и соборнаго храма; успѣлъ заняться обозрѣніемъ и отчасти собраніемъ вологодскихъ древностей; составленіемъ своихъ «словъ въ вологодской паствѣ», изданныхъ въ послѣдствіи ²⁾, — успѣлъ

¹⁾ Такое ходатайство преосвященного признано уважительнымъ, вслѣдствіе чего и предположено было увеличить содержаніе священниковъ Устьын-сольского и большей части Яренскаго уѣзда, населенныхъ по преимуществу зырянами. («Извлеченіе изъ отчета оберъ-прокурора св. синода за 1843 годъ», стр. 31).

Н. В.

²⁾ Препровождая къ своему петербургскому другу новое московское изданіе прежнихъ «Словъ» (взд. М. П. Погодинъ), Иннокентій, между прочимъ, писалъ, отъ 5-го июня 1843 г.: «Болѣе въ отвѣтственности я за вологодскую книжку; но и тутъ надобно было удовлетворить усильному желанію вологжанъ — имѣть что-либо на память нашихъ церковныхъ собесѣдованій съ

заслужить признательность св. синода «за особую попечительность о благѣ своей паствы».

Въ письмѣ отъ 22-го декабря (1841 г.) къ М. Максимовичу Иннокентій, между прочимъ, говоритъ: «спросите, каково намъ въ Вологдѣ? Не худо, только очень трудно: надо би все устроить съ ногъ до головы»¹⁾). Судя по тѣмъ «докукамъ» Иннокентія, съ которыми онъ постоянно обращался къ высшему духовному начальству,—это было дѣйствительно такъ; чтобы все «устроить съ ногъ до головы»,—для этого у Иннокентія достало бы и энергіи и способности, и, пожалуй, средствъ, но не достало времени. 31-го декабря 1841 г. преосвященный вологодскій Иннокентій «переведенъ на епархію Харьковскую, съ оставленiemъ при той степени въ іерархіи, кою дотолѣ пользовался». Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что «докуки и представленія» Иннокентія своему начальству остались не безплодны для Вологодской епархіи, какъ это видно изъ письма преосвященнаго къ его петербургскому другу, изъ Харькова, отъ 28-го февраля 1842 г. Такъ, Иннокентій пишетъ: «Усерднѣйше благодарю ваше пр—во за дружелюбное участіе въ перемѣнѣ моего положенія и за пріятную вѣсть объ успѣхѣ моихъ представленій для пользы Вологды, которая, не смотря на краткость моего въ ней пребыванія, дорога сердцу моему, какъ мой Рувимъ, какъ начало и трудъ и величія пастырскаго. Если бы вы видѣли, съ какими слезами она провожала меня! Послѣ сего не безъ горести и грусти можно было оставить край, особенно, когда Господь видимо благословилъ тамъ служеніе мое успѣхомъ. Только назначеніе преемника моего²⁾), послужило мнѣ въ успокоеніе: это одинъ изъ достойнѣйшихъ пастырей, какихъ я знаю».

ними. А спустя годъ, трудно было возобновить въ памяти говоренное; особенно невозможно было сохранить теплоту рѣчи и чувства,—сей, можно сказать, души слова и мысли, тѣмъ паче церковнаго».

¹⁾ «Письма о Киевѣ», стр. 31.

²⁾ Преемникомъ Иннокентія назначенъ былъ Острогожскій викарій (Воронежской епархіи) Иринархъ, бывшій епископомъ Рижскимъ («Извлеченіе изъ отчета оберъ-прокурора св. синода за 1841 г.», стр. 6; «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійскія церкви», П. Строева, 1877 г., столб. 838).

Трудно понять, какими соображениями руководствовалось высшее духовное начальство при перемещении преосвященного Иннокентия изъ Вологды въ Харьковъ, тѣмъ болѣе, что подобное, такъ сказать, скоростѣшное передвиженіе духовныхъ іерарховъ изъ одной епархіи въ другую едва-ли можетъ служить въ пользу интересовъ церкви. Дѣло въ томъ, что, при краткосрочности пребыванія епископа во вѣтринной ему епархіи, онъ, при всемъ своемъ желаніи, не имѣть возможности всесторонне и основательно ознакомиться съ потребностями, нуждами и зачастую съ недугами своей паствы, уврачеваніе которыхъ требуетъ, какъ известно, всегда достаточно-продолжительного времени¹⁾). Кромѣ того, надобно думать, такой порядокъ не можетъ выгодно отзываться и на самихъ дѣятеляхъ духовнаго вѣтрограда... Но какъ бы то ни было, а преосвященный Иннокентій черезъ девять мѣсяцевъ перемѣщенъ былъ, какъ сказано выше, изъ Вологодской въ Харьковскую епархію. Свои мысли и чувства по случаю перемѣщенія изъ Вологды въ Харьковъ Иннокентій выразилъ въ только что сказаннымъ письмѣ къ его петербургскому другу, при чемъ, между прочимъ, добродушно высказалъ: «Харьковъ всегда былъ мнѣ мнѣ; поэтому я Ѵхалъ въ него съ удовольствиемъ, которое нисколько не умалилось по приѣздѣ моемъ въ него. Народъ добрый и образованный. На дорогѣ, впрочемъ, особенно въ Москвѣ, было не безъ вопросовъ: какъ случилось перемѣщеніе мое, чтб за цѣль? и т. под. Виной недоумѣній наши бѣдные ранги іерархические, въ отношеніи къ коимъ Харьковъ и Вологда стоятъ почти въ обратномъ содержаніи. Поелику ученики мон давно занимаютъ степени гораздо высшія, то всякое движение мое въ противномъ направленіи кажется подозрительнымъ публике. Это однако же нисколько не мѣшаетъ мнѣ оставаться совершенно довольнымъ своимъ добрымъ Харьковомъ».

Въ послѣдствіи, болѣе чѣмъ透过三 съ половиною года, именно 1-го сентября 1845 г., преосвященный Иннокентій сообщалъ петербургскому другу о своей харьковской паствѣ слѣдующее: «Прошедшій мѣсяцъ мною проведенъ въ странствованіи.

¹⁾ Въ одномъ изъ писемъ къ своему петербургскому другу изъ Харькова Иннокентій говоритъ: «трудно таскаться изъ края въ край Россіи, не физически — вездѣ можно найти нужное,— а нравственно; ибо скоро-ли узнаешь людей на новомъ мѣстѣ и оснешь съ ними надежашую связь?» Н. В.

Хотѣлось поподробнѣе осмотрѣть послѣдніе три уѣзда. Тѣшеръ можно сказать, что Харьковская епархія мнѣ извѣстна во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ этнографіи. Епархія очень хорошая, и жаль было бы разлучиться съ нею. Дворянство образованнѣе всѣхъ, какія я видѣлъ въ другихъ губерніяхъ. Духовенство также не отстанетъ отъ всѣхъ мною видѣнныхъ. Только народъ вообще нуждается въ религіозномъ возбужденіи, начиная съ Харькова. Употребленныя для сего мѣры показываютъ однако же, что они радъ подобному возбужденію. Но многихъ мѣръ еще далеко нельзя употребить по самому нынѣшнему распорядку гражданскому. Мнѣ не разъ думалось написать о семъ что-либо, но что дѣлать съ написаннымъ? Это будетъ репортъ необыкновенный, и его нельзя отправить по командѣ».

Высказывая въ этомъ послѣднемъ письмѣ мысль, что харьковская паства «вообще нуждается въ религіозномъ возбужденіи», и что употребленныя къ тому мѣры способствуютъ «подобному возбужденію», — преосвященный Иннокентій разумѣлъ, очевидно, тѣ мѣры, которыхъ предприняты были съ этою цѣлью по его почину и которыхъ плодотворно практикуются по настоящее время. Мы укажемъ только на нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ, таковы: преосвященный учредилъ весьма торжественный церковный ходъ, совершаемый ежегодно, по случаю перенесенія въ Харьковъ изъ Куряжского монастыря (въ 8-ми верстахъ отъ города) чудотворной иконы Божіей Матери. Какое впечатлѣніе вообще производили крестные ходы на массу — это видно изъ словъ самого Иннокентія, написанныхъ однажды имъ къ своему другу: «Новый крестный ходъ нашъ изъ Куряжа въ Харьковъ, 30-го сентября, совершился благополучно. Украина наша показала при семъ случаѣ, что она не такъ холода и равнодушна къ церковнымъ процессіямъ, какъ обѣ ней думаютъ обыкновенно». Затѣмъ Иннокентій восстановилъ нѣсколько древніхъ и особенно чтимыхъ въ народѣ монастырей и обителей, каковы, напримѣръ, Ахтырский и Сватогорскій¹). О послѣднемъ, вскорѣ послѣ прибытія въ Харьковъ, преосвященный писалъ своему петербургскому другу: «Видно, мой жребій быть восстановителемъ монастыря. Только прїѣзжаю въ Харьковъ, и на другой день получаю изъ Питера

¹⁾ См. «Списки іерарховъ» Строева, изд. подъ ред. М. И. Семенскаго, столб. 971, 972.

письмо оть одной знакомой мнѣ особы — возстановить харьковскій Святогорскій монастырь, коего мѣсто находится въ помѣстии сей особы. Стало быть, мы, вмѣсто двухъ, по прежнему будемъ имѣть четыре монастыря. Это, право, лучшее, нежели имѣть четырнадцать театровъ»¹⁾.

На первыхъ же порахъ своего епископства въ Харьковѣ, Иннокентію представилась возможность завести двѣ школы: одну для древне-церковной живописи, а другую для церковнаго пѣнія. По поводу этого преосвященный писалъ къ своему другу: «Въ Москвѣ одинъ купецъ, почтенный и добрый христіанинъ, предлагалъ мнѣ желаніе учредить на свой счетъ школу живописи древне-церковной. Мнѣ кажется это очень хорошимъ, и наши церковники могли бы употребимы (быть) на эту академію церковную. Не худо бы въ подобномъ же родѣ учредить дать кому-либо (ибо гдѣ намъ самимъ учреждать?) школу церковнаго пѣнія, которое у насъ брошено на произволъ судьбы, хотя составляетъ важный элементъ службы. Даже бы, мнѣ кажется, вѣкоторые монастыри могли бы обращены на это предназначеніе. Не начать-ли съ харьковскихъ²⁾? Видите, какъ я разговорчивъ изъ Харькова.

¹⁾ Въ «Извещеніи изъ отчета оберъ-прокурора св. синода за 1844 г.», стр. 10—11, читаемъ: «Харьковской епархіи, Изюмскаго уѣзда, въ уроцішѣ, называемомъ святыми горами, съ незапамятныхъ временъ существовалъ мужескій монастырь, подъ названіемъ Святогорскаго. Первые подвижники его, по образу кіевскихъ, жили въ пещерахъ, вырытыхъ въ мѣловой горѣ, гдѣ и донынѣ существуетъ пещерная церковь. Обитель сія упразднена была въ 1787 г., но память о ней сохранилась въ народѣ и привлекала туда въ разное время года множество богомольцевъ. Въ прошломъ 1843 г., владѣцъ сосѣдственнаго имѣнія с.-петербургскій предводитель дворянства д. с. с. Потемкинъ обратился въ св. синодъ съ просьбою о возстановленіи оной и предложилъ на сей предметъ отъ себя 10 т. руб. сер. и 70 дес. лѣса, сѣнокосовъ и огородной земли, прилегающей къ уроціщу. Монастырь вновь учрежденъ подъ наименованіемъ Успенской Святогорской общественной пустыни и торжественно открытъ въ 15-й день августа». Сгѣдовательно, у Строева («Списки іерарховъ») годъ возобновленія монастыря (1842) показанъ не вѣрно. Н. В.

²⁾ Замѣчательно, что Иннокентій, самъ не умѣвшій правильно пѣть по поганамъ, прекрасно понималъ хорошее, правильное церковное пѣніе. «Признателный и благодарный къ незабвенному архимандриту», протоіерей Г. въ своей «Вѣти въ лавровый вѣнокъ безсмертія Иннокентію», между прочими, говорятъ: «утромъ каждой субботы бывала репетиція пѣвчихъ — готовились къ служению.... Пѣчіе при немъ стали пѣть превосходно. И вотъ еще что чудно: самъ владыка говорилъ: «вотъ природа меня чѣмъ не пожаловала — ни одной

Только почерь мой тогъ же бѣдный, что и на сѣверѣ. За то то же душевное, теплое уваженіе...

Преосвященный Инонокентій не только заботился о восстановлении древнихъ монастырей и обителей, ень неустанно хлопоталъ и объ учрежденіи новыхъ, особенно если представлялась къ тому благопріятная случайность, а главное — если имѣлся при этомъ въ виду цѣли и способы къ благотворному воздѣствію на местное и окрестное населеніе. Такимъ образомъ, мы видимъ, что преосвященный началъ ревностно хлопотать объ основаніи женского монастыря съ училищемъ при немъ въ помѣстїи гг. Степановыхъ, тѣмъ болѣе, что эти послѣдніе изъявили живѣйшую готовность пожертвовать на учрежденіе такого монастыря очень почтенную сумму. 11-го апрѣля 1844 г. Инонокентій обѣ этомъ обстоятельствѣ писалъ своему петербургскому другу: «О самаго получения указа объ основаніи въ С.-Петербургѣ училищнаго заведенія для дѣвицъ духовнаго званія, мысль завести нѣ что подобное для Харькова постоянно занимала меня; но недостатокъ средствъ къ тому, казалось, отнималъ всякую надежду увидѣть что-либо въ семъ родѣ. И вотъ, Господь и въ семъ случаѣ явилъ, что невозможное у человѣка — у Него возможно.

«Вблизи Харькова (30 верстъ) есть значительное помѣстїе гг. Степановыхъ, принадлежащее двумъ братьямъ и сестрѣ, и нашествующей въ курскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ. Въ прошедшемъ октябрѣ они погребли своего отца, оставившаго имъ значительное состояніе, между прочимъ, въ капиталахъ. И прежде всѣ они были не расположены къ мірской жизни, вслѣдствіе чего сестра уходомъ ушла въ монастырь изъ дома родительскаго, а послѣ сего случая и болѣзни старшаго брата сдѣлались еще удаленнѣе отъ міра и расположеннѣе къ дѣламъ благимъ. Проведши въ моей домовой церкви большую часть Великаго поста, братья явились потомъ ко мнѣ съ предложеніемъ основать въ помѣстїи своемъ женскій монастырь, съ тѣмъ, чтобы при немъ было училищное заведеніе для дѣвицъ духовнаго званія. На все это, кромѣ готовой уже церкви, они рѣшаются употреб-

ноты не протяну голосомъ, — но любилъ пѣвчихъ, понимать ноты, любилъ даже напѣвать и служить вѣликомѣрою! («Вѣночъ на могилу высокопреосвященнаго Инонокентія», стр. 122—123).

Н. В.

бить до трехъ сотъ тысячъ, но могутъ употребить и больше, коль скоро окажется въ томъ потребность.

«Дѣло, очевидно, благое и общеполезное; но, утруждаясь въ короткое время св. Синодъ двумя представлениями о двухъ монастыряхъ, намъ показалось затѣйливымъ безпокойти его обѣ учреждений третьаго. Думали-гадали, и остановились на той мысли, чтобы г. Степанову съ братомъ самому войти съ прошеніемъ къ ея Высочеству Ольгѣ Николаевнѣ, яко покровительницѣ человѣколюбиваго учрежденія для дѣвицъ духовныхъ. Отъ нея можетъ уже перейти дѣло сіе куда слѣдуетъ, и такимъ образомъ избѣгнется наше выказываніе себя съ монастырями....»

«Почему, можетъ прийти при семъ мысль, не учредить училища безъ монастыря? Послѣдняго требуетъ благочестивое чувство учредителей, коимъ хочется монастырь новый сдѣлать памятникомъ для своихъ родителей. Впрочемъ, и заведенію училищному лучше быть подъ сѣнью св. обители, нежели стоять одному. Можегъ быть, есть при семъ даже мысль помѣстить въ будущемъ монастырь настоятельницею свою сестру. Но сія мысль, очень естественная въ учредителяхъ, ниему не вредить, даже многому можетъ способствовать; ибо сестра ихъ — монахиня вполнѣ достойная сего мѣста, и, безъ сомнѣнія, въ такомъ случаѣ употребить на монастырь и заведеніе все, что можетъ принадлежать ей изъ наслѣдства отеческаго. И такъ, благоволите удѣлить частицу вашего времени на разсмотрѣніе сего дѣла, предложивъ его кому слѣдуетъ, и дайте намъ знать, яже подобаетъ творити. Мы всѣ съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать вашего приговора, и не только мы, но и бѣдныя сироты, приметающіяся теперь гдѣ и какъ случится».

Хотя преосвященный Иннокентій очень желалъ, чтобы при ново-учреждаемомъ женскомъ монастырѣ была и школа для бѣдныхъ дѣвицъ духовнаго званія, но это его желаніе не осуществилось, по крайней мѣрѣ въ первое время. «За полгода назадъ я имѣлъ удовольствіе извѣщать васъ,—писалъ преосвященный 3-го ноября 1844 г. своему другу,—что для Харьковской епархіи открывается случай благопріятный имѣть еще, кроме двухъ обновленныхъ, и новую обитель.... Мысль обѣ устроеніи при новой обители училища для сиротствующихъ дѣвицъ едва-ли, къ сожалѣнію, придется при семъ случаѣ въ исполненіе. Кто-то внушилъ имъ

(строителямъ), что безмятежіе иноческаго житія можетъ сильно страдать отъ того, если ввести въ монастырь это заведеніе. Но мы не отчаяваемся, что, по крайней мѣрѣ, въ послѣдствіи состоится и сіе благое предположеніе. Средства къ тому найдутся. Они же сами не прочь отъ того, чтобы сдѣлать на сіе пожертвованіе».

Черезъ полгода съ небольшимъ, именно 2-го июля 1845 г., Иннокентій по поводу новооткрываемаго монастыря писалъ своему другу: «Благоволите принять благодарность за то благосклонное участіе, которое оказано вами въ дѣлѣ гг. Степановыхъ или, лучше сказать, общемъ нашемъ. Они не находить словъ, какъ выразить свою благодарность къ его сіятельству и вамъ. На прошедшахъ дняхъ мы распланировали мѣсто для новаго монастыря. Онъ будетъ въ другомъ родѣ, нежели Ахтырскій и Святогорскій монастыри, безъ горъ и юдолей, но съ самой пріятною сельскою физіономіей. Очень хочется имъ иметь на благословеніе одну изъ иконъ упраздненнаго монастыря Курскаго, о чёмъ и послано прошеніе къ его сіятельству. Дѣло, кажется, не трудное, ибо икона почти по праву, какъ изволите увидѣть изъ прошенія, принадлежитъ намъ. Но можетъ явиться оппозиція со стороны власти, предержащей въ Курскѣ. Посему покорнѣйше просимъ употребить нужное посредство къ избѣжанію всіхъ пререканій.¹⁾.

Кстати приведемъ здѣсь еще одно мѣсто изъ письма Иннокентія къ своему другу, отъ 27-го октября того же 1845 г. «У гражданъ здѣшнихъ, по случаю ежегодного перенесенія св. иконы изъ Куряжскаго монастыря въ Харьковскій соборъ кафедральнаго (онъ при моемъ домѣ), болѣе и болѣе усиливается мысль просить

¹⁾ Монастырь, о которомъ идетъ рѣчь, известенъ нынѣ подъ именемъ Харьковскаго Николаевскаго, 2-го класса, основанъ въ 1845 г., а не въ 1846, какъ значится у Строева въ его «Спискахъ іерарховъ» (см. столб. 978). 27-го октября 1845 г. Иннокентій писалъ своему петербургскому другу: «Честь имѣю препроводить къ вашему превосходительству краткое описание открытія нового монастыря ишаго съ приложениемъ и того, чтѣ было сказано по сemu случаю открывавшимъ. Если подобный материалъ можетъ годиться для вашего журнала («Министерства Народного Просвѣщенія»), то благоволите помѣстить его. Если же онъ не придается подъ цѣль ему, то соблаговолите передать въ какой либо другой. Намъ хочется только доставить симъ утѣшніе строителямъ монастыря, кои очень испрѣвожены задержкою въ св. синодѣ бумаги о постріженіи сестры ихъ. Посему покорнѣйше просимъ, гдѣ бы ни напечаталось, прислать намъ вѣсколько оттисковъ отпечатаннаго, для нихъ же».

Н. В.

о восстановлениі на се́мь ме́стъ прежде бывшаго Покровскаго монастыря. Это, было бы намъ ве́смы кстати. Но возможное ли дѣло? Мы уже надѣли вами съ монастырями. Къ цѣли сей два пути: перевести штатъ изъ Курляндскаго, который можетъ оставаться приписанымъ къ Покровскому, какъ и было нѣкогда, иль внесеніе отъ кого либо денегъ на новый монастырь. Дайте намъ совѣтъ—тѣ лучше, если только это не есть венцъ несбыточная. Соборъ самый въ такомъ случаѣ можетъ быть переведенъ въ соборъ Успенскій, который и занималъ ме́сто кафедральнаго во всѣхъ случаяхъ, пока мы не оправили Покровскаго».

Если преосвященный Иннокентій заботился объ учрежденіи школъ для живописи и церковнаго пѣнія, то на училища духовныя, преимущественно же на семинарію, онъ не могъ не обратить особеннаго своего вниманія.

Прежде всего харьковскій владыка заботился устроить новое великолѣпное зданіе для семинаріи, на новомъ, видномъ ме́стѣ. Но и при этой, какъ выражается Иннокентій, «благопотребной затѣ», обошлось съ его стороны не безъ хлопотъ, заботъ, просьбъ и затрудненій. Такъ, 13-го сентября 1842 г. преосвященный писалъ своему петербургскому другу: «По прошедшой почтѣ получили мы уведомленіе объ отпускѣ суммы на здѣшнюю семинарію. Крайне благодаренъ за милость. Но есть одно обстоятельство, которое заставляетъ при се́мь крѣпко задуматься. Такая огромная постройка требуетъ начальника семинаріи самого дѣятельнаго, а у насъ его, въ сожалѣнію, нѣть. Скажемъ какъ есть. Ректоръ здѣшній—человѣкъ молодой, довольно здоровый, за чѣсколько лѣтъ, по чистой почти лѣности, вадумалъ отказаться отъ должности профессора. Другой употребилъ бы потомъ новой и способности свои во благо семинаріи,—онъ, напротивъ, предался праздной жизни, изъятой, впрочемъ, отъ всѣхъ видовъ невоздержанія. Главнымъ дѣйствователемъ остался одинъ инспекторъ семинаріи и трудился по всей возможности. Но недостатокъ авторитета, молодость, слабость здоровья—не позволили ему сдѣлать всего, что требовалось для блага семинаріи. Оттого она едва не послѣдняя въ киевскомъ округѣ, тогда какъ, по способности здѣшняго юношества, могла бы быть изъ первыхъ. При такомъ положеніи вещей, теперь надобно заняться постройкою. Что намъ

дѣлать въ такомъ случаѣ? Я бы желалъ слѣдующаго: ректора теперешняго перевести въ другое мѣсто, нынѣшняго инспектора сдѣлать ректоромъ и дать намъ хорошаго инспектора; тогда мы могли бы отвѣтить и за вѣнчанее, и за внутреннее благоустройство семинаріи, которую оставлять въ слабомъ состояніи крайне жаль, тѣмъ паче, что нашъ городъ полонъ заведеній учебныхъ. Прощу покорнейше объяснить, если можно, сіи обстоятельства его сіятельству. Только при семъ усерднѣйшая просьба: не уронить слишкомъ теперешняго нашего ректора. Правда, что онъ очень лѣнивъ (почему не говорить никогда проповѣдей по назначению, даже и служить рѣдко), но вмѣстѣ съ тѣмъ трезвъ, честенъ и не глупъ. Потерять такого человѣка было бы очень жаль, и если я пишу иѣсколько противъ него, то потому, что не хочу мѣнять семинаріи на одного человѣка. Его собственное желаніе ограничивается полученіемъ въ управлениѣ какого либо монастыря; впрочемъ, онъ можетъ занять мѣсто и высшее. Если потребуется съ моей стороны какая либо бумага, то я, по увѣдомленію отъ васъ, готовъ написать о семъ его сіятельству. Только гораздо лучше бы было, еслибы это было сдѣлано, если можно, безъ всякихъ бумагъ».

Какъ видно, преосвященный Иннокентій весьма озабоченъ былъ постройкою новаго зданія для семинаріи; но главнымъ предметомъ его мыслей и заботливости было внутреннее благоустройство ея, зависающее отъ состава начальниковъ и преподавателей и отъ ихъ взаимныхъ отношеній,—при чемъ частая перемѣна учителей, особенно же лицъ начальствующихъ, обыкновенно не могла приносить, по мнѣнію Иннокентія, пользы дѣлу воспитанія и образования. Хотя на мѣсто прежняго ректора Филофея и присланъ былъ другой, но съ такимъ слабымъ здоровьемъ, что «его,— писалъ преосвященный своему другу въ Петербургъ,—надобно не употреблять на трудъ, а беречь и хранить. А тутъ постройка семинаріи—дѣло очень хлопотливое. Не знаешь, какъ и преодолѣть эту трудность». Черезъ три дня, именно 29-го ноября 1843 г., Иннокентій писалъ къ тому же петербургскому другу: «Большеннѣе состояніе о. ректора здѣшней семинаріи заставило и его и меня хлопотать о сложеніи съ него ученыхъ должностей. Между тѣмъ, получена теперь бумага о назначеніи ему помощника по классу. Легко становится, что, присей помощи, онъ возможетъ

еще дѣлать свое дѣло, на что у него немалая способность. Посему, еслибы еще доселѣ не решенъ бытъ жребій его, то мы готовы съ нимъ до времени оставаться въ настоящемъ положеніи. Мне особенно тѣмъ пріятнѣе было бы это, что перемѣна ректоровъ чается невыгодна по многимъ отношеніямъ; а сей ректоръ, кромѣ болѣзни, не имѣть никакихъ недостатковъ. Впрочемъ, да будетъ воля Божія и начальства!...

«Судьба о. Иеронима—ректора, при настоящихъ перемѣнахъ, остается та же, что и прежде. Между тѣмъ, какъ я преждеувѣдомлялъ васъ, для него полезнѣе было бы продолжать служеніе въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь сдѣлано для устроенія судьбы его все, что можно было сдѣлать. А обстоятельства не совсѣмъ благоприятствуютъ его здѣшнему пребыванію, ибо въ университетѣ здѣшнемъ много поляковъ, съ коими онъ встрѣчался прежде, въ своихъ странствованіяхъ. Впрочемъ, и это дѣло вполнѣ представляется благоусмотрѣнію вашему».

Затѣмъ, почти черезъ два года, 1-го сентября 1845 г., Иннокентій снова пишетъ въ Петербургъ о ректорѣ семинаріи: «Въ прошедшемъ письмѣ я упоминалъ о нуждѣ дать для здѣшней семинаріи нового ректора. Теперь я пишу о томъ же его сіятельству. Настоящій начальникъ хороши и поведеніемъ, и познаніями, но весьма слабъ здоровьемъ, неопытенъ для управлениія здѣшнимъ народомъ и, вмѣсто помощи мнѣ, имѣть нужду въ томъ, чтобы носить его, такъ сказать, на своихъ плечахъ. Вотъ вамъ примѣръ всего этого изъ двухъ только недѣль: въ пятокъ, передъ субботою Лазаревою, торжество о рожденіи царевича—онъ не хочетъ служить, будучи свободенъ; въ субботу Лазареву крестный ходъ изъ собора въ соборъ, съ вербою—онъ бросилъ его и ѿдѣться въ свой монастырь. Омовеніе ногъ въ четвергокъ—онъ не хочетъ быть на немъ и служить въ монастырѣ. Въ великий пятокъ ему проповѣдь—его нѣту въ городѣ. На Пасху его уже не просимъ—онъ является самъ служить; въ недѣлю антипасхи новый крестный ходъ—его нѣту, и проч. и проч. Я всячески покрываю его уклоненія въ подобныхъ случаяхъ и готовъ бы все переносить, но семинарія имѣть нужду въ управлениі строжайшемъ и лучшемъ. Въ академіи онъ можетъ быть очень хорошимъ наставникомъ, ибо довольно знающъ. Нельзя ли дать ему подобного мѣста? Этому онъ будетъ самъ радъ. А мнѣ, если

нельзя присыпать изъ Киева о. Теофана Авсенева, присыпайте
кого угодно, только бы дѣлали свое дѣло».

При частой перемѣнѣ начальствующихъ лицъ семинаріи, дѣло
преподаванія въ ней затруднялось еще недостаткомъ учителей,
на что Иннокентій неоднократно указывалъ своему петербург-
скому другу. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 14-го февраля
1844 г., преосвященный писалъ: «Что вы не присыпаете къ намъ
въ семинарію наставниковъ? Академіи обременяются тѣмъ, что
не знаютъ, куда дѣвать людей, а семинаріи страдаютъ оттого,
что въ классахъ нѣть учителей. Право, странный образъ дѣ-
ствія духовно-учебного управления».

Вообще положеніе семинаріи въ педагогическомъ отношеніи
было не завидно. Иннокентій всячески старался помочь горю, но
заботы его не всегда приводили къ желаннымъ послѣдствіямъ...
2-го іюня 1845 г. преосвященный писалъ своему другу: «Думаю,
что г. Новосильскій уже прибылъ въ Петербургъ. Я просилъ
его объяснить его сіятельству и вамъ несложное положеніе на-
чальства здѣшней семинаріи. Къ крайней неопытности въ управ-
леніи присоединился еще, на бѣду, духъ взаимнаго немиролюбія,
такъ что я непрестанно долженъ употреблять свое посредство
въ предупрежденіе дальнѣйшихъ смутъ. Крайне была бы обя-
зана харьковская семинарія, а вмѣстѣ съ ней и я, еслибы о.
ректору дано было другое мѣсто, а сюда присланъ въ ректоры
о. профессоръ кіевской академіи, іеромонахъ Авсеневъ, или ка-
ванской академіи, профессоръ о. Фогій или Серафимъ».

Кажется, Иннокентію не довелось, при всѣхъ его просьбахъ
и хлопотахъ, установить надлежащій, сообразный съ воспита-
тельными цѣлями юношества, внутренній распорядокъ семинаріи
до выѣзда его изъ Харькова, и, конечно, это зависѣло не отъ
его доброй воли, а отъ высшаго духовнаго управления, которое,
какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ другихъ (о чёмъ будетъ ска-
зано ниже), дѣйствовало прямо въ ущербъ православнаго духо-
венства и даже—самой нашей церкви.

Преосвященный Иннокентій, скоро разузнавши неприглядный
бытъ духовенства, особенно сельскаго, во вѣренной ему епархіѣ,
пришелъ къ той разумной мысли объ обеспеченіи этого быта,
предположенія къ осуществленію которой начали разрабатываться

только въ наше время, именно: поднять уровень материального благосостояния духовенства посредствомъ денежного пособія, или даже жалованья отъ правительства. Эта важная реформа, какъ известно, въполнѣ не осуществилась и теперь, хотя для нея и многое уже сдѣлано... «Скоро ли вы обрадуете наше бѣдное духовенство помощію отъ правительства?—писалъ преосвященный своему другу 2-го іюня 1845 г.—Въ этомъ настоитъ, особенно по нѣкоторымъ мѣстамъ, крайняя нужда. Безъ обеспеченія состоянія всѣ реформы по училищамъ не могутъ принести плода. Нехудо бы подумать и объ архіерейскихъ домахъ. Нѣкоторые терпятъ не менѣе сельскихъ приютовъ. Но если трудно дѣлить пособія, то пусть лучше все идетъ къ нимъ».

Кстати обь архіерейскихъ домахъ. Вскорѣ послѣ прїезда, Иннокентій писалъ (28-го февраля 1842 г.) своему петербургскому другу о харьковскомъ архіерейскомъ домѣ слѣдующее: «Одной бы только милости желалъ я здѣсь отъ начальства, чтобы улучшено было содержаніе дома архіерейского, который есть одинъ изъ бѣднѣшихъ. Св. синодъ давно знаетъ о сей бѣдности, и владыка писалъ о своей готовности помочь. Только, какъ начать это дѣло? Не письмомъ же къ его сіятельству? Тащиться съ репортомъ о семъ въ синодъ мнѣ не хочется, и мы лучше будемъ сидѣть безъ хлѣба, нежели просить его среди площади». 27-го октября 1845 г., по тому же предмету Иннокентій писалъ въ Петербургъ: «Да нельзя-ли напомнить (графу) еще о моей просьбѣ, адресованной къ его сіятельству за три года передъ симъ и оставленной безъ отвѣта, сущность коей состояла въ томъ, чтобы здѣшнему дому архіерейскому положенъ былъ окладъ по примѣру третье-классныхъ. Это никому не будетъ въ сознаніи, ибо здѣшний домъ всѣмъ извѣстенъ крайнею скучностью своего содержанія. Сосѣдямъ нашимъ такъ вы слишкомъ щедры, а нась, бѣдныхъ, вовсе забываете. Говорю такъ жалобно потому, что приходитъ время платить долгникамъ ¹⁾, а средствъ нѣту».

На содержаніе архіерейского дома не было, по видимому, ассигновано добавочныхъ суммъ, сколько обь этомъ ни хлопоталъ Иннокентій. Самому же ему, вѣроятно, во вниманіе особенныхъ заслугъ его по управлению епархию, увеличенъ былъ окладъ

¹⁾ Преосвященный, очевидно, обмолвился, сказавши «должникамъ», а не «кредиторамъ».

содержания, но уже въ то время, когда преосвященный несколько въ томъ не нуждался: «Что это вамъ вздумалось баловать насъ роскошью?—спрашивалъ Иннокентій своего друга въ письмѣ отъ 4-го мая 1846 г.,—я разумѣю прибавокъ къ своему окладу. За четыре года назадъ, когда мы слезно писали о нашихъ нуждахъ, это была бы великая милость. А теперь, когда мы немножко поправились трудами рукъ своихъ, можно бы безъ нея и обойтись. Другое дѣло, еслибы что сдѣлано было для дома архіерейскаго, который имѣть въ томъ существенную нужду. Развѣ та выгода, что при семъ условіи можно подольше пожить на одномъ мѣстѣ. Это благо великое»..... Но его, какъ увидимъ ниже, не привелось испытать преосвященному Иннокентію.

Мы упомянули, что харьковскій владыка очень ревностно заботился о материальномъ обеспеченіи духовенства, и особенно о благосостояніи церквей, монастырей, духовныхъ заведеній и проч. Но такъ какъ въ этомъ отношеніи оказывались по преимуществу все-таки—нужда, бѣдность, или недостатки,—то, понятное дѣло, Иннокентій сочувственно относился только къ тому, что способствовало къ устраненію подобного положенія, и далеко не дружелюбно смотрѣлъ на тѣ мѣры, которые, въ дѣйствительномъ ихъ примѣненіи, оказывались или затруднительными, или даже невозможными. Мы не видимъ надобности приводить всѣ тѣ мѣроприятія, съ которыми харьковскій преосвященный не соглашался, или по крайней мѣрѣ находилъ ихъ неудобопримѣнимыми. Укажемъ только на слѣдующее:

За границей, въ Шавгаузенѣ, написана была кѣмъ-то книжка, въ которой, вмѣстѣ съ искаженіемъ исторіи русской церкви и съ разными «клеветами» на нее, находилось не мало и такого, что заслуживало полнаго и серьезнаго вниманія. Иннокентій, слѣдящій за иностранною духовною литературою, обратилъ вниманіе на эту книжку, и обѣ ней не однажды бесѣдовалъ въ письмахъ съ своимъ петербургскимъ другомъ, изъ которыхъ въ одномъ онъ, относительно заслуживающаго вниманія, 10-го ноября 1845 г. писалъ:

«Въ концѣ прошедшаго письма я упомянулъ о книжкѣ, вышедшей недавно въ Шавгаузенѣ, и сказалъ, что тамъ есть нѣчто

и стоящее вниманія, напримѣръ: крайнее стѣсненіе церкви въ правѣ приобрѣтать имущество. Никто, кажется, такъ не терпить отъ сего, какъ мы съ новыми нашими монастырями. Нашлось бы не мало людей, готовыхъ пожертвовать: кто— поля, кто— лѣсу. Начнуть дѣло; мы къ нимъ съ тысячью вопросовъ: кто у нихъ наслѣдникъ, объявлено-ли было имъ и проч., и дѣло кончается ничѣмъ. И пусть бы этого требовалъ сводъ законовъ: онъ гораздо милостивѣе. Св. синодъ собственнымъ распоряженіемъ (ибо указъ отъ него)¹⁾ наложилъ на себя и всю церковь нерѣшимыя узы. Ради Бога, вникните въ этотъ указъ..... Онъ рѣшительно долженъ убить все. Это истинное самобѣство!»...²⁾.

Заботясь о средствахъ или нѣкоторыхъ мѣрахъ, ведущихъ къ преуспѣянію православія въ Харьковской епархіи, преосвященный Иннокентій не могъ не обратить вниманія на католиковъ и особенно на униатовъ, вопросъ о которыхъ сильно занималъ тогда наше правительство. Ниже, въ своемъ мѣстѣ, мы увидимъ, какъ преосвященный смотрѣлъ вообще на католичество въ Россіи; здѣсь же упомянемъ только, что, по какому бы то ни было поводу, онъ не замедлялъ высказывать свой взглядъ по вопросу о положеніи у насъ католиковъ. Въ письмѣ къ своему другу, отъ 25-го ноября 1843 г., преосвященный, между прочимъ, писалъ: «На прошедшой почтѣ я отправилъ въ вашему превосходительству одинъ изъ журналовъ католическихъ, съ критикою на нашъ католический катехизисъ. Дѣло показалось мнѣ стоящимъ вашего вниманія,— а съ другой стороны, представилось, что подобные журналы у насъ рѣдки и можетъ статься, что

¹⁾ Царкуляръ 31-го іюля 1843 г.

²⁾ Въ видахъ возбужденія въ народѣ благочестивой ревности къ храмамъ Божиимъ, Иннокентій находилъ желательнымъ и даже необходимымъ производить время отъ времени награды тѣмъ свѣтскимъ лицамъ, которые дѣлаютъ болѣе или менѣе крупныя пожертвованія на церкви, монастыри, духовно-учебныя заведенія и проч. Такимъ образомъ, 24-го февраля 1845 г., онъ писалъ петербургскому другу. «На прошедшой почтѣ отправлено къ его сіятельству отношеніе о наградѣ одного изъ здѣшнихъ купцовъ медалью за пожертвованіе на церкви. Усерднѣйше молимъ васъ оказать возможное участіе въ семь дѣлъ, ибо и награждаемый вполнѣ стоитъ того, и награда его можетъ, оказать преблаготворное дѣйствіе для церквей нашихъ. Дѣлать сіи вещи изрѣдка крайне нужно и вездѣ, а въ здѣшней сторонѣ, холодной вообще къ церквамъ, тѣмъ паче».

Н. В.

посланный мною не былъ еще у васъ на виду. Къ величайшему удовольствію моему, доставъ послѣ католической нашъ катехизисъ (прежде не могъ я сего сдѣлать, по рѣдкости у насъ сей книги), я не нашелъ въ немъ того, что называется ему журналистомъ заграничнымъ. Но, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, не мѣшало бы что-либо написать въ заграничныхъ вѣдомостяхъ, служащее къ поясненію состоянія у насъ католиковъ. Состояніе это ничѣмъ не хуже состоянія православныхъ, а еще, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, лучше; а между тѣмъ, наше молчаніе даетъ поводъ писать о насъ, чтѣ вздумается, и распространять множество лжи на счетъ нашъ, какъ это видно изъ газетъ и журналовъ, мною получаемыхъ».

«Заговоривъ о семъ предметѣ,—продолжаетъ далѣе Иннокентій,—не могу скрыть отъ васъ еще одной мысли. Правительство видимо затрудняется остаткомъ, хотя малымъ, униатства и принуждено прибѣгать къ мѣрамъ не совсѣмъ мягкимъ, какъ это сдѣлано недавно въ Курскѣ. По моему—напрасно. Той же цѣли можно было достигнуть другимъ, самыи простымъ способомъ. Знаете ли, почему сіи люди такъ упорны? Потому главное, какъ оказывается изъ свѣдѣній, до меня дошедшихъ, что имъ не знать, чѣмъ дѣлать съ собою,—не знать, какъ послѣ жить, обратившись въ православіе. Если бы этотъ способъ былъ открытъ, то все уладилось бы, какъ нельзя лучше. Чего стоило бы обезпечить ихъ дальнѣйшее существованіе? И соблазнъ значительно бы бы избѣгнутъ. Пишу все сіе, между прочимъ, потому, что и ко мнѣ пришелъ униатъ упорный изъ Полтавы, а упорство его именно такого рода. Назначьте ему въ содержаніе, въ какомъ бы то ни было видѣ, 400—300 руб., и онъ завтра же подастъ просьбу о обращеніи»¹⁾.

¹⁾ По этому поводу петербургскій другъ писалъ Иннокентію: «Что касается сообщенной вами мысли о надежнѣйшемъ средствѣ къ преклоненію нѣсколькихъ остающихся упорныхъ лицъ изъ бывшаго униатскаго духовенства назначеніемъ имъ необходимаго къ содержанію пособія, то желательно было бы, чтобы это средство могло быть вполнѣ успѣшнымъ, какъ того ваше преосвященство надѣетесь въ отношеніи къ присланному изъ Полтавы въ Харьковъ упорному униату. Въ этомъ смыслѣ считаю нужнымъ сообщить, что какъ теперь въ сельскихъ приходахъ западнаго края духовенство не только обезпечено, но и положено снабдить оное домами, то еслибы этотъ упорный рѣшился явить повиновеніе церкви, можно бы смѣло обѣщать ему опредѣленіе къ

Ранѣе того, именно при самомъ началѣ своего пребыванія въ Харьковской епархї, преосвященный Иннокентій обратилъ внимание на вопросъ объ уніатствѣ, взглядъ на который по одному частному случаю и не преминулъ высказать петербургскому другу, въ письмѣ отъ 30-го марта 1842 г.:

«А въ здѣшнемъ университѣтѣ вышло небольшое приключеніе,—писалъ преосвященный.—Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ, одинъ кандидатъ вздумалъ держать экзаменъ на степень магистра по разсужденію объ унії. Такой предметъ, который теперь имѣть значеніе не одно историческое, а и государственное, обратилъ, вслѣдствіе сего, особенное вниманіе на это разсужденіе. Я, въ удивленію, нашелъ, что оно писано очень въ нехорошемъ, почти не въ русскомъ духѣ, такъ что скорѣе можетъ быть выставлено въ любомъ журналѣ иностранномъ, какъ доказательство, что и изъ русскихъ есть люди, кои смотрятъ на унію не по-русски. Это заставило меня сказать свое опасеніе главамъ здѣшняго университета, чи они, вполнѣ раздѣляя его, рѣшились, пріостановивши диспутанта, послать это разсужденіе къ вамъ на просмотръ предварительный. Мѣра весьма благоразумная. Вамъ видиѣе дѣла сего рода, и вашъ приговоръ положить конецъ недоумѣніямъ. Только во всякомъ случаѣ множество дерзкихъ выраженій на счетъ восточной церкви и ея патріарховъ, кажется, не должны быть пропущены, ибо они, кромѣ того что антиполитическая, противны исторіи, и публичное защищеніе ихъ можетъ произвестъ соблазнъ. Между тѣмъ, очень жаль было бы, еслибы изъ сего разсужденія выведено было что либо въ предосудженіе автора его. Это просто недоразумѣніе молодаго человѣка, который своими дарованіями и усердіемъ къ дѣлу подаетъ о себѣ хорошія надежды, и онъ готовъ быть самъ исправить все, что можно, токмо университетская цензура затруднилась возвратить назадъ дѣло, будучи сама связана какими-то законами. Для скорѣйшаго

первому вакантному возсоединенному приходу, съ чѣмъ соединится совершенное обезпеченіе его участія, вмѣстѣ съ предоставлениемъ ему носить прежнюю одежду и съ полнымъ забвеніемъ его прежняго непокорства. Успѣхъ въ его обращеніи приобрѣтеть вамъ новое право на признательность св. синода».

Н. В.

соображения вашего по сему дѣлу, я счелъ за небезполезное приложить при семъ и самое разсужденіе¹⁾.

Преосвященный Иннокентій, обращая вниманіе на вопросъ объ уніатствѣ, особенно близко принималъ къ сердцу религіозно-нравственное состояніе своей харьковской паствы (о чмъ упоминалось выше), и это тѣмъ болѣе, когда представлялся ему благоприятный случай. Одинъ изъ помѣщиковъ Харьковской губерніи, некто г. Ширко, послалъ въ родѣ извѣста или доноса, на французскомъ языке, письмо къ оберъ-прокурору св. синода²⁾, въ которомъ мрачными красками описалъ состояніе Украины въ религіозно-обрядовомъ и нравственномъ отношеніи. Письмо это было препровождено петербургскимъ другомъ къ Иннокентію, и послѣдній, по поводу его, отъ 14-го февраля 1844 г., писалъ слѣдующее:

«Честь имѣю возвратить вашему превосходительству письмо г. Ширко. Содержаніе его мнѣ уже извѣстно было изъ разговора моего съ симъ помѣщикомъ, въ бытность мою у него въ сель прошедшемъ лѣтомъ. Посему-то и удивительно для меня, что онъ свои мнѣнія помѣстилъ въ письмѣ всѣ сполна, а мои соображенія отложилъ въ сторону и умолчалъ о нихъ. Умолчалъ, во 1-хъ, оттого, что печальная картина религіознаго невѣжества и апатіи, имъ нарисованная, идетъ не ко всѣмъ украинцамъ, а только къ помѣщичьимъ крестьянамъ; во 2-хъ, не сказалъ того, что помѣщики суть истинные виновники сего жалкаго состоянія. Это прекрасно, что теперь г. Ширко самъ гонитъ крестьянъ своихъ въ церковь,—но это начало дѣлаться не болѣе года, когда онъ возвратился изъ службы домой. Навести бы справку: сколько лѣть передъ тѣмъ его предки или управители гнали крестьянъ изъ церкви? Удивительно ли послѣ того, если ими синскана несчаст-

¹⁾ Дѣло идеть о кагистерской диссертациі талантливаго вашего историка и ученаго Николаѣ Ивановичѣ Костомарова. Въ «Запискахъ» своихъ, значительная часть которыхъ уже написана, Николай Ивановичъ, безъ сомнѣнія, во всѣхъ подробностяхъ разскажетъ этотъ весьма интересный эпизодъ, много-значительный не только по отношенію къ его біографіи, но и въ лѣтописи Харьковскаго университета и для характеристики архиепископа Иннокентія. Являясь «доносителемъ», Иннокентій провидѣлъ однако, что авторъ преслѣдуемой книги съ «дарованіями» и «подаетъ хорошія надежды». Тѣмъ неосторожнѣе поступилъ преосвященный возбудивъ это дѣло... Ред.

²⁾ Приводимъ въ приложеніи переводъ этого любопытнаго документа.

ная привычка не бывать въ церкви? Неужели есть помѣщики, кои гонять изъ церкви? Кои гонять прямо—такихъ не много, а кои гонять стороною, невидимо—таковы почти всѣ. Это гоненіе стороною состо-
итъ въ томъ, что бѣдному крестьянину такъ мало дней остается отъ панчины для своихъ работъ, что онъ поневолѣ въ праздники спѣшить не въ церковь, а на свое поле, или употребляеть его просто на отдыхъ, къ коему малороссъ расположень гораздо бо-
льше великороссіянина. А указъ о трехъ дняхъ работы на госпо-
дина? Кто смотритъ на него? Ибо кто смотритъ за исполненіемъ
его? Онъ нерушимо остается на бумагѣ, въ архивѣ. Чѣд при
такомъ положеніи вещей дѣлать священнику? Вступать въ доносы
на помѣщика? Это значило бы лишить себя съ семьею не только
спокойствія, даже пропитанія. Чѣд дѣлать и епархиальной власти?
Поднять тревогу по всей губернії? Но къ чему бы повело это?
Очевидно, необходимо какое либо государственное учрежденіе для
пресѣченія сего зла, а зло крайне велико и даетъ результаты са-
мые печальные для будущности отечества. Г. Ширко самъ чув-
ствуетъ нужду въ подобной мѣрѣ и хотѣлъ бы, чтобы надзоръ
за отношеніемъ къ церкви поселянъ лежалъ не на однихъ свя-
щенникахъ и благочинныхъ, а и на становыхъ приставахъ, и на
помѣщикахъ. Нѣть ничего основательнѣе (?) сего предположенія.
Почему не поставить закономъ, чтобы всѣ начальники, каждый
по своей части, reportовали, по временамъ, о семъ предметѣ
вышшему начальству? Особенно о исповѣди. Законоположеніе
наше признаетъ важнымъ сіе дѣло въ отношеніи судебному, и
допросъ подсудимаго и свидѣтеля всегда начинается тѣмъ: ка-
кого онъ исповѣданія и бывалъ ли у исповѣди и причастія? Но
это теперь одна форма, и бывалый, и небывалый—равно всегда
бывалъ. Но тогда были бы справки о бытіи. А еще лучше, если
бы бывавшій всегда имѣлъ квитокъ въ бытіи дѣйствительномъ.
Это одно, безъ другихъ усильныхъ средствъ, заставило бы всѣхъ
и каждого бывать у исповѣди, тогда какъ теперь множество
упущеній въ семъ дѣлѣ, хотя они и не показываются въ испо-
вѣдныхъ книгахъ¹⁾.

¹⁾ Для настъ, живущихъ при другихъ общественныхъ условіяхъ и реформахъ
вышшаго времени, можетъ показаться странною предлагаемая преосвященнымъ
Иннокентіемъ иѣра; но не слѣдуетъ забывать, что она должна была осуще-
ствиться при господствѣ крѣпостнаго права.
Н. В.

«Обращаясь за симъ отъ сего случая къ общему положенію религіовности въ народѣ, съ горестю должно сказать, что множество причинъ умствуютъ (?) постоянно и сильно за ослабленіе, между тѣмъ какъ ничего почти не дѣлается для огражденія ея. И вотъ важная задача для высшаго правительства церковнаго! Проходя исторію его со временъ Петра I-го, видимъ, что сія задача оставалась въ сторонѣ, между тѣмъ какъ она должна всегда быть первая и послѣдняя. Въ одномъ рукописномъ сочиненіи, случайно попавшемъ въ мои руки, весьма основательно изображены съ сей стороны нужды нашей церкви и ея бѣдственное положеніе, указанъ отчасти и способъ, чтò именно нужно дѣлать. По внимательному взгляду, соединенному съ желаніемъ истиннаго добра отечеству, и безъ того не трудно усмотреть, гдѣ источникъ зла и какія противъ того средства. Вашему управлению предлежитъ заняться симъ важнымъ дѣломъ, за которое похвала не отъ человѣка токмо, но отъ Бога.».

Приведемъ здѣсь еще одинъ отрывокъ изъ этого же письма, который хотя и вызванъ былъ особымъ обстоятельствомъ, во по мысли вполнѣ соответствуетъ вопросу, о которомъ идетъ рѣчь. Иннокентій писалъ: «Кто бы это былъ сочинитель книги о гоненіяхъ на католиковъ въ Россіи? При всей злобѣ, которая водила первомъ его, въ ней есть мѣста, стоящія примѣчанія. И что всего примѣчательнѣе—размышляющая публика и въ Россіи совсѣмъ не того же мнѣнія. По крайней мѣрѣ, мнѣ не разъ доводилось слышать подобныя разсужденія. А еще болѣе всяко, кто можетъ, толкуетъ о томъ, о чѣмъ писаль къ вамъ г. Шарко. Значить, пробудилась уже общественная потребность въ дѣствии со стороны духовнаго правительства. Почему, слѣдовательно, не начать дѣлать что либо исподволь къ ея удовлетворенію?»

Теперь мы скажемъ объ учено-литературныхъ занятіяхъ пресвященнаго Иннокентія, которыхъ онъ не оставлялъ при всѣхъ своихъ заботахъ по управлению вѣренной ему епархіи, и затѣмъ приведемъ нѣкоторые особенные случаи изъ его общественной дѣятельности и частной жизни, за время до назначенія его въ Херсонъ.

Выше мы упомянули, что Иннокентій, будучи еще ректоромъ

киевской академії, составлять, при содѣйствіи профессоровъ ея, «Догматический Сборникъ», съ цѣлью «представить памятники православной вѣры, который бы свидѣтельствовалъ, какъ въ продолженіе всѣхъ столѣтій сохранилась она въ православной церкви со всею неизмѣнностью и чистотою». При составленіи этого, весьма важнаго по своей задачѣ, труда, требовались не только глубокія историческая, филологическая и богословскія знанія, но еще имѣніе подъ руками необходимыхъ ученыхъ пособій, какъ-то: специальныхъ книгъ, древнихъ хроникъ, рѣдкихъ рукописей и т. п. Въ бытность преосвященнаго въ Киевѣ начатое изданіе, о которомъ идетъ рѣчь, было далеко не окончено. Поэтому мысль о продолженіи и особенно обѣ окончаній его не оставляла Иннокентія какъ въ Вологдѣ, такъ и въ Харьковѣ, хотя осуществление ея, по совершенному отсутствію подъ руками только что указанныхъ ученыхъ пособій, представлялось дѣломъ крайне затруднительнымъ, а порою даже невозможнымъ. 29-го декабря 1841 г. преосвященный писалъ изъ Вологды своему петербургскому другу вотъ что:

«Въ дополненіе къ офиціальнымъ бумагамъ, позвольте побѣсововать съ вами неофиціально, и первѣе всего о «Сборниѣ». Мнѣ ли не желать ему скорѣйшаго окончанія? Но что дѣлать, когда дѣло само по себѣ крайне трудно, а обстоятельства мои не менѣе затруднительны? Какъ продолжать съ успѣхомъ трудъ, требующій всякаго рода справокъ историческихъ, когда въ здѣшней библіотекѣ нѣть даже и того, что составляетъ азбуку историческую; нѣть, напримѣрь, ни одного, хотя бы несовершенного, «Собрания Соборовъ»? Присылаемыя вами разныя книги не только не наполняютъ нашего недостатка, а еще болѣе обнаруживаютъ нашу бѣдность.—Вы хотѣли придать мнѣ въ помощь архимандритовъ, но что-бы они дѣлали здѣсь безъ ученаго пособія? И гдѣ, изъ незанятыхъ учеными должностями людей, найти сотрудника, который бы могъ войти въ духъ сего дѣла и работать какъ должно? Для перевода готовой печатной статьи можно сыскать десятки переводчиковъ. Но отыскать материалъ, сообразить его важность удѣльную, расшифровать рукопись—для сего потребно болѣе, нежели обыкновенное знаніе греческаго или латинскаго языка. Я оставилъ въ Киевѣ нѣсколько статей, уже переведенныхъ, для одной провѣрки окончательной съ подлинникомъ—и доселѣ не

добыюсь, чтобы, по крайней мѣрѣ, мнѣ выслали ихъ. Среди сихъ обстоятельствъ остается одно: представить вамъ перечень того, что найдено, обработано, приготовлено, и сказать смиренно: вотъ что можно было намъ сдѣлать; примите, чтѣ есть, и употребите, какъ вамъ будетъ угодно. Согласны ли? Можно въ добавокъ сказать, что бы я еще желалъ видѣть въ «Сборникѣ» для его полноты и совершенства. Если послѣднее окажется нужнымъ и удобоисполнимымъ, то окончаніе дѣла можетъ быть возложено на какую либо комиссію или академію, а всего лучше на московскую, которая, подъ руководствомъ своего владыки, пользуясь, между прочимъ, синодальною библіотекою, безъ особыхъ усилий восполнить недостающее».

О трудности работы по составленію «Сборника» въ Вологдѣ Иннокентій еще разъ высказалъ своему другу (въ письмѣ отъ 28-го февраля 1842 г.), замѣтивъ, между прочимъ: «касательно вопроса о «Сборнике», я думаю воспользоваться случаемъ для отмщенія вамъ: вы меня, вопреки всѣхъ резоновъ, проводили въ Вологду; а я вамъ скажу, что подъ 56-мъ градусомъ нечего было собирать, кромѣ исландскаго моху отъ грудной болѣзни».

Но собирание необходимыхъ для работы матеріаловъ оказалось дѣломъ хлопотливымъ и затруднительнымъ не только «подъ 56-мъ градусомъ», но и поближе къ центрамъ просвѣщенія. Быть, напримѣръ, такой случай: понадобилось преосвященному «Посланіе» патріарха Іова въ Грузію о вѣрѣ—рукопись весьма замѣчательная и рѣдкая; провѣдавъ въ Москвѣ, на пути изъ Вологды въ Харьковъ, что рукопись эта находится въ библіотекѣ московской академіи, онъ немедленно писалъ своему другу: «Я бы тотчасъ пошелъ за нею пѣшкомъ изъ Москвы, но тамъ ватиканская система запрета; поэтому, прошу покорно вытребовать ее указомъ и прислать поскорѣе». Начались предписанія, розыски замѣчательного документа, который всетаки почему-то не отыскивался; между тѣмъ, Иннокентій не переставалъ докучать о немъ въ своихъ письмахъ другу. Только слишкомъ черезъ два года обнаружилъся, гдѣ находится розыскиваемая рукопись, вслѣдствіе чего преосвященный, 18-го іюня 1843 г., писалъ своему другу: «Въ нѣкое вознагражденіе довуки, мною вамъ часто причиняющей, примите вѣсть, что драгоцѣнное «Посланіе» патріарха Іова о вѣрѣ въ Грузію, которое такъ долго и напрасно искомо было

и вами по всемъ архивамъ Москвы, а мною и по всемъ углахъ Грузии, наплось наконецъ, и где-же? Въ рукописяхъ г. Строева, бывшыхъ недавно г. Погодинымъ. Извѣстіе о семъ привезъ недавно мнѣ самъ настоящій хозяинъ его, мимоѣздомъ за границу».

Затрудненія, или, вѣрнѣе сказать, просто невозможность продолжать работы по составленію «Сборника» не устранились съ переѣздомъ Иннокентія въ Харьковъ, по крайней мѣрѣ на первое время. Здѣсь, какъ и въ Вологдѣ, не доставало необходимыхъ для того научныхъ пособій, о чёмъ съ горечью преосвященный сообщалъ своему другу, откровенно признавшись, что исполняемый имъ трудъ становится ему въ тягость. 30-го марта 1842 г. Иннокентій писалъ: «По совѣту и владыки кіевскаго ¹⁾, и вашему, я отправилъ на прошедшей почтѣ къ его сіятельству перечень статей, приготовленныхъ для «Сборника», съ вопросомъ: можно ли остановиться на собранномъ, или же продолжать собирать далѣе? Отказаться прямо отъ работы надъ окончаніемъ дѣла—не налегла рука! Каково ни есть, но свое дитя, и прямо бросить его показалось неумѣстнымъ. А впрочемъ, я не только не буду въ претензіи, а, напротивъ, останусь весьма благодаренъ, если вздумаютъ снять съ меня сюю тяжесть. Мнѣ же и въ настоящемъ мѣстѣ положительно очень неудобно продолжать работу, ибо и въ Харьковѣ, подобно какъ въ Вологдѣ, я не нашелъ самыхъ обыкновенныхъ книгъ, какъ-то: «Собрания Соборовъ». Къ сожалѣнію и удивленію, университетская библіотека такъ же въ семъ отношеніи скудна, какъ и семинарская».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что продолженіе работъ по «Догматическому Сборнику» было для Иннокентія дѣломъ если не невозможнымъ, то положительно несоответствующимъ ни желанію составителя его, ни цѣлямъ самого труда. Между тѣмъ, изъ Петербурга шли письма и предписанія о скорѣйшемъ окончаніи «Сборника». Нѣсколько ранѣе, преосвященный желалъ, какъ мы видѣли, хотя незначительную часть труда передать другимъ, а при настоящихъ обстоятельствахъ, онъ, хотя и съ стѣненнымъ сердцемъ, рѣшился, по видимому, отказаться отъ «своего дитяти», такъ долго лежавшаго въ его мысляхъ. Въ письмѣ отъ

¹⁾ Митрополита Филарета.

13-го сентября 1842 г. Иннокентий откровенно и высказался передъ своимъ петербургскимъ другомъ:

«Его сиятельство,—писалъ онъ,—вѣроятно, удивится, получивъ письмо мое съ отказомъ моимъ отъ «Догматического Сборника». Да, я рѣшился на это; послѣ отношенія, мною полученнаго, иѣ нечего было дѣлать болѣе. Требовать отъ человѣка текста, когда знаютъ, что у него нѣть книги, значитъ — требовать невозможнаго. Не вѣдумали бы, вслѣдствіе сего, сдѣлать мнѣ какой-либо непріятности? Я ей буду радъ, ибо это будетъ прекрасный случай сойти съ пути административнаго, давно мною искомый и доселѣ не находимый».

Казалось бы, при столь неблагопріятныхъ условіяхъ для продолженія труда, особенно при видимомъ нежеланіи самого преосвященнаго продолжать его, нечего было особенно и требовать отъ него; оставалось довольствоваться тѣмъ, чтѣ дѣлалъ и чтѣ могъ сдѣлать харьковскій владыка. Но петербургскіе чиновники духовнаго вѣдомства и чуть-ли не во главѣ ихъ другъ Иннокентій, относились къ этому иначе; имъ хотѣлось во что-бы то ни стало добиться отъ преосвященнаго составляемаго имъ «Сборника». Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ черноваго письма къ нему петербургскаго друга, отъ 10-го января 1843 г., гдѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее:

«У насъ приближается время отчета, и необходимо сказать въ немъ что нибудь новое о «Догматическомъ Сборнике». Не найдете-ли, ваше преосвященство, возможнымъ ускорить присыпкою его сюда, какъ онъ есть: разумѣется одинъ переводъ, о коемъ вы уже писали, что готовъ. Ради Бога, не сѣтуйте, если осмѣшиваюсь напомнить о семъ важномъ труде, котораго идеть ветерпѣливо и который, хотя стоитъ вамъ многихъ заботъ, но не менѣе того долженъ исполнить благодарности всякаго, кто онымъ будетъ пользоваться. Радь бы я не беспокоить васъ: но какъ же и мнѣ быть съ отчетомъ? Исключить статью нельзя, показать въ томъ же видѣ — такъ же невозможно. По крайней мѣрѣ долгомъ считаю предварить частными монимъ вопросомъ имѣющій послѣдовать обычный вопросъ официальный».

Думать надобно, что такія поощренія не особенно могли располагать къ труду преосвященнаго Иннокентія по составленію «Сборника». Спрашивается: что же оставалось ему дѣлать въ виду

только что сказанныхъ обстоятельствъ или условій, при которыхъ онъ продолжалъ свой трудъ, хотя бы и любимый имъ и по существу чрезвычайно важный? Очевидно, преосвященному оставалось дѣлать только то, что было возможно при его положеніи. И вотъ, мы видимъ, что Иннокентій (такъ онъ самъ съ горечью извѣщалъ петербургскаго друга о своихъ, по видимому, чрезвычайно скромныхъ работахъ) «съ весною (1843 г.) сѣмъ за «Сборникъ», переписывалъ что есть и какъ есть». Выходила всетаки «книжка по-рядочная». Къ концу года трудъ Иннокентія близился къ окончанію. Казалось бы, повторяемъ, разнымъ составителямъ официальныхъ отчетовъ можно было бы довольствоваться такимъ добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу, о чёмъ и следовало упомянуть во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за тотъ годъ, о которомъ идетъ рѣчь. Но въ данномъ случаѣ мы видимъ совершенно противное этому. Въ письмѣ отъ 14-го февраля 1844 г., Иннокентій какъ-то печально-укоризненно говорить своему петербургскому другу: «Сказать-ли что-либо вамъ о своемъ «Сборнике»? Г. сочинитель отчета по духовному вѣдомству какъ будто предчувствовалъ, что онъ долженъ нынѣ кончиться, прошедъ его молчаниемъ¹⁾). Въ самомъ дѣлѣ, онъ скоро долженъ явиться къ вамъ, въ совершенствѣ или съ недостатками—не намъ судить о томъ. Впрочемъ, это трудъ, по самому существу своему, таковъ, что не можетъ обратить на себя вниманія тѣхъ, кои не имѣли случая заниматься дѣлами подобнаго рода».

При всемъ томъ, Иннокентій не переставалъ трудиться для «Сборника», хотя и получалъ изъ Петербурга письменныя извѣстія не совсѣмъ одобрительного свойства на счетъ медленности въ окончаніи имъ своего труда. Какъ видно изъ нѣсколькихъ писемъ за это время преосвященнаго къ своему другу, онъ не разъ жаловался на свое крайне затруднительное положеніе, писалъ «не покорно», въ чёмъ «паки и паки» просилъ извиненія, прибавляя,

¹⁾ Это совершенно справедливо, ибо мы не нашли въ «Извлеченіи изъ отчета оберъ-прокурора св. синода за 1844 г.» никакихъ о настояющемся трудѣ преосвященнаго указаній или даже упоминаній,—обстоятельство очень странное, особенно если вспомнить, что составленіе отчетовъ было дѣломъ петербургскаго друга Иннокентія.

однако, напримѣръ, то, что «самое дѣло, благодаря Бога, идетъ хорошо; начинаемъ переписывать уже IV-й вѣкъ; до IX-го выйдетъ порядочное *in folium*» и проч.

Между тѣмъ, изъ Петербурга слѣдовали совѣтъ за увѣща-
niемъ, запрошь за предписаніемъ преосвященному—и все относи-
тельно дальнѣйшаго труда его по «Сборнику», такъ что, нако-
нецъ, трудъ этотъ, предпринятый по желанію и почину Инно-
кентія, принялъ характеръ просто офиціальный, чиновничій,—
чего никакъ не желалось ученому и даровитому харьковскому
іерарху, всегда желавшему видѣть «дѣло для самаго дѣла». 2-го іюня 1845 г., Иннокентій писалъ своему петербургскому
другу, между прочимъ, вотъ что: «Совѣстно мнѣ, что я до-
сейнъ не отвѣчалъ еще на запросъ касательно дальнѣйшихъ мн-
слей о «Сборникеъ». Но эти мысли таковы, что ихъ неудобно
излагать на бумагѣ, а, между тѣмъ, недѣли черезъ двѣ должны
явиться къ вамъ 1-й томъ «Сборника», изъ коего дѣло виднѣе
будетъ, нежели изъ десяти писемъ. Благоволите довести сіе об-
стоятельство до свѣдѣнія его сіятельства, дабы не возымѣлось
мысли, что я пренебрегаю запросомъ. По слѣдующей почтѣ,
впрочемъ, я постараюсь отвѣтить общимъ образомъ, чтобы соблю-
сти въ перепискѣ законную форму».

Въ половинѣ 1845 г., первая часть труда была окончена, и преосвященный нашелъ лучшимъ озаглавить книгу не «Догма-
тическій Сборникъ», а «Памятникъ вѣры православной». Немед-
ленно рукопись сдана была въ типографію для напечатанія, при
чемъ Иннокентій самъ корректировалъ ее. 1-го сентября 1845 г.
онъ писалъ своему другу: «Теперь дочитываю корректуру первой
части своего «Памятника вѣры», а на слѣдующей недѣлѣ онъ
долженъ отправиться къ вамъ. Просимъ не осудить его убоже-
ства и прикрыть, чѣмъ можно, его наготу. А для меня будетъ
праздникомъ уже самое отправление его, ибо во всю жизнь я не
чувствовалъ такой тяжести, какъ отъ сего невиннаго, самого по
себѣ, но крайне затруднительнаго, по обстоятельствамъ, дѣла».

Дѣйствительно, не прошло недѣли, какъ первая часть «Па-
мятника» была отправлена въ Петербургъ. Въ то же время пре-
освященный спѣшилъ окончаніемъ и второй части. Между тѣмъ,
ему было очень желательно слышать мнѣніе о своемъ труде отъ

непосредственно заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, т. е. тѣхъ, которые держали въ своихъ рукахъ бразды управления по духовному вѣдомству,—и желая этого Иннокентій не въ какихъ нибудь видахъ авторскаго самолюбія, а съ цѣлями совершенно иного свойства. Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ сейчасъ приведенного письма, именно 10-го октября (1845 г.), преосвященный писалъ своему другу: «Хотѣлось бы поскорѣе развязаться съ II-мъ томомъ моего «Памятника». Первый уже въ вашихъ рукахъ. Что съ нимъ? Если возможно, то желательно было бы поскорѣе услышать хотя главное мнѣніе — не изъ любопытства, а для того, чтобы сообразиться, если то нужно и возможно, съ нимъ при составленіи II-го тома».

Въ слѣдующемъ году (16-го февраля), Иннокентій, видимо заинтересованный мнѣніемъ о своемъ труде высшихъ духовно-административныхъ лицъ, высказалъ своему петербургскому другу, какъ личный свой взглядъ на него, такъ и затруднительныя условія, при которыхъ онъ исполнялся. Преосвященный, между прочимъ, писалъ по этому поводу:

«Мыслей вашихъ о первомъ томѣ «Сборника.¹⁾ буду ожидать съ нетерпѣніемъ.. На счетъ достоинства этой книги я не только не предубѣжденъ, а еще самъ первый готовъ быть ея обвинителемъ. Извиненіе одно—что, при моихъ обстоятельствахъ, въ десять разъ сдѣланное было труднѣе дѣлать, нежели въ другомъ положеніи. Около двухъ лѣтъ почти я оставался даже въ той мысли, что ничего нельзя сдѣлать похожаго на цѣльный трудъ. Скажутъ: все-же можно было выполнить присланную мнѣ, не знаю кѣмъ, составленную программу. Но, что же бы вышло изъ сего выполненія? Такой скелетъ, и при томъ неполный, стыдно было показать кому-либо. Это походило бы на то, какъ изъ допотопнаго міра отрываются части какого-либо животнаго».

Къ началу того же 1846 г. оконченъ былъ и II-й томъ «Памятника вѣры». Иннокентій думалъ составить и третью часть, но отложилъ осуществление этой мысли, какъ по причинѣ только что указанныхъ обстоятельствъ, такъ и потому, что задача этого, такъ сказать, дополнительного труда могла быть выпол-

¹⁾ Т. е. «Памятника вѣры православной».

нена и другими лицами. Въ только что приведенномъ письмѣ отъ 16-го февраля, преосвященный писалъ своему другу: «Со святымъ и великимъ постомъ. Да будетъ онъ для васъ тѣмъ, чѣмъ быть ему для всѣхъ насть желаетъ церковь святая. А мнѣ начало его дорого и памятно будетъ уже однимъ тѣмъ, что я вступаю въ него безъ прежней тяжести (исключая грѣховной) на плечахъ. «Памятникъ» мой не только конченъ, но и отправляется по слѣдующей почтѣ къ вамъ. Не лишите его благосклоннаго взора и пріюта. Думалось-было составить еще третью часть, собственно для раскольниковъ, т. е. собрать воззанія къ нимъ нашихъ соборовъ и пастырей. Но это могутъ сдѣлать и другіе, если окажется нужнымъ. И безъ того трудъ, каковъ ни есть, имѣть свою надлежащую полноту».

Н. М. В—оръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЯ В. Н. ЗИНОВЬЕВА ПО ГЕРМАНИИ, ИТАЛИИ, ФРАНЦІИ И АНГЛІИ

въ 1784—1788 гг.¹⁾.

Римъ.—12-го (23-го) февраля 1785 г.

Былъ у Баттони²⁾ и видѣлъ портретъ Скавронской и нѣкоторыя картины; въ лицахъ его мало экспрессіи и колорить съатурой не сходенъ. Послѣ обѣда получилъ твоё письмо, за которое благодарю, хотя и не понимаю, что чрезъ слѣдующее сказать хочешь: «marquez moi autant ce que vous faites, que ce que vous croyez faire»³⁾.

Вечеромъ былъ у аббата Amaduzzi⁴⁾ и такъ симъ знакомствомъ доволенъ, что у него, противъ намѣренія, часа съ три пропадалъ. Онь напагъ, къ моему крайнему удовольствію, направленіе Clement XIV и рассказалъ мнѣ подробно обстоятельства разрушенія ордена⁵⁾. Я не упустилъ разспросить его обо всемъ и, при нашемъ свиданіи, тебѣ много рассказжу, когда ты хочешь. Я тебѣ очень благодаренъ за доставленіе мнѣ сего знакомства.

24-го. Былъ въ славной церкви св. Петра... Ее не моему перу описывать... Обѣдалъ у Разумовскаго. Вечеромъ бралъ первый урокъ английскому языку и началъ итальянскому обучаться и читать съ

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXIII, стр. 207—240.

²⁾ Помпео Джироламо Баттони (Battoni), живописецъ, р. 1708, † 1787 г., въ Римѣ. ^{Кн. Л.-Р.}

³⁾ Переводъ: Пиши мнѣ какъ о томъ, чтобъ дѣлаешь, такъ и о томъ, чтобъ думаешь дѣлать.

⁴⁾ Амадузци (Giovanni-Christoforo Amaduzzi), итальянскій ученый, род. 1740, † въ Римѣ 1792 г. ^{Кн. Л.-Р.}

⁵⁾ Вопросъ объ іезуїтахъ весьма живо интересовалъ общество того времени, по причинѣ дѣятельного участія, которое принималось въ немъ почти всѣми дворами Европы и за и противъ ордена. Извѣстна оппозиція Фридриха Великаго и императрицы Екатерины II рѣшенію папы уничтожить орденъ. ^{Н. В.}

аббатомъ (въ рукописи пробѣль), который человѣкъ преученный, съ Амадуціемъ знакомъ очень и у насъ въ кадетскомъ корпусѣ нѣкоторое время былъ.

25-го . . . Несказанно на наши убранства досадовалъ, что, не взирая на то, что намъ и безъ того мало времени, мы все новые вещи затѣваемъ, которые у насъ его отымаютъ. И такъ, по условію, поѣхалъ къ Разумовскому, чтобы съ нимъ ѿхать къ кардиналу Бернису ¹⁾, у которого онъ почти каждый день. Тебѣ сей домъ извѣстенъ, такъ какъ и принцесса Святаго Креста ²⁾. Людей чрезвычайно много было, а паче министровъ не у своихъ мѣстъ—четыре находились: отставной вѣнскій, изъ Неаполя Лазъ-Казасъ, который, черезъ нѣсколько дней, отъ своего двора туда министромъ ѿдѣть, Разумовскій и Юсуповъ, котораго я нынче съ его красавицей на концертѣ Берниса еще видѣлъ, и она мнѣ еще менѣ, нежели концертъ, понравилась: я не видѣлъ лица прелестнѣй дамы служанки.

26-го февраля.—Изъ Рима.

Юсуповъ, какъ я уже тебѣ сказывалъ, въ одну сіенскую даму, которая здѣсь находится, влюбленъ, и всѣхъ допрашивается: «не дивится ли ея красотѣ?»—и до сихъ поръ только одинъ это въ ней видитъ! Правду сказать: этого и довольно.

27-го: Былъ у Анжелики Кауфманъ ³⁾, о которой мое мнѣніе, что ея картины пріятны, но когда увидишь одну, то и всѣ уже видѣлъ, ибо онѣ очень другъ на дружку походятъ, а паче лица. Сверкъ того, кажется мнѣ, что фигуры ея болѣе на древнія статуи, нежели

¹⁾ Кардиналъ Бернис (Bernis), р. 1715, † въ Римѣ 1794, бывшій французскій министръ иностраннѣй дѣлъ, а съ 1769 года по самую смерть—посолъ версальского двора въ Римѣ, человѣкъ умный и любезный, но добившійся нѣкоторой извѣстности маленьными стишками и интригами. Фридрихъ Великий звалъ его «цѣѣточницей Бабетой». По словамъ фонъ-Визина, только у него въ домѣ можно было найти французскія газеты, вслѣдствіе строгой цензуры того времени въ Римѣ, и только у него можно было встрѣтиться съ льдинами и отобѣдать.

²⁾ О принцессѣ Санта-Кроче говорить фонъ-Визинъ, что у ней бываетъ весь городъ и что, во времена этихъ сѣѣздовъ, на крыльцахъ нѣть ни плошки. (Соч. фонъ-Визина, изд. Ефремова). Такъ какъ фонъ-Визинъ и Н. В. Зиновьевъ были въ Италии въ одно время, то Записки одного пополняются Записками другаго, тѣмъ болѣе, что точки воззрѣнія у нихъ различны на столько, что то, что обращало вниманіе одного, оставалось незамѣченнымъ другимъ. Н. В.

³⁾ Анжелика Кауфманъ р. 1741 г., † въ Римѣ 1807 г. Кн. Л.-Р.

на изображенія нынѣшнихъ людей походить. Альфабеты ¹⁾), которые ты желалъ, къ моему отѣзду поспѣютъ и будутъ переплетены. Зѣжалъ къ Разумовскому, котораго дома не засталъ, потому что онъ съ одной г-жой Георсъ, урожденной Клари, старая щи разогрѣвается. Оттуда поѣхалъ съ своими товарищами и съ Сантинымъ ²⁾ къ его любезной, которую, какъ мы сказывали, что и вѣроятно, она содержитъ. Здѣсь былъ концертъ, составленный изъ дипломатовъ, на которомъ она пѣть изволила посредственно и довольно громко. Сокровище сіе готовится во вторыя актрисы моему отечеству! Какъ не цѣсти государству, когда и о бездѣлицахъ толь славные люди пекутся, каковъ здѣсь нашъ консулъ!

Изъ Рима, 1-го марта. Жалобой начну на здѣшнюю погоду, гдѣ такъ холодно и такъ зябну, какъ нигдѣ не зябъ. Представь себѣ, что, по прїездѣ сюда, двѣ ночи къ ряду не могъ заснуть отъ стужи!

Окончивъ свой англійскій урокъ, поѣхалъ къ St. Croche, гдѣ былъ представленъ прїѣхавшей сюда Толстой, племянницѣ любезнаго твоего Остермана ³⁾), мужъ которой влюбился въ какую-то старую президентшу въ Туринѣ и остался такъ долго, что почтенный его дядя и милый твой начальникъ его изъ вида потерялъ и такъ встревожился, что всѣмъ своимъ подкомандующимъ писалъ, чтобы его отыскивали, и даже въ Франкфуртъ къ Бихлеру объ этомъ повелѣніе далъ. Вотъ, учись предосторожности! Я увѣренъ, что онъ объ этомъ и Кашкина ⁴⁾ въ Тобольскѣ увѣдомилъ,—дѣло возможное, что онъ и туда прямо могъ прїѣхать! Невѣроятно, какъ молодые люди въ здѣшнихъ краяхъ себя оказываются! Представь, что сей упомянутый Толстой, подражая довольно несчастливо французу, одѣть очень странно, имѣя камзолъ пѣшой гвардіи—подъ кирасирскимъ мундиромъ! Какой отчетъ любопытнымъ иностраннымъ о своемъ одѣяніи дать можетъ?

Все, что я до сихъ поръ изъ своихъ путешествующихъ знакомыхъ видѣлъ, приводить меня къ мнѣнію, что ихъ весьма рано изъ госу-

¹⁾ Альфабеты, вѣроятно, требовались для маленькихъ дѣтей гр. Семена Романовича Воронцова.

²⁾ Русскій консулъ въ Римѣ.

³⁾ Гр. Иванъ Авдѣевичъ Остерманъ (р. 1725, † 1811) въ это время былъ вице-канцлеромъ; въ послѣдствіи (1796), при императ. Павлѣ—государственный канцлеромъ. 21-го апрѣля 1797 года вышелъ въ отставку и переселился на жительство въ Москву.

⁴⁾ Евгений Петровичъ Кашкинъ (умер. 1796 г.)—генералъ-губернаторъ пермскаго и тобольского намѣстничества. Въ послѣдствіи былъ генералъ-губернаторомъ сначала ярославскаго и вологодскаго, а потомъ тульскаго и калужскаго.

Н. В.

дарства высываютъ, что они не только себѣ пользу чреезъ то не приобрѣтаютъ, но, возвратясь, санимъ, а чаще еще и государству, вреды дѣлаются..... Прости.

Римъ.—23-го (12-го) февраля.

Утро провелъ за чтеніемъ Винкельмана¹⁾. Послѣ обѣда былъ въ капеллѣ Сикстинской, гдѣ слышалъ ламантаціони и славный «пі-сегеге»; первое посредственно, послѣднее мнѣ показалось безпримѣрно, однимъ словомъ—небесной музыкой. Нельзя сравнить какъ поютъ пі-сегеге здѣсь и у насть, не взирая на то, что говорятъ, что наша капелла лучше папской. Вечеромъ ѿздѣлъ въ «Trivito del Pelegrini», гдѣ кардиналы и прелаты пилигримамъ ноги моютъ, что не только не пріятно, но, напротивъ—очень гадко видѣть; ужинъ же ихъ, при которомъ тоже верховное духовенство служить, весьма великолѣпенъ. и удивительно, что, при такомъ великомъ множествѣ, порядокъ есть, да сверхъ того блюда хороши и изобильно приготовлены! Я думалъ, что эти тунеядцы, нахрась въ три дня, цѣлую неделю потомъ не єдять! Сказывали мнѣ, что въ иной годъ ихъ до 24,000 человѣкъ бываетъ и всѣ почти угощены три дня, такъ что въ эти года общество, которое сіе учрежденіе завело, въ большой долгъ входитъ. Странно, что папы со всѣхъ католиковъ деньги собираютъ, а въ такомъ дѣлѣ никакого участія не имѣютъ. Они съ расчетомъ на своеі стулѣ сидятъ!

24-го. Поутру бытъ въ капеллѣ Sixtina, гдѣ, послѣ обѣди, пошелъ папа²⁾ къ гробницѣ Спасителя; послѣ чего благословилъ городъ и свѣтъ. Надобно тебѣ обѣ этомъ благословеніи сказать, что считають, что оно не только до конца города, но даже до сорока-милльной окружности достигаетъ, не такъ какъ то, которое въ Свѣтлое воскресеніе будетъ, ибо оно только до мѣста «St. Angelo» достигаетъ; нынѣшнее я не могъ видѣть, ибо тяжело все вмѣстѣ соединить. По окончаніи обѣди, пошелъ я—гдѣ папа двѣнадцати пилигримамъ ноги моетъ, перемонія, которую онъ довольно проворю оканчиваетъ. Послѣ сего этимъ же пилигримамъ обѣдъ бытъ, за

¹⁾ Винкельманъ (Lease Ioachime Vinkelmann, род. 1717 въ Бранденбургѣ, убить въ 1763 г. въ Триестѣ) знаменитый антикарѣй и писатель по части живописи и ваянія. Онъ считается основателемъ новой эстетики. Изъ числа его сочинений, на русскій языкъ переведено: «Руководство къ точнѣшему познанію древнихъ и хорошихъ живописей и проч.» Спб. въ тип. Вильковскаго, 1798 г. (См. списки Смирдина, № 5,382-й).

Н. В.

²⁾ Піп VI (р. 1717, †1799), изъ фамиліи Браски (Braschi),—папа съ 1773 года.

Кл. А.-Р.

которымъ папа служилъ и съ великою ловкостю кушанья подавалъ, которая часто перемѣнить принужденъ былъ, ибо и здѣсь всякий за пятерыхъ ѳль. Невѣроятна тѣснота, которая здѣсь была! Я до сихъ порь не понимаю: какъ несчастій не было? Представь же себѣ, что, чрезъ эту тѣсноту, гдѣ бы булавка до земли не дошла,—подноси, на которые для прожоръ блюда поставлены были, проносими! При этомъ случаѣ не малая давка была и я отъ неї локтями и отъ подносовъ поднятыми руками запищался и такъ оные отъ себя перегнувшись, что на другую сторону жареная рыба, бывшая на тарелкахъ, повалилась аббатамъ на головы....

Вечеромъ опять быть у Miserere, сочиненія Peroli; онъ мнѣ не такъ понравился какъ вчерашній—Allegri¹⁾). По окончаніи сего быть въ нѣкоторыхъ церквяхъ, чтобы посмотрѣть, по нашему сказать—плащаницу, но, кромѣ большаго свѣта отъ свѣчей, въ сихъ позорищахъ ничего не видаль.

25-го. И нынче, также въ 9 часовъ, въ Capelle Sixtina быть; папа со скинутыми башмаками и съ тремя книжками цѣловалъ крестъ, а послѣ него, по порядку, верховное духовенство оное же дѣжало; потомъ пошелъ онъ въ процессіи въ «Capelle Paulina» причаствіе опять въ капеллу Сикстина принести, что исправно и сдѣлалъ.

Отъ Сантини твои два письма получиль, которыя мнѣ удовольствіе сдѣлали, а паче краткая исторія, которую ты нашей дружбѣ дѣлаешь. Дай Боже, чтобы она все сильнѣе дѣжалась и вѣкъ бы продолжилась! Кормилицу мнѣ очень жаль, и я желаю, чтобы она поскорѣе выздоровѣла. Послѣ обѣда смотрѣлъ какъ величайшей церкви малѣйшій реликвій казали, да сверхъ того съ балкона, который такъ высокъ, что папу, который онимъ жителей крестилъ, почти не видать было. Святѣйшій тутъ молитву творилъ,—не знаю о чёмъ, но знаю, что очень долго и такъ, что, не взирая на мою страсть къ церемоніямъ, я смотрѣть терпѣніе потерялъ! Длина молитвъ папскихъ заставляетъ меня думать, что много въ нихъ пустаго находится!....

По прѣѣздѣ изъ Пизы. (Куда авторъ Ѱздилъ для свиданія съ гр. Семеномъ Воронцовимъ).

..... Я тебѣ одну свою мысль скажу, которую я очень давно читаю, что я, можетъ быть, сдѣлаюсь, такъ какъ и Лойелось, начальникомъ ордена. Не знаю—буду ли такой счастливый успѣхъ имѣть, какъ онъ, но въ томъ увѣренъ, что предметъ и исполненіе онаго наисвѣ-

¹⁾ Miserere соч. Allegri произвело также впечатлѣніе на Д. И. фонъ-Вазину (Смич. «Путешеств. его по Италии». Соч. фонъ-Вазина, издан. Ефремова).

тѣйшіе будуть. Оно состоять въ томъ, что, когда наскучу свѣтомъ, не буду имѣть фамильныхъ обязательствъ, то обращу свое недвижимое имѣніе въ капиталъ, употреблю изъ оного часть на самое нужнѣйшее свое содержаніе, а прочее—на вслomoществованіе несчастныхъ, которыхъ благомъ единственно заниматься буду. Знаешь ли, что хотя чувствую, что сія мысль никогда въ дѣйствие произведена, можетъ быть, не будетъ, но утѣшаюсь, что нѣтъ несчастія на свѣтѣ, которое могло бы меня бесполезнымъ на свѣтѣ сдѣлать¹⁾.

Цѣлый свѣтъ къ войнѣ собирается, для чего и мнѣ именного не повоевать?—я тебѣ сверхъ того войну обѣщаю и теперь хочу слово свое сдержать, только, чуръ, безъ огненнаго оружія, и ты не употреби лукавства. И такъ, шишакъ на головѣ, латы надѣты, копье въ рукахъ, бери ты теперь щитъ и защищайся.

Чтобы съ тобою проститься, чтобы тебя еще разъ предъ девятимѣсячною разлукой видѣть, побѣжалъ я къ тебѣ въ довольно непрѣное время и назвалъ бы свой путь беспокойнымъ, когда бы онъ удовольствиѳ тебѣ видѣть не награжденъ быль. Малое время нашего вмѣстѣ пребыванія принуждало бы насъ онымъ пользоваться, но ты, любезнѣйший, вздумалъ Тотта²⁾ читать и на оное дни и ночи употреблять, такъ что подъ конецъ и меня оное дѣлать принудилъ:

¹⁾ Авторъ писемъ не ограничивался одними словами, но и на дѣлѣ проводилъ высказанные имъ мнѣнія и убѣжденія. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1789 г., въ № 16-мъ, отъ 24-го февраля, изъ Новгорода, читаемъ: «На сихъ днахъ, въ новгородскомъ главномъ училищѣ, въ присутствіи ихъ превосходительствъ п-дъ отправляющихъ должность генераль-губернатора, Николая Петровича Архарова, и правителя намѣстничества Петра Федоровича Квашнина-Самарина, при посѣщеніи преосвященнаго Афанасія, епископа старорусскаго, благороднаго дворянства и лучшаго купечества, воспослѣдовало годового экзамена окончаніе, раздѣлениемъ приличныхъ награжденій учащимся за оказанные успѣхи въ предметахъ ученья, при чемъ г. директоръ училищъ объявилъ, что его прев—во дѣйствительный камергеръ Василий Николаевич Зиновьевъ представилъ въ новгородское главное училище 12 крестьянскихъ мальчиковъ, изъ своихъ деревень, въ Новгородской губерніи состоящихъ, для обученія предметамъ ученья, на собственномъ его содержаніи, кои съ позволеніемъ начальства и приняты въ училище, съ дожной къ его прев—ству за довѣріе признательностью». Если вспомнимъ почти полное равнодушіе нашего дворянства того времени къ дѣлу народнаго образования, то нельзя не признать за В. Н. Зиновьевымъ—едва ли не первого почина въ этомъ дѣлѣ. Этотъ официально-извѣстный поступокъ Василия Николаевича достаточно ясно разъясняетъ складъ его ума, его убѣжденій и такого расположенія къ своему ближнему.

Н. В.

²⁾ Баронъ Тоттъ (р. 1733, † 1793), извѣстный артиллеристъ, который своей дѣятельностью парализировалъ успѣхи гр. Орлова въ Турціи. Общественное мнѣніе Европы приписывало ему солидарность съ дѣйствіями Шугачева, что и выражалось въ письмѣ Вольтера къ императору Екатеринѣ. Тоттъ извѣстенъ, какъ авторъ: «Mémoires sur les Turcs et les Tartares» 1784, 4 vol. in 8—сочин.

все это я называю дурно время проводить, даже и некороткий расчет.... Когда бы тебѣ Тоттъ равно мышь со мною быть, ты могъ бы его съ собою везти, я же съ тобой разставался. Вторая моя на тебя жалоба, что передъ моимъ отъездомъ ты мнѣ сказалъ, «что послѣ меня тебѣ будетъ грустно»; я тебѣ съ откровенностию предлагалъ оставаться у тебя до твоего отъезда; ты самъ, давъ мнѣ мысль, что мое присутствіе можетъ быть тебѣ полезно, отказался отъ онаго, послѣ чего мнѣ уже оставаться у тебя невозможнно показалось, не взирая на то, что я, въ мысляхъ своихъ, готовъ былъ и, клянусь тебѣ, что на языкѣ уже рѣшительное приказаніе, послѣ твоего чаянаго «да», Лемсу¹⁾ было, чтобы въ твоей спальни мнѣ спать готовить. Вотъ тебѣ жалоба на моего любезнаго Сенюпку, вотъ тебѣ война изъ осажденнаго мной разъ города; но, кончивъ войну, немедленно и миръ заключаю; останемся всякой при своемъ: ты—сохрани мнѣ въ той же силѣ свою дружбу, что для меня безцѣнно, а я—увѣрю тебя, что ничто моей привязанности къ тебѣ перемѣнить не можетъ. И такъ, миръ заключенъ, обоядное объятіе въ Лондонѣ оное заключить!

Теперь скажу тебѣ что нибудь о моей дорогѣ изъ Флоренціи. Побѣжалъ въ 11 часовъ вечеромъ, встрѣтился у воротъ съ Разумовскимъ, который въ оный городъ съ своимъ братомъ, выѣхавшимъ къ нему на встречу, прѣѣхалъ. Сей Разумовскій очень на Оберта, бывшаго губернера моего племянника, похожъ. По пріѣздѣ моемъ въ Римъ изъ Пизы, зачалъ тотчасъ одѣваться, чтобы єхать на церемонію въ Capelle Sixtina, гдѣ мнѣ чтеніе разными голосами евангелія св. Матвѣя и соединеніе при этомъ хора очень понравилось. Вечеромъ былъ у фонъ-Визина²⁾, который очень оправился и все продолжаетъ покупать. Забылъ тебѣ сказать, что въ день моего прѣѣзда была Курляндская герцогиня³⁾ папѣ представлена въ сакристіи. Elle s'est parfaitement bien acquitté de cela⁴⁾.

невія, переведенаго на многіе языки. Какъ человѣкъ военный, гр. Семенъ Романовичъ Воронцовъ интересовался сочиненіемъ ученаго артиллериста.

¹⁾ Слуга автора,—иностранецъ.

²⁾ Денисъ Ивановичъ фонъ-Визинъ былъ въ Италии въ одно время съ Василиемъ Николаевичемъ Зиновьевымъ. Въ 1785 году фонъ-Визинъ занемогъ въ Римѣ первымъ ослабленіемъ; но ему стало лучше, о чмъ и замѣчасть авторъ. (См. Соч. фонъ-Визина, изд. Ефремова).

³⁾ Герцогомъ Курляндскимъ съ 1769 по 1795 г. былъ Петръ Биренъ (р. 1724, † 1800), сынъ знаменитаго временщика Бирена. Герцогъ Петръ Биренъ былъ женатъ: 1) съ 15-го окт. 1765 г. на принцессѣ Вальдекской; она съ нимъ развелась въ 1772 году; 2) на княжнѣ Евдокії Борисовнѣ Юсуповой, которая тоже съ нимъ развелась въ 1778 г. и умерла въ 1780 г.; и наконецъ 3) съ 1779 года на графинѣ Шарлоттѣ Медемъ. Авторъ, очевидно, говоритъ о третьей супругѣ герцога.

⁴⁾ Переводъ: она отлично съ этимъ справилась.

6-го марта 1786 г.—Изъ Рима.

Надѣюсь, что ты мое письмо съ Протасовымъ уже получилъ; отправляю тебѣ сіе и прошу сдѣлать мнѣ одолженіе—отвѣтчать какъ можно скорѣе. Я предпринимаю одно дѣло, которое, безъ твоего со-вѣта, никакъ исполнить не хочу. Не думай, что жениться собираюсь! Правда, что хочу пріобрѣсть одну особу, но не живую, а изъ ма-мара. Канова, отъ которого мнѣ хотѣлось маленькую статую имѣть, уговариваетъ и просить меня, чтобы я лучше заказалъ того же си-дичаго Марса въ натуральный ростъ сдѣлать, говоря, что въ боль-шомъ видѣ онъ самая малая части можетъ видными сдѣлать. За маленькую просить 400 скудовъ, а за большую 800. Такъ какъ сіе не прежде какъ чрезъ два года кончится, то я думаю оставить ему, при отѣздѣ, половину, а вторую половину въ два текущіе года за-платить. Я увѣренъ, что буду имѣть вещь, которой подобной у насъ не будетъ; но вопросъ, любезный мой: будетъ ли сіе тобой аппробо-вано? И такъ, дай мнѣ на то твой совѣтъ; я его ожидаю.

Флоренція.—17-го марта.

Я єду отсюда чрезъ полчаса. Заказалъ себѣ рѣзать камни и, между прочимъ, дѣлаю лошадь безъ узды; хочу, по крайней мѣрѣ, вольность носить, когда ея не могу имѣть! И такъ, прошу тебя прислать сюда одинъ «empreinte»¹⁾ твоего перстня, на которомъ лошадь безъ узды. Прости....

30-го марта.—Изъ Рима.

..... Обѣдалъ у кн. Юсупова, который многихъ за столомъ ру-галь, между прочимъ первого своего злодѣя, герцога Курийндскаго, который хотя этого и стоитъ, но лучше бы было, когда бы онъ сіе другимъ оставлялъ.

1-го апрѣля. Поутру получилъ твои два письма вдругъ. Одна изъ пріятныхъ для меня вещей было слышать, что кормилица выздоро-вѣла. Извиненіе твое, что будто я прежде Тотта читать началъ—, несправедливо. Да, обѣ семь полно; мы миръ сдѣлали и «кто старое

¹⁾ Оттискъ печати.

помянуть—тому глазъ вонъ». «Война»—куда какъ я ея не люблю, и Канова это знаетъ, изображая мінѣ статую «мира». Что меня, сверхъ того мучить—это рекрутскій наборъ: меня нѣть на мѣстѣ, и боюсь, чтобы деревни мои посему не пострадали ¹⁾).

Римъ.—7-го апрѣля.

Не видаль и нынче музея; наложеніе шляпы кардиналу Доріи тому причиной было. Церемонія сія не такъ важная, чтобы памяти была достойна; но однако я долженъ примѣтить, что въ промежутокъ сей церемоніи читали въ консисторіи процессъ святыхъ и между прочими хвалами, которая одному дѣлали, находилась и та, что онъ никогда на женщинъ не глядѣлъ. По моему, этакій грѣхъ я бы никому не простилъ и счель бы нерадѣніемъ не видать самое пріятнѣшее для насъ твореніе Всевышняго.

До обѣда, ъездилъ къ ремесленнику Локанжули, который модель церкви св. Петра дѣлаетъ и которую государыня за 1,000 червонцевъ у него заказала, чтобы въ маленькомъ видѣ видѣть освѣщеніе купола въ праздникъ св. Петра. Модель сія въ $2\frac{1}{2}$ раза менѣе нежели настоящая, если я въ своемъ счетѣ не ошибся. Какъ сіе предпріятіе окончится—того не знаю, но болѣе недогадливаго ремесленника я еще не видалъ. Представь себѣ, что онъ, вмѣсто того, чтобы принять какуюнибудь положительную мѣру, вѣдумаль свою,—и теперь, чтобы привести всѣ части въ надлежащую пропорцію, приужденъ всякую часть самъ въ натурѣ измѣрять. Надобно быть очень просту, чтобы себѣ такой напрасный трудъ сдѣлать!

Послѣ обѣда заходилъ къ Юсупову и засталъ его въ весьма странномъ спорѣ съ кн. Трубецкимъ, въ которомъ онъ, между прочимъ, въ доказательство, что онъ ни за какой женщиной не волочится не имѣвъ ея, письма изъ кармана вытаскивать зачалъ! Я, по чести, не воображалъ, чтобы это въ дѣйствительности быть могло, и считалъ такое позорище единственno приличнымъ для театра! Вечеромъ былъ въ концертѣ у кардинала Берниса, гдѣ меня Лембергъ представилъ маркизу Литтѣ ²⁾, съ которымъ я буду стараться, въ сует-

¹⁾ Въ 1785 г. въ Россіи не было войны и авторъ, вѣроятно, лишь предвидѣть ея возможность, по тѣмъ политическимъ компликаціямъ, которыхъ существовали между европейскими кабинетами.

²⁾ Гр. Юлій Помпьевичъ Литта, въ послѣдствіи главный дѣятель въ доставленіи Мальтийскому ордену покровительства императора Павла. Въ октябрѣ 1798 г. онъ женился на гр. Екатеринѣ Васильевнѣ Скавронской, рожденной Энгельгардтъ. Онъ умеръ 24-го января 1839 г., въ Петербургѣ, состоя на русской службѣ, членомъ государственного совѣта.

Н. В.

иомъ своеимъ положеніи, болѣе знакомство сдѣлать, ибо онъ мнѣ очень любезныи и знающими человѣкомъ кажется; я съ нимъ часа съ полтора проговорилъ....

9-го. Былъ въ «Villa Ludovisi», брата того, которому ты папскій стуль пророчествуешь. Вечеромъ возилъ и представилъ фонъ-Визина—Петракія¹⁾).

Я сіи три дня весьма весело провелъ; получилъ два твои письма, въ которыхъ ты меня немилосердно ругаешь. Прежде оправданія, я уже мщеніе сдѣлалъ, намаравъ тебѣ много такого, что тебѣ, можетъ, скучно читать будетъ.

21-го. Нынче цѣлый день дома осталось, чтобы не подвергаться твоимъ ругательствамъ; работая, какъ лошадь.

22-го. Съ Гвіталіемъ єздили «aux Thermes de Carracala», которые между оставшимися за лучшія считаются; величина ихъ чрезвычайная и доказательствомъ римской роскоши служить, которая, по моему, непростительна! Такія издержки могли бы лучше, по моему, употреблены быть!

Видѣлъ я, какъ въ Римѣ нищимъ потакаютъ и ихъ одобряютъ, раздавая по монастырямъ супы. Я нѣсколько между ними пробылъ и видѣлъ, какъ они веселы; ихъ веселость во мнѣ досаду произвела и я пожелалъ, чтобы короля прусскаго на нѣсколько мѣсяцевъ прислать сюда, чтобы онъ неполезныхъ прибрали.....

Видѣлъ въ Капитоліѣ статую Марка-Аврелия и что Рейфенштейнъ мнѣ ни рассказывалъ не могло меня переувѣрить, какъ сія статуя всѣми и ни славится, что лошадь отлита дурно, потому, 1-е, что она очень тяжела, 2-е, что у ней хвостъ мерзкій и дурно выработанъ, 3-е, что у ней голова къ шеѣ такъ приставлена, какъ ни у какой лошади быть не можетъ, 4-е, что она такъ толста, что никакой человѣкъ не могъ бы на нее сѣсть, безъ опасности получить килу. Что обѣ ней Фальконетъ²⁾ писалъ—того я не знаю, но его лошадь, которую онъ сдѣлалъ, несравненно предпочитаю; съ правой стороны она еще сносна, но съ лѣвой глядѣть нельзя! Сверхъ того, у ней морщины на шеѣ, которая въ натурѣ быть не могутъ....

¹⁾ Авторъ говоритъ о римскомъ небогатомъ семействѣ Петракі, представитель которого состоялъ почтовымъ чиновникомъ въ Римѣ. Онъ имѣлъ дочь весьма хорошую пѣвицу, красивой наружности, которую, во время своего пребыванія въ Римѣ, увлекся авторъ настоящихъ писемъ. Мы исключили подробности этого увлеченія, разсказать о которомъ проходитъ почти по всѣмъ настоящимъ письмамъ.

²⁾ Знаменитый художникъ, получившій известность въ Россіи работой памятника Петра Великаго въ Петербургѣ. Умеръ въ Парижѣ въ 1791 году.

Н. В.

Римъ.—26-го апрѣля.

28-го. Получилъ отъ моего друга ¹⁾ письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что комнаты, въ которыхъ сперва А. Васильевна ²⁾, а потомъ, по временамъ, разные жили, будто скоро заняты будутъ некоторымъ Ермоловымъ ³⁾. Циціановъ ⁴⁾ свидѣтельствуетъ тебѣ свое почтеніе.

Римъ.—1-го мая.

. Обѣдалъ у кн. Юсупова, который здѣсь, какъ ты знаешь, очень долго захился.

4-го. Былъ у маркиза Литты и наскоро засталъ его дома; онъ мнѣ новую часть своего знанія показалъ въ древности. Правду сказать, если злословить позволено, то онъ почти натянулъ случай для сего; но слабость сія простительна и многимъ знающимъ людямъ свойственна.

9-го. Отобѣдавъ, поѣхали мы «à la Villa Adriana». Великолѣпіе сего замка тебѣ извѣстно. На дорогѣ видѣлъ славное озеро, «il lago del Tartari». Сіе озеро, не взирая на чрезвычайное свое истеченіе, во многихъ мѣстахъ дно неизмѣримое имѣть и сколько опытовъ оное узнать ни было, все втунѣ старались. Возлѣ сего озера остатки королевы Зенобії; въ одномъ произведеніи (?) нашего рода находится, что будто мы отъ неї происходимъ. Тебѣ оставляю сіе судить, зная меня такъ коротко,—находится ли въ твоемъ вѣрномъ другѣ царская кровь?

Римъ.—30-го апрѣля (11-го мая).

. 13-го. Поѣхали мы въ домъ кн. Киджи, гдѣ видѣлъ трехъ играющихъ «amours di Francesco Vanni» ⁵⁾, съ которыхъ у тебя копія. Твоя копія мнѣ больше нравится, нежели оригиналъ. Сіе бы

¹⁾ Сличить письма кн. Циціанова къ В. Н. Зиновьеву, напечатанный въ «Русскомъ Архивѣ».

²⁾ Гр. Александра Васильевна Браницкая (род. 1754 г., умерла 15-го августа 1838 г.), рожденная Энгельгардтъ, бывшая въ это время статсъ-дамой (съ 1781 г.), а въ послѣдствіи оберъ-гофмейстериной.

³⁾ Александръ Петровичъ (род. 1754 г., умер. 1836 г.), генераль-поручикъ. Его вліяніе при дворѣ начинаетъ выступать именно съ этого времени, т. е. съ начала 1785 г.; оно продолжалось лишь до июня 1786 г.; съ этого времени онъ удалился отъ двора и путешествовалъ.

⁴⁾ Кн. Павелъ Дмитріевичъ (убитъ измѣннически въ 1806 г.), въ послѣдствіи генераль-отъ-инфантіи и кавказской главнокомандующій. Онъ находился въ весьма дружескихъ отношеніяхъ къ автору этихъ писемъ. Н. В.

⁵⁾ Франческо Ванни (Francesco Vanni), живописецъ, р. 1563, † 1609. Фабіо Гиджи (Fabio Ghigi), въ послѣдствіи папа подъ именемъ Александра VII, былъ однимъ изъ его покровителей. Кн. Л.-Р.

могло тебѣ большої утѣхой бытъ, если бы такъ знатокъ судилъ; но я зачинаю о себѣ думать какъ о грузинскомъ царевичѣ, которыи чѣмъ болѣе читаетъ, тѣмъ менѣе понимаетъ, а я чѣмъ болѣе вижу, тѣмъ менѣе зачинаю находить вещей, которыя бы мою аппробацію имѣли.

... 14-го. Что Тарбѣевъ¹⁾ отставленъ, тебѣ извѣстно; но, можетъ, еще не знаешьъ, что Павелъ Сергеевичъ Потемкинъ²⁾ на Закревской помолвленъ; Козадавлевъ³⁾ женился на одной московской княжнѣ Аннѣ Петровнѣ Голицыной, сестрѣ той, которая за Дьяволи (или Деболи) вышла. Зная твою короткую связь съ ними, поспѣшилъ пріятную сю вѣсть тебѣ дать.

16-го мая.—Римъ.

.... Поѣхалъ къ Мергену и тутъ про тебя говорилъ. Я всегда слушаю пользуясь, когда найду человѣка, который тебя знаетъ. Отъ него поѣхалъ въ домъ маркиза Rondonini. Въ семъ домѣ ты знаешьъ славную и прекрасную «голову Медузы», статую цѣлую Александра (единственную) и бюстъ Катоновъ, который очень на гр. Ив. Григорьевича Чернышева⁴⁾ похожъ. Вотъ, ты со мной всегда споришьъ, что въ лицахъ ошибиться можно. Когда тебя сіе не уличить, то ужъ я и не знаю, чѣмъ твои закоренѣлые мнѣнія измѣнить можно; ты ясно видишьъ, что въ этомъ случаѣ сходство лицъ и сходство душъ произведено. Послѣ обѣда, поѣхалъ «а la Villa Pamfili», где Гвидова дьявола въ папской одеждѣ видѣлъ.

17-го. Ты уже знаешьъ: гдѣ новая музыка—тамъ и Вася; такъ и ноныче, вторично Геемелеву слышалъ.

¹⁾ Петръ Петровичъ Тарбѣевъ состоялъ въ должности петербургскаго губернатора съ 1784 по 1785 г.

²⁾ Гр. Павелъ Сергеевичъ Потемкинъ (умеръ 29-го марта 1796 г.), внука братъ кн. Таврическаго и извѣстный генералъ; онъ имѣлъ въ супружествѣ дѣвицу Прасковью Андреевну Закревскую.

³⁾ Осипъ Петровичъ Козадавлевъ (род. 1755 г., умеръ 1819 г.), д. т. сопѣтникъ и товарищъ, по воспитанію въ Лейпцигѣ, Радищева, Кутузова и В. Н. Зиновьева. Съ 1-го января 1810 г. по 1819 г. состоялъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Петровнѣ Голицыной, внучатой сестрѣ князя А. Н. Голицына.

⁴⁾ Гр. Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ (род. 24-го ноября 1726 г., умеръ 26-го февраля 1797 г.), меньшой изъ братьевъ Чернышевыхъ. 12-го ноября 1796 г. возведенъ импер. Павломъ въ достоинство генераль-фельдмаршала по флоту, почему его въ шутку и называли: «L'amiral d'eau douce». Н. В.

[Безъ числа].

Я въ Неаполѣ. Ты, я вижу, немилосердно меня за это ругаешь; но я все въ томъ мнѣніи, что я брани недостоинъ. Сюда пріѣхалъ 6-го вечеромъ.

6-го. Поутру бытъ у Паэзіелло, котораго съ крайнимъ удовольствіемъ видѣть; обѣдалъ у Скавронскаго въ деревнѣ, гдѣ весьма приятно время проводъ. Италинскій свидѣтельствуетъ тебѣ свое почтеніе.

7-го. Обѣдалъ у Скавронскаго на дачѣ, «à la terre Greca», бывшей лорда Тильней¹⁾, гдѣ обѣдала и мать его²⁾, съ своей подружкой, Новосильцевой, премилой девушкой. Паэзіелло, котораго я на сей обѣдъ съ собой привезъ, по своему обыкновенію и снисхожденію, нѣсколько своихъ арий пропѣлъ. Онъ поручилъ тебѣ поклониться и повторить тебѣ увѣренія его привязанности къ тебѣ. Онъ желалъ бы нѣкоторыя штуки своего сочиненія послать, но боится тебя онимъ беспокоить. Хотя онъ и на службѣ здѣшняго короля, но потерялъ надежду возвратиться въ Россію, и здѣсь, по болѣзни своей жены, оставаться принужденъ.

Неаполь.—8-го июня 1785 года.

Обѣдалъ у Скавронскаго въ деревнѣ. Слышалъ на сѣмъ обѣдѣ игру на скрипкѣ славнаго Жардини³⁾; но такъ какъ онъ въ квартирахъ игралъ, то не могу о его искусствѣ судить.

9-го. Ёздилъ въ Портичи. Сожалѣнія достойно, что король не болѣе денегъ употребляетъ, чтобы болѣе въ землѣ вещей искать. Удивительно, что между такимъ количествомъ вещей такъ мало мраморныхъ найдено! Завтра съ свѣтомъ ёду странствовать.

11-го. Въ 5 часовъ выѣхалъ. Заѣжалъ къ Скавронскому, гдѣ

¹⁾ Мать гр. П. М. Скавронскаго, гр. Марія Николаевна, рожд. баронесса Строганова (р. 1732, † 1805). Ея двоюродная сестра, баронесса Марія Сергеевна Строганова, была за Николаемъ Устиновичемъ Новосильцевымъ (отъ этого брака родился известный въ послѣдствіи графъ Николай Николаевичъ Новосильцевъ). Вероятно, здѣсь идетъ рѣчь о какой-то родственницѣ М. С. Новосильцевой, не показанной въ росписи, помѣщенной у Долгорукова, IV, стр. 167.

²⁾ Лордъ Тильней (Sir John Child, Vesount Castlemain and Earl Tylney), † 1784 г., хол. Съ нимъ удастъ этотъ титулъ.

³⁾ Джардини (Felice Giardini), известный итальянскій скрапачъ и композиторъ, р. 1716, † въ Москвѣ 1796 г.

Кн. Л.-Р.

Италийского разбудилъ, который эту ночь только $1\frac{1}{2}$ часа спалъ, ибо курьера отправляютъ и онъ письмомъ занять бытъ.

15-го. Въ Неаполь въ 4 часа поутру пріѣхалъ.

18-го. Обѣдалъ у Гамильтонъ¹⁾, гдѣ и Жардини былъ и вечеромъ квартеты игралъ. Я игру Жарновина и Дица²⁾ его игрѣ предпочитаю.

19-го. Обѣдалъ съ семьею Скавронскаго въ загородномъ домѣ Гамильтонъ, гдѣ, не взирая на чрезвычайный вѣтеръ, мнѣ очень весело было. Ты, я думаю, помнишь маленький его домикъ у взморья, возлѣ Палезипа (Позилиппа?) Теперь, скажу тебѣ объ Италийскомъ, который своимъ состояніемъ и обхожденіемъ Павла Мартыновича совершенно доволенъ, и сіе вѣкоторое участіе, какъ я думаю, имѣть, что его здоровье лучше становится. Считая, что ты все еще въ состояніи его участіе берешь, счель, что тебѣ не непрѣятно будетъ сіе слышать.

Римъ.—30-го (19-го) июня 1785 г.

...Скажу тебѣ еще что нибудь о Неаполѣ. Сыпалъ я серенаду подъ своими окнами. Когда бы мода была мужчинамъ серенады давать, я бы подумалъ, что она мнѣ дается.

23-го. Въ этотъ день увидѣлъ я, что Скавронской приревновала меня. Къ удовольствію моему, его ревность должна скоро кончиться³⁾. Я съ величайшимъ сожалѣніемъ Неаполь оставилъ и, когда бы не праздникъ св. Петра, можетъ быть, я бы дольѣ здѣсь пробылъ, нежели ты мнѣ могъ это позволить. Хвалилъ очень Честерфильда,

¹⁾ Сэръ Уиллиамъ Гамильтонъ, р. 1730, † 1803, англійскій посланникъ въ Неаполѣ съ 1764 по 1800 годъ, и археологъ. Его вторая жена, леди Энна Гамильтонъ (р. 1761, † 1815) известна своею красотой, своими похождѣніями и своимъ влияніемъ какъ на неаполитанскую королеву Каролину, такъ въ особенности на адмирала Нельсона.

Кн. Л.-Р.

²⁾ Жарновинъ и Дицъ—два музыканта-скрипача. Оба состояли на службѣ при императорскомъ театрѣ, въ Петербургѣ. О Дицѣ, кромѣ того, известно, что онъ пересталъ говорить и около года не выходилъ изъ этого безмолвія, не перевставая восхищать своей игрой; этотъ случай далъ поводъ Державину и И. И. Дмитреву написать по стихотворенію на игру Дица (Соч. Державина, изд. Грота).

³⁾ Гр. Екатерина Васильевна Скавронская была красавица и гр. Сегюръ описывалъ ея наружность, говорить, что ея голова могла бы служить образцомъ для головы амура.

И. В.

что онъ своему наследнику въ Неаполь ѣхать запретилъ¹⁾). Скажу еще тебѣ, что народъ неаполитанскій мнѣ показался гораздо добрѣе, нежели прочій итальянскій.

28-го... Послѣ обѣда ѻздигъ съ кн. Юсуповыи и его дражайшой *«Contessa Devechis»* смотрѣть *«Cavalchota de P. Collona»*, а по-томъ былъ въ церкви св. Петра.

29-го. Обѣдью, служенную св. отцомъ, видѣль и далъ себѣ слово, что я послѣдній разъ церемоніи такого рода смотрю.... Видѣль звѣщеніе купола, которое прекрасное дѣйствіе дѣлаетъ, такъ какъ и освѣщеніе онаго²⁾.

Надобно тебѣ хотя однажды одну здѣшнюю новость дать: Аркетти³⁾, который здѣсь теперь находится, произведенъ въ легаты, въ Болонію. Сіе, мнѣ кажется, новый родъ славы нашему двору придается. Читалъ ли ты манифестъ о дворянствѣ⁴⁾? Когда, чресть нѣсколько вѣковъ, русское дворянство болѣе почтенныхъ мужей имѣть будетъ, нежели оно теперь имѣть, то я думаю, что люди тогдашихъ временъ себя попрекать будутъ, что они испортились, что старая добродѣтель, которая изъ сего манифеста видна, перевѣлась, что уже рѣже граждане находятся, которые всѣмъ для отечества жертвуютъ, и т. д. Не подшутили ли наши предки надъ нами? а мы безъ остановки теперешня времена бранимъ! Очень мнѣ понравились въ семъ манифестѣ благодарность и признательность, которыхъ государыня дворянству изъясняетъ!

Объ Эссенѣ ты очень выгодно мыслишь; многіе иностранные о немъ иначе судятъ. Я какъ съ княземъ⁵⁾ въ Англіи былъ, — мы также у него приставали. Прости.

¹⁾ Здѣсь говорится о сочиненіи лорда Честерфильда, переведенномъ въ по-слѣдствіи съ англійскаго на русскій языкъ, подъ заглавіемъ: «Духъ лорда Честерфильда или Избранныя мысли изъ нравоучительныхъ его сочиненій и писемъ къ сыну своему». Переводъ И. Л. Спб. Типogr. академіи наукъ. 1816 г. (По списку Смирдина № 1270-Б).

²⁾ Авторъ говоритъ объ иллюминаціи въ день св. Петра, 29-го іюна.

³⁾ Кардиналъ Иоаннъ Авдрей Аркетти (Archetti), изъ маркизовъ Формігарскихъ, архіепископъ халкедонскій, папскій пунцій въ Петербургѣ въ 1783 г. (См. *Le Catholicisme romain en Russie, par le C-te Tolstoy*. Т. II., р. 27-те).

⁴⁾ Вероятно, здѣсь разумѣется «Жалованная Грамота», изданная 21-го апреля 1785 г.

⁵⁾ Кн. Григорій Григорьевичъ Орловъ, который послѣ своей опалы, уже женатый, путешествовалъ по Европѣ, съ своею супругой, кн. Екатериной Николаевной, и ея роднымъ братомъ, авторомъ настоящихъ писемъ. О путешествіи этомъ известно весьма мало и бумаги селе Вышебеши, къ сожалѣнію также о немъ уничтожаются.

Н. В.

Римъ.—2-го июля 1785 г.

Поутру былъ у кардинала Аркетти, который, къ удивленію моему, меня еще помнить, видѣвъ меня лишь одинъ разъ, какъ я его по городу и по рядамъ возилъ до дворца. Я до сихъ поръ безъ смѣха своей фигуры въ этой каретѣ вспоминать не могу! Купилъ тебѣ «Жизнь Тасса»; желаю, чтобы она тебѣ понравилась; я ону, такъ какъ и Винкельманово сочиненіе, Моценигъ отвезу, чтобы онъ тебѣ оное доставилъ.

3-го. Былъ въ послѣдній разъ въ музей папы Сикста двѣмъ и еще разъ восхищался симъ собраніемъ. Послѣ обѣда ъздилъ смотрѣть иллюминацію модели церкви св. Петра, которая для государыни дѣлается; освѣщенія была только одна лантерна, ибо куполь еще не готовъ. По тому, что я видѣлъ, не думаю, чтобы могло сдѣлать похожее дѣйствіе, какъ церковь является, ибо, я думаю, большая причина красы сей иллюминаціи состоитъ въ величинѣ строенія. И такъ, чтобы иллюминацію сей модели нѣсколько склонно съ оригиналомъ сдѣлать, надо неотмѣнно придумать способъ, чтобы чрезъ оптическое стекло увеличить сю модель,—а сіе, я думаю, очень тяжело произвести будетъ. Не знаю, извѣстно ли тебѣ, что 625 Fiacoli (т. е. факеловъ) на всей иллюминаціи зажигается, что для сего слишкомъ 200 человѣкъ употребляется и что сія иллюминація 700 скудовъ стоить¹).

4-го. Чрезъ Литту получилъ дозволеніе видѣть кабинетъ «Dusa Agozzi», который отмѣнно хороши. Вечеромъ ъздилъ съ Амадуціемъ въ бенедиктинскій монастырь «St. Alessio», къ аббату того монастыря «Nerini», который здѣсь въ великомъ почтеніи и у котораго по понедѣльникамъ многіе кардиналы собираются. Нынче былъ тутъ кардиналъ «Archiotto», который отъ мѣста del Secretario del Stato отказался, что ему здѣсь великое почтеніе пріобрѣло, а сіе мѣсто теперь дано кардиналу Бонкаминію и нашъ общій пріятель пророчествуетъ великія чудеса отъ сего, уподобляя сей выборъ соединенію горы Этын съ Везувиемъ. Я очень люблю его на эту матерію наводить, ибо онъ всегда, разгорячившись, всю силу своего краснорѣчія употребляетъ и, говоря про вулканы, самъ огнедышащей горой дѣлается.

6-го. Обѣдалъ у Юсупова, гдѣ былъ и Бернисъ; онъ въ обществѣ очень пріятный человѣкъ.

¹) Это мѣсто, вѣроятно, относится уже къ самой иллюминаціи церкви св. Петра, а не къ модели.

Н. В.

7-го июля 1785 г.—Изъ Рима.

8-го. Вечеромъ былъ у Амадудци, который мнѣ неоднократно о своей библиотекѣ говорилъ, въ которой много сочиненій здѣшнихъ ученыхъ «de la moneta»... Пишетъ о деньгахъ, когда всѣ жалуются, что оныхъ нѣтъ!

10-го. Обѣдалъ у кн. Юсупова, гдѣ пріѣзжій братъ Канціонева былъ, который, изъ маленькихъ купчишекъ—банкиромъ сдѣлался. Этакія фортуны заставляютъ думать, что у насъ золото на деревьяхъ растеть, а мы, бѣдные путешествующіе, за сіе лживое мнѣніе, дѣйствительно золотомъ платить должны.

... 12-го. Ты, я думаю, банишь меня немилосердно, что я тебѣ обѣ отъѣздѣ отсюда ничего не говорю?—Смотрѣть уже пересталъ, а все здѣсь остаюсь.....

Римъ.—1-го (12-го) августа 1785 г.

Въ Різто пріѣхалъ около обѣда. Въ первый разъ столъ пространноѣ обиталище имѣлъ, занимая цѣлый этажъ, въ которомъ, два года назадъ, польскій посланникъ жилъ. Меня здѣсь, какъ медвѣдя, по всѣмъ собраніямъ возили. Собранія сіи изрядныя, ибо состоять изъ римскихъ жителей, которые сюда пріѣжаютъ. Въ здѣшнихъ мѣстахъ чрезвычайно гостепримны и кажется, что зрители другъ передъ дружкой хвастаются, когда иностранного въ своемъ домѣ имѣютъ. Отсюда щедръ древній городъ Авбу смотрѣть. Теперьшняя Авба—мѣстечко премелкое, гдѣ крайняя бѣдность властвуетъ. Представь себѣ, что до того бѣдны крестьяне, что когда хижина ихъ развалитъся, то они не въ состояніи ее построить! и такихъ разваленныхъ домовъ много видно во всемъ королевствѣ. Гдѣ я ни былъ—всегда на чрезвычайныя подати жалуются, нѣтъ земли и правленія, гдѣ бы поданные жалобъ не приносили! И такъ, на повѣрку выходитъ, что мы одни только счастливы и оныхъ жалобъ дѣлать не можемъ.

2-го. Поутру поѣхалъ водой въ Отрукіо, которое болѣе на собраніе нищихъ, нежели на обитаемое мѣсто походить. Чтобы дать гребцамъ отдохнуть, ходилъ смотрѣть здѣшній почти развалиненный замокъ, которыхъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ великое множества, что доказательствомъ служить, что феодальное правленіе здѣсь перевелося послѣ всѣхъ, ибо почти не видно маленькаго мѣстечка, которое бы безъ замка было, да и до сихъ поръ большая часть дворянъ своихъ поданныхъ судить и къ смерти приговаривается, хотя послѣднее въ исполненіе, безъ соглашенія королевскихъ судовъ, исполнено быть не можетъ. Какъ слаба была въ прежнєе время власть государей и какіе должны были быть беспорядки въ правленіи!

Флоренціа.—24-го августа 1785 г.

Вмѣсто Рима сей городъ видишь! Ты долженъ, какъ я думалъ, сему дивиться..... неожиданное случилось!

20-го. Поутру въ 6 часовъ выѣхалъ съ Амадуціемъ изъ славнаго, древняго сего города съ болѣшимъ удовольствіемъ; уменьшаетъ оно только союзъ короля британскаго (что уже во Флоренціи извѣстно, ибо я оное отъ милорда Купера слышалъ). Сей союзъ мнѣ очень досаденъ и я не могу объ ономъ безъ злости думать. Общество Амадуціево мнѣ отмѣнно пріятно.

22-го. День пробылъ въ Сиенѣ. Здѣсь великий князь многие монастыри уничтожилъ. Гульбища, гдѣ здѣшнее дворянство собирается, для сего маленькаго города очень изрядно. Красавицъ, которыхъ здѣсь, по большей части, описывать,—я не видалъ.....

23-го.... Вечеромъ былъ у славной Корриллы¹⁾, которая пріятная женщина и теперь еще очень понятно, что она могла великия страсти производить, соединяясь съ добрымъ нравомъ пребыстрѣйши разумъ и необыкновенный оборотъ мыслей.

25-го. Поутру видѣлъ физический кабинетъ, подъ дирекціей аббата Фонтана²⁾, который творецъ онаго. Искусство надзирателя сего кабинета тебѣ извѣстно.

Тосканцы, какъ мнѣ кажется, между италіанцами, то же, что саксонцы между немцами: болѣе просвѣщены и могутъ болѣе славныхъ людей показать, какъ, напримѣръ, Брунелеско, Буонаротти, Галлилея и проч. Мнѣ кажется, что и народъ здѣсь болѣе просвѣщенія имѣть, нежели въ другихъ частяхъ Италии, лучше одѣвается, — особенно крестьянскій народъ. И дворянки здѣшнія въ одеждахъ болѣе вкусу имѣютъ....

¹⁾ Женщина-импровизаторъ. Даръ импровизаций былъ въ большой модѣ въ Италии; при музыкальныхъ и поэтическихъ способностяхъ италіанцевъ, прі ихъ врожденной артистичности и музыкальномъ ритмѣ, даръ импровизаций давался имъ весьма легко, чтò иностранцевъ приводило въ неописанное удивленіе. Пушкинъ въ «Египетскѣхъ ночахъ» вывелъ на сцену италіанца-импровизатора и этотъ портретъ, нарисованный нашимъ геніальнымъ поэтомъ, можетъ служить живымъ сколокомъ для другихъ такихъ же личностей. Н. В.

²⁾ Аббатъ Феличе Фонтана, извѣстный естествоиспытатель, р. 1730, † 1803. Въ физическомъ и анатомическомъ кабинетѣ во Флоренціи было, между прочимъ, болѣе 1,500 восковыхъ анатомическихъ фигуръ. Кн. Л. Р.

Флоренція.—30-го августа 1785 г.

Нынче цѣлое утро и послѣ обѣда бѣгаль по городу и книги покупалъ.

1-го сентября. Поутру былъ въ домѣ Рикорди; здѣсь видѣлъ другую славную „*Improvisatrice Fantastici*“, которая, чтобы моего товарища и меня увидать, зная, что мы въ этомъ домѣ будемъ, нарочно тутъ явилась. Надобно тебѣ сказать, что Коррилла такую ненависть къ ней имѣеть, что кто къ Фантастичи ходить, тотъ долженъ отречься отъ дома Корриллы, и такъ какъ Амадуцци былъ въ нѣкоторой связи съ первой, то не только не можетъ къ сей послѣдней ходить, но и не имѣеть позволенія въ тѣхъ мѣстахъ находиться, гдѣ она обыкновенно бываетъ, какъ, напримѣръ, въ академіи, гдѣ я нынѣшнее утро былъ и имѣль случай слышать отъ Фантастичи одинъ очень изрядный сонетъ.

Вечеръ провелъ у Корриллы, гдѣ видѣлъ славнаго „*Suffren*“¹⁾, который, кажется, ёздить казать свою шпагу, которую ему голландцы подарили. мнѣ кажется, что въ его славѣ болѣе счастіе нежели искусство причинно. Я не могу повѣрить, чтобы послѣднєе въ ономъ участіе имѣло, увида его фигуру и услыша его разговоры; но, можетъ, я и ошибаюсь....

2-го. Нынче цѣлый день пробылъ дома, читая съ великою жадностью „*Domina della Revoluzioni d'Italia*“,—совершенное сочиненіе, и я жалѣю, что мой скорый отсюда отъездъ мнѣ мѣшаетъ докончить его здѣсь. Многія мысли и проjекты приходили, которые могли бы быть употреблены съ удобствомъ въ наше мѣсто отечествѣ, и я новую причину имѣть сожалѣть, что я не съ тобой и не могу тебѣ своихъ мыслей сообщить.—Портреты въ миниатюрѣ твоихъ малютокъ послѣли и я оными очень доволенъ; теперь я ихъ, за стекломъ, цѣловать могу; они мнѣ крайне утѣшеннѣ дѣлаютъ и я не думалъ, чтобы они такую радость во мнѣ произвели....

¹⁾ Балль де-Сюффренъ (род. 1726 г., умеръ 1788 г.), известный французскій адмиралъ и балль мальтийскаго ордена, отличавшійся во многихъ морскихъ сраженіяхъ. У него было нѣсколько братьевъ, и, вѣроятно, объ одномъ изъ нихъ упоминаетъ Храповицкій въ своихъ Запискахъ, подъ 19-мъ октября 1788 г., замѣтивъ: «Вѣрно принять въ нашу службу брата Балль де-Сюффренъ».

Н. В.

Флоренція.—3-го сентября 1785 г.

Утро быль занять чтеніемъ.... а послѣ обѣда ходилъ къ «Fontana», директору физического кабинета, смотрѣть, какъ восковыя фигуры и части человѣческія дѣлаются.

4-го. Нынѣшнее утро все читалъ. На сіе отвѣчай мнѣ въ Туринъ: я прямо, чрезъ Mont-Senis, во Францію перѣѣду. Надѣюсь, что наша корреспонденція попорядочнѣе будетъ... Представь себѣ, что болѣе четырехъ мѣсяцевъ я никакого извѣстія изъ Россіи не имѣю. До сихъ поръ не знаю, получилъ ли я продолженіе смоего отпуска?....

Изъ Болоніи.—6-го сентября 1785 г.

Выѣхалъ нынче поутру изъ Флоренціи и прибылъ сюда. Я столъ населенного мѣста никогда не видалъ и великое удовольствіе оное видѣть имѣлъ. Въ Тиролѣ есть многія долины, которыя очень населены, но, въ примѣръ сей—пустыней кажутся.

Я тебѣ уже въ послѣднемъ письмѣ сказывалъ, что я нахожу Тоскану противъ прочей Италии сходною съ Саксоніей—въ разсужденіи другихъ нѣмецкихъ провинцій. Еще имѣль случай сіе подтвердить, ибо только что на папское владѣніе вѣзѣхалъ, примѣтна стала грубость народа, алчность его на деньги, который, чтобы получить ихъ, всякие обманы выдумываетъ.

8-го. Поутру ёздилъ по разнымъ собраниямъ картинъ. Забылъ тебѣ сказать, что обѣдалъ у здѣшняго Archiovescovo, которому та папуесцію (т. е. папство) назначили; но дозволь себѣ сказать, что, я не знаю почему, мнѣ кажется, что онъ добрый и почтенный человѣкъ, но не имѣетъ качествъ отмѣнныхъ, которыя бы сіе предвидѣть заставляли. Ты мнѣ на сіе скажешь, что папы не по достоинству выбираются... на это я соглашусь, но тогда предвидѣть трудно—кому сіе достанется.

11-го. Дворянства въ Болоніи мало, ибо оно по деревнямъ разѣхалось; но изъ малаго, которое здѣсь, можно о пышности оного судить. Вообще видны два характера въ римскомъ дворянствѣ: или глупая гордость, или непростительное фамиліарство въ обращеніи, а часто оно умѣеть сіи качества соединить такъ, что между собой надуваются и выступаютъ какъ пѣтухи, а съ слугами своими—лакеями дѣлаются и, кажется, что они только для сего состоянія и сотворены. Видишь, какъ я єдокъ противъ сего народа!—но онъ мнѣ день ото дня противнѣе дѣлается.

12-го. Простился съ кардиналомъ «Giovanetti», объ которомъ тебѣ скажу, какъ онъ получилъ кардинальскую шляпу. Нынѣшній папа ¹⁾, бывъ кардиналомъ, былъ въ монастырѣ, гдѣ онъ былъ аббатомъ, и гуляя въ саду онаго, зацѣпилъ за дерево и потерялъ свое beretto. Giovanetti, который за нимъ шелъ, поднялъ его и такъ какъ оно въ шляпе замаралось, то, очищая его, онъ сказалъ папѣ: «e un presagio che questo beretto rosso sará cangiato in un bianco», —на что папа отвѣтилъ: «si al mio sará cangiato in un bianco, furo che il vostro si cambi in un rosso» ²⁾ и, бывъ возведенъ на святой стуль, сдержалъ свое обѣщаніе. Завтра со свѣтомъ отсюда їду. Прости.

Парма.—14-го (3-го) сентября 1785 года.

.... Пріѣхалъ сюда вечеромъ. Нынче былъ въ библіотекѣ, заведенной маркизомъ Dutilio; она очень хороша на видъ. Что лучше всего, такъ это каталогъ, который чрезвычайно способствуетъ отыскивать книги. Въ академіи художествъ видѣлъ славный «День» Корреджіева «il St. Bartolomeo». Скажу тебѣ мое мнѣніе о семъ, какъ и о сочинителѣ онаго, только съ договоромъ, чтобы ты не разсердишься на меня; мнѣ помнится, что ты великий обожатель Корреджіо. Колоритъ его во всѣхъ картинахъ весьма пріятенъ; спрашивали ли онъ или нетъ—объ ономъ не хочу судить; тѣни въ картинахъ его отмѣнно хороши, лицо Богородицы изрядно; но Магдалина, въ этой картинѣ, такъ изображена, что ей такъ стоять не можно: она цѣлуетъ ногу Христа, а оборотилась лицомъ къ зрителямъ и, следовательно, ея поцѣлуй—щекой придется. Въ картинѣ его «St. Scrofego»—тѣ же недостатки нахожу, съ прибавкой, что въ оной картинѣ его ошибки — еще болѣе, что ангели на верху такъ исковерканы, что не можно разобрать ноги оныхъ и не знаешь, которая кому принадлежитъ; у Богородицы лицо не благочинное. Ты мнѣ на сіе можешь сказать, что тяжело соединить пріятство и красу лица съ почтительнымъ видомъ,—на это я согласенъ; но со всѣмъ тѣмъ, многія картины находятся, въ которыхъ краса, пріятство и величие сохранены.

15-го. Еще въторично былъ въ академіи, гдѣ съ большимъ удо-

¹⁾ Въ 1785 г. на папскомъ престолѣ находился папа Пій VI. Онъ былъ избранъ въ 1785 г.; умеръ въ 1799 году.

²⁾ Переводъ: «это предзнаменование, что ваша шапка превратится въ бѣлую». —На что получила отвѣтъ отъ Giovanetti: «если моя превратится въ бѣлую, то ваша должна обратиться въ красную».

Н. В.

вольствиемъ «День» твоего любимца видѣть. Послѣ обѣда ходилъ къ замокъ здѣшнаго герцога¹). Ты знаешь чудеснаго сего владѣтеля сколько непонятныхъ противорѣчій въ ономъ находится. Онъ и его супруга, какъ тебѣ известно, самая чудесная пара!

18-го. Былъ на курсѣ, который, по множеству каретъ, очень на неаполитанскій похожъ.

19-го. Былъ представленъ артиду, правителю здѣшнему; но еще въ городѣ знакомства не сдѣлалъ.... На сіе отвѣтъ мнѣ въ Парижъ. Скажи мнѣ: долго ли ты въ Англіи пробудешь? Постарайся сдѣлать такъ, чтобы мы вмѣстѣ тамъ пожили....

Парижъ.—9-го января 1786 г.

Поздравляю съ новымъ годомъ и желаю тебѣ въ ономъ, какъ и во всѣхъ будущихъ, возможное благополучіе. Наконецъ я добрался до сего славнаго города. До сихъ поръ я такъ мало имѣлъ тронуть, что самъ не могу довольно надивиться! Ты звалъ меня къ себѣ,—я ѿхать отговаривался; теперь мнѣ опредѣляешь жить въ Парижѣ, а я къ тебѣ неотмѣнно быть желаю. И такъ, любезный мой другъ, хочешь или нѣтъ,—я єду въ Лондонъ и выѣду отсюда 14-го, т. е. въ субботу. И такъ, прошу тебя сдѣлать мнѣ одолженіе и выслать человѣка въ Дувръ, хотя на поддержаніе; ты меня симъ крайне одолжишь и дай мнѣ обѣ ономъ знать, адресуя письма въ Кале. Причины, для чего я твоего предложенія—остаться здѣсь до марта,—не принимаю, слѣдующія. Первая: чтобы доказать тебѣ, нѣкоторымъ образомъ, что я къ тебѣ не ѿхалъ не по предпочтенію веселы, а по обстоятельствамъ, въ которыхъ находился. Вторая: что въ течерешнее время Парижъ, а особенно круглежашія мѣста неудобно ѹдѣть, слѣдовательно, я почти время потеряю, живя здѣсь; напротивъ, бывъ въ Лондонѣ, я честь и удовольствіе имѣть буду ваше сітельство видѣть и прекраснейшее удовольствіе моихъ малютокъ такъ часто цѣловать, какъ можно. На тебя, правду сказать, чрезвычайно золь за твое письмо, которое въ Генуѣ получиль, и ты собери всѣ свои силы, ибо я на тебя сильно нападу; но не очень страшись имѣть въ одной руцѣ оружіе, въ другой оливковую вѣтвь держать буду, такъ послѣ короткой войны,—долгій миръ заключимъ. Я сюда

¹⁾ Фердинандъ, герцогъ парискій (р. 1751, † 1802), изъ испанской отрасли Бурбоновъ. Его супруга Марія-Аннѣя, эрцгерцгіня австрійская (р. 1746, † 1804), была родная сестра императора Іосифа II, который въ первомъ бракѣ былъ женатъ на его сестрѣ.

Кн. Л.-Р.

четвертаго дня пріѣхалъ, благополучно пробывъ въ Лонднѣ двѣ недѣли. До скораго свиданія, прости. Малютокъ своихъ и моихъ три раза отъ меня поцѣлуй; я съ нетерпѣніемъ того жду, когда сіе саль сдѣлать смогу.

Переѣхавъ въ Англію и живя одно время въ домѣ гр. С. Р. Воронцовъ, ежедневно видаясь съ нимъ и обмѣниваясь взглядами и мыслями, В. Н. Зиновьевъ не считалъ, вѣроятно, уже для себя болѣе необходимымъ письменно излагать свои впечатлѣнія, почему и не вѣль своего дневника въ теченіе семимѣсячнаго своего пребыванія въ Лондонѣ; но въ половинѣ іюля 1786 г. онъ предпринимаетъ новое путешествіе, именно по Англіи и Шотландіи и, съ этого времени, начинается новый письменный обмѣнъ мыслей между двумя друзьями. Эти-то письма В. Н. Зиновьева къ гр. С. Р. Воронцову и составляютъ продолженіе дневника.

При изданії этой части дневника, мы продолжали держаться (какъ и въ первыхъ двухъ частяхъ его: изъ Германіи къ Италиі) въ предѣлахъ, по возможности, историческихъ, хотя и не считали уместнымъ вовсе, такъ сказать, отнять всякое личное значеніе автора-путешественника; вотъ почему мы оставили его личные взгляды и возврѣнія на многія встрѣчающие имъ явленія и его мнѣнія о далекомъ его отечествѣ, которое онъ любилъ горячо и искренно, сознавая съ тѣмъ вмѣстѣ его недостатки; при этомъ мы руководились, кроме того, мыслю, что взглядъ автора и вообще его кругозоръ, хотя и устарѣвшіе уже въ наше время, имѣютъ однако же, по нашему разумѣнію, полное право на занятіе мѣста въ исторической перепискѣ XVIII вѣка, во первыхъ, какъ взгляды товарища по воспитанію Радищева и передового человѣка своего времени и, во вторыхъ, какъ письма, адресованные къ такой выдающейся личности, каковою былъ графъ С. Р. Воронцовъ.

Н. П. Варышниковъ.

Письма В. Н. Зиновьева къ гр. С. Р. Воронцову изъ Англіи.

Барнікъ.—5-го (16-го) іюля 1786 г.

Твое письмо, посланное въ Оксфордъ, получилъ 14-го; благодарю тебя и Якова Ивановича за его приписаніе. Зная, что ты ему мои письма кажешь, я особыхъ къ нему не пишу.

Въ Оксфордѣ надо видѣть библіотеку и картинную галлерею тому, кто имѣеть въ свемъ распоряженіи много времени. Здѣсь, къ крайнему моему удовольствію, удалось мнѣ слышать экзаменъ или пробу одного кандидата, просящаго чина доктора музыки, въ присутствіи

виць-президента и части оксфордской публики. Испытание это состояло въ концертѣ, на которомъ все разного рода сочиненія сей особы играли; между прочимъ, была одна арія съ маленькимъ барабаномъ. Зала наполнена портретами гг-дъ докторовъ онаго искусства; надъ органомъ виситъ портретъ Генделя.

Бирмингамъ.—18-го июля.

(Начиная съ этого письма, на всѣхъ остальныхъ усматривается надпись: «A Son Excellence, Monsieur le C-te de Woronzof etc. etc. Harley Street № 36. London»).

13-го июля, поутру.—Изъ Оксфорда.

..... Виндзорскій замокъ, кто цѣнить свое время, примѣчаніе достоинъ. Между картинами, въ немъ находящимися, видѣть изображеніе свиданія Генриха VIII съ Францискомъ I, и первого портретъ и физиономію не болѣе пріятно видѣть, какъ о тиранѣстве его слышать.

Отсюда пошелъ къ живописцу на стеклѣ г-ну Жервису, и очень доволенъ былъ видѣть его работу. Не думаю, чтобы вещи и животные лучше могли изображаться, какъ симъ образомъ живопись. Разговорившись съ нимъ обѣ открытия сего искусства, онъ мнѣ сказалъ, что никогда не думалъ симъ искусствомъ себя прокармливать, но разными приключеніями доведенъ быть изыскивать способы питаться инымъ, нежели своими доходами, и, искавъ потерянное сіе искусство, разнократными опытами до онаго дошелъ. Я его спросилъ—не написалъ ли онъ свой секретъ, чтобы онъ, послѣ его, не потерялся? Его жена, въ его отсутствіе, мнѣ одно весьма невѣроятное приключение рассказала; но отъ него въ отвѣтъ на мой вопросъ получилъ, что онъ никакихъ мѣръ по сему не взялъ; но не противенъ чтобы онъ, какой ни есть особѣ, продать въ иной земль и даже съ дозвolenіемъ, по приобрѣтеніи, чтобы оное употребляю было, но съ тѣмъ только, чтобы при его жизни оное не публиковать, и въ Англіи бы никто, кроме его, сего секрета не зналъ. Сверхъ того, сказывалъ онъ мнѣ, что, какъ княгиня Дашка ва¹⁾ здѣсь была, онъ хотѣлъ послать картинку государынѣ, но найдя разныя затрудненія въ ономъ, оставилъ оное. Я сказалъ ему, что онъ теперь сіе

¹⁾ Княгиня Екатерина Романовна Дашка ва (род. 17-го марта 1740 г., умерла 4-го января 1810 г.), сестра графа Семена Романовича Воронцова, жила въ Англіи несолько лѣтъ сраду, для образования своего сына, который состоялъ студентомъ Эдинбургскаго университета между 1775 и 1780 годами. Н. В.

черезъ тебя исполнить можетъ и, отдавъ тебѣ, можетъ увѣренъ быть, что оно вѣрно до государыни дойдетъ; а когда онъ способъ письма нашей императрицѣ понравится, то она, можетъ, и заблагорассудить купить у него сей секретъ. Онъ симъ очень, кажется, доволенъ быть и взялъ отъ меня мой и твой адресы, 'проси меня, чтобы я тебя предувѣдомилъ, что онъ къ тебѣ будетъ и доставить тебѣ картинку своей работы для пересыпки и поднесенія государыни. Не знаю, говорить ли онъ по французски?—кажется, по рождению, онъ ирландецъ. Прости, нынѣшня моя похожденія тебѣ завтра скажу.

• • •
15-го (26-го) июля.—Изъ Лидсъ.

Остаюсь у тебя въ долгу, и начну онъ платить, сказавъ тебѣ, что изъ Кастельтона благополучно прибылъ 24-го въ Шеффилдъ и отдалъ письмо Якова Ивановича г-ну Туристеру, весьма почтенному человѣку, который чрезвычайное приключение съ крайнимъ великодушiemъ сносить, а именно: онъ имѣлъ одного сына, при рождении которого онъ потерялъ свою жену, и, любя его, не женился, а онъ, доживъ до 29-ти лѣтъ, умеръ смертю для постороннихъ весьма утѣшительную. Онъ простудился на одномъ пожарѣ, работая на ономъ, занемогъ и нѣсколько послѣ того умеръ, сожалѣмъ не только своимъ отцомъ, но и всѣмъ городомъ.

Теперь о семъ городаѣ: онъ очень замаранъ,—такъ же какъ и большая часть его жителей, сажей и угольми. Шеффилдъ и окружающія мѣста принадлежать лорду Сорѣ¹). Здѣсь видѣль мануфактуры, между которыми главная одного г. «Tudor et Comp.» и она дѣйствительно примѣчанія достойна. Во всѣхъ подобныхъ фабрикахъ главныя машины лошадьми въ движение приводятся. "Между прочимъ я тебѣ долженъ сказать, что сей Tudor съ товарищемъ зачаль свою фабрику съ 800 ф. и имѣя 500 на свою часть, а теперь имѣть 20,000 капиталу, да другой—по препорціи. Я думаю, что нѣть земли, гдѣ бы съ дарованіемъ можно бы было такъ скоро приобрѣсти столько денегъ, какъ здѣсь; но теперь даже думаю, что по препорціи сіе во всякой землѣ,—стоитъ только употребить свой разумъ на то. Сіе весьма утѣшительное разсужденіе, при моихъ теперь обстоятель-

¹) Графъ Чарлзъ Сэрре (Surrey), изъ фамиліи Гоурдъ, р. 1767, † 1815, бездѣтный. По смерти отца своего въ 1786 г., онъ принялъ титулъ герцога Норфоркъ (Norfolk). До него Гоурды неизмѣнно исповѣдовывали католическую вѣру; онъ первый изъ этой фамиліи перешелъ въ протестантізмъ.

ствахъ: не имѣвъ болѣе 5-ти гиней въ карманѣ и утративъ все свое богатство по почтѣ, адресовалъ письмо къ тебѣ. Ты, можетъ быть, на это спросишь: испыталъ ли я свои силы когда нибудь?—я тебѣ отвѣчу, что я думаю, что силы мои душевныя слабы, но уже давно я того мнѣнія, что человѣкъ, съ нѣкоторымъ разсужденіемъ и твердостію, долженъ въ ономъ успѣть. Пожалуй, не заключи изъ сего разсужденія, что, имѣя только пять гиней, я думалъ употребить свое стараніе на приобрѣтеніе денегъ?—Мнѣ кажется, что въ этомъ я весьма благоразуменъ, быть и есмь. Можетъ, я благополучнымъ своимъ положеніемъ избавленъ, а, можетъ, еще болѣе разными приключеніями испытать случай имѣль, что весьма мало денегъ надобно, чтобы настѣ довольными дѣлать. Я думаю вообще, что счастіе и несчастіе всякой человѣкъ въ себѣ, такъ сказать, носить и отъ сего происходятъ разныя чувства у людей, при равныхъ приключеніяхъ. Болѣе тебѣ наскучить; я бы еще кое-что къ сему прибавилъ, но полно...

Видѣлъ въ упомянутомъ мѣстѣ кузницы, гдѣ бритвы дѣлаютъ, которыя здѣсь за шиллингъ продаются, самой той же доброты, которая въ Лондонѣ за пять. (Ты можешь себѣ представить сколь тамошніе купцы выигрывать должны!); въ другой—шили; видѣлъ мѣста, гдѣ дѣлаются сталь и гдѣ оную перековываютъ и приводятъ въ желаемыя формы, чрезъ водяную мельницу. О всѣхъ сихъ фабрикахъ сдѣлать внятное описание—трудно и тебѣ читать скучно будетъ, а при сведеніи нашемъ надѣюсь дать тебѣ о всемъ этомъ довольно внятное понятіе... Здѣсь считаются 45,000 жителей, которые дѣйствительно умножаются переходомъ крестьянъ изъ круглежающихъ мѣстъ. Бывъ здѣсь, я досадовалъ, что наше желѣзо сюда привозятъ, даютъ обрабатывать англичанамъ, а потомъ, то же желѣзо, обработанное, въ 10 разъ дороже мы же покупаемъ, отъ нихъ же. Но теперь образъ своихъ мыслей я перемѣнилъ, не считая первымъ предметомъ фабрики и торговлю въ начинаящемъ государствѣ, а какъ о семъ мысли въ будущемъ, когда мнѣ досугъ будетъ, скажу.

Видѣлъ въ Шефильдѣ какъ уголья привозятъ на коляскахъ, которые отъ того мѣста, гдѣ уголь вынимается, спускаются и три мили сами бѣгутъ, а назадъ пустыя одной лошадью встаскиваются, колеса у сихъ колясокъ чугунныя и такъ выпиты, что не могутъ выходить изъ брусьевъ, которые на дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ, лежатъ; выгода сего изобрѣтенія отмѣнной прибыли. Самый дурной здѣсь работникъ получаетъ семь шиллинговъ въ недѣлю, а есть такие, которые и по три ф. имѣютъ!

25-го. Видѣлъ «Wentworth-Hause», принадлежащій лорду William. Новая пристройка къ сему дому огромна, но все это, по моемъ

мысламъ, тотъ же недостатокъ имѣть, какъ домъ лорда Siarsdles¹⁾), то есть, что портикъ или колоннада на крыльце—не по пропорціи дома, и кажется, что домъ для крыльца съ колоннами, а не на оборотъ, какъ бы должно было; оттого сѣни, наполненныя колоннами, дѣлаются темны и теряютъ свою красу. Внутри дома очень хорошо, покойно и великолѣпное расположение; особенно первая зала очень хороша и имѣеть очень изрядныя комнѣ древнихъ статуй; но что болѣе всего примѣчанія здѣсь достойно—это картина большая Гверчинова «Агарь съ сыномъ своимъ Измаиломъ».

Лидс.—18-го (29-го) июля 1786 г.

Опять здѣсь, какъ видишь, послѣ трехдневнаго въ Гаригетѣ, довольно скучнаго пребыванія. Здѣсь, такъ же почти какъ и у всѣхъ воль, съѣжаются разные люди и весьма часто между ними находятся чѣо называется «авантюристы». Успѣхъ здѣсь только съ однимъ г. «Crowlay» познакомиться, а съ прочими болѣе поклонное знакомство имѣть. Видѣлъ здѣсь два англійскіе обычая,—одинъ, что любовники храбрость, силу иѣрность любовницамъ своимъ испитіемъ вина оказываютъ, а другой, что если въ собраніи, за столомъ, захотятъ нѣкоторые изъ компаний пить вина болѣе обыкновеннаго, тогда тѣ, которые сего не хотятъ,—выходятъ. Ты себѣ легко представить можешь, какую даль тягут,—дѣйствительно, оглянувшись боялся, думая, что силой оставятъ. Мнеъ всего страннѣе показалось, что, по нѣкоторому времени, самые сіи же винопрошіе въ залу вошли и разсыпались по дамамъ, говоря съ оними, и мнѣ показалось, что сіе пріятно имъ было. Можетъ быть, я ошибся, и посему не дѣлаю своихъ заключеній, но, кажется, вѣроятнѣя имѣю.

Поутру былъ въ «Hawwood»,—домъ прекрасный и фасада очень хороша, уборъ комнатъ великолѣпія и богатства чрезвычайнаго, но что мое критическое качество до крайности возбуждило,—это то, что, при длинной великолѣпной галлерѣ, поставлены четыре бюста: Каракаллы и Комода съ одной стороны, съ другой—Гомера и Фаустина. Есть-ли тутъ какой-нибудь смыслъ, видѣть въ Англіи двухъ чудовищъ рода человѣческаго и дѣлать ими украшеніе великолѣпной комнаты! Досадно! до крайности досадно! Что я съ бюстами сихъ тирановъ и онимъ подобными сдѣлалъ бы—писать здѣсь длинно; но не лучше ли было бы, вместо двухъ сихъ possédés, поставить лорда Чатама и достойнаго

¹⁾ Лордъ Siarples?? Перековеркаю такъ, что понять нельзѧ о комъ идеть рѣчь.

его сына В. Питта, а вмѣсто Гомера и Фаустина — Мильтона и королевы Елизаветы. Я намѣренъ хозяину сего богатаго дома оное при первомъ удобномъ случаѣ присовѣтовать, чрезъ его знакомыхъ.

Сюда пріѣхалъ въ 12 часовъ, опять поздно, чтобы видѣть продажу суконъ; но быть въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно дѣлается; оно называется «Клотсъ-Гаоль» и заведено при началѣ сего вѣка; прежде же на рынкѣ дѣжалось шесть и болѣе часовъ, а иногда и цѣлый день. Для сего построено упомянутое мѣсто и продажа не должна болѣе одного часа продолжаться, чтѣ колоколомъ назначается. По вторникамъ и субботамъ съ $8\frac{1}{2}$ часовъ до $9\frac{1}{2}$ продается цвѣтное сукно, а въ прочіе дни бѣлое. Здѣсь самое простое и весьма посредственное сукно продается: цвѣтное отъ $1\frac{1}{2}$ до 9-ти шиллинговъ, а бѣлое до 14-ти бываетъ, которое уже здѣсь красятъ. Оныя сукна привозятся изъ окружлежащихъ деревень, крестьянами оныхъ обработанныя, которые за шерстью для сего по всему государству ѻздятъ.

Завтра жду знакомство дѣлать съ славнымъ здѣшней земли математикомъ Смиденъ¹), который иѣсколько лѣтъ тому назадъ нашей государыней въ Россію званъ былъ, но предпочтѣль остатися въ своемъ отечествѣ. Послѣ завтра, послѣ здѣшнаго суконнаго торга, собираюсь ѻхать въ Йоркъ, гдѣ теперь находятся такъ называемыя «Сейзесъ» и гдѣ я надѣюсь увидѣть чтѣ до судебнаго порядка принадлежащихъ сверхъ того Сиденъ²) тутъ же представлять будетъ. Когда часто такие непредвидимые случаи будугъ, то боюсь долѣе въ своемъ путешествіи остатися, нежели чаялъ.

Лідсъ.—20-го (31-го) іюля 1786 г.

Еще слова два о здѣшнемъ мѣстѣ: 16,000 жителей въ ономъ, звѣ приходѣ 40,000. Сей городъ, не смотря на число своихъ жителей, не имѣть члена въ парламентѣ; но что еще страннѣе, что онаго и имѣть не желаетъ, приводя къ тому очень хорошую причину, а именно: что во время выборовъ въ народѣ обыкновенно бываетъ большоепль янство, а сіе здѣсь отвадило бы работниковъ отъ нужныхъ упражненій и нанесло бы вредъ здѣшней торговлѣ. Сука

¹⁾ Смеатонъ (Smeaton, John) род. 1724, умеръ 1792 г., известный англійскій инженеръ и строитель Эдинбургскаго моста при входѣ въ проливъ Ламанша.

²⁾ Сара Кемблъ, въ замужествѣ Сиддонъ (Siddons), знаменитая актриса (р. 1755, † 1831 г.).

Кн. Л.-Р.

здѣшнія идутъ водой въ Гуль, откуда они по разнымъ землямъ—въ Толландію, къ намъ, въ Гиппанію, въ Турцію, въ Италию, въ нѣмецкую землю и т. д., моремъ развозятся. Лошади и шерсть, съ сего времени, здѣсь вздорожали; овцы уже въ здѣшнемъ графствѣ не пасутъ, ибо называемыя здѣсь «Commons» (земли, владѣмые вообще разными Freeholders) раздѣлены по Freeholders. Удивительно, что народъ толь давно прѣступїй имѣть такія неустройства! даже были земли, которыхъ никому не принадлежали! Все сіе заставляетъ меня заключить, что здѣшній народъ такъ занятъ былъ вольностью и торгомъ, что не имѣлъ времени употребить свое вниманіе на домашнее устройство. Меня удивляетъ, какъ сіе прежде временія Елизаветы не было сдѣлано!

И около здѣшняго мѣста много угольныхъ выемокъ, которая вчѣрась, бѣхавъ за городъ обѣдать, я видѣлъ. Изнутри земли угля вынимаютъ, а на поверхности оной хлѣбъ сѣютъ. Я и тутъ имѣлъ случай повторить и утвердить свое мнѣніе, что сіи угля—одна изъ главныхъ причинъ богатства здѣшней земли и это средство, которое доставляетъ здѣшнему народу золото гиппанцевъ и португальцевъ, доставляемое оними въ крайній убытокъ своимъ государствамъ. Для выемокъ угольныхъ обыкновенно покупаютъ дозволеніе на оное у владѣльцевъ поверхности земли и не могутъ далѣе идти, какъ до границъ тѣхъ владѣльцевъ, съ которыми договорились. Я, для шутки, спросилъ: «назначена ли глубина?» — на что мнѣ отвѣчали, что до центра земли. Ты можешь представить какіе споры тамъ возстанутъ, когда антиподы Англіи до того же мѣста дойдутъ! Обыкновенно въ угольныхъ заводахъ много воды находится, которую огненными машинами вычерпываютъ.

Нынче поутру бытъ у Смидена и тутъ узналъ, что онъ не былъзванъ государыней, но что онъ огненную машину въ Кроштадтѣ проектировалъ. Онъ строитель славнаго фонала въ Плимутѣ, который въ 1756 г. начался, а въ 1759-мъ оконченъ бытъ. Надобно тебѣ знать, что сія башня, посреди моря на камѣ (rocher), съ безпрерывными сопротивленіями неугомоннаго моря построена, что работники, употребленные на ономъ мѣстѣ, часто въ опасности бывали. Долго бы было тебѣ всѣ затрудненія сего строенія описывать, но вотъ что тебѣ скажу: что сія работа могла только въ отливъ дѣлаться, ибо во время прилива сей камень покрытъ водою бываетъ; что между этимъ временемъ что ни было сдѣлано, то заливалось и уносилось водой и хотя пробовали укрѣпить камни прекрѣпкими цѣпами, но при отливѣ ихъ уже не находили. Представь себѣ, что въ бурное время море всю сию башню заливаетъ! Оный фональ построенъ

обществомъ, которое вѣкоторую пошлину со всякаго корабля бѣть; караулять оный три человѣка, имъя на полгода провизіи; онъ освѣщается 24-ми салыми свѣчами, которыя по два фунта вѣсятъ. Почтенный архитекторъ сего чудеснаго фонаря многія другія работы въ своемъ государствѣ дѣлалъ. Я у него видѣлъ двѣ очень хорошія обсерваторіи, съ разными его въ оныхъ инвенціями, съ астрономическими часами его работы, и зрителныя трубки, также его рукъ,—однимъ словомъ, онъ, кажется, въ математическихъ частяхъ—человѣкъ отмѣнныи. Ты знаешь, коль сю полезную науку я чту. почему ты легко себѣ представить можешь, что я весьма доволенъ былъ своимъ визитомъ; но что болѣе всего почтенно въ семъ человѣкѣ,—что онъ, принеся разными стараніями своему государству, себѣ, а потому и семье своей пользу, теперь удалился отъ всѣхъ работъ и единственно занять изданіемъ своихъ сочиненій, гдѣ открываются со всевозможною ясностію всѣ ему извѣстныя тайны и его изобрѣтенія. Дай ему Всевышній за то здоровья! — а доброе расположение и ему наградой будетъ.

Обѣдалъ у Диксона со всей его фамиліей. Здѣсь имѣль случаѣ слышать предличный разговоръ о романахъ и свои разсужденія сдѣлать; но боюсь тебѣ онимъ наскучить, а такъ какъ я частію сіи письма и для себя пишу, то ты слѣдующее, безъ потери, можешь, когда хочешь, пропустить.

Англичанки, какъ мнѣ кажется, и многихъ другихъ народовъ дѣвушки и женщины съ окотой романы читаютъ, что, по моему, весьма дурныя слѣдствія производить, о которыхъ здѣсь длинно говорить. Мнѣ, можетъ быть, сдѣлають вопросъ: чѣмъ же я хочу, чтобы женщины занимались и не лучше ли, чтобы онѣ читали романы, нежели сами случай давали бы онимъ сочинять? — На сіе я скажу, что въ хорошемъ смотрѣніи дѣвица, и не читавъ романовъ, не подастъ случая свою жизнь онимъ сдѣлать; а желаю я, чтобы ихъ упражненіе было, когда онѣ выучатся читать, во 1-хъ, понятіемъ приличнымъ о вѣрѣ, въ которой они воспитаны, во 2-хъ, чтобы имъ преподали всѣ тѣ знанія, которыхъ хорошую хоаяйку дѣлаютъ, дабы чрезъ то, когда онѣ выдуть замужъ, чтобы не были въ тягость своимъ мужьямъ, но въ облегченіе, и для того всѣ должны быть выучены всякимъ женскимъ работамъ, арифметикѣ, и могли бы домомъ править. Когда такая дѣвушка выйдетъ замужъ,—она не будетъ въ тягость своему мужу.

Матлокъ.—20-го июля 1786 г.,

....Получилъ твоё письмо и, по прочтениі онаго, поѣхалъ въ Вудстокъ. Возлѣ сего мѣста находится славный Блендгеймъ. Я рѣдко видаль чтонибудь, чѣмъ бы такъ доволенъ быть; особенно садъ для меня еще лучше, нежели домъ, и такъ хороши, что, несмотря на мою склонность критиковатъ, мнѣ ничего не остается, какъ только его хвалить..... Здѣсь есть одно мѣсто, которое на одно гатчинское походить. Со стороны двора дворецъ очень похожъ на построенный въ Царскомъ Селѣ городокъ, въ которомъ гвардейскіе солдаты живутъ, съ тою разницѣй, что тутъ огромнѣе несравненно. Внутри отделька комнаты великолѣпна, картины, по большей части Рубенсовы... Не обѣдавъ, поѣхалъ въ Стоо, теперь здѣсь есть трактиръ, и пошелъ въ садъ и домъ дюка Букингам скаго. Часто наставленными строеніями въ саду, Стоо очень похожъ на Царское Село и мнѣ совсѣмъ не нравится. Что касается внутренняго убora дворца,—то я свое разсужденіе обѣ ономъ оставилъ; скажу только тебѣ, что въ одномъ плафонѣ, въ золотѣ, сдѣлана цѣль орденская св. Георгія; не знаю, прилично ли оно на плафонѣ?—До сихъ поръ, мнѣ кажется, что богатые люди, дѣлавъ наряды и украшенія, слишкомъ о вкусѣ пекутся и на то болѣе денегъ тратятъ, нежели бы нужно: оттого столько вкусу наѣть на одномъ мѣстѣ, что, удаляясь отъ простоты,—безъ вкуса дѣлаются. При семъ я вспоминаю очень хорошее слово Рейфенштейна ¹⁾, который говорилъ, что «дурной вкусъ всегда дороже стоитъ, нежели хорошій». Осмотрѣвъ все, я въ «Warwick» поѣхалъ, куда вечеромъ и прибылъ. Для англичанина, можетъ, сіе мѣсто довольно примѣчанія достойно, но для иностранца—какое дѣло знать, что 800 лѣтъ тому назадъ здѣсь какой-то «Gug Earl Warwikk» жилъ, кабана, какую-то корову и великана убилъ, послѣ чего пустынникомъ жизнь свою кончилъ. Въ замкѣ кажутся его латы, копье и ланцы (т. е. lances), которая очень на длинные шесты походятъ..... Прибылъ въ Бирминджамъ, отнесъ письмо г-на Тортону къ одному г-ну Masson, который обѣщалъ мнѣ все показать. Можешь представить, какъ я доволенъ быть сему извѣстію! Massонъ пошелъ къ другимъ, къ которыми имѣлъ письма, между прочимъ отнесъ письмо г-на Питерса къ одному г-ну Gorbette, который, только что прочелъ письмо, сказалъ, что они недавно сдѣлали положеніе никого въ фабрики не пускать. Онъ мнѣ, съ крайнимъ прискорбiemъ, сказывалъ, что, бывъ въ части въ Коринскихъ за-

¹⁾ Рейфенштейнъ—чичерове В. Н. Зиновьева въ Римѣ.

Н. В.

водахъ, онъ, теперь потерялъ много чрезъ переходъ *Gascognie* (?), что онъ на 20,000 сперва государинѣ товаровъ продавалъ, а теперь оное кончится, потому что онъ слышалъ, что государиня *Gascognie* даетъ 2,500 фунтовъ на годъ жалованія. На все сіе я отвѣчалъ своимъ образомъ и наше свиданіе кончилось тѣмъ, что онъ мнѣ свое сожалѣніе высказалъ, что не можетъ мнѣ ничего показать и что онъ то же былъ принужденъ сдѣлать съ однимъ французскимъ президентомъ, который ему привезъ письмо отъ бывшаго лорда Шельборна. На другой день, я поѣхалъ на фабрику Болтьона и я все съ французскими иностранцами видѣлъ. Проворство работниковъ отменное, машины обыкновенныя и я увѣренъ, что у насъ въ Тульѣ же; но большая выгода здѣшнихъ фабрикъ—то, что онъ употребляютъ въ должностяхъ женщины, ребята и мужчины взрослыхъ, а часто взрослого съ малымъ употребляютъ. Не знаю, полирують ли сталь у насъ голыми руками?—въ Бирминджамѣ оное дѣлаютъ. На здѣшней фабрикѣ употреблено отъ 300 до 400 работниковъ. Г-нъ Болтьонъ мало о сей фабрикѣ печется, ибо болѣйшій его теперь доходъ—отъ огненныхъ машинъ, которая онъ въ заводахъ корнуэльскихъ учредилъ, получая одну треть выгода противъ прежнихъ машинъ. Онъ, сказываютъ, съ г-мъ Ваттомъ¹⁾ имѣть 20,000 фунт. дохода, а фабрика его по прикащикамъ раздѣляется, которые, дѣля барыши, оной управляютъ.

18-го. Былъ у г-на Watt, съ которымъ, на англійскомъ языкѣ, споръ имѣть объ архитектурѣ и сдѣлать ему одно возраженіе, которое мнѣ понравилось. Онъ защищалъ готическую архитектуру, говоря, что римская не такое дѣйствіе дѣлаетъ, ибо въ послѣдній пропорціи сохранены; на что я привелъ въ примѣръ двухъ высокихъ людей: одного худощаваго, а другаго, по пропорціи роста, толстаго; первый, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ болѣе удивленія; но "ростъ послѣдняго, не удивляя, несравненно будетъ болѣе нравиться. Желаю, чтобы мое возраженіе и мой примѣръ тебѣ показались.

.....Способы разбогачиваться торговлею такъ здѣсь велики, что люди средняго состоянія не могутъ слугами завестись, ибо они, проживъ у своихъ хозяевъ съ годъ, находять способъ торгомъ болѣе наживать, нежели находясь въ услуженіи.

19-го. Послѣ обѣда отсюда поѣхалъ, ночевалъ въ Вартонѣ; славное пиво тебѣ здѣсь извѣстно. Все, что здѣсь дѣлается, привозятъ къ намъ, чрезъ Гуль.

¹⁾ Уаттъ (Watt, James, род. 1736 г., умеръ 1819 г.) знаменитый механик-инженеръ, известенъ какъ изобрѣтатель парового двигателя. Н. В.

20-го. Быть въ Дерби; тутъ видѣть машину, которая шелкъ навиваетъ; она довольно курьезна и вывезена изъ Италии. Здѣсь также лучшій фарфоръ дѣлаютъ. Мѣстоположеніе здѣсь отмѣнно хорошо и, какъ говорятъ, «романеское».

22-го. Обѣхалъ верхомъ романтическое положеніе Матлокъ, по-угру бытъ на мельницѣ г-на Arkwright¹⁾), которая хлопчатую бумагу прядетъ. Все въ оной отмѣнно любопытно, не выключая хозяина, о которомъ скажу два слова: онъ бытъ парикмахеръ и, бывъ одного бѣднаго человѣка, получилъ разныя отъ него мысли завести сю мельницу и, предпріявлъ сіе съ двумя другими товарищами,—изъ которыхъ одинъ скоро умеръ, а другой свое участіе ему продалъ,—сдѣлался одинъ хозяиномъ сего завода и теперь его считаютъ имѣющимъ 200,000 фун. капиталу.

23-го. Поутру поѣхалъ верхомъ на одну свинцовую мину, называемую Portway, и видѣлъ все что можно видѣть, даже спускался на самый низъ, где руду вынимаютъ, и самъ работалъ. Всходя на-верхъ и зачиная чувствовать нѣкоторую усталость, мысленно о своемъ сложеніи сожалѣлъ; но мнѣ мой водитель утѣшительную похвалу дала, что онъ не встрѣчалъ много иностраныхъ, которые бы столь скоро могли всходить; сія похвала, признаюсь, въ моемъ положеніи, мнѣ весьма пріятна была и дала мнѣ новыя силы. Окончивъ сей довольно беспокойный день, послѣ верховой Ѣзды на лѣнивой и спотыкливой лошади, прибылъ благополучно въ Щастволидъ.

24-го. Осмотрѣвалъ домъ дюка Девоншира, который мнѣ очень понравился. Здѣсь кажутъ комнаты, въ которыхъ королева Марія²⁾ многіе годы задержана была. Паркъ изрядный, фонтаны въ ономъ есть; но знає Петергофскіе, только Версальскіе смотрѣть можно,—и такъ, я оные не видалъ.

Въ Грофшофтѣ очень пріятное мѣстоположеніе. Меня весьма удивляетъ, какъ можетъ толь малая земля, какова здѣшняя, имѣть столько обитателей и имѣть столько неплодородныхъ земель!—Еще удалось мнѣ вспомнить мое недоразумѣніе, что я однажды, какъ ты помнишь, утверждалъ, что первое стараніе всякаго правительства должно быть—одобрять хлѣбопашество, а уже потомъ поощрять торговлю. Знаешь ли ты, въ чёмъ я безпѣнное богатство Англіи считаю?—въ неисчерпаемомъ множествѣ угольевъ. Когда бы оныхъ не было,

¹⁾ Сэръ Ричардъ Аркрайтъ (Arkwright), р. 1732, † 1792., изобрѣтатель машины, которая произвела переворотъ въ пропизведеніи хлопчато-бумажныхъ вѣнѣній и обогатила англійскихъ промышленниковъ.

²⁾ Королева Марія Стюартъ (р. 1542, † 1587).

„Русская старина“, томъ XXIII, 1878 г., № 2.

позвабыли бы они вызвать наше желъзо, чтобы оно у себя обрабатывать, другимъ и намъ оно, обработанное, вдесятеро дороже продавать!—и сія одна причина, почему Англія можетъ такъ населена быть, ибо и для топки всякой—имъ ни сучка не надобно...

Лоркъ.—4-го августа 1786 г.

Здѣсь, со 2-го, нахожусь и вообще не могу довольно нахвалиться учтивостью и ласкою здѣшнихъ жителей.

Здѣсь видѣль, два днія сряду, судъ преступниковъ и, при семъ случаѣ, старался получить настоящую идею о адѣшнемъ провинциальномъ правленіи и скажу тебѣ только вкратцѣ, болѣе—чтобы помнить, нежели—чтобы сіе описывать. И такъ, лордъ-лефтентъ¹⁾—въ провинциальныхъ городахъ, генералъ-шерифъ и его ассистенты—во всякой провинціи одинъ или болѣе, называемые «Колонель-жестись-офъ-пись», которые первымъ королю предлагаются, такъ какъ и кандидаты. Во второе название «Грендъ жюри» и «пети жюри», «Консулоръ».

Судъ отправляетъ одинъ изъ 12-ти судей, которыхъ сюда да пріѣзжаютъ: одинъ—для уголовныхъ, другой—для гражданскихъ дѣлъ, два раза въ годъ, и судять дѣла всего графства. Сверхъ сего, въ уѣздахъ 12 «альдерменовъ», которые младшаго изъ себя въ мэры выбираютъ. Объ образѣ исправленія суда сими судьями ничего не говорю, ибо ты оно знаешь; но оно мнѣ такъ нравится, что желалъ бы, чтобы оно вездѣ учреждено было, и не понимаю, для чего оно не дѣлается? — Вопреки мнѣ скажутъ, что государи потеряютъ большую власть, имъя, такъ сказать, въ своей волѣ жизнь всякаго человѣка; но на сіе я скажу, что они могли бы себѣ всегда оставить власть, бравъ въ свой особливый судъ такихъ преступниковъ, какихъ пожелаютъ, сказать, что дѣлаются сіе дѣлъ скорѣйшаго порядка, а подъ симъ предлогомъ брать всѣхъ тѣхъ, которыхъ только пожелаютъ, и оставлять тѣхъ преступниковъ, которые ихъ мненія не стоять, и дать, чрезъ то, способъ и средство невиннымъ оправдаться. Я не говорю, напримѣръ, сіе о нашемъ отечествѣ, ибо оно, въ разсужденіи сего, можетъ быть, не въ такомъ положеніи находится по причинѣ, 1-е, малаго населенія земли и большій разстояній одного мѣста отъ другаго; 2-е, положенія нашихъ крестьянъ; 3-е, не довольно просвѣщенія нашего народа. А сколь здѣшній народъ просвѣщенъ—я имъя случай видѣть; но для чего сіе во Франціи и въ болѣшей части Германіи не дѣлается—того не понимаю.

¹⁾ Lord Lieutenant—лордъ намѣстникъ.

Е. И. Л.-Р.

Единбургъ.—13-го августа 1786 г.

Вотъ гдѣ, любезный другъ, я очутился, но ты, не взирая на сіе, не отдаешься и я съ тобой еще обѣ Йоркѣ поговорю; и такъ, къ дѣлу: колѣ мнѣ понравилось производство уголовнаго суда, толь, напротивъ, не хвалю сіе учрежденіе въ гражданскихъ тяжбахъ. 5-го я былъ въ судѣ и слышалъ довольно странное дѣло, а именно: споръ о дорогѣ,—публичная ли она или приватная? и тутъ видѣлъ болѣе 30-ти человѣкъ, отвѣчающихъ подъ присягой, и думаю, что большая часть изъ нихъ противъ принятой присяги и противъ своей совѣсти отвѣчали. Долго бы было о неудобствахъ такого допроса здѣсь объяснять,—я только о двухъ вещахъ упомину: 1-ое, что я бы присягу, при семъ случаѣ, совсѣмъ уничтожилъ, бывъ увѣренъ, что человѣкъ съ совѣстю на вопросъ, ему сдѣланный въ толь уважительномъ мѣстѣ и въ глазахъ почти всего народа, конечно справедливый отвѣтъ дастъ. Человѣкъ, который толь несчастливъ и потерялъ чувство совѣсти, очень склоненъ нарушить присягу, себѣ черезъ то вредить, и смѣю сказать, и слушателямъ, которые привыкаютъ видѣть нарушеніе толь важнаго дѣла. 2-ое, что почти неотмѣнно надобно, чтобы въ гражданскихъ дѣлахъ—одинъ правъ, другой виноватъ былъ; слѣдствіе непремѣнное изъ сего, что часть одна неотмѣнно должна фальшивую присягу сдѣлать. Многія другія причины имѣю не хватить сей образъ судебнаго порядка; но сіе до свиданія, когда тебѣ угодно будетъ, оставлю. Здѣсь также видѣлъ, что съ проигрышной стороны одинъ квакеръ присягнулъ и противники его дали тотчасъ сіе пяти жюри примѣтить. Сіе собраніе 12-ти человѣкъ весьма уважается и все, что въ судахъ ни дѣлается—все для объясненія имъ, ибо они осуждаютъ преступника или тяжебника. 5-го я выѣхалъ изъ Йорка.

6-го. Вечеромъ пріѣхалъ въ «Рипонъ» и отдалъ письмо г-на Робертсона г-ну Варделеву,—прозваніе очень къ нашимъ приближающеющееся.

7-го. Быть въ «Стюдлей-паркѣ», гдѣ есть изрядные виды, но много рѣгулярности....

8-го. Деревня, принадлежащая тому же господину, которому и Стюдлей принадлежитъ,—имѣеть прекрасное мѣстоположеніе и до сихъ поръ въ Англіи я ничего подобнаго не видѣлъ. Не совсѣму тебѣ сю землю оставлять, не выдавать сего мѣста. Отъ роду моего не видѣлъ такого дыма, какъ вѣзжая въ «Нью-кастель»!... Ночевалъ въ Англіи въ Варвикѣ, а 10-го поутру выѣхалъ въ Шотландію.

Теперь дозволь мнѣ главное мое мнѣніе сказать объ этой землѣ: известно, что она всѣмъ изобилуетъ: хлѣбомъ, деньгами, житѣлями, мануфактурами; но что должно удивить путешественника—это строенія, которыя въ разныхъ городахъ производятся, и, что, такъ сказать, изъ одного города два дѣлаются и сіе безъ убытка хлѣбопашества, и я увѣренъ, что эти города получше будуть тѣхъ, которые по приказу построены¹⁾; но сіе государство не думало, прежде хлѣбопашства, о построеніи городовъ. Почти вездѣ, гдѣ я ни спрашивалъ—это стало только 50 лѣтъ тому назадъ заводиться, а сія земля въ это время жителей своихъ не умножила. Хорошій примѣръ зашими политикамъ! Дѣйствительно, я часть отъ часу увѣряюсь, что намъ фабрики не нужны и болѣе вредны, и я никакъ не принимаю возраженія, что деньги въ государствѣ остаются: да,—но отнимаются руки отъ пашни. Что дѣлать съ жителями, которые не въ хлѣбородныхъ провинціяхъ живутъ?—переселять половину оныхъ или сколько нужно въ пустыня, казенные земли. Ты видишь, что я все при своихъ, Гаричетскихъ (?) мысляхъ остаюсь! Долженъ еще одно примѣчаніе сказать о семъ народѣ, что удивительно видѣть во всякомъ градѣ преогромные строенія для сборщиковъ подъ именемъ: «асамблерумъ»; но что похвалыне всего, что, при этихъ строеніяхъ, всегда находятся огромные же строенія для больныхъ, для бѣдныхъ, для училищъ и сиротъ. Человѣкъ съ чувствами долженъ народъ тутъ почитать, въ которомъ оное видѣть! Что касается до жителей, то скажу, что вездѣ видно изобиліе, пріятная и неподдельная чистота, учтивость отмѣнная и пристойная. Средній классъ людей я нашелъ также весьма ласковымъ къ иностранцамъ. Кажется—все, что хотѣлъ тебѣ объ Англіи сказать?—теперь слѣдуй за мной въ Шотландію...

Единбургъ весь взрытъ и въ подобіе англійскихъ городовъ и здѣсь строятъ... Обѣдалъ у лорда Монбоддо²⁾, который, какъ

¹⁾ Намеки на усиленное въ то время построеніе городовъ въ Россіи. Въ манифестѣ 1785 года апрѣля 21-го сказано, что, въ продолженіе 23-хъ-лѣтнаго царствованія императрицы Екатерины II-й, воздвигнуто 216 новыхъ городовъ въ Россіи. Въ послѣдующемъ царствованіи многіе изъ нихъ упразднены, такъ какъ ихъ жители преимущественно занимались хлѣбопашествомъ и не имѣли ни торговыхъ оборотовъ, ни потребности быть городскими обывателями.

²⁾ Л-дъ Монбоддо (Barnet James, lord Monboddo), шотландскій философъ, род. 1714 г., умеръ 1799 г.; оставилъ два англійскія сочиненія, исполненіемъ любопытныхъ изысканій, но съ тѣмъ вмѣстѣ и парадоксовъ: «Происхожденіе и прогрессъ народа» 1773—1792 гг. 6 част., въ 8-ю д. и «Метафизика драгихъ» 1779—1799 гг. 6 част. въ 4-ю д. Мы полагаемъ, что книги, о которыхъ упоминается, были филологическаго содержанія, какъ потому, что лордъ Монбоддо

ты, чаю, помнишь, тебѣ книги препоручилъ для пересылки къ государинѣ. Скажу тебѣ, что онъ весьма твоей учтивостью хвалится, и мы за твое здоровье пили.

Отсюда всѣ почти по деревнямъ разѣхались, съдовательно я не увижу многихъ весьма достойныхъ людей; но нынче возвратился D. Robertson, котораго я у Рожерсона видѣть, ему письма отдать и въ понедѣльникъ съ нимъ завтракать. Я имѣлъ уже случай познакомиться съ братомъ Ерскини¹⁾ и съ одинымъ Machionichi, и что могу теперь заключить изъ ихъ разсказовъ, такъ это что сія земля въ гораздо болѣе счастливомъ положеніи находится, нежели Англія, ибо она пользуется всѣми выгодами правленія той земли, не имѣя по своему положенію большихъ неудобствъ, которыя въ той землѣ являются необходимымъ слѣдствіемъ выборовъ въ парламентъ. Довольно; чаю, что тебѣ сего будетъ...

Фельфутъ.—13-го (24-го) августа 1786 г.

Это мѣсто ты въ самой подробной географіи не найдешь! Не думай прежде Ливерпуля писать, но, имѣя досугъ, пользуюсь симъ случаемъ.

Единбургъ—старый городъ, очень нечистъ и дуренъ, но теперь построено множество новыхъ улицъ, которыя очень хороши. Три моста въ городѣ огромные, изъ которыхъ только одинъ оконченъ, а два только начаты.

... Положеніе Шотландіи и жителей оной мнѣ кажется несравненно выгоднѣй, нежели англичанъ, ибо они пользуются всѣми выгодами послѣднихъ и не имѣютъ неудобствъ, которыя отъ выборовъ въ парламентъ въ народѣ происходятъ, ибо первые, какъ тебѣ известно, они только 46 членовъ посылаютъ, да сверхъ того сей выборъ дѣлается людьми, которые 800 ливровъ доходу имѣютъ, и по-

былъ лингвистъ, такъ и потому, что императрица въ 1784 г. предприняла на-
мѣреніе собрать словарь всѣхъ извѣстныхъ языковъ, почему, вѣроятно, и было
необходимо государинѣ ознакомиться и со сочиненіями лорда Монбоддо.

¹⁾ Ерскинъ, лордъ Томасъ (род. 1750 г., умеръ 1823 г.), англійскій юристъ и ораторъ. Въ 1789 году онъ шелъ рука объ руку съ Фоксомъ, а въ 1806 г. былъ великимъ канцлеромъ. Онъ старался о запрещеніи торга невольниками, защищая свободу книгопечатанія и возвѣсивъ свой голосъ въ пользу грековъ, притѣсняемыхъ турками. Его рѣчи изданы въ Лондонѣ въ пяти частяхъ. Кромѣ того, онъ написалъ, въ 1792 г., сочиненіе «Considérations sur les causes et les conséquences de la guerre actuelle avec les Turcs», которое имѣло 43 изда-
ния. (Dictionnaire de biographie et d'histoire, par Désobry et Bachelet).

Н. В.

тому не мѣшають народу слѣдовать обыкновеннымъ и должнымъ спо-
нимъ упражненіямъ. Чувствительная разница, при вѣзѣдѣ въ Шотлан-
дію, и примѣтно коль бѣднѣе сей народъ аглицкаго. Тебѣ известно,
что Шотландія рѣдкіе годы своимъ хлѣбомъ прокармливается и ча-
сто сый изъ Англіи или изъ иностранныхъ земель получаетъ. Мое
самолюбіе весьма удовольствовано было, ибо, какъ ты изъ моего
послѣдняго письма знаешь, мнѣ очень понравился образъ аглицкаго
криминального суда и весьма недоволенъ бытъ гражданскимъ поряд-
комъ;—мое мнѣніе подтверждено было, ибо шотландцы приняли первыи,
а въ разсужденіи другаго остались при своемъ старомъ. Боль-
шая часть людей, при моемъ бытіи въ Единбургѣ, по деревнямъ
разѣхавшись была, но я тебѣ упомяну о тѣхъ, которыхъ я видѣлъ,
а именно: г. Смитъ ¹⁾, сочинитель той книги, которая тобой и
мною почтена; г. Арскинъ (вѣроятно—Ерскинъ), братъ славнаго ат-
торнея въ Лондонѣ и не менѣе его въ Единбургѣ почтенъ. Тебѣ извѣ-
стно, что сіе мѣсто въ разсужденіи медицины весьма славится. Меж-
ду священниками здѣшней церкви также отмѣнныи проповѣдники
находятся. Здѣсь видѣлъ г. Рожерсона и г. Бакунина и удив-
лялся, какъ онъ похудѣлъ и сколь онъ болѣнъ кажется.'

17-го. Поутру выѣхалъ изъ Единбурга и въ Глазгau прїѣхалъ;
былъ вечеромъ въ театрѣ, который былъ весьма наполненъ.

18-го. Я трижды въ Единбургѣ видѣлъ Робертсона ²⁾, о ко-
торомъ тебѣ, какъ о славномъ человѣкѣ, упомянуть забыть. Учрежде-
ніе, а паче преподаваніе уроковъ здѣсь отмѣнно хорошо. Я большоѣ
разсужденіе имѣлъ съ упомянутымъ профессоромъ о ненадобно-
сти изученія логики, а что для остренія разума и для приведе-
нія въ порядокъ мыслей нужно употребить математику, и хотя

¹⁾ Смитъ, Адамъ (род. 1723 г., умеръ 1790 г.), знаменитый шотландскій эко-
номистъ, профессоръ экономіи и логики въ Глазговѣ и писатель по предмету
политической философіи. Сочиненіе, о которомъ упоминается, вѣроятно: «Изъ-
ясненіе причинъ народнаго богатства», надѣвшее во время своего появленія
(въ 1776 г.) много шуму, какъ новостію взгляда, такъ въ либеральномъ воззрѣ-
ніемъ на торговлю. Это сочиненіе переведено на многие языки.

²⁾ Робертсонъ (William Robertson, род. 1721 г., умеръ 1793 г.)—известный
историкъ и ректоръ Единбургскаго университета. Книгнія Дашкова находи-
лась съ нимъ въ перепискѣ, по поводу воспитанія своего сына, и просила его
совѣтъ; но когда Робертсонъ вѣжливо послѣдовала подождать поступле-
ніемъ молодаго кніля въ университетъ года на два или на три, чтобы дать
ему времени лучше подготовиться, то книгнія не послѣдовала его совѣту и
немедленно опредѣлила сына студентомъ. (См. Записки книгніи Дашковой).

Н. В.

онъ даетъ уроки въ первой, но я довелъ его почти до признания, что съ нѣкоторой перемѣнью и прибавленіемъ обучения математикѣ, она то же полезное дѣйствіе сдѣлаетъ, чѣмъ и логика, съ той разницей, что обученіе первой многія выгоды соединяетъ, которыхъ послѣдняя не имѣеть. Изъ Глазгau выѣхалъ 19-го, а изъ Шотландіи 20-го.

Манчестеръ.—19-го (30-го) августа 1786 г.

... Положеніе женскаго пола здѣсь не весьма выгодно, ибо онъ, имѣвъ нѣжныя сердца, находять въ мужьяхъ своихъ противное оному и которыхъ чтобы тронуть надобно поддюжини на театрѣ убить или показаться публикѣ съ замараннымъ лицомъ и руками въ крови. Я бы хотѣлъ знать сколько находится въ Англіи мужей, которые бы своимъ женамъ послѣ свадьбы сказали: «я тебя чрезвычайно люблю», или что нибудь подобное оному. Съ своей стороны, я не зашадую оному хладнокровію и соглашусь скорѣе цѣлый вѣкъ² свой проплакать, нежели промѣнять чувствительное сердце на нечувствительное. Я англичанъ весьма почитаю, за то, что они свой разумъ, главное качество души, хорошо употребляютъ; но малая нѣжность ихъ сердца—мнѣ не нравится.

Узналь я отъ Якова Ивановича¹), что ты заставляешь переписывать моя письма, то когда сіе не имъ дѣлается, то прошу тебя прервать оное, ибо, какъ ты себѣ весьма легко представить мои письма, я не желаю, чтобы иной то знать, бѣзъ моего согласія, чѣмъ я къ тебѣ пишу.

Сюда прѣѣхалъ вчера вечеромъ и нынче ходилъ смотрѣть здѣшнія мануфактуры. Сказывали мнѣ, что какой-то здѣшній господинъ выдумалъ машину ткацкую и хочетъ на нее получить патентъ. Вотъ, я думаю, одна изъ причинъ, что сія земля толь цвѣтетъ, что вмѣсто людей умѣетъ колесы употреблять и дѣлается чрезъ то мануфактурщикомъ всего свѣта.

31-го. Бѣзилъ по каналу дюка Бриджватеръ...

1-го сентября. Выѣхалъ поутру отсюда и прибыль въ Ливерпуль къ обѣду; вечеромъ былъ въ театрѣ. Зала преизрядная и больше двухъ лондонскихъ. Первая шееса была новомодная опера. Что касается до музыки, то тебѣ, какъ имѣющему настоящій вкусъ,—не-

¹⁾ Если не ошибаемся, то подъ именемъ Якова Ивановича слѣдуетъ разумѣть г-на Жоли, секретаря гр. С. Р. Воронцова; о немъ упоминается въ Запискахъ гр. Комаровскаго.

Н. В.

чего говорить. Вообще, я англичанинъ, какъ тебѣ известно, наче всѣхъ народовъ люблю; но съ оними въ разсужденіи ихъ вкуса для театра несогласенъ, ибо, по болѣйшей части, ихъ трагедіи—побоище всѣхъ актеровъ, а ихъ комедіи часто неблагоразумные фарсы. Мнѣ кажется еще, что они въ декораціяхъ большиe педанты; напримѣрь, на всѣхъ ихъ сценахъ находятся двѣ двери, похожія на обыкновенные, у домовъ колокола, часто часы бьютъ и т. д.; чрезъ сіе они думаютъ на своеи театрѣ до обмана живо представлять, но я думаю, что ни одинъ англичанинъ, ни въ какой піесѣ, не забывалъ, что онъ въ театрѣ; объ иностраннѣхъ я увѣренъ, что они сіе помнятъ. На-противъ—во Франціи, гдѣ всѣхъ сихъ штуку на театрѣ нѣть, я увѣренъ, что многіе англичане забывали, что представлѣніе—сочиненное, а не дѣйствительное, видѣть. Сей же вечеръ видѣлъ здѣсь брата M. Siddens¹⁾), чрезвычайно хорошаго актера, который съ прекрасной фигуровой соединяетъ весьма натуральную акцію; онъ въ одной піесѣ, которую я видѣлъ, менится на злой весьма женщины; чтобы притворной своей злостию ее смягчить, употребляетъ на оное удобнѣйшіе способы и успѣваетъ въ своемъ предпріятіи. Когда бы сіе въ натурѣ могло приключиться, я бы предпочелъ храбрость и сильнодушіе такого человѣка сильнодушію Коломба: сей рисковалъ потерять жизнь, первый—вести на всегда премучительную.

2-го. Видѣлъ здѣшніе доки, которые богатства сего мѣста доказываютъ. Въ городѣ считаются 50,000 жителей; онъ ведеть большой торгъ съ Вестъ-Индіей и съ Африкой въ покупкѣ негровъ, о которомъ намѣренъ распросрѣдать, что и исполнилъ, и скажу тебѣ, что главная часть здѣшнаго торга состоить въ ономъ. Коль несчастна доля сихъ бѣдныхъ араповъ—тебѣ лучше моего известно; но мнѣ сказывали, что они гораздо несчастливѣе, бывъ въ подданствѣ своихъ земляковъ; жалю—чтобы сіе справедливо было, ибо оно тогда нѣкоторое угѣшеніе для чувствительнаго сердца—знатъ, что люди, которые въ несчастномъ положеніи, еще бы несчастливѣе были, когда бы въ ономъ не находились.

3-го. Если я въ сей землѣ не сдѣлаюсь добрымъ человѣкомъ, то нигдѣ онимъ быть не могу, ибо по обыкновенному своему отмѣнному счастію представляются мнѣ случаи знакомиться съ весьма добрыми

¹⁾ Семейство Кембелль (Kemble) состояло изъ сестры, въ послѣдствіи Сиддонсъ и двухъ братѣвъ: Джона-Филиппа (р. 1757, † 1823 г.) и Чарлса (р. 1775, † 1854 гг.). Оба были актерами. Здѣсь говорится о старшемъ изъ нихъ, такъ какъ младшій дебютировалъ только шесть лѣтъ спустя (1792).

Ж. Л.-Р.

людьми и сное служить мнѣ къ моему исправлению. Вотъ, любезный мой, угольные и золотые мои заводы, вотъ мои огромные парки и замки, которые я настоящимъ предпочитаю!—но надобно и ихъ видѣть и ты будь спокоенъ, я изъ Англии не выѣду, не видавъ угольного завода, почему и надѣюсь, что ты мнѣ простишь, что я въ Нью-кастелѣ оныхъ не видаль. Ласка и учтивость людей въ здѣшней землѣ отмѣнная и я не могу довольно оними нахвалиться и приписывать сіе своему мало-заслуженному счастію. Ты знаешь, что я неохотно сей путь предпринялъ, а теперь не могу довольно оному радоваться. Я думаю, что человѣкъ, стараясь узнать свои недостатки, не можетъ оные лучше исправить, какъ путешествуетъ; подобно камню, который, тренiemъ своимъ со множествомъ другихъ, глахе дѣлается и, полируя, такъ сказать,—себя, иногда неровности другихъ, которые съ нимъ сталкиваются, ровняетъ.

4-го. Вечеромъ бытъ въ театрѣ, гдѣ Кембелль¹⁾ Ричарда III-го представлялъ, и послѣ трагедіи и маленькой, съ французскаго переведенной оперы, передъ публикой въ театрѣ читалъ, чтобы показать чистоту и исправный свой выговоръ. Мнѣ кажется, что чтеніе сіе—большое доказательство непостояннаго и малознамѣнаго настоящаго выговора въ англійскомъ языкѣ. Я думаю, что ни одинъ французъ или нѣмецъ, или какой ни есть человѣкъ другаго народа, не думалъ тѣмъ похвастать, что онъ природный свой языкъ хорошо и правильно выговариваетъ!

Бристоль.—3-го (14-го) сентября 1786 г.

6-го. Выѣхалъ изъ Ливерпуля. Скажу тебѣ (можеть, тебѣ этого еще неизвѣстно), что французы построили на африканскомъ берегу, близъ селеній англійскихъ, двѣ крѣпости, которыхъ противъ послѣд资料а мирнаго договора построены, и, вслѣдствіе сего, ливерпульскіе купцы, боясь препятствія въ торгѣ, сдѣлали представление министерству здѣшнему... Что изъ сего выйдетъ?—Это твоего корпуса должностъ узнать!

...Ходилъ смотрѣть городъ «Schrewsbury», гдѣ примѣчанія достойно учрежденіе для бѣдныхъ, которые, по силамъ своимъ, принуждены работать.

9-го. Видѣлъ одинъ изъ каналовъ, который соединяетъ многіе въ здѣшнемъ государствѣ, проведенный одной компаніей. Одна изъ большихъ выгодъ здѣшней земли, что для всѣхъ большихъ предприятій

¹⁾ См. предыдущее примѣчаніе.

находятся очень скоро люди, которые складываются и такимъ образомъ подаютъ способъ производить работы, которыхъ бы одніи не могли произведены быть.

13-го. Быть у одного Horford и обѣдаль у него; онъ квакерь и ты легко себѣ представить можешьъ, какъ я старался отъ него отобрать все то, что мнѣ казалось нужнымъ о ихъ сектѣ.

Вкратцѣ о нихъ мое мнѣніе тебѣ передамъ, что они лишаютъ себя многихъ выгодъ христіанина и, безъ всякой нужды, многихъ невинныхъ удовольствій сего свѣта. Il me semble que chacun doit avoir de la religion, puisqu'elle est la source et le plus solide fondement de toutes les vertus; mais on ne doit pas se distinguer des autres que par ces actions, et m me dans celles-ci il faut savoir faire la difference; au reste et c'est m me du devoir si les circonstances, la situation le permettent, de participer aux plaisirs de ce monde, aux soci t s, aux bals, aux spectacles de toute sorte ¹⁾). Портъ здѣшній, посѣт Лондона, первый; странно, что онъ кончается преуздою рѣкою, которая, въ отливѣ, чрезвычайно мало воды имѣеть, весьма узка, но, не взирая на сie, 500 или 600 кораблей въ иностраннныи земли отходить. Онъ имѣеть многія привилегіи и самъ собою графство составляеть, казнить смертию, не ожидая королевскаго согласія, и сверхъ того всякий, который женится на дочери фригохдера, получаетъ голосъ въ выборѣ члена въ парламентъ и сie право очень во зло употреблено было въ послѣднемъ выборѣ, ибо одна женщина часто была обвищана со многими, чтобы дать своему супругу право выбирать,—не бывь замужемъ ни за однімъ изъ нихъ. 6,000 выборщиковъ считають... а я считаю, что сего довольно для тебя будетъ. Завтра ѿду въ Батъ. Василій Зиновьевъ.

Сообщ. Н. П. Вершининовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Переводъ: мнѣ кажется, всякий человѣкъ долженъ боготворить религию, потому что она источникъ и самое крѣпкое основаніе всѣхъ добродѣтелей; но не нужно отличаться отъ другихъ своими дѣйствіями и даже въ нихъ должно дѣлать разницу. Впрочемъ, если обстоятельства и положеніе позволяютъ, даже обязательно участвовать въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, посѣщать общества, балы и спектакли всякаго рода.

ПОСЛДНИЕ ДНИ ЖИЗНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ

съ 13-го сентября по 24-е октября 1828 г.

Здоровье императрицы Марии Феодоровны начало, по видимому, ослабеть съ послднихъ мѣсяцевъ 1827 года.

Вдовствующая императрица, вступившая въ шестьдесятъ седьмой годъ возраста и сохранившая свою срѣжесть, или, по крайней мѣрѣ, молодость—внезапно почувствовала дурноту прогулываясь съ княгинею Ливенъ въ Павловскѣ, близъ Розового павильона, вокругъ котораго была ею собрана многочисленная и прекраснѣйшая коллекція этого рода цвѣтовъ, предположаемыхъ ею всѣмъ прочимъ.

Это легкое нездоровье не имѣло послдствій, но послѣ него осталась общая слабость, отъ которой Государыня не могла оправиться. Послѣ того, на благородныхъ чертахъ ея лица, не утратившихъ присущей имъ граціи и продолжавшихъ отражать удивительную добруту ея сердца, замѣтили отпечатокъ усталости и страданья, къ которому, по временамъ, прибѣгали оттѣнокъ грусти.

Она всѣмъ говорила, впрочемъ, что чувствуетъ себя хорошо; въ особенности же успокаивала государи, въ бѣжной его заботливости безпрестанно ее разспрашивавшаго, не чувствуетъ ли она какихъ послдствій недавняго внутреннаго нездоровья: «я никогда не чувствовала себя такъ хорошо!», повторяла она почти машинально, въ отвѣтъ на всѣ разспросы о ея здоровыи¹⁾.

Но съ княгинею Ливенъ, баронессою Адлербергъ, княгинею Волконской и съ прочими статсъ-дамами, императрица была болѣе склонна жаловаться на значительную перемѣну, промежедшую въ общемъ состояніи ея здоровья, прежде столь крѣпкаго и надежнаго: «приходится покоряться судьбѣ», го-

¹⁾ Pierre Lacroix (Bibliophile Jacob), *Histoire de la vie et du règne de Nicolas I.* (Paris, Hachette, 1866). Tome troisième, chapitre LXXXVI, p.p. 185—187.

ворила она съ грустною улыбкою. «Постараемся, однако, не слишкомъ скоро состарѣться!»

Она была однако-же принуждена возложить на приближенныхъ къ ей особь бремя своихъ занятій, которымъ до того времени, по видимому, не тяготилась. Образъ жизни ея стала уединеннѣе, однако-же она удѣляла менѣе времени художественнымъ работамъ, въ которыхъ находила наслажденіе; она, напримѣръ, вовсе отказалась отъ рѣзбы медалей, утомлявшей ея зрѣніе; перестала также раскрашивать эстампы и проводить долгіе часы за чтеніемъ книгъ, въ великолѣпныхъ библіотекахъ, ею самою собранныхъ, для собственного своего занятія, какъ въ Зимнемъ дворцѣ, такъ и въ Павловскѣ.

Предчувствія, отъ которыхъ императрица-матерь не могла оборониться, сообщились помимо ея желанія духу августѣшаго ея сына, которого преслѣдовали, среди занятій государственныхъ дѣлами, смутныя предчувствія какого-то семейнаго горя.

Императрица Александра Феодоровна, первая натура которой, съ каждымъ днемъ дѣлавшаяся впечатлительнѣе, ощущавшая равномѣрно оттолѣсокъ тревожнаго состоянія духа своего супруга, видя его печальнѣмъ и не вѣдая тому причины, вообразила, что императоръ серьезно опасается за свое собственное здоровье: эта мысль жестоко мучила Государыню и она усилила свои просьбы, мольбы и слезы, чтобы императоръ согласился отказаться отъ своего намѣреніяѣхать въ Дунайскую армию.

Николай Павловичъ въ намѣреніи своемъ былъ непреклоненъ, но съ общаша императрицѣ дозволить ей ему сопутствовать и что она не проводить мѣсяца безъ свиданія съ нимъ. Что касается до Великаго Князя Наслѣдника, которому при всѣхъ торжественныхъ выходахъ назначено было занимать мѣсто рядомъ съ Ихъ Величествами, то Его Высочество, во время ихъ отсутствія, долженъ быть оставаться на попеченіи и подъ опекою своей досточтимой бабки.

Эти заботы и устройство семейныхъ и политическихъ дѣлъ не мало отразились и на состояніи двора, при которомъ пронесся слухъ, что врачи опасаются за здоровье обѣихъ императрицъ.

Поэтому въ день Рождества Христова,—въ который важное значеніе войны съ Турцией придало особенное оживленіе ежегодному собранію старыхъ офицеровъ и солдатъ, приглашаемыхъ въ Зимний дворецъ на торжество въ память изгнанія непріятелей изъ русскихъ предѣловъ въ 1812 году,—взоры всѣхъ съ участіемъ были устроимы на обѣихъ императрицъ, о боѣзни которыхъ послужили слухи и которая, въ самой дѣлѣ, казалась недоровыни. Замѣтили также, не безъ тоскливо-чѣства, что императоръ блѣдѣнъ лицомъ и печаленъ. Этого было достаточно для возбужденія опасеній, распространившихся и въ народѣ.

Грустное и глубокое впечатление произвело на императрицу-мать прощание съ цесаревичем Константиномъ Павловичемъ (7-го февраля 1828 года): она просила родительницу благословить его, какъ-бы видя ее въ послѣдний разъ.

Императрица Марія Феодоровна, здоровье которой не улучшалось, находилась еще подъ гнетомъ мрачныхъ предчувствий, возбужденныхъ отъездомъ цесаревича, какъ новый ударъ внезапно поразилъ ея сердце, отнявъ у него одно изъ самыхъ близкихъ лицъ. Княгиня Ливенъ, бывшая для Императрицы самыи дражайшии другомъ, въ теченіе сорока лѣтъ не разстававшаяся съ нею, была сражена непродолжительной болѣзнию, во время которой Императрица расточала самыи трогательныи попеченія почтенной наставницѣ своихъ дѣтей.

Эта смерть, почти скоропостижная, распростерла скорбь и смущеніе на царскую фамилию, которой княгиня Ливенъ была какъ бы членомъ, — до такой степени царственная семья окружала ее вниманіемъ,уваженіемъ, привязанностью.

Въ особенности императрица Марія Феодоровна была безутѣшна по утратѣ княгини Ливенъ и подъ вліяніемъ мрачнаго раздумья она сказала многимъ изъ своихъ приближенныхъ, что не должна переживать своего оплакивающего друга.

Императоръ, не менѣе огорченный этою потерей, принужденъ быть удвоить внимательность и предупредительность, оказываемыя имъ августейшемъ его родительницѣ, чтобы возвратить въ душѣ ея болѣе покорности судьбѣ и спокойствія. Онъ лично, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Михаиломъ Павловичемъ, присутствовалъ на погребеніи бывшей воспитательницы великихъ князей и великихъ княженъ; весь дворъ и безчисленная толпа народа приняли участіе въ сожалѣніи, превратившемъ трауръ семейный — во всеобщій.

Обращаемся къ рассказу одного изъ приближенныхъ лицъ Императрицы Маріи Феодоровны о послѣднихъ дніяхъ жизни этой Государыни. Рассказъ принадлежитъ Настасіѣ Петровнѣ Чернышевой, камер-юнгферѣ Императрицы. Чернышева служила 15 лѣтъ при дворѣ и подъ жавымъ впечатлѣніемъ описала болѣзнь и кончину Маріи Феодоровны въ письмѣ къ сестрѣ, Натальѣ Чернышевой, бывшей въ 1828 г. камер-юнгферой при королевѣ Нидерландской Алиѣ Павловнѣ. Въ послѣдствіи Настасія Чернышева была замужемъ за ген.-лейт. И. О. Дунюковскимъ († 1851 г.) и умерла въ 1872 г.—на 70-мъ году отъ роду. Письмо, въ черновомъ брудлонѣ, не полное, сообщено намъ племянницей покойной Л. И. Бѣляевой.

Ред.

14-го ноября 1828 г.

.... Я опишу все подробно. Конечно, великой княгинѣ¹⁾ любопытно будетъ знать все, и вѣрно не одинъ разъ спрашивала: писала ли я, и, можетъ быть, удивится, что не писала во время болѣзни государыни; но признаюсь вамъ, съ какими мыслями писать, а послѣ ни на часъ не имѣла времени; хотя до послѣдняго дня я не теряла надежды, однако, сколько могла, не отходила прочь и замѣчала каждое движение.

13-го сентября (1828 г.) возвратились изъ Павловска весьма благополучно и весело, со всѣми дѣтьми; какъ государыня бѣрегла всѣхъ дѣтей, укрывала чтобы не простудились, и, конечно, не имѣла ни малѣйшаго предчувствія не возвратиться на будущій годъ! Государыня такъ была довольна, что ея почивальная сдѣлалась свѣтлѣе: какую-то сдѣлали перемѣну въ садикѣ, все это было такъ пріятно. Лѣто мы провели покойно, пріятно, хотя мы жили въ двухъ дворцахъ, но и къ тому привыкли, ибо у насъ было очень тихо; только намъ было смотрѣть на государыню, что она совсѣмъ не пользовалась воздухомъ, была въ беспрестанныхъ занятіяхъ, а особенно на письмо, такъ что ужасно было смотрѣть—иногда въ хорошую погоду только полчаса гуляла, что не имѣла времени; въ среду даже одна обѣдала, ибо писала до 11-го часа вечера. Мы не могли надивиться какъ у ней не болитъ голова и не устаютъ руки; разстроенная ужасно по военнымъ обстоятельствамъ, такъ что иногда, какъ одѣвалась, стонть задумавши, молчитъ и глаза наполнены слезъ; наконецъ, въ довершеніе всего, съ нетерпѣніемъ ожидала извѣстія о Варнѣ, такъ что дурно ночи спала.

И такъ, отправились изъ Павловска; двое маленькихъ впереди съ докторомъ и съ нянѣками, Наслѣдникъ съ дѣдкой въ коляскѣ, Елена Михайловна въ другой каретѣ, а Ольга и Александра съ государыней; все это было благополучно. Такъ какъ государыня для дѣтей поѣхала такъ рано, то ей нужно было еще возвратиться въ Павловскъ; 16-го числа опять поѣхала на дѣвъ ночи;

¹⁾ Великая княгиня Анна Павловна, въ послѣдствіи королева Нидерландской, при которой Наталия Чернышева, сестра Настасии Чернышевой, была камер-юнгферой.

Л. В.

послѣ того Елена Михайловна сдѣлалась больна, что остановило государыню сѣѣздить въ Гатчину на нѣсколько дней; наконецъ, она поправилась.

Пойхали въ Гатчину 30-го сентября для встрѣчи императрицы 2-го числа; 3-го возвратились въ городъ, и какъ государыня въ Гатчинѣ не успѣла ничего сдѣлать, то намѣрена была туда послѣ возвратиться на нѣсколько дней.

9-го октября, во вторникъ, государыня ѿздила въ Коммерческое училище на экзаменъ; прїѣзжаетъ оттуда во 2-мъ часу и не скидываетъ ни платка, ни кожаные сапоги, что она тамъ очень озябла, ибо не было ни одного окошка двойного. Въ 3-мъ часу прїѣзжаетъ фельдъегерь съ извѣстіемъ о взятіи пагубной Варны, ибо мы это почитаемъ убийствомъ нашей незабвенной царицы. Она была въ такой ужасной радости, что мы всѣ перепугались и говорили между собой: Господи! что это такое, съ нею ударъ сдѣлается, или она помѣшается; Новосильцевъ такъ испугался, что даже въ лицѣ перемѣнился; выходить къ намъ и то же самое повторяетъ, что и мы. Я думаю, Господи, что это значитъ, что за ужасъ! Между тѣмъ Новосильцевъ немедленно послалъ за Рюлемъ, а наша государыня пошла къ Александрѣ Феодоровнѣ; ее еще не было, когда она пришла къ себѣ; но Рюль ходитъ за нею и просить ее выпить оранжевой воды для успокоенія, но, къ несчастію, государыня была въ такой радости и такъ бодрилась, что забыла о себѣ и не хотѣла, говорила, что она чувствуетъ себя очень хорошо, совсѣмъ не нужно; послѣ того Рюль просятъ ее принять (лекарство) вечеромъ; она побоялась принять, что на другой день надо было ѿхать въ Казанскую для молебствія. Послѣ сего извѣстія государыня была очень весела; въ среду 10-го утромъ говорить: «вотъ первая ночь, что я могла лучше спать». Прїѣзжаетъ изъ Казанской и говоритъ: «счастье будетъ, если мы не простудились, ибо мы очень озябли: двери отворили, вѣтеръ прямо на насъ, и мы стояли безъ ничего, даже не подавали шаль». Этотъ день проходитъ. 11-го въ четвергокъ говоритъ: «Слава Богу, много камней спало съ моего сердца; есть еще довольно, однако теперь грѣхъ сказать; слава Богу, много убавилось и какъ я была весела».

Я этотъ день была дежурная; вечеромъ государыня говоритъ: «il fait un peu froid». Я думала отъ того, что она была въ

кисейномъ платьѣ, то я даже спросила, не угодно ли ей надѣть капотъ, однако не захотѣла. Ввечеру была императрица и вмѣстѣ ужинали; послѣ ужина смотрѣла кровать въ новой почивальной, и говорить: «завтра, можетъ, надѣюсь здѣсь спать». Но, слава Богу, что еще тутъ не почивала, а то бы сказали: отъ новой почивальной (Оная на томъ мѣстѣ, гдѣ была большая лѣстница).

Ночью съ 11-го на 12-е число, въ 4 часа утра, въ пятницу, ея величество позвала потереть ей бокъ и спину; я терла довольно долго, на что изволила сказать: «*est-ce que vous n'êtes pas fatiguée, ma chère?*» Потомъ другую сторону, и спросила который часъ? Это было три четверти пятаго. «Оставь теперь, можетъ быть, меня это успоконить». Только что я легла, изволила опять меня спросить кое-что и говорить: «*il fait froid*»; немедля надѣли шалевою платокъ; «*il me semble que mon corps me tremble, je voudrais voir Mr. Ruhl, mais il est trop de bonne heure, je ne voudrais pas le réveiller.*»—Pourquoi pas, Votre Majesté, il est toujours prêt pour V. M.—«Comment est mon visage?»—Le visage est bien, on voit seulement que Votre Majesté a froid. Однако вижу что-то не хорошо и говорю: j'enverrai aprѣs Mr. Ruhl.—«Oui, faites le chercher et faites moi donner du thé». Я немедля послала за Рюлемъ и приказала чай; между тѣмъ ея величество съ нетерпѣнiemъ ожидала Рюля и безпрестанно спрашивала тутъ ли онъ? Ужасная тревога—лихорадка началась; Рюль пришелъ и самъ налилъ чай съ виномъ, но когда ея величество держала блюдечко, то руки ужасно тряслись отъ сильной лихорадки. Послѣ чаю (приняты были средства для очищенія желудка, между прочимъ данъ былъ)—ревень; вскорѣ послѣ сего ея величество два раза вырвало, чему государыня очень испугалась: «*qu'est-ce que c'est donc? ce n'est pas bien ça?*» Но увѣрили, что это не иное что какъ чай съ виномъ; между тѣмъ лихорадка началась сильнейшая. Ея величеству угодно было встать съ постели и сидѣть въ креслахъ, покуда (лекарство) не будетъ дѣйствовать. Надѣли чулки, башмаки, шалевую шинель, шаль, салопъ; но какъ ужасно было видѣть такую скорую перемѣну въ лицѣ государыни; вдругъ сдѣлалась блѣдна, худа въ лихорадка сильно била, и отъ сильного трясенія даже трудно говорила. Тутъ я долго терла ноги; наконецъ (лекарство) очень

хорошо подействовало; послѣ того ея величество изволила опять усъ въ постель; положили къ ея ногамъ горячіе кувшины, и отъ того успокоилась и уснула, но дыханіе было короче обыкновеннаго.

Въ 9 часовъ пробудилась и пила бульонъ и непремѣнно хотѣла встать, ибо беспокоила остановка въ дыхахъ; но Рюль никакъ не позволилъ встать прежде 8-ми часовъ. Тогда ея величество перемѣнила болѣе, надѣла опять ночную кофту и валилась изъ матеріи на подкладкѣ, и сѣла на кушетку; тутъ подали кушать, но государыня кушала весьма мало и ни въ чёмъ не находила вкусъ. Потомъ писала по нѣскольку строкъ къ Императору, Цесаревичу и къ Великому Князю, позвала Вильямова отдать письма и спрашивается: «Comment me trouvez vous? — Très faible, отвѣтствуетъ онъ. «N'est-ce pas? ah comme j'ai été malade (или j'ai souffert, не помню) cette nuit». Потомъ перенесли ея величество на кушеткѣ въ желтую комнату.

Во весь день государыня (или, лучше сказать, во все время своей болѣзни) была въ такой слабости, что все спала, и это всѣхъ очень беспокоило; но Рюль была очень симъ доволенъ. Даже императрица Александра Феодоровна очень беспокоилась. Въ 8 часовъ государыня изволила пить чай; тутъ была императрица Александра Феодоровна и сама наливала. Въ 9 часовъ прошла больная немного по комнатѣ, поддерживаемая съ обѣихъ сторонъ; потомъ легла почивать не ужинавъ; ночь провела довольно покойно, два раза только спрашивала.

13-го, въ субботу утромъ, ея величество пила чай; до первого часа осталась въ постели, послѣ пила бульонъ; встала, также одѣлась и перешла изъ почивальной въ малиновый кабинетъ, никакъ не поддерживаема; тамъ опять легла на кушетку; долго не пустили туда идти, ибо готовили отъ государя подарокъ: малахитовый круглый голубой столъ съ такою же вазою и широкою по верху рисованною гирляндой, на малахитовыхъ столбахъ, на сѣрой круглой каменной доскѣ; вверху и внизу поставлены фарфоровые горшки съ цветами. На все это ея величество взглянула весьма хладнокровно; казалось, ничто ея не занимало; «c'est joli», вотъ все что сказала. Послѣ обѣда опять была очень слаба и не вставала съ кушетки. Пришла императрица съ поздравленіемъ, нарядная какъ должно изъ уваженія для такого праздника, съ подарками и со всѣми дѣтьми, въ томъ числѣ Елена и Екатерина Михайловны, кои всѣ имѣли въ рукахъ по букету цвѣтій.

тось; ея величество приняла ихъ всѣхъ лежа, ибо была очень слаба. Сердце мое раздирамось, видя ее такъ же слабой, какъ и вакунѣ, и я горько отъ того плакала; ввечеру перешла однако въ почивальную, поддерживаемая съ обѣихъ сторонъ. Ночь провела довольно покойно.

Въ воскресенье, въ день торжественнаго для наась и послѣдняго праздника¹⁾, ея величество поутру встала, надѣла подренный отъ императрицы Александры Феодоровны, къ Рождеству еще, кисейный шитый капотъ на бѣломъ атласѣ; когда еще былъ въ постели, мы всѣ удостоились поздравить ея величество. Послѣ обѣдни императрица также пришла поздравить со всѣми дѣтьми, и наша государыня шла при ней кофе. Александра Феодоровна была такъ рада видѣть, что государынѣ лучше, и говорить, что пришелъ отъ императора фельдзѣгерь, который говоритъ, что императоръ скоро будетъ, можетъ быть, даже сегодня, и просить, ради Бога, не тревожиться и не радоваться, а поберечь себя. Государыня слышитъ уже его походку, его голосъ, хотеть идти ему за встрѣчу въ другую комнату; всѣ удерживаютъ, наконецъ обзываютъ; она спѣшить къ нему и уже въ дверяхъ его величества бросается въ объятія; государынѣ тотчасъ подали кресла. Надѣло вадѣть это трогательное свиданіе; наконецъ вручаетъ ей дѣтей, кои ввѣрены были ея августѣйшему попеченію, каждаго особенно; радость общая, всѣ глядѣть, радуются и плачутъ. Тутъ ея величество осталась съ императоромъ; положили на диванъ и дали кое-что выпить для успокоенія нервовъ; послѣ того ея величество опять перешла въ малиновый кабинетъ и цѣлый дѣнь лежала на кушеткѣ. Вечеру перевели въ почивальную, для ночи положили на бокъ подушку изъ соли; ночь провела не очень покойно, мѣнила подушку, на животъ клали теплыя салфетки.

Но поутру, т. е. (15-го) числа, въ понедѣльникъ, ея величество въ 10-мъ часу спросила чай; раньше еще желала, но не хотѣла спросить: «je n'ai pas voulu vous r eveiller, vous dormiez si tranquillement». Послѣ встала въ 1-мъ часу и сказала: «не хорошо такъ поздно вставать, это все разстраиваетъ», надѣла коленкоровый капотъ, шалевой платокъ и перешла въ малиновый

¹⁾ День рождения Императрицы Марии Феодоровны.

вый кабинет; цѣлый день сидѣла въ креслахъ, а ноги обложили подушками.

16-го, во вторникъ, ея величество надѣла тотъ же коленкоровый капотъ, перешла въ малиновый кабинет и сидѣла на стулѣ, ибо въ креслахъ жарко, и, казалось, была лучше; но все жаловалась бокомъ, боялась нѣтъ ли въ боку воспаленія: «Je crois, que ton bon Ruhl se trompe, je suis sûre que j'ai de l'inflammation». И просила поставить піавки на бокъ, однако Рюль положила прежде пластырь,—это было въ 11 часовъ,—а если черезъ два часа не будѣтъ облегченія, то піавки; но ея величество изволила ходить съ государемъ и государыней по комнатамъ и сказала: когда она ходить, то чувствуетъ въ боку облегченіе и послѣ того говорить, что ей отъ пластыря лучше.

Отобѣдавши въ 3 часа, чувствуетъ опять ознобъ и ходить по комнатѣ; между тѣмъ спрашиваетъ: каковъ у нея видъ? я говорю: видъ хорошъ, ваше величество, а между тѣмъ вижу, что лицо становится похоже какъ ночью на 12 часовъ; страхъ меня беретъ, не опять-ли лихорадка? Развѣ прошла по комнатамъ и захотѣла лечь на кушетку; началась лихорадка по настоящему. О ужасъ! начали мы тереть ноги, ибо были холодны по колѣна, я вѣдь себя отъ страха, лицо мое горитъ отъ ужасу. Я смотрю на государыню, дышетъ ли она, но дышать тихо, сама блѣдна; мы думаемъ отъ того, что она была легко одѣта и сидѣла на стулѣ, не такъ какъ вчера—въ креслахъ и обложена подушками; Рюль говоритъ, что это отъ того; государыня ему отвѣчаетъ, какъ будто встревоженная; вругомъ обложили кувшинами, не знаемъ какъ согрѣть. Бѣдный Рюль испугался и думаетъ—отъ того, что государыня перешла вспотѣвшіи въ другую комнату; однако, слава Богу, когда заснула—потѣсть какъ должно, но скоро просить перемѣнить бѣлье и встать; мы умоляемъ ее того не дѣлать и быть спокойной. Не спитъ и все думаетъ какъ бы встать. Рюль только и просить, чтобы успокоиться и уснуть; мы двое остались сидѣть всю ночь. Я всю ночь проплакала гляди на государыню, такъ больно на нее было смотрѣть, никогда не видавши ее такъ больной; притомъ же я очень беспокоилась, однако не ожидала такого несчастія.

Ахъ, милая Наталинька, я пишу, но перо изъ рукъ падаетъ, я совершенно вѣдь себя, не понимаю, что со мною дѣлается, пишу,

останавливаюсь, слишкомъ недѣля мое письмо продолжается, не помню что надо писать.—Послѣ того надо было оставаться ей величеству въ постель, и она такъ береглась, кажется, боялась пошевелиться въ первый день, т. е. въ среду 17-го числа; другие дни ложилась на бокъ, и все надо было поворачивать и поднимать, такъ она была слаба; однако и сама приподнималась, но съ нашою помощью, и какъ была всѣмъ довольна, то вы себѣ представить не можете; что ни сдѣлаютъ, какъ ни положатъ, за все благодарить: «*Comme c'est bien, comme c'est commode, comme je suis bien couchée, bien obligée, mes enfants, bien obligée, mes chers enfants.*». Что за кротость, что за терпѣніе во все времена болѣзни, то это непонятно; сколько разъ императору говорила, какъ ей усердно всѣ служить, что она такъ всѣми довольна, что она нахваливаться не можетъ, невозможно лучше и усерднѣе служить, какъ ей служить. Даже еще въ понедѣльникъ говорила, когда ходила съ императоромъ, и нѣсколько разъ это было повторяемо.

Въ среду, четвергъ и пятницу осталась въ постели и, казалось, ей отъ того было лучше; хотя ночью три и четыре раза что-нибудь спросить, но все не казалось опасно. Въ субботу, во второмъ часу, встала съ постели и я была въѣдь себя отъ радости; мнѣ что-то говорило: напрасно ты прежде времени радуешься; на субботу Рюль не почеваль у государыни, ибо и самъ сдѣлалась болень, но это даже и не нужно было; но только государь воспользовался этимъ случаемъ и предлагаетъ государынѣ взять другаго какого доктора, что Рюль не совсѣмъ здоровъ, и сохрани Богъ если онъ совсѣмъ сдѣлается болень; ея величество на то отвѣчаетъ, что никакого другаго доктора не нужно, а если Рюль сдѣлается болень, то она сама себя будетъ лечить; не забудьте, что Рюль давно просилъ государя, чтобы сдѣлать *conseil*, но государь боялся затушку встревожить.

Надо вамъ сказать, что государыня кушала и во всемъ находила вкусъ, даже всегда двѣ чашки желе скучаетъ и съ большими удовольствиемъ. На воскресеніе она не могла спать, то заставила читать газеты и тѣмъ ее успокоили. Въ это утро говорить: «вотъ сегодня я своимъ сномъ спала, и совершенно лучше себя чувствую». Надѣла тафтяную шинельку и сѣла на диванъ; послѣ обѣда легла на кушетку и часа два почивала; послѣ опять сѣла на диванъ и дѣлала корпю. Вилламовъ читалъ и она слу-

шала; но какъ ея величество легла этотъ день рано, то и не могла хорошо спать, и заставила ночью читать газеты, чѣмъ ее усыпили.

Въ воскресенье, т. е. 21-го числа, поутру, казалась хороша; Вилламова тогда не было, то я читала молитвы и библію; съ того дня какъ государыня сдѣлалась больна, то не могла сама читать, а всегда Вилламовъ; два раза императрица читала. Послѣ обѣда ея величество не изволила лечь на кушетку, а почивала сидя на диванѣ, подъ ноги подставили скамейку и ноги обвернули шальми; ввечеру была гораздо слабѣе,—мы думали отъ того, что сидя почивала, а не на кушеткѣ,—и даже иногда не хорошо слышала, такъ что раза три иногда надо было повторить. Послѣ 11-ти часовъ даже ужинала, за то хотѣла лечь позже, чтобы лучше уснуть; посидѣла долго и слушала чтѣ Вилламовъ читалъ, а сама дѣлала зорнію; я стояла подлѣ нея и складывала выдернутыя нитки. Но все что-то сидѣла нагнувшись, какъ будто ей трудно было голову поднимать; кто ни войдетъ, на кого ни взглянетъ, на всякаго улыбнется; казалось, она всякому подавала надежду, что ей лучше, и никто еще не отчаялся. Но какое-то тайное предчувствіе говорило, что не видать намъ ее здоровою по прежнему; мы другъ друга обманывали, нась—государыня, мы—ее: ибо когда на нее взглянешь и она улыбнется, то сердце возврадуется. Однако я въ воскресенье говорю: «намъ кажется, что государыня лучше, а она съ первого дня все въ одномъ положеніи»; но когда ложилась спать, то не могла еще хорошенъко лечь, какъ вся опустилась и лежитъ точно мертвая. Ахъ, Боже мой! Кажды мы испугались, видя ее вдругъ такою слабою, и все думаемъ, что она оттого ослабѣла, что не легла хорошенъко послѣ обѣда.

Ночью на 22-е октября, т. е. на понедѣльникъ, просыпалась почти каждые два часа; но утромъ имѣла такое прекрасное лицо—будто здоровая, и мы, бѣдныя, такъ обрадовались, и Рюль наша, что пульсъ былъ поутру очень хороши и покойны; послѣ синть находить, что пульсъ немногого agit . Государыня на то говорить: «vous m'avez dit ce matin que mon pouls était tranquille, et à cette heure vous me dites qu'il est agité; c'est très désagréable quand les m decins changent de paroles». Въ этотъ день ея величество дурно говорила; вечеромъ еще болѣе сидѣла нагнувшись. Рюль, видя ее въ такомъ положеніи, рѣшился ей бро-

сить кровь, по совету другихъ двухъ докторовъ, кои въ этотъ день только тутъ были. Ея величество тотчасъ сама согласилась и самъ императоръ тутъ былъ; меня всякий разъ била сильная лихорадка, однако надо было забывать себя. Это было уже 11 часовъ вечера. Крейтонъ пустилъ кровь, а я держала чашку и смотрѣла какъ шла кровь; выпустили три чашки, кровь была очень темная. Императоръ ободряетъ государыню, что ея глаза лучше, голось чище, и государыня очень бодрится.

Ахъ, Боже милосердый! что за непонятная болѣзнь. Я бы желала знать что чувствовала блаженная наша царица: кротка, добра, терпѣлива, но страдаетъ, ничѣмъ не жалуется, на всякаго милостиво взглянетъ, улыбнется. Этотъ день располагалась даже шить по кангѣ, но не въ силахъ была — то дѣлала корюю; еще до кровопусканія захотѣла выйти въ другую комнату, но черезъ силу, ибо до крайности была слаба, а все мы ничего не понимали, точно она хотѣла проститься съ любимою своею уборной, и въ тогъ день такъ была слаба, что когда ей надобно встать и передъ нею стоять и держать ее, то она лжетъ на плечо. Послѣ кровопусканія ее положили на диванъ, чтобы она успокоилась, но не давали заснуть. Черезъ два часа положили въ постель, и мы стояли всю ночь поперемѣнно и держали руки, чтобы не разшевелить (я не болѣе часу лежала въ эту ночь, такъ я была беспокойна, но не безъ надежды, воображая, что послѣ того ея величеству будетъ лучше), и намъ величи наблюдать всякое движеніе; Рюль самъ почти не вышелъ всю ночь изъ почивальной. Ея величество просыпалась каждый часъ, и всякой разъ спрашивала — который часъ, даже о насъ беспокоилась, что мы не спимъ.

23-го во вторникъ, въ 8-мъ часу утра, помолилась Богу и спросила чай, и послѣ того приказала мнѣ сѣсть подѣлъ нея, ибо она видѣла, что я очень берегла ея ручку. Даже утромъ говорить Государю: «я довольно хорошо спала, но она мнѣ мѣшала, ибо очень берегла мою руку». Государь говорить, что это очень хорошо и должно было беречь. Голосъ не чище вчерашняго, даже забывала, что пила чай, и спросила еще въ 10 часовъ и выпила чашку и нѣсколько разъ спрашивала, — молилася ли она Богу.

И такъ, весь этотъ день Ея Величество когда спала, то не совсѣмъ закрывала глаза, а когда не спала, то не совсѣмъ откры-

вала, а въ половину; но какъ я вдругъ испугалась, видя ее точно умирающей—это было въ 12-мъ часу: лежать тихо, легко дышать, точно засыпаетъ, глядѣть въ полъ-глаза, слезка выпадали. Ахъ, Боже милосердый, сѣять ли теряется изъ глазъ? сама едва стояла на ногахъ, всѣ стоять поодаль кровати, гляжу на всѣхъ и вижу, что всѣ въ лицѣ перемѣнились. Въ этотъ день давали принимать камфору, на то государыня: «вѣрно ужасная будетъ нервическая горячка?» Послѣ того привнесли испанскую муху, на что ея величество говорить: «on veut me mettre la mouche, mais il est dѣj  trop tard». Однако послѣ того сидѣла не одинъ разъ, и послѣдній разъ кашала супъ и желе; самъ государь тутъ былъ, держа въ тарелку, наливали бульонъ и все еще хорошо было; нѣсколько разъ послѣ того поднимали и всякой разъ весело на всѣхъ поглядывала. А я такъ была глупа, что все надѣялась, меня же увѣрали наши, что это отъ слабости такъ бываетъ, то я бы была все въ надеждѣ; притомъ же очень боялась помыслить въ худую сторону. Ахъ, я бѣдное, несчастное твореніе, должна была наконецъ перенести такое ужасное несчастіе; не постигаю даже, какъ я только могла перенести это все. Вдругъ въ 7 часовъ слышу, что государь ей предлагаетъ причаститься, ибо ея величество наканунѣ еще говорила, что если ее находить такъ худо, то она лучше бы желала приготовиться, то государь и воспользовался симъ случаемъ. На что государыня говорить: «не лучше ли оставить до утра, развѣ ее находить такъ опасно?» Государь говорить: «j'esp re pas encore, mais ce serait manquer à notre Seigneur». Государыня тотчасъ согласилась и приказала позвать духовника. Послали за духовникомъ, между тѣмъ Государыня позвала Вилламова; послѣ того стала молиться Богу, дабы приготовиться къ принятію Святыхъ Таинствъ. Послѣ того просить непремѣнно ее переложить на кушетку; исполнили желаніе и переложили вмѣстѣ съ тюфякомъ; послѣ того еще просить: «попустите меня, я хочу встать». Всѣ просятъ остаться лежать, чтобы не простудиться, но нѣть, все просить: «пожалуйста, сдѣлайте мнѣ это удовольствіе». Императоръ съ императрицей плачутъ, ибо не понимаютъ чего желаетъ. Наконецъ я говорю: попѣште ради Бога, спустите только ноги; вотъ подставили стулья, подложили толстый салопъ, надѣли шаль и спустили ноги; симъ была ея величество очень довольна; между тѣмъ входить духов-

ниет: «подаждите, батюшка мой, сдѣлайте милость, подаждите», говорить твердымъ голосомъ; «теперь положите меня на кровать». И посадили, вошелъ духовникъ. «Il faut que vous sortiez, mes enfants, par ce que je dois me confesser».

Надо было видѣть съ какимъ чувствомъ и съ какою твердостью государыня вала въ руки образъ и стала говорить свои чувства; тутъ я не смѣла оставаться дольше, но это скоро кончилось и мы опять вѣвъ вошли. Императоръ, императрица и всѣ плакали; при насть ея величество пребывало въ послѣдній разъ. Ахъ, Боже, каково намъ было это все видѣть; я не чувствовала, что съ нами дѣлается. Императоръ вышелъ съ духовникомъ, послѣ того ея величество легла и премѣтно ослабѣла и началась молитва благословлять. «Adieu, mes enfants, adieu, mes chers enfants, je vous bénis; прощайте, я васъ благословляю; adieu, nous nous verrons». Съ какою твердостью духа и въ какой памяти, чтобы всѣ поняли, что она говоритъ. Государь слышитъ, что съ нами прощается, входить и бросается на колѣни, императрица — по другую сторону; императоръ подводитъ Великаго Князя Наслѣдника Александра для благословенія: «voilà mon garçon, шапан», но государыня не слышитъ; послѣ сама его спросила; государь въ риданіи цѣлуетъ руки и просить, чтобы ея величество благословилъ каждого изъ дѣтей своихъ: «Voilà, шапан, pour Constantin, pour Michel, pour Marie, pour Anne, pour Hélène» — для каждого съ остановкой. Потомъ спрашиваетъ Государь: не угодно ли видѣть другихъ дѣтей?

— «Oui, où sont ils, amenez-les me!»; это уже было 11 часовъ.

Примѣчаніе. Здѣсь обрывается письмо Настасіи Черкашевой, дошедшее до насъ въ косуткахъ, довольно связано и нечетко написанное.

Дополняемъ этотъ разсказъ нѣкоторыми подробностями изъ «Исторіи Николая I-го» соч. Ла-Круа:

17-го (29-го) октября 1828 г., состояніе здоровья императрицы Маріи Феодоровны, по видимому, улучшилось; она спала тихимъ сномъ; сны въ ней возвратились: она могла привстать. Окружающіе вздохнули свободѣте, почтая ее вѣтъ повторенія припадка.

Въ теченіе послѣдующихъ трехъ дней положеніе больной, дѣйствительное, не ухудшалось: она сама вполнѣ вѣрила въ близкое выздоровленіе, но лѣкарское безпокойство не исчезало.

Она, всегда столь воздержная въ рѣчахъ, непрерывно говорила, исключ-

тельно о войнѣ: рассказывала сына, настоятельно требуя обстоятельствъ подробностей о его пребываніи въ арміи, объ опасностяхъ, которымъ онъ подвергался, о страшахъ, которымъ преризналъ, о битвахъ, въ которыхъ участвовалъ, о мельчайшихъ эпизодахъ опасного его путешествія. Императоръ съ величайшою охотою испытывалъ желаніе своей высоко-чтимой родительницы, а императрица Александра Феодоровна, находившаяся при ней безотлучно, слушала съ неменьшимъ участіемъ эти рассказы, передаваемые больной.

Императрица-матерь съ особеною заботливостью освѣдомлялась о положеніи перевязочныхъ пунктовъ и госпиталей арміи, ибо она помнила, что ея вѣдѣнію вѣроено главное управление всѣми богоугодными и благотворительными заведеніями, и выѣздила себѣ какъ бы въ обязанность утомительные распросы относительно попеченій, прилагаемыхъ о больныхъ и раненыхъ. Постыденіе ея сыномъ госпиталей Бабадага и Кюстенджа, где свирѣпствовали тифъ и чума, тронуло ее до слезъ; она ежеминутно съ возрастающимъ волненіемъ возвращалась къ этому предмету разговора и въ одну изъ подобныхъ минутъ, какъ-бы подъ импіемъ внезапнаго вдохновенія, она начертала слѣдующій рескрипѣтъ на имя графа Воронцова, генераль-губернатора Новороссійскаго края и Бессарбіи.

— «Графъ Михаилъ Семеновичъ! Желаю содѣйствовать хотя-бы и слабымъ приношеніемъ облегченію страданій храбрыхъ воиновъ, пролившихъ кровь на полѣ чести за государя и отечество, обращаясь къ усердію и заботливости вашимъ, неустанно вами прилагаемымъ для содѣйствія всякому добруму намѣренію. При семъ получите вы сумму въ пятнадцать тысячъ рублей, которую, въ особенное для меня одолженіе, обратите на пособіе офицерамъ, унтер-офицерамъ и рядовымъ, какъ гвардіи, такъ и арміи, которые будуть въ таковыхъ нуждахъ по выходѣ изъ госпиталей. Желаю, чтобы при раздачѣ этой суммы руководствовались правилами, установленными при раздачѣ пособій изъ капитала, завѣщанного на сей предметъ императрицею, мою возлюбленную свекровью. Къ сему присоединяю нѣкоторое количество корпикъ, именемъ изготовленной для раненыхъ воиновъ, находящихся въ госпиталяхъ. Полагаясь при сихъ распоряженіяхъ на вашу пламенную любовь къ добру, прошу васъ, по мѣрѣ поступлениія ихъ, присыпать мѣтъ списки воиновъ, которымъ выданы будутъ денежныя пособія. Есть съ истиннымъ уваженіемъ и искреннею благосклонностью вамъ добромелательная — Марія». С.-Петербургъ, 21-го октября 1828 года.

Это новое благодѣяніе, оказанное одесскому военному госпиталю императрицею-матерью; было, такъ сказать, послѣднимъ подвигомъ жизни этой великодушной и милосердной государыни.

Въ тотъ самый день, въ который она диктовала упомянутый рескрипѣтъ, въ общемъ состояніи ея здоровья произошла внезапная перемѣна, обнаружившаяся постепеннымъ ослабленіемъ всѣхъ ея способностей: душа, зрѣніе и

шамять были до такой степени угнетены, что доктора, привлеченные на консультацию, признали несомненным аспептический припадок; приложили всевозможные къ его предотвращению, но было уже слишком поздно.

По приказанию ординарныхъ докторовъ ея величества гг. Рюля и Крейтона, былапущена кровь: это кровопускание произвело дѣйствіе диаметрально противоположное ожидаемому. Поэтому обвинили докторовъ въ томъ, что они своею нерѣшительностью допустили усиление болѣзни, перешедшей въ неизлечимую.

Августейшая больная оставалась безъ чувствъ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, приходя по временамъ въ себя какъ-бы для сознанія своего безнадежного положенія и для приготовленія себѣ къ смерти. Она скончалась въ ночь на 24-е октября, въ два часа, сожалѣя объ отсутствіи обоихъ своихъ сыновей Константина и Михаила, которыхъ желала обнять въ послѣдній разъ.

— «Я удивилась,—говорила она при agonіи,—и удивлялась, какъ я такъ долго могла пережить моего возлюбленного сына, блаженнейшій памяти Александра! Я отхожу къ нему,—прибавила она,—и на небесахъ мы оба будемъ жить за всѣхъ васъ и за нашу святую Русь!»

Жители Петербурга, пробудясь отъ звона колоколовъ во всѣхъ церквяхъ столицы, узнали о кончинѣ императрицы-матери.

— «Всевышнему было угодно поразить насть новымъ страшнымъ ударомъ—такъ возвѣщено было Россіи, манифестомъ 24-го октября 1828 г., о кончинѣ императрицы Марии Феодоровны,—«болѣзнь слабая въ началѣ и внезапно усилившаяся, 24-го октября, въ два часа пополуночи, положила конецъ ея драгоценной жизни, коей всѣ минуты были посвящены исполненію обязанностей высокой добродѣтели».... и даѣте: «да успоконитъ Господь на хонѣ Своемъ я кроткую душу, бывшую вмѣстлищемъ всѣхъ нѣжныхъ чувствъ и доблестей».

АЛЕКСІЙ ГАВРИЛОВИЧ ВЕНЕЦІАНОВЪ, ОТЕЦЪ РУССКОЙ БЫТОВОЙ ЖИВОПИСІ.

II¹⁾.

(Продолженіе).

Прошло полтора мѣсяца отъ принятія Тыранова подъ покровительство общества поощренія худонниковъ, какъ Венеціановъ письменно заявилъ (10-го марта 1825 г.) ходатайство о другомъ талантѣ, «который безъ учителей, безъ наставниковъ, занимаясь художествомъ по страсти, окказалъ уже значущіе успѣхи въ той части художества, для которой нужны болѣе природныя способности, нежели какія либо принятыя правила».

«Три года тому назадъ,—писалъ Венеціановъ,—будучи въ Теребенскомъ монастырѣ, Вышневолоцкаго уѣзда, замѣтилъ я между живописцами-работниками одного, который писалъ смылѣе всѣхъ прочихъ и былъ моложе другихъ. Отвѣты его на нѣкоторые мои вопросы были довольно удовлетворительны. Узнавъ, что и я художникъ, онъ обратился ко мнѣ съ просьбою дать ему советы: тѣ, которые даваль мастеръ, казались ему неясными и неточными. Пригласивъ его къ себѣ, я показалъ ему случившіяся картины. Толковалъ о необходимости знанія рисунка, который есть главнѣйшій путь къ достижению совершенства въ живописи; говорилъ, что искать его должно въ хорошихъ произведеніяхъ и въ натурѣ. А какъ хорошихъ произведеній онъ видѣть не можетъ живя въ томъ мѣстѣ, то рекомендовалъ ему копировать натуру, увѣривъ, что и она доведетъ его до большой степени знанія. Онъ послѣдовалъ моему наставленію и прошлаго года удивилъ меня совершенно живописью предметовъ и эффектомъ иконостаса, который писалъ въ сосѣднемъ съ моимъ

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXIII, стр. 265—280.

сельцомъ погостѣ. Удивилъ не меныше и карикатурами, которыя написалъ онъ. Общество увидитъ изъ представляемой картины художника сего— силу его знанія и способностей. Пріѣхавъ въ прошедшемъ сентябрѣ мѣсяцѣ сюда, я предлагалъ ему пріѣхать въ Петербургъ и заняться рисованіемъ въ академіи, что для него всего нужно. Онъ съ восторгомъ на сіе рѣшился, но страшится дорогаго содержанія и боится умереть съ голода въ Петербургѣ, какъ онъ пишетъ ко мнѣ. Убѣжденъ будучи, что художникъ сей скорѣе выиграетъ здѣсь и въ знаніяхъ, и въ состояніи, и, быть можетъ, сдѣлается отличнѣйшимъ, я намѣренъ вызвать его сюда, дать квартиру и столъ, заставить у себя рисовать съ гипсовъ, ходить въ классы академіи. Но, какъ будучи только въ зависимости отъ одного меня, онъ будетъ располагать собою по своей волѣ и, статья можетъ, раньше перестанетъ учиться, нежели должно, то, чтобы связать его и пріохотить надежнѣе, я прошу покорнѣйше общество поощренія художниковъ объявить ему предварительно о своемъ покровительствѣ и дать обѣщаніе, если онъ окажетъ успѣхи и заслужить отъ академіи 1-ю серебряную медаль, занять его для общества работою рублей на тысячу или болѣе. Это можетъ возвбудить въ немъ рвение, отвлечь отъ занятій для гостиаго двора и послужить къ истинной его пользѣ. Что же касается до выполненія сего обѣщанія, то оно не можетъ, кажется, затруднить общество, ибо по одной литографической части, я увѣренъ, иные прилежные художники, между дѣломъ трудясь, могутъ выработать въ годъ несравненно большую сумму. Художникъ, о которомъ имѣю честь представлять, есть каллязинскій мѣщанинъ Никифоръ Степановъ, по прозванію Крыловъ, имѣющій отъ рода съ небольшимъ 20 лѣтъ».

Въ этомъ письмѣ бросается въ глаза политика А. Г. Венеціанова, подлажившагося подъ вкусъ высокихъ меценатовъ, толковавшихъ о подчиненности. Самъ Венеціановъ, добрѣйшій изъ смертныхъ, и не думалъ своимъ ученикамъ въ чемъ либо стѣснять, заботясь главнѣе всего и прежде всего о ихъ артистическомъ развитіи. Предложеніе о литографическомъ рисованіи для изданій общества поощренія художниковъ, въ то время задумавшаго занять вдругъ нѣсколько рисовальщиковъ, — заслуживаетъ объясненія. Въ одномъ изъ предпріятій общества заинтересованъ былъ лично Венеціановъ. Это было изданіе въ литографіяхъ его собственныхъ твореній и произведеній мастеровъ фланандской и голландской школъ, находящихся въ Эрмитажѣ, съ иллюминированіемъ съ оригиналами красками имъ самимъ и его учениками. Никифоръ Крыловъ и Тырановъ были заняты обоими родами работъ: рисовали

и раскрашивали. Крыловымъ нарисованы, напримѣръ, пара крестьянскихъ дѣвушекъ съ куклами, надъ корзинкою, прикрытою одѣяльцемъ—«Настя съ Машей». Общество поощренія художниковъ хотѣло, чтобы Венеціановъ, получавшій большую часть продажной цѣнны экземпляровъ, принять на свой счетъ хотя печатаніе литографій, но онъ, въ приготовленномъ по этому случаю условіи (18-го февраля 1826 г.) отъ печатанія на его счетъ отказался, требуя, «чтобы ему иллюминовать никакъ не менѣе 12-ти предметовъ изъ его собственныхъ. Ему бы хотѣлось въ нихъ помѣстить хозяйку, раздающу бабамъ ленъ». Картина эта находилась у вдовствующей императрицы Елизаветы Алексѣевны, но онъ надѣялся, что Н. М. Лонгиновъ исходатайствуетъ позволеніе ея величества на рисование и издание. Хотѣлъ Венеціановъ «всего иллюминовать 600 экземпляровъ и кончить ихъ въ годъ, получая, при доставленіи работы, никакъ не менѣе 10 руб. за экземпляръ», т. е. выручить 6,000 руб., по его расчету достаточныхъ на обеспеченіе на два года содержанія учениковъ и семейства, при тогдашней депевизнѣ еще жизни даже въ Петербургѣ.

А для сокращенія издержекъ, онъ расчитывалъ съ мая по сентябрь прожить «въ деревнѣ, заняться произведеніемъ новыхъ предметовъ съ натуры». Поэтому, на лѣтніе мѣсяцы оговаривалъ въ условіи—не требовать отъ него доставленія иллюминированныхъ рисунковъ, окончивъ до весны и сдавъ по 25-ти, «вышедшихъ шести предметовъ и, еще не отпечатанного, 7-го». Первые двѣ картинки мы выше указали, это—работы Тиранова и Крылова. Послѣ «гумна», Венеціановъ написалъ цѣлый рядъ простонародныхъ типовъ и сценъ, съ одною, двумя фигурами; самая сложная изъ нихъ композиція была картина, выполненная для императрицы Елизаветы Алексѣевны, «хозяйка, раздающая ленъ бабамъ» (1824 г.).

По собственнымъ словамъ художника, вслѣдъ за нею написалъ онъ картинки: «крестьянка, чешущая шерсть», «деревенская хозяйка за завтракомъ», «одѣвающейся мужичокъ» и «спящій пастушокъ» (1825 г.). На выставку въ академіи художествъ, въ 1824 году, кроме ихъ Венеціановъ поставилъ еще двѣ фигурки мальчиковъ. Первая «Вотъ-то и батькинъ обѣдъ!»—присѣвшій, пригорюнясь, въ лѣсу мальчикъ съ собакой, съ пустымъ буракомъ, изъ котораго вылились щи,—находится у Н. Д. Быкова. Не менѣе интересовала публику на выставкѣ, серьезностью выраженія на лицѣ, погруженный въ занятіе, считая себя большими, «мальчикъ, свишающій лыки въ клубокъ». Какъ на изображенія дѣйствій никогда невиданныхъ, глаза стоячая знать и на крестьянокъ, написан-

ныхъ кистью Венеціанова, съ полюю оригинальностью присущаго имъ выраженія. Это были двѣ картинки, составлявшія pendant (одна къ другой): «крестьянка съ грибами, въ лѣсу», и «крестьянина, занятаго чесаньемъ волны, въ избѣ». Въ обществѣ поощренія художниковъ устроенная весною 1826 года выставка розыгрышной лотереи заключала еще двѣ отдѣльныя «головки крестьянокъ», приобрѣтенныя П. П. Свінинъ и попавшія въ его коллекцію. Какъ известно, съ первой же лотереи своей общество поощренія художниковъ помѣщало въ число выигрышной раскрашенныя литографіи, и живой интересъ, возбуждаемый въ публикѣ произведеніями Венеціанова, давалъ надежду имѣть не просто успѣхъ, но даже выручить на изданіи сценъ народной жизни «капиталъ затрачиваемый, съ хорошими процентами». Поэтому, заключая условіе съ обществомъ, Венеціановъ вставилъ въ него и слѣдующее предложеніе: «4. По отпечатаніи на счетъ общества двухъ картинокъ по 200 экземпляровъ, рисованныхъ Тырановымъ, Венеціановъ предлагаетъ, чтобы общество оные продавало по 3 руб. пару и первою выручкою возвратило свои издержки за бумагу и напечатаніе слишкомъ 400 экземпляровъ. Потомъ бы по 100 оттисковъ продано въ пользу Тыранова за его трудъ. Рисунки же, которыхъ Тырановъ не доставитъ обществу, по числу (обозначенному) въ квитанціяхъ Венеціанова Гельмерсену¹⁾, обществу считать въ числѣ 100, слѣдующихъ въ пользу Тыранова».

Судя же по силѣ интереса, возбужденного картинками Венеціанова,—послѣ выставки 1824 года сдѣлавшимися предметомъ разговоровъ не между одними уже любителями отечественнаго искусства,—художникъ имѣть основанія ожидать успѣха. Назначая самую скромную цифру продажныхъ экземпляровъ литографій (по 50 экзempl. для покрытия издержекъ и на изданіе 200 рисунковъ), онъ могъ надѣяться, съ осуществленіемъ предпріятія, имѣть 2,000 рублей, что, по финансовымъ цѣлямъ, для него такъ важно было въ это время. Обращаясь въ концѣ предложенія къ общему расчету, при взываніи шансовъ удачи и неуспѣха, Венеціановъ приходилъ къ заключенію, что, «продавая по 12 руб. 50 коп. картинку (замѣнявшую въ нѣкоторомъ случаѣ оригиналъ его, такъ какъ раскраска отъ руки производилась самимъ авторомъ), общество поощренія художниковъ имѣетъ (за издержками на коммисію 1 р. 25 к. и на иллюминовку 10 р.—по 1 р. 25 коп. отъ каждой картинки пользы; а отъ 25 картинокъ 31 р. 25 к.). Слѣдовательно, изъ платы за 50 экземпляровъ покрывался расходъ на камень и рисованіе (30 р.). Въ та-

¹⁾ Литографу, печатавшему съ камня.

кой-же платъ за рисование на камнѣ, у Венеціанова была: 1) цѣль та, чтобы молодой художникъ былъ награжденъ публикою по мѣрѣ его выполненія, и 2) чтобы не обременить общества издержками для совершенно новыхъ и еще, какъ бы сказать, дикихъ предметовъ».

Напечатанныя разрядкой слова въ изложениі Венеціанова были отголоскомъ мнѣній академическихъ аристарховъ, этимъ эпитетомъ покуда клеймившихъ «этюды безусловнаго подражанія натурѣ» Венеціанова. Они никакъ не могли понять при своемъ взглядѣ на вещи: что можетъ здѣсь нравиться публикѣ, толпящейся передъ маленькими холстиками мужичъихъ портретовъ, когда ихъ собственные высокоблагородные сюжеты и портреты высокопоставленныхъ лицъ заслуживали только мимолетнаго взгляда проходящихъ по выставкѣ. Академические судьи, трактовавшіе автора народныхъ картинокъ, полныхъ жизни, могли бы впрочемъ замѣтить, что и передъ портретомъ А. М. Полтрапакаго, писаннымъ Венеціановымъ, тоже 'не надолго останавливались зрители, хотя онъ, безспорно, былъ хорошъ и похулить живопись съ технической стороны было трудно. Дѣло въ томъ однако, что портретный родъ одною техникою не могъ привлекать и тогда уже общаго вниманія (на экземпляры, мало разницшеія другъ отъ друга, при условности позы, въ то время, не говоря уже о ничтожности выраженія на лицахъ и некрасотѣ костюма вообще, тогда какъ струйка чувства національности въ первый разъ еще забила сильно въ безхитростныхъ на видъ этюдахъ Венеціанова, разломавшихъ разомъ ледъ приличій и условій, державшихъ до того въ оковахъ мысль русскихъ живописцевъ-композиторовъ, занимавшихся всѣмъ чѣмъ угодно, кроме своего, непосредственнаго, окружающаго).

Извѣстный самъ въ свое время художникъ-любитель, заявившій одинаковое умѣніе владѣть кистью не менѣе удачно какъ и первомъ, издатель первыхъ «Отечественныхъ Записокъ», академикъ живописи Императорской академіи художествъ, Павелъ Петровичъ Свинынъ, обозрѣвая выставку въ академіи, въ 1827 году, трудамъ Венеціанова посвятилъ (несколько теплыхъ строкъ). Отзытъ Свинына для насъ особенно важенъ потому, что издатель «Отечественныхъ Записокъ» преклонился предъ нашими корифеями исторической живописи и, стало быть, хвалилъ Венеціанова,—представителя противнаго лагеря,—высказалъ дѣйствительно тронувшее его самого глубоко. Въ подстрочномъ примѣчаніи рецензентъ еще счѣлъ нужнымъ оговориться, что «слуги Венеціанова отечественнымъ художествамъ возбуждаютъ къ нему уваженіе». Для того времени, это сильно сказано. Особенное значеніе придается тутъ оговорка, что за-

слуги Венеціанова искусству, по смыслу словъ рецензента, заключались, кроме дѣятельности по школѣ, въ вѣрности передачи эффектовъ русской природы. Относительно этого качества живописи Свінинъ приводить уже не личное свое мнѣніе, а впечатлѣніе, производимое картинами Венеціанова на выставкѣ между зрителями. «Особенное вниманіе публики,—замѣчаетъ обозрѣватель выставки,— обращалось здѣсь на произведенія г. Венеціанова, состоящія, какъ обыкновенно, изъ небольшихъ картинъ, пѣняющихся русскаго патріота вѣрнымъ изображеніемъ предметовъ, близкихъ его сердцу. Эти лица, это небо, эти вещи,—все это русское, все невымыслившее, все взято съ самой природы. Оттого-то картины г. Венеціанова нравятся и намъ и иностранцамъ; оттого-то мы и видимъ удивительные успѣхи его школы».

Павелъ Петровичъ Свінинъ никогда не былъ энтузиастомъ и осмѣливался даже рѣако осуждать первокласснаго мастера-натуралиста каковъ портретистъ Доу. Поэтому можно понять, что живость передачи натуры не только въ собственныхъ твореніяхъ Венеціанова,—колористомъ не признавать котораго мы не можемъ и теперь,—но даже въ первыхъ, слабыхъ во всякомъ случаѣ, попыткахъ добиться эффекта у учениковъ его. Работы ихъ, да воспитанниковъ общества поощренія художниковъ (не ходившихъ къ Венеціанову, а учившихся у профессоровъ академіи) наполняли въ этотъ разъ двѣ залы, давая возможность подмѣтить у всѣхъ ихъ признаки таланта разной величины.

III.

Вотъ по возможности полный перечень учениковъ Венеціанова, насколько намъ удалось добраться изъ разностороннихъ указаний.

1. Раньше попавшій къ Венеціанову, младшій Тырановъ, съ конца 1824 года принявшиися рисовать съ бюстовъ, скоро былъ переведенъ въ натурный классъ въ академіи и уже въ апрѣлѣ 1825 года написалъ украдкою свой портретъ. На этомъ быстромъ опытѣ обработки глаза его Венеціановъ больше всего нашелъ подтвержденіе вѣрности приема своего въ руководствѣ начинаящаго. Написанный же Тырановымъ, послѣ своего, «портретъ мальчика» такъ былъ хорошъ, что заслужилъ одобреніе императрицы Елизаветы Алексѣевны. Императрица же Марія Федоровна, пожелавъ видѣть самый опытъ начинаящаго, благоволила вслѣдъ затѣмъ вѣрить Венеціанову молодаго глухонѣмаго, Баллера. Отдавая этого обиженнаго природою молодаго

человѣка, ея величество имѣла въ виду цѣль убѣдиться легко ли усвоенъ будетъ рисунокъ Беллеромъ, относительно развитія котораго наставники училища глухонѣмыхъ давали отвѣты отрицательные. Конечно, Беллеръ далеко отставалъ отъ другихъ учениковъ Венеціанова и ему стоило сперва большихъ трудовъ втолковать несчастному самому суть пріема. Но, разъ понявъ въ чёмъ дѣло, и Беллеръ научился писать съ натуры хорошо, хотя не такъ скоро, какъ мы объяснимъ въ свое время, не забывая впередъ. Тирановъ же, послѣ первыхъ двухъ головокъ, получивъ страстную охоту писать съ натуры и съ каждымъ новымъ этюдомъ дѣлалъ попытки разнообразить положеніе модели и условія паденія свѣта, такъ что каждый этюдъ его былъ самъ по себѣ интересенъ, пѣнная прелестью кисти, жизненностью и игрой освѣщенія, большей частью солнечнаго, но скользящаго, бокового, съ отраженіемъ въ тѣни, или съ отсвѣтомъ на тѣлѣ какого либо яркаго колера. Отъ этого этюды Тиранова съ 1826 года уже начали раскупаться на-расхвать на выставкѣ общества поощренія художниковъ. Въ половинѣ 1826 года написана имъ была перспективная картина «внутренность французской эрмитажной библіотеки», въ которую чѣмъ больше вглядывалась, тѣмъ обаятельнѣе казалась передача натуры. «Видъ на р. Тоснѣ, близъ села Николаевскаго» (на выставкѣ 1827 г.) былъ выполненъ другою, впрочемъ, манерою, не менѣе поражавшею, а двѣ портретныхъ головы, «старика» и «дѣвушки» (съ теленкомъ), заключали опредѣлявшіяся уже достоинства молодаго таланта колориста.

2. Крыловъ, поразившій передачею натуры самого Венеціанова еще въ 1824 году,—по пріѣздѣ въ Петербургъ, на первыхъ же порахъ такъ написалъ «видъ изъ окна на палисадникъ, передъ квартирой», что восхищенный Венеціановъ носилъ его всюду показывать и представилъ императрицѣ Елизавѣтѣ Алексѣевнѣ, изволившей оставить его у себя. Этотъ первый опытъ пейзажной живописи возбудилъ въ Крылова сильное желаніе изобразить картину зимы, виѣ города, гдѣ нибудь. У Венеціанова было много знакомыхъ, горячо относящихся къ искусству. Изъ числа этихъ почитателей искусства и художника, были купцы братья Чернягина, имѣвшіе въ Тоснѣ химическій заводъ. Услышавъ отъ хлопотуна Венеціанова о затѣ ученика его—написать зимній видъ съ натуры, любезные заводчики изъявили полную готовность помочь съ своей стороны осуществленію предпріятія. Они увезли Крылова къ себѣ, и предоставивъ ему выбрать пунктъ, съ котораго казалось бы ему удобнѣе писать этюды зимней природы, на этомъ мѣстѣ построили деревянный домъ для мастерской, съ примѣненіемъ для возможнаго удобства въ работѣ. Въ быстро по-

съищемъ помѣщенія, на праздникъ Рождества въ 1826 году, Крыловъ принялъ за работу и въ мѣсяцъ написалъ все съ натурѣ, что нужно для картины. Особенно хорошо въ ней передать молодой художникъ колодный воздухъ и всѣ планы, кромѣ ближайшаго, на которомъ сѣть вышагъ очень грубыми. Этотъ единственный недостатокъ не помѣшилъ, впрочемъ, картинѣ Крылова на выставкѣ 1827 года производить сильное впечатлѣніе обаятельно съваченнаго живописи освѣщеніемъ, туманностью дали и всѣми оттенками хорошѣ съхраненіемъ въ памяти стужи. Живя у Чернагоринъ, Крыловъ написалъ, въ рость, старшаго изъ братьевъ, представивъ его наблюдавшемъ измѣненіе ареометра, сидя передъ входомъ въ заводъ св. Винцентія и сосредоточеніемъ на лицѣ химика, да стоящая передъ нимъ лягавая собака—поражали всѣхъ правдой и живостью. Не меньшее окончательно выполнено было и мѣхъ на шубѣ, обманывавшій зрителей, невольно касавшихся рукою до полотна; не такъ удаченъ былъ только расчетъ перспективы. Бѣзъ этого небольшаго изъяна, сдѣвало бы Крылова за эту картину сдѣлать профессоромъ живописи, какъ замѣтили любители. Но и промахъ перспективы не могъ помѣшать судью изящнаго—другой только годъ учившагося—наградить золотою медалью, вмѣстѣ съ Тирановыми и братьями Чернецовыми, бывшими въ академіи уже по шести лѣтъ.

Цѣлители находили достойными золотой же медали и третьего ученика Венеціанова, Александра Алексѣевича Алексѣева, написавшаго къ выставкѣ «мастерскую Венеціанова», но медалей отъ общества поощренія художниковъ получено было на этотъ разъ только двѣ. Неимѣніе третьей медали вызвало даже заявленіе союза, что Алексѣевъ достоинъ ея и рекомендуется обществу «за признанный въ умѣніи художникѣ деревянія». «Мастерская Венеціанова» заключала, кромѣ прекраснаго расчета линейной и воздушной перспективы, еще интересную сцену. Одинъ ученикъ изображенъ былъ списывавшимъ девушки, въ русскомъ платьѣ, отражавшуюся въ зеркальѣ, вошедшемъ въ простыни между двумя окнами, тогда какъ другой ученикъ заглядывалъ на модель и, передвигая свой мольбертъ, здѣль за начатую картину товарища. Трудность передачи момента въ краскахъ тутъ усиlena была еще боковыми лучами изъ другой комнаты, черезъ растворенные двери падающими на полъ, слегка скользнувшими по гиссамъ, которыми заставлена вся правая сторона картины. Написавши эту, трудную въ техническомъ отношеніи, сцену былъ тотъ мальчикъ, котораго въ апрѣль 1823 года нашелъ Венеціановъ у Крылова копировавшимъ съ эстампа «св. семейство» Леонарда да-Винчи. Отданъ онъ былъ въ ученики къ хозяину Крылова,

живописному мастеру, въ годы, номъщицею (Ольго Николаевной Куминовой), въ 1825 году, по занятію общества поощрения художниковъ давшей ему свободу сдѣлаться художникомъ. Своими быстрыми усѣйками Алексѣевъ оправдалъ довѣренность Венеціанову общества поощрения художниковъ, оканчившаго отцу вашей бывшей бывшей живописи всевозможная одолженія, и вліяніемъ своимъ, и денежными средствами. Ходатайство объ освобожденіи рѣзъ прѣсторонней зависимости Алексѣева (по запискѣ Венеціанова, 2-го сентября 1826 года) и Златова было первымъ опытомъ благоволенія общества къ усердному выводителю талантовъ изъ ничтожества. Статья-секретарь П. А. Кикнинъ, предсѣдатель общества поощрения художниковъ, вследу немедленно писалъ, кудѣ назначать изъ своихъ записокъ Венеціанову.

4. Александръ Алексѣевичъ Златовъ былъ четвертый воспитанникъ Венеціанова, способностями уступавшій тремъ первымъ только ради молодости. Онъ былъ тоже изъ крестьянъ и принадлежалъ родственницѣ Куминовой, номѣщицея небольшаго числа душъ, Надеждѣ Михайловой Змѣевой, которая не затруднилась освободить одного изъ крестьянъ, бывшихъ у ней, можно сказать, на счету. Она не потребовала даже никакого вознагражденія отъ общества поощрения художниковъ, готоваго бы и на выкупъ мальчика съ дарованіемъ. Златовъ дамеко, вирочемъ, не щечь.

5. Александра Ивановича Беллера, глухонѣмаго, должны мы, по времени поступлѣнія, считать пятымъ у Венеціанова.

Вліяніе многозначившаго и въ то время общества поощрения художниковъ, въ дѣйствіяхъ котораго принимали участіе очень вліятельные люди, безъ сомнѣнія, сильно поднимало авторитетъ Венеціанова, находившаго милостивую поддержку въ министрѣ Императорскаго двора, князѣ Петру Михайловичу Волконскому (черезъ посредство основателя общества поощрения художниковъ, П. А. Кикнину, на дочери котораго, Марѣ Петровнѣ, женатъ былъ старшій сынъ князя, Дмитрій Петровичъ).

Надѣясь на эту поддержку, Венеціановъ и обратился по начальству, къ президенту А. Н. Оленину, съ запискою 30-го марта 1827 года. Въ запискѣ, изложивъ милости, оказывавшіяся ему императоромъ Александромъ I и его августейшему супругу, описалъ онъ успѣхи своихъ учениковъ, особенно Тыранова. «Тырановъ, по двухъ лѣтнемъ учены у меня (смѣю утвердительно сказать, что до меня никакъ не рисовалъ), написалъ библіотеку Эрмитажа, которая, промпилаго года, княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынскимъ¹⁾

¹⁾ Тоже членомъ общества поощрения художниковъ.

была представлена государю императору и мой юный Тирановъ получилъ милостивую награду—перстень. А я питало желаніе продолжать мой путь: представлять августейшему монарху успѣхи моихъ воспитанниковъ, одинъ за другимъ, и показать слѣдствіе и употребленіе мое милостой покойнаго государя императора, а вмѣсть съ симъ просить его сдѣлать мнѣ вспоможеніе, подобное въ Бозѣ почивающему августейшему брату его, для того, что я уже для содержанія ежедневно натурщиковъ, для заведенія гипсовъ, для большой квартиры, и прочаго, и для содержанія самихъ воспитанниковъ задолжалъ болѣе 4,000 руб.

«Вотъ, ваше превосходительство, чистѣйшая истина первой цѣли моего представлѣнія картинокъ государю императору, а вторая есть желаніе видѣть въ русской галлереѣ продолженіе своихъ трудовъ, въ лицахъ совершенно русскихъ.

«Четверо моихъ воспитанниковъ находятся подъ покровительствомъ общества поощренія художниковъ, котораго я никогда не смѣль обременять издержками для нихъ, зная большия расходы общества для общей пользы художниковъ. И потому они на всѣмъ моемъ содержаніи».

Это откровенное признаніе имѣло полный успѣхъ. Апрѣля 28-го уже князь П. М. Волконскій написалъ Оленину, что «государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, изъ поднесенныхъ академикомъ Венедіановымъ четырехъ картинъ, оставить для Эрмитажа только двѣ маленькия картинки, за которыхъ выдать ему изъ кабинета 2,000 руб., остальная же двѣ ему возвратить».

Возвращенные двѣ головы стариковъ куплены въ слѣдующемъ году академіей художествъ. Уча вѣрно смотрѣть на натуру начинаяющихъ и занимаясь съ ними по-долгу, А. Г. Венедіановъ успѣвалъ тоже много работать. При легкости кисти, онъ скоро писалъ портреты и отдѣльывалъ ихъ, какъ этюды вообще. Не съ натурами, а съ готовыхъ изображеній, писать онъ не очень любилъ, но, по просьбѣ членовъ академіи россійской, написалъ съ разныхъ портретовъ исторіографа Н. М. Карамзина посмертное изображеніе его, считающееся самымъ схожимъ (1828 г.). Кажется, въ это же время, на лѣто уѣхавъ въ деревню, написалъ онъ и первыхъ купальщицъ у ручья, затронутый заживо переговорами собратій-профессоровъ, что онъ умѣеть только писать однѣ головы, а на цѣлыхъ фигуры у него будтобы не хватало умѣнья. Нѣтъ сомнѣнія, что формы женскихъ обнаженныхъ фигуръ брали Венедіановъ съ античныхъ гипсовъ, а не съ живыхъ натурщицъ. Оттого на попытки композицій въ

этомъ родѣ картинъ отца нашей бытовой живописи никогда не спо-
tryли серьезно, тѣмъ болѣе, что картины Венеціанова въ родѣ жен-
скихъ академій не отличались и по вымыслу особенными достоинствами,
кромѣ развѣ искусства мягкаго письма и тщательности—вирочемъ, об-
ичавшей медленное производство. Съ своей стороны, на попытки Вене-
ціанова такъ неудачно фантазировать готовы мы смотрѣть какъ на
уступку духу времени, можетъ быть, и съ особенною цѣлью. Есть еще
возможность предполагать, что композиціями въ этомъ родѣ думалъ онъ
косвеннымъ путемъ достичнуть профессуры, а съ помощью ея силь-
нѣе двинуть обученіе искусству въ академіи. Судьба, казалось, улы-
балась въ это время благородному труженику. Въ профессорахъ онъ
не замѣчалъ уже особенного нерасположенія, и, еще того менѣе,
враждебности. Президентъ и вице-президентъ были на его сторонѣ.
Преимущество образовательной системы Венеціанова признано было
блистательно самимъ совѣтомъ, почти безъ исключений награждав-
шимъ учениковъ его медалями. Не обѣдали его и иконостасными
работами. Получилъ бы онъ и профессорство, если бы прямо потре-
бовалъ программы, а не пробовалъ почвы, прибѣгая къ полумѣрамъ
въ родѣ выставлениія готовыхъ, видимо съ цѣлью, какъ мы замѣтили,
писанныхъ картинъ. Академическая партія въ ту пору уже тѣсно
сплотилась, заключая все родныя да свойственникъ ректора Марто-
са: одинъ зять его былъ профессоръ живописи (Егоровъ), другой—про-
фессоръ архитектуры (Мельниковъ), третій выведенъ въ конференцъ-се-
кретари (Григоровичъ). Всѣ прочіе перекумились. Такъ что сторонняго,
да еще отца семейства, могли заправлятели дѣломъ въ академіи принять
въ сообщество свое съ неохотою. Поэтому, косвенныхъ маневровъ, хотя
и хорошо могли ихъ всѣ понимать и замѣчать, влиятельная партія
умышленно старалась не видѣть. Если же бы прямо стала Венеціа-
новъ искать званія профессора,—хотя не служащаго снерва,—то
при благосклонности, оказываемой ему властью имѣющими въ ака-
деміи, совѣту академическому пришлось бы удостоить искателя, а не
отказывать ему. Не было и мотива отказа, когда заслуги были такъ
хорошо видны, и членами общества поощренія художниковъ при
всякомъ случаѣ ставились на видъ, а не закрывались.

Къ несчастію, какъ всѣ таланты, Венеціановъ былъ не политикъ
и, занятый больше всего своими идеями—упростить развитіе начи-
нающимъ идти по пути искусства, не имѣть времени высматривать
обстоятельства и выбирать удобное время для дѣйствій.

У него въ ходу былъ одинъ мотивъ: умноженіе учениковъ. Едва
пропали первыя впечатлѣнія о результатахъ выставки 1827 года,

не успѣла еще совсѣмъ пройти и зима, какъ Венеціановъ обратился къ комитету общества поощрения художниковъ (2-го марта 1827 г.) съ представленіемъ, способнымъ скорѣе обрадовать чѣмъ испугать искренно интересовавшихъ дѣломъ художественного развитія въ отечествѣ почтенныхъ членовъ его. Упомянувъ обѣ успѣхахъ четырехъ своихъ питомцевъ, Венеціановъ дѣлаетъ слѣдующее заявленіе:

«Теперь я имѣю еще троихъ: молодаго человѣка, начавшаго учиться съ апрѣля мѣсяца прошлаго 1827 года, изъ мѣщанъ, Александра Денисова,—ему 16 лѣтъ; въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года изъ Вышнаго-Бородки шѣшкомъ ко мнѣ¹⁾ пришедшаго, мѣщанскаго же сына, Василы Зиновьевъ, котораго трудъ при семъ честь имѣю представить,— и вольно-отпущенаго Ивана Ушакова, недавно же мнѣ поступившаго отъ академика Васильева, котораго произведеніе тоже представляю. А трудъ Денисова, приведенныхъ къ концу, нѣтъ, для того что онъ занять въ Эрмитажѣ «старою галлерею». Успѣхи и поведеніе сихъ молодыхъ людей меня утѣшаютъ, почему всенижайше прашу общество удостоить ихъ, подобно первымъ четыремъ, своего покровительства, которое, уѣрены я, дастъ имъ новый духъ къ успѣхамъ, а мнѣ новое удовольствіе пытаться окими».

Съ принятіемъ 6) Денисова, 7) Зиновьева и 8) Ушакова, семи учениковъ Венеціанова началась разростаться примѣтно, но ростъ ея не останавливался, потому что къ 1830 году итогъ пользавшихъ румоводствомъ привѣтливаго наставника дорося до восемнадцати.

Дальнѣйшее поступленіе учениковъ къ Венеціанову слѣдовало въ такомъ порядке:

9. Послѣ Ушакова, слѣдую указанію, найденному нами въ запискахъ самого Венеціанова, должны мы считать Никандора Ларисовича Скворцова, кажется,—человѣка со средствами, любителя. Къ нему адресовалъ въ 1836 году Венеціановъ для передачи ученику своему Алексѣеву письмо, которое мы укажемъ въ порядкѣ времени. Скворцовъ рабоча была уже на выставкѣ 1830 года. Впрочемъ, Скворцовъ не жилъ у наставника.

10. Послѣ Ушакова былъ взятъ Евграфъ Антоновичъ Булатовъ, работы котораго въ тридцатыхъ годахъ тоже являлись на выставкахъ.

¹⁾) Должно быть—еще въ деревне.

11. Далее, или одновременно съ Булгаковымъ, поступилъ и Николаевъ, именемъ которого отыскать некъ не удалось.

12. Всъмноотущенный Яковъ Давыдовъ, тоже вять быть въ 1828 году. Въ описании работъ учениковъ Венецианова на выставкѣ 1830 года, безъ сомнѣнія, по извѣстіямъ, сообщеннымъ самимъ учителемъ, Воейкова въ «Русскомъ Извѣдѣ» говорятъ, что учился Давыдовъ «два года ровно» («Рус. Изв.» 1830 г., стр. 998).

13. Тоже два года называли учащимся, въ 1830 году, и дворянинъ Алексѣй Александровичъ Васильевъ, въ послѣдствіи очень извѣстный портретистъ, за прекрасный портрет профессора живописи А. Е. Егорова, въ 1845 году признанный академикомъ. Онъ еще живъ теперь, родившись въ 1811 году, 8-го марта.

14. Полугодомъ позднѣе Васильева и Давыдова (следуя указаніямъ въ статьѣ Воейкова) явился къ Венецианову Василий Михайловичъ Авроринъ, посѣгъ выставки 1838 года воротившись въ Москву и бывшій дьякономъ тамъ при церкви Воскресенія въ Варатахъ.

15. Вмѣстѣ съ Авроринымъ за полтора года до выставки 1830 года (открытой въ сентябрѣ), показавшій у Венецианова и Василий Семеновичъ Гальяновъ, въ 1830 году уже выставившій свои два произведенія и, съ получениемъ званія художника, удалившися въ Архангельскъ, гдѣ онъ обучалъ рисованію (если живъ теперь), почти четыре десятилѣтія, въ гимназіи и женской училищѣ.

16. Полугодомъ позднѣе Гальянова, т. е. съ начала осени 1829 года—что дало право參ателю выставки 1830 года въ «Русскомъ Извѣдѣ» указать первый годъ пребыванія у Венецианова — поступилъ Евграфъ Федоровичъ Крендовскій. Въ просьбѣ, поданной въ сонѣтъ Императорской академіи художествъ въ 1839 году, Крендовскій самъ рассказалъ обстоятельства своего художественного обучения. Изъ этой просьбы видно, что Крендовскій, оставившиі гражданскую службу въ чинѣ коллежского регистратора, «первично обучался рисованію въ арзамасской школѣ у академика Ступника; потомъ въ С.-Петербургѣ, подъ руководствомъ академика Венецианова, и посыпаль рисовальныя классы Императорской академіи художествъ». Подавъ просьбу, нами приведенную, Крендовскій просилъ и получилъ званіе свободного художника и удалился въ Кременчугъ, гдѣ занялся портретною живописью въ мініатюрѣ, съ большими успѣхами.

17. Одновременно съ Крендовскимъ, възта была Венециановыми въ училищи еще девочка 11-ти лѣтъ, дочь дьячка приходской церкви

на Пескахъ, Елена Рождественская, въ одинъ годъ сдѣлавшая блестательные успѣхи и, вмѣстѣ съ другими, выставившая уже работы свои въ академіи въ 1830 году. Раннее развитіе этой ученицы, независимо таланта, слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, отнести къ превосходству приемовъ наставника.

18. Меньше года до выставки 1830 г., то есть или въ концѣ 1829 или въ началѣ даже этого самаго года, оказался учащимся у Венеціанова и необыкновенно талантливый Лавръ Филипповичъ (?) Плаховъ.

О Плаховѣ и его необыкновенныхъ способностяхъ сохранилось множество характерныхъ анекдотовъ, сдѣлавъ чуть не легендарными похожденія и эксцентричность этого художника. Основательного изслѣдованія объ этомъ таланѣ въ правѣ ожидать современные любители отъ занимающихся исторіею отечественнаго искусства. Самая судьба Плахова, его гаинственное исчезновеніе изъ столицы и груженническая жизнь въ провинціи—дѣйствительно заслуживаютъ приложенія усилий къ разысканіямъ о немъ, просто по непосредственному интересу и особенностямъ всего стечения обстоятельствъ. «Воспоминанія, А. Н. Мокрицкаго, очевидно, были на этотъ конекъ, но, къ сожалѣнію, факты тамъ настолько спутаны, что, не находя подтвержденія въ главномъ, трудно опредѣлить степень достовѣрности во всемъ прочемъ. Что намъ извѣстно точно—мы даѣте укажемъ, заранѣе заявляя невозможность составленія покуда чего-либо болѣе обстоятельнаго.

19. Въ 1831 году, мы находимъ живущимъ у Венеціанова Евгенія Петровича Щитнева, очень талантливаго акварельного портретиста, род. 1812 года и умершаго 24-го апрѣля 1860 г., отъ чахотки, академикомъ.

20. Вмѣстѣ съ нимъ, или еще и раньше, учился у Венеціанова Тухариновъ, тоже человѣкъ съ большими способностями. Онъ хорошо шелъ въ академическихъ классахъ, но былъ большой загула, извертывавшій кутежи усиленными работами, не имѣя въ нихъ недостатка. О Тухариновѣ говорить Венеціановъ въ письмѣ къ Алексѣеву, выражая полную несостоятельность удержать широкую натуру.

21. За Тухариновымъ въ числѣ учениковъ Венеціанова слѣдуетъ указать на Алексія Даниловича Печенина, тоже выказавшаго талантъ въ бытовой живописи, но въ послѣдствіи сдѣлавшагося учителемъ рисованія въ Гжатскомъ уѣзданомъ училищѣ.

22. Вмѣстѣ съ нимъ, или въ одно время, въ школѣ Венеціанова были и Аполлонъ Николаевичъ Мокрицкій (род. 1810 г.), съ 1836 года сдѣлавшійся ученикомъ Карла Павловича Брюллова. Въ

своихъ воспоминаніяхъ о Венеціановѣ, онъ, впрочемъ, называетъ Венеціанова вездѣ своимъ наставникомъ.

23. Судя по времени первыхъ успѣховъ въ академіи, тогда же пользовался уроками Венеціанова и знаменитый въ послѣдствіи портретистъ, профессоръ Сергеѣ Константиновичъ Зарянко, род. 1818 г. 24-го сентября, въ Могилевской губерніи и ум. 1870 г. 20-го декабря.

24. Иванъ Федоровичъ Каширинъ былъ съ нимъ въ одно же время, посѣщая, какъ и онъ, академіческіе классы и въ 1836 году получивъ званіе художника.

25. Кажется, къ числу учениковъ Венеціанова должны мы причислить и Сергія Алексѣева, одновременно съ Мокрицкимъ, въ 1836 г. (16-го янв.), получившаго вторую серебряную медаль за «перспективу портретной галлерей въ Зимнемъ дворцѣ».

Понимая хорошо несостоительность усилій своихъ выяснить отчетливо составъ школы Венеціанова, мы просимъ знающихъ и живѣть еще учениковъ его разъяснить и указать, кто были ихъ соученики у Алексѣя Гавrilovicha, любезно и сочувственно принимавшаго всякаго, кто обращался къ нему за помощью и съѣтствомъ. Только такимъ путемъ мы и можемъ дойти до положительныхъ результатовъ въ объясненіи прошлаго, хотя и не очень отдаленного.

26. Вотъ, напримѣръ, оставаясь далеко неувѣренными въ привадлежности къ школѣ Венеціанова состоявшаго подъ покровительствомъ общества поощренія художниковъ Сергея Алексѣева, мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, что Григорій Карповичъ Михайловъ, вмѣстѣ съ Мокрицкимъ считавшійся любимымъ ученикомъ Карла Брюллова, до прибытія его въ Петербургъ былъ настолько же близокъ къ сердцу Алексѣя Гавrilovicha Венеціанова.

27. Въ томъ же положеніи къ наставнику былъ и Александръ Михайловичъ Михайловъ, котораго Венеціановъ хотѣлъ даже включить въ свою фамилію и самъ хлопоталъ о приданіи ему прозванія Венеціановъ-Михайловъ. Любимый наставникомъ, Александръ Михайловичъ былъ у Венеціанова, впрочемъ, какъ увидимъ, позднѣе Григорія Карпова, о которомъ писалъ Венеціановъ, 24-го апраля 1836 года, въ комитетъ общества поощренія художниковъ:

«Въ прошломъ 1835 году, общество поощренія художниковъ, ссыходя моимъ просьbamъ, два раза дѣлало ученику моему Михайлову денежныя пособія, давало билеты пользоваться академическими рисовальными классами. Михайловъ дѣлаетъ весьма значительные успѣхи, и въ доказательство представляя въ распоряженіе общества его работы картину «кухарка», за которую Императорская академія ху-

домествъ назначила ему въ награду вторую серебряную медаль¹), — я покорнѣйше прошу общество поощренія художниковъ, такъ какъ я отъѣзжаю изъ Петербурга на четыре мѣсяца, и Михайловъ, оставляя въ своей квартирѣ, не могу дать ему содержанія и нужнаго пособія, чтобы безъ отрывокъ кончить серзину, начатую имъ прошлаго года въ маѣ мѣсяцѣ, картину внутренности античной галлереи академіи художествъ, къ экспозиціи, то покорнѣйше прошу комитетъ общества поощренія художниковъ ножаловать Михайлову, до возвращенія моего, по пятидесяти рубль въ мѣсяцъ.

Дѣйствительно, трудъ Михайлова бытъ очень сложный и выполненъ не торопясь; прекрасно. Желающіе повѣрить наши слова могутъ видѣть картину Михайлова въ академіи художествъ. Картина представляетъ вторую античную галлерею, названную нынѣ заломъ Тициана, иѣсколько вправе отъ входа въ минцъ-кабинетъ. Слѣва у стѣны, за балюстрадою помѣщены гипсовые слѣпки съ антиковъ, справа на стѣнѣ изображены картины и самъ художникъ представлень рисующимъ въ правомъ углу картину.

28. Изъ Венеціановыхъ учениковъ, принять къ Брюллову и Ильи Лининъ, о которомъ не пришлось намъ получить ни откуда извѣстій.

29. Тоже къ Брюллову перешель, подготовленный хорошо Венеціановъ, и Игнинъ, имени которого даже отыскать намъ не удалось.

30. Оставилъ портретъ почтеннаго наставника своего, шестидесяти двухъ лѣтъ отъ роду, Федерь Михайловичъ Славянскій (родившійся въ 1819 году) поступить къ Венеціанову не разѣ 1839 года, сперва занимаясь гравюрою, и въ 1839 году еще выставивъ «работы на мѣди и отиски». У Венеціанова, оставилъ гравюру, перешель онъ къ перспективѣ и портрету, и, за портретъ Шебуева, считаясь ученикомъ Маркова въ академіи, въ 1852 г. признанъ академикомъ.

31 и 32. За Славянскимъ, въ числѣ учениковъ Венеціанова должны слѣдоватъ непосредственно Антоновъ и Бурдинъ. Обстоятельства во время поступленія ихъ къ Венеціанову описаны въ запискѣ его, 4-го октября 1840 года, адресованной въ комитетъ общества поощренія художниковъ. Въ ней рекомендуется ихъ Венеціановъ благосклонности общества.

«Неоднократно пользовался я милостивымъ вниманіемъ общества къ

¹) Въ собраниі совета 16-го января 1836 г.

ученикамъ моимъ, и, къ удовольствію моему, многіе изъ нихъ оправдали успѣхами своими пособія общества, почему и теперь беру сільгость представить 12 картинокъ, изъ которыхъ шесть—самый первый опытъ въ краскахъ ученика моего Антонова. Изъ сихъ картинокъ общество изволитъ усмотреть его способности, а я, найдя въ немъ склонность къ пейзажной живописи, дадъ ему теперь написать во дворцѣ картину съ садикомъ при помпейской галлерѣ. Антоновъ самый бѣдный человѣкъ, имѣть мать, проживающую скучайшими доходами съ домика. Я бы желалъ чтобы комитетъ общества соизволилъ принять скольконибудь изъ его картинокъ и пожаловать ему единовременно въ поощреніе, давъ средства произвести стъ упѣхомъ начатую во дворцѣ картину.

«Другая же шесть картинокъ—ученика же моего, Бурдина. Этотъ человѣкъ работалъ въ Москвѣ у подрядчиковъ, имѣть кусокъ хлѣба, но не имѣть ници духу. Въ мартѣ мѣсяца (1840 года, разумѣется) почти пришелъ въ Петербургъ и чрезъ знакомыхъ упросилъ меня взять съ собою въ деревню, вмѣстѣ съ Антоновымъ, чтобы освободиться стъ натурою. Онъ у меня лѣто работалъ, написалъ предлагаемыя шесть картинокъ и доставилъ мнѣ полное удовольствіе любовью своею къ трудамъ, отличнымъ нравомъ и благородствиемъ. Въ немъ болѣе всего утѣшало меня то, что онъ понялъ свои недостатки и какъ много надоѣло учиться, чтобы быть художникомъ. Я его посадилъ также во дворцѣ писать маленьку церковь, съ противной стороны той, которую пишетъ для великихъ князей мой же ученикъ Вѣчѣціаковъ¹⁾). Этому человѣкѣ (т. е. Бурдину) нужно не одно единовременное пособіе, а и постоянное, по крайней мѣрѣ на годъ, почему умоляю комитетъ общества принять отъ него картинокъ столько, сколько благоугодно будетъ пожаловать ему на окопированіе единовременно, и выдавать ежемѣсячно на содержаніе рублей по 20-ти. Я увѣренъ, что эти молодые люди оправдаютъ милости общества, какъ успѣхами, такъ и продолженіемъ прекраснаго поведенія».

Одновременно съ Михаиломъ Антоновымъ, о которомъ мы немного знаемъ, да съ Николаемъ Алексѣевичемъ Бурдиномъ, братомъ актера Федора Алексѣевича Бурдина,—дѣйствительно талантливъ, рано похищенный у искусства смертью (онъ родился въ 1814 г. и умеръ

¹⁾ Т. е. Александръ Михайловичъ Махайловъ, о которомъ мы выше говорили.

въ 1857 г.), поступилъ къ Венеціанову еще третій ученикъ въ это время.

38. Это былъ Иванъ Смирновъ, о которомъ въ дѣлахъ общества поощрения художниковъ сохранилось тоже ходатайство Венеціанова, въ формѣ прошенія въ комитетъ общества поощрения художниковъ:

«Принося благодарность комитету общества за внимание къ моей просьбѣ о ученикахъ моихъ, Бурдинѣ и Антоновѣ, осмѣливайтесь и еще утруждать моей просьбою: принять въ свое покровительство еще одного изъ учениковъ моихъ, Ивана Смирнова (изъ мѣщанского сословія), который уже по милости общества пользуется билетомъ для входа въ классы академіи. Онъ теперь, во дворцѣ, оканчиваетъ картину съ натуры— внутренность помпейской галлереи. За картиной этой ему нужно просидѣть постоянно мѣсяца два или три, следовательно— лишиться постороннихъ средствъ къ пропитанію. Поэтому покорнѣйше прошу комитетъ общества на это время пожаловать ему какое нибудь содержаніе (теперь у него, просто, буквально, салоговъ нѣтъ). 21-го марта 1841 г.».

Между тѣмъ сбоку надпись: «исполнено 21-го января 1841 г.».

Ясно, что мартъ проставленъ въ послѣдствіи, и именно помѣта марта оказывается днемъ засѣданія комитета общества поощрения художниковъ. Какъ видно, въ Смирновѣ принималъ участіе еще конференцъ-секретарь академіи художествъ, В. И. Григоровичъ, тоже членъ общества поощрения художниковъ. Его записка отъ 20-го ноября 1840 года приложена къ ходатайству Венеціанова, и записка эта служить, такъ сказать, буквальнымъ исполненіемъ просьбы членства: «Г. Венеціанова ученику, Смирнову, выдать прошу немедленно 25 рублей ассигнаціями, а просьбу его сохранить до засѣданія комитета общества поощрения художниковъ. Григоровичъ». Записка, разумѣется, адресована къ А. П. Сапожникову, казначею общества, отъ которого и послѣдовала немедленная выдача получателю, тутъ и расписанвшемуся.

Эти немногословные, юконическая распоряженія, при посредствѣ Григоровича, Сапожникова и Венеціанова, достигавшія цѣли—благородныхъ усилий самихъ бѣдняковъ о развитіи боязлаго дара, живо воскрешаютъ въ памяти нашей массу негласныхъ дѣйствій добра и заботливости Венеціанова и его друзей о начинающихъ талантахъ.

Послѣдними учениками Венеціанова были, получивши въ послѣдствіи громкую извѣстность, жанристъ и пейзажистъ, развивающіеся окончательно за границею; это были:

34. Алексѣй Филипповичъ Чернышевъ и

35. Михаилъ Спиридоновичъ Эрасси.

Относительно пріятія ихъ подъ покровительство общества поощренія художниковъ, въ дѣлахъ его сохранилось слѣдующее увѣдомленіе отъ комитета общества А. Г. Венеціанову, отъ 2-го мая 1843 года:

«До отъѣзда вашего изъ С.-Петербургa, вамъ угодно было, черезъ г. члена А. П. Сапожникова, представить въ комитетъ общества поощренія художниковъ нѣкоторыя работы учениковъ вашихъ Чернышева и Герасія.

«Усматривая изъ этихъ трудовъ развивающіяся подъ просвѣщеніемъ руководствомъ вашимъ способности этихъ юныхъ художниковъ и желая ободрить ихъ, комитетъ положилъ выдать имъ въ поощреніе 200 рублей ассигнаціями.

«Успѣхи этихъ молодыхъ людей суть новое доказательство постоянныхъ попеченій и усердія вашего на пользу художниковъ и художества. И потому комитетъ поставляетъ пріятною для себя обязанностью изъявить вамъ вновь свою признательность».

Въ послѣдній годъ своей жизни А. Г. Венеціановъ, заботясь о Эрасси, еще писалъ въ общество поощренія художниковъ:

«Благоговѣя вниманію (sic) комитета общества къ труду племянника моего Эрасси, пытаю себя чистѣйшею благодарностью и полной увѣренностью, что и впредь общество не лишитъ своего вниманія успѣхи Эрасси.

«Этотъ молодой человѣкъ занимался у меня въ деревнѣ два года писаньемъ съ натуры и рисованьемъ съ гипсовъ; у него нѣть пылкаго дара, но любовь къ искусству и прилежаніе примѣрны. Теперь онъ въ первый разъ копируетъ пейзажъ Кукуку и ходить въ академический гипсовый классъ. Я отъѣзжаю въ деревню и счастливѣйшимъ себя почту, ежели комитетъ общества удостоить: поручить надзоръ за ходомъ Эрасси, въ живописи и рисованіи, благоразумію почтеннѣйшаго члена общества Андрея Петровича Сапожникова. 14-го декабря 1846 года».

Этотъ отъѣздъ изъ столицы былъ послѣдній для А. Г. Венеціанова, въ Тверской губерніи, 4-го декабря 1847 г., и умершаго. Тридцать пять учениковъ (т. е. половину того, что указывала дочь)—имъ приготовлены для дѣятельности по искусству—по нашимъ известіямъ, за полноту которыхъ мы, впрочемъ, ручаться не можемъ. По крайней мѣрѣ, сами встрѣчая неразрѣшимыя сомнѣнія о трехъ

лицахъ въ своеі спискѣ, мы готовы отступиться отъ своего предположенія, что эти три лица пользовались руководствомъ Венеціанова. Считая нужнымъ сдѣлать эту оговорку, оканчивая перечень извѣстныхъ именъ учениковъ Алексія Гавриловича Венеціанова,—указемъ дѣятельность учителя и учениковъ съ 1830 года, когда можно считать школу Венеціанова достигшою апогея.

П. Н. Петровъ.

Спб. 1878 г.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ ПРОФЕССОРА-АКАДЕМИКА ТЬЕВО

1765—1785 гг.

III¹⁾.

Аббатъ Рейналь и княгиня Дашкова.—Непріятное привлоченіе съ нею въ Парижъ.—Пребываніе ея въ Берлинѣ, выходки и споры съ учеными и дипломатами.—Дашкова и французскій уполномоченный на вечерь у графа Финкенштейна.—Похожденія графа Матюшкина съ девицей Генке.

.... Сочиненіе аббата Рейналя (Raynal)²⁾: «*Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des européens dans les Indes*»—надѣдало ему много хлопотъ во Франціи. Парижскій парламентъ обнаружилъ негодованіе, а духовенство подняло гвалтъ и пустилось интриговать: авторъ перепугался и поспѣшилъ уѣхать въ Готу, гдѣ былъ очень радушно принятъ, но гдѣ ожидалъ съ каждою почтой извѣстія о конфискаціи своихъ доходовъ. Однакожъ, несмотря на лестный приемъ герцогини Саксенъ-Готской, ему не могло нравиться пребываніе при ея дворѣ, который стоя находилъ слишкомъ тѣснымъ поницемъ для своихъ дарованій: его влекли въ Берлинъ честолюбіе, жажды громкой извѣстности, собственная выгоды, надежда на почести со стороны короля-мыслителя и, наконецъ, мысль, что яркий отблескъ этихъ почестей отразится въ Парижѣ и Версалѣ, гдѣ смутить или уничтожить его враговъ. Въ это время княгиня Дашкова, возвращаясь вмѣстѣ съ сыномъ своимъ изъ Парижа, про-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XX, стр. 507—522.

²⁾ Guillaume-Francois Raynal, род. 1718, ум. 1796 г. Выше названное сочиненіе его: «Философская и политическая история европейскихъ заведений въ торговли въ общихъ Индіахъ», написанное въ либеральномъ духѣ, особенно прославило его; прочія же сочиненія этого писателя не пользуются такою же извѣстностью.

Д. Р.

важала чрезъ Готу и остановилась тамъ на нѣсколько дней¹⁾). Пріѣхала она страшно-вѣбѣшенною противъ Франціи и французовъ. Въ душѣ ея было свѣжо еще впечатлѣніе досаднаго случая съ нею въ Тюльери, а оно, по самому свойству этого случая, не могло быть скоро забыто,—тѣмъ болѣе особой столь гордою, надменною и пурпуристою во всѣхъ страстяхъ своихъ, какъ княгиня Дашкова. Дѣло было въ томъ, что эта барышня, дюжая какъ мужчина, весьма некрасивая, съ высоко-закинутою головой, съ смѣлимъ и повелительнымъ взглядомъ, съ широкою поступью, въ одинъ прекрасный день находилась на гуляніѣ въ Тюльерійскомъ саду, а кто-то изъ гуляющихъ, проходя мимо нея, сказалъ своему товарищу: Посмотри, вотъ русская княгиня

Разумѣется, обстоятельства, о которыхъ шла рѣчь, болѣше частю были выдуманы, но во Франціи, среди публики, слыши за чистѣйшую истину. Легко угадать, что слова прохожаго, перехода изъ устъ въ уста, отъ одного къ другому, въ большой аллѣ, собрали вокругъ княгини цѣлую толпу любопытныхъ, чтѣ, наконецъ, привело ее въ сильное смущеніе. Среди обступившихъ ее, стоять ближе другихъ кавалеръ ордена св. Людовика, красивой и благородной наружности, но съ нѣсколько строгою физіономіей. Къ нему-то она обратилась съ вопросомъ о причинѣ этого сходбища. «Милостивый государь,—сказала она ему,—что вамъ угодно, что вы такъ меня рассматриваете?» (qu'avez vous donc tant à me considérez?).—«Сударыня,—быть отвѣтъ,—прощу извинить меня, только я гляжу на васъ, а вовсе не разматриваю»²⁾ (Madame, je vous demande bien pardon; mais je vous regarde et ne vous considère pas!) При этихъ словахъ, княгиня вскакиваетъ въ бѣшенствѣ, протискивается сквозь толпу, спѣшитъ къ себѣ, посыаетъ за лошадьми и мчится въ Готу.

Аббатъ Рейналь, въ исключительномъ своемъ положеніи, легко могъ извинить Дашковой непріязненные чувства, какія она вызывала противъ Франціи; при томъ-же, онъ расчитывалъ воспользоваться ея пріѣздомъ для дальнѣйшаго путешествія въ ея экипажѣ.

¹⁾ Дашкова путешествовала за границей два раза: въ первый разъ, никогдя, подъ именемъ госпожи Михалковой, въ 1769—1772 гг.; въ Парижѣ она пробыла тогда всего три недѣли, въ 1770 году. Вторая поѣзда ея за границу продолжалась съ 1775 по 1782 г.

²⁾ Здѣсь вышелъ непереводимый каламбуръ. Глаголь разматривать—considéger—употребленный Дашковой, имѣетъ еще другое значеніе: почитать—уважать. Слѣдовательно, о.вѣтъ, данный княгинѣ, содержать въ себѣ такой смыслъ: «я разглядываю, но не уважаю васъ».

Д. Р.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ такъ ловко любезничалъ, что барыня эта предложила ему мѣсто въ своей каретѣ, которое онъ принялъ до Берлинца, гдѣ, по его словамъ, былъ ожидаемъ, и откуда обѣщалъ герцогинѣ Готской вернуться черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Пріѣхавъ въ Берлинъ, княгиня послала освѣдомиться о здоровьѣ русского посланника, князя Долгорукаго, а тотъ, въ свою очередь, явился съ визитомъ къ своей соотечественницѣ и звалъ ее обѣдать къ себѣ на слѣдующій день, съ сыномъ ея и спутникомъ ихъ, Рейнальмъ. Къ этому обѣду были приглашены де-Лагранжъ (*de-Lagrange*), Формей (*Formey*), Меріанъ (*Mérian*) и я¹). За столомъ княгиня Дацкова, обращаясь къ аббату Рейналью, начала говорить о дѣлахъ Женевы, осажденной тогда швейцарцами, сардинцами и французами. По мнѣнію княгини, все это было устроено тонкими промысками де-Верженна²) и затѣяно для того, чтобы, въ концѣ концовъ, Женева очутилась одною изъ французскихъ провинцій. Тутъ г. Рейналь, не располагавшійѣхать въ Россію и не нуждавшійся болѣе въ княгинѣ, вновь сдѣлался патріотомъ и прымодушнымъ человѣкомъ.... «Сударыня,—возразилъ онъ,—женевская территорія едва заключаетъ въ себѣ пространство въ два лье; а вамъ хорошо известно, что наши (французскія) провинціи совсѣмъ иного размѣра. Если вы замѣтите мнѣ, что Женева богата, я отвѣчу, что всѣ источники ея богатства—контрабанда, да выгоды отъ смежности съ нашими границами. Если Женеву мы включимъ въ составъ Франціи, то контрабанда и богатства отодвинутся подальше, а Женева быстро превратится чуть не въ деревню. И можете-ли вы думать, сударыня, что изъ-за подобнаго городишкаго (какимъ она сдѣлалась-бы лѣтъ透过 десять), г. де-Верженнъ станетъ пускаться въ хлопоты и затраты для изворотливыхъ интригъ, ко вреду своей репутаціи честнаго дѣятеля и къ подрыву правъ, какія онъ приобрѣлъ на уваженіе и довѣріе всѣхъ европейскихъ кабинетовъ? Будьте увѣрены, что онъ умѣеть расчитывать гораздо лучше и что политика мечтоно-стяжательная, коварная, безсовѣстная и раззорительная,—отнюдь не въ его правилахъ».

Тутъ бѣдная княгиня обвела присутствующихъ беспокойнымъ и тревожнымъ взглядомъ, обличавшимъ ея смятеніе, замѣшательство и

¹) Все члены Берлинской академіи. Изъ нихъ Меріанъ (*Jean Bernard Merian*), базельскій уроженецъ, былъ извѣстенъ своими философскими сочиненіями по метафизикѣ. Род. 1723 г., ум. 1807 г.

²) *Charles Gravier, comte de Vergennes*, род. 1719 г., былъ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ при Людовикѣ XVI, съ 1774 г. по самую смерть свою (въ февр. 1787 г.).

Д. Р.

даже изумлениј. Было очевидно, что не только она не находила ничего для отвѣта, но и не привыкла къ такимъ твердымъ возраженіямъ, особенно со стороны аббата Рейналя (недавняго ея угодника): а потому быстро перешла къ другому предмету, обратившись къ Лагранжу¹), моему застольному сосѣду....

— «Г. де-Лагранж,—сказала она ему,—вы, безъ сомнѣнія, знаете отца-Жакѣ? ²).

— Я никогда не видѣлъ его, сударыня, и не веду съ нимъ никакой переписки.

— «Но, милостивый государь, это человѣкъ высокаго достоинства по части математики».

— Онь, сударыня, одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе писали обѣ этой наукѣ; имъ выпущено, полагаю, томовъ съ шестьдесятъ, и такъ какъ некоторые изъ нихъ мнѣ случалось пробѣгать, то могу отозваться, что вообще слогъ его не дуренъ и что онъ быть и еще можетъ быть очень полезенъ юношеству; онъ хорошо усвоилъ и передалъ системы или теоріи другихъ ученыхъ.

— «Конечно, онъ человѣкъ умный и пріятный; но, кроме того, онъ признанъ за одного изъ первѣйшихъ геометровъ нашего вѣка и за геніального человѣка. Имя отца-Жакѣ передѣгаетъ въ потомство».

— Своими дарованіями онъ могъ-бы этого достигнуть, сударыня; но математики доходятъ до этого вовсе не количествомъ написанныхъ томовъ. Кто за собою насчитываетъ ихъ наиболѣшее число, тотъ еще не можетъ надѣяться, что его труды будутъ имъяты хоть-бы чрезъ двадцать лѣтъ по смерти автора, если онъ не сдѣлалъ въ наукѣ никакого открытия; а, къ несчастію, именно въ подобномъ положеніи и оказывается отецъ-Жакѣ, тогда какъ кто либо другой, послѣ кого остался-бы только одинъ клочокъ бумаги, величиною съ ладонь, заслужилъ-бы славу въ отдаленнѣйшемъ потомствѣ, будь на этомъ клочкѣ начертаніе великаго и изумительнаго открытия,—какъ, напримѣръ, одного изъ законовъ Кеплера.

Тогда княгиня, другъ Екатерины Второй, директоръ Императорской с.-петербургской академіи наукъ, разбитая въ пухъ: по поводу Женевы—аббатомъ Рейналемъ, а по поводу отца-Жакѣ—Лагран-

¹) Joseph-Louis Lagrange, знаменитый французскій математикъ. Род. въ Туринѣ, въ 1796 г.; вступилъ въ Берлинскую академію, по вызову Фридриха II, въ 1766 г., и пробылъ тамъ до 1787 г.; умеръ въ Парижѣ въ 1813 году. Научные труды его высоко цѣняются. Они составляютъ несколько томовъ.

²) Le père François Jacquier, плодовитый французскій ученый писатель по предмету математики. Род. въ 1711 г., ум. въ Римѣ въ 1788 г. Нѣкоторыи изъ его сочиненій писаны по итальянски и по латыни.

жемъ,—рѣшилась оставить въ покой вопросы научные и политические и принялась за обыкновенные бесодержательные разговоры....

..... Въ другой разъ опять случилось мнѣ тамъ-же встрѣтиться съ княгиней Дашковой: я и баронъ фонъ-Штутереймъ (Stuthegeom), саксонскій посланникъ, обѣдали съ нею у Долгорукаго. Въ разговорѣ она упомянула имя одного иностраннаго министра, бывшаго тогда въ Дрезденѣ, при чёмъ Штутереймъ не преминулъ отзваться о немъ съ наилучшей стороны. Такія усердныя похвалы должны были-бы послужить внушительнымъ предупрежденіемъ для странствующей дамы; но дама эта рѣдко оказывалась похожею на то, тѣмъ ее можно было вообразить себѣ.

— «Какъ можете вы,—отрѣзала она барону,—говорить столько хорошаго о подобномъ человѣкѣ? Я сама снисходительна, потому что отлично знаю, какую оцѣнку слѣдуетъ давать вашей братѣ, мужчинамъ; вѣдь всѣ вы одиаковы: слабы и притязательны, горды и несправедливы, вѣчно наклонны къ самовластію и тиранству; вы одинъ другаго стоите. Однакожъ, хотя намъ, женщинамъ, и приходится многое терпѣть отъ васъ и многое вамъ прощать, тѣмъ не менѣе справедливо, что все, обличающее положительный недостатокъ всякаго чувства человѣческаго, не можетъ быть терпимо даже и въ васъ, мужчинахъ. А поведеніе этого посланника съ своей женой не указываетъ-ли на такой недостатокъ? Она дуриа собою,—я согласна; но вѣдь онъ это зналъ, когда на ней женился. Если ея непривлекательная наружность оправдываетъ его въ нелюбви къ ней¹), то оправдываетъ-ли также въ увогѣ жены на чужбину, во Францію, для того, чтобы тамъ разорить ее, покинуть и потомъ отослать одну въ отечество, сперва прокутывъ до-тла все состояніе на любовница и разныя сумазбродства? И что-же? Это все ничего не значитъ, въ сравненіи съ слѣдующимъ поступкомъ. Бѣдная женщина, не имѣя болѣе никакихъ средствъ, отправляется къ своему брату. Тотъ умираетъ бездѣтнымъ и оставляетъ ее единственной наследницей; а покойникъ былъ очень богатъ, какъ и она сама была прежде. Что же, затѣмъ, дѣластъ ея муженекъ, этотъ всегдашній расточитель, спустившій уже и свое состояніе? Онъ тогда пріѣзжаетъ въ городъ, гдѣ она живеть, чтобы помириться съ нею, то есть, чтобъ прибрать къ рукамъ имѣніе ея и, быть можетъ, промотать вновь. Къ счастію, она поступила въ этомъ случаѣ, какъ обязана была въ отношеніи къ самой себѣ. Пріѣхавшій супругъ безцеремонно входить къ женѣ и застаетъ ее за туалетомъ; она его принимаетъ очень хладно-

¹) Замѣтьте, что княгиня Дашкова сама была очень дура.

Авторъ.

кровно, какъ принимаютъ обыкновеннаго посторонняго гостя, не стыдясь; спрашивается его, намѣренъ ли онъ пробыть иѣсколько дней въ этихъ мѣстахъ, гдѣ онъ зайдетъ себѣ квартиру и не сдѣлаетъ ли ей чести откупшатъ у ней сегодня? Такіе вопросы и тонъ ихъ дали ему, наконецъ, почувствовать, что онъ ошибся въ своихъ расчетахъ и онъ тотчасъ-же убрался прочь. Я не думаю, чтобы должно было простить ему отсутствіе человѣческихъ чувствъ, дoшедшее до такой степени, что онъ собирался вновь сойтись съ не-любимою женщиной, разоренной имъ и безжалостно покинутой, и сблизиться съ нею потому, что она опять разбогатѣла! Этотъ господинъ только и показалъ въ себѣ сердце, когда послѣшилъ удалиться послѣ сдѣланнаго ему пріема».

— Но,—замѣтилъ г. Штутереймъ,—говорятъ, будто бы не собственно ему должно приписать послѣдній поступокъ, въ какомъ вы его упрекаете; онъ сдѣмалъ такъ противъ своей воли: родные принудили его, иѣкоторымъ образомъ, къ этому. Что-же касается до его первыхъ грѣховъ противъ жены, то это—заблужденія молодости, за которыя онъ и не думаетъ себя хвалить. Впрочемъ, я отозвался о немъ съ хорошей стороны, съ какой мы всеѣ вообще говоримъ о немъ. Я сужу его, какимъ онъ теперь среди настѣ; а онъ таковъ, что всеѣ мы питаемъ къ нему высокоеуваженіе.

Княгиня, будучи не изъ уступчивыхъ особъ, стала-было опять спорить; но баронъ ничего болѣе не сказала, и тогда она напустилась на меня.

— «Славныя дѣла,—заговорила княгиня, относясь ко мнѣ,—славныя дѣла вы, французы, продолжаете въ вашей Франції! вы впадаете въ банкротство передъ цѣлой Европой; всеѣ у васъ угнетены, обобраны, разорены: а между тѣмъ, вы швыряете за окно тридцать миллионовъ, для празднованія свадьбы вашего дофина! Правда, что по милости вашей полиціи, которой вы такъ хвастаете, мошенники дѣлаютъ тревогу среди вашихъ увеселеній; тысяча восемьсотъ человѣкъ погибаетъ во время фейерверка, но что за бѣда? Лишь-бы фейерверкъ вышелъ чудомъ изъ чудесъ! И такъ, въ итогѣ: государственное банкротство, безумные расходы, убийства! о, милостивый мой государь, это прекрасно! это великолѣпно!—Нѣтъ, у насъ въ Россіи не то. Мы имѣемъ государиню, которая дѣствуетъ иначе: долговъ не дѣлаетъ, платить аккуратно; убийствъ при ней не бываетъ; если же случается, что частный банкъ (*une caisse particuli re*) идетъ не хорошо, въ чёмъ императрица нисколько не заинтересована, это ничего не значить: достаточно, если банкъ этотъ былъ учрежденъ съ ея разрѣшеніемъ, и она, будто поручительница, пополняетъ его дефи-

цитъ. Ну, какъ полагаете вы, въ какомъ видѣ представляется сравниваемыя мною явленія глазамъ потомства?

Я не могъ ей отвѣтить, потому что былъ въ гостяхъ у русскаго посланника, къ которому, въ добавокъ, былъ лично искренно привязанъ; онъ же, съ своей стороны, не могъ не снисходить къ задушевной пріятельницѣ Екатерины II. Но потомъ я рассказывалъ о выходкахъ Дашковой французскому повѣренному въ дѣлахъ, и тотъ, будучи на слѣдующій день за большиимъ ужиномъ у графа Финкенштейна¹⁾, сказалъ нѣсколькоимъ дамамъ, съ которыми разговаривалъ въ то время, когда вошла эта ужасная княгиня (*cette terrible princesse*): «Ахъ, mesdames, станемъ осторегаться! Спрячьте меня, пожалуйста, или, по крайней мѣрѣ, не оставляйте одного! Эта госпожа пришла сюда, можетъ быть, за тѣмъ, чтобы обойтись со мной какъ Увы, для нея это все равно, что игрушка. Повѣрьте мнѣ, лучше спрячтесь; при ней никто здѣсь не безопаснъ. Ахъ! Вотъ она опускаетъ руку въ карманъ! Вытаскиваетъ оттуда свой платокъ . . . Пропали мы, пропали! Развѣ вы не знаете, что у нея платокъ любимое оружіе!»—Цѣлый вечеръ продолжались эти шутки и княгинѣ трудно было ихъ не замѣтить по частому хохоту, который раздавался какъ разъ вблизи ея особы.

Въ числѣ русскихъ, пріѣзжавшихъ въ Берлинъ, былъ нѣкто графъ Матюшкинъ (шо comte russe M. Matouchka). Проѣздомъ чрезъ этотъ городъ, онъ влюбился въ старшую изъ трехъ дочерей бѣднаго нѣмецкаго музыканта Генкѣ (Heinske), красавицу-дѣвушку, которая многихъ сводила съ ума;—похитилъ ее изъ отцовскаго дома, женился на ней въ Вѣнѣ, а потомъ бросилъ тамъ, уѣхавъ въ Россію. Тогда она возвратилась въ Берлинъ и вела жизнь куртизанки, подъ своимъ законнымъ именемъ и титуломъ графини Матюшкиной....Другая же сестра ея, дѣвица Генке, въ послѣдствіи была вліятельнѣйшею любовницей короля Фридриха Вильгельма II, наследовавшаго престолъ Фридриха Великаго.

¹⁾ Прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

²⁾ Кто именно былъ этотъ Матюшкинъ, доискаться мы не могли. Не Дмитрій ли Михайловичъ (тайный совѣтникъ), послѣдній въ родѣ графовъ Матюшкиныхъ? Но въ Россіи онъ имѣлъ законную жену, графиню Анну Алексѣевну, рожденную княгиню Гагарину, статсъ-даму Екатерины II и потомъ оберъ-гофмейстерину императрицы Маріи Федоровны. Она род. 1722 г., ум. 3-го мая 1804 г. Дмитрій же Михайловичъ ум. въ 1800 г.

IV.

Пріездъ въ Берлинъ наследника русскаго престола в. к. Павла Петровича, для свиданія съ невѣстой.—Сдѣланныи ему приемъ.—Впечатлѣніе, произведенное вообще особою великаго князя.—Потсдамскіе военные маневры и анекдотъ по этому поводу о фельдмаршалѣ Румянцевѣ.—Боржливость Фридриха II въ расходахъ.—Его стойкость въ правилахъ.—А. В. Суворовъ.

Изъ придворныхъ праздниковъ, бывшихъ при мнѣ въ Берлинѣ, по случаю брачныхъ союзовъ царственныхъ особъ, скажу теперь о состоявшемся передъ первой женитьбою великаго князя Павла Петровича, который, впрочемъ, не съ прусскою принцессой вступалъ въ супружество и не въ Берлинѣ женился, но прѣхалъ туда выбрать себѣ и посватать невѣstu. Свадьба же ихъ состоялась послѣ, въ Петербургѣ.

Не знаю, по какимъ тонкимъ политическимъ соображеніямъ, русская императрица послала своего сына въ Берлинъ для выбора невѣсты; но только, около іюня мѣсяца 1776 г., маркграфиня Гессен-Дармштадтская, которую Фридрихъ называлъ достойнымъ человѣкомъ (*un homme de mrite*), прѣхала къ намъ въ Берлинъ съ тремя дочерьми; а въ то же время генераль Лентулусъ (*Lentulus*) отправился до Мемеля на встрѣчу великому князю, съ тѣмъ, чтобы оттуда сопровождать его далѣе и оплачивать расходы путешествія до самаго прибытія ко двору Фридриха, где великій князь долженъ былъ выбрать изъ трехъ сестеръ-принцессъ ту, которая ему болѣе понравится¹⁾). Дѣжалось все зависящее, чтобы путь его быть ознаменованъ торжественными встрѣчами и празднествами, по крайней мѣрѣ, на сколько было возможно при простотѣ и строгости нравовъ этой страны, а также и при скучности всего необходимаго для устройства и разнообразной обстановки подобныхъ зрелищъ. Въездъ великаго князя въ Берлинъ послѣдовалъ въ одинъ прекраснѣйшій день, въ 3

¹⁾ Авторъ, очевидно, ошибается, перепутывая обстоятельства первой женитьбы Павла съ подробностями второй. Поѣзда его въ Берлинъ (въ іюнѣ 1776 г.) предшествовала послѣднему браку, а не первому. Съ принцессой Гессен-Дармштадтской Августою Вильгельминой, нареченной при муропомазаніи Наталіею Алексѣевной (род. 14-го іюня 1755 г. и бывшею, по матери, родною теткой императрицы Елизаветы Алексѣевны) Павелъ вступилъ въ супружество 29-го сентября 1773 г. и овдовѣлъ 16-го апреля 1776 г.; а женитьба за двоюродной внукѣ Фридриха Великаго, принцессы Виртембергской Софіи-Доротѣи-Августѣ-Луизѣ, нареченной Маріею Федоровной (род. 14-го октября 1759 г. сконч. 24-го октября 1828 г.), состоялась 16-го сентября 1776 г., именно послѣ берлинскаго свиданія, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь.

Д. Р.

или 4 часа пополудни ¹⁾). Триумфальные арки изъ зелени у городских ворот и на королевском мосту близь дворца, повсюду цветы, длинный поездъ каретъ и отряды пѣхоты и конницы—всего этого было вдоволь: ничего не жаждали для дорогаго гостя. Для него распорядились починить и старые вызолоченные сплошь фазтоны и другія парадныя кареты Фридриха Перваго, которые были брошены на жертву червоточинѣ въ теченіе пятидесяти лѣтъ. Все обличало бесплодныя и неловкія усилия (*efforts imprisants et disparates*) выказать какую нибудь пишность.

Я былъ представленъ великому князю въ его покояхъ русскимъ посланникомъ; то же было и въ другой разъ, совмѣстно съ моими товарищами и сочинами по академіи, когда великій князь посыпалъ ее, и, наконецъ, опять при обозрѣніи имъ военно-гражданской школы. Профессора Формей и Боррели (*Borrelli*) обратились къ нему съ ватіеватыми привѣтственными рѣчами; но никто отъ него не получилъ никакого доказательства удовольствія. При его отѣздѣ изъ Петербурга, съ нимъ было отпущенено два полныхъ сундука съ вещами для подарковъ, а онъ привезъ ихъ оба назадъ, непечатыми; но не потому, кажется, что не любилъ дарить, а оттого, что состоять подъ руководствомъ фельдмаршала Румянцева и графа Салтыкова. И тотъ и другой имѣли репутацію скупыхъ людей, да притомъ, быть можетъ, они еще расчитывали втайне угодить матери, не допуская сына привлекать къ себѣ въ свѣтѣ сторонниковъ.

Если не было повода подивиться щедрости великаго князя, за то всѣхъ изумила его манера кланяться. Вообще сильные мѣра сего, при поклонѣ, понижаютъ голову слегка, предоставляемъ намъ, простымъ смертнымъ, сгибаться всѣмъ туловищемъ; но, по крайней мѣрѣ, они все таки наклоняются хоть немножко; великій-же князь поступалъ совершенно наоборотъ: онъ бросалъ взглядъ на того, кто дѣ-

¹⁾ Великій князь имѣлъ торжественный вѣзѣдъ въ Берлинъ 21-го юля 1776 г. Впередиѣ хали 24 почтальона, игравши на рожкахъ и трубахъ и 6 почтовыхъ чиновниковъ въ мундирахъ. За ними шло нѣсколько рогъ мѣщанъ, въ мундирахъ-же; за мѣщанами хали три кареты, въ которыхъ находились нѣкоторые изъ прусскихъ саповниковъ; потомъ отрядъ тѣлохранителей и скороходовъ, бѣжавшихъ предъ великолѣпной каретой, гдѣ сидѣлъ великий князь и принцъ Генрихъ. Въ слѣдующихъ каретахъ находились фельдмаршалъ Румянцевъ, Н. И. Салтыковъ и другие русскіе, сопровождавшіе великаго князя. Въ заключеніе, шло сто человѣкъ, составлявшихъ почетную стражу великаго князя. Лица городового управления принесли прѣхавшихъ особъ у триумфальныхъ воротъ, у которыхъ 70 молодыхъ дѣвницъ, одѣтыхъ нимфами и пастушками, поднесли имъ стихи и гирлянду изъ цветовъ. При вѣзѣдѣ производилась пушечная пальба и играла военная музыка.

шаль ему поклонъ, и тотчасъ-же вскидывалъ еще выше голову, которую вовсе и не опускалъ. Однимъ словомъ, онъ себѣ позволялъ только вторую половину поклона, такъ что движение это выходило у него какимъ-то повелительнымъ пріемомъ. Замѣчу еще, что говорилъ онъ очень мало и въ послѣдствіи не приходилось вспомнить ни одного слова, имъ сказанаго¹⁾.

Когда онъ ѻздилъ въ Потсдамъ, Фридрихъ велѣлъ для него произвести, въ его присутствіи, военные маневры, которые были выполнены отлично. Фельдмаршалъ Румянцевъ, ради кого въ особенности лопотали, чтобы эти маневры шли получше, казался отъ нихъ въ восторгѣ, и потомъ, желая выразить свои впечатлѣнія, сказалъ прусскимъ генераламъ:

— «Эти маневры превосходны; но мнѣ кажется, что они представляютъ подражаніе какому нибудь военному дѣлу древнихъ временъ; скажите мнѣ пожалуйста,—не Александра ли это Великаго, либо Антибала, или Юля Цесаря?»

Пруссаки крайне затруднились отвѣтить фельдмаршалу, не зная, какъ бы осторожнѣе и деликатнѣе объяснить ему, что маневры эти были точнымъ изображеніемъ двухъ большихъ побѣдъ самого Румянцева надъ турками во время послѣдней войны. Подражаніемъ этимъ сраженіямъ на маневрахъ Фридрихъ желалъ оказать столь-же лестное, какъ и тонкое вниманіе побѣдителю турокъ. Нечего и говорить, что это недоразумѣніе русскаго полководца вскорѣ сдѣжалось безцѣннымъ анекдотомъ для всѣхъ военныхъ пруссаковъ²⁾.

¹⁾ Для сопоставленія, приведемъ тутъ-же небольшой отрывокъ изъ «Записокъ Людовика XVIII», гдѣ очерчена, также съ вѣшней стороны, личность Павла, когда онъ путешествовалъ за границей, бывъ наслѣдникомъ престола: «. . . Въ 1781 г. пожаловали къ намъ высокіе посѣтители: сынъ Екатерины II съ своей супругой. Они представились французскому двору подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ (du Nord). Этотъ принцъ, будущій императоръ Павелъ I, на кого въ послѣдствіи я имѣлъ столько поводовъ лично жаловаться, былъ замѣчательно дуренъ собою (*d'une laideur gêmâgivable*), но имѣлъ довольно порядочныхъ манеры (*ayant quelques formes polies*) . . . Его супруга, прекрасно-сложенная женщина, высокаго роста, нравилась своимъ благороднымъ и привлекательнымъ видомъ. Она щедрѣльно танца пожирающее ее честолюбіе, знала, что Екатерина II никогда не простила бы въ ней присутствія этой страсти.—Намъ слѣдовало принять высокихъ путешественниковъ подобающимъ образомъ, но я долженъ признаться, что подобные посѣщенія весьма обременительны для тѣхъ, кто ими удостоивается. Однакожъ, мы выполняли долгъ гостепріимства такъ, что царственные гости могли оставаться довольны: они были приняты парижанами еще лучше, нежели императоръ германскій Йосифъ II». (*Mémoires de Louis XVIII, Bruxelles, 1832. T. 2.* Д. Р.)

²⁾ Если и вѣрить этому сомнительному анекдоту, то онъ невольно наводитъ на вопросъ: недоразумѣнѣи-ли, или же ироніей вызваны переда-

Передъ отбытиемъ великаго князя во-своиы, Фридрихъ пріѣхалъ въ Берлинъ (изъ Потсдама) проститься съ нимъ; это было въ воскресный день; при дворѣ бытъ большой ужинъ, на которомъ употреблялась золотая посуда. Было чрезвычайно жарко, а въ столовой заѣтъ набралось множество любопытныхъ, такъ что всѣ задыхались отъ духоты, и король распорядился удалить постороннихъ зрителей.

Фридрихъ, желая щегольнуть пышнотю (jouer la magnificence) передъ наслѣдникомъ российскаго престола, не забыть, въ то же время, своихъ правилъ строгой бережливости: онъ наподробнѣйшимъ образомъ прослѣдилъ всѣ счеты расходовъ, сдѣланныхъ или заказанныхъ генераломъ Лентулусомъ; нашелъ ихъ преувеличенными или недостаточно вѣрными, и, послѣ того, такъ неласково принялъ этого генерала, что тотъ вскорѣ рѣшился возвратиться въ свое отечество, въ Швейцарию.

Когда, въ ожиданіи великаго князя, оберъ-шталмейстеръ получъль отъ короля повелѣніе исправить поскорѣе и получше старые парадные экипажи и позолоченную уиряль Фридриха Перваго, то, составивъ смету расходамъ на эти поправки, доложилъ государю, что они обойдутся, по крайней мѣрѣ, въ десять тысячъ талеровъ. Монархъ отвѣчалъ ему:

— «Я знаю очень хорошо, что ваше превосходительство изволите быть щедры и великодушны; а я, перебиваясь кое-какъ посредствомъ соблюденія экономіи, не на столько счастливъ, чтобы имѣть возможность слѣдовать вашему блестящему примѣру. Но чтѣ меня отчасти успокаиваетъ, такъ это полная увѣренность, что ваше превосходительство, въ добавокъ, отменно искусны и усердны къ дѣлу; а потому я и льщу себя надеждой, что вамъ благоугодно будетъ произвести всѣ нужныы исправленія за шесть тысячъ. Вотъ все, что я могу на это отпустить. Такъ значитъ, рѣшено: шесть тысячъ. Ни копѣекъ больше. Но чтобъ все было хорошо и ни въ чемъ не было недостатка».

И вслѣдствіе этой насмѣшливой отповѣди, имѣвшей грозное значеніе строжайшаго приказанія, бѣдный оберъ-шталмейстеръ нашелъ

всемиа здѣсь слова русскаго полководца. Вѣдь маневры, при самомъ отчетливиомъ и картиномъ ихъ исполненіи, могли и не дать вѣрного изображенія румянцевскихъ побѣдъ. Невозможно допустить, чтобы умѣйший и даровитѣйший изъ нашихъ генераловъ обличилъ въ этомъ случаѣ безсознательность въ своихъ дѣйствіяхъ и такую наивность, что даже не могъ догадаться въ чёмъ дѣло. Скорѣе есть поводъ предположить, что онъ захотѣлъ тонкимъ образомъ дать почувствовать несходство копіи съ оригиналомъ.

Д. Р.

средства сдѣлать почти за полѣнны всю работу, какая требовалась обстоятельствами.

.... Въ какомъ бы исключительномъ, особенномъ положеніи находился великий король, онъ никогда не дѣлалъ уступокъ въ усомниныхъ имъ принципахъ и не отклонялся отъ нихъ ни на шагъ. На противъ, онъ какъ будто изысканно пользовался всякимъ обстоятельствомъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, чтобы въ виду его заявить еще съ болѣею торжественностью, до какой степени онъ былъ несроденъ отступать отъ своихъ основныхъ правилъ. Такой образъ дѣйствій въ особенности примѣнялся къ его постоянной заботѣ послать уваженіе къ законамъ, не только касающимся имущественныхъ правъ, но и относящимся къ полицейскому благоустройству.

Послѣ первой войны за Баварское наслѣдство, Франція и Россія условились, наконецъ, двинуть свои войска,—каждая держава по 50,000 человѣкъ,—противъ императора Іосифа II, если послѣдній не согласится на сдѣланныя ему предложения. Пятьдесятъ тысячъ русскихъ расположились уже въ Польшѣ, въ готовности приступить къ военнымъ дѣйствіямъ, какъ скоро окажется нужнымъ. Эта армія должна состоять подъ начальствомъ князя Репнина, находившагося при королѣ прусскомъ, въ качествѣ уполномоченного на веденіе переговоровъ. Однакожъ, князь Репнинъ не имѣлъ порученія разъѣзжать всѣми подробностями военныхъ дѣйствій: они были возложены на подчиненного ему знаменитаго Суворова (Schwarzenberg), котораго я видѣлъ вскорѣ послѣ того въ Берлинѣ много разъ, и изъ устъ котораго слышалъ однажды, бывши у посланника, князя Долгорукаго, слѣдующій разсказъ:

— «Какой необыкновенный человѣкъ,—говорилъ Суворовъ,—король вашъ! Ничто его не поколеблетъ и не преклонитъ. У меня было съ нимъ замѣчательное приключение, при чмъ онъ просто поразилъ меня. Передъ выѣздомъ изъ Петербурга, я получилъ отъ императрицы депешу для доставленія королю, о которыхъ зналъ, что онъ весьма важны и безотлагательны. Мне было приказано проѣхать этой путь какъ можно скорѣе, да и самый предметъ моей командировки достаточно побуждалъ меня не мѣшкать ни одной минуты. Легко понять, сколько мнѣ пришлось вытерпѣть отъ медлительности почтарей въ прусскихъ владѣніяхъ. Я имѣлъ щедро давать деньги и постоянно твердилъ, какъ необходимо идти скорѣе, — и что же? Я не могъ ровно ничего добиться, точно толковалъ автоматамъ. Эта бѣда дошла до послѣдней крайности, когда я проѣзжалъ Померанію, и именно въ то время,

когда все терпініе мое истощилось. Въ такомъ-то былъ я положеніи, какъ попался мнѣ почтарь, еще мѣшотливѣе прочихъ; напрасно я его уговаривалъ, сулилъ ему дать побольше на водку, наконецъ, сердился и грозилъ: онъ еще пуще дѣлалъ проволочки, закуривая свою трубочку и поминутно давая отдохнуть лопацамъ, да вдобавокъ сталь и грубить. Тутъ, вышедъ изъ себя окончательно, я вѣшилъ ему тростью съ подожжеными плотныхъ ударовъ, съ обѣщаніемъ надачи, если онъ не поѣдетъ шибче. Это средство помогло, и возница мой прибавилъ шагу, но, прѣѣхавъ на слѣдующую станцію, онъ подальше жалобу мѣстнымъ судьямъ (*magistrats*), которые прислали ко мнѣ, съ объясненіемъ, что, на основаніи законовъ, они обязаны меня задержать до окончанія производства дѣла, начатаго по иску этого просителя; законы-же государства безусловно воспрещаютъ проѣзжающимъ, подъ страхомъ тяжкихъ взысканій, быть почтарей, на которыхъ дано только право жаловаться мѣстному суду. Я замѣтилъ господамъ судьямъ, что если они меня остановятъ, то будуть отвѣтственны за гибельный послѣдствія моей задержки. Я показалъ имъ извѣренные мнѣ депеши, подъ императорской печатью, на имя ихъ государя; кроме того, они увидали на мнѣ орденъ: все это на нихъ подействовало и они пустили меняѣхать далѣе.

«Не трудно было предвидѣть, что они непремѣнно донесутъ королю обо всемъ дѣлѣ, а такъ какъ мнѣ приходилось опередить посыпку ихъ донесенія, то я рѣшился воспользоваться этимъ преимуществомъ, чтобы поскорѣй самому разсказать о моемъ приключеніи Фридриху, при первомъ же съ нимъ свиданіи. Тотчасъ по прїѣздѣ въ Бреславль, я былъ позванъ къ нему и принять какъ нельзя лучше. Самая благосклонная и пріѣгѣтливая физіономія, величайшая вѣжливость, выраженія лестнаго вниманія и удовольствія видѣть меня,—вотъ что встрѣтило и ободрило меня сначала. При вопросѣ: «благополучно ли выѣхали?» (*Avez-vous fait un heureux voyage?*), я рассказалъ ему, вкратцѣ, какимъ образомъ почтари,—особенно въ Помераніи,—выводили меня изъ всякаго терпінія, и какъ грубость одного изъ нихъ довела меня до крайности ударить его,—чѣмъ, однакожъ, сдѣлана ему больше остротка, нежели нанесена боль; далѣе рассказалъ я, какъ мѣстные суды на слѣдующей станціи, удостовѣрившись въ моей необходимости спѣшноѣхать, чтобы своевременно явиться для принятія и исполненія повелѣній его величества короля, рѣшились не препятствовать продолженію моего пути... Съ первыхъ же словъ моего рассказа, я увидѣлъ передъ собой совершенно иного человѣка; никогда въ театрѣ сигнальный свистокъ не производить такой быстрой и противоположной перемѣны декораций.

Этотъ человѣкъ преобразился мгновенно въ серьезно-внимательнаго, холоднаго и строгаго слушателя; онъ неподвижно и безмолвно выслушалъ меня до конца, и, когда я кончилъ, онъ ледянымъ тономъ произнесъ только немногія слова: «господинъ генераль, вы весьма счастливо отдѣлались» (*Monsieur le général, vous avez été fort heureux*). И затѣмъ онъ послѣшилъ заговорить о другомъ, причемъ, мало по малу, вновь принялъ на себя прежній видъ пріятнаго собесѣдника. Скажу вамъ, господа, что никогда не понялъ я такъ хорошо, какъ въ этомъ случаѣ, что значитъ и чѣмъ долженъ быть государь, достойный управлять народами, всегда проникнутыи сознаніемъ своихъ обязанностей и неуклонный въ поддержкѣ общественнаго порядка и законовъ. Пусть почты въ его странѣ устроены въ самомъ дѣлѣ неудобно для путешественниковъ,—а всетаки, въ ожиданіи, пока не послѣдуетъ правильнаго измѣненія ихъ къ лучшему законодательнымъ путемъ,—дотолѣ онъ обязанъ не оставлять установленніемъ покровительствомъ своихъ почтарей, такъ какъ отнюдь не въ нихъ лично кроется причина зла. Преобразовывайте, улучшайте ваши учрежденія, если это нужно и возможно для васъ; но, до тѣхъ поръ, умѣйте заставить чтить дѣйствующіе законы. Затѣмъ, не могу уже сказать, что онъ отвѣчалъ своимъ судьямъ, потому что я болѣе не слыхалъ объ этомъ дѣлѣ».

Суворову казалось тогда (около 1779 г.) лѣтъ сорокъ съ небольшимъ¹⁾). Это былъ маленький человѣчекъ, довольно крѣпкій, сущацій, но не тощій, вѣчно подвижной и юркій. На моемъ вѣку я никого не видывалъ, кто бытъ бы такъ стремителенъ, какъ онъ (rompt), во взглядахъ, словахъ и движеніяхъ. Казалось, онъ ощущалъ потребность дѣлать одновременно тысячу дѣлъ, переносясь, какъ молнія, отъ предмета къ предмету, или отъ одной мысли къ другой. Мне иногда сдавалось, что я гляжу на помѣшаннаго, да и сами русскіе сознавали, вмѣстѣ со мной, что, по крайней мѣрѣ, онъ слишкомъ страненъ, хотя, впрочемъ, все они, вообще, твердо стояли на убѣжденіи, что это одинъ изъ храбрѣйшихъ и искуснѣйшихъ полководцевъ въ мірѣ. Въ послѣдствіи, я не былъ удивленъ съ его стороны ни повѣщеніемъ двѣнадцати тысячъ поляковъ (!!!) за мужественное противодѣйствіе раздѣлу Польши (?!!), ни оригинальною и доблестною ролью, какую игралъ онъ въ Италии и Швейцаріи, сражаясь съ французами за австрійцевъ, противъ которыхъ такъ охотно готовился къ бою, за-одно съ французами, двадцать лѣтъ тому назадъ.

¹⁾ Суворовъ родился въ 1729 г., следовательно, въ 1779 г. имѣлъ ровно 50 лѣтъ отъ роду.

V.

Воспоминанія о нѣкоторыхъ событіяхъ Семилѣтней войны.—Принцъ Генрихъ прусскій.—Его двукратное путешествіе въ Петербургъ.—Политические его виды.—Дипломатія прусского кабинета при Фридрихѣ II.—Неожиданность раздѣла Польши.—Выпускъ фальшивой монеты изъ Пруссіи и приватная по этому случаю меѣры Екатериной II.—Королева шведская Ульрика.—Ея воспоминанія о дѣйствіяхъ русскаго посланника.—Принцъ Вильгельмъ Брауншвейгскій, волонтер русской арміи.

Въ Семилѣтнюю войну, русскіе, овладѣвъ Пруссіею, внесли туда всѣ опустошительныя бѣдствія войны: и необычайные поборы, и грабежи, и пожары; страна подверглась жестокому разоренію и дикому произволу. Фридрихъ имѣлъ съ непріятелемъ много битвъ, страшно кровопролитныхъ, и въ одной изъ нихъ¹⁾ взялъ въ плѣнъ нѣсколько значительнѣйшихъ генераловъ, въ томъ числѣ и Григорія Чернышева, бывшаго въ посѣдствіи военнымъ министромъ²⁾. Вечеромъ цѣнниковъ представили королю, съ слѣдующимъ докладомъ: «гг. русскіе генералы». Тогда Фридрихъ, взглянувъ на нихъ съ негодованіемъ, сказалъ: «Русскіе генералы? Скажите лучше—варвары-зажигатели!» И съ этими словами повернулся къ нимъ спиной.

Нѣсколько лѣтъ спустя, тѣ же самые генералы, вовратленные при размѣнѣ плѣнныхъ, находились во главѣ русской арміи, когда воцарился Пётръ III. По смерти этого государя, Екатерина II послала своимъ войскамъ приказъ возвратиться въ Россію и принять нейтральное положеніе. Тутъ у Фридриха было свиданіе съ тѣми военачальниками, съ которыми прежде онъ обожался такъ дурно. Теперь онъ бесѣдовалъ съ ними цѣлый часъ, безъ шляпы, съ непокрытой головой на солнечномъ жару, и въ этомъ разговорѣ, всевозможными любезностями, просыбами, обѣщаніями и, безъ сомнѣнія, убѣдительно-вѣскими доводами, добился отъ нихъ, чтобы они поддержали въ тайнѣ до завтрашняго дня полученный ими приказъ о возвратеніи въ свои предѣлы. Тогда онъ вступилъ въ сраженіе съ австрійцами,

¹⁾ Битва при Цорндорфѣ, 14-го августа 1759 г. Русскими командовалъ графъ Віллемъ Віллемовичъ Ферморъ, въ посѣдствіи служившій губернаторомъ въ Смоленскѣ, съ 1763 по 1770 г. Умеръ въ 1771 г.

²⁾ Не Григорія, а Захара Григорьевича Чернышева, тогда генераль-поручика, а въ посѣдствіи фельдмаршала (род. 1772, ум. 1784 г.). Вмѣстѣ съ нимъ попали въ плѣнъ генералы: Салтыковъ, Мантейфель, Сулковскій и бригадиры: Тизенгаузенъ и Сиверсь. См. «Записки Болотова», изданныя «Русскою Стариной», т. I, стр. 790—792.

Д. Р.

сосредоточивъ противъ нихъ всѣ свои силы и обеспечившись тѣмъ, что лѣвый его флангъ былъ прикрытъ русскою арміей, которая собственно не участвовала въ сраженіи, но стояла въ боевомъ порядке. Австрійцы же, ничего не зная о полученномъ изъ Петербурга распоряженіи и опасаясь всего со стороны русскихъ, готовыхъ къ дѣлу, не смѣли въ виду ихъ предпринять никакихъ наступательныхъ движений, вслѣдствіе чего были разбиты королемъ, который одержалъ надъ ними полную победу,—выигранную благодаря невѣдѣнію побѣденныхъ, вѣроломству свидѣтелей боя, удалившихся только на другой день, и ловкой изворотливости побѣдителя. За то генераль Григорій (Захаръ?) Чернышевъ, этотъ варваръ-зажигатель, получилъ въ даръ отъ его величества великолѣпную шпагу, украшенную бриллиантами, которую онъ свято хранилъ всю свою жизнь. Русскіе военачальники не подали въ Петербургъ обвиненію въ ослушаніи, потому что Екатерина II, прочитавъ переписку Фридриха съ Петромъ III¹⁾, совершенно разувѣрилась на счетъ первого: она думалъ прежде, что король прусскій относился, по крайней мѣрѣ, безучастно къ поступкамъ, какіе она испытывала или могла ожидать отъ своего мужа; но прочитанныя ею письма доказали, что, напротивъ, король не пропускалъ ни одного случая смягчать и успокаивать Петра, своего восторженного почитателя, и всегда отзывался о ней какъ нельзя лучше. Этой-то умѣренности Фридриха и мудрой его прозорливости слѣдуетъ приписать нейтралитетъ, принятый Екатериной почти вслѣдъ за выказанными—было ею намѣрениями возобновить враждебную политику императрицы Елизаветы относительно Пруссіи.

Когда въ продолженіе Семилѣтней войны русскіе вступили въ Берлинъ, то эти «зажигатели» (какъ называлъ ихъ Фридрихъ II) выказали въ себѣ гораздо болѣе дисциплины, умѣренности и менѣе варварства, чѣмъ австрійцы. Очень многимъ семействамъ,—въ особенности по рекомендациіи знаменитаго Эйлера²⁾—дана была охранная стража; поборы взымались въ возможно-ограниченномъ размѣрѣ; общественные сооруженія и памятники оставлены неприкосновенными. Былъ даже случай, что за какую-то недобросовѣстную продѣлку

¹⁾ Эта чрезвычайно интересная переписка впервые обнародована въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г., томъ III.

²⁾ Леонгардъ Эйлеръ, славный математикъ, членъ академій наукъ: парижской, лондонской, берлинской и петербургской. Отецъ проживалъ въ Берлинѣ двадцать пять лѣтъ, а потомъ переселился въ Петербургъ, гдѣ потерпѣлъ зѣрнѣе, и умеръ на 77-мъ году отъ роду. Родился въ Базелѣ въ 1707 г., ум. въ 1783 году.

(fraponnerie) русское начальство распорядилось подвергнуть полковаго священника или попа тѣлесному наказанію, публично, причемъ завѣдывавшій экзекуціею генералъ почтительно поцѣловалъ ему руку передъ началомъ и по окончаніи экзекуціи.

Принцъ Генрихъ, второй братъ Фридриха II¹⁾, два раза юздалъ въ Петербургъ²⁾, по важнымъ и весьма-секретнымъ тогда политическимъ видамъ: Пруссія желала пріобрѣсти себѣ шведскую Померанію (за которую предоставляла равный участокъ въ Финляндіи) и Мекленбургъ, за Вестфалію и Гельдернъ; кроме того, хотѣла обмѣна: Лузаніи на Анштахъ и Барейть, небольшой части Богеміи, что съ правой стороны р. Эльбы, на часть Польши и, наконецъ, добигалась городовъ Данцига, Торна и Эльбинга съ ихъ территоріей.

Есть основаніе заключить, что первый раздѣлъ Польши быть предложенъ принцемъ Генрихомъ; но онъ отиудь не хотѣлъ окончательного ея уничтоженія и открыто порицалъ второй и даже послѣдній раздѣлъ этого королевства.

..... Политическія соображенія, возбуждавшія его противъ всеобщаго раздробленія Польши, внушили ему особенный планъ; онъ расчитывалъ, что возможно было бы поставить это государство въ положеніе надежнаго передового оплота противъ Россіи, Австріи и Турціи, въ случаѣ надобности, и видѣть въ Польшѣ весьма полезнаго союзника для Пруссіи, Швеціи и Даніи. Таковы были тайныя причины, по которымъ онъ никогда не могъ простить, во первыхъ,— своему брату Фридриху II противодѣйствія къ воаведенію его, Генриха, на польскій престоль; а во вторыхъ,—племяннику своему, королю Фридриху-Вильгельму II, послѣдняго раздѣла Польши.

..... Изъ всѣхъ европейскихъ кабинетовъ, берлинскій, при Фридрихѣ II, отличался скрытностью, бдительною внимательностью къ ходу дѣлъ, предусмотрительностью и ловкостью. Схожій съ виду. король быть, въ сущности, неустанио-дѣятеленъ; непроницаемый для

¹⁾ Фридрихъ-Генрихъ-Людвигъ, принцъ прусскій, род. въ 1726 г. умеръ въ 1802 г. Онъ былъ изъ лучшихъ боевыхъ сподвижниковъ своего брата, но личные между тѣмъ и другимъ отношенія не отличались особымъ короткостію. Генрихъ былъ притязателемъ-самолюбивъ, угремъ и чрезвычайно непривлекательнъ наружностю. Впрочемъ, авторъ этихъ воспоминаний, пользуясь имъ его вниманіемъ, постоянно отзываетъ о немъ въ хвалебномъ смыслѣ.

²⁾ Съ октября 1770 г. по январь 1771 г., и съ половины апреля по іюль 1776 года.

другихъ, онъ умѣлъ разгадывать всѣхъ. Не смотря на общераспространившееся мнѣніе о крайней тонкости Фридриха, а слѣдовательно, и о необходимости относиться недовѣрчиво къ его замысламъ,—ему всегда удавалось застигнуть врасплохъ другихъ. Отчасти можно судить о томъ по первому раздѣлу Польши. Фридрихъ началъ съ того, что распустилъ слухъ, будто бы тамъ появилась чума и что, для огражденія Пруссіи отъ заразы, границы должны быть одѣплены военнымъ кордономъ. Эта выдумка обманула рѣшительно всѣхъ,—по крайней мѣрѣ, въ Берлинѣ, гдѣ всѣ горожане запасались уксусомъ четырехъ разбойниковъ. Удивленіе было всеобщее, когда мнѣній кордонъ оказался арміею, которая, въ двухдневный переходъ, заняла области, долженствовавшія отойти изъ долю Пруссіи. Французскій посланникъ въ Вѣнѣ, князь Людовикъ-де-Роганъ¹⁾, писалъ своему двору, что этотъ раздѣлъ Польши просто небывальщина; герцогъ д'Эгилонъ (duc d'Aiguillon), министръ иностраннѣхъ дѣлъ въ Версалѣ, утверждалъ то же самое пока, наконецъ, раздѣлъ не осуществился фактически, очевидно для всѣхъ, съ объясненіемъ о томъ самому версальскому кабинету.

Интересно одно обстоятельство: Фридрихъ II, имѣя постоянно карту Польши передъ глазами когда онъ соображалъ ея раздѣлъ между тремя державами, оставилъ по смерти своей эту карту расположеною на томъ-же столѣ, въ собственной библиотекѣ. На ней были проведены линіи первомъ и карапашомъ, для обозначенія границъ, какъ уже опредѣлившіяся при раздѣлѣ, такъ, по видимому, и вновь предполагаемыхъ. Этотъ раскрытый атласъ намекалъ на задуманный проектъ нового передѣла, или показывалъ, что дѣло призвано совсѣмъ поконченнымъ: можно думать двояко. Какъ бы ни было, въ это обстоятельство и множество подобныхъ обнаруживаются, что Фридрихъ мало заботился о мнѣніи общественномъ относительно совершившихся событий.

Въ царствованіе Фридриха II были случаи выпуска фальшивомонеты, и одинъ изъ нихъ произошелъ уже въ мирное время, долго спустя послѣ Семилѣтней войны. Эта поддѣлка монеты, въ мнѣніи публики, смыла дѣломъ самого короля, т. е. послѣдствиемъ его распоряженія. Я не берусь утверждать чего навѣрно не знаю, а только расскажу о прошедшемъ и о толкахъ по этому поводу... Въ дѣлѣ, о которомъ говорю, главнымъ агентомъ является некто Гальсеръ

¹⁾ Rohan-Guéméné (Louis-René-Edouard), кардиналъ,—тотъ самыѣ, который известенъ несчастнымъ дѣломъ объ ожерельѣ, купленномъ, будто бы, для королевы Марии-Антуанеты. Род. 1734 г., ум. въ 1802 г. Д. Р.

(Galser), один из старших секретарей собственной канцелярии короля

Передъ первымъ раздѣломъ Польши, Гальсеръ заказалъ тайно сдѣлать миллионъ на пятнадцать дукатовъ, съ примѣсью недоброкачественной лигатуры на цѣлую третью вѣса. Сбыть выдѣланной такимъ образомъ монеты былъ порученъ сыну известного мастера по этой части, еврею Ефраиму, который отправился въ Польшу, окруживъ себя щегольской обстановкой, подъ именемъ советника Симониса (*le conseiller de Simonis*). Тамъ онъ дѣлалъ громадный заработокъ зерноваго хлѣба, драгоценныхъ камней, золота и серебра,— все на наличные деньги, такъ что въ нѣсколько мѣсяцевъ успѣхъ спустить привезенные съ собой миллионы¹⁾). Поляки скоро убѣдились, что обмануты на третью часть цѣнности всѣхъ полученныхъ ими платежей, и, въ свою очередь, рѣшились такимъ же способомъ сбыть поддѣльную монету далѣе, къ своимъ соѣдямъ, русскимъ, расплачиваившись ею за купленные у нихъ товары. Къ несчастію, въ Россіи скоро открыли поддѣлку, возбудившую громкія жалобы обманутыхъ. Жалобы эти дошли до Екатерины II; она велѣла дознать дѣло и безъ труда добралась до первоначального виновника всей операции,— советника Симониса; послѣднее обстоятельство навело ее на слѣдъ, давъ возможность догадаться, чьимъ именно орудіемъ бытъ этотъ господинъ. Тогда императрица распорядилась объявить своимъ подданнымъ, что имѣющіеся у нихъ поддѣльные дукаты будутъ принимаемы въ казенныхъ кассахъ, съ размѣномъ на настоящіе, а Фридриху сообщила обо всемъ этомъ, потребовавъ, чтобы его прусское величество, подъ опасеніемъ весьма серьезныхъ послѣдствій, соблаговолилъ взять назадъ всѣ фальшивыя деньги прусского издѣлія, попавшія въ Россію, и размѣнять на монету, употребительную въ торговлѣ. И не долженъ умолчать передъ читателями, что всѣ вышеизложенные и нижеслѣдующіе факты переданы мнѣ и засвидѣтельствованы друзьями и покровителями г. Гальсера, а потому, съ ихъ же словъ, скажу еще, что Фридрихъ, получивъ депешу отъ Екатерины II, позвалъ къ себѣ Гальсера и сказалъ ему:

— «Вы сдѣлали очень неудачное дѣло по фабрикаціи дукатовъ; по-

¹⁾ Дѣйствительно, великий Фридрихъ не погнушался ремесломъ дѣлаталя фальшивой монеты и, въ ноябрѣ 1771 г., выпустилъ порядочное количество ея въ Польшу (два миллиона флориновъ) черезъ евреевъ, съѣзжію найти въ этой операциіи способы къ дешевому содержанию своихъ войскъ, введенныхъ туда предъ первымъ раздѣломъ (см. депешу Сальтерна, въ «Исторіи паденія Польши», соч. С. М. Соловьевъ, стр. 139).

Д. Р.

смотрите что пишетъ ко мнѣ о томъ русская императрица. Можете быть увѣрены, что я не навлеку на себя войны изъ-за этой истории. И такъ, я приму дукаты, которые мнѣ возвратить, по нарицательной ихъ стоимости. Но, сверхъ того, мнѣ остается увѣритъ императрицу, что самъ я тутъ ровно не при чемъ; а для этого у меня нѣтъ иного средства, какъ объявить, что фальшивыя деньги вы смастерили безъ моего вѣдома и что за это вы будете мною наказаны, заключенiemъ въ крѣость Шпандau».

Говорить, выслушавъ такое предложеніе, Гальсеръ не соглашался быть опровергнутымъ, но его величество прогнѣвался, дать ему сапогами нѣсколько пинковъ по ногамъ и велѣть тотчасъ же засадить его въ крѣость. Замѣчательно при томъ, что король тутъ же отдалъ строжайшія приказанія о принятіи охранительныхъ мѣръ для сбереженія въ цѣлости имущества бывшаго своего секретаря: его дома, мебели, а въ особенности шестерки великолѣпнѣйшихъ лошадей, считавшихся лучшими во всемъ государствѣ и превосходившихъ лошадей самого короля. Года черезъ полтора, Гальсеръ бытъ выпущенъ изъ крѣости; ему возвратили все, что ему принадлежало, и назначили мѣстомъ пребыванія одну деревню вблизи Мекленбурга,—можетъ быть, ту, гдѣ онъ родился, во, по крайней мѣрѣ, ту самую, гдѣ жилъ его братъ, въ званіи пастора.. По смерти Фридриха, Гальсеръ получилъ болѣе свободы и, кажется, бытъ даже употребляемъ по секретнымъ правительственнымъ порученіямъ.

Сестра Фридриха II, вдовствующая королева шведская Ульрика, прогостила въ Берлинѣ мѣсяцевъ девять. Я часто удостоивался быть въ числѣ приглашеныхъ ею особы.

Однажды она рассказывала мнѣ про всѣ интриги иностранныхъ посланниковъ въ Стокгольмѣ во время ея царствованія,—въ особенности же посланниковъ англійскаго и русскаго. Интриги эти затѣяны были съ цѣлью посѣлить внутри Швеціи разладъ, рознь и смуту для ослабленія государства. Не то обстоятельство раздражало королеву Ульрику, что дипломаты домогались всячески вредить: «они ужъ да этого и были присланы (говорила мнѣ она),—стало быть, такой образъ дѣйствій входилъ въ ихъ обязанность; но, по мнѣнию королевы, пуще всего заслуживалъ негодованія выборъ средствъ, какія они употребляли, особенно представитель Россіи. Англійскій посланникъ всетаки еще соблюдалъ нѣкоторую благопристойность въ своихъ дѣйствіяхъ; правда, онъ пускалъ въ ходъ клеветы собствен-

наго или чужаго изобрѣтенія, но, по крайней мѣрѣ, чтиль принятыя формы, обычай и тонъ общества, тогда какъ посланникъ русскій не зналъ въ этомъ случаѣ никакихъ для себя предѣловъ и не стѣснялся ни приличiemъ, ни стыдомъ: онъ сбѣжалъ свои козни даже въ самыхъ низшихъ слояхъ черни, распространяя въ этой средѣ вспышка нелѣпости и самъ обѣгалъ грязнѣшія харчевни, чтобы распускать тамъ мерзостные слухи и толки, совершенно ложные и неправдоподобные». Могу положительно сказать, что королева Ульрика питала отъявленную ненависть къ этому русскому дипломату, имя котораго я забыть, но знаю, что онъ находился очень долго въ Швеціи, прежде чѣмъ королева прїѣхала въ Берлинъ¹).

Племянникъ короля по матери, принцъ Вильгельмъ Брауншвейгскій, попавшій въ немилость Фридриха²), тяготившійся гарнизонной службой въ провинціи, искалъ удобнаго случая выйти изъ этого положенія. Такой случай представился, когда возникла новая война между Россіей и Турцией. Онъ ходатайствовалъ о дозвolenіи служить волонтеромъ подъ начальствомъ фельдмаршала Румянцева, на что и получилъ разрѣшеніе.

. Въ двухъ большихъ битвахъ, гдѣ Румянцевъ нанесъ

¹) Королева Ульрика, супруга короля шведскаго Адольфа-Фридриха, царствовавшаго съ 1751 по 1771 г., особенно памятна учрежденіемъ въ Стокгольмѣ академіи изящной словесности, въ 1753 году. Внутреннее разъединеніе въ Швеціи, о которомъ здѣсь приведенъ разсказъ этой королевы, явилось послѣдствиемъ борьбы двухъ политическихъ партій, извѣстныхъ въ исторіи подъ названіемъ шляпъ и шапокъ. Обѣ были подъ сильнымъ вліяніемъ представителей иностраннѣхъ державъ. Первая партія, аристократическая, пользовалась поддержкой Россіи, а вторая, королевская,—Франціи. Крамолы этихъ партій повсюду Швецію почти въ состояніе анархіи, прекращенной государственнымъ переворотомъ, который произведенъ былъ королемъ Густавомъ III въ 1772 году.

Русскимъ чрезвычайнымъ посланникомъ при Адольфѣ-Фридрихѣ и его преемникѣ былъ графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ, съ 1760 г. по 1774 г., послѣ чего получилъ званіе вице-канцлера. Онъ род. 1723 г., ум. 18-го апрѣля 1811 года, на 89-мъ г., сенаторомъ, въ чинѣ дѣйствительного тайного советника. Имѣлъ ордена: Александровскій, Андреевскій и Владимірскій (1-й степени).

²) Онъ и братъ его, принцъ Фридрихъ-Августъ, были сыновья сестры Фридриха, герцогини Брауншвейгской, и состояли въ военной службѣ. На лхъ родной сестрѣ женился наследный принцъ прусскій, племянникъ короля, Фридрихъ Вильгельмъ; но этотъ бракъ не былъ счастливъ и расторгнутъ по требованію мужа. Принцъ Вильгельмъ за сестру свою безвинно навлекъ на себя неудовольствіе Фридриха II, чѣмъ былъ сильно потрясенъ. Д. Р.

туркамъ рѣшительное пораженіе ¹⁾), принцъ Вильгельмъ изъ первыхъ стремился въ самый пылъ боя, въ головѣ передовой колонны русскихъ гренадеровъ. Ежеминутно подвергаясь опасности быть убитымъ, онъ даже не былъ раненъ. Въ эти долгіе и трудные двадцати онъ покрылъ себя блескомъ славы, но не радовался и даже какъ будто тяготился ею. Душевная его тоска не разсѣялась, а усталость даже увеличила ее, истощенiemъ силъ. Черезъ два дня послѣ втораго изъ этихъ сраженій, у него сдѣлалось воспаленіе, которое произвело смертельную жабу (*une esquinance violente*), быстро уложившую его въ гробъ, несмотря на всѣ врачебныя пособія Фридрихъ II выразилъ глубокое сожалѣніе о безвременной кончинѣ этого доблестнаго и даровитаго принца.

Перев. и сообщ. вт. 1874 г. Д. Д. Рѣбниковъ.

Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Конечно, при Ларгѣ и Кагулѣ, 8-го и 21-го июля 1770 г. Д. Р.

ОЧЕРКИ, РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНИЯ

Э....ВА

IV ¹⁾.

Сперанский и Трескинъ въ Иркутскѣ.

1819 г.

Въ концѣ 1817 года, приказъ главнаго командира Кронштадта вызвалъ лейтенанта и двухъ мичмановъ, желающихъ служить въ Охотскѣ. Что касается меня, я обдумалъ и рѣшилъ: въ Кронштадтѣ очень нехорошо, такъ много офицеровъ, чтобы попасть въ походъ, надобна протекція. Содержаніе слишкомъ бѣдно, жить едва можно. Можетъ быть, и въ Охотскѣ нехорошо; если я не найду тамъ лучшаго, то увижу новое—всегда выигрываю! Эта посыпка глубокаго и мудраго размысленія рѣшила: ёду!

Узнаю, объявили желаніе до сорока человѣкъ! трудно надѣяться на счастье. У меня былъ дядя Бунинъ; тогда онъ былъ знамѣнитость во флотѣ, онъ всю службу былъ адьютантомъ адмирала Ханыкова и былъ дорогимъ другомъ—всего флота. О немъ современъ разскажу, а теперь упомяну, что онъ единственный учредитель клуба въ Кронштадтѣ; клубъ, празднующія день своего учрежденія, и до сего времени не забываетъ выпить за здоровье Ивана Петровича Бунина. Жизнь въ Кронштадтѣ такъ была нехороша, что еслибы была экспедиція въ адъ, то много бы нашлось охотниковъ.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 301—316; 616—632. Томъ XXIII, стр. 98—117.

Я обратился къ дядѣ, прося его содѣйствія. Оказались избраниками: я, товарищъ мой по выпускѣ Повалишинъ и лейтенантъ Вороновъ. Съ нами отправлялись 25 человѣкъ матросъ—тоже охотниковъ, да два пожилые штурмана—классические пьяницы.

Получа полугодовое жалованье и прогоны, въ началѣ лѣта пустились мы въ неизвѣстную тогда страну. Не было ни одного служащаго, возвратившагося изъ Охотска. Охотскъ, Камчатка—тогда были настоящія *terra incognita*. Для экономіи, мы купили большую повозку и умѣстились трое.

Описать наше долгое путешествіе—пришлось бы описать Россію 60 лѣтъ назадъ, но съ этимъ не совладать мнѣ; взглянь, понятія юноши-моряка не были подготовлены къ тому. Могу сказать, что наѣхъ вездѣ ласкали, по городамъ отлично кормили, чуть получше городъ—танцы, вездѣ упрашивали погостить. Не разъ я слышалъ на вечерахъ, какъ старухи говорили: «какіе молоденькие, а за что-то ѣдуть въ далекую ссылку». По три матроса ѿхали на подводѣ въ одну лошадь, а крестьяне давали каждому по парѣ и благодарили, если матросы сами правятъ: пора была рабочая. Крестьяне, узнавъ въ какую далекую сторону ѣдемъ, отказывались отъ прогонныхъ, кормили возможно лучшимъ образомъ и не припомню, чтобы хотя разъ согласились взять деньги; говорили: «такой далекій путь, вамъ, голубчики, придется нужду терпѣть; Христосъ съ вами, помоги вамъ Богъ, мы дома въ теплѣ». Кланялись, провожая, бабы совали матросамъ лепешки, лица, дарили полотенца, на рубашку. Добра и ласкова тогда была Россія!

Пріѣхали мы въ Омскъ. Знаю, теперь тамъ пребываніе генераль-губернатора Западной Сибири, но таковъ ли Омскъ теперь—не знаю; разскажу каковъ онъ былъ тогда.

На рѣкѣ Омѣ и Иртышѣ, на краю киргизскихъ степей, была крѣпость съ очень высокимъ землянымъ валомъ: это и былъ Омскъ. Въ крѣпости сосредоточивались всѣ управлія корпусной квартиры, всего сибирского войска; тутъ жилъ и корпусный командиръ Глазенапъ, который передъ нашимъ пріѣздомъ умеръ; его скромный домъ и былъ нашимъ квартирю. Комендантъ былъ полковникъ Ивановъ; онъ и его семейство, можно сказать, были единственны въполнѣ цивилизованные люди по петербургски. Полковникъ Ивановъ всю свою службу былъ адъютантомъ при генераль-губернаторахъ; онъ и семейство его были ласковы, при-

вѣтны; въ первый же день, я сталъ другомъ его и его семьи Виѣсто Глазенапа, управляя корпусомъ генералъ баронъ Клодъ фонъ-Югенсбургъ, уже пожилой, добрый, но страшный флегматикъ; я ему понравился, онъ самъ повелъ меня знакомить съ знаменитостями: генераль-аудиторомъ, интендантомъ и проч.; онъ вводилъ меня даже въ комнаты дѣвицъ-дочерей. Каково же было мое удивление, когда я увидаль, что всѣ комнатки дѣвицъ окнами на высоко огороженный дворъ; въ окнахъ толстые жалѣзныя рѣшетки, въ комнату одна только дверь изъ спальни родителей—вотъ настоящая Азія! Баронъ, вводя меня въ дѣвицамъ, надѣвалъ на глаза отвомокъ жалѣзки съ дырочкою—это, видите ли, былъ самъ амуръ! Въ первый же день, милый комендантъ жаловался, что въ крѣпости частые поджоги. Я спросилъ его, бѣдить ли онъ по карауламъ? Онъ пренависно спросилъ: «за чѣмъ это?» Я объяснилъ ему, что онъ можетъ попасть подъ судь. Оказалось, что онъ не понималъ даже слова «рундъ». Я былъ мудрецомъ передъ нимъ. Совѣтовалъ бѣдить, объяснилъ порядки; онъ упросилъ меня шоѣхать съ нимъ. Часовыхъ вездѣ много, но все дремлетъ, отставивъ ружье, и что же? мы нашли горѣвшую головешку очень недалеко отъ порохового магазина. Хотя опасности быть не могло и можно думать, что головешка была куда-то несена и брошена—заслышиавъ шумъ. Комендантъ обнималъ и благодарилъ меня. Учредили патрули и поджоги прекратились. Такая патріархальность службы не могла не остаться у меня въ памяти. Фортадтъ при крѣпости бытъ большой, тамъ жилъ атаманъ линейныхъ казаковъ Броневскій. На другой же день, онъ пригласилъ насъ на балъ. Молодыхъ дамъ и барышень было много, но кавалеровъ танцующихъ мало. Казакъ офицеровъ было много и на подборъ красавцы, стройные молодцы, любаго въ натурщики скульптору; комендантъ мнѣ сказалъ, что всѣ они хорошаго повѣденія, но малограмотны и для общества не годятся; ихъ дѣлаютъ офицерами для красоты фронта. Я видѣлъ фронтъ казаковъ—это богатыри и красивы, что за люди, что за юноши! Танцевали только эвосезъ, да кругъ съ шеномъ и крестомъ. Въ первый же балъ, мы стали лѣвами, научили матрацуръ, танцпѣдъ, кадриль съ вальсомъ и даже котильонъ. Начались балы за баломъ каждый день. Мы вѣли, что мужчины не садятся ужинать, а ходить, занимая и служа дамамъ. Хорошенькихъ замѣчательно много. дамъ и дѣвицъ, молодыхъ, скоро

знакомятся. Хорошенькая барышня, развитъе другихъ, особенно мнѣ нравилась; я уговорилъ ее сѣсть близко музыкантовъ и напѣвать ей, стоя за стуломъ. Она испуганно говорить: «отойдите, маменька грозится». Старуха, сухая, длинная, съ другаго конца стола, грозить сердито предлиннымъ пальцемъ. Я бросился къ старухѣ и притворился увѣреннымъ, что она звала меня пальцемъ. Старуха, чиновная, сконфузилась, увѣрала, что это она—Глафириѣ, но болѣе не грозила. Вотъ какая была Азія въ Омскѣ. Насъ просто не отпускали, насъ ласкали, матросъ кормили; но всему бываетъ конецъ; побѣхали, провожали насъ чуть ни всѣ. Верстахъ въ трехъ, спускаясь въ оврагъ, лошади понесли, повозка наша опрокинулась, мы разлетѣлись; но матросъ, сидѣвшій на козлахъ, оказался со сломанной ключицей. Судьба вернула насъ въ Омскъ. Опять праздники.—Не помню чрезъ сколько дней, ночью, бѣжалъ я отъ гнавшихся за мною двухъ солдатъ съ ружьями и кто-то кричалъ: «убей его, я отвѣчаю!» Бѣгать я не имѣлъ себѣ равнаго, солдатъ я не могъ бояться, я былъ переодѣтъ, меня не узнали; выбѣжать я на валъ и забавлялся надъ запыхавшимися солдатами, но пришлось плохо мнѣ: неожиданно на валу, изъ будки, вышелъ часовой навстрѣчу. Въ такомъ критическомъ положеніи, я рѣшился соскочить съ вала. Правда, въ корпусѣ, за булаву, я много разъ скакалъ съ галлерей втораго этажа на дворъ, но это было не выше трехъ сажень, а валъ былъ высотою до пяти сажень. Разсуждать было некогда, я изъ ближайшей амбразуры, держась руками, спустился по валу, носками сапоговъ успѣлъ выбить ямки—всегда уменьшилъ высоту вала. Подѣжали солдаты; прочитавъ молитву, оттолкнулся и сдѣлалъ прыжокъ. Упалъ на ноги, песокъ, большая путаная трава, скоро опомнился—цѣль! Слышу, солдаты кричать: «тутъ тебѣ и карачунъ проклятому!» я всталъ и пошелъ, солдаты заговорили: «да это шайтанъ, бѣсь!» Я обошелъ валъ, вошелъ въ вороты и легъ спать. Поутру говоръ въ Омскѣ: кто? какъ? что? и проч. Полагаю, никто не спроситъ, по какой причинѣ я попалъ въ такое происшествіе? Любовь, содержательница міра, душа чувствительныхъ сердецъ! Послѣ обѣда, комендантъ сказаѣ мнѣ, что онъ все знаетъ. Запираться передъ другомъ не слѣдовало. «Вы забыли, что здѣсь Азія?»—Я думаю, что здѣсь Россія!—«Нѣть, здѣсь Азія, и я за вашу жизнь не ручаюсь».—Матъ кажется, вы увеличиваете.—«Нѣть, я знаю Омскъ. А вотъ что,

одно средство: вотъ вамъ курьерская подорожная до Иркутска, соберитесь скорѣй, пойдемъ прогуляться за крѣпость, тамъ сядете на курьерскую, у меня все подготовлено. Съ семействомъ прощаться не нужно».

Такъ я и укатилъ изъ Омска одинъ. Въ Иркутскѣ получиль отъ коменданта коротенькое письмо: «въ твоемъ туфякѣ и въ сдѣланной вмѣсто тебѣ куклѣ, въ ту же ночь, сдѣлано пять ранъ ножами». Вотъ она, Азія! Надѣюсь, теперь Омскъ сталъ европейскимъ городомъ и желѣзныя рѣшетки улетучились.

Въ Иркутскѣ, прямо пріѣхалъ въ адмиралтейство; начальникомъ былъ лейтенантъ Кутыгинъ, холостой; онъ былъ старше меня лѣтъ на десять, личность уважаемая и любимая всѣмъ городомъ; онъ принялъ меня какъ родной и обращался со мною какъ со сыномъ; видя во мнѣ мало-опытнаго юношу, онъ просто приказывалъ, что мнѣ дѣлать. Тогда во флотѣ былъ духъ: для флотскаго офицера быть государь, потомъ адмираль, и большѣ старшаго начальства не было; все остальное, попавши на корабль, подчиняется командиру, хотя бы лейтенанту. Поэтому, когда Кутыгинъ предложилъ мнѣ явиться къ гражданскому губернатору Трескину, я находилъ это унижениемъ, но поѣхалъ.

Что такое былъ Трескинъ въ Иркутскѣ, теперь трудно разсказать, а еще труднѣе вѣрить. Николай Иванычъ Трескинъ былъ губернаторомъ 14 лѣтъ въ Иркутскѣ, но какимъ губернаторомъ? Теперь трудно имѣть понятіе. Въ текущемъ столѣтіи, называемыи властителемъ Наполеона I; по моему, онъ былъ неограниченная власть въ войскѣ—при успѣхѣ, а власть гражданская ограничивалась законами. Трескинъ и законы—были синонимы, болѣе: былъ только Трескинъ, а законы были далеко, далеко! По праздникамъ, Николай Иванычъ позволялъ дамамъ цѣловать свою руку; изъ мужчинъ допускались къ рукѣ только старшіе чины и первогильдѣцы. Всѣ дамы цѣловали ручки у его супруги и у дочерей. Рассказовъ о despoticеской власти Трескина множество и едва вѣроятны, но вѣрныхъ. Жалобы не доходили до Питера, а если рѣдкая и прорывалась, то для того, чтобы не повторяться.

13 лѣтъ былъ генераль-губернаторомъ Пестель, былъ ли онъ въ Иркутскѣ—не знаю. Разсказывали, по какому случаю былъ

посланъ Сперанскій. Государь обѣдалъ у извѣстнаго тогда остряка Нарышкина; государь обратился къ Нарышкину: «графъ (онъ всегда называлъ графомъ), временемъ я чувствую необходимость въ очкахъ, но не рѣшаюсь». Нарышкинъ отвѣчалъ: «я знаю удивительныя очки!» — «У кого?» Нарышкинъ всталъ и, указывая рукою черезъ столъ, сказалъ: «в..о..и..ъ у Пестеля: онъ 13 лѣтъ живетъ здѣсь и видитъ все въ Сибири!» Говорить, эта шутка, а вѣроятнѣе жалобы, слухи — рѣшили послать пензенскаго губернатора Сперанскаго въ Сибирь генералъ-губернаторомъ. Когда я прїѣхалъ въ Иркутскъ, передо мною (29-го августа 1819 года) прїѣхалъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій. Трескинъ все еще былъ нетронутый, цѣльный Трескинъ: онъ не вѣрилъ, что бы безъ него могла существовать Иркутская губернія.

Часовъ въ 9 утромъ, прїѣхалъ я къ Трескину. Большая прѣхожая полна служебнаго люда: два казацкихъ и два полицейскихъ офицера, казаки, полицейские, да два дежурныхъ чиновника Тишина. Входжу въ большое зало — три печи и пять дверей. У глухой стѣны, на разъ назначенныхъ мѣстахъ, стоять чиновники съ бумагами; остававшіяся пустыя мѣста около печекъ подкращающе занимали; по видамому, каждый имѣлъ назначенное ему мѣсто. Тишина во всемъ домѣ совершенная, кажется, ни одинъ чиновникъ не пошевелилъ ногой. Я вошелъ и сѣлъ около окна и столика. Не могъ не замѣтить, что изъ меня значительно погидали чиновники; я полагалъ, что имъ въ диковинку чужой человѣкъ, да еще морякъ. Послѣ узнать — ихъ изумила моя дерзость, что я сѣлъ. Вопешъ молодчина кавалеристъ, это — коменданть иолковниче Цейдлеръ съ рапортомъ, осмотрѣлся и сѣлъ около меня. Послѣ я узналъ, что коменданть осмыслился первый разъ сѣсть у Трескина и, вѣроятно, ему неловко было стоять, когда сидѣть юноша. Болѣе часу мы сидѣли и очень тихо говорили, а чиновники продолжали стоять, каменные. Замѣтилъ я, что коменданть не сводитъ глазъ съ маленькой двери. Растворилась эта маленькая дверь, коменданть быстро вскочилъ, а я заглядѣлся, да и было на что: представьте себѣ, въ отворенную дверь выдвигаютъ мраморную бѣлую статую! Это былъ его превосходительство губернаторъ Трескинъ. Какъ снягъ бѣлый колпакъ, изъ подъ колпака длинные бѣлые волосы, рубашка съ стоячимъ воротникомъ, безъ галстука, какъ снягъ бѣлый халатъ, подложенъ

ный бывшъ кушакомъ, изъ-подъ халата внизу видно нижнее белье, чулки и мягкия туфли безъ задковъ. Трескинъ не щелъ, а двигался скользя туфлями. Минуя коменданта, который, развернувшись, называлъ ваше превосходительство, Трескинъ, не слушая, подошелъ прямо ко мнѣ:

- «А ты уже сѣлъ?»
- Съ дороги, ваше превосходительство.
- «Гдѣ ты учился?»
- У дьячка на мѣдныя деньги (Думаю: видишь мундиръ).
- «Сколько у тебя денегъ?»
- Императорское третинное въ карманѣ.

Трескинъ взялъ меня за руку и вывелъ на средину залы; держать и говорить:

- «Не велика птичка, да носокъ остеръ!»
- Къ вашимъ услугамъ, ваше превосходительство.
- «Сколько у тебя душъ?»
- Одна своя, но прекрасная, имѣю честь рекомендовать.

Трескинъ обернулся къ чиновнику и сказалъ: «отведи его къ дѣтямъ».

Въ одну изъ дверей, я пошелъ за чиновникомъ; онъ передалъ меня лакею, который и привелъ меня къ дѣтямъ. Кажется, помню: три взрослыхъ дѣвицы: Юлия—совершенный монголь, Софія—китайка, хоть на картинку чайного ящика: маленькая, нѣжная, съ мягкими движеніями, съ прекрасной кожей и китайскими глазами. Третью не помню имени—русская. Каждая изъ нихъ сидѣла за пальцами. Я поклонился, а они и не взглянули; я молча осмотрѣлъ ихъ работы—молчать. Одна уронила клубокъ, я бросился поднимать, но, по кадетски, соразмѣрилъ стукнуться головой. «Какъ это вѣжливо!»—Вамъ не должно было беспокоиться; моя обязанность служить вамъ.—«Не нужны ваши услуги!» Думаю, врете, дѣвчата. Хвалю работы—молчать. Критикую—молчать. Русская пошла въ комодъ, смотрю,—три перегородки ящика полнѣшеньки конфетъ. Я быстро и обѣими руками схватилъ по полной горсти; русская закричала: «это что? разбойничество!» Сестры вскочили—за мной, я на софу, на столъ—въ дверяхъ молча стоять самъ Трескинъ и смотрѣть съ недоумѣніемъ. Сестры жалуются на меня, я жалуюсь на дѣвицъ и, стоя на столѣ, ёмъ конфеты. Трескинъ расхохотался и ушелъ, а мы помирились и познакомились. Мир-

но и весело наболтавшись съ дочерьми, пошелъ откланяться отцу; старикъ любезно приказалъ мнѣ обѣдать у него въ 2 часа.

До обѣда, я былъ у коменданта—прекрасная личность, доброе и почтенное нѣмецкое семейство; нѣсколько гостей, разговоръ шелъ о моемъ представлениі Трескину. Кто-то сказалъ мнѣ, что опасно шутить съ Трескинымъ. Я отвѣчалъ: Трескинъ не адмиралъ, мы съ нимъ равны, а попадеть ко мнѣ на корабль, то будетъ подъ моей командой.

Послѣ я узналъ, что мое представлениѣ Трескину и разговоръ съ нимъ ходили по городу съ прибавленіями, а такой скандалъ у дочерей былъ невообразимъ для иркутянъ въ домѣ Трескина.

Въ два часа, за обѣдомъ, Трескинъ былъ въ томъ-же нарядѣ, въ какомъ дѣлали пріемъ. Кроме дѣтей, было человѣкъ пять немолодыхъ чиновниковъ; они были действующія лица безъ словъ и рѣчей. Я, какъ молодой, былъ за двоихъ, а говорилъ со старикомъ и дочерьми—за всѣхъ. Помню, не упускалъ случая пошутить надъ его беззубою старостію, что очень забавляло его. Старикъ хотѣлъ знать всѣ подробности о фамильныхъ дѣлахъ моихъ, о службѣ, о причинѣ поѣздки, о будущихъ цѣляхъ. Я былъ откровененъ и болтливъ. Я старину понравился и онъ сказалъ: «гляди на него, я давно такъ не болталъ; приходи ко мнѣ, какъ можешь чаще, обѣдать». Послѣ обѣда, дочери пригласили къ себѣ и угостили на-славу сладкимъ. Зеветъ старикъ; онъ лежалъ въ кабинетѣ на софѣ, держа мнѣ какую-то книгу: «читай». Какая-то нравственная скуча, я началъ читать съ толкомъ, съ разстановкой. Старикъ вскочилъ: «ты не умѣешь лучше читать? Читай скорѣй!» Я замолчалъ какъ дьячекъ. Старикъ былъ доволенъ. Оказалось, что эта старая голова еще съ такимъ пылкимъ воображеніемъ, что, при медленномъ чтеніи, у него толкатся въ головѣ свои идеи и онъ не можетъ сгѣдить за чтеніемъ внимательно. Безтолковое и быстрое мое чтеніе онъ очень хвалилъ.

Я не знаю, чѣмъ былъ прежде Трескинъ—не любопытствовалъ, но почему-то думается, что онъ давнишній чиновникъ Иркутска. Трескинъ, безъ сомнѣнія, былъ умный дѣлецъ, дѣятельность его была изумительна. Полиція, земскіе суды, палаты—онъ или его власть была все! Онъ зналъ все и распоряжался

всѣмъ; онъ зналъ подробно всю частную жизнь Иркутска. Трескинъ былъ деспотъ безграницный! Но мнѣ случилось прочитать немнога бумагъ его въ Питеръ къ Честелю: тамъ онъ скроменъ, добръ, скорбѣлъ о людскихъ слабостяхъ и тяготился обязанностью исправлять падшихъ. Трескинъ былъ страшный корыстолюбецъ, его считали въ десяткахъ миллионовъ, но удивительно то, что вообще мало жаловались на его взяточничество: это мнѣ объясняли тѣмъ, что онъ бралъ, но и умѣлъ дать средство живить. Я не засталъ жены его живою, о ней тоже не переслушать разсказовъ. Если Трескинъ властновалъ головою, она властновала сердцемъ надъ всѣми мужчинами—безъ оппозиціи. Трескинъ въ дѣла жены не мѣшался. Послѣднаго ю избраннаго я хорошо зналъ, его звали Иванъ Ефимычъ Кузнеццовъ, а весь Иркутскъ звалъ его королемъ. Дѣйствительно, это былъ рѣдкій красавецъ, его я сравнивалъ съ павлиномъ; говорилъ онъ очень дурно, грубо на о, уродливыхъ провинціализмовъ пропасть. Жена Трескина возвращалась съ королемъ Кузнецковымъ изъ-за Байкала; поѣхали кругомъ Байкала, дорога адская, такою и останется—гора на горѣ и очень высоки. На этотъ разъ, лошади понесли съ большой горы; губернаторша рѣшилась выскочить изъ кареты, попала платьемъ въ колеса и ее буквально разорвало. Король усидѣлъ и спасся.

Трескинъ, какъ медаль, имѣлъ двѣ стороны; сказавши обѣ одной, надоѣло сказать и о другой сторонѣ. Мнѣ казалось, Трескинъ не былъ золь и жестокъ, но, какъ власть, былъ очень строгъ: всѣ полиціи были доведены до совершенства и за то въ Иркутской губерніи не было ни грабежей, ни воровства; я сотни примѣровъ слышалъ: проѣзжій, забывшій въ домѣ крестьянина кошелекъ, часы, бумаги, непремѣнно былъ догоняемъ и получалъ забытое. Дороги, мосты были превосходны, деревни чисты; судя по наружности домовъ, крестьяне были зажиточны; скота, лошадей много; пятнадцать, двадцать троекъ стояли при вѣздахъ въ деревню, платили четыре копѣйки на тройку за версту. Иркутскъ былъ очень оправданный городъ и много хорошихъ домовъ. О преступленіяхъ въ городѣ не было слышно.

12 лѣтъ спустя, я нашелъ: убѣйства, грабежи, воровство, шайки разбойниковъ близъ города. Села, деревни по наружности очень обѣднѣли; если чего и не забудете, то у васъ укра-

дуть все, что можно; дороги, мосты, очень дурны. Я объясняю такую разницу тѣмъ, что Трескинъ былъ законъ, а Лавинскій повиновался закону. Шесть или семь лѣтъ шайка грабила и убивала. Иванъ Яковлевичъ Козловъ (знакомый по солеваренному заводу) распорядился удачно поймать знаменитаго красавца и храбреца атамана Александрова, который поклялся убить Козлова. Атаманъ никогда не измѣнялъ данному слову. По жалобѣ Козлова, Лавинскій потребовалъ дѣло, ему привезли на двухъ возахъ. Лавинскій не пожалѣлъ русскихъ непечатныхъ словъ, & на послѣдней страницѣ написалъ: «Четырехъ главныхъ наказать внутою нещадно». Артистъ-палачъ Буяновъ каждого убилъ съ четырехъ ударовъ. Лавинскій получилъ строгій выговоръ и послѣдовало общее распораженіе: въ приговорахъ, слово нещадно—не употреблять. При мнѣ и на моихъ глазахъ, въ теченіи четырехъ часовъ, въ городѣ Иркутскѣ, днемъ, убили: крестьянина, двухъ женщинъ и девушки, послѣднюю—въ пяти шагахъ отъ меня, на главной улицѣ, человѣкъ—незнающій девушки; но это особая история, я былъ слѣдователемъ по просьбѣ Лавинскаго. Когда нибудь расскажу объ этихъ убийствахъ. Вотъ какъ измѣнился цѣлый край—всего въ 12 только лѣтъ!

О Сперанскомъ въ Иркутскѣ мало что было слышно, онъ какъ будто ничего не дѣлалъ. Сперанскій занималъ домъ «короля» Кузнецова. Домъ деревянный, большой—оконъ въ 9, а, можетъ, въ 11, на восточномъ краю города, ближайшій къ адмиралтейству. На другой день послѣ Трескина, я явился Михаилу Михайловичу. Ихъ прихожей, гдѣ были: казацкій офицеръ, казакъ и полицейскій солдатъ, входу въ большую залу—пестрая толпа: буряты, крестьяне, тунгусы. Сперанскій въ форменномъ сюртуѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы; онъ говорилъ съ крестьяниномъ, а чиновнику записывалъ. Только я вошелъ, Сперанскій обратился ко мнѣ, и когда я назвалъ себя, онъ спросилъ:

- «Давно прѣѣхали?»
- Только вчера.
- «Кудаѣдете?»
- Въ Охотскъ.
- «Одни?»

- Съ командой, она еще не прибыла.
- «Повеселитесь здѣсь, въ Охотскѣ соскучитесь».

Поклонъ. Разница съ Трескинымъ и въ обстановкѣ и въ приемѣ.

Портретовъ Сперанского очень много и все похожи, только я, не видавъ ни одного портрета съ глазами Сперанского: есть предметы недоступные для живописи! Такихъ глазъ, какъ у Сперанского, я другихъ не встрѣчалъ, не возьмусь и приблизительно описать ихъ. Могу сказать только: глаза Сперанского я ни разу не видавъ измѣняющимися — всегда, постоянно тихи, спокойны, ласковы; они не прищурены, но и не открыты, не вызывающіе и не уклоняющіеся — умъ, душа и сердце помѣстились въ этихъ глазахъ! Живопись бессильна! Увѣренъ, что со смертію этихъ глазъ, другихъ такихъ глазъ не осталось; не видавшіе выраженія глазъ Сперанского — не составятъ себѣ понятія о прелести оригинального выраженія ихъ! Сперанский былъ выше средняго роста, сухощавъ, правильно сложенъ. Оригинальный, головной, большой черепъ — очень къ нему шель. Правильныя черты всегда покойнаго, доброго лица были привлекательны, голосъ тихій — будто подъ сурдинкой, говорилъ медленно и, казалось, всегда откровенно. Говорилъ мало, будто по необходимости; смѣха не слыхалъ, а улыбка — весьма часто, всегда скромная, очень пріятная. При такой особѣ, провинціальные чины закутывались въ молчаніе, а пріѣхавшіе съ нимъ, знаявшіе его добрую снисходительность — болтали, шутили не стѣсняясь, какъ-бы въ его отсутствіе; онъ даже любилъ говорливость другихъ за обѣдомъ, но безъ его участія въ разговорѣ.

День Сперанского былъ расчитанъ по табели — не отступая. Утро просителемъ, не много работы, заданной канцеляріи съ вечера, долгая прогулка на открытомъ воздухѣ. Сколько разъ встрѣчалъ я его одного въ $-20^{\circ}, -25^{\circ}$ R.: холодная поношеная шилель, на голой головѣ сафьяновый черный картузъ, вверху четыреугольный — настоящая конфедератка: Картузъ на шелковой подкладкѣ — и ему не холодно! Ходилъ тихо, размѣренно — какъ говорилъ. Прогулка — недалеко отъ дома и на небольшомъ пространствѣ. Сперанскій никогда не отказывался отъ приглашенія на обѣдъ; тогда онъ былъ въ мундирномъ фракѣ. Орденовъ на немъ никогда не видавъ. Званые обѣды были очень часты и часто я обѣдалъ виѣствѣ.

Первый обѣдъ, на которомъ я былъ съ Сперанскимъ—это парадный обѣдъ у Трескина; на этомъ обѣдѣ я видѣлъ Сперанского въ мундирѣ и въ бѣлыхъ брюкахъ съ золотыми лампасами—только одинъ разъ и видѣлъ Сперанского въ мундирѣ. Даже самъ Николай Ивановичъ Трескинъ былъ въ мѣшковатомъ вице-мундирѣ. Манеры Сперанского на обѣдѣ были тѣ же, что и на обѣдѣ у купца. Послѣ обѣда Сперанский вынулъ золотую коробку въ роѣ папиросницы, досталъ изъ нея черную цилию и проглотилъ—это было въ гостиной. Недолгая бесѣда послѣ обѣда и если есть дамы, то преимущественно съ дамами, и уѣзжалъ. Послѣ обѣда немного чтенія, въ сумерки ходилъ по залѣ до темноты. При огнѣ принимался за бумаги и, кажется, это время было временемъ усиленной работы. Въ праздники, купцы давали балы въ домѣ ратуши. Сперанскій постоянно посѣщалъ, говорилъ съ дамами, кажется, особенно отличалъ жену коменданта Луизу Ивацковну и жену полковника Нараевскаго Наталію Карповну; послѣдняя была красавица. Я, товарищъ мой Повалишинъ, племянникъ Сперанскаго Вейкартъ и какой-то чиновникъ постоянно составляли кадриль. Сперанскій постоянно смотрѣлъ на нашъ танецъ и, кажется, его занимала наша молодая рѣзвость. Тѣмъ и оканчивался его балъ.

Рассказовъ по городу ходило множество о Сперанскомъ; каждое его слово, кажется, каждое его движеніе замѣчалось и повторялось въ публикѣ. Терпѣніе его съ просителями было неистощимо. Однажды, надѣяло много говору: монголь-бурятъ жаловался, что исправникъ Волошинъ вызвалъ его въ Иркутскъ, въ его отсутствіе забрались въ его юрту волки и собаки, утащили говядину и боговъ. Просилъ взыскать съ исправника убытки. Сперанскій отказалъ. Бурятъ пришелъ другой разъ съ той же просьбой—получилъ отказъ. Пришелъ третій разъ. Сперанскій назвалъ его глупымъ и приказалъ вывести. Это происшествіе сильно удивило всѣхъ, говору было много! Изъ этого можно заключить, какимъ терпѣніемъ обладалъ Сперанскій.

Иркутскъ зналъ, что Сперанскій сказалъ, гдѣ былъ—малѣшія подробности не ускользали отъ общества, но не было ни одного слова о томъ, что дѣлалъ въ кабинетѣ и дѣлалъ ли чтонибудь, готовилось-ли, или не готовилось въ будущемъ для Сибири? Это будущее было непроницаемо; не было даже догадокъ. Три

секретаря Сперанского были люди бойкіе, не отказывались отъ удовольствія и даже очень, но о дѣлахъ ни пол слова! Всѣ знали, что Цейеръ—правая рука Сперанского по бумагамъ. Цейеръ, маленькаго роста, сухенькой, съ большимъ носомъ, въ очкахъ, съ торопливою походкою—не ручаюсь есть ли у него голосъ? Часто видѣть его, но положительно не помню, чтобы онъ выговорилъ хотя одно слово. Цейеръ, статскій советникъ, вѣчно съ бумагами подъ мышкою и бѣжать, либо къ Сперанскому, либо отъ него. На обѣдахъ, балахъ, Цейеръ почти не бывалъ. Быть и правитель канцеляріи (Иванъ Ивановичъ Шиллеревскій), но всѣ знали, что онъ носить только званіе; Сперанский не употреблялъ его. Сперанский быть чрезвычайно доступенъ, но нельзя было не замѣтить—служащіе при немъ были совершенно свободны въ службѣ, но никогда ни одинъ не приближался къ нему.

На одномъ изъ обѣдовъ, мнѣ пришлось сѣсть противъ капитана путей сообщенія; онъ спросилъ меня:

— «По какой причинѣ морская служба называется смоленая?»

— По той же, по которой служба на канавахъ называется—грязная служба.

— «Вы ходили въ морѣ?»
 — Да, я четыре лѣта служилъ на корабляхъ.
 — «Вы такъ рано начали службу походами?»
 — Мы всѣ привыкаемъ смолоду.
 — «Скучная ваша служба?»
 — Почему такъ? это неправда, мы всѣ любимъ быть въ морѣ.
 — «На корабляхъ не бываетъ дамъ?»
 — Не бываетъ. Онѣ только бы мѣшали, на корабль для нихъ нѣть времени и мѣста.

— «Признайтесь, первый походъ былъ для васъ страшенъ?»
 — Можетъ быть, бываютъ трусы, но такие переходить въ другія службы; изъ моихъ товарищей перешли двое въ вѣдомство путей сообщенія, ихъ никто не держитъ.

— «Моряки очень серьезны и строги».

— Моряки никогда никого не затрагиваютъ.

Это было недалеко отъ Сперанского; я на концѣ непріятнаго разговора замѣтилъ, что онъ внимательно слушаетъ и улыбается; я прекратилъ отвѣтъ, считая продолжать неприличнымъ.

Послѣ обѣда, капитанъ подошелъ ко мнѣ и рекомендовался: Гаврило Степанычъ Батенковъ. Я сказалъ о себѣ.

— «Извините, я, можетъ быть, сказалъ вамъ что нибудь не- приятное?»

— Извините, я отвѣчалъ вамъ какъ умѣль.

Онъ взялъ меня за руки, просилъ быть знакомымъ.

— «А на счетъ разговора прошу васъ, не стѣсняйтесь, браните меня сколько угодно; кромѣ благодарности, отъ меня ничего не будетъ. Михаилъ Михайловичъ очень любить когда я говорю за обѣдомъ, а эти господа (указывая на иркутскихъ чиновниковъ) всякою малостью обижаются, говорить съ ними невозможно. Вы такъ добры и умны, дали мнѣ возможность поддержать разговоръ. Надѣюсь, мы будемъ пріятелями, будемъ садиться противъ и вы выведете меня изъ затрудненія».

На другой день, Батенковъ пріѣзжалъ ко мнѣ, потомъ я бывалъ у него очень часто. Мы подружились.

Батенковъ былъ довольно большаго роста, сухощавъ, брюнетъ, съ золотыми очками, по близорукости; въ фигурѣ его ничего не было замѣчательнаго, но ротъ и устройство губъ поражали своею особенностью. Губы его не выражали ни злости, ни улыбки, но такъ и ожидаешь—вотъ-вотъ услышишь насмѣшку, сарказмъ. Даръ говорить о чёмъ угодно занимательно, весело, и говорить цѣлые часы—эта способность была изумительна! Готовность его на отвѣты и возраженія не имѣла равнаго. Батенковъ былъ незлобиваго, добрѣйшаго сердца. Ученость его была замѣчательна, онъ очень легко и много писалъ стиховъ; я много читалъ его басенъ, но и тутъ—только сатира и сарказмъ, болѣе на известныя лица и нравы. О Батенковѣ я знаю только изъ случайныхъ его рассказовъ; онъ началъ службу въ артиллеріи. Въ 1812-мъ году, ему съ товарищемъ дали по двѣ пушки, приказали защищать мостъ и не уходить.

— «Мы стрѣляли, французы валились; мы стрѣляли, а французы падали и приближались; французы были близко; товарищъ, чтобы спасти пушки, отѣхалъ; у меня оставались только два канонира, я самъ приложилъ фитиль и отъ удара упалъ; меня проходящіе французы кололи, но мнѣ не было больно, но когда штыкъ попалъ мнѣ подъ чашку колѣна, я потерялъ память. Очнулся я въ палаткѣ, лежать раненые французы: я былъ въ цѣлѣ.

Вмѣстѣ съ другими, я былъ отправленъ на югъ Франціи, гдѣ и вылечился отъ 18-ти ранъ. Когда наши взяли Парижъ и мы, плѣннѣе, получили свободу, я явился въ главный штабъ. Тамъ мнѣ сказали, что Батенковъ убитъ и исключенъ изъ списковъ, требовали документовъ. Какіе документы я могъ представить? Я назвалъ батарею, въ которой служилъ; нашлось только два канонира, которые остались живы; узнавъ меня, засвидѣтельствовали, что я ихъ поручикъ».

— А что было съ вашимъ ушедшими товарищемъ?

— «Кутузовъ смотрѣлъ въ трубу съ холма; товарища судили и приговорили за ослушаніе разстрѣлять. Кутузовъ разжаловалъ его въ солдаты, онъ убитъ».

— Какъ же вы попали въ путей сообщенія?

— «Раны меня беспокоили въ ненастье, да и надоѣла мнѣ фронтовая служба; я написалъ въ управление путей сообщенія: если желаютъ имѣть хорошаго офицера, то я согласенъ служить».

— Будто бы такъ и написали?

— «Право такъ, у насъ въ Россіи худо просить, искать; или законнымъ порядкомъ—тысячи затрудненій, проволочки».

— Ну, а какъ же сюда попали?

— «Хотѣлось посмотреть Сибирь. Сперанскій, познакомившись, вмѣсто моей обязанности, далъ мнѣ работу: составить новое положеніе о ссыльныхъ. Много собралъ свѣдѣній—путаницы, противорѣчій пропасть; надобно прежде привести въ одному знаменателю и потомъ составить что нибудь цѣлое».

Я съ Батенковымъ каждый день становился дружинѣ; за обѣдами онъ вострился надо мною; если удавалось, и я платилъ ему тѣмъ же. Въ то время и до сего часа, я имѣю природное отвращеніе ко всякому вину; за здоровье Сперанскаго, вмѣсто шампанскаго, я низъ превосходный медъ; отъ двухъ бокаловъ меда выходилъ изъ-за стола красненький. Это замѣчалъ Сперанскій; видя мою дружбу съ Батенковымъ, разъ говорить ему:

— Пріятель вашъ молодошка-морякъ, можетъ быть, неглупый юноша, но что значить среда: таъ молодъ, а уже становится пьяницей.

Батенковъ расхохотался и сказалъ: «вотъ какъ иногда высокостоящіе дѣлаютъ ошибочные заключенія о маленькихъ. Мой пріятель-морякъ еще въ жизни не пробовалъ никакого вина,

онъ и за ваше здоровье пить медь, а не шампанское, а что онъ краснѣеть — виновата юность».

Сперанскій смѣялся надъ своею ошибкою и добавилъ, что онъ желалъ бы почаще сознаваться въ такихъ ошибкахъ.

Батенковъ былъ старше меня лѣтъ на десять, но онъ такъ былъ уменъ и умѣлъ сдѣлать, что я не чувствовалъ этой разницы. Однажды, въ сумерки, между интересными его рассказами, онъ сказалъ мнѣ, что у нихъ есть кагаль, что у нихъ ходить свои почты и что всѣхъ своихъ членовъ кагала они имѣютъ средства быстро двигать къ повышенію по службѣ. «Хочешь, я запишу тебѣ въ члены?»

— Какая цѣль кагала?

— «Этого я не могу сказать тебѣ: это тайна!»

Я не думавши отвѣчать: По моему, Гаврило Степанычъ, гдѣ тайна, тамъ — нечисто!

Мы болѣе не говорили объ этомъ. Я теперь ясно помню: я отвѣчалъ Батенкову безъ всякаго сознательнаго намѣренія, вовсе не обдумавъ. Это время было щегольство фразъ и готовности резонно отвѣтить противорѣча. Въ послѣдствіи оказалось, что 1819-го года называвшійся кагаль — послѣ было общество 14-го декабря! Не сорвісь тогда съ языка глупая фраза, попади я въ списокъ — другимъ бы путемъ попала вся жизнь моя! Батенковъ не желалъ мнѣ сдѣлать зла, онъ желалъ сдѣлать мнѣ добро, потому что самъ былъ членомъ сильнаго кагала.

Послѣ разговоровъ моихъ съ Сперанскимъ, о чёмъ потомъ разскажу, буду продолжать о Батенковѣ чѣмъ только знаю о немъ. Сперанскій, черезъ Батенкова, предложилъ мнѣ перейти служить къ нему; вотъ слова Сперанскаго:

— «Скажите ему, пусть лучше начинаетъ служить съ головы! Жизнь въ дикой сторонѣ, безъ общества, можетъ очертить его».

Я отвѣчалъ, что я только и знаю морскую науку, для неї только учился семь лѣтъ и увѣренъ, что я недурной морской офицеръ. Штатская служба мнѣ неизвѣстна; мнѣ надообно учиться вновь — поздно, можетъ быть, и не выучусь; отъ флота отстану, а къ штатскому не пристану; кроме того, я страстно люблю морскую жизнь. Пусть будетъ какъ будетъ! Благодарю и вѣчно не

забуду милостиваго внимання ко мій Михаила Михайловича—
остаюсь во флотѣ! Хорошо ли я сдѣлать, худо ли—не знаю!

Судьба послѣ запрягла меня въ штатскую — совсѣаагъ!

Пришло времяѣхать изъ Иркутска; прощаюсь съ Батеневымъ, онъ съ большими чувствомъ проводилъ меня, взялъ съ меня слово писать къ нему по пріѣздѣ въ Охотскъ и что я найду тамъ, что я и исполнилъ. Батенковъ писалъ во мнѣ прекрасные письма, полныя веселости, какъ будто хотѣлъ утѣшить меня въ двоемъ одиночествѣ. Помню одно письмо изъ Петера: онъ просилъ меня наблюсти и точно объяснитъ: когда прибываетъ другая вода въ рѣку, то вливается она по дну или по поверхности? Наблюсти было легко тамъ, гдѣ каждый сутки морской приливъ возвышаетъ воду въ рѣкѣ отъ 10-ти до 12-ти футъ. Я получилъ отъ Батенкова письмо пять и отвѣталъ. Когда же дошло донась извѣстіе о катастрофѣ 14-го декабря, я вспомнилъ о кагадѣ и не сомнѣвался, что это одно и то же тайное общество; очень боялся за свои письма, хотя тамъ и тѣни не было преступныхъ идей, но въ такихъ случаяхъ во всемъ вина. Читая слѣдствіе и судъ, я успокоился: вѣроятно, Батенковъ уничтожилъ всѣ бумаги.

Будучи начальникомъ адмиралтейства въ Иркутскѣ, я употребилъ возможное стараніе узнать гдѣ Батенковъ? Въ Восточной Сибири его не было. Нашель случай навести справки въ Западной—и тамъ не было моего Гаврилы!

Въ 1819 году, въ Иркутскѣ, были особенно дружны: Батенковъ, докторъ Валтеръ и Гедельштромъ. О послѣднемъ послѣ. Между сказанными друзьями, если я не былъ другомъ существительнымъ, то хотя прилагательнымъ, но все таки былъ очень близкимъ.

Чтобы не забыть: Батенковъ не употреблялъ табаку, не игралъ въ карты и почти не пилъ вина.

Въ 1832 году, является ко мнѣ изъ Питера Гедельштромъ. Матвѣй Матвѣичъ! какими судьбами? Оказалось, что онъ пріѣхалъ при жандармскомъ полковнику Килченскому, которому поручено было составить статистику всей Сибири. Говоря между нами, ловкій полковникъ составить никакой статистики не могъ, для того и взялъ ученаго Гедельштрома, а самъ исполнялъ другое порученіе. Но это къ разсказу не идетъ. Дѣло было къ обѣду.

Гедельштромъ любилъ выпить, даже и очень; я угостилъ его препорядочно любимой его наливкой съ обѣихъ. Послѣ обѣда, въ гостиной, я упросилъ его разсказать мнѣ подробно, что онъ знаетъ о нашемъ дорогомъ Гаврилѣ? Гедельштромъ приказалъ мнѣ запереть двери гостиной и сосѣднихъ комнатъ, и вотъ что рассказалъ:

— «Послѣ 14-го декабря, Батенковъ оставался недѣли двѣ на свободѣ. Былъ онъ на вечерѣ у вагенмайстера Соломки, стоялъ въ залѣ опершись у стола; гдѣ бы ни былъ Гаврило, его всегда окружала толпа слушателей. Сказали: пріѣхалъ фельдегерь! Батенковъ спокойнымъ голосомъ сказалъ: «господа, прощайте, это за мной!» Фельдегерь увезъ Батенкова. Я зналъ, что Гаврило посаженъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ видѣться съ нимъ не было средствъ. Узнаю, что Гаврило въ казематѣ Петропавловской крѣпости. Мнѣ очень хотѣлось повидаться съ Гаврилой, такъ хотѣлось, что я покоя не зналъ. Какъ ни обдумывалъ, видѣлъ одну невозможность. Подружился я съ капитаномъ Преображенскаго полка; онъ съ ротою ходилъ карауломъ въ крѣпость. Въ минуты откровенности, я высказалъ ему страстное свое желаніе повидаться съ Гаврилой. Долго мы судили и рѣдили—средствъ не находилось. Придумалъ я—хоть бы побывать въ крѣпости, все ближе къ цѣли. Капитанъ предложилъ взять меня деньщикомъ, я охотно согласился. Но до цѣли далеко! Однажды, шутя проектировалъ капитанъ: «вотъ бы тебѣ одѣться преображенскими солдатомъ, стать бы тебѣ на часы въ коридорѣ казематовъ, ты могъ бы видѣться цѣлый часъ.. Отъ шутливаго предложения дошло до осуществленія. Добрый капитанъ рѣшился, а я радъ пуститься на все!—лишь повидаться. Приготовилъ я себѣ солдатскій мундиръ, обстрягся и въ одинъ изъ карауловъ капитана пошелъ съ нимъ деньщикомъ. Около полночи, я былъ солдатомъ и лежалъ между спящими солдатами. По крику унтера: смѣна внутреннихъ! я взялъ ружье и сталъ съ другими».

Я взглянулъ на Гедельштрома и, видя пожилаго и порядочно полнаго мужчину, не могъ безъ смѣха вообразить его солдатомъ.

— Да какъ же не узнать васъ унтеръ?

— «Въ караульномъ домѣ полусвѣтъ отъ закопченной лампы, да и все сонное, только проснулись. Привели меня въ длинный коридоръ, тоже же ярко освѣщенный. Порядку смѣны часоваго

научилъ капитанъ, сталъ я на часы. Ружье къ стѣнѣ, дверей нѣсколько, но въ которыхъ Гаврило? Въ каждой двери стеклышко, закрытое снаружи, двери заперты крѣпкими засовами и аружи. Поднимаю закрышку стекла, внутри ночникъ освѣщалъ казематъ. Въ одномъ казематѣ, вижу сидѣть на кровати высокій, тонкій, сѣдой—не Гаврила ли? отодвинулъ засовъ, отворилъ и спросилъ: Гаврило?

Всталъ сухой старикъ и, вмѣсто отвѣта, спросилъ: «кто теперь на престолѣ царствуетъ?»

Я отвѣчалъ: Николай.

— «Чей сынъ?»

— Внукъ Екатерины, сынъ Павла. А вы кто?

— «Я Шушеринъ».

Я заперъ казематъ и нашелъ Гаврилу. Мы обнялись, говорили вмѣстѣ, Гаврило рассказалъ: «Въ Шлиссельбургѣ было несносно. Удалось написать къ моей невѣстѣ, приказалъ чертenkу сходить къ Сперанскому и просить о перевѣзѣ меня въ Петропавловскую крѣпость. Перевели—по болѣзни. Я написалъ письмо къ государю—полное раскаянія, и просилъ помилованія. Заболѣлъ я первной горячкой. Пріѣзжалъ штабъ-докторъ. Пришелъ въ себя и чувствую приближеніе смерти. Гадко мнѣ показалось, что я малодушно лгалъ, просилъ прощенія и раскаивался. Я потребовалъ священника и продиктовалъ, что я не хочу умереть и унести съ собою подлую ложь. Раскаяніе и просьба о прощеніи—ложь! пусть не вѣрить государь, никто изъ нашихъ виновныхъ не попроситъ прощенія, а если и будетъ прощенъ, то не отстанетъ отъ начатаго дѣла.—Я выздоровѣлъ и остался на-вѣчно живымъ въ этомъ гробѣ! Найди мою невѣсту, она въ нуждѣ, помоги ей, сколько можешь. Я притворился сумасшедшімъ, думалъ попаду въ сумасшедшій дѣмъ, тамъ всетаки люди». Заслышили хлонувшія двери: это смѣя. Простились, поплакали, заперъ казематъ и взялъ ружье, смѣялся. Повторить было невозможно, капитанъ увѣрялъ, что она много выстрадалъ въ этотъ часъ. Нашелъ бывшую невѣсту Гаврилы, она жила безъ нужды; я подарилъ ей 100 руб. отъ имени Гаврилы; она очень плакала, вспоминая о Гавриль».

— Гдѣ она живетъ?

— «Въ Конюшенной».

Передаю рассказъ Гедельштрома дословно; есть невѣроятное, но это остается на его совѣсти.

Бывшую невѣstu Батенкова, въ 1833 году, нашелъ и я; она еще была недурна О Батенковѣ наговориться не могла; она любила его и никого болѣе не любила; были женяхи—отказалася. Бывшая невѣста Батенкова рассказывала, что Сперанскій принадлежалъ къ обществу 14-го декабря и боялся показаній Батенкова; она нѣсколько разъ была послана въ казематъ къ Батенкову съ обнадеживаніемъ, что дѣло принимаетъ хороший оборотъ. Какъ же васъ пропускали?—«Какъ скажу: отъ Сперанского, то крѣпостной офицеръ и проведѣть». Эта дѣвушка замѣтно была съ хорошимъ образованіемъ, очень жива, вѣроятно, потому Батенковъ и называлъ ее чертенкомъ.

Гораздо позже я слышалъ подтвержденіе разсказа Гедельштрома о просьбѣ Батенкова съ раскаяніемъ и потомъ обѣ исповѣди.

Рассказывали мнѣ еще, что когда, по приговору суда, Батенковъ долженъ былъ быть сосланъ въ каторжную работу въ Сибирь, что будто бы Сперанскій входилъ съ докладомъ, что Батенковъ понесетъ двойное наказаніе, потому что въ Сибири извѣстно всѣмъ, что Батенковъ составлялъ положеніе о ссыльныхъ. Что будто бы по этому докладу и сдѣлано для Батенкова исключеніе: выѣсто Сибири—въ казематъ крѣпости.

Вотъ, кажется, все, что я знаю о Батенковѣ, но ручалось только за то, гдѣ лично участвовалъ, а остальное—за что купилъ, за то и продаю.

Сперанскій въ Иркутскѣ все продолжалъ «ничего не дѣлать», но не замѣтно, какъ-то постепенно и тихо, Трескинъ—все еще губернаторъ, но отошелъ на второй планъ. Я не любилъ Трескина и его дочерей, да и было что любить получше.

Сижу одинъ въ адмиралтействѣ; передъ сумерками, является казацкій офицеръ: пожалуйте къ генералъ-губернатору! Одѣлся въ полную форму. Вхому въ залъ. Михаилъ Михайловичъ стоитъ у косыка окна и читаетъ книжку въ $\frac{1}{16}$ листа. Увидавъ меня, спросилъ:

- «Что вы такъ примудрились?»
- Къ вашему высокопревосходительству.

— «Посланный, вѣрно, въасъ поезжалъ къ генералъ-губернатору?»

— Точно такъ-съ.

— «Они не понимаютъ: я приказалъ пригласить васъ къ Михаилу Михайловичу: прошу различать, можете приходить въ сюртучкѣ, мнѣ хотелось побесѣдоватъ съ вами; снимите вашу саблю, положите шляпу и походите. Вы, конечно, воспитанникъ Морскаго корпуса?»

— Точно такъ, морскихъ офицеровъ изъ другихъ заведений нѣть.

— «Да, я это знаю. Вашъ главный курсъ астрономія?»

— Учебный курсъ очень разнообразенъ, но главный — математика.

— «У васъ система Коперника?»

— Дѣйствительно такъ, но съ послѣдующими развитіями: Галилея, Кеплера, Ньютона и другихъ.

— «Скажите мнѣ, довольны вы этой системой?»

Я взглянулъ на Сперанскаго и подумалъ: шутишь, баринъ? или подурачить хочешь?

Сперанскій, замѣтивъ мое молчаніе, сказалъ:

— «Пожалуйста не стѣсняйтесь, прошу, выскажите свои мысли откровенно!»

Я рѣшился на шутку отвѣтить шуткою. Сперанскій такъ былъ привѣтливъ, какъ будто ободрялъ меня.

— Курсъ астрономіи вамъ известенъ; конечно, известно вамъ и то, что вычисленія наши не имѣютъ разницы, если мы принимаемъ, что движется солнце и стоитъ земля и обратно: вотъ уже первое сомнѣніе въ совершенствѣ системы міра. Я не вполнѣ доволенъ.

— «Такъ вы имѣете свою систему?»

— Да, я думаю, должно быть иначе.

— «Право, пожалуйста, объясните ваши мысли».

— Солнце, какъ центръ нашей планетной системы, признано за тѣло, дающее свѣтъ и теплоту. Съ послѣднимъ я согласиться не могу.

— «По какому основанію?»

— Все, что даетъ тепло, съ приближеніемъ къ нему — тепло усиливается, а съ приближеніемъ къ солнцу, на вершинахъ высочайшихъ горъ, на воздушныхъ шарахъ — тепло уменьшается.

— «Но вы не отвергнете, что чувствуете теплоту отъ лучей солнца?»

— Я полагаю, мы еще не знаемъ вполнѣ физико-химического свойства лучей свѣта на тѣла; можетъ быть, свѣтъ солнца способенъ только возбуждать теплоту въ тѣлахъ.

— «Хорошо, что же вы создаете на вашемъ основаніи?»

— Отъ дошедшихъ до насъ учений египетскихъ жрецовъ, Птоломея и грековъ, они признавали нѣсколько небесъ и нѣсколько міровъ. Принимая за основаніе, что, съ удаленіемъ отъ земли, тепло исчезаетъ, а холода усиливается, трудно вполнѣ отвергнуть учение древнихъ; разумъ, слѣдя за мертвящимъ холдомъ, упрется въ ледяную кору видимаго нами неба, эта видимая синева есть подобіе замерзшей воды.

— «Положимъ, а звѣзды?»

— Если допустить твердую ледяную кору вмѣсто неба, то вмѣстѣ съ тѣмъ, не отвергая безконечности творенія Создателя, будетъ естественно вѣрить, что за этой корой есть другой, высшій мір—міръ, въ которомъ нашъ воздухъ замѣняетъ камень. Того міра, того свѣта намъ постигнуть не дано, но, повинувшись воображенію, руководимому логическимъ разумомъ, мы можемъ только предполагать о томъ непостижимомъ свѣтѣ, а какъ нѣть тѣль безъ скважинъ, мы можемъ допустить и въ ледяной корѣ скважины, сквозь которыхъ крошечныя частицы того свѣта проникаютъ къ намъ.

— «Прекрасно, а солнце, луна?»

— Солнце есть отверстіе большое, но заслоненное полуупрозрачнымъ тѣломъ, и потому передаетъ намъ только часть того свѣта, иначе все погибло бы на землѣ. Луна есть холодное, мертвое тѣло, не имѣющее огня, воды, атмосферы, а потому и жизни; луна есть материалъ для будущей планеты.

— «Вы думаете?»

— Мы, новые, признаемъ для грѣшниковъ мученіе преисподней; гдѣ она—я не знаю, но мой разумъ допускаетъ, что душа умершаго, какъ эфиръ воспаряя, приближается къ ледяной корѣ; праведные допускаются проникнуть въ тѣль высшій свѣтъ для блаженства, а грѣшные терзаются по сю сторону мертвой ледяной коры.

— «Браво, ваша система не забыла и разрѣшаетъ о дѣлахъ и душахъ людей».

Припелъ рай и аль—помнія, что говорилъ съ поповицемъ. Въ этомъ родѣ продолжался разговоръ—съ моей стороны серьезно; Сперанскій тоже не улыбался, а какъ бы ободрялъ. Я путалъ все, что зналъ изъ физики—электричество, магнитъ. Между многими вопросами, смѣю разрѣшить сѣверное сіяніе, доказывая, что безъ этого магнито-электрическаго процесса земля была бы необитаема отъ испорченности воздуха на экваторѣ. Сперанскій, выслушавъ о сѣверномъ сіяніи, сказалъ:

— «Скажите, какъ это просто, а я думалъ, что этого никто не знаетъ».

Въ соседней комнатѣ подали огонь; Сперанскій подалъ мнѣ руку и сказалъ: «Когда вы читѣмъ не заняты, побывайте у меня, но только помните, къ Михаилу Михайловичу въ мундирѣ не ходить. Прощайте, благодарю васъ, меня зовутъ работать».

Когда я болталъ галиматью, часто взглѣдывалъ на Сперанскаго, ожидалъ видѣть улыбку, но онъ, ходя мѣрными шагами, серьезно слушалъ. Сперанскій былъ въ старенькомъ сюртуѣ съ очень узкими рукавами, вѣрно—старинная мода.

Хотя я тогда штатскихъ уважать не могъ, но мнѣ казалось, не пересолилъ ли я, такъ много и глупо болталъ? Пріѣхавъ домой, я до слова записалъ, и въ тотъ же вечеръ былъ у Батенкова; рассказалъ и прочиталъ записанное, мы вмѣстѣ съ Гаврилой смыались. Я спросилъ его, не очень ли я наглупилъ и что меня немного беспокоитъ. Батенковъ успокоилъ меня, сказавъ, что Сперанскому все можно говорить, онъ даже любить слушать болтовню веселонравныхъ.

— «Да что тебѣ вздумалось налагать свою систему міра?»

— Мнѣ показалось, что онъ хочетъ дурачить меня, я хотѣлъ сказать небольшую шутку за шутку, да какъ началь говорить, а онъ поддакивать, то и нагородилъ чушь!

Я спросилъ Гаврилу, не знаетъ ли какую книжку читаетъ Сперанскій?

— «Онъ очень любить и постоянно читаетъ Фому Кемпійскаго».

На другой день, Батенковъ только явился къ Сперанскому, какъ тотъ началъ смыться, рассказывая о моей болтовнѣ. Сперанскій полагалъ, что я серьезно увлекаюсь своей системой. Батенковъ разувирилъ его и сказалъ, что я беззкоюсь, не слыш-

комъ ли наглушилъ. Сперанскій приказалъ успокоить меня и прибавилъ:

— «Бойкое молодое воображеніе; мнѣ нравится, онъ смѣлый юноша!»

Батенковъ объяснилъ, что я, какъ морякъ, уважаю только адмирала—остальные чины не существуютъ.

— «Правда, моряки всегда держать себя особенно, сдержанно, но время и жизнь научать его».

Для меня слова пророческія!

Чтобы быть послѣдовательнымъ, я запишу и вторыя сумерки у Сперанскаго. Дней черезъ пять или семь послѣ первыхъ сумерекъ, явился тотъ же ординарецъ и сказалъ: пожалуйте къ Михаилу Михайловичу. Я надѣлъ вице-мундиръ, безъ сабли, въ фуражкѣ; явился поранѣе въ ту же залу. Сперанскій такъ же ласковъ, спросилъ не занять ли я, и сказалъ: «походите».

— «Гдѣ ваша родина?»

Я отвѣчалъ.

— «Имеете родныхъ въ Петербургѣ?»

Я назвалъ Анну Петровну и Ивана Петровича Буниныхъ.

— «Это дѣвица-поэтъ?»

— Точно такъ, она мнѣ тетка.

— «Бунинъ—это весельчакъ?»

— Дѣйствительно онъ.

— «Тетку вашу я встрѣчалъ въ обществѣ, а о дядѣ вашемъ много забавныхъ разсказовъ».

— Онъ былъ тоже морякъ.

— «Гдѣ вы прежде учились?»

— Я никогда не учился, умѣлъ только читать, а подписывать прошеніе въ корпусъ по карандашу. Тетка отреала меня въ Петербургъ, а дядя, какъ морякъ, опредѣлилъ.

— «Долго вы пробыли въ корпусѣ?»

— Семь лѣтъ.

— «И успѣли кончить полный курсъ? у васъ науки много?»

— Мы каждый день сидимъ въ классахъ восемь часовъ и мнѣ классовъ учить уроки.

Сперанскій хотѣлъ знать малѣйшія подробности о порядкахъ въ корпусѣ, о начальствѣ, объ обращеніи, о наказаніяхъ, объ обязанности офицеровъ, о пишѣ, даже объ играхъ кадетъ, объ

экзаменахъ. Сперанский, замѣтивъ, что я говорю о корпусѣ восторженно, съ любовью —

- «Вы любите корпусъ?»
- Я всегда съ благоговѣніемъ вспоминаю Морской корпусъ!
- «Такъ весело вамъ было въ корпусѣ?»
- Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, корпусъ даль мнѣ нравственное бытіе, я обязанъ корпусу всѣмъ: я поступилъ въ корпусъ — дѣвичкомъ, а вышелъ человѣкомъ, воспоминанія о корпусѣ для меня священны. Начальники были благодѣтели — отцы въ дѣтамъ.
- «Это дѣлаетъ вамъ честь. Но пока вы въ корпусѣ, для васъ вѣшняя жизнь не существуетъ?»
- Напротивъ, мы знаемъ все, что дѣлается, что говорится въ городѣ.
- «Какимъ это образомъ?»
- По субботамъ и праздникамъ насы отпускаютъ въ родныхъ и знакомыхъ; насы много, насы, какъ дѣтей, не осторегаются. Когда мы возвращаемся въ корпусъ и рассказываемъ слышанныя новости, мы, своимъ критическимъ умомъ, противорѣчія подводимъ къ общему знаменателю и дѣлаемъ свои заключенія.
- «Обо мнѣ что нибудь говорили у васъ?»
- Какъ же, и очень громко.
- «Что же?»
- Да я васъ повысилъ.
- «Какъ такъ?»
- Такъ, вырѣжу изъ бумаги человѣчка, одинъ конецъ нитки на шею, а другой конецъ заверну въ кусокъ жеваной бумаги, брошу въ потолокъ; мокрая жеваная бумага прилипнетъ и человѣчекъ висить стъ подписью: Сперанскій измѣнился.
- «За что же вы меня вѣшали?»
- Говорили, что вы передали Наполеону великие секреты государя и подписали какую-то бумагу.
- «Такъ вы такие патріоты въ корпусѣ?»
- Да, мы очень любимъ государя.
- «А Россію?»
- Да какъ любить, чего не знаешь; вотъ я Ѳду болѣе года и все Россія, я и теперь ее не знаю.
- «Какъ вы рѣшилисьѣ хать въ такую даль?»

— Въ Кронштадтѣ не хорошо жить, нась очень много. Я подумалъ: если въ Камчаткѣ не найду лучшаго, то найду новое—всегдаки выигрываю.

— «Смѣлая посылка!»

— Да когда же и искать, какъ не въ мои годы?

— «Вы правы».

Подали огонь; Сперанскій поблагодарилъ, я откланялся.

Иркутскъ веселился напропалую, казалось, никто ничего не дѣлаетъ, а Сперанскій меныше всѣхъ: обѣдъ, балъ—Сперанскій непремѣнно вездѣ присутствуетъ; служаще при немъ, кажется, затѣмъ и прїѣхали, чтобы праздновать,—только никто не видитъ Цейера и канцелярскихъ, да долго по ночамъ освѣщень весь домъ Сперанскаго. Не слыша служебнаго слова и не видя дѣль—домъ Трескина постоянно пустѣль; домъ, недавно сцентрировавшій въ себѣ всю жизнь Иркутска—стать какъ зачумленный, хотя Трескинъ продолжалъ быть губернаторомъ. Въ обществѣ не было о немъ ни полслова.

Какъ-то вдругъ, неожиданно, явились на сцену разговора три исправника: иркутскій—Волошинъ, верхнеудинскій—Гедельштромъ и нижнеудинскій—Лоскутовъ. Первые два были въ Иркутскѣ и были постоянными членами общества; о нихъ заговорили, но они одни, кажется, не слыхали говора. Двухъ первыхъ я хорошо зналъ, а третьяго—никогда не видалъ.

Волошина называли—студентъ, смѣялись, что онъ, бывши еще московскимъ студентомъ, уже былъ назначенъ исправникомъ, занималъ должность 18 лѣтъ.

Гедельштромъ, по рассказамъ, былъ домашнимъ секретаремъ графа Румянцева; по какому-то дѣлу (не сохранила моя память, чутъ-ли не въ Ревелѣ), падающему тѣнью на графа, Гедельштромъ принялъ вину на себя и былъ удаленъ въ Сибирь. Человѣкъ, хорошо учившійся, предпринялъ путешествіе къ Ледовитому океану; изданная имъ книжка была у меня, но теперь, вѣроятно, не найдется. Гедельштромъ долго былъ исправникомъ за Байкаломъ. На каждого исправника, по жалобамъ—насчитывались миллионы взятокъ. Гедельштромъ говорилъ, что у нихъ оставались проценты, а капиталъ попадалъ къ Трескину.

У Волошина были крестины; на парадномъ обѣдѣ былъ Сперанскій, обѣдъ былъ роскошный, помню—стерляжью уху на шампанскомъ; обѣдъ былъ очень весель, говорливъ, Батенковъ былъ въ ударѣ, абордировалъ меня немилосердно; Сперанскій добръ, молчаливъ, но былъ привѣтливъ, ласково шутилъ съ хозяиномъ. На другой день слышимъ: у бѣднаго Волошина описали имѣніе и оказалось денегъ—одинъ рубль семьдесятъ три копѣйки. Бѣдный Волошинъ, въ день описи имущества, должно быть съ горя, при мнѣ, вечеромъ, проигралъ въ банкъ до 25-ти тысячъ рублей. Странно, никого это не удивило, еще страннѣе, что Сперанскій зналъ о проигрышѣ, но не показалъ и вида, что ему известно. Объ описи Гедельштрома—не знаю или не помню, а вотъ при описи въ Нижнеудинскѣ Лоскутова, у него нашли—набитую мебель ассигнаціями и только въ мебели нашли 450 тысячъ рублей. Сперанскій, немилосердно, жестоко наказалъ этихъ грабителей—онъ сослалъ ихъ въ Россію! Они, бѣдные страдальцы, перебѣгали—кто въ Москву, кто въ Петербургъ. Хотя жестокое, но оригинальное наказаніе—ссылка изъ Сибири въ столицы!

Михаилъ Михайловичъ трудился не надъ исправленіемъ прошедшаго зла, чего и невозможно было исправить, была бы безплодная работа; онъ трудился надъ устраниеніемъ зла въ будущемъ и работалъ—пересоздать управлѣніе Сибири. Развѣ, я случайно слышалъ, какъ говорили люди, имѣющіе возможность знать многое, что Сперанскій сначала хотѣлъ сдѣлать изъ Сибири—Финляндію, но получилъ совѣтъ—не начинать.

Передѣланную Сибирь я видѣлъ чрезъ 12 лѣтъ. Плоды труда Сперанскаго были осозательны: власти были ограничены, правлѣніе Трескина—было слабымъ преданіемъ и умерло въ исторії, сохранившись въ анекдотахъ. Но какъ вся дѣла человѣческія—несовершенны, такъ и послѣдствія благонамѣренного труда умнаго человѣка—оказались односторонними. Злоупотребленія властей дѣйствительно уменьшились; не слыхать было жалобъ отъ богатаго купечества и вообще классы имущіе были довольны, но за то обезсиленная власть не имѣла силы сдерживать народъ, впадала въ апатію. Въ нравственномъ бытѣ народа я нашелъ огромную перемѣну, менѣе одного поколѣнія—и народа

узнать было нельзя! Жизнь въ городѣ мало была обеспечена частыя убийства, грабежи, воровства, не далеко отъ Иркутска, въ горахъ—две шайки разбойниковъ. Нѣсколько разъ я слышалъ какъ Лавинскій съ негодованіемъ говорилъ:

— «Человѣкъ готовился лазить на колокольню и звонить въ колокола, а ему поручили передѣлать край! Хорошъ реформаторъ!» и не скучился прибавить непечатныхъ словъ. Болѣе всего поразило меня—это замѣтное обѣднѣніе деревень. Казалось бы, съ уничтоженіемъ деспотической власти полицій, избавленіемъ отъ незаконныхъ поборовъ исправниковъ—жизнь крестьянъ должна бы улучшиться, но результатъ вышелъ противный. Не одинъ разъ слышалъ отъ стариковъ, жалѣвшихъ объ управлѣніи Трескина, вспоминали какое было спокойствіе, а теперь что...

Я ничего не сказалъ о частной жизни жителей Иркутска, и вообще не могу сказать многаго. О чиновникахъ говорить нечего, это кочующій народъ—прѣжаютъ съ цѣллю, на время, и уѣзжаютъ, достигнувъ по возможности своей цѣли; чиновники же составляютъ коренного осѣдлого населенія Иркутска. Аристократію Иркутска составляютъ первогильдѣцы-милліонеры, торгующіе съ Китаемъ чрезъ Кяхту. Градація купцовъ, какъ и вездѣ по величинѣ капитала. Мѣщане, казаки—всѣ собственники домовъ и не бѣдны. Иркутскіе купцы люди образованные, въ щегольскихъ фракахъ; танцуя съ молодыми женами ихъ, я зналъ, что онѣ въ платьяхъ, не рѣдко выписанныхъ изъ Парижа. Боярки изъ Петера, съ иголочки. Вотъ вамъ купецъ Вася Басинъ: Лавинскій пошелъ гулять пѣшкомъ и взялъ меня съ собою. «Вотъ близко, зайдемъ къ Васѣ Басину». Огромный двухъ-этажный каменный домъ, чистота прекрасная. Не приказавъ доложить, мы нашли Васю Басина въ библіотекѣ, въ богатомъ китайскомъ шелковомъ халатѣ, въ большомъ покойномъ креслѣ, съ новѣйшему книгою. Вася сконфузился, засуетился. Генераль-губернаторъ запретилъ одѣваться. Вася позвонилъ, явился серебряный шоколадникъ; при насъ сваривъ на спиртѣ, предложилъ намъ прекраснаго шоколада. Лавинскій приказалъ ему надѣть сюртукъ и мы пошли втроемъ продолжать прогулку. Лавинскій взялъ подъ руку Васю, серьезно говорили о средствахъ усилить и улучшить кяхтинскую торговлю. Чувствуя, что я имъ не товарищъ, я откланялся. Вотъ типъ иркутскаго первогильдѣца.

Въ 1819-мъ году, выдвигался изъ всѣхъ Иванъ Ефимовичъ Кузнецовъ—по недавнему положенію своему друга сердца губернаторши Трескиной и потому еще, что онъ тогда былъ товарищемъ откупщика. Его домъ занималъ Сперанскій (Кузнецовъ имѣлъ огромный двухъ-этажный каменный домъ на берегу рѣчки Ушаковки). Дума нанимала нѣсколько отдѣльныхъ, небольшихъ домовъ для проѣзжающихъ—служащихъ, въ домахъ было все удобство на первое время. Содержатель почты обязанъ былъ немедля прислать пару лошадей съ кучеромъ, которые и находились въ распоряженіи проѣзжающаго цѣлый день. Самъ проѣзжающій попадалъ въ распоряженіе Кузнецова, у котораго, въ нижнемъ этажѣ, обѣдъ, ужинъ, чай—день и вечеръ. Обѣдъ даже приходилъ и разливное море; вечеръ—постоянная игра въ карты; самъ Кузнецовъ не игралъ. Случалось быть свидѣтелемъ, какъ выигрывались десятки тысячъ въ банкъ. Но все было чинно, прілично, весело.

Иркутскъ стоять на ровной, сухой мѣстности праваго берега Ангари. Отъ востока обходитъ, а сѣверную часть города проѣзываетъ быстрая рѣчка Ида и тутъ же впадаетъ въ огромную Ангару. Иркутскъ 1819-го года щеголялъ опрятностю улицъ и домовъ. Въ Иркутскѣ всѣ жители имѣли своихъ лошадей, а потому извозчикамъ не было мѣста.

Въ штатѣ Сперанскаго былъ весьма приличный господинъ; говорили, что онъ считается чтецомъ Михаила Михайловича, но едвали это правда: этотъ господинъ говорилъ съ сильнейшимъ немецкимъ акцентомъ; но онъ былъ замѣчательнъ: превосходно игралъ на скрипкѣ, непобѣдимый игрокъ въ шахматы, артистъ на биллардѣ; вотъ онъ-то и давалъ каждый вечеръ концертъ—на картахъ въ банкъ.

Въ Иркутскѣ былъ Вейкартъ; онъ былъ родной племянникъ Сперанскаго; мы были ровесники, онъ еще никогда не служилъ, превосходно образованъ, воспитанникъ іезуитовъ, которыхъ онъ серьезно боялся—хотя іезуиты и были далеко. Жоржъ Вейкартъ былъ очень недуренъ собою, средняго роста, сильно и стройно сложенъ и предобрѣйшаго сердца. Мы скоро сдѣлались друзьями; Сперанскій, кажется, доволенъ былъ нашою дружбою; онъ очень любилъ Жоржа, но денегъ не давалъ ни копѣйки; Жоржъ всегда былъ хорошо одѣтъ, но и только. Всѣ шалости сходили намъ

безъ замѣчанія. Гдѣ теперь незабытенный мой другъ Жоржъ? — Живъ-ли онъ? а онъ обѣщаѣтъ пойти далеко!

Сперанскій все ничего не дѣлалъ, все продолжалъ бывать въ обѣдахъ и балахъ; казалось, все шло по старому. Цѣнѣръ же суетливо бѣгалъ съ бумагами,— никто ничего не зналъ.

Оставшаяся команда въ Омскѣ прибыла въ Иркутскъ поздно осенью; для слѣдованія въ Якутскъ, мы должны были дождаться, какъ замерзнетъ великолѣпная Лена. Въ мое отсутствіе изъ Омска, Вороневъ женился тамъ.

Стала зима, мы должны былиѣхать. Сдѣлавъ прощальные визиты, Трескина, кажется, не видѣлъ; я не любилъ его, тѣмъ всѣ обходили его, дѣмъ его точно стоялъ оглашеннѣйши, хотя онъ и былъ еще губернаторомъ. Когда я откланивался Сперанскому, онъ, ласково улыбаясь, пожелалъ успѣха, не скучай и сказалъ:

— «Совѣтую найти занятіе кромѣ службы и не быть празднымъ».

Батенковъ проводилъ за городъ и съ чувствомъ друга, прощаюсь, твердилъ: «пиши, пиши!» Дорогой мой Жоржъ проводилъ меня до первой станціи.

Чрезъ 15 лѣтъ, я видѣлъ только одного Сперанскаго; егъ уже вносили на лѣстницу; онъ сидѣлъ въ большомъ креслѣ внимательно посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— «Ваше имя не обще-употребительное?»

Я назвалъ себя (Эразмъ).

А онъ улыбаясь прибавилъ «Роттердамскій!» Смотря на мое лицо, Михаилъ Михайловичъ сказалъ: «надѣюсь, вамъ была удача въ вашихъ дѣлахъ?»

— Да, я не могу пожаловаться, до сихъ поръ, я доволенъ и службою и дѣлами.

— «Надѣюсь, такъ и будетъ продолжаться, вы должны имѣть успѣхъ.—Скучали вы?»

— Мнеъ чувство скучи неизвѣстно.

— «Счастливый характеръ».

Я замѣтилъ тогда и убѣжденъ теперь, что Сперанскій не только зналъ, но и уважалъ Лафатера: родимая пятна на моемъ

лицы, по Лафатеру, означаютъ успѣхъ въ жизни. Затѣмъ спрашивалъ о моей службѣ, о жизни въ Камчаткѣ и Охотскѣ. Узнавъ, что я поневолѣ былъ въ Иркутскѣ, хотѣлъ знать, какъ я нашелъ Иркутскъ? Я былъ скроменъ, но онъ сказалъ:

— «Я имѣю свѣдѣнія, что тамъ сталъ пороченъ народъ. Можетъ быть, народъ рано получилъ много воли, можетъ быть, были нужны еще крѣпкія возжи, но будемъ надѣяться лучшаго отъ времени». Въ заключеніе спросилъ, не имѣю-ли я нужды въ его содѣйствіи?

Я почтительно благодарили и откланился. Сперанскій приглашалъ меня раздѣлить свободный часъ, но я болѣе не былъ.

Знаменитость Иркутска въ 1819 году былъ Иванъ Ефимовичъ Кузнецовъ, въ обществѣ назывался король. Въ 1830 году, я нашелъ короля порядочно старымъ, до крайности бѣднымъ; кажется, всего имущества остался деревянный домъ, въ которомъ жилъ Сперанскій. Домъ большой, въ 1819 году—горѣлъ огнями, въ 1830 стоялъ темный. По старому знакомству, помни хлѣбъ-соль, былъ я у короля—пусто, бѣдно! одинокъ, дѣтей нѣть и не было. Говорилъ такъ же на о, но былъ молчаливъ, скученъ, даже плохо одѣтъ. Грустное впечатлѣніе! Въ 1833 году, прощаясь окончательно съ Иркутскомъ, заѣхалъ къ королю. Нашелъ его въ маленькой комнаткѣ, въ халатѣ съ сотнею заплатъ; онъ сидѣлъ около наклоненнаго лотка (которымъ дѣти катаютъ яйца на Пасхѣ), около него два мѣшока грязнаго песку, а выше лотка—ведро воды. Король со щеткою въ руѣ вымывалъ песокъ въ лоткѣ.

— Что это вы дѣлаете, Иванъ Ефимычъ?

— «Да вотъ, по старому знакомству, бѣглый варначекъ принесъ землицы на пробу; не знаю, что будетъ—пробую».

Подумалъ я: ни въ какомъ положеніи надежда не оставляетъ человѣка. Простились съ пожеланіями.

Въ Киевѣ, получиль я письмо изъ Иркутска: Иванъ Ефимовичъ Кузнецовъ—милліонеръ, не знаетъ счета деньгамъ, дѣлаетъ громадныя пожертвованія, статскій совѣтникъ, въ орденахъ и статья настоящимъ королемъ между милліонерами!—Видѣній мною грязный песокъ оказался богато-содержащимъ золото; го-

ворять, 100 пудовъ песку давали около фунта золотаго песку; это, конечно, неисчислимое богатство, когда считается не бѣдной розсыпь, которая даетъ изъ 100 пудовъ золотникъ золотаго песку.

Трескинъ переселился въ Москву, притворялся бѣднякомъ, дочерей водилъ въ заячихъ салопахъ. Рассказывали, что Нарышкинъ ходатайствовалъ о вс помоществованіи Трескину и сказа лъ, что, по бѣдности, дочери его ходятъ въ заячихъ салопахъ. Добавляютъ, что государь много смылся участію Нарышкина. Кто тогда не слыхалъ о миллионахъ Трескина?

Изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этого воспоминанія за 60 лѣтъ, вѣроятно, живутъ не многіе, да и я оживаю только въ прошедшемъ. Настоящее часто напоминаетъ мнѣ, что яхожу по кладбищу!

9....въ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

Марья Антоновна Берггольдъ

въ 1816—1822 гг.

Въ 1816 году, по повелѣнію его императорскаго высочества цесаревича великаго князя Константина Павловича, главнаго начальника кадетскихъ корпусовъ, я быль опредѣленъ, для воспитанія, въ 1-й кадетской корпусъ. По шести-лѣтнему моему возрасту, меня помѣстили въ малолѣтнее отдѣленіе, раздѣлявшееся на шесть каморъ, изъ коихъ каждая состояла въ завѣдываніи особой дамы (мадамъ), при двухъ нянкахъ. 1-ю каморою завѣдывала мадамъ Марья Антоновна Берггольдъ, которая виѣстѣ съ тѣмъ была и начальницею всего малолѣтнаго отдѣленія, 2-ю мадамъ Алабова, 3-ю мамзель Боннютъ (Елизавета Николаевна, дочь), 4-ю мадамъ Воронцова, 5-ю мадамъ Альбединъ, 6-ю мадамъ Боннютъ (Марья Ивановна, мать). Не знаю по какому случаю, только я поступилъ въ 1-ю камору и въ послѣдствій стала въ число тѣхъ воспитанниковъ, къ которымъ, за благонравное поведеніе и прилежаніе къ наукамъ, начальница особенно благоволила. Благоволеніе ея ко мнѣ простиралось до того, что, въ послѣднее время пребыванія моего въ малолѣтнемъ отдѣленіи, она назначила меня въ своей каморѣ сержантомъ, т. е. старшимъ воспитанникомъ, обязаннымъ имѣть наблюденіе за прочими своими товарищами. Почесть великая, которой удостоивались только по одному воспитаннику въ каждой каморѣ, и такимъ образомъ было шесть сержантовъ во всемъ малолѣтнемъ отдѣленіи.

Марья Антоновна Берггольдъ представляла весьма почтенную и замѣчательную личность, по своимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ и хорошему образованію. Не смотря на преклонный лѣтъ,

она неутомимо наблюдала за ввѣренными ея попеченію питомцами, следила за ихъ умственнымъ развитиемъ, старалась вселить въ нихъ всѣ добрыя правила и направить на путь истинный тѣхъ дѣтей, которыхъ совращались съ него, или по своему нерадѣнію, или по вѣтринности, свойственной ихъ возрасту.

Исповѣдуя лютеранскую вѣру, она была примѣрно христіанкою и считала правила религіи основаніемъ всякаго образованія. Затѣмъ, обращала особенное вниманіе, кромѣ русскаго, на изученіе французскаго и нѣмецкаго языковъ, которые знала въ совершенствѣ, пріучала также воспитанниковъ къ вѣжливому и ловкому обращенію,— что составляло необходимую принадлежность хорошаго образованія по программѣ, которой держались во время цѣлтущаго состоянія корпуса при вышнемъ начальникѣ его графѣ Ангальтѣ, который тогда не изгладился еще изъ памяти потомства.

Вообще мадамъ Бертгольдъ трудилась не только добросовѣстно, но и дѣлала добра болѣе чѣмъ того требовали обязанности ея званія. Доказательства этому будутъ приведены ниже сего.

Время воспитанниковъ было распределено слѣдующимъ образомъ: по колокольчику, въ 6 часовъ утра вставали, умывались, одѣвались, молились и осмотрѣ чистоты рукъ и платья въ каждой камерѣ посредствомъ мадамовъ и пянекъ; въ 7 часовъ завтракъ, состоявшій изъ тарелки габерсона съ изюмомъ, при чёмъ давали кусокъ сущаго хлѣба; въ 8 часовъ классы, 1-я перемѣна до 10-ти часовъ, а вторая отъ 10-ти до 12-ти часовъ, а въ 12 часовъ обѣдъ изъ трехъ блюдъ; послѣ него рекреація въ саду или въ залѣ, въ 2 часа классы до 4-хъ часовъ въ 4 часа булки, послѣ того опять рекреація; въ 7 часовъ ужинъ изъ двухъ блюдъ; въ 9 часовъ ложились спать, а кто хотѣлъ—могъ лечь въ нестель и ранѣе, т. е. тотчасъ посle ужина. Въ теченіе цѣлаго дня при воспитанникахъ находилась неотлучно, какъ въ классахъ, такъ и за столомъ, въ рекреаціонномъ залѣ или въ саду,дежурная мадамъ, по очереди черезъ четыре дня въ пятый, кромѣ начальницы. Очередная мадамъ, для лучшаго наблюденія за поведеніемъ воспитанниковъ, избирала изъ числа ихъ двухъ дежурныхъ себѣ въ помощь. Эти дежурные воспитанники по окончаніи дня, т. е. въ 9 часовъ вечера, обязаны были явиться къ начальницѣ съ слѣдующимъ рапортомъ: «Madame! nous avons l'honneur de vous faire le rapport, que sur cette dÃ©jouer tout Ã©tait tranquille et en ordre». При этомъ иногда присовокуплялась, по приказанію дежурной мадамы, если было нужно, особая фраза, въ родѣ слѣдующей: «ExceptÃ© le Cadet N. qui a battu le Cadet M.». Въ послѣдствіе этого прибавочного рапорта, на другой день виновный подвергался наказанію, смотря по степени вины, т. е. нѣсколькими уда-

рами розги изъ руки ваньки; штрафу за завтрашкомъ, обѣдомъ, ужиномъ или во время рекреаций, или лигитимю права на увольненіе въ отпускъ въ предстоящий праздникъ; то же самое ожидало и ученика лѣниваго, который былъ записанъ своимъ учителемъ за незнаніе урока. Праздничный день противу будничаго представлялъ только ту разницу, что воспитанники утромъ, вместо классовъ, отправлялись въ корпусную церковь, смотря по вѣроисповѣданію: православную, католическую, или лютеранскую, въ сопровожденіи особо наряженыхъ корпусныхъ офицеровъ, которые приходили изъ своихъ ротъ за малолѣтниками, отводили ихъ по церквамъ и приходили обратно въ малолѣтное отдѣленіе, сдавая на руки дежурной мадамъ; послѣ обѣда и до самого ужина воспитанники пользовались рекреаціями, исключая записанныхъ учителями за незнаніе своихъ уроковъ, которые отъ 2-хъ и до 4-хъ чиселъ, т. е. до времени раздачи булокъ, должны были отправляться въ классы, для чего наряжался также особый офицеръ съ лѣнивыми.

Изъ этого распределенія занятій воспитанниковъ видно, что главное свободное время, предоставленное въ ихъ пользу въ теченіе дня, заключалось отъ 4-хъ до 7-ми часовъ вечера. Въ эти часы каждый по пропилому могъ или приготовлять уроки, или гулять, или играть, или вообще заниматься чѣмъ либо другимъ по своему желанію.

Съ наступлениемъ этихъ свободныхъ часовъ, Марья Антоновна обыкновенно всякий день присыпала въ садъ или въ залу къ демурной мадамъ свою горничную, или сторожа, просить обѣ отпускъ къ ней на квартиру отъ пяти до восьми воспитанниковъ 1-й каморы, поименно. Этими приглашеніемъ чаще всего были удостоеными, конечно, тѣ, которые были у начальницы на хорошемъ счету, а въ числѣ ихъ и я. Въ квартирѣ ея была особая комната, выходившая окномъ въ садъ, где на некоторомъ возвышеніи стоялъ по срединѣ столъ, а вокругъ его стулья для кадетъ, желающихъ заниматься приготовленіемъ уроковъ, или чтеніемъ. И тѣ и другие обращались къ ней, или къ ея сыну съ различными вопросами, для разясненія того, чего они не понимали, или съ просьбою книжекъ для чтенія, и все ихъ требованія были сколько удовлетворены. Свободные же отъ занятій смѣло могли идти или въ залу бесѣдовать съ нею на французскомъ и немецкомъ языкахъ, или въ кабинетъ къ ея сыну учиться у него вырезывать разныя фигуры изъ бумаги, или же играть съ нимъ въ шашки, или въ дурачки. Счастіе и искусство выигравшаго вознаграждалось или фигурными вырѣзками, или небольшимъ лакомствомъ, состоявшимъ изъ изюма, чернослива, ореховъ и тому подобнаго. Часу въ 7-мъ мадамъ Бергтолльдъ угощала всегда своихъ гостей чаемъ со сливками

и сухарями, а послѣ того отпускала ихъ отъ себя, такъ чтобы они поспѣвали къ ужину съ прочими воспитанниками.

Подобное ежедневное угощеніе, какъ оно ни скромно, но дѣлалось безвозмездно, и все же что нибудь да стоило. Тутъ главное дѣло не въ издержкахъ, хотя онъ для небогатой начальницы, получавшей ограниченное содержаніе, должны были быть ощущительны. Но гдѣ найти подобную благодѣтельную личность, заботящуюся свыше своихъ обязанностей о поступившихъ дѣтяхъ на столько, чтобы ни одного вечера не провести не посвятить его имъ и имъ притомъ на своихъ рукахъ большаго взрослаго сына, требовавшаго тоже беспрестанныхъ материнскихъ попечений?

Этотъ сынъ, Федоръ Федоровичъ Бергольдъ, молодой человѣкъ около 30-ти лѣтъ, воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и въ 1805 году, за слабостію здоровья, былъ уволенъ для опредѣленія къ статскому дѣламъ, съ чиномъ 14-го класса. Онъ былъ подверженъ приступамъ падучей болѣзни и страдалъ тихою меланхоліею. Необыкновенно кроткаго и деликатнаго характера, онъ имѣлъ большое расположение къ дѣтямъ; часто занимался съ ними, отыскивая для нихъ и имѣвшихся у него лексиконахъ французскія и нѣмецкія слова, при упражненіи воспитанниковъ въ переводахъ съ этихъ языковъ; дѣлалъ весьма искусно изъ тонкой бумаги маленькими ножничками вырезанные силуэты и ландшафты и имѣлъ терпѣніе играть съ дѣтьми и шашки или въ дурачки.

Кромѣ упомянутаго выше препровожденія времени съ избранными воспитанниками, Марья Антоновна два раза въ недѣлю собирала въ свою залу по вечерамъ, послѣ ужина, всѣхъ кадетъ ея каморы, для упражненія въ разговорахъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и для практикованія въ правилахъ свѣтской вѣжливости и манеръ. Занятія эти сопровождались слѣдующимъ порядкомъ: воспитанники выстраивались въ одну шеренгу съ трехъ сторонъ залы, а на четвертой сторонѣ сидѣла на диванѣ начальница и наблюдала за ними. Ближайшіе два воспитанника, стоявшіе съ лѣвой стороны дамы, поворачивались лицомъ къ лицу одинъ противу другаго и первыи задавалъ второму на французскомъ или на нѣмецкомъ языкѣ, смотрѣ по назначению, какой либо вопросъ, изъ числа фразъ, помѣщенныхъ въ диалогахъ на этихъ языкахъ; второй, отвѣтивъ на этотъ вопросъ на томъ же языкѣ, оборачивался затѣмъ къ другому своему сосѣду съ лѣвой стороны и повторялъ тотъ же вопросъ и, получивъ отвѣтъ, поворачивался на свое мѣсто, и такъ далѣе заданный вопросъ съ отвѣтомъ на него обходилъ весь кругъ до послѣдняго воспитанника. Если кто дѣлалъ ошибку, то Марья Антоновна, сѣдя за этимъ раз-

говорами, исправляла ихъ. Это пріучало дѣтей къ лучшему произношению словъ на иностранныхъ языкахъ и кромѣ того укрѣпляло въ ихъ памяти тѣ фразы изъ диалоговъ, которыя они обязаны были говорить въ классахъ передъ учительями. Забава эта кончалась тѣмъ, что всѣ воспитанники, начиная съ стоявшаго съ лѣвой руки мадамъ Бергтольдъ, подходили къ ней по одиночкѣ, раскланивались съ нею по правиламъ танцевальнаго искусства и каждый въ свою очередь повторялъ на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ ей прощальную фразу, въ родѣ съѣдующей: «madame! j'ai l'honneur de vous souhaiter la bonne nuit». Послѣ того всѣ, сдѣланъ вмѣстѣ общій ей поклонъ, уходили въ свою камору, гдѣ ложились спать.

А. П. Петровъ.

Примѣчаніе. А. П. Петрову принадлежитъ также другой очеркъ изъ исторіи бывшаго I-го кадетскаго корпуса, помѣщенный въ «Русской Старинѣ», изд. 1877 г. томъ XX.

Смоленская губернія 1813—1816 гг.

[Письмо къ Г. А. Глинкѣ].

М. г. Григорій Андреевичъ (Глинка). Обстоятельства не позволили вамъ видѣть Смоленскую губернію въ самомъ несчастномъ ея положеніи, т. е. въ 1813 году, равно и узнать подробности въ какомъ она и по сіе время положеніи. Я, какъ самовидецъ онаго по изгнаніи не-прѣтала, равно по долгу моему знающій и теперешнее ея положеніе, вамъ сообщаю.

Въ 1813 году, въ февралѣ мѣсяца, возвращался я изъ Рязанской губерніи черезъ Тулу и Калугу. Въ Смоленской губерніи, проѣзжая Юхновскій уѣздъ, первые слѣды разоренія увидѣлъ я на берегахъ рѣки Угры: большое село Знаменское, принадлежащее кн. Шаховскому; половина сожжена; въ пяти верстахъ отъ онаго, его же, Шаховскаго, село Віошки, гдѣ былъ огромный гостинодворій домъ съ принадлежащими къ нему строеніями, равно какъ и все село сожжено безъ остатка.

Затѣмъ увидѣлъ я городъ Вязьму, представлявшую въ сіе время только обгорѣлныя стѣны каменныхъ домовъ и обширнія пустыя мѣста погорѣвшаго деревяннаго строенія, а оставшіеся отъ пожара нѣкоторые дома наполнены были многими семействами, живущими прежде въ достаткѣ, но въ сіе время нищими и не имѣющими не только выгодъ въ жизни, но даже и самаго пропитанія, стѣсненными, въ чужихъ домахъ, а половина изъ нихъ были больны и безъ помощіи.

Пройдя съ Вязьмы къ Дорогобужу, 78 верстъ, всѣ селенія безъ изыскія, лежащія на большої дорогѣ и по близости ея, сожжены, и проѣхавши ея Вязьму до Дорогобужа не только нигдѣ было обогрѣться, но не встрѣчалось ни что живущее на свѣтѣ, и куда-бѣ изувѣшанъ и обращенъ—находилъ мертвыхъ тѣла людей, павшихъ лошадей и скота, киверы, башмаки, изорванные платья и изломанные повозки. Но идѣ были обыватели, лишенные жилища, ограбленные почти на голо? разбрелись по разнымъ мѣстамъ, увлекли съ собою старыхъ, больныхъ и младенцевъ; не имѣя покрова, томились въ несчастіи.

Городъ Дорогобужъ сожженъ почти вовсе и едва ли придется когда въ прежнее состояніе; обыватели его бѣдны и торги мало значительны; строенье вѣками—истребленъ въ одинъ день.

Отъ Дорогобужа до Соловьевъ перевоза 40 верстъ. Мѣста сіи населены болѣею частію казенными крестьянами волостей Бизиковской и Свереколуцкой; разореніе потерпѣли съ прочими равное, то есть лишились домовъ, лошадей, скота, птицы, одѣянія и пронитанія, но особенно пострадали отъ болѣзней и уменьшились до половины, а въ нѣкоторыхъ деревняхъ, какъ-то Челновая, гдѣ было до 20-ти крестьянскихъ дворовъ, теперь нѣть ни одного, а на томъ мѣстѣ построены дорогобужскими мѣщанами два постоянныхъ двора; другимъ близъ нея лежащая экономическая деревня Козы уничтожилась совершенно.

Пріѣхавъ къ Соловьевскому перевесу, начинается Духовской округъ; домъ мой, оттуда въ одной верстѣ, сначала не былъ сожженъ,—и не мѣнь гнѣздалисъ французы и по малу жгли нѣкоторыя строенія, самъ домъ однако остался не сожженъ, но безъ оконъ, безъ дверей, безъ печей и безъ половъ, а о прочемъ имущество и упоминать не слѣдуетъ; но счастливъ тотъ, чи крестьяне, такъ какъ мой, остались въ цѣлости, ибо, имѣя жилища свои въ углу Бѣльского округа, ужасенье войны не видали.

Въ Соловьевѣ, на берегу рѣки Днѣпра, французы имѣли маленькое укрѣщеніе и пушки, и при изгнаніи нѣкоторое время тамъ держались, отчего и убито ихъ больше нежели въ другихъ мѣстахъ. Тѣла были тотчасъ прибрани, но еще въ марта мѣсяца 1813 г. мнѣ случилось видѣть вытаивающія изъ-подъ снѣга тѣла людей и лошадей, а лугъ вдоль Днѣпра—покрытый киверами, башмаками, сѣдлами и различными кусками изорванныхъ платьевъ, доказывающими истребленіе людей.

Въ днѣтъ моемъ я напагъ восемь мертвыхъ тѣлъ убитыхъ французовъ и 180 павшихъ лошадей, и хозяйство началось уборкою оныхъ.

Слѣдя отъ Днѣпра къ Смоленску, на разстояніи восьми верстъ,

находилось семь ямских деревень, какъ-то: Соловьево, Заднено, Малкевская, Красная ель, Скрыпово, село Янево и Слабодавиево, но въ мартѣ мѣсяцѣ и пранаковъ оныхъ не было, но всѣ мѣста сіи были занесены снѣгомъ и покрыты мертвными тѣлами; а обывателей участь была та, что и прочихъ выше мене описанныхъ.

Смоленскъ—губернскій городъ, который послѣ сожженія въ первый разъ въ концѣ мая мѣсяца 1813 года,—можетъ бы не имѣть окружающей его огромной стѣны и оставшихся каменныхъ церквей, налья бы было назвать городомъ; форштадтъ, называемый Петровцовскимъ, было чистое поле, покрытое пепломъ и углемъ; а ногорѣвшіе и засохшіе сады дѣлали мѣсту сeme видъ безобразный. Внутри стѣнъ лучшіе каменные дома сожжены, а нѣкоторые разстрѣлены ядрами; улицы запустѣли, во всѣмъ недостатокъ и всеобщее уныніе. Въ такомъ положеніи остались известнымъ мнѣ мѣста по изгнаніи непріятеля.

Въ сіе времена, по милосердію государя императора, отпущенное на восстановленіе разоренныхъ въ миллионахъ; изъ оныхъ отдельно для Калужской губерніи 675 тысячъ рублей, а остальные 5.825,060 употреблены для Смоленской губерніи. Казенные крестьянамъ даны пайки на 1813, 1814 и 1815 годы, и наля ихъ засѣяны всѣ, отпущенъ на строеніе лѣсь; дано по 100 рублей на постройку; каждому работнику 50 рублей на поминку лопади и отпущены деньги на отдачу рекрутъ. Помѣщики крестьянамъ получили пайки на три мѣсяца и полей ихъ засѣяна двѣнадцатая часть.—Въ маѣ мѣсяца 1813 года начали обыватели изъ разсѣянія собираться, не привыкъ, на мѣсто прежнихъ жилищъ своихъ и вѣкоторое время жили на открытомъ воздухѣ, питаюсь грибами и хлѣбомъ. Первое ихъ было дѣло убрать мертвыхъ тѣлъ людей и павшихъ лопадей и скота, сдѣлать новые на большихъ дорогахъ мости и перевозы, строить для хлѣба шалаші. Болѣзни сдѣлались повсемѣстными, люди умирали чаловѣкъ за чаловѣкомъ, большую частію среднихъ лѣтъ, поелку они убирали тѣла и заразились. Недоставало не только гробовъ, но и работниковъ рѣчь ямы для погребенія; священники не успѣвали по долгму христіанскому дѣлать каждому погребеніе. Въ сіе самое время смоленское ополченіе возвратилось, а на мѣсто оныхъ повелѣно собрать рекрутъ съ каждыхъ 500 душъ по 10-ти чаловѣкамъ. Всегдѣ за тѣмъ другой рекрутскій наборъ изъ 500 душъ по 8-ми чаловѣкамъ, во время когда болѣзни свирѣпствовали, люди умирали, всѣ вещи, принадлежащія къ отдачѣ рекрутъ, вздорожали, денегъ не было, да и приобрѣсти ихъ нечѣмъ. Сіе обстоятельство привело обывателей къ совершенное изнуреніе. Къ несчастію, падежъ скота и лопадей продол-

жался и повторялся несолько разъ, такъ что кто успѣлъ приобрѣсти онаго, то повторившееся несчастіе все оное истребило, и желавшій поправить свое хозяйство еще болѣе сдѣлался бѣденъ.

По истеченіи льготнаго времени съ окончаніемъ 1813 года, губернія, какъ будто не пострадавшая, поставлена во всѣ прежнія свои повинности наравнѣ съ прочими губерніями, разоренія не потерпѣвшими, а по мѣстному своему положенію страдаетъ болѣе нежели онага.

Первое, по изгнаніи непріятеля, обыватели должны были устроить большія дороги, мосты и перевозы—не починить, но сдѣлать совсѣмъ новые, поелику все сіе было истреблено; принять на себя въ натурѣ почтовую гоньбу по всей губерніи, и тѣмъ изнурить остатки тѣхъ лошадей, которыя, по отдаленности своей отъ военной дороги, отъ истребленія нѣпріятельскаго и всеобщаго падежа уцѣлѣли; безпрестанно проводы военныхъ, колодниковъ, воинскихъ командъ, требующихъ подводъ—забирали у нихъ послѣдникъ лошадей и отвлекали крестьянъ отъ полевыхъ работъ; а сіе было въ то время, когда въ большомъ семействѣ едва одинъ человѣкъ оставался не боленъ или только что началъ оздоровливаться, а прочие всѣ лежали на смертномъ одрѣ и сімь лішались послѣдней для себя помощи. Въ семъ положеніи должно было помышлять о постройкѣ для зимы убѣжищъ Помѣщики для сего срубили послѣднія свои рощи; но во всемъ затрудненіи останавливали работы. По неимѣнію достаточнаго числа лошадей, не на чёмъ было возить материалы. Тутъ настало время платить подати, съ каждой душой по 3 рубля, и по положенію почтовой гоньбы наймомъ содержаніе оныхъ съ душой по 37 копѣекъ, а по сдѣланному постановленію, что ямщики въ числѣ семи уменьшились и разорены, то снять съ нихъ изъ отправляемой ими повинности 90 лошадей почтовыхъ и наложить сю тягость на прочихъ обывателей губерніи, почему и должно было сдѣлать новую раскладку и прибавить къ платимымъ прежде 37 коп. еще на каждую ревизскую душу по 8 коп.

Всѣ эти обстоятельства, совокупно съ тѣмъ, что бѣдный крестьянинъ все кроме хлѣба служащее къ его пропитанію, равно какъ и одѣяніе, долженъ приобрѣсть покупкою, ибо по недостатку скота не имѣть съ чѣмъ сварить свои щи, а по неимѣнію овецъ не имѣть шубы, ни кафтана. Къ несчастію, крестьяне Смоленской губерніи никогда не занимались торговыми или какимъ мастерствомъ, но вся ихъ промышленность состояла въ хлѣбопашествѣ, которое и подорвало въ самомъ своемъ основаніи.

И въ семъ положеніи находятся и по сіе время (1816 г.).

Прожажіе, не бывшіе и прежде въ сихъ мѣстахъ, сего не примѣтить, потому что деревни построены на тѣхъ же мѣстахъ и подъ тѣми-же названіями, увидить крестьянскія избы новыя, примѣтить также нѣсколько скота и лошадей. Но тотъ, кто зналъ мѣста сіи: прежде разоренія, увидить большую разницу: деревня, въ которой было прежде дворовъ 23, теперь имѣть только 7 или 8; крестьянинъ, у которого было по обыкновенію 2 избы, 3 или 4 клети, скотный дворъ и гумно, теперь имѣть только одну избу, а рѣдкій успѣть сдѣлать и другую, а вмѣсто сѣней плетень; клеть одна или совсѣмъ нѣть ни одной; рѣдкій изъ нихъ успѣть построить скотный дворъ, а гумновъ во всей деревнѣ 2 или 3. Водворѣ, гдѣ было прежде отъ 5 до 10 лошадей и до 12 коровъ, теперь едва 2 лошади и 1 корова, а овцы почти нѣть совершенно. Все сіе для будущихъ временъ объясняется худымъ послѣдствіемъ, поелику почва земли сей такова, что безъ частеннаго удобренія истощается и съ трудомъ узъ поправлена быть можетъ, а безъ скотоводства сего сдѣлать невозможно; и такъ, проѣзжій, знаяшій прежде мѣста сіи, тотчасъ примѣтить, что онъ не видитъ на поляхъ тѣхъ скотскихъ стадъ, которыхъ прежде вездѣ встрѣчалъ; примѣтить многія нивы и даже цѣлые поля занустившими и заросшими кустарникомъ; поля паровны, прежде всегда скотомъ выбитые, теперь—заросшія травой и краинвой. На лицахъ жителей примѣтно уныніе причиняемаго воспоминаніемъ прошедшаго благосостоянія и воображеніемъ настоящаго и будущаго своего несчастія, которое для нихъ тѣмъ чувствительнѣе, что должны передать оное своему потомству.

Дворянине губерніи Смоленской, движимые духомъ усердія къ государю и отечеству, а ненавистию къ непріятелю, какъ будто сдѣлать общее условіе, каждый оставилъ свое жилище и имущество на произволъ судьбы и старался удалиться. Желаніе было всѣхъ равное, но обстоятельства различны. Счастливъ тотъ, у кого случились изъ той разъ деньги немногія, а большая часть не имѣла сихъ достаточно или совсѣмъ ничего. Но сіе не останавливало. Бѣжали въ каретахъ, бѣжали верхомъ, а многія несчастныя семейства пѣшкомъ тащились, не зная куда и что съ ними посгѣдуетъ, и вдругъ изъ благосостоянія очутились въ ницѣтѣ и питались подаяніемъ. Тѣ, которые болѣе имѣли способовъ, увезли съ собою по нѣсколько серебряныхъ ложекъ и у кого были чайные серебряные приборы, дешедши до нихъ отъ предковъ и хранимы яко памятники, въ сіе время сдѣлялись изъ ходачею monetou и единственою помошью. Но средства сіи скоро истощились, какъ увидѣли себя въ севернейшей бѣдности. Но бывъ угнаны извѣстіемъ о изгнаніи непріятеля, жалали бы эту

минуту очутиться на своей родинѣ, но большая часть встрѣтила невозможность; что имѣли съ собою—было продано и подержано, и ужъ довольно поздно прибыли на мѣста своихъ жилищъ и не могли оныхъ узвать. Но людей достаточныхъ счастіе и адѣль сопровождало, болѣе могли съ собою забрать при побѣгѣ и скорѣе возвратиться въ свои дома, въ надлежащее время подать доказанія свои въ сословія привѣтнія разоренныхъ и получить значительное вспоможеніе; и при томъ достаточное число деревень ихъ, расположенныхъ въ разныхъ округахъ и въ отдаленности, не потерпѣли такого разоренія и служили много начальству восстановленія хозяйственнаго, хоть дѣла ихъ и не пришли въ прежнее положеніе. Кто имѣлъ дома въ 15 или 16 комнатъ, тотъ живеть въ двухъ или трехъ вновь построенныхъ хижинахъ, имѣя и прочее имущество по соразмѣрности. Но горе тому, кто имѣлъ небольшую деревню, лежащую на военному пути: возвратясь, нашелъ домъ свой и дома крестьянъ своихъ сожженными, людей скитающихся безъ крова и пропитанія, больныхъ и умирающихъ, до такой степени, что едва изъ нихъ третья, а у другаго четвертая часть осталась живыхъ, и то большей частію старыхъ и къ работѣ неспособныхъ, и не имѣющихъ притомъ скота и лошадей, и совершенно беспомощныхъ, поелику небогатый помѣщикъ ихъ во время побѣга своего продалъ все, что имѣлъ съ собою, и возвратился нищимъ, не имѣя не токмо способовъ помочь бѣднымъ своимъ крестьянамъ, но и самъ терпѣть голодъ и по бѣдности своей не имѣть способовъ занять денегъ, и потому же самому не могъ въ скорости возвратиться въ свое жилище; но иной прѣѣхалъ въ нихъ юля или августа; хотя и просилъ сословіе разоренныхъ, но ужъ было поздно, время прошло и пособія истощились; и ежели бы сіи несчастные не получили по милосердію монаршему пропитанія на три мѣсяца, то вѣрбѣ бы бѣствія ихъ кончились голодною смертію. Въ такомъ положеніи находится по сіе время Смоленская губернія, а именно, богатые иѣсколько поправились, а недостаточные сдѣгались нищими и безъ особаго вспоможенія навсегда таковыми останутся. Тѣ мѣста, которыя отъ театра войны иѣсколько удалены, хотя дома ихъ не сожжены, но распространившіяся болѣзни по многимъ мѣстамъ дѣлали значительныя опустошенія, а повсемѣстный скотский падежъ лишилъ обывателей скота и лошадей, отчего сельское хозяйство ихъ совершенно упало. Вотъ все, что я могу, милостивый государь, по свѣдѣніямъ моимъ сообщить вамъ о положеніи Смоленской губерніи. Пребываю и проч. Федоръ Лыкошинъ, предводитель дворянства Смоленской губерніи. 1816 года мая 7-го дня.

Сообщ. въ 1875 г. А. Г. Глинка.

НАРОДНЫЕ СЛУХИ И ТОЛКИ

1827 г.

I.

23-го июня 1827 года галичский помещикъ, флота капитанъ-лейтенантъ Петръ Петровичъ Фатьяновъ, заявилъ галичскому земскому суду, что съ изъ-котораго времени доходитъ до него слухи, что во многихъ деревняхъ, лежащихъ въ окрестности его усадьбы, объявляется житейникъ, чрезъ сотни, чтобы они не начинали косить траву до 29-го июня; «но какъ,—прибавилъ Фатьяновъ,—никогда не было до сего времени объявлено по какому предписанію и причинамъ чинится сие запрещеніе, то, дабы, по извѣдѣнію моему о семъ распоряженіи вышаго начальства, не содѣваться безъ причины виновнымъ, нужнымъ считало просить судъ, дабы чрезъ него слѣдуетъ объявлено миѣ было такое предписаніе».

Находя, что «слухи эти суть ложные, наносящіе общегородный зредъ, о пресечениіи коего обязанъ дѣйствовать, по должности своей, сотеній той сотни, отъ коего никакихъ по предмету сему сейдѣній судъ не имѣть», земской судъ потребовалъ къ себѣ, для допроса, красильниковскаго сотенаго деревни Шипеловой, Козму Иванова, который и объяснилъ, что въ его сотнѣ подобныхъ слуховъ не имѣется, но что 21-го числа старосты трехъ помещиковъ сказывали ему будто бы запрещено косить траву до Петрова дня. Услыхавъ это въ первый разъ, онъ тотчасъ отправился въ Галичъ для узаконія истины и узналъ достовѣрно, «что слухи эти ложные и запрещенія ни откуда на сей случай не имѣются», объяснилъ на другой день старостамъ и всемъ живущимъ въ его сотнѣ.

Судъ не удовольствовался, однако, этими объясненіями и поручилъ дво-рийскому засѣдателю «изыскать виновныхъ, разгласившихъ ложные слухи». Первымъ дѣломъ засѣдателя, по прибытіи на место, было допросить старосту Бузьмину, на котораго указалъ сотеній, и лишь только онъ началъ свой допросъ, Бузьминъ, «не выслушавъ никакихъ словъ, сталъ блеяться и говорить, что знать ничего не знаетъ, а маючи доказать сказали, что, зайди ми сотеному, говорилъ, что отъ народной мелкви усыпашъ о воспрещеніи косить траву до Петрова дня и просилъ отъ него, яко начальника сотни, въ семъ случаѣ разрѣшенія. На это сотеній отвѣчалъ, что съѣздить въ Галичъ и узнать о всемъ обстоятельствѣ. Жена же сотенаго говорила ему, что идолично есть о семъ запрещеніе»; но затѣмъ отъ ссылки своей на жену Иванова Бузьминъ отказался.

Староста другой вотчины, Герасимъ Максимовъ, показалъ засѣдателю, что, возвратясь 20-го іюня домой, засталъ домашнихъ своихъ косищими на огородѣ траву, а такъ какъ возвращавшіеся съ бывшаго того числа въ Галич торга разные неизвѣстные ему крестьяне и женки говорили, что-де косить траву до Петрова дня запрещено, то опасаясь, чтобы не попасть чрезъ то подъ отвѣтственность, послалъ къ сотскому спросить точно ли есть такое запрещеніе и на другой день получивъ отъ сотскаго отвѣтъ, что «ничего нѣть запрещеній».

Въ томъ же духѣ объяснилъ дѣло и третій изъ указанныхъ сотскихъ старость, Тимофей Даниловъ, съ тою только разницей, что на разсказъ его о народной молвѣ сотскій посовѣтовалъ «погодить косить до тѣхъ порь, пока онъ сѣѣдитъ въ Галич». Подобный же отвѣтъ сотскій далъ и пе-
сланному къ нему старостою Кузьмину за недѣлю до 29-го іюня кре-
стьянину Степанову, говоря: «погодите до Петрова дня, ибо уже времена
нѣсколько».

Слова эти подали капитанъ-лейтенанту Федыннову, отъ котораго земской судъ потребовалъ разъясненія его объясненія, поводъ обвинять красильниковскаго сотскаго, «потому что если онъ не имѣлъ вреднаго намѣренія, то не могъ и не долженъ быть отвѣтчикъ подобнымъ образомъ, ибо недѣля времени во время работы много сдѣлаетъ урону въ быту крестьянскому». Однако уѣздный судъ прекратилъ это дѣло, въ виду того, «что по изслѣдованію не открыто, отъ кого именно послѣдовали означенные слухи и вѣдь они произошли отъ одной молвы».

Между тѣмъ молва не ограничивалась одною только красильниковской сотней; по крайней мѣрѣ, костромской гражданскій губернаторъ и кавалеръ Карлъ Баумгартенъ, въ предложеніи галичскому земскому суду отъ 25-го іюля того же года, писалъ, «что до свѣдѣнія его дошло, что по вѣрѣнію сему суду уѣзду между сбывателями распространены слухи, чтобы до Петрова дня не косить сѣна и не ломать вѣнниковъ. Сверхъ того извѣстно, что съ подобнымъ объясненіемъ приходилъ сотскій въ усадьбу Доръ къ помѣщику Ивану Петровичу Тарбѣеву». Поэтому губернаторъ предписалъ суду «строжайше и аккуратѣйшимъ образомъ изслѣдовывать съ чьего приказанія и кѣмъ такие слухи распространены были».

Сотскій Степанъ Васильевъ, на котораго указывалось въ этомъ предложеніи, отрекся отъ приписываемаго ему запрещенія косить траву и ломать вѣнники до Петрова дня, объяснивъ, что управляющему вотчиной Тарбѣеву онъ говорилъ только, чтобы по воскреснымъ и праздничнымъ днамъ не работали; но староста деревни Махровой прямо указалъ, что Васильевъ, при встрѣчѣ съ нимъ, сказалъ, «чтобы онъ до Петрова дня сѣна не косилъ и вѣнниковъ не ломалъ, о чёмъ бы и вотчинѣ подтвердилъ, чтобы они того не производили, ибо-де ему приказано якобы отъ земскаго суда». Въ виду упомя-

старосты на очной ставкѣ, сотскій сознался, что точно разговоръ этотъ между ними былъ, «оттого самаго, якобы имъ слышано, что есть запрещеніе»; и въ дополненіе этого сознанія объяснилъ земскому суду, что объ этомъ запрещеніи онъ слышалъ въ Петровъ пость, объ Ивановѣ днѣ, на ярмаркѣ въ селѣ Воздвиженскомъ, но отъ кого именно слышалъ—не знаетъ, такъ какъ говорено это было народомъ сторонкою, а не съ нимъ.

Что касается до Тарбѣева и управляющаго его вотчиною, то извѣстіе о приходѣ къ первому сотскаго съ упомянутымъ въ предложеніи губернатора объясненіемъ не подтвердились и Тарбѣевъ объяснилъ даже, что онъ уже другой годъ живетъ въ округѣ Буевской, а не въ Галичской, и сотскій у него не бывалъ.

Уѣздный судъ, основываясь на собственномъ сознаніи Васильева, приговорилъ: выдергать его, въ страхъ другинъ, на хлѣбъ и водѣ при земской полиціи недѣлю, подтвердивъ, чтобы на будущее время отъ подобныхъ разглашеній всемѣрно удержался, подъ опасеніемъ строгаго по законамъ взысканія¹⁾.

Сообщ. Г. Е. Рѣпинскій.

Языкъ любви сто лѣтъ назадъ.

Въ позднѣйшіе годы все болѣе и болѣе появляется въ отечественной литературѣ историческихъ романовъ изъ прошлаго вѣка, при чёмъ сочинители ихъ стараются воспроизводить языкъ, какъ письменный, такъ и разговорный, той эпохи, изъ которой выводятъ своихъ героевъ и героинь. Въ виду этого не безинтересно привести изъ интимной переписки одной русской дамы—за время болѣе ста лѣтъ тому назадъ—тѣ эпитеты, съ которыми она обращается къ избраннику ея сердца.

Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: ангель, ангель мой, батинъка, батя, батинъка-душа, батинъка-сударынъка, батинъка-голубчикъ-милый, батюшка-голубчикъ, владико и снерѣоихъ (дорогой супругъ), голубчикъ, голубчикъ милой, Гришонокъ мой, Гришонокъ безцѣнныи, безоримѣрныи и милѣйшій въ свѣтѣ, Гришинъка, Гришинъка другъ мой, Гришатка мой собственный, голубушка, голубчикъ-другъ-сердечный, голубчикъ-батинъка; душа милая, другъ милый, другъ собственный, душа милая-голубчикъ, душенька, душечка, душа моя милая, душенокъ мой дуракъ, дорогія сладкія губки, душатка милая, душечка милая, душечка, душа; жизнь, индѣйскій пѣтухъ, казакъ, котъ заморской, левъ въ тростникѣ, милой, милюшка, милюша, миленъкой, милая душа, милой и безцѣнной мой, милой мой и прелюбезнай другъ, милой другъ, милая милюша, милая милюшечка Гришанъка, мамурка, милая Гришифичечка, милюша милая, милюха милюшенька, моя жизнь, моя дорогой, моя душа безцѣнная, Московъ; нѣжныи мужъ; павлины, радость, сударушка, сударка, славной и сладкой, сударка миленъкой, собственной мой милой, соколь мой дорогой; татаринъ, тигръ, шалунъ, яицкой

¹⁾ Изъ дѣлъ архива костромскаго окружнаго суда.

Пугачевъ, Яуръ (?). Cher броухъ (милый супругъ), mon cher ami, ma perroche (мой полуяичникъ), м'амоуг (любовь моя), morbleu (чортъ возьми, тыfu пропасть!), mon bijou (моя драгоценность; сокровище), mon ami, mon beau faisan d'or (мой прекрасный золотой фазанъ), mon mari (мой мужъ), mon cher et bie aimé броухъ (дорогой и возлюбленный супругъ), mon toutou (зимка, гамка, вавка).

Сообщ. И. А.

Живописецъ Жанъ Вуаль.

1812 г.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1879 г., т. XXII, помѣщена замѣтка г. Сомова о весьма извѣстномъ у нась въ прошломъ столѣтіи французскомъ портретистѣ Віолье (онъ-же Вуаль). Віолье былъ еще живъ въ 1812 г. и собирался обрати въ Россію. Вотъ чѣо писалъ о немъ изъ окрестностей Парижа къ графу А. К. Разумовскому нашъ посолъ во Франціи князь Александръ Борисовичъ Куракинъ:

«Pavillion Coialin. Coteau de Bellivue, près Paris, le 22 Mai (3 Juin) 1812.
«M-r le Comte. Permettez moi de recommander aux bontés de V. E. le Conseiller de collège Viollier qui aura l'honneur de lui remettre cette lettre et qui retourne en Russie avec sa famille. Il a le bonheur de jouir de la protection de S. M. l'Imperatrice Mère, dont les bontés l'ont fixé chez nous il y a 30 ans et lui font regarder notre pays comme sa véritable patrie. Ses connaissances dans tout ce qui tient aux beaux arts lui concilieront je l'espère la faveur de V. E., et j'ose à ce titre lui demander pour M. Viollier un accueil favorable, auquel je serai bien sensible me flattant qu'il sera aussi un effet des dispositions de V. E. à mon égard. Je la prie и пр. Le Prince Alexandre Kourakin».

Письмо это, находящееся въ архивѣ графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго, привадлежащемъ нынѣ правнуку его князю Н. В. Репину, доказываетъ, что Віолье не только собирался въ Россію, но даже приѣхалъ въ Петербургъ и доставилъ по назначению посланіе кн. Куракина.

Сообщ. А. А. Васильчиковъ.

Тревога близъ Севастополя 15-го октября 1854 г.

Въ XX-мъ томѣ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г., въ Запискахъ доктора А. А. Генрихи (стр. 444) изложены обстоятельства тревоги, произшедшей отъ разбѣжавшихся лошадей одного изъ драгунскихъ полковъ. Все это происшествіе изложено не совсѣмъ вѣрино какъ относительно времени, мѣста, такъ и названія драгунского полка. Лошади разбѣжались не въ Кинбурнскомъ, а въ Каргопольскомъ драгунскомъ полку. Вотъ вкратцѣ истинное изложеніе этого происшествія.

1-й драгунская дивизія, подъ командою генералъ-лейтенанта Врангеля и въ составѣ трехъ драгунскихъ полковъ, Московскаго, Каргопольскаго и Кинбурн-

скаго, в одного полка Уральскихъ казаковъ, прошла 6-го октября 1854 года чрезъ Перекопъ въ нѣсколько переходовъ достигла рѣчки Бахбекъ за Бахчисарайъ, гдѣ и была расположена бивакомъ. 13-го октября было получено приказание всѣмъ драгунскимъ полкамъ выступить на лѣгкѣ на Черную рѣчку къ с. Чоргуну; въ 8 часовъ вечера Каргопольскій полкъ выступилъ изъ бивака и въ 4 часа утра 14-го октября перешедши Черную рѣчку вбродъ, остановился на лѣвомъ берегу рѣки и позади Каменного моста чрезъ водопроводъ, вѣтво отъ него. Здѣсь лошади были покормлены и напоены, съ восходомъ же солнца Каргопольскій полкъ выступилъ чрезъ мостъ водопроводнаго канала на позицію на равнину, гдѣ наканунѣ была произведена кавалерійская атака Кардигана и гдѣ еще лежали убитые автійскіе кавалеристы, которыхъ въ это время убили, а на равнинѣ лежало до 400 труповъ лошадей.

Простоявшій цѣлый день 14-го октября на позиціи, къ вечеру кавалерія, оставши аванпосты, отошла назадъ за водопроводный каналъ, за исключеніемъ Каргопольского драгунскаго полка, который былъ оставленъ на лѣвомъ берегу канала, т. е. на сторонѣ, обращенной къ непріятелю, и расположился на почдѣ бивакомъ въ эскадронной колоннѣ справа. Такъ какъ полку вѣтво выступить на лѣгкѣ изъ бивака на р. Бахбекъ и всѣ обозы оставлены были тамъ же, и потому коновязи не были взяты; только командиръ 9-го эскадрона капитанъ Трухачевъ распорядился взять коновязь, раздавъ ее по частямъ въ каждыи везводъ. Всѣдѣстіе этого остальные девять эскадроновъ не имѣли коновязей и лошади были удерживаемы въ рукахъ солдатъ и приходилось такъ, что лошадей по пяти и болѣе на одного человѣка. Въ 9-мъ же эскадронѣ, который былъ въ тотъ же день дежурный, коновязи были разбиты и у нихъ стояли лошади, только размундѣщенные. Ночью, когда большинство людей уснуло, нико полка проскакала лошадь; быть ли на ней всадникъ—осталось неизвѣстно, но вслѣдствіе этого шума нѣсколько краинъ лошадей шарахнулось, а потому и больше лошадей вырвалось съ руку сонныхъ людей и всѣ лошади бросились впередъ по направлению къ непріятелю и оѣ не бѣжали на мостъ, такъ какъ онъ былъ сзади. На непріятельской позиціи лошади были встрѣчены выстрѣлами изъ орудій, почему лошади повернули назадъ на отрядъ Жабокрицкаго, который также встрѣтилъ ихъ выстрѣлами, такъ какъ при темной ночи нельзя было видѣть, что лошади безъ всадниковъ. 9-й же эскадронъ, какъ дежурный, немедленно сѣлъ на лошадей и выѣхалъ впередъ полка и въ этомъ эскадронѣ всѣ лошади оказались на лицо. Въ то время, когда лошади бросились съ бивака, то часть людей спала въ интервалахъ между эскадронами, а потому нѣсколько было и убитыхъ; я самъ въ это время, проснувшись, видѣть въ пяти шагахъ отъ себя убитаго рядового 10-го эскадрона шиномъ подковы въ высокъ. Съ разсвѣтомъ были посланы драгуны разыскивать бѣжавшихъ лошадей и при помощи казаковъ большинство лошадей было приведено.

Въ Запискахъ же доктора Генрихи названъ не тотъ полкъ, въ которомъ разбрѣжалась лошади, затѣмъ мѣсто бивака указано на правой сторонѣ водопровода, полкъ же стоять на лѣвомъ берегу, и, наконецъ, это было не 2-го ноября, а въ ночь съ 14-го на 15-е октября.

Г. Екатеринославъ.

Н. Леоновъ.

АРКАДІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КОЧУБЕЙ

1790—1878.

4-го марта 1878 года скончался въ С.-Петербургѣ, на 89-мъ годѣ своей жизни, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, членъ опекунскаго совѣта Аркадій Васильевичъ Кочубей, одинъ изъ немногихъ послѣднихъ сподвижниковъ славной эпохи 1812—1814 гг. Аркадій Васильевичъ Кочубей былъ правнукомъ Леонтия Васильевича, погубленнаго Мазепою, и младшимъ сыномъ Василия Васильевича Кочубея, отъ брака его съ Еленою Васильевною Туманской, дочерью генерального писара, во время управлениія Малороссіею графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ. Арк. В. Кочубей родился 9-го февраля 1790 г. въ г. Новгородѣ-Сѣверскѣ (Черниговской губ.) и провелъ первые года дѣтства въ Малороссіи, въ селѣ Ярославцѣ, Кролевецкаго уѣзда, гдѣ жили его родители и гдѣ отецъ его († 1800 г.) въ то время былъ предводителемъ дѣрянства. Въ 1799 г., когда ему минуло десять лѣтъ, къ нему и брату его Александру Васильевичу¹⁾ поступилъ гувернеромъ аббатъ Фромантъ, присланный изъ Петербурга графомъ Викторомъ Павловичемъ Кочубеемъ, двоюроднымъ братомъ его отца. Въ 1802 году, Аркадій Васильевича отвезли въ Петербургъ и помѣстили въ извѣстныи тогдашній пансіонъ аббата Николя, куда поступилъ гувернеромъ и Фромантъ; въ этомъ же пансіонѣ воспитывались старшие братья Арк. В. Демьянъ Васильевичъ²⁾ и Василий Васильевичъ. Въ пансіонѣ аббата Николя, находившемся возлѣ нынѣшняго дома министерства путей сообщенія, каждый воспитанникъ имѣлъ свою особенную комнату, число которыхъ никогда не превышало тридцати трехъ. Всѣ науки преподавались на французскомъ языке. Классными товарищами Аркадія Васильевича были братъ его Александръ Васильевичъ, графъ Соллогубъ (отецъ автора «Тарантаса»), Сер. Петр. Неклюдовъ, кнзъ Павл. Гагаринъ, графъ Ник. Гурьевъ, Обресковъ, графъ Григ. Орловъ, графъ Серг. Павл. Потемкинъ, Алекс. Мих. Потемкинъ, кн. А. Як. Лобановъ-Ростовскій, гр. Григ. Самойловъ и Шепинъ. Въ пансіонѣ Аркадій Васильевичъ съ товарищемъ своимъ, графомъ Потемкинымъ, написали оперу въ стихахъ «Душеньку», взятую изъ поэмы Богдановича, и издали ее роскошно съ гравюрами; тамъ

¹⁾ А. В. Кочубей † 1866 г., членъ государственного совѣта.²⁾ Умеръ 17-го апреля 1858 года, въ чинѣ дѣйствительного тайного советника и въ званіи члена государственного совѣта.

же онъ переводилъ Расина. Въ 1806 г. аббатъ Николь сдалъ свой пансионъ двумъ братьямъ аб. Макаръ, и въ 1807 г. Аркадій Васильевичъ кончилъ свое воспитаніе имѣя всего семнадцать лѣтъ отъ роду. Будучи еще въ пансионѣ, Арк. В. былъ записанъ юнкеромъ въ иностранной коллегіи, и произведенъ въ переводчики; изъ пансиона его вовсю присягать на чинъ.

Преведя нѣкоторое время въ Малороссіи, Аркадій Васильевичъ возвратился въ Петербургъ, и, собственно говоря, дѣйствительная его служба началась въ 1809 году, когда онъ, съ братомъ своимъ Демьяномъ Васильевичемъ, перешелъ изъ иностранной коллегіи въ канцелярію Принца Георгія Ольденбургскаго, недавно передъ тѣмъ женившагося на Великой Княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ, и назначенаго въ Тверь генераль-губернаторомъ и главнымъ директоромъ путей сообщеній. Въ Твери, въ 1811 году, Арк. В. былъ пожалованъ въ званіе камер-юнкера Двора Его Императорскаго Величества.

Когда, въ 1812 году, вспыхнула война, Кочубей покинулъ гражданскую службу и быть принятъ въ Гродненскій гусарскій полкъ, поручикомъ, 13-го октября 1812 года, шефомъ которого были генераль-маиоръ Федоръ Васильевичъ Ридигеръ. На четвертый день вступленія своего въ полкъ, Арк. В. участвовалъ въ сраженіи подъ Чашниками 17-го, 18-го и 19-го октября, где за оказанную храбрость награжденъ орденомъ св. Владимира 4-й степени съ бантомъ; потомъ былъ въ дѣлахъ 26-го октября при Лукомлѣ, 2-го ноября при Смолинѣ, 12-го при Батурѣ, 15-го подъ Борисовыми, за участіе въ которыхъ произведенъ въ штабъ-ротмистры; участвовалъ въ занятіи Вильны 30-го ноября, въ дѣлахъ декабря 11-го при мызѣ Кытыніахъ, 15-го при Тильзитѣ, 22-го при Лабіо, 27-го и 29-го въ дѣлахъ при занятіи Кенигсберга, 30-го при преслѣдованіи непріятеля отъ Баумберга до Эльбинга и занятіи оного, за который на граждень золотою саблею съ надписью «за храбрость».

Въ кампанію 1813 года, Аркадій Васильевичъ участвовалъ въ большихъ генеральныхъ сраженіяхъ: апрѣля 20-го при Люценѣ, 8-го и 9-го мая въ сраженіи при Бауденѣ, въ кровопролитномъ авангардномъ дѣлѣ, въ которомъ были убиты три штабъ-офицера и нѣсколько оберъ-офицеровъ Гродненскаго гусарскаго полка; 10-го подъ Рейхенбахомъ, и въ прикрытии отступленія, за что награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени. Въ сраженіи подъ Дрезденомъ, 13-го и 14-го августа, убита была лошадь подъ Аркадіемъ Васильевичемъ—ядро вырвало ей горло—и сбросило Кочубея съ сѣда. Гусарь подвелъ ему свою лошадь, и, такимъ образомъ, онъ продолжалъ участвовать въ дѣлѣ. Послѣ того Арк. В. участвовалъ 2-го октября 1813 г. въ генеральномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ.

Въ 1814 году Кочубей совершилъ со свиньемъ полномъ походъ во Францію, и быть въ дѣлахъ подъ д. Валарію 17-го зіярн., при Баргуревѣ 18-го, при д. Лабаекъ 19-го, подъ Труа, при преслѣдованіи вепрятеля, за что получилъ орденъ св. Анны 2-й ст. алмазами упражненный; марта 2-го, 3-го и 6-го въ дѣлахъ на престранствѣ между деревнями С-ть Мартенъ, Дотеснуханъ и Лахель, 8-го и 9-го въ сраженіи подъ Арси, 13-го подъ Фершампнуазомъ, 17-го и 18-го подъ Шаржемъ. Здѣсь онъ получилъ отъ короля прусскаго орденъ Краснаго Орла 3-й степени.

Въ 1814 году сентября 14-го, Арк. В. Кочубей произведенъ въ ротмистры, а 10-го октября того же года онъ былъ переведенъ, тѣмъ же чиномъ, лейбъ-гвардіи въ гусарскій полкъ, находясь въ то время въ отпуску въ деревнѣ, а потому, въ началѣ 1815 года, Арк. В. извратился въ Петербургъ и явился въ Царское Село въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, коимъ въ то время командовалъ генераль-майоръ Левашевъ. Служа въ лейбъ-гусарскомъ полку, Арк. В. совершилъ въходъ въ Вильну, где было получено извѣстіе объ Ватерлооской бойѣ, и гвардія возвратилась въ Петербургъ. Въ гусарскомъ полку Арк. В. Кочубей оставался не долго, потому что, съ первого дня поступилъ въ полкъ, онъ не сошелся съ полковымъ командиромъ. Левашевъ въ гусарскомъ полку вообще не любилъ; онъ былъ чрезвычайно жестокъ, кромѣ того, съ нижними чинами.

Арк. В. Кочубей просилъ командира гвардейскаго кавалерійскаго корпуса, генерала И. В. Васильчикова, о переводѣ своемъ въ корпусъ графа Воронцова, находившійся во Франціи, что и было вскорѣ исполнено. Арк. В. въ 1816 году перевели подполковникомъ въ Тверскій драгунскій полкъ, коимъ командовалъ полковникъ Набель, старшій его товарищъ и пріятель по Гродненскому гусарскому полку.

Главная квартира графа Воронцова была въ Мобежѣ, а позже г. Ритель. Въ Тверскомъ драгунскомъ Арк. В. назначень командромъ втораго эскадрона, и въ отсутствіи полковаго командира, въ 1816 году, когда полковникъ Набель ѣздилъ лечиться въ Висбаденъ, Арк. В. командовалъ временно полкомъ. Потомъ графъ Воронцовъ предложилъ Арк. В. мѣсто коменданта въ г. Авеінѣ (г. Авенѣ), но Арк. В. отказался, предпочитая оставаться въ полку.

Въ 1819 г., послѣ Ахенскаго конгресса, императоръ Александръ I заѣжалъ въ Мобежъ—осматривать корпусъ Воронцова, и вскорѣ слѣдѣ того, войска наши осенью возвратились въ Россію. Тверскій драгунскій полкъ поступилъ во 2-ю драгунскую дивизію корпуса графа Ламберта, стоявшую въ Воронежской губерніи. Квартира Тверскому полку была назначена въ селѣ Бѣлогорѣ, на берегу р. Дона, въ Острогорскомъ уѣзда.

Въ концѣ 1821 года Арк. В. взялъ бессрочный отпускъ и отправился въ деревню Ярославецъ, Черниговской губерніи, и въ 1824 г. вышелъ въ отставку.

Въ поѣздку свою въ Диканьку къ графу Виктору Павловичу Кочубею, онъ влюбился въ племянницу графини Маріи Васильевны Кочубею, княжну Софию Николаевну Вяземскую, на которой и женился въ томъ же 1824 г. 15-го сентября, и послѣ свадбы вновь поступилъ на службу и опредѣлился по особымъ порученіямъ къ главноначальствующему надъ почтовымъ департаментомъ. Служа въ почтовомъ вѣдомствѣ, Арк. В., уже въ чинѣ статского советника, въ 1827 г., въ день крестина великаго Князя Константина Николаевича, пожалованъ быть въ званіе камергера Двора Его Величества.

Вскорѣ послѣ того, 9-го марта 1828 г., Арк. В. былъ назначенъ киевскимъ вице-губернаторомъ, гдѣ онъ оставался три года, которые, по словамъ Арк. В. К., были самыми счастливѣмыми временемъ его жизни—и дѣйствительно, онъ пользовался въ Киевѣ всеобщимъ уваженіемъ и любовью, и оставилъ по себѣ въ киевлянахъ отрадное воспоминаніе. Наградой за его въ Киевѣ службу былъ орденъ св. Владимира 3-й степени. Въ маѣ 1830 г., во время прїѣзда государя императора Николая въ Киевъ, Арк. В. К. назначенъ быть орловскимъ губернаторомъ; адѣль, въ 1834 году, скончалась послѣ десятилѣтней счастливой супружеской жизни жена Аркадія Васильевича Софія Николаевна Кочубей.

Передъ этимъ, въ 1833 г., Арк. В. получилъ орденъ св. Станислава 1-й степени. Сентября 20-го 1834 г. государь императоръ Николай Павловичъ прїѣхалъ въ Орелъ для осмотра драгунскаго корпуса, и пробылъ въ Орѣ восемь дней. Объ этомъ восьмидневномъ пребываніи покойнаго императора Аркадій Васильевичъ любилъ часто вспоминать и говорить.

Государь былъ очень доволенъ всѣмъ видѣніями въ Орѣ и, передъ отѣзdomъ своимъ въ Москву, вручилъ Арк. В. орденъ св. Анны 1-й степени.

Въ 1835 г. Арк. В. принялъ дѣятельное участіе въ учрежденіи орловскимъ помѣщиковъ Брянского уѣзда Михаиломъ Петровичемъ Бахтинымъ кадетскаго корпуса, и опять принималъ, 7-го сентября 1835 г., императора Николая Павловича въ Орѣ, проѣзжавшаго для осмотра войскъ. Черезъ годъ съ небольшимъ, вслѣдствіе повторенныхъ просбѣй Арк. В. объ увольненіи отъ губернаторской должности, онъ, въ 1837 г., былъ произведенъ въ тайные советники, съ причисленіемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, и отчисленъ отъ должности губернатора.

Въ 1842 г. Арк. В. назначенъ сенаторомъ, въ 1-е отдѣленіе 5-го департамента. Въ 1847 г., въ апрѣль, назначенъ почетнымъ опеку-

номъ въ сиб. опекунскій совѣтъ и вслѣдъ за симъ попечителемъ больницы Всѣхъ Скорбящихъ.

Больницею Всѣхъ Скорбящихъ управлялъ болѣе двадцати лѣтъ, и при увольненіи отъ управления Арк. В. удостоился получить Высочайшій реескриптъ:

«Аркадій Васильевичъ. Въ теченіе двадцати лѣтъ, не смотря на преклонныя лѣта и многочисленныя занятія по сенату, вы съ неутомимымъ усердіемъ заботились о благоустройствѣ вѣтриной вашему управлению больницы Всѣхъ Скорбящихъ. Нынѣ, увольняясь, согласно прошенію, по разстроенному здоровью, отъ обязанностей по означенному заведенію, я справедливымъ долгомъ считаю выразить вамъ при этомъ случаѣ совершенную Моею признательность и благоволеніе. Пребываю къ вамъ навсегда благосклоннымъ. Александръ».

Въ С.-Петербургѣ, 27-го января 1868 года.

Продолжительная служба Аркадія Васильевича Кочубея, въ званіи сенатора и почетнаго опекуна, была вознаграждена 1848 г. орденомъ св. Владимира 2-й степени, 1851 г. Бѣлаго Орла, 1855 г., уже въ наинѣшнее царствованіе, орденомъ св. Александра Невскаго, 1856 г. чиномъ дѣйствительнаго тайного совѣтника, 1859 г. бриліантовыми знаками Александра Невскаго, и послѣднею наградою Арк. В., полученной имъ на службѣ, былъ орденъ св. Владимира 1-й степени. Послѣдніе годы, уже въ глубокой старости, Арк. В. пересталъѣздить и въ сенатъ и въ опекунскій совѣтъ.

Аркадій Васильевичъ Кочубей, проживъ до глубокой старости, былъ вездѣ и всегда любимъ всѣми знающими и окружавшими его.

Отличительной чертою его и двухъ братьевъ его, Демьяна и Александра В. Кочубеевъ, съ которыми его соединяла неизмѣнная дружба, было исчезающее совершенно въ наинѣшней вѣкѣ гостепріимство, хѣббосольство и желаніе помочь ближнему. На сколько онъ могъ, онъ старался помочь каждому нуждающемуся; сколько лицъ были облагодѣтельствованы тремя братьями, про то знаютъ многіе малороссійские, съ благоговѣніемъ вспоминающіе о своихъ покровителяхъ. Не задолго до смерти, мучимый тягостною болѣзнию, онъ со смиренiemъ перенесъ страшныя страданія, причастился, и, вскорѣ послѣ оправившись, жилъ недѣли три, и тихо заснуль 4-го марта 1878 года. 7-го марта, тѣло Аркадія Васильевича было предано землѣ въ Новодѣвичьевъ монастырѣ, возлѣ могилъ братьевъ- друзей. При выносѣ, ему были отданы воинскія почести, какъ кавалеру золотаго оружія за храбрость. Передъ домомъ, по Мойкѣ, находился въ строю лейбъ-гвардіи Конный полкъ и гвардейская конная батарея.

Графъ Милорадовичъ.

СУДЕБНОЕ ДѢЙСТВІЕ,

ПРОИСХОДИВШЕЕ ДЕКАБРЯ 21-ГО ДНЯ 1809 ГОДА,

ВЪ БЛАГОРОДНОМЪ УНИВЕРСИТЕТСКОМЪ ПАНСІОНѣ,

ВО ВРЕМЯ ГОДИЧНОГО ИСПЫТАНІЯ ЮНОШЕСТВА,

ОБУЧАЮЩАГОСЯ РОССІЙСКОМУ ПРАКТИЧЕСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ,

ПОДЪ РУКОВОДСТВОМЪ КОЛЛЕЖСКАГО СОВѢТНИКА

ЗАХАРИЯ ГОРЮШКИНА.

Дѣйствие производилось въ Уѣздномъ Судѣ, въ залѣ Благороднаго Пансиона,
представленной въ видѣ судебнаго мѣста.

МОСКВА.

1809.

ДѢЯСТВУЮЩІЕ:

Уѣздный судъ, Павелъ Хотинцовъ.

Засѣдатели:

Старый,	Евгій Карновичъ.
Младший,	Сергій Саларевъ.
Стражій,	Сергій Чаплинъ.
Секретарь,	Федоръ Гамалъ.
Протоколистъ,	Илья Выходцевъ.
Регистраторъ,	Александръ Выходцевъ.

У протоколиста:

Подланцеларистъ,	Алексей Охотинской.
Комістъ,	Степанъ Карловичъ.

У регистратора:

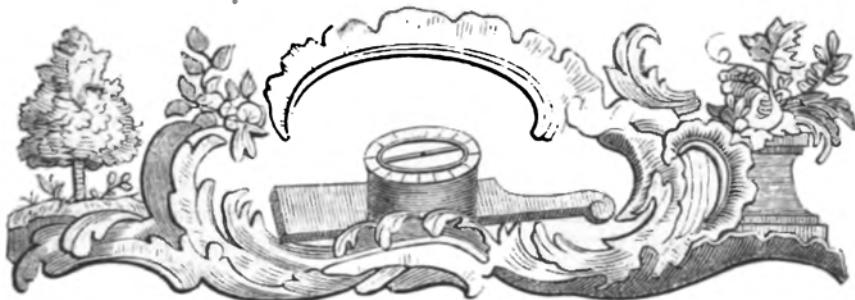
Канцеляристъ,	Николай Медведевъ.
Подланцеларистъ,	Иванъ Забаликъ.
Комістъ,	Петръ Храноавіцкий.
Землемѣръ гражданскихъ дѣлъ,	Алексей Коноровъ.

У него:

Подланцеларистъ,	Иванъ Изборецкий.
Комістъ,	Дмитрій Половъ.
Постройные:	1-й. Николай Гамалъ. 2-й. Николай Каневскій.

Предложена для решения задача:

Имѣеть ли право участвовать въ наследственномъ недвижимомъ имѣніи сестра послѣ брата съ дочерью его?

Всѣ назначенные къ отправленію дѣйствія входятъ въ залу слѣдующимъ порядкомъ:

1-е. Младшій засѣдатель; за нимъ секретарь и протоколистъ рядомъ.

За ними стражій.

Первые трое садятся на свои мѣста, а стражій или тутъ остается, или уходитъ.

2-е. Старшій засѣдатель.

Секретарь и протоколистъ, вставши, ему кланяются; засѣдатель, сѣдавши имъ и младшему засѣдателю приличную учтивость, садится на свое мѣсто.

3-е. Наконецъ, входитъ уѣздный судья.

Увидѣвши его, всѣ встываютъ и кланяются; онъ, отвѣтствуя имъ также поклономъ, садится на свое мѣсто. Секретарь становится въ концѣ судейскаго стола, подлѣ старшаго засѣдателя, а протоколистъ у наложения, поставленнаго въ концѣ сего стола, и дѣйствіе начинается. Уѣздный судья открываетъ засѣданіе рѣчью, на которую сперва старшій засѣдатель, а погомъ младшій отвѣтствуютъ.

Судья.

Милостивые государи! Счастливо государство, въ которомъ каждый гражданинъ способствуетъ благу ближнихъ, каждый членъ общества ревностно исполняетъ долгъ свой. Воинъ, съ мечомъ въ рукахъ, охраняетъ отечество отъ нападеній непріятеля; — судья неусыпно печется о покой и благоденствіи внутреннемъ, наказуетъ клевету и неправду и отверзаетъ невинности кровъ и защиту надежную; — ученый наставляетъ народъ добродѣтели и просвѣщенію: миръ и блаженство цвѣтутъ въ странѣ сей! На насть, любезные товарищи! возложена священнѣйшая обязанность блюсти вѣсы правосудія и воздавать каждому по дѣламъ его. Обязанность пріятная, драгоценная сердцамъ нашимъ! Постараемся быть достойными своего званія и оправдать выборъ дворянства!...

СТАРШІЙ.

Правосудіе есть главная добродѣтель судіи. Судья безъ правосудія подобенъ вонну безъ меча и храбрости, подобенъ земледѣльцу безъ пахоты и тру-
долюбія. Дворянство почило нась своею довѣренностию, вручило намъ вси
Фемиды. Покланяемся предъ верховнымъ Судію и предъ престоломъ человѣко-
любиваго государя нашего не нарушать законовъ совѣсти и правды.

МЛАДШІЙ.

Такъ, милостивые государи! намъ долгъ защищать угѣсненную честину
и карать преступленіе. Исполнимъ свято долгъ свой. Признательность сыновъ
отечества и спокойствіе совѣсти нашей будуть для нась наградою, ни съ ба-
кими сокровищемъ несравненною.

СУДЬЯ.

Теперь приступимъ къ нашей должности (Звонить въ колокольчикъ и
говорить къ придвернику): Просителей.

ПРИДВЕРНИКЪ (впускаетъ по одному).

ПРОСИТЕЛЬ (входитъ и кланяется съ учтивостію).

СУДЬЯ (знаяши его).

А! Семенъ Ивановичъ! что вамъ угодно?

проситель.

Май нужно подать прошеніе отъ жены моей, о утверждениі за нею и
девичаго имѣнія послѣ родителя ея (Подать).

СЕКРЕТАРЬ (принявъ прошеніе, читастъ).

Всепресвѣтѣйшій, державнѣйшій, великий государь императоръ Александръ
Павловичъ, самодержецъ всероссійскій, государь всемилостивѣйшій!

Просить титуларного советника Семена Иванова сына Добромуслова жез
Анна Сидорова дочь; а о чёмъ, тому слѣдуютъ пункты:

I.

Сего 1809 года октября 5-го дня, родитель мой коллежскій секретарь Си-
доръ Петровичъ Правинъ скончался; за нимъ было во владѣніи недвижимое
имѣніе, доставшагося ему по наследству послѣ родителя его Петра Сергеевича
Правина, Пансионского округа въ селѣ Ивановскомъ съ деревнями, написан-
ныхъ по имѣніией 5-й ревизіи за упомянутымъ дѣломъ моимъ 836 душъ, съ

принадлежащими къ нимъ по генеральному размежеванию землями, оставшися за отдачею миѣ въ приданое въ деревнѣ Игнатьевой 90 душъ. А какъ у него другихъ ни сыновей, ни дочерей не было: то по всему оному, на основаніи уложения 17-й главы 2-й стать 2-го отдѣленія, состою я одна наследницей. Ибо хотя именованный родитель мой и имѣть родную сестру Марью, но она родителемъ его выдана въ замужество за коллежскаго советника Ивана Гаврилова сына Разсудова, съ даннымъ ей въ приданое недвижимымъ его имѣніемъ, состоящимъ сего же округа въ деревнѣ Сидоровой въ 75-ти душахъ: то она, по силѣ указа 7185 года августа 10-го дня, въ томъ оставшемся послѣ родителя моего недвижимомъ имѣніи при жизни моей участвовать не можетъ.

И дабы высочайшимъ вашего императорского величества указомъ повѣтно было то оставшееся послѣ родителя моего наследственное недвижимое имѣніе, на основаніи законовъ, за мною справить и отказать. Сие прошеніе подать, за дѣломъ хожденіе имѣть, къ чьему надлежитъ, тако же въ удовольствіи и неудовольствіи подписываться вѣрно и именованному мужу моему, о чьемъ дано ему отъ меня вѣрющее письмо, при семъ приложенное.

Всемилостивѣйший государь! прому вашего императорского величества о семъ прошеніи рѣшеніе учинить. Вашего императорского величества вѣрноподданная Анна Добромыслова. Декабря 21-го дня 1809 года. Сие прошеніе сочиняла и наѣбло переписывать Пансионскаго земскаго суда канцелярия Андрей Петровъ сынъ Волковъ. Къ поданію надлежитъ въ Пансионскомъ уѣздномъ судѣ.

СЕКРЕТАРЬ (къ просителю).

Извольте подписать подачу и дать на производство дѣла гербовой бумаги.
(Идти къ своему столу, а за нимъ)

ПРОСИТЕЛЬ (подписываетъ подачу такъ):

1809 года декабря 21-го дня подать повѣренной Семенъ Добромысловъ.

СЕКРЕТАРЬ (взять между тѣмъ въ колокольчикъ и говорить къ придвернику).

Повѣтчица.

ПОВѢТЧИЦѢ.

Что прикажите?

СЕКРЕТАРЬ.

Прими гербовой бумаги 5 листовъ.

ПРОСИТЕЛЬ (подписавши, отдаетъ).

СЕКРЕТАРЬ (къ просителю).

Напишите тутъ же, что и отдали.

ПРОСІТЕЛЬ (пишеть).

И дать на производство гербовой бумаги блистовъ (И потомъ идетъ къ судью).

СУДЬЯ (къ просителю).

Мы не замедлимъ сдѣлать рѣшеніе по вашей просьбѣ.

ПРОСІТЕЛЬ (поклонясь, уходитъ).

СУДЬЯ.

Кажется, это дѣло обыкновенное. Кому въ такомъ случаѣ, какъ не дочери, быть наслѣдницею послѣ отца.

СТАРШІЙ.

Конечно. Хотя и видно, что послѣ покойнаго оставалась сестра, да она выдана отъ отца ея съ награжденіемъ. При томъ всегдашній опытъ подтверждается, что имѣніе по законамъ, въ прошеніи изъясненнымъ, дается послѣ отца дочерямъ, противъ чего и тетки ни слова не говорили.

СУДЬЯ.

Кажется, будто здѣсь и толковать болѣе нечего.

МЛАДШІЙ.

Однакожъ всегда и во всемъ должно основывать заключенія свои на точной силѣ и словахъ законовъ, и примѣры не должны быть основаніемъ въ рѣшеніи дѣль.

СТАРШІЙ.

Кто можетъ вамъ противорѣчить въ этомъ; только и въ законахъ иного ничего не сышемъ, какъ то, что дочь послѣ отца наслѣдница, а не сестра.

МЛАДШІЙ.

Не говоря еще ничего о законныхъ предписаніяхъ, я скажу только, что и тетка ея также дочь отцу своему, и онѣ между собою, въ разсужденіи ихъ воля, равны. Изъ прошенія видно, что дано въ приданое родителями ихъ: за теткою 75, а за племянницей 90 душъ. И такъ она, получивъ достальныя 835, будетъ имѣть 925 душъ изъ дѣдовскаго имѣнія: то судя естественно, я не вижу, почему бы должна быть дочь сына предпочтительнѣе дочери отца его.

СТАРШІЙ.

Да что намъ заниматься этими мыслями, когда законы говорятъ иначе.

младший.

Это какъ вамъ угодно; а я прежде, нежели услышу о томъ слова закона, не смѣю утверждать ни того, ни другаго.

судья.

Иначе и быть не должно; теперь мы только предварительно судимъ, во слованіи променія.

младший.

Въ променіяхъ иногда пишутъ всякъ по своему.

СЕКРЕТАРЬ (въ это время дѣлаетъ на прошеніи помѣту такъ: №, подано декабря 21-го дня. Учина справку съ архивомъ и выписку изъ дѣла и законовъ, предложить къ докладу. Отдѣль прошеніе протоколисту, а онъ регистратору. Сей, записавъ его во входящую книгу, отдаетъ повытчику съ роспискою въ ней. Повытчикъ, записавши запросъ въ архивъ, подаетъ его секретарю; онъ, подписавши его, отдаетъ повытчику, и при окончаніи послѣдній словъ младшаго, подошедъ къ судейскому столу, къ судьямъ).

Я приказалъ изготовить все, что нужно къ рѣшенію сего дѣла.

судья.

Вотъ увидимъ.

ПРИДВЕРНИКЪ.

Господинъ коллежскій совѣтникъ Разсудовъ приказалъ о себѣ доложить.

судья.

Проси его сюда, и какъ войдеть, подай стулъ.

ПРОСИТЕЛЬ (съ учтивостію подаетъ судью бумагу и придверника ставить для него стулъ).

судья (указывая на стулъ).

Прощу садиться. Позвольте спросить, что это за бумага?

ПРОСІТЕЛЬ.

Прошеніе жени мої о раздѣлѣ съ племянницею ея недвижимаго имѣнія, оставшагося послѣ первой—брата, а послѣдней—отца.

СЕКРЕТАРЬ (привѣтъ, читаетъ).

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШІЙ, ДЕРЖАВНѢЙШІЙ, ВЕЛИКІЙ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ, САМОДЕРЖАЦЪ ВСЕРОСОІСКІЙ, ГОСУДАРЬ ВСІМИЛОСТИВѢЙШІЙ!

Просить коллежскаго советника Ивана Гавриловича Разсудова жена Мары Петрова дочь; а о чёмъ, тому слѣдуютъ пункты:

I.

Родитель мой Петръ Сергеевичъ Правинъ, имѣлъ за собою недвижимое имѣніе, состоящее Пансіонского округа въ селѣ Ивановскомъ съ деревнями, людьми и крестьянами, написанными за нимъ по нынѣшней 5-й ревизіи 1,000 душами, со всѣми приналежащими къ немъ, по генеральному размежеванію, землями и всякими на ней угодьями, въ 1795 году августа 17-го дня, даъ изъ него за мною въ приданое деревню Сидоровскую, состоящую въ семидесяти пяти душахъ, съ принадлежащею къ ней землею, и 1796 года мая 25-го дня скончался. Послѣ его все оставшееся за нимъ недвижимое имѣніе, на основаніи уложенія 17-й главы 2-й статьи 1-го отдѣленія, дано сыну его, а моему родному брату Сидору. Онъ, владѣвъ тѣмъ недвижимымъ имѣніемъ, 1797 года января 9-го дня, отдалъ же изъ него въ приданое за дочерью своею Анною деревню Ягатову, имѣющую въ себѣ девяносто душъ, съ принадлежащею къ ней землею, и сего 1809 года октября 5-го дня умеръ. Послѣ его на основаніи оной уложеній статьи и указа 7184 года марта 14-го дня, по 7-му докладу, состояю я къ оставшему по немъ, братъ моемъ, родовому недвижимому имѣнію, обще съ дочерью его, вотчинницею.

И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было изъ того оставшагося послѣ брата моего наследственного недвижимаго имѣнія, надлежащее по законамъ количество за мною справить и отказать. Сіе прошеніе подать, за дѣломъ хожденіе имѣть, и къ чему надлежить руку прикладывать, въ удовольствіи и неудовольствіи подписываться—вѣрю я имѣванному мужу моему, и что учинить—прекословить не буду, о чёмъ и дамъ ему отъ меня особыя вѣроятное письмо, при семъ приложенное.

Всемилостивѣйший государь! прошу вашего императорскаго величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Вашего императорскаго величества вѣрноподданная Марія Разсудова. Декабря 21-го дня 1809 года. Сіе прошеніе сочинялъ и переписывалъ Пансіонского земскаго суда коністъ Сидоръ Андреевъ сынъ Строкинъ. Къ поданію надлежить въ Пансіонскомъ уѣздномъ судѣ (Кладеть прошеніе предъ просителя). Извольте подписать подачу и пожаловать на производство дѣла гербовой бумагѣ.

ПРОСІТЕЛЬ.

Я прикажу ее дать. Сколько прикажете?

СЕКРЕТАРЬ.

Три листа.

ПРОСИТЕЛЬ (пишетъ подачу та^{къ}):

1809 года декабря 21-го дня подать повѣренной Разсудовъ.

СЕКРЕТАРЬ.

Извольте тутъ же написать: и дать на производство гербовой бумаги три листа.

ПРОСИТЕЛЬ (и то пишетъ).

СЕКРЕТАРЬ (вставши прошевіе, на своемъ столѣ пишетъ на пемъ помѣту: №, подано декабря 21-го дня. Отдать къ дѣлу и расписать оное и помѣщенные въ пемъ законы въ выписку. Отдастъ протоколисту, и оно по прежнему порядку доходить до повытчика, который, что помѣчено секретаремъ, исполняетъ).

СУДЬЯ (къ просителю).

Мы предъ вами не скроемъ: отъ племянницы вашей супруги теперь же подано мужемъ ея прошеніе, чтобы оставшее послѣ отда ея имѣніе утвердить за нею одноз.

ПРОСИТЕЛЬ.

Я это и прежде зналъ. Къ счастію нашего семейства, оно отнюдь не разрушить нашей родственной связи. Мы и безъ того богаты; за ними или за иной оно будетъ, меня не обогатить, а его не разорить.

СУДЬЯ.

Это весьма благородно.

ПРОСИТЕЛЬ.

Я увѣренъ, что племянница сейчасъ охотно бы раздѣлила съ теткою это имѣніе; но мы племъ дѣтей, а дворянская грамота говоритъ: «Благородный наследственныи имѣніи да не распоряжаетъ иначе, какъ законами предписано».—И потому не дѣлая сдѣлки по домашнему, мы положили войти въ судъ къ исполнителямъ законовъ.

СУДЬЯ.

Примѣрное родство!

ПРОСИТЕЛЬ.

Да за что тутъ ссориться? Правосудіе подобно вѣсамъ съ одной стороны существо дѣла, а съ другой—законъ: то неужели на это должно негодовать, когда положенные на нихъ тяжести одна другую будутъ перевѣзвивать? Это ихъ свойство.

СУДЬЯ.

Однакожъ, кажется, это дѣло не такъ мудрено, чтобы и дома его не можно было кончить. Примѣры многихъ рѣшеній подтверждаютъ, что послѣ отъ дочь наследница.

ПРОСИТЕЛЬ.

Боямся чтобъ, опервшись на примѣрахъ, не ошибиться. Пусть лучше смыжуть вамъ тѣ, которые обязаны говорить по точной силѣ и словамъ законовъ да или нетъ!

СУДЬЯ.

Мы займемся решеніемъ этой задачи.

ПРОСИТЕЛЬ (вставши).

Покорѣйше васъ прошу обѣ этомъ (уходитъ).

СУДЬЯ (старшему).

Неужль-ли этому иначе быть должно, какъ мы прежде думали?

СТАРШІЙ.

Посмотримъ, что намъ скажутъ законы?

ПОВЫТЧИКЪ (подошедъ къ секретарю).

Выписка изъ законовъ по дѣлу г-жь Добромысловой и Разсудовой готова.

СУДЬЯ (къ секретарю). *

Пожалуй представь намъ скорѣе эту материю на разрѣшеніе, такъ ли она мудрена, какъ мы обѣ ней теперь слышали?

СЕКРЕТАРЬ (подписавши выписку).

Выписка готова и поверенные подписались, чтобы слушать ее безъ нихъ.

СУДЬЯ.

Читайте.

СЕКРЕТАРЬ.

Существо дѣла вамъ уже известно: не прикажете ли начать съ законовъ?

МЛАДШІЙ.

По моему, для чего же и не таинъ?

СТАРШІЙ.

И я на это согласенъ.

СУДЬЯ.

Читайте законы.

СЕКРЕТАРЬ.

Уложение глава 17-я о вотчинахъ начинается такъ (читаетъ): «Въ прошломъ во 136 году блаженныи памяти великий государь, царь и великий князь Михаилъ Феодоровичъ всѧ Россія, и отецъ его государевъ блаженныи же патріархъ, великий государь, святѣйший Филаретъ Никитичъ, патріархъ московскій и всѧ Россія, указами о родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ, по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ». Потомъ статьи 2-й въ отдѣленіи 1-мъ (читаетъ): «У которыхъ вотчинниковъ послѣ ихъ останутся дочери ихъ и сестры замужемъ, и объ вотчинахъ ихъ учнутъ бить ченою по родству ченоючики, тѣхъ умершихъ дочери и сестры, которымъ замужемъ, въ вотчину же».

МЛАДШІЙ.

Это какъ две капли воды съ нашимъ дѣломъ.

СТАРШІЙ.

Справедливо. Но послушаемъ, что будетъ далѣе.

СЕКРЕТАРЬ (продолжаетъ читать).

«И имъ чинити указъ по уложению; а онъ тѣмъ вотчинамъ вотчики».

СТАРИЙ.

Это еще не конецъ. Надобно смыслять, какой указъ есть объ этомъ даѣтъ уложеніе?

МЛАДШІЙ.

Справедливо. Но что сестра послѣ брата съ дочерью его въ оставлѣніи по немъ участвовать, то это, кажется, очень ясно сказано.

СУДЬЯ.

Пожалуйте: послушаемъ далѣе, тутъ, можетъ быть, все есть.

СЕКРЕТАРЬ (читаетъ).

«А послѣ которыхъ умершихъ учнуть быть членъ о вотчинахъ послѣ отцовъ своихъ сыновья и дочери, и тѣ вотчины давати сыновьямъ, а дочерямъ вотчинъ съ братомъ жеребьевъ не давати, пока-жѣста браты ихъ живы, а давати дочерямъ послѣ отцовъ ихъ изъ помѣстей на проѣктованіе по указу».

СТАРИЙ.

Но это при жизни брата такъ и было; что же дѣлать, какъ онъ умеръ?

МЛАДШІЙ.

Кажется, и объ этомъ ясно сказано: «Дочерямъ вотчинъ съ братомъ жеребьевъ не давати, пока-жѣста браты ихъ живы». Слѣдовательно, какъ уиругъ, то давать.

СТАРИЙ.

По заключенію—такъ; но должно знать, что объ этомъ законъ говоритъ.

МЛАДШІЙ.

Инь какъ вамъ угодно.

СЕКРЕТАРЬ (продолжаетъ читать).

«А какъ братей ихъ не станеть, и дочери тѣмъ вотчины аль вотчины».

СТАРИЙ.

Вотъ и конецъ.

младший.

Справедливо.

старший.

Такъ поэтому одна дочь послѣ отца и наследница, а не сестра его съ веном?

младший.

А, по моему, надобно прежде разсудить: о чьихъ дочеряхъ тутъ говорится?

старший.

О чьихъ же, какъ не о сыновнѣхъ?

младший.

А и вѣдь кажется—о дочеряхъ отеческой и сыновней.

старший.

Желалъ бы я, чтобы и вѣдь это было доказано.

младший.

Изволили слышать во-первыхъ: умираетъ иѣкто, послѣ его остается дочь его и сестра.

старший.

Такъ.

младший.

И слѣдовательно, онъ въ отношеніи къ ихъ родителямъ—дочери.

старший.

Что же даѣте?

младший.

Не о нихъ ли послѣ этого сказано, что одна послѣ отца, а другая послѣ брата—вотчицы.

старший.

Да это уже кончено; требуется повѣдѣніе объ оставшемся послѣ умершаго сына и дочери.

младшій.

Я и на это вамъ доложу: послѣдовалъ въ имѣніи первого сына, а второ-
брать.

старшій.

Правда.

младшій.

Потомъ умираетъ братъ, остается въ живыхъ его сестра, а первого доч-
то о комъ же сказать, какъ не о дочери первого вотчинника, а послѣдней
сестрѣ.

старшій.

Пусть такъ; но тутъ говорится о такомъ братѣ, послѣ котораго не осталось
дѣтей, а у насъ есть дочь.

младшій.

Нѣтъ, здѣсь этого не сказано, а говорится во множественномъ числѣ
дочеряхъ.

старшій.

А что же изъ этого слѣдуетъ?

младшій.

Слышали вы, что онѣ дочери сына и отца, и что о участії послѣ однѣ
отца, а другой брата сказано: онѣ вотчины. — Да положимъ и по вашему, чѣ-
мъ послѣдніемъ слушать говорится только о смерти одного брата; но оставилъ-
онѣ дѣтей, о томъ ни слова не сказано.

старшій.

Что же изъ этого слѣдуетъ?

младшій.

То, что при какихъ бы обстоятельствахъ ни умеръ братъ, сестра послѣ
его вотчинница.

старшій.

Такъ, по вашему, если-бы братъ и сына оставилъ: то и при всѣхъ тѣхъ
это была бы вотчинница?

младший.

У насъ теперь этакой матеріи нѣть, то и не нужно ею заниматься, по словоизвѣсъ: о чёмъ не просить, того не судить. А отвѣтствовалъ я только на вашъ вопросъ.

Судья.

Такъ-ли, сколь-ли будетъ, оставимъ до времени судить объ этомъ, а послу-
жаемъ, что далѣе говорять законы.

СЕКРЕТАРЬ.

Въ отдѣлениі 2-мъ (читаєтъ): «Да въ прошломъ въ 157-мъ году блаженный
чамати великий государь, святѣйшій Филаретъ Никитичъ, патріархъ московскій
и всел Россіи, указалъ вотчинамъ родовыи и за службы данныхъ отдавати вот-
чинамъ дѣтямъ сыну, а буде умершаго сына не будетъ, и тѣ вотчины дочерямъ».

старшій.

Ну, вѣтъ и кончано. У насъ послѣ умершаго нѣть сына, а есть дочь; слѣ-
довательно, и должна наследовать она, не смотря на то, что послѣ сего оста-
лась сестра.

младший.

О! пожалуйста, удержитесь съ своимъ заключеніемъ. Здѣсь очень ясно
видѣть можно, что это узаконеніе о томъ, когда послѣ умершаго останется
сынъ или дочь, а о сестрѣ его и слова нѣть.

старшій.

Да что изъ этого слѣдуетъ?

младший.

То, что если судить по вашему, то оба эти закона одинъ другому будутъ
противорѣчить; но поелику они говорять совсѣмъ о разныхъ случаяхъ наслѣ-
дства женскаго пола, въ самомъ дѣлѣ бывшемаго, то этого обѣ нихъ и мыслить
я не смѣю.

старшій.

Для меня такъ это не вразумительно.

МЛАДШІЙ.

Напротивъ, очень ясно. Изволите представить, по вашему, будеть ють какъ: по первому закону будуть участвовать въ имѣніи и дочь и сестра; а по второму получить все одна дочь, хотя бы и была у него сестра: сколько-тъ, одинъ случай будеть производить разныя дѣйствія, одно другому противныя; то какъ же это назвать, какъ не противорѣчіе?

СТАРШІЙ.

Что же далѣе?

МЛАДШІЙ.

А естьли въ первомъ случаѣ будуть участвовать дочь и сестра, а во второмъ, когда нѣть сестры, одна дочь: то будуть оба эти закона дѣйствоватъ на каждый особенно случай, а не противорѣчить; и сколько-тъ, въ первомъ дочь сына будеть въ наслѣдіи равна дочері отца, а не предпочтительне, какъ вы изволите полагать. Вотъ случай одинъ изъ тѣхъ, для которыхъ нужно знать естественное право, дабы удобнѣе понять гражданское!

СУДЬЯ.

Позвольте еще болѣе вникнуть въ слова законовъ.

СЕКРЕТАРЬ.

Статья 4-я: «О родовыхъ и высужденныхъ вотчинахъ государь указалъ въ боадре приговорали быти по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, въ по уложенію прежнихъ государей отца своего государства блаженныя вакии великаго государя, царя и великаго князя Михаила Федоровича всеси Россіи въ хѣда своего святѣшаго Фларета Никитича, патріарха московскаго и всеси Россіи 136 и 137 году, какъ писано выше сего, у кого сыновей не оставало въ родовыхъ и высужденныхъ вотчинахъ давати дочеримъ».

СТАРШІЙ.

Да это все то же, что прежде слышали.

МЛАДШІЙ.

И притомъ все сказанное въ указахъ 136 и 137 годовъ, въ первомъ случаѣ, о участіи дочери съ сестрою ея отца, а во второмъ—одной дочери, когда нѣть сестры, подобно печати утверждается на вѣчныя времена.

СУДЬЯ (къ секретарю).

Что далѣе?

СЕКРЕТАРЬ.

7184 года марта 14-го въ 7-й статьѣ докладомъ представлено было (чита-
ется): «Послѣ котораго умершаго останутся сыновья и дочери, а сыновей не
станетъ, а вотчины за сыновьями были не исправлены, а за иными исправлены,
а послѣ ихъ останутся дочери, и тѣ вотчины дочери умершаго дать, или внукѣ
его, сыновней дочери».

СУДЬЯ.

Воть на этотъ вопросъ, кажется, отвѣтъ можетъ насть помирить.

СЕКРЕТАРЬ (продолжаетъ читать).

«И великий государь указалъ, и бояре приговорили: Послѣ котораго умер-
шаго останется дочь, да внука, сыновья дочь; и послѣ умершаго, хотя будетъ
за сыномъ были вотчины исправлены, дѣлить пополамъ тетки съ племянницы;
а за которою дочерью дать отецъ въ приданыи вотчины, и тѣ вотчины зачи-
тати, и давать то, что доведется противъ остаточныхъ вотчинъ половины».

МЛАДШІЙ.

И правда, что помирить; иного и сказать нечего, какъ быть дѣлу такъ, какъ
тутъ законъ говоритъ.

СУДЬЯ И СТАРШІЙ ЗАСѢДАТЕЛЬ (задумываются).

СЕКРЕТАРЬ (подождавши нѣсколько).

Смѣю представить, что этому закону есть отмѣна.

СТАРШІЙ (съ торопливостію).

Пожалуй одолжи.

СЕКРЕТАРЬ.

Въ 7185 году августа 10-го дня, эта статья еще представлена была въ
рассмотрѣніе боярамъ; послѣ чего въ указѣ на нее сказано: «Бояре, слушавъ
сю статью, для спору и человѣчества всіхъ чиновъ людей, приговорили от-
ставить».

СТАРШІЙ (къ младшему съ улыбкой).

Стало, послѣ этого и всякое мудрованіе въ сторону.

МЛАДШІЙ.

О! я совсѣмъ далекъ отъ этого (повторяетъ слова): «Бояре приговорили
сю статью, для спору и человѣчества всіхъ людей, отставить». А не для того,
чтобъ она противна была прежде изданнѣмъ законамъ.

СТАРШІЙ.

А чѣмъ изъ этого вы еще выведете?

МЛАДШІЙ.

Послѣ подумаемъ, въ какомъ уваженіи должны быть боярскіе приговоры.

СТАРШІЙ.

Да какъ вы ни воображайтѣ, только все будетъ то, чтобы отставить.

МЛАДШІЙ (къ судью).

Позвольте продолжать.

СЕКРЕТАРЬ (читаетъ).

«И приговорили послѣ такихъ умершихъ вотчинниковъ сыновей выслушанныхъ вотчинъ давать дѣтымъ его, съ того умершаго внучатамъ, буде сыновей не останется, и такихъ вотчинъ давать и дочерямъ ихъ, а теткамъ такихъ вотчинъ не давать, и съ племянницами не дѣлать потому, что оѣ, тетки, при братъ своей по уложенію не племянницы; а будетъ у такихъ тетокъ и племянницъ не останется, и такихъ вотчинъ отдавать такимъ, буде послѣ племянницъ умершихъ дѣтей не будетъ: а будетъ такія ихъ племянницы съ тѣхъ вотчинами выдѣлывать замужъ и будуть у нихъ дѣти, и тѣ вотчинъ дѣтамъ иль, и которая помруть въ дѣвкахъ, или въ замужъ вышедъ, а дѣтей у нихъ не будетъ, и такихъ вотчинъ отдавать теткамъ же ихъ».

СТАРШІЙ.

Вотъ вами и все.

МЛАДШІЙ.

И подлинно—все.

СТАРШІЙ.

Что же вы послѣ этого изволите сказать?

МЛАДШІЙ.

Я не знаю, что вы противъ меня скажете, а я смыю доложить, что противъ этого никому и рта отворить нельзя, не согласясь на то, что я уже сказалъ.

СТАРШИЙ.

Вы шутите, а здесь шуткамъ не место!

МЛАДШИЙ.

Совсѣмъ напротивъ. Какъ бы этотъ боярской приговоръ ни быть основателемъ на предыдущее время къ решенію по нему дѣлъ, но къ существу нашего дѣла онъ никакого отношенія не имѣть.

СТАРШИЙ.

Почему же такъ?

МЛАДШИЙ.

А вотъ почему: уложенная статья и указъ 7184 года говорить о родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ.

СТАРШИЙ.

Точно такъ.

МЛАДШИЙ.

Указомъ же 7185 года новаго: давать при тетевахъ только братамъ дочерямъ, а ихъ племянницамъ одинъ выслуженный вотчини; следовательно, до родовыхъ онъ не касается: то поэтому на родовые должны действовать законы, прежде его состоявшіеся. Но у насъ дѣло идетъ о родовой вотчинѣ: следовательно, онъ къ нашему дѣлу никакого отношенія не имѣть, а должно действительнымъ оставаться то, что сказано уложенія 2-й статьи въ 1-мъ отданіи и указѣ 7184 года на 7-ю статью. какъ на немъ основанномъ и болѣе объясненномъ.

СТАРШИЙ.

Не понимаю, какъ это у меня мимо ушей пролетѣло. Однако же вы соглашитесь, что этимъ указомъ 7-я статья указа 7184 года вся отставлена.

МЛАДШИЙ.

Теперь нужно посудить о важности этого 7185 года боярского приговора.

СТАРШИЙ.

Что жъ тутъ нужно было знать?

МЛАДШИЙ.

Вотъ что: въ уложеніи сказано, что въ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ тетка съ племянницей вотчины; а указомъ 7184 года предписано было и то, какъ ихъ между ими раздѣлить.

СТАРШІЙ.

Пусть такъ.

МЛАДШІЙ.

Но въ 7185 году боярскимъ приговоромъ велико: давать при теткахъ и мачехахъ высужденныхъ вотчины.

СТАРШІЙ.

Правда.

МЛАДШІЙ.

Слѣдовательно, имъ виѣсть съ отмѣненіемъ указа 7184 года въ разсужденіи высужденныхъ вотчинъ отмѣнена и сила уложенная.

СТАРШІЙ (думаетъ).

МЛАДШІЙ (перерывая молчаніе, говорить въ судѣ).

Не угодно ли приказать прочесть указъ 1714 года июня 15-го дnia: такъ, кажется, объ этомъ что-то сказано.

СТАРШІЙ.

Да, да!!!

СУДЬЯ (къ секретарю).

Читайте.

СЕКРЕТАРЬ (читаетъ).

«Ревнуя закону Божіему, дабы во всѣхъ отъ Бога даванныхъ ЕГО ЦАРСКОМЪ величеству государствахъ судь быль повсюду равный, безъ богопротивного лицемѣрия и противная истинѣ проклятныя корысти, повелѣть всякаго чина судилищъ всякия дѣлать и воронить всѣ по уложению; а по указаниемъ пунктахъ и сепаратными указами отиудь не дѣлать, развѣ тѣхъ дѣлъ, о которыхъ въ уложеніи и маю не упомянуть, а учинены на то не въ премѣну, но въ дополненіе уложения новоуказанные пункты. И того ради тѣ пункты приемлются во исполненіе онаго законнаго уложения, дондеже оное уложение для ведомъныхъ въ немъ рѣшительныхъ пунктовъ исправлено и въ народъ публичовано будетъ, понеже въ уложеніи того не обрѣтается. А тѣ всѣ указы, которые учинены не въ образецъ, также которые учинены противно уложению, и прочие тому подобные, хотя помѣчены именами указы и налаженныи приговоры, всѣ отставить и на примѣръ не выписывать».

младший.

Вотъ извольте послѣ этого посудить о силѣ боярскаго приговора 7186 года.

старшій (секретарю).

Да, нѣть-ли чего даѣте въ законахъ?

СЕКРЕТАРЬ.

Есть, да, кажется, все то же.

СУДЬЯ.

Однакожъ пожалуй-ка прочти.

СЕКРЕТАРЬ.

Указа 1731 года марта 17-го, въ статьѣ 2-й по назначеніи участій женамъ косѣй мужей, мужьямъ послѣ женъ и дочерямъ послѣ отцовъ при братьяхъ сказано: «Прочие всѣ раздѣля между дѣтьми и родственниками мужескимъ и женскимъ поломъ, чинить по уложенію».

младший.

А о новоуказанныхъ статтяхъ и слова нѣть.

СЕКРЕТАРЬ.

Изволите услышать.

СУДЬЯ.

Ну, что еще?

СЕКРЕТАРЬ.

Тутъ же въ статьѣ 6-й (читается): «Прочія невершенныя и вновь начи-нающіяся дѣла дѣлать и рѣшить по сему указу и по уложенію, и по ново-указаннымъ статтямъ, которыя учинены въ дополненіе уложенія, и приняты къ законному уложенію, а не въ противность».

старшій.

И подлинно, это одно только подтвержденіе указа 1714 года, о уничтоженіи новоуказанныхъ статей, противныхъ уложенію.

СЕКРЕТАРЬ.

Болѣе на эту матерію законовъ нѣтъ.

СТАРШІЙ (къ младшему, съ видомъ учтивости).

Послѣ всего этого мы ничего не остается, какъ просить у васъ прощеніе: можетъ быть, я при нашихъ преніяхъ и сказалъ вамъ что нибудь лишнее.

МЛАДШІЙ (съ тою же учтивостію).

О! сдѣлайте милость, не извольте беспокоиться; это все происходило между нами отъ усерднаго желанія исполнить нашу обязанность, а пословица говорить: «Ошибкается можно, да въ ошибкѣ признаться должно». Стало, это уже и кончено. А съ другой стороны еще и то говорится: должно то извинить, что можно усерднѣемъ замѣнить. И такъ, остается намъ только исполнить общему нашему намѣренію, чтобы рѣшить это дѣло по точной силѣ и словамъ законовъ.

СТАРШІЙ.

По моему, дѣлу кончано: въ раздѣлѣ имѣнія теткѣ съ племянницей поступить по словамъ указа 7184 года, основывающагося на уложеній статьѣ.

СУДЬЯ.

О! пожалуйте! это слишкомъ скоро и отважно. Извѣстно, что дѣла по силѣ указа 7185 года, съ состоянія его, рѣшились противно вашему заключенію: то какъ же можно подумать, чтобы всѣ прежде васъ бывшіе ошибались?

СТАРШІЙ.

Что дѣлать, сейчасъ читано, что примѣры, чьи бы то ни были, не законъ; я противъ закона не смѣю ничего ни думать, ни говорить.

СУДЬЯ.

Какъ бы то ни было, но мы позовольте взять нѣкоторое время на размышленіе; я въ недоумѣніе прихожу. Какъ это? Указъ 7185 года дѣйствовалъ иначе, нежели вы полагаете, и если мы заключимъ противное, то чтобы намъ грубо не ошибиться.

МЛАДШІЙ.

Кажется, не изъ чего будетъ сдѣлать такого заключенія обѣ нась.

СУДЬЯ.

Притомъ думать надобно и о томъ, что мы такимъ рѣшеніемъ наведемъ неудовольствіе тѣмъ племянницамъ, которыхъ привыкли этимъ правомъ тѣль долго пользоваться, между тѣмъ, какъ тетки обѣ этомъ молчали.

младший.

Что же дѣлать, когда законы насъ обязываютъ въ отправленіи правосудія поступать безъ лицепріятія!

старшій.

И безпрестанно подтверждаютъ, чтобы отдавать каждому ему принадлежащее; а притомъ тетка, которая имѣтъ о правѣ своемъ просить, тѣмъ не виновата, что другія обѣ этомъ молчали и тѣмъ права своего лишились.

судья.

При всемъ этомъ, позовите мнѣ посовѣтоваться съ кѣмъ нибудь знающею меня въ этихъ дѣлахъ.

младший.

Это какъ вамъ угодно.

судья.

А естьли и тогда не рѣшусь, то не лучше-ли будетъ представить въ верхнее мѣсто, чтобы оно меня разрѣшило?

СЕКРЕТАРЬ.

Да и генерального регламента въ главѣ 6-й сказано (читаетъ): «Наимаче надлежитъ того смотрѣть, ежели дѣла сомнительны и какого изысканія требующія, чтобы не скоро спѣшить вершеніемъ, но по изобрѣтенію дѣла и обстоятельству напередъ или сенату докладываться, или справиться откуда надлежитъ».

младший.

Хотя по законамъ и вѣдѣно представлять въ вышнія мѣста, а имъ докладываться государю, но въ такихъ только случаяхъ, когда въ законахъ покажется темно, или на что законовъ нѣтъ; а на что есть въ законахъ ясны предписавія, о томъ наистрожайше запрещается представлять и тѣмъ требовать указа на указъ (Указъ 1722 года апрѣля 17-го о храненіи гражданскихъ правъ); взять же время на разсмотрѣніе дѣла, конечно, вамъ отказать въ этомъ не можно.

старшій.

Справедливо: тѣмъ осторожнѣе, тѣмъ лучше.

судья (къ протоколисту).

Запишите въ наимѣнишемъ журналь, чтобы по этому дѣлу имѣть дальнѣйшее разсужденіе въ другое собраніе.

ПРОТОКОЛІСТЬ (пишеть журналъ такъ):

1809 года декабря 21-го дnia.

Въ Пансионской уѣздной судь прибыла по полуночи господа:

уѣздный судья } въ 6-мъ часу.
засѣдатели }

Служащіи:	Когда приговоры прѣплены.	Когда испол- нены.
Выписку по прошеніямъ титуллярного совѣтника Семена Иванова сына Добромыслова жены Аны Свѣдоровой, и коллежскаго совѣтника Ивана Гаврилова сына Разсудова жены-жъ Мары Петровой дочерей, о недвижимомъ имѣніи Пансионского округа въ селѣ Ивановскомъ съ деревнями, Приказали: по открывшемуся сомнительству, на основаніи генерального регламента 6-й главы, оять разсужденіе въ другое собрание.		

(Потомъ, подписавши, подаетъ секретарю).

СЕКРЕТАРЬ (то же сдѣлавши, къ судью)

Не угодно ли подписать нынѣшній журналъ?

СУДЬЯ.

Читайте!

СЕКРЕТАРЬ (прочитавши съ начала до конца, вкладетъ протоколъ къ подписанію предъ уѣзднаго судью. Онь, подписавши, подаетъ старшему, сей—младшему, а младшему отдаетъ протоколисту и потомъ все вставаютъ въ рѣходателя).

Примѣчаніе. «Судебное дѣйствіе», напечатанное здѣсь, было издано въ 1809 году, въ 4-ю д., 25 стр., и сообщено наимъ А. С. Настоящимъ. Мы сочли его нелишнимъ перепечатать, такъ какъ оно весьма живо воспроизводить бумажное, безконечное и безгласное судопроизводство недавней старины: еще въ первой четверти текущаго столѣтія суды въ Россіи должны были справляться съ боярскими приговорами крестьян Михаила Федоровича и учащемуся юношеству, будущими судьямиъ, доясь на основаніи «Уложенія» царя Алексея Михайловича, решать юридические вопросы, какие могла имъ представить ихъ будущая судебная практика.

Ред.

и вооружение; религиозные понятия; изменение времени; народные праздники; народное творчество; наука о общих выводах о древнем бытъ западныхъ финновъ.

Труды этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московскомъ университѣтѣ. Книга V, вып. I. Подъ ред. Н. А. Попова. стр. 221. Москва 1877. Ц. 2 р. 50 к.

Весь настоящій томъ занятъ матеріалами, относящимися къ этнографии Архангельской губерніи и сообщенными въ означеннемъ обществомъ г. Ефименко, давно уже извѣстными въ нашей этнографической литературѣ школьными подобными трудами. Этотъ матеріалъ распределенъ по следующимъ отдѣламъ: общія свѣдѣнія о населеніи; наивысшия обстановка; одежда и обувь; пища и питье; свадебные обряды; обряды и игры въ теченіе года; нравы, выѣзданія, суеты, гаданія, примѣты; народное врачеваніе; раскольѣ среди сельского населенія. Во второй выпускѣ, уже печатающійся, войдутъ: народный языкъ и словесность. Само собою понятно, что эти легкія указания далеко не исчерпываютъ всего богатства матеріаловъ, заключающихся въ означеннемъ собраніи. Общество предполагало сначала представить обработку ихъ подъ заглавиемъ «Описаніе Архангельской губерніи въ историческомъ, экономическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ»; но оставилъ эту мысль по разнымъ соображеніямъ. Конечно, издание матеріаловъ въ настоящемъ видѣ имѣть и свою преимущества, если имѣть въ виду постоянное наполненіе новыхъ матеріаловъ и отчасти исполнитъ сообщенія данныхъ для извѣстныхъ иѣстостей. Во всякомъ случаѣ, труды г. Ефименко заслуживаютъ того, чтобы на нихъ было обращено должное вниманіе.

Указатель къ неофиціальной части Университетскихъ (киевскихъ) Извѣстій за 1861—1877 года. Киевъ. 1878. 45 стр.

Настоящий указатель даетъ полный перечень научныхъ статей, помѣщенныхъ въ Извѣстіяхъ за все время ихъ существования по 1877 г. включительно, а также всѣхъ статей касающихся состояния университета св. Владимира и его учрежденій.

Изданія Московскаго главнаго архива министерства иностраннаго дѣлъ 1877—1878 гг.

Въ концѣ прошлаго года архивъ издалъ: «Очеркъ дѣятельности комиссіи печатанія грамотъ и договоровъ, состоящей при немъ» (207 стр. Ц. 1 р.). Въ этотъ очеркъ входятъ: записка о дѣятельности комиссіи (составлен. г. Асмономъ), существованіе которой тѣсно связано съ именемъ незабвеннаго дѣятеля по русской археографіи гр. Н. П. Румянцева, и отчеты архива за 1873—1877 гг. Помимо собственно офиціального интереса, заключающагося въ послѣдникахъ, въ нихъ можно найти свѣдѣнія о новыхъ приобрѣтеніяхъ архива и занятіяхъ въ немъ нашихъ ученыхъ. Весьма жалко, что бы Московскій архивъ не замедлилъ также изданіемъ исторіи этого важнаго учрежденія, къ составленію которой уже приступлено теперь, но въ которую вошли бы возможно полныя свѣдѣнія о матеріалахъ, хранящихся въ архивѣ, такъ какъ едва ли можно ожидать въ скоромъ времени появленія въ свѣтѣ систематическаго описанія самаго архива, хотя въ его распоряженіи находятся уже прекрасныя описи Н. Н. Бантиша-Бакеневскаго и реестры позднѣшнихъ приобрѣтеній этого учрежденія.

Въ то же время означеннная комиссія занималась перепечаткою прежніхъ своихъ изданій, какъ-то Памятниковъ рос. словесности XII вѣка, Калайдовича, Древнихъ рос. стихотвореній, собранныхъ Киршею Даниловымъ, и издала уже вновь: Законы В. Е. Иоанна Васильевича и внука его Царя Иоанна Васильевича. (XIX +76. Ц. 1 р.), съ предисловіемъ М. Строгова и Е. Калайдовича. Новое изданіе привѣено по подлиннымъ спискамъ, составляющимъ собственность того же архива. Кроме того, комиссія печатаетъ каталогъ славяно-русскихъ книгъ церковной печати библиотеки того же архива, съ 1517—1821 годъ. Въ виду вновь оживившейся дѣятельности комиссіи, можно помечать, что она привлана себя трудъ окончить V-й томъ Собр. госуд. грамотъ, печальная история котораго такъ подробно рассказана въ очеркѣ дѣятельности комиссіи, и отпечатана бы письма Калайдовича объ археологическихъ, исследованіяхъ въ Казанской губ. (1823 г.).

В. И.—въ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
1879 Г.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большия тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, также со стишками и рисунками—ВОСЕМЬ руб., съ пересыпкой.

Подписка принимается для городскихъ подпischчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старинѣ“ на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиного двора, при книжномъ магазинѣ Николы Ив. Мамонтова, д. № 46. Въ Москвѣ—въ отдаленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: И. Г. Соловьевъ, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и Ник. Ив. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

~~Гг.~~ Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Поляческую, близь Екатерининского канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ“ помышдаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдаленыхъ эпохахъ и событияхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вековъ.—III. Историческіе материалы изъ архивовъ и частныхъ собраний.—IV. Жизнеописанія и новые материалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусства и материалы къ нимъ: изданныя почему-либо въ свое время произведенія выѣтныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, мѣткі, дневники.—VI. Библіографическія замѣтки о рус.-исторической литературѣ.—VII. Историческіе разсказы, преданія и анекдоты.—Характерныя человѣтныя, домашніе дневники, переписка, захѣты и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени VIII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни.—Стихи и пѣсни духовные и сектантскіе.—Замѣтки и визитки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ и поверьяхъ русскаго народа.

IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн. съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1876 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами. 8 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ девятый.

ДЕКАБРЬ.

1878 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Записки Тьебо, берлинского профессора и академика, 1765—1785 гг. Глава IV. Переезд и сообщ. съ примѣчаніем Д. Д. Рябинина (Окончаніе).	575	скій.—Переходъ на службу изъ Симбирска въ Кіевъ.	631
II. Журналъ воспоминаний В. Н. Зиновьева, 1785—1790 гг. Сообщ. Н. П. Барышниковъ. Примѣчанія его и кн. А. Б. Лобанова-Ростовского (Окончаніе).	593	IV. Историческіе материалы, повѣтнія, письма и замѣтки: 1. Императорица Екатерина II: ея поездѣнія и резолюціи: О геригутерахъ.—По поводу неурожая.—О покупкѣ суконъ съ россійскихъ фабрикъ.—О строеніяхъ (712). 2. Илько Григорія Потемкина въ Екатеринѣ II, 1769 г. (716). 3. Повѣтнія Екатерины II о пасторалѣ, 1786 г. (717).	
III. очерки, разсказы и воспоминанія Э.....		4. Замѣтки З, и г. Дика (710). V. Приключение Густава III, стихотвореніе Василия Петровича Петрова, 6-го юля 1788 г. Сообщ. съ предисловіемъ П. А. Ефремовъ	719
..... ва. V. Жизнь и служба въ Симбирскѣ, 1834—1837 гг.—Поступление въ жандармы.—Пріѣзда въ Симбирскѣ.—Попытки къ примиренію губернатора съ обществомъ.—Щекотливое дѣло.—Новый губернаторъ, Иванъ Степановичъ Жирковичъ.—Быть защанъ татаръ.—Императоръ Николай Павловичъ въ Симбирскѣ.—Ссыльные.—Княжна Тамара.—Графъ Мошинскій.—Разрушение раскольнической обители.—Быть удѣльныхъ крестьянъ въ Сызранской уѣзде.—Казни.—Гр. Л. А. Перовъ		VI. Князь Василий Луничъ и Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковы, обезглавленные въ 1739 г. Захѣтка къ портретамъ ихъ при «Русской Старинѣ».	735
		VII. Библиографический листокъ русско-историческихъ книгъ. Сообщ. профес. В. С. И—въ (на оберткѣ).	

ПРИЛОЖЕНИЯ. Указатель яичныхъ имёнъ въ XXIII-мъ томѣ «Русской Старинѣ».

Открыта подписька на историческій журналъ: «Русская Старина» 1879-го года [девятый годъ изданія]. Цѣна за 12 книгъ съ портретами и проч. приложеніями восемь руб.

Можно получить «Русскую Старину» 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.), 1877 г. и 1878 г. Цѣна каждого года въ 12-ти книгахъ съ гравированными портретами **по 8 руб.** съ пересыпкою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.

1878.

XII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го декабря.

Библиотека "Руниверс"

Историко-юридические материалы, извлеченные изъ актовых книг губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ Центральномъ архивѣ въ Витебскеѣ пізд. подъ ред. архиваріуса Созонова. Выпукъ VII. 1876. Витебскъ. 511. Вып. VIII. 1877. 530. Ц. 4 р.

Дѣятельность Витебскаго архива мало известна въ нашей печати, а между тѣмъ она заслуживаетъ мненія широкаго вниманія. Въ теченіиъ нѣсколькоихъ лѣтъ этотъ архивъ успѣлъ издать уже посемь полновѣсныхъ томовъ актовъ, многіе изъ которыхъ вносятъ новые дѣйныя въ науку. Большая часть первыхъ шести томовъ (вышедшихъ въ 1871—1875 гг.) занята приходо-расходными книгами города Могилева (1679—1689 гг.), весьма важными для экономической истории этого края. Другіе акты касаются исторіи різныхъ классовъ общества, преимущественно городскаго: сюда относится королевскія привилегіи городамъ и цехамъ и акты о копныхъ мѣщанахъ—въ I томѣ, польскихъ судахъ обращающіе на себя вниманіе дѣла о кодексѣ, о кадахъ и т. п. Эти акты извлечены изъ польского и витебскаго земскихъ судокъ въ подлоцкагомагистратѣ. Но особенною вниманіемъ заслуживаютъ: дѣло объ оскорблѣніи лоясиста Кунцевича гражданами Могилева (томъ II); актъ о копныхъ судахъ (VI), дающій поправку къ выводамъ по-войного Иванишевъ; актъ 1677 г., устанавливавшій на существованіе ординарій въ концѣ XVII вѣка, наконецъ, акты, свидѣтельствующіе о примененіи въмагистратскихъ судахъ лято-польско-руssкаго края польскіхъ кодексовъ.

Въ VII-мъ и VIII-мъ томахъ этогоизданія продолжаются приходо-расходные книги города Могилева (1690 и 1691 гг.) и помѣщено 167 новыхъ актовъ за 1577—1637 гг. По своему содержанію, это жалобы, судебные определенія, явки, акты о выборахъ должностныхъ лицъ, городскія распоряженія, тѣбы, бракоразводныя дѣла, королевскія привилегіи, смертные приговоры за убийства, прелюбодійніе и прому (например, ложада); весьма много актовъ о корчевствѣ. Болѣе важны и интересны дѣйныя, сообщаемыя актами о цеховомъ устройствѣ и городскомъ управлѣніи, и материалы, относящіеся къ семейному праву и въ частности къ праву брачному. Иль никакъ

видимъ, что бракъ совершился поже: то, договоръ между брачущимися, поданныи первѣю епѣтской юстицію: первыя въличаніе когда съединять и не съединять въ заключеніи брака, не видааъ его законность. Съ таково же споди свободна въ супружествѣ вырижаеся и въ дѣлѣ о разводѣ. Наконецъ, въ томъ же времени акты, свидѣтельствующіе о владѣніи церковныхъ отчиненіяхъ, включающихъ въ край подъ вниманіемъ упін.

Къ сожалѣнію однако, изъ актовъ Витебскаго архива не привлекутъ вниманія, указателей.

При этомъ считаешьъ дѣланіе обрати вниманіе читателей на весьма обстоятельный рецензіи всѣхъ восьми томовъ этихъ собраний, принадлежащія професс. П. А. Жирскому-Буданову и подъщенному Университету. Извѣстіяхъ 1877 г. (№ 3) и 1878 года (№ 4), въ которыхъ ясно выявленіе паданныхъ матеріаловъ, подлежащихъ разсмотрѣнію важнѣйшіе изъ нихъ и, можно сказать, исчерпывающіе существенное значение польской для науки.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. IV. 1448 (столбцовъ текста +236 (столбцовъ указателя)+24 стр. (плюс изчапій). Спб. 1878. Ц. 3 р.

Весь этотъ томъ посвященъ шляхтической поэтической литературы въ Заславской Руси, составляющей по большинству староечатанные сочиненія, заключающія въ себѣ, помимо литературного интереса, много историческихъ данныхъ, иногда и документовъ XVI и XVII вѣковъ. Сюда входитъ: дѣянія Визенскаго собора 1509 г., впервые изданные въ полномъ текстѣ; зѣние Кіевскаго собора 1640 года, по рассказу Касима Соколовича, представляющіе собой полныя свѣдѣнія объ этомъ соборѣ, проруко берестенскаго пчуга Альксандра Филипповича, сданаго поляками въ 1648 году (въ предложении къ IV тому Библіотеки, стр. VI, — очно поставляемо 1648 года, хотя въ самомъ текстѣ правильно), изданный поручениемъ сподвижной библіотеки, — благатѣйшѣй для исторіи религіозной борьбы въ вѣтвѣско-польскомъ государствѣ, обѣгавшей Европу, унатскаго архим. Льва Краснаго и Поляководія или книги обѣгавшей кафолической, кіев. Іерониміи Захарія Е.

ЗАПИСКИ ПРОФЕССОРА-АКАДЕМИКА ТЬЕБО

1765—1785 гг.

VI¹⁾.

■■■■■уковские литераторы въ гостяхъ у русской государыни: Дидро, Бюффонъ
■■■■■ий и Мерсье де-Ларивьеरь.—Екатерина II—членъ Берлинской академіи
наукъ.—Академическая кандидатура Моисея Мендельсона.

.... Въ свое время разнеслась въ Берлинѣ вѣсть о путешествіи
■■■■■ро (Diderot) въ Россію²⁾. У насъ толковали, будто не импера-
■■■■цю, а имъ самимъ было выражено желаніе, чтобы совершилось
■■■■ путешествіе: онъ, будто бы, просилъ своего пріятеля князя Го-
■■■■шина, русскаго посланника въ Шаріжѣ³⁾, замолвить слово госу-
■■■■дѣнѣ о стремлениі его, Дидро, повергнуть къ ея стопамъ изъ-
■■■■чествъ своей преданности, признательности и благоговѣйного
■■■■членія; а она просто отвѣчала, что если г. Дидро пріѣдетъ въ
■■■■бербургъ, то ей будетъ пріятно съ нимъ увидѣться. Онъ туда и
■■■■правился вмѣстѣ съ другимъ русскимъ княземъ⁴⁾, который пла-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XX, стр. 507—522; 477—500.
1878 г. томъ XXIII, стр. 477—498.

²⁾ Дидро (Denis Diderot), род. въ 1719 г., ум. въ 1783 г. О путешествіи
■■■■■ въ Россію, состоявшемся въ 1773—1774 гг., изложены интересныя подробнѣ-
■■■■■и въ статьѣ М. Ф. Шугурова, въ I-й кн. «XVIII в.».

³⁾ Князь Дмитрій Алексѣевичъ Голицынъ, бывшій посланникомъ сперва
■■■■■ Шаріжѣ (въ 1760 г.), а потомъ, въ теченіи тридцати лѣтъ, въ Нидерландахъ.
■■■■■ Онъ былъ болыпой пріятель Гельвеція и велъ переписку съ Вольтеромъ.
■■■■■ 15-го мая 1734 г., ум. 1799 г., въ чинѣ тайного совѣтника. Жена его,
■■■■■ дочь Аделанда-Амаліи, дочь прусскаго генерала Шметтау (род. 17-го авг.
■■■■■ г., ум. 1806 г.), имѣла познѣчность въ вѣмецкой литературѣ, славицась
■■■■■ честностью и дружбою съ многими изъ зваменитыхъ современниковъ.
■■■■■ «Россійск. родосл. книгу» кн. Долгорукова, т. I, стр. 313).

⁴⁾ См. Нарышкинъ.

Д. Р.

37

тиль путевыя издержки. По пріездѣ, Дидро бытъ очень хорошо принять и снабженъ всѣми средствами содержанія на время своей бытности въ Петербургѣ, гдѣ онъ не мало забавлялъ (amusait) императрицу плодовитостью и пылкостью своего воображенія, богатствомъ и оригинальностью мыслей, также краснорѣчіемъ, смѣшъю и задоромъ, съ которыми онъ открыто проповѣдывалъ безбожие. Тѣмъ не менѣе, кое-кто изъ придворныхъ сановниковъ, постарше другихъ лѣтами, поопытнѣе и помнительнѣе, представили вниманію государини и убѣдили ее, что подобная проповѣдь могла бы привести опасныя послѣдствія, въ особенности при дворѣ, гдѣ много-людная молодежь, предназначаемая къ высшимъ государственнымъ должностямъ, способна усвоить себѣ такое зловредное ученіе, болѣе увлекаясь юношескою восприимчивостью, нежели склоняя умозаключительнымъ выводамъ. Тогда,—говорятъ,—императрица выразилъ желаніе, чтобы побудили Дидро къ молчанію о подобныхъ вопросахъ, но чтобы сдѣлали ему это внушеніе подъ рукой, т. е. безъ всякихъ видимаго съ ея стороны участія и безъ принудительныхъ мѣръ. Всѣдѣ затѣмъ, однажды вечеромъ сказали французскому философу, что одинъ русскій мыслитель, ученый математикъ и почетный членъ академіи, предлагаетъ доказать ему бытіе Божіе посредствомъ алгебраической формулы, при всемъ дворѣ, и такъ какъ Дидро заявилъ, что будетъ очень радъ выслушать эти доводы, которымъ, однакожъ, онъ заранѣе не вѣрить, то назначили день и часъ для предстоящаго иренія. Въ условленное время, въ присутствіи всего придворнаго общества, гдѣ было много молодыхъ людей, русскій философъ съ важностю подошелъ къ французскому и вогласилъ, тономъ убѣжденія: «Милостивый государь, $\frac{a-l-b}{z} = X$; склонительно, Богъ существуетъ: отвѣчайте-же». Дидро собрался было обличать несостыдительность и неприложимость этого доказательства, но, чувствуя нѣвольное смущеніе, обыкновенно ощущаемое въ тѣхъ случаяхъ, когда мы замѣчаемъ у другихъ намѣреніе посмѣяться на нашъ счетъ, не могъ избѣгнуть заготовленныхъ на этотъ случай шуточекъ; а такъ какъ это приключение заставило его опасаться еще другихъ подобныхъ, то онъ, недолго спустя, изъявилъ желаніе возвратиться во Францію, при чѣмъ императрица вызвалась принять дорожныя издержки на себя. Онъ получилъ 50,000 франковъ и отправился въ путь. Около Риги изломалась у него карета и онъ получилъ отъ тамошняго губернатора деньги на починку.

Я не ручаюсь за дѣйствительность или точность всѣхъ этихъ

фактъ, но на Съверѣ они смыли достовѣрными, и я передалъ ихъ въ томъ видѣ, какъ самъ слышалъ.

Путешествие Дидро въ Россію напоминаетъ мнѣ еще два подобныхъ, не имѣвшихъ лучшаго исхода. Императрица, которая очень любила ласкать знаменитыхъ людей, потому что это возвышало собственную ея славу, велѣла передать Бюффону, что, не надѣясь видѣть его самого, она желала бы, по крайней мѣрѣ, имѣть его биѣсть. Бюффонъ исполнилъ эту лестную для него просьбу, но счѣгъ за лучшее поручить своему сыну, чтобы онъ отправился лично поднести ею биѣсть государынѣ.

Всѣ личности, близкія ко двору и посвященные во всѣ наступающія новости, утверждали въ одинъ голосъ, что Бюффонъ-сынъ удостоился хорошаго приема, но не произвелъ благопріятнаго впечатлѣнія ни отъѣтами своими, ни даже познаніями, такъ что на его счетъ острили въ Петербургѣ, будто изъ присланныхъ Бюффономъ двухъ коней съ своей особы—ираморная походила на него болѣе живой и стояла вышецѣны. Сынъ Бюффона, на возвратномъ пути, заѣзжалъ въ Берлинъ на нѣсколько дней, но и здѣсь ему не очень вѣчастливилось. Король о немъ не проронилъ ни слова,—не знаю даже, видѣль-ли его¹⁾.

Еще прежде Дидро, бывъ гостемъ Петербурга де-Ларивье²⁾, почетный членъ парижскаго парламента, известный экономистъ, авторъ книги: «О естественномъ и существенномъ порядкѣ обществъ (De l'ordre naturel et essentiel des sociétés), умный человѣкъ, представительной наружности, весьма живой и пріятный въ бесѣдѣ,—еще болѣе нежели въ своихъ сочиненіяхъ. Де-Ларивье познакомился съ княземъ Голицынымъ, русскимъ посланникомъ въ Парижѣ, не задолго до того времени, когда Екатерина, соревнуя по возможності (!) Фридриху, вознамѣрилась даровать новое уложеніе своей простиранной имперіи. Но при этихъ предначертаніяхъ, она, конечно, не могла довѣрять однѣмъ собственнымъ свѣдѣніямъ въ дѣлѣ столь исключительно важнѣйшемъ, хотя и переполнена своими замѣтками экземпляры «Духа законовъ» Монтескіе и «Политическихъ учрежденій» барона Бильфельда, находившіеся въ ея собственной библіотекѣ. Завѣтая этими соображеніями, она отнеслась къ князю Голицыну съ

¹⁾ Знаменитый натуралистъ Бюффонъ (George-Louis-le-Clerc, comte de Buffon) род. 1707 г., ум. въ 1788 г. Сынъ его, упоминаемый здѣсь, служилъ кавалерійскимъ полковникомъ и въ послѣдствіи погибъ на революціонномъ эшафотѣ.

²⁾ Mercier de-la-Rivière былъ прежде интендантомъ въ Мартиникѣ. Поѣзда его въ Россію состоялась въ 1767 году.

Д. Р.

вопросомъ: не можетъ ли онъ заручиться необходимымъ ей на то время содѣствиемъ человѣка истинно-даровитаго и достойнаго довѣрія къ его познаніямъ по данному предмету. Князь указалъ г-ну де-Ларивье, расхваливъ его до-нельзя. Договоръ съ послѣднимъ былъ заключенъ и утвержденъ, съ условіемъ, что онъ явится къ императрицѣ прежде срока, назначенаго для собранія въ Москвѣ депутатовъ изъ всѣхъ областей имперіи.

Въ минуту отѣзда Ларивье, г-жа де Мор*** (*la-mme de Mor****), очень милая и любезная дама, связанная съ нимъ тѣсной дружбой, не могла рѣшиться пустить его одного на жертву всѣхъ опасностей дальн资料 пути; съ своей стороны, и жена его обнаружили не менѣе участія къ здоровью мужа, который тоже былъ не въ силахъ противиться столь нѣжной внимательности,—такъ что, въ заключеніе всего, они пустились въ дорогу втроемъ.

По пріѣздѣ путешественниковъ изъ Парижа въ Берлинъ (гдѣ и часто имѣлъ честь ихъ видѣть), они отдыхали тамъ болѣе мѣсяца, прежде чмъ собрались съ духомъ углубиться даѣе на сѣверъ. А между тѣмъ, императрица, желавшая видѣть ожидаемаго путешественника только для того, чтобы посовѣтоваться съ нимъ на счетъ проекта уложенія, приготовленнаго для сословныхъ депутатовъ, приходила въ нетерпѣніе и досадовала. Наконецъ, не задолго передъ наступленіемъ дня открытия собранія, — она уѣхала съ своимъ проектомъ въ Москву, открыла въ опредѣленный срокъ засѣданіе депутатовъ¹⁾ и внесла проектъ на ихъ обсужденіе. Г. де-Ларивье прибылъ въ Петербургъ чрезъ семь или восемь дней послѣ отѣзда императрицы; никакихъ относительно себя распоряженій онъ не засталъ и когда выразилъ желаніе отправиться въ Москву, ему отѣчали, что онъ не можетъ этого сдѣлать: о его пріѣздѣ посыпало государынѣ донесеніе и возвратившійся отъ нея курьеръ привезъ съ собою только приказаніе, чтобы де-Ларивье остался, въ ожиданії, на мѣстѣ. Для него и сопутствовавшихъ ему дамъ это ожиданіе заняло цѣлый безконечный мѣсяцъ нетерпѣнія и скучи, не включая въ счетъ ни поздняго раздумья, ни напрасныхъ сожалѣній. Чтобы развлечься, дамы упросили однажды де-Ларивье повесті ихъ въ маскарадъ, въ театральную залу; тамъ онѣ были узнаны и довольно невѣжливо интригованы разными замаскированными людьми. Дѣло заплюло такъ далеко, что имъ пришлось убраться оттуда. На бѣду, онѣ еще вздумали дѣлать розыски о своихъ обидчикахъ, вообразивъ, что откроются противъ себя какой-то заговоръ со стороны особъ

¹⁾ 30-го іюля 1767 г. Депутатовъ было 565 человѣкъ.

изъюющихъ вѣсъ, и надѣвали столько шума своими жалобами, что много прибавили себѣ враговъ. Возвращеніе императрицы не принесло съ собой никакой перемѣны въ ихъ положеніи: ни приказанія на ихъ счетъ, ни зова, ни какого либо вопроса. Де-Ларивьеръ рѣшился, наконецъ, испросить созволеніе ея величества на выѣздъ изъ ея владѣній для возвращенія во Францію. Тогда только онъ имѣлъ съ государыней разговоръ,—единственный за все время бытности его въ Россіи. При этомъ свиданіи обѣ стороны старались выдержать свое достоинство. О прошедшемъ не было высказано ни слова: никакихъ упрековъ или жалобъ, никакихъ сожалѣній. Весь разговоръ между собесѣдниками былъ таковъ: «М. г.,—сказала императрица, подходя къ де-Ларивьеру,—можете ли вы определить, какое, по вашему мнѣнію, лучшее средство хорошо управлять государствомъ?» — «Государыня, есть одно только: быть справедливымъ, т. е. поддерживать порядокъ, и заставить исполнять законы». — «Но на какомъ основаніи удобнѣе установить законы имперіи?» — «Есть одно лишь основаніе: естество вещей и человѣка» (*la nature des choses et des hommes*). — «Очень хорошe; но когда желательно дать законы народу, то какими правилами могутъ вѣрнѣе обозначиться тѣ, что лучше подходить къ дѣлу?» — «Давать или дѣлать законы, государыня? Но это такое дѣло, котораго Богъ не предоставилъ никому (*c'est une tâche que Dieu n'a laissé à personne*). Э! Что за твореніе такое человѣкъ, чтобы ему возмѣтать о себѣ, будто онъ призванъ и способенъ предписывать законы существамъ, которыхъ или вовсе не знаетъ, или же знаетъ недостаточно? И по какому праву установить бы онъ законы для существъ, которыхъ Богъ не обрекалъ ему во власть?» — «Въ чёмъ же полагаете вы науку государственного управлени?» — «Въ основательномъ изученіи, признаніи и примѣненіи природныхъ законовъ, столь явно начертанныхъ Богомъ въ самомъ устройствѣ человѣка, при его созданіи. Домогаться идти далѣе этого—было бы затѣй разрушительной и бѣдственной по своимъ послѣдствіямъ» (*une entreprise destructive*). — «Милостивый государь, я очень доволъна, что вѣсъ слышала: желаю вамъ доброго здоровья» (*je vous souhaite le bon jour*). Императрица была столько удивлена и какъ бы возмущена такими отвѣтами, что послѣшла прекратить разговоръ, чтобы не выказать своего замѣшательства, а потому бесѣда эта не повела за собой другихъ. Де-Ларивьеру выдано было денежное вознагражденіе согласно условіямъ, состоявшимся въ Парижѣ, и онъ отправился изъ Петербурга гораздо поспѣшнѣе, чѣмъѣхалъ туда. Въ Берлинѣ онъ пробылъ лишь нѣсколько дней. Король по прежнему, казалось, ничего о немъ не зналъ, однако, де-Ларивьеръ имѣлъ дол-

гіе разговоры съ принцемъ Генрихомъ, который всегда съ любезію разспрашивалъ прѣѣзжихъ изъ Россіи, и, разумѣется, не въ настоящемъ случаѣ ему пришлось услышать отголосокъ человѣка девользаго де-Ларивьеъ жаловался громко и горячо на все въ Россіи безъ изъятія: и на государыню, и на министровъ, и на всю страну. Я не разъ бывалъ изумленъ пылкостью и рѣзкостью его отзывовъ о нихъ¹⁾.

. . . Сама ли Екатерина II желала быть членомъ берлинской академіи, или Фридрихъ догадался, что она бы была бы полезна этимъ, и хотѣлъ, изъ любезности, сдѣлать ей пріятный сюрпризъ,—не знаю; только намъ, академикамъ, велико было назначить ее единогласно нашимъ собратомъ и вписать большими буквами въ членскій списокъ, помимо всякихъ степеней старшинства и всѣхъ имёнъ академиковъ, какъ почетныхъ, такъ и ординарныхъ, какъ дѣйствительныхъ наличныхъ, такъ и числящихъ иностранніхъ. Мы исполнили это провозглашеніе, перепечатали списокъ сего въ королевскому приказу, составили великодушный дипломъ почтительнѣшаго содержанія на имя ея императорскаго величества, и прислали купили ко всему этому письмо, въ высокопарныхъ выраженіяхъ исторженного удивленія передъ ея особой, ея правительствомъ и проектомъ свода законовъ, «который ей вдохновленъ собственнымъ геніемъ, въ уровень съ ея попечительностію о благѣ подданныхъ народовъ». При письмѣ приложили мы полный земплярь Записокъ (мемуаровъ) нашей академіи, въ роскошномъ исплетѣ, съ императорскимъ гербомъ. Потомъ все это было отписано къ прусскому посланнику въ Петербургъ, для всеніжайшаго поднесенія ея величеству. Одна вѣць надѣлала намъ жестокихъ потерь: у насъ не доставало шести или семи томовъ Записокъ берлинской академіи, съ 1748 по 1754 и 1755 гг.; ихъ нельзя было достать ни въ одной книжной лавкѣ и не имѣлось ни у кого

¹⁾ По другимъ свѣдѣніямъ, обстоятельства пребыванія въ Россіи де-Ларивье во многомъ переданы различно отъ этого разсказа; см., напримѣръ, Задори Сегюра (*Mémoires*, т. III, р. 34—35) и книгу Вейдемейера «Дворъ и изобрѣтательные люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII вѣка», ч. 1, стр. 70—71. Въ «Русскомъ Архивѣ» за 1867 годъ (стр. 369—381) помѣщены въ членѣніи семь Екатерины II къ генераль-аншефу и сенатору Ивану Федоровичу Бобову, которому взвѣено было начальствование въ Петербургѣ на времіе отсутствія императрицы, два письма изъ Москвы о де-Ларивье: подъ № XII (отъ 9-го октября 1767 г.) и подъ № XXII (отъ 7-го ноября 1767 г.). Изъ этихъ видно, что поѣзда въ Россію этого господина обошлась казнѣ въ 1767 г.

нась, а безъ нихъ едва не пришлось отмѣнить посылку, еслибъ не принцесса Амелія, сестра Фридриха: у ней оказались недостающіе томы и она согласилась ссудить ихъ, подъ условіемъ возврата при первой возможности.

Императрица милостиво приняла ^{наше} приношеніе и отдаила насъ картой Каспійскаго моря, снятой на ея глазахъ и выѣренной ею самой, какъ въ опредѣленіи формы, положенія и пространства этого моря, такъ и въ измѣрѣніи глубины водъ во всей его окружности и даже во многихъ мѣстахъ посреди самого моря, изслѣдованныхъ въ присутствіи государыни. Получивъ этотъ подарокъ, берлинская академія, пользовавшаяся доходами только отъ сбыта календарей и географическихъ картъ, сперва занялась лишь своими интересами. Мы разочали сколько подаренная карта, если ее хорошо выгравировать, могла бы доставить прибыли, и признали необходимымъ поскорѣе ею воспользоваться, если только не представится къ тому политическихъ препятствій. Для разрѣшенія сомнѣній по послѣднему вопросу, мы писали къ королю, который отвѣчалъ, что усматривается въ этомъ обстоятельствѣ со стороны своей академіи большую заботливость о ея выгодахъ, нежели о приличіяхъ; что для изданія карты потребно было бы не его королевское согласіе, а дозволеніе ея императорскаго величества; но испрашивать оное не представляется умѣстнымъ, изъ чего и слѣдуетъ, что академія должна свято хранить лестный и дорогой для нея даръ императрицы, но не дѣлать изъ него никакого другаго употребленія.

Вскорѣ за этимъ высоко-почетнымъ для академіи сопричисленіемъ къ ей царственной особы, открылось вакантное мѣсто въ классѣ умозрительной философіи, и король потребовалъ списокъ трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ онъ предполагалъ утвердить кого сочтеть достойнѣйшимъ избрания. Члены философскаго класса составили этотъ списокъ, отправленной затѣмъ въ Потсдамъ; но король возвратилъ его при жесткомъ письмѣ, гдѣ предлагалъ академіи обращать болѣе вниманія на составленіе вносимыхъ къ нему списковъ и предписывалъ сдѣлать новый. Второй былъ почти подобенъ первому: въ немъ перемѣнили одно только имя, и тогда король назначилъ послѣдняго изъ представленныхъ, но уже не удостоилъ академію письмомъ. Обстоятельство, раздосадовавшее короля, заключалось въ томъ, что во главѣ трехъ кандидатовъ, какъ въ первоначальномъ, такъ и въ другомъ спискѣ, былъ поставленъ еврей Моисей Мендельсонъ ¹⁾,

¹⁾ Моисей Мендельсонъ (Mendelson), известный многими философскими сочиненіями (а въ особенности подъ заглавiemъ: «Федонъ, или бесѣды о безсмертии души»), род. въ Дессау, въ 1729 г., ум. въ Берлинѣ, въ 1786 г. Д. Р.

и что внесение его кандидатомъ пришлось, по счету, первымъ всѣдъ за назначенiemъ русской императрицы. Фридрихъ былъ возмущенъ мыслью, что перво-принятый послъ нея академикъ могъ быть иъ жидовъ, и даже разсердился за представление о немъ,—не потому, чтобы не уважалъ Моисея Мендельсона какъ философа, и не по предразсудкамъ, но изъ опасенія, чтобы подобное сопоставленіе именъ не было сочтено въ Россіи, или даже при прочихъ дворахъ европейскихъ, за насмѣшку, либо, по крайней мѣрѣ, за крайнюю непочтительность. Классъ философіи не привѣтъ на видъ этия политическихъ соображеній, которыхъ я напередъ предугадывалъ, говоря, что императрица преградила къ намъ доступъ еврею. . . . Г. Бегель (Béguell), особенно настаившій на внесеніе его въ списокъ, поплатился за то въ послѣдствіи: его обошли назначенiemъ на директорскую вакансію.

VII.

Потемкинъ.—Его характеристика.—Сравненіе съ Орловымъ.—Поступки временщика съ своимъ родственникомъ, Березинъ, и съ прѣбывающими французами: Лафоесомъ и Дююномъ.

. . . . О Потемкинѣ мнѣ многое рассказывалъ секретарь русскаго посланника, князя Долгорукаго, Березинъ. По словамъ его и другихъ особы, Потемкинъ вовсе не былъ красавецъ и мало того, что некрасивъ лицомъ, а даже какъ-то страшенъ отталкивающимъ выражениемъ физиономіи; въ добавокъ, былъ косоглазъ и кривоногъ; за то имѣлъ замѣчательные ростъ, станъ и силу. Съ такими существенными достоинствами наружности соединялось еще одно: великолѣнѣйшіе волосы. Поэтому, на уборку и прическу ихъ употреблялся все время приема посѣтителей. Сидя въ своей уборной, за перегородкою изъ периль, вышиною въ половину человѣческаго роста, онъ видѣть передъ собой всѣхъ сановниковъ имперіи на вытяжкѣ, въ полномъ мундирѣ и орденахъ,—въ почтительномъ ожиданіи одного взгляда, или слова: «здравствуй». Съ кѣмъ изъ нихъ онъ хотѣлъ говорить, того удостоивалъ зовомъ по имени, причемъ весь привѣтъ и маска состояли изъ словъ: поди сюда (*padi-souda*), поди прочь (*padi-proche*); эти слова вызывали въ средѣ предстоящихъ мгновенное исполненіе, съ такимъ изгибомъ внизъ всего тулowiща, что руки касались пола. Временщикъ, не платившій никогда своихъ долговъ, распоряжался всѣмъ самовластно и надменно. Пора его могущества пробудила живѣйшія сожалѣнія о предмѣстникѣ его, князѣ Орловѣ,

который ничего не упускалъ для того, чтобы ему занимать роль любимца, и, ограничиваясь ею въ тѣснотѣ смыслѣ слова, не забиралъ всѣхъ дѣлъ въ свои руки, но всегда направлялъ ихъ къ тѣмъ лицамъ, кому они были изѣрены; высказывалъ направление, что не имѣетъ права въ нихъ вмѣшиваться; обѣщалъ мало, но безъ обмана и смягчалъ вѣдливостью отказы на просьбы.

Потемкинъ, оставившись спротою съ дѣтства, былъ тоже бѣденъ, что не имѣлъ иныхъ средствъ къ жизни кроме благодѣйнаго своего дяди, отставнаго полковника Березина, который принялъ его къ себѣ и доставлялъ ему все необходимое¹⁾). Полковникъ, оставившись службу за ранами, былъ самъ не богатъ, потому что правительство, еще при Петре Великомъ, отобрало у него огромное количество земли, общая постоянно владѣльцу замѣнить ее другою, но не выполнивъ этого обѣщанія. Въ послѣдствіи, когда старый дядя узналъ о блестящей карьерѣ своего племянника, то изнутри Московіи отправился въ Петербургъ, въ надеждѣ добиться наконецъ какого нибудь правосудія; но бывшій его штюменецъ принялъ очень дурно старика, и, спросивъ у него о причинѣ прибытія, отозвался, что теперь не время обращаться съ подобными просьбами, а потому тутъ же приказалъ не допускать больше къ себѣ этого просителя. Березинъ съ негодованіемъ и стыдомъ собирался тотчасъ же уѣхать во-свои, но старинный его приятель, оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ (le prince Nariskin, grand-écuier)²⁾, удержалъ его, полагая, что

¹⁾ Потемкинъ не остался въ дѣтствѣ круглымъ спротой: мать его была вѣживыхъ. Отецъ его Александръ Васильевичъ, отставной подполковникъ а по другимъ свѣдѣніямъ, гарнизонный маоръ и небогатый помѣщикъ Смоленской и Тульской губерній, род. 1673 г., ум. 1746 г.; а мать, Дарья Васильевна, рожденная Скуратова, по первому мужу Кондырева, род. 1704 г., умерла въ юлѣ 1780 г., слѣдовательно, только за одиннадцать лѣтъ до смерти своего сына и уже въ то время, когда онъ былъ на верху своего могущества и счастія. Сѣѣтѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврический род. въ сентябрѣ 1736 г. (а по другимъ свѣдѣніямъ, въ 1739 г. или даже въ 1742 г.), умеръ 5-го октября 1791 г.—Братъ не имѣлъ, а было у него пять сестеръ. Потемкинъ, въ юности, отвезенъ былъ изъ деревни въ Москву, къ родственнику его матери, генераль-поручику Александру Артемьевичу Загражскому, изъ дома которого и поступилъ пансіонеромъ въ Московскій университетъ. Что же касается до участія въ его судьбѣ полковника Березина, объ этомъ обстоятельствѣ умалчиваются всѣ піемущія въ виду біографіческія свѣдѣнія о Потемкинѣ.

²⁾ Вѣроятно, Левъ Александровичъ Нарышкинъ, двоюродный племянникъ Петра I,носившій званіе оберъ-шталмейстера. Онъ былъ извѣстенъ веселымъ характеромъ и забавными выходками. Род. 26-го февраля 1733 г., ум. 9-го ноября 1799 г.

на Потемкина возможно подействовать неоступной настойчивостью. И затмъ, въ течеиѣ нѣсколькихъ мѣсяцій, ежедневно, потешный старикъ томился, какъ бесприютный, въ переднихъ покояхъ своего неблагодарнаго и бездуннаго питомца. Наконецъ Нарышкинъ, по праву старого заслуженнаго царедворца, иѣмшій возможность быть сѣмѣтѣ другъ въ своихъ домогательствахъ, взялъ на себя замолвить слово Потемкину: «Знаете-ли вы, что дядя вашъ, мой старинный другъ, сидитъ въ вашей передней, умирая со скучи, и что онъ каждое утро проводитъ тамъ? Неужто вы ничего для него не сдѣлаете? Пора бы положить этому конецъ». — «Пусть убирается Онъ давно ужъ мій надѣдаетъ! Я чутъ было не распорядился принять мѣры, чтобы онъ не могъ сюда таскаться и разыгрывать юмѣстную роль, какую онъ здѣсь представляетъ изъ себя. Пусть убирается прочь! Скажите ему хорошенько обѣ этомъ, а иначе я заставлю его раскаяться въ своей докучливости». — «Но вѣдь онъ вашъ дядя». — «Такъ благодаря онъ за это Бога, да напередъ остерегайся!» — И старый полковникъ побралъ обратно въ свою глумъ затаить въ ней чувство оскорблений и ггѣва¹⁾.

Пьеръ Лафоссъ (Pierre Lafosse), ученый знатокъ лошадей, знаменитый береторъ и ветеринаръ, известный замѣчательными сочиненіями по своей части, былъ въ Вѣнѣ, получивъ отъ тамошнаго русскаго посланника столь убѣдительныя приглашеніяѣхать въ Петербургъ, ири самыхъ заманчивыхъ обѣщаніяхъ, что отправился туда, съ рекомендательными письмами къ вельможамъ и особенно къ князю Потемкину. Пріѣздъ Лафосса подоспѣлъ какъ нельзя болѣе кстати для этого счастливаго преемника князя Орлова. У Потемкина былъ

¹⁾ О личности обоихъ Березинныхъ—этого полковника и упомянутаго выше секретара посольства—мы не могли найти никакихъ свѣдѣній. Что за родство было между Потемкинымъ и этой фамиліей, какія были между ними отношенія въ его молодости и въ послѣдующее время—также неизвѣстно. Находимъ, впрочемъ, подтвержденіе того факта, что при Екатеринѣ II дѣйствительно производилось какое-то дѣло, касавшееся Березинныхъ и дошедшее до самой государыни. Въ одномъ изъ ея писемъ къ статье-секретарю А. В. Олсуфьеву, напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1863 г. (изд. 2-е, стр. 426), содержится слѣдующее распоряженіе:

«Адамъ Васильевичъ! Изволь Березининыхъ еще, въ дополненіе вчерашней моей резолюціи, объявить, что я поѣдуѣть ихъ дѣло; но они трезъ то уже потерпѣли апелляцію на мій; и такъ, пускай сами выберутъ». — 14-го января 1764 г. (Письмо LXIII).

Предостороженіе императрицы тѣмущимся о возможности потерять апелляцію собственно на ней самой, кажется, накасть на то, что процессъ этотъ заведенъ былъ противъ казны.

большую лошадь, которую въ Россіи никто не могъ вылечить,— лошадь дорогая и превосходная, подарокъ императора Іосифа Втораго рослому, дородному и добелому баловню счастія. Нечего и говорить, что Пьеръ Лафоссъ былъ принять отчизну хоремо: онъ пользовался свободнымъ доступомъ къ временщику, при всегдашней полной увѣренности въ ласковомъ приемѣ. Большое животное было показано ему и отдано на его руки; Лафоссъ распорядился устройствомъ особаго сарая для лечения рѣдкаго коня, къ чему приложилъ возможныя старанія и все свое искусство. Въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ успѣлъ совершенно вылечить лошадь, за что получилъ изъявленіе словесной благодарности, во всѣхъ преувеличенныхъ формахъ ложной приватительности,—но тѣмъ дѣло и кончилось: ему не возвратили сдѣланныхъ по этому случаю затратъ, не вознаградили платой за трудъ и, наконецъ, воспретили ему всякий доступъ,—точно такъ же какъ было съ старымъ дядей Потемкина. Однимъ словомъ, для бѣднаго Лафосса ровно ничего не сдѣлали, и ему пришлось выбраться изъ Россіи, какъ бы изъ львиаго логовища.—Пьеръ Лафоссъ прѣѣхалъ въ Берлинъ и привезъ съ собой нѣсколько писемъ ко мнѣ. Онъ пробылъ тамъ нѣкоторое время, часто видѣлся со мной и передавъ мнѣ все разсказанное выше....

....У Вольтера, въ Фернѣ, жилъ золотыхъ дѣлъ мастеръ Дюпон (Dupuis), очень искусный въ своемъ ремесль. Когда Вольтеръ однажды совѣтовалъ ему произвести какуюнибудь особенно-изящную работу, достойную славы,—тотъ отвѣчалъ, что у него задуманъ уже проектъ и планъ такой работы, а именно сервизъ для завтрака (*déjeuner*), который годился бы въ подарокъ отъ Вольтера «бессмертной Екатеринѣ Второй» (*à l'immortelle Cathérine Seconde*). Вольтеръ съ жаромъ ухватился за эту мысль и, одобравъ всѣ подробности художественно-затѣйливаго проекта, доставилъ мастеру нужный для этой великолѣпной работы материалъ: золото и серебро.

....Работа должна была быть очень продолжительной, судя по тому, что весь приборъ предполагался изъ шести тысячъ составныхъ частей. Къ несчастію, Дюпон не успѣлъ еще ее окончить, какъ Вольтеръ умеръ въ Парижѣ¹⁾. Это событие разорило бѣднаго мастера: онъ удалился въ Лозанну додѣлывать свой сервизъ и уже почти изготовилъ его въ то время, когда секретарю покойника Вольтера дано было порученіе доставить библіотеку великаго человѣка въ Петер-

¹⁾ Вольтеръ (Marie-François Arouet de Voltaire) род. 20-го февраля 1697 г., ум. 30-го мая 1778 г.

бургъ¹⁾). Секретарь этот, изъ участія къ судьбѣ Деніїн, высыпалъ вѣять его съ собой въ Россію, обѣща представить императрицѣ сервизъ, какъ работу, нарочно предпринятую для поднесенія ея величеству. Дюпюи принялъ предложеніе, но, среди дорожныхъ сборокъ, забылъ, и секретарь принужденъ былъ уѣхать безъ него. Едва вы-

¹⁾ Екатерина II купила библіотеку Вольтера у его племянницы, г-жи Дені (M-me Denys), и по этому поводу написала ей слѣдующее письмо (не опубликованное Гриммомъ, но вошедшее въ коллекцію документовъ, собранныхъ продолжателемъ Башамонта (Bachamont):

«Je viens d'apprendre, madame, que vous consentez à remettre entre mes mains ce dépôt précieux que M. votre oncle vous a confié,—cette bibliothèque que les Ames sensibles ne oublient jamais sans se souvenir que ce grand homme sut inspirer aux humains cette bienveillance universelle que tout ses écrits, même ceux de pur agrément, respirent. Personne avant lui n'écrivit ainsi que lui; il servira d'exemple et de modèle à la race future; mais il faudrait unir le génie à la philosophie, aux connaissances et aux agréments, en un mot être semblable à M. de Voltaire, pour l'égaler; et si j'ai partagé, avec toute l'Europe, vos regrets, madame, sur la perte de cet homme incomparable, voas vous êtes mise en droit de participer à la reconnaissance que je dois à ses écrits. Je suis, sans doute, très sensible à l'estime et à la confiance que vous me marquez. Il m'est bien flattant de voir qu'elles sont héréditaires dans votre famille, et la noblesse de vos procédés vous est caution de mes sentiments à votre égard. J'ai chargé M. Grimm de vous remettre quelques témoignages, dont je vous prie de faire usage.»

«Catherine».

Переводъ: «Я узвала, сударыня, о вашемъ согласіи передать въ мои руки драгоцѣнное хранилище, завѣщанное вамъ дядео вашимъ,—его библіотеку, которая не можетъ не напомнить всякому человѣку съ душой, что великий писатель умѣлъ внушить людямъ всеобщее чувство человѣчности, наполняющей весь его произведения, не исключая и написанныхъ въ легкомъ родѣ. Никто до него не писалъ такъ: имъ указать примѣръ будущимъ поколѣніямъ, но для того, чтобы ему слѣдовать, нужно сочетать гений съ мудростью, знаніемъ и взаимствомъ,—однимъ словомъ, нужно уподобиться Вольтеру, чтобы сравняться съ нимъ. И если я, съ цѣлой Европой вмѣстѣ, раздѣлила вашу скорбь о потерѣ этого неподражаемаго человѣка, то и вы приобрѣли себѣ право раздѣлить мою проказательность, какою обязана я его твореніямъ. Я, конечно, съ особеннымъ удовольствиемъ и искреннимъ расположениемъ принимаю тѣ изъ явленій уваженія и довѣрія, которые вы передо мной выразили. Для меня весьма лестно видѣть, что чувства эти преемственны въ вашемъ семействѣ: благородство вашихъ поступковъ можетъ служить порукой и за мои чувства въ отношеніи къ вамъ. Я поручила г. Гримму передать вамъ иѣкотория ихъ доказательства²⁾, которые прошу васъ принять для своего употребленія».

«Екатерина».

(Письмо это еще не появлялось въ русской печати до сего времени).

²⁾ Деньги, 50,000 зкю, въ видѣ кредитива на банкирскій домъ гг. Лаборда и Лабаллю (Laborde et Labalieu), и, кроме того, разные подарки изъ драгоцѣнныхъ мѣховъ.

Д. Р.

здоровъ, наппъ бѣдный артистъ пустылся въ догошу за своимъ прі-
ятелемъ, но опоздалъ застать его въ Гаврѣ и отыскать въ Петербургъ,
надѣясь поспѣть туда прежде, нежели его другъ выѣдетъ оттогдѣ въ
обратный путь. У береговъ Швейціи Дюпюи потерпѣлъ крушеніе и на-
слы снасся имѣстѣ съ своимъ сервизомъ,—то есть, единственнымъ сво-
имъ сокровищемъ. Густавъ III,—тотъ самый, что въ послѣдствіи былъ
умерщвленъ,—просмысливъ объ этомъ издѣліи, пожелалъ видѣть вещь,
пришелъ отъ нея въ восторгъ и спросилъ о цѣнѣ; но злополучный
артистъ имѣлъ недовѣріе отвѣтить, что приборъ этотъ заказанъ и
исполненъ для поднесенія императрицѣ, послѣ чего Густавъ ограни-
чился только предоставленіемъ художнику способовъ къ дальнѣйше-
му путешествію. Когда Дюпюи прибылъ въ Россію, секретарь Воль-
тера уже выѣхалъ оттуда, и бѣдному страннику не оставалось ни на
кого положиться, кроме какъ на самого себя. Онъ обратился къ
князю Потемкину, дѣйствительно единственному лицу, чрезъ кого
могло быть получить доступъ къ Екатеринѣ Второй. Всемогущій ея
любимецъ, увидѣвъ сервизъ, наппель его восхитительнымъ и рѣшился
оставить за собой; однакожъ, денегъ за него не заплатить, по сво-
ему всагдашнему обыкновенію, а вскорѣ затѣмъ не вернуть и впускатъ
къ себѣ Дюпюи. Напрасно бѣдникъ обращался къ Потемкину
съ просительными письмами: онъ не могъ добиться ни возвращенія
своего дежене, ни пріёма у князя, ни отвѣта себѣ. Наконецъ не-
частный, въ отчаяніи, явился излить всѣ свои злополучія передъ
французскимъ посланникомъ, маркизомъ де-Веракъ (de Vérac) ¹⁾; тотъ былъ живо тронутъ ими и возмущенъ наглымъ грабительствомъ
временщика. Онъ старался утѣшить бѣднаго Дюпюи обѣщаніемъ все-
возможнаго содѣйствія къ его удовлетворенію, хотя самъ внутренно
сознавалъ невозможность расчитывать на какой либо успѣхъ, если
не употребить смѣлой и рѣшительной мѣры. Поэтому, французскій
посланникъ воспользовался временемъ, когда приемная зала князя Потемкина
была биткомъ набита сановниками имперіи, и представите-
лями иностраннѣхъ державъ. Въ виду всѣхъ этихъ особъ, маркизъ
де-Веракъ ходатайствовалъ о возвращеніи неоплаченного сервиза и
при томъ далъ почувствовать, что иначе онъ, посланникъ, самъ буд-
етъ обязанъ войти съ официальнымъ требованіемъ, чего, безъ со-
мѣнія, князь не захочеть. Раздраженный и озадаченный Потемкинъ
отвѣчалъ, что его давно уже обременяла эта вещь. Посланникъ пой-
малъ его на словѣ и просилъ распорядиться возвратеніемъ прибо-

¹⁾ Маркизъ де-Веракъ прибылъ въ Петербургъ въ іюнѣ 1780 года. Д. Р.

ра, что, действительно, и сдѣлалось. Такъ—гдѣ́рь является доброй чертой у тѣхъ, въ когдѣ быть иныхъ, лучшихъ, побужденій для справедливости и сдержанности въ образѣ дѣятельн.

Выручивъ свой драгоценный сервизъ, Дюпюи поспѣшилъ выбратьъся изъ этой «проклятой страны» (*de ce maudit pays*), гдѣ рисковалъ всего лишиться. Пріѣхавъ въ Варшаву, онъ работалъ тамъ нѣсколько времени, чтобы добыть себѣ денегъ на дорогу, что дѣлалъ всюду, гдѣ нуждался въ средствахъ; работу же находить ему было не трудно, такъ какъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, обладалъ рѣдкимъ вкусомъ и умѣньемъ. На границѣ прусскихъ владѣній онъ столкнулся съ новыми затрудненіями: ему предъявили законъ, воспрещающій провозъ золотыхъ и серебряныхъ изделий безъ уплаты пошлины, въ размѣрѣ 50% на сто—съ суммы ихъ стоимости. Многострадальный Дюпюи оставилъ на границѣ свой сервизъ, свою жену и дочь, и поѣхалъ въ Берлинъ просить милости. Главноуправляющій государственными доходами, де-Лоне (*de Labayc de Launay*), подтвердилъ ему правильность требованія пограничныхъ сборщиковъ и присою-
кинъ, что онъ, де-Лоне, самъ не можетъ быть изъять отъ дѣствия этого закона, посовѣтовавъ ему обратиться къ королю съ письмомъ, для составленія коего указалъ просителю на меня. Миѣ по-
счастливилось сдѣлать въ письмѣ столь удачное сопоставленіе Вольтера, Фридриха и Екатерины, что король препроводилъ письмо это къ де-Лоне, съ собственноручной надписью: «разрѣшить провозъ вещей безпошлины».

...Дюпюи пробылъ два или три мѣсяца въ Берлинѣ, гдѣ досталъ себѣ работу чрезъ посредство де-Лоне, и потомъ уѣхалъ въ Гессенъ-Кассель, надѣясь, что ландграфъ купитъ у него сервизъ. Что съ нимъсталось далѣе, я не слыхалъ, но всегда тщательно сохранилъ одну изъ прекрасно сдѣланныхъ имъ вещицъ: миниатюрную голову Вольтера изъ золота ¹⁾.

¹⁾ По поводу анекдотовъ о Потемкинѣ, изображающихъ его въ невыгодномъ свѣтѣ, авторъ, въ предисловіи къ своему труду, говоритъ слѣдующее (т. I, стр. XXXIV):

«Если я въ своей книжѣ не слишкомъ щажу Потемкина, то надѣюсь, что русская нація слишкомъ справедлива, чтобы стѣвовать на меня за это. Я былъ только справедливъ, порицая личность, не имѣвшую никакого права на смѣреніе о ней отзывы, и въ этомъ случаѣ я сталъ какъ бы истителемъ за самыхъ же русскихъ. Кто зналъ меня, тому известно, что я не одержимъ национальными предубѣжденіями; дарованія, геній и добродѣтели свойственны всѣмъ народамъ; но працы, воспитаніе и образъ правленія бываютъ или благопріятны или враждебны развитію этихъ качествъ. Когда Потемкины забираютъ силу—

VIII.

Екатерина II въ молодости, во воспоминаніяхъ баронессы Принценъ.—Благодарность за услугу врача.—Библиотека императрицы.—Братья Орловы.—Ихъ предокъ—стрылецъ, измилованный Петромъ Великимъ.—Анекдотъ о пребываніи этого государя въ Берлине.—Приверженцы Екатерины II, при ея вождении.—Энергическая выходка Григорія Орлова.

Екатерина II, какъ всѣмъ известно, родилась и воспитывалась въ Кюстринѣ, гдѣ отецъ ея, генералъ прусской службы, былъ губернаторомъ¹⁾). Баронесса фонъ-Принценъ (Printzen), въ дѣвичествѣ своемъ состоявшая камер-фрейлиной или въ званіи статсъ-дамы при этомъ крошечномъ дворѣ, много рассказывала мнѣ и объ ея родителяхъ, и о дочери ихъ, которая, по-истинѣ, отнюдь не воображала сдѣлаться въ послѣдствіи государыне великой державы.—«На моихъ глазахъ,—говорила баронесса,—она родилась, росла и воспитывалась; я была свидѣтельницей ея учебныхъ занятій и успѣховъ; я сама помогала ей укладывать багажъ передъ отѣзгомъ ея въ Россію. Я пользовалась на столько ея довѣріемъ, что могла думать будто знаю ее лучше чѣмъ кто либо другой; а между тѣмъ никогда не угадала бы, что ей суждено пріобрѣсти знаменитость, какую она стяжала. Въ пору ея юности, я только замѣтила въ ней умъ серьезный, расчетливый и холодный, но столь же далекій отъ всего выдающагося, яркаго, какъ и отъ всего, что считается заблужденіемъ, причудливостью или легкомысліемъ. Однимъ словомъ, я со-ставила себѣ понятіе о ней, какъ о женщинѣ обыкновенной, а потому, вы можете судить объ удивленіи моемъ, когда пришлось узнать про необычайная ея приключенія».

народы изнываютъ подъ тяжкимъ гнетомъ; когда же коринкомъ государства править человѣкъ, исполненный достоинства, живущій лишь для добра, поставившій себѣ цѣлью только справедливость, умѣренность, благотворительность и твердость,—тогда народы могутъ надѣяться всего хорошаго; иль остается лишь благодарить небо и благословлять своего государя. И нѣтъ такого рода славы, нѣтъ такого счастія, которыхъ русскіе не могли бы себѣ ожидать при подобномъ царствованіи!»

¹⁾ Принцесса Ангальт-Цербстъ-Бернбургская, Софія-Августа-Фредерика, въ послѣдствіи Екатерина II Алексѣевна, дочь владѣтельнаго князя Христіана-Августа и жены его, рожденной герцогини Голштинской Іоанны Елизаветы, родилась не въ Кюстринѣ, а въ Штеттинѣ (21-го апреля 1729 г.), гдѣ отецъ ея былъ градоначальникомъ и губернаторомъ прусской Помераніи. (Онъ род. 29-го ноября 1690 г., ум. 16-го марта 1747 г., 57-ми лѣтъ отъ роду). Д. Р.

Екатерина, бывши еще великою княгинею, имѣла весьма серьезную болѣзнь, отъ которой благополучно вылечилъ ее одинъ медикъ-французъ, уѣхавшій, чрезъ нѣсколько времени спустя, на свою родину¹⁾). Сдѣлавшись царствующей государыней, императрица вспомнила услугу, оказанную ей этимъ человѣкомъ, и послала ему патентъ (brevet) на пенсію въ десять тысячъ франковъ. «Если я не имѣю счастія,—сказала она,—быть полезною тѣмъ, кто далъ мнѣ жизнь, то, по крайней мѣрѣ, обязана сдѣлать это для того, кто сохранилъ мнѣ ее». Полный смыслъ этихъ словъ объясняется тѣмъ, что принцесса, мать ея, умершая не задолго до ея воцаренія²⁾, жила крайне небогато въ Парижѣ, гдѣ занимала небольшой отель за Люксембургомъ. Не говорю о родномъ братѣ Екатерины³⁾: онъ жилъ и умеръ безъизвѣстными.

Въ чёмъ могли позавидовать императрицѣ любители книгъ, такъ это въ устройствѣ ея библіотеки: чтобы достать книгу съ извѣстной полки, стоило лишь прижать пуговку подъ тѣмъ же самымъ нумеромъ; тотчасъ полка выдвигалась впередъ, опускаясь до уровня руки, а вторичнымъ давленіемъ пуговки возвращалась на свое мѣсто. Нѣть надобности доказывать, что необходимый для этого механизмъ былъ скрытъ внутри дерева шкафовъ.

На меня, полагаю, не попеняютъ, если я занесу въ свои «Воспоминанія» то, что дошло до моего свѣдѣнія на счетъ Орловыхъ и что можетъ быть распредѣлено на три пункта: 1) объ ихъ родѣ и семействѣ; 2) объ ихъ участіи въ событияхъ, въ юнѣ 1762-го года, и 3) объ особенному характерѣ того изъ нихъ, кого прозвали Balafré⁴⁾.

Орловыхъ было пять братьевъ; старшій⁵⁾, никогда не хотѣвшій

¹⁾ Дѣйствительно, она была тогда также больна отъ простуды, и въ течениі 27-ми дней жизнь ея казалась въ опасности; но вылечилъ ее не французъ, а португалецъ Саншесъ, служившій тогда придворнымъ медикомъ.

²⁾ Родилась 24-го октября 1712 г., умерла 19-го мая 1760 года.

³⁾ Братъ Екатерины, Фридрихъ-Августъ, бывшій пятью годами моложе ея, служилъ римско-императорскимъ генераль-фельдмаршаломъ. Быть женатъ на принцессѣ Ангальт-Бернбургской Фредерикѣ-Августѣ-Софіи. Умеръ въ мартѣ 1793 г. Онъ былъ послѣднимъ отраслью Ангальт-Цербстскаго дома.

⁴⁾ Balafré — имѣющій рубецъ на лицѣ. Это прозваніе дали Алексѣю Григорьевичу Орлову (р. 1737, † 24-го декабря 1808 г.) иностранцы и оправданные соотечественники высшаго петербургскаго общества, потому что онъ имѣлъ шрамъ на щекѣ, разрубленной ему Василиемъ Шванвицемъ, въ пьяной дракѣ. Подробности объ этомъ случаѣ см. въ IV т. «Русской Старинны» 1871 г., въ выносѣ подъ страницей 387.

Д. Р.

⁵⁾ Иванъ Григорьевичъ, дѣйствительно отказался отъ всѣхъ почестей; онъ былъ отставной гвардій капитанъ. Вышелъ въ отставку при самомъ во-
-

занять никакого мѣста, не бывшій ничѣмъ по службѣ и прозванный философомъ; второй—пожалованный княземъ¹⁾; третій—тотъ, что съ рубцомъ на лицѣ; двое другихъ²⁾), гораздо моложе первыхъ, не обративши на себя особеннаго вниманія. Всѣ пятеро были громаднаго роста и необычайной силы, какую рѣдко встрѣчаешь, по крайней мѣрѣ, въ Европѣ. Второй братъ былъ самый красивый, а третій самый сильный изъ всѣхъ. Шрамъ на его лицѣ былъ послѣствіемъ спора объ закладѣ, предложеннаго имъ въ лѣта своей молодости, съ вызовомъ драться одновременно противъ нѣсколькихъ гренадеровъ, которыхъ онъ и одолѣлъ, получивъ, однакожъ, рану въ лицо, оставившую слѣдъ на всю его жизнь. О происхожденіи этихъ братьевъ мнѣ предстоитъ привести фактъ, читанный мною, а теперь передаваемый здѣсь въ томъ же самомъ видѣ.

Однажды, въ Берлинѣ, пошелъ я на аукціонную продажу книгъ. Войдя въ залу, гдѣ производилась публичная распродажа, я увидѣлъ Лагранжа (товарища своего по академіи), сидѣвшаго у стола; мнѣ удалось добыть себѣ мѣсто подѣлѣ него, и мы принялись за пересмотръ книгъ, лежавшихъ передъ нами на столѣ. Лагранжъ взялъ брошюру въ синей оберткѣ, страницѣ въ пятьдесятъ: то было повѣстованіе, составленное однимъ офицеромъ, о событияхъ въ Россіи, современныхъ кончинѣ Петра III. Перелистывая брошюру, соѣдь мой попалъ въ ней на одно мѣсто, которое указалъ мнѣ; мы вдвоеимъ прочли тамъ слѣдующее: «Петръ I, повелѣвъ обезглавить мятечныхъ стрѣльцовъ, распорядился, для вящшей быстроты въ отправлѣніи казни, положить передъ собой плаху, на которой онъ собственноручно, дюжими ударами топора, препровождалъ на тотъ свѣтъ виновныхъ, выбранныхъ имъ на свою долю въ изрядномъ количествѣ, ловко отсѣкая одну голову за другой. Тутъ между обреченными бойнѣ стрѣльцами явилось горячее соревнованіе наперерывъ идти подъ царскій топоръ, чтобы скорѣе слодобиться чести принять казнь, по пріомѣру Иисуса Христа (?), и соревнованіе это простиравалось такъ далеко, что одинъ изъ нихъ, высокій и очень красивый мужчина, подступивъ къ мѣсту кровавой расправы въ то время когда другой

ренія Екатерины, жилъ болѣею частію въ Москвѣ. Ум. 16-го ноября 1791 г. Братья уважали его какъ отца.

¹⁾ Григорій Григорьевичъ—фаворитъ императрицы, род. 6-го октября 1734 г. ум. 13-го апреля 1783 года. *

²⁾ Федоръ Григорьевичъ, генерал-аншефъ, род. 8-го февраля 1741 года, ум. 17-го мая 1796 года, и Владіміръ Григорьевичъ, генерал-поручикъ, род. 1743 г., ум. 1831 года.

Всѣ пять братьевъ возведены въ графское достоинство при коронації Екатерины II.

Д. Р.

38

его товарищъ занялъ свою очередь на императорской плахѣ,— положилъ туда же и свою голову, чтобы подвести ее подъ обратный ударъ топора (*un coup de revers*). Петръ I, пораженный такою чрезмѣрною покорностью (*servilité*), объявилъ помилованіе этому человѣку: пощаженный былъ именно дѣдъ Орловыхъ>.

Далѣе мы не могли продолжать нашего чтенія, потому что брошюра эта былапущена въ продажу за два су, но вызвала постепенные надбавки до червонца и, конечно, поднялась бы въ цѣнѣ еще выше, если бы въ публикѣ огласился тотъ фактъ, что покупка этой книжки была заказана по порученію русскаго посланника, имѣшаго предписаніе своего правительства скупить всѣ ея экземпляры, по какой бы ни было цѣнѣ.

Хотя князь Орловъ (Григорій) и не былъ такой силачъ, какъ братъ его Алексѣй, но надобно думать, что, и за всѣмъ тѣмъ, онъ имѣлъ силу не-дюжинную, если вѣрить слухамъ, о которомъ мнѣ рассказывали. Говорятъ, что когда надлежало привести гвардейскихъ солдатъ къ присягѣ, Григорій Орловъ, командиръ роты, которая была одѣта по-римски (*capitaine d'une compagnie habillée à la romaine*) (?), приказалъ ей присягать; но одинъ офицеръ, человѣкъ видный и крѣпкій, вскричалъ, что онъ прежде присягалъ уже государю и потому не можетъ давать клятвъ никому другому. Тогда Орловъ, схвативъ за грудь ослушника, вышвырнулъ его изъ строя съ такой силой, что выброшенный упалъ на довольно далекое разстояніе отъ рядовъ, послѣ чего Орловъ, полуоборотясь къ фронту, скомандовалъ: «маршъ!» и всѣ безпрекословно повиновались команда, подъ впечатлѣніемъ этого рѣшительнаго поступка.

Перевѣсь и сообщ. въ 1875 г. Д. Д. Рябининъ.

ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЯ В. Н. ЗИНОВЬЕВА

ПО ГЕРМАНИИ, ИТАЛИИ, ФРАНЦІИ И АНГЛІИ

въ 1786—1790 гг.¹⁾.

Въ концѣ 1786 года, В. Н. Зиновьевъ возвратился изъ предпринятаго путешествія по Англіи и Шотландіи въ Лондонъ и съ этого времени выдаєсь ежедневно съ своимъ другомъ, гр. С. Р. Воронцовыимъ, началь излагать въ формѣ поденныхъ записокъ свои впечатлѣнія и взгляды на явленія общественной жизни, которые наиболѣе обращали на себя его вниманіе. Авторъ поденныхъ записокъ почему-то избралъ для нихъ французскій языкъ и, по видимому, мало озабочился о приданіи имъ хотя нѣсколько изящной формы, почему онъ и представляютъ собою вполнѣ беспорядочный образецъ веденія журнала. Не говоря уже о встрѣчающихся на каждомъ шагу грамматическихъ погрѣшностяхъ, затѣмняющихъ самый смыслъ, — Записки, кроме того, страдаютъ въ неменьшей степени отъ вполне небрежнаго отношенія автора къ самому дѣлу ихъ веденія; тетради ихъ не сшиты, измараны и частію, вѣроятно, утеряны, потому что нельзя, напримѣръ, не замѣтить перерывовъ въ годахъ и отсутствія ихъ окончанія.

Не смотря однако же на эти недостатки и въ виду несомнѣннаго интереса этихъ Записокъ, веденныхъ ежедневнымъ свидѣтелемъ жизни гр. С. Р. Воронцова въ Лондонѣ и русскимъ туристомъ XVIII вѣка, — человѣкомъ, по своему времени, развитымъ и образованнымъ, намъ удалось, до извѣстной степени, возстановить хронологическую ихъ связь, что даетъ возможность прослѣдить за ихъ авторомъ, какъ въ теченіе его жизни въ Лондонѣ и его обратнаго путешествія въ Россію, такъ, отчасти, и за его времяпропровожденіемъ въ Петербургѣ, уже по его возвращеніи на родину изъ заграницаго путешествія. Писанный по французски, такимъ языкомъ, который

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXIII, стр. 207—240; 399—440.

быть весьма обычень людямъ даже высшаго общества XVIII вѣка, то есть во все не грамматическимъ, неправильнымъ и исполненнымъ руссификаціемъ.—Записки В. Н. Зиновьевъ представляютъ въ оригиналѣ немахованій трудъ для читателя, который еще болѣе усугубляется отъ встрѣчаемыхъ на каждой почти страницѣ отступлений, лишеннѣихъ историческое значенія, и обращеній къ Богу за испосланнія автору милости и щасливства. Понятно, что, въ такомъ видѣ, журналъ В. Н. Зиновьевъ не могъ быть напечатанъ и читатель едва ли вынесъ бы изъ его прочтенія что-либо интересное, кроме весьма тяжелаго впечатлѣнія—результата его расстинутости. Все это вызвало съ нашей стороны его переводъ и необходимое сокращеніе всего того, что не имѣть исторического интереса, но является въ видѣ неумѣстныхъ длиннотъ, тяжело дѣйствующихъ на читателя и возможительно вредящихъ цѣлому.

Н. Н. Барышниковъ.

1786 годъ.

По возвращеніи моемъ изъ путешествія ¹⁾.

Въ концѣ сентября, здравъ и невредимъ возвратился изъ моего путешествія. Я не засталъ гр. Воронцова, къ дому которого я подѣхалъ, и такъ какъ моя комната была занята моимъ двоюроднымъ братомъ Сенявиномъ, я нанялъ квартиру на той же улицѣ. Г-нъ Парадисъ (Paradis), встрѣтивъ меня однажды, такъ настоятельно уговаривавъ меня заниматься геометріей, что,—не бывъ въ силахъ ему отказать,—мы начали уроки и такимъ образомъ мысль, которую я имѣлъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ, начала приводиться въ исполненіе.

Въ половинѣ ноября, я предпринялъ путешествіе въ Нью-Меркетъ, гдѣ видѣлъ скачки и общество клуба. Я возвратился въ Лондонъ въ тотъ день, въ который изъ него выѣзжалъ мой двоюродный братъ, Сенявинъ. Снова началъ брать уроки у г. Парадисъ, но когда дѣло коснулось до объясненій, я усмотрѣлъ, что онъ не могъ болѣе мнѣ преподавать, почему я и рѣшился взять другаго учителя, для чего и помѣстился у г. Вильямсона, весьма хорошаго математика и очень образованнаго человѣка.

25-го ноября. По субботамъ я отправлялся ночевать къ гр. Воронцову, гдѣ пробывалъ и воскресенья.

27-го. Въ воскресенье, я былъ пріятно обрадованъ посѣщеніемъ

¹⁾ Т. е. по возвращеніи автора въ Лондонъ изъ путешествія по Англіи въ Шотландію.

Н. В.

ки. Голицына¹⁾ и, можетъ быть, имѣть случай отплатить ему за то, чѣмъ получиль отъ его брата въ Туринѣ; но нужно сознаться, что онъ принялъ это лучшимъ образомъ нежели я (?).

5-го. Этотъ день былъ днемъ св. Екатерины, по нашему календарю, и послѣ обѣда я обѣдалъ у гр. Воронцова, гдѣ говорили, что одинъ ирландскій епископъ Беркли²⁾ написалъ книгу, въ доказательство того, что тѣла не существуютъ. Намѣреніе его было хорошее, потому что онъ писалъ въ опроверженіе философовъ, которые утверждаютъ, что все въ природѣ—матерія, почему и названы «матеріалистами»; но такъ какъ это обстоятельство было упущено при разговорѣ и, не смотря на это, всетаки продолжали высказывать сужденія на эту тему,—далъши слушаніе этого разговора дѣмалось недѣлѣстіемъ. При преніяхъ (перешли къ мнѣніямъ, которые, постоянно приближаясь другъ къ другу, никогда не совпадаютъ, и пожелали, чтобы они были прими); въ это время, съ болѣею горячностію, нежели бы слѣдовало, и я принялъ участіе въ разговорѣ; но, размысливъ въ послѣдствіи,—мнѣ стало жаль этихъ людей, употребляющихъ свой ничтожный умъ на разрушеніе самихъ, такъ сказать, чувствительныхъ мыслей, тогда какъ они могли бы употребить свои способности на приобрѣтеніе реальныхъ знаній; но г-нъ Вильямсонъ меня угѣшилъ, такъ сказать, мнѣніемъ Болингброка³⁾, который сравнивалъ споръ этихъ философовъ съ работами вавилонскаго столпотворенія, которое кончилось тѣмъ, что всѣ впали въ замѣшательство и разошлись, не понимая другъ друга.

11-го. Выйдя изъ дома на прогулку, я вошелъ въ лавку, чтобы размѣнять деньги, и былъ немало удивленъ: хозяинъ лавки разговаривалъ съ какимъ-то человѣкомъ о томъ, что планеты не имѣютъ влиянія на поведеніе людей. Въ одной только Англіи торговецъ сажомъ можетъ разсуждать о такой матерії! Я взялъ смѣость подтвердить мнѣніе торгаша, который былъ противъ этого видѣнія. Сегодня за обѣдомъ я вспомнилъ нѣчто, что доставило мнѣ большое удовольствіе, а именно—что у меня никогда не было ссоры и даже въ дѣствіе не помню, чтобы я съ кѣмъ нибудь подрался.

...22-го прибылъ въ Батъ. Довольно скучалъ въ этомъ мѣстѣ и кромѣ того съ большими беспокойствами провелъ двѣ ночи; но онъ

¹⁾ Здѣсь идетъ рѣчь о какомъ-то князѣ Алексѣ Голицынѣ. См. прим. къ письму 11-го января 1786 года.

²⁾ Жоржъ Беркли (Berkeley или Berkley), ирландскій епископъ, философъ (р. 1684, † 1753 г.).

³⁾ Лордъ Болингброкъ (Bolingbroke) (р. 1678, † 1751 г.)—представитель школы энциклопедистовъ.
Бж., А. Л.-Р.

мнѣ дороги, потому что я научился слѣдовать совѣту, данному ино-
гоуважаемыемъ Виллермовомъ.

25-го. Сыпалъ проповѣдь самого высокаго содержания, какую
мнѣ когда либо приходилось слышать.

1787 годъ.

1-го января. Уѣхалъ изъ Бата и сегодня окончилъ мое путеше-
шествіе.

2-го. Пріѣхалъ въ Лондонъ утромъ; вечеромъ былъ у леди Пенни
(Репле), гдѣ познакомился съ г-мъ Дальтономъ¹⁾, человѣкомъ весьма
любезнымъ.

3-го. Произошелъ несчастный случай съ Мишенькой²⁾, которому
кормилица, упавъ на него, сломала ногу.

7-го. Пробылъ съ Мишенькой одну изъ страшныхъ и полезныхъ
ночей.

11-го. Пріѣхалъ Сенъ-Мартенъ³⁾ и остановился у г-на Тимана.

12-го. День моихъ имянинъ; я его увидѣлъ (т. е. Сенъ-Мартена)
вечеромъ и это свиданіе доставило мнѣ великую радость.

19-го. Обѣдалъ у кн. Голицына и передъ вечеромъ началась
рѣчь, которая подала мнѣ мысль, что теперь многіе начинаютъ до-
биваться поаній съ излишнимъ пыломъ (avec trop d'ardeur) и, мнѣ
кажется, что этотъ пылъ служить препятствіемъ дальнѣйшему
преуспѣянію, котораго слѣдуетъ желать. Но если бы этого въ дѣй-
ствительности и не было, то всетаки чрезвычайно мучительно пере-
ходить разныя ступени и лишь шагъ за шагомъ достигать цѣли, до
которой можетъ достигнуть всякий. Особы эти, кромѣ того, чре-
мѣрно привязаны къ свѣту и, ужъ по этой одной причинѣ, не мо-
гутъ приносить ему пользы, что однако же должно считать

¹⁾ Дальтонъ (Dalton), лондонскій купецъ, торговавшій шерстью († 1803),
мастеръ стула въ масонской ложѣ № 259 (?). См. Thoguy, Acta Latomorum,
I, 224.

²⁾ Несомнѣнно, рѣчь идетъ о сынѣ гр. С. Р. Воронцова, графѣ (въ постѣ-
ствії князѣ) Михаилѣ Семеновичѣ Воронцовѣ.

Н. В.

³⁾ Сенъ-Мартенъ (Louis-Claude de S-t Martin) p. 1743 † 1803, осно-
вателъ секты извѣстной подъ именемъ мартинистовъ. Въ его біографіи, покъ-
щенной въ Nouvelle Biographie Générale (XLIII, 65), читаемъ слѣдующее: «En
1788, S-t Martin fit un voyage en Angleterre, ou il se lia étroitement avec le
téologien William Law; il se prit surtout d'affection pour les Russes, qui lui
parurent plus portés au spiritualisme. Le Prince Alexis Galitzine devint son
élève et son ami, et l'emmenga visiter l'Italie en 1787..

Кн. А. Л.-Р.

ся однай изъ важнѣйшихъ цѣлей, а такое дѣйствіе иногда отталкиваетъ людей, видѣвшихъ въ другихъ столь странный способъ поведенія.

23-го. Открыть парламентъ, но такъ какъ я еще въ прошломъ году видѣлъ его открытие, то на этотъ разъ не поѣхалъ на эту церемонію.

26-го. Проводъ вечеръ у гр. (не разобрано фамиліи), датскаго посланника, и прїѣхавъ нѣсколько рано, видѣлъ беспокойство, съ которымъ хозяинка дома устанавливала столы для игры. При этомъ слушаѣ, я не могъ не подумать, что люди весьма часто дѣлаютъ себѣ нескончаемый трудъ, заботясь о доставленіи удовольствій для себя и для другихъ. Сколько приготовленій замѣчается въ особенности въ устройствѣ большихъ обѣдовъ, сколько тысячъ людей этимъ заняты!—а результатомъ является то, что остаются съ полчаса времени за столомъ и часто этотъ несчастный получасъ намъ кажется за цѣлый день! Когда же людское поведеніе не будетъ вызывать восклицаніе: «О тщеславіе, тщеславіе!»—Лучшій на это отвѣтъ, быть можетъ, будетъ: никогда въ этомъ свѣтѣ!

Въ этомъ обществѣ я видѣлъ принца Вельскаго и г-жу Фицъ-Гербертъ¹⁾). Я въ первый разъ видѣлъ принца въ обществѣ, намѣревался быть ему представленнымъ, но, не знаю право, что меня отъ этого удержало. Здѣсь я также нѣкоторое время смотрѣлъ на игру «въ фараонъ» и это мнѣ напомнило безразсудство, которое я сдѣлалъ въ Дрезденѣ. Но худшее изъ всего, что мнѣ вѣдѣсь приключилось, было то, что я сильно простудился.

28-го. Былъ въ обѣдѣ и моя простуда почти прошла. Обѣдалъ у гр. Воронцова, гдѣ видѣлъ вновь прїѣхавшихъ сира Брауна и его товарища по путешествію, барона Мюниха.

30-го. Годовщина рокового дня для Карла I-го, который, какъ известно, былъ приговоренъ и казненъ своимъ собственнымъ народомъ,—происшествіе не только необыкновенное, но безпримѣрное; желательно, чтобы оно навсегда осталось единственнымъ въ этомъ родѣ и было бы первымъ и послѣднимъ. Въ царствованіе Карла II-го, парламентъ установилъ постъ въ этотъ день и въ Лондонѣ есть особенная для этого церковная служба. Тѣ изъ духовныхъ

¹⁾) Принцъ Вельскій, Георгъ, въ посмѣдствіи регентъ и национецъ король англійскій подъ именемъ Георга IV (р. 1762, † 1830).

Г-жа Фицъ-Гербертъ (Марія-Анна), р. 1754, † 1837, вдова Томаса Фицъ-Герберта († 1781), известна была своею красотою и неограниченнымъ вліяніемъ на принца Вельскаго какъ съ женитьбы его, такъ и послѣ.

Ен. А. Л.-Р.

отцовъ, которые желаютъ, въ обществѣ канцлера отправляются въ Вестминстерское аббатство присутствовать при богослуженіи и проповѣди, которая говорится однимъ изъ вновь поставленныхъ епископовъ. Сего дняшній разъ проповѣдь говорилъ епископъ Оксфордскій, но духовные отцы не присутствовали, кромѣ канцлера, которому обязательно находиться при богослуженіи. Нижній парламентъ тоже участвуетъ при отправленіи этого богослуженія въ часовнѣ, гдѣ спикеръ, который, такъ сказать, канцлеръ нижней палаты, долженъ находиться. Проповѣдь въ часовнѣ нижней палаты говорится капеланомъ.

Обѣдалъ у графа, гдѣ послѣ обѣда имѣть оживленный разговоръ съ г-мъ Сальведра (Salvedra)¹⁾, о человѣческихъ наклонностяхъ; онъ хотѣлъ ихъ все подвѣстъ подъ уровень инстинкта!

Парижъ.—20-го июня 1787 года.

По видимому, этотъ трудъ (*ouvrage*) перервался на болѣе продолжительное время нежели въ дѣйствительности. Находясь подъ вліяніемъ тысячи необъяснимыхъ обстоятельствъ, я сдѣлалъ привязанность къ дѣвицѣ Ю мъ и вскорѣ это отняло у меня возможность продолжать мои уроки алгебры, которые меня достаточно занимали. Въ это время я имѣть случай познакомиться съ докторомъ Гри въ (Grive), который настолько поглотилъ мое вниманіе, что я сочинилъ для него нечто о безсмертіи души. Въ это же время я познакомился съ Шоинборнъ (Schoinborn)²⁾. Я былъ свидѣтелемъ того, что случилось съ г-мъ Падисъ, относительно избрания Провидѣніемъ необыкновенного способа, чтобы установить его на истинномъ пути. Я самъ едва не заболѣлъ, когда во время посѣщенія меня гр. Воронцовъ и прочель ему, что я написалъ для г-на Гри въ, и, несмотря на слабость, ко мнѣ въ самую минуту битвы (*combat*) возвратились силы. Въ концѣ мая, я оставилъ Англію, проливая слезы, какъ о гр. Воронцовѣ, такъ еще болѣе о Мишенькѣ, который былъ весьма тронутъ моимъ отѣзгомъ. За исключеніемъ, того, что проломили верхъ моей кареты и что я, не зная объ этомъ слuchaѣ, уплатилъ что запросили за ея сохраненіе, я совершилъ весьма счастливо переѣздъ. Въ тотъ день, въ который я покинулъ Кале, погода была очень дождлива и въ карету ко

¹⁾ По всей вѣроятности, не Сальведра, а Сааведра (Saavedra), испанская фамилія, старшій членъ которой носить титулъ герцога Ривасъ (Rivas).

²⁾ Не скѣдѣеть ли читать Шельбърнъ (Shelburne), въ посѣдѣствіи лордъ Ланддоунъ?

и въ налилось много воды. Въ мой пріѣздъ я видѣлъ Шантаны и прибылъ сюда 26-го мая. Одѣвшись, я отправился къ нашему послу¹⁾ и къ княгинѣ Голицыной²⁾; но долженъ былъ возвратиться обратно къ себѣ, по причинѣ усталости моихъ лошадей.

27-го. Былъ въ нашей церкви, гдѣ праздновался Троицкій день, и здѣсь познакомился съ г. Кошелевымъ³⁾, у котораго въ тотъ же день обѣдалъ; тутъ же познакомился и съ его супругой г-жой Кошелевой, одной изъ пресосходившихъ мною встрѣченныхъ душъ. Они отчасти и были причиной, что я рѣшился продолжить мое отсутствіе изъ отечества. Боже Всемогущій и Всевѣдующій! сні-зойди благословить мои добрыя намѣренія и направь шаги мои сообразно Твоей волѣ и на служеніе къ прославленію Твоего имени!

Познакомился съ графиней Разумовской и мы провели два дня, послѣ восхитительного вечера, въ назидательныхъ разговорахъ, до двухъ часовъ. Чѣмъ сказать тебѣ, мой дорогой другъ? Я желалъ бы передать тебѣ лишь тысячную часть, но нужно сознаться, что я— несчастный, съ слабымъ, всегда готовымъ воспламеняться сердцемъ, когда не нужно! Не смотря на то, что случилось со мной въ Лондонѣ, я былъ близокъ сдѣлать новую привязанность и излечился отъ нея страннымъ образомъ—на прогулкѣ въ Эрменонвиль; тамъ покоятся прахъ Ж. Ж. Руссо! Я сдѣлалъ много поѣздокъ по окрестнымъ деревнямъ, между прочимъ былъ въ деревнѣ герцогини де-Бриссакъ, отъ которой получилъ премилое письмо. Тутъ встрѣтилъ моего благодѣтеля Жиро⁴⁾). Отсюда я сдѣлалъ поѣздку въ монастырь Трапистовъ, гдѣ познакомился съ братомъ Просперомъ, въ комнатѣ у котораго нашелъ картину, которую, съ давнаго времени, желалъ заказать для себя. По возвращенію (вѣроятно, въ Париж), для рѣдкости случая єздилъ въ Пале-Рояль—мѣсто, гдѣ (объ которомъ?) ни съ кѣмъ не говорятъ ни слова. Г. Кошелевъ 20-го отсюда уѣхалъ и оставилъ меня на попеченіи отца Жиро, у котораго я сегодня обѣдалъ и гдѣ получилъ хороший урокъ и подтвержденіе того, что человѣкъ долженъ непремѣнно посѣщать общество, чтобы съ болѣшой ясностію замѣчать свои недостатки. Рѣчь объ англійскомъ языкѣ убѣдила меня въ моемъ чрезвычайномъ самолюбіи.

¹⁾ Т. с. Иванъ Симонинъ, русскій посланникъ въ Парижѣ (1784—1792).

²⁾ Ен. Наталия Петровна Голицына, рожд. гр. Чернышева (р. 1741, † 1827).

³⁾ Родионъ Александровичъ Кошелевъ († 1827 г.), въ послѣдствіи оберъ-гофмейстеръ, извѣстный мистикъ. Ж. Варвара Ивановна НН.

⁴⁾ Жиро, докторъ медицины и магнетизеръ, содѣствовавшій вступленію автора въ масонскій орденъ. Объ немъ будетъ подробнѣе говорено дальше въ «Воспоминаніяхъ».

Ен. А. Л.-Р.

Туръ—24-го июня 1787 года.

Прекрасна мысль г-жи Кошевою, которая въ своеемъ дѣтствѣ думала видѣть написанное на лунѣ слово: «Богъ»—слово, которое для мыслящаго существа должно читаться на каждомъ древесномъ листѣ! Смотри на красоту неба, на облака, я воскликнѣла: «Какое могущество Того, Кто сотворилъ все это, кто оживилъ своей волей все, что мы видимъ; лиць одному Его слову все подчинилось, все вошло въ повиновеніе! Каково должно быть величіе, окружающее Его престоль! Каково счастіе предаваться такимъ мысламъ! Какое зрелище можетъ сравниться съ созерцаніемъ природы!

2-го ноября. Ла-Галандри. Прежде отѣзда изъ этой деревни должно сказать, что я выѣхалъ 24-го июня, въ воскресенье, послѣ обѣдни. Въ дорогѣ ничего замѣчательнаго не случилось; на другой день, сдѣлавъ 20 станцій, я прѣѣхалъ сюда около 7-ми часовъ, найди уже хозяевъ (т. е. Кошевыхъ) поселившихся здѣсь, въ этой деревнѣ. Однажды мы обѣдали у г. Конъ (Caup), съ которымъ я имѣлъ очень оживленный разговоръ о Кромвелѣ, и, находясь въ нѣсколько возбужденномъ состояніи, вслѣдствіе изрядной порции выпитаго мной вина, у меня возникъ съ моимъ хозяиномъ и другой разговоръ, но всетаки въ болѣе благоразумной формѣ нежели тотъ, который у насъ съ нимъ былъ въ каретѣ, на дорогѣ въ Тушанъ (Touchant), по поводу поведенія министровъ въ политикѣ. Сколько неудовольствій причиняешь себѣ излишнею горячностью! Не знаю, каковы другіе, но, что до меня касается, я—одицетвореніе грѣха и ничтожества! Здѣсь я довольно хорошо употребилъ время: утро было употреблено на чтеніе съ маленькой Коко и съ ея матерью, а послѣобѣденное время было разнообразнѣе. Я имѣлъ нѣсколько словъ съ хозяйкой дома и въ одномъ изъ нихъ я сознаю себя очень виновнымъ, потому что былъ весьма грубъ; но, съ одной стороны, я имѣлъ случай видѣть ея кроткость и великодушіе, съ другой—что споры, чтобы быть полезными, должны производиться не иначе, какъ съ глазу на глазъ.

Приключившаяся апоплексія старому Сен-Мартену привлекла въ здѣшніе края его сына¹⁾), который, прибывъ къ намъ на три дня, имѣлъ случай произвестъ бѣзконечное добро. При этомъ, я имѣлъ возможность видѣть очень дурное качество моего сердца, которое, надѣясь на милосердіе Божіе, съ помошью Его милости измѣнится.

¹⁾) См. примѣчаніе къ письму отъ 11-го янв. 1787 г.

Велика милость Всемогущаго Существа, что она даетъ возможность узрѣть наши пороки!

Возвращаясь съ водь, графиня Разумовская проѣхала чрезъ Турь и пробыла въ немъ одинъ день, находясь въ весьма жалкомъ состояніи относительно своей души.

Назадъ тому 8 дней, какъ Кошелевъ уѣхалъ въ Парижъ, чтобы найти квартиру, а я осталась здѣсь съ его супругой, съ нетерпѣніемъ дождаясь (вирочень, не съ такимъ, съ какимъ бы было должно) его письма, которое должно рѣшить наше отѣздъ. Имѣя въ виду достаточно привлекательныя приглашенія въ Лонъ, я уже болѣе мѣсяца готовъ туда отправиться, но г-жа Кошелева меня удержала и такъ какъ она также рѣшила мой прѣездъ сюда, то я и этому подчинился, чтобы кончить начатую службу.

Примѣчаніе. Съ этого мѣста продолженіе журнала, въ формѣ писемъ, адресовано: «à ma chère soeur», вѣроятно, въ смыслѣ масонскаго братства, а таѣль въ журналь повторяются мѣстами слова «ma soeur» съ привлечениемъ «Barde», то мы, кажется, не ошибаемся можемъ полагать, что эти письма адресованы къ Варварѣ Ивановнѣ Кошелевой, супругѣ Родиона Александровича Кошелева.

Н. П. Вершининъ.

Лонъ.—11-го ноября 1787 года.

Вотъ я счастливо и добрался сюда, моя дорогая сестра. Со вчерашняго вечера я еще не видѣлъ ни Милане¹) (Millanais), ни Виллермоза²), но сколько здѣсь, столько же и въ дорогѣ часто думалъ о васъ.

9-го. Въ 4 часа я выѣхалъ; съ большими нетерпѣніемъ дождался восхожденія солнца, чтобы оно освѣтило мнѣ интересовавшое меня виды.

10-го. Спустился съ довольно высокой горы Таранъ (Taran), и, идя пѣшкомъ, остановился на нѣсколько минутъ, пораженный спокойствіемъ, всюду царствовавшимъ! Я думалъ о васъ, дорогая се-

¹) Милане (Millanais, avocat du Roi à Lyon), одинъ изъ влиятельныхъ масоновъ ліонскихъ, авторъ сочиненія: Réponse aux assertions contenues dans l'ouvrage ayant pour titre: De conventu Latomorum apud aquas Wilhelminas. Lyon, 1784, in 8. Въ 1793 умеръ на эшафотѣ, въ Лонѣ. См. Thory, Acta Latologata I. 372, II. 364.
Бж. А. Л.-Р.

²) О Виллермозѣ см. примѣч. къ письму отъ 18-го дек. 1785 г.

стра, о вѣсѣ, находившейся въ то время въ самомъ шумномъ го-
родѣ въ мірѣ.

11-го. Быть у обѣдни, въ церкви св. Иоанна, которая весьма
замѣчательна.

12-го. Быть у Милане, который, вѣроятно, вслѣдствіе своихъ за-
нятій, не могъ меня видѣть; Виллермозъ, который долженъ былъ
посѣтить меня утромъ, тоже не прѣѣхалъ... вотъ, дорогая сестра,
и несчастія! но я угѣшаюсь, зная, что эти люди такъ заняты, что
только дѣла самой большой важности имъ мѣшали разѣ-
вать. Нужно вамъ сказать, что я занимаю теперь ту же комнату,
въ которой имѣлъ случай сдѣлаться христіаниномъ.

13-го. Наконецъ, я видѣлся съ этимъ превосходнымъ Виллер-
мозомъ! Сего дня я долженъ быть быть у него въ $10\frac{1}{2}$ часовъ.
Какъ нѣжно я цѣловала его! Мы не хотѣли разлучаться; онъ былъ
окруженъ письмами. Чтобы дать вамъ понятіе, какъ заняты эти до-
стойные люди, скажу вамъ, что онъ не имѣлъ времени разобрать свои
письма, за три года получения; онъ передалъ мнѣ, что въ теченіе
недѣли онъ ищетъ свиданія съ Милане, но послѣдній также не
имѣть свободного времени. Я имѣль съ нимъ весьма интересный
разговоръ о чтеніи св. писания, которое главнѣйше состоитъ изъ
таинственности, которая окружаетъ большую часть періодовъ, однимъ
словомъ, мы говорили о томъ, какъ нужно читать св. писаніе.

Я отыскала прекрасную квартиру съ Жиро (Giraud), который
будетъ стоять имѣстѣ со мной,—это отель «Мира».

14-го. Сегодня видѣть принятіе въ орденъ, которое произвело
на меня сильное впечатленіе и чрезъ которое, назадъ тому почти
два года, я также прошелъ и сама. Здѣсь я имѣль случай разѣ-
ловать дорогаго брата Милане.

15-го. Вотъ я наконецъ и въ отель «Мира»! Да ниспошлетъ мнѣ
его Господь и да послужитъ мое успокоенное сердце ему обитѣю!

18-го. Уже нѣсколько дней я не бесѣдовала съ вами, моя доро-
гая сестра, но весьма часто о васъ думала. Сегодня съ дорогимъ
братьемъ Жиро я быть у обѣдни и на возвратномъ пути имѣть весьма
интересный разговоръ съ однимъ изъ нашихъ, г-жъ Гренвилль¹⁾
(Grainville); онъ, между прочимъ, отнялъ у меня эту большую окоту
къ магнетизму (ce grand désir pour le magnétisme), но даль болѣе
ясную мысль о лунатикахъ. Я долженъ замѣтить здѣсь два необыкно-

¹⁾ Гренвилль (de Grainville, officier au régiment de Foix) быть въ числѣ
масоновъ, созванныхъ на парижскіе конвенты 1785 и 1787 годовъ. Thogu,
Acta Latomorum, II. 94.

венныхъ случаевъ, которые были съ дорогимъ Жиро: первый—съ одной особой, которая его нашла въ неизвѣстной для нея деревнѣ, а другой—съ женщиною, находившейся въ лунатизмѣ, въ Парижѣ, и состоявшей на службѣ, въ конторѣ одного нотаріуса.

20-го. Сегодня, съ дорогимъ Жиро и сильно любимымъ мной Виллермозомъ, я присутствовалъ на уладительномъ (*delicieux*) обѣдѣ у одного изъ нашихъ, г. Гренвиля. Я затрудняюсь вамъ выразить мною ощущаемую радость, вслѣдствіе моего нахожденія въ этомъ добромъ обществѣ. Дорогой Виллермозъ мнѣ передалъ одно обстоятельство о нашихъ дѣйствіяхъ, о которыхъ я никогда не думалъ, но которое тѣмъ не менѣе совершенно вѣрно.

21-го. Быть сего дня у г. Превенсалль (*Previnçale*), гдѣ, какъ первобытные христіане, мы вмѣстѣ читали. Я весьма часто о васъ думаю.

25-го. Надо путешествовать, чтобы быть въ состояніи записывать свои мысли, которые могли бы быть интересны; перемѣна предметовъ ихъ рождаетъ—вотъ причина, почему до сегодняшняго дня я не могъ вамъ ничего сообщить. Быть въ обѣднѣ съ дорогимъ Жиро и потомъ обѣдать съ моими дорогими братьями и весьма приятно провелъ время. Послѣ обѣда видѣлъ одно собраніе, мнѣ еще невиданное и возбудившее во мнѣ многія размышленія.

О парижскомъ парламентѣ получаются весьма дурные слухи; боюсь, чтобы все это не кончилось дурно.

10-го декабря. Наканунѣ дня моего рожденія, хочу вамъ дать отчетъ въ моихъ дѣйствіяхъ за это время, и такъ: 7-го вечеромъ, я находился въ большомъ обществѣ моихъ друзей и имѣлъ случай пользоваться ихъ познаніями. 8-го у насъ обѣдалъ Виллермозъ и Гренвиль и я имѣлъ случай видѣть одну изъ сторонъ огромной пользы, когда принадлежишь къ этому обществу, потому что почти все его члены навѣстили моего товарища Жиро, который болѣнь. Здѣсь былъ также и Милане, который говорилъ весьма о человѣческой волѣ. 9-го былъ въ нашемъ собраніи. Что за счастливая для меня здѣсь минуты, моя дорогая сестра! Да славится вѣчно имя Всемогущаго Бога!

11-го. Сегодня день моего рожденія, и такъ, скажу вамъ, дорогая сестра, что мнѣ 32 года. Наша здѣшняя жизнь есть постоянная школа. Счастливы тѣ, которые стараются воспользоваться получаемыми ими уроками! Я нахожусь теперь относительно этого въ весьма выгодномъ положеніи; если этимъ случаемъ не воспользуюсь,—вина падетъ на меня; но надѣюсь, что милосердіемъ Всемогущаго и съ помощью моего дорогого стражи, я воспользуюсь выгодою моего положенія. Я одинъ, безъ общества, безъ родныхъ; друзья, которыхъ я

имъю, заняты другимъ дѣломъ; вотъ почему, чтобы достигнуть положенія душевнаго довольства, мнѣ нужно искать помощи въ другой сторонѣ; но полагаю, что, отыскавъ ее, моя келья (cellule) будетъ для меня вездѣ пріятнѣйшимъ достояніемъ,—а это большое счастіе. моя дорогая сестра!

16-го. Я, кажется, говорилъ вамъ, что надо путешествовать, чтобы быть въ состояніи писать интересный журналъ. Я веду здѣсь жизнь столь однообразную, что, въ самомъ дѣлѣ, я не знаю, чѣмъ вамъ сказать, потому что, если бы я повторялъ вамъ каждый день, что весьма часто о васъ думаю,—я боюсь, что это могло бы вамъ наскучить.

19-го. Скажу вамъ нѣчто, чѣмъ, можетъ быть, вѣсель удивить, а именно: что, не смотря на то, что нахожусь въ средѣ особъ, исполненныхъ большихъ познаній, мое къ нимъ горячее уваженіе уменьшилось, и, полагая, что достаточно хорошо оставаться такимъ, каковъ я теперь, я молю Всемогущаго Бога употребить свое вліяніе, чтобы можемъ поддержать въ настоящемъ моемъ состояніи духа.

25-го. Сегодня исполнилось два года, что, по милости Всемогущаго, я имѣль счастіе сдѣлаться христіаниномъ¹⁾), чрезъ дорогаго брата Виллермова, съ которымъ я былъ въ церкви св. Иоанна, также, какъ и въ тотъ знаменательный день! Я только теперь вспомнилъ, что забылъ возвести благодареніе Богу за эту великую милость! Развѣ я не окаянный?

26-го. У меня обѣдали Мольеръ и Паганузzi (Molière et Paganuzzi), и эта трапеза была по-истинѣ братская.

1788 годъ.

21-го января. Сегодня я обѣдалъ у декана (doyen), гдѣ наше помини, со многими подробностями, возводившими во мнѣ болѣе удовольствіе. «Славны бубны за горами!» Прежде нежели приѣхать сюда, я воображалъ, что рѣчи лицъ, которыхъ предаются почтенному занятію когда находятся вмѣстѣ, должны лишь касаться его, увы!—теперь я усматриваю, что только въ уединеніи можетъ виться истинное чувство. Постараюсь, на сколько могу, воспользоваться этимъ.

¹⁾ Это обстоятельство подробно объяснено дальше въ «Воспоминаніяхъ» автора.

23-го. Вчера обѣдалъ у Виллермеза, гдѣ чрезвычайно хорошо проводилъ время, а сегодня у г-на Браунъ, который имѣетъ дѣтей, изъ которыхъ меньшой, кажется, очень умень; но его заставляютъ очень много работать, задавая ему часто вопросы, и мнѣ кажется, что умѣстнѣй, чтобы предлагали вопросы дѣти, а не ихъ спрашивали.

1-го февраля. Былъ весьма неудачный день, потому что я проводилъ его въ спорахъ—утромъ о магнетизмѣ, а вечеромъ о бракѣ; но за то я и не могъ заснуть до 5-ти часовъ. Вы знаете, что я всегда думалъ, что споры никуда не годятся, и ночью принялъ рѣшеніе никогда не принимать въ нихъ участія; въ этомъ рѣшеніи я еще болѣе утвердился, встрѣтивъ брата Мольера, который мнѣ сказалъ, при моей у него исповѣди, что Иисусъ Христосъ никогда не спорилъ. И такъ, будемъ просить Иисуса Христа, чтобы онъ далъ намъ силы избѣгать споровъ и быть воздержными въ нашихъ рѣчахъ. «Возложи храненіе устамъ моимъ!»

25-го марта. Препятствія мѣшаютъ моему путешествію въ Лондонъ и ставятъ меня въ необходимость возвратиться къ сентябрю мѣсяцу въ Россію.

•

Рюминъ.—21-го мая.

Вотъ я и покинулъ Ліонъ еще съ 19-го числа, проживъ въ немъ шесть мѣсяцевъ и девять дней. Не смотря на то, что я обѣщалъ вамъ мой журналъ лишь изъ Швейцаріи, но не могу же я разговаривать одинъ!—почему и скажу вамъ, что, чрезъ пребываніе въ Ліонѣ, я достигъ нескончаемаго блага и молю Всемогущаго, чтобы онъ снизошелъ усовершенствовать его еще болѣе и довершить на мнѣ свою работу. Вечеромъ того же дня, я приѣхалъ въ Гренобль; но на другой день мнѣ встрѣтились препятствія бѣхать въ деревню г-на Тура (Tour), только 21-го числа я могъ это исполнить. Войска окружили парламентъ и я (вижу?) въ числѣ патрульныхъ въ городѣ (Les troupes avaient investi le Parlement et je suis (vois?) des patrouilles dans la ville),—что произвело на меня странное впечатлѣніе. Большое несчастіе, когда государь обязанъ употреблять военную силу, чтобы насиливать своихъ собственныхъ подданныхъ, вмѣсто того, чтобы употребить ее на ихъ защиту!

22-го. Былъ въ Картеzianскомъ монастырѣ (Grande Chartreuse). Мы вышли въ хорошую погоду, но на дорогѣ были застигнуты дождемъ и я совершенно измокъ; по приходѣ же нашемъ, погода прояснилась; мы съ трудомъ спускались въ долины и всходили на крутые подъемы

ми, однимъ словомъ,—адѣсь всего было въ волю. Я не осмѣливался выразить моего мнѣнія о духовномъ обществѣ монастыря, чего бы мнѣ весьма хотѣлось, но мои мысли для этого не достаточно ясны. Уже въ совершенно другую погоду, вчера, 23-го, мы возвратились въ Гренобль. Я доволенъ начать путь въ Швейцарію и прошу Милосердаго Творда, чтобы снизошелъ благословить его и позволилъ мнѣ, чрезъ Свою неисчерпаемую доброту, вынести изъ него возможную для себя пользу.

Немуръ.—7-го ноября.

И такъ, это адресовано къ вамъ, моя дорогая сестра; беспокойства, которыхъ мы испытали прежде отъѣзда изъ Ла-Галандри, вамъ известны, а между тѣмъ они были истины, потому что всешло отлично. Съ нами случилось, добрая сестра, то, что случается весьма часто—мы беспокоились тому, почему не следовало беспокоиться.

Въ этотъ же вечеръ мы доѣхали до Орлеана и вчера утромъ я убѣжалъ (*et hier matin je me suis enfuis*), съ рѣшимостю сопровождать васъ въ Этампъ (*Etamp*), гдѣ мы разстались, потому что я, такъ сказать, былъ обязанъ васъ сопровождать до этого мѣста. Тѣмъ не менѣе, я благодарю небо, что оно выразило свою волю, чтобы я докончилъ что началъ, и чтобы созналъ ничтожность моихъ услугъ, потому что сдѣлалъ лишь то, что былъ обязанъ сдѣлать. Какъ благодарить мнѣ доброго ангела, который внушилъ мнѣ мысль говорить съ вами, въ вашемъ отсутствії!

Было еще свѣтло когда я достигъ Фонтенбло....

Примѣчаніе. Всѣдѣ за симъ помѣщаемый отрывокъ изъ дневника В. Н. Зиновьевъ представляетъ собой неспищую тетрадь на синей бумагѣ, въ листъ. Отрывокъ этотъ безъ начала и конца и веденъ уже по возвращеніи изъ заграницаго путешествія. Всѣдѣствіе утраты его заголовка, о旣 не обозначенъ никакимъ годомъ, но, основываясь на промежуткѣ, о которыхъ въ немъ упоминается, его съ полной достовѣрностью должно отнести къ 1790-му году. Этотъ отрывокъ веденъ по русски и касается неизвестныхъ интереса эпизодовъ о многихъ лицахъ высшаго петербургскаго общества, а частію и придворной жизни того времени. Въ это время В. Н. Зиновьевъ пережилъ уже весьма многое, почему взглянуть его на многое, какъ памъ кажется, измѣнился, и въ его сужденіяхъ этого времени проглядываетъ не свойственный ему въ прежнее время пессимизмъ и чрезъ мѣру строгія воззрѣнія на различныя явленія того времени, сами по себѣ совершенно искренни и безвредны. Какъ бы то ни было, но отрывокъ этотъ

заслуживает полного вниманія и любопытствъ уже потому, что упоминаетъ о некоторыхъ фактахъ петербургской жизни того общества, въ которомъ вращался авторъ дневника, до сего времени мало или вовсе не известныхъ. Очевидно, что существуетъ замѣтный пробѣгъ между началомъ этого отрывка и возвращеніемъ автора въ Петербургъ изъ путешествія, — отсутствие заголовка къ этому отрывку еще болѣе подтверждаетъ это мнѣніе. Утрата начала этого отрывка изъ дневника В. Н. Зиновьевъ и продолженія его заставляетъ невольно сожалѣть о нихъ, въ виду близкаго знакомства автора съ лицами, о которыхъ онъ пишетъ, и той среды, въ которой онъ вращался въ Петербургѣ и которая была ему известна во всѣхъ подробностяхъ.

Н. П. Варвашниковъ.

1790-й годъ.

5-го октября. Нравы у насъ такъ разстроены, что нигдѣ такихъ вещей не дѣлается, какъ у насъ. Князь Куракинъ¹⁾ далъ баль, гдѣ не только три актрисы находились, но и любовникъ ихъ! При самыхъ развращенныхъ нравахъ въ Парижѣ сего не дѣлаютъ. Еще замѣтить здѣсь можно, — дороговизна чрезвычайная, которая здѣсь и непонятна: какъ люди съ посредственнымъ состояніемъ жить могутъ?

6-го октября. Пробылъ цѣлый день у Варвары Ивановны, и тутъ Родионъ Александровичъ²⁾ оказалъ свое лукавство, — осматриваясь, находясь ли я въ комнатѣ, чтобы сказать обо мнѣ, что я крѣпко играю. Вѣкъ живи и вѣкъ учись! пословица выйдетъ справедливая: «чтобы узнать другаго, надобно пудъ соли вмѣстѣ съѣсть. — Разговоръ за столомъ былъ, болѣшей частію, о картахъ.

¹⁾ Въ 1790 году кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ находился еще на жительствѣ въ своемъ «Надеждинѣ», почему авторъ, безъ сомнѣнія, говоритъ о князѣ Алексѣѣ Борисовичѣ Куракинѣ. Въ это время онъ служилъ подъ начальствомъ Алексѣя Ивановича Васильева (въ послѣдствіи графа), въ канцеляріи генераль-прокурора кн. Вяземскаго.

Н. П. В.

Сомнѣваюсь въ справедливости этого примѣчанія. Изъ подлинной переписки кн. Александра Борисовича видно, что онъ въ іюнѣ 1792 года выѣхалъ изъ Петербурга въ саратовское свое имѣніе; следовательно, онъ былъ въ Петербургѣ еще до вступленія императора Павла на престолъ.

Кн. А. Л.-Р.

²⁾ Мужъ и жена — Кошелевы. Въ Вышебесскомъ архивѣ находятся письма Кошелевыхъ къ автору дневника, изъ которыхъ усматриваются ихъ дружескія отношенія. Во время путешествія Кошелевыхъ по Европѣ, ихъ домъ служилъ сборнымъ мѣстомъ для русскихъ масоновъ. В. Н. Зиновьевъ познакомился съ Кошелевыми и ввелъ въ ихъ общество Сень-Мартена. Н. П. В.

8-го октября. Обѣдалъ, въ день рождения, у Варвары Ивановны, которая была опечалена болѣзнию дочери своей. Погода такъ дурна, что всѣ въ городѣ почти немогутъ, начиная отъ государини и наследника, у которого Сергій Иванович¹⁾ не въ милости. Боже Всемогущій! избави меня отъ близкаго знакомства съ вельможами сего свѣта,—оное, мнѣ кажется, весьма опасно. Всѣ наши слабости ведутъ насъ сохранить оное, а въ ономъ надобно или самому испортиться, или противъ совѣсти онѣмъ лѣстить! Ужиналъ у имянинника случайного Тарсукова²⁾). Удивительно, какъ у насъ публика людей дѣлаетъ случайными, которые не таковые, и, не могши чрезъ оныхъ ничего получить, такъ ихъ превозносить, какъ будто они половину государства отдать могли!

9-го октября. Обѣдалъ у Завадовскаго³⁾, который очень не веселъ былъ. Былъ въ концертѣ, считая слышать гарифирста; кончилъ вечеръ у Варвары Ивановны и въ 10 часовъ былъ у Новосильцева⁴⁾, гдѣ засталъ всѣхъ прилежно играющихъ въ банкѣ.

10-го октября. Обѣдалъ у Козадавлева⁵⁾.

11-го октября. Нынче былъ славный обѣдъ у гр. Ивана Петровича⁶⁾ для поднесенного, по имянному указу, ему золотаго кубка. Я сидѣлъ возлѣ Петра Ивановича Новосильцева и тутъ запечь разговоръ, что сей кубокъ перейдетъ къ потомкамъ, которые, читая надпись, будутъ имѣть ложное мнѣніе о дѣяніяхъ гр. Салтыкова.

¹⁾ Сергій Иванович Плещеевъ (умеръ въ 1802 г., въ Монтпелье) известенъ какъ лицо, имѣвшее особенную довѣренность и расположение импер. Павла.

²⁾ Арадаюнъ Александровичъ Тарсуковъ (умер. въ 1811 г.) въ послѣдствіи былъ оберъ-гофмаршаломъ двора; имѣлъ въ супружествѣ племянницу Мары Савицны Перекусихиной, Екатерину Васильевну.

³⁾ Гр. Петръ Васильевичъ Завадовскій.

Н. В. П.

⁴⁾ Петръ Ивановичъ Новосильцевъ, въ послѣдствіи д. т. с. († 1805 г.), женатый на Екатеринѣ Александровнѣ Тарсуковой (сестрѣ Арадаюна Александровича Тарсукова).

Кн. А. Л.-Р.

⁵⁾ Осипъ Петровичъ.

⁶⁾ Гр. Иванъ Петровичъ Салтыковъ (р. 1730 г., умер. 14-го ноября 1805 г.), въ послѣдствіи генералъ-фельдмаршаль. Въ 1790 году онъ командовалъ финансовою арміей. Въ день торжества мира съ шведами, 8-го сентября, графъ награжденъ званіемъ подполковника гвардіи Коннаго полка, шлагой съ алмазами и орденомъ св. Андрея Первозваннаго. При этомъ, какъ усматривается изъ дневника Василия Николаевича, ему поднесены, по имянному указу, золотой кубокъ съ надписью. Обстоятельство это, какъ кажется, до сего времени не было язвѣстно. Надо полагать, что всѣ эти награды и вызвали, 11-го октября 1790 года, со стороны графа обѣдъ, во время которого на столѣ красовался упомянутый золотой кубокъ, съ надписью, содержаніе которой намъ не известно.

Н. П. В.

12-го октября. Обѣдалъ дома, а ужиналь у Кошелевой, гдѣ съхалась очень пріятная компанія и гдѣ, послѣ ужина, играли по-чти весь вѣк Кензѣ (quince).

14-го октября. Обѣдалъ у Новосильцева, а ужиналь на имѧниахъ у Прасковыи Ивановны Голицыной ¹⁾).

16-го октября. Обѣдалъ у Кошелеева со Ржевскимъ, ужиналь на имѧниахъ у Аины Петровны Козадавлевой ²⁾). Съ нынѣшняго днія собираюсь всякий день писать свой журналъ.

18-го октября. Обѣдалъ у ляди Алексѣя Наумовича ³⁾). Домъ его день ото дня беспорядочнѣе становится. Ужиналь у Александры Борисовны Измайловой ⁴⁾), гдѣ и послѣ ужина въ карты играли; забава обыкновенная у насъ и которая обратилась въ упражненіе и заставляетъ забывать нужные и полезныя вещи!

22-го октября. Получилъ премилое письмо отъ гр. Семена Романовича Воронцова; обѣдалъ у Валуева ⁵⁾), а вечеромъ былъ у Задовскаго.

24-го октября. Пробылъ цѣлое утро дома, чтобы отвѣтить на письмо Воронцова, а потомъ поѣхалъ въ Эрмитажъ, гдѣ разныя игры были, и вѣроятно, что оный данъ былъ для графа Старенберга, для прѣѣзжаго съ извѣстіемъ о новомъ императорѣ ⁶⁾. Мнѣ тутъ довольно скучно было и я поѣхалъ ужинать къ Миниху.

31-го октября. Ничего, примѣчанія достойнаго, не произошло. Вчера обѣдалъ у Кошелева; послѣ обѣда играли въ карты съ Кошелевой и старшимъ Стакельбергомъ ⁷⁾), который мнѣ объ-

¹⁾ Княгиня Прасковья Ивановна Голицына, рожденная Шувалова (р. 1734, † 1802 г.), родная сестра Ив. Ив. Шувалова. Кн. А. Л.-Р.

²⁾ Аина Петровна Козадавлева, рожденная княжна Голицына, супруга Осипа Петровича и внувшая сестра князя Александра Николаевича Голицына.

³⁾ Алексѣй Наумович Сенявинъ (умеръ въ 1797 г.), адмиралъ и родной дядя Н. В. Зиновьеву, по Авдотѣ Наумовнѣ—матери автора дневника, которая была родной сестрой Алексѣя Наумовича. Н. П. В.

⁴⁾ Александра Борисовна Измайлова, рожд. княжна Юсупова, вдова д. т. с. Ив. Мих. Измайлова († 1787 г.) и родная сестра кн. Николая Борисовича Юсупова.

⁵⁾ Петръ Степановичъ Валуевъ, въ послѣдствіи д. т. с. (р. 1740, † 1814), женатый на Дарьѣ Александровнѣ Кошелевой (дочери того Александра Родионовича, о которомъ авторъ говорилъ по случаю пребыванія своего во Франціи). Кн. А. Л.-Р.

⁶⁾ По извѣстію Іосифа II-го, на германскій престоль, въ 1790 году, вступилъ Леопольдъ II-й, бывшій сначала герцогомъ Тосканскимъ. Н. П. В.

⁷⁾ Графъ Густавъ Оттоновичъ Стакельбергъ, дѣйств. т. с. и андреевский кавалеръ. Въ 1773 году былъ назначенъ отъ русскаго двора посломъ въ Варшаву и тамъ его умѣнье вести дѣла доставило ему авторитетъ умнаго и

явить, что онъ собирается волочиться за моей женой, когда бы я жилъся. Нравы у насъ примѣтно развращаются и, кажется, очевидно день ото дня хуже становится! Вечеромъ былъ на концертѣ, гдѣ частію подтвержденіе тому имѣлъ, что теперь говорю. Ужиналь у Козадавлевой.

6-го ноября. На сихъ дняхъ былъ дежурнымъ у государыни и въ первый разъ представлять ей трехъ въ кавалергардской, да генераль-маиора Река, въ дежурной. Въ тотъ же день обѣдали шведскій генераль Стедингъ¹⁾ и присланный отъ императора Старенбергъ. Былъ балъ у послы 4-го, гдѣ мнѣ очень весело было, послѣ которого Варвара Ивановна занемогла. 5-го ноября, былъ поутру у Варвары Ивановны и тутъ мнѣ Родионъ Александровичъ, съ обыкновенной своей горячностью, попрекалъ, что я его жену разбудилъ; но, благодаря Бога, что я передъ выѣздомъ моимъ читалъ проповѣдь о любви, слѣдовательно, мнѣ легче было воздержаться отъ вспышчивости, которая у меня въ сильномъ градусѣ. Вечеромъ заѣхалъ къ Завадовскому просить его обѣ Экermannъ. Ноинче было собраніе для нового клуба, но сомнѣваться должно, чтобы онъ состоялся, ибо никто въ директоры идти не хочетъ. Вечеромъ былъ въ концертѣ у Страганова, гдѣ Стакельбергъ, въ Георгіевскомъ крестѣ, въ шагѣ и въ мундирѣ, буффонскую арію пѣлъ, такъ что пудра около него летѣла. Нравы наши день ото дня портятся, и не видно что изъ сего выйдетъ,—но хорошаго нечего ожидать.

10-го ноября. Ноинче былъ у Троицы, у обѣдни, и положилъ все-ко воскресенье тудаѣздить, а когда дежурный, то тогда послѣ оного во дворецъ прїѣзжать. Обѣдали у Анны Осиповны²⁾, гдѣ послѣ обѣда заснули; а вечеромъ былъ въ Эрмитажѣ, гдѣ совершенныя святки были, которыхъ намъ великія бѣдствія предвѣщаютъ! Боже ми-

способного человѣка. Въ Варшавѣ онъ жилъ весьма роскошно. Авторъ «Дневника» едва ли не ошибается причисливъ его къ георгіевскимъ кавалерамъ.

Н. П. В.

¹⁾ Шведскій генераль (а въ послѣдствіи фельдмаршалъ) графъ Стедингъ (Stedingk) прїѣхалъ въ Петербургъ съ письмомъ отъ короля шведскаго къ императрицѣ Екатеринѣ, послѣ нашей войны съ Швеціей, и, бывши вскорѣ назначенъ шведскимъ посланникомъ въ С.-Петербургъ, оставался въ этомъ званіи до февраля 1808 года. Записки его, на французскомъ языѣ, изданы генераломъ графомъ Бюристерномъ, въ Парижѣ, въ 1844—1847 годахъ.

Кл. А. Л. Р.

²⁾ Анна Осиповна Бобрищева-Пушкина, рожденная Козадавлева, тетка Осипа Петровича Козадавлева, имѣла весьма обширный кругъ знакомыхъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, и еще въ царствованіе императрицы Анны Ioannovны пользовалась милостями двора.

Н. П. В.

Хозердий! Тебѣ бояче известна опасность, въ которой я нахожусь, охраня меня отъ оной, направи стопы мои на путь истины и утверди меня въ ономъ!

11-го ноября. Выло молебствіе у дворца о взятіи Килии¹⁾,—города турецкаго. Ивана Ивановича Шувалова были имянины, гдѣ я до пятаго часа пробылъ.

15-го ноября. Быть у Тарсукова, гдѣ Брюсъ и Салтыкова были. Чечальное состояніе нашего отечества!—молодость (т. е. молодежь) самая развращенная, а старики и разные люди—безъ правиль, игроки, волокиты и поддѣцы и не имѣютъ малѣйшаго вѣса надъ юношествомъ.—Что изъ этого выйдетъ?!

17-го ноября. Быть Эрмитажъ, со многимъ шумомъ. Государыня подходила ко мнѣ и не узнавала меня; но я думаю—нарочно....

Примѣчаніе. Выше помѣщенный отрывокъ дневника В. Н. Зиновьевъа—послѣдній. Не знаемъ—существуетъ ли продолженіе этого дневника. Изъ словъ этого отрывка усматривается, что авторъ, въ день 16-го октября, отмѣтилъ: «Съ нынѣшняго дня собираюсь всякий день писать свой журналъ», и необходимо предположить, что авторъ продолжалъ бы его и что таково было его твердое намѣреніе, которое, если не исполнить, то независимо отъ своего желанія и по неизвестнѣй для настъ причинамъ.

Изъ числа бумагъ, непосредственно слѣдующихъ, по времени ихъ написанія, за послѣднимъ отрывкомъ дневника, замѣтно выдѣляется «Автобиографія» В. Н. Зиновьевъа, писанная уже въ 1806 году и озаглавленная «Воспоминаніями». Эти «Воспоминанія» написаны для матери второй супруги В. Н. Зиновьевъа, г-жи Брейткопфъ, въ посѣдѣніи начальницы Екатерининскаго института, съ которой у автора «Воспоминаній» существовали родственныя, дружескія и вполнѣ искреннія отношенія, на что указываютъ и Воспоминанія. О г-жѣ Брейткопфъ упоминается въ своихъ Запискахъ гр. Комаровскій («Русскій Архивъ», 1867 года, стр. 220).

¹⁾ 1790 года 18-го октября, турки сдали русскимъ городъ и крѣпость Килию. 20-го октября наша флотилія, подъ командою генераль-маиора Рибаса, вступила въ Дунай и заняла постъ при крѣпости Килии, послѣ чего турецкія войска были совершенно разбиты и у нихъ отнято 19 пушекъ, 7 судовъ и пр.

«Воспоминания» восполняют недомолвки и пробелы, встречающиеся довольно часто, вследствие разъяснности автора и его дурной памяти (въ чём онъ сознается въ одномъ изъ писемъ своихъ къ гр. Воронцову). «Воспоминания», кроме того, сообщаютъ много нового о воспитании автора и дополняютъ, до известной степени, тѣ отрывочные понятія о домашнемъ воспитаніи вообще, которое давалось въ это время русскимъ богатымъ дворянамъ. Понятно, что, начавъ въ 30-ти лѣтнемъ возрастѣ свой журналъ, въ Лейпцигѣ, онъ оставилъ незатронутыми свои первые дѣтскіе годы, почему они и остались для насъ неизвѣстными,—«Воспоминания» же, въ этомъ случаѣ, восполняютъ нѣсколько этотъ пробѣлъ. Въ нихъ заключаются цѣль безынтересныи указанія на жизнь 12-ти русскихъ студентовъ, посланныхъ, въ 1766 году, по желанію императрицы Екатерины, въ Лейпцигъ. Указанія эти, разумѣется, вполнѣ любопытны, потому что добытныя до сего времени свѣдѣнія о ихъ жизни въ Лейпцигѣ далеко не полны и заставляютъ желать во многомъ ихъ восполненія.

«Воспоминания» писаны ихъ авторомъ въ то время, когда онъ достигъ уже 52-хъ лѣтъ. Пылкій энтузіастъ и искренній масонъ, въ лучшемъ значеніи слова, въ это время В. Н. Зиновьевъ уже критически относился ко многимъ явленіямъ, встрѣченнымъ имъ на жизненномъ пути: въ это время онъ уже беспощадно относится ко многимъ своимъ дѣйствіямъ, онъ уже самъ сознается въ излишней впечатлительности и энтузиазмѣ своихъ прежнихъ лѣтъ. Не переставая отдавать справедливость познаніямъ, такъ сказать, вожаковъ и корифеевъ французского масонства, съ которыми онъ сопелся въ прежнее время—въ его отзывахъ о нихъ, находящихся въ «Воспоминаніяхъ», какъ будто слышится нѣкоторое недовольство тѣмъ, что онъ въ нихъ встрѣтился. Такъ, онъ положительно радуется, что былъ остороженъ съ Сенъ-Мартеномъ, который безъ этого могъ бы имѣть на него дурное влияніе. Если къ этому добавимъ его отзывъ изъ Лиона о тамошнихъ масонахъ, по поводу которыхъ онъ привезъ даже русскую поговорку: «славны бубны за горами», то получимъ довольно вѣрное понятіе о томъ, что В. Н. Зиновьевъ далеко не былъ удовлетворенъ общимъ тономъ заграничнаго масонства, не соотвѣтствовавшимъ его взгляду на общество, отъ которого истинные масоны требовали чего-то болѣе серьезнаго. «Воспоминания» написаны по французски, но мы нашли необходимымъ перевести ихъ на русский языкъ, какъ для большей доступности читателей, такъ и не видя необходимости удерживать языкъ подлинника, исполненный безчисленныхъ неправильностей и грамматическихъ погрѣшностей.

Н. П. Варышниковъ.

Воспоминания В. Н. Зиновьева.

8-го декабря 1808 года.

Вчера, вы сдѣлали мнѣ вопросъ, на который я спѣшу отвѣтить, въ надеждѣ, что произнесенный приговоръ надъ самимъ собой принесетъ большую пользу, потому что напомнить мнѣ о великомъ множествѣ моихъ грѣховъ и о непостижимомъ милосердіи Спасителя, которое Ему угодно было ниспослать такому несчастному грѣшнику, каковъ я.

До двѣнадцатилѣтняго возраста¹⁾, я находился въ домѣ моихъ родителей, гдѣ, признаюсь вамъ, мнѣ весьма памятно, что я занимался продажей ртути моей покойной сестрѣ²⁾ и научничествомъ. Со стыдомъ воспоминаю обѣ удовольствія, съ которыми это дѣлалъ, но, оставленный на попеченіе порочныхъ слугъ—я шелъ по ихъ стопамъ.

Вы видите, мой другъ, ребенка уже испорченаго, слѣдовательно, я долженъ благодарить Провидѣніе, которое, не смотря на мои пороки, осыпаетъ меня благодѣяніями, потому что на двѣнадцатомъ году я былъ отправленъ изъ моего отечества и удаленъ отъ всѣхъ окружавшихъ меня негодяевъ. Въ Лейпцигѣ, какъ я уже однажды вамъ говорилъ, самое замѣчательное, что со мной случилось, была одна минута столь безнадежной тоски, что я хотѣлъ лишить себя жизни, но мой внутренній покровитель, мой ангель-хранитель мнѣ сказалъ: «какъ представешь ты передъ Богомъ, послѣ подобного поступка!» и при этомъ мое умственное смущеніе кончилось.

Въ то время, какъ я и нѣсколько молодыхъ людей находились подъ надзоромъ маюра Бокума, нась выучили по нѣмецки, заставляли читать разныя книги священнаго писанія, и я смыю сказать, что это чтеніе въ будущемъ принесло мнѣ наиболѣе пользы и было причиной, что, не смотря на мое стараніе заглушить крикъ совѣсти моими пороками, я не могъ этого достигнуть. Въ теченіе этихъ трехъ или четырехъ лѣтъ, я помню, что дѣлалъ дѣтскія шалости и даже грѣхи. При нась былъ священникъ нашего исповѣданія, но я не помню, чтобы я у него хоть однажды былъ на духу; теперь я пользуюсь случаемъ исповѣди и вхожу въ единственный храмъ — свое сердце. Мое пребываніе въ Лейпцигѣ должно быть раздѣлено на два периода, потому что послѣ побѣга (fuite) маюра, которому мы были

¹⁾ Василий Николаевич родился 11-го декабря 1755 г.

²⁾ Екатерины Николаевны, бывшей за кн. Г. Г. Орловымъ. Жн. А. Л.-Р.

поручены, насть помѣстили въ двухъ домахъ (nous fumes placés en deux maisons¹)¹). Я попалъ въ одинъ изъ нихъ, гдѣ женщина дурнаго поведенія заставила меня согрѣшить раньше, нежели я могъ бы имѣть къ тому случай. Я оставался въ этомъ домѣ, о которомъ упомянуль, болѣе двухъ лѣтъ и наконецъ былъ призванъ въ мое отечество моимъ старшимъ братомъ, котораго вы знаете, и, пробывъ сколько шести мѣсяцевъ въ Россіи, я уѣхалъ изъ нея, въ качествѣ курьера, съ извѣстіемъ о мирѣ. Я былъ посланъ въ Италію съ извѣстіемъ о мирѣ съ турками. Ни во время этого путешествія, ни во время ожиданія моей кн. Орлова въ Италіи, со мной ничего не случилось на столько замѣчательнаго, о чмъ бы стоило здѣсь упоминать. Въ теченіе этого времени я слѣдовалъ моимъ дуринымъ наклонностямъ, но былъ за это наказанъ болѣзнью. Я разстался съ княземъ въ Англіи и опять провелъ сколько восьми мѣсяцевъ въ Лейпцигѣ, откуда отправился обратно въ Россію и вступилъ во владѣніе моимъ имѣніемъ, раздѣливъ его съ братомъ. Нужно вамъ замѣтить одну странность, а именно, что я получилъ всѣ свои чины во время моего отсутствія изъ того края, гдѣ они раздаются, и помимо моего вѣдѣнія.

Послѣ смерти моей покойной сестры, случившейся въ 1781-мъ, и смерти кн. Орлова въ 1783 году, я рѣшился вернуться въ чужое края. Причиной этому было то, что я желалъ убѣдиться въ благодатной вѣрѣ, при помощи которой желалъ покинуть это мѣсто скорби и грѣха и сдѣлаться христіаниномъ по сердцу, а не по имени только. Я вообразилъ, что въ чужихъ краяхъ я встрѣчу людей, которые уничтожатъ всѣ мои сомнѣнія объ этомъ важномъ предметѣ, потому что, не смотря на мои животные инстинкты, мой другъ, я не могъ усыпить свою совѣсть, упрекавшую меня въ нихъ. Болѣе двухъ лѣтъ я былъ игрушкой своихъ страстей и, бывъ еще разъ наказанъ болѣзнью, я рѣшился употребить все свое стараніе, чтобы сдѣлаться болѣе благороднымъ.

Какъ самая болѣзнь, такъ и опасеніе быть вновь наказаннымъ, а особенно пріимѣрь, который я долженъ былъ давать моему племяннику²), котораго я нашелъ въ Брауншвейгѣ, положили конецъ, на нѣкоторое время, моей безпорядочной жизни. Занимаясь изученіемъ англійскаго языка, я началъ переводить одно нравоучительное соченіе, которое принесло мнѣ нескончаемую пользу и пробудило, до

¹⁾ Судьба Бокума, послѣ случившейся съ нимъ катастрофы въ Лейпцигѣ, неизвѣстна. Теперь оказывается, что онъ куда-то бѣжалъ, вѣроятно, вслѣдствіе злоупотребленій, въ которыхъ его обвиняли русскіе учащіеся.

²⁾ Сынъ Александра Николаевича Зиновьевъ, Николай Александровичъ. Въ это время онъ обучался въ Лейпцигѣ въ университѣтѣ. Н. П. В.

известной степени, истинных чувства, оскверненный моими порочными поступками.

Пребывъ около шести мѣсяцевъ въ Брауншвейгѣ, я отправился въ Италию, черезъ Вѣну, чтобы видѣться съ гр. Воронцовыи, который въ то время лежалъ нѣжно-любимой имъ жены. Чтобы не удлинять моего разсказа и такъ какъ главная моя цѣль—объяснить здѣсь то, что болѣе касается хода вещей, нежели безконечнаго милосердія, которое дало мнѣ познаніе истины, я выпущу многіе случаи моей жизни, не имѣвшіе прямаго отношенія къ этой цѣли.

Въ Римѣ я пробылъ около шести мѣсяцевъ. Я горячо пристрастился къ искусствамъ, что хотя нѣсколько отвлекло меня отъ прочиихъ молхъ дурныхъ наклонностей. Проживъ около десяти мѣсяцевъ въ разныхъ городахъ Италии, я прибылъ въ Миланъ.

Надо вамъ сказать, что, покидая Россію, я узналъ, что покойный герцогъ Брауншвейгскій Фердинандъ состоялъ во главѣ доброго масонскаго общества, и, испрося у него аудіенцію, я открылся ему въ моемъ намѣреніи подвизаться въ правилахъ этого общества, а съ тѣмъ просилъ его покровительства, вполнѣ полагая, по моимъ соображеніямъ, что въ этомъ обществѣ совмѣщаются весьма полезныя знанія, которыя, быть можетъ, мнѣ разъяснятъ многое неизвѣстныхъ вещей и чрезъ нихъ, быть можетъ, я буду даже въ состояніи получить то, чего давно желалъ и чѣмъ, въ то же время, достигну предположенной мной цѣли.

Вы увидите, добрый другъ, что, въ послѣдствіи, по неисповѣдимой благости милосердаго Творца, я имѣлъ счастіе достигнуть того, о чёмъ мечталъ. Герцогъ Брауншвейгскій снабдилъ меня очень вѣрнымъ понятіемъ объ этомъ орденѣ, надѣливъ многими рекомендательными письмами къ разнымъ его членамъ, разсѣянными частію по Франціи, частію по Италии, объяснивъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что наилучшшее въ дѣлѣ этого общества я могу преуспѣть въ Ліонѣ,—мѣстѣ, которое было главнымъ его центромъ и куда я былъ также отрекомендованъ.

Возвратимся теперь назадъ. Изъ Милана я поѣхалъ въ Туринъ; въ этотъ городъ я имѣлъ письмо герцога къ г-ну Жирд,—доктору медицины и ревностному магнетизеру. У него въ первый разъ я увидѣлъ чудное дѣйствіе этой силы, въ наше время еще мало изслѣдовавшейся. Г-нъ Жирдъ состоялъ также дѣятельнымъ членомъ и въ масонскомъ обществѣ. Не вообразите однако же, милый другъ, что магнетизмъ имѣть что нибудь общее съ истиннымъ масонствомъ!

Вамъ приблизительно известенъ мой откровенный характеръ. Я самъ не могу достаточно объяснить причинъ этому, но всегда имѣлъ боль-

шое довѣріе къ масонамъ, вѣроятно, потому, какъ я думалъ, что считаю ихъ за честныхъ людей, а съ таковыми я не могу достаточно наговориться и не открыть имъ вполне своей души, что я всегда дѣлалъ съ недостаточной осторожностью. Насколько я помню, я совершенно открылся доктору Жиро и передалъ ему письмо герцога, сказавъ, что, желая отправиться въ Ліонъ, чтобы подвизаться въ правилахъ общества, въ которомъ и онъ состоялъ членомъ, я находился въ затрудненіи...

Этотъ достойный и нынѣ уже скончавшійся человѣкъ обепчалъ со мной такъ, какъ я, по моей полной къ нему довѣрчивости, того заслуживалъ.

И такъ, сдѣлавъ нужные распоряженія въ Туринѣ, я отправился въ Ліонъ. Здѣсь я немедленно передалъ два или три письма отъ герцога главнымъ членамъ почтенного общества, въ которое былъ принятъ. Болѣе всѣхъ мнѣ сдѣлали добра Виллермозъ, Саваронъ, Милане, Периссъ, Мольеръ, Леруа, Ренанъ, Рашесъ и многіе другіе. Я познакомился съ милымъ (*charmant*) Сенъ-Мартеномъ и даже сдѣлалъ съ нимъ поѣзdkу въ Парижъ; но, вслѣдствіе предвзятаго о немъ мнѣнія, я отъ него не воспользовался его бесѣдой, на сколько бы могъ; съ нимъ я бытъ остороженъ, не смотря на мою къ нему любовь и привязанность. Я не жалѣю объ этомъ; напротивъ, даже благодаря милосердое Существо, потому что съ моими пылкими наклонностями, особенно въ то время, когда онъ были въполномъ развитіи силъ, могло легко случиться, что его истинныя и возвышенныя познанія мнѣ причинили бы вредъ. Скажу, что, только зевнившись на вашей милой дочери¹⁾), я читалъ съ величайшимъ удовольствиемъ его произведенія и смѣю сказать, что они производятъ на меня нескончаемое добро. Во времія моего пребыванія въ Ліонѣ, я получилъ двѣ степени въ орденѣ, но, при послѣдней, отъ меня потребовали положительного отвѣта, какъ о моей религіи, такъ и о томъ, былъ ли я истиннымъ христіаниномъ—въ душѣ, а не по одному лишь имени? На сколько я могу припомнить, мой добрый другъ, я всегда ненавидѣлъ ложь, но могло случиться, что, можетъ быть, я неоднократно и лгалъ. Къ стыду моему, нарушилъ данное слово одной особѣ, передъ отѣздомъ моей покойной сестры въ чужіе края! Повторяю, я ненавижу ложь и, кажется, всегда ее ненавидѣль,—но крайней мѣрѣ, въ то времія, когда меня спросили о внутреннихъ чувствахъ моего сердца. Я твердо рѣшился высказать ихъ такими, ка-

¹⁾ Тутъ говорится о супругѣ Василия Николаевича, Устинѣ Федоровѣ, рожденной Брейтенкопфъ.

кими они были въ дѣйствительности, а получить новую степень, которую мнѣ предлагали, безъ признанія себя истиннымъ христіаниномъ,—невозможно, потому что я имъ еще въ дѣйствительности не былъ. Я принялъ за членіе священнаго писанія, чтобы утвердиться въ нашей блаженной религіи; до сего же времени я ограничивался тѣмъ, что возилъ съ собой священные книги, не раскрывая ихъ. Но, мой другъ, вы, можетъ быть, не мало удивитесь, узнавъ, что чѣмъ болѣе я читалъ, тѣмъ болѣе возрастали мои сомнѣнія и это возбужденное сомнѣніе и беспокойство до того наконецъ усилились, что я долженъ былъ прервать членіе... Тогда, не находя спокойствія въ постелѣ, мнѣ послышалось, что меня зовутъ по имени, и когда, отъ страха, я открылъ глаза, мнѣ показалось, что комната моя была наполнена дымомъ! Моя лонскіе друзья, которымъ я это рассказывалъ, говорили, что, можетъ быть, это было дѣйствіе божественной благодати, въ чемъ однакоже они положительно увѣрять не могли, потому что это могло быть и дѣйствіе воображенія. Я не очень любопытную постигнуть причину этого явленія, зная великую ко мнѣ милость Вышшаго Существа и тогда, какъ мое поведеніе заслуживаетъ лишь небесной кары, Оно не устаетъ осыпать меня своими щедростями. Да будетъ же имя Его прославлено во всѣхъ!

Проснувшись, рано утромъ, 25-го декабря, по новому стилю, я сѣлъ въ карету и отправился къ Виллермозу, чтобы просить его меня успокоить отъ моего волненія, но, повстрѣчавшись съ нимъ на дорогѣ, мы помѣстились въ одномъ экипажѣ, гдѣ я и рассказалъ ему о всѣхъ моихъ беспокойствахъ и о всемъ, что со мной происходило; онъ замѣтилъ мнѣ, что онъ теперь ѳдетъ къ обѣдни и что оттуда заѣдетъ ко мнѣ; я сопровождалъ его въ церковь и тутъ мое ночное беспокойство возвратилось съ большей силой, сопровождаемое слезами и замираніемъ сердца. Я молился, прося милосердое Существо оказать мнѣ милость—просвѣщеніемъ меня въ истинѣ. Быть можетъ, мой дорогой другъ, я лишь въ первый разъ въ жизни молился какъ слѣдуетъ!

Послѣ обѣдни, мы сѣли передъ огнемъ камина и начали вновь тотъ же разговоръ. Добрый Виллермозъ съ большимъ терпѣніемъ выслушалъ все, что я ему говорилъ, вынулъ изъ кармана маленькую книжку и указалъ на читаніе въ этотъ день евангеліе отъ св. Иоанна. Кончили ли онъ чтеніе или нетъ?—этого не помню, потому что было слишкомъ заволнованъ, чтобы дать вѣрный отчетъ о всѣмъ случившемся, но, къ удивленію моему, съ этой минуты я былъ убѣжденъ въ божественной религіи нашего Спасителя.

Я не въ состояніи описать вамъ, милый другъ, все, что произо-

шло со мной въ течениѣ нѣсколькихъ дней къ раду, видя и чувствуя неожиданное ко мнѣ милосердіе Спасителя и что моя прѣния, скотская жизнь дѣлала меня недостойнымъ! Я долженъ былъ получить послѣднюю степень въ этомъ почтенномъ обществѣ, но, отказатьсь теперь главное, единственное сокровище, я объяснялъ членамъ, что я бытъ совершенно разнодушенъ къ этому, потому что члены не могли мнѣ дать большаго и лучшаго состоянія, нежели Тотъ, Кого я теперь узналъ. Вопросъ о моемъ повышеніи я предоставилъ членамъ общества на нихъ полную волю, и они возвели меня въ слѣдующій градусъ, къ которому теперь я такъ счастливо былъ подготовленъ. Я долженъ сказать, что они располагаютъ въ обществѣ большими научными способностями, которыхъ, можетъ быть, нѣкогда нельзя было найти, исключая сочиненій Сенъ-Мартена. Вы поймете, дорогой другъ, какую пользу можно получить въ обществѣ подобныхъ людей, потому что чрезъ нихъ дѣлаешься въ состояніи разрѣшать все для насъ таинственное и необъяснимое, встрѣчающееся въ нашемъ жизненномъ пути, и что, вслѣдствіе нашей чрезмѣрной беззрѣственности, сдалось столь трудно достичимымъ.

Прежде нежели принять послѣдній градусъ въ обществѣ, я окончательно утромъ посетилъ г. Саварона и, такъ какъ съ этими почтеннymi людьми я всегда говорилъ съ открытымъ сердцемъ, и мы постигли страшный беспокойства, потому что, просвѣтившись истинною себѣстъ, я не старался избавиться отъ наклонности къ высокогорю.

О, дорогой другъ! я не могу выразить вамъ тѣ непрѣятнія ощущенія, которыми породила эта мысль! На моемъ лицѣ выступило юродивый потъ, и я очень страдалъ. Добрый Саваронъ, полагалъ, что во мнѣ вспыхнуло вдохновеніе, спѣшилъ поздравить меня съ имъ, и смотря на мои увѣренія, что душевное состояніе мое далеко отъ этого. Что значатъ люди, добрые друзья! Это продолжалось до той поры, пока я не увалъ передъ распятиемъ и настойчивыми молитвами не стала умолять Того, Кто на немъ изображенъ, чтобы Онъ не ескудѣвать бросать въ меня свои громы до той минуты, пока не возвращусь къ нему!

Послѣ всего этого, я пробылъ въ Ліонѣ приблизительно сколько года, много занимаясь чтенiemъ герониныхъ книгъ, не пропуская ни одного собрания этого уважаемаго общества и находясь съ большими удовольствіемъ на ихъ дружескихъ собѣдахъ, гдѣ я обмѣнялся мнѣніемъ между особами, для которыхъ было открыто мое сердце. Такъ какъ мнѣ часто повторяли о единственномъ пути для достиженія царствія небеснаго, я вообразилъ, что мое вѣроисповѣданіе

было къ этому препятствиемъ, и для того, чтобы мнѣ вступить на этотъ царственный путь, мнѣ нужно сдѣлаться католикомъ. Такъ какъ такое намѣреніе было не бездѣлицей, я совѣтовался о немъ съ дорогимъ Виллермозомъ, и слова, имъ мнѣ сказанныя, напечаталъ-лись на моемъ сердцѣ. Вотъ, приблизительно, что онъ сказалъ мнѣ: «Вамъ не нужно дѣлаться католикомъ,—вы можете спастись и безъ этого; не думайте, что я оправдываю раздѣленіе двухъ нашихъ вѣроисповѣданій, которое совершилось при посредствѣ Фотія; онъ, быть можетъ, и до сего времени расплачивается за это. Я не вижу зачѣмъ бы вамъ измѣнять ваше вѣроисповѣданіе». Недавно только я успокоился, что я не католикъ, только недавно я согласовалъ свое мнѣніе съ мыслию, что дѣйствительно существуетъ только одинъ путь, ведущій къ Богу, и, сколько ни есть вѣроисповѣданій,—всѣ они болѣе или менѣе идутъ сбоку главнаго пути, но не по немъ самомъ, потому что, если бы они находились на истинномъ пути,—передъ нами повторились бы апостольскія времена!

Во время моего пребыванія въ Ліонѣ, мнѣ пришло на мысль исповѣдываться и причаститься по католическому обряду, такъ какъ я не могъ этого исполнить по обряду своего вѣроисповѣданія. Добрый Виллермоз одобрилъ мою мысль. Почтеннное духовное лицо,—членъ нашего общества, деканъ Ренанъ, согласился доставить мнѣ это благо, и я дважды исповѣдалъся и причастился въ Ліонѣ. При моей первой исповѣди, я старался припомнить всѣ преступленія, совершенныя мной въ дѣйствіи, и вы можете себѣ представить, что, не смотря на мою память, которая въ этомъ случаѣ мнѣ не очень послужила, какъ я это часто посіѣ замѣчалъ, списокъ ихъ былъ весьма длиненъ.

Я сейчасъ замѣтилъ, что, вслѣдствіе моей дурной памяти, я вдался въ ошибку и сдѣлалъ страшный анахронизмъ, потому что это дѣйствіе, о которомъ я сейчасъ говорилъ, случилось, когда я вторично прибылъ въ Ліонъ и когда я тамъ пробылъ шесть мѣсяціевъ. Первый разъ когда я былъ въ Ліонѣ и когда имѣть высокое счастіе сдѣлаться христіаниномъ, я оставался въ немъ лишь одинъ мѣсяцъ, и уѣхалъ съ полученнымъ мной сокровищемъ въ Англію.

И такъ, возвратимся назадъ. Я отправился изъ Ліона въ Парижъ съ дорогимъ Сень-Мартеномъ; но, бывъ предупрежденъ противъ него, по поводу его двухъ первыхъ сочиненій, въ продолженіе всего путешествія и вообще во все время моего съ нимъ знакомства, я былъ остороженъ. Въ этомъ также, мой дорогой другъ, мнѣ видится милосердіе Господне, потому что я до сихъ поръ энтузіасти. Выборъ губернера для моего сына служить тому неопровергнутымъ доказа-

тельствомъ! И такъ, если бы я, дорогой другъ, вслѣдствіе того обстоятельства, о которомъ упомянуль, не быть остороженъ, этотъ че-ловѣкъ, исполненный небеснаго огня, такъ бы меня подчинилъ себѣ, что я полагаю, что я или сопешилъ бы съ ума, или фанатизмомъ, ко-торый овладѣлъ бы мной, сократилъ свои дни, и тогда, какъ теперь я наслаждаюсь его сочиненіями,—я увѣренъ, что въ то время, въ которое его зналь, его дружба причинила бы мнѣ лишь одинъ вредъ. Впрочемъ, я долженъ сознаться, что онъ излагалъ передо мной хо-рошія и добрыя мысли, о которыхъ я вспоминаю до сего времени. Во время нашего путешествія мы достаточно страдали отъ холода, и я далъ себѣ слово—въ теплыхъ странахъ, въ это время года, не путешествовать. Въ Парижѣ я остался отъ восьми до десяти дней и познакомился съ княгиней Голицыной, женой князя Владимира¹); она проживала тамъ съ своимъ семействомъ, для воспитанія дѣтей.

Я поѣхалъ въ Лондонъ и достигъ его безъ особенно замѣчатель-ныхъ приключений и весьма счастливо, остановившись въ домѣ у гр. Семена Воронцова. Время свое я проводилъ весьма спокойно, при-лежно занимаясь хорошимъ чтеніемъ и читая преимущественно слова Спасителя и «Подражаніе» Ему. Такимъ путемъ я достигъ 100-й главы первой книги, что потрясло мой слабый разсудокъ, возбуди-ло мое воображеніе и во мнѣ во всеоружії явился энтузіастъ съ го-ловы до ногъ. Я переносился воображеніемъ черезъ моря и перетѣ-жалъ всѣ четыре части свѣта; но, такъ какъ эти путешествія труд-нѣе исполнить на дѣлѣ, нежели въ воображеніи, и такъ какъ я увѣрился въ истинѣ чрезъ Виллермоза, къ которому имѣлъ все-возможныя причины питать полное довѣріе, я спрашивалъ его совѣта о моихъ мысляхъ и моихъ химерическихъ намѣреніяхъ. Тутъ явилось испытаніе моему терпѣнію, потому что въ теченіе четырехъ недѣль я не получалъ отъ него никакого отвѣта; я писалъ письмо за пись-момъ, не только ему, но даже моимъ другимъ знакомымъ, спраши-вая о причинахъ молчанія дорогаго Виллермоза и, ожидая его отвѣта, недвигался изъ Лондона, не смотря на то, что время года благопріятствовало путешествію по Англіи. Въ теченіе этого времени, я познакомился въ Салисбюри съ женой секретаря посольства, г-ой Погенполь²), и съ ея двоюродной сестрой, дѣвицей Юмъ,

¹⁾ Княгиня Наталия Петровна, рожден. графиня Чернышева (р. 1741, † 1837 г.), вдова кн. Владимира Борисовича Голицына.

²⁾ Василий Погенполь, секретарь русского посольства въ Лондонѣ. Объ немъ гр. Воронцовъ неоднократно упоминаетъ въ своихъ письмахъ; см. «Архивъ кн. Воронцова», кн. IX, часть 2-я.

чтобы нѣсколько разсвѣтиться отъ беспокойнаго сомнѣнія, явившагося слѣдствиемъ молчанія г. Виллермоза. Г-жа Юмъ была очень опечалена своимъ предстоящимъ поступленіемъ ко двору, къ меньшимъ дѣтямъ короля, въ качествѣ гувернантки. Я ничего почти не припомню изъ того, что происходило съ нами, въ теченіе нашего тамъ пребыванія, но весьма естественно, что беспокойство, явившееся отъ неполученія отвѣта по вопросу, меня на столько интересовавшему, поглощало всѣ мои чувства; тѣмъ не менѣе однакоже, я поставляла себѣ въ обязанность—развлекать этихъ двухъ дамъ и мнѣ кажется, что иногда я имѣлъ въ этомъ успѣхъ. Послѣ пребыванія нѣсколько дній въ Салисбюри, мы отправились въ Лондонъ, куда благополучно и приѣхали и гдѣ я нашелъ письмо отъ дорогаго Виллермоза,—оно было громовое: въ немъ меня упрекали въ нетерпѣніи и во многомъ другомъ.

Это письмо возвратило меня къ разсудку, и, чрезъ нѣсколько дній, я уже сидѣлъ въ каретѣ, чтобы сдѣлать объездъ Англіи и нѣкоторой части Шотландіи. Что сказать вамъ, дорогой другъ, объ этомъ путешествіи? Можно сказать многое, и, признаюсь, я это дѣлалъ, потому что писалъ журналъ, который отправлялъ въ письмахъ къ гр. Воронцову; но когда имѣешь въ виду вѣчность,—единственную цѣль, достойную нашего вниманія,—то на многія вещи, о которыхъ, можетъ быть, исписаны цѣлые тома, смотришь какъ на неимѣющія никакой цѣны бездѣлицы; и такъ, тутъ я ограничусь лишь рассказомъ о двухъ происшествіяхъ, находившихся, какъ мнѣ кажется, въ непосредственной связи съ моимъ существомъ.

Первое изъ нихъ то, что когда я былъ въ деревнѣ г. Диксона,—негодзянта въ Лидсѣ, женатаго на прелестной особѣ,—у меня въ теченіе двухъ или трехъ дній была, безъ всякой видимой причины, страшная тоска; потомъ, мнѣ пришло на мысль, что это было время кончины дорогаго и уважаемаго Саварона. Рѣдко я испытывалъ болѣзньное состояніе ума подобное тому, въ которомъ я находился въ этой деревнѣ. Послѣ краткаго пребыванія въ имѣніи г. Диксона, я продолжалъ путешествіе по Англіи и здѣсь я долженъ упомянуть о страшной бурѣ, которую я перенесъ, сопровождаемой всѣми неудобствами: страхомъ за свою жизнь, ужаснымъ и совершенно противнымъ вѣтромъ, проливнымъ дождемъ, и небомъ, покрытымъ грозными тучами. Не знаю, какъ долго продолжалось мое ужасное положеніе, полагаю, что, по меньшей мѣрѣ—часъ. Я бы напрасно вамъ добавилъ, что, отдавъ свою жизнь въ руки Того, который мнѣ ее даровалъ, я возсыпалъ къ Нему горячія молитвы... Наконецъ, показа-

лось солице. Я затрудняюсь выразить радость и спокойствие, сопровождавшее мое сердце чрезъ появление этого свѣтила.

И такъ, окончъ мой обѣзѣдъ по Англіи, сказать вамъ объ удивленіи, которое я испытываю въ настоящую минуту по поводу того, что, во время моего путешествія, я не встрѣтилъ ничего, что могло бы подать мысль моему сердцу найти, положительнымъ образомъ, пристанище, потому, дорогой другъ, что я обязанъ вамъ сказать, что я именно то, что у насъ принято называть «сердечкинъ» (ce qu'on appelle chez nous: «сердечкинъ»), и, не смотря, что мое всегдашнее желаніе жениться было поставлено въ положеніе застоя проченіемъ 100 главъ евангелія, оно снова возбудилось къ дѣятельности—письмомъ г. Виллермоза. И такъ, я удивляюсь, какимъ образомъ, посѣща столико мѣстъ, находясь на водахъ Бристоля и Гаррикета, мое слабое и черезчуръ вѣжное сердце ничего не встрѣтило, отъ чего бы оно сдѣлалось жертвой. Еще новое милосердіе Прорицанія, которое такъ явно сохранило меня отъ этого несчастія.

Пріѣхавъ въ Лондонъ и пробывъ нѣсколько дней съ гр. Воронцовыемъ, я посѣтилъ дѣвицу Юмъ, которая уже въ это время жила при дворѣ. Кажется, со втораго уже моего посѣщенія, у меня явилась странная мысль—предложить ей мою руку, не смотря на то, что она двумя годами была старѣе меня. Теперь я самъ смѣюсь надъ собой, но увѣрю васъ, что я не сожалѣю ни этой глупости, ни огорченія, которое было результатомъ этой исторіи: оно оказалось пользу моему сердцу. При моихъ словахъ, особа, о которой идеть рѣчь, удивилась и, отказавъ мнѣ почти положительно, добавила, между другими причинами, что не можетъ дать своего согласія безъ соизволенія своего отца, который находится въ Голландіи. Этого было достаточно для такого энтузиаста, какъ я, чтобы заставить меня отправиться въ это мѣсто, съ цѣлью полученія согласія и позволенія ея отца, и я помню, что на этомъ пути, кромѣ дурныхъ дорогъ, ненавистной повозки, ночи и дождя,—мое возбужденное воображеніе заставило меня позабыть о всемъ этомъ, и я ручаюсь, что ваше воображеніе никогда не достигало такого возбужденного состоянія. Въ настоящую минуту далеко не оправдывая этого, я отъ всего сердца восклицаю съ мудрецомъ: «Суета суетъ!».

Г. Юмъ, соглашаясь на бракъ своей дочери со мной, написалъ ей объ этомъ письмо, но, къ своему удивленію и къ моему также, получилъ отвѣтъ, въ которомъ его дочь высказываетъ твердое рѣшеніе—остаться дѣвушкой; съ этимъ я и возвратился въ Англію, не помню ужъ въ какомъ настроеніи, но, пріѣхавъ на мѣсто и употребивъ гр. Воронцова и друзей дѣвицы Юмъ, я не могъ, однако же,

добиться положительного отказа и, не имѣя возможности ее видѣть ни у ней въ домѣ, ни у ея знакомыхъ, я проводилъ довольно тяжелое время, въ которое, находясь, такъ сказать, подъ бременемъ волнений, не могъ иначе избавиться отъ этого положенія, какъ утомляя себя отдаленными прогулками по лондонскимъ улицамъ, или ложась спать,— что я всегда дѣлалъ до обѣда и послѣ него, когда мнѣ становилось ужъ очень тяжело. Что сказать на это? Бѣдное, несчастное существо!

Всѣдѣствіе поздняго времени года, явились непріятности холода. Я принялъ рѣшеніе дождаться весны и вздумалъ въ свободное время, которое мнѣ оставалось, учиться геометріи, а для болѣшаго успѣха въ этомъ дѣлѣ, я помѣгъся у одного профессора, устроившись какъ школьнікъ, приходя къ гр. Воронцову по субботамъ и возвращаясь въ свою школу утромъ по понедѣльникамъ. Такъ какъ я получиль вкусы къ этой наукѣ,—а этого только и нужно для энтузиаста, чтобы впасть въ излишество,—то однажды я такъ горячо и такъ продолжительно предался моему ученію, что пересталъ начонѣцъ понимать, что мнѣ говорилъ мой учитель... Вторично въ моей жизни, я думалъ, что сошелъ съума и, ходя по улицамъ, я испытывалъ себя, спрашивая: находятся ли дѣйствительно предметы, которые я видѣль на томъ и другомъ мѣстѣ? Послѣ получасовой прогулки, я усмотрѣль, что мое малое количество разума мнѣ еще осталось. Горе тому, кто самообольщается имѣніемъ его въ большомъ достаткѣ и полагая, что онъ имѣть только однимъ можетъ довольствоваться въ теченіе нашего несчастнаго, исполненнаго заблужденій положенія, въ которое мы впали. Какъ хорошо обѣ этомъ въ своихъ сочиненіяхъ говорить дорогой Сенъ-Мартенъ: «Счастливъ тотъ, кто мыслить, что имѣть мало или почти ничего; чрезъ это онъ удвоить свои усиленія, для стремленія къ истинному лишь неизсказаемому источнику разума!» Испытавъ это надъ собой, осталное время дня я употреблялъ на ученіе и отдохновеніе, или выражавшееся въ прогулкѣ, или въ лежаніи на софѣ. Я бредилъ линіями, даже нашелъ рѣшеніе одной задачи, о которой мой профессоръ говорилъ, что оно не существуетъ; но и обѣ этомъ скажемъ вмѣстѣ съ мудрецомъ: «Суета суетъ и все суета, кроме Бога!»

Пройдя все сочиненіе (имя автора не разобрano) отъ доски до доски, со всѣми теоремами, которыхъ я, слава Богу, снова позабылъ, я дождался весны и сталъ готовиться къ отѣзду. День его былъ уже назначенъ, но я долженъ былъ отложить его до слѣдующаго дня, потому что король дѣлалъ смотръ своей гвардіи и не было возможности найти лошадей. Это обстоятельство, если смѣю такъ выразиться, явно было устроено Проридѣніемъ, потому что во время

объда у графа, на которомъ находился и я,—графъ получилъ записку отъ леди Пальмерстонъ, съ увѣдомлениемъ, что дѣвица Юмъ соглашалась не дѣлать болѣе препятствій къ свиданію со мной, въ домѣ упомянутой леди. Переживъ уже разъ беспокойное состояніе, о чёмъ я уже говорилъ, и спасеніе отъ котораго я находилъ, къ счастію, лишь во снѣ, я не захотѣлъ уже болѣе подвергаться риску вновь попасть въ то же положеніе и, отказавшись отдалить себѣ отъѣздъ,—уѣхалъ на другой день. Прежде однакоже, нежели оставить Англію, я долженъ разсказать вамъ объ одной изъ моихъ опрометчивыхъ выходокъ, которая состояла въ томъ, что, имѣя тамъ друга¹⁾, пользовавшагося счастіемъ быть христіаниномъ, мнѣ прішло на мысль обратить его на истинный путь и, такъ какъ онъ былъ одного со мной вѣроисповѣданія, то, причащаясь однажды выѣстѣ съ нимъ, мнѣ показалось, что онъ отнесся къ этому таинству не съ достаточно-приличнымъ настроеніемъ духа. Я позабылъ должныя ему почтеніе и уваженіе, его года, и напалъ на него съ залѣчивостію, выговаривая, что онъ сдѣлалъ большой грѣхъ. Не помне, что я ему еще говорилъ въ теченіе дня, ио я вѣсколько разъ возвращался къ тому же предмету,—но все напрасно. Еще однажды я вдохъ! и добавлю къ этому: «Несчастный грѣшникъ и слѣпцы ты думаешь просвѣщать другихъ, но самъ-то ты ясно-ли видишь? И отъ кого получишь ты право обращать другихъ на истинный путь!»

Во время моего пребыванія въ Англіи, прїѣхалъ Сень-Мартенъ и однажды былъ у гр. Воронцова; но такъ какъ это было только церемонійный визитъ и какъ Сень-Мартенъ былъ гораздо осторожнѣе меня, то графъ видѣлъ въ немъ человѣка, какимъ должны быть всѣ люди.

Наконецъ я отправился въ путь. Путешествіе изъ Лондона въ Парижъ теперь вспоминается мной какъ давно видѣнныій сонъ; я почти ни о чёмъ не помню и во все продолженіе пути ничего замѣчательнаго со мной не случилось. Я прїѣхалъ въ Парижъ, и узналъ, что въ немъ находится русская церковь; отправился въ нее и тутъ познакомился съ г-мъ и г-жой Кошелевыми. Въ этотъ же день, какъ мнѣ кажется, они пригласили меня къ себѣ обѣдать и мы заключили знакомство, которое въ одно мгновеніе превратилось въ дружбу, вамъ извѣстную, продолжающуюся до настоящей минуты, и я могу сказать, что неѣть особы, которую я бы на столько любилъ, какъ эту почтеннную женщину. У нихъ была дочь—прелестное дѣло, съ которой они разлучились, по причинѣ ея смерти, но надѣюсь, что лишь на нѣкоторое время. Ея мать на пятомъ году учила ее читать и, однажды заставивъ ихъ за этимъ занятіемъ, которое ишо

¹⁾ Повидимому, здесь идеть рѣчь о графѣ С. Р. Воронцовѣ. Сравни выше, письмо отъ 13-го ноября 1784 г.

жасма дурно и часто кончалось слезами дочери и матери, я предложилъ свои услуги, полагая, что въ этомъ не было ничего неприличного. Мое предложеніе было принято и было средствомъ, избраннымъ Провидѣніемъ для соединенія насы еще тѣснѣе. Уроки со мной были довольно хорошо; я уже и прежде пріобрѣлъ въ этомъ навыкъ, уча по русски дѣтей гр. Воронцова. Кошелевы предложили мнѣ провести съ ними лѣто въ провинціи Турень, гдѣ они наняли дачу, и, хотя срокъ моего отпуска истекалъ, я согласился на ихъ предложеніе, прося, чрезъ моихъ здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) знакомыхъ, о продолженіи моего отпуска. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, въ обществѣ одной изъ почтеннѣйшихъ женщинъ, я провелъ время очень пріятно, занимаясь образованіемъ своего сердца и находясь въ прелестной мѣстности, противъ города Тура, на берегахъ Луары, въ деревнѣ, называемой «Ла-Галандри».

Маленькая Кошелева въ это наше пребываніе выучилась оченьѣправильно читать по французски. Однажды, я имѣлъ очень смѣшную сцену съ г. Кошелевымъ, которая доказываетъ мое самолюбіе. Мыѣхали втроемъ въ двухместной каретѣ и я помѣщался съ г. Кошелевымъ на скамейкѣ бокъ-о-бокъ; въ такомъ-то положеніи у меня съ нимъ завязался споръ и я какъ бѣшеный накинулся на него, не только съ горячностію, но, можно сказать, съ яростію, и все это, какъ мнѣ теперь помнится, по поводу политическихъ убѣжденій. Бѣдная Кошелева сначала не знала, чѣмъ дѣлать, но потомъ нашла въ себѣ достаточно благоразумія уничтожить эту размолвку и мы помирились. Послѣ этого мы стали очень осторожны, по крайней мѣрѣ я, и хотя часто не раздѣляль взглядовъ г. Кошелева, по причинѣ противоположнаго образа мыслей,—я болѣе не помню, чтобы мнѣ случилось съ нимъ долго спорить, хотя, правду сказать, я имѣю большую наклонность къ спорамъ и хотя и порицаю ее, но тѣмъ не менѣе мнѣ случается забываться. По этому же поводу я долженъ упомянуть, что у меня выпадъ споръ, даже болѣе того —ссора съ кожейнымъ княземъ Цициановымъ,—моимъ лучшимъ другомъ, который сопровождалъ меня въ Финляндію для моего же развлеченія отъ горя, причиненнаго мнѣ смертю моей сестры,—и я со стыдомъ вспоминаю, что я былъ такъ вѣбѣшень, что не знаю, какъ не увлекся до требованія удовлетворенія! Нравственная нищета! нищета всегда и на каждомъ шагу.

Г. Кошелевъ уѣхалъ впередъ, чтобы приготовить въ Парижѣ квартиру, а я проводилъ его жену въ Фонтенблѣ, откуда дорога расходилась на Парижъ и Ліонъ, куда я и направился и гдѣ, какъ выше сказали, я пробылъ не четыре, а болѣе пяти мѣсяцевъ.

По прибытии туда, я сейчас же побывалъ къ почтенному Вильхермову, котораго нашелъ въ изрядно меблированной комнатѣ, съ абажуромъ на глазахъ, разбирающаго письма, присланныя къ нему отъ разныхъ лицъ; они лежали почти на всѣхъ стульяхъ. «Вы застаете меня, — сказалъ онъ, — въ минуту приведенія въ порядокъ моей корреспонденціи». Принеся ему извиненія въ моемъ нетерпѣніи, я замѣтилъ, что не считалъ себя достойнымъ получения отъ него гравированаго письма. На сколько мнѣ памятно, онъ далъ мнѣ понять, что ошибка въ моемъ поведеніи, въ чёмъ, впрочемъ, я не совершилъ увѣренъ. Въ это-то мое здѣсь пребываніе, чрезъ одно почтенное католическое лицо, я и причастился св. Таинъ.

Желая видѣть Швейцарію, я оставилъ Ліонъ, чтобы уже никогда болѣе въ него не возвращаться. На это я долженъ замѣтить, что, благодаря Божественному Провидѣнію, мой вкусъ къ чужимъ краямъ совершенно удовлетворенъ. Мое путешествіе по Швейцаріи и остальной Франціи не представляетъ собой ничего на скольконибудь замѣчательного, чтобы быть здѣсь помѣщеннымъ, до той поры, пока и неожиданно не встрѣтились въ городѣ Брюнѣ съ Кошелеевыми. Мы вмѣстѣ посѣтили Цюрихъ, гдѣ видѣли Ліфатера, котораго однажды застали заваленного бумагами въ его кабинетѣ и весьма занятаго. Въ Женевѣ, молодой, очень любезный человѣкъ г-нъ Дюпонъ дѣлалъ силуетъ г-жи Кошелевой. Свиданіе съ Кошелеевими въ Швейцаріи кончилось тѣмъ, что я съ удовольствіемъ позволилъ себѣ уѣхать возвратиться въ Россію въ ихъ обществѣ. Это путешествіе не представляетъ ничего замѣчательнаго и почти совершенно изгладилось изъ моей памяти. Проѣхавъ чрезъ Лейпцигъ, гдѣ я видѣлся съ старымъ и мной любимымъ моимъ гувернеромъ, докторомъ Киндѣ, мы достигли Нарвы, гдѣ г-жа Кошелеева остановилась, чтобы пользоваться у одного мѣстнаго доктора, который ей уже разъ очень помогъ отъ ея постоянной болѣзни губы, которая отъ времени до времени, ужасно распухала. Я пробылъ съ г-жой Кошелеевой пять или шесть недѣль, и большую часть времени глаза-и-глазъ съ ней, потому что ея мужъ оставилъ насъ, чтобы приготовить все нужное въ Петербургъ, для прїѣзда своей жены. Въ течение этого времени я выучилъ маленькую Кошелееву читать по русски; она была восхитительный ребенокъ. Послѣ этого съ г-жой Кошелеевой я возвратился въ Петербургъ.

Вотъ, мой дорогой другъ, половина моей жизни, о которой вы не знали; что же касается другой половины, то она ваша, въ большей части, извѣстна. Я не рисовалъ себѣ правдивыми красками во многихъ грѣхахъ, нѣкоторые совсѣмъ выпустилъ, потому что, признаюсь,

оны иже кажутся отвратительными, а я всегда, вспоминая о нихъ, хочу также помнить ослѣпительное милосердіе Господне, мнѣ ихъ простишее! Въ молитвахъ вашихъ прошу вспоминать обо мнѣ; имя же ваше давно уже находится въ моихъ.

Василий Зиновьевъ.

Приимѣчаніе. Авторъ журнала, Василий Николаевич Зиновьевъ (род. 11-го декабря 1755 года, умер. въ 1816 г. (?), сынъ петербургскаго оберъ-коменданта генералъ-майора Николая Ивановича и Авдотьи Наумовны (рожд. Селивановой) Зиновьевыхъ.

Рано оставивъ свое отечество, по 12-му году, т. е. въ 1766 году, онъ былъ отправленъ, по желанію государыни, въ Лейпцигъ, въ числѣ 12-ти русскихъ дворянъ. Слѣдовательно, по своему воспитанію, онъ принадлежитъ къ той выдающейся молодежи, которая разносторонне проявила свою дѣятельность на русскомъ общественномъ и государственномъ поприщѣ. Изъ той же среды вышли личности, примишавшія несомнѣнную пользу своему родному краю, каковы Радищевъ, Ушаковъ, Кутузовъ, Козадавьевъ,— все они были товарищами В. Н. Зиновьева и вмѣстѣ съ нимъ обучались въ Лейпцигѣ (См. «Русскій Архивъ» 1870 года, статью: «Изъ семейного архива села Вышебени», стр. 333).

Хотя при русскихъ студентахъ находился въ Лейпцигѣ учитель русскаго языка (тамъ же, стр. 953), но надо полагать, что преподаваніе научныхъ предметовъ велось на иностраннѣхъ языкахъ, чѣмъ и объясняется недостаточное знакомство В. Н. Зиновьева съ своимъ отечественнымъ языкомъ и затрудненіе въ изложеніи на немъ своихъ мыслей. Безъ ошибки можно предположить, что на русскій языкъ весьма мало или вовсе даже не обращалось вниманія и русскіе воспитанники рисковали совершенно позабыть свою родную рѣчь. Письма родителей молодаго Зиновьева, адресованы къ нему и къ Бокуму, въ Лейпцигѣ, представляютъ тому неопровергнуемыхъ доказательства. И Николай Ивановичъ и Авдотья Наумовна въ каждомъ письмѣ приказываютъ сыну писать къ нимъ русскія письма и, наконецъ, свое желаніе получать таковый отъ своего сына выражаютъ въ просьбахъ, адресованныхъ къ Бокуму: «приказать ихъ сыну хотя одно письмо написать по русски». Въ этихъ письмахъ проглядываетъ даже опасение, что ихъ сынъ забудетъ вовсе писать по русски. Изъ краткихъ свѣдѣній объ учебныхъ занятіяхъ Василия Николаевича въ Лейпцигѣ, почеркнутыхъ нами въ бумагахъ Вышебенского архива, мы вывели заключеніе, что онъ учился прилежно. Въ письмѣ отъ 1-го августа 1768 года,

изъ Петергофа, родитель автора журнала выражаетъ сыну свою благодарность. «Изъ присланной книги,—пишетъ онъ,—о вашемъ экзаменѣ къ ея императорскому величеству, о твоихъ наукахъ, усмотрѣмъ, что ты учился не лѣнѣтио, за что тебѣ спасибо», и далѣе: «Ея величество неоднократно всемилостивѣйше о тебѣ отзываться соизволила, что ты учишься хорошо». Въ письмахъ Николая Ивановича есть также намеки и слухи о слабости преуспѣяній русскихъ студентовъ въ Лейпцигѣ. Такъ, въ письмѣ отъ 27-го сентября 1771 г. онъ пишетъ: «слышно, что вы будто очень мало въ наукахъ приобрѣтенія сдѣлали». Изъ приведенныхъ нами писемъ можно вывести безошибочное заключеніе, что В. Н. Зиновьевъ, какъ болѣе юный изъ посланныхъ въ Лейпцигъ русскихъ дворянъ, оставался тамъ долѣ прочихъ; но съ достовѣрностю однако же обозначить время его возвращенія въ Россію—мы затруднились бы, по неимѣнію на то указаний. Съ тѣко-торою положительностю можно однако же заключить, что В. Н. Зиновьевъ въ 1773 году былъ уже въ Россіи и около этого времени, потерявъ своего родителя, пожалованъ камер-юнкеромъ Высочайшаго двора. Въ 1774 году, онъ былъ посланъ курьеромъ въ Италию, съ извѣстіемъ о заключеніи мира съ турками (Бучукъ-Кайнарджскаго, 10-го іюля 1774 г.). По кончинѣ своего родителя, раздѣливъ имѣніе съ своимъ братомъ, Александромъ Николаевичемъ, и получивъ вполнѣ обезпеченнѣе состояніе, Василий Николаевичъ пожелалъ ознакомиться съ европейской жизнью, чувствуя, стѣмъ вѣѣтъ, по своей артистической натурѣ, особенное влечение къ изящному. Страстное увлеченіе всѣмъ прекраснымъ, добрымъ и честнымъ, безпримѣрное восхищеніе природой, живописью, музыкой,—все въ немъ на-мекаетъ на эту артистическую струю, бывшую силью и долго. Василий Николаевичъ самъ называетъ себя «ентузіастомъ»—и дѣйствительно, онъ имѣть былъ вполнѣ,—даже когда измѣнилъ многіе свои взгляды и смотрѣлъ уже другими глазами на жизненные и общественные явленія,—онъ не пе-реставалъ увлекаться. И такъ, болѣе нежели обезпеченнѣе состояніе, об-щественное положеніе и его связи, безъ затрудненій, во время его путеше-шествія, открыли ему торный путь и легкій доступъ къ европейскимъ дво-риамъ и коронованнымъ лицамъ. Въ Берлинѣ онъ представляется Фридриху Великому, въ Брауншвейгѣ—герцогу Брауншвейгскому, главѣ всѣхъ изве-новъ того времени; въ Неаполѣ онъ также представляется ко двору и при-глашается на придворныя празднества.

Увлекаясь всѣмъ человѣчнымъ, добрымъ и честнымъ, понятно, что, не-знакомясь съ герцогомъ Фердинандомъ Брауншвейгскимъ, русскій путешествен-никъ не ограничился только беззатѣнными и официальными ему представле-ніемъ, но пожелалъ съ ними ознакомиться и войти въ болѣе тѣсныя со-щенія, которыхъ и выразились въ перепискѣ, веденной въ смыслѣ имен-скаго братства. Переѣхавъ во Францію, въ Ліонѣ Василий Николаевичъ

поддался щетическому настроению, навязанному на него средой масоновъ, подъ главенствомъ Виллероза. Здѣсь онъ сходится съ Сенъ-Мартеномъ и едва не подчиняется его влиянию; но его умный другъ и родственникъ, гр. Семенъ Романовичъ Воронцовъ, какъ бы предвидя что-то недоброе въ своемъ молодомъ, увлекающемся другѣ, своихъ письмами настоятельно требуетъ дѣла,—дѣла производительного, а не одного только мистического щетизма, который былъ несвойственъ его трезвой, вполнѣ реальной натурѣ. Наконецъ, Василій Николаевичъ переѣзжаетъ въ Англію и, подъ зоркимъ наблюдениемъ гр. Воронцова, предается изученію разныхъ предметовъ. Занятія эти, разумѣется, не носятъ на себѣ печати строгой системы и законченности, — это нѣчто порывистое, артистический дилетантизмъ, къ которому, быть можетъ, отчасти и привыкался капризъ избалованнаго русскаго барика, но всетаки, на глазахъ гр. Семена Романовича, эти порывистыя занятія получаютъ значеніе пользы и цѣлесообразности, могущія современенъ принести добрые результаты и, во всякомъ случаѣ, восполнить сумму познаній занимавшагося.

Отъ усиленныхъ занятій математикой и изученія англійскаго языка, Василій Николаевичъ вновь вссѣю отдастся страсти къ путешествіямъ; онъ объѣзжаетъ Англію и Шотландію и хотя это путешествіе совершилось подъ вліяніемъ нового увлечения, но безспорно, что, до извѣстной степени, оно прибавило новыхъ свѣдѣній къ существовавшему уже итогу его познаній. Все это, однако же, взятое въ совокупности, не расширило бы умственного кругозора автора журнала, если бы не существовало между нимъ и гр. Воронцовымъ той дружбы и пріязни, которая, выражаясь въ устныхъ бесѣдахъ и обмыль мыслей, внесли благотворное вліяніе въ его развитіе и научали, хотя и любознательнаго, но молодаго и увлекающагося человѣка критически относиться къ окружающимъ явленіямъ и анализировать и вдумываться въ причины, ихъ производящія.

Пробывъ довольно долгое время въ Англіи и живя въ Лондонѣ частію въ домѣ русскаго посольства, частію же неподалеку отъ него, Василій Николаевичъ часто видался съ гр. Воронцовымъ и быть всегда принять у него високій дружески и интимно. Покинувъ Англію и съ грустнымъ чувствомъ разставшись съ семействомъ русскаго посла, Василій Николаевичъ переправился во Францію и здѣсь вновь подпадаетъ вліянію масоновъ. Онъ безвыѣздно, въ теченіе пяти мѣсяцевъ, проживаетъ въ Ліонѣ и положительно впадаетъ въ щетизмъ. Дѣла по его имѣнью въ Россіи и окончаніе его отпуска, наконецъ, вырываютъ его изъ масонской среды и онъ отъѣзжаетъ обратно въ свое отчество. На этомъ и останавливается его журналь или письма въ формѣ журнала.

Дальнѣйшая жизнь Василія Николаевича намъ почти не извѣстна, помимо вполнѣ дружескихъ его отношеній съ княземъ П. Д. Циціановымъ,

выразившихся въ перепискѣ, нами сообщенной въ «Русскій Архивъ» въ 1872 году. Существуютъ кромѣ того некоторые печатныя, но краткия о немъ свѣдѣнія, разбросанныя по разныиь литературийи и историческіи изданий—свѣдѣнія, впрочемъ, не проverifiedиыя критикой и въ большинствѣ случаевъ невѣрныя.

Василий Николаевичъ былъ женатъ три раза.

Въ первый бракъ онъ вступилъ 17-го февраля 1790 г. съ фрейлиной Варварой Михайловной Дубянской (род. 23-го октября 1763 г., умер. 17-го июля 1803 г.), дочерью унтер-егермейстера бригадирскаго полка, Михаила Федоровича и Натальи Федоровны. Варвара Михайловна Дубянская была принята во фрейлины и взыскана милостями императрицы, потому что родной дѣдъ ея, протопресвитер Федоръ Яковлевичъ Дубянскій, дѣти котораго, въ 1761 году, возведены Елизаветой Петровной въ дворянское достоинство, быть духовникомъ Екатерины, по прибытии ея въ Россію. Въчаніе происходило въ большой придворной церкви, въ присутствіи великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Федоровны. Эта первая супруга Василия Николаевича погребена между ближайшими родственниками, Дубянскими, въ Невскомъ монастырѣ. (См. Списки Карабанова. Фрейлины русскаго двора XVIII-го стол. «Русская Старина», т. IV-й, стр. 391-я).

Вторично женился В. Н. Зиновьевъ на Іустинѣ Федоровнѣ Брейткопфѣ, дочери начальницы Екатерининскаго института, Анны Ивановны Брейткопфѣ. И наконецъ, въ третій разъ, Василий Николаевичъ былъ женатъ на Екатеринѣ Петровнѣ Розановой. Отъ этихъ трехъ браковъ у него было 18 членовъ дѣтей. (См. «Русскую Родословную Книгу», составленную кн. А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ, изданіе редакціи «Русской Старины», томъ I, стр. 169—170).

Этимъ ограничиваются наши свѣдѣнія обѣ авторѣ журнала. Если мы прибавимъ къ nimъ, что В. Н. Зиновьевъ достигъ чина тайного советника и званія действительнаго камергера, при отправленіи должности президента медицинской коллегіи,—то извѣстія о немъ будуть вполнѣ исчерпаны.

12-го марта 1877 года.

Г. Орель.

Н. П. Варышниковъ.

ОЧЕРКИ, РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНИЯ

Э.....ВА.

V 1).

Жизнь и служба въ Сибири

1834—1839 гг.

Бывши начальникомъ адмиралтейства въ Иркутскѣ, въ февраль 1832 года, поѣхалъ я въ Кяхту; февраль у китайцевъ—мѣсяцъ праздниковъ нового года. Не доѣзжая станціи три до Троицкосавска, зимний путь прекращается; на этой мѣстности никогда не бываетъ ни снѣга, ни дождя. Въ Троицкосавскѣ—главное управлѣніе таможни, населеніе города большое; тутъ живутъ постоянные и временные рабочіе изъ Кяхты, тысячи обезниковъ—движенія очень много. Отъ Троицкосавска до Кяхты 4 версты. Кяхта небольшой городокъ съ своеобразнымъ бытъ и населеніемъ: это жірь первогильдейцевъ, которые только одни имѣютъ право вести заграничную торговлю. Въ городкѣ совершенная типина, движенія никакого; въ это время шли переговоры и сдѣлки съ китайцами. Тузы иркутскіе всѣ были имѣ знакомы, я сдѣлалъ имъ визиты, т. е. выпилъ чашекъ десятокъ чаю и прихлебнулъ изъ десятка рюмокъ вина. Всѣ были заняты, всѣ озабочены. Возвратясь въ квартиру, вмѣсто контрь-вѣнтовъ, получиль столько же ящичковъ чаю. Не буду описы-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 301—316; 616—632. Томъ XXIII, стр. 99—117; 499—530.

вать Кяхту, Маймачинъ тамошніе порядки у русскихъ и китайцевъ – все это описано и переписано десятки разъ. Подъ покровительствомъ Васи Баснина, обѣдалъ у богатаго купца-китайца; сосчиталъ шариками хлѣба 93 кушанья, какія это кушанья? право не знаю, но пробовалъ всего чайною ложечкою, всѣ блюда сносны и многія вкусны. Обратило мое вниманіе блюдо съ турецкимъ табакомъ, очень пышно наложенныемъ; смотрю, всѣ Ѣдять, макая въ сою; взялъ и я, во рту таетъ, спросилъ что такое? сказали – свиная кожа! Своеобразный міръ китайцевъ извѣстенъ, а если скажу, что начинается обѣдъ конфектами и кончается супомъ, то достаточно выразить противоположность всему русскому. Мы гордимся изобрѣтеніемъ самовара, но едва ли это вѣрно: мы придумали только дать другое употребленіе самовару. Самоваръ съ незапамятныхъ временъ употребляется китайцами, но не для чая, какъ у насъ: у нихъ кипящій самоваръ подается послѣднимъ блюдомъ за обѣдомъ. Въ самоварѣ кипѣла разная зелень и коренья; каждому изъ насъ подали на блюдѣ тонко, претонко нарѣзанные ломтики сыраго фазана; каждый палочками бралъ ломтики, опускалъ въ кипящій бульонъ, и, подержавъ недолго, кушалъ. Право, это недурно. Самоваръ прекрасной формы, не такъ давно и Тула перенесла эту форму. Пили китайцы не большие наперстка, но пили очень часто, пили спиртъ изъ риса – какъ очень острый, думаю, градусовъ до 70-ти. Не взирая, что я былъ предупрежденъ рассказами и чтеніемъ, но былъ удивленъ міромъ другой планеты! Быть съ визитомъ у Дзаргучея, очень важный и очень вѣжливый китаецъ. Обѣдалъ у него въ какой-то ихъ праздникъ, было 113 блюдъ, порядки одни. Я замѣтилъ, что у Дзаргучея акцентъ и даже голосъ разговора не похожъ на другихъ; мнѣ сказали, что эта манера говорить употребляется при дворѣ, гдѣ Дзаргучей быть чиновникомъ. У одного китайца, какъ оказалось, полицеяского Дзаргучея, уши въ стеклянныхъ футлярахъ. Китаецъ на вопросъ объяснилъ: «Русские, когда худо видѣть, то мосать стекла на глазахъ; я худо слышу, тоже надѣль стекла на уши». Видимо, физика не процвѣтаетъ въ Китаѣ. Извѣстно, что китайское правительство запретило быть женщинамъ въ Маймачинѣ, для того чтобы не ссориться съ русскими, потому что история Китая раз-

сказываеть, что всѣ осоры, войны, происходили изъ-за женщинъ. Это доказываеть, что китайскія женщины—не другой планеты!

Возвратился въ Троицкосавскъ. Тамъ въ это время жилъ баронъ Шиллингъ-Фонъ-Каннігадть. Этотъ дѣйствительный статский советникъ пріѣхалъ изъ Питера для изученія религіи Далай-Ламы. Извѣстно было, что этотъ баронъ—отецъ всѣхъ наукъ и братъ мудрости. Вечеркомъ я сдѣлалъ ему визѣтъ; прося лакея доложить, получить отвѣтъ:

— Барону, его прев—ству, не докладывайте, пожалуйте.

Цивилизованный лакей годился бы въ старинную французыскую комедію. Въ небольшомъ домикѣ, въ первой низенькой комнатѣ, около стола, спиной къ дверямъ, сидѣлъ толстакъ въ хмѣтѣ; противъ него, у того же ломбернаго стола, въклонился черезъ столъ въ одѣждѣ смѣщенника; оба разсмотрѣвали камуто брошюруку на китайскомъ языѣ. Тихо войди, слыши—говорить баронъ:

— Да вы, отецъ Іакинфъ, обратите внимание, не кабалистика ли это?

Я стала за кресломъ барона, оба такъ были углублены въ книжку, что не обратили вниманія на мій приходъ. Сталъ и я смотрѣть на книжку, мнѣ казалось неприличнымъ прервать интересное разсужденіе. Вижу, книжка вся состоять изъ цифръ въ нѣсколько рядовъ съ китайскими буквами. Въ это время, баронъ переворотилъ листокъ, я увидѣла сбоку чертежъ сферическаго треугольника съ отмѣтками извѣстныхъ и неизвѣстныхъ. Дѣло знакомое, я сказалъ:

— Да это логариемъ!

Баронъ обернулся ко мнѣ и не вставая—что, кажется, едвали и возможно было—подалъ руку и самой привѣтливой манерой усадилъ меня въ столу и представилъ отцу Іакинфу. Въ двѣ, три минуты, я чувствовала себя коротко знакомымъ, такъ привлекательна была манера барона, а я подумалъ: вотъ удалось однинъ камнемъ убить два воробья: хотѣлось видѣть монаха Іакинфа Бичурина, да не знать какъ. Тотчасъ потребовалось отъ меня объясненіе, что я разумѣю подъ названіемъ логариемъ, и почему я признаю эту непонятную книжку, надъ которой они ломаютъ голову,—логариемами? Я объяснила до подробнѣстей употребленіе логариемъ и даже объяснила способъ

внисленія ихъ. Оказалось, брошюра издана іезуитами въ Новинѣ. Любезность барона изменила меня ученымъ. Свербенъ овладѣлъ разговоромъ и съ гордостью хвасталъ, что онъ считаетъ громаднымъ успѣхомъ приобрѣтеніе Гамжура и не имеетъ надежды приобрѣсти Дамжуру, что Европа не имеетъ ничего подобнаго и проч. и проч. Эти Гамжуръ и Дамжуръ, изрелигіи Далай-Ламы,—почти то же самое, что у папы костѣльное право, одно пространное, другое сокращенное.

Хитрые логариѳмы сблизили меня съ барономъ. Что за увлекательный человѣкъ: пропасть путешествовать, знакомъ и въ Петербургѣ съ учеными знаменитостями цѣлаго свѣта. Занимательныхъ рассказовъ, всегда умныхъ, интересныхъ анекдотовъ—безъ конца. Баронъ Шиллингъ-фонъ-Канштадтъ былъ небольшаго средняго роста, необыкновенной толщины. Всегда привѣтливое выраженіе недуриаго лица, глаза полны веселости и блеска. Баронъ былъ холость. Обращеніе его было—человѣкъ самого высшаго тонка. Онъ имѣлъ искусство оставить увѣренность въ каждомъ, что Шиллингъ находитъ его умнымъ человѣкомъ. Въ Петербургѣ я видѣлъ, какъ дамы, и особенно молодыя, ласкали его: онъ умѣлъ заставить ихъ хохотать и быть, внимательными къ его анекдотамъ. Шиллингъ былъ другъ всего высшаго круга Петера. Помню разъ, какъ баронъ заставилъ усердно хотѣть все большое общество слушать разсказомъ въ лицахъ, какъ томіе итальянцы искали громадную его толщину на Эни; онъ самъ не смѣлся, но разсказъ былъ мастерской и чрезвычайно комиченъ.

Возвратясь въ Петербургъ съ идеями старого флота, но побывавъ въ Кронштадтѣ, я страшно разочаровался! Той отдельной касты, того завѣтнаго братства, той независимости, выжется, отъ цѣлаго свѣта—ничего не нашелъ! Достойные спирки, около которыхъ кристаллизовалась молодежь и продолжала нравы флота—одни поумирали, другие удалились. Изъ огромнаго моего выпуска, нашелъ только семь товарищѣй—всѣ разбрелись, а оставшіе казались будто каждый сцентрированъ въ себѣ; нѣть прежней разгульной откровенности, бѣдность большая, я былъ богачъ между ними. Даль товарищамъ хороший

обѣдъ въ трактирѣ Стюарта. Обѣдъ прошелъ молчаливо. Всѣ были ласковы по товарищески, но и только! На вопросы, что съ вами? отвѣчали: «не то время, поживешь, увидишь». Самые искренние, и тѣ тихо, жаловались на князя Меншикова.

45 лѣтъ прошло—расскажу мое первое представление князю Меншикову. Это время было время проектовъ—кто могъ, тотъ и умничалъ, я еще въ Сибири понялъ современную моду. Надумалъ и я проектовъ для Охотска и для Байкала. Являюсь смилью князю. Я надѣялся щегольнуть, заняться интересовать своими проектами, но не на того напасть: я съ незрѣлой и недоконченной мыслью хотѣлъ сдѣлать скачокъ, не тутъ-то было: князь крѣпко держалъ нитку начатой идеи! Я понялъ, что могу остаться въ дуракахъ, и замолчалъ.

- «Что-жъ вы молчите?»
- Извините, ваша свѣтлость, я не могу говорить съ вами.
- «Отчего?»
- 15 лѣтъ я не видалъ такъ высоко стоящей особы и во всю жизнь не встрѣчалъ такого могучаго ума.
- «Ну, какъ же мы будемъ говорить съ вами?»
- Ваша свѣтлость, я искренно доложу вамъ, что, стоя передъ вами, я потерялъ способность мыслить, я чувствую свое ничтожество!
- «Вы одичали, поживите въ Петербургѣ, отдохните, иногда приходите (кажется) по середамъ пить чай. Прощайте».

Мнѣ только и хотѣлось дозвolenія пожить въ Питерѣ. Деньги у меня были, я счелъ дозволеннымъ себѣ упиться удовольствіями, отъ которыхъ былъ отчужденъ 15 лѣтъ.

Во флотѣ я разочаровался: упадокъ общаго духа, бѣдность товарищей, поразили меня—какая будущность? Я долго думалъ и рѣшился искать другой службы. Тогда самое большое содѣржаніе было, какъ въ новомъ учрежденіи, въ корпусѣ жандармовъ, но безъ протекціи какъ попасть туда? Бродя по Питеру, я вспомнилъ барона Шиллинга, засталъ его дома, онъ принялъ меня очаровательно; разговаривая со мною, заставилъ меня высказать откровенно о причинахъ моего намѣренія. Спросилъ мою квартиру и мы простились. Утромъ, получаю съ жандармомъ записку отъ начальника штаба корпуса жандармовъ Дубельта, всѣмъ знакомой формы: «свидѣтельствуя совершение

мочтеніе» и проч., приглашался я въ штабъ, для вышторыхъ личныхъ объясненій. Дубельтъ хотѣлъ знать объ Американской компаніи, а кончилось приглашеніемъ меня въ жандармы.

Явился къ князю Меншикову; опять история проектовъ, я снять замолчать и повторить въ родѣ первой продѣлки, а на вопросъ князя: «какъ же мы будемъ говорить?» я просилъ позволенія написать. — «Такъ вы литераторъ? Ну, сочините, посмотримъ». Я написалъ и принесъ, князь читалъ саркастически улыбаясь и, отдавая мнѣ, сказалъ:

— «Предметы таѣль важны, что превосходятъ мою власть; отнесите въ совѣтъ адмиралтейства, но будьте осторожны (понизивъ голосъ), тамъ сидятъ все мудрецы!»

Это онъ сказалъ съ такимъ сарказмомъ презрѣнія, что я будто теперь слышу.

Въ адмиралтействѣ я нашелъ Васильева, съ которымъ я бралъ обсервациіи въ Камчаткѣ, Рикорда, съ которымъ служилъ тамъ же, и другихъ. Моряки признали меня по родному; я подалъ проектъ, много хотели и спросили: да чего ты хочешь? я просилъ позволенія пожить въ Цитерѣ. Мнѣ дали билетъ съ прописаніемъ не отлучаться изъ Петербурга до разсмотрѣнія моихъ проектовъ.

Мнѣ того и нужно было, чтобы не отдѣлиться отъ жандармовъ. Государь уѣхалъ и вызвалъ кн. Меншикова въ Мюнхенгрецъ. Я объявилъ Дубельту: если желаютъ, чтобы я былъ жандармомъ, то это можно сдѣлать только безъ кн. Меншикова. Отѣйтъ изъ флота о мнѣ много стоило мнѣ хлопотъ и я обиzanъ много Лермонтову.

Я—жандармъ. Возвратившійся князь очень гнѣвался, узнавъ, что я перешелъ въ жандармы. Лермонтовъ рассказывалъ, что князь назначалъ меня командиромъ нового фрегата, по методу Стефенса; при этомъ и доложилъ Лермонтовъ, что меня уже нѣть во флотѣ; князь гнѣвно спросилъ:

— «Кто его выпустилъ?»

— Моллеръ.

— «Охъ, этотъ гнилой, онъ всѣхъ распустить».

Мнѣ хотѣлось имѣть патентъ изъ флота. Князь бросилъ патентъ на полъ и сказалъ: «никогда не подпишу». Послѣдовало сепаратное повелѣніе: изъ флота не переводить.

У меня былъ двоюродный братъ Василій Семеновъ; онъ былъ тогда цензоромъ, къ нему собирались литераторы и любители. Въ одинъ вечеръ Семеновъ обызвѣтъ, что онъ прочтеть замѣчательную вещь. В. Семеновъ, превосходный чтецъ, прочиталъ «Большой выходъ у Сатаны» Сенковскаго. Телько ахали, удивленію, похвалили, восторгамъ—не было конца. Но когда братъ сказалъ, что пропустить не можетъ, всѣ заговорили: это преступлѣніе, это грабежъ литературы, это убѣйство таланта, это святотатство и проч., долго судили и рѣдили. В. Семеновъ рѣшилъ, что если не поможетъ графъ Бенкендорфъ—на него послѣдняя надежда—онъ другаго средства не видѣть. Графъ хорошо зналъ Семенова, который, говоря о своемъ сомнѣніи въ статьѣ, боялся, что въ ней ничего нѣтъ, но сомнѣвается по своей неопытности. Графъ приказалъ мнѣ положить у него на туалетъ. Я отлично припраталъ и прикрылъ бумагами. Каждую недѣлю приходилъ Семеновъ за статью; графъ увѣрялъ, что еще не дочиталъ, а я видѣлъ, что и не дотрогивался. Пришелъ Семеновъ третій разъ и увѣрилъ, что литераторъ настоятельно проситъ, работа срочная. Графъ приказалъ мнѣ подать, я отвернулся послѣднюю страницу и графъ написалъ: «дозволяется печатать». Говорить, государь былъ недоволенъ цензурою, оборвалось на Бенкендорфѣ.

Меня назначили въ Симбирскую губернію.

Откланиваясь графу Бенкендорфу, я просилъ его наставленія, чего я долженъ достигать нравственно, исполнилъ свою обязанность? Графъ отвѣчалъ:

— «Ваша обязанность—утиратъ слезы несчастныхъ и отвращать злоупотребленія власти, а обществу содѣйствовать быть въ согласіи. Если будуть любить васъ, то вы легко всего достигнете».

— Ваше сілительство, общество играетъ въ запрещенные игры—въ карты, долженъ ли я мѣшаться?

— «А вы любите играть?»

— Нѣтъ.

— «Ну, такъ позволяю вамъ играть въ банкъ до 5 руб., но вы не должны дозволять обыгрывать неопытную юность и хранителя казенныхъ суммъ».

Я далъ честное слово исполнить.

Пріѣхалъ въ Симбирскъ, кажется, 8-го января 1834 года;

предмѣстника моего, полковника М....., я не засталъ уже, но засталъ озлобленіе всего общества противъ него, а вмѣсть съ тѣмъ недовѣріе и нерасположеніе къ голубому мундиру.

Разбирая дѣятельность М....., я нашелъ, что онъ совершилъ не помимо своей обязанности: онъ хотѣлъ быть сыщи-комъ, ему казалось словою—рыться въ грязныхъ мелочахъ и хвастать знаніемъ домашнихъ тайнъ общества. Жена его любила щеголять знаніемъ всѣхъ сплетень и такъ была дѣятельна, что для помощи мужу осматривала предварительно рекургъ, хотя это и не было обязанностію жандармскаго штабъ-офицера, но М..... совался вездѣ. Однимъ словомъ, М..... хотѣлъ быть страшнымъ и—достигъ общаго презрѣнія!

Симбирскъ отъ Москвы болѣе 700 верстъ, а отъ Цитера до 1,500 верстъ;ѣхать для зимнихъ удовольствій въ столицу—слишкомъ далеко, да тогда и сообщенія были не такія, какъ теперь. Богатаго дворянства много; по необходимости, по окончаніи лѣтнихъ хлопотъ по хозяйству, на зиму всѣ помѣщики группировались въ Симбирскѣ и веселились такъ, какъ уже не веселятся!

Я зналъ по опыту, что тотъ не находить любви, кто ее ищетъ; общая любовь и довѣріе васлуживаются нравственномъ правдою, уваженіемъ условій общественныхъ и непривычненіемъ семейного домашняго быта.

Первый визитъ губернатору, онъ сдѣлалъ мнѣ вопросъ:

- «Съ какимъ намѣреніемъ вы сюда прѣѣхали?»
- Содѣйствовать возвышенію власти вашего прев—ства.
- «Какіе ваши планы?»
- Я еще ничего не знаю.
- «Имѣете знакомыхъ?»
- Никого.
- «Если вы намѣрены искренно содѣйствовать мнѣ, то чего вы требуете отъ меня?»
- Только личнаго ко мнѣ уваженія и когда мнѣ нуженъ будетъ секретъ, то сохранить, я тогда только и буду вамъ полезенъ.
- «Это такъ немного, что я не только даю вамъ честное слово, но считаю прямую своею обязанностію исполнить».
- Мнеъ болѣе ничего и не нужно.
- «Вы, господа жандармы, любите много писать?»
- При данныхъ вами обѣщаніяхъ, я даю вамъ слово по-

всюль вамъ все, что я буду писать, но до тѣхъ порь, пока мы будемъ исполнять свои условія.

— «Наши условія такъ исложены, что мнѣ пріятно подать вамъ руку дружбы».

Мы простились Симшу, всякий день въ городѣ обѣды, балы, но я расчелъ не называться на знакомство, дать забыть систему М..... Первымъ пріѣхалъ во мнѣ Борисъ Петровичъ Бестужевъ, отставной лейтенантъ начала столѣтія; старикъ узналъ, что я служилъ во флотѣ, не утерпѣлъ не повидаться и упросилъ къ себѣ на баль. Скоро я сталъ членомъ общества. Скоро я узналъ въ курильныхъ кабинетахъ, что все общество ненавидитъ губернатора, причинъ — безчисленное множество, какъ обыкновенно бываетъ при неудовольствіяхъ. Во всѣхъ общественныхъ положеніяхъ есть непремѣнно центръ, откуда и расходятся мнѣнія и причины — какъ радиусы. Въ этомъ случаѣ, оказались два помощника: Т. и О.—несомнѣнно люди умные! я къ губернатору:

- Васъ здѣсь не любятъ.
- «Это правда».
- Какая причина?
- «Право, не знаю».
- Быть главной властью и быть нелюбимымъ — непріятно.
- «Непріятно, да что же сдѣлать?»
- Я скажу вамъ средство, отъ васъ зависить помириться съ обществомъ.
- «Пожалуйста, я на все согласенъ».
- Вы дѣйствительно не знаете причины?
- «Честное слово, не знаю!»
- Т. и О. главные ваши враги, причины неважны; пригласите ихъ, вы сумѣете смягчить; объяснитесь и помиритесь, тогда все общество повернется къ вамъ лицомъ.
- «Очень много вамъ благодаренъ, вы дѣйствуете какъ мой другъ!»
- Но надѣюсь — вы обо мнѣ не упомяните, мой успѣхъ въ секрѣтѣ.
- «Будьте покойны, я помню наши условія».

Предъ этимъ, я нашелъ случай познакомиться съ Т. и видѣлся съ О. Зналъ я, что губернаторъ приглашалъ къ себѣ

этихъ господъ утромъ. Вечеромъ, я быль у Т. Холодный вѣклють, молчать, отворачиваются. Я притворился сиротиной и не понимаю, говорю любезности дамамъ. Т. не выдержалъ и въ досадѣ началъ говорить даже оскорбительно:

— «Мы думали, что вы человѣкъ съ характеромъ и не имѣли нужды скрывать своихъ чувствъ передъ вами, а вы унизились и передали подлецу» и проч.

— Я хотѣлъ согласія, единодушія общества съ властію; если унизился, по вашему, то съ доброю цѣлію. Жалѣю, что я ошибся, но кто не ошибался? Могу я узнать, какая была сцена между вами?

— «Губернаторъ усадилъ насть въ кабинетъ и сказалъ: господа, между нами есть непріятности, и вы и я имѣемъ обоядны причины; полагаю, какъ благородные люди, мы не обязаны давать въ томъ кому бы ни было отчета, но, къ удивленію моему, вы малодушно сообщили жандарму! Ха, ха, ха, да знаете ли кто этотъ жандармъ? онъ, по просьбѣ моей, присланъ сюда для моихъ услугъ! вотъ кому вы довѣрились. Господа, я не отнимаю у васъ права имѣть ко мнѣ неудовольствіе, но будьте же благородны, действуйте сами, безъ жалкаго жандарма. Прощайте, я счель долгомъ сказать вамъ это».

Каково мнѣ было слушать этотъ монологъ! Я высказался искренно, не имѣя причинъ не вѣрить губернатору; жалѣю, что я обеспокоилъ уважаемыхъ мною людей, но надѣюсь, другой разъ не ошибусь. Мы помирились, согласившись, что губернаторъ [болѣе чѣмъ человѣкъ не хороший].

Рано утромъ—я у губернатора. Ласковъ, привѣтливъ, хороший другъ!

— Не утерпѣли, не сохранили секрета?

— «Языкъ мой—врагъ мой! Кругомъ виноватъ!»

— Ну, по условію—вы губернаторъ, а я жандармъ, но помните, у меня огорода вѣтъ, а у васъ столько огородовъ—куда ни брось камень, попадешь въ вашъ огородъ!

— «Не будемъ ссориться, я виноватъ, прошу прощенія; увлекся съ не.....ми, больше этого не будетъ».

Тутъ пристала страдалица-жена его съ просьбой—простить.

— Такъ и быть, этотъ разъ не въ счетъ, забудемъ; но другой разъ не забудемъ!

— «Душою и сердцемъ—согласенъ!»

Вскорѣ повторился другой подобный случай....

Тогда установленной формы для переписки въ корпусѣ жандармовъ не было; армейскіе писали рапортами, такая форма не позволяла вольничать, я принялъ манеру писать: письмами, докладами и простыми записками, но рапорта—никогда! Составилъ письмо къ шефу обѣ отношенияхъ моихъ въ губернатору и обѣ его безхарактерности и въ концѣ увѣрилъ, что не пройдетъ много времени, какъ выяснится необходимость смѣнить его.

Пришелъ къ губернатору и прямо сказалъ: намъ болѣе говорить нечего! Онъ началъ извиняться, я подалъ ему письмо къ шефу и сказалъ: я даль слово показать вамъ, что я пишу—прочтите. Прочитавъ, поблѣднѣлъ и сказалъ:

— «Вы такъ писать не можете!»

— Отчего?

— «Я буду жаловаться на васъ!»

— Тѣмъ лучше, скорѣй объясняйтесь ваши дѣйствія.

— «Вы не пошлете».

Я кликнулъ жандарма, запечаталъ у губернатора и приказалъ отнести на почту.

Кто такой губернаторъ Z.? Онъ былъ въ отставкѣ капитаномъ Преображенского полка. 14-го декабря, онъ явился къ дворцу. Государь нѣсколько разъ посыпалъ Якубовича образумить бунтовщиковъ и убѣдить ихъ, чтобы покорились. Якубовичъ шелъ къ мятежникамъ и Z. за нимъ. Якубовичъ, вмѣсто убѣжденія, говорилъ: «ребята, держись, наша берегть, трусять, ура! Константины!» и бунтовщики кричать: «ура, Константинъ и супруга его Конституція!» Якубовичъ возвращался и докладывалъ: «изволите слышать, они съума сошли, хотѣли въ меня стрѣлять».

Такъ было нѣсколько разъ и Z. всякий разъ ходилъ и одинъ разъ перевязалъ ногу платкомъ, прихрамывая, будто ударили его по ногѣ.

Государь не забывалъ усердія и сказалъ в. к. Михаилу Павловичу: «я видѣлъ усердіе Z., спроси его, чего онъ хочетъ?» В. к. Михаилъ спросилъ Z.: «чего ты хочешь?» Z., не задумавшись, отвѣчалъ: желаю быть губернаторомъ.

— «Не много ли это будетъ?»

— Для государя все возможно!

И вотъ Z. чрезъ разныя метаморфозы — губернаторъ въ Сибирскѣ. Это я знаю отъ него самого.

Z. былъ очень недуренъ собой, средняго роста, строенъ, всегда щеголь, образованія — для гостию, не дурной актеръ. Дѣла, бумаги для него дѣло постороннее.

Застаю Z., подписывающу бумагу: «какъ же это вы не читаете?»

— «Пробовалъ читать, ничего не понимаю; пробовалъ не читать — все равно, такъ лучше не читать — результатъ одинъ».

Былъ рекрутскій наборъ; для пріема въ Сибирскѣ пріѣхалъ маіоръ Ю., а для наблюденія въ губерніи флигель-адъютантъ полковникъ К. Высочайше повелѣно: при пріездѣ флигель-адъютанта, хотя бы и младшаго чиномъ, жандармскій штабъ-офицеръ обязанъ явиться къ нему; но не позже какъ на другой денъ, хотя бы генераль-адъютантъ, обязанъ отдать визитъ. Я вообще былъ строгій исполнитель служебныхъ обязанностей, немедля явился къ флигель-адъютанту К.; онъ принялъ меня, какъ петербуржецъ — вѣжливо, ласково, какъ милый товарищъ. Прошло два дня — не ёдетъ ко мнѣ, думаю, вѣрно не знаетъ распоряженія. Между безконечными моими рассказами изъ жизни, я напомнилъ К., что онъ обязанъ быть у меня. Онъ расхохотался, любезно назвалъ меня мелочникомъ и что подобная претензія не достойна меня и проч. Я доказывалъ ему, что моя служебная сила зависитъ отъ наружнаго уваженія ко мнѣ, и увѣрялъ, что не приму его. Не поѣхалъ ко мнѣ К., но мы оставались приятелями.

Рекрутскій наборъ шелъ; слышу, маіоръ Ю. береть взятки, но это тогда была вещь обыкновенная. Нѣсколько помѣщиковъ жаловались мнѣ, что помѣщичьяго рекрута не принимаютъ безъ пяти полуимперіаловъ. Одинъ коротко знакомый мнѣ отдавалъ своего лакея; я видѣлъ его: молодчина, 9-ти вершковъ роста, молодой, красавецъ. Приказавъ вести въ присутствіе, пошелъ и я туда же; дошла очередь до лакея; маіоръ Ю. посадилъ его на полъ спинкою къ стѣнѣ, ноги его скосилъ въ одну сторону и оказалось — одна нога короче, закричалъ: затылокъ! Я, какъ не имѣющій права мѣшаться, молчалъ, но когда совѣтникъ отмѣчалъ въ книгѣ, я шепотомъ попросилъ дать мнѣ выписку за что обракованъ. Услыхалъ неразумный маіоръ, поднялъ шумъ, заходилъ пѣтухомъ и говорилъ грубости, что всякий тутъ мѣшается

и проч. Я, не выронивъ и полелова, напомнилъ тихо предсѣдателю правило на зерцалѣ. Добрявъ предсѣдатель Огневъ остановилъ расходившагося маюра. Я составилъ записку о рекрутѣ и маюре и подалъ флигель-адъютанту К. Онъ объяснилъ мнѣ, что маюръ родной братъ служащаго и въ большой силѣ при дворѣ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать, и совѣтовалъ мнѣ не мѣшаться въ дѣла маюра Ю., что и мнѣ будуть непріятности. К. хотѣлъ возвратить мнѣ записку, но у меня были заняты руки, что я не могъ взять записки, и она осталась у К. Одинъ небогатый помѣщикъ, хорошо знакомый, просилъ моего участія сдать рекрута съ небольшимъ изъянкомъ. Я своего унтера преобразилъ въ мужика отদатчика, далъ ему пять полуимперіаловъ, четыре мужика при немъ..... Унтеру приказано—отдавая деньги маюру, уронить на полъ. Рекрутъ принять.

Въ городѣ громко говорили о сценѣ въ присутствіи и удивлялись, какъ я перенесъ молча. Одинъ только старикъ почтмейстеръ Лазаревичъ, выслушавъ, сказалъ:

— «Господа, та собака, которая не лаетъ, всегда больно кусаетъ, я за маюра и гроша не держу, онъ пропадетъ».

Наборъ конченъ, маюръ набралъ до 8-ми тысячъ руб., но въ Симбирскѣ же и проигралъ, бѣдный. Я составилъ о всемъ подробную записку и упомянулъ, что К. не отдалъ мнѣ визита.

Въ февралѣ, вечеромъ, пью чай. Буря, мятель страшная, колокольчикъ у воротъ; входить холмъ снѣга и говорить:

— «Имѣю честь явиться! прошу извиненія, виноватъ кругомъ!»

Это былъ флигель-адъютантъ, полковникъ К. За чаемъ рассказалъ, что его очень бранилъ Бенкендорфъ за неотданіе визита.

— «На балѣ у Фикильмана, танцуя кадриль съ государыней; только кончилъ, фельдъегерь подалъ бумагу: ему приказано немедля отвезти меня въ Симбирскъ, а мнѣ своеручно произвести слѣдствіе о злоупотребленіяхъ маюра Ю. при рекрутскомъ наборѣ..

Мнѣ предписано содержать подъ строгимъ надзоромъ маюра Ю., до окончанія слѣдствія.

Флигель-адъютантъ К..... остановился въ домѣ губернатора. К. не имѣлъ понятія, какъ и приступить къ слѣдствію; З. далъ ему чиновника, служащаго у него по особымъ приключеніямъ. На другой день, я узналъ, что допрашивалъ и писалъ чиновникъ. Я въ полковнику К. и тутъ сказалъ:

— Говорить, что будто бы следствие делает чиновник?

Перепугался, побледнел К., забожился, заклялся честным словом и проч., что это неправда. Мне жаль было беднягу, я сказал, что я удовлетворен и върю ему. Привезли майора Ю. подъ арестомъ унтер-офицера и солдата.

Пріѣхалъ графъ Протасовъ; онъ состоялъ при особѣ государя, полковникъ. Удѣльные имѣнія были разбросаны по всей Россіи; неудобно и дорого было управление, предполагалось: удѣльныхъ крестьянъ возвратить въ казну, а симбирскихъ казенныхъ крестьянъ, тысячъ до четырехсотъ, обратить въ удѣльные. Это и поручено было исполнить гр. Протасову. Послѣ него пріѣхалъ жандармскій полковникъ Ф.... Графъ Протасовъ—добрѣшій, благороднѣйший человѣкъ, но страшный педантъ службы.

Симбирскіе казенные крестьяне—на черноземѣ, на Волгѣ, были богаты, много домовъ крыты тесомъ, синіе кафтаны, красные кушаки—жили привольно. Дѣлаясь удѣльными, становились помѣщичими—переходъ не радостенъ! Надобно было быстро и ловко обѣлатъ дѣло. Все исполненіе пало на меня. Понявъ любовь гр. Протасова къ крайней аккуратности, я каждый день посыпалъ ему отчетъ въ каждомъ часѣ моей дѣятельности.

Въ это время, я проѣзжалъ въ сутки 300 верстъ.

Я успѣлъ взять подписки со всѣхъ деревень въ согласіи на переходъ, а Ф.... еще сочинялъ проектъ, какъ приступить къ дѣлу. Губернаторъ не участвовалъ, но ему хотѣлось прицѣпиться къ наградѣ; онъ вздумалъ взвинтовать одну отдаленную деревню Буинскаго уѣзда. Я упросилъ графа сѣѣздить со мною. Городничий Буинска не могъ отвѣтить графу ни на одинъ статистический вопросъ, даже не сказалъ сколько церквей въ городѣ. Графъ спросилъ меня: «что онъ—дуракъ пошлый?»

— Нѣтъ, вы не умѣете спрашивать, мнѣ онъ отвѣтить: г. городничій, сколько у васъ кабаковъ?

Бодро и быстро отвѣчалъ—шесть!

Графъ легъ спать, а я—въ деревню къ бунтовщикамъ и такъ настраивалъ ихъ именемъ графа, что когда онъ пріѣхалъ, то нашелъ всю деревню на колѣнахъ; но тутъ же я узналъ, что пріѣзжалъ переодѣтымъ чиновникомъ по приключеніямъ, но доказать было трудно и я просилъ дѣла не поднимать.

Огромная была власть у Протасова. Когда я поразсказалъ о полковнике К. и что онъ флигель-адъютантъ, но живеть у губернатора, гр. Протасовъ послалъ за К., а мнѣ приказалъ сѣсть за ширмы. Боже мой, я и теперь слышу тогъ повелительный голосъ графа! Оба полковника и К.—флигель-адъютантъ, но графъ такъ жестоко бранилъ его, какъ я не бранилъ бы писаря,— глупцомъ, соусникомъ, блудолизомъ и проч.... Укорялъ его, какъ довѣренного государя: къ нему долженъ прибѣгать обиженный, а кто же пойдетъ съ жалобой на губернатора, когда онъ лижеть его тарелки! Приказалъ чрезъ два часа сѣѣхать—и сѣѣхалъ. Во все времена, К. покорно молчалъ. Я такъ и ждалъ, вотъ К. треснетъ графа.

Когда собирался графъ уѣзжать, то я, боясь неустановившагося еще дѣла и боясь шаловливости Z., совѣтовалъ придумать что нибудь. Графъ послалъ меня къ губернатору сказать, что графъ будетъ у него официально.

Пришли мы съ графомъ, губернаторъ встрѣтилъ во фракѣ. Графъ спросилъ: какъ передалъ вамъ г. маіоръ? На отвѣтъ губернатора, графъ сказалъ:

— «Я пришелъ официально передать губернатору волю государя, съ лакеемъ я говорить не могу, надѣньте мундиръ и придите выслушать».

Пришелъ въ мундирѣ губернаторъ. «Слушайте повеліе государя: вы устраниетесь отъ всякаго участія въ дѣлахъ по переименованію казенныхъ крестьянъ въ удѣльные. Государь императоръ повелѣваетъ всѣ распоряженія по этимъ дѣламъ поручить вамъ, г. маіоръ! вы имѣете дѣйствовать не сносясь съ губернаторомъ; малѣйшее вмѣшательство губернатора замѣтите—пришлите немедля курьера».

Губернаторъ только успѣлъ сказать, что онъ не заслужилъ такого недовѣрія.

Графъ крикнулъ: «молчать! когда приказываетъ государь, тогда не разговариваютъ, а исполняютъ; еще слово—я отправлю васъ въ телѣжѣ!»

Я былъ свидѣтелемъ два раза страшной власти графа Протасова. Не будучи посвященъ въ іерархію дворескихъ чиновъ, я изумлялся власти полковника и осторожно высказалъ это графу;

онъ много смылся моему невѣжеству и сказалъ: «Флигель-адъютантъ много, а при особѣ государы—два, три».

За этими хлопотами, я потерялъ изъ вида слѣдствіе о маіорѣ Ю. Послѣ слышалъ: флигель-адъютанта полковника К. назначили въ какой-то армейскій полкъ—младшимъ. Маіору Ю. не давать въ команду отдѣльной части—милостиво! На счетъ виновныхъ доставить въ Петербургъ забракованнаго рекрута.

Старшимъ, чванству, я никогда не спускалъ, но часто попадались по жалобамъ секретари, столонаачальники, засѣдатели и тому подобные: берутъ взятки—бери, Богъ съ ними, на то они и краивное сѣмя, а то жадные, возьметъ съ одного и беретъ съ противника, обиженнай сторона жалуется. Сейчасъ записку: свидѣтельствуя совершиенное преступленіе и проч., имѣю честь просить пожаловать для личныхъ объясненій. Въ залѣ всегда есть просители или знакомые. Приходитъ виновный, я самимъ ласковымъ образомъ говорю, что я затрудняюсь въ одномъ дѣлѣ и обращаюсь къ его опыта; прошу его совѣта и приглашаю въ кабинетъ, двери на замокъ и тамъ уже объясненіе, отъ которого сойдеть съ головы мыла три! Вида трусость и раскаяніе, обѣщаніе немедля возвратить обиженному деньги и клятва болѣе такъ не дѣлать,—выходя изъ кабинета, я вѣжливо благодарю его за умный и опытный совѣтъ—далѣе кабинета не иду. Не помню случая, чтобы были рецидивисты. Цѣль достигалась безъ оскорблений.

Чрезъ 10 лѣтъ, я былъ въ Симбирскѣ, имѣть дѣло совершить три купчія въ гражданской палатѣ. Совершили въ одинъ день и въ какой—въ субботу! Представьте мое положеніе, я скажу хотя невѣроятную правду, есть свидѣтели, но мнѣ никто не поверить: 1848 года въ 30-й день ноября, въ день Андрея Первозваннаго, я вынулъ 500 руб., чтобы благодарить секретара и надсмотрщика крѣпостныхъ дѣлъ. Эти господа руки назадъ и сказали: «извините, ваши деньги прожгутъ наши карманы и принесутъ несчастіе нашимъ дѣтамъ; вы были нашими отцомъ, за вами мы жили какъ у Христа за-пазухой; извините, полковникъ, не обижайте насъ, мы вашихъ денегъ взять не можемъ!»

Представьте—и не вѣри!!! Такой исключительный случай въ старые годы невѣроятенъ, но бытъ; признаться, я считалъ

себѣ высовою наградой за службу въ Симбирскѣ и вѣрилъ, что тамъ я быть не линій.

Припоминая прошедшее, дѣйствительно не припомню, чтобы я кому нибудь изъ этой мелкой еоски сдѣлалъ бы существенный вредъ, а чѣмъ бывало въ кабинетѣ, того никто не зналъ. Оказалось, лекарство было полезное.

Наступили дворянскіе выборы, събражалось дворянъ до 300. Великодушныхъ (болѣе 100 душъ) въ губерніи было много. Выборы обыкновенно были шумны, бывали и серьезные ссоры, но я не мѣшался. Я на выборы смотрѣль какъ на дѣло семейное, сегодня ссорятся, а завтра мирятся—только не мѣшать.

Еще до выборовъ, я зналъ, что князь Д. со选拣атъ старшую дочь губернскаго предводителя князя Б. Давненко ходили сплетни, что будто бы губернаторъ Z. наряжался старухою и ходилъ на свиданіе въ теперешней невѣстѣ и что будто бы Z. такъ хорошо гримировался, что отецъ-князь Б. разъ встрѣтилъ старуху-губернатора и не только не узналъ, но указалъ, что дочь его въ саду. Сплетень всегда много въ провинціи, а тѣмъ болѣе въ такомъ большомъ обществѣ; но на этотъ разъ разыгралась весьма серьезная история, такъ что я вынужденъ былъ выказывать весь авторитетъ моей власти.

Быть въ Симбирскѣ полковникъ графъ Т.; быть холостой, жить въ Симбирскѣ, но числился по иностранной коллегіи. Графъ Т. быть другомъ Z. и, еще болѣе—другомъ князя Д., же-нихиа. Z. похвасталъ мнію интрижкой съ княжной передъ графомъ Т.; послѣдній, любя князя Д., сообщилъ ему о призна-ніи губернатора Z.

Князь Д. быть отставной гвардеецъ; онъ кавказскій князь и, говорили, владѣтельный дома. Князь Д. быть брюнетъ, хорошиаго средняго роста, стройный, одѣвался отчетливо въ черное, говорилъ сквозь зубы, стригся подъ гребенку, молчаливъ, холоденъ, корчилъ Байрона—тогда много было Байроновъ, мода! Князь Д. считался вспыльчивымъ, храбрымъ; за нимъ была странность, онъ имѣлъ антипатію къ юношамъ. Я думалъ, что онъ притворяется. Мы были знакомы съ нимъ по шашечному. На одномъ вечерьѣ, я, увидѣвъ идущаго по улицѣ князя, поймавъ котенка, посадилъ въ столь и далъ ему сахару. Встрѣтивъ князя, взялъ

его подъ руку и, говоря, велъ его къ столу; подходя, я почувствовалъ, что онъ вздрогнулъ, а подойдя—поблѣдѣть, вырвался отъ меня и сказалъ, что онъ не можетъ тутъ быть. Это было фантастично! Котенка я выкинула, но никому не сказала о моей шалости. Впрочемъ, князь держалъ себя весьма прилично, въ карты не игралъ, вина почти не пилъ, былъ неизменно одинаковъ, но на то онъ и былъ Байронъ. Ни одной исторіи не было за княземъ Д.

Какъ только князь Д. выслушалъ графа Т., тотчасъ же объяснился съ отцомъ княземъ Б. и отказался отъ невѣсты. Нестаста въ глубокомъ обморокѣ, отецъ несчастливъ, князь Д. блѣднуетъ. Узнаю вечеромъ, что князь Б., какъ губернскій предводитель (кажется, въ теченіи 18-ти лѣтъ), намѣренъ утромъ жаловаться дворянству и просить защиты—старому слугѣ дворянства! Князь Д. вынуждется разбить рожу губернатору въ соборѣ!

Поздно вечеромъ, я нашелъ губернатора въ страшной тревогѣ: онъ слышалъ о намѣреніи князя Б. Зная нерасположеніе къ нему дворянства и какого дворянства—дружного, гордаго, сибирскаго,—было отъ чего въ отчаяніе прийти! А я прибавилъ о намѣреніи князя Д. Это окончательно сдѣлало губернатора неспособнымъ мыслить! Онъ только и видѣлъ спасеніе въ моей помощи. Но какъ же онъ и просилъ меня спасти его!

Я спросилъ З.: чѣмъ побудило его хвастать? онъ отвѣчалъ:

— «Имѣть успѣхъ въ женщинахъ и не разсказать, все равно, что, имѣя андреевскую звѣзду, носить ее въ карманѣ».

Исторія—во всѣхъ отношеніяхъ скверная. Не будь З. губернаторомъ, то была бы смѣшная, скандальная исторія, но хоть лыкомъ шить, а онъ—губернаторъ, власть! Разыграйся глупость—огорчила бы государя и на все честное и благородное сибирское дворянство упала бы тѣнь преступленія! Я рѣшился действовать не для спасенія З., котораго я уважать не могъ, а для спасенія власти губернатора.

Рано утромъ, я былъ въ кабинетѣ губернскаго предводителя и, послѣ обычныхъ вѣжливостей, я прямо приступилъ:

— До свѣдѣнія моего дошло, что ваше сіятельство намѣрены сегодня говорить передъ дворянствомъ и жаловаться на З?

— «Кто вамъ это сказалъ? Можетъ быть, неправда».

— Если неправда, то тѣмъ лучше; вамъ остается, князь, дать мнѣ честное слово, что вы говорить не будете, я вамъ повѣрю.

— «Кто вамъ дать право: требовать отъ меня честное слово и входить въ мои дѣла?»

— Моя обязанность, князь.

— «Въ чёмъ она состоитъ?»

— Въ секретной инструкціи, утвержденной государемъ!

— «Я вамъ слова не дамъ и думаю—нанеси объясненія кончены!»

— Нѣтъ, князь, если не дадите слова, то я дамъ вамъ слово, что вы отсюда не выйдете!

— «Это какъ?»

— Я васъ арестую!

— «Вы имѣете право арестовать губернского предводителя?»

— Имѣю право всякаго арестовать, для охраненія власти, вѣренной государемъ.

— «Вы молоды судить объ оскорбленахъ, вы не отецъ!»

— Я сынъ моихъ родителей и братъ моихъ сестеръ!

— «Вы знаете эту несчастную исторію?»

— Все подробно знаю и знаю, что тутъ все ложь и глупость. Дѣла скандаломъ не исправите, а я, сочувствуя вамъ сердцемъ и душою, беру на себя и ручаюсь, что все дѣло выяснится къ спокойствію вашему и общему; пострадаетъ тотъ, кто виной огорченія вашего.

— «Какое вы можете дать ручательство?»

— Честное мое слово, которому я не измѣнять во всю жизнь!

— «Молодой человѣкъ, вы много берете на себя; помните, вы отвѣтите передъ оскорбленными отцомъ!»

— Вамъ нѣть исхода, князь: либо вѣрьте моему слову и дайте мнѣ ваше честное слово, либо вы не выйдете отсюда.

Князь заплакалъ и дать мнѣ честное слово, что говорить передъ дворянствомъ не будетъ. Я успокаивалъ его, какъ умѣль. Грустно видѣть старые слезы оскорбленного отца. Разговоръ былъ длиненъ, я записалъ только главные пункты.

Помончивъ съ однимъ княземъ, я посыпалъ князя Д. Выходить ко мнѣ князь, съ плотно обстриженой головой, воротнички

à l'enfant, какъ Байронъ на портретѣ, съ трубкой, и цѣдить сквозь зубы—англичанинъ да и только!

— «Чему я обязанъ, что вы пожаловали ко мнѣ?»

— Князь, прежде всего здравствуйте и позвольте сѣсть; мнѣ нужно поговорить съ вами.

Обстановка слишкомъ проста: во всю комнату простой крашеный столъ, около такая же голая скамейка, точно въ бѣдной школѣ; на скамейкѣ мы и усѣлись.

— Вы, князь, огорчены и очень раздражены изъ глупой лжи, дошедшей до васъ.

Князь какъ-то засопѣлъ, сжалъ чубукъ такъ, что у него хрустнули пальцы; странно согбѣвши, придвигался ко мнѣ. Молчать, не можетъ или не рѣшается сказать слово. Я спокойно посовѣтовалъ не придвигаться такъ близко, а то намъ неудобно говорить. Авіа немного утихла и князь сквозь черные зубы процѣдилъ:

— «Желалъ бы я знать, какое вы имѣете право мѣшаться въ чужія дѣла?»

Я разсмѣялся и сказалъ: жандармы для того и учреждены, чтобы мѣшаться въ чужія дѣла. Вы сердитесь, князь, а, узнавъ мои намѣренія, вы не отвергнете моего участія.

— «Я не имѣю нужды ни въ чьемъ участіи!»

— Дѣло-то въ томъ, что я имѣю необходимость принять участіе въ вашемъ дѣлѣ.

— «Позвольте узнать, какая вамъ необходимость соваться въ мои дѣла?»

— Вы, князь, намѣрены разбить рожу Z. публично?

— «Ну, что же вамъ за дѣло?»

— До рожи Z. мнѣ совершенно нѣтъ дѣла, но п..... рожа Z. принадлежитъ губернатору, вотъ это и перемѣняетъ видъ дѣла. Моя обязанность устранить всякое публичное оскорблѣніе власти, поставленной государемъ; я пришелъ доложить вамъ: пока Z. губернаторомъ, вы не исполните своего намѣренія.

— «Его можетъ остановить меня?»

— Я, князь, затѣмъ и пришелъ къ вамъ.

— «Какимъ это образомъ?»

— Я прошу васъ, пока Z. губернаторомъ, не оскорблять его, въ чёмъ и прошу вашего честнаго слова!

- «А если я вамъ слова не дамъ?»
 — Я вынужденъ буду арестовать васъ.
 Опять засопѣлъ и процѣдилъ:
 — «Вы не посмѣете этого сдѣлать!»
 — Князь, даю честное слово—сдѣлаю!
 — «Кто далъ вамъ право?»
 — Секретная инструкція, высочайше утвержденная!
 — «Вы не понимаете моего оскорблѣнія и не можете понять».
 — Я вамъ сказалъ, что я все знаю подробнѣ; думаю, что и сочувствовать вамъ могу, что вы и увидите.
 — «Въ чём же ваше сочувствіе? Какъ вы поймете, что этотъ п..... изъ счастливаго человѣка сдѣлалъ меня несчастнымъ?»
 — Прошу васъ выслушать меня безъ раздраженія. Прежде всего скажу вамъ, что вы будете счастливы!
 — «Я вамъ не вѣрю и вижу, что вы ничего не знаете». .
 — Эхъ, почтенный мой князь, какой же я былъ бы жандармъ, еслибы не зналъ всего; только публикѣ неизвѣстно, что я все знаю, и не узнаютъ безъ нужды.
 — «Можете вы миѣ сказать, чтò вамъ извѣстно?»
 — Очень охотно: малодушный хвастунъ Z. считалъ гордостью для себя похвастать интригой съ прекрасной и уважаемой дѣвушкой, передъ графомъ Т.; послѣдній, какъ вполнѣ благородный и честный человѣкъ, счелъ долгомъ предупредить васъ. Тутъ правы и Т. и вы, князь. Презрѣнно виноватъ Z. Я радъ возможности удостовѣрить васъ честнымъ моимъ словомъ, что Z. солгалъ: ничего подобнаго не было.
 — «Какъ вы можете знать и ручаться?»
 — Князь, еще повторю: я жандармъ!
 — «Но позвольте, вы сами дворянинъ и можете быть въ моемъ положеніи; спрашиваю васъ, не имѣю ли я права наказать его?»
 — Вашего права я не отвергалъ и не отвергаю, но соглашусь, какое же вамъ удовлетвореніе, если вы красивой рукой будете бить—кого же?—Z.! Меня бы не удовлетворила подобная месть!
 — «Чего же я могу желать или чтò сдѣлать, по вашему?»
 — Вотъ это дѣло, мой почтенный князь; спокойно обсудивъ,

можно найти разумный исходъ. Вы мнѣ сдѣлали вопросъ, а я спрошу васъ: какого вы хотите удовлетворенія?

— «Чтѣ же вы можете сдѣлать?»

— Все, что вы хотите!

— «Ну, а еслибъ я потребовалъ, чтобы м..... сознался, что онъ солгалъ?»

— Только-то, князь?

— «Мнѣ и этого будетъ довольно!»

— Нѣтъ, князь, я не того хочу, я обѣщаю вамъ, что онъ долженъ при васъ написать, что онъ п.... солгалъ и что если болтнеть одно слово, то безъ претензій, гдѣ бы ни было, дозволить вамъ разбить свою р....»

— «Будто вы можете это сдѣлать?»

— Даю вамъ слово, но и вы дайте мнѣ честное слово, что, пока онъ губернаторомъ, вы не оскорбите его.

— «Слово даю вамъ, но помните, въ случаѣ неудовлетворенія меня, моя ненависть обратится на васъ!»

— Согласенъ, князь, но пока будетъ секретъ.

Съ княземъ Д. мы разстались въ мирномъ настроеніи. Понеся я въ З., увѣдомилъ его, что князь Б. не будетъ жаловаться дворянамъ. Сколько было радости, благодарности—даже череачуръ! Но зная легкомысленную и шаловливую натуру З., спускать съ веревочки нельзя его. Я нарисовалъ цѣлый адъ мести въ князѣ Д. и не ручаюся за его отчаянную рѣшимость.

— «Да, я знаю, это кавказскій дикарь, у него кинжалъ всегда готовъ! Батюшка, помогите, я по гробъ буду вамъ благодаренъ!»

— Погодите, что могу, то сдѣлаю. Прощайте, мнѣ сегодня необходимо сѣѣздить въ уѣздъ по дѣлу.

Боже мой, какъ струсилъ мой губернаторъ!

— «Какъ же вы бросите меня на жертву! мнѣ необходимо будетъ выйти изъ дома—дикарь, кинжалъ!»

— Вотъ какъ мы сдѣлаемъ: я прибавлю вамъ двухъ жандармовъ, которыми вы послѣ заплатите; выходить не совсѣму, скажитесь больнымъ, а еще лучше прикажите поставить себѣ дужину пьявоекъ: это сдѣлается всѣмъ известно и болѣзнь будетъ прилична.

— «Охотно принимаю вашъ советъ».

Я уѣхалъ въ уѣздъ. Возвратясь, нашелъ моего губернатора въ постель. Еще болѣе я настраивалъ его князь Д. По моему описанию, это былъ врокодилъ, шантажъ! Въ нѣсколько дней, до того деморализовалъ моего З., что онъ впалъ въ отчаяніе. Наступилъ моментъ: все, что я хотѣлъ, могъ сдѣлать съ З. Публика догадывалась, со всѣхъ сторонъ сыпались ко мнѣ вопросы, но успѣхъ могъ быть тогда, когда дѣло было въ однѣхъ моихъ рукахъ, безъ посторонняго участія; публика могла испортить весь эффектъ. З. ужасно обращался, когда я взялъ на себя прекратить все дѣло съ нѣкоторыми пожертвованіями съ его стороны. З. соглашался на все безусловно. Я предложилъ свиданіе съ княземъ Д. вечеромъ. З. долженъ написать подъ диктовку князя письмо и вручить ему лично. З. опасался, что, при свиданіи, князь пырнетъ его кинжаломъ, я показалъ ему мою саблю, отточенную какъ бритва, и свиданіе будетъ при мнѣ. З. соглашался написать какое угодно письмо, хотя на гербовой бумагѣ, но только бы не видѣться; я требовалъ свиданія и З. согласился на все.

Въ 9 часовъ вечера, князь одѣтъ по послѣдней модѣ во фракъ. З. въ халатѣ исполнялъ роль больного. Большой круглый столъ въ гостиной былъ поставленъ недалеко отъ дверей спальной жены; я поставилъ З. около стола со стороны и близъ дверей — на случай ретирады; на столѣ письменный приборъ. Привель князя Д. и поставилъ его на діаметрѣ противъ З., а самъ сталь въ срединѣ между нихъ. Оба молчали. Я сказалъ З.:

— Князь желаетъ продиктовать письмо — угодно вамъ написать?

— «Охотно исполню все!»

— Князь, извольте диктовать.

Послѣ: «Милостивый государь», князь диктовалъ, проѣживан сквозь зубы:

«Дошедшія до васъ слова, сказанныя мною о княжнѣ Б., совершенно ложны и если я сказалъ, то утверждаю клятвою, что я солгалъ. Клятвою утверждаю, что ничего подобнаго не было и вездѣ, всегда готовъ подтвердить это. Если-жъ я осмѣлюсь повторить мою ложь или безъ особаго уваженія произнести имя княжны, то даю право князю Д., вездѣ и во всякомъ время, бить меня по лицу, какъ безчестнаго человѣка З.».

Преотвратительно писалъ З., а тутъ стоя, въ испугѣ, — еще

хуже, и подалъ князю Д. Комическая сторона этой сцены выражалась тѣмъ: когда диктовать князь, то, поглядывая на мены, улыбался и подмигивая показывая на пишущаго З., — понятно говорить: какой д....! Когда же З. передавать письмо князю Д. и толь внимательно читать, то З. улыбаясь подмигивалъ менѣ и тоже выражалъ глазами — какой д....! А что я думалъ, стоя между ними? позвольте умолчать!

Князь Д., прочитавъ письмо, положилъ въ карманъ и, съ полунаклономъ, молча ушелъ. Бѣдная страдалица-жена З. мучилась во все время не меньше мужа. По уходу князя, я очутился въ роли благодѣтельного генія,—благодарности, чуть не молитвы за спасеніе отъ бѣдъ и напастей. Князь Д. совершенно удовлетворился. Князь Д. объяснился съ княземъ Б. и съ ожившей для радостей нѣжності.

Мнѣ остается сказать: я тамъ былъ, медь, пиво пилъ. Всѣ счастливы, довольны, но конецъ-то вышелъ трагическій. Я написалъ подробное донесеніе шефу обо всемъ этомъ происшествіи, и вотъ, чрезъ три недѣли—указъ объ увольненіи губернатора З. и высочайшее повелѣніе «впередъ никуда не опредѣлять». Мой кредитъ высоко поднялся въ Симбирскѣ.

Бывшій губернаторъ З. горько плакалъ и жаловался, что онъ не знаетъ причины, по которой лишился мѣста, что онъ такъ бѣденъ, что не знаетъ какъ выбѣхать и вывезти семейство (у него была одна дочь, которая послѣ была женой брата П** и умерла, оставивъ красавицу дочь).

Откупщикъ Бенардаки подарилъ З. карету. Добряки дворные собрали деньжонокъ и поручили Бенардаки отдать З. отъ своего имени. Уѣхалъ З. безъ проводовъ.

Вместо З. назначенъ Иванъ Степановичъ Жиркевичъ. Въ «Русской Старинѣ» есть посмертныя Записки его; мнѣ приходится сказать о немъ, какъ стороннему зрителю.

Послѣ графа Протасова, полковникъ Ф.... продолжалъ жить въ Симбирскѣ; дѣла ему не было, да едва ли онъ способенъ былъ на дѣло. Онъ предполагалъ что-то начать, все думалъ начать, но такъ ничего и не началъ; онъ даже не зналъ, что я дѣлаю; губерніи ему не поручали, а числился онъ при штабѣ; можетъ быть, забыли о немъ, или хотѣли забыть. За дѣй-

стие при графѣ Протасовѣ, я получилъ подполковника, а Ф.... Владимира на шею. За что ему? Не знаю! Корпусъ жандармовъ избавился отъ него, сдѣлавъ его подольскимъ губернаторомъ, гдѣ онъ былъ — калифъ на часъ. Я же и былъ на его похоронахъ въ Киевѣ. Припомнилась мнѣ дѣятельность Ф.... въ Симбирскѣ. Пишетъ ко мнѣ Дубельть и присыпаетъ доносъ на меня отъ Ф.... Не хотѣлъ я и показать Ф.... его глупости, да и рѣко съ нимъ видѣлся.

Такъ было недавно, съ небольшимъ 40 лѣтъ, но, какъ ни бужу свою память, не могу добиться отъ нея воспроизведенія момента съ подробностями, какъ явился Жиркевичъ въ Симбирскъ, и думаю, едвали солгу сказавъ, что никто этого не зналъ; какъ тогда, такъ и теперь, не съумѣю объяснить: пѣшкомъ пришелъ или прѣѣхалъ Жиркевичъ? Днемъ или ночью? Какъ-то всѣ вдругъ узнали, что новый губернаторъ занимается дѣлами. Говорили въ обществѣ о Жиркевичѣ такъ, какъ будто онъ и не выѣзжалъ изъ Симбирска и какъ будто онъ давно уже губернаторомъ. Всезнайки разсказывали: когда спросили его, когда онъ позволилъ представиться чиновникамъ? — онъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ беспокоиться, я съ господами служащими познакомлюсь занимаясь имѣстѣ дѣлами». Въ губернскомъ городѣ всѣ знаютъ, кто что єсть, о прѣѣзжемъ извѣстно — богатъ, бѣденъ, скученъ, веселъ, играетъ ли, танцуетъ ли, даже хорошо ли говорить по французски, и проч. О Жиркевичѣ я не слыхалъ ни одного вопроса, никто не интересовался и почти не упоминалась фамилия: просто говорили — губернаторъ. Я куда-то єздилъ; возвращаясь, немедля явился къ новому губернатору. Въ залѣ два чиновника съ кипами бумагъ; я просилъ доложить, отвѣчали: не приказали, и указали на отворенную дверь въ кабинетъ. Губернаторъ у стола, уложенаго бумагами, на двухъ стульяхъ — дѣла. Только я вошелъ, Жиркевичъ всталъ на встрѣчу мнѣ. Онъ былъ больше средняго роста (верхнѣвъ восьми); правильное и, можно сказать, красивое лицо, но не только серьезное, почти суровое выраженіе; темно-русые волосы приглажены по военному; въ форменномъ штатскомъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы — видна привычка къ военной формѣ. Жиркевичъ былъ сухаго сложенія, но не худъ; поклонъ, движенія мнѣ напоминали воспитаніе въ корпусѣ; говорилъ скоро, какъ-то отрывисто. При-

гласилъ сѣть. Думаю, захочеть знать о губерніи, объ обществѣ... Ничуть не бывало, хоть бы слово спросилъ, а отъ кого же и узнать, какъ не отъ жандарма! Странное впечатлѣніе сдѣлалъ на меня Жиркевичъ. Онъ вѣжливъ, но очень молчаливъ; все вопросы его касались только лично меня. Я попробовалъ сказать шутку—онъ не слыхалъ; я хотѣлъ заинтересовать его серьезнымъ—онъ не обратилъ вниманія. Откланявшись, я рѣшительно не могъ составить себѣ понятія о характерѣ Жиркевича.

Жиркевичъ скоро отдалъ мнѣ визитъ, и опять странность—пѣшикомъ, тогда какъ въ Симбирскѣ и мѣщане не ходили, аѣздили; я не сказался дома; на карточкѣ просто: Иванъ Степановичъ Жиркевичъ.

Зашелъ къ Жиркевичу вечеромъ—читаетъ и подписываетъ бумаги; около стоять правитель канцеляріи Раевъ. Жиркевичъ отпустилъ Раева, сказавъ: «я бумаги къ вамъ пришлю». Ну, думаю, теперь разговоримся. Жиркевичъ, все въ форменномъ застегнутомъ сюртуке, былъ очень вѣжливъ, говорилъ о погодѣ, мѣстоположеніи города—сухая исторія! Я коснулся было общественной жизни, что дворяне любятъ веселиться и привыкли, чтобы участвовалъ съ ними губернаторъ. Онъ отвѣчалъ, что какъ обѣдается съ дѣлами, то и онъ не прочь раздѣлить общее удовольствіе. Но такъ и не обѣдался! Я рассказалъ какой-то анекдотъ, думал сорвать улыбку—рассказать мой прошель мимо! Видясь по разнымъ случаямъ съ Жиркевичемъ, я всегда заставалъ его за бумагами и составилъ о немъ себѣ понятіе, что это человѣкъ дѣла. Онъ всегда былъ какъ-то сдержанъ, очень вѣжливъ, но малѣйшая несправедливость, плутовство по дѣламъ—выводили его изъ себя; всыпливъ, онъ уже не зналъ границъ гнѣва. Много ходило рассказовъ по городу, какъ онъ, забывшись, гнался до крыльца за совсѣмъ. Мошенники для него теряли личность, но за то и боялись его чиновники!

Жиркевича полюбить очень трудно, но нельзя было не почтать его, нельзя было не уважать честной его дѣятельности, его безкорыстія; онъ отдался весь, безъ остатка, полезному служебному труду. Жиркевичъ былъ ходачій законъ. Узнавши его, я готовъ былъ поклоняться ему, но, къ сожалѣнію, видѣлъ, что онъ не по дому пришелся въ Симбирскѣ. Мои сношения съ нимъ были прекрасны, но сухи.

Я заговаривалъ съ дворянами, какъ бы губернатора завлечь въ общество? Мы отвѣчали: «Зачѣмъ? Онъ пріѣзжій, долженъ самъ искать въ нась; не хочетъ, пусть будетъ губернаторомъ, мы ему не мѣшаемъ и не нуждаемся въ немъ».

На послѣднихъ выборахъ, губернскій предводитель, князь Б., прослуживъ предводителемъ, если не ошибаюсь, лѣтъ 18, отказался: на него сильно подѣйствовала разсказанная исторія, онъ заболѣлъ отъ огорченія.

Вместо князя Б., выбрали отставнаго генераль-маіора Бестужева; онъ былъ старый холостякъ, веселонравный, часто впадалъ въ роль буффа.

Почиталъ я Жиркевича и очень любилъ генерала Бестужева, но вотъ случай, поставилъ меня въ затрудненіе: были парадныя похороны уважаемой особы; лѣтній день превосходный, весь городъ высыпалъ проводить гробъ въ монастырь. Въ Симбирскѣ въ общемъ употребленіи: на длинныхъ, тонкихъ дрогахъ устроены очень низко дрожки, на нихъ могутъ сѣсть семь, восемь человѣкъ. На такихъ дрожкахъ, или городовомъ тарантасѣ, сѣли: Жиркевичъ, Бестужевъ и я—между ними посрединѣ. Народъ толпился около важныхъ лицъ. Надобно разсказать бывшій передъ тѣмъ случай. Былъ архитекторъ и въ то же время небольшой помѣщикъ Симбирска. Какая-то казенная постройка или починка поручена архитектору; обыкновенно: смѣта, справочныя цѣны. Архитекторъ не расчиталъ, что ему придется имѣть дѣло съ Жиркевичемъ. Обычнаяувѣренность специалистовъ—что тамъ смыслить губернаторъ! Жиркевичъ сразу поймалъ не на одной плутнѣ и еще бы ничего, но архитекторъ упорно заспорилъ; Жиркевичъ всыпалъ, вышелъ изъ себя, и архитекторъ дѣйствіемъ вылетѣлъ изъ кабинета и изъ дома. Архитекторъ, какъ помѣщикъ, принесъ жалобу губернскому предводителю. Сначала мыѣхали почти молча, Бестужевъ очень скромно сказалъ:

— «Ваше превосходительство, вы на дняхъ очень неосторожно выгнали здѣшнаго помѣщика».

- Кого это?
- «Архитектора».
- Онъ мошенникъ, воръ.
- «Этотъ мошенникъ всетаки дворянинъ, помѣщикъ, такъ нельзя поступать».

— Мошенникъ, воръ—не имѣть званія, а выгнать подлеца и выгоню всякаго вора.

— «Если такъ будете поступать съ дворянами, то къ вамъ придуть всѣ дворянѣ!»

— Я прикажу баталіону выгнать ихъ!

Вижу, закипѣлъ Жиркевичъ, дошло до крупнаго, народъ окружаетъ плотно; я рѣшился войти въ свои права и, не смотря ни на какого, сказалъ: «Ваши превосходительства, господинъ губернаторъ и господинъ губернскій предводитель! На основаніи секретной инструкціи, высочайше утвержденной, прошу прекратить разговоръ, унижающій главныхъ власти; вдѣсь не мѣсто, васъ окружаетъ народъ!»

Замолчали оба мои пріятели и молча дѣхали до могилы. Послѣ съ обоими я не коснулся этого случая.

Честный и ретиво-трудолюбивый Жиркевичъ не могъ понравиться симбирскому дворянству, которое было гордо, богато, независимо и дружно. Дворянство привыкло видѣть въ губернаторѣ члена общества, не мѣшай ему быть губернаторомъ. Жиркевичъ не могъ отдалиться отъ службы; какъ онъ для общества, такъ и оно для него, не существовали.

Весьма часто я писалъ къ шефу, что Жиркевичъ феноменъ между губернаторами, но въ Симбирскѣ онъ пришелся не по дому. Писалъ, что Жиркевича достанетъ управлять тремя губерніями, стоять за его благородную честность, неутомимость, но, какъ губернаторъ, въ Симбирскѣ онъ совершенно нелюбимъ дворянствомъ, которое можетъ уважать губернатора, но когда онъ стоитъ въ головѣ общества и дѣлить съ ними удовольствія.

Хлопотавши съ Z., я потерялъ изъ вида дѣла по удѣльнымъ имѣніямъ; доходили до меня слухи о неудовольствіяхъ на удѣльное управление, но полагалъ—дѣло новое, еще не освоилось, не надо мѣшать, обойдется. Лишь только я хотѣлъ поступать осторожно, что дѣлаетъ удѣльная контора, какъ является ко мнѣ лучшій мой унтер-офицеръ Варакинъ, посланный мною въ уѣздъ, и разсказываетъ, «что въ татарской деревнѣ Бездинѣ, удѣльныхъ чиновниковъ, съ управляющимъ NN., татары засадили въ пустую избу и заколотили—подъ арестъ. Татарь на-

бралось множество изъ другихъ деревень, всѣ верхами, скакуть по полю съ ножами и кистенями, бормочатъ по своему; я въ ссѣднемъ русскомъ селѣ дождался ночи и тихимъ манеромъ освободилъ чиновниковъ».

— За что татары арестовали удѣльныхъ?

— «Ничего не знаю».

Я къ Жиркевичу, ему только что донесъ исправникъ; явился удѣльный управляющій и говорить объ ужасномъ бунтѣ. Отъ какой причины бунтъ—покрыто мракомъ неизвѣстности. Я спросилъ Жиркевича, чтѣ онъ намѣренъ дѣлать?

— «Пойду, прочитаю законъ».

— Татары, не понимая русскаго языка, не послушаютъ.

— «Тогда приведу войска».

— Какія?

— «Здѣшній баталіонъ».

— Въ баталіонѣ до 300 человѣкъ, но не наберется здоровыхъ и 100 человѣкъ, остальные калѣки, а ружей вѣдь годныхъ, съ замками, не найдется и 50-ти, что же вы можете съ этой арміей?

— «Исполню законъ».

— Но вы знаете, что это не только бесполезно, но вредно тѣмъ, что татары разъ испытываютъ безсиліе воинской команды, тогда нужна противъ нихъ армія, вѣдь татаръ 40 тысячъ!

— «Что же дѣлать, я долженъ исполнить законъ».

Въ этихъ словахъ выразился весь Жиркевичъ.

Сознавая вредъ отъ буквального исполненія закона, я, у него же въ кабинетѣ, написалъ къ нему конфиденціальное письмо, въ которомъ, изложивъ безсиліе его дѣйствовать противъ взбунтовавшихся татаръ—исполнная буквально статьи закона, и могущій произойти отъ того вредъ, то, въ отвращеніе вредныхъ посѣдствій, я, на основаніи секретной инструкціи, высочайше утвержденной, останавливалъ ею дѣйствія по этому дѣлу и принималъ на свою отвѣтственность. Подалъ Жиркевичу, онъ прочиталъ внимательно два раза, спросилъ:

— «Вы не возьмете назадъ?»

— Нѣть.

— «Что заставляетъ васъ соваться въ такое рискованное дѣло и брать добровольно на свою отвѣтственность?»

— Безполезность вашихъ действий и польза отъ моей удачи, вѣдь я русский человекъ!

Жирьевичъ обнялъ меня и сказалъ:

— «Вы честный и благородный дуракъ!»

— Спасибо.

— «На вашемъ мѣстѣ, я бы не взялъ на себя, а замѣй да Богъ успѣхъ!»

Татары въ Симбирской губерніи называются лашманы. Это название первоначально было, вѣроятно, юцманъ.

Въ Симбирской губерніи, если не ошибаюсь, находится до 270-ти тысячъ десятинъ удивительного корабельного дубового лѣса, есть сосновая роща мачтовыхъ деревъ. Петръ I-й возложилъ на татаръ, по требованію адмиралтейства, нарубить и вывезти на пристань дубы по указанію разныхъ тимермановъ; за это татары-лашманы избавлялись отъ податей и отъ резкрученства. Татарамъ, какъ я узналъ, повинность эта обходилась очень дорого, но азиаты гордились отличиемъ особой привилегіи отъ христіанъ и охотно исполняли хотя и тяжелую повинность.

Съ переводомъ казенныхъ крестьянъ въ удѣльные, о татарахъ-лашманахъ не было и рѣчи; татары оставались прежними лашманами. Пока я хлопоталъ съ Z., потому женился, удѣльная контора въ тихомолку, стала забирать лашманъ въ свое завѣдываніе, стала предписывать волостямъ. Пока шло дѣло о мелочахъ, татары молчали. Контора неразумно коснулась религіозныхъ правъ татаръ, предписала запретить многоженство. Татары зашумѣли. Удѣльная контора не остановилась, ведущими учредить общественную запашку. Татарамъ показалось, что этины равняютъ ихъ съ христіанами, лишаютъ привилегій и дѣлаютъ удѣльными. Пріѣхали удѣльные чиновники въ большое татарское село Бездину и хотѣли ввести общественную запашку. татары осатанѣли. Азиаты на коней, кинжалы, кистени, съ гикомъ звѣгнали чиновниковъ въ пустую избу и заколотили. Какъ скажетъ жандармскійunter-офицеръ, вѣхавшій случайно мимо, уши изогнувшись бодяль. Исправникъ докладывалъ, что къ татарамъ и показалось опасно, такъ они взбѣсились.

Чтобы не дать вида и тѣни физической силы, я взялъ съ собою жандарма безъ оружія, татарина Абрешитку, не видѣвшаго собою, но ловкаго и преданнаго. Пріѣхалъ въ Бездину вечеромъ.

Абрешитка секретно предувѣдомилъ муллу, что я буду у него ночью и чтобы онъ тайно пригласилъ къ себѣ богатыхъ татаръ. Абрешитка имѣлъ инструкцію—увѣрить татаръ и болѣе муллу, что я пріѣхалъ спасать ихъ отъ страшной бѣды. Около полночи Абрешитка провелъ меня закоулками, огородами, къ муллѣ; тамъ я нашелъ человѣкъ девять главныхъ капиталистовъ.

Азиаты—страшно честолюбивый народъ; я вмѣстѣ съ ними пилъ чай, которымъ потчиваля мулла. Между разговорами, я увѣрилъ ихъ, что мнѣ известно—всѣ сила народа въ ихъ рукахъ, что народъ, какъ стадо овецъ, повинуется ихъ разуму и силѣ ихъ капитала. Они сказали мнѣ, что въ Бездну собралось до 8-ми тысячъ татаръ. Я сказалъ имъ мудрую и краснорѣчивую рѣчъ, въ которой выяснилъ: положимъ, они могутъ не повиноваться удѣльнымъ, даже губернатору, но они знаютъ, что я особый слуга государя, могу потребовать сто тысячъ солдатъ: что тогда будетъ съ ними? Прежде силы, я, любя ихъ и желая имъ добра, нарочно пріѣхалъ тайно переговорить съ ними и вразумить, что вся бѣда оборвется на нихъ, потому что простой народъ повинуется имъ, какъ мурзамъ, князьямъ. Нарисовалъ имъ способный и довольный видъ настоящаго и— ссылка въ Сибирь, въ каторгу, а способные—въ солдаты, тогда лишатся своихъ имъ красавицъ-женъ и дѣтей, своего капитала; но это случится тогда, когда они, своимъ ининовиненiemъ, лишатъ меня силы помогать имъ. Тутъ они сказали мнѣ, что удѣльные лишаютъ ихъ вѣры Магомета. Я поручился имъ своимъ словомъ, что уничтожу такія распоряженія. Боялись они, что какъ покорятся, то ихъ заберутъ въ тюрьму. Я объявилъ имъ, что если покорятся мнѣ, то у нихъ не будетъ никакого начальника—кромѣ меня, а я даю слово, что безъ меня до нихъ никто не дотронется пальцемъ, а передъ государемъ я буду ходатайствовать за нихъ. Вижу, подействовало мое краснорѣчіе. Я еще усилилъ настоящій рай и будущій адъ, а главное—ударялъ на лишение женъ. На вопросъ ихъ: чего же ты хочешь, бачка?—Чтобы вы приказали народу покориться.

— Теперь ночь, бачка, ничего не подѣлаешь.

— Я завтра нарочно буду долго спать, то вы услышите переговоры. Я прикажу сотскимъ собрать весь народъ на полѣ,

вы станете около меня, и когда я прикажу стать на колени, то вы первые становитесь, а дальше увидите.

Татары спросили: а удельные приедут?

Я увирил ихъ, что пока они будутъ покерингъ мнѣ, то одинъ я будуъ ихъ начальникъ и до новейшаго государя другаго начальника не будетъ. Мы еще разсуждали, но надобно было быть очень осторожными съ подозрительными элементами, одно сомнительное слово могло испортить дѣло.

Утромъ, черезъ сотскихъ, я приказалъ собрать весь народъ на поле; жандармъ устроилъ небольшой столъ и стулья, чтобы взлѣтѣть мнѣ. Самъ я былъ въ сюртуке съ эполетами, въ шарфѣ, шляпѣ, но безъ сабли. Абренитъ держалъ мою шинель. Весенний день былъ очень хороший. Когда я взлѣтѣлъ на столъ, та, действительно, была огромная масса ермолокъ. Около самого стола стояли мои богачи. Я говорилъ, можетъ быть, гениально, не tolpa ни слова не понимала. Вдругъ tolpa забормогала, замутила. Я крикнулъ: молчать! и потребовалъ поверхности. Толпа сердито бормочетъ, я будто зажаль своимъ уши и крикнулъ: молчали! Затихло. Я громко, съ разстановкой и, должно быть, торжественно (безъ смѣха не могу вспомнить) сказали: еще одно слово и я лишу васъ моего покровительства! Эти грозные слова опшеломили tolпу. Видя вліяніе, я закричалъ: на колени! Стоявши туты около стола стали на колени, tolpa, одни за другими, все на колѣняхъ. Я подумалъ: наша взяла, еще потребую: голову на землю, и я вашъ покровитель! (сильно сказано). Всѣ ермолки легли на землю. Этотъ моментъ вравнственной силы и победы забыть нельзя. Я помню, можетъ, 20 секундъ посматривая на эту картину и промелькнули въ головѣ Чингисъ-ханы, Тамерланы. Приказалъ встать и милостиво обнявши, что, за ихъ покорность, я одинъ ихъ начальникъ и больше никого неѣть. Обрадовались, кричать: исправника не будетъ? удельныхъ не будетъ?—Никого не будетъ, только я.—Ладно, бачка, ты нашъ, а мы твои, прикажи, не выдадимъ.—Такъ какъ вы отдастесь подъ мою власть, то намъ нужны условия, по которымъ вы должны повиноваться, а потому выберите депутатовъ, съ которыми я и напишу условия.—Выбрали депутатовъ и изъ соседнихъ деревень. Я развернулъ X-й томъ законовъ и выписалъ земскія обязанности; согласились, подписалъ я и депутаты приложили тамгу. Я

объектъ нѣсколькою сосѣдникъ татарскихъ деревень, принять бытъ съ почетомъ, какъ владѣтельный князь. Когда я возвратилъся въ Бездну, какъ въ свою резиденцію, мнѣ объявили почетные старики, что они подали за меня большой записка до Магометъ и что я буду счастливъ. Ничего не понимая, и усердно благодарили ихъ и сказали, что я бытъ бы доволенъ и малой запиской. Они удивились моему нѣвѣжеству и растолковали, что, по малой запискѣ, я пошлѣ бы тоже въ рай, но сзади, а по большой запискѣ поѣду впереди. Я смыть, какъ левъ, не понялъ. Но моему, быть въ разо первому или послѣднему—все равно. Этому непонятію татары еще болѣе удивились и виновительно обмислили искъ: послѣднему достанутся изъ гурій оборки, тогда какъ первый выберетъ лучшенькихъ, и притомъ уни. Вотъ она, въ лицахъ материальная Asia! Появъ прекрасный даръ татаръ, я преусердно благодарили моихъ новыхъ друзей. Не такъ какъ у меня много важныхъ дѣлъ, то я долженъ уѣхать въ Симбирскъ, а чтобы никто не обидѣль искъ, то я пришлю изъ него моего адъютанта, черезъ котораго и буду присыпать мои приказанія; но и этого мало: для моего спокойствія, чтобы хотя разъ въ недѣлю присыпали ко мнѣ посланниковъ, отъ которыхъ я и буду знать, все ли у нихъ благополучно. Титулъ посланника очень понравился честолюбивымъ азиатамъ.

Возвратясь въ Симбирскъ, я немедля видѣлся съ Жиркевичемъ и рассказалъ ему комично фарсъ на полѣ и успѣхъ—но подготовку скрыть. Жиркевичъ, слушая, только покачивалъ головою и сказалъ:

— «Вы поступили какъ супасшедший, но успѣхъ оправдываетъ все. Поздравляю васъ. Видно, вы родились въ сорочкѣ».

Мы уговорились, чтобы безъ моего билета никакой чиновникъ не заглянулъ къ татарамъ.

Я хотѣлъ послать къ шефу по почтѣ, но узналъ, что NN. два дня уже ускакалъ въ Питеръ. Боясь, что онъ обезпокоитъ государя своими рассказами, въ Питерѣ могутъ принять сердечно, вѣдь Симбирскъ знакомъ съ Пугачевымъ, губернія, въ которой никогда не квартировало войско, да мало ли что можно подумать слушая такого храбреца, какъ NN., которому выгодно было до крайности раздуть бунтъ для оправданія себя. Принявъ все въ соображеніе, я послать жандарма курьеромъ,

съ подробнымъ донесеніемъ, въ которомъ изложилъ причины волненія, его размѣры и мѣры для его утишения, мало принятыя.

Пока ѿзили курьеры, я важно принималъ посланниковъ. Чтобы быть въ глазахъ татаръ почтеннымъ, я сшилъ себѣ ха-латъ такихъ яркихъ цвѣтовъ, что глазамъ было болю. Доказы-ваются: посланники прїѣхали. Для меня выносили кресло, а для посланниковъ стулья. Облекшись въ халатъ, я важно уса-живался на крыльцѣ, а посланники на дворѣ. Послѣ докладовъ о благополучіи, шли разсужденія о внутренней политикѣ. Я боялся какихънибудь происшествій, требующихъ слѣдствія, такъ политика была: я—власть и нѣть другой власти. Татаринъ укралъ у татарина деньги и сѣдло, произошла драка, вору вышибли глазъ. Резолюція: ворованное сполна возвратить и, по приговору выбранныхъ судей, на общемъ сходѣ и при обиженнѣ, вора выгнать строго. Пока я былъ властитель, я установилъ въ каж-дой деревнѣ американскій линчъ, но съ моимъ утвержденіемъ, и шло хорошо. По окончаніи всѣхъ дѣлъ, посланники угощались чаемъ. Важно откланивалась, отправлялись въ свои села доволь-ними, а тамъ рассказывали на недѣлю.

Вечеромъ является курьеръ съ конвертомъ, мнѣ предписано: быть въ распоряженіи генераль-адютанта, генераль-лейтенанта князя Лобанова-Ростовскаго.

Въ полной формѣ явился немедля князю. Князь принялъ ме-ня очень сухо, даже не всталъ, не поздоровался и не пригла-силъ сѣсть.

- «Что у васъ тутъ за безморядки?»
- Какие, ваше сиятельство?
- «По какой причинѣ ваши татары бунтуютъ?»
- Татары не мои, не бунтуютъ; о причинѣ ослушанія мо-гутъ объяснить удѣльные, а мнѣ неизвѣстна.

Пріемъ князя очень оскорбилъ меня, притомъ же я хорошо зналъ себѣ цѣну: безъ меня некому было дѣлать. Я рѣшился проучить питерскаго вельможу. Спросилъ еще что-то князь, я, вмѣсто отвѣта, просилъ позволенія удалиться—чувствую парок-симъ лихорадки, и уѣхалъ.

На другой день, князь рано былъ у Жирковича; послѣ я узналъ, что Жирковичъ сказалъ князю: «безъ жандар-

скаго штабъ-офицера трудно что нібудь одѣмать, все дѣло у него въ рукахъ. Князъ подѣхалъ въ моему дому; я выслалъ адъютанта доложить, что я болѣнъ и принять не могу, а самъ стоя у окна и князъ не могъ не видать меня. Князъ присыластъ скажать, что онъ—на нѣсколько минутъ. Отвѣчалъ, что лежу въ постѣ. Князъ желаетъ сказать нѣсколько словъ у постели.—Скажите, что я лежу на кровати жены, не могу принять.—Долго стоялъ князъ у воротъ; я утѣшался: хоть немнога отпѣстиль гордцу, еще поклонится. Наконецъ, князъ просилъ передать, что онъ извѣстъ крайнюю нужду говорить со мною, чтобы я приѣхалъ, какъ могу.

Жиркевичъ, отдавая визитъ князю, выслушавъ его рассказы о нежеланіи моемъ видѣться, сказалъ:

— «Мы, провинціали, очень щекотливы, не обидѣлся ли онъ чѣмъ нибудь?» и повторилъ, что безъ меня не съ кѣмъ дѣлать. Объ этомъ узналъ я послѣ.

Междуди прочимъ, я узналъ, что князъ приѣхалъ въ дормезъ съ NN., чтò мнѣ очень не нравилось. Вечеромъ явился къ князю. Приемъ другой: встрѣтилъ, подаль руку и подвинулъ кресло. Поѣзжъ участія къ моему нездоровью, начался разговоръ о бунтѣ татаръ:

- «Объясните пожалуйста мѣрѣ это происшествіе?»
- Татары арестовали удѣльныхъ чиновниковъ и отказались повиноваться властамъ; узнавъ ожесточеніе татаръ и зная ничтожныя средства губернатора, я рѣшился дѣйствовать лично и установилъ законный дѣйствія губернатора.
- «Въ какомъ положеніи теперь бунтъ татаръ?»
- Татары смирились на условіи, чтобы не подчиняться удѣльнымъ.
- «И вы приняли эти условія?»
- Я бы принялъ все, лишь бы укротить озлобившихся татаръ, гдѣ ихъ до сорока тысячъ въ губерніи.
- «Вы должны были подчинить татаръ прямому ихъ начальству—удѣльнымъ!»
- Это я предоставлю вашему сіятельству, я не умѣю этого сдѣлать.
- «Удѣльное начальство требовало законнаго, они ослушались, то нужно сломить ихъ!»

— Первый разъ слышу, что ламаны ~~надчинены~~ удальными. Я исполнить волю государя и переведать крестьянъ въ удаль. О татарахъ-ламанахъ не было слова, они пользуются особою привилегией и остались ламанами. По какому праву удальные вымалились къ татарамъ? Никто этого не знаетъ, это наглое самоволіе. Сломить татаръ—иѣть войска въ губернії.

— «Государю это угодно!»

— Надобно обложить формально, законнымъ порядкомъ. Ламаны пользуются законной привилегией и несутъ весьма тяжелыя обязанности.

— «Я нахожу дѣйствія удальныхъ совершенно правильными».

Меня опять взбѣсила такая пристрастная односторонность, я опять почувствовалъ паровозъ, прекратилъ разговоръ и отошёлся.

Князь послалъ черезъ удальныхъ призвать нѣсколькихъ татаръ. Не послушались, а прѣѣхали ко мнѣ; я послалъ иль съ адъютантомъ къ князю и приказалъ доложить, что это тѣ люди, которыхъ ему требовалъ чрезъ удальныхъ.

Князь иѣсколько разъ въ день приглашалъ меня къ себѣ—болѣнь! Думаю, поклонившись мнѣ. Когда я видѣлся съ Жирневичемъ, онъ дружески советовалъ мнѣ подадить къ князю. Быть къ у князя: очень, весьма ласковъ, просилъ меня составить планъ, какъ приступить къ дѣлу. Я, ссылаясь на болѣнь, соѣттовалъ дѣйствовать чрезъ начальство татаръ—удальныхъ; князь поморщился, я указалъ на жандармскаго полковника Ф..., живущаго въ Симбирскѣ безъ дѣла, но Жирневичъ предупредилъ князя; князь засмѣялся и сказалъ: «мнѣ сказано пользоваться ишею помощью». По моему, князь спустилъ флагъ. Я спросилъ: чего вамъ угодно достигнуть?—«Чтобы татары сѣѣдали общественную западню».—На что планы, планы на мѣстѣ дѣйствія. Попробую устроить это, но съ условіемъ, чтобы теперь пока не дѣшились удальными. Есть ближайшая небольшая татарская деревня, я сегодня же отправлюсь туда и, если устрою, то дамъ замѣната. Отъ первого успѣха или неуспѣха будетъ зависѣть все дѣло.

Прѣѣхалъ къ татарамъ; опять принялъ я за краснорѣмъ и людимъ побогаче нарисовалъ картину страшныхъ лишеній—дри-

ослушаніи и сподобшаго домашнество съ женами—при покорности, и болѣе убѣдилъ тѣмъ, что я сдѣлалъ ихъ кальчиками, а работать будуть простые татары, которые привыкли повиноваться имъ, какъ миразамъ. Нель съ ними чай; они вѣрили, что я имъ другъ и стою за нихъ. Князь и власть его представить могуществомъ отъ земли до неба. Согласились, но болтать съ ними до полночи.

Немедля послалъ жандарма въ князю и просилъ его пріѣхать до полдня, чтобы въ тотъ же день окончить запашку.

Утромъ собирались татары съ сохами, боронами и съ лукшками черезъ плечо съ зерномъ для посѣва. Ловко настращали княземъ; татары говорили, что они надѣются на мою защиту, не то—лучше бѣжать. Научилъ рабочихъ стать на волыни около орудій, а какъ подѣлить князь, то поклониться въ землю, а подойдетъ, то говорить: помилуйте, ваше сіятельство!

Вижу, далеко по степи несется князь въ коласахъ шестернѣй; ближе—вижу съ нимъ сидѣть NN....., меня такъ и передернуло. Я полагалъ, что князь, по моей просьбѣ, проститъ татары и на этой радости скорѣй отправится парадомъ самъ на поле, чтобы при себѣ едѣвать какъ нибудь посѣвъ.

Встрѣча князя была какъ по писанному; татары просили: помилуй, ваше сіятельство! я кланялся и просилъ за татаръ; князь, улыбаясь неожиданному фарсу, простилъ татаръ. Но, вмѣсто того, чтобы при себѣ едѣвать запашку, князь приказалъ NN..... распорядиться. Я внутренно бѣсался и жалѣлъ, зачѣмъ я побѣжалъ.

NN....., въ мундирѣ, съ шапочкой, суетливо и радостно повелъ рабочихъ, мы съ княземъ ушли въ домъ. Я сердился и почти не отвѣчалъ князю. Немного погодя, мой Абрешитка подмигнулъ мнѣ, я вышелъ; онъ доложилъ, что всѣ рабочіе, съ явнымъ недовольствомъ, даже съ руганью, разошлись по домамъ. Я не сказалъ князю, но, подъ видомъ духоты, предложилъ прогулиться. Только вышли за ворота, смотрю и едва вѣрю глазамъ: около недалекой мечети, татаринъ сидѣть верхомъ на белой лошади, съ сюжою на боку; по правую сторону уцѣпился за поясъ уады NN..... и таинствъ лошадь направо, а татаринъ спокойно дергаетъ лѣвой поводъ; лошадь, слушая хозяина, рысцей бѣгає кругомъ мечети; NN....., придерживая шутающуя шапочку, въ прыжку бѣжитъ наравѣ съ лошадью. Я едва не

расходился, но, заметивъ, что князь близорукий, я притворился, что не могу разсмотрѣть какого-то движенья около мечети. Князь въ юности разсмотрѣлъ, хотѣлъ и сказать: «вотъ глупѣйший скандалъ! Прикажите НН..... приди сюда!»

НН....., едва переводя дыхъ, могъ только сказать: «татары разбѣжались».

Князь сердито сказалъ: «кромѣ одного на бѣлой лошади». Князь обратился ко мнѣ: «что теперь дѣлать?»

— Ничего. Заставить ихъ нельзя. Развѣ НН..... можетъ, а я не могу.

— «Но, однако, что же дѣлать далѣе?»

— Дѣло испорчено, а было направлено хорошо; теперь, чѣмъ вы прикажите дѣлать?

Князь подалъ мнѣ руку и сказалъ: «ошибка моя, я полагалъ болѣе способности въ НН.....; я долженъ быть извиняться за вашу опытность».

— Ваше сіятельство, неопытность — не преступленіе, о г. НН..... узнаете, что онъ настоящая причина ослушанія этихъ бѣдныхъ людей (статскій совѣтникъ хоть бы слово).

— «Охотно вамъ вѣрю, я видѣлъ опять его неловкости».

— Еще повторю, неловкость — не преступленіе, узнаете со временемъ.

— «Я не спорю съ вами, но что намъ дѣлать далѣе?»

Я подумалъ: ага, прошишь прощенія и по-дѣломъ тебѣ, нука, придумай самъ, чѣмъ тебѣ дѣлать. — Пойдемте далѣе, въ иные верстахъ село Бездна, это главная квартира бунта, тамъ и были арестованы удѣльные. За успѣхъ не ручаюсь, но желалъ бы поменьше показывать удѣльныхъ.

— «Мы прикажемъ пріѣхать имъ ночью и вовсе не выходить изъ дома».

Пріѣхали въ Бездину, народу полны улицы; остановились въ домѣ богатаго татарина, огромный крытый дворъ полонъ народа. Князь вышелъ на заднюю галлерею и сказалъ, что его прислали государь съ повелѣніемъ, чтобы они повиновались,

Загадали татары все вдругъ. Абрешитка перевезъ, что сидятся и не хотятъ повиноваться. Князь приказалъ мнѣ перечислить всѣхъ имена и фамилии. Я пошелъ въ средину толпы; вѣкомые татары смыкаются и говорятъ: здравствуй, бачко, какъ жив-

вешь? Кого ни спрошу, какъ зовутъ—либо молчать, либо отвѣтъ: не знаю. Я доложилъ князю.

— «Что же теперь дѣлать?»

— Подождите до завтра, я что нибудь сдѣлаю ночью.

Моимъ пріятелямъ-татарамъ приказалъ прислать: куръ, яицъ, утокъ, масла, все принесли; взялся изготовить лакей князя. Послѣ чаи, я ушелъ къ муллѣ, тамъ собрались мои друзья. Не буду передавать долгихъ толковъ, трудно было смягчить отвращеніе ихъ къ удѣльнымъ. Успокоивъ ихъ тѣмъ только, что я остаюсь защитникомъ ихъ и что я ихъ другъ. Кончилось тѣмъ, что мнѣ удалась опять штука: я обѣщалъ назначить ихъ—кого старшиной, кого ревизоромъ, распорядителемъ, надзирателемъ и проч., составилъ огромный штатъ честолюбивыхъ татаръ, поманилъ могущими быть медалями. Согласились, но просили побить ихъ при народѣ, потому что весь народъ присягалъ не слушаться. Ну, за наказаніемъ дѣло не станетъ.

Съ вечера послалъ нарочного въ Симбирскъ съ приказаниемъ прислать на подводахъ 40 солдатъ съ боевыми зарядами, солдатъ назначить изъ поляковъ—это были отличные молодцы-мадореры. Приказалъ быть 10-ти жандармамъ безъ коней.

Пріѣхали команды. Татаръ собралось очень много. Я, будто случайно, взялъ изъ толпы согласившихся со мною ночью, назначилъ имъ должности. Первый—старшина—отказался повиноваться. Я врикнулъ: фухтеля! Два жандарма обнаженными саблями весьма неосторожно ударили разъ пять, упалъ на колѣни побитый; следующимъ по два фухтеля, покорились и говорили толпѣ со слезами въ свое оправданіе. Ружья заряжены при толпѣ (выстрѣлили-ли бы? не ручаюсь). Каждому битому чиновнику дали по два солдата и, на отвѣтъ чиновника, приказалъ привезти сохи, бороны, сѣяльницы. Чрезъ Абрешитку объявилъ толпѣ, что за ослушаніе не только буду стрѣлять, но сожгу ихъ дома съ женами.

Привели рабочихъ болѣе, чѣмъ нужно. Объявилъ всѣмъ, что если не простить князь, то всѣ сгнютъ въ тюрьмахъ. Приказалъ жандармамъ поставить всѣхъ на колѣни, а муллѣ приказалъ читать молитвы, чтобы князь простилъ.

Приходу къ князю—онъ приготовился къ катастрофѣ: пистолеты заряжены, шашка, сабля острыя, вынуты изъ ноженъ.

Князю сказали о прибытии команды, но онъ, проученный уже, не мѣшалъ мнѣ, да и не зналъ, чѣд я дѣлаю. Я пригласилъ князя прощать, и условился—не прощать, пока я не поручусь. Попросилъ его надѣть звѣзды.

Подошелъ князь: «на караулъ!» Барабанщикъ съ дроби сбился на генераль-маршъ. Я просилъ простить татаръ, князь гневался; я просилъ, просили татары. Князь сбывалъ, что онъ не можетъ вѣрить послушникамъ и спросилъ меня, могу ли я поручиться за никъ? Я спросилъ татаръ, не выдадутъ ли они меня?

— «Ручись, бачка, не выдамъ».

Князь простиль, я представилъ мною испеченный штабъ чиновниковъ. Князь утвердилъ. Тутъ же, съ мѣста, отправились парадно на поле, тѣлами никуда негодную запашку. Богатырь татаръ спросилъ: что лучше—въ тюрьму или наказать розгами? Тѣ, переговоривъ съ массой, въ одинъ голосъ отвѣчали: розги! Близко былъ исправникъ, приказать ему дать всѣмъ по 100 розогъ, но за то князь далъ слово татаръ болѣе не трогать, и татары ечастливи и совершиенно успокоились.

Я просилъ князя ночевать, чтобы учили татары во всѣхъ деревняхъ. Князь много благодариль меня, замѣдоваль моему характеру, что изъ серьезаго дѣла я умѣю сдѣлать фарсъ. Я вышелъ на первый планъ, а NN..... стушевался.

Пройхали мы всѣ уѣзди, были во всѣхъ татарскихъ деревняхъ, продѣлали фарсъ легче, чѣмъ въ Веднѣ. Всѣмъ татарамъ, для споминствія ихъ, я назначилъ по 100 розогъ, съ тѣмъ, чѣ не пойдутъ въ тюрьму, а исправники, исполняя наказаніе, взяли по полтиннику, о чѣмъ я узналъ послѣ. Въ Куриныѣ я такъ напугалъ княземъ старика Ахуна (глава магометанскаго духовенства), что мы боились, чтобы онъ не умеръ.

Осматривали по пути корабельные лѣса, ничего подобнаго и видѣть нельзи: дубы—2, 3 аршина въ діаметрѣ, стоять густо, сплошь. Одинъ дубъ, подъ названіемъ матка, былъ овolo 4-хъ аршинъ діаметра. Дубъ, упавшій отъ старости, частухи выжгли больше половины, въ эту арку я прошелъ въ сultanъ и не задѣль. Лашмы, чтобы вывести дубъ на пристань, въ особие для того сани запрягаютъ до 150 лошадей. Двинуть съ мѣста мало 200 человѣкъ и боятся не одинъ день. Я видѣлъ новый двухэтажный амбаръ: дубъ направился на амбаръ и стеръ его,

перешедши черезъ. 270 тысячъ десятинъ такого лѣса Перовскій хотѣлъ пріобрѣсти въ удѣль, лишивъ флотъ. Лѣсъ стоилъ иного маленькаго государства, но пока я былъ въ Симбирскѣ—оставалъ, а Перовскій—гнѣвался.

Возвратясь въ Симбирскѣ, я сдѣлался неразлучнымъ съ княземъ; ему хотѣлось доискаться причины бунта татаръ.

. . . . Я попросилъ своихъ друзей-татаръ найти мнѣ хотя одинъ приказъ въ волости отъ удѣльной конторы, о запрещеніи татарамъ имѣть болѣе одной жены. Я зналъ, что NN..... отобралъ и уничтожилъ всѣ приказы. Ночью привезли мнѣ единственный экземпляръ приказа, сохраненный писаремъ на границѣ Казанской губерніи. Я настаивалъ на существованіи распоряженія

. . . . я подалъ князю приказъ, подписанный NN....., съ печатью конторы. Боже мой, какъ разсвирѣпѣлъ мой честный князь.

Мнѣ пріятно вспоминать, что Иванъ Степановичъ Жиркевичъ, принимая искреннее участіе, очень былъ доволенъ моими успѣхами, а подготовка, всетаки, осталась въ секрѣтѣ¹⁾). Всѣ удивлялись успѣху, видя только наружную сторону дѣла.

Князь Лобановъ-Ростовскій былъ очень красивый мужчина, очень статный, отъ 40-ка до 45-ти лѣтъ, справедливъ и храбръ какъ шпага. Если не ошибаюсь, онъ началъ службу адъютантомъ при князѣ Волконскомъ,—вотъ отчего онъ, можетъ быть, безсознательно, заступался за удѣль, но послѣ я узналъ—всѧ продѣлка отъ Льва Перовскаго черезъ князя Волконскаго. Перовскій былъ вице-президентомъ удѣловъ.

Еще при объездѣ татаръ, князь посыпалъ курьеровъ, а изъ Симбирска—то и дѣло летѣли курьеры; князь писалъ государю на оторванной страничкѣ маленькой почтовой бумаги и всегда вдоль бумаги и по французски, непремѣнно дѣлалъ помарки: ип и ше, такъ и посыпалъ съ помарками. Моя обязанность была печатать и пломбировать сумку жандарма. Я совѣтовалъ перепи-

¹⁾ См. отзывъ И. С. Жиркевича о дѣятельности составителя этихъ «Очеркъ и разсказовъ» при усмирѣніи восстанія зашманъ-татаръ, «Русская Старина» над. 1878 г., томъ XXIII, «Записки Жиркевича», стр. 41—43. Ред.

сать помарки, онъ отвѣчалъ: «Государь требуетъ отъ насъ дѣлъ, а не формы» ...

Проводилъ я князя до границы губерніи и не дала иѣ судьба повидаться съ нимъ; былъ я въ перепискѣ съ княземъ, хотя рѣдко.

Пока я хлопоталъ съ лашманами, неудовольствіе росло противъ Жиркевича. Одинъ Жиркевичъ не замѣчалъ того и это потому, что онъ не сознавалъ своей вины (?) къ обществу, онъ не могъ быть другимъ, какимъ онъ былъ. Я продолжалъ писать, возводая хвалу честному его трудолюбію, безукоризненной нравственности, высокимъ служебнымъ достоинствамъ, но вреднымъ (?) для Симбирска. Любить Жиркевича трудно, но не уважать нельзя.

Получено извѣстіе, что государь Николай Павловичъ посытъ Симбирскъ. Не описывать же мнѣ, какъ готовился городъ къ прїѣзу государя: суета, хлопоты, бѣлья, метутъ—всегда и вездѣ одинъ порядокъ. Развѣ разскажу весьма важный случай удивительной находчивости частнаго пристава. Въ Симбирскѣ жили двѣ старыя дѣвицы, сестры Ивана Ивановича Дмитрева, поэта и ministra. Къ этимъ старухамъ и приступа не было дѣ полиції; на всякое требованіе полиції—одинъ отвѣтъ: «да что ты, батюшка, никакъ съ ума сошелъ, развѣ не знаешь, что у меня братъ министръ!» Полиція ретировалась. Деревянный домъ на Покровской улицѣ, чуть ли не ровесникъ Симбирску, действительно существовалъ со своего созданія; улица—одна изъ главныхъ, на пути проѣзда государя, полиція претендовала побѣгть дѣмъ. Частный приставъ лично предъявилъ требованіе и встрѣтилъ неопровержимый аргументъ: «мой братъ министръ». Частный приставъ хотя и былъ опеломленъ, но важность обстоятельствъ выжала его находчивость; онъ, подумавши, отвѣчалъ:

— «Оно, конечно, у васъ братецъ министръ, я и уважаю, но и у меня дяденька царь Соломонъ, а потому побѣгъ изволте».

Этимъ доводомъ такъ озадачились старухи, что покорились и выбѣгли изъ дома.

Коснувшись почтенныхъ старухъ, сознаюсь въ своемъ глуповствѣ. У этихъ старушекъ-дѣвицъ воспитывалось по племянницѣ, дѣвицы прехорошенскія и уже въ возрастѣ невѣсть. Ст-

рухи страстию любили своихъ красавицъ, не надышатся на нихъ, утѣха остальныхъ дней старухъ, жизнь которыхъ была связана съ красивою юностью; о замужествѣ племянницъ не могло быть и въ помышлениі, дѣвицы жили въ очарованныхъ замкахъ, знакомыхъ старухи не имѣли, потому что братъ—министръ. Въ нашемъ маловѣрющемъ и развратномъ вѣкѣ побѣждаютъ и Черномора и Бабу-Ягу. Пріѣхали въ отпускъ два гусара (охъ, эти гусары!); говорятъ, будто дѣвицы и не видали гусаръ, а племянницы ушли отъ милыхъ и дорогихъ тетенекъ съ незнакомыми, ушли въ одинъ претензійный вечеръ. Объяснить этотъ непонятный казусъ для всѣхъ была задача, но я легко и здраво разрѣшилъ колдовствомъ. Хотя я зналъ гдѣ вѣнчались гусары, но когда сестрицы министра потребовали поймать преступныхъ гусаръ, я разсвирѣпѣлъ. Да, помилуйте: я начальникъ нравственной полиціи и въ моемъ присутствіи смѣютъ совершаться такие скандалы. Я немедля раздѣлилъ команду на два отряда и на попонкахъ послалъ по двумъ дорогамъ (шагомъ, вѣсто проѣздки), съ приказаниемъ привести живыхъ или мертвыхъ—вотъ какъ строго! А колдуны-то вѣнчались возлѣ дома, въ церкви Покрова. Что дѣлать, спутовалъ и признаюсь. Сестры министра, въ справедливомъ гнѣвѣ, отказали въ наслѣдствѣ преступнымъ племянницамъ и не пускали на глаза, грозно сердились цѣлую неделю. Съ шалунами-гусарами совершилась метаморфоза: шалуны превратились въ благородныхъ, добрыхъ помѣщиковъ и въ уважаемыхъ членовъ общества.

За три дня до пріѣзда государя, народъ изъ далекихъ деревень: татары, чуваши, мордва, русские, на четыре версты отъ Симбирска заняли почтовую дорогу по обѣимъ сторонамъ, тутъ и ночевали.

Государь пріѣхалъ передъ сумерками, занять домъ губернатора. Съ пріѣздомъ государя, весь народъ города и съ дороги наполнилъ большую площадь передъ домомъ губернатора и около собора. Жандармы, полиція были спрятаны въ соседнихъ домахъ, но тишина и благонравіе толпы были образцовые во все времена. На другой день утромъ назначенъ приемъ.

Вотъ память мнѣ измѣнила—въ день пріѣзда государя или передъ тѣмъ, получень указъ объ увольненіи Жиркевича? Не помню. О себѣ скажу, что я усердно готовился и хотѣлъ быть

умнымъ, голову свою наполнилъ статистикою губерніи до точности, чутъ ли я ни могъ отвѣтить, сколько въ губерніи тарановъ; пути сообщенія, торговля, промыслы—все какъ на ладони. Но вышло, что я оказался вотъ увидите. Я зналъ, что мой шефъ, гр. Бенкендорфъ, не щеголялъ памятью; въ мое время въ Питерѣ, дѣлая визитъ французскому посланнику и не имѣя съ собою карточки, приказалъ швейцару записать, а на вопросъ: какъ прикажите?—графъ забылъ свою фамилію, да уже графъ Орловъ ъхавши крикнулъ: Бенкендорфъ! Графъ поскорѣй вернулся, твердя свою фамилію, и записался. Для представленія, я написалъ записочку своей фамиліи и адютанта. Графъ благодарили. Дворянъ было столько, сколько могла вмѣстить большая зала; дворяне помѣщались около стѣны съ окнами, а слушающіе у противной стѣны.

Государь вышелъ къ дворянамъ и весело сказалъ:

— «Ого, вижу, что я пріѣхалъ въ черноземную губернію такой ростъ не вездѣ встрѣчается!»

Нарочно или случайно, съ головы ряда стояли человѣкъ 18 ростомъ выше государя. Представлять дворянъ долженъ быть губернскій предводитель. Мой другъ, предводитель дворянства Бестужевъ, былъ въ генеральскомъ мундирѣ. Лакей догадался списокъ дворянъ положить въ задній карманъ мундира. У моего друга такъ была развита нѣкоторая часть тѣла, что, при всемъ усилии, руки предводителя не доставали до кармана. Я съ удовольствіемъ готовъ былъ помочь страдательному положенію друга, но самъ стоялъ во фронти. Государь улыбаясь ожидалъ а списокъ такъ и остался въ карманѣ. Жиркевичъ былъ въ залѣ, какъ любитель, въ вицъ-мундирѣ. Я долженъ замѣтить что Жиркевичъ былъ, противъ обыкновенія, оживленъ и былъ какъ дома. Видя страдательное и безвыходное положеніе губернскаго предводителя, Жиркевичъ подскочилъ и сказалъ государю:

— «Я попробую представить вашему величеству».

Пошелъ по ряду, называя фамиліи. Правда, онъ называлъ Ивана Петромъ, а Кузьму Степаномъ, но шелъ смѣло, не останавливаясь. Государь остановился передъ бодрымъ старикомъ Петромъ Петровичемъ Бабкинымъ и сказалъ:

— «Вашего мундира и я не знаю, скажите, какой это мундиръ?»

— Въчной памяти матушки Екатерины, капитана Преображенского полка.

Государь поклонился и сказалъ: «Славнаго вы роста».

— Я, государь, былъ выше, но осѣль.

— «Какъ это?»

— У меня обѣ ноги прострѣлены.

Государь съ милостивою улыбкою поклонился.

Какъ попало Жиркевичъ кончилъ представлѣніе, а капрізный списокъ такъ и не явился на свѣтъ. Государь былъ очень милостивъ и веселъ; обратясь къ дворянамъ, сказалъ:

— «Господа, скажите, кто у вѣсѣ былъ лучшимъ и любимымъ губернаторомъ?»

Въ одинъ голосъ отвѣчали: «Жмакинъ!»

Государь обернулся къ Бенкendorфу и сказалъ: «Вотъ видишь, графъ Александръ, можно быть взяточникомъ и любимымъ».

Государь подошелъ къ нашей сторонѣ, я стоялъ на флангѣ. Графъ Бенкendorфъ, представляя меня, сказалъ: «жандармскій штабъ-офицеръ, въ Симбирской губерніи находящійся (смотря на эполеты), подполковникъ.... подполковникъ».... вижу, что графъ данную ему именемъ записку мнеть въ правой рукѣ, но забылъ и фамилію и бумажку. Государь улыбался и милостиво сказалъ:

— «Вы Стоговъ?»

Я поклонился.

Государь изволилъ спросить: «сколько лѣтъ вы здѣсь служете?»

Я былъ готовъ отвѣтить на самые трудные и сложные вопросы и, какъ камчадаль, не предполагалъ, что государи такъ просто спрашиваютъ; хорошо помню, первая цифра пролетѣла сквозь голову—8, за ней 80, 800, никакъ не поймаю мысль, стою и молчу, чувствую—кровь приливаетъ къ головѣ, стою и молчу, какъ умнишь. Государь очень милостиво, съ его невыразимо привлекательной улыбкой, тихо сказалъ:

— «Ну, что же вы молчите? Вы здѣсь служете три года, я помню васъ и доволенъ вами, продолжайте служить».

Я только кланялся, но можно вообразить, какъ я былъ недоволенъ собою. При привычной находчивости моряка, вдругъ на меня нашелъ столбнякъ. Я бы объяснилъ причину, но боюсь быть еще глупѣе. Чиновниковъ представлялъ Жиркевичъ; на

лѣвомъ флангѣ стояли уѣльные, государь не позволилъ представить ихъ и сказалъ:

— «Идите, я изъ васъ — единицы — сдѣлаю четыре нуля».

По окончаніи представлений, государь, обращаясь къ Жиркевичу, сказалъ:

— «Къ тебѣ не идетъ статское платье», а къ графу Адлербергу: «надѣнь на него военный мундиръ». Потомъ сказалъ Жиркевичу: «я даю тебѣ славную губернію, Витебскую, тамъ у меня лучшіе два элемента: жиды и поляки, поляки и жиды».

Слушая это, я чувствовалъ себя награжденнымъ.

Послѣ представлений назначено было въ соборѣ. Графъ Бенкendorфъ приказалъ мнѣ очистить соборъ:

— «Государь не любить, чтобы очень много было».

Государя всѣ хотѣли видѣть; мужчины представились, понятно, дамы избрали для себя церковь. Очистить церковь полную дамъ, выгнать сливки симбирской интеллигентіи — дамъ, отъ покровительства которыхъ зависить мое счастье, мое существованіе, моя сила, мой успѣхъ, мое счастіе! Прогнавши дамъ, остается повѣситься. Велѣть очистить церковь — пренепрѣятная задача, отъ которой — хоть въ Волгу. Говоря о гѣснотѣ, выражаются: некуда упасть яблоку, а я увѣряю, въ церкви дамы, дамы и только дамы, да такъ плотно, что и булавкѣ упасть некуда. Насилу я пробрался въ алтарь; тамъ архіепископъ съ причтомъ въ облаченіи. Я, какъ можно громче, сказалъ:

— Владыко, государь не будетъ въ соборѣ, онъ изволить слушать обѣдню у Николая (кажется таѣ, маленькая церковь близко дома губернатора).

Архіепископъ сказалъ: «Ну, братія, такъ пойдемъ, собирайтесь, да не забудьте чего нибудь».

Какъ услышали дамы мои слова, таѣ и бросились изъ собора, чтобы захватить мѣста у Николы. Я тихомъко приказалъ архіерею оставаться, церковь запереть и поставилъ трехъ часовыхъ — не пускать, такъ и выпутался. Послѣ, во время службы, я пускалъ дамъ по немногу, оказывая дружеское покровительство.

Послѣ церкви — разводь. Я очертилъ вѣрою симбирскій батальонъ. Корпусный Капцевичъ заранѣе присыпалъ по ночамъ изъ разныхъ батальоновъ для показа государю. Передъ представлениемъ, я составилъ записку о ловкости Капцевича и подалъ

шефу. Государь дѣлалъ смотръ. Жандармы на лошадяхъ и полиція едва сдерживали народъ. Бенкендорфъ, Адлербергъ, флигель-адъютанты, я—человѣкъ семь—стояли кучкою, въ сторонѣ, къ срединѣ площади. Кончивъ ученье, государь скомандовалъ:

— «Рязанцы, орловцы, нижегородцы, впередъ!» Вышли, молодецъ къ молодцу.

Государь выбралъ всѣхъ въ гвардію, а окружному генерал-майору Мандрыкѣ сказалъ: «отправить всѣхъ на счетъ Капцевича, а съ нимъ я расчитаюсь».

На другой день, чрезъ Бенкендорфа, дворяне просили расположтировать одинъ корпусъ войскъ. Государь весело сказалъ:

— «Вамъ жениховъ надо? Хорошо, подумаю».

На третій день сказалъ: «какъ ни расчитываю, не могу, слишкомъ далеко отъ всѣхъ границъ».

Когда государь приказалъ подать экипажъ, народъ прорвалъ щѣль и, прида въ изступленный восторгъ, наполнилъ погрунно пространство между государемъ и экипажемъ; настъ такъ сдавили, что мы едва не задыхались; у ногъ Бенкендорфа разрѣшилась женщина. Бенкендорфъ, уже привычный къ восторгамъ народа, но и туть испуганно сказалъ: «да что же это будетъ, это сумасшедшіе». Я сказалъ: пока не сядеть государь, намъ ничего не поможетъ. Долго пробирался государь къ экипажу и туть къ государю; народъ, дѣйствительно какъ безумный, не помнилъ себя, молился на государя, ложился въ ногамъ, но только государь сѣлъ въ экипажъ и побѣхъ, мы остались одни. За экипажемъ все бѣжало, обгоняли и крестились, шапки, полушибубки валялись на землѣ, восторгъ былъ невыразимый. Замѣчу, послѣ многихъ я спрашивалъ, для чего всѣ бѣшено бросились къ государю по окончаніи смотра? Единогласно отвѣчали: всѣ слышали, какъ государь крикнулъ: «Народъ мой, ко мнѣ!» — чего, конечно, не было.

Помню, одинъ разъ, при выѣздѣ государя изъ дома, какая-то женщина побѣжала передъ лошадьми, платокъ съ головы сняла, машетъ имъ и кричить ура! Вдругъ споткнулась и упала почти подъ ноги лошадей и давай кричать карауль. Бенкендорфъ бросился къ вучеру и осадили лошадей. Государь очень смылся. Отъ «ура» до «карауль» — одинъ шагъ.

Замѣчу, во все пребываніе государя я не видѣлъ ни одного пьяного.

Государь пробылъ въ Симбирскѣ трое сутокъ; дворяне не забудутъ милостиваго и ласковаго вниманія государя. Въ городѣ остались памятники: прекрасный спускъ къ Волгѣ, площадь около собора превратилась въ гулянье стъ кустарниками и дорожками, но всего не разсказать и не припомню.

Государь уѣхалъ, помѣщики разѣхались хозяйничать и охотиться, все затихло, одни удѣльные чувствовали себя нулемъ съ минусомъ. Жиркевичъ съ большими чувствомъ простился со мною; не знаю, догадывался ли онъ, что я стоялъ за него горю, между нами не было слова. Какъ прїѣхалъ онъ невидимкою, такъ незамѣтно и уѣхалъ.

Пока не прїѣдетъ новый губернаторъ, я что нибудь разкажу, а рассказовъ—безъ конца.

Симбирская губернія хлѣбная, нищихъ въ Симбирскѣ почти не было. Вдругъ быстро стали наполняться улицы, церкви—нищими. Причинъ не было, урожаи обильные, а нищихъ все прибавляется. Одной старухѣ я часто подавалъ копѣйку, и однажды спрашивалъ: на чѣмъ тебѣ, старая, деньги: вонъ котомка поиз хлѣба?

— «Какъ же, мой родненькой, намъ безъ денегъ нельзя».

— Зачѣмъ?

— «Какъ зачѣмъ? какъ не заплачу, то либо выгонять, либо въ тюрьму узажу».

— Что ты врешь, старая, грѣшишь: кто съ тебя возьметъ?

— «Какъ кто возьметъ, не заплати-ка я 40 коп. въ недѣлю, то ты, батюшка, только бы и видѣлъ меня; не вру я, всѣ платить, другое и больше меня».

— Кому же ты платишь, старая корга?

— «Да вонъ этому полицмерскому, всѣ платить и я плачу».

— Да васъ много, онъ не упомнитъ.

— «Какое не упомнитъ, на то у него книжка, тамъ каждый на счету».

Это обратило мое вниманіе, я распорядился—украсть книжку у полицмерскаго.

Новый полицмейстеръ, не помню фамилии, былъ ротмистръ по кавалеріи, по наружности щеголь. Книжка у меня въ ру-

иагъ—прелюбопытная. Нѣсколько сотъ нищихъ (сколько—забыть) записаны по именамъ, многіе отмѣчены чѣмъ искалѣчены, всякий, по степени лѣтъ, калѣчства, оцѣненъ еженедѣльной по-датою; были и такие, что платили 80 коп.: это безъ обѣихъ ногъ. Аккуратность замѣчательная: кто не доплатилъ 3 копѣйки, отмѣта на полѣ: доплатить въ такой-то день.

Я написалъ шефу, что обязанность всякаго русскаго патріота выдвигать на пользу государства гenія, могущаго принести пользу государству. Случайно я открылъ въ симбирскомъ полицмейстерѣ удивительную финансовую способность, геніальную голову, могущую обогатить казну безъ отягощенія общества. Описавъ всю продѣлку и приложивъ, какъ фактъ, книжку, просилъ покровительства ему и взять его изъ Симбирска, где геніальность его не можетъ имѣть полнаго развитія.

Полицмейстеръ вы требованъ въ Питеръ, улетучился и далѣе не слыхалъ о немъ. Вотъ и такие бываютъ артисты.

Саратовскій помѣщикъ Петръ Ивановичъ Богдановъ, осенью, выѣхалъ на охоту изъ Саратова въ поле, съ собаками; куда бѣжали зайцы и лисицы, туда и Богдановъѣхалъ съ охотою; тамъ за зайцами и лисицами дѣжалъ до Симбирска, где захватила его зима. Между Саратовскимъ и Симбирскомъ до 400 верстъ по почтовой дорогѣ. Богдановъ остался зимовать въ Симбирскѣ. Богдановъ хорошъ собой, богатъ, щеголь, танцоръ, немного поетъ—быстро сталъ необходимымъ членомъ общества, познакомился и я съ нимъ. Однажды Петръ Ивановичъ приходитъ ко мнѣ. Весьма ловко, искренно и прилично объясняетъ, что онъ очень любить играть въ карты, но ничего не любить дѣлать тайно: прашель просить разрешенія играть. Я подумалъ: не позволю—будутъ играть скрытно, ловить ихъ—низко, я согласился дозволить, но съ условіемъ: по окончаніи игры, каждое утро сообщать мнѣ, чѣмъ кончилась игра, и если я признаю, что нужно возвратить проигравшему, то исполнить, въ чемъ и ирошь дать мнѣ честное слово. Богдановъ протянулъ руку и далъ честное слово; я добавилъ, что если буду обмануть разъ, то условіе прекращается. Богдановъ подтвердилъ. Кто будетъ играть? Онъ назвалъ 8 человѣкъ, людей богатыхъ, молодыхъ, независимыхъ. Я не находилъ препятствія.

Однажды приходитъ утромъ и говорить: вчера К. проигралъ

30 тысячъ. К. было только 18 лѣтъ, сынъ богатыхъ родителей, но не отдалъ; отецъ въ большихъ связахъ въ Питерѣ, много надѣлаетъ шума; какъ несовершеннолѣтнему, я попросилъ деньги возвратить. Въ тотъ же вечеръ проиграли ему обратно. Обыграли ремонтера, тоже возвратили. Я видѣлъ пользу въ довolenіи. Игрохи были молодежь, люди образованные, веселые шалуны, необходимые въ обществѣ.

На Троицу бываетъ большая ярмарка въ Корсунѣ, куда выводилось до двухъ тысячъ заводскихъ лошадей. Я—комендантъ ярмарки. Богдановъ, съ своею партиею игроковъ, просилъ разрешенія покутить три дня. «Господа, могутъ быть жалобы, моя обязанность, мой долгъ, быть справедливымъ и строгимъ». — «Мы ручаемся чѣмъ угодно, жалобъ не будетъ, мы не дѣти». — «Ну, смотрите, чтобы не было худо, кутите». Слышу, действительно кутать, но никто не жалуется; конечно, главную роль играли красавицы. На третью ночь меня будятъ: пожаръ! Ярмарка вся составлена изъ плетня, лавки крыты лубомъ и рогожами, вся ярмарка всыхнетъ, какъ порохъ. Бѣгу, и что же я нашелъ: кутиламъ недостало вина; французъ, торгующій винами, заперъ магазинъ и легъ спать. Кутилы поотдалъ домъ обложили соломой, человѣкъ 100 поставили съ водою кругомъ соломы, ночь была совершенно тиха; солому зажгли и отворили ставни у оконъ француза; тотъ, увидавъ пожаръ, торопился спасать и вынималъ ящики съ виномъ, что и нужно кутиламъ. Солома къ приходу моему была потушена. Французъ не жаловался, а я прекратилъ кутежъ.

Одинъ близкій мнѣ человѣкъ,—не назову его, онъ еще здравствуетъ,—страстно любилъ играть и проигрывалъ постоянно. Я взялъ слово съ Богданова не играть съ нимъ. Этотъ близкій мнѣ человѣкъ гостила у меня. Я былъ въ гостяхъ; даютъ мнѣ знать, что гость мой два раза пріѣзжалъ за деньгами и подговаривши. Я отправился къ Богданову; помню, онъ жилъ въ Кирпичномъ переулкѣ, отдалъ новый домъ въ три окна. Свои ставни огня не видно и ничего не слышно, суконные шторы, ворота на запорѣ. Тинина. Зaborъ очень высокъ; я своему кучеру приказалъ нагнуться и съ плечъ его прыгнуль черезъ заборъ. На дворѣ много саней, но ни одного кучера; я отперъ ворота, а кучеру приказалъ стоять у крыльца. Въ прихожей

куча шубъ и никого. Въ залѣ, со стаканомъ шампанскаго, старый грѣшникъ, проигравшися боноводъ; въ боковой комнатѣ, съ свѣчою и съ книгою подъ мышкою, маклеръ. Старый грѣшникъ хотѣлъ сказать: «полк...», я пригрозилъ. Вхожу въ другую комнату, Богдановъ мечтѣй банкѣ, кругомъ стола человѣкъ шесть. Только увидалъ меня Богдановъ, задрожали руки и карты разсыпались; остальные господа всѣ нагнулись подъ столъ и что-то ищутъ. Я только сказалъ: «вы, Пётръ Ивановичъ, нарушили свое слово», собралъ со стола всѣ деньги, засунулъ пьяненькому моему гостю въ карманъ, взялъ его подъ-руку и пошелъ съ нимъ вонъ. Въ комнатахъ была страшная жара. Я расчитывалъ на быстрый ударъ. Моя шуба была въ саняхъ, я моего гостя, безъ шапки, завернулъ въ свою шубу. Богдановъ вышелъ съ товарищами и на морозѣ опомнились: «да, позвольте, полковникъ, таѣтъ нельзя». Пошелъ! Слыши, гонятся за мною съ бубенчиками. Улицы глухія, безъ фонарей, я велѣлъ пустить въ карьеръ до фонарей, Уложилъ гостя спать, а самъ явился гдѣ былъ въ гостяхъ. Никто и не замѣтилъ моего отсутствія.

На другой день, утромъ, явился Богдановъ, блѣдный, сконфуженный.

— «Полковникъ, чѣмъ же это кончится?»
 — Что такое, мой другъ?
 — «Да что, вы были вчера вечеромъ?»
 — Это у Петра Антоновича Ахматова? Тамъ играли въ фанты.

— «Я говорю не объ Ахматовѣ, а что вы были у насъ».
 — Милый другъ, если ты не пьянъ, то вчера перепилъ и бредишь. Я отъ Ахматова не отлучался, что засвидѣтельствуетъ тебѣ все общество.

— «Да помилуйте, мы не сумасшедши. Я пришелъ спросить, чѣмъ вамъ угодно кончить?»

— Что такое кончить, я не понимаю?
 Долго я таранилъ, дурачилъ его; когда онъ сталъ просить прощенія и извинялся чѣмъ, что они два раза прогоняли того, съ кѣмъ я не приказалъ играть, но онъ побожился, что вы дозволили ему играть. Тогда я объяснилъ Богданову, что никто не долженъ знать, что я былъ у нихъ, въ противномъ случаѣ, я обязанъ исполнить свой долгъ, а вы знаете какой?

- «Знаемъ, въ тюрьму, но на этотъ разъ простите».
- Охотно прощаю, но кажется, я захватилъ деньги? (тысячи двѣ).
- «Что о деньгахъ, мы ему еще бы вдвое дали, только бы онъ не приходилъ къ намъ».
- Ну, Петръ Ивановичъ, на этотъ разъ дѣло кончено, будьте осторожны.
- «Полковникъ, я почитаю и всѣ любимъ васъ, умоляю, не пріѣзжайте такъ неожиданно и одни; впрочемъ, мы принесли мѣры».
- Какія мѣры ни принимайте, но нарушите условіе—я буду у васъ.
- «Не совсѣмъ и умоляю: не являйтесь одни, какъ вчера».
- Это почему?
- «Намъ исходѣ одинъ, мы за себя не отвѣчаемъ».
- Ха, ха, ха, что вы говорите, а у кого вчера ла шапки дроже и разсыпались карты? А что такое искали господа подъ столомъ? Всѣ вы струсили.
- «Клянусь вамъ, полковникъ, мы гнались вчера за вами, рѣшившись на крайнюю мѣру».
- Все вы врете, вы видѣли меня безъ сабли, а не видали двухъ двухствольныхъ пистолетовъ, спрятанныхъ въ карманахъ, да у кучера ножикъ въ аршинъ (все я сорвалъ). Куда вамъ!
- Я простила и игроки болѣе не нарушали моего условія. Богдановъ послѣ былъ губернскимъ предводителемъ въ Саратовѣ; онъ самъ рассказывалъ мнѣ, что, за соло въ кадриль, матъ давала ему 10 тысячъ; у старухи былъ большой кованый сундукъ, полный денегъ. Недавно я получила письмо изъ Саратова, что уже лѣтъ десять, какъ Богдановъ умеръ, проигравшись. Обыкновенная доля игроковъ!

Не помню точно времени, привезли въ Симбирскъ изъ Тифлиса царевну Тамару, подъ мой строгій надзоръ. Не подумайте, что эта Тамара подобна Тамарѣ Лермонтова, нѣтъ, не кожа. Длинная, узкая въ плечахъ и вся розовая до конца ногъ, лицо длинное, чисто армянское, лѣтъ подъ 50. Привезли плачущую, и сколько разъ ни навѣщали ей, видѣли плачущею и всегда въ одной позѣ: съ своею служанкою сидѣть на полу и раз-

бирають спущанный разноцвѣтный шелкъ. Нельзя было не быть у ней, а идти—наказаніе: не люблю плачущую женщину, еще бы хорошенькую, да и то не надолго, молоденкія слезы не горкки. Не буду утверждать, долго ли надобѣдали мнѣ слезы Тамары, но, въ пріѣздъ государя, я рѣшился хлопотать сбыть съ рука плаксу. Составилъ пречувствительную записку и молилъ графа Бенкендорфа доложить государю о помилованіи Тамары; это было вечеромъ, графъ отвѣчалъ: «убирайся, спать хочу, поди къ Аддербергу, онъ ходатай за всѣхъ». Я къ добрѣйшему изъ добрыхъ, графу Адлербергу; подавъ записку, стала неотступно просить его. Трудно вѣрить, но прошу не сомнѣваться: прося графа Адлерберга, у меня капнуло слезъ пятокъ, право такъ! Графъ съ участіемъ спросилъ: вы такое близкое принимаете участіе? Я не сказалъ, что она мнѣ надобѣла. Благодѣтельный графъ тотчасъ пошелъ къ государю и вынесъ помилованіе Тамарѣ. Я приказалъ разбудить ее и объявилъ ей радость. Не буду рассказывать о сценѣ ея благодарности, право, и тутъ ничего не было пріятнаго. Черезъ 4 дня отправилъ царевну съ жандармомъ въ Тифлисъ, тамъ выѣхали 20 каретъ встрѣчать ее. Ну и дай Богъ ей здоровья!

Пишеть Дубельтъ: «подъ твой надзоръ назначенъ бывшій волынскій губернскій предводитель, графъ Петръ Мошинскій. Облегчи его положеніе, что отъ тебя зависитъ».

Является Мошинскій, небольшаго роста, съ самимъ добрымъ и скромнымъ выраженіемъ въ лицѣ; мнѣ казалось, что его забила судьба, но нѣть, онъ таковъ отъ рожденія; ему лѣтъ 35, плѣшивъ, хорошо образованъ. Сосланъ былъ въ Тобольскъ за 14-е декабря. Въ первый же часъ я спросилъ его: «чего онъ хочетъ?» Онъ не вдругъ отвѣчалъ: «я не знаю, чего я могу желать». — Какое ваше самое большое желаніе? Онъ послѣ признался мнѣ, что ему очень забавно казалось, что какой-то подполковникъ такъ самонадѣянно спрашивается, когда первыя лица въ государствѣ ничего не могли для меня сдѣлать, но отвѣчалъ: мое желаніе одно—сблизиться съ женой и дочерью. «Ну, вотъ, видите-ли, я черезъ 4 мѣсяца подвину васъ къ вашей семье, но съ условіемъ: вы должны всякий день непремѣнно являться ко мнѣ, дабы я не лгавши могъ сказать, что я всякий день вижу

васъ. Я не всегда свободенъ, но вотъ вамъ комната, книги и трубка. Исполните вы, исполню и я».

Рѣдкую почту не писалъ я о Мошинскомъ и писалъ правду: что онъ вполнѣ раскаялся, искренно преданъ государю и Россіи, сознаетъ глубоко безуміе поляковъ и проч. Прогрессивныи мои донесенія выходили ладны и я собирался повести атаку—выслать Мошинского на югъ. Вдругъ курьеръ: графъ пишетъ, чтобы я употребилъ все искусство, осторожно, но непремѣнно убѣдить Мошинского подписать прилагаемую бумагу. Читаю. Это не болѣе, не менѣе—согласіе Мошинского на разводъ съ своею женой. Графъ оканчивается, что онъ надѣется на мою деликатность и участіе къ положенію Мошинского.

Я даже не вдругъ и сообразилъ, что мнѣ дѣлать. Мошинскій только и мечталъ о счастіи увидаться съ своею семьею, а я долженъ—осторожно, деликатно, съ участіемъ, поднести для его подписанія разводъ съ любимою имъ женой! Прежде всего я мысленно проклялъ всѣхъ полекъ (теперь приглядѣлся и не проклинаю). Не стану рассказывать, какъ я хитрилъ, подготовляя бѣднаго Мошинскаго, но конецъ концовъ тотъ: несчастный, чтобы подписать, падалъ два раза въ обморокъ, подписалъ и заболѣлъ. Желая сколько нибудь вознаградить Мошинскаго, я каждую почту просилъ о переводе Мошинскаго на югъ, добылъ и послалъ свидѣтельство доктора, что необходимъ для него теплѣе климатъ. Ровно черезъ три мѣсяца со дня прибытія ко мнѣ Мошинскаго, онъ переведенъ въ Черниговъ, куда и выѣхала къ нему dochь.

Съ этого времени я забылъ о Мошинскомъ. Я—въ Кіевѣ. Въ 1839 году ко мнѣ на квартиру явился какой-то полякъ и объясняетъ, что меня очень любить Петръ Мошинскій.

— «Гдѣ теперь Петръ Мошинскій?»

— Онъ съ дочерью въ Черниговѣ.

— Что же вамъ отъ меня нужно?

— Я ёду къ Мошинскому, желаю быть управляющимъ въ одной изъ его деревень, прошу отъ васъ рекомендательного письма.

— «Письма вамъ не дамъ, потому что вѣсъ не знаю; пойзжайте, скажите Петру, что я его люблю и что мы скоро увидимся, онъ дастъ вамъ мѣсто и безъ письма».

Перевести Мошинскаго въ Кіевъ мнѣ было не трудно: тогда

богъе сотни поляковъ разослали по заговору Канарскаго. Мнѣ не трудно было убѣдить Бибикова, для примиренія съ дворянами, представить о пользѣ перевода Мошинскаго въ Киевъ. Дозволено. Мошинскій бросился ко мнѣ на шею и со слезами радости называлъ меня своимъ благодѣтельнымъ провидѣнiemъ. Дочь его — предобroe дитя. Явился графъ Ш....къ; мнѣ крайне не нравился, но какія-то старинныя фамильныя связи — дочь Мошинскаго вышла за Ш....ка, который сдѣлалъ ее несчастною, промоталъ ея одиннадцать тысячъ душъ крестьянъ и бросилъ ее, бѣдную!

Передъ свадьбой, я же хлопоталъ и писалъ представление о помилованіи Мошинскаго. По симбирской привычкѣ, Мошинскій аккуратно, всякое утро, приходилъ пить кофе. Когда пришло помилованіе, онъ пришелъ ко мнѣ утромъ и объявилъ, что уѣзжаетъ, обнялъ меня и просилъ принять на память дружбы наследственный отъ бабушки фермуаръ въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Брилліанты блестящіе меня не пѣшили, но въ срединѣ былъ невиданный, огромный восточный густой изумрудъ. Любовь моя къ этому камню, должно быть, родилась со мною; я полюбовался изумрудомъ, поцѣловалъ Петра Мошинскаго и возвратилъ ему фермуаръ. Просьбы его, даже слезы, доказательства, что это не деньги — ничто не помогло. Болѣе я не видался съ Мошинскимъ. Получилъ отъ него письмо, онъ начинаетъ: «родился я графомъ, крестился графомъ, однако я графомъ никогда не былъ». Вотъ до чего обруслъ человѣкъ: польсь и не想要 быть графомъ!

Присланы ко мнѣ подъ надзоръ съ десятокъ поляковъ, по мятежу 1830 года; два доктора, одинъ очень хорошо учился, онъ и теперь живеть недалеко отъ меня, фамилія его Станкевичъ; присыпаетъ ко мнѣ поклоны, но самъ не ёдетъ, можетъ быть, и я не побѣхъ бы на его мѣстѣ. Поляки были очень смирны, былъ и ксендзъ. Было бы чтѣ и разсказать о нихъ, но когда нибудь послѣ.

Приѣхалъ въ Симбирскъ новый губернаторъ, Иванъ Петровичъ Хомутовъ. Онъ приѣхалъ шумно, весело; ко всѣмъ визиты, въ нему всѣ — противоположность Жиркевичу.

Хомутовъ хорошей наружности, лѣтъ подъ 50, высокъ, плѣшивъ, съ большимъ носомъ—весьма представительная личность, любезенъ, веселонравенъ, любить общество.

Жена его—маленькая горбунья, но за то урожденная Озерова—это нужно замѣтить. Дѣтей у нихъ не было.

Хомутовъ, бывши полковникомъ, въ извѣстномъ елизаветинскомъ дѣлѣ—Паскевичъ доносилъ о позиціи, но, говоря о лѣвомъ флангѣ, писалъ, что «онъ слабъ, но тамъ у меня храбрый полковникъ Хомутовъ и я спокоенъ». Хомутовъ хранить рекрипты: «Храброму полковнику Хомутову съ товарищами» и проч. Хомутовъ извѣстенъ былъ въ арміи тѣмъ, что онъ ни разу не поклонился ядру. И это нужно замѣтить!

Съ губернаторомъ Хомутовымъ, кажется, въ двѣ минуты я сталъ другомъ—прелюбезный человѣкъ. Передъ прїездомъ Хомутова, въ Симбирскѣ образовалась шайка воровъ, сначала мелочныхъ, а потомъ смѣлыхъ до дерзости. Я шелъ съ Хомутовымъ въ первые дни его губернаторства, вечеромъ, и рассказывалъ ему о дѣятельности воровъ; онъ сказалъ громко и самонадѣянно: «я всѣхъ ихъ уничтожу». Я предупредилъ, что не равно который нибудь лежитъ за заборомъ и сдѣлаются что нибудь въ насыпьшку ему. Поутру получаю отъ него записку: «пожалуйста не рассказывайте, подлецы украли изъ прихожей мою шубу; если можно, помогите найти». Шуба, еще до свѣта, была разрѣзана на нѣсколько частей и вывезена въ разныя заставы.

Воры дошли до крайней дерзости: недалеко отъ моей квартиры забрались къ купцу въ домъ и когда тотъ хотѣлъ вылезть въ окно, его въ окнѣ придержали за руки внутри, а съ улицы за ноги, и хорошо высѣкли розгами. Губернаторъ созналъ безсиліе своихъ средствъ. Я совѣтовалъ ему написать ко мнѣ письмо, съ изложеніемъ, что средства городской полиції недостаточно для уничтоженія дерзкой шайки воровъ въ городѣ, а потому и просить моего содѣйствія. Я просилъ его отдать полицію въ мое распоряженіе. Лучшая тайная моя полиція въ городѣ были кантонисты, съ которыми я сносился черезъ моихъ писарей.

Симбирскъ, между Волгой и Свягой, раздѣляется преглубокимъ оврагомъ, который служилъ удобнымъ помѣщеніемъ навоза со всего города. Въ одномъ концѣ, на днѣ оврага, жили въ ла-

чужихъ отставныхъ и бѣдныхъ солдатки; тутъ, въ тайникахъ, былъ складъ вещей мелкаго воровства. Моя тайная полиція дала мнѣ знать, что, въ эту ночь, шайка будетъ праздновать у одной вдовы-солдатки, въ оврагѣ. Около 11-ти часовъ темной ночи, составилъ я стратегический планъ: полиція употреблена для фальшивой атаки, а жандармы—молча и скрыто въ засадѣ, поперегъ оврага. Самъ я—въ половинѣ высоты крутаго бока оврага, въ уединеніи, гдѣ брали глину, на тропинкѣ. Полиція подняла крикъ, воры бросились бѣжать, но попали въ крѣпкия руки жандармовъ; одинъ воръ прорвался и бѣжалъ по тропинкѣ мимо, не замѣтивъ меня; бокъ оврага круть, вижу, воръ бѣжитъ и чѣмъ-то упирается правой рукой. Я пропустилъ его мимо себя, быстро догналъ и, неожиданно для него, такъ ловко и сильно ударили его по шеѣ, что онъ, кувыркаясь, погрузился въ жидкий навозъ; я крикнулъ жандармовъ и тѣ взяли его. Оказалось, что это былъ бойкій атаманъ, упирался онъ пистолетомъ. Шайка вся была въ пльзу. Дуло пистолета было полно земли; когда вымыли, на дульѣ оказалась золотая надпись: Бенкендорфъ. Послѣдѣлъ я пистолетъ шефу. Дубельть писалъ во мнѣ, что этотъ пистолетъ выпалъ изъ сѣда, когда графъ шелъ въ атаку подъ Лейпцигомъ, товарищъ пистолета сохранился и что шефъ очень желаетъ знать, какимъ путемъ пистолетъ очутился у вора, въ Симбирскѣ. Но я могъ узнать только, что воръ купилъ пистолетъ на толкучкѣ, въ Тамбовѣ. Для пистолета-то я и рассказалъ этотъ случай.

Въ началѣ Великаго поста, ко мнѣ курьеръ—предписаніе: «немедля отправиться въ Саратовъ, совершенно секретно, и находиться тамъ въ распоряженіи генераль-адъютанта князя Лобанова-Ростовскаго».

Отъ князя письмо: «Дружище, въ Саратовѣ не сладать съ раскольничими монастыремъ; государь посыпаетъ меня, а я вынужденъ тебѣ у государя въ помощъ, не сердись. Сдѣтай тамъ подготовочку, на которую ты такой мастеръ, и пришли жандарма, у меня будетъ уложенъ дормезъ—явлюсь. До свиданія».

Совершенно секретно—отъ кого? значить, отъ цѣлаго свѣта. На курьерскихъ помчался я по пензенской дорогѣ, проѣхавъ верстъ 100, свернувъ на проселокъ и выбрался на саратовскую

почтовую дорогу. Дорога была адская, несколько разъ у извозчиковъ лилась кровь изъ горла, бросалъ ихъ на дорогѣ и доѣзжалъ съ жандармомъ. Верстахъ въ сорока не доѣзжалъ до Саратова, была деревня брата моей жены. Вѣзжать въ Саратовъ, на курьерскихъ, секретно—нельзя, я взялъ въ деревнѣ брата ро-гожную кибитку и въ ясный полдень, по улицамъ почти уже безъ снѣга, вѣзжалъ самъ въ формѣ, а жандарму, тоже въ формѣ, приказалъ идти пѣшкомъ, никто не обратилъ вниманія. Тогда Саратовъ былъ не то, что теперь, тогда Саратовъ былъ—огромная деревня. Остановился я въ только что построенному маленькому (въ три окна) трактире «Москва». Живу три дн., никто меня не спросить, какъ будто я не въ городѣ. Въ эти три дня я узналъ все, что дѣлается въ Саратовѣ и что дѣялось съ монастыремъ. Трактиръ—благодарное поле для узнаній общихъ секретовъ. Дѣло вотъ въ чёмъ: за Волгой, на рѣкѣ Иргизѣ, былъ старинный раскольничій монастырь; этотъ монастырь благословлялъ Пугачева на русское царство и былъ повсемѣстно въ большомъ уваженіи. Послѣдовало высочайшее повелѣніе: изъ мѣстъ монастыря образовать уѣздный городъ Николаевскъ. Назначенъ штатъ чиновъ и духовенства. Раскольники отказались по-виноваться. Бѣдили совѣтники, жандармскій штабъ-офицеръ—всѣмъ отказать. Поѣхалъ самъ губернаторъ, но, видно, не изъ храбрыхъ: въ какой-то домикъ вызвалъ архимандрита монастыря и говорилъ съ нимъ оградившись отъ него двумя жандармами съ обнаженными саблями, скрещенными передъ особой губернатора. Преэффектная картина, когда я скажу, что злодѣй—архимандритъ былъ маленький старичишко, для уничтоженія которого довольно одного кулака. Согласія не послѣдовало. Въ Саратовѣ квартировала артиллерія; помимо, командиръ—безногій генералъ Арнольди. Губернаторъ потребовалъ, чтобы артиллерія привезла въ повиновеніе послушниковъ. Пришла артиллерія къ монастырю. Раскольники, сѣвши на руки и ноги, покрыли всю пло-щадь около церквей тѣлами своими, какъ черепомъ. Говорили объ одномъ нашемъ фанатикѣ, который умолялъ объ ядрушкахъ, но его не послушали. Артиллерія тихо и скромно проѣхала близъ тѣль, говорятъ: ни крика, ни ропота не слыхали отъ раскольниковъ! На этомъ дѣлѣ и остановилось дальнѣйшее распоряже-

ніе губернского начальства. Узналь я много злоупотреблений въ городѣ, всѣ интриги, а сплетень, сплетень!

На четвертый день явился къ губернатору, назвалъ свою фамилию; губернаторъ спросилъ:

— «Не Иванычъ-ли?»

— Да, я сынъ Ивана Дмитріевича.

— «Такъ поди ко мнѣ, ты мой племянникъ», — и обнялъ по родному. «Давно-ли ты пріѣхалъ?»

— Четвертый день.

— «Какъ же это я не зналъ?»

— Не мудрено, я живу тихо.

— «Зачѣмъ пріѣхалъ?»

— По своему частному дѣлу.

— «Какое у тебя дѣло?»

— Покупаю имѣніе.

— «Браво! я тебѣ помогу; далеко имѣніе?»

Я назвалъ имѣніе брата.

— «Очень радъ. Гдѣ остановился?»

— Въ трактирѣ Москва.

— «Переѣзжай ко мнѣ, а теперь будемъ обѣдать вмѣстѣ».

Губернаторъ — Степановъ; онъ написалъ нѣсколько удачныхъ романовъ и повѣстей: «Постоялый дворъ», «Чортовы салазки» и проч. Толстякъ, вдовецъ, лѣтъ подъ 60, человѣкъ умный, пріятный, но, право — не губернаторъ.

Въ разговорѣ съ дяденькой, я узналь все дѣло съ монастыремъ, но, конечно, безъ крестообразныхъ сабель. Я представился такъ заинтересованнымъ монастыремъ, что пожелалъ съѣздить; хотя и отговаривалъ дядя, находя опаснымъ, и, для отвращенія опасности, упросилъ дать мнѣ открытое предписаніе, чтобы уїздныя полиція оказывали мнѣ содѣйствіе по моему требованію.

Послѣ обѣда я уже отправился въ монастырь. Въ ближайшей къ монастырю деревнѣ, былъ штатъ чиновъ будущаго города. Разговаривая со всѣми и особенно съ умнымъ старикомъ-крестьяниномъ, при разныхъ разсказахъ, обратила мое вниманіе одна повторяющаяся фраза: «раскольники причащались и присягали не оставлять монастырь добровольно». Значитъ, могутъ оставить монастырь не добровольно — не нарушивъ при-

сяги. Болѣе навелъ меня на эту мысль квартальный Гозаткинъ, изъ писарей-кантонистовъ.

Такъ какъ князь Лобановъ пишеть ко мнѣ о подготовоч-
вѣ только, а не о личномъ моемъ дѣйствіи, то я и счѣлъ пра-
вильнымъ сначала явиться преодѣтымъ и взглядѣться въ дѣло,
а далѣе дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ.

Монастырь раскольниковъ, въ собственномъ смыслѣ—не мона-
стырь, а сбродъ беспорядочныхъ лачужекъ, въ которыхъ жили
мужчины и женщины вмѣстѣ. Все населеніе состояло изъ быв-
шихъ: солдатъ, крестьянъ, преступниковъ изъ Сибири, изъ тю-
ремъ. Говорили, было болѣе пяти тысячъ, управляли всѣмъ ста-
ричишко архимандритъ, но власть его была почти номинальная,
управляли всѣмъ фанатики-начетчики. Приношенія въ мона-
стырь были громадныя, изъ разныхъ мѣстъ, но главныя и по-
стоянныя—изъ Оренбургской губерніи и съ Дона. Посреди боль-
шой площади, на которой стояли каменные церкви, весьма хо-
рошой архитектуры.

Хотя я приѣхалъ какъ любитель, но открытое предписаніе,
въ случаѣ, давало мнѣ власть. Я еще въ трактирѣ зналъ, что
вся полиція на откупу у монастыря, надѣяться на помощь такихъ
людей и дѣйствовать съ ними открыто—опасно. Вообще, уровень
чиновниковъ въ Саратовской губерніи былъ весьма невысокъ.

Опираясь на фразу присяги: не оставлять добровольно, я
совѣтовалъ чиновникамъ собрать сколько можно болѣе отставныхъ
и понятыхъ, приготовить носилки.

Въ монастырѣ знали о каждомъ движеніи противъ нихъ.
Утромъ сняли свои караулы у окопицы и на площади образова-
ли черепаху. По моему совѣту, попробовали: съ краю черепахи,
одному раскольнику рознали руки и ноги и, положивъ на
носилки, вынесли за окопицу. Только увидавъ раскольника, что
онъ вѣнѣ окопицы монастыри, вскочилъ съ носилокъ, перекре-
стился на монастырь и только пятки его мелькнули, такъ онъ
удралъ въ степь. Понятно, началась механическая работа. Та-
кимъ способомъ прочистили широкую дорогу къ церкви, прошло
съ пѣніемъ наше духовенство, а какъ окропили церкви святою
водой, начетчики сказали, что церкви опоганѣла, и монастырь
сталъ очищаться день и ночь. Говорили послѣ, что раскольники
образовали свой монастырь въ пустыняхъ къ Каспійскому морю.

И на этот разъ, серьезное дѣло разрѣшилось фарсомъ. Возвратясь въ Саратовъ, я увѣрилъ дяденьку, что я только подѣжалъ къ монастырю, и не знаю, чѣмъ тамъ дѣжалось.

Немедля послалъ жандарма курьеромъ къ князю Лобанову-Ростовскому и въ концѣ письма просилъ извиненія, что дѣло кончилось безъ него.

Междуд прочимъ, чтобы продолжать секретъ, я получилъ отъ брата довѣренность: имѣніе его имѣю право заложить, продать и проч. Начавъ залогъ, гражданская палата потребовала съ меня 30 коп. съ рубли; поторговавшись, согласились на 25 коп. и только для меня, и такъ были добры, что показали мнѣ дѣньги этихъ денегъ, кому и сколько съ рубля. Часто мнѣ приходилось писать къ шефу, но слыша, что саратовская почта очень любопытна, я сначала посыпалъ чрезъ комиссіонерство, а потомъ чрезъ госпиталь; въ Питерѣ, распечатавъ и увидавъ внутри конвертъ къ шефу, доставляли. Уѣхать изъ Саратова безъ предписанія я не имѣлъ права. Дядю губернатора я полюбилъ и, желая ему добра, совѣтовалъ выйти въ отставку,—не согласился. Квартальному Голяткину приказалъ выйти въ отставку и уѣхать.

Возвратился жандармъ—отъ князя тысяча благодарностей съ поцѣлуями, много шутить и писать очень весело. Мчаться по аной распуштицѣ—мало удовольствія. Жандарму князь далъ 25 р. и приказалъ показать ему, что дормезъ совсѣмъ уложенъ и чтобы онъ объ этомъ сказалъ мнѣ. Гр. Бенкendorfъ благодарила и разрѣшилъ мнѣ возвратиться въ Симбирскъ.

Послѣ меня довольно было переборки въ Саратовѣ: дядю моего исключили изъ службы, съ тѣмъ чтобы никуда не опредѣлять; николаевскую полицію предали суду; жандармскаго штабъ-офицера исключили изъ корпуса жандармовъ и проч.

Саратовскіе чиновники, въ особенности полиція того времени, мнѣ очень ненравились, казались апатическими, на всѣхъ какой-то тонъ холодной формы, ни малѣйшей энергіи къ дѣлу; можно судить потому, что я, жандармъ, пріѣхалъ, остановился въ трактирѣ, прожилъ трое сутокъ и полиція не знала, хотя и существовалъ поліцмейстеръ. Таковъ порядокъ показался мнѣ во всей губерніи, даже жандармская команда—сонная!

Изъ саратовскихъ, я видѣлъ въ послѣдствіи одного только

бывшаго квартального Голяткина. Въ 1888 году нашелъ я его младшимъ полицмейстеромъ въ Кіевѣ. Весь Кіевъ возненавидѣлъ старшаго полицмейстера, сдѣлали исправляющимъ должность полицмейстера Голяткина. Похвастаю—Голяткинъ еще живъ. Когда вступилъ онъ въ должность полицмейстера, пришелъ ко мнѣ и просилъ научить его быть любимымъ полицмейстеромъ. Голяткинъ пробылъ 10 лѣтъ полицмейстеромъ, быть любимъ жителями, чтѣ рѣдко въ этой должности, вышелъ въ отставку по своему желанію, къ общему сожалѣнію; о совѣтѣ моемъ бывшему кантонисту позвольте умолчать, секреты на улицѣ не валаются.

Возвращаясь изъ Саратова въ Симбирскъ, я поѣхалъ по берегу Волги; это было въ концѣ Вербной недѣли. Пройзжая Сызранскій уѣздъ, узнаю—бывшіе казенные, теперь удѣльные крестыне бунтуютъ; по рассказамъ, уже тысячу до восьми не повинуются. Такіе бунты разливаются какъ пожаръ. Я къ губернатору Хомутову, оказалось, что онъ ничего не знаетъ. Я предложилъ и горопилъ Хомутова, чтобы онъ обѣдалъ дѣло на Страстной, пока народъ весь трезвъ. Хомутовъ упросилъ меняѣхать съ собою. Съ нимъ отправился правитель его канцеляріи, Раевъ.

Пріѣхали въ главную бунтующую деревню, названія не помню. Народу очень много. Ловкій мой жандармъ, чрезъ какого-то роднію, отставнаго солдата, узналъ, что главный бунтовщикъ Федыка и указалъ мнѣ его. Мужичекъ небольшой, плотній, лѣтъ 35-ти, въ синемъ кафтанѣ, красный кушакъ, сапоги съ напускомъ и новая шапка изъ мерлушекъ. Стоитъ козирекъ, около него кучка народа.

Рано утромъ, черезъ сотскихъ, я приказалъ собраться крестынамъ, что имъ будетъ читать законъ губернаторъ. Послушались, собрались и стали въ рдѣ фронта. Я сказалъ губернатору, что, проходя по ряду, противъ главнаго коновода Федыки я кашляну, но совсѣмъ не трогать: при масѣ и бранить не должно, а всякое дѣйствіе опасно. Проходя—Федыка стоять въ срединѣ рда—я только кашлянуль, какъ губернаторъ остановился, вызвалъ Федыку и молодцомъ крикнулъ:

— «Киутьевъ! Вотъ я покажу тебѣ какъ бунтовать! Раздѣль его!»

Только тронулись за Федыку, какъ вся масса гаркнула и бро-

силась выручать Федыку¹. Мой храбрый губернаторъ—бѣжать, Раевъ за нимъ. Толпа съ крикомъ гналась за ними и губернатора съ правителемъ выгнали за околицу. Я остался на мѣстѣ: крикъ, шумъ, я только указываю, чтобы не дотрагивались до меня, никто не дотронулся; напираютъ задніе, около меня падаютъ, смотрятъ на меня добро и смѣются. Развошлась толпа, я нашелъ губернатора въ постель, боленъ, кровавая дизентерія.

Вижу, дѣло очень плохо; послать за солдатами съ боевыми патронами и приказалъ явиться 12-ти жандармамъ безъ коней. Цѣлую ночь придумывалъ, какую бы штуку выкинуть, а безъ штуки нельзя, потому что силы нѣтъ. У татаръ вывезли меня богатые торговцы, а тутъ нѣть богатыхъ и нѣть трехъ—четырехъ женъ у нихъ. Проклятые русопетки, преупорные и озлобленные, а что еще хуже, раскуражились побѣдою надъ губернаторомъ. На всякий случай приказалъ исправнику собрать побольше понятыхъ и отставныхъ.

Противъ церкви стояли отдалено пять домовъ, по обыкновенію, рядомъ съ крытыми дворами, внутри разгороженными плетнемъ; плетни выломать и образовался одинъ крытый дворъ изъ пяти. Понятыхъ спрятать ночью во дворѣ. Заготовить веревокъ и розогъ.

Рано утромъ пріѣхали команды. Спиною къ домамъ, въ одну ширенгу, выстроились 40 солдатъ, между церковью и солдатами собралъ бунтовщиковъ, сказалъ имъ убѣдительную рѣчь и спросилъ: повинуются ли? Въ одинъ голосъ: нѣть, не повинуемся! — «Вы знаете, ребята, по закону я долженъ стрѣлять». — Стрѣляй, батюшка, пуля виноватаго найдеть, кому что Богъ назначилъ. — «Слушайте, братцы», — я снялъ шапку и съ чувствомъ перекрестился на церковь, — «я такой же православный, какъ и вы стрѣлять никогда не поздно, мы все подъ Богомъ; можетъ, найдется невиновный, то, убивши его, дамъ строгій отвѣтъ Богу, пожалуйте и меня, а чтобы не было ошибки, я каждого спрошу и кто не покорится, тотъ самъ будетъ виноватъ». Обратилъся къ первому:

- «Повинуешься ты закону?»
- Нѣть, не повинуюсь.
- «Законъ даль государь, такъ ты не повинуешься и государю?»

- Нѣтъ, не повинуюсь.
- «Государь—помазанникъ Божій, такъ ты противишься Богу?».
- Супротивляюсь.

Крестьянина передавалъ жандарму, съ словами: «ну, такъ ты не пенай на меня!». Жандармъ передавалъ другому; жандармы были разставлены такъ, что послѣдній передавалъ во дворъ, тамъ зажимали мужику ротъ, набивали паклей, кушакомъ вязали руки, а ноги веревкою и клали на землю.

Я имѣлъ терпѣніе каждому мужику сдѣлать одни и тѣ же вопросы, и отъ каждого получилъ одинаковые отвѣты, и каждого передавалъ жандармамъ, и каждого во дворъ вязали и клали. Процедура эта продолжалась почти до вечерень. Послѣдніе десятка полтора морды и русскихъ покорились, ихъ отпустили домой. Ночь не спалъ, не пилъ, не ъѣлъ, сильно усталъ, но въ такихъ дѣлахъ успѣхъ зависѣть отъ быстроты.

Пришелъ во дворъ, все дворы устланы связанными бунтовщиками. «Розогъ! давайте первого». Выводятъ старика лѣтъ 70-ти. — «Повинуешься?» — Нѣтъ! — «Сѣките его». Старикъ поднялъ голову и просить: батюшка, вѣли поскорѣй забить. Не пріятно, да дѣлать нечего, первому прощать нельзя, можно погубить все дѣло. Наконецъ, старикъ умеръ, я приказалъ мертвому надѣять кандалы. Одинъ за другимъ, 13 человѣкъ засѣчены до смерти и на всѣхъ кандалы. 14-й вышелъ и говоритъ: я покоряюсь. «Ахъ, ты негодай, почему ты прежде не покорился? Покорились бы и тѣ, которые мертвы, розогъ! Дать ему 300 розогъ».

Это такъ подействовало, что все лежащіе заговорили: мы все покоряемся, прости насть. — «Не могу, ребята, простить, вы инноваты противъ Бога и государя». — Да ты накажи, да помилуй.

Надобно знать русскаго человѣка: онъ тогда искренно покоренъ и спокоенъ, когда за вину наказанъ, а безъ наказанія обѣщаніе его ничего не стоитъ, онъ тревожится, ожидаетъ чтѣ еще съ нимъ будетъ, а въ головѣ у него—семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ, того и гляди, наглупить. Наказанный—боится быть виноватымъ вновь и успокаивается.

Приказалъ солдатамъ раздѣлиться на нѣсколько группъ и дать всѣмъ бунтовщикамъ по 100 розогъ, подъ надзоромъ исправника. Потомъ собралъ всѣхъ, составилъ нѣсколько каре и объ-

явилъ: «я сдѣлалъ, что мнѣ слѣдовало сдѣлать по закону, прости́ть ихъ можетъ только губернаторъ; онъ можетъ всѣхъ въ тюрьму, тамъ сгните подъ судомъ». — Батюшка, будь отецъ родной, заступись; какъ Богъ, такъ и ты, перемѣни гнѣвъ на милость. Я поставилъ ихъ на колѣни, научилъ просить помилованія и далъ слово, что буду ходатаемъ за нихъ, но губернаторъ очень сердитъ. Кричать: заступись, батюшка, выручи!

Прихожу къ губернатору, лежитъ болѣнь, не знаеть что я дѣлалъ. Мнѣ доложили, что засѣченные ожили, ихъ обливали ведою, и я повеселѣлъ. Говорю губернатору: «пойдемте прощать».

Не вѣрить.

— Только прошу, долѣе сердитесь, не прощайте, а прости́те только подъ моимъ ручательствомъ за нихъ.

Подходи къ фронту, губернатору, хотя и штатскому—«на караулъ!», барабанщикъ двѣ дроби, «здравія желаемъ вашему превосходительству!»—все для эффекта. Подходимъ къ группамъ я снялъ шляпу и почтительно, низко кланяясь, представляю раскаявшихся. Виновные въ одинъ голосъ: помилуй, ваше превосходительство! — «Не могу, вы такъ виноваты, что вѣсль сдѣлаетъ судить». А мужики, кланяясь въ землю, твердятъ: помилуй, ваше превосходительство, ни впередъ, ни послѣ того не будетъ. А я-то унизенно, безъ шляпы, кланяюсь и прошу помиловать. Губернаторъ гнѣвно сказалъ, что онъ бунтовщикамъ вѣрить не можетъ и согласится тогда, если кто за нихъ поручится.

Я обернулся къ мужикамъ: ручаться ли за нихъ?

Какъ заорутъ въ одинъ голосъ: ручайся, отецъ, небось, не выдадимъ, ручайся, батюшка. — «Ребята, смотри, чтобы мнѣ не быть въ отвѣтѣ за вѣсль». — Отецъ ты напѣ, вотъ-тѣ пресвятая! положимъ жизнь за тебя, ручайся! — Я поручился. Губернаторъ умилостивился, прости́ль.

Я распустилъ всѣхъ по домамъ, приказалъ сотскимъ накормить солдатъ и жандармовъ. Откуда что взялось: снесли столы, зажгли лучины, авились десятками горшковъ щей, каши, кисели съ сытой, все постное; вѣроятно, было готово для мужей, но имъ не удалось пойти, сѣли солдаты. Въ тюрьму пошелъ только одинъ Федька.

Только я вошелъ къ губернатору, онъ, какъ чисто русскій

человѣкъ, поклонился мнѣ плѣнзивой головой въ землю; признаться, я отскочилъ и, обнявъ его, поцѣловалъ.

Вотъ и справедливо, что человѣкъ не во всѣхъ случаяхъ разно храбръ. Мой губернаторъ былъ извѣстнымъ храбрецомъ во всей арміи, а передъ безоружными мужиками струсила и бѣжать. Да и ванъ пожорный слуга, кажется, струсила и не могъ отвѣтить, сколько лѣтъ служитъ въ Симбирскѣ.

Не взиря на ночь, губернаторъ торопилсяѣхать домой, но взвѣсилъ мнѣ письмо отъ своей жены, ена пишетъ: «Ваничка, бросяь все, я лежу въ ванѣ, со мной конвульсіи; я умру, если ты скоро не прїдешь», и проч. Хомутовъ спрашивается: кажется, и вы получили письмо? Я тогда только вспомнила о письмѣ—не до того было—вынула свернутую на уголокъ сѣрую бумагу и прочитала. Хомутовъ спросилъ: можно прочитать?—Извольте. Моя 19-ти-лѣтняя худенькая жена писала: «Шишмаревъ (адътантъ) сказалъ, что вы требуете солдатъ съ боевыми патронами; можетъ, есть опасность? Не думайте обо мнѣ, я буду гордиться всю жизнью, что мужъ мой исполнилъ свой долгъ». Иванъ Петровичъ такъ и ахнула: такая пичужка и такого геройского характера. «Подаряйте мнѣ это письмо».—Зачѣмъ?—«Я вставлю въ рамку и буду хранить». Послѣ этого, мой Хомутовъ чуть не молился на мою жену.

Для читателя, разрѣшилась исторія новымъ фарсомъ. Но, однако, предположить, что это не была бы Страстная и такой упорный народъ не былъ бы трезвъ, можетъ быть, изъ фарса вышла бы трагедія и сколько было бы несчастныхъ. Эту исторію я докончу.

Наступило время жатвы хлѣба; староста мой увѣдомляє меня, что пришли какіе-то люди и просить позволенія сжати хлѣбъ. Я поскакалъ въ деревню, оказалось, что это сызранскіе бунтовщики, пришли съ женами и, изъ благодарности за мою добродѣтель, хотятъ сжати хлѣбъ мой. Меня не могло не тронуть такое доброе и честное русское сердце. «Да вѣдь васъ но-били, друзья мои?»—«Эхъ, батюшка, что такое что научили, а какъ бы не ты, такъ и теперь бы маялись въ тюрьмѣ и раззоромъ раззорились бы; мы за тебя Богу молимся». Жены при этой оказіи всплакнули отъ воображенія, что раззорились бы, еслибы мужья попали въ тюрьму. Отъ этой теплой сердцу взятки я от-

вазаться не могъ; гости не позволили даже жить барщискимъ, въ два дня все сжали. Это было въ селѣ Чамбулѣ, Соболинъ тоже, Сентиевскаго уѣзда; теперь принадлежитъ Федору Ивановичу Ермолову. Для гостей я приказалъ убить нѣсколько кѣлъ бараковъ, быка, напечь пироговъ, по чаркѣ водки и донесъ отровенно шефу.

Вотъ и судите о русскомъ человѣкѣ: онъ, сквозь наказаніе, видитъ доброту. Наказаніе ему ни по чѣмъ, оно иратковременно, только не отдавай его пѣвкамъ полицейскимъ и судейскимъ. Наказаніе онъ считаетъ родительской наукой, а хозяйственное разореніе—нравственная смерть. Есть два способа изучить народъ: одинъ въ кабинетѣ, а другой на практикѣ. Который лучше? Думаю, въ кабинетѣ умнѣе и основательнѣе.

По усмиренію, написалъ князю Лобанову-Ростовскому, что чуть-чуть не удалось было повидаться мнѣ съ нимъ и онъ съѣхалъ ему коротенько. Онъ очень мило отвѣчалъ: «подготовочна опять удалась! Хватъ, молодецъ, доложу государю» и проч....

Въ концѣ 1840-хъ годовъ, князь Ёхалъ въ Киевѣ, писалъ, что ёдетъ ко мнѣ въ гости, давно не видались. Кажется, въ Козельцѣ князь умеръ отъ холеры.

Отъ какихъ же беспорядковъ было ослушаніе противъ удѣльныхъ? говорять, дымъ безъ огня не бываетъ. Разговаривая съ умными и зажиточными крестьянами, какъ имъ лучше—теперь или прежде? отвѣчали:

— «Теперь не въ примѣръ легче. Бывало, въ годъ разъ найдеть исправникъ, выберешь жирнаго барака, взвалишь на плечи, да и прешь, ажно лобъ не разъ взорѣть; а теперь найдутъ эти господа удѣльные, то возьмешь хворостину, да и сгонишь что есть на дворѣ, и легко и скоро. Теперь намъ не сравнило легче. Мы скоро и одежонки лишнимъ какая была».

Обращусь еще въ прекращенію ослушанія въ Сызранскомъ уѣздѣ. Мѣры для усмиренія, по нынѣшнимъ порядкамъ, показутся жестокими, варварскими. Совершенно согласенъ и не противорѣчу. Попробую прекратить это ослушаніе новѣйшимъ филантропическимъ способомъ. Взбунтовались нѣсколько деревень; уѣздная полиція безсильна. Пріѣхалъ губернаторъ—выгнали. Мѣстной воинской команды почти нѣть. Слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ едва ли вѣхалъ бы въ околицу. Черезъ три

дня Пасха—разрешение на водку. Успехъ претавъ губернатора и безсиле власти возбудили бы надежду въ сосѣднихъ уѣздахъ. Неудовольствие общее, потому что причины однѣ. Ослушаніе превращается въ бунтъ и такъ быстро, какъ пожаръ, въ начальствъ незначительный, охватываетъ всю массу, могущую горѣть. Надобно принять въ соображеніе, что удѣльныхъ въ губерніи до 400 тысячъ. Надобны войска, а ближе 400—500 верстъ путь солдата. Прибывшее войско, безъ сомнѣнія, усмирить, но усмиреніе пьяныхъ людей можетъ обойтись не безъ потерь въ людяхъ. Но пока достигнутъ успѣха эти мѣры, волнующейся народъ, наполняя кабаки, не обсѣаетъ поля. Положимъ, что усмиреніе произойдетъ безъ потери въ людяхъ, чтѣ очень трудно, судя по ожесточенію. Слѣдствіе, что покажетъ слѣдствіе? Всѣ виноваты и виноваты равно, это видно изъ одинаковыхъ отвѣтовъ каждого на мои вопросы. Всѣхъ нельзя посадить въ тюрьму, всѣхъ судить нельзя—амнистія. Зная русскаго простаго человѣка въ одиночку и въ массѣ, амнистія—прощеніе безъ наказанія—не примиряетъ его ни съ собою, ни съ причиной, произведшей неудовольствіе. Тюрьмы полны, ссылка—семьи разорены окончательно. Раззорившійся крестьянинъ не справится въ одно поколѣніе. Неуваженіе и злоба съ горькимъ недовѣріемъ выросли къ своему начальству, которое хотя и прекратить причины къ неудовольствію, но недовѣрія изъ сердца не вырвешь. Прибытие войска, усмиреніе по всей губерніи—пройдуть мѣсяцы. Слѣдствіе суды протянуть годъ. Годъ беспокойства, тревоги, пьянства народа, едва ли исправить нравы. Еще повторю: разъ разоренный крестьянинъ потерянъ почти навсегда. Я изъ всѣхъ золъ выбиралъ меньшее. Гдѣ родилось неповиновеніе, тамъ усмиреніо въ два дня. Усмиреніо главное гнѣздо—покорились всѣ. Что не осталось горечи, ожесточенія, видно изъ добровольной благодарности къ усмиравшему, благодарности, выразившейся въ простой, но искренней русской формѣ. Которая система лучше, варварская или современная филантропическая—не мнѣ решать.

Возвратившись въ Симбирскъ, узнаю, пока я былъ въ Саратовѣ, произошелъ разрывъ между обществомъ и домомъ губернатора. Непріятное извѣстіе, но какая причина? Узнавши болѣзнь, можетъ быть, найдется лекарство.

Расправивъ крылья, я узналъ отъ дамъ—родныхъ моихъ друзей (бывають и двоюродные друзья), что всему причиной губернаторша. Она неосторожно сказала, что для нея мелко симбирское общество, что она по рождению своему Озерова, привыкла быть въ высшемъ аристократическомъ обществѣ. Этого было довольно. Въ симбирскомъ обществѣ, действительно, было много фамилий, происшедшихъ и носящихъ историческія имена; для симбирского общества сочинитель трагедій неважная личность; симбирскіе дворяне считаютъ своими: Карамзина, поэта Языкова, Дмитріева и многихъ другихъ—что для нихъ Озеровъ?

Причина, оскорбившая общество, оказалась важна и глубока. Говорили: если мы низки для нея, то пусть и сидѣтъ одна на высотѣ, мы безъ нея жили и будемъ жить, и проч., и проч. Въ бунтахъ народа немудрено найтись, а между дамами—подготовки не придумаешь. Вообще впутаться въ исторію между дамъ—все равно, что пепать рукой между дверей, неизбѣжно выйтѣшь побитымъ. Я осторожно переговорилъ съ Хомутовымъ, онъ смѣясь сказалъ: «Бабы сплетни! вотъ я дамъ имъ хороший баль и помирился!» Я подумалъ: посмотримъ.

Передъ баломъ Хомутовъ сдѣлалъ визиты, разосланы билеты. Хомутовъ просилъ меня пріѣхать пораньше. Моя жена не выѣзжала по нездоровью.

Домъ прекрасно освѣщенъ, губернаторъ и его супруга разражены, полный хоръ музыкантовъ, въ отдельной комнатѣ на-крыть ужинъ на 70 или 80 приборовъ, прислуги много, все парадно, обдуманно, подъездъ иллюминованъ, полиція, жандармы,—все важно, по губернаторски. 10 часовъ, ёдуть кареты, засуетились встрѣчать. Кареты проѣхали около дома—мимо. Погода, ёдуть кареты—мимо. Мы ходимъ, разговариваемъ, а кареты то и дѣло ёдуть—мимо. Ожиданіе гостей стало непріятнымъ, я попросилъ, чтобы хотя музыканты играли. Музыканты играютъ, а кареты грохочутъ мимо. Минула полночь, хоть бы кто нибудь показался. Губернаторъ не въ духѣ, губернаторша молчитъ; кончилось тѣмъ, что мы трое сѣли за длинный столъ и ужинали одни—парадно! Тѣмъ и кончился балъ, примиреніе не состоялось.

На другой день узнаю, что было нѣсколько вечеровъ въ городѣ; кареты мимо дома губернатора ёздили пустыя—злая насыпка. Разрывъ общества съ губернаторомъ непримиримый.

Много хехотали, когда я рисовалъ ожиданіе гостей, игру музикантовъ и, наконецъ, парадный ужинъ. Не буду передавать что говорили въ обществѣ

Написалъ я къ шефу объ отношеніяхъ общества къ губернатору и о причинѣ, но, искренно любя Хомутова, просилъ, какъ достойнаго, перевести его туда, гдѣ менѣе дворянства. Черезъ годъ онъ былъ переведенъ въ Вятку.

Въ другихъ губерніяхъ дворяне могутъ быть такъ же благородно горды, но такъ дружна и единодушна вся масса общества, какъ общество симбирское, едва ли гдѣ есть.

Пріѣхалъ въ Симбирскъ вице-президентъ удѣловъ, сенаторъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій. Я къ нему. Половина залы чиновниковъ. Только я вошелъ, онъ раздвинулъ толпу и, придворно-дипломатической, почти неслышной походкой, повелъ меня одного въ гостиную, усадилъ меня на софу, а самъ сѣлъ въ кресло. Говорилъ очень много объ услугахъ моихъ удѣлу и такъ хвалилъ меня, что я только кланялся и думалъ скорѣй уйти, когда я откланивался, Перовскій проводилъ меня до прихожей.

Хотя бы я и знаменитость былъ, но такой приемъ и столько льстивыхъ словъ поселили во мнѣ недовѣріе. Я учредилъ за нимъ надзоръ.

Первое впечатлѣніе дѣлаетъ Перовскій непріятное—весма! При среднемъ ростѣ, сухощавости, движенія вялы, походка дѣланная, продолговатое лицо кажется изношеннымъ, цвѣтъ кожи безъ жизни, съ желтоватымъ отливомъ, выраженіе лица кажется застывшимъ. Глаза, обращенные куда-то, но никогда на человѣка, съ кѣмъ говорить,—производятъ полное недовѣріе. Вообще, послѣ разговора съ Перовскимъ, разговора, переполненнаго льстивыхъ похвалъ мнѣ, я вынесъ тяжелое впечатлѣніе, какъ о человѣкѣ недоброму, и избѣгалъ случая увидать его другой разъ.

Мнѣ кажется, мы съ Перовскимъ имѣли обоюдную антиподію. Забѣгу впередъ. Перовскій—министръ внутреннихъ дѣлъ, а я все тотъ же подполковникъ въ Кіевѣ; ничего общаго между нами не было, какъ у слона съ комаромъ. Я былъ представленъ къ наградѣ двухъ тысячъ рублей ежегодно, пока на службѣ. При представлѣніи, государь изволилъ спросить о мнѣ: «не изъ жандармовъ-ли?» Бибиковъ отвѣчалъ утвердительно. Государь

изволилъ сказать: «Я его знаю, это прераспорядительный штабъ-офицеръ», и удостоилъ награды. Я Бибикову не рассказывалъ о прежней своей службѣ и онъ былъ удивленъ, что государь изволилъ вспомнить о такой инфузорії. Возвратясь, Бибиковъ очень интересовался о причинѣ милостиваго вниманія ко мнѣ государя и спросилъ:

— «Почему же вы мнѣ не сказали прежде?»

— Зачѣмъ? Что было, то прошло.

— «А за что ненавидѣть васъ Перовскій?»

— Почему вы такъ думаете?

— «Перовскій вечеромъ сидѣлъ у меня и мы курили сигары у стола; я рассказалъ ему, какъ я былъ удивленъ, когда государь изволилъ вспомнить о васъ. При этомъ я почувствовалъ что столь задрожалъ, и Перовскій вскрикнулъ: «какъ, такъ при васъ этотъ злодѣй? и вы его терпите!» Я объяснилъ ему, что, напротивъ, я вижу въ васъ скромнаго и очень искренняго офицера. «Ради Бога, не держите его, онъ много надѣляетъ вамъ непріятностей; послушайтесь меня, удалите этого вреднаго и злого человѣка». Я смеялся, но Перовскій въ гнѣвѣ дрожалъ. Пожалуйста, расскажите откровенно, что между вами могло быть?»

Я рассказалъ. Бибиковъ спросилъ: «вы не боитесь Перовскаго?»

— Я никого не боюсь, я горжусь, что удостоился ссоры съ министромъ; еслибы онъ былъ менѣе противенъ мнѣ, я перешелъ бы къ нему служить, онъ полюбилъ бы меня.

— Отъ чистаго сердца не совѣтую».

Перовскій обѣхалъ во всѣхъ уѣздахъ удѣльныя имѣнія Просьбы крестьянъ выслушивалъ, но не удовлетворялъ, находя чиновниковъ правыми; часто заговоривъ о мнѣ, а въ городахъ выспрашивалъ у откупщиковъ и купцовъ, какія со мною сношеннія. Но, по пословицѣ: «какъ чесноку не Ѣль, то и не пахнетъ». Петербуржцу мерещилось, что въ провинціи всѣ должны брать взятки.

Перовскій уѣхалъ, я не видался съ нимъ.

Курьеръ: шефъ приказываетъ—сколь можно поспѣшише явиться къ нему. Въ четверо сутокъ я былъ въ штабѣ. Дубельть показываетъ мнѣ большой доносъ на меня государю, подписанъ: «министръ двора кн. Волконскій, съ донесенія къ нему Перов-

скаго». Прочитавъ, я видѣлъ желчную руку Перовскаго. Резолюція государя:

— «Вызвать Стогова и потребовать объясненія».

Дѣло весьма серьезно—стоять передъ государемъ съ княземъ Волконскимъ. Я набросился на Дубельта, почему не предупредили меня, я взялъ бы съ собою факты для опроверженія. Дубельтъ смеется и говорить: «ты и такъ отгрызешься, мы тебя знаемъ, камчадала». Имъ шутки, а меня не могло не тревожить: не равна борьба подполковника съ вельможами! Помню, я такое чувствовалъ волненіе, что не ложился спать, выпилъ четыре графина холодной воды, и къ утру написалъ ответы.

* * * * *

Государь изволилъ жить въ Петергофѣ; долги показались мнѣ часы ожиданія. Движимый справедливостью, императоръ Николай Павловичъ написалъ: «теперь мнѣ дѣло ясно, Стоговъ правъ». Подполковникъ, эта маленькая инфузорія передъ недосыпаемою светлостью — получила защиту!

* * * * *

Бываютъ условія въ жизни неизбѣжныя; миновать, можетъ быть, условія связей вельможъ, обоюдныхъ уступокъ — невозможно. Для этихъ связей, уступокъ, мы, маленькие люди, дѣляемся необходимою жертвою.

• Возвратясь, не успѣлъ я отдохнуть, получаю переводъ въ Саратовъ. Меня не переводъ оскорбилъ, а оскорбило невниманіе, почему не спросили моего согласія, хотя изъ вѣжливости. Я подалъ прошеніе въ отставку. Прошеніе возвращено и Дубельтъ пишетъ: «ты рогожку дерешь, графъ не хочетъ и слышать о твоей отставкѣ», приказалъ спросить: «чего ты хочешь?» — Ничего, въ Саратовъ не поѣду, я вамъ не мальчикъ далъся. Тогда высочайшимъ приказомъ назначенъ я въ Киевъ къ генеральному губернатору, управлять военною частію. Я — просьбу въ от-

ставку. Получаю просьбу обратно и письмо отъ шефа, написанное бриллиантами; пишеть, что родственникъ его, Бибиковъ, проситъ его выбрать изъ корпуса жандармовъ въ помощь ему штабъ-офицера. Гордясь такою честию для корпуса, шефъ, про-сматривая списокъ, (будто) всякий разъ останавливался на моей фамилии; увѣренъ, что это назначение разовьетъ мои способности и проч. — мастера писать! Въ заключеніе просить принять должность на одинъ годъ и если не понравится, то корпусъ жандармовъ, за мою службу, считаетъ долгомъ предоставить мнѣ избрать мѣсто по желанію.

Я очень хорошо понималъ, что удѣльнымъ необходимо нужно было отдѣляться отъ меня, жития имъ не было; Перовскому выговоры не нравились, и я—жертва продѣлки Перовского чрезъ князя Волконского.

Послѣ такого письма, я согласилсяѣхать въ Киевъ, но съ тѣмъ, чтобы утвердили мнѣ двѣ тысячи столовыхъ и дали бы двѣ тысячи на подъемъ—и то и другое исполнили съ первою почтою.

Я закончилъ мою службу въ жандармахъ предсказаниемъ, что въ Симбирской губерніи, по деревнямъ, если не будетъ бунта, то выразится неудовольствие поджогами; что бы приняли заранѣе мѣры—озлобленіе очень велико.

Черезъ Киевъ проѣзжалъ чиновникъ III-го отдѣленія и передалъ мнѣ, когда начались поджоги въ Симбирской губерніи по деревнямъ и когда бросили въ огонь исправника и еще кого-то, тогда въ III-мъ отдѣленіи вспомнили обо мнѣ, а архиваріусъ принесъ мое послѣднее сказаніе. Пророчество мое поскорѣй спрятали.

Изъ 40-ка-лѣтней моей службы, 15 лѣть въ Киевѣ была самая непріятная служба. Я пользовался большою властію въ трехъ губерніяхъ. Государь поручалъ мнѣ дѣла лично, помимо генераль-губернатора, всегда милостиво разговаривалъ со мною. Послѣдній разъ, въ 1850 году, на вопросъ мой о здоровье, императоръ Николай Павловичъ изволилъ спросить:

— «А ты, старый драбантъ (я быль уже сѣдой), все еще служишь?»

— Устарѣлъ, ваше величество, хочу въ отставку.

— «Погоди, вмѣстѣ пойдемъ».

Отчего непріятна и грустна была служба въ Кіевѣ? быть можетъ, расскажу въ другой разъ.

Э. И. С...овъ.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Рукописный пятиязычный словарь въ Нижегородской семинарской библиотекѣ и его происхождение.

Въ систематическомъ каталогѣ Нижегородской фундаментальной семинарской библиотеки 1874 года подъ № 3.887 значится: «Словарь языковъ разныхъ народовъ, въ Нижегородской епархіи обитающихъ, имяно: россіянъ, татаръ, човашей, мордвы и черемисъ, по высочайшему созволенію и повелѣнію ея императорскаго величества премудрой государыни Екатерины Алексѣевны, императрицы и самодержицы всероссійской, по алфавиту россійскихъ словъ расположенной и Нижегородской семинаріи отъ знающихъ оные языки священниковъ и семинаристовъ, подъ присмотромъ преосвященнаго Дамаскіна епископа нижегородского и алаторскаго, сочиненной 1785 года, въ двухъ томахъ».

Не безынтересна для ученыхъ, археологовъ и филологовъ история происхождения этого доселе не изданного словаря.

Заботясь о просвѣщении инородцевъ, обитающихъ въ Россії, императрица Екатерина II пожелала имѣть у себя словари этихъ иноязычныхъ народовъ. Съ этой цѣлью она писала о своемъ желаніи тѣмъ епархиальнымъ архіереямъ, въ епархіяхъ которыхъ жили тѣ или другіе изъ иноязычныхъ народовъ, и, между другими, и тогдашнему преосвященному нижегородскому Дамаскіну Семенову-Рудневу. Вотъ раскринтъ императрицы къ епископу Дамаскіну о семъ:

«Преосвященный епископъ нижегородский Дамаскинъ! Считая, что въ Нижегородской семинаріи преподается ученіе языковъ разныхъ народовъ, въ епархіи вашей обитающихъ, я желаю: чтобы ваше преосвященство доставили мнѣ словарь тѣхъ языковъ съ россійскимъ переводомъ, расположи оной по алфавиту россійскихъ словъ, и, сверхъ писманъ оныхъ народовъ, написавъ по россійски каждое слово, какъ оное произносится. Пребывая въ прочемъ вамъ хорождательная Екатерина».

Въ Царскомъ Селѣ.
Августа 26-го 1784 года.

Получивъ такой рескрипть, преосвященный Дамаскинъ немедленно приступилъ къ выполнению монаршаго желанія.

Сначала позбраны были для этого ученики семинарій, а вскорѣ вызваны къ нему въ Нижній-Новгородъ и въкоторые изъ духовныхъ лицъ, знающихъ иночесменные языки. Вызывались преосвященнымъ также свѣдущіе изъ обратившихся въ христіанскую вѣру татаръ, мордвы, чувашъ и черемисъ. Всѣ они, подъ непосредственнымъ надзоромъ Дамаскина, трудились въ семинаріи и въ архіерейскомъ домѣ надъ составленіемъ пятиязычнаго Словаря. Деятельность преосвященнаго не осталась безъ плода: въ 7 мѣсяцевъ приготовленъ былъ словарь въ двухъ томахъ. Порядокъ словъ расположены въ немъ по алфавиту русскому; противъ каждого русскаго слова въ другихъ графахъ писались также по русски, только съ удареніями, слова татарскія и по татарски, мордовскія, чувашскія и черемисскія только по русски съ удареніями «за неимѣніемъ, какъ сказано въ заголовкѣ графъ, собственныхъ письманъ у тѣхъ народовъ». Къ составленному словарю въ предисловіи Дамаскинъ написалъ краткое историческое и статистическое свѣдѣніе объ этихъ народахъ. Весь словарь съ предувѣдомленіемъ отосланъ къ императрицѣ 15-го апрѣля 1785 года въ кошѣ, а подлинникъ его, въ двухъ томахъ, содержащий въ себѣ болѣе 1,000 листовъ, отданъ въ Нижегородскую семинарскую библіотеку «для храненія въ вѣчныи ро-ды, яко достопамятный монументъ премудрыхъ узаконеній императрицы».

Хотя вся эта история пятиязычного словаря описана архимандритомъ Макаріемъ (что нынѣ епископъ архангельскій), въ его «Исторіи Нижегородской іерархіи», въ біографическомъ очеркѣ преосвященнаго Дамаскина (стр. 171—172; Спб. 1857 г.), но тамъ вѣтчо измѣнено въ существѣ дѣла, а кое-что передано невѣрно. Такъ, напримѣръ, архимандритъ Макарій почему-то измѣнилъ самый текстъ высочайшаго рескрипта, опустивъ въ немъ слова: «.... съ рос-сийскимъ переводомъ, расположена оной по алфавиту российскихъ словъ, п сверхъ письманъ оныхъ народовъ....». Но смыслу рѣчи архимандрита Макарія выходитъ, что онъ опустилъ эти слова императрицы ради вящшаго восхваленія Дамаскина въ ущербъ мудрости императрицы Екатерины II, такъ какъ она въ панегирикѣ Дамаскину—по приведеніи рескрипта—далѣе говоритъ, что «еп-исконъ (Дамаскинъ) самъ выбралъ методъ для составленія словаря», — тогда какъ ничего подобнаго не бывало со стороны Дамаскина, а этотъ методъ, по которому и составленъ словарь, указала Дамаскину сама императрица въ выпущенныхъ архимандритомъ Макаріемъ словахъ рескрипта. Правда, архимандритъ Макарій, приводя рескрипты, говоритъ въ примѣчаніи, что «подлинный рескрипти хранится въ Нижегородской консисторіи», почему выходитъ, будто онъ этотъ рескрипты списалъ для біографіи Дамаскина съ подлинника, а не съ кошѣ, приложенной къ словарю, и это какъ бы оправдываетъ пропускъ въ рескрипты, учтенный архимандритомъ Макаріемъ, во кошѣ сѣмінарской библіотеки въ консисторію въ 1803 году), свѣрена канцеляристомъ Степаномъ Ильинскимъ и подтверждена въ вѣрности съ подлинникомъ 1803 года марта 24-го дня секретаремъ Соколовскимъ. Далѣе архимандритъ Макарій говоритъ: «.... въ другихъ графахъ писались также по русски, только съ уд-реніями, слова татарскія, какъ и мордовскія, и чувашскія, и черемисскія». Но на дѣлѣ было не такъ: слова татарскія писались и русскими буквами съ удареніями и тутъ же и татарскими письманами, мордовскія же, чувашскія и черемисскія только русскими буквами съ удареніями, потому, какъ на-

мѣчено въ заголовкахъ графъ этихъ языковъ, что «у народовъ сихъ языковъ нѣтъ собственныхъ письманъ». Наконецъ, архимандритъ Макарій говоритьъ, что къ императрицѣ былъ отосланъ подлинникъ этого словаря, а въ семинарскую библиотеку передать списокъ съ него, но это не вѣрно. Вотъ подлинное завѣщаніе преосвященнаго Дамаскина о судьбѣ этого словаря, написанное имъ собственnoю рукой на оборотѣ заглавного (перваго) листа экземпляра пятязычного словаря, хранящагося въ Нижегородской семинарской библиотекѣ: «Какъ сей словарь на разныхъ языкахъ народовъ, въ Нижегородской губерніи обитающихъ, сочиненъ по именному ея императорскаго величества повелѣнію, то и рескрыть ея величества, въ сей сагѣ къ преосвященному Дамаскину епископу Нижегородскому насланный, прилагается при семъ въ оригиналѣ за собственоручнымъ ея величества подписаніемъ: которой рескрыть, равно какъ словарь, весь въ двухъ томахъ состоящий, съ коего точная копія послана къ ея величеству 16-го апѣрѣ 1785 года, отсылается въ семинарскую библиотеку съ тѣмъ, чтобы съ прочими семинарскими книгами хранился въ вѣчные роды, яко достопамятный монументъ премудрыхъ уваженій ея императорскаго величества Екатерины Вторыи, императрицы и самодержицы всероссійскія. «Смиренный Дамаскинъ епископъ Нижегородской и Алаторской».

Ради ученаго интереса и возстановленія правды и истины я и рѣшился написать предложенную замѣтку.

Нижній-Новгородъ.

Аполлонъ Можаровскій.

К. В. ЧЕВКИНЪ

въ 1855—1862 гг.

Замѣтки въ статьѣ Н. Н. Селифонтова («Р. Старина», т. XXII, стр. 1—38).

Такъ какъ почтенный авторъ этого очерка, къ сожалѣнію, не служилъ въ вѣдомствѣ путей сообщенія во времена управления нынѣ Константина Владиміровича, то очеркъ его основанъ большою частію на письменныхъ дѣлахъ и документахъ центрального управления министерства.

При такомъ способѣ составленія очерка не мудрено, что въ немъ оказались нѣкоторые фактические недосмотры и недостатки, которые мы считаемъ нужнымъ пополнить. Во первыхъ, въ очеркѣ дѣятельности бывшаго главно-управляющаго графа Клейнмихеля не извѣстно зачѣмъ пошло сооруженіе обводного канала въ Москвѣ.

Обводный каналъ устроенъ еще при постройкѣ первого постояннаго моста въ Москвѣ, такъ называемаго «Каменного моста», въ XVI-мъ столѣтіи¹⁾, для отвода р. Москвы на время его сооруженія; до двадцатыхъ годовъ настоащаго столѣтія, онъ былъ въ видѣ рва около пизменной площади, на которой оставались хлѣбные обозы, называемыя болотомъ.

При проектированіи, на счетъ строительныхъ суммъ храма Христа Спаси-

¹⁾ Древній мостъ этотъ уже разрушенъ и замѣненъ новымъ.

тала въ Москвѣ, канала, соединяющаго р. Москву съ Волгой, обводный каналъ этотъ вошелъ въ систему проектируемаго канала, для чего онъ значительно углубленъ и обсыпанъ камнемъ, а вынутую изъ него землю возвышена болотная площадь.

Въ началѣ канала устроена чрезъ р. Москву разборчатая плотина для заполненія канала водою, а въ концѣ устроены шлюзы для выпуска судовъ въ р. Москву; все эти сооруженія окончены задолго до назначения графа Клейнмихеля главноуправляющимъ, но плотина была повреждена водою, а потому былъ поднятъ вопросъ о перестройкѣ ей по новой системѣ, и перестройка-то этой плотины, начатая прежде, окончена при вступлении въ управление графа Клейнмихеля. Точно также Днѣпровско-бугскій каналъ и расчистка днѣпровскихъ пороговъ начаты до графа П. А. Клейнмихеля, и нельзя даже сказать, чтобы они были при немъ окончены, а только прекращена на нихъ работа, такъ какъ поднятъ былъ вопросъ о производствѣ работъ на другихъ основаніяхъ.

Самую любопытную часть статьи составляютъ выдержки изъ воспоминаній одного лица, служившаго въ центральномъ управлении министерства, во время управления имъ Константина Владимировича; къ сожалѣнію, эти выдержки слишкомъ коротки.

Мы вполнѣ сочувствуемъ заключительнымъ словамъ характеристики Константина Владимировича: «чуждый пристрастіймъ, онъ не имѣлъ фаворитовъ и въ назначеніи на должности соблюдалъ строгую справедливость».

Чтобы соблюсти эту справедливость, онъ старался лично ознакомиться со всѣми своимъ подчиненнымъ; можно смѣло сказать, что, за исключеніемъ лицъ, служившихъ въ строительныхъ комиссіяхъ¹⁾, не было въ корпусѣ инженеровъ сообщеній инженера, котораго бы онъ не зналъ лично, и не зналъ, на что онъ способенъ. Для этого каждое незнакомое ему лицо, являвшееся въ Петербургъ, Константинъ Владимировичъ подвергалъ строгому допросу о его службѣ и его занятіяхъ, — при объѣздахъ округовъ онъ приглашалъ всегда по нѣсколько инженеровъ къ себѣ на обѣдъ и въ откровенной послѣобѣдной бесѣдѣ наводилъ рѣчь на технические вопросы, и при своей проницательности вѣро опредѣлялъ достоинство собесѣдника и потому ему легко было соблюдать справедливость въ наградахъ и назначеніяхъ.

При немъ истинное начальство не могло затереть лицо способное, и часто онъ удостоивалъ награды и назначалъ на должности вовсе не тѣль лицъ, которыхъ представляло ближайшее начальство, и когда одинъ начальникъ округа спрашивалъ канцелярію, почему дана награда тому, имѣ не удостоенному, то получать отвѣтъ, что главноуправляющему лично известна служба каждого инженера, и награды онъ раздавалъ по своему усмотрѣнію.

Въ очеркѣ Н. Н. Селифонтова, разсказанный эпизодъ о постройкѣ Кіево-брестскаго шоссе и высказано, что Константинъ Владимировичъ предлагалъ подвергнуть виновнаго отвѣтственности. Такимъ образомъ бросается непріятная тѣнь на лицо, заслуживающее полного уваженія; зная близко это дѣло, я могу сказать, что едвали Константинъ Владимировичъ могъ имѣть подобное желаніе.

Такъ какъ лицо, избавленное отъ отвѣтственности, уже сошло съ жизненнаго поприща, то смѣло можно назвать его именемъ: лицо, избавленное отъ отвѣт-

¹⁾ На которыхъ, какъ справедливо сказали авторъ, онъ мало обращалъ вниманія.
Н. П.

ственности по манифесту—инженеръ-генераль-лейтенантъ Четвериковъ 1-й. Одно это имя уже показываетъ, что тутъ не могло быть никакихъ злоупотреблений¹⁾. Добросовѣстный во всемъ, но крайне мѣшкотный, онъ не рѣшался представить о добавкѣ шаты Гладину (которому подрядъ былъ отданъ его предмѣстникомъ) безъ полнаго и фактическаго удостовѣрѣвія въ дѣйствительной невозможности выполнять подрядъ, для чего онъ, подъ своимъ наблюденіемъ, заготовлялъ камень и щебень, для разныхъ участковъ, съ строгою экономией, и только тогда представлялъ о добавкѣ Гладину денегъ, когда собственнымъ опытомъ убѣждался, что эта добавка есть дѣйствительная необходимость; на производство этихъ опытовъ онъ употреблялъ деньги, назначенный на другія предпріятія. Зная вполнѣ службу, честность и добросовѣстность Четверикова, Константина Владимировичъ прикрылъ самовольный поступокъ Четверикова высочайшимъ манифестомъ, но, конечно, этотъ манифестъ не спасъ бы отъ ответственности лицо менѣе честное, чѣмъ Четвериковъ.

Въ заключеніе мы можемъ сказать, что наши личныя сношенія съ Константиномъ Владимировичемъ оставили въ настъ только пріятныя воспоминанія, и мы всегда были въ радахъ его поклонниковъ. Мы лично присутствовали при докладѣ ему дѣла по нашему проекту и можемъ только подтвердить все сказанное объ этихъ докладахъ Н. Н. Селифонтовымъ, но не можемъ не добавить, что докладъ дѣлъ начальникомъ отдѣленія, а не директоромъ департамента, кроме личнаго знакомства съ прямими работниками, къ чему всегда стремился Константина Владимировичъ, показывалъ его большую административную способность, ибо это очень облегчало ему прямое знакомство съ дѣломъ, которое ему предложено рѣшать. Конечно, онъ дорожилъ способнымъ лицомъ на каждомъ мѣстѣ, но мы не вѣримъ, чтобы Константина Владимировичъ могъ сказать, какъ то разсказывается Н. Н. Селифонтовъ со словъ одного изъ сослуживцевъ Константина Владимировича, что «чиновника особыхъ порученій онъ можетъ брать съ улицы любого». Онъ не только не бралъ никого съ улицы, но не бралъ и чиновниковъ изъ другихъ вѣдомствъ, безъ короткаго знакомства съ дѣятельностью избираемаго.

Инженеръ Ник. Ив. Палибинъ.

Г. Тифлісъ.

Отъ Редакціи. Н. Н. Селифонтовъ, какъ не служившій въ вѣдомствѣ путей сообщенія ни при генералѣ Чевкинѣ, ни при графѣ Клейнмихеле, могъ руководиться при составленіи очерка лишь письменными документами и въ томъ числѣ сохранившимся въ библиотекѣ покойнаго члена государственного совѣта Николая Ивановича Вахтина копіею съ извѣстнаго отчета графа Клейнмихеля, озаглавленного: «Обзоръ главныхъ распоряженій и работъ по указаніямъ незавѣннаго и вѣтчайшей памяти достойнаго, въ Богѣ почившаго государя императора Николая Павловича, произведенныхъ по вѣдомству путей сообщенія и публичныхъ зданій, съ 1842 по 1856 годъ».

Въ обзорѣ этомъ, подъ рубрикою «Устройство городовъ», «Въ Москвѣ», «по рѣкѣ Москвѣ», читаемъ:

«Судоходство въ Москвѣ, направляющееся отъ Оки по низовой части

¹⁾ Некрологъ покойнаго помѣщенъ нами въ «Журналѣ министерства путей сообщенія».

Н. П.

р. Москвы, прекращалось близь Кремля у Каменного моста, построенного еще в XVII столѣтіи. Возвышенный флюдбеть его преграждалъ ходъ судовъ изъ одной части столицы въ другую.

«Для устраненія этого препятствія, сооруженъ Обводный каналъ, длиною 3½ версты, а для учрежденія непрерывнаго судоходства, при Бабынъ-городкѣ, гдѣ каналь отдѣляется отъ рѣки Москвы, русло рѣки запружено разборчатою плотиною, а въ концѣ канала сооруженъ Краснохолмскій шлюзъ.

«Составленъ проектъ на перестройку Каменного моста съ понижениемъ и уширениемъ его, и сдѣланы распоряженія къ производству самихъ работъ съ 1856 года.

«Выше Каменного моста, противъ храма Христа Спасителя, предположено соорудить черезъ р. Москву мостъ, отъ него открыть новую улицу до Обводнаго канала, и черезъ каналъ эту устроить мостъ для прямаго сообщенія Тверской и Пречистенской части съ Замоскворѣчьемъ. На все эти работы проекты составлены» и т. д.

Ред.

Замѣтка о стихотвореніи, приписываемомъ архіепископу Иннокентію.

Мы получили эту замѣтку по почтѣ отъ неизвѣстнаго лица, не подписаншаго своей фамилии:

«Стихотвореніе «Не унывай» принадлежитъ не архіепископу Иннокентію, какъ пишетъ составитель его биографіи («Русская Старина» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 547), а — Соколову; такъ собщилъ мнѣ архіепископъ липецкий Макарій. Въ эту ошибку Н. М. В—ва ввело собраніе сочиненій Иннокентія, изданное г. Вольфомъ, въ которое вошло это стихотвореніе; но въ этомъ собраніи есть и другія невѣрности. Стихотвореніе «Не унывай» находится у меня подъ рукою».

Z.

Замѣтка по поводу разсказа г. Вистенгофа: «Андрей Николаевич Карамзинъ».

Прочитавъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 193—216, статью подъ заглавиемъ: «Андрей Николаевичъ Карамзинъ», я, какъ несправедливо задѣтый авторомъ оной г. Вистенгофомъ, считаю своимъ долгомъ написать опроверженіе, не какъ оправданіе,—считая его совершенно палившимъ,—но чтобы открыть истину и уничтожить несправедливую клевету, заведенную авторомъ на славный Александрійскій гусарскій полкъ, въ которомъ я имѣлъ честь служить безвыходно сорокъ лѣтъ. Срокамъ моимъ прошу вѣсть, г. редакторъ, дать мѣсто въ уважаемомъ мною вашемъ журнале.

На стр. 193, авторъ заявляетъ, что большинство офицеровъ полка были польского происхождения и что полковникъ Карамзинъ, прибывши въ полкъ, былъ встрѣченъ командиромъ полка, флагель-адъютантомъ графомъ Агопеусомъ, не особенно привѣтливо. Въ дѣйствительности же въ полку въ то время было только восемь офицеровъ польского происхождения, что

можетъ всякий провѣрить взявъ списки полка того времени и что означаетъ, что офицеровъ польского происхожденія было далеко не большинство. Всѣ они были отличные офицеры, хорошие товарищи и даже между собой объяснялись на русскомъ языкѣ, избѣгая разговоровъ на польскомъ, и никогда не употребляли его предъ фронтомъ. Карамзинъ былъ принятъ въ полку радушно и вскорѣ со всѣми познакомился, очаровавъ всѣхъ своимъ умомъ и любезностью. Графъ Алопеусъ встрѣтилъ его какъ старого товарища, очень любезно, и все время былъ по прежнему къ нему въ хорошихъ, дружескихъ отношеніяхъ. Въ полку изстари было заведено принимать радушно прибывающихъ вновь достойныхъ товарищѣй, безъ задней мысли, что садятся на шею, тѣмъ болѣе этого не было относительно Карамзина.

На стр. 200, авторъ, какъ опытный наблюдатель, замѣтилъ на моемъ лицѣ неподѣльное самодовольствіе по случаю назначенія моего будто-бы командующимъ полкомъ. Командиръ полка графъ Алопеусъ рапорта о болѣзни не подавалъ и приказъ по полку о назначеніи меня командующимъ не отдавался, а потому если бы и дѣйствительно я былъ такъ мелоченъ, какъ полагаетъ авторъ, то причинъ радоваться не имѣть; полковникъ Карамзинъ тоже рапорта о болѣзни не подавалъ, а увѣдомилъ запискою бывшаго начальникомъ отряда штаба князя Васильчикова, что онъ, по случаю пароксизма лихорадки, съ дивизіономъ на аванпосты ехти не можетъ; но такъ какъ дивизіонъ выступилъ изъ лагеря 15-го мая, въ 9 часовъ утра, и Вистенгофъ, находясь въ 4-мъ эскадронѣ, тоже выступилъ, поэтому онъ не могъ слышать разговора Васильчикова съ Карамзиномъ, а тѣмъ болѣе самъ съ ними бесѣдоватъ, и все объясненное имъ на стр. 200—203 не болѣе какъ выдумка досужей фантазіи.

Разговоръ Вистенгофа съ подполковникомъ Сухотинымъ, стр. 206—208, лишьъ всякаго вѣроятія въ я не допускаю, чтобы это говорилъ Сухотинъ, знаяшій его какъ человѣка правдиваго и съ которыми я все время находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

1854 г., 16-го мая, въ 5 часовъ утра, эскадроны были готовы къ выступленію и, по немѣнію мѣста выстроиться въ колонну, стояли передъ коновязями, которыхъ были разбиты, по той же причинѣ, въ разныхъ мѣстахъ, какъ позволяла мѣстность; люди были уже на лошадяхъ и офицеры находились на своихъ мѣстахъ. Ровно въ 5 часовъ а сѣль верхомъ и подѣхали, прямо отъ своей палатки, не подѣзжая къ фронту, къ палаткѣ Карамзина и вмѣстѣ съ имъ уже подѣхали къ фланговому эскадрону,—стало быть, не имѣть ни времени, ни случая вести съ офицерами выдуманный авторомъ разговоръ. Карамзинъ тотчасъ пустилъ лошадь въ карьеръ, обскакавъ всѣ эскадроны здороваясь съ людьми, но никакой рѣчи не говорилъ, а, поручивъ мѣвъ вести отрядъ, самъ побѣжалъ къ начальнику дивизіи генераль-лейтенанту фонъ-Фишбаху съ докладомъ, а въ городѣ около моста встрѣтилъ отрядъ иѣхалъ впереди его; при выступлении отряда Сухотинъ еще спалъ.

Описанный авторомъ статьи ходъ боя подъ Каракуломъ лишьъ всякой справедливости и я сомнѣвалъся, чтобы нашелся кто либо изъ участниковъ въ бою, кто бы могъ передать автору все въ такомъ извращенномъ видѣ, а приписываю это желанію автора выставить въ неблагопріятномъ видѣ общество офицеровъ полка того времени, чтобы тѣмъ оправдать себя предъ лицомъ другихъ, какъ оставившаго полкъ не по собственному желанію.

Генераль-майоръ Дика.

Одесса. 1878 г.

Императрица Екатерина II.

О дозволені братьямъ Гернгутерамъ сеяться въ Россіи

1763—1764 г.

Всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, великой государынѣ императрицѣ и самодержицѣ всероссійской всеподданнѣйшій докладъ сунода. По высочайшему В. И. В—ва имяному, въ письменномъ сунодального члена Димитрія, митрополита новгородскаго, предложеній, объявленному повелѣнію, о выѣхавшихъ сюда изъ-за границы иноzemцахъ, Гернгутами именуемыхъ, что можно-ль допустить ихъ къ поселенію и жительству въ Россіи, сунодъ общее имѣль разсужденіе. А понеже сунодальные члены, упомянненной новгородскій митрополитъ Димитрій и Гавріїлъ архіепископъ санктпетербургскій, изъ тѣхъ Гернгутовъ съ двоими—однимъ архидіакономъ (Павель Лавріцъ) а другимъ ассесоромъ (Іванъ Лорецъ) называющимися, имѣли довольно разговоры, и письменныя о состояніи секты ихъ на ла-тинскомъ языкѣ извѣстія рассматривали, и изъ оныхъ примѣчано, что ученіе ихъ сходствуетъ съ лютеранскимъ, а паче съ реформатскимъ ученіемъ, съ малою токмо нѣкоторою отмѣною. А что касается до обрядовъ и честнаго христіанскаго обращенія, то уподобляютъ они себя первенствующимъ христіаниномъ, и называются общебратствомъ евангелическимъ. Того ради сунодъ всеподданнѣйше В. И. В—ву представляеть, что, по разсужденію сунода, означеннымъ иноzemцамъ, Гернгутами называющимися, выѣздъ на поселеніе къ жительству въ Россіи позволить можно, такъ какъ и прочія лютеранской и реформатской и прочихъ религій люди свободнымъ здѣсь жительствомъ безпрепятственно пользуются, точію притомъ крѣпкое учинить имъ должно подтвержденіе, чтобъ они, въ свою въ Россіи бытность, никакого изъ подданныхъ В. И. В—ва ни подъ какимъ видомъ, въ силу указовъ, своей секты учить и въ ону совращать отнюдь не могли. Болѣе же сунодъ предаетъ во особливое В. И. В—ва благоволеніе. В. И. В—ва всенижайшии раби и богомольцы: Смиренный Димитрій митрополитъ новгородскій. Смиренный Гавріїлъ архіепископъ санктпетербургскій. Лаврентій архимандритъ Троицкой Лавры. Кириллова монастыря Бѣлоезерскаго архимандритъ Сумебнь. Оберъ-секретарь Остолововъ.

Декабря 22-го дня
1763 года.

Собственноручная резолюция императрицы Екатерины II на семь докладов на полях: «По силѣ сего доклада Геригутамъ дозволеніе поселиться отъ насъ дано будетъ».

Примѣчаніе. При семъ докладѣ приложенъ отпускъ диплома Геригутскому братству на поселеніе въ Россіи 1764 года февраля 11-го дня, писанаго на латинскомъ языке и подписанаго вице-канцлеромъ княземъ Александромъ Голицынымъ, по повелѣнію императрицы. На латинскій языкъ перевложилъ этотъ дипломъ съ русскаго оригинала Григорій Тепловъ.

Въ 1764 году 6-го января архидакономъ Павломъ Лайрикомъ и ассесоромъ Иваномъ Лоредомъ поднесена была Екатеринѣ II книга о вѣрѣ Геригутеровъ, на французскомъ языке, подъ заглавіемъ: «Exposition de l'origine, de la doctrine, des constitutions, usages et cérémonies ecclésiastiques de l'Eglise de l'Unité des Frères Evangeliques». Эта книга хранится при дѣлѣ въ великолѣпномъ золотомъ переплетѣ.

Распоряженія по случаю недостатка хлѣба въ Смоленской губерніи

1766 г.

Всепресвѣтѣйшей, державнѣйшей, великой государынѣ императрицѣ и самодержицѣ всероссійской отъ сената всеподданѣйшій докладъ. Смоленская губернская канцелярія доношеніемъ въ сенатъ, отъ 28-го минувшаго февраля, представила о недостаткѣ въ тамошней губерніи у обывателей, а особенно у крестьянъ, въ хлѣбѣ, по причинѣ бывшаго въ прошломъ 1765 году неурожая, а притомъ доносить, что оною канцелярію опредѣлено: 1-е, изъ наличнаго въ Смоленскомъ магазинѣ хлѣба выдать отписной по корчевиному дѣлу у полковника Потемкина деревни Рябинки крестьянамъ, до новаго урожая замообразно, на первый случай, ржи 10, да ячменю 5 четвертей. 2-е, на основаніи указа 1723 года, чрезъ нарочнаго при канцеляріи секунд-маиора Порошина и опредѣленного отъ магистрата, у смоленскихъ мыщанъ хлѣбъ описать, и сколько явится, кроме подрядчиковъ и винныхъ поставщиковъ, прочимъ въ расходъ употреблять запретить. 3-е, въ Смоленской уѣзда отправить прямо изъ Смоленска, а въ города изъ тамошнихъ канцелярій нарочныхъ, чтобы разведали тотчась и секретно, у кого есть хлѣба достаточное число, и потомъ освидѣтельствовать объявили-бы, чтобы никуда въ расходъ безъ указу не употребили, а притомъ взяли-бы о числѣ душъ сказки. 4-е, на Порецкой и Бѣльской пристаняхъ хлѣбъ также описать, и до будущаго указу оной въ Ригу отправлять и никуда въ расходъ употреблять не велѣть. 5-е, по присыпкѣ-жъ всѣхъ оныхъ извѣстій

сколько изъявившагося хлѣба самимъ крестьянамъ оставить и поколику неимущимъ раздавать распоряженіе учинено будетъ. 6-е, если между тѣмъ окажется хлѣбъ на полки и команды или на вино и пиво подрядной, оной изъ описи выключить. 7-е, къ комисарамъ послать ордера, чтобы помѣщикамъ объявили, дабы они по такому неурожаю крестьянъ и людей своихъ въ случаѣ недостатка довольствовали не надѣясь на казну, иначе же сверхъ собственного своего убытка, когда онѣ разбредутся и за границу побѣгутъ, должны они подушные деньги за нихъ платить. И о семъ надлежащее исполненіе учинено. А въ сенатъ, для извѣстія, доносить, какихъ ради причинъ на то поступлено; и ритомъ же представляеть, что какъ изъ положенной 10,000 р. суммы употреблено для содержанія заграничнаго монастыря 2,376 рублей, да не употребленныхъ осталось 2,904 рубли 63 копѣйки съ четвертью, всего 5,280 рублей 63 копѣйки съ четвертью, то не соизволено-ль будетъ, на случай недостатка онъя, отпустить изъ коллегіи экономіи, а къ тому и еще сколько разсудится прибавить, дозволяя на тѣ деньги хлѣбъ въ дешевыхъ мѣстахъ купить и неимущимъ раздавать.

В. И. В.—въ сенатъ всеподданійше представляеть, что хотя въ доношениі Смоленской губернскай канцеляріи нимало не изъяснено, во сколькихъ мѣстахъ и коликое число людей недостатокъ въ хлѣбѣ претерпѣваєтъ, а одна небольшая деревенька, въ которой оная канцелярія, описывая болѣе другихъ настоящую въ пропитаніи крайнюю нужду, доносить, что жителямъ той деревни выдать велико замообразно ржи десять и ячменя только пять четвертей, примѣромъ въ всю губернію служить не можетъ, тѣмъ напише, что сія деревня изъ-за помѣщика, въ корчемствѣ приличившагося, вышедъ въ опись, конечно, и безъ того можетъ быть въ такомъ состояніи, что и при хорошемъ хлѣба урожаѣ прокормить себя едва-ль можетъ, следовательно и нельзя бы еще утверждать, чтобы въ той губерніи обыватели и крестьяне совершиенной недостатокъ въ пропитаніи имѣли, особенно когда въ то-же время получено отъ тамошняго губернатора увѣдомленіе, что, въ число годовой туда препорціи вина 26,000 ведръ, явилось тамошнихъ помѣщиковъ къ поставкѣ слишкомъ уже на 18,000 ведръ; но понеже, напротивъ того, сенатъ, усматривая, какъ изъ присланной изъ Смоленской губернскай канцеляріи вѣдомости весьма возвысившися въ самомъ Смоленскѣ, а паче въ уѣздахъ хлѣбная цѣны, такъ и по полученнымъ при томъ доношениі не единственно изъ описанной уже одной малой деревеньки, но изъ шести разныхъ селеній весьма того худаго хлѣба пробамъ, которой въ онѣхъ селеніяхъ нынѣ уже въ пищу употребляется, принужденъ не сомнѣ-

ваться, что въ тамошней губерніи, по иѣкоторымъ мѣстамъ, великой въ хлѣбѣ недостатокъ, то ко отвращенію онаго, другаго средства нѣтъ, какъ что буде у смоленскихъ мѣщанъ и у помѣщиковъ довольно излишняго хлѣба въ казну по настоящимъ цѣнамъ купить не сыщется, то необходимо изъ приготовленаго къ отпуску въ Ригу на Порецкой и Бѣльской пристаняхъ хлѣба, хотя по третей части у каждого промышленника за деньги по настоящимъ же цѣнамъ въ казну взять, и тѣмъ совершенно неимущихъ пропитанія крестьянъ и обывателей займообразно ссудить, ибо какъ изъ доношения-жъ Смоленской губернскай канцеляріи усмотрѣно, что хотя еще съ 1750 года заведенья тамъ для таковыхъ случаевъ магазейнъ, и великъ употребить на то до 10,000 рублей, почему и искуплено было хлѣба тысячи на семью, однакожъ оной будучи въ разныя времена неимущимъ разданъ, донынѣ, за ихъ бѣдностю, еще не возвращенъ, такъ что теперь въ томъ магазейнѣ наличного хлѣба не болѣе какъ 192 четверти ржи, 64 четверти овса и 144 четверти ячменю состоитъ, и потому сенать, поднося для всевысочайшаго В. И. В—ва усмотрѣнія одну пробу изъ присланнаго при доношениі Смоленской губернскай канцеляріи хлѣба, пріемлетъ сѣмѣость В. И. В—ву всеподданнѣйше представить: не соизволите ли В. И. В—во изъ матернаго къ подданнѣмъ своимъ милосердія всемилостивѣйше повелѣть, на покупку въ Смоленской магазейнѣ нужнаго къ пропитанію тамошнихъ жителей и крестьянъ хлѣба, отпустить изъ обращенныхъ на богоугодныя дѣла экономическихъ доходовъ до 15,000 рублей.

Всемилостивѣйшая государыня! сенатъ просить на оное В. И. В—а всевысочайшаго указа, дабы, получая оной, можно было, еще прежде открытія водяной коммуникаціи, смоленскому губернатору подать достаточныя наставленія къ отвращенію какъ недостатка въ пропитаніи народномъ, такъ и могущаго быть отъ тамошнихъ промышленниковъ неудовольствія въ случаѣ когда-бы по необходимости принуждено было изъ приготовленаго ими къ отпуску хлѣба удержать иѣкоторую часть на мѣстѣ. Князь Яковъ Шаховской. Петръ Панинъ. Адамъ Олсуфьевъ. Оберъ-секретарь Ермолаевъ.

Марта 14-го дня 1766 года.

Полученъ того же дня. Слушавъ марта 15-го дня 1766 году.

Повелѣніе Екатерины II: «Быть по сemu; а что касается до покупки хлѣба, то оной стараться въ землѣ искупить, а болѣе у извѣстныхъ богачей, а ежели у нихъ достаточно не сыщется, то въ такомъ случаѣ покупать на пристаняхъ».

Известный указъ императрицы Екатерины II о покупкѣ для
арміи суконъ съ россійскихъ фабрикъ

1766 г.

Ея императорское величество всевысочайше указать соизволила:
на армію англійскихъ суконъ не покупать, а подряжать всегда съ
россійскихъ фабрикъ и сіе содержать въ секрѣтѣ. Генералъ-квар-
тирмейстеръ князь Вяземскій.

Сентября 19-го 1766 года.

Слушанъ того же 19-го числа сентября.

О расходахъ на строенія — замѣтка Екатерины II.

1766 г.

На Царское Село	15,000
На Петергофъ	60,000
На Ораніенбаумъ	50,000
На Зимній дворецъ	120,000
На Дѣвичій монастырь	40,000
Берегъ	200,000
	485,000
	24,000
На строеніе Александро-Невского монастыря. . .	20,000
	529,000

Письмо Григорія Потемкина къ Екатеринѣ II

24-го мая 1769 г.

Всемилостивѣйшая государыня! Безпримѣрныя вашего величества
попеченія о пользѣ общѣй училили отечество наше для насъ любез-
нѣмъ. Долгъ подданнической обязанности требовалъ отъ каждого соот-
вѣтствованія намѣреніямъ вашимъ и съ сей стороны должностъ мой
исполнена точно такъ, какъ вашему величеству угодно. Я высочай-
шія вашего величества къ отечеству милости видѣть съ признаніемъ,
вникаль въ премудрыя ваши узаконенія и старался быть добрымъ граж-
даниномъ. Но высочайшая милость, которою я особенно взысканъ, на-
полняетъ меня отмѣннымъ къ персонѣ вашего величества усердіемъ.

Я обязанъ служить государынѣ и моей благодѣтельницѣ, и такъ, благодарность моя тогда только изъявится въ своей силѣ, когда мнѣ для славы вашего величества удастся кровь пролить; сей случай представился въ настоящей войнѣ и я не остался въ праздности.

Теперь позвольте, всемилостивѣйшая государыня, прибѣгнуть къ стопамъ В. В.—ва и просить высочайшаго повелѣнія быть въ дѣйствительной должности при корпусѣ князя Прозоровскаго, въ какомъ званіи В. В.—ву угодно будетъ, не включая меня навсегда въ воинной списокъ, но только пока война продлится.

Я, всемилостивѣйшая государыня, старался быть къ чему ни есть годнымъ въ службѣ вашей, склонность моя особливо къ конницѣ, которой и подробности я смѣло утверждать могу, что знаю, впрочемъ, что касается до военного искусства, больше всего затвердилъ сіе правило, что ревностная служба къ своему государю и пренебреженіе жизни бываютъ лучшими способами къ получению успѣховъ. Вотъ, всемилостивѣйшая государыня, чему научила меня тактика и тотъ генераль, при которомъ служить я прошу вашего высочайшаго повелѣнія. Вы изволите увидѣть, что усердіе мое къ службѣ вашей наградить недостатки моихъ способностей и вы не будете имѣть раскаянія въ выборѣ вашемъ. Всемилостивѣйшая государыня, вашего императорскаго величества всеподданѣйший рабъ Григорій Потемкинъ.

Въ квартирѣ кн. Прозоровскаго.

24-го мая 1769 году.

Повелѣніе Екатерины II о приготовленіи пасторовъ изъ русскихъ подданныхъ

1786 г.

На проектѣ Фитингофа обѣ учрежденії главной консисторіи лютеранскаго и реформатскаго исповѣданія, поднесенному императрицѣ Екатеринѣ II, въ докладѣ отъ сената въ юлѣ 1786 г., императрица собственноручно написала:

«Сей проектъ составленъ, по моему приказанію, д. т. совѣтн. Фитингофомъ и клонится къ тому, чтобы заводить въ Лиф-Эст-и Финляндіи также, а въ Россіи гдѣ есть, протестантскія церкви поповъ изъ россійскихъ подданныхъ тѣхъ законовъ, дабы избавиться бродягъ шведскихъ и иныхъ націй, кои развращаютъ тѣ народы и не возвращаютъ въ нихъ вѣрность и ревность къ Россіи, что нынѣ лѣтомъ въ Финляндіи довольно оказалось».

Графъ О. И. Толстой.

Мнѣ очень лестно, что рассказы о моемъ отцѣ, гр. О. Ив. Толстомъ, прозванномъ американцемъ, вошли въ литературной труда г-жи Новосильцевой, и, отдавая полную справедливость ея прекрасному таланту, я не могу однако не находить страннымъ, что авторъ не обратился ко мнѣ за болѣе вѣрными свѣдѣніями и согласиѣмъ моимъ на ихъ напечатаніе.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 588, г-жа Новосильцева говоритъ, что отецъ мой, въ англійскомъ клубѣ, заперъ двери и вынулъ пистолетъ, для побужденія къ расчету; не говоря о томъ, что эта трактирная сцена немногимъ не только въ англійскомъ клубѣ, въ который въ то времяѣздили не иначе какъ во фракахъ, но даже невозможна и въ любомъ шустерь-клубѣ, где есть старшины и нѣтъ запираемыхъ на ключъ комнатъ для игры; къ этому я должна прибавить, что гр. Толстой никогда не носилъ при себѣ пистолета. Охоты онъ не любилъ и въ нашемъ домѣ не было ни одной вещи, ее напоминающей.

Разсказы г-жи Новосильцевой, помѣщенные ею въ «Русской Старинѣ», томъ XXI, стр. 334, тоже не вѣрны.

Отецъ мой умеръ на моихъ рукахъ, въ присутствіи моей матери и любимиаго ми семейства, графини Прасковы Васильевны Толстой. Петра Александровича Нащокина при этомъ не было и никто изъ семейныхъ не находилъ нужнымъ извѣстить его о близкой кончинѣ графа. Причина же, объясняющая въ разсказѣ г-жи Новосильцевой его отсутствіе, не заслуживаетъ вѣроятія, такъ какъ непроѣздныхъ дорогъ, по шоссе, въ 80-ти верстномъ разстояніи отъ Москвы, 24-го октября, трудно себѣ представить.

Никакими кольцами Нащокинъ съ отцомъ моимъ не мѣнялся, но у графа было особаго фасону вѣчальное кольцо, по образцу котораго Петръ Александровичъ когда-то заказалъ такое же для себя.

Отецъ похороненъ безъ колца; никогда не дрался на дуали вмѣсто Нащокина, съ нимъ не сидѣлъ въ тюрьмѣ, одиннадцать разъ не былъ разжалованъ, а два раза, и не попадалъ къ Крузенштерну прямо съ дороги на баль.

Покорѣйше прошу редакцію журнала «Русской Старинѣ» напечатать мою замѣтку въ вашемъ журнале, а въ случаѣ печатанія новыхъ статей, кающихся моего отца, обращаться ко мнѣ.

Прасковья Федоровна Перфильева,
рожденная графиня Толстая.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ
ГУСТАВА III,
КОРОЛЯ ШВЕДСКАГО,

1788 года, июля 6-го дня.

Стихотворение В. П. Петрова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1788.

Это сатирическое произведение В. И. Петрова, по словамъ интр. Евгения («Словарь свѣтскихъ писателей», т. II, 118), было напечатано въ 1788 году только въ 50 экземплярахъ. Оно уже давно сдѣлалось величайшемъ библиографическою рѣдкостью, неизвѣстно ни одному изъ библиографовъ нашего времени. Только начало стихотворенія, до словъ: «клади всю Русь подъ саблю!», сохранилось въ корректурныхъ листахъ въ библиотекѣ М. П. Полуденского и было перепечатано А. Н. Асанасьевымъ въ «Библиографическихъ Запискахъ» 1859 года (№ 19, стр. 605—608), а въ 1867 г. отыскалась и полная копія съ рукописи въ собраніи А. О. Бычкова. Мы тогда напечатали ее отдельной брошюркою, но только въ количествѣ 100 экземпляровъ, изъ которыхъ въ продажу поступило не болѣе 25, такъ что и наше изданіе можно считать какъ бы рукописью. Оно не попадалось въ руки даже такимъ специальнымъ изслѣдователямъ отношений Екатерины II къ Густаву III, какъ Я. Гротъ и А. Брикнеръ, изъ которыхъ первый три раза печаталъ о Екатеринѣ II и Густавѣ III (въ «Старой и Новой Россіи», въ «Запискахъ Академіи» и отдельно), а второй, кроме обширного изслѣдованія о войнѣ съ Швеціей 1788—1790 г., посвятилъ особую статью комической оперѣ Екатерины: «Горе богатырь». Между тѣмъ оба изслѣдователя вовсе не упоминаютъ о сатирѣ В. Петрова, имѣющей близкое соотношеніе съ комедіей императрицы.

Напомнимъ вкратце читателямъ о Густавѣ III и его «приключеніи», послужившемъ основою стихотворенія.

Густавъ III, король шведскій, сынъ и преемникъ Фридриха-Адольфа, царствовалъ съ 1771 по 1792 годъ. Онъ былъ человѣкъ образованый, умный, отважный и рѣшительный, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне тщеславный и расточительный, и иными несчастную слабость выказываться полководцемъ и доблестнымъ рыцаремъ давно минувшихъ временъ, въ честь доходилъ нерѣдко до донъихотства. Почти во все время своего царствова-

нія онъ пользовался любовью народа и ненавистью аристократіи, у которой при самомъ вступлениі на престолъ отнялъ власть, находившуюся въ ся рукахъ со смерти Карла XII. Съ Россіей Густавъ III сначала былъ въ дружескихъ отношеніяхъ и дважды пріѣзжалъ на свиданіе съ императрицей Екатериной II, одинъ разъ въ Петербургъ (въ 1777 г.) и другой разъ въ Фридрихсгамъ (въ 1783 г.). Императрица при этомъ хорошо узнала его слабыя стороны и въ послѣдствіи превосходно умѣла пользоваться ими для своихъ политическихъ цѣлей. Получивъ отъ нея 200 т. рублей, въ видѣ вознагражденія издергекъ за поѣзду въ Фридрихсгамъ, Густавъ III отправился путешествовать по Европѣ и этимъ путешествіемъ, сопряженнымъ съ разными выходками и крайнею расточительностью, много потерялъ въ мнѣніи своего народа, а Россія доставилъ случай на свободѣ управиться съ его союзниками — турками. Въ 1786 г. Англія и Пруссія начали подстрекать его къ войнѣ съ Россіею, чтобы, пользуясь войной ея съ турками, онъ возвратилъ всѣ прежнія утраты земель шведскаго королевства. Густавъ III легко поддался искушенію и предлогъ къ войнѣ нашелъ въ незначительной схваткѣ шведскаго отряда съ русскимъ при ссорѣ за мостъ на пограничной рѣчкѣ Кюмепи. Утверждаютъ даже, что онъ вѣдьмъ переридѣть часть шведовъ въ русскіе мундиры и напасть имъ на другихъ шведовъ.

Эта неожиданная Россійская война началась лѣтомъ 1788 г., при самыхъ неблагопріятныхъ для нея обстоятельствахъ, потому что всѣ военные силы были на югѣ и даже Петербургъ былъ безъ защиты. Тѣмъ не менѣе, императрица отвергла непомѣрныя условія Густава III для мира и вскорѣ были собраны всѣ средства къ оборонѣ. Самъ великий князь Павелъ Петровичъ отправился въ походъ, но однако вскорѣ былъ отозванъ императрицей. Сухопутнымъ войскомъ въ Финляндіи начальствовалъ король Густавъ, а флотомъ его братъ герцогъ Карлъ Зюдерманландскій. Послѣдній однако пропустилъ удобное время для нападенія и даль срокъ собраться всему русскому флоту, такъ что въ морскомъ сраженіи при о. Гохландѣ, 6-го іюля 1788 г., шведы были разбиты и принуждены уйти къ Свеаборгу. На сухомъ пути самъ Густавъ предпринялъ осаду Фридрихсгама, но представители аристократической партіи въ войскахъ успѣли въ это время составить заговоръ, извѣстный подъ именемъ Аньядльского союза. Въ началѣ августа военные начальники объявили королю, что они не могутъ принимать участія въ наступательной войнѣ, начатой безъ согласія государственныхъ чиновъ, а солдаты отказались идти на штурмъ, не смотря на всѣ убийственія короля. Онъ не могъ ничего сдѣлать, а между тѣмъ было получено извѣстіе о вторженіи датчанъ въ Швецію, и Густавъ III послѣдний въ Стокгольмъ, куда и прибылъ въ сентябрѣ. Аньядльский союзъ (такъ названный отъ Аньядльской мызы, где собирались заговорщики) вступилъ между тѣмъ въ переговоры съ русскими и заключилъ перемирие.

До этого момента войны В. Петровъ довольно подробно передаетъ всѣ обстоятельства похода въ пророчествѣ Барла XII Густаву III, изъ чего и можно заключить, что стихотвореніе написано въ послѣдней четверти 1788 года. Сама императрица также не оставила безъ насыпки неудачную попытку Густава III, и написала по этому поводу комическую оперу: «Горе-богатырь».

Добавимъ еще, что Густавъ III, при помощи угрозъ Англіи, съумѣлъ удачно раздѣлаться съ датчанами и этимъ возвратилъ себѣ часть потеряннаго уваженія и любви городскаго и сельскаго населенія; а опираясь на него и на духовенство, онъ еще разъ успѣмъ сломить, на сеймѣ 1789 г., враждебную себѣ аристократію и еще болѣе расширилъ королевскую власть и поднялъ значеніе средняго сословія, предоставивъ ему доступъ ко всѣмъ государственнымъ должностямъ, прежде исключительно принадлежавшимъ аристократамъ. Войну съ Россіей онъ продолжалъ, съ неравнымъ успѣхомъ, до половины августа 1790 г.; шведскій флотъ неоднократно терпѣлъ пораженія отъ русскаго, но и русскій флотъ былъ разбитъ въ іюнѣ 1790 года. Густавъ III однако не извлекъ выгоды изъ этой победы: онъ уже задумалъ въ это время воевать съ Франціей за освобожденіе Людовика XVI. Миръ съ Россіей былъ заключенъ 14-го августа и все было оставлено по прежнему, какъ и до начала войны.

Послѣ этого Густавъ началъ дѣятельно готовиться къ войнѣ съ Франціей, въ союзѣ съ Россіей и нѣмецкими государями, для чего и предпринималъ поѣздку въ Германію. Но, по возвращеніи его оттуда, аристократическая партія, опасаясь новыхъ стѣсненій, рѣшилась прибѣгнуть къ убийству. Въ ночь на 17-е марта 1792 г., во время маскарада, Густавъ былъ раненъ выстрѣломъ изъ пистолета отставнымъ гвардейскимъ маюромъ Анхарстремомъ и умеръ черезъ 12 дней.

II. А. Ефремовъ.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ
ГУСТАВА III,
КОРОЛЯ ШВЕДСКАГО.

1788 г. июля 6-го дня.

Густавъ,
 Въ покой жить уставъ,
 Войной на Русь воздвигся;
 По Карлову острягса
 Въ страхъ русскихъ городовъ и сель,
 И чтобы избыть въ здоровъ траты,
 Одѣлся въ латы,
 Какъ въ кожу льва осель:
 Богатырина страшной,
 Коль рокъ послужить вертомрашной!
 Обстави пушками Нейштотъ,
 Онъ вывелъ въ море сильный флотъ.
 Была велика сшибка!
 И въ томъ Густавова немалая ошибка,
 Что флотъ пустилъ безъ латъ.
 Желая драться споро,
 Онъ скоро
 Потребовалъ заплатъ;
 Въ немъ часты сдѣлялись прорѣхи.
 Летали ядра какъ орѣхи,
 Картеччи какъ горохъ;
 Нѣть времени промолвить: охъ!
 Затѣръ Густавъ густую брагу,
 Такъ надобно имѣть распить ее отвагу.

Понть тихъ,
 Рокъ лихъ,
 Стрыльба не умолкаеть;
 Суда недвижны смерть толкаеть
 Со всѣхъ сторонъ,
 Безъ милосердья ихъ рѣшетить,
 И въ шведовъ безъ ошибки мѣтить;
 Великъ урон!
 Лишась отваги,
 Неволей преклоняютъ флаги.
 Густавъ велить налечь
 И не жауѣть картечъ;
 Усталымъ снова жаръ вдыхаетъ,
 И силой въ бой увѣчныхъ пхаетъ.
 Но тщетны всѣ труды:
 Густаву въ дракѣ вось разбили до руды.
 Кровавыхъ каплей видя росу
 И трату кораблей,
 Въ несчастну ночь
 Дырявый флотъ онъ тянетъ прочь,
 Для поправленія мачтъ, палубъ и рулей,
 И для починки носу.
 Лишь выступилъ на брегъ,
 Искать уединиться,
 И вздумалъ въ ближнюю долину уклониться,
 Оставя всѣхъ.
 Тамъ сталь какъ вкопаной и голову повѣсли,
 Воображая, чтѣ сегодня начудесилъ.
 Тогда надъ нимъ полна
 Свѣтила блѣдная луна,
 Нигдѣ вокругъ не слышно было шуму;
 Тѣмъ больше онъ погрузнулъ въ думу:
 Не разъ свои полки въ умѣ пересчиталъ,
 И средства разныя, томясь, изобрѣталъ,
 Съ котораго зайти бы боку,
 Чтобы рану дать Руси глубоку.
 Среди задумчивости таковой,
 Тѣнь Карлова къ нему подходитъ,
 И обоймя его, какъ чеховѣкъ живой,
 Съ нимъ рѣчь сю заводить:
 «Какой на морѣ звукъ
 Надѣлаль ты, мой внукъ?
 Ажадъ я въ гробѣ пробудился.
 За что на Русь ты такъ жестоко разсердился?
 Я съ ней поставилъ вѣчной миръ;
 Что значить сей кровавой пиръ?»

«Одѣвши сѧ въ латы»,
 Густавъ ему въ отвѣтъ,
 «Я тщуся возвратить утраты,
 Что мой надѣлалъ дѣдъ».

КАРЛЪ.

О! это, другъ мой, поздно,
 Минувше ты забудь;
 Коль было таково сужденье неба грозно,
 Покоренъ року будь;
 Ты прѣшь противъ рожна напрасно;
 Кто вредной далъ тебѣ советъ?
 Съ соперникомъ своимъ согласно
 Твой дѣдъ на свѣтѣ томъ живеть;
 Ему на здѣшнемъ подражай;
 Съ Россіей дружно ты живи,
 И, никого не обижай,
 Отцомъ народа прослыши.

ГУСТАВЪ.

Однако, дѣдъ, вѣдь то не худо,
 Чтобъ былъ уменъ Россъ?

КАРЛЪ.

Но произвѣсть такое чудо
 Мой внукъ, мнѣ мнится, не дорось.

ГУСТАВЪ.

Какъ! вѣтъ такого силь достатку
 Во сродникѣ твоемъ,
 Чтобъ горду Русь нагнуть къ упадку?
 Я лышуся успѣть со славой въ семъ,
 Лышуся русскихъ разметать какъ чурокъ;
 Тѣмъ занять весь, на то иду;
 Мѣшками золота отъ турокъ
 На ихъ подкупленъ я бѣду:
 Ты зваешь ли—можь ихъ идеть ужасна ломка,
 И туркамъ плохъ въ сраженьяхъ прокъ;
 Такъ твоего они потомка
 Просили облегчить ихъ рокъ.

И я, вообразя о нихъ къ тебѣ заслугѣ,
Беру ихъ къ сердцу честь,
И въ брань вступаю надосугѣ;
Палю, за тѣмъ что порохъ есть.

КАРЛЪ.

Такъ ты воюашь, внукъ, за взятки
И ставиши подданныхъ подъ пушки на подрядъ!
Коль слабъ твой умъ и мысли шатки!
Ну, что, когда грѣкомъ съ тобой такой же ядъ
Послѣдуетъ, какой съ султаномъ?
Досегѣ, внукъ мой, жилъ ты паномъ;
Теперь, военному вдаваяся труду,
Самъ кличешь на себя бѣду.

ГУСТАВЪ.

Такъ развѣ опускать мнѣ пользы очевидны
И лучшихъ слушаевъ къ наживѣ тщетно ждать?
Твои мнѣ рѣчи, дѣдъ, обидны;
Ты долженъ по себѣ о внукѣ рассуждать.
Открыться на-примѣки: и ту-жъ ко славѣ жажду
Пытаю, какъ и ты.
Я мучился минуту кажду,
Мнѣ мало трона суеты,
Мнѣ сфера надобна пошире,
Повыше почестей амвонъ,
Чтобы видѣнъ былъ я въ цѣломъ мірѣ,
И всѣ бѣ, уставя перстъ, кричали: воинъ онъ! воинъ!
Бѣкъ я къ тебѣ приближенъ,
Великій дѣдъ, родствомъ—
Хочу быть близокъ удальствомъ;
За тѣмъ-то я, взгляни, по твоему острожену!

Сколь ни былъ Карлъ угрюмъ,
Неволей усмѣхнулся,
Подумавши—никакъ ума Густавъ рехнулся.
Но чтобъ возобновить въ немъ прежнюю здравость думъ,
За сумасшествіе его не обличаеть,
Но кротко отвѣчаетъ:

«Я вижу, ты себя по-дѣдовски острягъ,
Да волосовъ въ царѣ важна ли, виучекъ, стрижка?
Когда чрезъ то добротъ въ душѣ твоей нѣтъ лишка,
Все въ мѣру твоего ты дѣда не достигъ.»

* *

«Какъ! я не дѣдъ?» Густавъ тутъ крикнулъ велегласно;
 «Я дѣдомъ быть искалъ всечасно,
 Да пытъ и сдѣлался, всю мочь употребя:
 Всмотрись въ Густава ты, увидишь въ немъ себя!»
 То молви, какъ солдатъ предъ тѣмъ выступаетъ,
 Бросаетъ ноги вверхъ, бѣть крѣпко въ земь пятой.
 Движеній разнотой
 Почтеніе себѣ у дѣда покупаетъ.
 Вдругъ, мечь изъявъ, кричать: «во фрутъ! ступай! рази!
 Клади всю Русь подъ саблю!
 Не значитъ ли сіе течь въ дѣдовски стези;
 Я Карлъ и Карлова въ жизнь духа не оставлю!
 О, жаръ какой въ груди моей скопленъ!
 Мнеъ нужно было расходиться,
 А то пойдеть бѣда плодиться
 И русскихъ неизбѣжень пѣнъ».

* *

Качая головой, тутъ Карлъ ему вѣщаєтъ:
 «Твой жаръ и похвальба,
 Страхъ, ужасъ и пальба
 Мнѣ, милой внукъ, отнюдь добра не обѣщаетъ.
 Одумайся, смирись,
 Моимъ прантромъ умудрись.
 Ты лучше бы прегрѣшности исправилъ,
 Когда бы мирно правилъ.
 Теперь шума, бурля, взнимая гордо бровь,
 Боясь, надѣлаешь ты трать ужасныхъ вновь;
 Отвага безъ ума — больша въ войнахъ помѣха,
 И гнѣвъ безъ силъ достопинъ смѣха.
 Ты въ сердцѣ разбуди къ отечеству любовь
 И некрещеному престань дружить неизжѣдѣ:
 Арабска золота дороже шведска кровь.
 Не вѣра прельщающей надеждѣ:
 Обрушиться тотъ можетъ въ мигъ,
 Кто спѣлъ не мѣряетъ своихъ.
 Межъ нами молвить, виувѣтъ, хотя и мнѣшился ты,
 Среди подъятой суеты,

Быть страшенъ
На здѣшнемъ берегу;
Но льзя ли утешить, что носъ тебѣ расквашенъ
На первый въ бой шагу,
Что шведскій флотъ разбить, растраченъ, измочаленъ,
Что чернь и весь сенатъ тѣмъ сильно опечаленъ,
И въ гробѣ принужденъ и я вздыхать: охъ, охъ!
Вотъ твой зачинъ! сколь выѣздъ въ море плохъ!»

* * *

«Великий предокъ!»
Густавъ прервалъ съ сердцемъ;
«Между героями ты сколь храбростью ни рѣдокъ,
Дозволь себѣ сказать правдивы пять-шесть словъ:
Ты весь перемѣнился нравомъ,
Мнѣ кажется, на томъ ты свѣтѣ погрупѣлъ;
Живи межъ смертными и бывъ въ разсудкѣ здравомъ,
Ты тѣ ли пѣлъ?
Любилъ подъ лаврами корону,
Ни людамъ не давалъ, ни пушкамъ угомону,
Ходилъ съ ружьемъ вблизи, вдали,
Всегда кричалъ: пали! пали!
Теперь меня склоняешь къ миру,
Чтобъ я бездушному подобенъ былъ кумиру,
Сидѣлъ
Безъ дѣлъ,
Поджавши руки,
И умираль со скучи.
Нѣть,
Милый дѣдъ!
И я хочу искать побѣдъ!
Коль тысячи людей моихъ послушны волѣ,
За чѣмъ на ратное и мнѣ не выйти поле,
За чѣмъ не посадить съ разбѣгу на рога
Стариннаго врага?
Что жарко встрѣченъ я, въ томъ нѣть большой потери,
Отворены и мнѣ впередъ къ побѣдамъ двери;
Премѣнно счастье на войнѣ —
Сегодня имѣ, а завтра мнѣ.
А ты журнишь меня,
Какъ глупаго молокососа;
Напоминаешь мнѣ расквашеніе носа,.
Некстати надо мнѣ труни.
Ты счастья на войнѣ превратность самъ извѣдалъ!
Я чаю — если ты не все забвенью предалъ,

Что съяграно съ тобой
Насмѣшицей судьбой —
Ты помнишь тотъ разгромъ, ту суху подъ Полтавой,
Когда на вѣкъ разставши съ славой,
Изъ боевой стѣны
Ты первый на-утекъ всѣмъ махомъ побѣжалъ
И чутъ штаны
На мѣстѣ, гдѣ сидѣть имъ должно, удержаля.
И послѣ, будучи и слабъ и хромъ отъ раны,
Не преставалъ ты бить тревогу въ барабаны,
Пока тебя ядро, ударивши въ високъ,
Повергло мертвага на песокъ. ¹⁾

* * *

Тутъ Карлъ, чело нахмури
И двигалась какъ буря,
Весь гѣвомъ запыталъ,
И изъ-подъ рукъ пыхъ за пыхомъ посыпалъ;
Три раза кулакомъ на внука замахнулся;
Три раза отъ него внукъ съ нуждой увернулся;
Впослѣдокъ, разъярясь, онъ возопилъ: «Щенокъ!
Тебѣ ли получать побѣдами вѣнокъ?
Шишимора, не воинъ!
Не лавра—смѣха ты, иль больше, слезъ достомни!
Для безопасности отъ пуль
Запрятавши съ тѣмъ въ латы,
Какъ въ крѣпостныхъ палаты,
Заранье всѣмъ даль знать, что ты въ герояхъ нуль.
О, черепъ на хребтѣ носящая улитка!
Смѣшина твоя на брань попытка;
• Смѣшонъ порывъ
России сопротивъ!
Ты, злостью на нее пылая,
Не смѣль съ ней явно руку смѣсить;
Но какъ лукавый песь, не лая,
Хотѣль, подкравшись, укусить,
Пятой ее ударить въ зубы.
Оплакивай теперь свои поступки грубы,
Сумбуръ взысканий и угрозъ,
И, плача, утирай кровоточивый носъ.

¹⁾ Карлъ подъ Полтавой не убитъ; наканунѣ сраженія раненъ опасно въ ногу; въ сраженіяхъ начальника его пушечной картечью разбита, а онъ цѣлъ остался и бѣжалъ, какъ всѣмъ известно, въ Бендери. (Примѣч. *ss* рукописи).

Измѣнникъ отчества, свободы общей хищникъ,
 Что подданныхъ кровами торгуешь какъ барышникъ,
 На кучу ты даровъ Абдуловыхъ взгляни
 И кучу съ оною тѣхъ мертвыхъ тѣлъ сравни,
 Безвѣно конькъ ты подвель подъ руски пушки.
 Иль жизни ихъ, злодѣй, не стоять ни полушки?
 Кто выучилъ тебя такъ мыслить, басурманъ,
 Что, если королю угодно,
 Премногихъ съ гратой душъ онъ можетъ благородно
 Свой алатомъ набивать карманъ?
 Ты, конча, въ-тай пріяла магометанску вѣру,
 Что преданъ туркамъ такъ надмѣру.
 Надѣнь, надѣнь чалиу,
 Поклонникъ Магометовъ,
 И свѣту покажи всему,
 Что первый ты для изды обрѣался изъ шведовъ.
 Между даровъ тебя въ честь присланъ алкоранъ,
 Абдуль и ты—душы не слышите другъ въ другѣ:
 Великомочный онъ на югѣ,
 Ты въ Нордѣ маленькой тиранъ;
 Софи сultanskia подпора,
 Для боли сердца моего,
 Въ бѣду отечества всего
 И христіанству для позора.
 Но, о второй визирь! Магнедовъ богатырь!
 Когда ты такъ упоренъ
 И здравымъ мысляишь непокоренъ,
 Рѣшился Швецию преобразить въ пустырь,
 Такъ слушай же тебѣ грозилия впередъ бѣства.
 Миѣ всѣ войны открыты сѣдѣства;
 Изъ усть моихъ теперь
 Внимай число твоихъ потерь:
 Ты иного тысячи пудъ утративъ солонины,
 Солдатамъ хлѣбъ твоимъ представишь изъ мякины.
 Они, его ёда не властъ,
 Колькрайно будетъ онъ въ ихъ горгѣ становиться—
 Тебя за силь столомъ согласно будуть клясть,
 Желая тѣмъ тебѣ всѣхъ прежде подавиться.
 Ты будешь казанье въ церквахъ читать, какъ попъ,
 И ленты раздавать съ амвона,
 Чтобъ твоего въ защиту трона
 Охотнѣй тотъ, кто глупъ, на смерть свой ставилъ любъ.
 Вельможи, видя то, въ-тай сердца будутъ плакать,
 А черни, розиня рты,
 Дивиться, смѣючись, что ты
 Снаходиши безъ чиновъ такъ въ публикѣ калкать.—
 Чтобы во твой предѣль не допустить врага,

Ты каменны мосты, смыкающи брега,
 Велинь ломать отъ страху,
 И то испортить съ-маху,
 Что прежде бранныхъ бѣдъ
 Стояло много гѣть.
 Который чортъ и чтò тебѣ дагъ за охоту
 Губить безъ жалости рукъ собственныхъ работу?
 Въ сильнейшемъ твоего неистовства жару,
 Въ самомъ на бой яру,
 Оружники твои, къ отечству равнодушны,
 Окажутся тебѣ презрительно-ослушны.
 Ты скажешь имъ: во фрутъ! о други, полетимъ!
 Они тебѣ: — король! мы дратъся не хотимъ!
 Вложи въ ножны свой клинокъ,
 Иль, ежели ты смѣй,
 Такъ выдѣй противъ Руси одинъ на поединокъ.
 Намъ ребри надобны и свѣтъ не надобъ!—
 А какъ тебя туть забѣсить,
 Ты радъ бы всѣхъ ихъ сѣсть,
 Но страхъ въ душѣ твоей всю лютость перевѣсить:
 Ты долженъ нѣкото досаду горьку снасть.
 Вскричиши, съ ума сойдя:
 Казните дерекихъ строго!
 Но смѣкнешь, разсудя,
 Что ты—одинъ, ихъ много.
 Не найдешь палача,
 Самъ развѣ ихъ накажешь:
 Кого нибудь по шеѣ смажешь
 Рукой державной съ-горача,
 И тѣмъ явишь въ себѣ кулачника исправна.
 Комедія забавна:
 Царь будеть гнѣваться, браниться, топогать,
 А подданныи надъ нимъ внутрь сердца хохотать!—
 Отъ одного державы края
 Походъ къ другому простирая,
 Чрезъ горы, долы, рѣкъ струи,
 Чрезъ лѣсь, потоки и ручьи,
 То на конѣ, то пѣши,
 Шататься будешь ты, какъ лѣпій,
 Туда
 Сюда,
 Голодныхъ воиновъ таскал,
 И ихъ до подлости ласкал —
 Съ тобою вмѣстѣ жить, съ тобою умереть;
 А самъ назадъ всякъ часть смотрѣть
 Всѣль идуть за тобою слѣдомъ:
 Чтобъ вмѣсто предлагаема врага,

Склоненъемъ въ сторону шага,
 Не погвзались куда нѣжки за обѣдомъ.
 Рушенье видя стѣнъ,
 Людей твоихъ постыдный избѣгъ,
 Какъ ницій будешь ты просить о перемирии,
 Чтобъ датчане тебя не трогали, какъ чиряи:
 Ты съ ними не дрался,
 Ты съ этой стороны къ войнѣ не собрался.
 Тутъ сдѣлаешься ты вдругъ кротокъ какъ овечка,
 И снявъ чалму или шеломъ,
 Постыдно будешь бѣть предъ странными членомъ:
 Замолвить за тебя и противныи полсловечка;
 Съ турецкими золотомъ развязашь кошельки,
 Самъ будешь ужъ дарять всей члвостью руки;
 Войны ни перервать и продолжать не смѣя,
 И что вачать недоумыи,
 Замутишься тоской, свой видя близкій матъ,
 Абдулу, и дарамъ, и житіоту нерадъ.
 Въ послѣдокъ довершилъ несчастье
 И съ ногъ до головы чтобъ въ студъ тебя облечь—
 Судьба изъ руки твоихъ исторгнетъ самовластіе,
 Служившее тебѣ, какъ бѣшеному мечъ.
 Въ погибели людей и флота
 Потребуютъ съ тебя отчета;
 Ты станешь совсѣмъ на судъ
 И будешь обличенъ, какъ скверный ты сосудъ,
 Буянъ отъ хмѣля непокойный,
 Монарша сана недостойный.
 Представь, чтобъ будешь ты тогда,
 Когда
 Златая вольность вновь возникнетъ,
 И весь народъ урадъ ей въ радости восхлиknетъ,
 Кляня тиранскихъ вслухъ насиліе когтей;
 Когда мечтамъ твоимъ поставятся предѣлы,
 И перевязы бѣлы
 У всѣхъ спадугъ съ локтей.
 И такъ ты быль величъ неслыханомъ—
 Военныхъ послѣ бѣдъ
 Презрѣнныи будешь ты въ Европѣ королинкомъ,
 Иль какъ ненадобный для царства кормоѣдъ.
 Нельзя уже тогда задратъ тебѣ сосѣдей,
 А развѣ на волковъ возстанешь и медвѣдей,
 Или на кабановъ, средь блатныхъ камышей,
 И крысъ дворцовыхъ и мышей.
 Не нужно тутъ ужъ войскъ, ни ядръ, ни пуль свинцовыхъ—
 Наступливай, драчунъ!
 Одною головою,

Съ предлиной булавою,
 Какъ Геркулесъ имъ дашь ты скоро карачунъ;
 Всѣ твари мечъ твой, трисучись, почуютъ!
 Тогда то ужъ, мой другъ,
 Большой тебѣ досугъ —
 Пріобрѣтать вѣнки, трофеи, пирамиды.
 Послушай-же, Густавъ, какъ можно не робъй,
 Всѣхъ гадинъ перебей;
 Безъ панциря и пушекъ
 Дави лягунекъ
 И что ни попадеть все, выshedъ изъ земли;
 Корыстами твои обвѣшай вереи;
 Чтобъ лапы ихъ, хвости и мѣръ различныхъ морды
 Казали издамъ твои побѣды горды.
 Вотъ храбрости твоей сколь много будетъ пробы!»
 Рѣчь кончилъ Карлъ и скрылся въ гробѣ.

КНЯЗЬЯ ДОЛГОРУКОВЫ

въ 1730—1740 гг.

ЗАМѢТКА.

Читатели «Русской Старины» получили при ея книгахъ 1878 года, между другими портретами, изображенія двухъ страдальцевъ изъ фамиліи князей Долгоруковыхъ: это князь Василій Лукичъ и князь Иванъ Алексѣевичъ. Портреты рѣдкіе, никогда до сихъ поръ не изданные и воспроизведенны для нашего изданія искуснымъ рѣзцомъ академика Сѣрякова съ не-вышедшихъ, въ свое время, въ свѣтъ гравюръ изъ собранія Платона Беке-това, нынѣ принадлежащихъ П. А. Ефремову.

До сихъ поръ намъ довелось видѣть живописный портретъ только одного изъ этихъ Долгоруковыхъ—именно князя Ивана Алексѣевича—на выставкѣ портретовъ русско-историческихъ лицъ въ 1870 г. въ Петербургѣ.

Страданія той группы представителей этой фамиліи, къ которой принадлежать князь Василій Лукичъ и Иванъ Алексѣевичъ, страданія и казни, понесенные ими въ царствование Анны Іоанновны, были предметомъ нѣсколь-кихъ статей и биографическихъ замѣтокъ, составленныхъ сначала по актамъ, обнародованнымъ въ ту же эпоху официально, и по извѣстіямъ иностранцевъ-современниковъ, затѣмъ по симъ же посѣдникамъ и по документамъ фамиль-ныхъ архивовъ (таковы материалы о нихъ въ соч. кн. П. В. Долгорукова); наконецъ, въ послѣднія 15 лѣтъ, и по несомнѣннымъ свидѣтельствамъ, со-хранившимся въ подлинномъ о нихъ розыскномъ дѣлѣ бывшей Тайной Кан-целярии (Государственный архивъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ).

С. М. Соловьевъ въ своемъ монументальномъ труде: «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» отвелъ двѣ-три страницы судному дѣлу о Дол-горуковыхъ и кровавой его развязкѣ, совершившійся въ 1739 году. (См. томъ XIX, стр. 318—319; томъ XX, стр. 409—411).

Мы не станемъ повторять достаточно уже извѣстныхъ фактъ, по край-ней мѣрѣ опустивъ весьма многіе изъ нихъ; но въ виду изданныхъ «Рус-ской Стариной» портретовъ князя Василія и князя Ивана Долгоруковыхъ на-помнимъ въ сжатомъ очеркѣ судьбу какъ ихъ, такъ и многочисленныхъ роди-телей за время съ 1730 по 1742 годъ.

Материалами для этой заметки послужили рукописи, принадлежащія ред. «Русской Старины», а именно: I. Обстоятельная статья известнаго библиомана и библиофилы Якова Федуловича Березина-Ширяева, сообщенная памъ въ 1871 г. II. Большая выписка (экстрактъ) изъ подлиннаго розыскнаго дѣла о князьяхъ Долгоруковыхъ, сдѣланная въ 1740-мъ году и въ коихъ сообщенна ред. «Русской Старины» изъ архива покойнаго Ф. В. Булгарина—Т. А. Сосновскаго. Выписка занимаетъ 24 стр. убористаго письма къ листъ, и носить заглавіе: «Бѣдствія, претерпѣнныя фамиліею князей Долгихъ». III. Нѣсколько выписокъ изъ подлинныхъ указовъ и распоряженій 1739 г., до ссылки и казни Долгоруковыхъ относящихся, сообщенія И. Андреевскаго, и IV. Два—три документа о княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгоруковой, сообщенные изъ Сибири, въ 1872 г., изъ Барнаула, почтеннымъ сотрудникомъ «Русской Старины» С. Гуляевымъ.

Князь Василій Лукічъ, въ царствованіе Петра Великаго, состоялъ сначала при посольствѣ Якова Федоровича Долгорукова въ Парижѣ, а по томъ посланникомъ при разныхъ дворахъ. При Екатеринѣ I онъ находился въ Стокгольмѣ, а въ царствованіе Петра II—состоялъ членомъ верховнаго тайного совѣта.

Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ, сынъ Алексѣя Григорьевича, род. въ 1708 г., воспитывался въ Польшѣ, у своего дяди. По приѣздѣ въ Россію, онъ былъ опредѣленъ Екатериной, въ 1725 году, гофъ-юнкеромъ ко двору царевича Петра II и вскорѣ сдѣлся его любимцемъ и товарищемъ забавъ. Честолюбивый и могущественный Меншиковъ, обручившій съ юнымъ императоромъ дочь свою Марию, не обращалъ особеннаго вниманія на привязанность Петра къ своему любимцу и самовластно распоряжался дѣлами. Владычество при дворѣ Меншикова устрашало нѣкоторыхъ вельможъ, оскорблѣнныхъ его надменнымъ обращеніемъ, и они стали искать случая къ попаданію временщика. Графъ Остерманъ и Василій Лукічъ Долгоруковъ въ особенности старались свергнуть иго Меншикова и для достиженія своей цѣли избрали посредникомъ любимица государева; они снабжали наставлѣніями Ивана Алексѣевича Долгорукова какъ говорить императору о Меншиковѣ и въ какомъ видѣ представлять его корыстолюбіе. Иванъ Алексѣевичъ, руководимый своимъ дядею и графонъ Остерманомъ, съ успѣхомъ дѣйствовалъ противъ могущественнаго временщика и вскорѣ достигъ цѣли. Князь Меншиковъ былъ лишенъ всѣхъ почестей и сосланъ съ семействомъ сначала въ Раненбургъ, а потомъ въ Березовъ.

Съ паденіемъ Меншикова Долгоруковымъ уже не было опаснаго соперника и, казалось, сама судьба вела ихъ на высшую ступень государственныхъ почестей. Петръ II, по прибытии въ Москву для коронованія, воззвѣлъ любимица своего, двадцати-лѣтнаго юношу, князя Ивана Алексѣевича, въ званіе обѣръ-камергера и пожаловалъ андреевскую ленту. Долгоруковъ безот-

лучно находился при государѣ, забавлялся съ нимъ охотою и разными увеселеніями въ окрестностяхъ Москвы. Во время такихъ забавъ, Петръ не рѣдко заѣзжалъ къ отцу своего любимица, князю Алексѣю Григорьевичу Долгорукову, жившему въ подмосковномъ селѣ семейство Горени, и съ удовольствіемъ проводилъ у него по несколько часовъ. Тамъ, однажды, увидавъ юный Петръ сестру своего любимица, княжну Екатерину Алексѣевну, которую и избралъ себѣ въ супруги. 19-го числа сентября 1729 года, Петръ объявилъ верховному совѣту о предстоящемъ своемъ бракѣ съ княжною Долгоруковою, а 30-го ноября, въ Лефортовскомъ дворцѣ, совершиено было ихъ обрученіе¹⁾.

Отецъ невѣсты, князь Алексѣй Григорьевичъ, действительный тайный советникъ и членъ верховнаго совѣта, будущий родственникъ государя, получилъ въ даръ двѣнадцать тысячъ крестьянскихъ дворовъ. Братьи невѣсты, Иванъ Алексѣевичъ, любимецъ царя, стоялъ на высшей ступени государственныхъ почестей. Князь Василий Лукичъ, дядя невѣсты, пользовался также особыми милостями государя, однимъ словомъ — все Долгоруковы были возведены въ высшіе чины и сдѣлялись самыми могущественными при дворѣ лицами.

19-го января 1730 г. было назначено бракосочетаніе императора съ княжною Долгоруковою, но 6-го января, въ день Богоявленія, императоръ Петръ, бывъ съ своею невѣстою на торжественномъ водосвятіи, происходившемъ на Москвѣ-рѣкѣ, сильно простудился и, пріѣхавъ во дворецъ, почувствовалъ себя нездоровымъ. На другой день у него открылась оспа и болѣнь съ каждымъ днемъ стала усиливаться. 17-го января уже не оставалось никакой надежды на выздоровленіе государя и 19-го числа, въ день, предназначенный для свадьбы, во второмъ часу пополуночи, скончался императоръ Петръ, на рукахъ любимица своего, князя Ивана Алексѣевича, и барона Остермана.

Князь Алексѣй Григорьевичъ Долгоруковъ, предвидя, что съ перемѣнами государственного правления можетъ утратиться ихъ прежнее могущество, старался упрочить за собою власть, какими бы то ни было способами. Для достиженія своей цѣли, онъ еще во время предсмертной агоніи государя рѣшился составить отъ его имени духовное завѣщаніе, которымъ императоръ передавалъ престолъ обрученной своей невѣстѣ княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгоруковой.

Мысль о составленіи этого завѣщанія была положена на семейномъ совѣтѣ Долгоруковыхъ: князей Алексѣя, Сергея и Ивана Григорьевичей, князя Василия Лукича и юнаго оберъ-камергера Ивана Алексѣевича. На томъ же совѣтѣ — сочинена была эта духовная написаль

¹⁾ См. въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 340, некоторые интересные данные о княжнѣ Екатеринѣ Долгоруковой.

князь Сергій, а потомъ съ той духовной написалъ оной же князь Сергій дѣвъ такія же духовныя уборныя письмомъ».

По приказу князя Алексея Григорьевича, сынъ его, князь Иванъ, подписалъ одну изъ этихъ духовныхъ—именемъ императора Петра II «такими постеромъ», какими «его величество имя свое подписывалъ».

Но какъ ни были смѣлы составители подложного духовнаго завѣщанія, они спѣшили найти поддержку для проведения своего дерзкаго плана и прежде всего поддержку въ своихъ родичахъ; таковы были: подполковникъ я.-г. Преображенского полка князь Василий Владимировичъ Долгорукъ и братъ его князь Михаилъ Владимировичъ. Старшій изъ нихъ былъ и отлучкѣ; за него было немедля послано, по распоряженію князей Алексея Григорьевича и Василия Лукича.

Вотъ какъ разсказывалъ девять лѣтъ спустя князь Василий Владимировичъ объ этомъ роковомъ для него и для всей его фамиліи днѣ. Приведемъ его разсказъ, дополнивъ показаніями прочихъ участниковъ событія, его родичей:

«Во время болѣзни его императорскаго величества Петра II—быть я, князь Василий, въ деревнѣ у князяны Вяземской. И въ ту мою бытность, изъ Москвы, отъ князя Алексея Григорьева сына, или отъ князя Василия Луки сына, или отъ брата моего роднаго князя Михайла Долгорукыхъ, того же упоминю,—присланъ бытъ ко мнѣ, а кто не упомню же;—который присланыи отъ нихъ объявилъ мнѣ, что его величество весьма болѣнь и призываи-де просить меня, чтобы я бытъ во дворецъ, безъ замедленія. И я изъ оной деревни прѣѣхалъ въ Москву. И по приѣздѣ, на другой день съ братомъ своимъ, княземъ Михайломъ, прѣѣхалъ во дворецъ. И за тѣмко бѣлѣзною его величества видѣть времени мы не получили. Потомъ побѣхалъ я, съ братомъ своимъ княземъ Михайломъ въ Головинскій домъ, къ князю Алексею. И по приходѣ къ нему въ покой, были тогда у него князь Василий Лукинъ сынъ, князь Сергій и князь Иванъ Григорьевы дѣти Долгорукіе, да сынъ князя Алексея—Иванъ. И я спросилъ князя Алексея: «Бѣлѣзно его величество и есть-ли изъ выздоровленію надежда?» И князь Алексѣй сказалъ, что его величество весьма болѣнь. И потомъ онъ, князь Алексѣй, побѣхалъ къ его величеству, во дворецъ.

«Послѣ отѣзда князя Алексея во дворецъ, князь Сергій и князь Иванъ Григорьевы дѣти (по приказу брата своего Алексея) говорили мнѣ: «свѣтъ-де его величество весьма болѣнь; и ежели скончается, то надобно какъ можно удержать, чтобы послѣ его величества наслѣдницею россійскаго престола бытъ обрученной его величества невѣстой княжнѣ Екатеринѣ». И я, и братъ мой князь Михайло—князь Сергію и князю Ивану Григорьевымъ дѣтямъ говорили: —«этому, чтобы княжнѣ Екатеринѣ послѣ его величества бытъ наслѣдницею, статься не можно, понеже она за его величествомъ въ

супружествѣ не была». — На такія слова — князь Сергій и князь Иванъ говорили мнѣ: — «Какъ этому не сдѣлаться! ты-де въ Преображенскомъ полку — подполковникъ, а князь Иванъ — маоръ, то можно учинить; и въ Семеновскомъ полку спорить о томъ будеть некому; сверхъ же того говорить о томъ будемъ графу Гаврилу Головкину и князю Дмитрію Голицыну; а ежели они въ томъ заспорятъ, то будеиъ ихъ бить».

«И я онымъ князьямъ Сергию и Ивану говорилъ: «что вы, ребята, врете! какъ тому можно сдѣлаться, и какъ и мой полку объявить! Услыша отъ меня объ ономъ объявленіи, не токмо будутъ меня бранить, но и убьютъ, понеже неслыханное въ свѣтѣ дѣло вы затѣянете, чтобы обрученной невѣстѣ быть россійскаго престола наслѣдницей! кто ей подданнымъ быть (пожелаетъ); не только посторонніе, но и я, и прочие фамиліи нашей ни-кто въ подданствѣ у ней быть не захотятъ. А ежелиъ она за его величествомъ и въ супружествѣ была, то и тогда-бѣ въ учиненіи ея наслѣдни-цей не безъ сумнѣнія было, понеже по кончинѣ государя императора Петра Великаго покойную государыню императоръ при животѣ своемъ короновалъ».

«И на то князь Сергій и князь Иванъ Григорьевы дѣти говорили: «Княгину Екатерину государь императоръ нынѣ изволилъ самъ учинить на-слѣдницей по себѣ». И я сказалъ: «тобъ хорошо, понеже оное въ волѣ его величества состоять, но токмо какъ и о такомъ несостоятельномъ дѣлѣ разсудить можно, потому что если вы говорите, что его величество весьма болѣть и говорить не можетъ, то какъ его величеству оное учинить можно!» — И притомъ онимъ князю Сергию и князю Ивану Григорьевымъ дѣтямъ, а послѣ того, какъ пріѣхалъ къ нимъ князь Алексѣй, то и ему, князю Алексѣю, говорилъ я, чтобы они отъ означенного намѣренія своего отстали, что тому сдѣлаться не можно, что это дѣло ни къ чему негодное, чтобы они о такомъ противномъ дѣлѣ думать перестали, и что они еще сами себя въ томъ погубятъ. — И они, князь Алексѣй, и князь Сергій, и князь Иванъ Григорьевы дѣти за то на меня осердились. И я, съ братомъ своимъ Михай-ломъ, отъ нихъ пойхалъ въ домъ свой».

Относительно той мысли «о наслѣдствіи» дочери князя Алексѣя Гри-горьевича Долгорукова, что «когда-бѣ она была за государемъ въ супружес-твѣ, и тогда-бѣ» могъ осуществиться замыселъ «родичей» Василія Вла-димировича, послѣдний хотя и самъ однажды высказалъ эту мысль, но «въ такомъ намѣреніи», что ежели-бѣ она, Екатерина, могла быть за его вели-чествомъ въ супружествѣ, то, можетъ бы, быть его величество, по своему соизволенію, ее и короновать при себѣ, какъ дѣдушка его учинилъ, о чёмъ онъ, князь Василій, и Долгорукій (кн. Алексѣю, Сергию и Ивану Гри-горьевичамъ) сказывалъ и разсуждалъ имъ, что когда Богъ того не сдѣлалъ, то нынѣ, вида его величество въ тяжкой болѣзни, думать о томъ не над-лежитъ, — что собою того дѣлать никакъ не можно, и дѣло то страшное,

и чтобы они отъ того отстали, понеже въ томъ могутъ сами прощать;— но только отъ оныхъ, князя Алексія съ братьями, къ отвращенію отъ тога склонности онъ не присмотрѣлъ,—но всѣ злобу они за то на него, князя Василія, имѣли».

Бромъ того, родичи Василія Владіміровича говорили, что еслибы государь подписалъ духовную о преемствѣ ему престола его невѣстѣ и призвавъ министровъ, сенаторовъ и генералитетъ, вручилъ имъ и о исполненіи словесно повелѣлъ и, такимъ образомъ, могло бы въ дѣйствіе произойти».

Но кн. Василій Владіміровичъ продолжалъ «на-грызко подтверждать, своимъ родичамъ, чтобы они «отъ своего намѣренія отстали», такъ какъ «по ихъ намѣренію ничего сдѣлаться не можетъ».

Всѣ доводы Василія Владіміровича въ отвращенію «родичей его отъ ихъ замысла и чтобы они намѣреніе свое отложили» — остались безсильными.

Что касается до князя Василія Лукича, то кн. Василій Владіміровичъ отъ него ничего по отношенію къ наслѣдованію престола княжной Екатеринѣ не слыхалъ; видѣль его «въ печальномъ образѣ» и, какъ показалось князю Василію Владіміровичу, кн. Василій Лукичъ уже «не хотѣлъ слышать отъ князя Сергія съ братьями показанного имъ противнаго намѣренія»; мало того, князь Василій Лукичъ, какъ самъ увѣрилъ потомъ, даже отговаривалъ своихъ родичей отъ ихъ замысла.

На пути домой—два брата, князь Василій и Михайло Владіміровичи, разговорились.

— «Вотъ мы отговариваемъ и претимъ,—сказалъ князь Михайло,—что княжнѣ Екатеринѣ наслѣдницей быть не можно, а когда его величеству еть болѣзни будетъ легче, то князь Алексій съ братьями своими за то пачь сгубить».

— «Плюнуть на нихъ лучше,—ответилъ князь Василій;—правду имъ говорить, а не манить».

Члены верховнаго совѣта также не поддержали предложенія, въ числѣ другихъ имъ заявленное, объ избраніи на престолъ княжны Екатеринѣ Долгоруковой. Князь Василій Лукичъ вполнѣ уразумѣлъ несообразность и преступность этого замысла князя Алексія съ братьями и живѣшими образомъ поддержалъ мысль объ избраніи на престолъ герцогини Бурляндской.

Извѣстна попытка «верховниковъ» къ ограничению самодержавной власти вновь избранной императрицы, посольство за нею въ Митаву, заблаговременное увѣдомленіе противниками кн. Долгоруковыхъ герцогини объ актѣ ограничения власти, подписаніе ею этого акта, наконецъ, прибытие 15-го февраля 1730 г. въ Москву.

Кн. Василій Лукичъ былъ дѣятельный участникъ и даже «затѣйщикъ» въ дѣї ограничения власти вновь избранной государыни; онъ ёздилъ съ актомъ этимъ въ Митаву, онъ и сопутствовалъ Аннѣ Іоанновнѣ въ Москву.

Тогда же, въ намѣреніи выгородить себя изъ неудавшагося замысла своихъ родичей о духовной, кн. Василій Лукичъ счелъ необходимымъ донести ей «о дураческомъ дерзновеніи князей Сергія и Ивана Григорьевичей — что они министровъ быть хотѣли, ежели совѣту ихъ слушать они не стануть»; но эта забѣшка зайцемъ впередъ не выгородила князя Василія Лукича изъ общей судьбы съ его «дерзновенными» родичами.

15-го февраля 1730 г. Анна Ioанновна ныѣла торжественный вѣздъ въ Москву, а 24-го февраля уже разыгралась известная сцена: явились депутаты отъ дворянства бить членомъ императрицѣ вступить во всѣ прерогативы верховной самодержавной власти.

— «Такъ ты обманула меня, Василій Лукичъ», — сказала при томъ императрица, выслушавъ депутацию, и актъ, ею подписанный въ Митавѣ, былъ разорванъ. Въ Москвѣ не замедлилъ явиться Биронъ.

Въ апрѣль 1730 г. князь Василій Лукичъ лишенъ чиновъ и орденовъ, а 12-го июня того же года посланъ въ заточеніе въ Соловецкій монастырь. Того же числа іюня князя Алексія Григорьевича съ женою Прасковьєю Михайловной, съ дочерью Екатериной Алексѣвной, этой «разрушенной» (какъ ее тогда называли), также съ дочерьми Оленой и Анной, съ четырьмя сыновьями, сослали въ Березовъ.

Какъ известно, князей Долгоруковыхъ не переставали преслѣдоватъ и въ послѣдующее время: одни назначили мѣста ссылки — въ крѣпость, другиѣ переводили съ одного мѣста ссылки на другое. При этомъ, по свѣдѣтельству или доносамъ разныхъ лицъ, возникало и производилось множество дѣлъ относительно фамиліи Долгоруковыхъ. Такъ продолжалось болѣе восьми съ половиною лѣтъ.

14-го октября 1739 г. знаменитый «истязатель», генералъ, лейбъ-гвардік Семеновскаго полку подполковникъ и генералъ-адъютантъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ объявилъ высочайшее повелѣніе, что «по экстракту изъ дѣлъ о князьяхъ Долгоруковыхъ «надежащее разсужденіе имѣть ему, Ушакову, съ тайнымъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ гр. А. И. Остерманомъ».

17-го октября Остерманъ и Ушаковъ въ той же канцеляріи представили мѣріе «чего Долгорукіе по винамъ своимъ достойны». Въ этомъ же мѣріи указанъ былъ также составъ «генерального собранія ко учиненію надлежащаго приговора» и приведены вопросные пункты, по которымъ повсѣльно было допросить кн. Василія Лукича Долгорукова и поступить (съ нимъ) генералу Ушакову.

Вотъ эти пункты:

«1) Во времія болѣзни его императорскаго величества Петра II, отъ вѣсны, или отъ другаго кого, сочинена-ль была какая духовная? 2) Кто оную духовную на-черно сочинялъ и послѣ на-бѣло переписывалъ? 3) Что въ оной

духовной именно было написано? 4) По переписывали оной на-было, кому она отдана и у кого осталась? 5) Не подписывался ли кто на оной подъ руку его императорского величества Петра II? 6) И напослѣди, гдѣ она духовная дѣвалась и гдѣ-же въ сохраненіи имѣется? 7) Кто при сочиненіи оной духовной были совѣтники и кто-же о той духовной вѣдалъ? 8) Чѣмъ онъ, Долгорукій, по симъ пунктамъ объявилъ сущую и истинную правду и не утаилъ бы ничего, помня страшный судъ Божій, и за неправду, и за утайку, страшась ея императорского величества жесточайшаго гнѣва и наказания.

«Ежели оный Долгорукій будеть объявлять менѣе, какъ отъ князя Ивана и князя Сергія Долгорукихъ объявлено, тогда отъ показаніевъ ихъ выписавъ то, чего отъ оного князя Василья Долгорукова показано не будеть, допрашиватъ его въ томъ особо. А буде оный князь Василій обстоятельствъ объ оной духовной покажетъ, и болѣе, нежели отъ князя Ивана и княза Сергія объявлено, то обо всѣхъ обстоятельствахъ его подробно допрося, возвратиться въ С.-Петербургъ. А ежели онъ по вышеписаннымъ пунктамъ запираться станетъ, тогда показать ему въ отвѣтъ, писанномъ рукопиши князя Сергія, токмо то, какъ онъ о сочиненіи означеннай духовной объяснилъ, а потомъ прочесть ему показаніе князь Иваново, какъ онъ о сочиненіи оной духовной и о подпишкѣ подъ руку его императорского величества Петра II показалъ. И понеже чаять надобно, что, по такому обличенію, онъ уже правду объявить принужденъ будеть, тогда велѣть ему противъ вышеписанныхъ же пунктовъ подробно отвѣтствовать, и поступать съ ними противъ вышеписанаго-же. А когда онъ въ той духовной повинится, то допросить его о написавшемъ:

«Для чего онъ о той духовной, какъ надлежало совѣтскому и присяжному человѣку, ея императорскому величеству не объявилъ». «Ана».

«Въ Тайную Канцелярію. Полученъ іюня 16-го 1739 года».

21-го октября 1739 г. состоялся высочайший указъ, которымъ повелѣвалось произвести въ «генеральномъ собраніи» судъ надъ князьями Долгоруковыми, при чемъ утверждены были и «реестръ, кому въ собраніи быть». Въ этомъ указѣ, между прочимъ, было изложенено: «Понеже, по съѣдѣствію, князь Иванъ Алексѣевъ сынъ, князь Василій Лукинъ сынъ, князь Сергій и князь Иванъ Григорьевы дѣти Долгорукіе, забывъ страшный и неизбѣжный судъ Божій и презрія присягу свою, въ государственныхъ безбожныхъ тяжкихъ преступленіяхъ и злодѣйскихъ воровскихъ замыслахъ въ намѣреніяхъ явно обличены, и сами въ томъ виновны, и изъ нихъ поимѣнѣнію дерзнуль произносить вамины злые слова, о которыхъ въ нашей Тайной Канцеляріи по дѣлу явно; тако-же князь Василій и князь Михаилъ

Володимірови дѣти Долгорукіе обь означенихъ злодѣйскихъ дѣлахъ и на-
мѣреніяхъ вѣдали, и, где надлежитъ, о томъ прямо не только не доносили,
но еще въ первыхъ своихъ вопросахъ о томъ запрещали и ни о чёмъ не
показывали, о которыхъ оныхъ Долгорукихъ важныхъ винахъ и преступ-
ніяхъ, изъ имѣющагося въ нашей Тайной Канцеляріи о нихъ дѣла, учинен-
но обстоятельное изображеніе; того ради, для суда оныхъ Долгорукихъ въ
такихъ ихъ тяжкихъ винахъ, какъ по божескимъ, такъ и по государствен-
нымъ нашимъ правамъ, указали мы учредить генеральное собраніе, состоя-
щее изъ персонъ, въ приложеніи при семъ реестрѣ означенныхъ; и
оному генеральному собранію вышеобъявленіе въ Тайной нашей Канцеля-
ляріи обь ихъ, Долгорукихъ, тяжкихъ преступленіяхъ, учиненное обстоя-
тельное изображеніе для рѣшенія и учиненія приговора сообщить. И для
того, тому отъ наѣзъ учрежденному генеральному собранію всемилостивѣйше
позволяемъ, чтобы для сего дѣла, сего октября 31-го дня, въ сенатскіе
апартаменты собрались и, по выслушаніи того изображенія и совѣтствомъ
въ тѣхъ преступленіяхъ разсужденіи, учинить генеральный приговоръ».

А вотъ «реестръ, кому въ собраніи быть»:

Кабинетные министры.

Тroe первые синодальные члены.

Сенаторы всѣ.

Изъ придворного штата:

Оберъ-шталмейстеръ князь Бураминъ.

Гофмаршалъ Шепелевъ.

Изъ гвардіи ея императорскаго величества:

Маiores: Альбрехтъ, Апраксинъ, Черницовъ, князь Черкасскій.

Изъ генералитета и изъ военной коллегіи:

Генераль-фельдмаршалъ князь Трубецкой. Генераль Чернышевъ. Гене-
раль-маiores: Пётръ Измайлова, Степанъ Игнатьевъ.

Изъ адмиралтейской коллегіи:

Адмираль графъ Головинъ, генераль кригсъ-комиссаръ Соймоновъ, со-
вѣтникъ Мишуковъ, генераль-интенданть Головинъ.

Изъ губернской канцеляріи—тайный совѣтникъ Наумовъ.

Изъ ревизіонъ-коллегіи—президентъ Панинъ.

Изъ камеръ-коллегіи—вице-президентъ Аленинъ.

Изъ юстицъ-коллегіи—совѣтникъ Квашнинъ-Самаринъ. «Анна».

«Генеральное собраніе, по обсужденію дѣла о тяжкихъ винахъ князей
Долгорукихъ», приговорило: князя Ивана Алексѣевича къ смертной казни,
послѣ колесованія, отсѣчь голову, а Василью Лукичу, Сергию и Ивану Гри-
горьевичамъ—просто отсѣчь головы, что и было исполнено 8-го ноября
1739 года, на Красномъ полѣ, въ Новгородѣ.

«Въ 1869 г. мнѣ пришлось быть въ Новгородѣ и посѣтить могилы князей Долгоруковыхъ,—рассказываетъ Я. Ф. Березинъ-Шириневъ. Князья Долгоруковы похоронены неподалеку отъ мѣста ихъ казни, на Рождественской кладбищѣ, находящемся за Малымъ Волховцемъ, верстахъ въ 3-хъ отъ города. Прежде существовалъ на этомъ мѣстѣ мужской монастырь, о которомъ упоминается въ лѣтописи подъ 1388-мъ годомъ, и скудельницы или общія ямы, въ которыхъ, во время мора и другихъ повѣтрій, зарывали тѣла умершихъ. Кроме скуделенъ, при монастырѣ находилось еще особое кладбище для погребенія странниковъ, нищихъ и казненныхъ. Въ 1764 г., съ учрежденіемъ штатовъ, Рождественский монастырь былъ уничтоженъ, и церковь его переименована въ городскую приходскую.

Въ недальнемъ разстояніи отъ Рождественской церкви находится другая, небольшая, каменная церковь, во имя св. Николая Чудотворца. Эта церковь была основана въ половинѣ прошлаго столѣтія. Въ 1745 г. князя Долгорукова, бывъ въ Новгородѣ, посѣтила могила своихъ казненныхъ родственниковъ—брата и дядей. Желая сохранить отъ забвенія то мѣсто, гдѣ были погребены останки несчастныхъ ея родныхъ, она заложила надъ могилами ихъ церковь во имя св. Николая Чудотворца. Нѣкоторые полагаютъ, что нынѣ существующая каменная церковь построена сыномъ казненнаго Ивана Алексѣевича, Михаиломъ Ивановичемъ Долгоруковымъ¹⁾.

Рано утромъ пріѣхалъ я на Рождественское кладбище и, встрѣтивъ тамошняго причетника, обратился къ нему съ просьбою указать мнѣ мѣсто, гдѣ похоронены князья Долгоруковы. Причетникъ поспѣшилъ исполнить мое желаніе, и, сходивъ за ключами, отперъ дверь церкви Николая Чудотворца. Войдя въ храмъ съ сѣверной стороны, я увидѣлъ двѣ каменные гробницы, одинаковой величины, находящіися по правой сторонѣ отъ входа; они примыкаютъ къ западной стѣнѣ церкви и окружены съ трехъ сторонъ деревянною загородкою. Гробницы довольно большаго размѣра и обложены простою щекатуркою; на нихъ вѣтъ никакой надписи, но надъ гробницами, на стѣнѣ, находится черная деревянная доска съ словами, что на этомъ мѣстѣ погребены Василий Лукичъ, Иванъ Алексѣевичъ, Сергій и Иванъ Григорьевичи Долгоруковы.

Въ церкви Николая Чудотворца сохранился нѣсколько вещей, принадлежавшихъ кн. Долгоруковымъ, и, между прочими, замѣтный по древности образъ Николая Чудотворца, бывшій съ Иваномъ Алексѣевичемъ Долгоруковымъ въ Березовѣ. Въ алтарѣ я видѣлъ икону Знаменія Божіей Матери, напрестольное евангеліе, блюдо, кадило и подсвѣчникъ, пожертвованные Долгоруковыми въѣчный поминъ отца его, Ивана Але-

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1866 г., стр. 43.

иссевича, и прочихъ родственниковъ. Въ иконостасѣ есть изображенія святыхъ, имена которыхъ напоминаютъ о семействѣ Долгоруковыхъ¹⁾.

Въ церкви находится небольшой придѣлъ во имя Иоанна Златоустаго; онъ устроенъ за западною стѣною. Этотъ придѣлъ, какъ говорять, сдѣланъ по желанію княгини Натальи Борисовны, въ память супруга ея, Ивана Алексеевича, съ которымъ дочь знаменитаго фельдмаршала Шереметева довѣсть лѣтъ раздѣляла страдальческую жизнь въ Березовѣ.

По обозрѣніи долгоруковской церкви и ея достопримѣчательностей, я вышелъ на кладбище, и причетники указали мнѣ мѣсто, где прежде были спудельнички амы, въ которыхъ зарывали тѣла умершихъ во время мора. Такихъ ямъ было три, и теперь наѣсть ихъ поставлена большой кресть, у которого въ опредѣленное время совершаются общая панихида.

Напоминѣть о судьбѣ прочихъ членовъ этой фамиліи.

Какъ видно изъ приговора 1-го ноября 1739 г.—князь Василій Влади-
мировичъ заточенъ въ Иванъ-городѣ, въ Нарвѣ; князь Михайло Владимиро-
вичъ—въ Шлюссельбургѣ.

У князя Михаила были сыновья: князь Александръ—въ маѣ 1739 г.
служившій подполковникомъ въ С.-Петербургскомъ драгунскомъ полку.

Князь Сергій Михайловичъ служилъ въ рижскому гарнизону маюромъ.
2-го маѣ 1739 г. императрица Анна велѣла его «отъ воинской и статской
службы отставить, и жить ему въ подмосковной деревнѣ, сель Покров-
скому, безвыѣздно».

Князь Петръ да князь Василій Михайловичи въ 1736 г. зачислены въ
драгуны, въ Троицкій полкъ, на дѣйствительную службу²⁾.

Выучаты—дѣти князя Сергія Михайловича: кн. Михайло—прапорщикъ
драгунскій, князь Федоръ—вахмистръ драгунскій, князь Иванъ, да княжна
Марья Сергѣевна 17-ти лѣтъ, Авдотья 4-хъ лѣтъ жили въ 1740 г. въ Москвѣ.

Наконецъ упомянуть о судьбѣ княжны Екатерины Алексѣевны. Въ
1740 г. она, выѣстѣ съ двумя своими сестрами, Оленой и Анией, отправ-
лена, «за надлежащимъ карауломъ» изъ оберъ-офицеровъ, въ Сибирь съ
тѣмъ, чтобы сибирскій интровергъ, по собственному усмотрѣнію, размѣ-
стить сестеръ по монастырямъ, и затѣмъ повелѣвалось «въ тѣхъ мона-

¹⁾ Кромѣ поименованныхъ предметовъ, я видѣлъ еще нѣсколько старин-
ныхъ иконъ, изъ которыхъ одна икона, съ изображеніемъ святыхъ и разныхъ
животныхъ, особенно достойна изслѣдованія археолога. Я. III.

²⁾ Дочери князя Михаила: Анна была въ замужествѣ за Львомъ Александровичемъ Малославскимъ, а Настасья—за Александромъ Романовичемъ Брюсомъ; кромѣ того оставались въ 1739-мъ г., въ Москвѣ, «дѣвками»: княжна
Авдотья и княжна Аграфена.

стыряхъ по обыкновенію постричь ихъ въ монахини, и настоятельницамъ тѣхъ монастырей ни для чего отнюдь не выпускать, и писецъ писать не давать и постороннимъ никого ни для какого сообщенія къ нимъ не допускать, и чтобы никаковыхъ шалостей и непотребнаго отъ нихъ не происходило; пищю и одѣждою содержать ихъ, по обыкновенію тѣхъ монастырей, равномѣрно противъ прочихъ монахинь безъ всякой отмѣны».

Екатерина Алексѣевна была пострижена въ монахини (1740 г.) въ томскомъ Рождественскомъ монастырѣ, а Анна—въ верхотурскомъ Покровскомъ.

Эти монастыри, какъ и всѣ вообще въ Сибири, были крайне бѣдны, «весма малобратственныи и нищенеские, единую милостынью интасиы, въ которыхъ не только карауловъ содержать, но и обычайныхъ монастырскихъ службъ исправлять (было) некому».

Сибирскій митрополитъ Антоній, указомъ отъ 17-го декабря 1739 г., требовалъ отъ архимандрита томскаго Алексѣевскаго монастыря скѣдѣй сибирскому Рождественскому монастырю, въ которомъ была пострижена Екатерина Алексѣевна. Изъ донесенія архимандрита, между прочимъ, видно, что въ монастырѣ было шесть деревянныхъ келій и больница—длиною 18-ти, а шириной 4-хъ сажень,—всѣ ветхія, стояли врознь; какого либо другаго монастырскаго зданія не было; вообще монастырь былъ крайне скученъ и бѣденъ. Въ описаніи монастыря, приложенномъ къ донесенію, говорится, что «монахини семь; стары и дряхлы, и ходить изъ келій не могутъ, а одни очами не видѣть. Вкладчиковъ монастырскихъ нѣть, но токмо живутъ въ монастырѣ четыре вдовы неимущихъ, для послуженія больныхъ монахинямъ. А денежнаго и хлѣбнаго жалованья прежде сего производилось, отъ прошлыхъ лѣтъ по 1731 годъ: денегъ 6 рублей, хлѣба по 2 четверти каждої монахинї, а съ 1736 по 1740 годъ дачи иль денежнаго и хлѣбнаго жалованья не было и нынѣ нѣть; а пропитываются монахини милостынью».

Въ виду такихъ «резоновъ» признано было необходимымъ: «оберъ-офицеровъ изъ солдатъ», сопровождавшихъ княженъ изъ Березова въ Сибирь, «для караула оставить при онъхъ Долгорукихъ по два человека, до указу».

Екатерина Алексѣевна была освобождена изъ монастыря 29-го декабря 1741 года.

С. Федорцево.
1878 г.

Императоръ Александръ I.

Встрѣтились мнѣ въ одной рукописной тетради 1824 года два анекдота объ императорѣ Александрѣ I. Вѣроятно, въ то время они были многимъ извѣстны и передавались въ изустныхъ разсказахъ, но были-ли гдѣ напечатаны—не знаю. Вотъ эти анекдоты:

I.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1824 года, императоръ Александръ Павловичъ прогуливался, въ полдень, на Каменномъ островѣ; пробило 12 часовъ. Государь, проходя мимо часоваго, остановился и спросилъ: «сколько было часовъ?» Солдатъ не смущился отъ неожиданного вопроса и бойко отвѣчалъ: 36 часовъ, ваше императорское величество. Государь съ изумленіемъ взглянулъ на часоваго, но, ни слова не сказавъ, прошелъ далѣе. Возвратясь съ прогулки въ Каменноостровскій дворецъ, императоръ велѣлъ князю Волконскому узнать: не помѣшанъ ли въ уму солдатъ, стоящій на часахъ въ такомъ-то мѣстѣ.

Князь Волконскій поспѣшилъ исполнить повелѣніе государя, отправился къ часовому и спросилъ его:

- Проходилъ мимо тебя государь императоръ?
- Проходилъ, ваше сиятельство.
- Замѣтилъ онъ тебя или нѣтъ?
- Точно такъ, в. с., замѣтилъ и изволилъ спросить, сколько часовъ было.
- Что-жъ ты отвѣчалъ?
- Отвѣчалъ, что было 36 часовъ.
- Какъ ты могъ дать такой глупый отвѣтъ: развѣ часы могутъ быть столько разъ?
- Столько было, в. с.,—съ увѣренностью отвѣтилъ солдатъ.
- Какой вздоръ,—съ гневомъ возразилъ князь,—какие часы могли быть столько разъ и гдѣ ты ихъ слышалъ?
- Государь императоръ желали знать сколько часовъ было и я отвѣчалъ 36, потому что въ крѣпости пробило 12, въ адмиралтействѣ 12 и здѣсь на островѣ 12, а всего 36 часовъ.

Князь Волконскій подробно передалъ государю отвѣтъ часоваго. Государь размѣялся и, признавая справедливымъ отвѣтъ солдата, послалъ ему въ награду 25 рублейиковъ въ своеѣ платкѣ.

Князь Волконскій самъ отправился къ часовому съ монаршою наградою и хотѣлъ ему вручить ее, но часовой сказалъ:

— Никакъ нѣть-съ, в. с., я не могу принять монаршей награды, потому что нахожусь на часахъ, а часовой не имѣть права ничего братъ до смѣны; погрудитесь положить возлѣ меня, и когда я смѣнусь, то возьму присланное.

— Хорошо,—сказалъ князь,—въ этомъ платокъ тебѣ присланъ отъ императора деньги которыхъ я положу возлѣ тебя, но платокъ долженъ возвратить государю.

— Что прислано въ даръ императоромъ—то назадъ не отнимается,—сказалъ солдатъ,—при томъ же, в. с., платокъ вмѣстѣ съ деньгами уже находится подъ моимъ карауломъ, и я не могу его отдать.

Волконскій передалъ императору бойкій и находчивый отвѣтъ солдата, и государь, похваливъ его, вслѣдъ произвѣсти часового въ унтеръ-офицера.

II.

Императоръ Александръ I, какъ известно, часто путешествовалъ по Россіи. Кажется въ 1824 году, пріѣхавъ въ городъ Чембары, императоръ былъ встрѣченъ однімъ священникомъ тамошней церкви, который съ крестомъ въ рукѣ вышелъ на папертъ и ожидалъ императора. Лишь только государь вошелъ въ церковь, то священникъ сказалъ ему краткую рѣчъ, которая такъ понравилась императору, что онъ, по выслушаніи ея, тотчасъ обратился къ сопровождавшему его адъютанту и сказалъ: «выдать священнику 1,000 и пожаловать камилавку».

Отстоявъ краткій молебень и промежасъ ко кресту, императоръ попросилъ священника повторить снова свою рѣчь. Священникъ немедленно исполнилъ желаніе императора, и по окончаніи рѣчи осмѣлился сказать:

— «Повторите же и вы свои милости, в. и. величество».

Такая необыкновенная находчивость священника весьма понравилась государю и онъ приказалъ выдать ему еще 2,000 рублей и крестъ св. Анны 3-й степени.

Сообщ. Яковъ Вересинъ-Ширяевъ.

1871 г.

Замѣтки.

Помѣщаю на страницахъ «Русской Старины» двѣ замѣтки, изъ которыхъ одна—бібліографическая, а другая—біографическая.

Въ I-мъ т. Пушкинскаго (втораго) изданія Исакова (Спб. 1871 г., т. I, стр. 268—269) значится стихотвореніе:

Давно обѣ ней воспоминанье
Ношу въ сердечной глубинѣ, и т. д.

Озаглавлено оно «Княгинѣ Е. А. Голицыной», въ примѣчаніяхъ же, помѣщенныхъ въ концѣ книги, поясняется, что оно посвящено «Княгинѣ Елеонѣ Александровнѣ Голицыной, рожд. княжнѣ Салтыковой», бывшей въ бракѣ за монимъ отцомъ, княземъ Николаемъ Борисовичемъ Голицынымъ¹).

Это не вѣрно; какъ мы извѣстно изъ положительныхъ данныхъ, Пушкинъ не писалъ стихотворенія этой княгинѣ Елеонѣ Александровнѣ Голицыной, но другой, рожденной Нарышкиной, супругѣ князя Василия Сергеевича Голицына²), бывшей въ первомъ бракѣ за князьмъ А. А. Суворовыемъ, матери теперешнихъ старшихъ представителей князей Суворовыхъ. Княгиня съ 1830-хъ годовъ постоянно жила на югѣ, то въ Одесѣ, то въ Крыму, на дачѣ *Wassili-Sarai*, и скончалась въ 1860-хъ годахъ. Самое стихотвореніе посвящено: Одесса.

Въ «Вѣстникѣ Европы» и «Русской Старинѣ» 1876-го года были помѣщены статьи о тамбовскомъ холерномъ возмущеніи, въ которомъ упоминалось какъ бы мѣдкомъ о роли, которую игралъ нѣкто кн. Г. (мой отец—князь Николай Борисович Голицынъ) при усмиреніи его. Слѣдѣнія той и другой статьи относительно моего отца не вѣрны. Онъ никогда не подвергался оскорблѣніямъ толпы, хотя чуть-чуть не поплатился жизнью³); онъ игралъ главную роль въ цѣломъ ходѣ этого несчастнаго происшествія, взялъ на себя, безъ чьего либо разрѣшенія, обязанности коменданта города, будучи единственнымъ тогда лицомъ военнаго сословія въ Тамбовѣ, а также въ виду бездѣйствія гражданскаго губернатора Миронова; былъ назначенъ презумсіемъ военно-судной комисіи и участвовалъ въ постановленіи приговора. Списокъ приговоренныхъ (черновой), сущность обвиненія каждого и родъ наказанія, вообще разныя черновые бумаги этого дѣла были въ моихъ рукахъ еще недавно, когда я, приводи окончательно въ порядокъ бумаги покойнаго отца († 1866 г.), уничтожилъ эти разрозненные листки. За дѣятельность свои по прекращенію бунта, онъ получилъ высочайшую благодарность.

О. Бичевое.

Кн. Н. Н. Голицынъ.

¹) Князь былъ военный писатель, переводчикъ, поэтъ, исследователь историко-богословскихъ вопросовъ и проч. Съ Пушкинами онъ былъ хорошо знакомъ, и поэтъ написалъ четверостишие на кончину одного изъ его дѣтей († 1823). Извѣстно его же французское письмо къ князю, которымъ благодарить за переводъ «Клеветникамъ Россіи» (*Aux détracteurs de la Russie*) и хвалить его (см. Бібліографический Записки 1858, № 16, столб. 197).

²) Сынъ генерала-отъ-инфантеріи князя Сергея Федоровича Голицына и княгини Варвары Васильевны, рожденной Энгельгардтъ (воспѣтой Державиннымъ:... «Пльнира сердцемъ и лицомъ...»).

³) Его привезли домой въ телѣгѣ, спрятанныхъ подъ соломою. Кн. Н. Г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСЕНЯ.

Песня.

Со вечера дождь,
Со полуночи снегок,
Ко быту свету порошица макенъкая,
А по тому по поропу
Двое саночек бѣжитъ.
Одѣтъ сани со козырями,
Другіе з подрѣзами;
А на первых санах
Салтыков господин,
На другихъ же санах
Тамъ 'Лединскій' былъ.
А 'Лединскій' говорит:
«Пора коников кормить»,
А Салтыков говорит:
«Ко Андрею воротить—
А в Андрея мужика
Много сѣна, много 'вса
В его дочь хороша,—
Свѣт-Матронушка душа»....
А Матронушка по сѣнцшах
Похаживает,
Алу ленту поплечникам поглаживает.
«То-то лента,
То-то лента,
То-то ленточка моя.
Мнѣ не батюшка купил,
Не родимой подарил,—
Мнѣ купил—подарил
Салтыковъ господин!»....
При комъ денежки платил?
«Тамъ 'Лединскій' былъ!»....

Записалъ въ Калуж. губ. и сообщ. Д. Ноцк.

Гор. Велижъ (Витебск. губ.).

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1878 года.

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ.

Съ выпускомъ настоящей книги окончивъ девятый годъ на-
шего изданія, считаемъ необходимымъ, какъ то дѣлали и въ
каждый изъ предшествовавшихъ годовъ, оглянуться назадъ и дать
себѣ отчетъ, что внесла въ литературу отечественной исторіи и
словесности «Русская Старина» изданіемъ этого года.

Записки и воспоминанія, изслѣдованія историческія, біографіческіе очерки, литературно-художественные произведенія про-
шлого времени, а также историческіе и литературные материалы,
статьи, замѣтки и разсказы, посвященные изученію близкаго про-
шлого нашего отечества,—вотъ тѣ отдѣлы, которые съ самаго осно-
ванія «Русской Старины» входятъ въ это изданіе.

Остановимся на каждомъ изъ этихъ отдѣловъ.

I.

Ни одинъ изъ предшествовавшихъ годовъ нашего повремен-
наго историческаго сборника не былъ столь богатъ Записками
и Воспоминаніями, какъ 1878-й годъ. Въ самомъ дѣлѣ: лица
всевозможныхъ сословій, положеній и умственного развитія пред-
ставили въ своихъ Запискахъ очеркъ ими пережитаго, переду-
маннаго, видѣннаго и испытаннаго, живописуя, нерѣдко въ са-
мой безыскусственной формѣ, ту среду, изъ которой они вышли
или въ которой довелось имъ вращаться. Такимъ образомъ «Рус-
ская Старина» 1878-го года представила: Записки крестьянина,

„РУССКАЯ СТАРИНА“, ТОМЪ ХІІІ, 1878 Г., ДЕКАБРЬ.

48

С. А. Н. І.

вынесшаго въ началѣ текущаго столѣтія солдатскую ламку и подъ монашескимъ клубукомъ нашедшаго себѣ успокоеніе, это—Назаровъ (1790—1839); казака, добровольно оставившаго спокойную и сытую жизнь, чтобы броситься въ похожденія и приключения разнаго рода, голодать и воевать на берегахъ Дуная, бродяжничать въ степяхъ южной Россіи, явиться однимъ изъ основателей и первобытныхъ жителей города Екатеринодара, быть вершителемъ дѣлъ и распорядковъ бравыхъ черноморцевъ-казаковъ, и проч., и проч., это—Мигринъ (1770—1850 гг.). Записки протоіерея Виноградова (1800—1836 гг.) раскрываютъ другія картины, правда, уже знакомыя, но всегда являющія нѣкоторыя новыя подробности: мы говоримъ о средѣ духовнаго сословія, ихъ воспитаніи, о домашнемъ и общественномъ бытѣ и о ихъ міровоззрѣніи. Подъ узкаго эгоизма, нетребовательнаго отношенія и къ себѣ, и ко всему окружающему, и столь спокойно мирищаюся со всѣми явленіями, которые наполняли жизнь и окружали протоіерея Виноградова,—пріятно остановиться на личности пастора Иоанна Губера: дневникъ его воскрешаетъ предъ нами поволжье въ роковую эпоху первой, по времени, холеры 1830-го года. Какіе ужасы развертываются въ картинахъ, рисуемой Губеромъ день за днѣмъ, и сколько самоотверженія является дѣятельностью этого служителя алтаря Господня. А вотъ и еще подвижникъ церкви и ея служитель, ксендзъ прелатъ Буткевичъ: съ безпристрастіемъ, столь рѣдкимъ въ прозелитахъ римскаго перво-священника, съ спокойствіемъ и ясностью воззрѣнія на предназначение и судьбы своего народа, долженствующаго жить и преуспѣвать въ единеніи съ своимъ могучимъ собратомъ по крови, Буткевичъ даетъ отчетъ въ видѣнномъ, слышанномъ и имъ самимъ испытанномъ въ кровавую усобицу Польши и Россіи въ 1830—1831 гг.; Записки этого священника нельзя не признать цѣннымъ материаломъ для исторіи той эпохи—исторіи, увы! никакого ничему не научившей и не отвратившей повторенія кровавыхъ событій 1830-го года чрезъ тридцать съ небольшимъ лѣтъ.

Въ Запискахъ Жиркевича—читатели «Русской Старини» встрѣтили старого, крайне увлекавшагося, зачастую невоздержанно-рѣзкаго, но честнаго и, въ сущности, доброго знакомаго—это самъ составитель Записокъ Иванъ Степановичъ Жиркевичъ. Предпринимая изданіе его мемуаровъ еще лѣтъ пять тому назадъ,

мы тогда-же опредѣлили значеніе этого памятника по отношенію къ исторіи быта и развитія русскаго общества: Жиркевичъ—до извѣстной степени продолжатель Болотова; преемство и связь Записокъ того и другаго не только хронологическая: Жиркевичъ начинаетъ свои Записки съ 1790-хъ годовъ, т. е. съ того именно времени, которымъ прерывается монументальный трудъ Андрея Тимофеевича Болотова, повторяемъ—не только хронологическая, но и по существу, по внутреннему ихъ духу и содержанію, Болотовъ и Жиркевичъ—русскіе дворяне, такъ сказать, средней руки, какъ по воспитанію, такъ и по своему положенію, т. е. представители громаднѣйшаго большинства русскаго дворянства; но Болотовъ, по преимуществу—представитель сельскаго помѣстнаго дворянства, Жиркевичъ—чисто-служилаго. Оба замѣчательно честные, исполненные самыхъ благородныхъ побужденій, горячо любящіе свою родину и ей служащіе въ тѣхъ различныхъ положеніяхъ, въ какихъ довелось имъ быть. Но крайне спокойному міросозерцанію Болотова рѣзко противостоитъ пылкая, горячо возстающая противъ всякой неправды личность Жиркевича.

Въ предыдущихъ главахъ его Записокъ въ «Русской Старинѣ» (1873—1876 гг.) читатели ознакомились съ кадетскимъ-шляхетскимъ воспитаніемъ, съ боевой службой русскаго дворянства въ эпоху великой борьбы Россіи съ Наполеономъ, затѣмъ съ службой военной на мирномъ ея положеніи, съ бытомъ всевозможныхъ представителей русскихъ помѣщиковъ, далѣе съ цѣлою пучиною злоупотребленій военной администраціи 1830-хъ годовъ и проч. и проч.

Въ главахъ XXI—XXIV явившихся изъ Записокъ Жиркевича въ «Русской Старинѣ» 1878 г., мы видимъ Ивана Степановича на посту губернатора, правителемъ одной изъ обширныхъ и богатыхъ черноземныхъ губерній.... (1833—1835 гг.). Самое назначеніе Жиркевича на этотъ постъ живо переносить насъ въ ту эпоху, когда фронтовой офицеръ, съ одинаковою легкостью, назначался и въ чиновники, и въ техники, и въ администраторы; когда казалось и вѣрилось, что достаточно наименовать въ приказѣ или повелѣніи любаго офицера на какой угодно постъ и онъ дѣжался судьей, правителемъ цѣлой области, посланникомъ-дипломатомъ, министромъ, полководцемъ.....

Жиркевичъ, по крайней мѣрѣ, старался возмѣстить недоста-

токъ въ себѣ знанія и подготовки къ исполненію возложенной на него обязанности губернатора пылкою преданностью правдѣ и жаждою со всѣмъ ознакомиться и изучить весь механизмъ представившейся ему службы, для того чтобы немедля выступить —умѣлымъ или неумѣлымъ—это другой вопросъ, но, во вскомъ случаѣ, искреннимъ борцомъ противъ всевозможныхъ злоупотребленій... Не скрывая своихъ недостатковъ, ошибокъ и увлечений, Жиркевичъ безпощадно поражаетъ тѣхъ лицъ, общественная и служебная дѣятельность которыхъ казалась ему, быть можетъ и вполнѣ ошибочно, недостаточно честною.... Весьма ироятно, что отзывы его исполнены страсти и увлечений, какими исполнена была вся личность этого рѣдкаго, въ то время, по своей честности, губернатора, тѣмъ не менѣе они имѣютъ и интересъ и значеніе для исторіи русского общества 1830-хъ годовъ и для характеристики, такъ сказать; областной администраціи той эпохи.

Но здѣсь мы должны остановиться, чтобы напомнить объ одной изъ трудностей, которая зачастую представляется намъ при обнародованіи тѣхъ или другихъ мемуаровъ изъ эпохи не весьма отдаленной: при своеобразномъ взглѣдѣ на печать большинства грамотнаго—мы разумѣемъ дѣйствительно читающаго—люда въ Россіи, при совершенномъ отсутствіи въ теченіе долгаго и долгаго времени свободнаго у насъ обсужденія общественной и служебной дѣятельности различныхъ лицъ, не говоря уже изъ современной дѣйствительности, но даже изъ прошлаго, отстоящаго отъ насъ на двадцать, тридцать, на сорокъ лѣтъ—нерѣдко еще являются лица, которые находять для себя оскорбительнымъ очеркъ таковой дѣятельности въ тѣхъ или другихъ мемуарахъ. Эти лица забываютъ, что общественная дѣятельность не можетъ не быть предметомъ самыхъ разностороннихъ сужденій и что документальное въ печати опроверженіе ошибочныхъ или почему либо пристрастныхъ отзывовъ—вотъ лучшее и бывшее оружіе для отраженія и разсѣянія таковыхъ отзывовъ.

Цѣль нашего изданія—истина, его руководитель—безпристрастіе.

Этотъ девизъ «Русской Старинѣ» мы не только повторяли и повторяемъ, но мы неуклонно ему слѣдовали въ теченіи девяти лѣтъ нашей редакторской дѣятельности и будемъ слѣдовать. Въ

самомъ дѣлѣ, можетъ ли это нибудь упрекнуть насъ въ отступленіи отъ этого девиза? скажетъ-ля кто, что мы отказали кому-либо въ помѣщеніи поправки, дополненія или и совершенного опроверженія того, что явилось въ тѣхъ или другихъ Запискахъ, рассказахъ, документахъ и Воспоминаніяхъ, въ нашемъ изданіи напечатанныхъ?

Повторимъ то, что мы сказали еще въ обзорѣ первого трехлѣтія «Русской Старины» (1870—1872 гг.):

«....Издание наше, выдвинувшись изъ сферы современной публицистики, не усвоиваетъ себѣ никакихъ исключительныхъ симпатій или антипатій ни къ эпохѣ, ни къ личности.....

«....Всякое тенденціозное направление «Русской Старины» было бы непростительной ошибкой, такъ какъ оно неизбѣжно отняло бы у нея ту полную независимость, какою должно безусловно пользоваться каждое подобнаго рода издание. Оно должно единственно служить отголоскомъ прошедшаго, безъ всякихъ заранѣе составленныхъ предубѣждений ни за, ни противъ.

«Поэтому мы беремъ каждый исторический материалъ свободными, не связанными ничѣмъ руками и съ спокойною совѣстю передаемъ его подъ типографскій станокъ, не дѣлая изъ него ни панегирика, ни памфleta; затѣмъ, конечно, уже не наша вина, если онъ иной разъ принимаетъ въ глазахъ нѣкоторыхъ какъ бы особенный оттѣнокъ, затрогивающій чье либо фамильное, иногда, впрочемъ, совершенно ложное самолюбіе. Въ томъ же, что мы постоянно руководствуемся чувствомъ исторического беспристрастія, читатели наши могутъ легко убѣдиться, между прочимъ, изъ того, что мы охотно помѣщаемъ всякое опроверженіе.....»

Обращаясь къ обязанностямъ нашимъ по отношенію къ изданію «Русской Старины», мы тогда же, въ первомъ отчетѣ нашимъ читателямъ, говорили:

«....Было бы крайне ошибочно или даже чрезвычайно недобросовѣстно искашать исторические материалы въ виду того опасенія, что какое нибудь сообщаемое въ нихъ свѣдѣніе или обстоятельство можетъ показаться оскорбительнымъ для того, къ кому относится лично или наслѣдственно. При томъ, понятіе объ оскорблениіи такъ удобо-растяжимо, что редакція «Русской Старины», при всей, даже самой мелочной, щепетильности и безпрѣдѣльной осторожности, никогда не можетъ быть увѣрена, что какое нибудь извѣстіе не вызоветъ противъ нея чьего либо неудовольствія. Слѣдовательно, еслибы редакція «Русской Старины», издавая подлинные исторические материалы, стала раздумывать, какъ будуть приняты находящіяся въ нихъ

извѣстія отдельными личностями, то понятно, что она позволила бы себѣ тѣмъ самыи ставить личные притязанія выше исторической правды, а вмѣстѣ съ тѣмъ передѣлки и сокращенія, произвольно допускаемыя редакціею въ упомянутыхъ материалахъ, неизбѣжно должны были бы подорвать въ общественномъ мнѣніи ихъ историческій кредитъ. Это — съ одной стороны. Съ другой же стороны, мы полагаемъ, что, печатая материалы, выставляющіе какую либо личность въ неблагопріятномъ свѣтѣ, мы тѣмъ самыи не только не вредимъ ея чести, но, напротивъ, предоставляемъ удобный случай ограждать ее отъ несправедливыхъ нареканій. Нельзя не принять въ соображеніе, что тѣ рукописные материалы, которые до настоящаго времени хранились подъ спудомъ и теперь являются впервые изъ страницъ нашего изданія, все равно — и безъ насъ, рано или поздно, — выступили бы въ печати на свѣтъ Божій. Между тѣмъ, чѣмъ болѣе проходитъ времени отъ дѣятельности какого нибудь лица, тѣмъ болѣе представляется затрудненій для возстановленія ея въ истинномъ видѣ. Современники такого лица сходять постепенно съ земного по-прища, у остающихся же въ живыхъ многія частности улетучиваются изъ ихъ памяти, а также утрачиваются или теряются изъ виду разныя письменные документы, которые въ извѣстныхъ случаяхъ, еще по горячимъ слѣдамъ, могли бы представить собою оправдательныя данныя. Независимо отъ этого, копіи съ рукописей, а также устные, заимствованные изъ нихъ, разсказы, распространяются въ публикѣ все болѣе и болѣе, получая въ по-слѣдствіи окончательную, полную достовѣрность.

«Вслѣдствіе всего этого, мы твердо убѣждены, что чѣмъ раньше появится о комъ нибудь въ печати такой отзывъ, который можетъ показаться оскорбительнымъ или ему самому, или близкимъ къ нему по родству лицамъ, считающимъ своею обязанностью охранить его честь, тѣмъ болѣе представляется удобство и средство для защиты дѣйствительно оскорблennаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для возстановленія правды путемъ печати. Въ такихъ, вполнѣ достаточныхъ, способахъ защиты никогда не было и не будетъ со стороны редакціи «Русской Старины» ни малѣшаго отказа... [См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., томъ VII, стр. 8—10; см. также изд. 1874 г., томъ XI, стр. 789—791].

Это обѣщаніе мы постоянно исполняли и въ теченіе истекшаго, девята го, года нашего изданія. Ни одно изъ присланныхъ намъ объясненій и опроверженій, хотя бы таковыя были и совершенно голословныя, не оставлено безъ вниманія: все они напечатаны и непремѣнно въ изданіи того же года, въ которомъ помѣщена та статья, къ которой они относятся.

Впрочемъ, по отношенію къ обозрѣваемому, 1878-му году.—

съ удовольствіемъ отмѣтимъ два факта: во первыхъ—ни одной изъ подобнаго рода статеекъ и замѣтокъ не явилось въ постороннемъ изданіи, всѣ онѣ сообщены непосредственно «Русской Старинѣ», согласно неоднократно повторенной и нынѣ повторяе мой просьбѣ: всякую ошибку или невѣрность, въ нашихъ соображеніяхъ вкравшуюся—на страницахъ нашего же изданія и исправлять; во вторыхъ, помянутыя поправки, объясненія или опроверженія почти всѣ написаны съ большимъ достоинствомъ и сдержанностью, безспорно дѣлающими честь ихъ составителямъ: таковыми благородствомъ и правдою дышать, напримѣръ, замѣтка высокодостойнаго (по отзыву кн. И. В. Васильчикова) участника въ войнѣ 1853—1855 гг. генерала (тогда еще подполковника) Дика. Искренно желаемъ чаще и чаще встрѣчать въ нашихъ корреспондентахъ столь благородную сдержанность и уваженіе къ печатному слову.

Въ ряду Записокъ, обнародованныхъ въ настоящемъ году «Русскою Стариною», безъ сомнѣнія, не прошли незамѣченными: «Очерки, воспоминанія и разсказы» лица, скрывшаго себя подъ начальную буквою его имени — Э..... Съ своей стороны, не скроемъ того удовольствія, съ которымъ дали мѣсто въ нашемъ изданіи этимъ живо, мастерски набросаннымъ очеркамъ. Они отличаются замѣчательною свѣжестью и яркостью красокъ при воспроизведеніи картинъ прошлой жизни или при воспроизведеніи образовъ тѣхъ лицъ, съ которыми доводилось рассказчику встрѣчаться, таковы Сперанскій, Трескинъ, Батенковъ, Лавинскій, архіепископъ иркутскій Ириней, Протасовъ, Перовскій, и многіе другие. Любопытно, что г. Э.—однакашникъ по воспитанію въ Морскомъ корпусѣ знаменитыхъ братьевъ Бестужевыхъ (декабристовъ), сослуживецъ Жиркевича, въ послѣдствіи правая рука одного изъ правителей юго-востока Россіи,—доживши до девятаго десятка лѣтъ, до позднѣйшаго времени никогда не выступалъ въ печати. Это, быть можетъ, объясняется тѣмъ печальнымъ, униженнымъ положеніемъ, въ которомъ находилась до 1850-хъ годовъ русская печать: много лицъ, обладавшихъ не сомнѣнно бойкимъ, талантливымъ перомъ, даже не пробовали силь своихъ въ печати, не находя этого ни удобнымъ, ни возможнымъ, именно вслѣдствіе тѣхъ условій, въ которыхъ была поставлена

въ Россіи печать, и въ особенности того взгляда, какой былъ въ сферахъ власти имѣвшихъ на лицъ подвизавшихся въ печати.

Редакція «Русской Старини» съ удовольствіемъ можетъ напомнить въ обзорѣ текущаго года, что въ ряду Записокъ, явившихся въ 1878-мъ году на страницахъ этого изданія, были мемуары трехъ женщинъ; таковы Записки княгини Зинаиды Александровны Волконской (рожденной княжны Бѣлосельской)—объ императорѣ Александрѣ I (1824—1825 гг.); Любовь Павловны Никулиной-Косицкой (1829—1868 гг.)—артистки Императорскаго московскаго театра, и Татьяны Петровны Пассекъ. Записки Косицкой—это исповѣдь самородка-таланта, какъ нельзя лучше рисующая тѣ преграды, одолѣть которыхъ довелось даровитой женщинѣ, чтобы выбраться изъ ничтожества на славный путь артистки. Г-жа Пассекъ въ послѣднихъ главахъ ея Воспоминаній съ обычною этой писательницѣ теплотою и художественностью воспроизводитъ прекрасную личность графа Федора Петровича Толстаго—это свѣтлое и крупное явленіе въ исторіи русскихъ художествъ и искусствъ. Эти главы тѣмъ въ особенности интересны, что главный герой ихъ выступаетъ въ собственныхъ разсказахъ о разнообразныхъ событияхъ эпохи Александра I (масонскія ложи, ланкастерскія школы, аракчеевщина), а также объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ и отношеніяхъ его къ русскимъ художникамъ.....

Кстати напомнимъ то, о чёмъ мы оговаривались и въ прежнее время: Записки и Воспоминанія не есть непреложный, подлинный историческій документъ. Составители ихъ, къ сожалѣнію, не всѣ и не всегда отличаются безпристрастіемъ, не всегда подкрепляютъ свою память о повѣствуемыхъ ими событияхъ справками въ официальныхъ и другихъ непреложныхъ источникахъ, а потому зачастую дѣлаютъ ошибки хронологическія и другія.... И такъ, безъ строгой критики и проверки—этимъ отдаломъ материаловъ невозможно пользоваться; но въ виду того громаднаго значенія, какое имѣютъ мемуары для ознакомленія съ общимъ характеромъ той или другой эпохи, а также въ виду тѣхъ живыхъ характеристикъ дѣятелей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, художниковъ, писателей, артистовъ и вообще общественныхъ дѣятелей, какія мы зачастую находимъ въ сказаніяхъ современниковъ, лично ихъ знавшихъ,—нельзя не извинять составителямъ

Записокъ ихъ хронологическихъ или другихъ, сознательныхъ или безсознательныхъ, ошибокъ. Впрочемъ, въ печатаемыхъ нами мемуарахъ мы всегда исправляемъ помянутыя неточности, либо сами, либо печатая указанія и поправки, сообщаемыя читателями.

Записки доктора А. А. Генрихи о войнѣ 1853—1855 гг. окончены въ текущемъ году; о значеніи ихъ мы уже говорили въ отчетѣ за 1877 годъ «Русской Старинѣ». Не маловажнымъ также вкладомъ въ историческую литературу Крымской кампаніи и Севастопольского погрома должны послужить Записки генерала А. Е. Попова, бывшаго по 1-е декабря 1854 г. начальникомъ штаба гарнизона многострадального города; конечно, историкъ выдѣлить въ этихъ бойко написанныхъ Запискахъ правду отъ пристрастія, вызванного ненавистью къ князю Меншикову, дѣйствительно тяжко оскорбившему молодаго тогда полковника, составителя Записокъ.

Дневникъ пристава при Шамиль П. Г. Пржецлавскаго есть продолженіе уже начатаго въ изданіи «Русской Старинѣ» прошлаго года; онъ еще не конченъ—окончаніе его будетъ въ слѣдующемъ году; напечатано однако достаточно для того, чтобы найти въ дневникѣ весьма обстоятельный материалъ для знакомства съ группою злѣйшихъ враговъ Россіи, каковыми были Шамиль и его семейство, и по отношенію къ которымъ нельзѧ не вспомнить пословицы «какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсь смотрить».

Берлинскій академикъ Тьебо съ своими воспоминаніями о встрѣчахъ съ русскими людьми, путешествовавшими въ 1765—1785 гг. за границей, единственный иностранецъ, Записки которого помѣщены въ «Русской Старинѣ» текущаго года. Мы уже объяснили, въ прежнихъ обзорахъ, почему рѣдко и неохотно даемъ мѣсто въ нашемъ сборникѣ писаніямъ иноземцевъ о Россіи и русскихъ людяхъ. Даже дневникъ знаменитаго публициста Варнагена фонъ-Энзе послужилъ намъ источникомъ лишь для несолькихъ выдержекъ, которая какъ нельзѧ лучше показываютъ сколь искаженные свѣдѣнія имѣли иноземцы о нашемъ отечествѣ въ столь близкое къ намъ время, каковы 1845—1850 года. Другое дѣло русскій иностранецъ пасторъ Зейдеръ—русскій подданный, но думавшій, говорившій и писавшій только по нѣмецки. Пострадалъ онъ однако совершенно по русски, и нельзѧ безъ глубокой

скорби за время, въ которое возможны были такія явленія, читать повѣсть о его страданіяхъ, имъ самимъ двукратно начертанную.

Къ отдѣлу мемуаровъ можно отнести обширное собраніе писемъ Василия Николаевича Зиновьева изъ путешествія его по Германіи, Италии, Англіи и Шотландіи въ 1785—1789 гг. Хотя письма эти довольно длинны, монотонны, мѣстами совершенно скучны, тѣмъ не менѣе они имѣютъ значеніе какъ замѣтки одного изъ образованѣйшихъ представителей Екатерининского русскаго общества о художествахъ, искусствахъ, наукахъ, а также о политической и гражданской жизни Западной Европы. Любопытно сопоставить эти письма съ одновременными почти замѣтками другаго путешественника, именно желчнаго Дениса Ивановича фонъ-Визина, автора «Бригадира» и «Недоросля».

Изложенный перечень показываетъ, что въ 1878 г. въ «Русской Старинѣ», какъ мы сказали выше, появились Записки самыхъ разнообразныхъ по образованію и общественному положенію лицъ: крестьянинъ (онъ же солдатъ и монахъ), казакъ, протоіерей, пасторъ, ксендзъ-прелатъ, морякъ и жандармскій штабъ офицеръ, докторъ, женщины-писательницы и въ ихъ числѣ драматическая артистка, генеральшаго штаба офицеръ, губернаторъ — все это составители изданныхъ «Русскою Стариной» 1878 г. мемуаровъ. Можно подумать, что этимъ значительно исчерпано собраніе этого рода матеріаловъ, собранныхъ и подготовленныхъ редакціею «Русской Старины» къ помѣщенію на страницахъ этого изданія, между тѣмъ мы съ удовольствіемъ можемъ сообщить, что въ ея распоряженіи находится еще девяносто семь неизданныхъ этого рода рукописей, при чёмъ некоторые изъ нихъ состоятъ изъ несколькиихъ томовъ¹⁾.

¹⁾ Общее число изслѣдований, мемуаровъ, статей и замѣтокъ, сообщенныхъ «Русской Старинѣ» (по 1-е декабря 1878 г.) — 2,827. Изъ этого числа довольно много пѣхыхъ, фамильныхъ архивовъ, значащихся подъ однимъ нумеромъ. Едва ли шестая доля этихъ сообщеній печерпана «Русскою Стариной» (1870—1878 гг.), остальное будетъ печататься въ 1879-мъ и послѣдующихъ годахъ этого журнала.

II.

Историческихъ изслѣдований «Русская Старина» представила въ отчетномъ году не много¹⁾, но изъ нихъ нельзѧ не указать на изслѣдованіе-очеркъ Н. И. Костомарова—о казакахъ. Эта статья даровитаго нашего историка и ученаго имѣть тѣмъ большее значеніе, что предметъ ея—изъ области исторіи, специально и всесторонне разработанной г. Костомаровымъ, именно изъ исторіи Малороссіи. При недостаткѣ статей-изслѣдований, «Русская Старина» 1878 года представила рядъ довольно обширныхъ біографическихъ очерковъ. Таковы біографіи генераль-аншефа Ив. Ив. Бутурина, 1661—1738 гг., одного изъ главнѣйшихъ сподвижниковъ Петра Великаго; князя Друцкаго-Любецкаго, 1777—1846, бывшаго министра финансовъ Царства Польскаго, человѣка по-истинѣ геніального; цесаревича Константина Павловича—этотъ послѣдній трудъ, почти исключительно составленный по материаламъ, принадлежащимъ редакціи «Русской Старинѣ», есть первый опытъ біографіи цесаревича, бывшаго сподвижникомъ Суворова, невольнаго виновника кровавой смуты 14-го декабря 1825 года и польской революціи 1830 года. Отсутствіе біографіи этого, хотя и второстепеннаго, но крупнаго по своему положенію, дѣятеля въ исторіи Россіи XIX столѣтія давно чувствовалось и «Русская Старина», нынѣ восполнила этотъ пробѣлъ, представивъ не только біографію Константина Павловича (трудъ нашего почтеннаго сотрудника Е. П. Карновича), но и нѣсколько дополнительныхъ къ ней статей, таковы: «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ Верхнѣй, 20-го ноября 1830 г.», «Пріѣздъ польского депутата къ цесаревичу Константину Павловичу въ 1830 г.», «Народные толки о цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ». Точно также обиліе собраннаго редакціей материала дало возможность приступить къ біографіи другихъ, на совершенно иномъ поприщѣ, дѣятелей: мы говоримъ о жизнеописаніи Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго (1800—1857 гг.)—rossiйскаго Златоуста, какъ прозвали этого виткіо его безчисленные и пламенные поклонники,

¹⁾ Таковы, между прочимъ, «Десноты Земовичи въ XVI—XVII столѣтіяхъ»—статья С. Л. Пташицкаго, «Князья Долгоруковыхъ въ 1730—1739 г.», «Военная подптика и военные учрежденія»—статья М. И. Богдановича и друг.

а также о біографії покойнаго государственнаго мужа Константина Владиміровича Чевкіна. Въ первомъ труде, еще неоконченномъ, мы надѣемся представить весьма много совершенно новыхъ данныхъ къ ознакомленію читателей съ этимъ знаменитымъ іерархомъ россійской церкви, а второй — представляеть лишь одну, такъ сказать, главу изъ жизнеописанія Чевкіна, — именно время управлениі имъ путемъ сообщеній — весьма обстоятельная монографія Н. Н. Селифонтова, частью по бумагамъ, завѣщаннымъ покойнымъ Константиномъ Владиміровичемъ редакціи «Русской Старинѣ», частью по свѣдѣніямъ изъ официальныхъ источниковъ и изъ бумагъ Н. И. Бахтина.

Довольно полнымъ очеркомъ жизни какказскаго генерала Г. В. Новицкаго, 1800—1877 гг., и біографическими замѣтками о А. Ф. Корниловичѣ и И. А. Анненковѣ (декабристѣ), профессорѣ А. И. Селинѣ и поэту Н. А. Некрасовѣ исчерпывается обозрѣваемый отдѣлъ въ «Русской Старинѣ» изданія 1878 г.

• III.

Въ ряду отдельныхъ историческихъ материаловъ, каковы правительственные и юридические акты, указы, письма государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, небольшія полуобѣланыя монографіи объ отдельныхъ эпизодахъ, преимущественно изъ новѣйшей истории Россіи, рассказы и замѣтки — должно назвать:

Завѣщеніе и переписка одного изъ представителей именитой фамиліи Деспотъ Зеновичей, изъ эпохи XVI столѣтія: особенно любопытно завѣщеніе Юрія Деспота Зеновича 1562 года — обширный документъ, рисующій бытъ знатнаго западно-русскаго помѣщика каштеляна Смоленскаго, на 300 лѣтъ отдаленнаго отъ настѣнаго времени, притомъ православнаго исповѣданія. «Монастырский судъ въ 1610 г.», «Москва въ 1687—1688 гг.». Челобитна 1721 года на злоупотребленія горнозаводчика Акинфія Демидова въ Пермскомъ краѣ. Нѣсколько документовъ, рисующихъ мрачное время правленія Анны Іоанновны; таково убійство, по распоряженію ея правительства, полковника Синклера (1739); сожженіе на кострѣ одного башкирца въ Екатеринбургѣ (1738); примѣчанія неизвѣстнаго лица, кажется — исторіографа Миллера, на

письма лэди Рондо о русскомъ дворѣ (1730—1739) — переводъ интересной рукописи, принадлежащей Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу; «Русскій дворъ при императрицѣ Елизавѣтѣ Петровнѣ 1761 г.» — переводъ съ рукописи Лагернера, также принадлежащей Августѣйшему Владѣтелю Павловска, изъ превосходной библіотеки котораго заимствовано редакціей «Русской Старинѣ», съ благословленія разрѣщенія Его Императорскаго Высочества, вообще довольно много драгоценныхъ материаловъ къ отечественной исторіи XVIII вѣка.

Нѣсколько собственноручныхъ повѣдѣній и замѣтокъ Екатерины II и проч. Одному изъ самыхъ мрачныхъ эпизодовъ въ исторіи кратковременного царствованія императора Павла — суду и кровавой казни казацкихъ полковниковъ Грузиновыхъ, посвящена въ «Русской Старинѣ» обозрѣваемаго года особая монографія, составленная исключительно по военно-судному о нихъ дѣлу 1800 года.

Современная великая борьба Россіи съ Турцией за освобожденіе нашихъ многострадальныхъ братій славянъ Балканскаго полуострова вызвала насъ на напечатаніе, въ видѣ исторической справки, «извѣстія современника о призываѣ посломъ римскаго (австрійскаго) императора московскихъ царей на борьбу съ Турцией въ 1684 г.»; проекта адмирала Грейга объ овладѣніи Дарданеллами, съ замѣчаніями князя Потемкина (1783 года), и обширнаго маршрута отъ Рущука до Константиноополя — 1793 года, составленного русскими офицерами изъ свиты М. И. Голенищева-Кутузова, Ѳхавшаго въ тотъ годъ посломъ въ Константинополь. Имѣя же въ виду, что война 1877-го года уже дѣлается достояніемъ исторіи, мы помѣстили разсказъ о баязидскомъ славномъ сидѣніи, и теперь же

— приглашаемъ участниковъ минувшей войны представлять на страницы «Русской Старинѣ» свои воспоминанія, разсказы, замѣтки, документы — словомъ, все, что можетъ послужить материаломъ къ исторіи этой войны.

Разсказы современниковъ: «Императоръ Павелъ и старообрядцы», «Послѣдніе дни жизни и кончина императрицы Марии Феодоровны», «Холера въ С.-Петербургѣ въ 1831 г.», «Разсказы

изъ прошлаго г-жи Новосильцевой», «Рассказы старого лейбъ-казака», нѣсколько документовъ къ исторіи заселенія западнаго Кавказа (1861—1863 гг.) и нѣкоторыя другія замѣтки и материалы составляютъ ту Записную Книжку ред. «Русской Старинѣ», изъ которой мы издавна черпаемъ самые разнообразныя мелкія подробности къ освѣщенію тѣхъ или другихъ крупныхъ событий или достопамятныхъ дѣятелей и представителей власти или и самой среды русскаго общества той или другой эпохи. Въ ряду этихъ мелочей — всего до 70-ти небольшихъ статей и документовъ — не осталось, конечно, незамѣченнымъ «Судебное дѣйствіе» — діалогъ начала XIX стоятъ, знакомившій будущихъ юристовъ съ механизмомъ тогдашнихъ судейскихъ распорядковъ въ Россіи.

Переходя отъ наслѣдований, очерковъ и материаловъ чисто историческихъ къ отдѣлу литературному, необходимо еще упомянуть о двухъ обширныхъ генеалогическихъ трудахъ, поимѣвшихъ въ «Русской Старинѣ» обозрѣваемаго года: дѣло идетъ о двухъ родословіяхъ: Романовы-Юрьевы-Захарини съ XIII в. до 1613 г. и Царствующій въ Россіи домъ Романовыхъ въ XVII—XIX вв. Необходимость составленія и изданія этихъ родословій обусловливалась отсутствиемъ обстоятельно и совершиенно полно составленной генеалогической росписи этой фамиліи, а также безпрерывными упоминаніями о различныхъ ея членахъ въ «Русской Старинѣ» — изданіи всепѣльно посвященномъ изученію русской исторіи.

IV.

Разработка исторіи отечественной словесности съ самого основанія нашего изданія всегда входила въ кругъ главнѣйшихъ задачъ «Русской Старинѣ», но въ послѣдніе годы, вслѣдствіе значительности, по числу и объему, напечатанныхъ нами Записокъ и Воспоминаній, а равно въ виду обилия прочихъ историческихъ материаловъ, недостатокъ мѣста не позволилъ намъ представлять новые данные по отдѣлу исторіи отечественной словесности въ томъ количествѣ, какъ бы то намъ было желательно и чemu могли бы съ удобствомъ служить обширныя наши собранія этого рода материаловъ. Тѣмъ не менѣе, и въ 1878 году мы обнародовали нѣсколько историко-біографическихъ и литературныхъ материаловъ, а именно

по отношению къ Жуковскому, Пушкину, Гоголю, Лермонтову (варианты изъ подлинной рукописи: «Героя нашего времени») и Далю; равнымъ образомъ напечатали большое собрание писемъ и критическихъ замѣтокъ (1822—1830 гг.) знаменитагопольского историка Лелевеля по поводу монументальнаго труда Карамзина: «Исторія государства россійскаго», наконецъ, въ обозрѣваемомъ же году «Русской Старинѣ» напечатаны нѣкоторыя сатирическія литературные произведения прошлаго времени, каковы: «Приключеніе Густава III», сатира известнаго піти Екатерининскаго вѣка Василия Петровича Петрова († 1800 г.), «Митюха Валдайской», зрѣлице въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ — остроумная пародія П. Н. Семенова (1810 г.) на трагедію «Дмитрій Донской» Озерова; пародія эта имѣеть не только интересъ какъ весьма выразительное проявленіе въ средѣ русскаго общества начала XIX вѣка сознанія неестественности и нелѣпости драматическихъ произведеній, созданныхъ хотя бы и талантливыми писателями (каковымъ, напримѣръ, былъ Озеровъ), но по ложно-классическому шаблону. Независимо отъ этого, «Митюха Валдайской» имѣеть и другое значеніе, именно по своему превосходному языку: дѣйствительно, въ немъ чисто народный говоръ, живая струя вполнѣ народной безыскусственной рѣчи съ ея крайне образными и мѣткими выраженіями.

«Царь Горохъ» — шутка-пародія 1834-го года, равнымъ образомъ, — произведеніе вполнѣ русскаго бойкаго юмора; въ ней осмысливается также безжизненность, ходульность, высокопарность и безсодержательность формы, но уже не въ литературѣ, а въ науцѣ, жрецы которой — по просту сказать — въ силу тѣхъ или другихъ условій, въ которыхъ находилась тогда наука, съ усердиемъ, заслуживающимъ лучшаго дѣла, зачастую толкли воду, или занимались изслѣдованіемъ совершенно бесплодныхъ и ни для кого не нужныхъ вопросовъ.

Независимо однако отъ біографического материала и «смѣхотворныхъ» произведеній изъ доброго прошлаго, «Русская Старина» въ 1878 году представила одно серьезное, вполнѣ художественное произведеніе: мы говоримъ объ обширной поэмѣ В. К. Кюхельбекера «Вѣчный Жидъ». Никогда до сихъ поръ не напечатанное, произведеніе это замѣчательно не только само по себѣ, по своимъ литературнымъ достоинствамъ, каковы художественность нѣкоторыхъ поэтическихъ картинъ, въ немъ разсѣян-

ныхъ,—но и какъ яркое выражение того мистического направления, подвижникомъ которого является въ ряду поэтовъ Пушкинской эпохи—Кюхельбекеръ.

Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ—до сихъ поръ вовсе не упоминался въ исторіи отечественной словесности; «Русская Старина», напечатавъ его «Вѣчнаго Жизда», а нѣсколько ранѣе чѣмъ, которыя стихотворенія Кюхельбекера и его литературный дневникъ въ тюрьмѣ, — даетъ возможность историкамъ отвести этому поэту подобающее мѣсто въ пантеонѣ россійской словесности. Здѣсь только отмѣтимъ необыкновенную начитанность и, можно сказать, ученость Кюхельбекера: при обстоятельствахъ самыхъ гнетущихъ,—каково десятилѣтнее тюремное заточеніе и затѣмъ ссылка въ мѣста отдаленные въ Сибирь,—Кюхельбекеръ не переставалъ обогащать свой умъ изученіемъ иностраннѣй, европейскѣхъ и восточныхъ, литературы, а вмѣстѣ съ тѣмъ трудиться для пламенно любимой имъ отечественной словесности: обширное собраніе этакъ трудовъ, какъ переводовъ, такъ и оригинальныхъ произведеній, свято сбереженное и предоставленное въ распоряженіе редакціи «Русской Старинѣ» дѣтьми Кюхельбекера, еще ждетъ изданія и надлежащаго опредѣленія ихъ значенія для исторіи отечественной словесности.

Представляя литературно-художественные произведения прошлаго времени, «Русская Старина» сохраняетъ на своихъ страницахъ и созданія народнаго творчества. Таковы напечатанные въ цей въ 1878 г. «Скопческія пѣсни», также нѣсколько историческихъ народныхъ пѣсень, «Стихъ о раззореніи скитовъ», «Народные заговоры» и проч.

V.

Въ послѣдніе годы, въ «Русской Старинѣ» довольно много мѣста отведено исторіи художествъ и искусствъ въ Россіи. Такъ, нами изданы обширные біографические очерки русскихъ художниковъ съ обзорѣніемъ состоянія искусствъ въ нашемъ отечествѣ въ тѣ годы, когда подвизались эти художники, а также не менѣе обширныя собранія ихъ писемъ и замѣтокъ, знакомящихъ съ исторіей и процессомъ ихъ творчества. Въ 1878 г. этому отдалу въ «Русской Старинѣ» весьма посчастливилось: здѣсь напечатан

очеркъ изслѣдованія о жизни и дѣятельности, такъ сказать, отца бытовыхъ русскихъ живописцевъ Алексѣя Гавриловича Венеціанова (1780—1846), почтенный трудъ П. Н. Петрова—безспорно одного изъ знатоковъ исторіи искусствъ въ нашемъ отечествѣ и весьма много для нея потрудившагося. Въ «Русской же Старинѣ» 1878 г. помѣщенъ рядъ автобіографическихъ рассказовъ нашего гениального мариниста И. К. Айвазовскаго о его XLII-хъ лѣтній художественной дѣятельности (1836—1878 гг.).

Айвазовский принадлежитъ къ группѣ тѣхъ отмѣченныхъ Проридѣніемъ талантовъ, которые составляютъ гордость и славу страны, которой они принадлежать—и мы считаемъ себя счастливыми, что могли на страницахъ нашего изданія сохранять, въ его живыхъ и увлекательныхъ разсказахъ, весьма важный для будущаго его биографа материалъ.

Въ этомъ же году мы представили, кромѣ небольшихъ замѣтокъ (Жанъ Вуаль—живописецъ, А. Клеликовъ—медальеръ), нѣсколько довольно крупныхъ, по значенію, данныхъ для біографіи покойного вице-президента Академіи Художествъ гр. Ф. П. Толстаго, славнаго живописца-гравера-медальера, и окончили печатаніемъ собраніе писемъ, очерковъ и замѣтокъ А. Н. Сѣрова объ искусствѣ вообще и музыкѣ въ особенности. Письма эти вызывали неудовольствіе со стороны нѣкоторыхъ изъ нашихъ читателей—за ихъ, якобы, сухость, манерность и чрезвычайную растянутость,—тѣмъ не менѣе мы остаемся при высказанномъ уже нами уображеніи (см. «Русскую Старину» изд. 1877 г., т. XX, стр. 731), что мы не въ правѣ не издавать материалъ для изученія дѣятельности такихъ заслуженныхъ подвижниковъ искусствъ въ нашемъ отечествѣ, какимъ былъ даровитый, поразительно трудолюбивый и, можно сказать, ученый, вполнѣ строгий къ себѣ и другимъ, какимъ былъ А. Н. Сѣровъ. Если талантъ его и не стоялъ на высотѣ его обширнаго образованія и того многолѣтняго упорнѣйшаго труда, который онъ посвятилъ на его развитіе,—тѣмъ не менѣе трудовая жизнь Сѣрова положительно заслуживаетъ изученія, какъ свидѣтельство того, до чего можетъ достигнуть человѣкъ, съ энергией и твердою волей неуклонно преслѣдующій свои идеалы въ области искусствъ.

VI.

Въ 1878-мъ году въ «Русской Старинѣ» вмѣсто голово перечия вновь вышедшихъ книгъ по истории и вспомогательнымъ къ ней наукамъ, каковой тянулся на оберткѣ книгъ нашего издания въ прошлѣмъ году, возобновился «библиографический листокъ», — печатавшійся съ 1870-го по 1876 г. включительно. Составленіе этого листка принадлежитъ профессору русской истории въ Киевскомъ университѣтѣ В. С. Иконникову, известному иѣсколькими весьма замѣчательными трудами въ области какъ до-петровской, такъ и новѣйшей отечественной истории. Благодаря этому листку, читатели «Русской Старины» своевременно ознакомились со значеніемъ и достоинствомъ до 30-ти вышедшихъ въ послѣднее время главнѣйшихъ трудовъ и сборниковъ по отечественной истории, археологіи, географіи, этнографіи и нумизматикѣ.

VII.

Намъ остается сказать, что изданіе «Русской Старины» за обозрѣваемый годъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, украшено иѣсколькими художественными приложеніями, а именно при книгахъ 1878 года помѣщены: портреты зловелучныхъ, по своей трагической смерти (въ 1739 г.), князя Василія Лукича Долгорукаго — славнаго дипломата, сподвижника Петра Великаго, и Ивана Алексѣевича Долгорукаго — любимца Петра II; также рѣдкій портретъ императора Александра I (1802 г.), силуэтъ пастора Зейдера, наконецъ портретъ кавказскаго генерала Г. В. Но-вицкаго. Напомнимъ при этомъ случаѣ, что, предпринимая въ 1870 году изданіе «Русской Старины», мы не обѣщали никакихъ художественныхъ приложенийъ и, напротивъ, самое изданіе, соответственно крайне умѣренной подписной на него цѣнѣ, предполагали издавать въ размѣрѣ не свыше восьми печатныхъ листовъ въ мѣсяцъ.

Но воть, по мѣрѣ возрастанія сочувствія къ «Русской Старинѣ» ея читателей, это изданіе стало выходить въ полтора, иногда даже въ два раза большемъ противу прежняго объема и съ весьма цѣнными приложеніями, каковы портреты достопамятныхъ русскихъ людей въ гравюрахъ отечественныхъ талантливыхъ художниковъ: на мѣди—академика И. П. Пожалостина, и на деревѣ—академика Л. А. Сѣракова (гравера Его Императорскаго Величества). Произведеній рѣзца этихъ художниковъ накопилось теперь въ изданіяхъ «Русской Старинѣ» довольно много, такъ что, не говоря уже о рисункахъ, чертежахъ и снимкахъ, приложенныхъ къ «Русской Старинѣ», если бы собрать въ одинъ альбомъ только портреты, ею изданные, то таковой вмѣститель бы въ себѣ болѣе пятидесяти портретовъ¹⁾.

Не ограничиваясь гравюрами, ред. «Русской Старинѣ» время отъ времени прилагала хромолитографіи. Такъ, въ 1878 г. изданъ нами хромолитографический (красками отпечатанный) снимокъ портрета Н. В. Гоголя. Трудность возможно точнаго воспроизведенія этого портрета, принадлежащаго кисти знаменитаго художника А. А. Иванова (1841 г.), вызвала продолжительность этой работы, исполненной въ Парижѣ известнымъ литографомъ Лемерсье²⁾. Изданію «Русскою Стариной» хромолитографированнаго снимка съ лучшаго портрета Н. В. Гоголя предшествовало появленіе на страницахъ нашего изданія (1878 г.) весьма обстоя-

¹⁾ Воть они: Александръ I.—Анна Ioannovna.—Гр. Аракчеевъ (2 портрета).—Биронъ.—Болотовъ (2 портрета).—Брауншвейгское семейство (4 сида).—Булатовъ.—Бѣлинскій.—Воейковъ.—Волковъ.—Гоголь (отпечатанъ красками).—Грибоѣдовъ.—Княгиня Дашкова.—Денисовъ, атаманъ.—Гр. Дмитріевъ-Мамоновъ.—Дмитрій самозванецъ.—Князья В. Л. и И. А. Долгорукіе (казнены въ 1739 г.).—д'Эонъ.—Екатерина II.—А. П. Ермоловъ.—Зейдеръ (сида).—Кн. Зубовъ.—Императоръ Ioannъ Antonovich.—Каразинъ.—Кн. Кутузовъ-Смоленскій.—Клугенау.—Лермонтовъ (отпечатанъ красками).—Княгиня Лопухина (статья-дама, казненная въ 1742 г.).—Михельсонъ (побѣдитель Цугачева).—Муравьевъ-Карсскій.—Новицкій.—М. Ф. Орловъ.—Петръ Великій.—Платовъ, атаманъ.—Кн. Потемкинъ.—Пугачевъ (2 портрета).—Рябининъ, крестьянинъ, пѣвецъ былинъ.—Филаретъ, митрополитъ Московскій.—Фотій, архимандритъ Юрьевско-Новгородскій.—Чевкинъ.—Шамиль.—И. А. Яковлевъ и мн. другие.

²⁾ Производство снимка и отпечатаніе онаго въ Парижѣ, въ 5,725 экз., со многихъ камней, продолжалось болѣе года и стоило намъ 1,875 франковъ.

тельное изслѣдованіе П. А. Ефремова о портретахъ Гоголя и рисункахъ къ его сочиненіямъ. Изслѣдованіе это можетъ служить образцомъ для критического обозрѣнія портретовъ того или другаго изъ наиболѣе популярныхъ писателей, государственныхъ и вообще общественныхъ дѣятелей.

Прочія приложенія къ «Русской Старинѣ» 1878 года состоять изъ снимка (автографа) съ подлиннаго стихотворенія И. А. Крылова и нѣсколькихъ мелкихъ рисунковъ: виды землянокъ подъ Севастополемъ, 1854—1855 гг., знакъ масонской ложи «Соединенныхъ славянъ» и изображеніе памятника на могилѣ пастора Зейдера.

Ред.

Сельцо Федорцево.
1878 г.

Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ“ историческіе или историко-литературные статьи и материалы.

Поименовываемъ въ настоящемъ спискѣ тѣхъ лицъ, сообщенія которыхъ находятся въ распоряженіи редакціи и, по возможности, будутъ напечатаны въ книгахъ ежемѣсячнаго историческаго изданія «Русской Старинѣ» 1879-го и послѣдующихъ годовъ:

В. П. Авенариусъ,—Аврамовъ,—Н. Агафоновъ,—А. К. Адинцовъ,—М. П. Азанчевскій,—И. К. Айзаковскій,—И. И. Акутина,—П. В. Алабинъ,—В. А. Альфонскій,—И. Амелицкій,—И. Андозкій,—И. Я. Андреевскій,—Анненковъ,—графъ С. А. Апраксинъ,—А. П. Арбузовъ,—И. А. Аренсь,—проф. Н. Я. Аристовъ,—Арнольди,—Ф. А. Арсеньевъ,—П. Я. Аршеневскій,—Асташевъ,—Н. Н. Ахвердовъ,—А. Ю. Ашебергъ.

Баландовичъ,—О. С. Балктъ,—А. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскіе,—Н. П. Бараніусъ,—С. И. Барановскій,—П. И. Барановъ,—А. А. Баранцевъ,—А. И. Барзецовскій,—проф. Н. И. Барсовъ,—Н. П. Барсуковъ,—В. С. Барыковъ,—Н. П. Барышниковъ,—Батюшковъ,—А. В. Башкатовъ,—Б. Башловскій,—Башуцкій,—кн. В. Башшевъ,—А. Безсоновъ,—В. Безсоновъ,—А. Безуладиновъ,—Н. В. Бергъ,—Ш. В. Березинъ,—Я. Ф. Березинъ-Ширяевъ,—Ад. П. Берже,—Беръ,—В. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—Р. И. Бжостовская,—Н. Билибинъ,—баронъ Бистромъ,—Бобровскій,—С. Боголюбскій,—М. И. Богдановичъ,—Н. К. Богушевскій,—И. Н. Божерановъ,—М. П. Болотовъ,—Боричевскій,—А. А. Бородулінъ,—М. Ф. Бороздинъ,—Я. И. Борзецовскій,—Д. Благово,—проф. А. Г. Брикнеръ,—Б. Ф. и В. Ф. Булгаринъ,—Бутковъ,—Бутаковъ,—баронъ Бутлеръ,—гр. М. Д. Бутуринъ,—Н. Д. Быковъ,—акад. А. Ф. Бичковъ,—А. Былаго,—Н. А. Былозерская,—баронъ Ф. А. Бюлеръ.

В. Н. Ваксель,—И. И. Васильевъ,—А. П. Васильевъ,—П. П. Васильевъ,—Васильчиковъ,—Н. Васильковъ,—г. Вахтина,—В. Н. Ведениковъ, П. И. Великопольскій,—А. Величковъ,—Вельмишновъ,—М. А. Веневитиновъ,—А. А. Венетціанова,—М. П. Венюковъ,—акад. К. С. Веселовскій,—Н. И. Вакинскій,—Н. Виноградовъ,—А. Н. Виноградовъ,—К. А. Висковатовъ,—В. Н. Витевскій,—А. Н. Витнеръ,—Ф. К. Ватбергъ,—Н. П. Вишняковъ,—Владимирова,—М. Владыкинъ,—П. П. Вознесенъ,—А. Ф. Волковъ,—кн. Волконскій,—И. И. Вологдинъ,—И. В. Вологдинъ,—П. А. Вороновъ,—Вороновъ,—Воскобойниковъ,—Н. М. Востоковъ,—Н. Н. Вохинъ,—баронъ Вревскій,—баронесса Вревская,—Вудъ,—А. Н. Вульфъ.

С. Н. Гавrilovъ,—кн. И. Гагаринъ,—К. И. Гамаринъ,—А. Гакъ,—А. Д. Галаховъ,—Гвоездиковъ,—Г. Н. Геннади,—Н. В. Гербель,—Герцыкъ,—П. П. фонъ-Гецъ,—Гилюстъ,—А. Г. Глинка,—В. С. Глявка,—М. С. Глинка,—Ф. С. Глинка,—Глуховъ,—И. Е. Годлевскій,—гр. П. А. Голенищевъ-Кутузовъ,—В. В. Голенищевъ-Кутузовъ,—кн. К. К. Голицынъ,—кн. Н. Н. Голицынъ,—кн. Н. П. Голицынъ,—кн. Н. С. Голицынъ,—кн. С. П. Голицынъ,—И. Головинъ,—П. С. Головинъ,—И. Голышевъ,—Голубевъ,—И. Ф. Горбуновъ,—проф. А. Д. Градовскій,—Н. И. Григоровичъ,—А. Н. Григорьевъ,—А. Громачевскій,—Н. В. Губерти,—П. Гулякъ-Артемовскій,—С. И. Гуляевъ,—свящ. В. Гурьевъ.

В. Д. Давыдовъ,—К. И. Давыдовъ,—Давыльченко,—И. Я. Дашковъ,—П. П. Деви,—Н. Д. Де-ла-Флизь,—А. П. Демидовъ,—Фонъ-Дерфельденъ,—А. И. Десногъ Зеновичъ,—К. К. Детловъ,—Диятрапотовъ,—Дмитревъ,—Н. Г. Диоксовскій,—Я. И. Довголевскій,—В. Док-ій,—кв. В. Долгоруковъ,—А. Долгоруковъ,—кн. С. В. Дружкой-Соколовскій,—И. И. Дубасовъ,—Н. Ф. Дубровинъ,—Н. П. Дуро́въ.

К. Евле́тьевъ,—от. П. П. Еланскій,—кв. Енгальчевъ,—Н. А. Ермаковъ,—Н. Н. Ермаковъ,—В. Ермаковъ,—А. Ерошкинъ,—А. П. Есиповъ,—Г. В. Есповъ,—И. Ефимовъ,—П. А. Ефремовъ.

А. Н. Ждановъ,—Н. Ф. Желтовъ,—А. Жемчужниковъ,—Н. Л. Жемчужниковъ,—В. И. Жиркевичъ,—В. Жуковъ,—Д. Жуковъ,—Журавский.

А. П. Заблоцкій-Десятовскій,—И. Е. Забылинъ,—Л. А. Загоскинъ,—А. Г. Затлеръ,—И. Захарынъ,—К. Зенденгорстъ,—А. Змѣевъ,—В. Р. Зотовъ,—Е. Б. Зубова.

П. А. Ибердусовъ,—Н. С. Иванина,—А. В. Ивановъ,—Н. И. Иванова,—Ивановскій,—от. И. Иващенковъ,—Иверсенъ,—Игнатьевъ,—П. А. Измайлова,—проф. В. С. Иконниковъ,—М. А. Имбергъ,—В. А. Инсарскій,—Н. О. Истяевской,—С. Ф. Истевъ.

Казадаевъ,—И. С. Казанскій,—Казачокъ,—М. К. Казина,—Казинъ,—П. С. Калячевскій,—Д. И. Калугинъ,—граф. Л. М. Каменская,—Канаринъ А., кн. М. А. Кантакузина,—гр. И. Капнистъ,—В. Н. Карамзинъ,—А. А. Карапасевъ,—М. В. Карапасевъ,—А. М. Каратыгина,—П. А. Каратыгинъ,—С. А. Каратыгинъ,—П. П. Каратыгинъ,—П. Карнауховъ,—Е. П. Карновичъ,—С. Д. Барловъ,—А. Карташевъ,—Н. А. Барцевъ,—П. Карцевъ,—Н. С. Кашкинъ,—Н. Г. Бедровъ,—Н. П. Кельшъ,—Т. Кильбальчикъ,—Кирilloвъ,—А. Н. Кирилантъ,—Киселевъ,—П. А. Кипицынъ,—Ф. Н. Кыштенскій,—И. Кларкъ,—П. Клемиковъ,—Князевичъ,—А. С. Князевъ,—Д. Ф. Кобеко,—Г. А. Коновалевскій,—Н. И. Коневаевъ,—М. М. Конязинъ,—Козадаевъ,—С. Козловскій,—Н. И. Койленскій,—Колачевскій,—К. П. Колзаковъ,—Н. М. Колмаковъ,—гр. Н. М. Коновницкая,—Д. А. Кольева,—Е. Ф. Корвинъ-Круковская,—И. П. Корниловъ,—Ю. В. Коссова,—Я. И. Костенецкій,—Н. И. Костомаровъ,—М. Костылевъ,—Н. П. Косаровскій,—А. Красильниковъ,—В. А. Краснокутскій,—М. Круповичъ,—В. Ф. Кудрявцевъ,—М. П. Кудрявцевъ,—Г. И. Кузминскій,—С. Е. Кухеша,—акад. А. А. Кувакъ,—И. К. Куприяновъ,—кн. Куракинъ,—М. Куроптевъ,—М. Н. Кучаевъ,—М. В. Кюхельбекеръ.

Проф. Н. Лавровскій,—А. М. Лазаревскій,—И. Е. Лалотниковъ,—С. Лашкаревъ,—С. И. Лашкевичъ,—А. С. Лебедевъ,—Н. П. Лебедевъ,—В. И. Лебедевъ,—П. П. Лебле,—О. Я. Левенсонъ,—М. А. Левенцовъ,—А. А. Левшинъ,—А. П. Левшинъ,—архимандр. Леонидъ,—Леонидъ,—А. Ф. Леопольдовъ,—В. В. Лермонтовъ,—В. Н. Лермонтовъ,—К. Ф. Де-Ливронъ,—В. Лихачевъ,—А. В. Лишинъ,—кв. А. Б. Лобановъ-Ростовскій,—Г. Г. Ломносовъ,—Н. А. Лопатинова,—Е. А. Лопушинскій,—Г. Лохвицкій,—В. К. Лудкій,—В. И. Лѣстянинъ,—Любарскій,—И. Людмиловъ,—И. М. Лядовъ.

Н. С. Маевскій,—О. Маевскій,—В. Н. Майновъ,—И. В. Майновъ,—Л. Н. Майковъ,—С. М. Макарова,—К. Максимовъ,—Н. Я. Максимовъ,—И. П. Малаховскій,—И. И. Мавжура,—Мансуровъ,—К. А. Мавъковскій,—Маранъ,—М. А. Марковъ,—П. И. Мартосъ,—А. А. Мартыновъ,—П. Мартыновъ,—кн. Н. Масальскій,—Е. П. Масловъ,—А. Н. Матвеевъ,—У. П. Матвеевъ.—Ив. Матченковъ,—

П. И. Мацьевичъ,—Л. С. Мацьевичъ,—И. А. Мачинскій,—бар. Мейндорфъ,—Н. К. Меллеръ,—Мельниковъ,—П. Н. Меншиковъ,—А. Е. Мердаловъ,—Мешетичъ,—Г. И. Мигринъ,—Н. Д. Мизко,—проф. О. Ф. Миллеръ,—О. Б. Миллеръ,—гр. Г. А. Милорадовичъ,—Милюковъ,—М. А. Милютина,—Г. Минъ,—С. Миропольскій,—М. П. Митковъ,—В. Михайловъ,—Г. Михельсонъ,—А. Ф. Можаровскій,—гр. А. А. Мордвиновъ,—Д. Л. Мордовцевъ,—П. Морозовъ,—Д. К. Морозъ,—Е. Т. Морошкина,—И. Я. Морошкинъ,—Я. Морошкинъ,—А. П. Муликовскій,—Н. Н. Мурзакевичъ,—Г. И. Мѣшковъ.

М. Нагорновъ,—Надеждинъ,—Нарбутъ,—А. Нарохинецкій,—А. С. Наста-
внъ,—П. И. Небольсинъ,—Н. Е. Невзоровъ,—Е. С. Некрасова,—И. Некрасовъ,—
Нелидовъ,—Несвѣтаевъ,—А. Н. Неустроевъ,—О. Ф. Нечаевъ,—Нѣ-
ювъ,—С. А. Никитенко,—баронъ А. Н. Николаи,—А. А. Никольскій,—В. В.
Никольскій,—Никулинъ,—М. Д. Нилювъ,—Л. Л. Ничпаевскій,—Н. Новицкій,—
А. Г. Новоселовъ,—С. Д. Нося.

Кн. А. А. Оболенскій,—С. Оболенскій,—кн. Ю. Оболенскій,—Огаревъ,—
П. Огіевскій,—Озеровъ,—Ю. А. Озобишинъ,—П. О. Омельяненко,—Ф. К. Опо-
чанинъ,—И. И. Ореусъ,—А. Орловъ,—В. Б. Орловъ,—Н. М. Орловъ,—П. А.
Орловъ,—проф. Н. А. Осокинъ,—гр. Д. Е. Остенъ-Сакенъ,—баронесса Л.
Остенъ-Сакенъ.

Л. Н. Павлищевъ,—И. Д. Павловскій,—А. А. Павловъ,—А. С. Павловъ,—
В. Ф. Павловъ,—Н. Палибинъ,—А. В. Пальчиковъ,—Панаевъ,—Н. И. Па-
новъ,—Ф. Ф. Пардалоцкій,—П. Д. Паренцовъ,—И. В. Паскачинъ,—В. Пассекъ,—
Т. П. Пассекъ,—Пафнутьевъ,—В. Пашенко,—И. Пеньковскій,—Перетцъ,—Пер-
фильева,—Петровскій,—Ал. Н. Петровъ,—Андр. Н. Петровъ,—П. Н. Пѣ-
тровъ,—А. А. Шансонъ,—Цлатанова,—А. А. Позало-Шылковскій,—А. Ф.
Подвысоцкій,—И. П. Поддубный,—И. Е. Подтыгинъ,—акад. И. П. По-
жалостинъ,—Е. Ц. Позднѣевъ,—А. П. Покровскій,—В. Ф. Покровскій,—
В. Поляковъ,—Н. А. Поливановъ,—В. Н. Поливановъ,—А. С. Полонскій,—
Я. П. Полонскій,—А. Пономаревъ,—Анд. Н. Поповъ,—И. С. Поповъ,—Ми-
хailъ И. Поповъ,—Николай Поповъ,—А. Е. Поповъ,—М. Н. Поквисневъ,—
Н. Н. Правниковъ,—А. Преображенскій,—О. А. Пржедлавскій,—П. Г. Пржедлав-
скій,—Д. И. Прозоровскій,—М. С. Прокудинъ-Горскій,—С. Л. Пташицкій,—
И. А. Пузыревскій,—А. П. Пулло,—А. Г. Пупаревъ,—А. П. Пятковскій.

А. Раменскій,—М. М. Рангъ,—А. Распоповъ,—П. С. Ревякинъ,—С. А. Рег-
менскій,—Н. В. Реутскій,—графъ Ржевускій,—Людмила Ив. Рикордъ,—А. Ф.
Риттихъ,—Д. А. Ровинскій,—Д. П. Родіоновъ,—А. И. Розановъ,—Н. П. Роза-
новъ,—Н. И. Розановъ,—О. фонъ-Розенбергъ,—бар. А. Е. Розенъ,—Д. А. Ро-
котовъ,—А. Н. Романовскій,—Ю. А. Романовъ,—П. Рословъ,—А. Росимоновъ,—
графъ И. Н. де-Рошфоръ,—Д. И. Ртищевъ,—Д. Рубакинъ,—С. А. Рудакова,—
Рудаковъ,—Н. Рудыковскій,—К. Рудницкій,—В. Р. Руммель,—Руничъ,—Н. Рын-
довскій,—Г. К. Рѣпинскій,—Д. Д. Рябчинъ.

П. И. Савватовъ,—А. И. Савельевъ,—А. А. Савурскій,—Савельевъ,—Д. Са-
довниковъ,—Садовскій,—Н. Ф. Сазоновъ,—В. Саптовъ,—Н. Ф. Самаринъ,—
Н. Самойло,—И. Самсоновъ,—А. Сапожниковъ,—В. С. Сахаровъ,—Свамо-
кинъ,—Свищуновъ,—Т. Н. Седицкій,—Сезиновъ,—Н. Н. Селифонтовъ,—
В. И. Семевскій,—П. Семеновъ,—Сергѣевъ,—баронъ М. Н. Сердобинъ,—Сер-
дюкова,—Сеславина,—Симоновъ,—Скальковскій,—Д. И. Скобелевъ,—Б. Скоро-
богатый,—В. Смирновъ,—Д. Смыслиевъ,—А. И. Соболевскій,—В. Соколовскій,—

акад. Ф. Г. Солицеръ,—акад. С. М. Соловьевъ,—А. И. Сомовъ,—Р. Сорокинъ—Т. А. Сосновский.—П. Т. Софиенко-Сухомлиновъ,—В. Д. Смысольчъ,—А. Д. Спасский,—Н. И. Стародубскій,—А. Старцевскій,—В. В. Стасовъ,—С. В. Стебинскій,—Б. А. Степановъ,—В. А. Степановъ,—Н. И. Степановъ,—П. А. Степановъ,—Э. И. Стоговъ,—А. Д. Столыпинъ,—Сторожевскій,—Стороженко,—Стронинъ,—В. Я. Стоюнинъ,—Н. И. Стояновскій,—А. И. Стриголкій,—Н. С. Стромиловъ,—Д. М. Струковъ,—Стрыковъ,—Г. И. Студенкинъ,—С. Ступинъ,—А. А. Суворовъ, князь Италийскій графъ Рымникскій,—С. Судаковъ,—С. Н. Сулима,—В. Сузыменевъ,—А. И. Сулоцкій,—П. Суходольскій,—Сушкинъ,—С. П. Сысоевъ,—акад. Л. А. Сѣрововъ.

Д. Г. Тальбергъ,—В. Таницкій,—Темниковъ,—Н. М. Тереховъ,—Тимофеевъ,—Тимченко-Рубанъ,—В. В. Тимощукъ,—В. П. Титовъ,—И. Тихомировъ,—К. Н. Тихонравовъ,—проф. Н. С. Тихонравовъ,—Толстый,—Томашевъ,—Н. Е. Топчевъ,—Л. Н. Трефолевъ,—П. Трофимовскій,—А. Н. Трузоровъ,—Туганъ-Мирза Барабовскій,—Турау,—С. И. Турбинъ,—кн. Н. Н. Туркестановъ,—Тучковъ,—И. И. Тѣльновъ.

Н. Федоровъ,—А. И. Фелькнеръ,—Т. И. Филипповъ,—К. Н. Флингे,—И. Р. Фонъ-деръ-Ховенъ,—О. Е. Франкъ,—Фрезе,—А. В. Фрейганъ.

А. Ханъ-Аговъ,—Хмѣльницкій,—П. Ф. Хомутовъ,—А. Н. Хребтовъ,—Н. Хулотскій.

Цвиленегъ,—С. Ф. Цвѣтковъ.

Графъ Э. Б. Чалскій,—В. И. Чаславскій,—Ад. П. Чеботаревъ,—Ченихинъ,—Г. С. Чирковъ,—И. А. Чистовичъ,—Я. А. Чистовичъ,—Н. Чуйковъ,—А. А. Чумиковъ,—П. А. Чумиковъ,—К. Н. Чупинъ.

И. И. Шамшевъ,—Н. И. Шигановъ,—кн. Ив. Шаховской,—Е. Г. Шварцъ,—К. Н. Шварцъ,—Б. С. Шевыревъ,—П. В. Шнейъ,—А. В. Шереметевъ,—Н. К. Шальдеръ,—Г. И. Ширяевъ,—А. Д. Шишковъ,—А. Шляпинскій,—А. О. Шлейсеръ,—Шляпкинъ,—А. С. Шляхтичъ,—И. А. Шмаковъ,—Н. К. Штрандманъ,—М. Ф. Шугуровъ,—Б. К. Шульцъ,—В. В. Шульцъ.

П. К. Щебальскій,—Н. Н. Щукинъ.

П. И. Юркевичъ.

Языковъ,—С. М. Якимахъ,—В. А. Яковлевъ,—С. А. Яковлевъ,—Якубовъ,—Якушкинъ,—Г. Д. Яновичъ,—С. Х. Яньковскій,—Истржембскій,—П. Ясинецкій,—А. Н. Яхонтовъ,—княгиня Е. М. Яшвиль.

Въ заключеніе долгомъ считаемъ съ признательностью упомянуть о покойныхъ: А. И. Артемьевъ,—А. Н. Асанасьевъ,—Я. П. Баклановъ,—Е. А. Бестужевой,—М. А. Бестужевъ,—О. М. Беданская,—И. Д. Быловъ,—И. Д. Варнаховскомъ,—Н. В. Веригинъ,—А. С. Вороновъ,—А. Ф. Гильфердингъ,—А. К. Гриббе,—В. И. Дағъ,—П. М. Дараганъ,—Н. Н. де-Прерадовичъ,—И. И. Европеусъ,—К. К. Злобинъ,—Ф. В. Каразинъ,—от. К. Кустодіевъ,—А. М. Княжевачъ,—П. П. Ламбнъ,—П. С. Лебедевъ,—Е. Ф. Лермонтовъ,—кн. С. А. Мадатовой,—П. К. Менковъ,—от. М. Я. Морошкинъ,—Ф. Н. Муратовъ,—П. А. Мухановъ,—акад. П. П. Некарскомъ,—А. Н. Поповъ,—В. Ф. Раттъ,—А. И. Рыжовъ,—И. И. Свізевъ,—В. И. Фелькнеръ,—М. Д. Хмѣровъ и К. В. Чевкинъ,—сообщенныя ими Записки (мемуары), изслѣдованія, статьи, письма и большія или меньшія собранія историческихъ материаловъ или даже фамильные архивы (напр. Е. В. Чевкина) находятся въ распоряженіи «Русской Старины» и также постепенно будутъ печататься.

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ ВЪ 1878 году.

Въ 1878 г. экземпляры «Русской Старини» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

Акмолинская обл.	
(381,900 жит.).	
Акмолы	1
Кокчетовъ	1
Омскъ	16
Петропавловскъ	1
	19
Амурская обл.	
(44,297 жит.).	
Благовѣщенскъ	6
Албазинъ	3
Михайло-Семеновская	1
Чернигова	1
	11
Архангельская губ.	
(291,696 жит.).	
Архангельскъ	12
Онега	1
Пинега	1
Сорокская	1
Шенкурскъ	1
	16
Астраханская губ.	
(612,625 жит.).	
Астрахань	21
Знаменская	1
Красный Яръ	1
	23

Валийская губ.	
(539,388 жит.).	
Баку	11
Куба	1
Ленкорань	1
Марзинская	1
Сальны	1
Шемаха	2
	17
Бессарабская губ.	
(1,254,706 жит.).	
Кишиневъ	29
Алкерманъ	4
Байрамча	1
Бендера	5
Каушаны	1
Секуранская	2
Сороки	1
Тарутино	1
Хотинъ	2
	46
Варшавская губ.	
(949,965 жит.).	
Варшава	68
Александровъ Пограничный	1
Влоцлавскъ	3
Ловичъ	4
Новый Дворъ	9
Скерневицы	2
	87

Виленская губ. (1,123,206 жит.).			
Вильно	36	Kорецъ	4
Вилейка	2	Кременецъ	1
Лисна	3	Купель	1
Молодечно	2	Любарская	1
Свенцяні	1	Луцъ	2
Солы	1	Новоградъ Волынскій	2
Щучинъ	1	Овручъ	2
	—	Олька	1
	46	Островъ	1
		Печановка	1
		Радивилъ въ	3
		Ровно	4
		Старо-Константиновъ	2
Витебская губ. (912,844 жит.).		44	
Витебскъ	5	Вологодская губ. (1,041,269 жит.).	
Велижъ	3	Вологда	13
Динабургъ	10	Великій Устюгъ	1
Дрисса	1	Вельскъ	1
Невель	1	Кадниковъ	2
Сеньковскамъ	1	Никольскъ	1
	—	Тотьма	2
	21	Усть-Сысольскъ	1
Владимирская губ. (1,280,550 жит.).		21	
Владимѣръ	18	Воронежская губ. (2,259,973 жит.).	
Александровъ	4	Воронежъ	26
Бараново	1	Бестужевская	1
Болдинскамъ	1	Бирючъ	2
Васильевское	1	Бобровъ	4
Второвская	1	Бутурлиновка	2
Вязники	3	Валуйки	3
Гавриловъ посадъ	1	Задонскъ	1
Гороховецъ	3	Землинскъ	3
Иваново-Вознесенскъ	5	Калячъ	2
Киржаль	4	Константиновская	1
Морровъ	2	Коротоякъ	1
Меленки	1	Ливенскъ	2
Мошка	1	Мандрово	1
Нуромъ	5	Нижнедѣвичъ	1
Никольское	1	Новохоперскъ	2
Покровъ	1	Острогожскъ	6
Сима	1	Павловскъ	1
Судогда	1	Ровенки	1
Сузdalъ	2	Россоша	1
Тейково	4	Хрѣново	2
Шуя	8		
Юрьевъ-Польскій	1		
	65		
Волынская губ. (1,877,961 жит.).		63	
Житомиръ	8	Выборгская губ. (289,170 жит.).	
Владимѣръ	2	Выборгъ	3
Волочискъ	2	Сердоболь	1
Дубно	4	Фридрихсгамъ	1
Заславъ	1		
Ковель	2		

Вятская губ. (2,448,600 жит.).		Екатеринославская губ. (1,488,016 жит.).	
Вятка	13	Екатеринославъ	23
Воткинскій зав.	1	Азовъ	2
Дебесы	1	Александровскъ	5
Елабуга	5	Бахмутъ	1
Ижевскій зав.	3	Верхнеднѣпровскъ	5
Кикнурская	1	Гавриловка	1
Лубанская	1	Еленовское	1
Малмыжъ	2	Канцерополь	1
Нолинскъ	1	Константиновка	1
Орловъ	1	Куцеваловская	1
Сарапуль	3	Лозовая	2
Слободской	1	Лозовая	1
Уржумъ	2	Луганскій зав.	3
	35	Мариуполь	3
Гродненская губ. (1,033,678 жит.).		Марченская	1
Гродно	11	Новомосковскъ	3
Брестъ-Литовскъ	7	Павлоградъ	6
Бѣлостокъ	4	Перещепино	6
Заполье	1	Петропавловка	1
Зельви	1	Ростовъ	16
Кобринъ	1	Самойловка	1
Пружаны	1	Славянскербскъ	2
Слонимъ	1	Славгородъ	2
	27	Софievка	1
Дагестанская обл. (477,731 жит.).		Таганрогъ	13
Дербентъ	2		102
Гунибъ	2	Елисаветпольская губ. (593,784 жит.).	
Дашлагаръ	1	Елисаветполь	6
Петровскъ	3	Деликанъ	1
Темиръ-Ханъ-Шура	6	Новоакстафинская	1
Чиръ-Юртъ	1	Шуша	1
	15		9
Донская обл. (1,275,686 жит.).		Енисейская губ. (372,862 жит.).	
Новочеркасскъ	43	Красноярскъ	9
Амвросиевка	1	Енисейскъ	7
Боковская	2	Каргилъ	3
Голодаевка	4	Кореливо	1
Грушевская	2	Минусинскъ	3
Есауловская	1		23
Константиновская	3	Забайкальская обл. (430,780 жит.).	
Миллерово	1	Чита	6
Нижнечирская	1	Верхнеудинскъ	3
Новогригорьевская	1	Горбичевская	1
Урюпинская	4	Кавыкучи-газимурская	1
Усть-Медведицкая	4	Кяхта	2
Харцызская	2	Нерчинскъ	3
Цымлянская	4	Нерчинский зав.	3
Шалаевская	2		
Шахтазъ	1		
	76		

Средняя Кара	1	Калужская губ.	
Стрѣтенская	1	(1,010,628 жит.).	
Тромъкосавскъ	2		
Шелопугинская	2		
	25	Калуга	14
Закаспійскій отд.		Александровскій хуторъ	1
(275,000 жит.).		Боровскъ	1
Красноводскъ	1	Бричъ	1
	1	Жиздра	6
Западальскій оспр.		Козельскъ	3
(68,839 жит.).		Медынь	2
Закаталы	1	Петришевская	1
	1	Серпейскъ	1
Заряжанскій оспр.		Суборовская	1
(163,185 жит.).		Таруса	1
Самаркандъ	7	Троицкая	1
Каты Курганъ	1		
	8		
Иркутская губ.		Киевская губ.	
(378,244 жит.).		(2,261,404 жит.).	
Иркутскъ	28	Киевъ	81
Витимскъ	3	Бердичевъ	2
Жигаловская	3	Богуславъ	1
Нижнеудинскъ	1	Бособродская	1
Нохтунскъ	4	Бѣлая Церковь	2
Тельянская	1	Вороиновская	3
Тулуновка	1	Гребенская	1
Хоготская	1	Гуровицьна	1
	42	Базатинъ	1
Казанская губ.		Каменка	1
(1,739,909 жит.).		Каневъ	1
Казань	54	Коростышевская	1
Воробьевская	1	Борсувъ	1
Козьмодемьянскъ	1	Лысianка	1
Лайшевъ	4	Махновка	1
Маринінскій зав.	1	Мокрая Колыгорка	1
Саліжскъ	3	Радомиль	4
Спасскъ	7	Ружинъ	1
Царевококшайскъ	1	Самгородокъ	1
Чебоксары	2	Сквира	2
Чистополь	5	Смѣла	7
	79	Тараща	3
Калинровская губ.		Умань	2
(717,927 жит.).		Худолѣвка	1
Калинъ	6	Черкаси	2
Блодава	1	Шпола	1
Конинъ	1		
Лечинда	1	Ковно	2
Турекъ	1	Вилькомиръ	2
	10	Ворневская	3
		Кейданы	1
		Ново-Александровскъ	1
		Поневѣль	1
		Субочъ	1
		Таuroгель	1
		Тельшы	1

Шавли	4	Новый Осколь	1
Юрбургъ	1	Оболы	1
Яново.	1	Путныль	3
	29	Рыльскъ	8
Костромская губ. (1,196,870 жит.).		Старый Осколь	7
Кострома.	18	Суджа	3
Буй	1	Тимъ.	3
Варнавинъ	1	Фатежъ.	1
Ветлуга.	2	Щигры.	3
Вичуга село	1		69
Вичуга ст.	2	Бутаноская губ. (638,125 жит.).	
Галич	2	Кутансъ	8
Евдокимово	1	Зугиды	1
Кинешма	6	Кваркимъ	1
Клевандово.	1	Ново-Санаки	1
Кологризъ.	1	Поти	1
Малоуральская	1		12
Нерехта.	2	Каменская губ. (537,936 жит.).	
Царевенье пос.	1	Кельцы.	3
Плесець пос.	1	Андреевъ.	1
Солигаличъ.	2	Мѣховъ.	1
Уренъ.	1	Пинчовъ.	2
Чухлома.	1	Стопница.	1
Юрьевецъ-Повольский	4		8
	49	Лифляндская губ. (1,017,074 жит.).	
Кубанская обл. (831,740 жит.).		Рига.	15
Екатеринодарь.	14	Больдереа.	1
Ейскъ.	5	Верро.	1
Коневское	1	Дерпти.	7
Кримская	1		24
Ладожская	1	Ломжинская губ. (511,088 жит.).	
Майкопъ.	5	Ломжа	8
Невиномысская	1	Островъ.	2
Темрюкъ.	1	Пултускъ.	1
Тихорѣцкая.	2	Тыкоцинъ	1
Устьлабинская	1		12
	32	Люблинская губ. (766,982 жит.).	
Курляндская губ. (637,146 жит.).		Люблинъ	7
Мигава.	4	Бѣлгородъ	1
Либава.	3	Грубешовъ	1
	7	Замостье	1
Курская губ. (2,020,679 жит.).		Иванъ-городъ	1
Курскъ.	19	Новая Александрия	2
Бѣлгородъ	7	Холмъ	4
Дмитриевъ	3		17
Короча.	1		
Кочетки	1		
Льговъ.	5		
Марьино	1		
Мирополье	2		

Минская губ.		
(1,222,642 жит.).		
Минск	10	
Бобруйск	5	
Борисовъ	2	
Домоновичи	1	
Игуменъ	1	
Мозырь	1	
Несвижъ	1	
Новогрудокъ	1	
Пинскъ	1	
Слуцкъ	1	
Столбцы	1	
	25	
Могилевская губ.		
(976,601 жит.).		
Могилевъ	11	
Быховъ	1	
Гомель	3	
Горы-Горки	1	
Климовичи	1	
Костюковка	1	
Краснopolе	3	
Мстиславъ	1	
Орша	2	
Рудня	1	
Чаусы	1	
Чериковъ	1	
	27	
Московская губ.		
(1,803,740 жит.).		
Москва: а) чрезъ газетную экспедицію	195	
б) чрезъ московские книжные магазины	411	
Богородскъ	1	
Броницы	1	
Верея	2	
Волоколамскъ	1	
Воскресенскъ	3	
Дмитровъ	1	
Завидовская	2	
Звенигородъ	2	
Каменка	1	
Клинъ	1	
Клинская	1	
Коломна	2	
Можайскъ	2	
Молоди	1	
Москва ст.	2	
Подольскъ	3	
Подсолнечная	2	
Руза	1	
Сергіевъ посадъ	11	
		657
Серпуховъ		9
Стрѣлецкія слободы		1
Фаустово		1
Нижегородская губ.		
(1,293,643 жит.).		
Нижній Новгородъ	27	
Арзамасъ	5	
Богородское	1	
Василь	1	
Городецъ	1	
Кадницкая	1	
Княгининъ	1	
Лукояновъ	1	
Лысково	3	
Мантушевская	2	
Починки	3	
Семёновъ	2	
Сергачъ	3	
		51
Новгородская губ.		
(1,021,317 жит.).		
Новгородъ	18	
Боровичи	2	
Броницы	1	
Валдай	3	
Грузино	1	
Демянскъ	1	
Ереминская	1	
Зарѣчье	2	
Крестцы	1	
Кукуйская	1	
Любань	1	
Мегдецы	2	
Сомино	1	
Спасская полисть	2	
Торбино	1	
Устюжна	4	
Череповецъ	3	
Шамская	1	
		46
Ницандская губ.		
(183,845 жит.).		
Гельсингфорсъ	7	
Свеаборгъ	2	
		9
Олонецкая губ.		
(298,364 жит.).		
Петрозаводскъ	7	
Вытегра	4	
		11

Оренбургская губ. (926,165 жит.).		Пермская губ. (2,240,960 жит.).	
Оренбургъ	22	Пермь	14
Верхнеуральскъ	2	Билибаевскій зав.	2
Грачевка	1	Богословскій зав.	3
Илецкъ	2	Веретль	1
Кочкарь	1	Верхотурье	1
Челябинскъ	3	Далматовъ	2
	91	Екатеринбургъ	27
Орловская губ. (1,688,311 жит.).		Ирбіть	
Орль	33	Каменскій зав.	1
Александровка	2	Катаїская	1
Архангельская	1	Красноуфимскъ	2
Болховъ	2	Кунгуръ	3
Брянскъ	7	Кушвинскій зав.	5
Брянскъ ст.	1	Невьянскій зав.	2
Дмитриевъ	3	Нижнетагильскій зав.	4
Донъ	1	Оса	1
Дросково	2	Соликамскъ	2
Дубовецъ	1	Сугатская	2
Елецъ	14	Сысертскій зав.	1
Измайлово	1	Чердынь	1
Карабеевъ	6	Шадринскъ	1
Котомки	1		79
Кромы	2	Петрововская губ. (708,008 жит.).	
Ливны	5	Петрововъ	1
Малоархангельскъ	5	Бендинъ	5
Мценскъ	6	Лодъ	1
Россошное	1	Сосновицы	1
Русский Бродъ	2	Ченстоховъ	3
Сѣверскъ	2		11
Толетогубово	1	Плоцкая губ. (490,975 жит.).	
Трубчевскъ	1	Плоцкъ	5
Хотынецъ	1	Добржинъ	1
	101	Млава	1
Пензенская губ. (1,209,964 жит.).		Млава ст.	1
Пенза	26	Плонскъ	1
Воецково	1		9
Инсаръ	3	Подольская губ. (1,996,046 жит.).	
Исса	1	Каменецъ-Подольскъ	12
Каменка	1	Балта	3
Керенскъ	2	Барь	1
Краснослободскъ	1	Брацлавъ	2
Мокшаны	1	Винница	3
Наровчать	2	Гайсинъ	2
Нечаевскій Уметъ	1	Голованевскъ	1
Нижний Ломовъ	3	Джуринская	1
Саранскъ	4	Дережна	1
Симанцино	1	Крутъ	1
Студенецъ	1	Летичевъ	2
Чембаръ	4	Литинъ	2
	52	Могилевъ	3

Немировъ	1	Сольцы	1
Новая Ушица	2	Сорокинская	1
Ольгополь	4	Торонець	3
Никово	1	Холмъ	5
Попельха	1		—
Проскурівъ	2		36
Тынна	1		
Тульчинъ	1		
Ямполь	1		
Ярышевская	1		
	49		
Полтавская губ.			
(2,154,847 жит.).			
Полтава	28		
Божковъ	1		
Бутенниковская	1		
Бѣлоцерківка	1		
Гадичъ	4		
Жуковская	1		
Зеньковъ	3		
Золотоноша	7		
Кобеляки	2		
Ковановичская	1		
Константиноградъ	1		
Кременчугъ	8		
Лохвица	4		
Лубни	6		
Малая Перещепенина	1		
Миргородъ	6		
Опішня	1		
Переаславъ	6		
Пирятинъ	3		
Прилуки	3		
Ромны	4		
Рѣшетиловка	1		
Хороль	3		
Яготино	3		
	99		
Приморская обл.			
(44,820 жит.).			
Николаевскъ	2		
Владивостокъ	2		
Софійскъ	1		
Хабаровская	3		
			53
Псевдовская губ.			
(834,069 жит.).			
Псковъ	10		
Боровичи	1		
Великіе Луки	4		
Горицкая	1		
Новоржевъ	4		
Опочка	1		
Островъ	1		
Порховъ	4		
Радомська губ.			
(562,191 жит.).			
Радомъ	5		
Конськъ	1		
Липськъ	1		
Опатовъ	1		
Сандомиръ	2		
Сташовъ	2		
	12		
Рязанская губ.			
(1,524,442 жит.).			
Рязань	14		
Даниловъ	1		
Егорьевскъ	3		
Ерхтурская	1		
Зарайскъ	8		
Карабинская	1		
Касимовъ	5		
Луховицы	1		
Махайловъ	5		
Пронскъ	2		
Раменбургъ	2		
Рижскъ	2		
Сапожокъ	2		
Сарай село	2		
Скопинъ	2		
Спасскъ	1		
Старожилово	1		
Самарская губ.			
(1,904,153 жит.).			
Самара	17		
Алексеевка	1		
Балахово	1		
Борки	1		
Бугульма	2		
Бугурусланъ	3		
Бузулукъ	3		
Екатериновка	1		
Екатериненштадтъ	1		
Кичуй	1		
Мелекесъ	1		
Новый Узень	3		
			33

С.-Петербургская губ.		Западный поэз.	2
(1,367,503 жит.)		Каркаралы.	1
С.-Петербургъ:	а) по почтѣ	948	
б) безъ достав-	ки	163	
Гатчина		9	
Гдовъ		2	
Доможирово		1	
Колпинская		1	
Красное Село		1	
Кронштадтъ		21	
Левашовка		1	
Луга		1	
Молосковицы		1	
Нарва		4	
Новая Ладога		2	
Орангенбаумъ		1	
Павловскъ		4	
Парголово		1	
Петргофъ		3	
Преображенская		1	
Саблинъ		1	
Сергиевская		1	
Сестрорецкъ		1	
Сиверская		3	
Царское Село		14	
Шлиссельбургъ		1	
Ямбургъ		1	
		1187	
Саратовская губ.			
(1,768,138 жит.)			
Саратовъ		29	
Аткарскъ		3	
Балашовъ		4	
Беково		3	
Вольскъ		4	
Дубовской посадъ		1	
Екатериновка		2	
Камышинъ		2	
Ключи		1	
Колено		1	
Кондаль		1	
Кузнецкъ		2	
Маринская		1	
Никузино		2	
Петровскъ		2	
Ртищево		2	
Рудня		1	
Сердобскъ		3	
Сосновка		1	
Таловка		1	
Хвалынскъ		3	
		69	
Семипалатинская обл.			
(610,123 жит.)			
Семипалатинскъ		5	
Алтайская		1	
			42
Семиреченская обл.			
(539,530 жит.)			
Вѣрный			6
Балты			1
Караколь			1
Кульджа			2
Нарынское			1
Токмакъ			1
		3	
		12	
Симбирская губ.			
(1,218,888 жит.)			
Симбирскъ			13
Алатырь			3
Ардатовъ			4
Балховская			1
Краснососенская			3
Корсунь			11
Курмышъ			5
Новоспасское			1
Промзино Городище			1
Сызрань			8
Тагайская			1
Ясашно Ташлинская			1
Юрловка			1
		54	
Смоленская губ.			
(1,214,637 жит.)			
Смоленскъ			12
Бѣлоѣ			3
Вязьма			5
Гжатскъ			2
Дорогобужъ			1
Духовщина			1
Ельня			1
Ивановская			1
Ивановская			1
Каменская			1
Коски			2
Пересна			1
Полуево			1
Порѣчье			1
Рославль			2
Рославецъ			1
Рославль ст.			1
Серги-Ивановская			1
Сычевка			1
Сычинская			1
Уваровская			1
Юхновъ			1
			50

Ставропольская губ.	
(473,974 жит.)	
Ставрополь	16
Александровское	1
Медвежинское	2
Прасковея	1
Средний Егорлык	1
	21
Сувалльская губ.	
(537,807 жит.)	
Сувалки	6
Верхнеболсовская	3
Владиславовъ	1
Волковышки	1
Мариамполь	1
Сейны	1
	13
Съдлецкая губ.	
(575,978 жит.)	
Съдлецъ	3
Бѣла	5
Мендерзыцъ	1
Радинъ	1
	10
Сырь-Дарынск. обл.	
(1,239,649 жит.)	
Ташкентъ	19
Казалинскъ	6
Чимкентъ	1
Чиназъ	1
	27
Тавастгусская губ.	
(202,250 жит.)	
Тавастгусъ	1
	1
Таврическая губ.	
(747,009 жит.)	
Симферополь	19
Бердянскъ	5
Большой Токмакъ	1
Евпатория	2
Зуя	1
Карабузбазаръ	2
Каховка	2
Керчь Ениколь	8
Кранички	3
Мелитополь	3
Ногайскъ	1
Орѣховъ	1
Перекопъ	2
Севастополь	12
Севастополь ст.	1
Сирогозская	1
Судакъ	
Ялта	
Феодосія	
	5
	77
Тамбовская губ.	
(2,262,136 жит.)	
Тамбовъ	30
Борисоглѣбскъ	8
Волконская	1
Грязи	3
Добринка	1
Ельтина	2
Каргапино	2
Кирсановъ	7
Козловъ	11
Козловская	1
Лебединъ	4
Липецкъ	4
Муравьевская	1
Моршансъ	4
Новочерктино	1
Просвирнолинская	2
Разсказово	1
Спасскъ	1
Темниковъ	1
Уметъ	2
Усмань	3
Царицынъ	4
Шадъ	2
	96
Тверская губ.	
(1,561,300 жит.)	
Тверь	16
Брусовская	1
Бѣжецъ	3
Весьегонскъ	1
Высокое	1
Вышній Волочекъ	4
Калининъ	2
Кашинъ	5
Максатиха	1
Малышево	2
Осташковъ	3
Ржевъ	6
Селижарово	3
Спировская	1
Старица	1
Сытковская	1
Торжокъ	6
Троицкая	2
	59
Терская обл.	
(530,980 жит.)	
Владикавказъ	10
Веденская	1
Воздвиженская	1

Грозный	2	Черни	3
Ессентукская	1	Чернская	1
Кизляр	1	Шаховская	1
Пятигорскъ	6	Ясенки	1
Хасафъ-Юргъ.	3		
	25		67
Тифлисская губ. (662,859 жит.)		Уральская обл. (346,715 жит.)	
Тифлисъ	64	Нижнеуральскъ.	5
Ахалкалаки	1	Гурьевъ	1
Ахалцыхъ	1	Калмыковъ	1
Боржомская	1		
Гори	2		7
Деданъ-Огли	1	Уфимская губ. (1,550,148 жит.)	
Душетъ	1	Уфа	11
Игдыръ	1	Байсарово	1
Царские Колоды	2	Бирскъ	2
	74	Мензелинскъ	4
Тобольская губ. (1,086,848 жит.)		Саткинский зав.	1
Тобольскъ	8	Стерлитамакъ	1
Еланская	1		
Ишымъ	1	Ферганская обл. (960,000 жит.)	
Курганъ	3	Коканъ	1
Новозенинская	1	Маргеланъ	7
Турийскъ	1	Намаганъ	3
Тюкалинскъ	1	Ошъ	1
Тюмень	7		
	23	Харьковская губ. (1,739,220 жит.)	
Томская губ. (838,756 жит.)		Харьковъ	56
Томскъ	12	Алексеевка	1
Барнаулъ	9	Аатырка	2
Бийскъ	1	Бревенково	1
Змѣиногорскъ	3	Богодуховъ	3
Итатская	1	Боромлянская	1
Маринскъ	1	Бѣлоополье	2
	27	Бѣловодскъ	1
Тульская губ. (1,216,593 жит.)		Волчанская	4
Тула	27	Голая Долина	1
Алексинъ	3	Дергачи	4
Богородицкъ	2	Змѣевъ	2
Бѣлевъ	3	Изюмъ	6
Беневъ	3	Котельва	1
Доробинъ	1	Краснопавловка	1
Елифанъ	2	Купянскъ	3
Ефремовъ	5	Новоекатеринославская	1
Иваново	1	Сеньковская	1
Кампира	3	Славянскъ	2
Лапотково	1	Старобѣльскъ	2
Новосиль	3	Сумы	15
Одоевъ	5	Чугуевъ	3
Пахомово	1		
Толстыхъ	1		113

Херсонская губ.		
(1,739,280 жит.)		
Херсонъ	10	
Александрия	3	
Анаьевъ	1	
Березовка	2	
Бериславъ	1	
Бирзула	1	
Вознесенскъ	7	
Владіївка	1	
Джемургіевская	2	
Елисаветградъ	11	
Знаменка	2	
Константиновская	1	
Курисово-Цокровская	1	
Любашевка	1	
Максамовская	1	
Марьиновская	1	
Николаевъ	20	
Новогеоргіевскъ	1	
Новомиргородъ	2	
Ново-Воронцовка	1	
Новая Прага	1	
Одесса	61	
Ольвіополь	1	
Очаковъ	1	
Павлівська	2	
Песчаный Бродъ	1	
Помошная	1	
	138	
Черниговская губ.		
(1,704,090 жит.)		
Черниговъ	10	
Батуринъ	1	
Бахмачъ	1	
Березна	1	
Бобровиць	1	
Бобровиць	2	
Борзна	1	
Глуховъ	5	
Грузское	1	
Елюнская	1	
Київцы	2	
Козелець	2	
Конотопъ	3	
Конотопская	1	
Коропъ	1	
Кролевець	2	
Мѣна	1	
Новгородъ-Сѣверскъ	6	
Новозыбковъ	1	
Новый Ропскъ	1	
Нѣжинъ	8	
Остеръ	1	
Плиски	1	
Погаръ	1	
Почепъ	2	
Рѣпкинская	1	
Семипольская		1
Стародубъ		6
Суражъ		1
Тулиголовъ		1
Чемерская		1
Чернотичя		1
		9
Черноморскій окр.		
(15,735 жит.)		
Новороссійскъ		1
Анаша		1
Туапсе		1
		3
Эриванская губ.		
(547,693 жит.)		
Эриванъ		2
Александровъ		17
Новый Базетъ		1
		20
Эстляндская губ.		
(325,715 жит.)		
Ревель		5
Раке		1
		6
Якутская обл.		
(234,851 жит.)		
Якутскъ		4
		4
Ярославская губ.		
(1,008,315 жит.)		
Ярославль		27
Большесельская		1
Беликое село		1
Даниловъ		1
Молога		1
Мышкинъ		1
Петровскъ		1
Пошехонье		1
Романовъ-Борисоглѣбскъ		1
Ростовъ		4
Рыбніскъ		11
Рыбинскъ ст.		1
Тихменево		1
Угличъ		1
Харино		1
		54

ЗА ГРАНИЦЕЮ.

Австрія	5	Египетъ	1
Англія	3	Італія	7
Бельгія	1	Китай	3
Бразилія	1	Португалія	1
Болгарія	71	Турція	1
Германія	10	Франція	15
Голландія	2	Швейцарія	6
Данія	1		
			128

ОБЩІЙ ИТОГЪ.

I. Въ губерніяхъ.			
1. Акмолинской обл.	19	30. Кіевской губ.	124
2. Амурской обл.	11	31. Ковенской губ.	29
3. Архангельской губ.	16	32. Костромской губ.	49
4. Астраханской губ.	23	33. Кубанской обл.	32
5. Бакинской губ.	17	34. Курляндской губ.	7
6. Бессарабской губ.	46	35. Курской губ.	69
7. Варшавской губ.	87	36. Кутанскої губ.	12
8. Віленской губ.	46	37. Кълецкой губ.	8
9. Вітебской губ.	21	38. Лифляндской губ.	24
10. Владімірской губ.	66	39. Ломжинской губ.	12
11. Волынской губ.	44	40. Люблинской губ.	17
12. Вологодской губ.	21	41. Минской губ.	25
13. Воронежской губ.	63	42. Могилевской губ.	27
14. Выборгской губ.	5	43. Московской губ.	51
15. Вятской губ.	35	44. Нижегородской губ.	51
16. Гродненской губ.	27	45. Новгородской губ.	46
17. Дагестанской обл.	15	46. Ньюандской губ.	9
18. Донской обл.	76	47. Олонецкой губ.	11
19. Екатеринославской губ.	102	48. Оренбургской губ.	31
20. Елісаветпольской губ.	9	49. Орловской губ.	101
21. Енісейской губ.	23	50. Пензенской губ.	52
22. Забайкальской обл.	25	51. Пермской губ.	79
23. Закаспійскомъ отдѣлѣ	1	52. Петроковской губ.	11
24. Закатальскомъ округѣ	1	53. Плоцкой губ.	9
25. Заравнинскомъ окр.	8	54. Подольской губ.	49
26. Іркутской губ.	42	55. Полтавской губ.	99
27. Казанской губ.	79	56. Приморской обл.	8
28. Калишской губ.	10	57. Псковской губ.	36
29. Калужской губ.	33	58. Радомской губ.	12
		59. Рязанской губ.	53
		60. Самарской губ.	35

61. С.-Петербургской губ.	76	80. Уральской обл.	7
62. Саратовской губ.	69	81. Уфимской губ.	20
63. Семипалатинской обл.	9	82. Ферганской обл.	12
64. Семирѣчинской обл.	12	83. Харьковской губ.	113
65. Сибирской губ.	54	84. Херсонской губ.	138
66. Смоленской губ.	42	85. Черниговской губ.	69
67. Ставропольской губ.	21	86. Черноморскомъ округѣ	3
68. Сувалкской губ.	13	87. Эриванской губ.	20
69. Сѣдлецкой губ.	10	88. Эстляндской губ.	6
70. Сырь-Дарынскай обл.	27	89. Якутской обл.	4
71. Тавастгусской губ.	1	90. Ярославской губ.	54
72. Таврической губ.	77	Итого	3376
73. Тамбовской губ.	96	II. Въ Москвѣ	606
74. Тверской губ.	59	III. Въ Петербургѣ (съ доставк. и безъ доставки).	1111
75. Терской обл.	25	IV. За границей.	128
76. Тифлисской губ.	74		
77. Тобольской губ.	23		
78. Томской губ.	27		
79. Тульской губ.	67		
			5221

Завѣдывающаѧ экспедиціей К. Ф. Кармалика.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ
ВЪ ХХIII ТОМЪ
„РУССКОЙ СТАРИНЫ“
1878 г.

(СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ).

А.

Абаяниская, Екат. Ник., восп-ца Смоль-
наго, 1783 г., 317.
Аббасъ-Мирза, перс. наслѣдн. принцъ,
р. 1782 † 1833 г., 287.
Абдулъ-Азизъ, султанъ, р. 1830 † 1876 г.,
295—297.
Абдулъ-Меджидъ, султанъ, р. 1823 †
1861 г., 295, 297.
Абренишви, симбирск. татаринъ, 1836 г.,
660—669.
Александръ, Теофанть, іеромонахъ, проф.
Киевск. академіи, 1845 г., 582.
Альбертъ, полковн., 1800 г., 243.
Адлербергъ, бар-са, Юлія Фед. (Анна-
Шарлотта-Юліана) рожд. фонъ-Балго-
вутъ, начальница Смольного монастыря,
р. 1760 † 1899 г., 441.
Адлербергъ, гр. Вади. Федор., ген.-ад.
676, 677, 688.
Аванчевскій. Ссылка на «Исторію Пре-
ображенск. полка», 170—172.
Аквазовскій, Гавр. Конст., вынѣ еписко-
пъ имеретин., р. 1813 г., 74.
Аквазовскій, Ив. Конст., художникъ-
маринистъ, р. 1817 г. Автобіографія
его, 55—74; 281—306.

Аксакова, Марія Ник., восп-ца Смоль-
наго, 1783 г., 316.
Алабинъ, Петръ Вади. Сообщ. біографі-
ческий очеркъ: «Ів. Ив. Бутурлинъ,
1661—1738 гг.», 161—180 и копіи съ
письмъ И. И. Бутурлина къ женѣ и
дочери 1711—1719 гг., съ примѣчаніями
къ нимъ, 180—186.
Алабова, начальница 2-й камеры ма-
ловѣтн. отдѣл. 1-го кадетск. корпуса,
1816 г., 531.
Александра Никодиевна, вел. кнг., въ
супруж. принц. Гессенъ-Кассельская,
р. 1825 † 1844 г., 444.
Александра Федоровна, имп-ца, р.
1798 † 1860 г., 40, 442, 445, 447—456.
Александровъ, 508.
Александръ I, императ., р. 1777 †
1825 г. 30, 115, 116, 144, 210, 267, 278,
279, 290, 456, 465, 537, 548, 747—750.
Александръ II, императ., р. 1818 г.,
рекріпть кн. Аркадію Вас. Кочубею,
1868 г., 550; упом. 70, 72, 138, 284, 301,
442, 444, 454.
Алексѣева, Настасья, восп-ца Смоль-
наго, 1783 г., 316.
Алексѣевъ, Аксд. Алексв., художн.,
1825, 464, 468, 470.
Алексѣевъ, Серг., художн., 1836 г., 471.

- Алекsey Михайловичъ, царь, р. 1629 † 1676 г., 161, 261, 313.**
- Алекsey Петровичъ, царевичъ, р. 1690 † 1718 г., 171, 172, 178, 186.**
- Алопеусъ, гр., полковн., флиг.-адъют., 1854 г., 710, 711.**
- Альбединъ, начальница 5-й камеры ма-логѣта, отд. 1-го кадетск. корпуса, 1816 г., 531.**
- Альбрехтъ, прусс. принцъ, 1846 г., 145.**
- Амадуцци (Giovanni Christoforo Ama-duzzi) аббатъ, итальянск. ученый, р. 1740 † 1792 г., 399, 400, 414—416.**
- Аморетти, маріупольск. негопшантъ, 302.**
- Ангальтъ, гр., начальникъ 1-го кадетск. корпуса, 1816 г., 532.**
- Ангальтъ - Цербстъ - Вернбургская принцесса (Софія-Августа-Фредерика), см. Екатерина II.**
- Андреевский, И. Сообщ. «Посвящение Николаю Петровичу Румянцеву», 134.**
- Анхартстремъ, отставн. гвард. майоръ, убийца кор. швед. Густава III, 1792 г., 723.**
- Анна Ioannovna, имп-ца, р. 1693 † 1740 г. Судъ надъ кн. Долгоруковыми 1739 г., 741—743; упом. 178, 187, 192, 735, 740.**
- Анна Леопольдовна (Елизавета-Христина, принцесса Брауншвейг-Люнебургская), правительница, р. 1718 † 1746 г., 192.**
- Анна Pavловna, вел. кнаг., въ супруж. корол. Нидерланд., р. 1795 † 1866 г., 443, 444, 464.**
- Анна Петровна, цесаревна, р. 1708 † 1728 г., 176, 177.**
- Анрепъ, ген., 1849 г., 153, 154.**
- Ансельмъ, историкъ, прусс. министръ иностр. дѣлъ, † 1837 г., 143.**
- Антоній, сибирскій митропол., 1739 г., 746.**
- Антоновичъ, Екатерина, въ замуж. Венцѣжанова, 269.**
- Антоновскій, секрет. уголовн. суда, 1836 г., 141.**
- Антоновъ, Михаиль, художн., 472—474.**
- Апрамонть, гр., Федоръ Матв., ген.-адм. и чл. верховн. тайн. сов., р. 1661 † 1728 г., 167—178.**
- Араго, Эмануэль, драмат. писатель, по-**
- сланн. франц. республики въ Берлинѣ, 1848 г., 150.
- Арагическъ, гр., Алексей Андр., ген.-адм. воен. ин-ръ, р. 1769 † 1834 г., 241.**
- Аркетти, Ioаннъ Андрей (Archetti), кардинал., папскій пундій въ Петербургѣ, 1783 г., 413, 414.**
- Аркрайтъ, сэръ Ричардъ (Arkwright), механикъ, р. 1732 † 1792 г., 431.**
- Армфельдъ, ген. шведск. службы, 1714 г., 168, 185.**
- Архимъ, мн-ръ, 1848 г., 148—150.**
- Арнольдъ, ген., 688.**
- Арсеньевъ, полковн., 1738 г., 310—312.**
- Арсеньевъ, Д. С., 1867 г., 284.**
- Архаровъ, Никол. Петр., новгород. ген.-губернат., 1789 г., р. 1742 † 1814 г., 404.**
- Астрюжъ, еврейск. раввинъ, 1861 г., 98.**
- Ахматовъ, Пётръ Антонов., 681.**
- Асанасій, еписк. старорусскій, 1789 г., 404.**
- Асанасьевъ, А. Н., издат. «Библиографическихъ Записокъ», 359, 720.**
- Асанасьевъ, Ив. Асанасьев., войск. старш., р. 1758 † 1800 г., 241—263.**

Б.

- Бабичъ, Дмит., подпоруч., 1711 г. 181.**
- Бабинъ, Пётръ Петр., 1836 г., 674.**
- Балакиревъ, художн. - пейзажистъ, р. 1631 † 1709 г., 304.**
- Балуинъ, 1786 г., 436.**
- Бакунинъ, 1847 г., 147—154.**
- Балашева, Елизавета Дмитр., восп-ца Смольного, 1783 г., 817.**
- Баратаяевъ, кн., симбирск. губера. вро-водит., 1834 г., 33—49.**
- Барышниковъ, Николай Павл. Сообщ. «Журналъ путешествія В. Н. Зиновьевъ по Германіи, Италии, Франціи и Англіи, 1784—1790 г., съ примѣчаніями 207—240; 399—440; 593—630.**
- Барятинскій, кн., Фед. Серг., об.-гоф., р. 1720 † 1779 г., 592.**
- Барятинскій, кн. Федоръ Юрьевъ, бояринъ, 1688 г., 124.**
- Васинъ, Василій, прѣут. купецъ, 526, 632.**
- Батениловъ, Гавр. Степ., капит., 1819 г. 512—528.**

- Баттони, Помпео Джироламо (Battoni), живопис., р. 1708 † 1787 г., 399.
- Баумгартенъ, Карлъ, костром. губернат., 1827 г., 542, 548.
- Вахтигъ, Мих. Петр., орловск. помѣщ., 1835 г., 549.
- Вахтигъ, Никл. Ив., чл. государств. совета, 709.
- Веллеръ, Алсд. Ив., художн., 1826 г., 462—465.
- Вемъ, предводит. венгерц. 1849 г., 153.
- Венардахи, откупщикъ 1834 г., 33, 49—54, 654.
- Венкендорфъ, гр. Алсд. Христофоръ, ген.-адъют., р. 1783 † 1844 г., 47, 116, 118, 319, 320, 637—701, 703.
- Вергъ, гр., ген.-фельди, замѣстн. Царства Польскаго, † 1874 г., 143, 147.
- Верезинъ, отставн. полков., 1764 г., 583—585.
- Верезинъ, секрет. русск. посольства, 1764 г., 582, 584.
- Верескинъ-Ширмевъ, Леонъ Федоров. Сообщ. анекдоты объ имп. Александрѣ I, 1824 г., 747, 748. Ссылка на его статьи, 736, 744.
- Веревовскій, М. С., композит., 61.
- Верилей, Жоржъ (Berkeley), ирландск. еписк., р. 1684 † 1753 г., 595.
- Верниш (Bernis), кардиналъ, франц. посолъ въ Римъ, 1785 г., р. 1715 † 1794 г., 400, 407, 414.
- Вертгольдъ, Марія Антон., начальница малолѣтн. отдѣл. 1-го кадетск. корпуса, 1816—1822 г., 531—535.
- Вертгольдъ, Фед. Фед., 1816 г., 533, 534.
- Вестуменъ-Рюминъ, гр. Алексѣй Петр., кабинетъ мн.-ръ, потомъ государск. канцл., р. 1693 † 1766 г., 191—198.
- Вестуменъ, Андрей Васил., кол. сов., управл. синб. уѣзда, конт., 1884 г., 38—40; 663—673.
- Вестуменъ, Борисъ Петр., отставн. лейтен., 1884 г., 689.
- Вестуменъ, отставн. ген.-маJORъ, 1886 г., 657, 674.
- Вибиковъ, Дмитр. Гавр., ген.-адъют., ген. губернаторъ Сибири, въ посѣщ. мн.-ръ внутр. дѣлъ, 118, 686, 700, 701, 708, 704.
- Виронъ, Петръ, герц. курлянд., р. 1724 † 1800 г., 406, 406, 741.
- Влудовъ, гр. Дмитр. Ницл., ст.-секрет., мн.-ръ внутр. дѣлъ, р. 1785 † 1864 г., 146, 147.
- Влюбръ, Ив. Ив., бергмейстеръ, 1721 г., 307, 308.
- Влюбръ, проф. Дерпт. университета, 1845 г., 142.
- Вобрианская, гр-ня, рожд. Самойлова, 1847 г., 64, 65.
- Вобрищева-Пушкина, Анна Осиповна, рожд. Козадавлева, 1790 г., 610.
- Водянова, Анна Ив., восп-ца Смольнаго, 1788 г., 317.
- Водяновъ, Петръ Петр., саратовск. губ. предвод., 679—682.
- Боголюбовъ, А. П., художн., 302.
- Бокумъ, маJORъ, 1767 г., 613, 614, 627.
- Болотовъ, Андрей Тимофеев., р. 1788 † 1833 г., ссылка за его «Записки», 491.
- Бониютъ, Елена. Никл., начальница 3-й камеры малолѣтн. отдѣл. 1-го кадетск. корпуса, 1816 г., 531.
- Бониютъ, Марія Ив., начальца 6-й камеры малолѣтн. отдѣл. 1-го кадетскаго корпуса, 1816 г., 531.
- Боровиковскій, Вадимъ Лукичъ, портретистъ, 275.
- Бородскій, проф. Виленск. университета, 1824 г., 88.
- Борреллі, (Bortelli) проф., чл. берлин. академіи, 1776 г., 485.
- Бранницкая, гр-ня, Александра Васил., рожд. Энгельгардтъ, статсъ-дама, р. 1754 † 1838 г., 409.
- Брейткопфъ, Анна Ив., нач-ца Екатеринск. инстит., 1790 г., 611, 613—627.
- Брейткопфъ, Устинъ Федор., въ зам. Зиновьевъ, 616, 630.
- Бриннеръ, Адольфъ Густавъ, проф., 720.
- де-Бриссаль, герц-ня, 1787, 599.
- Бромъ, К. О., художн. Рисовалъ портр. об.-камерг. кн. Ивана Алексеевича Долгорукаго, казненнаго 26-го окт. 1739 г., съ весьма рѣдкой гравюры, сообщ. П. А. Ефремовымъ, и портр. ген.-отъ-артил. Георгія Васильевича Но-вицкаго, 1, 161.

Бројдорфъ, бар., 1761 г., 194.
 Броневскій, атам. лин. каз. 1818 г., 501.
 Броунъ, риж. ген.-губер. 1784 г., 209.
 Брунн, проф., 304.
 Брюлловъ, Карлъ Павл., проф. акад., † 1852 г., 64, 71, 304.
 Брюсъ, гр., Альд. Роман., 1739 г., 745.
 Брюсъ, гр. Яковъ Вильямов., ген.-фельдмарш., р. 1660 † 1735 г., 184.
 Брячаниновъ, жанд. полковн., 1830 г., 112, 113.
 Бряццевъ, чиновн., 1834 г., 35.
 Булгаринъ, Фаддей Венедикт., писат., р. 1789 † 1859 г., 75—90.
 Бунина, Анна Петровна, 118, 522.
 Бунинъ, Ив. Петр., 1818 г., 499, 500, 522.
 Бурдинъ, Ники. Алексеев., художн., р. 1814 † 1857 г., 473.
 Бурдинъ, Фед. Алексеев., артистъ, 473.
 Бурностъ, подполковн., 1801 г., 30.
 Бурсакъ, кош. атаманъ 1800 г., 36—32.
 Бутурлина, Акузина Пет., 1713 г., 183.
 Бутурлина, Анна Ив., въ замуж. Головкина, 179—186.
 Бутурлина, гр. ниж. Мария Ром., рожд. Вороцова, р. 1738 г., 196.
 Бутурлина, Мареа Тимоф., рожд. Савелова, 180—186.
 Бутурлинъ, гр., Альд. Борис., ген.-фельдмарш., р. 1694 † 1767 г., 163, 164.
 Бутурлинъ, Аркадій Ив., камергеръ, 1742 г., 179.
 Бутурлинъ, Влади. Серг., 179.
 Бутурлинъ, Дмит. Ив., 1713 г., 183.
 Бутурлинъ, Ив. Ив., ген.-аншефъ, р. 1661 † 1738 г.. Письма его къ женѣ и дочери 1711—1719 г.г., 161—186.
 Бутурлинъ, Ники. Ив., майоръ, 179.
 Бутурлинъ, Серг. Ив., 179.
 Буановъ, 508.
 Бычковъ, Леон. Федор., акад. Ссыпка на рукопись Лермонтова «Герой нашего времени», 361; упом. 720.
 Былаго, поруч., 1801 г., 30.
 Быленицына, въ зам. Кормалина, 285.
 Былосельській, кн., Альд. Мих., русс. посолъ въ Дрезденъ, 1784 г., въ посл. об.-шенькъ, р. 1752 † 1809 г., 215, 219, 233.

Былосельській, кн. Андрей Мих., посланъ въ Дрезденъ, † 1779 г., 233.
 Былкова, Л. И. Сообщ. письмо Н. П. Чернышевой о последнихъ дниахъ жизни имп-цы Маріи ѡеод., 1828 г., 443—456.
 Быщенцова, Екат. Ив. восп-ца Смольянаго, 1783 г. 316.
 Бюллеръ, бар. Карлъ Яковл., р. 1749 † 1811 г., 227. 401.
 Бюффонъ - отецъ (George-Louis-le-Clerc, comte de Buffon), натуралистъ, р. 1707 † 1788 г., 577.
 Бюффонъ-сынъ, полковн. франц. службы, 577.

В.

Валуева, Дарья Александровна Кошелева, 609.
 Валуевъ, Пётръ Степ., дс. тн. сов. р. 1740 † 1814 г., 609.
 Вальтеръ, докторъ, 1819 г., 515.
 Ваник, Франческо (Francesco Wanck), живопис., р. 1563 † 1603 г., 409.
 Вернагенъ фонъ-Эльзе, офиц. австр. службы, съ 1813 г. капит. русск. службы, 1819 г. прусск. посланн. при Баденск. дворѣ. Замѣтки изъ дневника его 1845—1849 гг., 142—155.
 Васильевъ, Алексѣй Ив., въ послѣдств. гр., 1790 г., 607.
 Васильевъ, Степанъ, сотскій, 1827 г., 542, 543.
 Васильевъ, морск. офиц., 1836 г., 636.
 Васильчиковъ, А. А. Сообщ. замѣтку о живопис. Жанъ-Батть, 1812 г., 544.
 Васильчиковъ, кн. Викт. Иллар. Сообщ. замѣтку по поводу разсказа: «А. Н. Карамзинъ», 155, 156; упом. 72, 711.
 Васильчиковъ, кн., Илларіонъ Вас., ген.-адъют., предстѣдат. тоеуд. сов., р. 1776 † 1847 г., 548.
 Ватъ, см. Уатъ.
 Вейде, генер., 1703 г., 166, 169, 172.
 Вейдемейеръ, ссылка на его соч. «Дворъ и замѣтат. люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII в.», 580.
 Вейкартъ, Жоржъ, 1819 г., 510, 527, 528.
 Вельзкій, правцъ, Георгъ, въ послѣд.

- регентъ и након. кор. англ. Георгъ IV. р. 1762 † 1830 г., 597.
- Венеціано, Елена, 1730 г., 269.
- Венеціано, Федоръ, 1730 г., 269.
- Венеціанова, Александра Алексеевна, р. 1816 г., 277.
- Венеціанова, Александра Семеновна, р. 1803 г., 269.
- Венеціанова, Александра Сидоровна, 269.
- Венеціанова, Мареа Асанасьевна, рожд. Азарьева, р. 1780 † 1831 г., 276.
- Венеціанова, Софья Ив., р. 1821 г., 270.
- Венеціанова, Фелиц. Алекс., р. 1818 г., 268—277.
- Венеціановъ, Алексѣй Гавр., первый русск. бытовой жив., р. 1780 † 1846 г., Биографический о немъ очеркъ, 265—280; 457—476.
- Венеціановъ, Анд. Сем., р. 1813 г., 269.
- Венеціановъ, Андрей Федор., 269.
- Венеціановъ, Аркадій Ив., медикъ, р. 1816 † 1849 г., 270.
- Венеціановъ, Гавр. Юрьев., р. 1752 г., 268—277.
- Венеціановъ, Георг. Федор., 269.
- Венеціановъ, Ив. Гавр., р. 1785 † 1835 г., 269—272.
- Венеціановъ, Клав. Ив., р. 1819 г., 270.
- Венеціановъ, Мих. Юр., † 1807 г., 269.
- Венеціановъ, Сем. Андр., надворн. совет., р. 1773 г., 269.
- Венеціановъ, Серг. Ив., р. 1826 г., 270.
- де-Веракъ, маркиз (de Verac), франц. посланн., 1778 г., 587.
- де-Верженнъ (Charles Gravier, comte de Vergennes), франц. ин.-ръ иностр. дѣлъ, р. 1719 † 1787 г., 479.
- Вернанъ, масонъ, 1784 г., 230.
- Вестфаль, генераль, 1784 г., 225.
- Вилламовъ, Григ. Ив., ст. сек. имп-тии Марія Федор., 1828 г., 447, 451, 453.
- Виллермоуз (Willermeuz), ліонск. купецъ, мас., 1784 г., 230, 596—606; 616—629.
- Виллесенъ, генер., 147—149.
- Вильямсонъ, математ., 1786 г., 594, 595.
- Виндишгрецъ, кн., австр. фельдмарш., † 1848 г., 150, 152.
- Винкельманъ (Vinkelmann), антикварій и писат., р. 1717 † 1763 г., 402.
- Высноватовъ, К. А. Сообщ. «Письма шведск. посланника фонъ-Кохена къ ливонскому ген.-губернатору Як. Ив. Гастферу, 1687—1688 г.», 121—129.
- Высковатый, Пав. А. Сообщ. замѣтку о соч. Лермонтова «Герой нашего времени» (варягъ). 361—366.
- Выстенгофъ, Пав. Федор. Ссылка на его очеркъ: «Андрей Николаевичъ Карамзинъ.. 155, 156, 710, 711.
- Вільгородскій, гр. Мат. Юрьев., 1845 г., 55, 56, 63.
- Воейковъ, кіев.. ген.-губер., 1768 г., 183.
- Возницый, капит.-лейтен., 1738 г., 313.
- Вольонская, кнг., ст.-дама, 1828 г., 441.
- Вольономай, кн., Дмит. Петр., 465.
- Вольономай, кн. Петръ Мих., ген.-адъют., ин-ръ двора, р. 1776 † 1852 г., 116, 465, 466, 671, 701, 702—704, 747, 748.
- Воловскій, Людовикъ, членъ Парижск. института, 1861 г., 98.
- Волошаковский, Петръ Федор, протоіер., 1800 г., 243—260.
- Волошинъ, иркутск. исправн., 1819 г., 510, 524, 525.
- Волынскій, Ив. Федор., 1688 г., 124.
- Вольтеръ (Marie-François-Arouet de Voltaire), франц. писат., р. 1697 † 1778 г. 575—588.
- Вольцогенъ, ген.-адъют., 1813 г., 144.
- Воробьевъ, С. М., худож., 1846 г., 57.
- Вороновъ, лейт., 1818 г., 500, 510, 528.
- Воронцова, гр-ня, Екат. Алекс., рожд. Севянина, † 1784 г., 227, 228.
- Воронцова, гр-ня Елис. Ром., въ замуж. Пембронъ, 233, 236.
- Воронцова, гр-ня Елис. Ром., въ замуж. Чехинская, камер-фрейлина, р. 1739 † 1792 г., 196.
- Воронцова, начальница 4-й камеры ма-лоїты. отдѣл. 1-го кадетск. корп., 1816 г., 531.
- Воронцовъ, гр., Иллар. Ив., р. 1760 † 1791 г., 229.
- Воронцовъ, гр., Мих. Иллар., государст. казакъ., р. 1714 † 1767 г., 199.
- Воронцовъ, гр. Мих. Сем., въ послѣд. кн., ген.-фельдм. и намѣсты. кавказск.,

р. 1782 † 1856 г., 118, 238, 286, 240, 456, 596, 598.
Воронцовъ, гр. Романъ Иллар., сенаторъ, ген.-анш., р. 1707 † 1783 г., 196.
Воронцовъ, гр. Сем. Ром., русс. посл. при Лондонск. дворѣ, полномочн. ин-ръ въ Венеции, 1783 г., р. 1744 † 1832 г., 207—240; 398—440; 548; 598—630.
Брангольц, генер., главнокоманд. прусс. и союзными войсками, 1849 г., въ посл. фельдмарш., 150, 161.
Брангольц, бар., ген.-лейт., 1864 г., 544.
Броцьский, Константина, свящ., 1836 г., 135, 141.
Баземская, кнж., Софія Ніка., въ зам. кнг. Кочубей, † 1834 г., 549.
Баземський, кн. Альд. Алексв., ген.-прок., р. 1727 † 1793 г., 607, 716.
Баземський, кн., 1849 г., 154.

Г.

Гаврінъ, архієп. спбур. 1763 г., 712.
Гаврінъ, спб. митропол. 1793 г., 13.
Гагаринъ, кн., Пав. Пав., предс. депр. законовъ, р. 1789 † 1872 г., 546.
Галевовскій, докт., 1861 г., 97.
Гальсеръ (Galser), старш. секр. собств. канцел. прусс. короля, 1771 г., 496.
Гамільтонъ, леди Эмила, супруга веап. послан., р. 1761 † 1815 г., 412.
Гамільтонъ, сэръ Уильямъ, англ. посл. въ Неап., археол. р. 1790 † 1808 г., 412.
Гарръ, капит., 1870 г., 290—292.
Гаррокъ, учит. Смольванго, 1788 г., 318.
Гастфордъ, Яковъ Ив., ген.-лейт., ливонскій ген.-губрт., 1687 г., 121—129.
Гедельштромъ, Матв. Матв., верхнедн. исправн., 515—525.
Генрицкі, А. А., докт. Ссылка на его «Записки», 544, 545.
Георгъ IV, кр. англ., р. 1762 † 1830 г., 597.
Герве́й, писатель, 1847 г., 147.
Гергей, предводит. венгер. инсургентовъ, 1849 г., 153, 154.
Геригутеры, браты, 1763 г., 712, 713.
Гизо, франц. ин-ръ, 1843 г., 147.
Глязенапъ, корпусн. команд., † 1818 г., 500, 501.

Глинка, А. Г. Сообщ. письмо Ф. Линкшина къ Г. А. Глинкѣ о состоянии Смоленской губерніи 1816 г., 535—540.
Глинка, Григор. Андр., 1816 г., 535—540.
Глинка, Мих. Ив., композит., р. 1804 † 1857 г., 286.
Гловачевскій, Берніль Ив., портрет., 1810 г., 275, 276.
Глѣбовъ, Ив. Фед., ген.-анш., сенат., 1767 г., 580.
Гликоузубовъ, войск. стар., 1800 г., 256.
Гоголь, флаг. адъют., 1830 г., 112, 113.
Гоголь, Нікі. Вас., писат., р. 1809 † 1852 г., 64, 70, 159.
Голембевскій, Лука, изслѣдователь древн. польского быта, 1829 г., 89.
Големищевъ - Кутузовъ - Смоленскій, кн., Мих. Иллар., фельдмарш., р. 1745 † 1813 г., 207, 410, 627.
Голіноль, Ссылка на «Дѣянія Петра Вел.», 166—185.
Голіндика, кнг., Аделаїда-Амалія, род. Шметтау, 575.
Голіндика, кнж., Анна Петр., въ замк. Козадавлева, 410.
Голіндика, Варвара Вас., вос-ца Смольванго, 1783 г., 316.
Голіндика, кнг., Варв. Васил., рожд. Эвгельгардтъ, 749.
Голіндика, кнг., Елена Альдр., рожд. Нарышкина, 749.
Голіндика, кнг., Елена Альдр., рожд. Салтыкова, 749.
Голіндика, кнг., Нат. Петр., рожд. гры Чернышева, р. 1741 † 1837 г., 599, 620.
Голіндика, кнг., Прасковья Ив., рожд. Шувалова, р. 1734 † 1802 г., 609.
Голіндика, кн., Александръ, вице-канцл. 1764 г., 713.
Голіндика, кн., Альд. Ніка., ин-ръ народн. просвѣщ. и об.-прокур. спб. р. 1773 † 1844 г., 465, 609.
Голіндика, кн., Алексѣй, 1786 г., 595, 596.
Голіндика, кн., Валеріанъ Мих., докт., † 1859 г., 820.
Голіндика, кн. Вас. Вас., генерал-мимусъ, любимецъ царевны Софіи Алексѣевны, 1687 г., 122—128.
Голіндика, кн., Васил. Серг., 749.

Голицынъ, кн., Влади. Борис., бригадиръ, р. 1731 г., 620.
 Голицынъ, кн., Дмит., первый киевск. губернат., 1711 г., 181.
 Голицынъ, кн., Дмитр. 1730 г., 739.
 Голицынъ, кн., Дмит. Алекс., ти. сов., русс. посолъ въ Парижъ, 1760 г., р. 1734 † 1799 г., 576—578.
 Голицынъ, кн. М. М., ген.-лейт., 1714 г., въ послд. фельдм., 168, 174, 184—186.
 Голицынъ, кн., 1785 г., 236—238.
 Голицынъ, кн., Ники. Борис., воени. писатель, † 1866 г., 749.
 Голицынъ, кн., Ники. Ники., сообщ. свои замѣтки, 749.
 Голицынъ, кн. Серг. Фед., ген.-инф., 749.
 Головатый, полков., начальн. пѣхоты черном. казаковъ, 1792 г., 4—26.
 Головинъ, Сергій Автомонов., 179, 182.
 Головинъ, ген.-интендант, 1789 г., 743.
 Головинъ, гр., Гавр. Ив., государ. канц., р. 1660 † 1734 г., 184, 185, 789.
 Головинъ, гр., адмир., 1739 г., 743.
 Голубевъ, Альд. Ив., чиновн. особ. порученій, 1830 г., 108, 117.
 Голуховский, проф. Виленск. универс., 1824 г., 87, 88.
 Гольстѣ, Иоаннъ Магнусъ, 1688 г., 129.
 Гомитинъ, саратовск. кварт., 1836 г., въ послдс. Кіевск. поліцімс., 690—692.
 Горбуновъ, Ив. Фед. Собщ. извѣстіе о Смольномъ монаст., 1783 г., 316—318.
 Гордонъ, Петръ, ген.-лейт., 1687 г., 122, 166.
 Горский, А. В., ректоръ московск. духовн. академіи, 1866 г., 156.
 Горюшкинъ, Захарій, кол. сов. Состав. «Судебное дѣлѣст. въ 1809 г.», 551—574.
 Гражетъ (Grahet), жив., 1820 г., 277—279.
 Грановскій, Тимоѳ. Ники., проф. Моск. универс., 1849 г., 154.
 Граффъ (Graff), Антонъ, саксонскій при дворный живопис., р. 1730 † 1813 г., 216.
 Грековъ, подполковн., 1798 г., 263.
 Грэнвилль (de Grainville), мас., 1787 г., 602, 603.
 Гречъ, Ники. Ив., писат., р. 1787 † 1867 г., 86, 87.
 Грибовскій, полкви., правитель канцел. гр. Зубова, 1793 г., 13—15.

Григоровичъ, Вас. Ив., конференц-секрет. Акд. Худож., 1845 г., 467, 474.
 фонъ-Гроессъ, Федоръ Ив., ти. сов., русс. посолъ при Ганзск. городахъ, 1784 г., р. 1729 † 1797 г., 221.
 Гротъ, Як. Карл., акад., 859, 960, 920.
 Грушинъ, Евграфъ Осипов., полковн. гвардіи, † 1800 г., 241—264.
 Грушинъ, Илья Роман., сотн., 1800 г., 253—264.
 Грушинъ, Осипъ Роман., войск. старш., 249—263.
 Грушинъ, Пётръ Осипов., подполков., 1798 г., 241—264.
 Грушинъ, Романъ, 264.
 Груомъ, маляръ, 1784 г., 217.
 Гумлевъ, С. Ссылка на сообшч. имъ документы о книж. Екат. Алекс. Долгоруковой, 736.
 Гурьевъ, гр-ня, Прасковья Никол., рожд. гр-ня Салтыкова, † 1830 г., 222.
 Гурьевъ, гр. Дмит. Альд., дс. ти. сов., ма-рь финансова, р. 1751 † 1826 г., 222.
 Гурьевъ, гр. Николай, 1806 г., 546.
 Густавъ III, король шведскій, 1772 г., † 1792 г., 497, 587, 719—734.
 Гюденъ, художн., 1846 г., 304.

Д.

Далматова, Екат. Потапеана, восп-ца Смольнаго, 1788 г., 317.
 Дальримпль, сэръ Джонъ (Dalrymple), англ. ма-рь, 1784 г., † 1821 г., 211.
 Дальтона (Dalton), лондон. купецъ, мас., † 1806 г., 596.
 Дамаскинъ (Семеновъ-Рудненъ), епископъ нижегородс. и алатурскій, 1785 г., составитель «Пятиязычного словаря», хранившагося въ нижегород. семинарск. библиотекѣ, 705—707.
 Дампіерръ, гр-ня (Dampierre), 1870 г., 290, 292, 293.
 Даниловичъ, проф. Виленск. универс., 1824 г., 88.
 Даргомыжскій, Альд. Серг., композит., р. 1813 † 1869 г., 286.
 Дашкова, кн-ня, Екатер. Роман., рожд.

- Воронцова, р. 1743 † 1810 г., 196, 492, 436, 477—483.
- Деверье, гр. Мануиль, ген.-лейтен., спб. ген.-полицейм., 1725 г., 177, 178.
- Дембницкий, предвод. венгерск. инсургентовъ, 1846 г., 158.
- Демидовъ, Акинай Никит., горно-зводчикъ, 1721 г., 307, 308.
- фонъ-Деррикъ, 1834 г., 50.
- Державинъ, Гавр. Роман., писат., р. 1743 † 1816 г., 118, 412.
- Джардини, (Felice Giardini) итал. скрипачъ и композит., р. 1716 † 1796 г., 411, 412.
- Дидро, (Denis Diderot) франц. философъ, р. 1719 † 1783 г., 575—577.
- Дика, ген.-майоръ. Сообщ. замѣтку по поводу разсказа г. Вистенгофа: «Адрианъ Николаевичъ Карамзинъ, 1854 г.», 710—711; упом. 155.
- Диллонъ, писат., 1786 г., 428.
- Димитрій, митр. новгород., 1763 г., 712.
- Дитмаръ, Амалия, восп-ца Смольнаго, 1783 г., 316.
- Дмитріевъ, Ив. Ив., дс. тн. сов., ин-ръ юстиціи, поэтъ, р. 1760 † 1837 г., 412, 672, 673.
- Долгорукая, книж., Аг. Мих. 1739 г., 745.
- Долгорукая, книж., Анна Алексѣевна, 1739 г., 745, 746.
- Долгорукая, книж., Анна Мих., въ зам. Михославовамъ, 1739 г., 745.
- Долгорукая, книж., Евд. Мих., 1739 г., 745.
- Долгорукая, книж., Евд. Серг., 1739 г., 745.
- Долгорукая, книж., Екат. Алекс. обрученная невѣста Петра II, потомъ въ замуж. гр-ня Брюсъ, р. 1712 † 1745 г., 736—746.
- Долгорукая, книж., Елена Алексѣевна, 1740 г., 745.
- Долгорукая, книж., Мр. Серг., 1739 г., 745.
- Долгорукая, книж., Наст., Мих., въ зам. гр-ня Брюсъ, 1739 г., 745.
- Долгорукая, книг. Наталия Борис., рожд. гр-ня Шеремет., р. 1714 † 1771 г., 745.
- Долгорукая, книг., Прасковья Мих., 1730 г., 741.
- Долгорукій, кн., Аксд. Мих., подполкв., 1839 г., 745.
- Долгорукій, кн., Алексѣй Григор., дс. тн. сов., чл. верховн. тайн. сов., † 1784 г., 736—741.
- Долгорукій, кн., Вас. Влад., русс. посолъ въ Варшавѣ 1721 г., въ посѣтдс. ген.-фельдм., чл. верховн. тайн. сов., р. 1667 † 1746 г., 172, 738—745.
- Долгорукій, кн., Васил. Лукачъ, чл. верховн. тайн. сов., 1730 г., † 1739 г., 735—746.
- Долгорукій, кн. Влад. Дмитр. 1688 г., 124.
- Долгорукій, кн. Владм. Серг., русс. послан. въ Берлинѣ, 1784 г., 213, 479—488, 582.
- Долгорукій, кн., Ив. Алексѣев., обер-камергеръ, любимецъ Петра II, р. 1708 † 1739 г., 178, 735—746.
- Долгорукій, кн., Ив. Григ., 1730 г., † 1789 г., 738—744.
- Долгорукій, кн., Ив. Серг., 1739 г., 745.
- Долгорукій, кн., Михаилъ Влад., дс. тн. сов., чл. верховн. тайн. сов., р. 1667 † 1730 г., 738—745.
- Долгорукій, кн., Мих. Ив., 744.
- Долгорукій, кн., Мих. Серг., пропорц. 1739 г., 745.
- Долгорукій, кн., П. В. Ссыка изъ «Россійскую Родословную книгу», 161, 163, 575.
- Долгорукій, кн., П. Мх., 1739 г., 745.
- Долгорукій, кн., Серг. Григор., 1730 г., † 1739 г., 737—744.
- Долгорукій, кн., Серг. Мих., майоръ., 1739 г., 745.
- Долгорукій, кн. Яковъ Федор., русс. посолъ во Франціи и Испаніи, 1688 г.—р. 1639 † 1720 г., 127, 172, 178, 736.
- Долгорукій, кн., Федоръ Серг., вай-мистрь, 1739 г., 745.
- Доницетти, композит., 1857 г., 73.
- Донской, докторъ, 1836 г., 141.
- Дороговъ, А. М., художн., 1846 г., 57.
- Доу, портретистъ, 462.
- Дубельть, Леопт. Васил., начальн. штаба корпуса жанд., 1836 г., 635, 636, 655, 683, 687, 701, 702, 703.
- Дубинская, Варв. Мих., фрейлина, 1790 г. въ замуж. Зиновьевъ, р. 1763 † 1802 г., 630.

Дубинская, Нат. Фед., 630.
 Дубинский, Мих. Федор., унт.-егермейстеръ, 630.
 Дубинский, Федоръ Яковы., протопре-
 свитеръ, духовникъ имп-ца Екате-
 рини II, 630.
 Дунюковскій, И. О., генер.-лейтенантъ,
 † 1851 г., 843.
 Дуровъ, Никл. Павл., проф. математич.
 наукъ. Ссылка на его библиотеку, 160.
 Дымчкова, Олимпиада Васил., восп-ца
 Смоленаго, 1783 г., 317.
 Дюпюи (Dupuis), художн., золот. дѣль
 мастеръ, 1767 г., 582—583.

Е.

Евгеникъ, митрополитъ, 1788 г., 720.
 Евгения, имп-ца француз., 1853 г., 71—
 74, 289, 292.
 Евтушевскій, лекарь, 2, 3, 4.
 Егоровъ, А. Е., проф. живописи, 1826 г.,
 467, 469.

Екатерина I, импер-ца, р. 1684 † 1727,
 161, 169—178.
 Екатерина II, имп-ца, р. 1729 † 1796 г.,
 О дозвolenіи братьямъ Герингутерамъ
 селиться въ Россіи, 1763—1764 гг., 712,
 713; собственнор. замѣтки и записки
 1763, 1764 и 1768 гг., 131—138; распо-
 раженія по случаю недостатка хлѣба
 въ Смоленск. губ., 1766 г., 718—715;
 изустный приказъ о покупкѣ для ар-
 міи суконъ съ россійскихъ фабрикъ,
 1766 г., 716; собственнор. записка о
 расходахъ на строенія, 1766 г., 716;
 рекраниѣ нижегородск. еписк. Дамас-
 кину, 1785 г., 706; новагоѣвіе о при-
 готавленіи пасторовъ изъ русскихъ под-
 данныхъ, 1786 г., 717. Упом. 13 — 18,
 32, 197, 399—435, 481—496, 576—592,
 608—611, 630, 706, 707, 720—723, 736.
 Екатерина Михайловна, вел. кнг., въ
 супруж. герц-на Мекленбург-Стрелиц-
 кая, р. 1827 г., 447.

Екатерина Павловна, вел. кнг., въ
 первомъ супруж.принцесса Ольденбург-
 ская, во второмъ корол. Виртемберг-
 ская, р. 1788 † 1818 г., 547.

Елагинъ, 1711 г., 182.
 Елена Павловна, вел. кнг. (Фредерика-
 Шарлотта-Марія, принцесса Виртем-
 бергская), р. 1806 † 1873 г., 144, 146, 153.
 Елизавета Алексѣевна, имп-ца, р. 1779
 † 1826 г., 40, 278, 279, 459, 462—465, 484.
 Елизавета Петровна, имп-ца, р. 1709
 † 1761 г., 177, 187—201.
 Еренинъ, контр-адм. швед. службы,
 1714 г., 168.
 Ермоловъ, об.-секрет. 1766 г., 715.
 Ермоловъ, Алексд. Петр., ген.-поруч.,
 р. 1754 † 1836 г., 409.
 Ермоловъ, Алексѣй Петр., ген.-артил.,
 р. 1777 † 1861 г., 64—67.
 Ерошкинъ, йордъ Томасъ, англ. юристъ и
 ораторъ, р. 1750 † 1823 г., 435, 486.
 Ефремовъ, см. Симоновъ.
 Ефремовъ, П. А. Сообщ. соч. П. Н.
 Семёнова «Мятюха Валдайской», зре-
 лище въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ,
 321—360; упом. 159, 362, 735.

Ж.

Жакье (François Jacquier) франц. уче-
 ный, р. 1711 † 1788 г., 480.
 Жан-Вуаль (Jean Viollier), придворн.
 живопис.-портретистъ, 1812 г., 544.
 Жардини, см. Джардини.
 Жегловицова, Екат. Ив., восп-ца Смол-
 енаго, 1783 г., 316.
 Жеромъ, художн., 1786 г., 422.
 Жирковичъ, В. И. Сообщ. «Записки Ив.
 Степ. Жирковича, 1789 — 1848 тг.»,
 33—54.
 Жирковичъ, Ив. Степ., отставн. ген-
 маюръ, р. 1789 † 1848 г. Записки его,
 глава XXIV, 33—54; упом. 654—678, 685.
 Жиро, мас., докт. и магнетизерь, 1787 г.,
 599—616.
 Жеманть, директ. департ. исполн. по-
 ліції, 1834 г., бывшій симб. губернат.,
 39, 50, 51, 675.
 Жоли, Яковъ Ив., секрет., 1785 г., 437.
 Жуковскій, Вас. Андрев., писат., р. 1788
 † 1852 г., 64, 71, 154.
 Жуковскій, Мих. Степ., чиновн., въ по-
 слѣдствії ген.-интенданта арміи, 31.

Жуковский, Степ. Мих., ст. секрет., ти-
сов. † 1877 г., 31.
Жульевъ, Тойильда, банкирша,
1738 г., 310—313.
Жунацкий, И. К., познанскій книго-
продавець-издатель, 95.
Жюль, см. Валунинъ.

3.

Завадовский, гр. Петър Васил., дс. ти-
сов., р. 1738 † 1812 г., 608—610.
Завалинникъ, Д. И. Ссыпка на замѣтку
о А. О. Корановицѣ въ «Древн. и Но-
вой Россіи» 1878 г., № 6, 320.
Загрижинский, Алсд. Артемьев., ген.-ко-
ручакъ, 583.
Загорянский, симбирск. губернат., 1834 г.,
33—48, 638—654, 658.
Закревская, Елизав. Александр., въ
замуж. Лавинская, 115.
Закревская, Марина Осиповна, въ зам.
Нарышкина, 234.
Закревская, Прасковья Андр., въ зам.
Потемкина, 410.
Закревский, 1785 г., 238.
Захъ, 1824 г., 87.
Зауэрвейдъ, А. Н., проф. акад., батал.
художн., 302.
Зенченко, полковн., 2.
Зиновьева, Варя. Мих., рожд. Дубин-
ская, р. 1763 † 1802 г., 630.
Зиновьева, Евдокія Наумовна, рожд.
Сенявина, 207, 609, 627.
Зиновьева, Екат. Ники., въ замуж. кнг.
Оркова, † 1781 г., 613, 616.
Зиновьева, Екат. Петр., рожд. Роза-
нова, 630.
Зиновьева, Устинъ Федор., рожд. Брейт-
копфъ, 616, 630.
Зиновьевъ, Алсд. Ники., 1780, 614, 628.
Зиновьевъ, Вас. Ники., ти. сов., дѣйств.
канцлер, презид. медицинск. коллегії, р.
1755 † 1816 г. Журналъ его путеше-
ствія по Германії, Италии, Франції и
Англії, 1784—1790 гг., 207—240; 399—
440; 593—630.
Зиновьевъ, Ники. Алсд., 1784 г., 218—
221, 614.

Зиновьевъ, Ники. Ив., ген.-майоръ, себ.
об.-командантъ, 627, 628.
Зиновьевъ, Степ. Вас., 208.
Златовъ, Алсд. Алексеев., художникъ,
1825 г., 465.
Змѣева, Надежда Михайл., коміщица,
1825 г., 465.
Змѣевъ, Венедиктъ Андр., окольничій
1688 г., 124.
Зордикъ, очаковскій городи., 1794 г., 10.
Зубовъ, гр. Валеріанъ Алексеев., ген.-адм.,
р. 1771 † 1804 г., 15, 16.
Зубовъ, гр. Платонъ Алексеев., въ послѣ-
дствіи вѣн., любимецъ Екатерины II, р.
1767 † 1822 г., 13.

И.

Иванова, Евдокія Граг., въ замужествѣ
Митропол., 27, 30.
Иванова, Татьяна Петр., 1800 г., 27—30.
Ивановъ, И., художн., 1846 г., 57.
Ивановъ, Козьма, сотскій, 1827 г., 541, 543.
Ивановъ, Фед. Ив., полковн. артил.,
1798 г., 27.
Ивановъ, полковн., омскій комендантъ,
1819 г., 500—503.
Ивановъ, лейтен., начальн. приутск. ад-
миралтейства, † 1830 г., 99—100.
Иванова, Вѣра Александр., рожд. Тол-
стая, 158.
Иванова, Вѣра Васил., въ замуж. Чер-
весова, 158.
Иванова, Екат. Александр., рожд. Лебе-
дева, 158.
Иванова, Марія Вас., въ замуж. Труб-
никовъ, 158.
Ивановъ, ген.-майоръ, 1834 г., 40.
Ивановъ, Вас. Петров., декабристъ,
† 1840 г., 158.
Ивановъ, Петъръ Васил., 158.
Ивановъ, Петъръ Никифор., 1825 г., 158.
Игній, художн., 472.
Игнатьевъ, ген.-майоръ, 1739 г., 743.
Игнатьевъ, Ники. Павл., ген.-адъют.,
бывшій русск. посолъ въ Константино-
поль, имѣтъ графъ, 296, 297.
Измайлова, Александра Борис., рожд.
кнж. Юсупова, 609.

Исаковъ, Ив. Мих., дс. ти. сов., † 1787 г., 609.
Исааковъ, Петръ, ген.-майоръ, 1760 г., 743.
Иловайскій, ген.-оть-кавал., войсков. атаманъ, 1798 г., 248.
Иловайскій, полковн., 1800 г., 256.
Иловайскій, подполк., 1800 г., 243.
Ильинскій, архіепис. херсонск. и тавр. різничий, изѣтній проповѣдникъ, р. 1800 † 1867 г. Біографическій о немъ очеркъ, 367—398; уном. 67, 710.
Иностранцевъ, капитантъ, фельдъегеръ, 1854 г., 112, 113.
Иринархъ, епископъ рижскій, 372.
Ирикей, пензенскій архієпис. въ послѣд. иркутскій, 1830 г., 99—117.
Италийскій, Андрей Яковы., послани. въ Константинополь, 1812 — 1816 гг., † 1828 г., 237—240, 411, 412.

I.

Іериней, см. **Ириней**.
Іахинфъ, о. (Бичуринъ), монахъ, 1834 г., 633.
Іоаннъ IV Грозный, царь, р. 1530 г., † 1584 г., 119.
Іоаннъ Алексеевичъ, царь, р. 1666 † 1696 г., 122, 128, 129.
Іона, іеромонахъ, смотритъ. женск. воло-годск. училищъ, 1841 г., 370.
Іосифъ II, имп. австр. † 1790 г., 488, 609.

K.

Казначеевъ, Аксд. Ив., градоправитель Феодосії, 1829 г., въ послѣд. дс. ти. сов., сенат., 61, 63.
Калиткинъ, Алексѣй Ив., воевода Верхноторукскій, 1708 г., 307.
Кампенгаузенъ, мн-ръ, 1848 г., 150.
Каплицъ, 1846 г., 143.
Канерикъ, гр. Егоръ Франц., ген.-адъют., мн-ръ финанс., † 1845 г., 51, 117, 135.
Канкова, скульпторъ, 1785 г., 406, 407.
Капельника, таганрогск. юзданый казначей, 1800 г., 27, 28.

Кашцівичъ, 1836 г., 676.
Карабановъ, Ссылка на соч. «Фрейлинны русск. двора XVIII стол.», 630.
Карамзінъ, Андрей Ники., полковн., † 1854 г., 155, 156, 710, 711.
Карамзінъ, Нікі. Мих., исторіографъ, р. 1766 † 1826 г., 75—87. Ссылка на «Історію Госуд. Росс.», 165 уном. 466;
Карандашевъ, учит. при Ом., 1783 г., 818.
Карасевъ, А. А. Сообщ. рассказъ ген. Шумкова объ А. О. Корниловичѣ, из-дателѣ историч. сборника «Русская Старина» въ 1824 и 1826 гг., 319—320.
Караулова, Анна Александр., восп-ца Смоленаго, 1783 г., 317.
Карлъ XII, кор. шведскій, 166, 167 194, 720, 723.
Карлъ-Фридрихъ, герцогъ Голштейн-Готторпскій, 1725 г., 176.
Карлъ, герц. Зюдерманланд., 1788 г., 722.
Кармаліна, Л. И., рожд. Ільменицьша 285, 286.
Кармалінъ, начальн. Гунибскаго воен округа, 1868 г., 285.
Карповъ, С. Д. Сообщ. «Записки И. Ст. Жирковича», 1789—1848 гг., 33—54.
Каррель, Ф. Ф. лейбъ-мед., 1807 г., 284.
Касымънинъ, Зиновій, каз. Луганской станицы, 1800 г., 243—262.
Катламінъ, Борисъ Andr., майоръ 1800 г., р. 1739 г., 248—264.
Кауфманъ, Анжка, р. 1741 † 1807 г., 400.
Кашникъ, Евгений Петр., перм. и тоб. ген.-губрн., р. 1738 † 1796 г., 401.
Квашнинъ-Самаринъ, советн. юстиць-коллегії, 1739 г., 743.
Квашнинъ-Самаринъ, Пётръ Федор., правит., новгородск. намѣстничества, 1789 г., 404.
Кайзерлингъ, гр. Александръ, въ посл. попечит. Дерпт. учебн. округа, 143, 145.
фонъ-Келлерманъ, Іоан., 1688 г., 127, 128.
фонъ-Келлеръ, баронъ, голл. резидентъ, 1688 г., 126.
Кемблъ, Джонъ-Филиппъ, акт., р. 1757 † 1823 г., 438, 439.
Кемблъ, Сара, въ замуж. Сиддонсъ (Siddons) знамен. актриса, р. 1755 † 1831 г., 426, 438.

- Кембль, Чарльз, актеръ, р. 1775 † 1854 г., 438.
- Кенигсмарктъ, гр.-иц., 1846 г., 144.
- Кеосмеръ, русскій генеральш. консулъ, 1843 г., 63.
- Кибріть, правит. канцел. иркутск. ген.-губернат., 1830 г., 108.
- Киджі, кн., 1785 г., 409.
- Кініна, Марія Петр., въ замуж. кнг. Волконская, 465.
- Кікнінъ, Петръ Андр., статсь-секрет., р. 1777 † 1834 г., 279, 465.
- Кілчевскій, жанд. полкв., 1832 г., 516.
- Кіндъ, бывшій гувернера В. Н. Зинов'єва, 1784 г., 218, 219, 626.
- Кіндренскій, живопис., 293.
- Кірб'єва, 1869 г., 289.
- Кірб'євъ, ген.-лейт., 1800 г., 26, 27, 31.
- Кірб'євъ, 1869 г., 289.
- Кіселевъ, гр., Пав. Дмит., рус. посолъ въ Парижъ, р. 1788 † 1872 г., 73.
- Кілійніхеъ, гр., Петръ Андр., ген.-адъют., главноуправл. путями сообщенія съ 1842—1865 г., 707—709.
- Кілстѣ, графъ, 1848 г., 148.
- Клобукова, Анна Юрьевна, рожд. Венеціанова, 269.
- Клюдъ фонъ-Югембургъ, корис. командиръ 1819 г., 501.
- Коваленская, Елена Григ., 1800 г., 30.
- Коваленскій, Григ. Ив., надв. сов., таганрог. предв. дворянъ, 1800 г., 27—30.
- Кованью, дворянинъ, 1794 г., 18, 19.
- Комінгъ, ген.-адъют., 1800 г., 243—248. 260, 262.
- Козадавлева, Анна Петр., рожд. кнж. Голицына, 1790 г., 609, 610.
- Козадавлева, Анна Осиповна, въ зам. Вобрищева-Пушкина, 1790 г., 610.
- Козадавлевъ, Осипъ Петр., совѣтн. Академіи Наукъ, въ послѣдств. мн-ръ внутр. дѣлъ, р. 1755 † 1819 г., 207, 410, 608, 610, 627.
- Козловскій, кн., 1846 г., 143, 146.
- Коаковъ, Ив. Яковъ, 508.
- Коворевъ, откупщикъ, 72, 282.
- Кокуукъ, художн., 1846 г., 57.
- Коленбергъ, графъ, 1784 г., 217.
- Колесниковъ, Илья, каз., 1800 г., 253, 254, 262.
- Комаровскій, гр., ссып. на его «Зап.» 611.
- Константиносъ Николаевичъ, Вел. Кн. р. 1827 г., 57—64, 187, 206, 549.
- Константиносъ Павловичъ, вел. кн. цесаревичъ, р. 1779 † 1831 г., 91, 135—142, 442, 447, 454, 456.
- Контыримъ, Казимиръ, библіот. Валенск. университет., р. 1772 † 1836 г., 84.
- Корниловскій, Алекс. Осип., декабр. издат. историческ. сборника «Русская Старина» 1824 и 1825 гг., † 1833 г., 319, 320.
- Корниловъ, Влад. Алекс., коми. короб., 1846 г., въ посл. адм., † 1854 г., 61, 71.
- Корнишевъ, секрет. син., 1718 г., 173.
- Костомаровъ, Ники. Ив., акад. Ссыпка на его «Записки», 388.
- Косаговъ, Григ. Ив., думный дворянинъ 1688 г., 124.
- Котляревскій, подполковн., въ послѣд. кошевой атаманъ, 1794 г., 11, 21—30.
- Котляревскій, Петръ Семен., ген.-лейт., р. 1782 † 1851, г., 61 285—289.
- Кохановскій, 1823 г., 84.
- фонъ-Хохенъ, Христофоръ, шведск. посл. при москов. дв., 1686—1688 г., 121—129.
- Кочубей, кн., Аркадій Вас., чл. госуд. сов., † 1866 г., 546, 550.
- Кочубей, кн., Аркадій Вас., дс. т. сов., сенат., р. 1790 † 1878 г., 546—550.
- Кочубей, кн., Вас. Вас., предв. двора. Чернаг. гб., † 1800 г., 546.
- Кочубей, кн., Вас. Вас., 1802 г., 546.
- Кочубей, гр., Викт. Пав. ма-ръ внутр. дѣлъ, въ послѣдств. госуд. канцл., р. 1768 † 1834 г., 546, 549.
- Кочубей, кн., Демьянъ Вас., дс. тн. св., † 1858 г., 546, 547, 550.
- Кочубей, кн., Леонтій Вас., 546.
- Кочубей, кнг., Елена Вас., рожд. Туманская, 546.
- Кочубей, кнг., Марія Вас., рожд. Васильчикова, статсь-дама, † 1854 г., 549.
- Кочубей, кнг., Софія Ники., рожд. кнж. Вяземская, † 1834 г., 549.
- Кошелева, Варв. Ив., 1787 г., 599—626.

Кошелева, Дарья Алексд., въ замуж. Валуева, 1790 г., 609.
 Коншаковъ, Алексд. Родиона, ген.-майр., 1796 г., 609.
 Коншаковъ, Родионъ Алексдр., въ послѣд. гофмейст., мистикъ, 1787 г., † 1827 г., 599—625.
 Кресть, генер., 1696 г., 166.
 Крейтонъ, лб.-медицъ, 1823 г., 452, 455, 456.
 Крекшикинъ, комисарь, 1720 г., 175.
 Крахмаловскій, Адриянъ, 1824 г., 88.
 Криковъ, Андрей Вас., окольнич., 161, 163.
 Крыловъ, Никиф. Степ., рисовальщ., въ послѣдств. художн., 277, 279, 458—463.
 Кузинъ, симб. откупщ., 1834 г., 49.
 Кузнецова, Ив. Ефимовъ, въ послѣд. ст. сов., 507, 508, 527, 529.
 Кузьминъ, староста, 1827 г., 541.
 Кунидженъ, художн., 302.
 Кувольниковъ, Несторъ Вас., издат. журн. «Худж. Газ.», 1845 г., 55—61.
 Кульбаковъ, полковн., 1780 г., 3.
 Кульманъ, Еваринъ, 1689 г., 318.
 Куракинъ, кн., Алексд. Борис., ген.-аван., об.-шталмейст., р. 1697 † 1749 г., 743.
 Куракинъ, кн., Алексд. Борис., русс. посолъ во Франціи, 1812 г., р. 1752 † 1818 г., 544, 607.
 Куракинъ, кн., Алексѣй Борис., ген.-прокур., р. 1759 † 1829 г., 262, 607.
 Курникъ, правит. канцеляріи гр. Суворова, 1794 г., 16.
 Кутыгинъ, лейтен., начальн. иркутск. адмиралт., 1818 г., 102, 503.
 Кюльветтеръ, ин-ръ, 1848 г., 150.
 Кюстерь, суперъ-пітендантъ, 1784 г., 221, 223.

Л.

Лавинская, Елизав. Алексд., рожд. Закревская, 115.
 Лавинский, Алексд. Степ., иркутск. ген.-губернат., 1830 г., въ послѣд. дс. тн. сов., † 1844 г., 100—116, 508, 526.
 Лаврентій, архиманд. Троицкой лавры, 1763 г., 712.
 Лагоріо, Л. Ф., художн., 1846 г., 57, 302.
 де-Лагранжъ (Joseph-Louis Lagrange),

франц. математикъ, чл. Берлинск. акад., р. 1736 † 1813 г., 479—481, 591, 592.
 Лазаревичъ, сибирск. почтмейстеръ, 1834 г., 643.
 Лазаревъ, подполкн., 1796 г., 286.
 Ласс-Казасъ, австр. ин-ръ, 1785 г., 400.
 Лакрицъ, Павелъ, архицаконтъ, 1763 г., 712, 713.
 Лакроа (Pierre Lacroix, Bibliophile Jacob). Ссылка на его соч. «Histoire de la vie et du r gne de Nicolas I-», 441, 454.
 Ламбертъ, графъ, 1819 г., 548.
 Ласокъ, гр. Петъръ Петр., ген., 1718 г., въ послѣд. фельдмарш., р. 1678 † 1751 г., 173.
 Лаффертиеръ, секрет. велик. кн. Павла Петровича. Записки его о Русскомъ Дворѣ, 1761 г., 187—206.
 Лаффоство, Пьеръ (Pierre Lafosse), берейт. и ветеринаръ, 1767 г., 582—585.
 Лачникова, Ольга Мих., восп-ца Смольнаго, 1783 г., 316.
 Лебедева, Екат. Алексдр., въ замуж. Иванова, 158.
 Лебедевъ, Кастроъ Никиф., авт. соч. «Подарокъ ученымъ о Царѣ Горохѣ», 160.
 Леберехтъ, Карлъ-Александъ, об.-младш. лейб-при русс. дворѣ, 1783 г., 231.
 Левашевъ, ген.-майоръ, 1815 г., 548.
 Ле-Дантю, Камиль. въ замуж. Иванова, 158.
 Лейхтенбергскій, герц., Евгений Максимилиановичъ, кн. Романовскій, р. 1847 г., 160.
 Лехеволь, Йоахимъ, польскій историкъ, проф. Виленскаго университ., р. 1786 † 1861 г. Переписка съ Ф. Булгаринскимъ, 1822—1830 гг., 75—98.
 Лембергъ, 1785 г., 407.
 Леоновъ, подполкн., 1800 г., 243.
 Леоновъ, Н. Сообщ. замѣтку: «Тревога близъ Севастополя, 15 окт. 1854 г.», 544, 545.
 Леонтьевъ, Ив. Юрьев., окольничій, 1688 г., 124.
 Леонтьевъ, проф., 1869 г., 289.
 Нермантовъ, 636.
 Неронтовъ, Мих. Юрьев., писат., р. 1814 † 1841 г., 361—366.

Лестонъ, гр., Йоганъ-Германъ, 1б.-мѣдикъ пин-ды Елизаветы Петровны, 193.
 Ливенъ, кнг., Шарлотта Карл., рожд. Пессе, воспитат-ца дѣтей мни. Павла, р. 1743 † 1828 г., 441, 443.
 Линдгеймъ, австр. генер., 1849 г., 152.
 Липинъ, Илья, художн., 472.
 Липманъ, колл. сов., чиновн. при русск. посольствѣ, 1849 г., 154.
 Липрандъ, Пав. Петр., ген.-лейтенантъ, 1854 г., 155.
 Литта, гр., Юлій Помпеевъ, об.-шенкъ, чл. государств. сов., р. 1754 † 1839 г., 407—409, 414.
 Лобановъ-Ростовскии, кн., Аксд. Яков., 1805 г., 546.
 Лобановъ-Ростовскии, кн., ген.-адъют., 1836 г., 664—703.
 Лобановъ-Ростовскии, кн., Алексѣй Борис., нынѣ полномочный посолъ въ Константинополѣ. Сообщ. замѣтки и примѣчанія къ журналу путешествія В. Н. Зиновьевъ по Германіи, Италіи, Франціи и Англіи 1784—1790гг., 207—240; 399—440; 593—636; ссылка на «Русс. Родосл. Книгу», 630.
 Лобойко, Ив., проф. русскаго языка въ Виленск. университ., † 1863 г., 75—82.
 Лонгиновъ, Мих. Никл. Ссылка на соч. «Новиковъ и московскіе мартинисты», 213, 230.
 Лонгиновъ, Никл. Мих., статсъ-секрет., 1826 г., 459.
 Лорецъ, Иванъ, ассес., 1763 г., 712, 713.
 Лоскутовъ, нижнеудинск. исправникъ, 1819 г., 524, 525.
 Любковскии, варш. цензоръ, 1824 г., 88.
 Лутковскии, Пётръ Степ., вице-адм., 102.
 Лыковъ, секрет. таганрогск. уѣзди. суда, 1800 г., 27, 28.
 Лыщопкинъ, Федоръ, предводит. дворянства Смоленск. губ., 1816 г., 535—540.
 Люнебургъ-Брауншвейгскій, герцогъ, Карлъ-Вильгельмъ, глава германскихъ масоновъ, р. 1785 † 1806 г., 223, 491, 497, 498.
 фонъ-Лютцероде, бар., саксонск. генер. и послани. въ Петерб., 1847 г., 147.

М.

Масенка, рожд. Лелевель, 1861 г., 97.
 Мазенка, Ив., гетм., малоросс. 1687 г., 194.
 Майеръ, художн., 1848 г., 57.
 Майковъ, А. Н., поэтъ, 300.
 Махарій, архиманд., нынѣ епископъ кирилло-хангалскій. Ссылка на «Исторію кирилло-хангалской іерархіи», 706, 707.
 Махарій, (Михаилъ Булгаковъ), митр. архієп. літовскій, р. 1816 г., 710.
 Максимовичъ, М. Ссылка на «Письма о Кіевѣ и воспомінаніе о Таврідѣ», 367, 372.
 Мальцевъ, Пётръ Семен., секрет. русск. посольства, 1784 г., 213.
 Мандрыка, ген.-майоръ, 1836 г., 677.
 Мантеффель, генер., 1757 г., 491.
 Мануйловъ, Пётръ, управл. заводами, 1757 г., 313—315.
 Марія Александровна, импер-ца, р. 1824 г., 63, 283, 285.
 Марія Александровна, вел. кнг., въ супруж. герцогиня Эдинбургская, р. 1853 г., 283—285.*
 Марія-Амалія, эрцгерц-ня австр., р. 1746 † 1804 г., 420.
 Марія-Луиза, герц-ня Тосканск., рожд. приведеса испанск., 1785 г., 236, 239.
 Марія Николаевна, вел. кнг., въ супруж. герцогиня Лейхтенбергская, род. 1819 † 1876 г., 56, 62, 63.
 Марія Федоровна (Доротея-Софія-Августа - Луиза, принцесса Виртембергская), имп-да, р. 1759 † 1828 г. Рексприйтъ кн. Мих. Сем. Воронцову, 1828 г., 455; послѣдніе дни ея жизни, 1828 г., 441—456. Упом. 462, 463, 484, 486, 544, 630.
 Марковичъ, Екат., 1759 г., 269.
 Марковичъ, Михаилъ, 1759 г., 269.
 Мартось, ректоръ академіи худож., 467.
 Матюшкина, гр-ня, Анна Алексея, р. кнж. Гагарина, р. 1722 † 1804 г., 483.
 Матюшкинъ, гр., Дмит. Мих., тн. сов., † 1800 г., 477, 483.
 Махмудъ II, султанъ, 1839 г., 295.
 Мацѣевичъ, Л., ссылка на «Акаепсть мировому посреднику», 159.

- Медемъ**, гр-ня, Шарлотта, въ замуж. Виронъ, 405.
- Мекендорфъ**, русск. посланн. въ Вѣнѣ 1848 г., 147—152.
- Мѣйерфельдъ**, ген.-майоръ шведск. служ-бы, 1710 г., 167.
- Мельниковъ**, проф. архитектуры, 467.
- Мендельсонъ**, Моисей (Mendelson), авт. книги: «Федонъ или бесѣда о бессмертіи души», р. 1729 † 1786 г., 575, 581, 582.
- Мениковъ**, кн., Алсд. Данія., генера-лиссимусъ, р. 1673 † 1729 г., 171—178, 736.
- Мениковъ**, кн. Алсд. Серг., адм. глав-нокоманд. войсками въ Крыму, р. 1787 † 1869 г., 70, 118, 635, 686.
- Меріанъ** (Jean-Bernard Merian), чл. Берлинск. академіи, р. 1723 † 1807 г., 479.
- Мерье де-Ларивьеръ** (Mercier de la Rivière), почетн. чл. париж. парламента, 1767 г., 575—580.
- Меттерніхъ**, кн., герцогъ Шартръ, австр. госуд. канцл., р. 1773 † 1859 г., 147; 150.
- Мигрина**, Анна Дмит., рожд. Фурней, 1770 г., 1.
- Мигрина**, Евдокія Григор., рожд. Ива-нова, 27—30.
- Мигрина**, Василий, поруч., 1770 г., 1, 2.
- Мигрина**, Григорій Ив. Сообщ. «Похож-денія или исторія жизни Ивана Миг-рива, черноморского казака, 1—32.
- Мигрина**, Ив. Васил., поруч., 1770 г., 1, 9, 20.
- Мигрина**, Ив. Ив., черноморск. казакъ, р. 1770 г. Похожденія или исторія его жизни, 1—32.
- Мигрина**, Ніка., поруч., 1.
- Мигрина**, Пантелеімонъ, учитель, 1.
- Михалевскій**, екатеринославск. губерн., 1794 г., 16.
- Михалевскій**, авт. учебника «Поль-ской исторіи», 1824 г., 88.
- Милане** (Millanais), масонъ, † 1793 г., 601—603, 616.
- Міхнеръ**, Герардъ-Фридрихъ, исторіо-графъ, † 1783 г., 187.
- Микорадовичъ**, гр. Сообщ. некрологъ «кн. Аркадій Вас. Коцбей, 1790—1878 г.», 546—550.
- Мілошавскій**, Левъ Алекс., 1739 г. 745.
- Мильде**, ма-рь, 150.
- Минихъ**, бар., 1787 г., 597, 609.
- Мінте**, датск. теологъ, 1784 г., 227.
- Міроновъ**, тамбовск. гражд. губерна-торъ, 749.
- Міропольській**, С. Сообщ. замѣтку «Да-ревна Софія Алексѣевна», 130—131.
- Митурова**, Анна Андр., восп-ца Смоль-наго, 1783 г., 317.
- Михайлова**, Григор. Карн., художн., 471.
- Михайлова-Венеціанова**, Алсд. Мих., художн., 1836 г., 471—473.
- Михайлъ**, иркутск. архіеписк., 1818 г., 102, 103.
- Михаилъ Николаевичъ**, Вел. Кн., р. 1832 г., 71.
- Михаилъ Павловичъ**, Вел. Кн., р. 1798 † 1849 г., 153, 154, 448 — 447, 454, 456, 641.
- Михельсонъ**, Ив. Ив., севастопольск. военн. губернат., ген.-инф., 1801 г., р. 1740 † 1807 г., 31.
- Мозаровскій**, Аполлонъ. Сообщ. замѣт-ку: «Рукописный пятиязычный сло-варь въ Нижегородской семинарской библіот. и его происхожденіе», 705—707.
- Мою**, полковн., начальн. черноморск. казак., 1792 г., 6.
- Мокрицкий**, Аполлонъ Ніка., р. 1810 г. Ссылка на его соч. «Воспоминаніе объ А. Г. Венеціановѣ и ученикахъ его», 267, 268, 275, 470.
- Мокрый**, полковн., коневой атаманъ, 1792 г., 8, 9.
- Моллеръ**, адмир., 636.
- Молчанова**, Анна Алекс., восп-ца Смоль-наго, 1783 г., 317.
- Монбоддо**, лордъ (Burnet James, lord Monboddo), шотландск. учен., р. 1714 † 1799 г., 434, 435.
- Монбоддо**, см. Монбоддо.
- Мордвиновъ**, 1869 г., 289.
- Мощентго**, гр. Дант., флорен. посланн. при русск. дворѣ, 1792 г., 233, 240.
- Мошинскій**, гр., Петръ, бывш. волынск. губ. предв., 683—685.
- Муравьевъ**, Алсд. Никол., полк., иркутск. поліційм., 1830 г., 111.

Мусинъ-Пушкинъ, гр. Ив. Алексѣев.,
д. тайн. сов., 1713 г., 183—185.

Мѣшковъ, полк. 1800 г., 256.

Мюллеръ, д-ръ, 1848 г., 149.

Фонъ - Мюнхгаузенъ (Munchhausen),
Альбрехтъ-Эдмундъ-Георгъ, тн. сов.,
об.-гофмарш., 1784 г., 225.

Н.

Набель, полк., 1816 г., 548.

Набокова, Ольга Сем., восп-ца Смоль-
ваго, 1783 г., 316.

Нагаевъ, адмир., 1720 г., 175.

Наполеонъ III, имп. франц., 1853 г.
71—74.

Нараевская, Ната. Карп. 1819 г., 510.

Нараевскій, полк., 1818 г., 100.

Нарушевичъ, Адамъ Станисл., поэты и
истор., р. 1733 † 1796 г., 76—95.

Нарышкина, Марина Осиповна, рожд.
Закревская, 234.

Нарышкинъ, Алексд., 1726 г., 178.

Нарышкинъ, Левъ Алексд., об.-штатл.,
р. 1739 † 1799 г., 14, 234, 575, 583, 584.
Нарышкинъ, Левъ Кирилл., бояринъ,
1688 г., 128.

Наставникъ, А. С. Сообщ. «Судебное дѣя-
ствие въ 1809 г., зрѣлице, составл. Го-
рюшкинымъ», 551—574.

Наумовъ, тн. сов., 1739 г., 743.

Нащокинъ, Петръ Алексд., 718.

Невѣровскій, ген.-лейт., 1780 г., 3.

Невѣровъ, бывшій попечит. Кавк. учебн.
округа, 154.

Нейманъ, прусс. ген.-адъют., 1849 г., 154

Неклюдовъ, Серг. Петр., 1805 г., 546.

Немцевичъ, предс. варш. общ. любит.
наукъ, 1826 г., 88, 89.

Неплюевъ, Леонт. Романов., окольнич.
1688 г., 124.

Неплюевъ, нач. Оренб. края, 1742 г., 310,

Неплюевъ, сенат., 1761 г., 200.

Несвицкій, кн., 1785 г., 238.

Нессельроде, гр. Карлъ Вас. (Карлъ-
Робертъ), канцлеръ, р. 1760 † 1862 г., 154.

Николай I, импер., р. 1796 † 1855 г.
Послѣдніе дни жизни имп-цы Марии

Феодоровны, 1828 г., 441—456; прѣѣздъ въ

Симбирскъ, 1836 г., 672—678; постыдна.
мастерск. художн. Абазовскаго, 1847
г., 65. Упом.: 36—41, 56, 57, 60—71,
113—117, 135, 142—156, 287, 290, 319,
466, 549, 636—667, 683—704, 709.

Николай Николаевичъ, Старший, Вел.
Кн., р. 1831 г., 63, 71, 297.

Николь, аббать, содерж. панс., 1802 г.,
546, 547.

Новицкій, Георг. Вас., ген.-отъ-арт. р.
1800 † 1877 г., 159.

Новосильскій, 1845 г., 382.

Новосильцева, Екат. Алексд., рожд.
Тарсукова, 608.

Новосильцева, Ссылка на рассказы о
Ф. И. Толстомъ, 718.

Новосильцевъ, гр., Никол. Никол., тн.
сов., тов. инн. юст., въ посл. предс. гос.
сов., р. 1761 † 1838 г., 87, 411, 445.

Новосильцевъ, Ники. Устин., 1785 г., 411.

Новосильцевъ, Пётръ Ив., дс. тн. сов.,
† 1805 г., 608, 609.

Носаржевская, рожд. Лелевель; 1861
г., 97.

Нось, Д. Сообщ. «Пѣсню», заплс. имъ
въ Калужск. губ., 750.

О.

Оберть, гуверн. Н. А. Зиновьевъ, 1784 г.,
218, 219, 405.

Обрѣсовъ, Алексѣй Мих., тн. сов.,
рус. посолъ въ Константант. 1768 г., 133.

Обрѣсовъ, 1805 г., 546.

Овцынъ, прокур., 1800 г., 26, 27.

Отчевъ, симб. вице-губ., 1834 г., 42, 50, 643.

Одоевская, кнг., Ольга Степ., рожд. Іан-
ская, 382.

Одоевскій, кн., Влди. Федоров. сезат.
и писат., 362.

Оленинъ, Алексѣй Никол., презид. Акад.
Худ., † 1842 г., 278, 466, 466.

Олеуфьевъ, Адамъ Вас., управл. собств.
канц. Екатерины II, † 1784 г., 584, 715.

Ольга Николаевна, вел. кнг., въ супр.
королева Виртембергская, р. 1822 г.,
64, 444.

Ольденбургскій принцъ, Георгій, тверск.

ген.-губ. и главн. директ. пут. сообщ., 1809 г., 547.
Омаръ-ханъ, дагест. владѣл., 1800 г., 286.
Онацевичъ, 1823 г., 84.
Ону, перв. драгом. русск. посольства, 1874 г., 296, 297.
Опочкинъ, капит., 1711 г., 181.
Орхова, кнг., Екат. Никол., рожд. Зиновьева, † 1781 г., 413, 613, 616.
Орловъ-Чесменскій, гр., Алексѣй Григор., ген.-анш., р. 1737 † 1808 г., 590—592.
Орловъ, Вас. Петр., ген.-отъ-кавал., войск. атам., 1800 г., 243—250.
Орловъ, гр., Владил. Григор., ген.-поруч., р. 1748 † 1831 г., 591.
Орловъ, кн. Григор. Григор., ген.-фельдцейхм., р. 1734 † 1783 г., 212, 239, 413, 582—592, 613, 614.
Орловъ, Григор. Никит., об.-гофмарш., † 1803 г., 225.
Орловъ, гр., Григорій, 1805 г., 546.
Орловъ, гр., Ив. Григор., отст. гвард. кап., † 1791 г., 590, 591.
Орловъ, гр. Федоръ Григор., генер.-анш. р. 1741 † 1796 г., 591.
Осипінскій, Пав. Семен., помѣщ. 1800 г., 27, 28.
Осокина, Нат. Ив., въ замуж. Родионова, 158.
Остерманъ, гр., Андр. Ив., (Георгій-Іоаннъ-Фрідріхъ), дс. ти. сов., каб.-миръ и ген.-адмир., р. 1686 † 1747 г., 736, 737, 741.
Остерманъ, гр., Ив. Андр., русск. пос. въ Швеції, въ посѣд. вице-канц., р. 1723 † 1811 г., 401, 497.
Остолововъ, об.-секрет., 1763 г., 712.

III.

Павелъ I, императ., р. 1754 † 1801 г., Военно-судное дѣло въ Черкасскѣ о братьяхъ Грузиновыхъ, 1800 г., 241—264; упом. 19—30, 187, 369, 407, 484—491, 607, 608, 630, 722.
Павловъ, Мих. Григор., проф. Московск. універс., 160.
Палибинъ, Нікі. Ив., инженеръ, Сообщ. замѣтки къ статьѣ Н. Н. Селифонтова

о К. В. Чевакинѣ, съ 1855 по 1862 г., 707—709.
Палкинъ, президентъ ревизіонъ-коллегіи, 1739 г., 743.
Панинъ, гр. Викт. Никит., мн-ръ юст., 1845 г., 55, 56, 63.
Панинъ, гр., Петръ Ив., ген.-анш., р. 1721 † 1789 г., 715.
Паниратъевъ, деж.-маіоръ 1780 г., 3.
Паниратъевъ, генер., корпусн. команд., 1849 г., 3.
Панютинъ, ген., 1849 г., 151.
Парадисъ, математ., 1786 г., 594, 598.
Паскевичъ, кн. Варшавскій, Ив. Фед., фельдмарш., † 1856 г., 118, 136, 137, 152, 153.
Пахомовъ, Матвѣй, надзират. училища при Общ. Благородн. Дѣвицъ (Смоленскій) 1783 г., 316—318.
Паїзелло, Джованни (Paisiello), композиторъ-музыкантъ, 1785 г., р. 1741 † 1816 г., 240, 411.
Пеликанъ, испр. долж. рект., 1824 г., 87.
Пелліссье, фр. марш., 1857 г., 71, 73.
Пембронъ, лордъ, 233.
Перегусяхина, Марья Савишина, кам-юнгера имп-цы Екатерины II, 608.
Перовскій, гр. Вас. Алексѣевъ, оренб. воен. губернат., 72.
Перовскій, Левъ Алексѣевъ, въ послѣд. гр., мн-ръ внутр. дѣлъ, 39, 40, 46, 64, 671, 700—704.
Персіановъ, войск. старш. 1800 г., 256.
Перфильєва, Ект. Іак., восп-ца Смоленаго, 1783 г., 317.
Перфильєва, Прас. Федор., рожд. гр-ня Толстая. Сообщ. замѣтку объ отцѣ своемъ гр. Ф. И. Толетомъ, 718.
Перчакъ, предводител. польской партіи 1849 г., 153.
Пестель, В. И., тавріч. губ., 1846 г., 61.
Пестель, Ив. Борис., сибирск. ген.-губ., 503, 507.
Петровъ, А. П. Сообщ. разсказъ: «Марья Антоновна Бергольдъ, начальница малолѣтн. отд. 1-го кад. корп. 1816—1822 гг.», 531—535.
Петровъ, В. П., авторъ сатирическаго стихотворенія: Примѣченіе Густава III,

короля шведск., 1788 г., июня 6 дня, 719—734.
Петровъ, Н. Н. Сообщ. биограф. очеркъ «Алексѣй Гавр. Венециановъ, отецъ русской бытовой живописи, 1780—1846 гг.», 265—280; 457—476.
Петръ I, имп., р. 1672 † 1725 г., 122, 128, 129, 161—183; 194, 199, 589—592.
Петръ II, Алексѣевичъ, императ., р. 1715 † 1730 г., 736—741.
Петръ III Феодоровичъ, (Карлъ-Петръ Ульрихъ, герцогъ Гольштейн-Готторпскій), императ., р. 1728 † 1762 г., 192, 194—197, 491, 492, 591.
Пир-Кули-ханъ, пер. сер., 1805 г., 287.
Пії VI, папа римскій (Braschi), р. 1717 † 1799 г., 402—405, 413, 419.
Пії IX, папа рим., † 1878 г., 147.
Плещеевъ, Серг. Ив., ген.-майоръ, ст.-секрет., † 1802 г., 608.
фонъ-Штугтъ, Элеонора, восп-ца Смольнаго, 1783 г., 316.
Повалишинъ, 1818 г., 500, 510.
Поггенполь, Василій, секрет. русск. посольства въ Лондонѣ, 1784 г., 620.
Потемкинъ, 1787 г., 620, 621.
Погодинъ, Мих. Петр., акад., р. 1800 † 1875 г., 85, 359, 393.
Подымоцкая, Наст. Яковл., восп-ца Смольнаго, 1783 г., 316.
Поздѣевъ, ген.-майоръ, 1800 г., 256.
Позенъ, правит. дѣлъ военно-походн. канцел., 1834 г., 49, 50.
Покровскій, ген.-майоръ, иркутск. коменд. 1830 г., 109—111.
Полуденскій, М. П. Сынка на его библиотеку, 720.
Поповъ, Василій, каз. Луганской станицы, 1800 г., 243—262.
Поповъ, губернс. секрет., 1816 г., 835.
Порожня, сотникъ, 1795 г., 20.
Поронинъ, сек.-майоръ, 1766 г., 713.
Потапова, 1867 г., 284.
Потапова, господ. ключи, 1774 г., 158.
Потемкина, Дарья Вас., рожд. Скуратова, въ перв. замуж. Кондырева, р. 1704 † 1780 г., 583.
Потемкинъ, Алсд. Васил., отст. подполк., р. 1673 † 1746 г., 583.

Потемкинъ, Алекс. Мих., 1805 г., 546.
Потемкинъ-Таврический, кн., Григорій Алсд., ген.-фельдм., р. 1738 † 1791 г., 6, 13, 61, 582—587; 713, 716, 717.
Потемкинъ, гр., Пав. Серг., ген.-аиш., писат., р. 1743 † 1796 г., 410.
Потемкинъ, гр., Серг. Пав., писат., р. 1787 † 1858 г., 546.
Потухова, Антонина Мих., 179.
Потухова, Софья Владимира, рожд. Бутурлина, 179.
Потуховъ, ген.-майоръ, 179.
Потуховъ, Ник. Влади., самарскій землевладѣць. Сообщ. «Письма И. И. Бутурлина къ женѣ и дочери, 1711—1719 гг.», 180—186; упом. 161, 179.
Потуховъ, Ники. Мих., ст. сов., 179.
Пожитоновъ, Даніїл Гаврил., чиновн., войсковой секретарь, 1800 г., 18—31.
Прозоровскій, кн., Алсд. Алсд., фельдм., р. 1732 † 1809 г., 717.
Прозоровскій, кн. Птр. С., 1687 г., 124.
Проко, Иванъ, родоначальн. фамиліи Венециановыхъ, 289.
Протасовъ, 1785 г., 406.
Протасовъ, гр., подкова., 1834 г., 644, 645, 654, 655.
Пржниловъ, Фед. Ив., сиб. почты-директ., 64.
Пшаницкий, С. А. Переездъ съ польскаго «Письма Иоахима Лелевеля къ Ф. В. Булгарину, 1822—1830 гг.», 75—98.
Пушкинъ, Алсд. Серг., поэтъ, р. 1798 † 1837 г., 286, 749.

P.

Радецкий, фельдм., гр., 1848—1849 гг., 150.
Радищевъ, писатель, 207, 410, 42, 627.
Раевъ, правит. канцел. симбирск. губерн. 1836 г., 666, 692, 693.
Разумовская, гр-на, 1787 г., 599, 601.
Разумовскій, гр., Алексѣй Кирил., д-тн. сов., ин-ръ народн. просвѣщ., р. 1748 † 1822 г., 544.
Разумовскій, гр., Андрей Кирил., въ послѣд. кн., посланн. въ Неаполь, 1783 г., р. 1751 † 1823 г., 232, 235, 240, 399, 400, 405.

Ратша, трансильванийский выходецъ, родомъ изъ фамилии Бутурлиныхъ, 161, 165.

Раухъ, прусс. посл. при русск. дворѣ, 1849 г., 145, 152, 155.

Ребриковъ, подполков., 1800 г., 256.

Рейнольдъ, аббатъ (Guillaume Saracost-Reynal), р. 1713 † 1796 г., 477—481.

Рейффенштейнъ, 1785 г. 408, 429.

Рейхенбахъ, гр., амбасадоръ, 1849 г., 150.

Рекъ, ген.-майоръ, 1790 г., 610.

Ренуаръ, библиографъ, 1892 г., 93.

Реннико, кн., Анна Ио., фельдмарш., превод. военн. коллегіи, р. 1668 † 1726 г., 173, 176.

Реннико, кн., Никол. Вас., фельдм., р. 1734 † 1801 г., 5, 488, 544.

Реновъ, 1790 г., 609.

Рибасъ, ген.-майоръ, 1790 г., 611.

Ривонъ, коменд. Магдебурга, 1784 г., 219.

Риддеръ, гр., Федоръ Вас., ген.-майоръ, 1812 г., 547.

Риддеръ, гр., Фед. Вас., ген.-адъют., † 1866 г., 155.

Риворъ, П. Ив., адм., † 1855 г., 636.

Робертсонъ (William Robertson), историкъ, рект. Эдинбургск. універс., р. 1721 † 1739 г., 436.

де-Роганъ, кн., Людовикъ, кардиналъ, франц. посолъ въ Вѣнѣ, р. 1734 † 1802 г., 494.

Родіонова, Анна Никол., основательница Казанск. Родіоновскаго инстит., 168.

Родіонова, Дарья Никифор., рожд. Иванова, 1813 г., 158.

Родіонова, Нат. Ив., рожд. Осокина, 158.

Родіоновъ, Александръ Ив., капит. артил., † 1774 г., 157, 158.

Родіоновъ, Дмитр. Ив., 1775 г., 158.

Родіоновъ, Дмитр. П. Сообщ. «Запѣти о Родіоновыхъ», 157—158.

Родіонова, Ив. Александръ, 1813 г., 157, 158.

Родіоновъ, Никол. Александръ, 158.

Родіонова 1-я, ген.-майоръ, 1800 г., 243.

Родіонъ, каларь, 119, 120.

Рознерсонъ, 16.-медицъ, 1786 г., 485, 486.

Розанова, Екат. Петр., въ замуж. Зиновьева, 680.

Ромодановскій, князь-кесарь, Ив. Фед., 1718 г., 173.

Ромодановскій, князь-кесарь, Федоръ

Юровичъ, генералиссимусъ, † 1718 г., 166, 173.

Россики, композит., 1857 г., 71, 73.

Ростопчинъ, гр., Фед. Вас., ген.-адъют., московскій главнокоманд., р. 1765 † 1826 г., 23, 263.

Ртищевъ, ген.-лейт., главнокоманд. на Кавказѣ, 1812 г., 287.

Рубашкинъ, Николай Борис., есаулъ, 1800 г., 251—254, 260, 264.

Руденко, фельдшеръ, 1886 г., 186, 188.

Румянцевъ, гр. Александръ Ив., ген.-ан., 1718 г., 171, 172.

Румянцевъ, гр., Ник. Петр. государинъ, р. 1754 † 1826 г., 184, 296, 240.

Румянцевъ-Задунайскій, гр. Петръ Алекс., фельдмарш., р. 1725 † 1798 г., 133, 134, 484—486, 497, 546.

Рынниковъ, Григорий Кузм. Сообщ. «Народные толки о цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ», 1886 г., 135—142; «Волшебные письма», 157; «Народные слухи и толки», 1827 г., 541—543.

Рѣпникъ, ген.-отъ-казак., 1800 г., 243—247, 262, 263.

Рюль, 16.-медицъ, 1828 г., 445—456.

Рабиновичъ, Д. Д. Перевѣль и сообщ. «Записки академика Тьбо, 1765—1785гг.», 477—498; 576—592.

С.

Саваренъ, масонъ, 1784 г., 290, 616, 618, 621.

Салоповъ, Петръ Тимоѳ., бригадиръ, 1714 г., 186.

Салтыкова, 1790 г., 611.

Салтыкова, Анна Александ., воспитница Смольного, 1783 г., 817.

Салтыкова, Екат. Александ., воспитница Смольного, 1783 г., 816.

Салтыкова, гр-ня, Прасковья Никол., въ зам. гр-на Гурьева, † 1830 г.. 222.

Салтыкова, гр., Ив. Петр., подполкв., въ послѣдств. ген.-фельдмарш., р. 1730 † 1805 г., 608.

Салтыковъ, гр., Ник. Ив., ген.-фельдм., р. 1736 † 1816 г., 10, 485, 491.

Самборскій, протоіерей, духовникъ имп. Екатерины II, 1793 г., 14.

- Самойловъ, гр., Григорій, 1805 г., 546.
 Сандуновъ, С. Н., артистъ, 359.
 Сантини, русск. консулъ въ Римѣ, 1786 г., 401, 403.
 Санштѣ, придворн. медикъ, 1760 г., 590.
 Сапожниковъ, Андр. Петр., казначей «Общ. поощрения художн.», 1841 г., 474, 475.
 Сверчковъ, художн., 1850 г., 64, 69, 70.
 Сверчковъ, Н., художн.-гравографъ, 69.
 Свінинъ, Пав. Петр., издат. «Отечество. Записокъ», 1827 г., 460, 461.
 Сегюре, гр., франц. посолъ въ Россіи, 1785 г., 412.
 Селифонтовъ, Ники. Ники., товарищъ ма-ра путей сообщ., сенат., ст.-секрет.
 Ссылка на статью его: «Конст. Відм. Чевакинъ», 707—709.
 Семидникъ, полковн. франц. службы 1784 г., 211.
 Семеновъ, Василій, цензоръ, 118, 637.
 Семёновъ, Павелъ. Сообщ. «Троаръ на день Преображенія Господня», соч. митрополита Филарета, 1866 г., 156.
 Семеновъ, Петръ Ники., авт. соч. «Ми-тика Валдайской», зrzyше въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стих., р. 1791 + 1832 г., 321—360.
 Семёновскій, Осипъ Ив., проф., Спб. уни-версит., писат., † 1868 г., 79 — 90, 118, 637.
 Сен-Мартенъ (Louis-Claude de St Martin), основат. секты мартинист., 1743 + 1803 г., 506—629.
 Сенявинъ, Евдокія Наумов., въ замуж. Зиновьевъ, 609.
 Сенявинъ, Елат. Алекс., въ замуж. гр-на Воронцова, 207.
 Сенявинъ, Алексѣй Наумов., адмираль, † 1797 г., 207, 609.
 Сенявинъ, Ив. Алекс., кан., 1786 г., 504.
 Сергій Александровичъ, Всі. Ки., р. 1867 г., 283—285, 301.
 Серкізъ-бей, турецкій придворн. архит., 1858 г., 295, 296.
 Серкізъ-еффанди, начальн. константи-нопольского порох. завода, 1868 г., 295.
 Серре, Чарльзъ, гр. (Sartre), р. 1767 + 1815 г., 423.
 Сиддонесъ, см. Кемблъ.
 Сиддинсонъ, Мата. Ив., фельдмаршъ вол. пѣх. полка, 1836 г., 185—138.
 Симеонъ, архим. бѣлозерск., 1763 г., 712.
 Симонікъ, советникъ 1771 г., 496.
 Симонікъ, Ив., русск. посолъ въ Па-рижъ, 1784—1792 гг., 599.
 Скавронская, гр-ня, Екат. Вас., во 2-мъ замуж. гр-ня Ліста, рожд. Энгель-гардтъ, 237, 407, 412.
 Скавронская, гр-ня, Марія Нікол., рожд. бар-са Строганова, р. 1732 + 1805 г., 411.
 Скавронскій, гр., Пав. Мартын., послан. въ Неаполь, 1784 г., р. 1757 + 1793 г., 282, 285, 411, 412.
 Смобелова, Зинаїда Дит., гр-ня Богарне, р. 1857 г., въ замуж. за его высоч. Евгеньемъ Максимилианов., кн. Рома-новскій, герц. Лейтенбергскій, 160.
 Смоловъ, кантъ-адмир., 1867 г., 284.
 Скорняковъ-Писаревъ, Григорій, 1726 г., 178.
 Скоропадскій, гетманъ, 1711 г., 180.
 Скавинскій, Фед. Мих., акад., 1862 г., р. 1819 г., 472.
 Слатинъ, А. Сообщ. Монастырскій судъ XVII в. (1610). 119—121.
 Слюсаревъ, полковн., 1800 г., 243.
 Смілетонъ (Smeaton John), англ. инжен., строитель Эдинбургск. маяка, р. 1724 + 1792 г., 426—428.
 Смідентъ, см. Смеатонъ.
 Смирновъ, советн. русск. посольства, 1784 г., 216, 219.
 Смирновъ, Ив., художн., 1861 г., 474.
 Смітъ, Адамъ, проф., р. 1723 + 1790 г., 436.
 Смітъ, бургомастър г. Бремена, 1846 г., 104.
 Смокодовичъ, титул. советн., 1836 г., 141.
 Соймоновъ, ген.-кнігесъ - комисарь, 1739 г., 748.
 Соймоновъ, Мих. Фед., дс. тв. сов., директ. горныхъ и монетн. дѣлъ, р. 1753 + 1804 г., 218.
 Солжогубъ, гр., 1805 г., 546.
 Сохольцевъ, Серг. Мих., акад. Ссылка на «Історію Россіи съ древн. врем.», 165, 168, 170, 177, 785; ссылка на «Історію паденія Польши», 496.
 Сохомка, загенмейст., 1825 г., 516.

Сомовъ, ссылка на его замѣтку о портр. Жанъ-Буалѣ, 544.

Сосковский, Т. А. Сообщ. «Письма Іоахима Лелевеля къ Ф. В. Булгарину, 1822—1830 гг.», 75—98.

Софія Алексеевна, царевна-правительница, р. 1657 † 1704 г., 122, 130, 131.

Спарвейфальдъ, 1688 г., 127.

Сперанскій гр., Мих. Мих., чл. госуд. сов., р. 1772 † 1839 г., 114, 118, 499—526.

Спиридоновъ, писарь, 1836 г., 187—140.

Ставропольбергъ, гр., Густ. Оттонов., дс. тн. сов., 1790 г., 609, 610.

Старенбергъ, гр., 1790 г., 609, 610.

Стасицца, прехс. варш. общ. любитељ. наукъ, 1826 г., 88.

Стедлихъ, шведск. посл. при русск. дв., 1790 г., въ посл. фельдмарш., 610.

Степановъ, сарат. губерн., 1836 г., 689, 691.

Степановы, братья, харьковск. помѣщ., 1844 г., 377.

Стоговъ, Э. Н., маюровъ, 1834 г. «Очерки, разсказы и воспоминанія», 99—118; 499—530; 631—703; упом.: 53—50.

Страшевичъ, издатель книги «Numismatique du moyen Age», 93.

Строганова, бар-са, Марія Серг., въ зам. Новосильцева, 411.

Строгановъ, гр., 1790 г., 610.

Строгановъ, гр. Александров., ген.-адъют., товар. мин. внутр. дѣлъ, 1834 г., 38; 48—51.

Строевъ, ссылка на «Списки іерарховъ», 372, 374, 378, 398.

Суворовъ - Рымникій, кн. Алекс. Вас., генералиссим., р. 1729 † 1800 г., 15—17; 484—490.

Суховескій, ген., 1756 г., 491.

Сутыка, подполк., кошев. атам., 1792 г., 9—11.

Сухоруковъ, донской писат., 820.

Сухотинъ, подполк., 1804 г., 711.

Сушевъ, 1869 г., 289.

Скотль, художн.-пейзажистъ, 304.

Сѣраковъ, Лаврентій Алексеев., акад., грав. на деревѣ. Гравиров. портр. об.-камерг. кн. Ив. Алексѣев. Долгорукаго, казненнаго 26 сіят. 1739 г., и портр.

ген.-стѣ-артиллер. Георгія Вас. Но-вицкаго, 1, 161, упом. 735.

де-Сюффренъ, франц. адмир., баллы маѣт. орд., р. 1726 † 1788 г., 417.

Т.

Тамара, грузинск. царевна, 1836 г., 682, 683.

Тарбовъ, Ив.-Петр., помѣщ., 1827 г., 542, 543.

Тарбовъ, Петръ Петров., сиб. губернат., 1784 г., 410.

Тарсукова, Екат. Александров., въ замуж. Новосильцева, 608.

Тарсуковъ, Ардалионъ Александр., об.-гофиарш., 1790 г. † 1811 г., 608, 611.

Татищевъ, Вас. Никит., тн. сов., оренб. и астрах. губерн., историкъ, р. 1686 1750 г., 307—312.

Татищевъ, Ив. Никит., воевода Исетской провинціи, 1737 г., 311.

Таубенъ, земск. нач., 1688 г., 120.

Тейтельбахъ, рѣзч. на камѣ, 1784 г., 216.

Темлюковъ, Григор. Никол., тн. сов., ст.-секрет., р. 1720 † 1779 г., 592, 713.

Теребеневъ, И. И., рисов. 276.

Теттейборгъ, генер., 1818 г., 146.

Теттейборгъ, 1847 г., 146.

Тизенгаузенъ, гр-ня, Софія, въ замуж. гр-ня Шуазель-Гуфле, 115.

Тильней, лордъ (Tylney), † 1784 г., 411.

Титовъ, Дмитр. Ив., 1718 г., 171.

Толстая, 1785 г., 401.

Толстая, гр-ня, А. А., 1837 г., 284.

Толстая, гр-ня, Праска. Васил., 718.

Толстой, Владими. Серг., док., р. 1804 г., 151, 160.

Толстой, гр. Петръ Авдр., дс. тн. сов., р. 1645 † 1729 г., 171—178.

Толстой, гр. Фед. Ив. (американ.), 718.

Толстой, гр., 1785 г., 401.

Тоттъ, бар., ученый и артиллер., р. 1738 † 1793 г. Ссылка на его соч. «Mémoires sur les Turcs et les Tartares», 404—406.

Трапезниковъ, иркутск. золотопромышл., 1818 г., 101, 102.

Трескинъ, Ники. Ив., ириутек. гражданск. губернат., 1818 г., 499—530.

- Трубецкой, кн., 1703 г., 166.
 Трубецкой, кн., Никита Юрьев., ген.-прокур. и генер.-фельдмарш., р. 1700 † 1768 г., 743.
 Трубникова, Мария Вас., рожд. Иванова, 158.
 Трубниковъ, Конст. Васил., 158.
 Трухачевъ, капит., 1854 г., 545.
 Туманская, Елена Вас., въ замуж. кнг. Кочубей, 546.
 Тургеневъ, Ив. Серге., писат., 1847 г., 145.
 Тыраковъ, Алексѣй Вас., художн.-коюристъ, р. 1800 † 1859 г., 279, 280, 457—465.
 Тьебо (Diendonné Thiébault), археоф.-акад. Книга его: «Воспоминанія двадцатилѣтнаго пребыванія въ Берлинѣ, 1765—1786 гг.», 477—498; 575—592.

У.

- Уаттъ (Watt, James), механ.-инженеръ, р. 1736 † 1819 г., 430.
 Угричъ-Требижонскій, Алекс. Максимов., ст. сен., управл. саб. тамож., 1850 г., 20.
 Угрюмова, майоръ, 1737 г., 810, 311.
 Ухърика, королева шведск., 1771 г., 491, 496, 497.
 Устраловъ, Ники. Герасим., историкъ, † 1870 г. Ссылка на «Исторію царств. Петра Вел.», 165, 166, 172.
 Ушаковъ, гр., Андрей Ив., ген.-анши., начальн. тайной канцл., † 1747 г., 172, 178, 741.
 Ушаковъ, Вас. Аполлонов., авт. книги: «Досуги инвалида», 160.

Ф.

- Фальконетъ (Etienne-Maurice Falconet), франц. художн., р. 1716 † 1791 г., 406.
 Фатьковъ, Пётръ Пётр., капит.-лейт., 1827 г., 541, 542.
 Фердинандъ, герц. Брауншвейгскій, р. 1721 † 1792 г., 224, 615, 616, 628.
 Фердинандъ, герц. пармскій, р. 1761 † 1802 г., 420.
 Фердинандъ VI, кор. неаполит., р. 1768 1825 г., 234, 239, 411.

- Ферморъ, гр., Вильямъ Вильямовъ, смол. губернат., † 1771 г., 491.
 Фестлеръ, художн., 302.
 Фихельманъ, гр., австрійск. ин-ръ, 1845 г., 143.
 Філаретъ, ипатропол. москов., 117, 156.
 Філаретъ, ипатрополкіевскій, 1842 г., 393.
 Філіппіна-Шарлотта, прусск. принц., р. 1716 † 1804 г., 224.
 Фіннъ - фонъ - Фінненштейнъ, гр. Карль-Вильгельмъ, прусс. ин-ръ иностр. дѣлъ, 1784 г., р. 1714—1800 г., 212, 477, 483.
 Фінтигоффъ, дс. тн. сов., 1786 г., 717.
 Фіцъ-Гербертъ, сэръ Алленъ (Sir Allen Fitzherbert), великобританск. чрезв. послан. при русск. дворѣ, 1784 г., р. 1753 † 1839 г., 210.
 Фіцъ - Гербертъ, Марія-Анна, 1787 г., р. 1754 † 1837 г., 597.
 Фіцъ-Гербертъ, Томасъ, † 1781 г., 597.
 фонъ-Фишбахъ, ген.-лейтен., 1864 г., 711.
 Фліко, жандарм. полковн., 1836 г., 37, 42—48, 644, 645, 654—656.
 фонъ-Вілкъ, Денисъ Ів., писат., р. 1714 † 1792 г. Ссылка на его соч., 400—408.
 Фонтана, Феличе, аббатъ, естествоиспытатель, р. 1730 † 1803 г., 416, 418.
 Формей (Formey), чл. Берлинск. академ., 1785 г., 479, 485.
 Фосваркинъ, венец. посланн., 1784 г., 210.
 Францъ-Іосифъ, австр. императ., 1849 г., 152, 289.
 Фридрихъ II Великийъ, кор. прусскій, † 1785 г., 198, 204, 205, 211—234, 399, 400, 480—498, 577—588, 628.
 Фридрихъ-Августъ III, курфѣсть саксонскій, въ послѣдствіе кор., р. 1750 † 1827 г., 214, 215.
 Фридрихъ-Адолфъ, кор. шведск. 720.
 Фридрихъ-Вильгельмъ II, прусс. кор., р. 1744 † 1797 г., 220.
 Фридрихъ-Вильгельмъ III, прусс. кор., р. 1770 † 1840 г., 60, 145, 211, 212.
 Фридрихъ-Вильгельмъ IV, прус. кор., р. 1795 † 1861 г., 60, 153.
 Фридрихъ-Генрихъ-Людвигъ, принц прусс., р. 1726 † 1802 г., 223, 493.

Фроманъ, аббатъ, гувернэръ кн. А. В.
Кочубея, 1799 г., 546.
Фуасавъ, лекарь, 1760 г., 189.

X.

Ханыковъ, адмир., 1818 г., 499.
Хвостовъ, гр., Дмит. Ив., писат., р.
1757 † 1835 г., 118.
Херхеулидзеъ, кн. З. С., керченскій
градоначальн., 1846 г., 61.
Хомутова, рожд. Озерова, 686, 699.
Хомутовъ, Ив. Петр., симбирск. губерн.,
685—700.
Христіанъ-Августъ, владѣт. кн., губер-
нат. прусск. Помераніи, р. 1690 †
1747 г., 589.

Ц.

Цейдельманъ, саксонскій живописецъ,
1784 г., 216.
Цейдлеръ, полковн., иркутск. коменд.,
1818 г., 101, 504—506.
Цейерь, ст. сов., 1819 г., 511, 524, 528.
Цибеть, полковн. шведской службы,
1784 г., 211.
Цициаковъ, кн., Пав. Дмитр., кавказск.
главнокоманд., † 1806 г., 409, 625,
629, 630.

Ч.

Чарторижскій, кн., 16.
Чеботаревъ, Степ., хорунжій, 1800 г.,
257—259.
Чевакинъ, Конст. Відм., ген.-адъют., р.
1803 † 1875 г., 290, 291, 707—709.
Чепига, главный кошевой атаманъ чёр-
номорск. казак., 1793 г., 11—16, 25.
Черешникова, Варвара Александров.,
восп-ца Смольного, 1783 г., 316.
Черкесова, Вѣра Васил., рожд. Ива-
шева, 158.
Черкесовъ, Пав. Алексд., 1813 г., 157, 158.
Черкасскій, Мих. Петр., губерн. секр.,
1792 г., 8, 20.
Черкесовичъ, Полоцкій іезуитскій про-
винціаль, 1777 г., 132.

Чернецовы, братья-художники, 1846 г.,
57, 464.
Черновубовъ, подполковн., 1800 г., 256.
Чернышева, Наст. Петр., камер-юнг-
фера имп-цы Марія Федор., въ послѣд-
ствіи замуж. Дуниновская, р. 1802
† 1872 г., 449—456.
Чернышева, Наталия Петр., камер-
юнгфера вел. кнг. Анны Павловны,
королевы Нидерландской, 1828 г.,
443—456.
Чернышева, гр-ня, Нат. Петр., въ зам.
Голицынскаго, р. 1741 † 1837 г., 599, 620.
Чернышевъ, Алексѣй Филипп., худ. 475.
Чернышевъ, гр., Григ., Петр., ген.-м.,
въ послѣд. ген.-адъ., р. 1870 † 1745 г., 184.
Чернышевъ, гр. Зах. Григор., ген.-ад.,
московск. главноком., р. 1722 † 1784 г.,
132, 491.
Чернышевъ, гр., Захаръ Григор., декаб-
ристъ, † 1862 г., 64, 67.
Чернышевъ, гр., Ив. Григор., ген.-фе.,
московск. губернат., р. 1726 † 1797 г.
190, 410.
Чернышевъ, гр., Петръ Григор., дс. тв.
сов., сенат., р. 1712 † 1773 г., 743.
Чернигинъ, братья, заводч., 1824 г., 463.
Четвериковъ 1-й, инжен. ген.-лейт., 709.
Чижилевъ, войсков. старш., 1800 г., 243.
Чихачевъ, Платонъ, 1873 г., 291.
Чумиковъ, А. А. Переvezъ п сообщ.
«Замѣтки пзъ дневниково Варягагена
фонъ-Энзе, 1845—1849 гг.», 142—156.
Чупинъ, Н. К. Сообщ. «Челобитная на
заводчика Акинея Никитича Демидова,
1721 г.», 307, 308; «Сожженіе кострѣ
въ Екатеринбургѣ, 1738 г.», 309—313;
«Донесеніе о поджогахъ лѣсовъ башки-
рами, 1757 г.», 313—315.

III.

Шамиль, шамъ Чечни и Дагестана, 286.
Шанивскій, совѣтн. віленск., 1824 г., 88.
Шапошниковъ, Ив. Кондр., хорунжій,
1800 г., р. 1759 г., 249—264.
Шафировъ, бар., 178.
Шаховской, кн., Иakovъ Петр., дс. тв.
сов., об.-прокур.спи., р. 1705 † 1777 г., 715.

- Шаховской, кн., помъщ., 1813 г., 535.
 Шварценбергъ, кн., австр. первый мин-ръ,
 1849 г., 153.
 Шеминъ, Алексѣй Семенов., бояринъ,
 1688 г., 124.
 Шенборнъ, юрдъ, 1786 г., 430.
 Шенбергъ, ген. франц. службы, 1784 г., 209.
 Шенбургъ, гр., камерг., 1784 г., 216, 217.
 Шепелевъ, Дмитр. Андр., гоф.-марш.,
 р. 1739 г., † 1759 г., 743.
 Шеппингъ, 1806 г., 546.
 Шереметевъ, гр., Борисъ Петр., фельд-
 марш., р. 1652 † 1719 г., 124, 169,
 170, 745.
 Шереметевъ, Петръ Вас., 1687 г., 124.
 Шидловскій, 1823 г., 84.
 Шиллингъ-Фоль - Каппеладтъ, бар.,
 дс. ти. сов., 1834 г., 633—635.
 Ширмо, помъщ., 1844 г., 388—390.
 Шихаревскій, Ив. Ив., правит. канц.,
 1819 г., 511.
 фонъ-Шлицъ-Герцъ, гр., Карлъ-Фрид-
 рихъ-Адамъ, р. 1733 † 1797 г., 211, 212.
 фонъ-Шлицъ-Герцъ (von Schlitzgoertz),
 прусс. послан. въ подномочн. мн-ръ
 при русс. дворѣ, 1784 г., р. 1737 †
 1821 г., 209, 210.
 Шметтау, прусс. генер., 1760 г., 575.
 Шметтау, Аделаїда-Амалия, въ замуж.
 кнг. Голицына, р. 1749 † 1806 г., 575.
 Шперлингъ, гр., 1688 г., 128.
 фонъ-Штуттереймъ (Stuthereim), сакс.
 послан. въ Берлинѣ, 1785 г., 481, 482.
 Шуваловъ, Ив. Ив., об.-камерг., сенат.,
 р. 1727 † 1797 г., 609, 611.
 Шубинскій, Вас. Ив., вел. кн., 120.
 Шульманъ, художн., 1846 г., 57.
 Шумновъ, генер., 319, 320.

III.

- Щедринъ, Семенъ, художн.-пейза-
 жистъ, 304.
 Щедровъ 2-й, войсков. старшина,
 1800 г., 243.

Э.

- д'Эгильонъ, герц. (Duc d'Aiguillon), фр.
 мн-ръ иностр. дѣлъ, 1762 г., 494.
 Эйхеръ, Леонгардъ, матем., чл. спб.
 академіи, р. 1707 † 1783 г., 492.
 Энгельгардтъ, Екат. Вас., въ 1-мъ зам.
 гр-на Скавронскага, во 2-мъ гр-на
 Литта, † 1829 г., 235, 236.
 Зрасекъ, Мих. Спиридон., художникъ,
 1846 г., 475.
 Эстергази, графъ, 1780 г., 189.

Ю.

- Юмъ, г-жа, гувернантка дѣтей англ.
 короля, 1787 г., 598, 620—624.
 Юмъ, 1787 г., 622.
 Юсупова, кнж., Александра Борис., въ
 замуж. Измайлова, 1790 г., 609.
 Юсупова, кнж., Евдокія Борис., въ
 замуж. Виронъ, † 1780 г., 405.
 Юсуповъ, кн., Никл. Борис.; полномочн.
 мн-ръ въ Туринѣ, 1785 г., въ послѣд.
 мн-ръ удѣловъ, р. 1750 † 1831 г., 232,
 240, 400—415, 609.

Я.

- Яковлевъ, Ив. Алексѣев., 1847 г., 64.
 Якубовичъ, Алексд. Ив., декабр., 641.
 Якушевичъ, 1861 г., 97.
 Яшинъ, откупщикъ, 1794 г., 18, 19, 31.
 Ящиковскій, чиновникъ, 1836 г., 140—142.

Ѳ.

- Ѳедоровичъ, кол. регистрат., 28—30.
 Ѳедоровъ, Пав. Ив., бессарабск. губерн.,
 1838 г., 135, 136.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1878 года.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ.

СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминания.

	стр.
I. Записки берлинского профессора-академика Тьебо, 1765—1785 гг. Перевель и сообщилъ съ примѣчаніями Д. Д. Рябининъ.	477 и 575
II. Журналъ путешествія В. Н. Зиновьевъ по Германіи, Италіи, Франціи и Англіи, 1784—1790 гг. Сообщ. Н. П. Барышниковъ. Примѣчанія его и князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго	207, 399 и 593
III. Послѣдніе дни жизни императрицы Маріи Феодоровны, съ 13-го сентября по 24-е октября 1828 года. Рассказъ Н. П. Чернышевой, камеръ-юнгферы императрицы. Сообщ. Л. И. Бѣляева	441
IV. Записки Ивана Степановича Жирковича, 1796—1848 гг. Глава XXIV. Въездъ въ Симбирскую губернию.—Крестьянскій бунтъ на межѣ.—Откупъ.—Казенные подряды. Сообщ. С. Д. Карповъ и В. И. Жирковичъ	33

(Замѣтки по поводу этихъ Записокъ В. А. Бестужева и В. М. Жемчужникова, стр. 159 и 160).

V. Похождения или история жизни Ивана Мигрина, черноморского казака, 1770—1850 гг. Сообщ. Г. И. Мигринъ	1
VI. Иванъ Константинович Айвазовскій и его сорока двухъ-лѣтняя художественная дѣятельность. Составлено по его разсказамъ, воспоминаніямъ и друг. материаламъ. Главы VIII—XV. Плаваніе по архипелагу.—Посѣщеніе государя Николая Павловича.—Выставка новыхъ картинъ въ Одессѣ.—Празднество въ честь его.—Выставка въ Парижѣ.—Представленіе Наполеону III.—Возвращеніе въ Россію.—Поѣзда на Кавказъ.—Парадный обѣдъ въ Тифлісѣ.—Поѣзда въ Египетъ на открытие Сuezского канала.—Пребываніе въ Ниццѣ.—Поѣзда въ Константинополь.—Пребываніе въ Петербургѣ.—Выставка картинъ.—Заключеніе.—1845—1878 гг.	56 и 281
VII. Очерки, рассказы и воспоминанія. III и IV: Бунтъ иркутского архиепископа Иринея.—Сперанскій и Трескинъ въ Иркутскѣ, 1819 г.—Жизнь и служба въ Симбирскѣ въ 1834—1839 гг.—Бунтъ лашманъ-татаръ.—Императоръ Николай въ Симбирскѣ.—Бунтъ удѣльныхъ. Состав и сообщ. Э. И. Стоговъ	99, 499 и 631
VIII. Изъ дневниковъ Варнагена фонъ-Энзе: Русские люди и дѣла въ 1845—1849 гг. Перев. и сообщ. А. А. Чумиковъ	142

Историко-біографические очерки.

I. Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, генералъ-аншефъ, 1661—1738 гг. Біографический очеркъ. Сообщ. П. В. Алабинъ	161
II. Евграфъ и Петръ Осиповичъ Грузиновы. Военно-судное дѣло въ Черкассѣ, 1800 г. Сообщ. А. А. Каравасевъ. Примѣч. вн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго.	241

III. Алексей Гаврилович Венециановъ, первый, по времени, русский бытовой живописецъ. Очеркъ его жизни и деятельности, 1780—1847 гг. Составилъ П. Н. Петровъ, Главы I—III	265 и 457
IV. Иннокентій, архієпископъ Херсонскій и Тавріческій, 1800—1857 гг. Біографічний очеркъ Н. М. В—ва. Глава III: событія 1841—1846 гг.	367
(Замѣтка о стихотвореніи, приписываемомъ архієпископу Иннокентію, стр. 710).	
V. Аркадій Васильевич Кочубей, Некрологъ. † 4-го марта 1878 г. Сообщ. Графъ Милорадовичъ . . .	546

Акты, переписка, рассказы и замѣтки.

Время до Петра I.

I. Монастырскій судъ въ XVII в. (1610 г.). Сообщ. А. Слатинъ	119
--	-----

Царствование Петра I.

I. Москва въ 1687—1688 гг. Письма Христофора фонъ-Кохенъ, шведского посланника при русскомъ дворѣ. Перев. съ нѣмецкаго. Сообщ. К. А. Висковатовъ	121
II. Письма Ив. Ив. Бутурлина къ женѣ и дочерї, 1711—1714 гг. Сообщ. П. В. Алабинъ	180
III. Царевна Софія Алексѣевна. Замѣтка. Сообщ. С. Миропольскій	130
IV. Челобитная на заводчика Акинея Никитича Демидова, 1721 г. Сообщ. Н. К. Чупинъ	207

Царствование Анны Іоанновны.

I. Князья Долгоруковы въ 1730—1740 гг. Замѣтка . . .	735
II. Сожжение на костре въ Екатеринбургѣ, 1738 г. Сообщ. Н. К. Чупинъ	309

Царствование Елизаветы Петровны.

	стр.
I. Донесение о поджогахъ лѣсовъ башкирами, 1757 г. Сообщ. Н. К. Чупинъ	313
II. Русскій дворъ въ 1761 г. Перев. съ франц. рукописи Лаферьмѣра, принадлежащей библіотекѣ Его Импера- торскаго Высочества великаго князя Константина Нико- лаевича въ городѣ Павловскѣ.	187

Царствование Екатерины II.

I. О дозволеніи братьямъ Гернгутерамъ селиться въ Россіи, 1763—1764 гг.	712
II. Собственноручная записка и замѣтки Екатерины II, 1763, 1764 и 1777 гг. Сообщ. И. Андреевскій . . .	131
III. Распоряженія по случаю недостатка хлѣба въ Смоленской губерніи, 1766 г.	713
IV. Изустный указъ Екатерины II о покупкѣ для арміи суконъ съ российскихъ фабрикъ, 1766 г.	716
V. Собственноручная замѣтка Екатерины II о расходахъ на строенія, 1766 г.	716
VI. Донесеніе гр. Петра Румянцева съ собственноручною припискою Екатерины II о движеніяхъ Оттоманской Порты, 1768 г. Сообщ. И. Андреевскій	133
VII. Письмо Григорія Потемкина къ императрицѣ Екате- ринѣ II, 24 мая 1769 г.	716
VIII. Извѣстіе о Смольномъ монастырѣ, 1783 г. Сообщ. И. Ф. Горбуновъ	316
IX. Рукописный пятиязычный словарь въ Нижегородской семи- нарской библіотекѣ и его происходженіе, 1784—1785 гг. Сообщ. Аполлонъ Можаровскій	705
X. Повелѣніе Екатерины II о приготовленіи пасторовъ изъ русскихъ подданныхъ, 1786 г.	717

Царствование Александра I.

I. Живописецъ Жанъ-Вуаль, 1812 г. Замѣтка. Сообщ. А. А. Васильчиковъ	544
II. Замѣтка о Родионовыхъ, 1813 г. Сообщ. Дм. П. Родионовъ.	157

	СТР.
III. Смоленская губернія 1813 — 1816 гг. Письмо къ Г. А. Глинкѣ. Сообщ. А. Г. Глинка	535
IV. Марія Антоновна Бертгольдъ, 1816—1822 гг. Сообщ. А. П. Петровъ	531
V. Анекдоты объ императорѣ Александрѣ I, 1824 г. Сообщ. Як. Ф. Березинъ-Ширяевъ	747

Царствование Николая I.

I. Народные слухи и толки 1827 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій	541
II. Народные толки о цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ, 1836 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій	135
III. Замѣтка по поводу разсказа г. Вистенгофа: «А. Н. Ка- рамзинъ», сообщ. кн. В. И. Васильчиковъ	155
IV. Замѣтка по поводу разсказа г. Вистенгофа: «А. Н. Ка- рамзинъ». Сообщ. ген.-маіоръ Дика	711
V. Тревога близъ Севастополя 15 окт. 1854 г. Сообщ. Н. Ле- оновъ	544
VI. Графъ Ф. И. Толстой, Замѣтка. Сообщ. Прасковья Федоровна Перфильева, рожд. графиня Толстая . . .	718
VII. Замѣтка о кн. Н. Б. Голицынѣ. Сообщ. кн. Н. Н. Го- лицынъ	719

Царствование Александра II.

I. Замѣтка къ статьѣ Н. Н. Селифонтова: «К. В. Чевкинъ, въ 1855—1862 гг.». Сообщ. Н. И. Палибинъ	707
---	-----

Исторія русской литературы.

Писателями XIX-го вѣка.

I. Василій Петровичъ Петровъ: Приключение Густава III, короля Шведскаго, 1788 года, июля 6-го дня. Сообщ. съ предисловіемъ П. А. Ефре- мовъ	719
--	-----

	СТР.
II. Захарій Горюшкинъ:	
Судебное дѣйствіе, происходившее декабря 21 дня 1809 г. въ Благородномъ Университетскомъ пансіонѣ, во время годичного испытанія юношества, обучающагося россійскому практическому законодательству. Сообщ. А. С. Наставникъ.	551
III. Петръ Николаевичъ Семеновъ:	
«Митюха Валдайской», зрѣлище въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, 1810 г. Сообщ. съ примѣчаніемъ П. А. Ефре- мовъ	321
IV. Іоахимъ Лелевель какъ критикъ «Исторіи Государ- ства Россійскаго» соч. Н. М. Карамзина. Переписка съ Ѳ. В. Булгаринымъ, 1822—1830 гг. Подлинныя письма сообщ. Т. А. Сосновскій. Переводъ и примѣчанія С. Л. Пташицкаго (Окончаніе)	75
V. А. Ф. Корниловичъ, издатель историческаго сборника «Русская Старина» въ 1824—1825 гг. Сообщ. А. А. Карасевъ	319
VI. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ:	
«Герой нашего времени». Варіанты первой рукописи автора Сообщ. Профес. Пав. А. Висковатый.	361
VII. Филаретъ, Митрополитъ Московскій:	
Тропарь на день Преображенія Господня, 1866 г. Сообщ. Пав. Семеновъ	156
I. Посвященіе гр. Николаю Петровичу Румянцеву († 1826 г.)	
Сообщ. И. Андреевскій	134
II. Волшебныя письма. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій	157
III. Языкъ ярбви въ 1774—1775 гг. Сообщ. И. А	543
IV. «Пѣсня», записалъ въ Калужской губ. и сообщ. Д. Нось.	750
V. Поправки, опечатки, замѣтки	160; 161; 162 и XI

ХУДОЖНИКИ.

I. Жанъ Вуаль.

(См. выше, стр. 544).

II. Алексѣй Гавриловичъ Венеціановъ.

(См. выше, стр. 265—280; 457—476).

III. Иванъ Константиновичъ Айвазовскій.

(См. выше, стр. 55—74; 281—306).

I. «Русская Старина» въ двѣнадцати книгахъ изд. 1878 г.	751
II. Списокъ лицъ, сообщившихъ «Русской Старины»-записки, изслѣдованія, очерки, разсказы и проч. материалы	771
III. Материалы журнальной статистики: «Русская Старина» въ 1878 году	775
IV. Указатель личныхъ имень, встрѣчающихся въ XXIII-мъ томѣ «Русской Старины» изд. 1878 г. I—XVIII	
V. Систематическое оглавление XXIII-го тома «Рус. Стар.»	

ПОРТРЕТЫ И РИСУНКИ.

I. Представители державной власти въ Россіи, 1682—1855 гг.

Рисунокъ составилъ профессоръ А. Шарлемань, рисовалъ К. О. Брожъ, гравировалъ академикъ Л. А. Сѣряковъ.

(См. заглавную виньетку).

II. Портрѣтъ князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго, казненнаго 26-го октября 1739 г., близъ Новгорода.

Рисовалъ съ весьма рѣдкой гравюры, сообщ. П. А. Ефремовымъ, художникъ К. О. Брожъ; гравировалъ, въ Парижѣ, академикъ Л. А. Сѣряковъ.

(См. стр. 1)

III. Портретъ ген.-артил. Георгія Васильевича Новицкаго,
Рисовалъ К. О. Брожъ, гравировалъ въ Парижѣ, акаде-
микъ Л. А. Сѣряковъ.

(См. стр. 161).

Библиографический листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Труды III-го Археологического съезда въ Россіи, бывшаго въ Кіевѣ въ августѣ 1874 г. Т. I. 352; т. II, 330 + 361. (На оберткѣ 9-й кн. «Русской Старинѣ» 1878 г.).
2. Древности. Труды Московского археологического Общества, изданные подъ редакцією В. Е. Румянцева. Т. VII, выпускъ I. (Тамъ же).
3. Извѣстія о занятияхъ IV Археологического съезда въ Казани. Казань 1877 г. 192 стр. (На оберткѣ 10-й кн. «Русской Старинѣ» 1878 г.).
4. Матеріали для исторіи и статистики Орловской губерніи, собранные се-
кретаремъ Орловск. Губернск. Статистич. Комитета А. Пупаревымъ,
Орелъ, 1877 г., 129 + 64, съ таблицами и чертежемъ гор. Орла, составлен-
ными въ 1741 г. (Тамъ же).
5. Нижегородский сборникъ, издаваемый Нижегородскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ, подъ ред. секретаря Комитета А. С. Гацци-
скаго. Т. VI, 1877 г., XIV + 357, 241—480. (Тамъ же).
6. Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи, составл. и изд. Ценгр.
Статистич. Комит. Мин. Внутр. Дѣлъ. I. Костромская губ. Сиб. 1877.
LXXIV + 465. II. Уфимская губ., CXXXIX + 196. III. Вятская губ.
CXXIV + 994. (На оберткѣ 11-й кн. «Русской Старинѣ» 1878 г.)
7. Архивъ Юго-Западной Россіи, издаваемый временною комиссіею для раз-
бора древнихъ актовъ. Ч. III. Акты о Гайдамакахъ. Томъ III. Кіевъ,
1876 г. 129—897. (Тамъ же).
8. О древней культурѣ западныхъ финновъ по даннымъ ихъ языка, по соч.
д-ра Алквиста, сост. Л. Майкова. Сиб. 1877. 107. (Тамъ же).
9. Труды этнографического отдѣла Императорского общества любителей
естествознанія, антропологии и этнографіи при Московскомъ университе-
тѣ. Книга V, вып. I. Подъ ред. Н. А. Попова. 221. Москва, 1877 г.
(Тамъ же).
10. Указатель къ неофиціальной части Университетскихъ (Кіевскихъ) Изѣ-
стій за 1861—1877 года. Кіевъ. 1878. 45 стр. (Тамъ же).
11. Изданія Московского главного архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.
1877—1878 г. (Тамъ же).
12. Историко-юридические матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губер-
ній Витебской и Могилевской, хранящіхся въ центральномъ архивѣ въ

- Витебскѣ и издан. подъ ред. архиваріуса Соловьова. Вып. VII. 1876. Витебскъ. 511. Вып. VIII. 1877. 530. (На оберткѣ 12-й книги «Русской Старины» 1878 г.).
13. Русская историческая библиотека, издаваемая Археологическою Коммиссіею. Т. IV. Спб. 1878 г. (Тамъ же).
 14. Собрание трактатовъ и конвейций, заключенныхъ съ иностранными державами. Сост. Ф. Мартенсъ. Т. IV. Ч. I. Трактаты съ Австріею. 1815—1849. Спб. 1878. XVIII. + 601. (Тамъ же).
 15. Сборникъ Русского Исторического общества. Г. XXII. Спб. 1878. 637. (Тамъ же).
-

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXIII, вкрались слѣдующія погрѣшности:

Въ статьѣ: «Похождевія Ивана Мигрина», на стран. 5-й и 6-й, Васюринскій куренъ названъ Васютинскимъ.

Въ нынѣшней области Кубанской, въ составѣ которой вошла прежняя земля Черноморского казачьаго войска, есть и теперь станица Васюринская, прежде именовавшаяся куренемъ Васюринскимъ, по имени бывшаго въ Запорожье куреня Васюринского.

Въ той же статьѣ, стран. 20, строк. 3, вместо Порохля (*«съ... сотникомъ Порохлею»*), полагаю, слѣдуетъ — Порохня.

Фамилія Порохня извѣства въ бывшемъ Черноморскомъ (нынѣ Кубанскомъ) казачьемъ войскѣ. Въ 1850-хъ годахъ былъ еще живъ, въ преклонныхъ уже лѣтахъ,—отставной штаб-офицеръ Евдокимъ Ивановичъ Порохня. Вѣроятно, о немъ и говорить въ своей автобіографіи Г. Мигринъ. Сынъ Евдокима Ивановича Порохни, Иванъ Евдокимовичъ Порохня,—нынѣ генераль-лейтенантъ,—въ 1850—60-хъ годахъ занималъ должность члена управлѣнія иррегулярныхъ войскъ и жилъ (вѣроятно, и теперь живетъ) въ Царскомъ Селѣ, въ собственномъ домѣ.

Въ статьѣ: «И. К. Айвазовскій», стр. 286 ислѣдующія, генераль Котляревскій, вместо Петра Степановича, названъ Петромъ Семеновичемъ.

Сообщ. Николай Рындowski.

Екатеринославъ.

ОПИСКИ И ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:

Томъ ХХII, стр. 605 1 строка съ визу: камоничевъ.
 > 643 6 , съ верху: nafura
 > 649 12 , съ визу: 1825

Слѣдуетъ читать.

камоничекъ
 natura
 1823.

Напечатано:

Томъ ХХIII, стр. 18 10-я строка съ верху: съ такою чено
 денегъ
 > 158 2-я , съ верху: второй его жена
 .
 > , 8, 11 и 19 съ верху: Винкаймы
 > , 18-я строка съ верху: Оболинны
 > 183 1-я , съ верху: 1713—1814 гг.
 > 266 9-я , съ верху: путами
 > 426 2-я , съ визу: большоепьянство большое пьянство.

Слѣдуетъ читать.

съ такою иучено
 денегъ.

второй жена его
 отца,

Винкаймы
 Оболинны

1713—1714 гг.
 путами

пъстреміваго, напечатанна по рукоп. си-
новьльной библіотеки (основной списокъ),
Публичной библіотеки в Руминцевскаго му-
зея; наконецъ, посланія старца Ар-
темія къ разнымъ лицамъ (ки. Чарто-
рыйскому, Симону Будному, п. Ивану Гро-
зовому и пр.), дающія нѣсколько новыхъ
чертъ для исторіи религіознаго движенія
въ Литвѣ XVI вѣка и уясняющія образъ
мыслей самого Артемія, стоявшаго въ близ-
кихъ отношеніяхъ къ Максиму Греку и
заподозрѣнаго потомъ въ единомысліе
Баптиныи и Космы.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы при-
мѣчанія къ этимъ статьямъ удовлетворили
вполнѣ научнымъ требованиямъ. Такъ, въ
библіографической замѣткѣ о Полінодіи
нѣтъ указаній на статьи о Полінодіи, по-
нищенныя въ Кіевѣ. Епарх. Вѣд. (1873,
№ 24, и 1874, № 11 и 12); въ примѣчаніи
къ сочиненіямъ Артемія не указанъ раз-
боръ дѣла о немъ, помѣщеннѣи въ истор.
моногр. Костомарова (I, 437—448), а между
тѣмъ сказаніе ссылки на Унів. Изв. 1875,
ноябрь, стр. 763, гдѣ упоминается только
имя Артемія. Притомъ относительно Ар-
темія сдѣлано въ примѣчаніи странная
ошибка, а именно, что осужденіе Арте-
мія посадѣвало по опредѣленію Стоглав-
аго собора, причемъ дѣлается ссылка на
гражиту собора, запечатанную въ Актахъ
археогр. экспедиції (т. I, № 239), но
Стоглавый соборъ былъ въ 1551 году,
а соборная грамата о ссылкѣ Артемія
посадѣвала 24-го января 1554 и къ Сто-
главу никакого отношенія не имѣть. Она
была написана отъ имени другаго собора,
созваннаго противъ еретиковъ; притомъ
Артемій самое игуменство въ Тромцкомъ
монастырѣ получила уже посль Стоглав-
аго собора (Макарій, Ист. церкви, VI,
286), сдѣловательно, приговоръ противъ
него никакъ не могъ быть объявленъ отъ
имени этого собора! Прибавимъ къ этому,
что въ 5-мъ № Унів. Изв. 1878 года появил-
лась теперь подробная статья объ Асанасі-
ї Филипповичѣ—г. Левицкаго, дополню-
ющая сказанія о немъ нѣкоторыми новыми
данными.

Къ настоящему тому Библіотеки прило-
жены указатели: именъ, мѣстъ, предметовъ
и речеій,—послѣдній особенно подробный.

Сборникъ Русскаго Историче-
скаго общества. Т. XXII. Спб. 1878.
637. Ц. З р.

Въ этомъ томѣ помѣщены донесенія
графа Сольмса Фридриху II и ответы по
нимъ короля прусскаго за 1763—1766 гг.
Такимъ образомъ, эти материалы состав-
ляютъ необходимое дополненіе къ пере-
пискѣ Фридриха II и Екатерины II за нача-
ло ее царствованія, изданной уже въ
XX томѣ Сборника. Бумаги XXII тома
извлечены проф. Германомъ изъ бер-
линскаго секретнаго государственного ар-
хива; впрочемъ, на нихъ было обращено
уже вниманіе въ изданіяхъ Курда-фонъ-
Шлецера, Шинкта, Л. Гейсера и М. Дук-
кера, которымъ необходимо иметь въ виду
при пользованіи означенными материалами.

Собрание трактатовъ и конвен-
цій, заключенныхъ съ иностранн-
ыми державами. Составилъ Ф. Мар-
тенсъ. Т. IV. Ч. I. Трактаты съ Австрією.
1815—1849. Спб. 1878. XVIII + 601.
Ц. З р.

Издание это продолжается въ прежнемъ
направленіи. Акты, собранные издателемъ,
сопровождаются обыкновенно весьма по-
дробными объяснительными статьями и ис-
торическими очерками дипломатическихъ
отношеній, составляющими прекрасный
материалъ для исторіи дипломатіи Россіи
независимо отъ самаго актовъ. Въ IV
томѣ собрано такихъ данныхъ даже го-
раздо болѣе чѣмъ въ трехъ предыдущихъ.
Изъ новыхъ документовъ здѣсь помѣщены:
марковская конвенція 1833 г. (№ 134) от-
носительно политики трехъ європейскихъ дер-
жавъ въ балтийскомъ вопросѣ; мюнхен-
грецкая конвенція 1833 г. (№ 135), ха-
сающейся Восточного вопроса и предста-
вляющей въ иномъ свѣтѣ отношеніе Россіи
и Австріи къ этому вопросу, чѣмъ
утверждалъ Шальмерстоѣ; впервые же
помѣщены въ актѣ 1846 г. о присоединеніи
Краковской республики къ Австріи (№ 141).

Вообще, кроме нѣсколькихъ дополни-
тельныхъ материаловъ въ акту Священ-
наго союза, этотъ томъ проливаетъ свѣтъ
на дѣятельность Россіи по Восточному во-
просу въ періодъ 1821—1841 гг., по устрой-
ству Польши и по вопросамъ внутренней
политики.

Въ заключеніе сказа повторимъ наше
желаніе, чтобы, по крайней мѣре, въ концѣ
послѣдней части этой серии документовъ,
были приложены указатели. В. И.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1879 г.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большия тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписька принимается для городскихъ подпischиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старинѣ“, на Невскомъ проплѣтѣ, противъ Гостиаго двора, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова**, д. № 46. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьевъ**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событияхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—III. Историческіе материалы изъ архивовъ и частныхъ собраний.—IV. Жизнеописанія и новые материалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусства и материалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—VI. Библіографическія замѣтки о рус.-исторической литературѣ.—VII. Историческіе разсказы, преданія и анекдоты.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русского общества прошлаго времени.

VIII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни.—Стихи и пѣсни духовные и сектанскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ и повѣрьяхъ русскаго народа.

IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн. съ портретами, 8 руб.

„Русская Старина“ 1876 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.

„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.

„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.